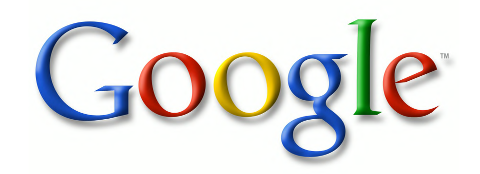
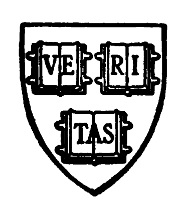







VE RI
TAS



М. Ю. Лермонтовъ

1840 г.

Съ карандашнаго портрета, сдѣланнаго барон. Паленомъ при переправѣ черезъ р. Сулакъ за нѣсколько дней до битвы подъ Валерикомъ.

Типо-литогр. Рихтеръ.

СОЧИНЕНІЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ В. Ѳ. РИХТЕРА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Пав. Ал. Висковатова

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

П Р О З А.

(1828—1841).

МОСКВА.
Типо-литографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, домъ Талалаевой.
1891.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Горбачъ Вадимъ . . . .

Княгиня Лиговская. 118

Герой нашего времени 187

Бэла 189

Максимъ Максимычъ 225

Тамань 237

Княжна Мери 249

Фаталистъ. 329

Ашикъ Керибъ Турецкая сказка. 340

Двѣ неоконченныя повѣсти 349

Отрывокъ I Лугинъ . . . . —

Отрывокъ II 365

Письма . . . . 373—434

Шанъ-Гирей М. Ак. 4 письма . . . . стр. 373—377

Поливанову Н. И. 377

Бахметевой С. Ал. 3 письма . . . . 379—383

Лопухиной М. Ал. 9 писемъ стр. 383, 392, 395, 398, 400, 415, 417, 321.

Верещагиной А. М. 2 письма 389, 405

Раевскому С. А. 4 письма. . . . . . стр. 411, 413, 414, 440

Арсеньевой Е. А. 3 письма. . . . . . . стр. 412, 416, 429

Лопухину А. А. 4 письма . . . . стр. 424, 428, 430, 431

Опочинину Ѳ. К. 425

В. Кн. Михаилу Павловичу 427, 439

Бибикову 432

Краевскому А. А. 440

Приложеніе.

Панорама Москвы 435

Сюжетъ ненаписанной повѣсти 438

ПРОЗА.

[Печатаемая ниже повѣсть писана Лермонтовымъ въ годы пребыванія его въ Московскомъ университетѣ; основаніемъ для нея послужило пережитое самимъ поэтомъ, внѣшнею рамкою—событіе изъ временъ пугачевскаго бунта. Тѣ же внутреннія бури и страданія, которыя заставили Михаила Юрьевича взяться за «Демона», особенно въ первыхъ его очеркахъ, продиктовали и эту повѣсть. На нее, кажется, указываетъ приписка, которою прерывается начатой третій очеркъ «Демона»: «хотѣлъ описать эту поэму въ стихахъ, но нѣтъ, въ прозѣ лучше». Исторія несчастной любви молодого человѣка проглядываетъ и въ поэмахъ и драмахъ его, и только медленно и постепенно высвобождаетъ онъ свой художественный талантъ отъ оковъ, наложенныхъ субъективнымъ чувствомъ.—По поводу печатаемой ниже повѣсти Михаилъ Юрьевичъ пишетъ въ 1832 году [къ М. А. Лопухиной отъ 28 авг.]: «Пишу мало, читаю не болѣе; романъ мой становится произведеніемъ отчаянія: я перебралъ всю душу свою, добывая изъ нея все, что только способно обратиться въ ненависть, и въ безпорядкѣ излилъ это на бумагу». Можетъ быть эта напряженность душевнаго состоянія и была отчасти причиною, что повѣсть или, какъ самъ поэтъ ее называетъ, романъ остался неоконченнымъ. Напечатано произведеніе было въ первый разъ въ октябрьской книжкѣ Вѣстника Европы за 1873 г. подъ названіемъ «Юношеской повѣсти». Рукопись теперь находится въ Лермонтовскомъ музеѣ. Хотя обертка, испещренная рисунками поэта, существовала еще въ 1873 году, но заглавный листъ былъ утерянъ, и потому настоящее названіе повѣсти неизвѣстно. Однако г. Панафутинъ въ Пензѣ, доставившій и мнѣ и въ музей многія рукописи Лермонтова, которыя получилъ онъ отъ родственниковъ бабки поэта, утверждаетъ, что на заглавномъ листѣ, который еще помнитъ, стояло: «эпизодъ изъ Пугачевскаго бунта». Но и это собственно не можетъ считаться заголовкомъ. Отъ другихъ лицъ приходилось мнѣ слышать, что Лермонтовъ писалъ повѣсть, именовавшуюся то «Горбачемъ», то «Вадимомъ». Главное дѣйствующее лицо повѣсти и есть *Горбачъ-Вадимъ*. Сообразно этому мы и озаглавливаемъ ее, свѣривъ текстъ съ рукописью и пополнивъ пропуски, съ которыми печаталось произведеніе въ послѣднихъ изданіяхъ].

1831—1832

Горбачъ—Вадимъ.

Эпизодъ изъ пугачевскаго бунта.

[Юношеская повѣсть].

ГЛАВА I.

День угасалъ; лиловыя облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицахъ башенъ и яркихъ главахъ монастыря. Звонили къ вечернѣ; монахи и служки ходили взадъ и впередъ по каменнымъ

плитамъ, ведущимъ отъ кельи архимандрита въ храмъ; длинныя черныя мантіи съ шорохомъ обметали пыль вслѣдъ за ними; они толкали богомольцевъ съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто бы это была ихъ главная должность. Подъ дымной пеленою ладона трепещущій огонь свѣчей казался тусклымъ и краснымъ; богомольцы тѣснились вокругъ сырыхъ столбовъ; глухой, торжественный шорохъ толпы, повторяемый сводами, показывалъ, что служба еще не началась.

У воротъ монастырскихъ была другая картина: нѣсколько нищихъ и увѣчныхъ ожидали милости богомольцевъ; они спорили, бранились, дѣлили мѣдныя деньги, которыя звенѣли въ большихъ посконныхъ мѣшкахъ; это были люди, отвергнутые природой и обществомъ [только въ этомъ случаѣ общество согласно бываетъ съ природой]; это были люди, погибшіе отъ недостатка или излишества надеждъ, олицетворенные упреки провидѣнію, созданія, лишенныя права требовать сожалѣнія, потому что они не имѣли ни одной добродѣтели, и не имѣющія ни одной добродѣтели, потому что никогда не встрѣчали сожалѣнія.

Ихъ одежды были изображенія ихъ душъ: черныя, изорванныя. Лучи заката останавливались на головахъ, плечахъ и согнутыхъ костистыхъ колѣняхъ; углубленія въ лицахъ казались чернѣе обыкновеннаго; у каждаго на челѣ было написано вѣчными буквами: *нищета!* Хотя бы малѣйшій знакъ, малѣйшій остатокъ гордости отдѣлился въ глазахъ или въ улыбкѣ!

Въ толпѣ нищихъ былъ одинъ—онъ не вмѣшивался въ разговоръ ихъ и неподвижно смотрѣлъ на росписанныя святыя врата; онъ былъ горбатъ и кривоногъ, но члены его казались крѣпкими и привыкшими къ трудамъ этого позорнаго состоянія; лицо его было длинно, смугло; прямой носъ, курчавые волосы; широкій лобъ его былъ желтъ какъ лобъ ученаго, мраченъ какъ облако, покрывающее солнце въ день бури; синяя жила пересѣкала его неправильныя морщины; губы тонкія, блѣдныя были растягиваемы и сжимаемы какимъ-то судорожнымъ движеніемъ, и въ глазахъ блистала цѣлая будущность. Его товарищи не знали, кто онъ таковъ, но сила души обнаруживается вездѣ: они боялись его голоса и взгляда; они

уважали въ немъ какой-то величайшій порокъ, а не безграничное несчастіе; демона, но не человѣка. Онъ былъ безобразенъ, отвратителенъ, но не это пугало ихъ; въ его глазахъ было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смѣя вѣрить ихъ выраженію, уважали въ незнакомцѣ чудеснаго обманщика. Ему казалось не больше 28-ми лѣтъ; на лицѣ его постоянно отражалась насмѣшка, горькая, безконечная; волшебный кругъ, заключившій вселенную,—его душа еще не жила по настоящему, но собирала всѣ свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться въ вѣчность. Нищій стоялъ сложа руки и разсматривалъ дьявола, изображеннаго поблекшими красками на св. воротахъ, и внутренно сожалѣлъ объ немъ; онъ думалъ: «если бъ я былъ чортъ, то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ; стòятъ ли они, чтобъ ихъ соблазнялъ изгнанникъ рая, соперникъ Бога!... Другое дѣло человѣкъ; чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти».

И глаза его блистали подъ безпокойными бровями, и худыя щеки покрывались красными пятнами: все было согласно въ чертахъ нищаго, одна страсть владѣла его сердцемъ или, лучше, онъ владѣлъ одною страстью—но за то совершенно!

— Христа ради, баринъ, погорѣлымъ, калѣкамъ, слѣпому... Христа ради копеечку!—раздался крикъ его товарищей. Онъ вздрогнулъ, обернулся—и въ этотъ мигъ рѣшилась его участь. Что же увидалъ онъ? Русскаго дворянина Бориса Петровича Палицына, не больше.

ГЛАВА II.

Представьте себѣ мужчину лѣтъ 50-ти, высокаго, еще здороваго, но съ сѣдыми волосами и потухшимъ взоромъ, одѣтаго въ синее полукафтанье, съ анненскимъ крестомъ въ петлицѣ; ноги его, запрятанныя въ огромные сапоги, производили непріятный звукъ, ступая на пыльные камни; онъ шелъ съ важностью, размахивая руками, и наморщивалъ высокій лобъ всякій разъ, какъ докучливые нищіе обступали его; двое слугъ слѣдовали за нимъ съ подобострастіемъ. Палицынъ положилъ серебряный рубль въ кружку монастырскую и,

толкнувъ нищихъ, воскликнулъ: «прочь вы! лѣнтяи—экіе молодцы—а просятъ Христа ради; что вы не работаете? Дай Богъ, чтобъ пришло время, когда этихъ бродягъ безъ стыда будутъ морить съ голоду. Вотъ вамъ рубль на всю братію—только чуръ, не перекусайтесь за него».

Между тѣмъ горбатый нищій молча приблизился и устремилъ яркіе черные глаза на великодушнаго господина. Этотъ взоръ былъ остановившаяся молнія, и человѣкъ, подверженный его таинственному вліянію, долженъ былъ содрогнуться и не могъ отвѣчать ему тѣмъ же, какъ будто свинцовая печать тяготѣла на его вѣкахъ; если магнитизмъ существуетъ, то взглядъ нищаго былъ сильнѣйшій магнитизмъ.

Когда старый господинъ удалился отъ толпы, онъ поспѣшилъ догнать его.

Палицынъ обернулся. Что тебѣ надобно?

— Очень мало. Я хочу работы...

Съ язвительной усмѣшкой посмотрѣлъ старикъ на нищаго, на его горбъ и безобразныя ноги, но бѣднякъ нимало не смутился и остался хладнокровенъ, какъ Сократъ, когда жена вылила кувшинъ воды на его голову; но это не было хладнокровіе мудреца—нищій былъ скорѣе похожъ на дуэлиста, который увѣренъ въ мѣткости руки своей.

— Если ты, баринъ, думаешь, что я не могу перенесть труда, то я тебя успокою на этотъ счетъ.

Онъ поднялъ большой камень и началъ имъ играть какъ мячикомъ. Палицынъ изумился.

— Хочешь ли быть моимъ слугою?

Нищій нагнулся, въ одну минуту принялъ видъ смиренія и съ жаромъ поцѣловалъ руку своего новаго покровителя—изъ вольнаго онъ согласился быть рабомъ—ужели даромъ? и какая странная мысль принять имя раба за два мѣсяца до Пугачева.

— Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность,—воскликнулъ нищій, и адская радость вспыхнула на блѣдномъ лицѣ.

— Твое имя?

— Вадимъ.

— Прелестное имя для такого урода!

Слуги подхватили шутку барина и захохотали; нищій взглянулъ на нихъ съ презрѣніемъ, и неумѣстная веселость утихла; подлыя души завидуютъ всему, даже обидамъ, которыя показываютъ нѣкоторое вниманіе со стороны ихъ начальника.

— Слѣдуй за мноё! — сказалъ Палицынъ, и всѣ оставили монастырь. Часто Вадимъ оборачивался. На полусвѣтломъ небосклонѣ рисовались зубчатыя стѣны, башни и церковь плоскими черными городами, безъ всякихъ оттѣнковъ; но въ этомъ зрѣлищѣ было что-то величественное, заставляющее душу погружаться въ себя и думать о вѣчности, и думать о величіи земномъ и небесномъ, и тогда рождаются мысли мрачныя и чудесныя, какъ одинокій монастырь, неподвижный памятникъ слабости нѣкоторыхъ людей, которые не понимали, что гдѣ скрывается добродѣтель, тамъ можетъ скрываться и преступленіе.

ГЛАВА III.

Поздно, поздно вечеромъ пріѣхалъ Борисъ Петровичъ домой; собаки встрѣтили его громкимъ лаемъ, и только по свѣтящимся окнамъ можно было узнать строеніе; вѣтеръ, шумя, качалъ ветелки, насажденныя вокругъ господскаго двора, и когда топотъ конскій раздался, то слуги вышли съ фонарями, улыбаясь и внутренно проклиная барина, для котораго они покинули свои теплыя постели, а можетъ быть что-нибудь получше. Палицынъ вошелъ въ домъ; въ залѣ было темно, оконницы дрожали отъ вѣтра и сильнаго дождя; въ гостиной стояла свѣча; эта комната была совершенно отдѣлана во вкусѣ XVIII-го вѣка: разноцвѣтные обои; три круглые стола, передъ каждымъ небольшое канапе; глухая стѣна, находящаяся между двумя высокими печьми, на которыхъ стояли безобразныя статуйки, была вся измалевана; на ней изображался завядшими красками торжественный въѣздъ Петра I-го въ Москву послѣ Полтавы: эту картину можно бы назвать рисованной програмМой.

Передъ орѣховымъ гладкимъ столомъ сидѣла толстая женщина, зѣвая по сторонамъ, добрая женщина... Жирѣть, зѣ-

вать, бранить служанокъ, приказчика, старосту, мужа, когда онъ въ духѣ... какая завидная жизнь!... и все это продолжается сорокъ лѣтъ и продолжится еще столько же... и будутъ помнить ее и хвалить ея ангельскій нравъ и жалѣть... Чудо, что за жизнь! особливо какъ сравнишь съ нею наши... бури, поглощающія цѣлые годы, и что еще ужаснѣе, обрывающія чувства человѣка, какъ листья съ дерева, одно за другимъ.

На скамейкѣ, у ногъ Натальи Сергѣевны [такъ я назову жену Палицына] сидѣла молодая дѣвушка, ея воспитанница... это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человѣчествѣ. Сальная свѣча, горящая на столѣ, озаряла ея невинный открытый лобъ и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкій золотой пушокъ; остальная часть лица ея была покрыта густою тѣнью, и только, когда она поднимала большіе глаза свои, то иногда двѣ искры свѣта отдѣлялись въ темнотѣ; это лицо было одно изъ тѣхъ, какія мы видимъ во снѣ рѣдко, а наяву почти никогда. Ея грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь въ свою работу, и длинныя космы волосъ вырывались изъ-за ушей и падали на глаза; иногда выходила на свѣтъ бѣлая рука съ продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть цѣлою картиной!

Борисъ Петровичъ вошелъ; обѣ встали. — Я привезъ новаго холопа, — сказалъ онъ, — кладъ!... нищій, который захотѣлъ работать... онъ не долженъ быть слишкомъ боекъ... это видно по лицу... но за то будетъ послушенъ... вотъ ты увидишь сама... Эй, Вадимка!.. живо! — Вошелъ безобразный нищій. Госпожа осмотрѣла его безъ вниманія, какъ краденый товаръ... — Какой уродъ! — воскликнула она. Но Вадимъ не слыхалъ — его душа была въ глазахъ. Долго супругъ разговаривалъ съ супругой о жатвѣ, льнѣ и хозяйственныхъ дѣлахъ, и вовсе забыли о нищемъ; онъ цѣлый битый часъ простоялъ въ дверяхъ. Куда смотрѣлъ онъ? что думалъ? онъ открылъ новую струну въ душѣ своей и новую цѣль своему существованію; цѣлый часъ онъ простоялъ, никто не замѣтилъ; Наталья Сергѣевна ушла въ свою комнату, и тогда Палицынъ подошелъ къ ея воспитанницѣ

— Какъ тебѣ нравится мой новый холопъ?

— Уродъ! — отвѣчала Ольга, и вдругъ ей послышалось что-то похожее на скрежетъ зубовъ. — Охота привозить такихъ пугалъ, — продолжала она, — намъ бѣднымъ плѣннымъ птичкамъ и безъ нихъ худо...

— Отъ того худо, что ты не хочешь согласиться, — возразилъ Борисъ Петровичъ, и намѣревался ее обнять.

Ольга покраснѣла и оттолкнула его руку; это движеніе было слишкомъ благородно для женщины обыкновенной.

— Плутовка! если бы ты знала, какъ ты прекрасна: развѣ у стариковъ нѣтъ сердца, развѣ нѣтъ въ немъ уголка, гдѣ кровь кипитъ и клокочетъ? — А было бы тебѣ хорошо!... если бы — выслушай... у меня есть золотыя серьги съ крупнымъ жемчугомъ, персидскіе платки; у меня есть деньги, деньги, деньги...

— У васъ нѣтъ стыда! — отвѣчала Ольга. Палицынъ посмотрѣлъ на нее и вспыхнулъ, но услыхавъ шорохъ въ другой комнатѣ, погрозившись, ушелъ.

— Боже!... Это восклицаніе невольно вырвалось изъ ея груди; это была молитва и упрекъ.

Безобразный нищій все еще стоялъ въ дверяхъ, сложа руки, нѣмъ и недвижимъ — на его рѣсницахъ блеснула слеза: можетъ быть первая слеза — и слеза отчаянія!...

Такія слезы истощаютъ душу, отнимаютъ нѣсколько лѣтъ жизни, могутъ потопить въ одну минуту милліонъ сладкихъ надеждъ! Онѣ для одного человѣка, что былъ Наполеонъ для всей вселенной: въ десять лѣтъ онъ подвинулъ насъ цѣлымъ вѣкомъ впередъ.

— Знаешь ли ты своихъ родителей, Ольга? — сказалъ Вадимъ.

— Странный вопросъ... отвѣчала она.

— Знаешь ли ты ихъ? — повторилъ онъ такимъ голосомъ, который заставилъ ее содрогнуться; она посмотрѣла ему пристально въ глаза, какъ будто припоминая нѣчто давнее, давно прошедшее.

— Я сирота, мой отецъ меня оставилъ, когда я была ре-

бенкомъ — и отправился Богъ знаетъ куда—вѣрно очень далеко, потому что онъ не возвращался.

Чело Вадима омрачилось, и горькая язвительная улыбка придала чертамъ его, слабо озареннымъ догорающей свѣчей, что-то демонское.

— Хочешь ли знать, куда?

— Хочу,—и влажные глаза ея ярко заблистали.

— Подумай, я для тебя человѣкъ чужой... можетъ быть, я шучу, насмѣхаюсь... подумай: есть тайны, на днѣ которыхъ ядъ, тайны, которыя неразрывно связываютъ двѣ участи; есть люди, заражающіе своимъ дыханіемъ счастье другихъ: все, что ихъ любитъ и ненавидитъ, обречено погибели; берегись того и другого—узнавъ мою тайну, ты отдашь судьбу свою въ руки опаснаго человѣка: онъ не сумѣетъ лелѣять цвѣтокъ этотъ—онъ изомнетъ его...

— Хочу знать непремѣнно! — воскликнула неопытная дѣвушка.

Она посмотрѣла вокругъ—нищаго уже не было въ комнатѣ.

ГЛАВА IV.

Прошло двое сутокъ—Вадимъ еще не объявлялъ своей тайны... Ужели онъ только хотѣлъ подстрекнуть женское любопытство? Если такъ, то онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Подъ разными предлогами, пренебрегая гнѣвъ госпожи своей, Ольга отлучалась отъ скучной работы и старалась встрѣтить гдѣ-нибудь въ отдаленной пустой комнатѣ Вадима, и странно! она почти всегда находила его тамъ, гдѣ думала найти — и тогда просьбы, ласки, всѣ хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну; однако онъ былъ непреклоненъ, умѣлъ отвести разговоръ на другой предметъ, занималъ ее разными разсказами — но тайны не было. Она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать въ его сумрачную душу и замѣтила, что этотъ человѣкъ рожденъ не для рабства: и это заставило ее имѣть къ нему довѣренность; немудрено — власть разлучаетъ гордыя души, а неволя соединяетъ ихъ.

Однажды она взяла его за руку.

— Не правда ли, я очень безобразенъ?—воскликнулъ Вадимъ; она пустила его руку.—Да,—продолжалъ онъ,—я это знаю самъ. Небо не хотѣло, чтобъ меня кто-нибудь любилъ на свѣтѣ, потому что оно создало меня для ненависти. Завтра ты все узнаешь... на что мнѣ беречь тебя. О, если бъ... не укоряй за долгое молчаніе... быть можетъ, настанетъ время, и ты подумаешь: —зачѣмъ этотъ человѣкъ не родился нѣмымъ, слѣпымъ и глухимъ—если онъ могъ родиться кривобокимъ и горбатымъ?

Поведеніе Вадима съ прочими слугами было непонятно, потому что его цѣли никто не зналъ; я объясню его, сколько можно, слѣдующимъ разговоромъ. На крыльцѣ дома сидѣло двое слугъ, одинъ старый, другой лѣтъ двадцати; вотъ слова ихъ:

— Замѣть, Ѳедька, что кто изъ грязи вышелъ, тотъ лѣзетъ въ золото! Какъ этотъ Вадимка загордился—этакой уродъ, мнѣ никогда никакого уваженія не дѣлаетъ, когда самъ приказчикъ меня всегда отличаетъ; да и къ барину какъ умѣетъ подольститься: словно щенокъ!—Экой вѣкъ сталъ нехристіанскій...

— Не скажу, дядя Ипатъ!... онъ всегда со мной ласковъ, парень лихой; съ нимъ держи ухо востро: тотчасъ на удочку подцѣпитъ—вонъ напримѣръ вчера...

— Что вчера?...

— Я тебѣ разскажу эту штуку, дядя, слушай... Вчера баринъ разгнѣвался на Алешку Шушерина и приказалъ ему влѣпить 25 палокъ; повели Алешку на конюшню—самъ приказчикъ и сталъ его бить; 25 разъ ударилъ, да и говоритъ: это за барина—а вотъ за меня—и занесъ руку... Вадимъ все это время стоялъ поодаль, въ углу: брови его сходились и расходились... въ одинъ мигъ онъ подскочилъ къ приказчику и сшибъ его на землю однимъ ударомъ... на губахъ его клубилась пѣна отъ бѣшенства, онъ хотѣлъ что-то вымолвить—и не могъ.

— Жаль!—возразилъ старикъ,—не доживетъ этотъ человѣкъ до сѣдыхъ волосъ.—Онъ жалѣлъ отъ души, какъ могъ, какъ обыкновенно жалѣютъ старики о юношахъ, умирающихъ преждевременно, во цвѣтѣ жизни, которыхъ смерть забира-

етъ вмѣсто нихъ, какъ буря чаще ломаетъ тонкія высокія дерева и щадитъ пни столѣтніе.

Зачѣмъ Вадимъ старался пріобрѣсти любовь и довѣренность молодыхъ слугъ?—на это отвѣчаю: происшествія, мною описываемыя, случились за два мѣсяца до бунта Пугачевскаго.

Умы предчувствовали переворотъ и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами въ книгу мщенія, и только кровь ихъ могла смыть эти постыдныя лѣтописи. Люди, когда страдаютъ, обыкновенно покорны, но если разъ имъ удалось сбросить ношу свою, то ягненокъ превращается въ тигра, притѣсненный дѣлается притѣснителемъ и платитъ сторицею—и тогда горе побѣжденнымъ!...

Русскій народъ, этотъ сторукій исполинъ, скорѣе перенесетъ жестокость и надменность своего повелителя, чѣмъ слабость его; онъ желаетъ быть наказываемъ, но справедливо; онъ согласенъ служить, но хочетъ гордиться своимъ рабствомъ, хочетъ поднимать голову, чтобъ смотрѣть на своего господина, и проститъ ему скорѣе излишество пороковъ, чѣмъ недостатокъ добродѣтелей. Въ XVIII столѣтіи дворянство, потерявъ уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать, не умѣло перемѣнить поведенія: вотъ одна изъ тайныхъ причинъ, породившихъ Пугачевскій годъ!

ГЛАВА V.

Но обратимся къ нашему разсказу.

Домъ Бориса Петровича стоялъ на берегу Суры, на высокой горѣ, кончающейся къ рѣкѣ обрывомъ глинистаго цвѣта; кругомъ двора и вдоль по берегу построены избы дымныя, черныя, наклоненныя, вытягивающіяся въ линію по краямъ дороги, какъ нищіе, кланяющіеся прохожимъ; по ту сторону рѣки видны въ отдаленіи березовыя рощи и еще далѣе лѣсистые холмы съ чернѣющимися елями; налѣво низкій берегъ, усыпанный кустарникомъ, тянется гладкою покатостью, и далеко-далеко синѣютъ холмы, какъ волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крышѣ и въ стеклахъ золотыми переливами; раскрашенные рѣзные ставни, колеблемые вѣт-

ромъ, стучали и скрипѣли, качаясь на ржавыхъ петляхъ. Вокругъ стариннаго дома обходитъ деревянная рѣзной работы галлерейка, служащая вмѣсто балкона. Здѣсь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синія странствующія воды и барки съ бѣлыми парусами и разноцвѣтными флюгерами. Тамъ люди вольны, счастливы, каждый день видятъ новый берегъ — и новыя надежды; пѣсни крестьянъ, идущихъ съ сѣнокоса, отдаленный колокольчикъ часто развлекали ее вниманіе — кто ѣдетъ: купецъ, баринъ, почта?... но на что ей?... не все ли равно... а все-таки не худо бы узнать.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала изъ одной крайности въ другую: теперь, завернувшись въ черную бархатную шубейку, обшитую заячьимъ мѣхомъ, она трепеща отворяетъ дверь на галлерейку... чего тебѣ бояться, неопытная дѣвушка?... Борисъ Петровичъ уѣхалъ въ городъ, его жена въ монастырь слушать поученія монаховъ и новости изъ устъ богомолокъ, не менѣе ею уважаемыхъ.

Кто идетъ ей навстрѣчу? Это Вадимъ. Она вздрогнула; она поблѣднѣла, потому что настала роковая минута.

— Что съ тобою?—сказалъ онъ.

— Ничего...

— А! понимаю... онъ закусилъ губы... ты меня испугалась.

— Зачѣмъ мнѣ бояться тебя?—отвѣчала гордо Ольга.

— Тѣмъ лучше — продолжалъ онъ.—Это уже много значитъ—такъ я тебѣ не страшенъ, не отвратителенъ... о, мой Создатель! вотъ великое блаженство; право, мнѣ кажется это первое...

Онъ остановился.

— Послушай, что, если душа моя хуже моей наружности? но развѣ я виноватъ... я ничего не просилъ у людей, кромѣ хлѣба — они прибавили къ нему презрѣніе и насмѣшки... Я имѣлъ небо, землю и себя, я былъ богатъ всѣми чувствами... видѣлъ солнце и былъ доволенъ... но постепенно все исчезло: одна мысль, одно открытіе, одна капля яда — берегись этой мысли, Ольга.

— Для чего мы здѣсь?—спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Я здѣсь для того, чтобы тебя видѣть.

— А я совсѣмъ не для того...

— Опять, опять! —воскликнулъ Вадимъ. — Послушай, если хочешь чего-нибудь добиться отъ меня, то не намекай о моемъ безобразіи: я завистливъ, я золъ, я все, что ты хочешь... но пощади меня.

Онъ закрылъ лицо обѣими руками. Ей стало жалко: этотъ человѣкъ, одаренный величайшимъ самолюбіемъ, просилъ у нея, слабой дѣвушки, у нея, еще болѣе чѣмъ онъ беззащитной, сожалѣнія—или нѣтъ... меньше... онъ просилъ, чтобъ она его не оскорбляла.

Такія рѣчи иногда трогаютъ женское сердце.

Она прервала непріятное молчаніе. — Ты говоришь, Вадимъ, что знаешь, гдѣ мой отецъ?

Онъ задумался.

— Обѣщай никогда не укорять меня за то, что я тебѣ открылъ свою тайну.

— Никогда.

— Слушай же: твой отецъ былъ дворянинъ, богатъ, счастливъ—и подобно многимъ, кончилъ жизнь на соломѣ... Ты вздрогнула... но это еще ничего...

— О, если это ничего, то не продолжай!

— Нѣтъ, слушай: у него былъ добрый сосѣдъ, его другъ и пріятель, занимавшій первое мѣсто за столомъ его, товарищъ на охотѣ, ласкавшій дѣтей его,—сосѣдъ искренній, простосердечный, который всегда стоялъ съ нимъ рядомъ въ церкви, снабжалъ его деньгами въ случаѣ нужды, ручался за него своею головою—что жъ... развѣ этого не довольно для погибели человѣка? Погоди... не блѣднѣй... дай руку: огонь, текущій въ моихъ жилахъ, перельется въ тебя... слушай далѣе: однажды на охотѣ собака отца твоего обскакала собаку его друга; онъ посмѣялся надъ нимъ: съ этой минуты началась непримиримая вражда—5 лѣтъ спустя твой отецъ уже не смѣялся. Горе тому, кто наказалъ смѣхъ этотъ слезами!... Другъ твоего отца отрылъ старинную тяжбу о земляхъ и выигралъ ее, и отнялъ у него все имѣніе. Я видалъ отца тво-

его передъ кончиной... его сѣдая голова, неподвижная, сухая, подобная бѣлому камню, остановила на мнѣ пронзительный взоръ, гдѣ горѣла послѣдняя искра жизни и ненависти... и мнѣ она осталась въ наслѣдство, и его проклятіе живо, живо, и каждый годъ пускаетъ новыя отрасли, и каждый годъ все болѣе окружаетъ своею тѣнью семейство злодѣя... я не знаю, какимъ образомъ все это сдѣлалось... но кто, ты думаешь, кто этотъ нѣжный другъ?... Какъ, небо!... въ продолженіе 17-ти лѣтъ ни одинъ языкъ не шепнулъ ей: этотъ хлѣбъ купленъ цѣною крови — твоей — его крови! — и безъ меня, существа бѣднаго, у котораго вмѣсто души есть одно только ненасытимое чувство мщенія... безъ уродливаго нищаго, это невинное сердце билось бы для него одною благодарностью.

— Вадимъ, что сказалъ ты?

— Благодарность! — продолжалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ — благодарность: слово, изобрѣтенное для того, чтобъ обманывать честныхъ людей, слово, превращенное въ чувство! О, премудрость небесная! какъ легко тебѣ изъ ничего сдѣлать святѣйшее чувство! Нѣтъ, лучше издохнуть съ голода и жажды въ какой-нибудь—пустынѣ, чѣмъ быть орудіемъ безумца и лизать руку, кидающую мнѣ остатки мира... о, благодарность...

И онъ ходилъ взадъ и впередъ скорыми шагами, сжавъ крестомъ руки и, казалось, забылъ, что не сказалъ имени коварнаго злодѣя... и казалось, не замѣчалъ въ лицѣ несчастной дѣвушки страхъ неизвѣстности и ожиданія... Онъ былъ весь погребенъ самъ въ себѣ, въ могилѣ, откуда также никто не выходитъ... въ живой могилѣ, гдѣ также есть червь, грызущій вѣчно и вѣчно ненасытный.

Безобразныя черты Вадима чудесно оживились, геній блисталъ на челѣ его, и глаза, если бъ остановились въ эту минуту на человѣкѣ, то произвели бы дѣйствіе глазъ василиска, но они были обращены вверхъ!...

— Я отгадала! — воскликнула молодая дѣвушка, подойдя съ твердостію къ Вадиму: — я поняла тебя... это Борисъ Петровичъ...

Она въ самомъ дѣлѣ отгадала: великія души имѣютъ осо-

бенное преимущество понимать другъ друга; онѣ читаютъ въ сердцѣ подобныхъ себѣ, какъ въ книгѣ, имъ давно знакомой; у нихъ есть примѣты, имъ однимъ извѣстныя и темныя для толпы; одно слово въ устахъ ихъ иногда цѣлая повѣсть, цѣлая страсть со всѣми ея оттѣнками...

Палицынъ былъ тотъ самый ложный другъ, погубившій отца юной Ольги и взявшій къ себѣ дочь, ребенка 3-хъ лѣтъ, чтобы принудить къ молчанію нѣкоторыхъ дворянъ, осуждавшихъ его поступокъ; онъ воспиталъ ее какъ рабу и хвалился своею благотворительностью; десять лѣтъ тому назадъ онъ игралъ ея кудрями, забавлялся ея ребячествами, и теперь въ мысляхъ готовилъ ее для постыдныхъ удовольствій. Это было также мщеніе въ своемъ родѣ... кто бы подумалъ! столько страданій за то, что одна собака обогнала другую... какъ ничтожны люди!... какъ вѣрить общему мнѣнію! Палицынъ слылъ честнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околодкѣ, и точно! онъ погубилъ только одно семейство.

Я сказалъ, что великія души понимаютъ другъ друга, потому-то Вадимъ смотрѣлъ на нее безъ удивленія, но съ тайнымъ восторгомъ.

Она схватила его за руку и повлекла въ комнату, гдѣ хрустальная лампада горѣла передъ образами, и лучъ ея сливался съ лучемъ заходящаго солнца на золотыхъ окладахъ, усыпанныхъ жемчугомъ и каменьями. Передъ иконой Богоматери упала Ольга на колѣни; спина и плечи ея отдѣляемы были блѣднѣющимъ свѣтомъ зари отъ темныхъ стѣнъ, а красноватый блескъ дрожащей лампады озарялъ ея лицо вдохновенное, прекрасное, слишкомъ прекрасное для чувствъ, которыя бунтовали въ груди ея. Вадимъ не сводилъ глазъ съ этого неземного существа, какъ будто былъ счастливъ.

Ольга сорвала съ шеи богатое ожерелье и бросила его на землю.

— Такъ уничтожаю послѣдній остатокъ признательности... Боже! Боже! я невиновна... Ты, Ты самъ далъ мнѣ вольную душу, а онъ хотѣлъ сдѣлать меня рабой, своей рабой... Невозможно! невозможно женщинѣ любить за такое благодѣяніе... терпѣть, страдать я согласна... но не требуй болѣе

оже! Если бы Ты теперь мнѣ приказалъ почитать его своимъ лагодѣтелемъ — я и Тебя перестала бы любить... Моя жизнь, моя судьба принадлежитъ Тебѣ, Создатель, и кому Ты хоешь—но сердце въ моей власти...

Слезы покатились изъ глазъ ея; она склонила голову; рука я дрожала въ рукѣ Вадима...

— Я твой братъ!—воскликнулъ онъ внѣ себя.

Она обернулась, встала... какъ будто не поняла... какъ удто ужаснулась... руки ея опустились, какъ руки умершей, сомкнутыя уста удерживали дыханіе.

— Я твой братъ!—повторилъ онъ дрожащимъ, страшнымъ олосомъ.

Она молчала.

Вадимъ взглянулъ на нее въ послѣдній разъ, схватилъ себя а голову и вышелъ, но выходя остановился у двери... и въ родолженіе одной минуты онъ думалъ раздробить свою гоову объ косякъ... но эта безумная мысль скоро пролетѣла... нъ вышелъ.

— Братъ!—сказала Ольга, смотря ему во слѣдъ,—братъ!

И безъ силъ она упала на стулъ.

ГЛАВА VI.

Борисъ Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ горачемъ [такъ въ домѣ называли Вадима]. Горбачъ вездѣ почти лѣдовалъ за нимъ; на охоту, въ поле, на пашню, исполнялъ о малѣйшія желанія, предугадывалъ ихъ. Однимъ словомъ лалъ все, чѣмъ могъ пріобрѣсти довѣренность, и если ему авалось, то неизъяснимая радость процвѣтала на этомъ суовомъ лицѣ, которое выражало всѣ чувства, всѣ, кромѣ одно, любимаго, сокровища, хранимаго на черный день. Если Боисъ Петровичъ хотѣлъ наказать кого-нибудь изъ слугъ, то адимъ намекалъ ему всегда, что есть наказанія, которыя жеоче, и что вина гораздо больше, нежели Палицынъ вообраалъ; — а когда недосказанный совѣтъ его былъ исполненъ, хитрый совѣтникъ старался возбудить неудовольствіе двор, — взглядомъ, движеніями помогалъ имъ осуждать госпоа. Но никогда ничего не говорилъ такого, что бы могло

быть пересказано ко вреду его — къ неудовольствію рабов или помѣщика. Онъ былъ враждебный геній этого дома.

Однажды, не знаю зачѣмъ, Палицынъ велѣлъ его позват искали горбача—не нашли. Такъ это и осталось...

День былъ жаркій, серебряныя облака тяжелѣли ежечасн и синія, покрытыя туманомъ, уже показывались на дальнем небосклонѣ. На берегу рѣки была развалившаяся баня, вры тая въ гору и обсаженная высокими кустами кудрявой ряб ны; около нея валялись груды кирпичей, между коими выр стала высокая трава и желтые цвѣты на длинныхъ стебел кахъ. Тутъ сидѣлъ Вадимъ; одинъ, облокотясь на свои колѣн и поддерживая голову обѣими руками, онъ размышлялъ; тѣн рябиновыхъ листьевъ рисовались на лицѣ его непостоянны ми арабесками и придавали ему видъ таинственный; золото лучъ солнца, скользнувъ мимо соломенной крыши, упадалъ его колѣнко и Вадимъ, казалось, любовался воздушной пля кой пылинокъ, которыя кружились и подымались къ солнцу

Вчера онъ открылся Ольгѣ; наконецъ онъ нашелъ ее, о встрѣтился съ сестрой своей, которую оставилъ въ колыбе ли, наконецъ... О! чудна природа... далеко ли отъ брата сестры? А какое различіе! Эти ангельскія черты, эта демо ская наружность... впрочемъ, развѣ ангелъ и демонъ проиэ шли не отъ одного начала?...

Однако Вадимъ замѣтилъ въ ней семейственную гордост сходство съ его душой, которое обѣщало ему много... о щало со временемъ и любовь ея... эта надежда была для н нѣчто новое; онъ хотѣлъ ею завладѣть, онъ боялся разстат съ нею на одно мгновеніе — и вотъ зачѣмъ онъ удалился уединенное мѣсто, гдѣ плескъ волны не могъ развлечь ду его. Онъ не зналъ, что есть цвѣты, которые, чѣмъ болѣе ними ухаживаютъ, тѣмъ менѣе отвѣчаютъ стараніямъ сад ника; онъ не зналъ, что, слишкомъ привязавшись къ меч мы теряемъ существенность, а въ его существенности б одно мщеніе.

Постепенно мысли его становились туманнѣе, и онъ, по сонный, легъ на траву — и нечаянно взоръ его упалъ на ловый колокольчикъ, надъ которымъ вились двѣ бабочки,

сѣрая съ черными крапинками, другая испещренная всѣми красками радуги, какъ будто воздушный цвѣтокъ или рубинъ съ изумрудными крыльями, отдѣланный въ золото и оживленный какою-нибудь волшебницею. Оба мотылька старались сѣсть на лиловый колокольчикъ и мѣшали другъ другу, и когда одинъ былъ близко, то вѣтеръ относилъ его прочь; наконецъ разноцвѣтный мотылекъ остался побѣдителемъ, усѣлся и спрятался въ лепесткахъ; напрасно другой кружился надъ нимъ... онъ былъ принужденъ удалиться... У Вадима былъ прутикъ въ рукѣ; онъ ударилъ по цвѣтку и убилъ счастливое насѣкомое... и съ какимъ-то восторгомъ наблюдалъ его послѣдній трепетъ!...

И Богъ знаетъ, отчего въ эту минуту онъ вспомнилъ свою молодость, и отца, и домъ родной, и высокія качели, и прудъ, обсаженный ветлами... все, все... и отецъ его представился его воображенію таковъ, какимъ онъ возвратился изъ Москвы, потерявъ свое дѣло и принужденный продать все, что у него осталось, дабы заплатить стряпчимъ и суду... И потомъ онъ видѣлъ его, лежащаго на жесткой постели въ домѣ бѣднаго сосѣда... казалось, слышалъ его тяжелое дыханіе и слова:— отомсти, сынъ мой, извергу, чтобъ никто изъ его семьи не порадовался краденымъ кускомъ!—И вспомнилъ Вадимъ его похороны: необитый гробъ, поставленный на телѣгѣ, качался при каждомъ толчкѣ; онъ съ образомъ шелъ впередъ... дьячекъ и священникъ сзади; они пѣли дрожащимъ голосомъ... прохожіе снимали шляпы... вотъ стали опускать въ могилу, канатъ заскрипѣлъ, пыль взвилась...

Кровь кинулась Вадиму въ голову, онъ шопотомъ повторилъ роковую клятву и обдумывалъ исполненіе; онъ готовъ былъ ждать... онъ готовъ былъ все выносить... но сестра!... или... о! тогда и она поможетъ ему... И безъ трепета онъ принялъ эту мысль; онъ рѣшился завлечь ее въ свои замыслы, сдѣлать ее орудіемъ... рѣшился погубить невинное сердце, которое больше чувствовало, нежели понимало: странно! онъ любилъ ее—или не почиталъ ли онъ ненависть добродѣтелью?

Вдругъ надъ нимъ раздался свистъ арапника, и онъ почувствовалъ сильную боль во всей рукѣ своей; какъ тигръ

вскочилъ Вадимъ... передъ нимъ стоялъ Борисъ Петровичъ и осыпалъ его ругательствами.

Кланяясь слушалъ онъ и съ покорнымъ видомъ послѣдовалъ за Палицынымъ въ домъ, гдѣ слуги встрѣтили его съ насмѣшливыми улыбками, которыя говорили: пришелъ и твой чередъ.

Съ этихъ поръ Вадимъ ни разу не забывалъ своей должности.

ГЛАВА VII.

Подъ вечеръ пріѣхали гости къ Палицыну; Наталья Сергѣевна разрядилась въ фижмы и парчевое платье, распудрилась и разрумянилась; столъ въ гостиной уставили вареньями, ягодами сушеными и свѣжими; Геннадій Васильичъ Горинкинъ, богатый сосѣдъ, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, и хозяйка поминутно подносила ему тарелки со сластями; онъ бралъ изъ каждой понемножку и важно обтиралъ себѣ губы. Онъ былъ высокаго роста, бѣлокуръ, и вообще довольно ловокъ для деревенскаго жителя того вѣка; и это потому, быть можетъ, что онъ служилъ въ лейбъ-кампанцахъ; 25-ти лѣтъ вышедъ въ отставку, онъ женился и нажилъ себѣ двухъ дочерей и одного сына. Борисъ Петровичъ занималъ его разговорами о хозяйствѣ, о Москвѣ, и проч., бранилъ новое, хвалилъ старое, какъ всѣ старики, ибо вообще если человѣкъ самъ сталъ хуже, то все ему хуже кажется. Поздно вечеромъ истощивъ разговоръ, они не знали что начать, зѣвали въ руку вертѣлись на мѣстахъ, смотрѣли по сторонамъ; но заботливый хозяинъ тотчасъ нашелся.

— Малый! Египетскаго! —закричалъ онъ, въ восторгѣ отъ своей мысли. Принесли двѣ фляги и двѣ большія серебряныя кружки, начали пить, потомъ спорить, хохотать и цѣловаться; щеки ихъ разгорѣлись, и воображеніе, охлажденное годами, закипѣло.

— Потѣшить ли тебя, сосѣдъ любезный! — воскликнулъ Палицынъ.

— А что?

— Да ужъ то, что твоей милости и въ голову не придетъ

любишь ли ты пляску?... а у меня есть дѣвочка — чудо... а какъ пляшетъ!... жжетъ, а не пляшетъ!... Я не монахъ, и ты не монахъ, Васильичъ...

— Избави Христосъ...

— И точно такъ!

— Ну, что же?

— Да ужъ то!... мать моя, женушка, Наталья Сергѣевна, — вели Оленькѣ принарядиться въ шелковый святочный сарафанъ, да выйти поплясать, а другихъ пришли пѣть, да пѣсельниковъ-то намъ побольше, знаешь, чтобъ лихо...

Онъ захохоталъ, самъ вѣрно не зная чему, и началъ потирать руки, заранѣе наслаждаясь успѣхомъ своей выдумки; этотъ человѣкъ, обыкновенно довольно угрюмый, теперь былъ совершенный ребенокъ.

Наталья Сергѣевна приказала сбираться пѣсельникамъ, и сама вышла искать Ольгу.

Гдѣ была Ольга?

Въ темномъ углу своей комнаты, она лежала на сундукѣ, положивъ подъ голову свернутую шубу. Она не спала, она еще не опомнилась отъ вчерашняго вечера, укоряла себя за то, что слишкомъ неласково обошлась съ своимъ братомъ... но Вадимъ такъ ужаснулъ ее въ тотъ мигъ! Она думала цѣлый день итти къ нему сказать, что она точно достойна быть его сестрой и не обвиняетъ за излишнюю ненависть, что оправдываетъ его поступокъ и удивляется чудесной смѣлости его.

Со свѣчой въ рукѣ вошла Наталья Сергѣевна въ маленькую комнату, гдѣ лежала Ольга; стѣны озарились, увѣшанныя платьями и шубами, и тѣнь отъ толстой госпожи упала на столикъ, покрытый пестрымъ платкомъ; въ этой комнатѣ протекала половина жизни молодой дѣвушки прекрасной, пылкой... Здѣсь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые, снились большіе города съ каменными домами и златоглавыми церквами; здѣсь, когда зимой шумѣла метелица и снѣгъ бѣлыми клоками упадалъ на тусклое окно и собирался передъ нимъ въ высокій сугробъ, она любила смотрѣть, завернутая въ теплую шубейку, на бѣлыя степи, сѣрое небо и ветлы, обвѣшанныя инеемъ и колеблемыя взадъ и впередъ,

и тайныя, неизъяснимыя желанія, какія бываютъ у дѣвушки въ семнадцать лѣтъ, волновали кровь ея, и досада заставляла плакать, вырывала иголку изъ рукъ...

— Вставай, Ольга!—закричала Наталья Сергѣевна, сердито толкнувъ ее.

Ольга вскочила и зажмурилась, встрѣтивъ свѣчу прямо передъ глазами.

— Что, спала, лѣнивая?

— У меня голова болитъ.

— Вздоръ! дѣвчонка молодая... и смѣетъ голова болѣть... Просто лѣнь... ужъ такъ бы и говорила... а то еще лжетъ... отвѣчай: спала, лѣнтяйка?

— Я никогда не лгу.

— Какъ! еще смѣетъ отвѣчать, когда я говорю... спорить... ахъ, грубьянка! Да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя отъ нищаго отца-негодяя взяла на свои руки... неблагодарная! Нѣтъ! этотъ народъ никогда не чувствуетъ благодѣяній! какъ волка ни корми, а все въ лѣсъ глядитъ... Да не смѣй строить рожъ, когда я браню тебя! стой прямо и не морщись—ты забываешь, кто я?

Ольга хотѣла что-то сказать, но удержалась; презрѣніе изобразилось на лицѣ ея; мрачный пламень, пробужденный въ глазахъ, потерялся въ опущенныхъ рѣсницахъ; она стояла, опустивъ руки, съ колеблющеюся грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обиднымъ изреченіямъ, которыя разсердили, испугали бы другую...

— Поди, надѣнь шелковый сарафанъ и выходи плясать... чтобъ голова не болѣла... слышишь... скорѣй же! да не больно финти передъ Борисомъ Петровичемъ... а не то я тебѣ дамъ знать!... вѣдь вы всѣ рады заманить барскую милость... берегись...

Ольга молчала — но вся вспыхнула... и если бъ Наталья Сергѣевна не удалилась, то она не вытерпѣла бы долѣе; слезы хотѣли брызнуть изъ глазъ ея, но женщина иногда умѣетъ остановить слезы... Какъ! ее подозрѣваютъ, упрекаютъ? и въ чемъ?... о!... гдѣ ея братъ! пускай придетъ онъ и выслушаетъ ея клятву: помогать ему во всемъ, что дышетъ местію

и разрушеніемъ, пускай посвятитъ онъ ее въ это грозное таинство — она готова!

Теперь она будетъ умѣть отвѣчать Вадиму, теперь глаза ея вынесутъ его испытывающіе взгляды, теперь горькая улыбка не уничтожитъ ея твердости;—эта улыбка имѣла въ себѣ что-то неземное: она вырывала изъ души каждое благочестивое помышленіе, каждое желаніе, гдѣ таилась искра добра, искра любви къ человѣчеству; встрѣтивъ ее, невозможно было устоять въ своемъ намѣреніи, какое бы оно ни было; въ ней было больше зла, чѣмъ люди понимать способны.

Ольгу ждутъ въ гостиной; Борисъ Петровичъ сердится; его гость поминутно наливаетъ себѣ кружку и затягиваетъ плясовую пѣсню. Наконецъ, она вошла въ малиновомъ сарафанѣ, съ богатой повязкой; ея темная коса упадала между плечами до половины спины; круглота, бѣлизна ея шеи были удивительны, а маленькая ножка, показываясь по временамъ, обѣщала тайныя совершенства, которыхъ ищутъ молодые люди, глядя на женщину, какъ на орудіе своихъ удовольствій; впрочемъ, маленькая ножка имѣетъ еще другое значеніе, которое я бы открылъ вамъ, если бъ не боялся слишкомъ удалиться отъ своего разсказа.

Она вошла и встрѣтила пьяные глаза, дерзко разбирающіе ея прелести, но она не смутилась, не покраснѣла; тусклая блѣдность ея лица изобличала совершенное отсутствіе безпокойства, совершенную преданность судьбѣ; въ этотъ мигъ она жила половиною своей жизни; она походила на испорченный органъ, который не играетъ ни начало, ни конецъ прекрасной пѣсни...

Хоръ затянулъ плясовую.—Начинай же, Оленька!—закричалъ Палицынъ,—не стыдись!—Она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будетъ плясать передъ убійцею отца своего. Эта мысль, какъ молнія, ворвалась въ ея душу и озарила тамъ слѣды минувшаго и всѣ обиды, всѣ несправедливости, угнетенія рабства; однимъ словомъ, жизнь ея встала передъ ней, какъ остовъ изъ гроба своего, и она почувствовала его упрекъ.

Если бъ можно было изобразить страданіе этого нѣжнаго

существа, то трудно бы вы повѣрили, что она не лишилась разсудка, потому что ея рѣсницы были сухи, и сжатыя дрожащія губы не пропустили ни одного вздоха.—Что же! красотка моя, начинай! не бось! ты такъ хороша сегодня!—кричали оба помѣщика.

Что за лестное поощреніе! не правда ли?

Ольга окинула взоромъ всю комнату, надѣясь уловить хотя одно сожалѣніе... неумѣстная надежда! подлая покорность, глупая улыбка встрѣтила ее со всѣхъ сторонъ... рабы не сожалѣли объ ней — они завидовали. Пускай завидуютъ, подумала Ольга, это будетъ имъ наказаніе.

Она начала плясать.

Движенія Ольги были плавны, небрежны, даже можно было замѣтить въ нихъ нѣкоторую принужденность, ей несвойственную, но скоро она забылась, и тогда душевная буря вылилась наружу. Какъ поэтъ, въ минуту вдохновеннаго страданія бросая божественные стихи на бумагу, не чувствуетъ, не помнитъ ихъ, такъ и она не знала, что дѣлала, не заботилась о приличіи своихъ движеній, и потому-то они обворожили всѣхъ зрителей; это было не искусство, но страсть.

И вдругъ она остановилась, опомнилась, опустила пылающіе глаза; голова ея кружилась; всѣ предметы прыгали передъ нею, громкіе напѣвы слились для нея въ одинъ звукъ, нестройный, но рѣшительный, въ одинъ звукъ воспоминанія...

Она посмотрѣла вокругъ, ужаснулась,... махнула рукой и выбѣжала...

Борисъ Петровичъ всталъ и, качаясь на ногахъ, послѣдовалъ за нею; раскаленныя щеки его обнаруживали преступное желаніе, и съ дрожащихъ губъ срывались несвязныя слова, но слишкомъ ясныя для окружающихъ.

Дверь въ комнату Ольги была затворена; онъ дернулъ и крючекъ разскочился. Она стояла на колѣняхъ, закрывъ лицо руками и положивъ голову на кровать; она не слыхала какъ онъ вошелъ, потому что произнесла слѣдующія слова:—отецъ мой! не вини меня...

— Теперь ты не вывернешься!—воскликнулъ захохотавши

Борисъ Петровичъ. — Я человѣкъ добрый — и ты человѣкъ добрый... слѣдовательно...

Она вскочила, и устремивъ на него мутный взоръ, казалось не понимала этихъ словъ; онъ взялъ ее за руку; она хотѣла вырваться—не могла; сѣвъ на постель, онъ притянулъ ее къ себѣ и началъ цѣловать въ шею и грудь; у нея не было силъ защищаться; отвернувъ лицо, она предавалась его буйнымъ ласкамъ — и еще нѣсколько минутъ, она бы погибла...

Но вдругъ раздался шумъ, и вбѣжала хозяйка; между достойными супругами начался крикъ, споръ... однако Натальѣ Сергѣевнѣ, благодаря виннымъ парамъ, удалось вывести мужа. Долго еще слышенъ былъ хриплый басъ его и пронзительный дискантъ Натальи Сергѣевны; наконецъ все утихло, и Ольга тогда только увѣрилась, что всѣ ее оставили

Она слышала, какъ стучало ея испуганное сердце и чувствовала странную боль въ шеѣ; бѣдная дѣвушка!... немного повыше круглаго плеча ея виднѣлось красное пятно, оставленное губами пьянаго старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось отъ его поцѣлуевъ!... Всталъ мѣсяцъ, скользя вдоль стѣны, его лучъ пробрался въ тѣсную комнату, и крестообразныя рамы окна отдѣлились на блѣдномъ полу... и этотъ лучъ упалъ на лицо Ольги, но ничего не прибавилъ къ ея блѣдности, и красное пятно не могло утонуть въ его сіяніи. Въ это время на стѣнныхъ часахъ въ пріемной пробило одиннадцать.

ГЛАВА VIII.

Гдѣ скрывался Вадимъ весь этотъ вечеръ?... На темномъ чердакѣ, простертый на соломѣ, лицомъ кверху, сложивъ руки, онъ уносился мыслію въ вѣчность — ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода. Онъ былъ духъ, отчужденный отъ всего живущаго, духъ всемогущій, не желающій, не сожалѣющій ни объ чемъ, завладѣвшій прошедшимъ и будущимъ, которое представлялось ему пестрой картиной, гдѣ онъ находилъ много смѣшного и ничего жалкаго. Его душа расширялась, хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потомъ сокрушить ее. Если это было желаніе безумца, то не

крайней мѣрѣ великаго безумца. Что такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся, удаляясь другъ отъ друга.

Чудные звуки разрушили мечтанія Вадима: то были отрывистые звуки плясовой пѣсни, смѣшанные съ порывами сѣвернаго вѣтра; Вадимъ привсталъ; луна ударяла прямо въ слуховое окно, и свѣтъ ея, захватывая нѣсколько измятыхъ соломенокъ, упадалъ на противную стѣну, такъ что Вадимъ легко могъ разсмотрѣть на ней всѣ скважины, каждый клочекъ моха, высунувшійся между брусьями. Долго онъ не сводилъ глазъ съ этой стѣны, долго внималъ звукамъ отдаленной пѣсни—наконецъ они умолкли, облако набѣжало на полный мѣсяцъ... Вадимъ упалъ на постель свою, и безотчетное страданіе овладѣло имъ; онъ ломалъ руки, вздыхалъ, скрежеталъ зубами... неизвѣстный огонь бѣжалъ по его жиламъ, черепъ готовъ былъ треснуть... о! давно ли ему было довольно одной ненависти!

Маленькая дверь скрыпнула и отворилась; ему послышался легкій шумъ шаговъ.

— Братъ!—сказалъ кто-то очень тихо.

Вадимъ затрепеталъ. Между тѣмъ облако пробѣжало, и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги; она стояла близъ него на колѣняхъ.

— Все понимаю, — воскликнулъ онъ, прочитавши въ ея взорѣ ужасное безпокойство.

— Точно? — отвѣчала Ольга измѣнившимся голосомъ:— точно? Я пришла тебя обрадовать, другъ мой!

Другъ мой! Впервые существо земное такъ называло Вадима; онъ не могъ разомъ обнять все это блаженство; какъ безумный схватилъ онъ себя за голову, чтобы увѣриться въ томъ, что это не обманъ сновидѣнія; улыбка остановилась на устахъ его, и душа его, обогащенная цѣлымъ чувствомъ, сдѣлалась подобна временщику, который, получивъ милліонъ и не умѣя употребить его, прячетъ въ желѣзный сундукъ и стережетъ свое сокровище до конца жизни.

Эти два слова такъ сильно врѣзались въ его душу, что нѣ-

сколько дней спустя, когда онъ говорилъ съ самимъ собою, то не могъ удержаться, чтобъ не сказать: другъ мой...

Если мнѣ скажутъ, что нельзя любить сестру такъ пылко— вотъ мой отвѣтъ: любовь — вездѣ любовь, т. е. самозабвеніе, сумасшествіе, назовите какъ вамъ угодно; и человѣкъ, который ненавидитъ все и любитъ единое существо въ мірѣ, кто бы оно ни было: мать, сестра или дочь, его любовь сильнѣе всѣхъ вашихъ произвольныхъ страстей; его любовь сама по себѣ, въ крови, чужда всякаго тщеславія... но если къ ней примѣшается воображеніе, то горе несчастному!— По какой-то чудной противоположности, самое святое чувство ведетъ тогда къ величайшимъ злодѣйствамъ; это чувство, наконецъ, дѣлается такъ велико, что сердце человѣка умѣстить въ себѣ его не можетъ и должно погибнуть, разорваться или однимъ ударомъ сокрушить кумиръ свой; но часто самолюбіе беретъ перевѣсъ, и божество падаетъ передъ смертнымъ.

— Братъ! слушай!—продолжала Ольга,—я все обдумала, и рѣшилась сдѣлать первый шагъ на пути, по которому ни тебѣ ни мнѣ не возвратиться... все равно... они всѣ ведутъ къ смерти, но я не позволю низкому, бездушному человѣку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сдѣлать; сегодня я перенесла обиду, за которую хочу, должна отомстить... Братъ! не отвергай моей клятвы... если ты ее отвергнешь, то берегись... я сказала, что не перенесу этого... ты будешь добръ для меня, ты примешь мою ненависть, какъ дитя мое; станешь лелѣять его, пока оно выростетъ и созрѣетъ и смоетъ мой позоръ страданіями и кровью... да, позоръ... онъ, убійца, обнималъ, цѣловалъ меня... хотѣлъ... не правда ли, ты готовишь ему ужасную казнь...

Вадимъ дико захохоталъ и, стараясь умолкнуть, укусилъ нижнюю губу свою такъ крѣпко, что кровь потекла; онъ похожъ былъ въ это мгновенье на вампира, глядящаго на издыхающую жертву.

— Клянусь этимъ Богомъ, который создалъ насъ несчастными, клянусь Его святыми таинствами, Его крестомъ спасительнымъ — во всемъ, во всемъ тебѣ повиноваться. — Я

знаю, Вадимъ, твой ударъ не будетъ слабъ и невѣренъ, если я сдѣлаюсь орудіемъ руки твоей... о! ты великій человѣкъ!

— Да, теперь, потому что ты меня любишь.

Она ничего не отвѣчала.

— Успокойся, опомнись,—сказалъ Вадимъ,—ты меня еще не знаешь, но я тебѣ открою мои мысли, разверну все мое существованіе, и ты его поймешь... Передъ тобой я могу обнажить странную душу мою... ты не слабый челнокъ, неспособный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугаютъ; ты рождена посреди этой стихіи, ты не утонешь въ ея безконечности.

Помню, какъ послѣ смерти отца, я покидалъ тебя, ребенка въ колыбели, тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы, — а въ моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная—ты протянула ко мнѣ свои рученки, улыбалась... будто просила о защитѣ... а я не имѣлъ своего куска хлѣба.

Меня взяли въ монастырь, изъ состраданія, кормили, потому что я былъ не собака, и нельзя было меня утопить; въ стѣнахъ обители я провелъ мои лучшіе годы, въ душныхъ стѣнахъ, оглушаемый звономъ колоколовъ, пѣніемъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья и потому думающихъ быть ближе къ небесамъ, притѣсняемый за то, что я обиженъ природой... что я безобразенъ. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразіе, будто бы Онъ хотѣлъ этимъ средствомъ удалить меня отъ шумнаго міра, отъ грѣховъ... Молиться!... у меня въ сердцѣ были одни проклятія. Часто вечеромъ, когда розовые лучи заходящаго солнца играли на главахъ церкви и мѣдныхъ колоколахъ, я выходилъ изъ святыхъ вратъ, и съ холма, гдѣ стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою—она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображеніе къ себѣ на воздушныя крылья, но насмѣшливый голосъ шепталъ мнѣ: ты способенъ обнять своею мыслію все сотворенное; ты могъ бы силою души разрушить естественный порядокъ и возстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда, довольно тебѣ знать, что ты можешь это сдѣлать...

Никто въ монастырѣ не искалъ моей дружбы, моего со-

общества; я былъ одинъ, всегда одинъ; когда я плакалъ—смѣялись, потому что люди не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ. Всѣ монахи, которыхъ я зналъ, были обыкновенныя, полудобрыя существа, глупыя отъ рожденія или отъ старости, неспособныя ни къ чему, кромѣ соблюденія постовъ. Я желалъ возненавидѣть человѣчество и поневолѣ сталъ презирать его; душа ссыхалась, ей нужна была свобода, степь, открытое небо... Ужасно сидѣть въ бѣлой клѣткѣ изъ кирпичей и судить о зимѣ и веснѣ, по узкой тропинкѣ, ведущей изъ келій въ церковь; не видать ясное солнце иначе, какъ сквозь длинное рѣшетчатое окно, и не смѣть говорить о томъ, чего нѣтъ въ такой-то книгѣ...

Можно прійти въ отчаяніе!

Однажды, Ольга, я замѣтилъ безногаго нищаго, который, не вмѣшивась въ споры товарищей, сидѣлъ на землѣ у святыхъ воротъ и только постукивалъ камнемъ о камень, и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначущее его лицо. Я подошелъ къ нему и сказалъ:—ты очень благоразуменъ, любезный, тѣмъ, что не мѣшаешься въ ихъ ссору.

— Я безъ ногъ,—отвѣчалъ онъ съ недовольнымъ видомъ. Это меня поразило: я ошибся! однако продолжалъ свои вопросы.—Что былъ ты прежде, купецъ или крестьянинъ?

— Нищій!—отвѣчалъ онъ,—рожденъ нищимъ и умру нищимъ; только разница въ томъ, что я рожденъ съ ногами, а умру безногій.

— Отчего же?

— Отчего!—тутъ онъ призадумался; потомъ продолжалъ равнодушно:—я былъ проводникомъ одного слѣпого; насъ было много; когда слѣпой умеръ, то я сталъ лишнимъ. Мнѣ переломали руки и ноги, чтобъ я не даромъ кормился и былъ полезенъ; теперь меня возятъ на телѣжкѣ и даютъ деньги...

— Зналъ ли ты своихъ родителей?—спросилъ я поспѣшно.

— Какъ же!

— А кто были они?

— Нищіе!—Тутъ онъ улыбнулся. Не знаю, что было въ его улыбкѣ, насмѣшка надъ судьбой или надо мною, потому что я слушалъ его съ видомъ полной довѣренности.

Итакъ есть состояніе, въ которомъ безобразіе не порокъ, подумалъ я.

На другой день бѣжалъ изъ монастыря и сдѣлался нищимъ.

Вадимъ остановился.

— Понимаю тебя,—воскликнула Ольга и пожала ему руку.

— Я это зналъ!... развѣ ты не сестра мнѣ?—возразилъ Вадимъ.

— Послушай, вѣрно само небо хочетъ, чтобы мы отомстили за бѣднаго отца. Какъ оно согласило всѣ обстоятельства, какъ оно привело тебя къ цѣли...

— Небо или адъ... а можетъ быть и не они; твердое намѣреніе человѣка повелѣваетъ природѣ и случаю. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался нищимъ, какой-то бѣшеный демонъ поселился въ меня, но онъ не имѣлъ вліянія на поступки мои; онъ только терзалъ меня, воскрешалъ умершія надежды, жажду любви!... Онъ странствовалъ со мною рядомъ по берегу мрачной пропасти, показывая мнѣ цѣлый рай въ отдаленіи; но чтобъ достигнуть рая, надобно было перешагнуть черезъ бездну. Я не рѣшился: кому завѣщать свое мщеніе? кому его уступить?

Долго я бродилъ безъ крова и пристанища, преданный зимнимъ метелямъ, какъ южная птица, отставшая отъ подругъ своихъ; долго жить—было цѣлью моей жизни.

Но судьба мнѣ послала человѣка, который случайно открылъ мнѣ, что ты воспитываешься у Палицына, что онъ богатъ, доволенъ, счастливъ — это меня взорвало... Я не хотѣлъ, чтобъ онъ былъ счастливъ — и не будетъ отнынѣ; въ этотъ домъ я принесъ съ собою моего демона; его дыханіе— чума для счастливцевъ, чума... Сестра! ты мнѣ простишь... о! я преступникъ... вижу, и тобой завладѣлъ этотъ злой духъ, и въ тебѣ поселилась эта болѣзнь, которая портитъ жизнь и поддерживаетъ ее. Ты, земной ангелъ, безъ меня не потеряла бы свою безпечность... теперь все кончено, отъ моего прикосновенія увяли твои надежды, махни рукой твоему спокойствію... Цвѣты не растутъ посреди бунтующаго моря; гдѣ есть демонъ, тамъ нѣтъ Бога...

— Какъ!—воскликнула Ольга,—неужели ты раскаиваешь-

ся! Правда, я женщина—но развѣ всякая женщина промѣняетъ печали и безпокойства на блистательный позоръ... блистательный! о! быть любовницей старика, злодѣя моего семейства... ты желалъ этого! Вадимъ, не правда ли?

— Нѣтъ, я тогда убилъ бы тебя.

— А теперь кто мѣшаетъ?

— Теперь? теперь... Онъ опустилъ глаза въ землю и замолкъ. Глубокое страданіе было видно въ слѣдующихъ словахъ:—теперь, убить тебя! теперь, когда у меня есть слезы, когда я могу плакать на твоихъ колѣняхъ... плакать! о! это величайшее наслажденіе для того, чей смѣхъ мучительнѣе всякой пытки!... Нѣтъ, я еще не такъ дуренъ, какъ ты полагаешь;—человѣкъ, для котораго видѣть тебя есть блаженство, не можетъ быть совершеннымъ злодѣемъ.

— Меня убить значитъ сдѣлаться моимъ благодѣтелемъ,— отвѣчала Ольга, улыбаясь, послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія.

— А кто скажетъ: онъ хорошо поступилъ, когда мое имя сдѣлается на землѣ проклятіемъ?

— Я удивляюсь тебѣ, другъ мой.

— Не хочу! люби меня.

Она закрыла лицо обѣими руками.

ГЛАВА IX.

Кто изъ васъ бывалъ на берегахъ свѣтлой Оки? Кто изъ васъ смотрѣлся въ ея волны, бѣдныя воспоминаніями, богатыя природнымъ, собственнымъ блескомъ! Читатель, не онѣ ли были свидѣтелями твоего счастія или кровавой гибели твоихъ прадѣдовъ! Но нѣтъ, волна, окропленная слезами твоего восторга или ихъ кровью, теперь далеко въ морѣ, странствуетъ безъ цѣли и надежды, или въ минуту гнѣва расшиблась объ утесъ гранитный! Она потеряла дорогой слѣды страстей человѣческихъ; она смѣется надъ перемѣнами столѣтій, протекающихъ надъ нею безвредно, какъ женщина надъ пустыми вздохами глупыхъ любовниковъ; она не боится ни ада ни рая, вольна жить и умереть, когда ей угодно;—сдѣлавшись могилой какого-нибудь несчастнаго сердца, она не теряетъ своей

прелести, живого, безпокойнаго своего нрава, и въ ея погребальномъ ропотѣ больше утѣшеній, нежели жалости. Если можно завидовать чему-нибудь, то это синимъ холоднымъ волнамъ, подвластнымъ одному закону природы, который для насъ не годится съ тѣхъ поръ, какъ мы выдумали свои законы.

Вадимъ стоялъ подъ густою липой, и упоительный запахъ разливался вокругъ его головы, и чувства, окаменѣвшія отъ сильнаго напряженія души, растаяли постепенно—и, отвергнутый людьми, былъ готовъ кинуться въ объятія природы; она одна могла бы утолить его пламенную жажду, а давъ ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокую ошибку. Вадимъ съ непонятнымъ спокойствіемъ разсматривалъ рѣчныя травы и густой хмель, который яркими зелеными кудрями висѣлъ съ глинистаго берега. Вдали одѣтые туманомъ курганы, можетъ быть, могилы татарскихъ наѣздниковъ, подымались, выходили изъ полосатой пашни; еловыя, березовыя рощи казались опрокинутыми въ водѣ, и мрачный цвѣтъ первыхъ пріятно отдѣлялся желтоватой зеленью и бѣлыми корнями послѣднихъ; лѣтнее солнце съ улыбкой золотило эту простую картину.

Въ шумѣ родной рѣки есть что-то схожее съ колыбельной пѣснью, съ разсказами старой няни. Вадимъ это чувствовалъ, и память его невольно переселилась въ прошедшее, какъ въ домъ, который нѣкогда былъ нашимъ, и гдѣ теперь мы должны пировать подъ именемъ гостя; на днѣ этого удовольствія шевелится неизъяснимая грусть, какъ ядовитый крокодилъ въ глубинѣ чистаго, прозрачнаго американскаго колодца.

Вдругъ раздался въ отдаленіи звонъ дорожнаго колокольчика, приносимый вѣтромъ... Вадимъ вздрогнулъ, не зная самъ тому причины; онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ деревянный мостъ показывался между кустовъ, и гдѣ дорога, желтѣя, терялась за холмами; тамъ сѣрая пыль клубилась вслѣдъ за простою кибиткой... Не къ намъ ли, подумалъ Вадимъ; но этого не можетъ быть! кому?... Его тревожилъ колокольчикъ, и непонятное предчувствіе, какъ свинецъ, упало на его душу; онъ побрелъ вдоль по рѣкѣ и старался разсѣяться... но не могъ: проклятый колокольчикъ его преслѣдовалъ...

Что дѣлалось въ барскомъ домѣ?—Тамъ также слышали колокольчикъ — но этотъ милый звукъ не произвелъ никакого непріятнаго вліянія; Наталья Сергѣевна подбѣжала къ окну, а Борисъ Петровичъ, который не говорилъ съ женой со вчерашняго вечера, кинулся къ другому. Они ждали сына въ отпускъ—вѣрно это онъ!...

Въ тотъ вѣкъ почты были очень дурны, или лучше сказать, онѣ не существовали совсѣмъ; родные посылали ходока къ дѣтямъ, посвященнымъ царской службѣ... но часто они не возвращались, пользуясь свободой. Такимъ образомъ однажды мать сосватала невѣсту для сына, давно убитаго на войнѣ: долго ждала красавица своего суженаго, наконецъ вышла замужъ за другого; на первую ночь свадьбы явился призракъ перваго жениха и легъ съ новобрачными въ постель; — она моя— говорилъ онъ — и слова его были вѣтеръ, гуляющій въ пустомъ черепѣ; онъ прижалъ невѣсту къ груди своей, гдѣ на мѣстѣ сердца у него была кровавая рана; призвали попа со крестомъ и святой водою и выгнали опоздавшаго гостя, и, выходя онъ заплакалъ но вмѣсто слезъ песокъ посыпался изъ открытыхъ глазъ его; ровно черезъ сорокъ дней невѣста умерла чахоткой, и супруга ея нигдѣ не могли сыскать. Таково преданіе народное.

Обратимся къ повѣсти нашей. Борисъ Петровичъ и жена его три года не получали извѣстія отъ своего Юриньки. Мѣсяцъ тому назадъ онъ съ богомольцемъ, котораго встрѣтилъ на дорогѣ, прислалъ письмо, извѣщая о скоромъ прибытіи... Это онъ!

Колокольчикъ звенѣлъ все громче и громче... вотъ близко, топотъ, крикъ ямщика, шумъ колесъ... кибитка въѣхала въ ворота... вся дворня столпилась... это онъ... въ военномъ мундирѣ... выскочилъ... и кинулся на шею матери... Отецъ стоялъ поодаль и плакалъ... это былъ ихъ единственный сынъ!

Впрочемъ, такія вещи не описываются.

Вечеромъ Вадимъ возвратился въ домъ, увидалъ кибитку, поймалъ нѣкоторыя отрывистыя рѣчи и догадался. Съ досадой смотрѣлъ онъ на веселую толпу и думалъ о будущемъ, разсчитывалъ дни, сквозь зубы бормоталъ какіе-то упреки...

и потомъ, обратившись къ дому сказалъ:—такъ точно! слухъ этотъ не лживъ... черезъ нѣсколько недѣль здѣсь будетъ кровь, и больше; почему они не заплатятъ за долголѣтнее веселье однимъ днемъ страданія, когда другіе, послѣ безчисленныхъ мукъ, не получаютъ ни одной минуты счастья! Для чего они любимцы неба, а не я!—О! Создатель! если бъ Ты меня любилъ, какъ сына—нѣтъ—какъ пріемыша... половина моей благодарности перевѣсила бы всѣ ихъ молитвы... но Ты меня проклялъ въ часъ рожденія... и я прокляну Твое владычество, въ часъ моей кончины...

Неподвиженъ стоялъ Вадимъ возлѣ рогожной кибитки; толпа пестрѣла кругомъ; старухи, дѣти, все тѣснилось, кричало́, смѣялось...

— Куда какой красавчикъ молодой нашъ баринъ—воскликнулъ кто-то... Вадимъ покраснѣлъ... и съ этой минуты имя Юрія Палицына стало ему ненавистнымъ...

Что дѣлать? онъ не могъ вырваться изъ демонской своей стихіи.

ГЛАВА X.

Смерклось; подали свѣчи, поставили на столъ разныя закуски и мѣдный самоваръ. Борисъ Петровичъ былъ въ восхищеніи, жена его не знала какъ угостить милаго пріѣзжаго. Дверь въ гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу свѣта въ сосѣднюю комнату, гдѣ по стѣнамъ чернѣли высокіе шкафы, наполненные домашней посудой; въ этой комнатѣ у дверей на цыпочкахъ стояла Ольга и смотрѣла на Юрія—и больше нежели пустое любопытство понудило ее къ этому. Юрій былъ такъ хорошъ!... именно таковыя лица нравятся женщинамъ; что-то доброе и вмѣстѣ буйное, пылкость безъ упрямства, веселость безъ насмѣшки. Онъ не былъ напудренъ по обычаю того вѣка, длинные русые волосы вились вокругъ шеи, и голубые глаза не отражали свѣтъ, но, казалось, изливали его на все, что имъ встрѣчалось.

Онъ говорилъ о столицѣ, о великой Екатеринѣ, которую народъ называлъ «матушкой», и которая каждому гвардейскому солдату дозволяла цѣловать свою руку... онъ говорилъ

объ ней, и щеки его горѣли, и голосъ его возвышался невольно. Потомъ онъ разсказывалъ о городскихъ весельствахъ, о красавицахъ, разряженныхъ въ дымныя кружева и волнистыя бархатныя пла...я.

Ольга слушала, и что-то похожее на зависть встревожило ее. Если бъ обо мнѣ такъ говорили, если бъ и на мнѣ блистали кружева и дорогіе камни... о! я была бы счастливѣе!.. и всякой 18-ти лѣтней дѣвушкѣ на ея мѣстѣ эти мысли пришли бы въ голову. Наряды необходимы счастію женщины, какъ цвѣты веснѣ.

И Ольга боялась, чтобъ онъ не обернулся къ дверямъ и не замѣтилъ ея любопытства: маленькая гордость дышала въ этомъ опасеніи.

Однако жъ какъ уйти? Юрій говоритъ такъ пріятно; въ звукахъ его голоса такъ ясно выражались благородныя чувства, что если бъ даже невозможно было разобрать словъ его, то—ей казалось... она поняла бы смыслъ разговора!...

Нельзя сомнѣваться, что есть люди, имѣющіе этотъ даръ, но имъ воспользоваться можетъ только существо избранное, существо, котораго душа создана по образцу ихъ души, котораго судьба должна зависѣть отъ ихъ судьбы... и тогда эти два созданія, уже знакомыя прежде рожденія своего, читаютъ свою участь въ голосѣ другъ друга, въ глазахъ, въ улыбкѣ... и не могутъ обмануться... и горе имъ, если они не вполнѣ довѣрятся этому святому, таинственному влеченію... оно существуетъ, должно существовать вопреки всѣмъ умствованіямъ людей ничтожныхъ, иначе душа брошена въ наше тѣло для того только, чтобъ оно питалось и двигалось... Что такое были бы всѣ цѣли, всѣ труды человѣчества безъ любви? И развѣ нѣтъ иногда этого всемогущаго сочувствія между народомъ и царемъ? Возьмите Наполеона и его войско! долго ли они прожили другъ безъ друга?

О! какъ Ольга была прекрасна въ эту первую минуту самопознанія, сколько жизни невинной, обѣщающей жизни было въ стѣсненномъ дыханіи этой полной груди, гдѣ билось сердце, обѣщанное мукамъ и созданное для райскаго блаженства.

Надобно было камню упасть въ гладкій источникъ.

Она обернулась.

Полоса яркаго свѣта, прокрадываясь въ эту комнату, упадала на губы, скривленныя ужасной, оскорбительной улыбкой; все кругомъ покрывала темнота—это было ей довольно, чтобы тотчасъ узнать брата... на синихъ его губахъ сосредоточилась вся жизнь Вадима, и, какъ нарочно, онѣ однѣ были освѣщены.

Онъ приблизился; отъ него вѣяло холодомъ.

— Поздравляю, Ольга...

— Съ чѣмъ?

— Не правда ли, какъ хорошъ собою молодой твой господинъ!...

— И твой!—обидѣвшись, возразила Ольга.

— Нимало... я добровольно сталъ слугою... я не обязанъ имъ сохраненіемъ жизни, воспитаніемъ... но ты! о, посмотри на него, что за ловкость, что за румянецъ!

Она вздохнула.

— И эта прекрасная голова упадетъ подъ рукою казни — продолжалъ шопотомъ Вадимъ;—эти мягкіе, шелковые кудри, напитанные кровью, разовьются... ты помнишь клятву... не слишкомъ ли ты поторопилась... О, мой отецъ, мой отецъ!... Скоро настанетъ минута, когда безпокойный духъ твой, плавая надъ ихъ тѣлами, благословитъ дѣтей твоихъ,—скоро, скоро...

— Скоро!...

— Я вижу твое восхищеніе!—холодно возразилъ ей братъ, — скоро!—мы довольно ждали... но за то не напрасно! Богъ потрясаетъ цѣлый народъ для нашего мщенія; я тебѣ разскажу, слушай и благодари: на Дону родился дерзкій безумецъ, который выдаетъ себя за государя... Народъ, радуясь тому, что ихъ государь носитъ бороду, говоритъ какъ мужикъ, обратился къ нему; дворяне гибнутъ; надобно же игрушку для народа... безъ этого и праздникъ не праздникъ! вино безъ крови для нихъ стало слабо... ты дрожишь отъ радости, Ольга.

Она молча поникла головою и удалилась. У нея въ сердцѣ ужъ не было мщенія. Теперь, теперь вполнѣ постигла она весь ужасъ обѣщанія своего, хотѣла молиться—ни одна молитва не

предстала ей ангеломъ-утѣшителемъ: каждая сдѣлалась укоризною, звукомъ напраснаго раскаянія.—Какой красавецъ сынъ моего злодѣя—думала Ольга, и эта простая мысль всю ночь являлась ей съ разныхъ сторонъ, подъ разными видами; она не могла прогнать другихъ, только покрыла ихъ полусвѣтлою пеленою; но пропасть, одѣтая утреннимъ туманомъ, хотя не такъ черна, за то кажется вдвое обширнѣе бѣдному путнику.

Между тѣмъ Вадимъ остался у дверей гостиной, устремляя тусклый взоръ на семейственную картину, оживленную радостью свиданія; и въ его душѣ была радость, но это былъ огонь пожара возлѣ тихаго луча мѣсяца.

Долго стоялъ онъ тутъ и любовался красотою молодого Палицына, и такъ забылся, что не слыхалъ какъ Борисъ Петровичъ въ первый разъ закричалъ:—эй, малый... Вадимка!—Опомнясь, онъ вошелъ. Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него Юрій, но Вадимъ не смѣлъ поднять на него глазъ, боясь, чтобы въ нихъ не изобразились слишкомъ явно его чувства.

— Какъ тебѣ нравится мой горбачъ,—сказалъ Борисъ Петровичъ,—преуморительный!

— Каждый человѣкъ, батюшка,—отвѣчалъ Юрій,—имѣетъ недостатки; онъ невиноватъ, что изувѣченъ природой.

— Если ты будешь хорошо мнѣ служить,—продолжалъ онъ, обратясь къ мрачному Вадиму,—то будь увѣренъ въ моей милости... теперь ступай.

— Пошелъ вонъ!—воскликнулъ отецъ, потому что Вадимъ не трогался съ мѣста: онъ былъ смущенъ добротою юноши, благосклоннымъ выраженіемъ лица его—и зависть возвратилась въ его душу только тогда, какъ онъ подошелъ къ дверямъ, но возвратилась, усиленная мгновеннымъ отсутствіемъ.

Перешагнувъ черезъ порогъ, онъ замѣтилъ на стѣнѣ свою безобразную тѣнь—мучительное чувство...—Какъ бѣшеный, онъ выбѣжалъ изъ дома и пустился въ поле. Поутру явился онъ на дворѣ, таща за собой огромнаго волка: блуждая по лѣсамъ, онъ убилъ этого звѣря длиннымъ ножомъ, который неотлучно хранился у него за пазухой. Вся дворня окружила Вадима; даже господа вышли подивиться его отважности. На-

конецъ и онъ насладился минутой торжества! —Ты будешь моимъ стремяннымъ,—сказалъ Борисъ Петровичъ.

ГЛАВА XI.

Борисъ Петровичъ отправился въ отъѣзжее поле съ новымъ своимъ стремяннымъ и большою свитою, состоящею изъ собакъ и слугъ низшаго разряда. Даже въ старости Палицынъ любилъ охоту страстно, спѣшилъ, когда только могъ, углубляться въ непроходимые лѣса, жилище медвѣдей, которые были его главными врагами.

Что дѣлать Юрію, въ деревнѣ, въ глуши? слѣдовать ли за отцомъ? Нѣтъ! онъ не находитъ удовольствія въ войнѣ съ животными, онъ остался дома, бродитъ по комнатамъ, ищетъ разсѣянія, обрываетъ клочки раскрашенныхъ обоевъ... чудныя занятія для души и тѣла! Но что-то мелькнуло за угломъ... женское платье; онъ идетъ въ ту сторону и вступаетъ въ небольшую комнату, освѣщенную полуденнымъ солнцемъ; ея воздухъ имѣлъ въ себѣ что-то особенное, роскошное; онъ, казалось, былъ оживленъ присутствіемъ юной, пламенной дѣвушки.

Кто часто бывалъ въ комнатѣ женщины, имъ любимой, тотъ вѣрно пойметъ меня... Онъ испыталъ вліяніе этого очарованнаго воздуха, который породнился съ божествомъ его, который каждую ночь принимаетъ въ себя дыханіе свѣжей, дѣвственной груди—этотъ уголокъ, украшенный одной постелью, не промѣнялъ бы онъ за весь рай Магомета...

— А, это ты, Ольга!—сказалъ, засмѣявшись, молодой Палицынъ;—вообрази, я думалъ, что гонюсь за тѣнью—и какъ обманутъ!...

— Васъ огорчаетъ эта ошибка? О, если такъ, я могу васъ утѣшить, стану съ вами говорить какъ тѣнь, то есть очень мало... и потомъ...

— Ради Бога—не мало, любезная Ольга!—я готовъ тебя слушать цѣлый день; не можешь вообразить, какая тоска завладѣла мною; брожу вездѣ, не съ кѣмъ слова молвить... матушка хозяйничаетъ,—ради неба, говори мнѣ... брани меня... только не избѣгай!...

— Какъ скоро вы забыли московскихъ красавицъ! думайте объ нихъ, это васъ займетъ.

— Думать объ нихъ—и говорить съ тобою, Ольга? это нейдетъ вмѣстѣ.

— А что я могу сказать вамъ, степная, простая дѣвушка? что я видѣла, что слышала? Я не хочу быть вашимъ лѣкарствомъ отъ скуки: всякое лѣкарство, со всей своей пользой, очень непріятно.

— Ты не въ духѣ сегодня—воскликнулъ Юрій, взявъ ее за руку и принудивъ сѣсть;—ты сердишься на меня или на матушку... если тебя кто-нибудь обидѣлъ, скажи мнѣ: клянусь честію, этому человѣку худо будетъ.

— Не надо мнѣ вашей защиты, вашего мщенія... оставьте мою руку! Вы хотите забавляться—призовите другихъ, болѣе покорныхъ чѣмъ я, болѣе способныхъ настроивать свое сердце и лицо по вашему приказу... мнѣ грустно, скучно... да сверхъ того я не раба ваша... итакъ...

— Ольга, послушай, если хочешь упрекать... О! прости мнѣ; развѣ мое поведеніе обнаружило такія мысли? развѣ я поступалъ съ Ольгой, какъ съ рабой? Ты бѣдна, сирота—но умна, прекрасна,—въ моихъ словахъ нѣтъ лести; они идутъ прямо отъ души; чуждыя лукавства, мои мысли открыты передъ тобою; ты себѣ же повредишь, если захочешь убѣгать моего разговора, моего присутствія; тогда-то я тебя не оставлю въ покоѣ... Сжалься... я здѣсь одинъ среди получеловѣковъ, и вдругъ въ пустынѣ явился мнѣ ангелъ и хочетъ, чтобъ я къ нему не приближался, не смотрѣлъ на него, не внималъ ему? Боже мой! въ минуту огненной жажды видишь передъ собою благотворную влагу, которая, приближаясь къ губамъ, засыхаетъ!...

— Прекрасны ваши слова, Юрій Борисовичъ, я не спорю, все это очень ново для меня... со всѣмъ тѣмъ я прошу васъ оставить дѣвушку, несчастную съ самой колыбели, и потому ни мало не расположенную забавлять васъ... повѣрьте слову: гибель вокругъ меня...

— Сто разъ готовъ я погибнуть у ногъ твоихъ!...

— Вы меня не поняли... я кажусь вамъ странною теперь, быть можетъ, но...

— Ты мила по-своему...

— Что за похвалы!—съ насмѣшливымъ видомъ воскликнула Ольга.

— Не сердись!—возразилъ Юрій и, улыбаясь, онъ склонился къ ней, потомъ взялъ въ руки ея длинную темную косу, упадавшую на лѣвое плечо, и прижалъ ее къ губамъ своимъ; холодъ пробѣжалъ по его членамъ, какъ отъ прикосновенія могучаго талисмана; онъ взглянулъ на нее пристально, и на этотъ разъ удивительная рѣшимость блистала въ его взорѣ; она не смутилась, но испугалась.

— Перестаньте,—сказала Ольга съ важностью,—мнѣ надо быть одной.

Напрасно онъ старался угадать въ глазахъ ея намѣреніе кокетки—помучить; ему не удалось!

— Ты довольна будешь мною,—сказалъ онъ, медленно выходя изъ комнаты.

Такіе разговоры, занимательные только для нихъ, повторялись довольно часто, и содержаніе и заключеніе почти всегда было одно и то же; и если бъ они читали эти разговоры въ какомъ-нибудь романѣ XIX-го вѣка, то заснули бы отъ скуки, но въ блаженномъ XVIII-мъ и въ годъ, описываемый мною, каждая жизнь была романъ. Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много и они похожи на сладострастнаго старика, который, вспоминая прежнія шалости и присутствуя на буйныхъ пирахъ, хочетъ пробудить погаснувшія силы; этотъ гальванизмъ кидаетъ величайшій стыдъ на человѣчество; оно приблизилось къ кончинѣ своей, пускай... но зачѣмъ прикрывать сѣдины дѣтскими гремушками? зачѣмъ привскакивать на смертномъ одрѣ, чтобы упасть и скончаться на полу?

Но возвратимся къ нашей повѣсти и поторопимся окончить главу.

Ольга стараніемъ утаить свою любовь, еще болѣе ее обнаруживала; Юрій былъ опытенъ, часто любилъ, чаще былъ любимъ и выученъ привычкой, читалъ въ ея глазахъ больше, чѣмъ она осмѣливалась читать въ собственной душѣ. Она думала о немъ и боялась думать о любви своей; ужасъ обнималъ

ея сердце, когда она осмѣливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее тогда являлись встревоженному воображенію Ольги. Таковъ былъ ужасъ Макбета, когда, готовый сѣсть на королевскій престолъ, при шумныхъ звукахъ пира, онъ увидалъ на немъ окровавленную тѣнь Банко... но этотъ ужасъ не уменьшилъ его честолюбія, которое превратилось въ болѣзненный бредъ; то же самое случилось съ любовью Ольги.

Юрій не могъ любить такъ нѣжно, какъ она; онъ все перечувствовалъ, и прелесть новизны не украшала его страсти,— но въ книгѣ судьбы его было написано, что волшебная цѣпь скуетъ до гроба его существованіе съ участью этой женщины.

Когда онъ не былъ съ нею вмѣстѣ, то скука и спокойствіе не оставляли его, но приближаясь къ ней, онъ вступалъ въ очарованный кругъ, гдѣ не узнавалъ себя и благословлялъ свой плѣнъ и вѣрилъ, что никогда не любилъ сильнѣе теперешняго, что до сихъ поръ не понималъ опредѣленія красоты.—Пожалѣйте объ немъ.

ГЛАВА XII.

Таинственные отвѣты Ольги, иногда ея притворная холодность все болѣе и болѣе воспламеняли Юрія; онъ приписывалъ такое поведеніе то гордости, то лукавству, но чаще по недовѣрчивости, свойственной всѣмъ почти любовникамъ, сомнѣвался въ ея любви... Однажды, послѣ долгой душевной борьбы, онъ рѣшился вытребовать у нея полнаго признанія... или получить совершенный отказъ.

—Какое ребячество!—скажете вы; но въ томъ-то и прелесть любви: она превращаетъ насъ въ дѣтей, даритъ золотые сны, какъ игрушки, и разбить эти игрушки въ минуту досады доставляетъ не мало удовольствія, особливо когда мы надѣемся получить другія.

Съ мрачнымъ лицомъ онъ взошелъ въ комнату Ольги, молча сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Она не противилась, не отвела глазъ отъ шитья своего, не покраснѣла, не вздрогнула. Она все обдумала, все... и не нашла спасенія; она безропотно предалась своей участи, задернула будущее чернымъ покры-

валомъ и рѣшилась любить... потому что не могла рѣшиться на другое.

— Ольга!—сказалъ Юрій невѣрнымъ голосомъ,—я люблю тебя.

— Знаю,—отвѣчала она.

— Знаю, знаю! только-то! и я больше отъ тебя не услышу!

— Что же вамъ больше!... я слушаю... молчу...

— О, разумѣется, этого слишкомъ много! я не достоинъ даже приблизиться къ тебѣ, я бы долженъ былъ любоваться тобою, какъ солнцемъ и звѣздами. Ты прекрасна! кто споритъ; но развѣ это даетъ право не имѣть сердца?

— Я у Бога ни того, ни другого не просила... Если мое обращеніе вамъ не нравится, то оставьте меня; мы дурно сдѣлали, что узнали другъ друга, но все на свѣтѣ можетъ поправиться.

— Какъ легко, сдѣлавъ человѣка несчастнымъ, сказать ему: будь счастливъ!—Все на свѣтѣ можетъ поправиться!... Ольга! слушай, въ послѣдній разъ говорю тебѣ: я люблю больше, чѣмъ ты можешь вообразить; это огонь... огонь... О, пойми меня... у меня нѣтъ словъ... я люблю тебя! если ты не понимаешь этого, то все остальное напрасно... отвѣчай: чего ты отъ меня требуешь, какихъ жертвъ!

— Забыть меня! — воскликнула Ольга съ удивительною твердостію.

— Нѣтъ, никогда!... я совершу невозможное, чтобъ обладать тобою,—но забыть... нѣтъ власти...

Онъ замолчалъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился у окна, закрывъ лицо руками. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ обернулся и сказалъ:—Я ошибался, признаюсь въ томъ откровенно — я ошибался... ахъ! Это была минута, но райская минута, это былъ сонъ, но сонъ божественный; о! теперь, теперь все прошло... уничтожаю навѣки всѣ ложныя надежды, уничтожаю однимъ дуновеніемъ всѣ картины воображенія моего; прочь отъ меня вѣра въ любовь и счастье... Ольга, прощай — ты меня обманывала—обманъ всегда обманъ· не все ли равно, глаза или языкъ? Чего желала

ты? не знаю... можетъ быть... о, возьми мое презрѣніе себѣ въ наслѣдство... я умеръ для тебя...

И онъ сдѣлалъ шагъ, чтобъ выйти, кидая на нее взоръ свинцовый, отчаянный взоръ, одинъ изъ тѣхъ, передъ которыми, кажется, стѣны должны бы были рушиться; горькое негодованіе дышало въ послѣднихъ словахъ Юрія; она не могла вынести долѣе, вскочила и, рыдая, упала къ его ногамъ. Въ восторгѣ поднялъ онъ ее, прижалъ къ груди своей и долго не могъ выговорить двухъ словъ; противъ его сердца билось другое, нѣжное, молодое, любящее со всѣмъ усердіемъ первой любви. Они сѣли, смотрѣли въ глаза другъ другу, не плакали, не улыбались, не говорили; это былъ хаосъ всѣхъ чувствъ земныхъ и небесныхъ, вихорь, упоеніе неопредѣленное, какое не всякій испыталъ, и никто изъяснить не можетъ; неконченныя рѣчи въ безпорядкѣ отрывались отъ ихъ трепещущихъ губъ и каждое слово стоило поэмы... Само по себѣ не значущее, но одушевленное звукомъ голоса, невольнымъ тѣлодвиженіемъ—каждое слово было цѣлое блаженство.

— Я любимъ, любимъ, любимъ,—говорилъ Юрій;—я буду повторять это слово такъ громко, такъ часто, что ангелы услышатъ и позавидуютъ...

— Пускай же ангелы—только не люди.

— Отчего же, мой ангелъ?

— Тогда, можетъ быть, они тебя отнимутъ у бѣдной Ольги...

— Ты прекрасна! что за пустой страхъ! ты моя, моя...

— Не раба! надѣюсь!

— Больше, сокровище!

— О, мой милый... цѣлуй, цѣлуй меня... я не хочу быть сокровищемъ скупого...пускай мнѣ угрожаютъ адскія муки... надобно же заплатить судьбѣ... я счастлива! не правда ли?

— Ты счастлива? позволь мнѣ обнять тебя... крѣпче, крѣпче...

— Почему же нѣтъ! отдавъ тебѣ душу, могу ли отказать въ чемъ-нибудь.

— Эти волосы... прочь ихъ! вотъ такъ! чтобъ твои поцѣлуи и мои слились въ одинъ.

— Боже, Боже... теперь умереть... о! зачѣмъ не теперь!..

ГЛАВА XIII.

— Другъ мой, Ольга! есть Богъ на небесахъ; есть на землѣ счастье...

— Дай Богъ тебѣ счастье, если ты вѣришь имъ обоимъ, — отвѣчала она.

И рука ея играла густыми кудрями безпечнаго юноши; ихъ лодка скользила непримѣтно вдоль по рѣкѣ, оставляя бѣлый змѣистый слѣдъ за собою между темными волнами; весла, будто крылья черной птицы, махали по обѣимъ сторонамъ ихъ лодки; они оба сидѣли рядомъ, и по веслу было въ рукѣ каждаго; студеная влага съ легкимъ шумомъ всплескивала, порою озаряясь фосфорическимъ блескомъ, и потомъ уступала, составляя быстрые круги, которые постепенно исчезали въ темнотѣ; на западѣ была еще красная черта, граница дня и ночи; зарница, какъ алмазъ, отдѣлялась на синемъ сводѣ, и свѣжая роса ужъ падала на опустѣлый берегъ Оки. Мирные плаватели, посреди усыпленной природы, не думая о будущемъ, шутили межъ собою; иногда Юрій какимъ-нибудь движеніемъ заставлялъ колебаться лодку, чтобъ разсердить, испугать свою подругу; но она умѣла отомстить за это невинное коварство, непримѣтно гребла въ противную сторону, такъ что всѣ его усилія дѣлались тщетны и челнокъ останавливался, вертѣлся... Смѣхъ, ласки, дѣтскія опасенія, все такъ отзывалось чистотой души, что если бъ демонъ захотѣлъ искушать ихъ, то не выбралъ бы эту минуту. Ольга не считала свою любовь преступленіемъ, она знала, хотя всячески старалась усыпить эту мысль, знала, что близокъ ужасный кровавый день... и небо должно было заплатить ей за будущее—въ настоящемъ; она имѣла сильную душу, которая не заботилась о неизбѣжномъ, и по крайней мѣрѣ хотѣла жить—пока жизнь свѣтла. Какъ она благодарила судьбу за то, что братъ ея былъ далеко; одинъ взоръ этого непонятнаго, грознаго существа оледенилъ бы все ея блаженство; гдѣ взялъ онъ эту власть?

— Будетъ ли конецъ нашей любви!—сказалъ Юрій, переставъ грести и положивъ къ ней на плечо голову:—нѣтъ, о, нѣтъ!—она продолжится въ вѣчность, она переживетъ нашу

земную жизнь, и если бъ наши души не были безсмертны, то она сдѣлала бы ихъ безсмертными. Клянусь тебѣ, ты одна замѣнишь мнѣ всѣ другія воспоминанія—дай руку... эта милая рука: она такъ бѣла, что свѣтитъ въ темнотѣ. Смотри, береги же мой перстень, Ольга! ты не слушаешь, не вѣришь моимъ клятвамъ?

Вмѣсто отвѣта она запѣла въ полголоса слѣдующую пѣсню:

Воетъ вѣтеръ,
Свѣтитъ мѣсяцъ:
Дѣвушка плачетъ—
Милый въ чужбину скачетъ;
Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнутъ:
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ!

— Прочь эту пѣсню! —воскликнулъ Юрій;—кто тебя ей выучилъ?

— Никто, сама.

— Не вѣрю. Развѣ ты во мнѣ сомнѣваешься?

— Нѣтъ; однако ты слишкомъ обѣщаешь—мы скоро разстанемся... а тамъ... тамъ...

— О, если только это пугаетъ тебя, то знай, я скоро не поѣду... я пробуду здѣсь еще три мѣсяца...

— Три мѣсяца! Боже!—Она содрогнулась и сердце облилось холодомъ.

— А потомъ,—сказалъ Юрій, стараясь ее утѣшить и не понимая значенія этого: Боже!—потомъ съѣзжу въ полкъ, возьму отставку и возвращусь опять къ тебѣ... тогда ты будешь моею вопреки всѣмъ ничтожнымъ предразсудкамъ... если даже мой отецъ захочетъ разлучить насъ, если... О, нѣтъ!... онъ далъ мнѣ жизнь, а ты меня даришь милліономъ жизней въ каждой улыбкѣ.

— Три мѣсяца, три мѣсяца и нѣсколько дней,—повторяла, не слушая, Ольга. Ея умъ остановился на этой пагубной неизмѣнной мысли.

Они причалили къ берегу; ужъ было очень темно; деревен-

ская церковь съ своей странной колокольней рисовалась на полусвѣтломъ небосклонѣ запада, подобно тѣни великана, и попеременно озаряемыя окна дома одни были видны сквозь рѣдкій ветельникъ.

Они шли подъ руку, молча, вдоль по узкой тропинкѣ, и поровнявшись съ разрушенной баней, вдругъ услышали грубые голоса.

— Посмотримъ, что такое?—шепнулъ Юрій. Она машинально остановилась.

— Да скоро ли?—спросилъ первый голосъ.

— На дняхъ; ужъ въ округѣ начинается кутерьма; да будетъ ли у васъ готово?—сказалъ другой.

— Все будетъ... ужъ это наше дѣло... одни только не смѣемъ, и до вашего прихода будемъ молчать... воля твоя...

— Ну, пожалуй...

— Да правда ли, что будутъ соль и хлѣбъ давать даромъ?

— Не вѣдаю, только будетъ больно хорошо... а вино будетъ даромъ, изъ барскихъ погребовъ...

Тутъ нѣсколько словъ Юрій не разслышалъ.

— Да, Вадимъ былъ у насъ,—сказалъ первый голосъ.

При этомъ имени Ольга съ необыкновенной силой увлекла за собою Палицына.

— Куда ты?—сказалъ онъ съ удивленіемъ,—что съ тобою?

— Скорѣй, скорѣй!—больше она не могла выговорить.

— Это должны быть воры!—подумалъ Юрій, и пересталъ дивиться ея испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немедленно въ свою комнату и заперлась.

Наталья Сергѣевна встрѣтила сына и съ улыбкой намекнула о его ночной прогулкѣ. Что за радость этой доброй женщинѣ? Теперь мужъ ея вѣрно не рѣшится погрѣшить противъ сына и жены въ одно время. Впрочемъ, думала она,—молодымъ людямъ простительно шалить, а какъ сѣдому старику такимъ вещамъ придти въ голову. Знаетъ Царь небесный!

— Мы поѣдемъ завтра въ монастырь, Юрьюшка,—сказала она вошедшему сыну:—Борисъ Петровичъ еще долго пропорскаетъ... Куда я рада, что ты не въ него!...

И точно. Предпочитая своей Натальѣ Сергѣевнѣ медвѣдей и собакъ, почтенный помѣщикъ не слишкомъ льстилъ ея самолюбію, хотя у женщинъ XVIII-го столѣтія оно не было такъ взыскательно, какъ у нашихъ столичныхъ красавицъ.

Но вѣкъ иной—иные нравы!

ГЛАВА XIV.

Въ 8-ми верстахъ отъ деревни Палицына, у глубокаго оврага, размытаго дождями, окруженная лѣсомъ, была деревушка бѣдная и мирная; построенная на холмѣ, она господствовала, такъ сказать, надъ окрестностями; ея сѣрый дымъ былъ видѣнъ издалека, и солнце утра золотило ея соломенныя крыши прежде нежели верхи многихъ липъ и дубовъ. Здѣсь отдыхалъ въ полдень Борисъ Петровичъ съ толпою собакъ, лошадей и слугъ. Травля была неудачная: двѣ лисы ушли отъ борзыхъ, и одинъ волкъ отбился; въ торокахъ у стремяннаго висѣло только два зайца... и три гончія собаки еще не возвращались изъ лѣсу на звукъ роговъ, и протяжный крикъ ловчаго, который, лишивъ себя обѣда изъ усердія, трусилъ по островамъ съ тщетными надеждами. Борисъ Петровичъ съ горя побилъ двухъ охотниковъ, выпилъ полграфина водки и легъ спать въ избѣ; на дворѣ все было живо и безпокойно; собаки, раздѣленныя по сворамъ, лакали въ длинныхъ корытахъ; лошади валялись на соломѣ, и бѣдные всадники поминутно находились принужденными оставлять котелъ съ кашей, чтобъ нагайками поднимать ихъ. День былъ ясенъ и свѣжъ, сѣверный вѣтеръ гналъ отрывистыя тучки по голубымъ сводамъ неба, и вершины лѣсовъ шумѣли подобно водопаду, качаясь взадъ и впередъ.

Между тѣмъ слуги, расположась подъ навѣсомъ, шопотомъ сообщали другъ другу разныя извѣстія о самозванцѣ, о близкихъ бунтахъ, о казни многихъ дворянъ—и тайно или явно почти каждый радовался... Это были люди, привыкшіе жить въ полѣ, гоняться за звѣрьми и неспособные къ мирнымъ чувствамъ, къ сожалѣнію и большой привязанности; вино, буйство, охота—ихъ единственныя занятія—не могли внушить имъ много набожныхъ мыслей; и если между ними и былъ одинъ вѣрный, честный слуга, то изъ осторожности молчалъ или уда-



лялся. Однажды дошли какъ-то эти слухи до Бориса Петровича.—Вздоръ,—сказалъ онъ,—какъ это можетъ быть?—Такая безпечность погубила многихъ нашихъ прадѣдовъ; они не могли вообразить, что народъ осмѣлится требовать ихъ крови: такъ они привыкли къ русскому послушанію и вѣрности.

— Ты помнишь, недавно, когда баринъ тебя посылалъ на три дня въ городъ, здѣсь намъ разсказывали, что какой-то удалецъ, котораго казаки величаютъ *Красной Шапкой*, все ставитъ вверхъ дномъ, что онъ кумъ сатанѣ и сватъ дьяволу, ха, ха, ха!—Что будто самъ батюшка хотѣлъ съ нимъ посовѣтаться... видно хватъ!—Такъ говорилъ Вадиму старый ловчій, по прозванію Атуевъ, закручивая длинные рыжіе усы.

— Я его знаю,—отвѣчалъ Вадимъ съ улыбкой,—и вы его скоро увидите!—Въ этихъ словахъ было столько увѣренности, столько убѣдительной твердости, что поневолѣ старый ловчій вздрогнулъ.—Ты чортъ или Гуммель,—сказалъ Фильдъ, когда въ первый разъ услыхалъ этого славнаго артиста. Атуевъ не сказалъ, но подумалъ почти то же самое.

— Когда?!—воскликнули многіе, и между тѣмъ глаза ихъ недовѣрчиво устремлены были на горбача, который, съ минуту помолчавъ, всталъ, осѣдлалъ свою лошадь, надѣлъ рогъ—и выѣхалъ со двора.

Удивленная толпа смотрѣла ему вслѣдъ и по частому топоту она догадалась, что Вадимъ пустился вскачь.

Куда? зачѣмъ?—О если бъ разсказывать всѣ ихъ мнѣнія, то мнѣ былъ бы нуженъ талантъ Вальтеръ-Скотта и терпѣніе его читателей!

Густымъ лѣсомъ ѣхалъ Вадимъ; направо и налѣво разстилались кусты орѣховые и кленовые, межъ ними возвышались иногда высокіе полусухіе дубы съ змѣистыми сучьями, странные, темные—и въ отдаленіи синѣли холмы, усыпанные сверху до низу лѣсомъ, пересѣкаемые оврагами, гдѣ покрытыя мохомъ болота обманчивой яркой зеленью манили неосторожнаго путника. Вадимъ ѣхалъ скоро—и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце Вдругъ звучная, вольная пѣсня привлекла его вниманіе; онъ

остановился, прислушался... пѣсня была дика и годилась для шума листьевъ и вѣтра пустыни. Вотъ она:

Моя мать родная
Кручинушка злая;
Мой отецъ родной
Назывался судьбой;
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ этой груди
Прижаться.
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.

Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена—
Вольность волюшка,
Воля милая,
Несравненная,
Неизмѣнная.

Съ ней нашлись—другіе у меня
Мать, отецъ и семья.
А моя мать—степь широкая,
А мой отецъ—небо далекое,
А братья мои—въ лѣсахъ
Березы да сосны.

Скачу ли я на конѣ,
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порой,—
Небо свѣтитъ луной;
Мои братья въ жаркій день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ необъятное!

Такъ пѣлъ казакъ, шагомъ выѣзжая на гору по узкой дорогѣ, беззаботно бросивъ повода̀ и сложа руки; конь привычный не требовалъ понужденія, и молодой казакъ на свободѣ предавался мечтамъ своимъ; его голосъ былъ чистъ и полонъ, его сердце казалось такимъ же.

Не пѣсня, но видъ казака сильно подѣйствовалъ на Вадима; онъ ударилъ себя въ лобъ рукой, какъ обыкновенно дѣлаютъ, когда является неожиданная мысль.

— Стой! — сказалъ онъ, устремивъ мрачный взоръ на подъѣхавшаго казака. Не знаю, что больше подѣйствовало на послѣдняго, голосъ или взоръ, но казакъ остановился и хотѣлъ ухватиться за саблю. — Не нужно, — продолжалъ Вадимъ, — поѣзжай, скажи Бѣлбородкѣ, что послѣзавтра я его жду къ себѣ въ гости; нынѣшнюю весну Палицынъ поставилъ на дворѣ новыя качели... къ двумъ веревкамъ не долго прибавить и третью... Итакъ, послѣзавтра... Скажи, что *Красная Шапка* ему кланяется. Ступай!

При имени *Красной Шапки*, казакъ почтительно съѣхалъ съ дороги и далъ мѣсто Вадиму, который гордо и вмѣстѣ ласково кивнулъ головой, ударилъ нагайкой лошадь... и ускакалъ.

Надобно имѣть слишкомъ великую или слишкомъ ничтожную, мелкую душу, чтобъ такъ играть жизнью и смертью... *Однимъ* словомъ Вадимъ убилъ семейство! И что же онъ такое? вчера нищій, сегодня рабъ, а завтра бунтовщикъ, незамѣтный въ пьяной, окровавленной толпѣ! Не самъ ли онъ создалъ свое могущество! Какая слава, если бъ онъ избралъ другое поприще, если бъ то, что сдѣлалъ для своей личной мести, если бъ это терпѣніе, геройское терпѣніе, эту скорость мысли, эту рѣшительность обратилъ въ пользу какого-нибудь народа, угнетеннаго чуждымъ завоевателемъ... Какая слава, если бъ, напримѣръ, онъ родился въ Греціи, когда турки угнетали потомковъ Леонида... а теперь? имѣя въ виду одну цѣль — смерть трехъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ только виновенъ, теперь онъ со всѣмъ своимъ геніемъ долженъ потонуть въ пучинѣ неизвѣстности... ужели онъ родился только для ихъ казни! Разобравъ эти мысли, онъ такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ, что готовъ былъ бы въ одинъ мигъ уничтожить плоды

многихъ лѣтъ, и презрѣніе къ самому себѣ, горькое презрѣніе обвилось какъ змѣя вокругъ его сердца и вокругъ вселенной, потому что для Вадима все заключалось въ его сердцѣ.

Теряясь въ такихъ мысляхъ, онъ сбился съ дороги и [былъ ли то случай?] непримѣтно подъѣхалъ къ тому самому монастырю, гдѣ въ первый разъ, прикрытый нищенскимъ рубищемъ, пламенный обожатель собственной страсти, онъ предложилъ свои услуги Борису Петровичу... О, тотъ вечеръ неизгладимо остался въ его памяти, со всѣми своими красками земными и небесными, какъ пестрый мотылекъ, утонувшій въ янтарѣ. И теперь опять онъ здѣсь, теперь, когда видя близкій конецъ своего ужаснаго предпріятія, онъ едва можетъ перенесть тягость одной насмѣшки самолюбія — спрашиваю, случай ли привелъ его сюда?

Звонили ко всенощной, и протяжный, дрожащій вой колокола раздавался въ окрестности; солнце было низко, и одна половина стѣны ярко озарялась розовымъ блескомъ заката; народъ изъ сосѣднихъ деревень, въ нарядныхъ одеждахъ, толпился у святыхъ вратъ, и Вадимъ издали узналъ длинныя дроги Палицына, покрытыя узорчатымъ ковромъ: — кто же здѣсь? вѣрно Наталья Сергѣевна. Онъ привязалъ свою лошадь къ толстой березѣ и пошелъ въ монастырь; сердце его билось болѣзненнымъ ожиданіемъ, но скоро перестало: одинъ любопытный взглядъ толпы, одно насмѣшливое слово — и человѣкъ дѣлается снова демонъ!

Тихо Вадимъ приближался къ церкви; сквозь длинныя окна сіяли многочисленныя свѣчи, и на тусклыхъ стеклахъ мелькали колеблющіяся тѣни богомольцевъ, но на дворѣ монастырскомъ все было тихо; въ тѣни, окруженные высокою полынью и рябиновыми кустами, бѣлѣли памятники усопшихъ, съ надписями и крестами; свѣжая роса упадала на нихъ, и вечернія мошки жужжали кругомъ; у колодца стоялъ павлинъ, распустивъ радужный хвостъ, неподвиженъ какъ новый памятникъ. Не знаю съ какою цѣлью, но эта птица находится почти во всѣхъ монастыряхъ.

По обѣимъ сторонамъ крыльца церковнаго сидѣли нищіе — прежніе его товарищи; они его не узнали или не смѣли узнать...

но Вадимъ почувствовалъ неизъяснимое состраданіе къ этимъ существамъ, которыя подобно червямъ ползаютъ у ногъ богатства, которыя безъ родныхъ и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять въ чувствительности проходящихъ!.. Но люди ко всему привыкаютъ, и если подумаешь, то ужаснешься: какъ знать? можетъ быть и чувства святѣйшія — одна привычка, и если бъ зло было такъ-же рѣдко, какъ добро и послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой?!

Вадимъ, сказалъ я, почувствовалъ состраданіе къ нищимъ и остановился, чтобы дать имъ что-нибудь; вынувъ нѣсколько грошей, онъ каждому бросалъ по одному—они благодарили нараспѣвъ давно затверженными словами и даже не поднявъ глазъ, чтобы разсмотрѣть подателя милостыни... Это равнодушіе напомнило Вадиму, гдѣ онъ и съ кѣмъ; онъ хотѣлъ итти далѣе, но костистая рука вдругъ остановила его за плечо. —Постой, постой, кормилецъ! —пропищалъ хриплый женскій голосъ сзади его. И рука нищенки все крѣпче сжимала свою добычу; онъ обернулся, и отвратительное зрѣлище представилось его глазамъ: старушка, низенькая, сухая, съ большимъ брюхомъ, такъ сказать, повисла на немъ; ея засученные рукава обнажали двѣ руки похожія на грабли, и полусиній сарафанъ, составленный изъ тысячи гадкихъ лохмотьевъ, висѣлъ криво и косо на этомъ подвижномъ скелетѣ. Выраженіе ея лица поражало умъ какою-то неизъяснимою низостью, какою-то гнилостью, свойственной мертвецамъ, долго стоявшимъ на воздухѣ; вздернутый носъ, огромный ротъ, изъ котораго вырывался голосъ рѣзкій и странный, еще ничего не значили въ сравненіи съ глазами нищенки; вообразите два сѣрые кружка, прыгающіе въ узкихъ щеляхъ, обведенныхъ красными коймами: ни рѣсницъ ни бровей, и при всемъ этомъ взглядъ, тяготѣющій на поверхности души, производящій во всѣхъ чувствахъ болѣзненное состояніе! Вадимъ не былъ суевѣръ,—но волосы у него встали дыбомъ: онъ въ одинъ мигъ прочелъ въ ея чертахъ цѣлую повѣсть разврата и преступленій, но не встрѣтилъ ничего похожаго на раскаяніе; не мудрено если онъ отгадалъ правду: есть существа, которыя на высшей степени несчастія такъ

умѣютъ обрубить, обточить свою бѣдственную душу, что она теряетъ всѣ способности, кромѣ первой и послѣдней: жить!

— Ты позабылъ меня, дорогой, позабылъ—дай копеечку— не для Бога, для чорта... дай копеечку... али позабылъ меня? Не гордись, что ты холопъ барскій... чай, недавно валялся вмѣстѣ.

Вадимъ вырвался изъ ея рукъ.

— Проклятъ! проклятъ! проклятъ!—кричала въ бѣшенствѣ старуха:—чтобы тебѣ сгнить живому, чтобы черти твой языкъ подточили, чтобъ вороны глаза проклевали, чтобъ тебѣ ходить—спотыкаться, пить—захлебнуться; горбатый, уродъ, холопъ... проклятъ, проклятъ!...

И снова она уцѣпилась за полу Вадима; онъ обернулся и съ досады такъ сильно толкнулъ ее въ грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо; голова ея стукнула, какъ что-то пустое, и ноги протянулись; она ни слова не сказала больше, по крайней мѣрѣ Вадимъ не слыхалъ, потому что онъ поспѣшно вошелъ въ церковь, гдѣ толпа слушала съ благоговѣніемъ всенощную. Эти самые люди готовились проливать кровь завтра; нынче они, крестясь и кланяясь въ землю, поталкивали другъ друга, если замѣчали возлѣ себя дворянина, и готовы были растерзать его на мѣстѣ, но еще не смѣли: еще ни одинъ казакъ не привозилъ кровавыхъ приказаній въ окружныя деревни.

Вадимъ продрался сквозь толпу до самаго клироса и, ставъ на амвонъ, окинулъ взоромъ всю церковь. Прямой, высокій, вызолоченный иконостасъ былъ уставленъ образами въ пять рядовъ, и огромныя паникадила, висящія среди церкви, бросали сквозь дымъ ладона таинственные лучи на блестящую рѣзьбу и усыпанные жемчугомъ оклады; задняя часть храма была въ глубокой темнотѣ; одна лампада, какъ запоздалая звѣзда, не могла разсѣять вокругъ тяготѣющія тѣни; у стѣны едва можно было различить блѣдное лицо стараго схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, если бъ голова порою не наклонялась, и не шевелились губы; черная мантія и клобукъ увеличивали его блѣдность, и руки, сложенныя на груди крестомъ, подобились тѣмъ двумъ костямъ, которыя обыкновенно рисуются подъ адамовой головой.

Поближе, между столбами и противъ царскихъ дверей, пестрѣла толпа. Передъ Вадимомъ было волнующееся море головъ, и онъ съ возвышенія свободно могъ разсматривать каждую. Тутъ мелькали уродливыя лица, какъ странныя китайскія тѣни, которыя поражали сліяніемъ скотскаго съ человѣческимъ, уродливыя черты, которыхъ отвратительность опредѣлить невозможно было, но при взглядѣ на нихъ рождались горькія мысли; тутъ являлись старыя головы, исчерченныя морщинами, красныя, хранящія столько смѣшанныхъ слѣдовъ страстей унизительныхъ и благородныхъ, что сообразить ихъ было бы труднѣе, чѣмъ исчислить, и между ними кое-гдѣ сіялъ молодой взоръ, и показывались щеки полныя, раскрашенныя здоровьемъ, какъ цвѣты между сѣрыми камнями.

Имѣя эту картину предъ глазами, вы безъ труда могли бы разобрать каждую часть ея, но цѣлое произвело бы на васъ впечатлѣніе смутное, неизъяснимое; и послѣ, вспоминая, вы не сумѣли бы ясно представить себѣ ни одного изъ тѣхъ образовъ, которые поразили ваше воображеніе, подали вамъ какую-нибудь новую мысль и, оставивъ ее, сами потонули въ туманѣ.

Вадимъ для разсѣянія старался угадывать внутреннее состояніе каждаго богомольца по его наружности, но ему не удалось; онъ потерялъ принятый порядокъ, и скоро все слилось передъ его глазами въ пестрое собраніе лохмотьевъ, въ кучу носовъ, глазъ, бородъ, и озаренные общимъ свѣтомъ, они, казалось, принадлежали одному живому, вѣчно движущемуся существу; однимъ словомъ, это была — толпа: нѣчто смѣшное и вмѣстѣ жалкое!

Бродящій взглядъ Вадима искалъ гдѣ-нибудь остановиться, но картина была слишкомъ разнообразна, и къ тому же всѣ мысли его, сосредоточенныя на одинъ предметъ, не отражали впечатлѣній внѣшнихъ; одно мучительно-сладкое чувство ненависти, достигнувъ высшей своей степени, загородило весь міръ, и душа поневолѣ смотрѣла сквозь этотъ черный занавѣсъ.

Направо, между царскими и боковыми дверьми былъ нерукотворенный образъ Спасителя, удивительной величины; позолоченный окладъ, искусно выдѣланный, сіялъ какъ жаръ, и множество свѣчей, разставленныхъ на висячемъ паникадилѣ;

кидали красноватые лучи на возвышающіяся части мелкой рѣзьбы или на круглыя складки одежды; передъ самымъ образомъ стояла желѣзная кружка—это была милость у ногъ Спасителя — и надъ ней внизу образа было написано крупными выпуклыми буквами: *пріидите ко мнѣ вси труждающіеся, и азъ успокою вы.*

Многіе приближались къ образу, и приложившись послѣ земнаго поклона, кидали въ кружку мѣдныя деньги, которыя, упадая, отдавали глухой звукъ.

Госпожа и крестьянка съ груднымъ младенцемъ на рукахъ подошли вмѣстѣ, но первая съ надменнымъ видомъ оттолкнула послѣднюю, и ушибленный ребенокъ громко закричалъ. Не мудрено, что завтра,—подумалъ Вадимъ,—эта богатая женщина будетъ издыхать на висѣлицѣ, тогда какъ бѣдная, хлопая въ ладоши, станетъ указывать на нее дѣтямъ своимъ—и, отвернувшись, онъ хотѣлъ итти прочь.

Но третья женщина приблизилась къ святой иконѣ — и онъ зналъ эту женщину..

Ея кровь — была его кровь, ея жизнь была ему въ тысячу разъ дороже собственной жизни, но ея счастье — не было его счастіемъ, потому что она любила другого, прекраснаго юношу; а онъ, безобразный, хромой, горбатый, не умѣлъ заслужить даже братской нѣжности, онъ, который любилъ ее одну въ цѣломъ Божьемъ мірѣ, ее одну, который за первое непритворное искреннее *люблю*, съ восторгомъ бросилъ бы къ ея ногамъ все, что имѣлъ, свое сокровище, свой кумиръ — свою ненависть! Теперь было поздно.

Онъ зналъ, твердо былъ увѣренъ, что ея сердце отдано... и навѣки. Итакъ, она для него погибла... и совсѣмъ тѣмъ чѣмъ болѣе страдалъ, тѣмъ меньше могъ разстаться съ своей любовью, потому что эта любовь была послѣдняя божественная часть его души, и угасивъ ее, онъ не могъ бы остаться человѣкомъ.

Не замѣтивъ брата, Ольга тихо стала передъ образомъ, блѣдна и прекрасна; она была одѣта въ черную бархатную шубейку, какъ въ тотъ роковой вечеръ, когда Вадимъ ей открылъ свою тайну; большіе глаза ея были устремлены на ликъ Спасителя;

это была ея единственная молитва, и, если бъ Богъ былъ человѣкъ, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно.

Перекрестясь, она приложилась; яркая риза на минуту потускнѣла отъ дѣвственнаго дыханія, и когда Ольга вторично подняла взоръ, то въ немъ замѣтна была перемѣна, довольно странная; удивительный блескъ замѣнилъ прежнюю томность: это были слезы... одна изъ нихъ не удержалась на густой рѣсницѣ, блеснула, какъ алмазъ, и упала.

Конечно, новая надежда вытѣснила изъ ея сердца эти слезы. Ольга обернулась, чтобъ удалиться... и передъ ней стоялъ Вадимъ. Его огненный взглядъ въ одну минуту высушилъ слезы; каждая жила ея сердца вздрогнула, дыханіе остановилось.

Горе, горе ему! она пришла сюда съ вѣрою въ душѣ, а возвратилась съ отчаяніемъ [все это время дьячекъ читалъ козлинымъ голосомъ посланіе апостола Павла, и кругомъ, ничего не замѣтивъ, толпа зѣвала въ нѣмомъ бездѣйствіи... что такое двѣ страсти въ цѣломъ морѣ равнодушія?]

Съ горькой, горькой улыбкой Вадимъ вторично прочелъ подъ образомъ Спасителя извѣстный стихъ: *пріидите ко мнѣ вси отруждающіеся, и азъ успокою вы.* Что дѣлать! онъ вѣрилъ въ Бога—но также и въ дьявола!

И выходя изъ храма, онъ еще разъ взглянулъ на сестру; возлѣ нея стоялъ Юрій, небрежно чертя на пескѣ разные узоры своей шпагой, и она, прислоняясь къ стѣнѣ, не сводила съ него очей, исполненныхъ неизъяснимой муки... можно было подумать, что черезъ минуту ей суждено съ нимъ разстаться навсегда. Но развѣ нѣсколько дней не короче минуты, когда смерть зоветъ и любовь потеряла надежду?...

— Итакъ, она точно его любитъ,—шепталъ Вадимъ, неподвижно остановясь въ дверяхъ. Одна его рука была за пазухой, и ногти его по какому-то судорожному движенію такъ глубоко врѣзались въ тѣло, что когда онъ вынулъ руку, то пальцы были въ крови... Онъ, какъ безумный, посмотрѣлъ на нихъ, молча стряхнулъ кровавыя капли на землю и вышелъ.

На крыльцѣ шумѣла куча нищихъ и богомольцевъ; они составляли кружокъ, и посреди нихъ на холодныхъ каменныхъ плитахъ лежала протянувшись мертвая старуха.

— Какой-то проходящій толкнулъ ее; мы думали, что онъ шутитъ... она упала, да и окачурилась, чортъ ее зналъ! вольно жъ было не закричать! —такъ говорилъ одинъ нищій; другіе повторяли его слова съ шумомъ, оправдываясь въ томъ, что не подали ей помощь, и плачевнымъ голосомъ защищали свою невинность.

Вадимъ слышалъ, но не вспомнилъ, что *онъ* толкнулъ старуху.

— Итакъ, она его любитъ!—бормоталъ онъ сквозь зубы, садясь на нетерпѣливаго коня.—Итакъ, она его любитъ!

Вадимъ имѣлъ несчастную душу, надъ которой иногда единая мысль могла пріобрѣсти неограниченную власть. Онъ долженъ бы былъ родиться всемогущимъ, или вовсе не родиться.

ГЛАВА XV.

Между тѣмъ передъ вратами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое гдѣ показывались казацкія шапки, блистали копья и ружья; часто отъ общаго ропота отдѣлялись грозныя рѣчи, дышащія мятежемъ и убійствомъ; часто раздавались отрывистыя пѣсни и пьяный хохотъ, которые не предвѣщали ничего добраго, потому что веселость толпы въ такую минуту—поцѣлуй Іуды. Что-то ужасное созрѣвало подъ этой веселостью, подстрекаемою своеволіемъ, возбужденною новыми пришельцами, уже привыкшими къ кровавымъ зрѣлищамъ и грабежу свободному...

И все это происходило въ виду церкви, гдѣ еще блистали свѣчи, и раздавалось молитвенное пѣніе.

Скоро и въ церкви пробѣжалъ зловѣщій шопотъ; понемногу мужики стали изъ нея выбираться, одни отъ нетерпѣнія, другіе изъ любопытства, а иные—такъ, потому что сосѣдъ сказалъ: пойдемъ, потому что.. какъ не посмотрѣть, что тамъ дѣлается?

Народъ, столпившійся передъ монастыремъ, былъ изъ ближней деревни, лежащей подъ горой; безпрестанно приходили новые помощники, безпрестанно частные возгласы сливались болѣе и болѣе въ одинъ общій гулъ, въ одинъ продолжительный,

величественный ревъ, подобный безпрерывному грому въ душную лѣтнюю ночь... Картина была ужасная, отвратительная, но взоръ хладнокровнаго наблюдателя могъ бы ею насытиться вполнѣ; тутъ онъ понялъ бы, что такое народъ: камень, висящій на полугорѣ, который можетъ быть сдвинутъ усиліемъ ребенка, но, не смотря на то, сокрушаетъ все, что ни встрѣтитъ въ своемъ безотчетномъ стремленіи... Тутъ онъ увидалъ бы, какъ мелкія самолюбивыя страсти получаютъ вѣсъ и силу оттого, что становятся общими; какъ народъ невѣжественный и нечувствующій себя хочетъ увѣриться въ истинѣ своей минутной, поддѣльной власти, угрожая всему, что прежде онъ уважалъ или чего боялся, подобно ребенку, который говоритъ неблагопристойности, желая доказать этимъ, что онъ взрослый мужчина!

Вокругъ яркаго огня, разведеннаго прямо противъ воротъ монастырскихъ, больше всѣхъ кричали и коверкались нищіе. Ихъ радость была изступленіе; озаренные трепетнымъ, багровымъ отблескомъ огня, они составляли первый планъ картины; за ними все было мрачнѣе и неопредѣлительнѣе; люди двигались, какъ рѣзкія грубыя тѣни; казалось, неизвѣстный живописецъ назначилъ этимъ нищимъ, этимъ отвратительнымъ лохмотьямъ приличное мѣсто; казалось, онъ выставилъ ихъ на свѣтъ, какъ главную мысль, главную черту характера своей картины...

Они были душа этого огромнаго тѣла, потому что нищета— душа порока и преступленій; теперь насталъ часъ ихъ торжества; теперь они могли въ свою очередь насмѣяться надъ богатствомъ; теперь они превратили свои лохмотья въ царскія одежды и кровью смывали съ нихъ пятна грязи; это былъ пурпуръ въ своемъ родѣ: чѣмъ менѣе они надѣялись повелѣвать, тѣмъ ужаснѣе было ихъ царствованіе; надобно же вознаградить цѣлую жизнь страданій хотя одной минутой торжества, нанести хотя одинъ ударъ тому, чье каждое слово было—обида,— одинъ—но смертельный.

Когда служба въ монастырѣ отошла, и пріѣзжіе богомольцы, толкаясь, кучею повалили на крыльцо, то шумъ на время замолкъ, и потомъ вдругъ пробѣжалъ зловѣщій ропотъ по толпѣ

мятежной, какъ ропотъ листьевъ, пробужденныхъ внезапнымъ вихремъ, и неизвѣстная рука, неизвѣстный голосъ подалъ знакъ не условный, но понятный всѣмъ, но для всѣхъ повелительный: это былъ бѣдный ребенокъ одиннадцати лѣтъ не болѣе, который, заграждая путь какой-то толстой барынѣ, получилъ отъ нея ударъ въ затылокъ и, громко заплакавъ, упалъ на землю... Этого было довольно: толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась, какъ будто она до сихъ поръ ожидала только эту причину, этотъ незначущій предлогъ, чтобы наложить руки на свои жертвы, чтобъ совершенно обнаружить свою ненависть. Народъ, еще неопытный въ такихъ волненіяхъ, похожъ на актера, который, являясь впервые на сцену, такъ смущенъ новостію своего положенія, что забываетъ начало роли, какъ бы твердо ее ни зналъ онъ; надобно непремѣнно, чтобъ суфлеръ, этотъ услужливый Протей, подсказалъ ему первое слово, и тогда можно надѣяться, что онъ не запнется на дорогѣ.

Между тѣмъ Юрій и Ольга, которые вышли изъ монастыря нѣсколько прежде Натальи Сергѣевны, не захотѣвъ ея дожидаться у экипажа и желая воспользоваться душистой прохладой вечера, шли рука объ руку по пыльной дорогѣ; чувствуя теплоту дѣвственнаго тѣла такъ близко отъ своего сердца, внимая шороху платья, Юрій невольно забылся: онъ обвилъ круглый станъ Ольги одною рукою, а другой отодвинувъ большой бумажный платокъ, покрывавшій ея голову и плечи, напечатлѣлъ жаркій поцѣлуй на ея круглой шеѣ; она запылала, крѣпче прижалась къ нему и ускорила шаги, не говоря ни слова. Въ это время они находились на перекресткѣ двухъ дорогъ, возлѣ большой засохшей отъ старости ветлы, коей черные сучья рѣзко рисовались на полусвѣтломъ небосклонѣ, еще хранящемъ послѣдній отблескъ запада.

Вдругъ Ольга остановилась; странные звуки, подобные крикамъ отчаянія и воплю бѣшенства, поразили слухъ ея: они постепенно возрастали.

— Что-то ужасное происходитъ у монастыря, — воскликнула Ольга; — моя душа предчувствуетъ... О, Юрій! Юрій! если бъ ты зналъ, мы гибнемъ... Ты замѣтилъ ли зловѣщій шопотъ народа при выходѣ изъ церкви, и замѣтилъ ли эти дикія лица

нищихъ, которые радовались и веселились... о, это дурной знакъ: святые плачутъ, когда демоны смѣются.

Юрій, мрачный, въ нерѣшимости, бѣжать ли ему на помощь къ матери или остаться здѣсь, стоялъ, вперивъ глаза на монастырь, коего нижнія части были ярко освѣщены огнями. Вдругъ глаза его сверкнули, онъ кинулся къ дереву, въ одну минуту вскарабкался до половины и вскорѣ съ помощью толстыхъ сучьевъ взобрался почти на самый верхъ.

— Что видишь ты?—спросила трепетная Ольга.

Онъ не отвѣчалъ. Была минута, въ которую онъ такъ сильно вздрогнулъ, что Ольга вскрикнула, думая, что онъ сорвется, но рука Юрія какъ бы машинально впилась въ безчувственное дерево. Наконецъ онъ слѣзъ, молча сѣлъ на траву близъ дороги и закрылъ лицо руками.—Что видѣлъ ты?—говорила дѣвушка,—отчего твои руки такъ холодны, и лицо такъ влажно?—Это роса,—отвѣчалъ Юрій, отирая холодный потъ съ чела и вставая съ земли.

— Все кончено... напрасно... я безсиленъ противъ этой толпы... она погибла... о, провидѣніе!—что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? отвѣчай мнѣ, Творецъ всемогущій!—воскликнулъ онъ, ломая руки и скрежеща зубами.

Ночь дѣлалась темнѣе и темнѣе, и Ольга, ухватясь за своего друга, съ ужасомъ кидала взоры на дальній монастырь, внимая гулу и воплямъ, разносимымъ по полю возрастающимъ вѣтромъ; вдругъ шумъ колесъ и топотъ лошадиный послышались по дорогѣ; они постепенно приближались, и вскорѣ подъѣхалъ къ нашимъ странникамъ мужикъ въ пустой телѣгѣ; онъ ѣхалъ рысью, правилъ стоя и пѣлъ какую-то нескладную пѣсню. Поровнявшись съ Юріемъ, онъ пріостановилъ свою буланую лошадь.— Что, бояринъ?—сказалъ онъ, насмѣшливо поглаживая рыжую бороду,—аль тамъ не пирогами кормятъ, что ты больно поторопился домой-то... да еще пѣшечкомъ; сядь-ка довезу!...

Юрій, не отвѣчая ни слова, схватилъ лошадь подъ уздцы. Что ты, что ты, бояринъ?—закричалъ грубо мужикъ,—ужъ не впрямь ли хочешь со мною съѣздить; экъ, всполошился,—продолжалъ онъ, ударивъ лошадь кнутомъ и присвистнувъ,

добрый конь рванулся, но Юрій, коего силы удвоило отчаяніе, такъ крѣпко вцѣпился въ узду, что лошадь принуждена была кинуться въ сторону; между тѣмъ колесо телѣги сильно ударилось о камень, и она едва не опрокинулась. Мужикъ, потерявшій равновѣсіе, упалъ, но не выпустилъ возжи; онъ уже занесъ ногу, чтобъ опять вскочить въ телѣгу, когда неожиданный ударъ по головѣ повергъ его на землю, и сильная рука вырвала возжи...—Разбой!—заревѣлъ мужикъ, опомнившись и стараясь приподняться, но Юрій уже успѣлъ схватить Ольгу, посадить ее въ телѣгу, повернуть лошадь и ударить ее изо всей мочи; она кинулась со всѣхъ ногъ; мужикъ еще разъ успѣлъ хриплымъ голосомъ закричать: разбой! — колесо переѣхало ему черезъ грудь и онъ замолкъ—вѣроятно—навѣки.

Ужасна была эта ночь: толпа шумѣла почти до разсвѣта, и кровавые потѣшные огни встрѣтили первый лучъ восходящаго свѣтила; множество нищихъ, обезображенныхъ кровью, виномъ и грязью, валялось на полянѣ, иные изъ нихъ ужъ собирались кучками и расходились; во многихъ мѣстахъ опаленная трава и черный пепелъ показывали мѣсто угасшаго костра; на нѣкоторыхъ деревьяхъ висѣли трупы... два или три не болѣе... одинъ изъ нихъ по всѣмъ примѣтамъ былъ нѣкогда женщиной, но обезображенный, онъ едва походилъ на бренные остатки человѣка, и даже ближайшіе родственники не могли бы въ немъ узнать добрую Наталью Сергѣевну.

ГЛАВА XVI.

Я попрошу своего или своихъ любезныхъ читателей перенестись воображеніемъ въ ту малую лѣсную деревеньку, гдѣ Борисъ Петровичъ со своей охотой основалъ главную свою квартиру, находя ее центромъ своихъ операціонныхъ пунктовъ. Наканунѣ травля была удачная; поздно нашъ старый охотникъ возвратился на ночлегъ, досадуя на то, что его стремянной, Вадимъ, уѣхавъ Богъ знаетъ зачѣмъ, не возвратился. Въ избѣ, гдѣ онъ ночевалъ, была одна хозяйка-вдова, солдатка, лѣтъ 30-ти, довольно бѣлая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная, и потому вы легко отгадаете, что

старый нашъ прелюбодѣй, не смотря на серебристый оттѣнокъ волосъ своихъ и на рождающіеся признаки будущей подагры, не смотрѣлъ на нее философическимъ взглядомъ, а старался всячески выиграть ея благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и безъ большихъ убытковъ и хлопотъ. Ужъ давно лучина была погашена; ужъ пѣтухъ, хлопая крыльями, сбирался въ первый разъ пропѣть свою сиповатую арію; ужъ кони, сытые по горло, изрѣдка только жевали остатки хрупкаго овса, и въ избѣ на полатяхъ, рядомъ съ полногрудою хозяйкою, Борисъ Петровичъ храпѣлъ непомилованно; вѣроятно, утомленный трудами дня и [вѣроятнѣе] упоенный сладкой водочкой и поцѣлуями полногрудой хозяйки и успокоенный чистой и непорочной совѣстью, онъ еще долго бы продолжалъ храпѣть и переворачиваться со стороны на сторону, если бъ вдругъ, среди глубокой тишины, сильная невѣдомая рука не ударила три раза въ ворота такъ, что они затрещали; собаки жалобно залаяли и хозяйка, вздрогнувъ, проснулась, перекрестилась и, протирая кулаками опухшіе глаза и разбирая растрепанные волосы, молвила:—Господи, Боже мой! да кто это тамъ! наше мѣсто свято!... да что это какъ стучатъ!... Она слѣзла и подошла къ окну, отворила его: ночной вѣтеръ пахнулъ ей на открытую потную грудь и она, съ досадой высунувъ голову на улицу, повторила свои вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, буланая лошадь въ хомутѣ и шлеѣ стояла у воротъ и возлѣ нея человѣкъ, незнакомый ей, но съ виду не старый и не крестьянинъ. —Отопри проворнѣе,—закричалъ онъ громовымъ голосомъ.— Экой скорой! — пробормотала солдатка, захлопнувъ окно,— подождешь, не замерзнешь... не спится видно тебѣ, такъ бродишь по лѣсу, какъ лѣшій проклятый.—Она надѣла шубу, вышла, разбудила работника, и тотъ, наконецъ, отперъ скрипучую калитку, браня пріѣзжаго; но сей послѣдній едва лишь ворвался на дворъ и узналъ отъ работника, что Борисъ Петровичъ тутъ, какъ опрометью бросился въ избу.

— Батюшка!—сказалъ Юрій, котораго вы вѣроятно узнали, примѣтно измѣнившимся голосомъ и въ потемкахъ ощупывая предметы,—проснитесь, гдѣ вы! проснитесь! дѣло идетъ о жизни и смерти. Послушай,—продолжалъ онъ шопотомъ, обра-

тясь къ полусонной хозяйкѣ и внезапно схвативъ ее за горло,—гдѣ мой отецъ? что вы съ нимъ сдѣлали?

— Помилуй, баринъ, что ты, рехнулся што ли... я закричу... да пусти... пусти меня, окаянный... да развѣ не слышишь, какъ онъ на полатяхъ-то храпитъ,—и, задыхаясь, она старалась вырваться изъ рукъ Юрія.

— Что за шумъ? кто тамъ развозился? Петрушка, Терешка, Фотька! эй, вы!... закричалъ Борисъ Петровичъ, пробужденный шумомъ и холоднымъ вѣтромъ, который рвался въ полурастворенныя двери, свистя и завывая подобно лютому звѣрю.

— Батюшка!—говорилъ Юрій, пустивъ обрадованную женщину,—сойдите скорѣе... жизнь и смерть... говорю я вамъ... сойдите, ради неба или ада...

— Да что ты за человѣкъ?—бормоталъ Борисъ Петровичъ, сползая съ печи.

— Я! вашъ сынъ... Юрій...

— Юрій... что это значитъ... объясни... зачѣмъ ты здѣсь... и въ это время?...

Онъ въ испугѣ схватилъ сына за руки и смотрѣлъ ему въ глаза, стараясь убѣдиться, что это точно онъ, что это не лукавый призракъ...

— Батюшка! мы погибли!... народъ бунтуетъ! да! и у насъ... Я видѣлъ, когда проскакалъ, на улицѣ села и вокругъ церкви толпились кучи народа... и нѣкоторыя восклицанія, долетѣвшія до меня, показываютъ, что они ждутъ, если не самого Пугачева... то казаковъ его... спасайтесь...

— А Наталья Сергѣвна?.. а вещи мои?..

— Матушка... не говорите объ ней... она... Спасайтесь!—сказалъ мрачно Юрій, крѣпко обнявъ отца своего. Горячая слеза, брызнувшая изъ глазъ юноши, упала какъ искра на щеку старика и обожгла ее...

— О!... завопилъ онъ,—кто бъ могъ подумать, повѣрить? кто ожидалъ, что эта туча доберется и до насъ грѣшныхъ? О, Господи, Господи! куда мнѣ дѣваться? всѣ противъ насъ... Богъ и люди... и кто могъ отгадать, что этотъ Пугачевъ будетъ губить... кого же? русское дворянство! простой казакъ... Боже мой! святые отцы!

— Нѣтъ ли у васъ съ собою кого-нибудь, на чью вѣрность вы можете надѣяться, — сказалъ быстро Юрій.

— Нѣтъ, нѣтъ! никого нѣтъ!

— Фотька Атуевъ?

— Я его сегодня прибилъ до полусмерти, каналью!

— Терешка?

— Онъ давно желалъ бы мнѣ ножъ въ бокъ за жену свою... разбойники! антихристы!... О, спаси меня, сынъ мой!

— Мы погибли! — молвилъ Юрій, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу. — Одинъ Богъ можетъ сохранить насъ!... Молитесь ему, если можете.

Борисъ Петровичъ упалъ на колѣни, и слезы рѣкой полились изъ глазъ его. Малодушный старикъ! онъ ожидалъ, что цѣлый міръ ангеловъ спустится къ нему на лучѣ мѣсяца, и унесутъ его на серебряныхъ крыльяхъ за тридевять земель...

Но не ангелъ, а бѣдная солдатка съ состраданіемъ подошла къ нему и молвила: *я спасу тебя.*

Въ важныя эпохи жизни, иногда въ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ разгорается искра геройства, неизвѣстно доселѣ тлѣвшая въ груди его, и тогда онъ свершаетъ дѣла, о коихъ до сего ему не случалось и грезить, которымъ даже послѣ онъ самъ едва вѣруетъ. Есть простая пословица: *Москва сгорѣла отъ копеечной свѣчки.*

Между тѣмъ хозяйка молча подала знакъ рукою, чтобъ они оба за нею слѣдовали, и вышла; на цыпочкахъ они миновали темныя сѣни, гдѣ спалъ стремянной Палицына и осторожно спустились на дворъ по четыремъ скрипучимъ и скользкимъ ступенямъ; на дворѣ все было тихо: собаки на сворахъ лежали подъ навѣсомъ, и изрѣдка лишь фыркали сытые кони, или охотникъ произносилъ во снѣ безсвязныя слова, поворачиваясь на соломѣ подъ теплымъ полушубкомъ. Когда они миновали амбаръ и подошли къ заднимъ воротамъ, соединявшимъ дворъ съ обширнымъ огородомъ, усѣяннымъ капустой, коноплями, рѣдькой и подсолнечниками и оканчивающимся тѣснымъ гумномъ, гдѣ только двѣ клади, какъ будки, стоя по угламъ, казалось, сторожили высокій и пустой овинъ, возвышающійся посрединѣ, то раздался чей-то голосъ, вѣроятно одного изъ пробудив-

шихся псарей.—Кто тамъ?—спросилъ онъ.—Развѣ не видишь, что хозяева,—отвѣчала солдатка. Замѣтивъ, что псарь приближался къ ней переваливаясь, какъ бы стараясь поддержать свою голову въ равновѣсіи съ прочими частями тѣла, она указала своимъ спутникамъ большой кустъ репейника, за который они тотчасъ кинулись, и хладнокровно остановилась у воротъ.

— А развѣ красавицамъ пристало гулять по ночамъ?—сказалъ, почесывая бока, пьяный псарь и тяжелой своей лапой съ громкимъ смѣхомъ ударилъ ее по плечу.

— И, батюшка, что я за красавица! съ нашей работки-то не больно разжирѣешь!

— Ужъ не ломайся, знаемъ мы! экая гладкая! У барина видно губа не дура... Экъ ты призрѣла себѣ стараго чорта... да не бойся! не сдобровать ему... высчитаемъ мы ему наши слезки... дай срокъ!... батюшка Пугачевъ ему рыло-то обтешетъ... пусть себѣ не вѣритъ... а ты, моя молодка... за это поцѣлуй меня...

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она увернулась, и нашъ проворный рыцарь спьяна наткнулся на оглоблю телѣги, споткнулся, упалъ, проворчалъ нѣсколько ругательствъ, и заснулъ онъ или нѣтъ, не знаю, по крайней мѣрѣ не поднялся на ноги и остался въ сладкомъ самозабвеніи.

Легко вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ отецъ и сынъ ожидали конца этой непріятной сцены. Наконецъ, они вышли въ огородъ и удвоили шаги; сильно бились сердца ихъ, стѣсненныя непонятнымъ предчувствіемъ; они шли, удерживая дыханіе, скользя по росистой травѣ, продираясь между копоплей и вязкихъ грядъ, зацѣпляя поминутно ногами или за кирпичъ, или за хворостъ; вороньи пугала казались имъ людьми и каждый разъ когда полевая крыса кидалась изъ-подъ ногъ ихъ, они вздрагивали. Борисъ Петровичъ хватался за рукоятку охотничьяго ножа, а Юрій за шпагу... Но къ счастію всѣ ихъ страхи были напрасны, и они благополучно приблизились къ темному овину; хозяйка вошла туда, за нею Борисъ Петровичъ и Юрій; она подвела ихъ къ одному темному углу, гдѣ находилось два сусѣка—одинъ изъ нихъ съ хлѣбомъ, а другой до половины наваленный соломою.

— Полѣзай сюда баринъ,—сказала солдатка, указывая на

второй,—да заройся хорошенько съ головой въ солому, и кто бы ни приходилъ, что бы тутъ ни дѣлали… не вылѣзай безъ меня, а я коли жива буду, тебя не выдамъ; что бъ ни было, а этого грѣха не возьму на свою душу.

Когда Борисъ Петровичъ влѣзъ, то Юрій вмѣсто того, чтобъ слѣдовать его примѣру, взглянулъ на небо и сказалъ твердымъ голосомъ:—прощайте, батюшка, будьте живы… ваше благословеніе! можетъ быть, мы больше не увидимся.—Онъ повернулся и быстро пустился назадъ по той же дорогѣ; войдя на дворъ, онъ, не будучи никѣмъ замѣченъ, отвязалъ лучшую лошадь, вскочилъ на нее и пустился снова черезъ огородъ, проскакалъ гумно, махнулъ рукой удивленной хозяйкѣ, которая еще стояла у дверей овина, и перескочивъ черезъ ветхій обвалившійся заборъ, скрылся въ полѣ, какъ молнія; нѣсколько минутъ можно было различить мѣрный топотъ скачущаго коня,—онъ постепенно становился тише и тише, и наконецъ совершенно слился съ шопотомъ листьевъ дубравы.

— Куда этотъ верченый пустился!—подумала удивленная хозяйка,—видно голова крѣпка на плечахъ, а то кто бы ему велѣлъ таскаться; ну, не дай Богъ, наткнется на казаковъ, и поминай какъ звали буйнаго молодца! Охъ, охъ, охъ! больно меня раздумье беретъ!…спрятала-то я стараго, спрятала, а какъ станутъ меня бить да мучить… Ну, ужъ коли на то пошло, такъ берегись, баба!.. не давши слова держись, а давши крѣпись… только бы онъ самъ не оплошалъ!…

ГЛАВА XVII.

Въ эту же ночь, богатую событіями, Вадимъ, выѣхавъ изъ монастыря, пустился блуждать по лѣсу, но конь, уставъ продираться сквозь колючій кустарникъ, самъ вывезъ его на дорогу въ село Палицына.

Задумавшись, ѣхалъ мрачно горбачъ, сложа руки на груди и повѣся голову; его охотничья плеть моталась на передней лукѣ казацкаго сѣдла, и добрый степной конь его, горячій, щекотливый отъ природы, понемногу сталъ прибавлять ходу, сбился на рысь; потомъ, чувствуя, что повода висятъ покойно на его мохнатой шеѣ, зафыркалъ, прыгнулъ и ударился скакать..

Вадимъ опомнился, схватилъ поводья и такъ сильно осадилъ коня, что тотъ сразу присѣлъ на хвостъ, замоталъ головою, сдѣлалъ еще два скачка въ бокъ и остановился; теплый паръ поднялся отъ хребта его, и пѣна, стекая по стальнымъ удиламъ, клоками падала на землю.

— Куда торопишься, чему обрадовался, лихой товарищъ? — сказалъ Вадимъ, — но тебя ждетъ покой и теплое стойло... ты не любишь, ты не понимаешь ненависти... ты не получилъ отъ благихъ небесъ этой чудной способности: находить блаженство въ самыхъ дикихъ страданіяхъ... О, если бъ я могъ вырвать изъ души своей эту страсть, вырвать съ корнемъ, вотъ такъ! — и онъ наклонясь вырвалъ изъ земли высокій стебель полыни. — Но нѣтъ! — продолжалъ онъ, — одной капли яда довольно, чтобъ отравить чашу, полную чистѣйшей влаги, и надо ее выплеснуть всю, чтобы вылить ядъ... Онъ продолжалъ свой путь, но не шагомъ; невѣдомая сила влечетъ его; неутомимый конь летитъ, разсѣкаетъ упорный воздухъ; волосы Вадима развѣваются; два раза шапка чуть-чуть не слетѣла съ головы; онъ придерживаетъ ее рукою... и только изрѣдка поталкиваетъ ногами скакуна своего. Вотъ ужъ и село... церковь... кругомъ огни... мужики толпятся на улицѣ въ праздничныхъ кафтанахъ... кричатъ, поютъ пѣсни... то вдругъ замолкнутъ, то вдругъ сильнѣй и громче пробѣжитъ говоръ по пьяной толпѣ. Вадимъ привязываетъ коня къ забору и непримѣтно вмѣшивается въ толпу. Эти огни, эти пѣсни — все дышало тогда какой-то насильственной веселостью, принимало видъ языческаго празднества, и даже въ пѣсняхъ часто повторяемыя имена — Дидо и Ладо — могли бы ввести въ заблужденіе неопытнаго чужестранца.

— Ну, Вадимка! — сказалъ одинъ толстый мужикъ съ рѣдкой бородою и огромной лысиной: — какъ слышно... скоро ли нашъ батюшка-то пожалуетъ?...

— Завтра, въ обѣдъ, — отвѣчалъ Вадимъ, стараясь отдѣлаться.

— Ой ли, — подхватилъ другой, — такъ стало быть не нонче, а завтра; такъ... такъ! А что, какъ слышно? чай много съ нимъ

рати военной... чай, казаковъ-то видимо невидимо... А что, у него серебряный кафтанъ-то...

— Ахъ, ты дуракъ, дуракъ, забубенная башка,—сказалъ третій, покачивая головой;—эко диво серебряный... чай, не только кафтанъ, да и сапоги-то золотые...

— Да кто ему подносить станетъ хлѣбъ съ солью? чай, все старики...

— Вѣстимо. Послушай, братъ Вадимъ,—продолжалъ четвертый, огромный дѣтина, черномазый, съ налитыми кровью глазами,—гдѣ нашъ баринъ-то... не удралъ бы онъ... а жаль бы было упустить... ужъ я бы его попотчевалъ... онъ и въ могилу бы у меня съ оскоминою легъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—подумалъ Вадимъ, удаляясь отъ нихъ,—это моя жертва...никто не наложитъ руки на него, кромѣ меня; никто не услышитъ послѣдняго его вопля, никто не напечатлѣетъ въ своей памяти послѣдняго его взгляда, послѣдняго судорожнаго движенія—кромѣ меня... Онъ мой... я купилъ его у небесъ и ада, я заплатилъ за него кровавыми слезами, ужасными днями, въ теченіе коихъ мысленно я пожиралъ всѣ возможныя чувства, чтобъ подъ конецъ у меня въ груди не осталось ни одного, кромѣ злобы и мщенія... О, я не таковъ, чтобы равнодушно выпустить изъ рукъ свою добычу и уступить ее вамъ—подлые рабы!

Онъ быстрыми шагами спустился въ оврагъ, гдѣ протекалъ небольшой гремучій ручей, который, прыгая черезъ камни и пробираясь между сухими вербами, съ журчаніемъ терялся въ густыхъ камышахъ и безмолвно сливался съ Окою. Тутъ все было тихо и пусто; на противной сторонѣ возвышался позади небольшаго сада, господскій домъ съ многочисленными службами... онъ былъ теменъ, ни въ одномъ окнѣ не мелькала свѣчка, какъ будто всѣ его жители отправились въ дальнюю дорогу. Вадимъ перебрался по доскамъ черезъ ручей и подошелъ къ ветхой банѣ, находящейся на полугорѣ и окруженной густыми рябиновыми кустами. Ему показалось, что онъ замѣтилъ слабый свѣтъ сквозь замокъ двери; онъ остановился и на цыпочкахъ подкрался къ окну, плотно закрытому ставнемъ.

Въ банѣ слышались невнятные голоса, и Вадимъ, припавъ

подъ окномъ въ густую траву, началъ прилежно вслушиваться; его сердце, закаленное противу всѣхъ земныхъ несчастій, въ эту минуту сильно забилось, какъ орелъ въ желѣзной клѣткѣ, при видѣ кровавой пищи. Вадимъ удивился, какъ удивился бы другой, если бъ среди зимней ночи ударилъ громъ... Онъ крѣпко прижалъ руку къ груди своей и прошепталъ: — спи, безумное! спи... твоя пора прошла или еще не настала!... Но къ чему теперь? развѣ есть близко тебя существо, которое ты ненавидишь? говори... и онъ, задержавъ дыханіе, снова приложилъ ухо къ окну и услышалъ:

1-й голосъ. Прощай мой другъ... навсегда...

2-й голосъ. Мнѣ тебя покинуть? Нѣтъ еслибъ на этомъ порогѣ было написано судьбою: *смерть*, то я перескочилъ бы... обнялъ тебя... и умеръ...

1-й голосъ. Но я въ безопасности... я существо ничтожное, я останусь незамѣчена среди общаго волненія...

2-й голосъ. Нѣтъ, невозможно... долгъ зоветъ меня къ отцу... я спасу его и вернусь... Міръ безъ тебя? что такое? храмъ безъ божества... зачѣмъ мнѣ бѣжать отъ опасности... развѣ провидѣніе не настигнетъ меня вездѣ, если я долженъ погибнуть.

1-й голосъ. Жестокій! такъ ты не хочешь... послушай! ради Бога... бѣги...

2-й голосъ. Нѣтъ!... прощай... черезъ нѣсколько часовъ я снова буду съ тобою...

Голоса замолкли, и слышно было, какъ дверь бани скрипнула, отворяясь, и какъ опять захлопнулась, и Вадимъ видѣлъ, какъ кто-то, подобно призраку, мелькнулъ въ оврагѣ, потомъ на горѣ перескочилъ черезъ плетень, перерѣзывающій оврагъ и скрылся въ ночномъ туманѣ...

Вадимъ всталъ, подошелъ къ двери и твердою рукою толкнулъ ее; защелка внутри сорвалась, и роковая дверь со скрипомъ распахнулась... кто-то вскрикнулъ... и все замолкло снова. Вадимъ вошелъ, торжественно заперъ за собою дверь и остановился: на полу стоялъ фонарь, и возлѣ него сидѣла, приклонивъ блѣдную голову къ дубовой скамьѣ, Ольга!

Убійственная мысль, какъ молнія, озарила умъ бѣднаго гор-

бача; онъ отгадалъ въ одно мгновеніе, кто былъ этотъ второй голосъ, о комъ такъ нѣжно заботилась сестра его, какъ будто въ немъ одномъ были всѣ надежды, вся любовь ея сердца.

Неподвижно сидѣла Ольга; на лицѣ ея была печать безмолвнаго отчаянія, и глаза изливали какой-то однообразный, холодный лучъ, и сжатыя губки казались растянуты постоянной улыбкой, но въ этой улыбкѣ дышалъ упрекъ провидѣнію. Фонарь стоялъ у ногъ ея, и догорающій пламень огарка сквозь зеленыя стекла слабо озарялъ нижнія части лица бѣдной дѣвушки: ея грудь была прикрыта черной душегрѣйкой, которая по временамъ приподымалась, и длинная полуразвитая коса упадала на правое плечо ея.

Вадимъ стоялъ передъ ней, какъ Мефистофель передъ погибшею Маргаритой, съ язвительнымъ выраженіемъ очей, какъ раскаяніе передъ душою грѣшника; сложа руки, онъ ожидалъ, чтобъ она къ нему обернулась, но она осталась въ прежнемъ положеніи, хотя молвила прерывающимся голосомъ:

— Чего ты отъ меня еще хочешь?...

— Еще?... а что же я прежде отъ тебя требовалъ? какихъ жертвъ?—говори, Ольга! Развѣ я силою заставилъ тебя принести клятву... ты помнишь... развѣ я виноватъ, что роковая минута настала прежде, чѣмъ находишь это удобнымъ?..

— О, ты хищный звѣрь, а не человѣкъ!

— Ольга! твой отецъ былъ мой отецъ...

— Не вѣрю, не могу вѣрить... чтобы онъ, въ жилищѣ святыхъ, желалъ погибели этого семейства, желалъ сдѣлать насъ преступными... нѣтъ, ты не братъ мой... Прочь! я ненавижу, презираю тебя!...

— Ненавидѣть, такъ... а презирать не можешь...

— Презираю...

— Ты боишься меня... Онъ дико засмѣялся и подошелъ ближе.

— Вадимъ!... ради отца нашего... удались... отъ тебя вѣетъ смертнымъ холодомъ...

— Нѣтъ, Ольга!... я останусь здѣсь цѣлую ночь...

— Боже!—прошептала, вздрогнувъ, несчастная дѣвушка; сердце сжалось, и смутное подозрѣніе пробудилось въ немъ; она

встала, ноги ея подгибались... она хотѣла сдѣлать шагъ и упала на колѣни.

— Послушай!—сказалъ Вадимъ, приподнявъ сестру и посадивъ ее на лавку. Онъ взялъ ея влажную руку и, стараясь смягчить голосъ, продолжалъ:—послушай, было время, когда я думалъ твоею любовью освятить мою душу... были минуты, когда, глядя на тебя, на твои небесныя очи; я хотѣлъ разомъ разрушить свой ужасный замыселъ, когда я надѣялся забыть на груди твоей все прошедшее, какъ волшебную сказку... но ты не захотѣла, ты обманула меня—тебя плѣнилъ прекрасный юноша... и безобразный горбачъ остался одинъ... одинъ, какъ черная тучка, забытая на ясномъ небѣ, на которую ни люди, ни солнце не хотятъ и взглянуть... Да, ты этого не можешь понять... ты прекрасна, ты ангелъ; тебя не любить—невозможно... я это знаю... О! да посмотри на меня... неужели для меня нѣтъ ни одного взгляда, ни одной улыбки... все ему! все ему!... да знаешь ли, что онъ долженъ быть доволенъ и десятою долею твоей нѣжности, что онъ не отдастъ, какъ я, за одно твое слово всю свою будущность... О! да это невозможно тебѣ постигнуть... еслибъ я зналъ, что на моемъ сердцѣ написано, какъ я тебя люблю, то я вырвалъ бы его сію минуту изъ груди и бросилъ бы къ тебѣ на колѣни... О, одно слово, Ольга, чтобъ я не проклялъ тебя, умирая...

— Проклинай!—отвѣтствовала она холодно...

Вадимъ, неподвижный, подобный одному изъ тѣхъ безобразныхъ кумировъ, кои донынѣ иногда въ степи заволжской на холмѣ поражаютъ насъ удивленіемъ, стоялъ передъ ней, ломая себѣ руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобѣдимое страданіе... Все было тихо, лишь вѣтеръ по временамъ пробѣгалъ по крышѣ бани, взрывалъ гнилую солому и гудѣлъ въ пустой трубѣ... Вадимъ продолжалъ:

— Еще нѣсколько словъ, Ольга, и я тебя оставлю... это мое послѣднее усиліе... Если ты теперь не сжалишься, то знай—между нами нѣтъ болѣе никакихъ связей родства... я освобождаю тебя отъ всѣхъ клятвъ; мнѣ не нужно женской помощи; я безумецъ былъ, когда хотѣлъ повѣрить слабой дѣвушкѣ

бичъ небеснаго правосудія. Но... довольно!... довольно!... послушай!... если бъ бѣдная собака, изсохшая, полуживая отъ голода и жажды, съ визгомъ приползла къ ногамъ твоимъ, а у тебя бы былъ кусокъ хлѣба... одинъ кусокъ хлѣба... отвѣчай, что бы ты сдѣлала?

— Сердце—не кусокъ хлѣба... оно не въ моей власти...

— А! не въ твоей власти!... А! Но развѣ я это у тебя спрашивалъ.

— Ты хотѣлъ отвѣта... я отвѣчала...

— Въ тебѣ нѣтъ жалости!..

— А въ тебѣ есть жалость?

— Такъ ты его очень, очень любишь?

— Больше всего на свѣтѣ...

— А! больше всего на свѣтѣ... но это напрасно!

— Да, я его люблю... люблю... и никакая власть не разлучитъ насъ...

— Ошибаешься,—воскликнулъ съ горькимъ хохотомъ горбачъ,—онъ непремѣнно долженъ умереть... и очень скоро!...

— Я умру вмѣстѣ съ нимъ...

— О, нѣтъ, ты не умрешь... не надѣйся!...

— Я надѣюсь на Бога... онъ возьметъ насъ вмѣстѣ къ себѣ или спасетъ его, не смотря на всю твою злобу...

— Не говори мнѣ про Бога!... онъ меня не знаетъ; онъ не захочетъ у меня вырвать обреченную жертву — ему все равно... и не думаешь ли ты смягчить его слезами и просьбами? Ха, ха, ха!... Ольга, Ольга!... Прощай... я иду отъ тебя... но помни послѣднія слова мои: они стоятъ всѣхъ пророчествъ... Я говорю тебѣ: онъ погибнетъ; ты къ мертвому праху прилѣпила сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою изъ списка живущихъ... Да,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія—и, если хочешь, я въ доказательство принесу тебѣ его голову... Онъ отвернулся, хотѣлъ повидимому что-то прибавить, но голосъ замеръ на посинѣвшихъ губахъ его, онъ закрылъ лицо руками и выбѣжалъ... быть можетъ, желая утаить смущеніе или невольныя слезы, или стремясь, съ сильнѣйшимъ порывомъ бѣшенства, исполнить немедленно свое ужасное обѣщаніе.

Ольга осталась почти безъ чувствъ, въ забытьи. Она едва видѣла, какъ братъ ея скрылся, едва слышала ударъ захлопнувшейся двери.

ГЛАВА XVIII.

До сихъ поръ въ густыхъ лѣсахъ Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерній, нѣкогда непроходимыхъ кромѣ для медвѣдей, волковъ и самыхъ безстрашныхъ ихъ гонителей, любопытный можетъ видѣть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, кои въ нихъ искали нѣкогда убѣжища отъ набѣговъ татаръ, крымцевъ и впослѣдствіи отъ киргизовъ и башкиръ, угрожавшихъ мирнымъ деревнямъ даже въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Послѣдній набѣгъ былъ въ 1769 году; но тогда, встрѣтивъ уже войска около сихъ мѣстъ, башкиры принуждены были удалиться, не дойдя нѣсколько верстъ до Саратова и не причинивъ значительнаго вреда. Случалось даже, что цѣлыя деревни были уведены въ плѣнъ и разсѣяны. Во времена, нами описываемыя, эти пещеры не были еще, какъ теперь, завалены сухими листьями и хворостомъ, и одна изъ нихъ находилась не въ большомъ разстояніи отъ деревни Палицына. Народъ далъ ей прозваніе: Чортово Логовище, а суевѣрныя преданія населили ее страшными кикиморами и рогатыми лѣшими.

Чтобы изъ села Палицына кратчайшимъ путемъ достигнуть этой уединенной пещеры, должно бы было переплыть рѣку и версты двѣ итти болотистой долиной, усѣянной кочками, ветловыми кустами и покрытой высокимъ камышемъ. Только нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей умѣли по разнымъ примѣтамъ пробираться чрезъ это опасное мѣсто, гдѣ коварная зелень мховъ обманываетъ неопытнаго путника, и высокій тростникъ скрывалъ ямы и тину. Болото оканчивается холмомъ, черезъ который прежде вела тропинка и, спустясь съ него, поворачивала по косогору въ густой и мрачный лѣсъ. На опушкѣ столѣтнія липы, какъ стражи, казалось простирали огромныя вѣтви, чтобъ заслонить дорогу; казалось, на узорахъ ихъ сморщенной коры былъ написанъ адскими буквами этотъ извѣстный стихъ Данта: «lasciate ogni speranza voi qui entrate».

Тутъ тропинка снова постепенно ползла на отлогую длинную гору, извиваясь между деревъ какъ змѣя, исчезая по временамъ подъ сухими, хрупкими листьями и хворостомъ. Наконецъ, лѣсъ начиналъ рѣдѣть, сквозь заборъ темныхъ деревъ начинало проглядывать голубое небо, и вдругъ открывалась круглая луговина, обведенная лѣсомъ, какъ волшебнымъ очеркомъ, блистающая свѣтлою зеленью и пестрыми высокими цвѣтами, какъ островокъ среди угрюмаго моря; на ней во время осени всегда являлся высокій стогъ сѣна, воздвигнутый трудолюбіемъ какого-нибудь бѣднаго мужика; грозно-молчаливо смотрѣли на нее другъ изъ-за друга ели и березы, будто завидуя ея свѣжести, будто намѣреваясь толпой подвинуться впередъ и злобно растоптать ея бархатную мураву. Отъ сей луговины еще три версты до Чортова Логовища, но тропинки уже нѣтъ нигдѣ... и должно итти все на востокъ, стараясь какъ можно менѣе отклоняться отъ сего направленія. Лѣсъ не такъ высокъ, но колючіе кусты, хмель и другія растенія переплетаютъ неразрывною сѣткою корни деревъ, такъ что за три сажени нельзя почти различить стоящаго человѣка; иногда встрѣчаются глубокія ямы, гнѣзда бурею вырванныхъ деревъ, коихъ гнилыя колоды, обросшія зеленью и плющемъ, съ своими обнаженными сучьями, какъ крѣпостныя рогатки, преграждаютъ путь; подъ ними, выкопавъ себѣ широкое логовище, лежитъ зимой косматый медвѣдь и сосетъ неистощимую лапу; дремучія ели, какъ черный пологъ, наклоняются надъ нимъ и убаюкиваютъ его своимъ непонятнымъ шопотомъ. Пройдя такимъ образомъ немного болѣе двухъ верстъ, слышится что-то похожее на шумъ падающихъ водъ, хотя человѣкъ, непривыкшій къ степной жизни, воспитанный на бульварахъ, не различилъ бы этотъ дальній ропотъ отъ говора листьевъ; тогда, кинувъ глаза въ ту сторону, откуда вѣтеръ принесъ сіи новые звуки, можно замѣтить крутой и глубокій оврагъ. Его берегъ обсаженъ наклонившимися березами, коихъ бѣлые, нагіе корни, обмытые дождями весенними, висятъ надъ бездной длинными хвостами; глинистый скатъ оврага покрытъ камнями и обвалившимися глыбами земли, увлекшими за собою различные кусты, которые безпечно принялись на новой почвѣ; на днѣ оврага, если по-

дойти къ самому краю и наклониться, придерживаясь за надежныя дерева, можно различить небольщой родникъ, но чрезвычайно быстро катящійся, покрывающійся по временамъ пѣною, которая бѣлѣе пуха лебяжьяго останавливается клубами у береговъ, держится нѣсколько минутъ и, вновь увлечена стремленіемъ, исчезаетъ въ камняхъ и разсыпается объ нихъ радужными брызгами. На самомъ краю сего оврага снова начинается едва примѣтная дорожка, будто выходящая изъ земли; она ведетъ между кустовъ вдоль по берегу рытвины и, наконецъ, сдѣлавъ еще нѣсколько извилинъ, исчезаетъ въ глубокой ямѣ, какъ ужъ въ своей норѣ; но тутъ открывается маленькая поляна, уставленная нѣсколькими высокими дубами; посрединѣ возвышаются три кургана, образующіе правильный треугольникъ: покрытые дерномъ и сухими листьями, они похожи съ перваго взгляда на могилы какихъ нибудь древнихъ татарскихъ князей или наѣздниковъ, но, войдя въ середину между нихъ, мнѣніе наблюдателя перемѣняется при видѣ отверстій, ведущихъ подъ каждый курганъ, который служитъ какъ бы сводомъ для темной подземной галлереи; отверстія такъ малы, что едва на колѣняхъ можетъ вползти человѣкъ, но когда сдѣлаешь такъ нѣсколько шаговъ, то пещера начинаетъ расширяться все болѣе и болѣе и наконецъ три человѣка могутъ итти рядомъ безъ труда, не задѣвая почти локтемъ до стѣны. Всѣ три хода ведутъ повидимому въ разныя стороны, сначала довольно круто спускаясь внизъ, потомъ по горизонтальной линіи, но галлерея, обращенная къ оврагу, имѣетъ особенное устройство: нѣсколько саженъ она идетъ отлогимъ скатомъ, потомъ вдругъ поворачиваетъ направо, и горе любопытному, который неосторожно пустится по этому новому направленію — она оканчивается обрывомъ или, лучше сказать, поворачиваетъ вертикально внизъ; должно надѣяться на твердость ногъ своихъ, чтобы спрыгнуть туда—какъ ни говори, двѣ сажени не шутка. Но тутъ оканчиваются всѣ искусственныя препятствія; она идетъ назадъ параллельно верхней своей части и въ одной съ нею вертикальной плоскости, потомъ склоняется налѣво и впадаетъ въ широкую круглую залу, куда также примыкаютъ двѣ дру-

гія. Эта зала устлана камнями, имѣетъ въ стѣнахъ своихъ четыре впадины въ видѣ нишей (niches); посрединѣ одинъ четвероугольный столбъ поддерживаетъ глиняный сводъ ея, довольно искусно образованный; возлѣ столба замѣтна яма, быть можетъ, служившая нѣкогда вмѣсто печи несчастнымъ изгнанникамъ, которыхъ судьба заставляла скрываться въ сихъ подземныхъ переходахъ. Среди глубокаго безмолвія этой залы, слышно иногда журчаніе воды: то свѣтлый, холодный, но маленькій ключъ, который, выходя изъ отверстія, сдѣланнаго вѣроятно съ намѣреніемъ въ стѣнѣ, пробирается вдоль по ней и наконецъ, скрываясь въ другомъ отверетіи, обложенномъ камнями, исчезаетъ: немолчный ропотъ безпокойныхъ струй оживляетъ это мрачное жилище ночи, какъ пѣсни узника оживляютъ безмолвіе темницы. Всѣ эти признаки доказываютъ, что наши предки могли бы и намѣревались выдержать здѣсь продолжительную осаду; впрочемъ, камни и земля—все поросло мохомъ: при свѣтѣ фонаря можно различить въ стѣнѣ норы земляныхъ крысъ и другихъ безопасныхъ звѣрковъ, любителей мрака и неизвѣстности; индѣ сводъ началъ обсыпаться, и отъ прежней правильности и симметріи почти не осталось никакихъ слѣдовъ.

Борисъ Петровичъ зналъ это мѣсто, ибо раза два изъ любопытства, будучи на охотѣ, онъ подъѣзжалъ къ нему, хотя не осмѣлился проникнуть во внутренность мрачныхъ переходовъ. Когда онъ опомнился отъ страха, то «Чортово Логовище», не смотря на это адское прозваніе, представилось его мысли какъ единственное безопасное убѣжище... ибо остаться здѣсь, въ старомъ овинѣ, такъ близко отъ спящихъ палачей своихъ, было бы безразсудно... Но какъ туда пробраться?

Я долженъ вамъ признаться, мирные слушатели, что Борисъ Петровичъ боялся смерти! Чувство, равно свойственное человѣку и собакѣ, вообще всѣмъ животнымъ... но дѣло въ томъ, что смерть Борису Петровичу казалась ужаснѣе, чѣмъ она кажется другимъ животнымъ, ибо въ эту минуту тревожная душа его, обнимая все минувшее, была подобна преступнику, осужденному испанской инквизиціей, упасть въ колючія объятія мадонны долорозы (madonna dolorosa), этого искаженнаго, бого-

хульнаго, страшнаго изображенія святѣйшей святыни... О, я вамъ отвѣчаю, что Борисъ Петровичъ больше испугался, чѣмъ неопытный должникъ, который, въ первый разъ обшаривая пустые карманы, слышитъ за дверьми шаги и кашель чахоточнаго кредитора. Богъ знаетъ, что прочелъ Палицынъ на замаранныхъ листкахъ своей совѣсти; Богъ знаетъ, какіе образы тѣснились въ его воспоминаніяхъ; слово *смерть*, одно это слово такъ ужаснуло его, что отъ одной этой кровавой мысли онъ раза три едва не обезпамятѣлъ, но его спасло именно отдаленіе всякой помощи: упавъ въ обморокъ, онъ также боялся умереть. Смерть! смерть со всѣхъ сторонъ являлась мутнымъ его очамъ, то грозная, высокая съ распростертыми руками, какъ висѣлица; то неожиданная, внезапная, какъ измѣна, какъ ударъ грома небеснаго... Она была снаружи, внутри его, вездѣ, вездѣ... она дробилась вдругъ на тысячу разныхъ видовъ, она насмѣшливо прыгала по влажнымъ его членамъ, подымала его сѣдые волосы, стучала его зубами другъ объ друга... Наконецъ, Борисъ Петровичъ хотѣлъ прогнать эту нестерпимую мысль... и чѣмъ же?... молитвой!... но напрасно!... уста его шептали затверженныя слова, но на каждое изъ нихъ у души одинъ былъ отзывъ, одинъ отвѣтъ: смерть! Онъ старался придумать способъ къ бѣгству, средство, какое бы оно ни было... самое отчаянное казалось ему лучшимъ; такъ прошелъ часъ, прошелъ другой... эти два удара молотка времени сильно отозвались въ его сердцѣ; каждый свистъ неугомоннаго вѣтра заставлялъ его вздрогнуть, малѣйшій шорохъ въ соломѣ, произведенный торопливостію большой крысы или другаго столь же мирнаго животнаго, казался ему топотомъ злодѣевъ... онъ страдалъ, жестоко страдалъ! И то сказать: каждому свой чередъ; счастіе — женщина: коли полюбитъ вдругъ сначала, такъ разлюбитъ подъ конецъ. Борисъ Петровичъ также иногда вспоминалъ о своей толстой подругѣ... и волосъ его вставалъ дыбомъ: онъ понялъ молчаніе сына при ея имени, онъ объяснилъ себѣ его трепетъ... въ его памяти пробѣгали картины прежняго счастья, не омраченнаго раскаяніемъ и страхомъ; онѣ пролетали, какъ легкое дуновеніе, какъ листы, сорванные вихремъ съ березы, мелькая мимо насъ, обманываютъ взоръ золотымъ и багрянымъ блес-

комъ, и упадаютъ; очарованы ихъ волшебными красками, увлечены невѣроятною мечтой, мы поднимаемъ ихъ, разсматриваемъ... и не находимъ ни красокъ, ни блеска: это простые, гнилые, мертвые листы!

Между тѣмъ, дѣло подходило къ разсвѣту, и Палицынъ болѣе и болѣе утверждался въ своемъ намѣреніи: спрятаться въ мрачную пещеру, описанную нами. Но кто ему будетъ носить пищу?... гдѣ друзья? слуги? гдѣ рабы, низкіе, послушные мановенію руки, движенію бровей!... никого, рѣшительно никого! Онъ плакалъ отъ бѣшенства! Къ тому же, кто его туда проводитъ? какъ выдетъ онъ изъ этого душнаго овина, покуда его охотники не удалились... и не будетъ ли уже поздно, когда они удалятся?...

На разсвѣтѣ ему послышался лай, топотъ конскій, крикъ, брань и по временамъ призывный звонъ роговъ; это продолжалось съ полчаса; наконецъ, все умолкло; прошло еще полчаса; вдругъ онъ слышитъ надъ собой женскій голосъ:—баринъ! баринъ!—вставай... да отвѣчай же! не спишь ли ты?

Вы можете вообразить, что онъ не спалъ, но молчаніе его происходило оттого, что сначала онъ не узналъ этотъ голосъ, а потомъ, хотя узналъ, но оледенѣлый языкъ его не повиновался. Онъ тихо приподнялся на ноги, какъ воскресшій Лазарь изъ гроба—и вылѣзъ изъ сусѣка.

— Это ты, хозяйка!—пролепеталъ онъ невнятно.

— Я, я!... да не бось... они всѣ уѣхали, поискали тебя немножко, да и махнули рукой: туда-ста ему и дорога... говорятъ...

— Хозяйка,—прервалъ Палицынъ,—ужъ свѣтаетъ... По слушай... Я придумалъ, куда мнѣ спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко есть мѣсто... говорятъ недоброе... да это все равно... ты знаешь Чортово Логовище?...

Хозяйка въ ужасѣ три раза перекрестилась, посмотрѣла пристально на Палицына.—Охъ, кормилецъ! бѣда! сатанинское это гнѣздо..,

— Нѣтъ другого!—возразилъ онъ въ отчаяніи.

— Оно бы есть, да больно близко твоей деревни... И то правда, баринъ, ты хорошо придумалъ... что начала, то кон-

чу...ужъ мнѣ грѣхъ тебя оставить. Вотъ тебѣ мужицкое платье, скинь-ка свой балахонъ... а я тебѣ дамъ сына въ проводники... онъ малый глупенекъ, да за то не болтливъ и ужъ противъ материнскаго слова не пойдетъ...

Покуда Борисъ Петровичъ переодѣвался въ смурый кафтанъ и обвязывалъ запачканныя онучи вокругъ ногъ своихъ, солдатка подошла къ дверямъ овина, махнула рукой; явился малой, лѣтъ 17-ти, глупой наружности, съ рыжими волосами, но складомъ и ростомъ богатырь. Онъ шелъ за матерью, которая шептала ему что-то на ухо, почесывая затылокъ и кивая головой; онъ зѣвалъ безпощадно и только по временамъ отвѣчалъ:—хорошо, мачька!—Когда они приблизились къ Палицыну, то онъ ужъ былъ готовъ.—Съ Богомъ!—прошептала имъ вслѣдъ хозяйка... Они вышли въ поле чрезъ заднія ворота; Борисъ Петровичъ боялся говорить, Петруха не умѣлъ и не любилъ; это случайное сходство было очень кстати. Оставимъ ихъ на узкой лѣсной тропинкѣ пробирающихся къ грозному Чортову Логовищу, обоихъ дрожащихъ какъ листъ: одинъ—опасаясь погони, другой—боясь духовъ и привидѣній... оставимъ ихъ и посмотримъ, куда дѣвался Юрій, покинувъ своего чадолюбиваго родителя.

ГЛАВА XIX.

Юрій, выскакавъ на дорогу, ведущую въ село Палицыно, пріостановилъ усталую лошадь и поѣхалъ рысью; тысячу предпріятій и еще болѣе опасеній тѣснилось въ умѣ его, но спасти Ольгу или по крайней мѣрѣ погибнуть возлѣ нея было первымъ чувствомъ, господствующею мыслію его. Любовь, сначала очень обыкновенная, даже незаслуживавшая имя страсти, отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ возрасла въ его груди до необычайности; какъ въ тѣни огромнаго дуба прячутся всѣ окружающіе его скромные кустарники, такъ всѣ другія чувства склонялись передъ этой новой властью, исчезали въ ея потокѣ.

По гладкой, но узкой дорогѣ ѣхалъ Юрій; его шпага, ударяясь объ бока лошади, непримѣтно возбуждала ея благородное рвеніе; по обѣимъ сторонамъ дороги начинали желтѣть мо-

лодыя нивы—какъ молодой народъ, онѣ волновались отъ легчайшаго дуновенія вѣтра; далѣе за ними тянулись—налѣво холмы, покрытые кудрявымъ кустарникомъ, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лѣсъ: казалось, мракъ черными своими очами выглядывалъ изъ-подъ каждой вѣтви; казалось, возлѣ каждаго дерева стоялъ рогатый, кривоногій лѣшій. Все молчало кругомъ, иногда долеталъ до путника нашего жалобный вой волковъ, иногда отвратительный крикъ филина, этого ночного сторожа, этого члена лѣсной полиціи, который, засѣвъ въ свою будку, гнилое дупло, окликаетъ проходящихъ лучше всякаго часового. Но вдругъ Юрій услышалъ другіе звуки: это былъ конскій топотъ, который неимовѣрно быстро приближался. Юрій хотѣлъ было своротить съ дороги, слѣдуя какому-то инстинкту... но гордость превозмогла; онъ остановился, вынулъ изъ кармана небольшой пистолетъ, взятый имъ изъ дома на всякій случай, осмотрѣлъ кремень, взвелъ курокъ и приготовился къ храброму отпору; скоро онъ замѣтилъ за собою, но еще очень далеко, бѣлѣющую пыль и наконецъ показался всадникъ, который мчался къ нему во всѣ лопатки.

Подскакавъ на разстояніе 50-ти шаговъ, незнакомецъ началъ удерживать ретиваго коня.

— Стой!—закричалъ Юрій,—не приближайся! или я размозжу тебѣ голову. Кто ты таковъ?

— Или ты не узналъ меня, баринъ,—отвѣчалъ хриплый голосъ:—неужели ты хочешь убить вѣрнаго своего раба?

— Какъ? Это ты, Ѳедосѣй?—воскликнулъ удивленный юноша, приближаясь къ нему и стараясь различить его черты;—но зачѣмъ ты здѣсь?—продолжалъ онъ строго,—мнѣ не нужно спутниковъ... я знаю свою дорогу... развѣ я звалъ тебя?.. Говори?..

— Эхъ, баринъ, баринъ!.. ты грѣшишь; я видѣлъ, какъ ты пріѣзжалъ... и тотчасъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ за тобой слѣдомъ, чтобъ совѣсть меня послѣ не укоряла... Я все знаю, батюшка... времена тяжкія... да ужъ Ѳедосей тебя не оставитъ; гдѣ ты, тамъ и я сложу свою головушку. Богъ велѣлъ мнѣ служить тебѣ, баринъ; онъ меня спроситъ на томъ свѣтѣ: служилъ ли ты вѣрой и правдой господамъ своимъ...

а кабы я тебя оставилъ, что бы мнѣ пришлось отвѣчать? Много нынче злодѣевъ, дурной сталъ народъ, но я не изъ нихъ, Юрій Борисовичъ... прикажи только, отецъ родной... и въ воду и въ огонь кинусь для тебя... ужъ таково дѣло холопское, ты меня поилъ и кормилъ до сей поры... теперь пришла моя очередь... сгину, а господъ не выдамъ...

Юрій былъ растроганъ; онъ ударилъ его по плечу и сказалъ:

— Если ты говоришь правду, Ѳедосей, то Богъ наградитъ тебя и семью твою; но ты знаешь, что я теперь не имѣю этой власти...

— Да куда ты ѣдешь, баринъ, одинъ одинехонекъ...

— Ѳедосей, я исполнилъ долгъ свой: извѣстилъ отца объ опасности, помогъ скрыться... и ѣду.—Юрій призадумался и наконецъ, отворотясь, молвилъ отрывисто—я хочу видѣться съ Ольгой.

— Вотъ что!—подумалъ Ѳедосей, поглаживая усы,—время думать объ дѣвкахъ, когда петля на шеѣ.—И, баринъ,—молвилъ онъ, осмѣлившись,—брось ее! что теперь за свиданья... опасно показаться въ селѣ...пожалуй,на грѣхъ мастера нѣтъ... охъ, кабы ты зналъ, что болтаетъ народъ...

— Я хочу ее видѣть... возьму ее съ собой... и только тогда буду заботиться объ опасности... Я хочу, я долженъ ее видѣть...

— Плохо!—пробормоталъ Ѳедосей.

Молча они ѣхали рядомъ нѣсколько времени, ни тотъ ни другой не умѣя или не желая возобновить разговора. Въ такіе часы, когда рѣшается судьба наша, мы не тратимъ лишнихъ словъ, потомучто дорожимъ каждымъ мгновеньемъ, потомучто всѣ земныя страсти кипятъ въ умѣ и одного взгляда довольно, чтобъ заставить понять себя.

— Баринъ,—воскликнулъ вдругъ Ѳедосей,—посмотри-ка, кажись, наши гумна виднѣются... Такъ, такъ!.. остановись-ка, баринъ; послушай, мнѣ пришло на мысль вотъ что: ты мнѣ скажи только, гдѣ найти Ольгу... я пойду и приведу ее, а ты подожди меня здѣсь у забора съ лошадьми... Сдѣлай милость, баринъ, не кидайся ты въ петлю добровольно... береженаго Богъ бережетъ... а вѣдь ей нечего бояться... она не дворянка...

Это предложеніе поразило Юрія; онъ почувствовалъ нѣкоторый стыдъ.—Какъ!—думалъ онъ,—и я для нея побоюсь пожертвовать этой глупой жизнью? — Но скоро съ помощью нѣкоторыхъ услужливыхъ софизмовъ, онъ успокоилъ свою гордость, побѣдилъ стыдъ неумѣстный и, увы! согласился... слѣзъ съ коня и махнулъ рукою Ѳедосею на прощанье...

Я желалъ бы представить Юрія истиннымъ героемъ, но что же мнѣ дѣлать, если онъ былъ таковъ же, какъ вы и я! противъ правды словъ нѣтъ. Я ужъ прежде сказалъ, что только въ глазахъ Ольги онъ почерпалъ неистовый пламень, бурныя желанія, гордую волю, что внѣ этого волшебнаго круга, онъ былъ человѣкъ, какъ и другой—просто добрый, умный юноша—что дѣлать?

Когда Ѳедосей исчезъ за плетнемъ, окружавшимъ гумно, то Юрій привязалъ къ сухой ветлѣ усталыхъ коней и прилегъ на сырую землю; напрасно онъ думалъ, что хладный вѣтеръ и влажность высокой травы, проникнувъ въ его жилы, охладитъ кровь, успокоитъ волнующуюся грудь... всѣ призраки, всѣ невѣроятности, порождаемыя сомнѣніемъ ожиданія, кружились вокругъ него въ несвязной пляскѣ и невольно завлекали воображеніе все далѣе и далѣе, какъ иногда блуждающій огонекъ, обманчивый фонарь какого-нибудь зловреднаго генія, заводитъ путника къ самому краю пропасти...

Юрій, чтобъ оторвать свою мысль отъ грозныхъ картинъ будущаго, обратилъ ее на прошедшее. Такъ врачи въ отчаянныхъ случаяхъ употребляютъ отчаянныя средства — но всегда ли они удаются?

И передъ нимъ началъ развиваться длинный свитокъ воспоминаній, и онъ въ изумленіи подумалъ:—ужели ихъ такъ много? Отчего только теперь они всѣ вдругъ, какъ на праздникъ, являются ко мнѣ?—И онъ началъ перебирать ихъ одно по одному, какъ дѣвушка иногда, гадая, перебираетъ листки цвѣтка, и въ каждомъ онъ находилъ или упрекъ, или сожалѣніе, и онъ могъ по особенному преимуществу, дающемуся почти всѣмъ въ минуты сильнаго безпокойства и страданія, исчислить всѣ чувства, разбросанныя, растерянныя имъ на дорогѣ жизни, но увы! эти чувства не принесли плода; одни,

какъ сѣмена притчи, были поклеваны хищными птицами, другія потоптаны странниками, иныя упали на камень и сгнили отъ дождей безполезно.

Онъ сначала мысленно видѣлъ себя еще ребенкомъ, бѣлокурымъ, кудрявымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ мальчикомъ, любимцемъ-баловнемъ родителей, грозой слугъ и особенно служанокъ; онъ видѣлъ себя невиннымъ воспитанникомъ природы, играющимъ на колѣняхъ няни, трепещущимъ при словѣ «бука»; онъ невольно улыбался, думая о томъ, какъ недавно прошли эти годы и какъ невозвратно они погибли.

Но вотъ насталъ возрастъ первыхъ страстей, первыхъ желаній... его отдаютъ воспитываться къ старой и богатой бабкѣ. — Анютка, простая дворовая дѣвочка, привлекла его вниманіе; о, сколько ласкъ, сколько словъ, взглядовъ, вздоховъ, обѣщаній — какія дѣтскія надежды, какія дѣтскія опасенія! — Какъ смѣшны и страшны, какъ безпечны и какъ таинственны были эти первыя свиданія въ темномъ коридорѣ, въ темной бесѣдкѣ, обсаженной густолиственной рябиной, въ березовой рощѣ у грязнаго ручья, въ соломенномъ шалашѣ полѣсовщика! О, какъ сладки были эти первые, сначала непорочные, чистые и подъ конецъ преступные поцѣлуи; какъ разгорались глаза Анюты, какъ трепетали ея едва образовавшіяся перси, когда горячая рука Юрія смѣло обхватывала неперетянутый станъ ея, едва прикрытый посконнымъ клѣтчатымъ платьемъ, когда уста его впивались въ ея грудь, опаленную солнечнымъ зноемъ.

Но ему говорятъ, что пора служить... онъ спрашиваетъ, зачѣмъ? Ему грозно отвѣчаютъ, что 15-ти лѣтъ его отецъ былъ сержантомъ гвардіи, что ему уже 16-ть; итакъ... итакъ, заложили бричку, посадили съ нимъ дядьку, дали 20 рублей на дорогу и большое письмо къ какому-то правнучатному дядюшкѣ... ударилъ бичъ, колокольчикъ зазвенѣлъ... прости воля и рощи и поля, прости счастье, прости Анюта! Садясь въ бричку, Юрій встрѣтилъ ея глаза, неподвижные, полные слезами; она изъ-за дверей долго на него смотрѣла... онъ не могъ рѣшиться подойти, поцѣловать въ послѣдній разъ ея блѣдныя щечки, онъ какъ вихорь промчался мимо нея, вырвалъ свою

руку изъ холодныхъ рукъ Анюты, которая мечтала хоть на минуту остановить его...—О, какой звѣрской холодности она приписала мой поступокъ, какъ смѣло она можетъ теперь презирать меня!—думалъ онъ тогда... но что же! Онъ ее увидѣлъ 6 лѣтъ спустя... увы! она сдѣлалась дюжей толстой бабою; онъ видѣлъ, какъ она колотила слюнявыхъ ребятъ, мела избу, бранила пьянаго мужа самыми отвратительными рѣчами... очарованіе разлетѣлось какъ дымъ; настоящее отравило прелесть минувшаго. Съ этихъ поръ онъ не могъ вообразить Анюту иначе, какъ рядомъ съ этой отвратительной женщиной; онъ долженъ былъ изгладить изъ своей памяти, какъ умершую, эту живую, черноглазую, чернобровую дѣвочку... и принесъ эту жертву своему самолюбію, почти безъ всякаго сожалѣнія.

Между тѣмъ заботы службы, новыя лица, новыя мысли побѣдили въ сердцѣ Юрія первую любовь, изгладили въ его сердцѣ первое впечатлѣніе... Слава!.. вотъ его кумиръ... Война!.. вотъ его наслажденіе... Походъ въ Турцію... О! какъ онъ упитаетъ кровью невѣрныхъ свою острую шпагу, какъ гордо онъ станетъ попирать разрубленныя, низверженныя чалмы поклонниковъ корана! Какъ счастливъ онъ будетъ, когда самъ Суворовъ ударитъ его по плечу и молвитъ:—молодецъ, хватъ! лучше меня!.. Помилуй Богъ!—О, Суворовъ вѣрно ему скажетъ что-нибудь въ этомъ родѣ, когда онъ первый взлетитъ, сквозь огонь и градъ пуль турецкихъ, на окровавленный валъ и, колеблясь, истекая кровью отъ глубокой, хотя бездѣльной раны, водрузитъ въ чуждую землю первое знамя съ двуглавымъ орломъ! О, какія поздравленія, какія объятія послѣ битвы!

Но войска перешли черезъ границу русскую—и пылаютъ села невѣрныхъ на берегу Дуная, который, подмывая берега свои, широкой зеленой волной катится чрезъ дикія поляны... О, какъ жадно вдыхалъ Юрій этотъ теплый, ароматный воздухъ, какъ страстно онъ кидался въ шумную стычку, съ какимъ наслажденіемъ погружалъ свою шпагу во внутренность безобразнаго турка, который, выворотивъ глаза, съ судорожнымъ движеніемъ кусалъ и грызъ холодное желѣзо! Но кто эта плѣнница, которую такъ бережливо скрываетъ онъ въ шатрѣ своемъ отъ взоровъ товарищей, любопытныхъ и нескромныхъ?

Кто она? О, это тайна! тайна, которую знаетъ лишь онъ да Богъ, если Богу есть какое-нибудь дѣло до сердца человѣческаго.

Онъ нашелъ ее полуживую, подъ пылающими угольями разрушенной хижины; неизъяснимая жалость зашевелилась въ глубинѣ души его, и онъ поднялъ Зару—и съ этихъ поръ она жила въ его палаткѣ незрима и прекрасна, какъ ангелъ; въ ея чертахъ все дышало небесной гармоніей, ея движенія говорили, ея глаза ослѣпляли волшебнымъ блескомъ, ея бѣленькая ножка, исчерченная лиловыми жилками, была восхитительна, какъ фарфоровая игрушка, ея смугловатая твердая грудь воздымалась отъ малѣйшаго вздоха... Страсть блистала во всемъ: въ слезахъ, въ улыбкѣ, въ самой неподвижности; судя по ея наружности, она не могла быть существомъ обыкновеннымъ: она была или божество, или демонъ; ея душа была или чиста и ясна, какъ веселый лучъ солнца, отраженный слезою умиленія, или черна, какъ эти очи, какъ эти волосы, разсыпающіеся подобно водопаду по круглымъ бархатнымъ плечамъ... Такъ думалъ Юрій, и предался прекрасной мусульманкѣ, предался и тѣломъ и душою, не удостоивъ будущаго ни единымъ вопросомъ. Прошли двѣ недѣли, и онъ еще не былъ утомленъ сладострастіемъ, не былъ пресыщенъ поцѣлуями... О, друзья мои, это не шутка: двѣ недѣли!

Однажды... о какъ живо теперь въ его памяти представляется эта грозная ночь... Юрій спалъ на мягкомъ коврѣ въ своей палаткѣ; походная лампада догорала въ углу, и по временамъ невѣрный блескъ пробѣгалъ по полосатымъ стѣнамъ шатра, освѣщая серебряную отдѣлку пистолетовъ и сабель, отбитыхъ у врага и живописно развѣшанныхъ надъ ложемъ юноши. Юрій спалъ, но вдругъ, какъ ужаленный скорпіономъ, пробудился; на него были устремлены два черные глаза и свѣтлый кинжалъ! Адъ и проклятіе! еще вчера онъ ненасытно лобзалъ эти очи, еще вчера за эту маленькую ручку онъ бы отдалъ все свое имущество! Въ одно мгновеніе вырвалъ онъ у Зары смертоносное орудіе и кинулъ далеко отъ себя—но турчанка не испугалась, не смутилась... она тихо отошла, сложила руки и склонила голову на грудь, готовая принять заслуженную

казнь, готовая слушать безмолвно всѣ упреки, всѣ обиды... о, въ ней точно кипѣла южная кровь!

— Неблагодарная, змѣя! — воскликнулъ Юрій: — говори, развѣ смертью платятъ у васъ за жизнь? Развѣ на всѣ мои ласки ты не знала другого отвѣта, какъ ударъ кинжала? Боже! Создатель! такая наружность и такая душа! О, если всѣ твои ангелы похожи на нее, то какая разница между адомъ и раемъ? Нѣтъ, Зара! нѣтъ! это не можетъ быть... отвѣчай смѣло! я обманулся, это сонъ, я боленъ, я безумецъ! говори, чего ты хочешь?

— Я хочу свободы, — отвѣчала Зара.

— Свободы!.. а! я тебѣ наскучилъ... ты вспомнила о своихъ минаретахъ, о своей хижинѣ—но они сгорѣли... съ той поры моя палатка сдѣлалась твоей отчизной... Но ты хочешь свободы... ступай, Зара!.. Божій міръ великъ, найди себѣ домъ, друзей... ты видишь, и безъ моей смерти можно получить свободу...

Молча Зара вышла; онъ долго слѣдовалъ за нею взоромъ и мечтою; луна озаряла ея длинное покрывало, которое какъ бѣлый туманъ обвивалось вокругъ ея гибкаго стана; она, какъ призракъ, неслышно скользила по травѣ... вотъ скрылась вдали за палаткой... вотъ мелькнула и снова скрылась... прощай, Зара! прощай, роза Гулистана! прощай навѣки!

На другой день, рано утромъ, блѣдный, съ мутнымъ взоромъ, безпокойный, какъ хищный звѣрь, рыскалъ Юрій по лагерю... Все было спокойно, солнце только что начинало разгораться и проникать одежду... вдругъ въ одномъ шатрѣ Юрій слышитъ ропотъ поцѣлуевъ, вздохи, стонъ любви, смѣхъ и снова поцѣлуи; онъ прислушивается... онъ видитъ щель въ разорванномъ полотнѣ; непреодолимая сила приковала его къ этой щели... его взоры погружаются во внутренность подозрительнаго шатра... Боже правый!.. онъ узнаетъ свою Зару въ объятіяхъ артиллерійскаго поручика!

Онъ не былъ мстителенъ, но злоба, но глубокая печаль проникла въ его душу... онъ много, много плакалъ... хотѣлъ умереть—и не умеръ, рѣшился забыть Зару и... друзья мои... забылъ ее!

Наконецъ кончилась война; знамена русскія, пошумѣвъ надъ берегами Дуная, свернулись; возвратясь на родину, Юрій рѣшился мстить измѣной всѣмъ женщинамъ вмѣсто одной—чрезвычайно покойная и умная выдумка!.. Не одна 30-лѣтняя вдова рыдала у ногъ его, не одна богатая барыня сыпала золотомъ, чтобъ получить одну его улыбку... Въ столицѣ, на пышныхъ праздникахъ, Юрій съ злобною радостью старался ссорить своихъ красавицъ и потомъ, когда онъ замѣчалъ, что одна изъ нихъ начинала изнемогать подъ бременемъ насмѣшекъ, онъ подходилъ, склонялся къ ней, съ этой небрежной ловкостью самодовольнаго юноши, говорилъ, улыбался... и всѣ ея соперницы блѣднѣли. О, какъ Юрій забавлялся сей тайной, но убійственной войною! Но что ему осталось отъ всего этого? воспоминанія? да, но какія? горькія, обманчивыя, подобно плодамъ, растущимъ на берегахъ Мертваго моря, которые, блистая румяной корою, таятъ подъ нею пепелъ, сухой, горячій пепелъ! И нынѣ сердце Юрія всякій разъ при мысли объ Ольгѣ, какъ трескучій факелъ, окропленный водою, съ усиліемъ и болью разгоралось; неровно, порывисто оно билось въ груди его, какъ ягненокъ подъ ножемъ жертвоприносителя. Онъ смутно чувствовалъ, что это его послѣдняя страсть, узелъ, который судьба, не умѣя расплесть, перерубитъ, подобно Александру.

ГЛАВА XX.

Ѳедосей, не бывъ никѣмъ замѣченъ, пробрался черезъ гумна и наконецъ спустился въ знакомый намъ овражекъ, перелѣзъ черезъ плетень и приблизился къ банѣ. Но что же? въ эту рѣшительную минуту внезапный туманъ покрылъ его мысли; казалось, незримая рука отталкивала его отъ низенькой двери и вмѣстѣ съ этимъ онъ не имѣлъ силы удалиться, какъ боязливая птица, очарованная магнетическимъ взоромъ змѣи. Съ минуту онъ оставался недвижимъ, но вдругъ опомнился, толкнулъ дверь—и вошелъ; но переступая черезъ порогъ, онъ оглянулся—и ему показалось, что черная тѣнь мелькнула за рябиновымъ кустомъ; онъ не успѣлъ различить ея формы, но тайное предчувствіе говорило ему, что это или злой духъ или злой человѣкъ. Когда Ѳедосей, пройдя черезъ сѣни, вступилъ

въ баню, то остановился, пораженный смутнымъ сожалѣніемъ; его дикое и грубое сердце сжалось при видѣ такихъ прелестей и такого страданія: на полу сидѣла, или лучше сказать, лежала Ольга, преклонивъ голову на нижнюю ступень полкà и поддерживая ее правою рукою; ея небесныя очи, полузакрытыя длинными шелковыми рѣсницами, были неподвижны, какъ очи мертвой, полны этой мрачной и таинственной поэзіи, которую такъ нестройно, такъ обильно изливаютъ взоры безумныхъ. Можно было тотчасъ замѣтить, что съ давнихъ поръ ни одна алмазная слеза не прокатилась подъ этими атласными вѣками, окруженными легкой коричневатой тѣнью; всѣ ея слезы превратились въ ядъ, который неумолимо грызъ ея сердце; ржавчина грызетъ желѣзо, а сердце 18-лѣтней дѣвушки такъ мягко, такъ нѣжно, такъ чисто, что каждое дыханіе досады туманитъ его какъ стекло, каждое прикосновеніе судьбы оставляетъ на немъ глубокіе слѣды, какъ бѣдный пѣшеходъ оставляетъ свой слѣдъ на золотистомъ днѣ ручья. Ручей—это надежда; покуда она свѣтла и жива, то въ нѣсколько мгновеній слѣды изглажены, но если однажды надежда испарилась, вода утекла, то кому нужда до этихъ ничтожныхъ слѣдовъ, до этихъ незримыхъ ранъ, покрытыхъ одеждою приличій.

Холодна, равнодушна лежала Ольга на сыромъ полу и даже не пошевелилась, не приподняла взоровъ, когда вошелъ Ѳедосей. Фонарь съ умирающей своей свѣчою стоялъ на лавкѣ и дрожащій лучъ, прорываясь сквозь грязныя зеленыя стекла, увеличивалъ блѣдность ея лица; блѣдныя губы казались зеленоватыми; полураспущенная коса бросала зеленоватую тѣнь на круглое гладкое плечо, которое, освободясь изъ плѣна, призывало поцѣлуй; душегрѣйка, смятая подъ нею, не прикрывала болѣе высокой роскошной груди: два мягкіе шара, бѣлые и хладные какъ снѣгъ, почти совсѣмъ обнаженные, не волновались какъ прежде; взоръ мужчины безпрепятственно покоился на нихъ, ни малѣйшая краска не пробѣгала ни по шеѣ, ни по ланитамъ. Женщина, [только] потерявъ надежду, можетъ потерять стыдъ—это непонятное, врожденное чувство, это невольное сознаніе женщины въ неприкосновенности, въ святости своихъ тайныхъ прелестей.

Спрятавъ ноги подъ длинное платье, лежала Ольга, и въ недоумѣніи передъ нею стоялъ упөлномоченный посланникъ Юрія; наконецъ онъ нетерпѣливо дернулъ ее за рукавъ.

— Вставай, вставай—время дорого.

— Ты опять здѣсь! — простонала она, не приподнимая головы.

— Какой чортъ опять! да ты меня не узнала, што ли? Вставай — время дорого! Юрій Борисычъ ждетъ за гумнами... неравно безъ меня что случится...

— О, не называй его! ты хочешь меня обмануть... это какая нибудь адская западня.... О, Вадимъ, дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть въ покоѣ... тебѣ судьба за меня отплатитъ...

— Что ты, матушка, бредишь? помилуй... какой тутъ Вадимъ? я Өедосей — чай, меня не забыла... Да вставай... баринъ остался одинъ... а время опасное...

Какъ пробужденная отъ сна, вскочила Ольга, не вѣря глазамъ своимъ; съ минуту пристально вглядывалась въ лицо сѣдаго ловчаго и наконецъ воскликнула съ внезапнымъ восторгомъ:—такъ онъ меня не забылъ! такъ онъ меня любитъ? любитъ? онъ хочетъ бѣжать со мною, далеко, далеко! — и она прыгала и едва не цѣловала шершавыя руки охотника—и смѣялась и плакала...—Нѣтъ,—продолжала она, немного успокоившись,—нѣтъ! Богъ не потерпитъ, чтобъ люди насъ разлучили, нѣтъ! Онъ мой, мой, на землѣ и въ могилѣ вездѣ мой; я купила его слезами кровавыми, мольбами, тоскою, онъ созданъ для меня, нѣтъ! онъ не могъ забыть свои клятвы, свои ласки...

— Я этого ничего не знаю,—прервалъ хладнокровно Өедосей, — ужъ вы тамъ съ бариномъ согласитесь, какъ хотите, купить или не купить, а я знаю только то, что намъ пора... если ужъ не поздно...

— Но куда? какъ?

— Ужъ это мое дѣло! провалъ побери... развѣ не вѣришь?

— Өедосей, если ты обманываешь, оборони Боже...

— Что я за басурманъ... да скорѣе... Юрій Борисовичъ ждетъ насъ за гумнами на дорогѣ.. чай, глазыньки проглядѣлъ...

— Я готова...

Ѳедосей, подавъ ей знакъ молчать, приблизился къ двери, отворилъ ее до половины и высунулъ голову съ намѣреніемъ осмотрѣть, все ли кругомъ пусто и тихо. Довольный своимъ обзоромъ, онъ, покашлявъ, проворчалъ что-то про себя и ужъ готовился совершенно расхлопнуть дверь, какъ вдругъ онъ ахнулъ, схватился рукой за шею, вытянулся и въ судорогахъ упалъ на землю; что-то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги... она затряслась всѣмъ тѣломъ... хотѣла кричать... не могла... Передъ нею Ѳедосей плавалъ въ крови своей, грызъ землю и скребъ ее ногтями, а надъ нимъ съ топоромъ въ рукѣ на самомъ порогѣ стоялъ нѣкто еще ужаснѣе, чѣмъ умирающій: онъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на Ольгу глазами коршуна и указывалъ пальцемъ на окровавленную землю; онъ торжествовалъ, какъ Геркулесъ, побѣдившій змѣя: улыбка, ядовито-сладкая улыбка набѣгала на его красныя губы: въ ней дышала то гордость, то презрѣніе, то сожалѣніе—да, сожалѣніе палача, который не по собственной волѣ, но по повелѣнію высшей власти наноситъ смертный ударъ.

— Ты видишь!—сказалъ наконецъ Вадимъ съ глухимъ смѣхомъ,—я сдержалъ свое обѣщаніе... это онъ! не бойся взглянуть на искаженныя черты, нѣкогда молодого, свѣтлаго лица... Это онъ!.. тотъ самый, чья голова покоилась на груди твоей, кто на губахъ твоихъ замиралъ въ упоеніи, кто за одинъ твой нѣжный взглядъ оставилъ домъ, отца и мать,—для кого и ты бы ихъ покинула, если бъ имѣла... Это онъ! бѣдный, глупый юноша! который такъ гордился своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, который съ такимъ самодовольствіемъ носилъ свой зеленый раззолоченный мундиръ, который, окруженный лестію, сыпалъ деньги своимъ льстецамъ, не требуя даже благодарности, которому стоило только мигнуть, чтобъ женщина кинулась въ его объятія—да!—что же онъ теперь! окровавленный прахъ! бездушный чурбанъ, не чувствующій даже обиды,—и Вадимъ толкнулъ ногою охладѣвшій трупъ и продолжалъ:—какъ отвратителенъ теперь онъ долженъ быть... посмотри, Ольга, я не хочу смягчать душу этимъ зрѣлищемъ; посмотри, какъ хороши его закатившіеся бѣлые глаза... Тво-

рецъ небесный!.. кто же все это сдѣлалъ, кто превратилъ прекрасное созданіе Бога въ глыбу грязи? кто напиталъ эти кудри багрянымъ напиткомъ? кто разбрызгалъ по стѣнѣ этотъ бѣлый, чистый мозгъ?.. кто?.. я, я, я! ха! ха! ха! презрѣнный нищій, безсильный рабъ, безобразный горбачъ! да! да! неужели это такъ удивительно?.. Я говорилъ тебѣ, Ольга, не люби его! ты не послушалась; ты, какъ обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышныя обѣщанія; ты мнѣ не повѣрила: онъ обѣщалъ тебѣ счастіе—мечту, а я обѣщалъ месть и вѣрную месть. Ты выбрала первое; ты смѣла помыслить, что люди могутъ противиться судьбѣ, будто бы я ужъ такъ давно отвергнутъ Богомъ, что онъ захочетъ мнѣ отказать въ первомъ, послѣднемъ, единственномъ удовольствіи... Я твой братъ, Ольга, братъ! господинъ, повелитель, царь твой—насъ только двое на свѣтѣ изъ всего семейства—мой путь долженъ быть твоимъ; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа: гдѣ бушуетъ моя ненависть, тамъ не цвѣсть любви твоей...—Онъ на минуту замолкъ, его волосы стояли дыбомъ, глаза разгорались какъ уголья, и рука, простертая къ Ольгѣ, дрожала на воздухѣ; онъ поставилъ ногу на грудь мертвецу такъ крѣпко, что слышно было, какъ захрустѣли кости, и принявъ торжественный видъ жреца, произнесъ:—Свершилось—первое мое желаніе—онъ палъ, вотъ онъ—убійца моихъ надеждъ; вотъ онъ, губитель моего перваго блаженства—ненавижу тебя и въ могилѣ и берегись, если мы когда-нибудь встрѣтимся на томъ свѣтѣ! А ты, Ольга,—ты ступай, куда хочешь, между нами всѣ счеты кончены; я тебѣ заплатилъ—живи, умри—мнѣ все равно—прощай сестра!—прощай и ты, бѣдный юноша!

И Вадимъ, пожавъ плечами, приподнялъ голову мертваго за волосы, обернулъ ее къ фонарю, взглянулъ на позеленѣвшее лицо—вздрогнулъ, взглянулъ еще ближе и пристальнѣе—вдругъ закричалъ и отскочилъ какъ бѣшеный—голова, выпущенная изъ рукъ, ударилась о землю какъ камень; это было мгновеніе, но въ семъ мгновеніи заключалась цѣлая и ужасная драма. Вадимъ, обманутый въ послѣдней надеждѣ, потерялся; онъ не могъ держаться на ногахъ: блѣдный, страш-

ный, онъ присѣлъ на скамью—и какъ вы думаете, что онъ дѣлалъ? плакалъ; да, плакалъ, какъ ребенокъ, горькими слезами.

Онъ сидѣлъ и рыдалъ, не обращая вниманія ни на сестру, ни на мертваго: Богъ одинъ знаетъ, что тогда происходило въ груди горбача, потому что закрывъ лицо руками, онъ не произнесъ ни одного слова болѣе... онъ, казалось, понялъ, что теперь боролся уже не съ людьми, но съ Провидѣніемъ, и смутно предчувствовалъ, что если даже останется побѣдителемъ, то слишкомъ дорого купитъ побѣду; но непоколебимая желѣзная воля составляла все существо его, она не знала ни преградъ, ни остановокъ, стремясь къ своей цѣли! Такъ неугомонная волна день и ночь безъ устали хлещетъ и лижетъ гранитный берегъ: то старается вспрыгнуть на него; то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый разъ отброшена въ дальнее море... но ничто ее не можетъ успокоить: и вотъ проходятъ годы, и подмытая скала срывается съ берега и съ гуломъ погружается въ бездну, и радостныя волны пляшутъ и шумятъ надъ ея могилой.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ противустоять твердой волѣ человѣка? Воля заключаетъ въ себѣ всю душу: хотѣть—значитъ ненавидѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить; однимъ словомъ, воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего-нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего созидаетъ чудеса... О, если бъ волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ—какъ всемогущи и всезнающи были бы мы!

Не знаю, сколько часовъ сидѣлъ въ забытьи Вадимъ, но когда онъ поднялъ голову, то не нашелъ возлѣ себя сестры; свѣжій вѣтеръ утра, прорываясь въ дверь, шевелилъ платьемъ убитаго и по временамъ казалось, что онъ потрясалъ головой: такъ высоко взвѣвались рыжіе волосы на челѣ его, увлаженномъ густой, полузапекшейся кровью. Вадимъ холодно взглянулъ на Ѳедосея, покачалъ головой съ сожалѣніемъ, перешагнулъ черезъ протянутыя ноги и пошелъ скорыми шагами вдоль по оврагу. Востокъ бѣлѣлъ примѣтно, и розовый блескъ змѣей

обрисовывалъ нижнія части большого сѣраго облака, которое, имѣя видъ коршуна съ растянутыми крылами, держащаго змѣю въ когтяхъ своихъ, покрывалъ всю восточную часть небосклона; фантастически отдѣлялись предметы на дальнемъ небосклонѣ, и высокія сосны и березы окрестныхъ лѣсовъ чернѣли, какъ часовые на рубежѣ земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь бѣлый туманъ, какъ иногда озаряется лицо невѣсты сквозь брачное покрывало; все было свято и чисто—а въ груди Вадима какая буря!

ГЛАВА XXI.

Было около двухъ часовъ пополудни; солнце медленно катилось по жаркимъ небесамъ и гибкіе верхи деревъ едва колебались, перешоптываясь другъ съ другомъ; въ густомъ лѣсу изрѣдка попѣвали странствующія птицы, изрѣдка вѣщая кукушка повторяла свой унылый напѣвъ, мѣрный, какъ бой часовъ въ сырой готической залѣ. На муравѣ, подъ огромнымъ дубомъ, окруженные часто-сплетеннымъ кустарникомъ, сидѣли два человѣка: мужчина и женщина; ихъ руки были исцарапаны колючими вѣтвями, и платья изорваны въ долгомъ странствіи сквозь чащу; усталость и печаль изображались на ихъ лицахъ, молодыхъ, прекрасныхъ.

Молодая женщина, скинувъ обувь, измокшую отъ росы, обтирала концомъ большого платка розовую маленькую ножку, едва разрисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную нѣжными прозрачными ноготками; она по временамъ поднимала голову, отряхнувъ волосы, ниспадающіе на лицо, и улыбалась своему спутнику, который, облокотясь на руку, кидалъ разсѣянные взгляды, то на нее, то на небо, то въ чащу лѣса. По временамъ онъ наморщивалъ брови, когда мрачная мысль прокрадывалась въ умѣ его; по временамъ неожиданная влажность покрывала его голубые глаза—и если въ это время они встрѣчали радужную улыбку подруги, то быстро опускались, какъ будто бы пораженные яркимъ лучомъ солнца.

— Ты задумчивъ!—сказала она,—но отчего?—опасность прошла; я съ тобою... ничто не противится нашей любви; небо ясно, Богъ милостивъ!..зачѣмъ грустить, Юрій!—Эту прав-

да, мы скитаемся въ лѣсу, какъ дикіе звѣри, но за то, какъ они, свободны—пустыня будетъ нашимъ отечествомъ, Юрій, а лѣсныя птицы—нашими наставниками; посмотри, какъ онѣ счастливы въ своихъ открытыхъ тѣсныхъ гнѣздахъ...

— Да, — отвѣчалъ Юрій, — счастливы! и я возлѣ тебя счастливъ! Но твои шутки иногда для меня мучительны!...

— Развѣ лучше, если я буду плакать!...

— Ольга! ты мой ангелъ утѣшитель! О если бъ ты знала, какія грозныя предчувствія тѣснятся въ душѣ моей! и какъ было не отгадать, что это случится, когда самые ужасные слухи такъ нагло разливались въ народѣ? Отчего они тогда казались намъ невѣроятны? а теперь русскіе дворяне гибнутъ и скрываются въ лѣсахъ отъ простого казака, подлаго самозванца и толпы кровожадныхъ разбойниковъ! Всѣ, которые доселѣ готовы были цѣловать наши подошвы, теперь поднялись на насъ, о, змѣи! змѣи! Если бъ я зналъ, я бы раздавилъ васъ... и вдругъ, въ одну ночь все погибло... мать, отецъ, имущество, родная кровля... все отнято... здѣсь ждетъ голодъ, холодъ, жизнь нищаго—а тамъ висѣлица, пытки, позоръ... Боже! что мы сдѣлали?—о, казни меня самъ, но зачѣмъ поручать орудье казни этой грязной, подлой толпѣ рабовъ?

— Юрій! успокойся... видишь, я равнодушно смотрю на потерю всего, кромѣ твоей нѣжности... Я видѣла кровь, видѣла ужасныя вещи, слышала слова, которыхъ бы ангелы испугались... но на груди твоей все забыто. Когда мы переплывали рѣку на конѣ, и ты держалъ меня въ своихъ объятіяхъ такъ крѣпко, такъ страстно, я не позавидовала бы ни царицѣ, ни райскому херувиму... Я не чувствовала усталости, слѣдуя за тобой сквозь колючій кустарникъ, перелѣзая поминутно черезъ опрокинутые рогатые пни... Это правда, у меня нѣтъ ни отца, ни матери...—При сихъ словахъ, произнесенныхъ безъ умысла, она поблѣднѣла и замолкла, какъ будто сама испугалась ихъ... Юрій обхватилъ ея мягкій станъ, приклонилъ съ себѣ и поцѣловалъ ее въ шею: дѣвственныя груди облились румянцемъ и заволновались, стараясь вырваться изъ подъ упрямой одежды... О, сколько сладострастія дышало въ ея полураскрытыхъ пурпуровыхъ устахъ! Онъ жадно прилѣпился къ нимъ,

лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу, томный вздохъ вырвался изъ груди...

— Ты права!—говорилъ онъ,—чего мнѣ желать теперь? Пускай придутъ убійцы... я былъ счастливъ!.. чего болѣе для меня... я видалъ смерть близко на ратномъ полѣ, но не боялся... и теперь не испугаюсь: я мужчина, я твердъ душой и тѣломъ, и до конца не потеряю надежды спастись вмѣстѣ съ тобою... Но если надобно умереть, я умру не вздрогнувъ, не простонавъ... клянусь, никто подъ небесами не скажетъ, что твой другъ склонилъ колѣни передъ низкими палачами...

Въ такихъ разговорахъ пролетѣлъ часъ; они встали, и пошли на востокъ, углубляясь въ лѣсъ болѣе и болѣе; вотъ подошли къ оврагу, и Юрій замѣтилъ изломанныя вѣтви и слѣды человѣка на сухихъ и гнилыхъ листахъ, коими усѣяна была земля.

— Пойдемъ по этому слѣду, Ольга,—сказалъ онъ, подумавъ немного,—онъ приведетъ насъ куда-нибудь... быть можетъ къ мѣсту спасенія...

— Чего бояться? пойдемъ... умереть съ голоду хуже; а если Богъ сохранилъ насъ доселѣ, то это значитъ, что онъ хочетъ быть нашимъ спасителемъ и далѣе... перекрестись... и пойдемъ...

Нѣсколько времени они шли, прилежно разбирая слѣды, мѣстами засыпанные свѣжими листьями и заброcанные сухимъ валежникомъ; наконецъ, послѣ долгихъ и утомительныхъ розысканій, они выбрались на небольшую поляну, на которой между нѣсколькими деревами возвышались намъ уже знакомые три кургана.

— Что это значитъ?—воскликнулъ Юрій, замѣтивъ чернѣющіеся выходы пещеръ.

— Постой, постой, Юрій... такъ точно... благодари провидѣніе... мы спасены.

— Но что такое? я не понимаю тебя!

— Я слышала много разсказовъ про эти пещеры, Юрій; подъ этими курганами таятся глубокіе подземные ходы, куда только самые смѣлые охотники прокрадывались... но намъ чего бояться? это мѣсто безопаснѣе самаго крѣпкаго терема.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣчалъ Юрій, осматривая мѣсто, —если всѣ эти разсказы справедливы, то мы спасены; остается только знать, не прячется ли въ нихъ дикій медвѣдь... или другой негостепріимный пустынникъ...

Подойдя къ одному изъ отверстій Чортова Логовища, Юрію показалось, что слышитъ запахъ дыма; онъ всунулъ туда голову—точно! но что это значитъ? ужъ не занята ли ихъ квартира?—Онъ сообщилъ свое замѣчаніе Ольгѣ: она испугалась, схватила его за руку и, какъ будто въ этой пещерѣ скрывалось грозное чудовище, съ трепетомъ воскликнула:—Пойдемъ отсюда... пойдемъ... не медли ни минуты...

— Итти... но куда же? ты забыла, что у насъ кромѣ синяго неба и темнаго лѣса нѣтъ ни кровли, ни пристанища... И чего бояться? это явно, что въ пещерѣ есть жители... Кто они таковы? что намъ за дѣло... если они разбойники, то имъ нечего съ насъ взять... если изгнанники, подобно намъ, то еще менѣе причинъ къ боязни... къ тому же въ теперешнія времена злодѣи и убійцы не боятся смотрѣть на красное солнце, не стыдятся показывать свои лица въ народѣ...

— Но я боюсь, Юрій, — твои убѣжденія ничтожны — я боюсь...

И она, какъ пугливое дитя, уцѣпилась за его руку и, устремивъ на него умоляющій взглядъ, то улыбалась, то готова была заплакать.

— Ты ребенокъ! стыдись...

— Я не знаю ни стыда, ничего... ради любви моей, не ходи въ пещеру, пойдемъ далѣе... это западня... какъ тамъ темно, какъ страшно...

— Послушай... если мы пойдемъ далѣе, то не зная окрестностей, забредемъ Богъ знаетъ куда и попадемся въ руки казаковъ; тогда я неизбѣжно погибъ — развѣ ты хочешь моей смерти?

— Юрій... и ты смѣешь дѣлать такіе вопросы?

— Итакъ, пусти меня... или лучше пойдемъ вмѣстѣ въ это подземелье, и пусть будетъ что суждено!

Съ сими словами, вынувъ шпагу, онъ на колѣняхъ вползъ въ одно изъ отверстій, держа передъ собою смертоностное ору-

жіе и, ощупью подвигаясь впередъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ можно было итти прямо; сырой воздухъ могилы проникъ въ его члены, отдаленный ропотъ началъ поражать его слухъ, постепенно увеличиваясь; порою дымъ валилъ ему навстрѣчу, и вскорѣ передъ собою, хотя въ отдаленіи, онъ различилъ слабый свѣтъ огня, который то вспыхивалъ, то замиралъ; сердце его забилось ожиданіемъ; онъ началъ подвигаться тише, стараясь произвесть какъ можно менѣе шуму и готовясь къ отчаянному сопротивленію, въ случаѣ неожиданнаго нападенія хозяевъ этого мрачнаго жилища, даже если бы то были существа безплотныя, духи зла и обмана.

Когда Юрій вошелъ въ круглую залу, неровно освѣщенную трескучимъ огонькомъ, разложеннымъ у подошвы четвероугольнаго столба, то сначала онъ ничего не могъ различить; пожирая нѣсколько сухихъ смолистыхъ вѣтвей, огонь ярко вспыхивалъ, бросая красныя искры вокругъ себя, а дымъ слоями разстилался по всему подземелью. Юрій остановился на минуту, чтобъ хорошенько осмотрѣться, и когда глаза его привыкли немного къ этой смрадной и туманной атмосферѣ, то онъ замѣтилъ въ одной изъ впадинъ стѣны что-то похожее на лицо человѣка, который, прижавшись къ землѣ, казалось не обращалъ на него вниманія. Юрій рѣшился подойти поближе и приготовившись къ защитѣ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Кто здѣсь?.. вставай!.. что ты за человѣкъ?.. другъ или недругъ?.. отвѣчай сію минуту, или будетъ худо!

Неизвѣстный приподнялся, вздрогнулъ, потеръ глаза и схвативъ огромную дубину, лежавшую у ногъ его, размахнулся не отвѣчая ни слова; окруженный дымомъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ свойство увеличивать предметы, и озаренный неровнымъ свѣтомъ огня, житель пещеры казался вѣроятно несравненно страшнѣе и огромнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ.

Юрій, видя неравенство борьбы и не надѣясь отразить ударъ дубины тонкой стальной шпагой, отскочилъ проворно назадъ; дубина упала на огонь; красные уголья и дымныя головешки съ трескомъ полетѣли во всѣ стороны.

— Остановись, — сказалъ Юрій, — или я тебя пронижу насквозь.

Незнакомецъ, какъ будто пораженный его голосомъ, остановился, началъ всматриваться и произнесъ довольно невнятно:—кто ты?

Въ эту минуту яркій лучъ догорающаго огня озарилъ лицо Юрія; незнакомецъ-отецъ, не дождавшись отвѣта, кинулся къ нему и заревѣлъ хриплымъ голосомъ:—сынъ мой! сынъ мой!

Они упали другъ другу въ объятія; они плакали отъ радости и отъ горя. И волчица прыгаетъ и воетъ и мотаетъ пушистымъ хвостомъ, когда найдетъ потеряннаго волченка, а Борисъ Петровичъ былъ человѣкъ, какъ вамъ это извѣстно, то есть животное, которое ничѣмъ не хуже волка, по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ натуралисты и философы... и эти господа знаютъ природу человѣка столь же твердо, какъ мы грѣшные наши утренія и вечернія молитвы — сравненіе чрезвычайно справедливое.

Между тѣмъ отецъ и сынъ со слезами обнимали, цѣловали другъ друга и не замѣчали, что недалеко отъ нихъ стояло существо, имъ совершенно чуждое—существо забытое, но прекрасное, нѣжное, — женщина съ огненной душой, съ душой чистой и свѣтлой какъ алмазъ; не замѣчали они, что каждая ихъ ласка или слеза были для нея убійственнѣе, чѣмъ ядъ и кинжалъ; она также плакала, но одна, одна, какъ плачетъ изгнанный херувимъ, взирая на блаженство своихъ братьевъ сквозь рѣшетку райской двери.

Когда Борисъ Петровичъ разсказалъ сыну, какимъ образомъ съ помощью бѣдной и гостепріимной солдатки, онъ былъ отведенъ въ это уединенное убѣжище, то прибавилъ:—Я рѣшился здѣсь оставаться, пока все не утихнетъ. Войска разобьютъ бунтовщиковъ въ пухъ и въ прахъ—это необходимо. Но что можемъ мы сдѣлать вдвоемъ, безъ оружія, безъ друзей... окруженные рабами, которые рады отдать все, чтобъ посмотрѣть, какъ трупъ ихъ прежняго господина мотается на висѣлицѣ?.. адъ и проклятіе! кто бы ожидалъ!..

— Помилуйте, батюшка! невозможно, чтобы до васъ не доходили слухи, разлитые такъ изобильно въ нашемъ глупомъ народѣ!

— Слухи, слухи! а кто имъ вѣрилъ? напасть Божія на насъ

грѣшныхъ, да и только!.. Живи теперь, какъ красный звѣрь въ зимней берлогѣ, и не смѣй носа высунуть... сиди, не пей, не ѣшь, пока чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесетъ тебѣ куска хлѣба... Вотъ онъ сказалъ, что будетъ сегодня по утру, а все нѣтъ, какъ нѣтъ!.. чай, солнце уже закатилось, Юрій? а, Юрій?

Юрій не слыхалъ, не слушалъ; онъ держалъ бѣлую руку Ольги въ рукахъ своихъ, поцѣлуями осушалъ слезы, висящія на ея рѣсницахъ... Но напрасно онъ старался ее успокоить, обнадежить; она отвернулась отъ него, не отвѣчала, не шевелилась, какъ восковая кукла; неподвижно прислонившись къ стѣнѣ, она старалась вдохнуть въ себя ея холодную влажность. Отчего это съ нею сдѣлалось? какъ объяснить сердце молодой дѣвушки: милліонъ чувствованій тѣснится, кипитъ въ ея душѣ, и нерѣдко лицо и глаза отражаютъ ихъ, какъ зеркало отражаетъ буквы письма—наоборотъ!

— Здравствуй, Оленька,— сказалъ Борисъ Петровичъ, подойдя къ нимъ,—ты въ пору зачванилась, не поклонилась мнѣ, не поздоровалась. Правда, я теперь, какъ ты сама, безъ крова, безъ имущества...

— Развѣ я тогда была съ вами ласковѣе, — отвѣчала она отрывисто.

— А развѣ нѣтъ... Охъ... много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой въ послѣдній разъ поцѣловались... ты перемѣнилась, поблѣднѣла... а все еще красавица, хоть куда.

Онъ слегка ударилъ ее по плечу и хотѣлъ взять за подбородокъ, но Юрій, покраснѣвъ, схватилъ его за руку... Опомнясь въ ту же минуту, онъ тихо отвелъ руку отца и отойдя съ нимъ немного въ сторону, сказалъ глухимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Если хотите быть моимъ отцомъ, имѣть во мнѣ покорнаго сына, то вообразите себѣ, что эта дѣвушка такая неприкосновенная святыня, на которой самое ваше дыханіе оставитъ вѣчныя пятна... Вы меня поняли... простите меня... моя кровь кипитъ при одной мысли... я не мѣряю слова на аршинъ приличій.. вы согласились на мое предложеніе... въ

противномъ случаѣ, все, все забыто... уваженіе имѣетъ границы, а любовь—никакихъ.

ГЛАВА XXII.

Что же дѣлалъ Вадимъ? О, Вадимъ не любилъ праздности! Съ восходомъ солнца онъ отправился искать сестру на барскомъ дворѣ, въ деревнѣ, въ саду—вездѣ, гдѣ только могъ предположить, что она проходила или спряталась. Неудача за неудачей! Досадуя на себя, онъ задумчиво пошелъ по дорогѣ, ведущей въ лѣсъ мимо крестьянскихъ гуменъ; поровнявшись съ ними и случайно поднявъ глаза, онъ видитъ буланую лошадь въ шлеѣ и хомутѣ, привязанную къ забору; онъ приближается и замѣчаетъ, что трава измята у подошвы забора, и вдругъ взоръ его упалъ на что-то пестрое, похожее на кушакъ, повисшій между цѣпкихъ репейниковъ... Точно! это кушакъ!.. точно!.. онъ узналъ, узналъ! это цвѣтной шелковый кушакъ его Ольги! Какой внезапный лучъ истины озарилъ умъ печальнаго горбача! она бѣжала: это ясно—но съ кѣмъ? съ кѣмъ?.. развѣ нужно спрашивать? О! при одной мысли объ немъ, при одномъ имени Юрія, вся кровь Вадима превращается въ желчь.—Нечего дѣлать!—думалъ горбачъ, скрежеща зубами,—тебѣ удалось меня поддѣть, ты изъ рукъ моихъ вырвалъ добычу, ты посмѣялся надъ уродливымъ нищимъ,—дерзкій безумецъ, но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!—Онъ вскочилъ на лошадь и ударами принудилъ измученнаго коня скакать по дорогѣ въ селеніе... въ его головѣ уже развились новые планы, новые замыслы гибели и разрушенія.

На широкой и единственной улицѣ деревни толпился народъ въ праздничныхъ кафтанахъ, съ буйными криками веселья и злобы, вокругъ 30-ти казаковъ, которые, держа коней въ поводу, гордо принимали подарки мужиковъ и тянули ковшами густую брагу, передавая другъ другу ведро, въ которое староста по временамъ подливалъ хмельного напитка; дѣвки и молодки въ красныхъ и синихъ кумачныхъ сарафанахъ по четыре и болѣе, держа другъ друга за руку, ходили взадъ и впередъ по улицѣ, ухмыляясь и запѣвая веселыя пѣсни, а молодые парни, слѣдуя за ними, перешоптывались и

порою громко отпускали лихія шутки насчетъ дородности и румянца красавицъ; вино и брага примѣтно распоряжались ихъ словами и мыслями; они примѣтно позволяли себѣ больше вольностей, чѣмъ обыкновенно, и женщины были примѣтно снисходительнѣй. Но оставимъ буйную молодежь и послушаемъ, объ чемъ говорили воинственные пришельцы съ сѣдобородыми старшинами? отгадать не трудно! Они требовали выдачи господъ, а крестьяне утверждали и клялись, что господа скрылись, бѣжали... увы! — къ несчастію казаки были объ нихъ слишкомъ хорошаго мнѣнія; они не хотѣли даже слышать этого, и урядникъ уже поднималъ свою толстую плеть надъ головою старосты, и его товарищи ужъ произносили слово пытки; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ отправились на барскій дворъ и вскорѣ возвратились, таща приказчика на арканѣ. Урядникъ, по прозванію Орленко, мужчина въ полномъ значеніи сего слова, высокій, крѣпкій сложеніемъ, усастый, съ черной бородкой и румяными щеками, кинулъ презрительный взглядъ на блѣднаго приказчика, который, произнося несвязныя слова и возгласы, стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ съ руками, связанными на спинѣ; конецъ веревки былъ въ рукѣ одного маленькаго рябого казака, который, злобно улыбаясь, поминутно ее подергивалъ.

— Что это за птица, Грицкò!—сказалъ урядникъ маленькому казаку,—что это за кликуша?.. отчего реветъ, какъ волъ? ужъ не онъ ли здѣшній господинъ?

— А бисъ его знаетъ!—отвѣчалъ Грицкò,—говоритъ, што приказчикъ... вѣдь отъ этихъ москалей безъ плетки толку не добьешься... я его нашелъ подъ лавкой въ кухнѣ и насилу выкурилъ оттуда головешкой.

Улыбка показалась на устахъ урядника, когда онъ замѣтилъ опаленные волосы и брови несчастнаго плѣнника, который, не спуская съ него глазъ и переставъ кричать, казалось, старался на лицѣ казака прочесть свой приговоръ.

— Такъ ты приказчикъ?—спросилъ Орленко, обратясь къ нему грозно.

Несчастный задрожалъ, хотѣлъ что-то вымолвить, и заикнулся.

— Что жъ ты молчишь, собачій сынъ? я тебѣ этимъ кинжаломъ расщѣплю зубы...

— Виноватъ! я приказчикъ...

— А! такъ ты виноватъ! — сказалъ Орленко, наморщивъ брови и желая надъ нимъ позабавиться: — въ чемъ же ты виноватъ? сейчасъ признавайся... а не то, видишь! — Онъ пальцемъ указалъ на свои пистолеты.

— Батюшка! нѣтъ, я ни въ чемъ не виноватъ! ваше жъ благородіе! помилуй...

— Ты у меня запираться!..

— Виноватъ! — опять заревѣлъ приказчикъ, — сжальтесь... я отъ страху не знаю, что говорю... я приказчикъ... Если бы я зналъ, гдѣ господа, такъ я бы самъ ихъ выдалъ нашему батюшкѣ! я бы самъ полюбовался на ихъ висѣлицу! я бы самъ ихъ сжегъ на кострѣ, самъ бы своими руками съ нихъ кожу содралъ съ живыхъ...

— Будто бы! точно ли?

— Да убей меня Богъ! если я бы хоть одинъ волосокъ за нихъ отдалъ, злодѣевъ!

— Ну, а скажи-ка, отчего у тебя борода обрита?

— Борода?.. да такъ... а что, родимый?

— Эй, ребята! я замѣчаю, что это плутъ большой руки...

— Ваше превосходительство! — сказалъ приказчикъ, привставъ, съ большею увѣренностью, — извольте спросить у всѣхъ міранъ: любилъ ли я господъ своихъ...

— Эй, вы! правду ли онъ говоритъ?

Мужики переминались, почесывали затылокъ, кашляли.

— Видишь, молчатъ! — сказалъ насмѣшливо Орленко, — да я подозрѣваю... ужъ не самъ ли ты Палицынъ! борода-то мнѣ подозрительна... эй, мужички: какъ вы думаете? ха, ха, ха!

Увы! народъ молчалъ.

Приказчикъ бросилъ отчаянный взглядъ кругомъ, но, не встрѣтивъ нигдѣ сожалѣнія, прикусилъ губу и, не зная что дѣлать, закричалъ: — Ахъ, вы нехристи, басурманы... что вы молчите, развѣ я не приказчикъ Матвѣй Соколовъ; развѣ въ первый разъ меня видите... что это вы морочите честныхъ

людей.... ахъ вы канальи — развѣ забыли, какъ я васъ поролъ... или еще хочется...

Лукавые мужики покашливали; наконецъ одинъ изъ нихъ, покачавъ головой, молвилъ:—Пороть-то ты насъ, братъ, поролъ... грѣшно сказать, лучшаго мы отъ тебя ничего не видали... да теперь-то ты насъ этимъ, любезный, не настращаешь... всему свое время... выше лба уши не растутъ... а теперь не хочешь ли на себѣ примѣрить?

— Что же? ты его признаешь за барина своего?—спросилъ Орленко.

— Баринъ-то онъ не совсѣмъ баринъ,—сказалъ мужикъ,—да яблоко отъ яблони не далеко падаетъ; куда попъ—туда и попова собака!

— Что жъ я буду съ нимъ дѣлать?

— А что хочешь, кормилецъ! намъ все равно... какъ присудишь,—заговорило нѣсколько голосовъ.

Прикащикъ упалъ въ ноги уряднику и заревѣлъ:—Смилуйся, отецъ родной, золотой ты мой, серебряной... что я тебѣ сдѣлалъ... неужто нашъ батюшка велитъ губить вѣрныхъ слугъ своихъ...

— А на что ему такихъ трусовъ, такихъ бабъ, какъ ты! вашей братьею только улицы мостить... Эй, мужички, возьмите его себѣ... я вамъ его дарю на животъ и на смерть... дѣлайте изъ него, что хотите!

Въ одно мгновеніе мужики его окружили съ шумомъ и проклятіями; слова: смерть, висѣлица, отдѣлялись по временамъ отъ общаго говора, какъ въ бурю отдѣляются удары грома отъ шума листьевъ и визга пронзительныхъ вѣтровъ; всѣ глаза налились кровью, всѣ кулаки сжались, всѣ сердца забились однимъ желаніемъ мести; сколько обидъ припомнилъ каждый, сколько способовъ придумалъ каждый заплатить за нихъ сторицею.

Вдругъ толпа раздалась, расхлынулась, какъ нѣкогда море, тронутое жезломъ Моисея, и человѣкъ уродливой наружности, небольшого роста, запыленный, весь въ поту, въ изорванной одеждѣ, явился передъ казаками... Когда урядникъ его увидалъ то снялъ шапку и поклонился, какъ старому знако-

мому, но Вадимъ,—ибо это былъ онъ,—не замѣтивъ его, обратился къ мужикамъ и сказалъ:—отойдите подальше, мнѣ надо поговорить о важномъ дѣлѣ съ этими молодцами...—Мужики посмотрѣли другъ на друга и, не замѣтивъ ни на чьемъ лицѣ желанія противиться этому неожиданному приказу и побѣжденные рѣшительнымъ видомъ страшнаго горбача, отодвинулись, разошлись и въ нѣсколькихъ шагахъ собрались снова въ кучку.

Тогда Вадимъ обернулся къ уряднику.

— Здравствуй, Орленко,—сказалъ онъ отрывисто,—звѣря яcослѣдилъ, а поймать ваше дѣло.

— Ужъ ты молодецъ, Красная Шапка, знаемъ мы тебя... Съ этими словами Орленко ударилъ его по плечу.

Едва примѣтная тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Вадима, но обиженная гордость повиновалась необходимости... Какъ быть? этимъ ли еще однимъ онъ пожертвовалъ для своей грозной цѣли?

— Если хотите, я васъ наведу на слѣдъ Палицына, пожива будетъ, за это отвѣчаю, только съ условіемъ... и чортъ даромъ не трудится...

— Только укажи слѣдъ,—сказалъ, улыбаясь, Орленко,— а ужъ за наградой дѣло не станетъ; сколько бы денегъ на немъ ни нашли—вотъ тебѣ крестъ—десятую долю тебѣ.

— Денегъ! нѣтъ, я не хочу денегъ...

— Чего жъ ты хочешь... крови?..

— Да, крови!—съ дикимъ хохотомъ отвѣчалъ горбачъ.

— Что жъ, и за этимъ дѣло не станетъ...

— О, я васъ знаю! вы сами захотите потѣшиться его смертью... а что мнѣ толку въ этомъ! что я буду? стоять и смотрѣть? Нѣтъ, отдайте мнѣ его тѣло и душу, чтобъ я могъ въ одинъ часъ двадцать разъ ихъ разлучить и соединить снова, чтобъ я насытился его мученіями... одинъ... слышите ли... одинъ, чтобы ничье сердце, ничьи глаза не раздѣляли со мною этого блаженства... О, я не дуракъ... я вамъ не игрушка... слышите ли!

Нѣкоторые казаки были поражены его ужасными словами и мрачнымъ выраженіемъ этого лица, въ которомъ такъ недав-

но стали отражаться его чувства во всей полнотѣ своей! Другіе, перемигиваясь, смѣялись надъ странными его тѣлодвиженіями.

— Ахъ ты уродъ,—сказалъ урядникъ;—ну, кто бы ожидалъ отъ тебя такую прыть! ха, ха, ха!

Вадимъ поблѣднѣлъ, бросилъ на казака тотъ взглядъ, который былъ его главнымъ оружіемъ, топнувъ ногою, заскрежеталъ, отвернулся, чтобъ не могли прочитать его бѣшенства въ багровыхъ ланитахъ. Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ.

— Коня!—закричалъ онъ вдругъ, будто пробудившись отъ сна,—дайте мнѣ коня... я васъ проведу, ребята, мы потѣшимся вмѣстѣ... вамъ вся честь и слава... мнѣ же...—Онъ вскочилъ на коня, предложеннаго ему однимъ изъ казаковъ и, махнувъ рукою прочимъ, пустился рысью по дорогѣ; мигомъ вся ватага повскакала на коней, раздался топотъ, пыль взвилась и слѣдъ простылъ.

Съ отчаяніемъ въ груди смотрѣлъ связанный приказчикъ на удаляющуюся толпу казаковъ, умоляя взглядомъ неумолимыхъ палачей своихъ; съ дреколіемъ тѣснились они около несчастной жертвы и холодно разсуждали о томъ, повѣсить его или засѣчь, или уморить съ голоду въ холодномъ амбарѣ; послѣднее средство показалось самымъ удобнымъ, и его съ торжествомъ, хохотомъ и пѣснями отвели къ пустому амбару, выстроенному на самомъ краю оврага, втолкнули въ узкую дверь и заперли на замокъ. Потомъ народъ разсыпался частью по избамъ, частью по улицѣ. Всѣ сіи происшествія заняли гораздо болѣе времени, нежели намъ нужно было, чтобъ описать ихъ, и уже солнце начинало приближаться къ западу, когда волненіе въ деревнѣ утихло; дѣвки и бабы собрались на завалинкахъ и запѣли праздничныя пѣсни; вскорѣ стада съ топотомъ, пылью и блеяньемъ, возвращаясь съ паствы, разсыпались по улицѣ и ребятишки съ обычнымъ крикомъ стали гоняться за отсталыми овцами, и никто бы не отгадалъ, что часъ или два тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ произнесенъ смертный приговоръ цѣлому дворянскому семейству.

ГЛАВА XXIII.

Вадимъ ѣхалъ передъ казаками по дорогѣ, ведущей въ ту небольшую деревеньку, гдѣ наканунѣ ночевалъ Борисъ Петровичъ. Онъ безмолвствовалъ, онъ мечталъ о сестрѣ, о родной кровлѣ...онъ прощался съ этими мечтами—навѣки! Казалось, его задумчивость, какъ облако, тяготѣла надъ веселыми казаками; они также молчали; иногда вырывалось шутливое замѣчаніе, за нимъ появлялись три-четыре улыбки — и только! Вдругъ одинъ изъ казаковъ закричалъ:—Стой, братцы! Кто это намъ ѣдетъ на встрѣчу, слышите топотъ... видите пыль, тамъ за изволокомъ... ужъ не наши ли это изъ села Краснаго...то-то я думаю была пожива,—не то, что мы,—чай пальчики у нихъ облизать, такъ сытъ будешь... Э! да посмотрите...вѣдь точно, видно, они! Ахъ разбойники... черти ихъ душу возьми... Экъ сколько телѣгъ за собой везутъ, цѣлый обозъ!

И точно, толпа, подвигающаяся къ нимъ на встрѣчу, болѣе походила на караванъ, нежели на отрядъ вольныхъ жителей Урала; впереди ѣхало человѣкъ 50 казаковъ, предводительствуемыхъ однимъ старымъ сѣдымъ наѣздникомъ на сѣрой борзой лошади; за ними шло человѣкъ десять мужиковъ съ связанными назадъ руками, съ поникшими головами, безъ шапокъ, въ однѣхъ рубашкахъ; потомъ слѣдовало нѣсколько телѣгъ, нагруженныхъ поклажею, виномъ, вещами, деньгами и наконецъ двѣ кибитки, покрытыя рогожей, такъ что нельзя было, не приподнявъ оную, разсмотрѣть, что въ нихъ находилось; нѣсколько верховыхъ казаковъ окружало сіи кибитки. Когда Орленко съ своими казаками приблизился къ нимъ саженъ на 50, то велѣлъ спутникамъ остановиться и подождать, пріударилъ коня нагайкой и подскакалъ къ каравану.—Здравствуй, молодецъ,—сказалъ ему сѣдой наѣздникъ съ привѣтливой улыбкой,—откуда и куда путь держишь?

— А мы изъ села Краснаго, разбивали панскій дворъ... и веземъ этихъ собакъ къ Бѣлбородкѣ... онъ имъ совьетъ пеньковое ожерелье... не будутъ въ другой разъ бунтовать.

— Я отгадалъ, старый, что ты вѣрно въ Красномъ пировалъ... да кажется и теперь не съ пустыми руками.

— Да нельзя пожаловаться на судьбу... бочки три вина веземъ къ Бѣлбородкѣ.

— Къ Бѣлбородкѣ! Все ему? А зачѣмъ? У него и безъ насъ много! Эхъ, молодцы, кабы вмѣсто того, чѣмъ везти туда, мы его роспили за здоровье родной земли! Что бы вамъ моихъ казачковъ не попотчевать? У нихъ горло засохло, какъ Уральская степь; вѣдь мы съ утра только по чаркѣ браги выпили, а теперь ѣдемъ искать Палицына и Богъ знаетъ, когда съ вами опять увидимся...

Старый обратился къ своимъ и молвилъ:—Эй, ребята, какъ вы думаете? Вѣдь намъ до вечера не добраться къ мѣсту... аль сдѣлать привалъ... своихъ обдѣлять не надо...мы попируемъ, отдохнемъ... тамъ что будетъ, то будетъ: утро вечера мудренѣе...

— Стой!—раздалось по всему каравану.

Стой! скрыпучія колеса замолкли, пыль улеглась; казаки Орленки смѣшались съ своими земляками и, окруживъ телѣги, съ завистью слушали разсказы послѣднихъ про богатыя добычи и про упрямыхъ господъ села Краснаго, которые осмѣлились оружіемъ защищать свою собственность; между тѣмъ нѣкоторые отправились къ рощѣ, возлѣ которой пробѣгалъ небольшой ручей, чтобъ выбрать мѣсто, удобное для привала, вслѣдъ за ними скоро тронулись туда телѣги и кибитки, и наконецъ остальные казаки, ведя въ поводу лошадей своихъ...

Когда Вадимъ замѣтилъ, что его помощники вовсе не расположены слѣдовать за нимъ безъ отдыха для отысканія невѣрной добычи, особенно имѣя передъ глазами двѣ миловидныя бочки вина, то, подъѣхавъ къ Орленкѣ, онъ взялъ его за руку и молвилъ:—Итакъ, сегодня нѣтъ надежды!

— Да, братъ, наврядъ;—да признаюсь, мнѣ самому надоѣло гоняться за этими крысами! Сколько ужъ я ихъ перевѣшалъ, право, и счетъ потерялъ, скорѣе сочту волосы въ хвостѣ моего коня.

Вадимъ круто повернулъ въ сторону, отъѣхалъ прочь, слѣзъ, привязалъ коня къ толстой березѣ и сѣлъ на землю; прислонясь къ ней и сложа руки на груди, онъ смотрѣлъ на приготовленія казаковъ, на ихъ беззаботную веселость; вдругъ его

взоръ упалъ на одну изъ кибитокъ: рогожа была откинута и онъ увидѣлъ... О, если бъ вы знали, что онъ увидалъ? Во-первыхъ, изъ нея показалась сѣдая, лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова старика, лѣтъ 60-ти или болѣе; его взглядъ былъ мраченъ, но благороденъ, исполненъ этой холодной гордости, которая иногда родится съ нами, но чаще дается воспитаніемъ, образуется отъ продолжительной привычки повелѣвать себѣ подобными. Одежда старика была изорвана и мѣстами запятнана кровью, да, кровью, потому что онъ не хотѣлъ молча отдать наслѣдіе своихъ предковъ пошлымъ разбойникамъ, не хотѣлъ видѣть безчестіе дѣтей своихъ, не поднявъ меча за право собственности...но рокъ измѣнилъ...онъ уже перешагнулъ двѣ ступени къ гибели: сопротивленіе, плѣнъ; теперь осталась третья—висѣлица!

И Вадимъ пристально, съ участіемъ всматривался въ эти черты, отлитыя въ какую-то особенную форму величія и благородства, исчерченныя когтями времени и страданій, старинныхъ страданій, слившихся съ его жизнью, какъ сливаются двѣ однородныя жидкости. Но послѣдніе, самые жестокіе удары судьбы не оставили никакого слѣда на челѣ старика; его большіе сѣрые глаза, осѣненные тяжелыми вѣками, медленно, строго пробѣгали картину, развернутую передъ ними случайно; ни близость смерти, ни досада, ни ненависть, ничто не могло, казалось, отуманить этого спокойнаго всепроникающаго взгляда; но вотъ онъ обратилъ ихъ во внутренность кибитки, и что же? двѣ крупныя слезы, засверкавъ, невольно выбѣжали на сѣдыя рѣсницы и чуть чуть не упали на поднявшуюся грудь его. Вадимъ сталъ всматриваться съ большимъ вниманіемъ.

Вотъ показалась изъ-за рогожи другая голова: женская, розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, съ дѣтской, полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой на устахъ; она прилегла на плечо старика такъ безпечно и довѣрчиво, какъ ложится капля росы небесной на листокъ, изсушенный полднемъ, измятый грозою и стопами прохожаго, и съ перваго взгляда можно было отгадать, что это отецъ и дочь, ибо въ ихъ взаимныхъ ласкахъ дышала

одна печаль близкой разлуки, безъ малѣйшихъ оттѣнковъ страсти, святая печаль, попечительное сожалѣніе отца, опасенія балованной, любимой дочери.

Тяжко было Вадиму смотрѣть на нихъ; онъ вскочилъ и пошелъ къ другой кибиткѣ. Она была совершенно раскрыта и въ ней были двѣ дѣвушки, двѣ старшія дочери несчастнаго боярина; первая сидѣла и поддерживала голову сестры, которая лежала у ней на колѣняхъ; ихъ волосы были растрепаны, перси обнажены, одежды изорваны; толпа веселыхъ казаковъ осыпала ихъ обидными похвалами, обидными насмѣшками... они однако не смѣли подойти къ старику: его строгій, произительный взоръ поражалъ ихъ дикія сердца непонятнымъ страхомъ.

Между тѣмъ казаки разложили у берега рѣчки нѣсколько яркихъ огней и расположились вокругъ; прикатили первую бочку—началась пирушка. Сначала веселый говоръ пробѣжалъ по толпѣ; смѣхъ, пѣсни, шутки, разсказы, все сливалось въ одну нестройную, неполную музыку, но скоро шумъ началъ возрастать, возрастать, какъ грозное кресчендо оркестра; хоръ сдѣлался согласнѣе, сильнѣе, выразительнѣе. О, какія пѣсни, какія рѣчи, какіе взоры, лица, тѣлодвиженія, буйныя, вольныя! какія разноцвѣтныя группы! Яркое пламя костровъ согласно съ догорающимъ западомъ озаряло картину пира, когда Вадимъ рѣшился подойти къ нимъ, замѣшаться въ ихъ веселье.

— За здравіе пана Бѣлбородки! —говорилъ одинъ, выпивая разомъ полный ковшикъ, — онъ первый выдумалъ этотъ золотой походъ!

— Чортъ его побери!—отвѣчалъ другой, покачиваясь:— славный малый! пьетъ какъ бочка, дерется какъ звѣрь... и умнѣе монаха.

— Ребята! у кого изъ васъ не замѣченъ нынѣшній день на тѣлѣ зарубкою, тотъ поди ко мнѣ, я сослужу ему службу!..

— Ахъ ты хвастунъ, ляхъ проклятый! Ты во все время сидѣлъ съ винтовкой за амбаромъ, ха, ха, ха!.....

— А ты, рыжій, гдѣ спрятался, признайся, когда старикъ-то заперся въ свѣтелкѣ, да началъ отстрѣливаться?

— Я? а гдѣ бишь... да я тутъ же былъ съ вами! да кто же,

если не я, подстрѣлилъ того длиннаго молодца, что съ топоромъ высунулся изъ окна...

— Да это было прежде... ну, а если ты былъ тутъ. то скажи, что сдѣлалъ старый бояринъ, когда нашъ Грицко удалой повалилъ его сына?

— Что? ничего...

— Такъ врешь! онъ положилъ его поперекъ окна и, прислонивъ къ нему ружье, выстрѣлилъ въ десятскаго... вотъ повалилъ-то, какъ снопъ! Ужъ я цѣлилъ, цѣлилъ въ его меньшую дочь... вѣдь разбойница! стоитъ за простѣнкомъ себѣ, да заряжаетъ ружья... по крайней мѣрѣ двѣ другія лежали безъ памяти у себя на постеляхъ...

— А много вашихъ легло?

— Да человѣкъ десятокъ есть... за то ужъ мы, какъ ворвались въ домъ, всѣхъ покрошили, кромѣ господъ... да этимъ суждено умирать немолодецкой смертью...

— Чего же вы ждете? осины есть... веревки есть...

— Да власти нѣтъ... старшина велитъ вести ихъ къ Бѣлбородкѣ!

— Эхъ, кабы я былъ старшина...

Тутъ ковшъ еще разъ пропутешествовалъ по рукамъ и сухой вернулся къ своему источнику. Умы заклокотали сильнѣе и лица разгорѣлись кровавымъ заревомъ.

— Кто вамъ мѣшаетъ ихъ убить! развѣ боитесь своихъ старшинъ?—сказалъ Вадимъ съ коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха. — Кто мѣшаетъ!—заревѣли пьяные казаки,—кто смѣетъ намъ мѣшать! мы дѣлаемъ что хотимъ, мы не рабы, чортъ возьми! Убить, да! убить! отомстимъ за нашихъ братьевъ! пойдемте ребята!—И толпа съ воемъ ринулась къ кибиткамъ; несчастный старикъ спалъ на груди своей дочери; онъ вскочилъ, высунулся... и все понялъ!..

— Чего вы хотите?—сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

— А, старый воронъ! старый филинъ!.. мы тебя выучимъ воздушной пляскѣ... пожалуй-ка сюда... Да выходи же!—сказалъ одинъ, подтверждая приказаніе ударомъ плетью.

Старикъ медленно вышелъ изъ кибитки, дочь выпрыгнула

вслѣдъ за нимъ, уцѣпилась обѣими руками за его платье.— Не бойся,—шепнулъ онъ ей, обнявъ одной рукой,—не бойся... если Богъ не захочетъ, они ничего не могутъ намъ сдѣлать, если же...—онъ отвернулся... О! какъ изобразить выраженіе лица бѣдной дѣвушки! сколько прелестей, сколько отчаянія!

— Разнимите ихъ! — закричалъ одинъ кривой исполинъ, приготавливая петлю,—что они лижутся!

Ихъ хотѣли растащить, но дѣвушка въ бѣшенствѣ укусила жестокую руку.—Перестань,—сказалъ отецъ твердымъ голосомъ,— ты этимъ не поможешь; если мнѣ суждено погибнуть отъ злодѣйскихъ рукъ, безъ покаянія... какъ басурману...—Не можетъ быть, не можетъ быть, батюшка... ты не умрешь...—Отчего же, дочь, не можетъ быть? и Христосъ умеръ! молись...—Она отрывисто качнула головой и заплакала... Боже! какія слезы!

Не смотря на это, ихъ растащили; но вдругъ она вскрикнула и упала; отецъ кинулся къ ней, съ удивительной силой оттолкнулъ двухъ казаковъ, прижалъ руку къ ея сердцу... она была мертва, блѣдна, холодна, какъ сырая земля, на которой лежало ея молодое непорочное тѣло.

— Теперь пойдеите,—сказалъ старикъ. Его глаза заблистали мрачнымъ пламенемъ...онъ махнулъ рукой...ему надѣли на шею петлю, перекинули конецъ веревки черезъ толстый сукъ и..... раздался громкій хохотъ, потомъ вдругъ молчаніе, молчаніе смерти...

Но, увы! еще не кончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конецъ веревки, который взвился къ верху; мученикъ сорвался, ударился о-земь и нога его хрустнула; онъ застоналъ и повалился возлѣ трупа своей дочери.—Убійцы,— прохрипѣлъ онъ, — вотъ вамъ мое проклятье, проклятье! — Заткни ему горло,—сказалъ Орленко. Это было сожалѣніе: два ножа въ минуту воткнулись въ горло старика и онъ умолкъ.

Когда казаки, захотѣвъ увѣриться въ его кончинѣ, стали приподнимать его за руки, то замѣтили, что въ послѣднихъ су-

дорогахъ онъ крѣпко ухватилъ ногу своей дочери, впился въ нее костяными пальцами, которые замерли на нѣжномъ тѣлѣ... О, это было ужасно... Они смѣялись.

Божественная, милая дѣвушка! и ты погибла, погибла безъ возврата... одинъ ударъ и свѣжій цвѣтокъ склонилъ голову! Твое слабое сердце, какъ нить истлѣвшая—разорвалось...ни одно рыданье, ни одно слово мира и любви не усладило отлета души твоей рѣзвой, чистой какъ радужный мотылекъ, невинной какъ первый вздохъ младенца; грозныя лица окружали твое сырое смертное ложе, проклятіе было твоимъ надгробнымъ словомъ! какая будущность! какое прошедшее! и все въ одинъ мигъ разлетѣлось. Такъ иногда вечеромъ облака дымныя, багряныя, лиловыя гурьбой собираются на западѣ, свиваются въ столпы огненные, сплетаются въ фантастическіе хороводы, и замокъ съ башнями и зубцами, чудный какъ мечта поэта, растетъ на голубомъ пространствѣ... но дунулъ сѣверный вѣтеръ, и разлетѣлись облака, и упадаютъ росою на безчувственную землю... Миръ съ тобою, дѣва красоты, да ангелъ твой хранитель споетъ надъ твоимъ прахомъ пѣснь мира, любви и прощенья!

А между тѣмъ Вадимъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на нее и на старика такъ-же равнодушно и любопытно, какъ бы мы смотрѣли на какой-нибудь физическій опытъ, онъ, чье неумѣстное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вамъ.

Во-первыхъ, онъ хотѣлъ узнать, какое чувство волнуетъ душу при видѣ такой казни, при видѣ самыхъ ужасныхъ мукъ человѣческихъ—и нашелъ, что душу ничего не волнуетъ.

Во-вторыхъ, онъ хотѣлъ узнать, до какой степени можетъ дойти непоколебимость человѣка—и нашелъ, что есть испытанія, которыхъ перенесть никто не въ силахъ. Это ему подало надежду увидать слезы, раскаяніе Палицына — увидать его у ногъ своихъ грызущаго землю въ бѣшенствѣ, цѣлующаго его руки отъ страха—надежда усладительная, нѣтъ никакого сомнѣнія.

Ужъ было темно; огни догорали; толпа постепенно умолкала, и многіе ужъ спали беззаботно. Луна, всплывая на синее

небо, осеребрила струи вьющейся рѣчки и туманную отдаленность; черныя облака медленно проходили мимо нея, какъ ночной сторожъ ходитъ взадъ и впередъ мимо пылающаго маяка.

Вадимъ сидѣлъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, подъ толстой березой, сложа руки и угрюмо глядя на небо. Къ нему подошелъ Орленко.

— Посмотри, какъ весело! Отчего ты одинъ сердитъ, задумчивъ, горбачъ?—сказалъ онъ, ударивъ его по плечу.

— Ты видишь это облако, которое, какъ медвѣжья косматая шуба, виситъ надъ мѣсяцемъ? — отвѣчалъ Вадимъ, приподнявъ голову съ презрительной усмѣшкой.

— Вижу.

— Ну, а какъ ты думаешь, что таится въ глубинѣ его?

— Что? по моему, громъ и молнія... вишь какъ насупилось...

— И ты спрашиваешь, зачѣмъ я угрюмъ и молчаливъ?

Орленко, не понявъ горбача, пожалъ плечами и отошелъ прочь.

ГЛАВА XXIV.

Теперь оставимъ пирующую и сонную ватагу казаковъ и перенесемся въ знакомую намъ деревеньку, въ избу бѣдной солдатки. Дѣло подходило къ разсвѣту, луна спокойно озаряла соломенныя кровли дворовъ, и все казалось погруженнымъ въ глубокій, мирный сонъ; только въ избѣ солдатки свѣтилась тусклая лучина, и по временамъ раздавался рѣзкій грубый голосъ солдатки, коему отвѣчалъ другой, чрезвычайно жалобный и плаксивый—и это покажется чрезвычайно обыкновеннымъ, когда я скажу, что солдатка била своего сына.

Я бы съ великимъ удовольствіемъ пропустилъ эту непріятную, пошлую сцену, если бъ она не служила необходимымъ изъясненіемъ всего слѣдующаго; а такъ какъ я предполагаю въ своихъ читателяхъ должную степень любопытства, то не почитаю за необходимость долѣе извиняться.

— Ахъ, ты лѣнтяй! чтобъ тебѣ сдохнуть... собачій сынъ! говорила мать, таская за волосы своего дѣтища.

— Матушки, батюшки! помилуй... золотая, серебряная...

не буду! —ревѣлъ длинный балбѣсъ, утирая глаза кулаками.— Я вчера, вишь, понесъ имъ хлѣба да квасу въ кувшинѣ... Вотъ, слышь, мачка, я шелъ... шелъ... да меня лѣшій и обошелъ... а я усталъ, да и легъ спать въ кусты, мачка... Вотъ, когда я проснулся... мнѣ больно ѣсть захотѣлось... я все и съѣлъ...

— Ахъ ты разбойникъ... экова болвана выростила... запорю тебя до смерти...—И удары снова градомъ посыпались ему на голову.—Ахъ онъ, мой голубчикъ,—продолжала солдатка,—тамъ либо съ голоду померъ, либо вышелъ да попался въ руки душегубамъ... а ты, нечесаная голова, и не подумалъ объ этомъ... Да знаешь ли, что за это тебя черти на томъ свѣтѣ живого зажарятъ... вотъ родила я какого негодяя на свою голову... ужъ кабы знала, не видать бы твоему отцу отъ меня ни к...а!—И снова тяжкіе кулаки ея застучали о спину и зубы несчастнаго, который, прижавшись къ печи, закрывалъ голову руками и только по временамъ испускалъ стоны почти нечеловѣческіе.

И за дѣло! бѣдные изгнанники по милости негодяя болѣе сутокъ оставались безъ пищи, и отчаяніе уже начинало вкрадываться въ ихъ души! И въ самомъ дѣлѣ, какъ выйти, гдѣ искать помощи, когда по всѣмъ признакамъ послѣдніе покровители ихъ покинули на произволъ судьбы!

Между тѣмъ, пока солдатка била своего парня, кто-то перелѣзъ черезъ частоколъ, ощупью пробрался черезъ дворъ, заставленный дровнями и колодами, и вошелъ въ темныя сѣни невѣрными шагами; усталость говорила во всѣхъ его движеніяхъ; онъ прислонился къ стѣнѣ и тяжело вздохнулъ, потомъ тихо пошелъ къ двери избы, приложилъ къ ней ухо и, узнавъ голосъ солдатки, отворилъ дверь и вошелъ. Догорающая лучина слабо озарила его блѣдное, исхудавшее лицо: не говоря ни слова, въ изнеможеніи присѣлъ на скамью и закрылъ лицо руками.

Хозяйка вскрикнула при видѣ незваннаго гостя, но вскорѣ, вѣроятно узнавъ его и опасаясь свидѣтелей, поспѣшно притворила дверь и подошла къ нему съ видомъ простодушнаго участія.

— Что съ тобою, мой кормилецъ? Ахъ, Матерь Божія! да какъ ты зашелъ сюда... слава Богу! Я думала, что тебя злодѣи-то давнымъ давно извели!..

— Случайно я нашелъ батюшку въ Чортовомъ Логовищѣ,— отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ,—ты его спасла!благодарю... я пришелъ за хлѣбомъ...

— Ахъ я проклятая! ахъ я безумная! а вы тамъ, чай, родимые, голодали, голодали... нѣтъ, я себѣ этого не прощу... А ты, болванъ неотесанный,—закричала она, обратясь къ сыну,—все это по твоей милости... собачій сынъ...—И снова удары посыпались на бѣдняка.

— Дай мнѣ чего-нибудь,—сказалъ Юрій.

Эти слова напомнили ей дѣло болѣе важное; она вынула изъ печи хлѣба, поставила передъ нимъ горшокъ снятого молока и онъ съ жадностью кинулся на предлагаемую пищу; въ эту минуту онъ забылъ все: долгъ, любовь, отца, Ольгу, все, что не касалось до этого благодатнаго молока и хлѣба. Если бы въ эту минуту закричали ему на ухо, что самъ грозный Пугачевъ въ 30-ти шагахъ, то несчастный еще подумалъ бы: оставить ли этотъ неоцѣненный ужинъ и спастись, или утолить голодъ и погибнуть; у него не было уже ни ума, ни сердца—онъ имѣлъ одинъ только желудокъ.

Пока онъ ѣлъ и отдыхалъ, прошелъ часъ, драгоцѣнный часъ; востокъ бѣлѣлъ непримѣтно, и уже дальніе края туманныхъ облаковъ начинали одѣваться въ утреннюю свою парчевую одежду, когда Юрій, обремененный ношею съѣстныхъ припасовъ, собирался выйти изъ гостепріимной хаты.

Вдругъ раздался на улицѣ конскій топотъ и кто-то проскакалъ мимо оконъ; Юрій поблѣднѣлъ, уронилъ мѣшокъ и значительно взглянулъ на остолбенѣвшую хозяйку; она подбѣжала къ окну, всплеснула руками и простодушное загорѣлое лицо ея изобразило ужасъ.

— Дѣлать нечего,—сказалъ Юрій, призвавъ на помощь всю свою твердость,—не правда ли, я погибъ? говори скорѣе, потому что я не люблю неизвѣстности...

Но хозяйка не отвѣчала; она приподняла половницу возлѣ печи и указала на отверстіе пальцемъ; Юрій понялъ сей вы-

разительный знакъ и поспѣшно спустился въ небольшой холодный погребъ, уставленный домашней утварью.

— Что̀ бы ты ни слыхалъ, что бы въ избѣ ни творили со мной, баринъ, не выходи отсюда прежде двухъ дёнъ, Боже тебя сохрани! Здѣсь есть молоко, квасъ и хлѣбъ, на два дни станетъ...—и тяжелая доска, какъ гробовая крышка, хлопнула надъ его головою.

Хозяйка, чтобы не возбудить подозрѣній, стала возиться у печи, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Скоро дверь распахнулась съ трескомъ и вошли казаки, предводительствуемые Вадимомъ.

— Здѣсь былъ Борисъ Петровичъ Палицынъ съ охотниками?—спросилъ Вадимъ у солдатки,—гдѣ они?

— На зарѣ, чѣмъ свѣтъ, уѣхали, кормилецъ!

— Лжешь; охотники уѣхали, а онъ здѣсь.

— И, помилуйте отцы родные, да что мнѣ его прятать... вѣдь онъ, чай, не мой баринъ...

— Въ томъ-то и сила, что не твой!—подхватилъ Орленко, и, ударивъ ее плетью, продолжалъ:

— Ну, живо поворачивайся, укажи гдѣ онъ у тебя сидитъ... а не то...

— Дѣлайте со мною, что угодно,—сказала хозяйка, повѣсивъ голову,—а я знать не знаю, вотъ вамъ Христосъ и Святая Богородица! Ищите, батюшка, а коли не найдете, не пеняйте на меня грѣшную.

Нѣсколько казаковъ по знаку атамана отправились на дворъ за поисками и черезъ четверть часа возвратились, объявивъ, что ничего не нашли.

Орленко недовѣрчиво посмотрѣлъ на Вадима, который, прислонясь къ печи и приставивъ палецъ ко лбу, казался погруженъ въ глубокое размышленіе; наконецъ, какъ будто пробудившись, онъ сказалъ почти про себя:—Онъ здѣсь, непремѣнно здѣсь...

— Отчего же ты въ томъ увѣренъ?—сказалъ Орленко.

— Отчего! Боже мой! отчего? я вамъ говорю, что онъ здѣсь,—я это чувствую... я отдаю вамъ свою голову, если его здѣсь нѣтъ!..

— Хорошъ подарокъ!—замѣтилъ кто-то сзади.

— Но какія доказательства и какъ его найти?—спросилъ Орленко.

Грицко осмѣлился подать голосъ и совѣтовалъ употребить пытку надъ хозяйкой.

При грозномъ словѣ: пытка, она примѣтно поблѣднѣла, но ни тѣни нерѣшимости или страха не показалось на лицѣ ея, оживленномъ быть можетъ новыми для нея, но не менѣе того благородными чувствами.

— Пытать, такъ пытать,—подхватили казаки, и обступили хозяйку; она неподвижно стояла передъ ними и только иногда губы ея шептали неслышно какую-то молитву.. Къ каждой ея рукѣ привязали толстую веревку: перекинувъ концы ихъ черезъ брусъ, поддерживающій полати, стали понемногу ихъ натягивать; пятки ея отдѣлились отъ полу и скоро она едва могла прикасаться до земли концами пальцевъ; тогда палачи остановились и съ улыбкою взглянули на ея надувшіяся на рукахъ жилы и на покраснѣвшее отъ боли лицо.

— Что, разбойница,—сказалъ Орленко,—теперь скажешь ли, гдѣ у тебя спрятанъ Палицынъ?

Глубокій вздохъ былъ ему отвѣтомъ.

Онъ подтвердилъ свой вопросъ ударомъ нагайки.

— Хоть зарѣжьте, не знаю,—отвѣчала несчастная женщина.

— Тащи выше!—было приказаніе Орленки, и въ двѣ минуты она поднялась отъ земли на аршинъ; глаза ея налились кровью; стиснувъ зубы, она старалась удерживать невольные крики... палачи опять остановились и Вадимъ сдѣлалъ знакъ Орленкѣ, который его тотчасъ понялъ. Солдатку разули и подъ ногами ея разложили кучку горячихъ угольевъ; отъ жару и боли въ ногахъ ея начались судороги и она громко застонала, моля о пощадѣ.

— Ага! таки наконецъ разжала зубы; проклятая... небось какъ начнемъ жарить, такъ не только языкъ, сами пятки заговорятъ... Ну, отвѣчай же скорѣе, гдѣ онъ?

— Да, гдѣ онъ?—повторилъ горбачъ.

— Охъ, охъ, батюшки, голубчики... дайте духъ перевести... опустите на землю...

— Нѣтъ, прежде скажи, а потомъ пустимъ...

— Воля ваша... не могу слова вымолвить... охъ, охъ, Господи... спаси... батюшки...

— Спустите ее,—сказалъ Орленко.

Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь ея вздохнула свободно, то казакъ повторилъ прежніе свои вопросы.

— Онъ убѣжалъ!—сказала она,—въ ту же ночь... вонъ по той тропинкѣ, что идетъ по оврагу... больше вотъ вамъ Христосъ, я ничего не знаю.

Въ эту минуту два казака ввели въ избу рыжаго, замасленнаго болвана, ея сына. Она бросила ему взглядъ, который всякій бы понялъ, кромѣ его.

— Кто ты таковъ?—спросилъ Орленко.

— Петруха,—отвѣчалъ парень.

— Да, дурачина, кто ты таковъ?

— А почемъ я знаю... говорятъ, что мачкинъ сынъ...

— Хорошъ! —сказалъ, захохотавъ, Орленко,—да гдѣ вы его нашли?

— Зарылся въ соломѣ по уши около амбара; мы идемъ, анъ глядь, двѣ ноги торчатъ изъ соломы... Вотъ мы его оттуда за ноги... ужъ тащили... тащили... словно лодку съ отмели...

— Послушай, Орленко,—перервалъ Вадимъ,—мы отъ этого дурака можемъ больше узнать, чѣмъ отъ упрямой вѣдьмы— его матери.

Казакъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Только его надо вывести, иначе она намъ помѣшаетъ.

— И то правда. Выведите-ка его на дворъ,—сказалъ Орленко,—а эту чертовку мы запремъ здѣсь.

Услышавъ это, хозяйка вспыхнула; глаза ея засверкали.

— Послушай, Петруха,—закричала она звонкимъ голосомъ,—если скажешь хоть единое слово, я тебя прокляну, сгоню со двора, заморю, убью.

Онъ затрепеталъ при звукахъ знакомаго ему голоса; онѣмѣніе, произведенное въ немъ присутствіемъ стольких незнакомыхъ лицъ, еще удвоилось; онъ боялся матери больше, чѣмъ всѣхъ казаковъ на свѣтѣ, ибо привыкъ ее бояться; со-

проводивъ свои угрозы значительнымъ движеніемъ руки, она впала въ задумчивость и казалась спокойною.

Прошло около десяти ужасныхъ минутъ. Вдругъ раздались на дворѣ удары плети, ругательства казаковъ и крикъ несчастнаго. Ея материнское сердце сжалось, но вскорѣ мысль, что онъ не вытерпитъ мученій до конца и выскажетъ ея тайну, овладѣла всѣмъ ея существомъ; она и молилась, и плакала и бѣгала по избѣ, въ нерѣшимости что ей дѣлать, даже было мгновенье, когда она почти покушалась на предательство... Но вотъ, сперва утихли крики... потомъ удары... потомъ брань... и, наконецъ, она увидала изъ окна, какъ казаки выходили одинъ за однимъ за ворота, и на улицѣ, собравшись въ кружокъ, стали совѣтоваться между собою. Лица ихъ были пасмурны, омрачены обманутой надеждой; рыжій Петруха, избитый, полуживой остался на дворѣ; онъ, охая и стоная, лежалъ на землѣ; мать, содрогаясь, подошла къ нему, но въ глазахъ ея сіяла какая-то высокая, неизъяснимая радость: онъ не высказалъ, не выдалъ своей тайны душегубцамъ......

[Около 1833 года, во время пребыванія въ Юнкерской Школѣ, Лермонтовъ написалъ «Панораму Москвы.» Рукопись находится въ Имп. Публ. библіотекѣ и, кажется, представляетъ собою сочиненіе, писанное на заданную тему. Но въ описаніи Москвы мы видимъ глубокую любовь поэта къ этому городу и въ письмахъ и сочиненіяхъ его [напр. въ «Сашкѣ»] найдется не мало параллельныхъ мѣстъ. Печатаемъ панораму въ первый разъ въ приложеніи къ этому тому].

[Романъ «Княгиня Лиговская» составляетъ переходъ отъ юношескаго творчества Лермонтова къ болѣе зрѣлымъ произведеніямъ. Въ романѣ еще много автобіографическаго, и если, съ одной стороны, въ немъ встрѣчаемъ тѣхъ же лицъ, что и въ юношескихъ драмахъ, какъ напримѣръ, Князя и Княгиню Лиговскихъ, появлявшихся въ драмѣ «Два брата» — тоже построенной на пережитомъ самимъ поэтомъ — то, съ другой стороны, впервые встаетъ передъ нами образъ Печорина, еще очень неясный, еще совсѣмъ не освободившійся отъ оковъ субъективныхъ ощущеній, но уже указывающій на то, что поэтъ стоитъ на рубежѣ новаго фазиса развитія. Лермонтовъ начинаетъ отходить отъ самого себя и отъ пережитого и окидывать испытующимъ взглядомъ объективнаго творца-художника то, отъ чего прежде не могъ отрѣшиться, съ чѣмъ былъ связанъ. [Срав. статью мою по поводу этого произведенія въ Мартовской книгѣ «Русскаго Вѣстника» за 1882 годъ, равно какъ и біографію поэта]. По показаніямъ А. П. Шанъ-Гирея, выведеннаго въ романѣ подъ именемъ Браницкаго, въ концѣ 1836 года Лермонтовъ вмѣстѣ съ С. Аф. Раевскимъ трудился надъ этимъ произведеніемъ, рукопись коего, писанная попеременно то Михаиломъ Юрьевичемъ, то пріятелемъ подъ его диктовку, находится въ Импер. Публичной библіотекѣ. Перемѣна, уже сказывавшаяся въ то время въ поэтѣ, сдѣлала невозможнымъ окончаніе романа, который и былъ прекращенъ на 9-ой главѣ. Въ письмѣ къ Раевскому отъ 8-го іюня 1838 года, Михаилъ Юрьевичъ говоритъ: «Романъ, который мы съ тобою начали, затянулся и врядъ ли кончится.» Въ головѣ поэта тогда уже слагались образы, выведенные имъ въ «Героѣ нашего времени». — «Княгиня Лиговская» напечатана въ первый разъ въ 1882 году въ январской книгѣ «Русскаго Вѣстника». Печатали прямо съ черновой рукописи поэта, и потому многое было плохо разобрано и переиначено. Отсюда романъ былъ перепечатанъ безъ измѣненій въ собраніи сочиненій Лермонтова, изданномъ въ 1882 году.]

1836.

Княгиня Лиговская.

РОМАНЪ.

I.

Поди! поди! раздался крикъ!

Пушкинъ.

Въ 1833 году, декабря 21 дня, въ 4 часа пополудни, по Вознесенской улицѣ, какъ обыкновенно, валила толпа народа, и между прочимъ шелъ одинъ молодой чиновникъ. Замѣтьте

день и часъ, потому что въ этотъ день и въ этотъ часъ случилось событіе, отъ котораго тянется цѣпь различныхъ приключеній, постигшихъ всѣхъ моихъ героевъ и героинь, исторію которыхъ я обѣщался передать потомству, если потомство станетъ читать романы. Итакъ Вознесенской шелъ одинъ молодой чиновникъ, и шелъ онъ изъ департамента, утомленный однообразною работой и мечтая о наградѣ и вкусномъ обѣдѣ, ибо всѣ чиновники мечтаютъ. На немъ былъ картузъ неопредѣленной формы и синяя ваточная шинель со старымъ бобровымъ воротникомъ; черты лица его различить было трудно: причиною тому козырекъ, воротникъ и сумерки; казалось, онъ не торопился домой, а наслаждался чистымъ воздухомъ морознаго вечера, разливавшаго сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлямъ домовъ, соблазнительнымъ блистаньемъ магазиновъ и кондитерскихъ. Порою поднявъ глаза кверху съ истинно поэтическимъ умиленіемъ, сталкивался онъ съ какою-нибудь розовою шляпкой и, смутившись, извинялся. Коварная розовая шляпка сердилась, потомъ заглядывала ему подъ картузъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, оборачивалась, какъ будто ожидая вторичнаго извиненія; напрасно! Молодой чиновникъ былъ совершенно недогадливъ!.. Но еще чаще онъ останавливался, чтобы поглазѣть сквозь цѣльныя окна магазина или кондитерской, блистающей чудными огнями и великолѣпною позолотою; долго, пристально, съ завистью разглядывалъ различные предметы, и, опомнившись, съ глубокимъ вздохомъ и стоическою твердостью продолжалъ свой путь. Самые же ужасные мучители его были извозчики, и онъ ненавидѣлъ извозчиковъ. — Баринъ! куда изволите?—прикажете подавать?—подавать-съ? Это была пытка Тантала, и онъ въ душѣ глубоко ненавидѣлъ извозчиковъ.

Спустясь съ Вознесенскаго моста и собираясь поворотить направо по канавѣ, вдругъ слышитъ онъ крикъ: берегись, поди!..Прямо на него летѣлъ гнѣдой рысакъ; изъ-за кучера мелькалъ бѣлый султанъ и развѣвался воротникъ сѣрой шинели. Едва онъ успѣлъ поднять глаза, ужъ одна оглобля была противъ его груди, и паръ вылетавшій клубами изъ ноздрей бѣгуна, обдалъ ему лицо; машинально онъ ухватился руками за

оглоблю и въ тотъ же мигъ сильнымъ порывомъ лошади былъ отброшенъ нѣсколько шаговъ въ сторону на тротуаръ... Раздалось кругомъ: задавилъ, задавилъ. Извозчики погнались за нарушителемъ порядка, но бѣлый султанъ только мелькнулъ у нихъ предъ глазами и былъ таковъ.

Когда чиновникъ очнулся, боли онъ нигдѣ не чувствовалъ, но колѣни у него тряслись еще отъ страха; онъ всталъ, облокотился на перила канавы, стараясь прійти въ себя; горькія думы овладѣли его сердцемъ, и съ этой минуты перенесъ онъ всю ненависть, къ какой только его душа была способна, съ извозчиковъ на гнѣдыхъ рысаковъ и бѣлые султаны.

Между тѣмъ бѣлый султанъ и гнѣдой рысакъ пронеслись вдоль по каналу, поворотили на Невскій, съ Невскаго на Караванную, оттуда на Семіоновскій мостъ, потомъ направо по Фонтанкѣ, и тутъ остановились у богатаго подъѣзда, съ навѣсомъ и стеклянными дверьми съ мѣдною блестящею отдѣлкой.

— Ну, сударь, —сказалъ кучеръ, широкоплечій мужикъ съ окладистою рыжею бородой, —Васька нынче показалъ себя.

Надобно замѣтить что у кучеровъ любимая лошадь называется всегда Ваською. Даже вопреки желанію господъ, надѣляющихъ ее громкими именами Ахилла, Гектора, она все-таки будетъ для кучера не Ахиллъ и не Гекторъ, а Васька.

Офицеръ слѣзъ, потрепалъ дымящагося рысака по крутой шеѣ, улыбнулся ему признательно и взошелъ на блестящую лѣстницу; о раздавленномъ чиновникѣ не было и помину... Теперь, когда онъ снялъ шинель закиданную снѣгомъ и вошелъ въ свой кабинетъ, мы свободно можемъ пойти за нимъ и описать его наружность, къ несчастію вовсе не привлекательную: онъ былъ небольшого роста, широкъ въ плечахъ и вообще нескладенъ; казался сильнаго сложенія, неспособнаго къ чувствительности и раздраженію; походка его была нѣсколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты, хотя часто онъ выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, которое теперь въ модѣ и въ духѣ вѣка, если это не плеоназмъ. Но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человѣка; видно было, что онъ слѣдовалъ не всеобщей модѣ, а сжималъ свои чувства и мысли изъ недовѣрчивости или

изъ гордости. Звуки его голоса были то густы, то рѣзки, смотря по вліянію текущей минуты; когда онъ хотѣлъ говорить пріятно, то начиналъ запинаться и вдругъ оканчивалъ ѣдкою шуткой, чтобы скрыть собственное смущеніе, и въ свѣтѣ утверждали, что языкъ его золъ и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго, ничего, что̀ бы могло обличить характеръ и волю: свѣту нужны французскіе водевили и русская покорность чуждому мнѣнію.

Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его послѣдователей: они прочли бы на немъ глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущности; толпа же говорила, что въ его улыбкѣ, въ его странно блестящихъ глазахъ есть что-то. Въ заключеніе портрета скажу что онъ назывался Григорій Александровичъ Печоринъ, а между родными просто Жоржъ, на французскій ладъ, что притомъ ему было двадцать три года, и что у родителей его было три тысячи душъ въ Саратовской, Воронежской и Калужской губерніяхъ. Послѣднее я прибавляю, чтобы немного скрасить его наружность во мнѣніи строгихъ читателей. Виноватъ, забылъ включить, что Жоржъ былъ единственный сынъ, не считая сестры, шестнадцатилѣтней дѣвочки, которая была очень недурна собою и, по словамъ маменьки [папеньки ужъ не было на свѣтѣ], не нуждалась въ приданомъ и могла занять высокую степень въ обществѣ, съ помощью Божіей, хорошенькаго личика и блестящаго воспитанія.

Григорій Александровичъ, войдя въ свой кабинетъ, повалился въ широкія кресла; лакей вошелъ и доложилъ ему, что, дескать, барыня изволила уѣхать обѣдать въ гости, а сестра изволили ужъ откушать. — Я обѣдать не буду, — былъ отвѣтъ: я — завтракалъ. — Потомъ вошелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ красной казачьей курткѣ, быстроглазый, бѣленькій и съ виду большой плутъ, и подалъ, не говоря ни слова, визитную карточку: Печоринъ небрежно положилъ ее на столъ и спросилъ, кто принесъ.

— Сюда нынче пріѣзжала молодая барыня съ мужемъ, — отвѣчалъ Ѳедька, — и велѣли эту карточку подать Татьянѣ Петровнѣ [такъ называлась мать Печорина].

— Чтò жъ ты принесъ ее ко мнѣ?

— Да я думалъ, что это все равно-съ! можетъ-быть вамъ угодно прочесть.

— То-есть тебѣ хочется узнать, чтò тутъ написано?

— Да-съ, эти господа никогда еще у насъ не были.

— Я тебя слишкомъ избаловалъ,—сказалъ Печоринъ строгимъ голосомъ.—Набей мнѣ трубку.

Но эта визитная карточка видно имѣла свойство возбуждать любопытство. Долго Жоржъ не рѣшался перемѣнить удобнаго положенія на широкихъ креслахъ и протянуть руку къ столу; притомъ въ комнатѣ не было свѣчей: она озарялась красноватымъ пламенемъ камина, а велѣть подать огня и разстроить очаровательный эффектъ каминнаго освѣщенія ему также не хотѣлось. Но любопытство превозмогло, онъ всталъ, взялъ карточку и съ какимъ-то непонятнымъ волненіемъ ожиданія поднесъ ее къ рѣшеткѣ камина. На ней было напечатано готическими буквами: Князь Степанъ Степанычъ Лиговскій, съ княгиней. Онъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ, глаза его сверкнули, и карточка полетѣла въ каминъ. Минуты три онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, дѣлая разныя странныя движенія рукой, разныя восклицанія, то улыбаясь, то хмуря брови; наконецъ онъ остановился, схватилъ щипцы и бросился вытаскивать карточку изъ огня: — увы! одна ея половина превратилась въ прахъ, а другая свернулась, почернѣла, и на ней едва только можно было разобрать *Степанъ Степ*... Печоринъ положилъ эти бренные остатки на столъ, сѣлъ опять въ свои кресла и закрылъ лицо руками. Хотя я очень хорошо читаю побужденія души на физіономіяхъ, но по этой именно причинѣ не могу никакъ разсказать вамъ его мыслей. Въ такомъ положеніи сидѣлъ онъ четверть часа, и вдругъ ему послышался шорохъ, подобный легкимъ шагамъ, шуму платья или движенію листа бумаги. Хотя онъ не вѣрилъ привидѣніямъ, но вздрогнулъ, быстро поднялъ голову и увидѣлъ предъ собою въ сумракѣ что-то бѣлое и, казалось, воздушное. Съ минуту онъ не зналъ на чтò подумать, такъ далеко были его мысли—если не отъ міра, то по крайней мѣрѣ отъ этой комнаты.

— Кто это?—спросилъ онъ.

— Я!—отвѣчалъ принужденный контральто,—и раздался звонкій женскій хохотъ.

— Варенька! какая ты шалунья.

— А ты спалъ! ужасно весело!..

— Я бы желалъ спать—оно покойнѣе!

— Это стыдъ! отчего намъ на балахъ, въ обществахъ такъ скучно! Вы всѣ ищете спокойствія... Какіе любезные молодые люди!

— А позвольте спросить,—возразилъ Жоржъ, зѣвая,—изъ какихъ благъ мы обязаны забавлять васъ?

— Оттого что мы дамы.

— Поздравляю. Но вѣдь намъ безъ васъ не скучно...

— Я почему знаю! Ну, что̀ мы станемъ говорить между собою?

— Моды, новости, развѣ мало!—Повѣряйте другъ другу ваши тайны.

— Какія тайны,—у меня нѣтъ тайнъ. Всѣ молодые люди такъ несносны.

— Бо̀льшая часть изъ нихъ не привыкла къ женскому обществу.

— Пускай привыкаютъ— они и этого не хотятъ попробовать!

Жоржъ важно всталъ и поклонился съ насмѣшливой улыбкой.

— Варвара Александровна, я замѣчаю, что вы идете большими шагами въ храмъ просвѣщенія.

Варенька покраснѣла и надула розовыя губки, а братъ ея преспокойно опять опустился въ свои кресла. Между тѣмъ подали свѣчи и, пока Варенька сердится и стучитъ пальчикомъ въ окно, я опишу вамъ комнату, въ которой мы находимся. Она была вмѣстѣ и кабинетъ и гостиная, и соединялась коридоромъ съ другою частью дома. Свѣтлоголубые французскіе обои покрывали ея стѣны; лоснящіяся дубовыя двери съ модными ручками и дубовыя рамы оконъ показывали въ хозяинѣ человѣка порядочнаго. Драпировка надъ окнами была въ китайскомъ вкусѣ, а вечеромъ, или когда солнце ударяло въ стекла, опускались пунцовыя сторы,—противоположность рѣзкая съ цвѣтомъ горницы, но показывающая какую-то любовь къ странному, оригинальному. Противъ окна стоялъ письменный столъ,

покрытый кипою картинокъ, бумагъ, книгъ, разныхъ видовъ чернильницъ и модныхъ мелочей, по одну его сторону стоялъ высокій густой трельяжъ, увитый непроницаемою сѣткой зеленаго плюща; по другую—кресла, на которыхъ теперь сидѣлъ Жоржъ. На полу подъ нимъ разостланъ былъ широкій коверъ, разрисованный пестрыми арабесками, другой персидскій коверъ висѣлъ на стѣнѣ, находящейся противъ оконъ, и на немъ развѣшаны были пистолеты, два турецкія ружья, черкесскія шашки и кинжалы—подарки сослуживцевъ, погулявшихъ когда-то за Балканомъ. На мраморномъ каминѣ стояли три алебастровыя каррикатурки Паганини, Иванова и Россини. Остальныя стѣны были голыя кругомъ и вдоль по нимъ стояли широкіе диваны, обитые шерстянымъ штофомъ пунцоваго цвѣта; одна единственная картина привлекала взоры, она висѣла надъ дверьми, ведущими въ спальню; она изображала неизвѣстное мужское лицо, писанное неизвѣстнымъ русскимъ художникомъ, человѣкомъ не знавшимъ своего генія и которому никто объ немъ не позаботился намекнуть. Картина эта была фантазія глубокая, мрачная. Лицо это было написано прямо безо всякаго искусственнаго наклоненія или оборота; свѣтъ падалъ сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо, казалось, вся мысль художника сосредоточилась въ глазахъ и улыбкѣ. Голова была больше натуральной величины. Волосы гладко упадали по обѣимъ сторонамъ лба, который кругло и сильно выдавался и, казалось, имѣлъ въ устройствѣ своемъ что-то необыкновенное. Глаза, устремленные впередъ, блистали тѣмъ страшнымъ блескомъ, которымъ иногда блещутъ живые глаза сквозь прорѣзи черной маски. Испытующій и укоризненный лучъ ихъ, казалось, слѣдовалъ за вами во всѣ углы комнаты, и улыбка, растягивая узкія и старыя губы, была болѣе презрительная, чѣмъ насмѣшливая. Всякій разъ, когда Жоржъ смотрѣлъ на эту голову, онъ видѣлъ въ ней новое выраженіе; она сдѣлалась его собесѣдникомъ въ минуты одиночества и мечтанія, и онъ, какъ партизанъ Байрона, назвалъ ее портретомъ Лары. Товарищи, которымъ онъ ее съ восторгомъ показывалъ, называли ее порядочною картинкой. Между тѣмъ, покуда я описывалъ кабинетъ, Варенька постепенно при-

двигалась къ столу, потомъ подошла ближе къ брату и сѣла противъ него на стулъ; въ ея голубыхъ глазахъ незамѣтно было ни даже искры минутнаго гнѣва, но она не знала, чѣмъ возобновить разговоръ. Ей попалась подъ руку полусгорѣвшая визитная карточка.

— Что это такое? Степанъ Степ... А! это вѣрно у насъ нынче былъ князь Лиговскій!.. какъ бы я желала видѣть Вѣрочку замужемъ. Она была такая добрая... Я вчера слышала что они пріѣхали изъ Москвы... Кто же сжегъ эту карточку? Ее бы надо подать маменькѣ!

— Кажется я,—отвѣчалъ Жоржъ, раскуривая трубку.

— Прекрасно! я бы желала, чтобъ Вѣрочка это узнала. ей было бы очень пріятно! Такъ-то, сударь, ваше сердце измѣнчиво! Я ей скажу, скажу, непремѣнно. Впрочемъ нѣтъ, теперь ей должно-быть все равно, она вѣдь замужемъ.

— Ты судишь очень здраво для твоихъ лѣтъ,—отвѣчалъ ей братъ и зѣвнулъ, не зная, что прибавить.

— Для моихъ лѣтъ! что я за ребенокъ! маменька говоритъ что дѣвушка въ семнадцать лѣтъ также благоразумна, какъ мущина въ двадцать пять.

— Ты очень хорошо дѣлаешь, что слушаешь маменьки.

Эта фраза, повидимому похожая на похвалу, показалась насмѣшкой; такимъ образомъ согласіе опять разстроилось и они замолчали. Мальчикъ вошелъ и принесъ записку: приглашеніе на балъ къ барону Р***.

— Какая тоска!—воскликнулъ Жоржъ.—Надо ѣхать.

— Тамъ будетъ Mademoiselle Negouroff!.. возразила ироническимъ тономъ Варенька.—Она еще вчера о тебѣ спрашивала... Какіе у нея глаза, прелесть...

— Какъ уголь въ горнилѣ раскаленный.

— Однако сознайся, что глаза чудесные!

— Когда хвалятъ глаза, то это значитъ, что остальное никуда негодится.

— Смѣйся, а самъ неранодушенъ.

— Положимъ.

— Я и это разскажу Вѣрочкѣ.

— Давно ли ты увѣряла, что я для нея—все равно.

— Повѣрьте, я лучше этого говорю по-русски—я не монастырка.

— О! совсѣмъ нѣтъ, очень далеко...

Она покраснѣла и ушла.

Но я васъ долженъ предупредить, что это былъ на нихъ черный день: они обыкновенно жили очень дружно, и особенно Жоржъ любилъ сестру самою нѣжною братскою любовью.

Послѣдній намекъ на Mademoiselle Negouroff [такъ будемъ мы и называть впослѣдствіи] заставилъ Печорина задуматься. Наконецъ неожиданная мысль прилетѣла къ нему свыше. Онъ придвинулъ чернильницу, вынулъ листъ почтовой бумаги и сталъ что-то писать. Покуда онъ писалъ самодовольная улыбка часто появлялась на лицѣ его, глаза искрились. Однимъ словомъ, ему было очень весело, какъ человѣку, который выдумалъ что-нибудь необыкновенное. Кончивъ писать, онъ положилъ бумагу на конвертъ и надписалъ: «Милостивой государынѣ Елизаветѣ Львовнѣ Негуровой въ собственныя руки», потомъ кликнулъ Ѳедьку и велѣлъ ему отнесть на городскую почту, да чтобъ никто изъ людей не видалъ. Маленькій Меркурій, гордясь великою довѣренностію господина, стрѣлой помчался въ лавочку, а Печоринъ велѣлъ закладывать сани и черезъ полчаса уѣхалъ въ театръ. Однако въ этой поѣздкѣ ему не удалось задавить ни одного чиновника.

II.

Давали *Фенеллу* [4-е представленіе]. Въ узкой лазейкѣ, ведущей къ кассѣ, толпилась непроходимая куча народу. Печоринъ, который не имѣлъ еще билета и былъ нетерпѣливъ, адресовался къ одному театральному служителю продающему афиши. За 15 рублей досталъ онъ кресло во второмъ ряду съ лѣвой стороны, и съ краю—важное преимущество для тѣхъ, которые берегутъ свои ноги и ходятъ пить чай къ Фениксу. Когда Печоринъ вошелъ, увертюра еще не начиналась, и въ ложи не всѣ еще съѣхались. Между прочимъ прямо надъ нимъ въ бельэтажѣ была пустая ложа, возлѣ пустой ложи сидѣли Негуровы, отецъ, мать и дочь. Дочка была бы недурна, еслибъ блѣдность, худоба и старость, почти общій недостатокъ пе-

тербургскихъ дѣвушекъ, не затмевали блеска двухъ огромныхъ глазъ и не разрушивали гармоніи между чертами довольно правильными и остроумнымъ выраженіемъ. Она поклонилась Печорину довольно ласково и просіяла улыбкой.

Видно еще письмо не дошло по адресу, подумалъ онъ, и сталъ наводить лорнетъ на другія ложи. Въ нихъ онъ узналъ множество бальныхъ знакомыхъ, съ которыми иногда кланялся, иногда нѣтъ, смотря по тому замѣчали его или нѣтъ. Онъ не оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ зналъ что заставить говорить объ себѣ легко, но зналъ также что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ; ему нужны новые кумиры, новыя моды, новые романы. Ветераны свѣтской славы, какъ и всѣ другіе ветераны, самыя жалкія созданія. Въ короткомъ обществѣ, гдѣ умный, разнообразный разговоръ замѣняетъ танцы [рауты въ сторону], гдѣ говорить можно обо всемъ, не боясь цензуры тетушекъ, не встрѣчая черезчуръ строгихъ и неприступныхъ дѣвъ, въ такомъ кругу онъ могъ бы блистать и даже нравиться, потому что умъ и душа, показываясь наружу, придаютъ чертамъ жизнь, игру и заставляютъ забыть ихъ недостатки. Но такихъ обществъ у насъ въ Россіи мало, въ Петербургѣ еще меньше, вопреки тому что его называютъ совершенно европейскимъ городомъ и владыкой хорошаго тона. Замѣчу мимоходомъ что хорошій тонъ царствуетъ только тамъ, гдѣ вы не услышите ничего лишняго.

Но увы, друзья мои, за то какъ мало вы тамъ и услышите!

На балахъ Печоринъ съ своею невыгодною наружностью терялся въ толпѣ зрителей, былъ или печаленъ, или слишкомъ золъ, потому что самолюбіе его страдало. Танцуя рѣдко, онъ могъ разговаривать только съ тѣми дамами, которыя сидѣли весь вечеръ у стѣнки, а съ этими-то именно онъ никогда не знакомился. У него прежде было занятіе — сатира. Стоя внѣ круга мазурки онъ разбиралъ танцующихъ, и его колкія замѣчанія очень скоро расходились по залѣ и потомъ по городу. Но разъ какъ-то, онъ подслушалъ въ мазуркѣ разговоръ одного длиннаго дипломата съ какою-то княжною. Дипломатъ подъ своимъ именемъ такъ и печаталъ всѣ его остроты, а княжна

изъ одного приличія не хохотала во все горло. Печоринъ вспомнилъ, что когда онъ говорилъ то же самое и гораздо лучше одной изъ бальныхъ нимфъ дня три тому назадъ, она только пожала плечами и не взяла на себя даже трудъ понять его. Съ этой минуты онъ сталъ въ обществѣ больше танцовать и рѣже говорить умно, и даже ему показалось, что его начали принимать съ бо̀льшимъ удовольствіемъ. Однимъ словомъ, онъ началъ постигать, что *по кореннымъ законамъ общества въ танцующемъ кавалерѣ ума не полагается*.

Загремѣла увертюра; все было полно, одна ложа, рядомъ съ ложей Негуровыхъ, оставалась пуста и часто привлекала любопытные взоры Печорина. Это ему казалось странно, и онъ желалъ бы очень наконецъ увидать людей, которые пропустили увертюру Фенеллы.

Занавѣсъ взвился, и въ эту минуту застучали стулья въ пустой ложѣ; Печоринъ поднялъ голову, но могъ видѣть только пунцовый беретъ и круглую бѣлую божественную ручку съ божественнымъ лорнетомъ, небрежно упавшую на малиновый бархатъ ложи. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ слѣдить за движеніями неизвѣстной, чтобъ разглядѣть хоть глазъ, хоть щечку. Напрасно! Разъ онъ такъ закинулъ голову назадъ, что могъ бы видѣть лобъ и глаза, но какъ на зло ему, огромная двойная трубка закрыла всю верхнюю часть ея лица. У него заболѣла шея, онъ разсердился и далъ себѣ слово не смотрѣть больше на эту проклятую ложу. Первый актъ кончился. Печоринъ всталъ и пошелъ съ нѣкоторыми изъ товарищей къ Фениксу, стараясь даже нечаянно не взглянуть на ненавистную ложу.

Фениксъ—ресторація весьма примѣчательная по своему топографическому положенію въ отношеніи къ заднимъ подъѣздамъ Александринскаго театра. Бывало, когда неуклюжіе рыдваны, влекомые парою хромыхъ клячъ, тѣснились возлѣ узкихъ дверей театра и юныя нимфы, окутанныя грубыми казенными платками, прыгали на скрипучія подножки, толпа усастыхъ волокитъ, вооруженныхъ блестящими лорнетами и еще ярче блистающими взорами, толпилась на крыльцѣ твоемъ, о Фениксъ! Но скоро промчались эти буйные дни: и тамъ, гдѣ мелькали

прежде черные и бѣлые султаны, тамъ нынче чинно прогуливаются трехъугольныя шляпы безъ султановъ; великій примѣръ переворотовъ судьбы человѣческой.

Печоринъ взошелъ къ Фениксу съ однимъ преображенскимъ и другимъ конно-артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ велѣлъ подать чаю и сѣлъ съ ними подлѣ стола. Народу было много всякаго. За тѣмъ же столомъ, гдѣ сидѣлъ Печоринъ, сидѣлъ также какой-то молодой человѣкъ во фракѣ, не совсѣмъ отлично одѣтый и курившій собственныя пахитосы, къ великому соблазну трактирныхъ служителей. Этотъ молодой человѣкъ былъ высокаго роста, блондинъ и удивительно хорошъ собою. Большіе томные голубые глаза, правильный носъ, похожій на носъ Аполлона Бельведерскаго, греческій овалъ лица и прелестные волосы, завитые природою, должны были обратить на него вниманіе каждаго. Однѣ губы его, слишкомъ тонкія и блѣдныя въ сравненіи съ живостію красокъ разлитыхъ по щекамъ, мнѣ бы не понравились. По мѣднымъ пуговицамъ съ гербами на его фракѣ можно было отгадать, что онъ чиновникъ, какъ всѣ молодые люди во фракахъ въ Петербургѣ. Онъ сидѣлъ задумавшись и, казалось, не слушалъ разговора офицеровъ, которые шутили, смѣялись и разсказывали анекдоты, запивая дымъ трубки сквернымъ чаемъ. Между прочимъ стали говорить о лошадяхъ. Одинъ артиллерійскій поручикъ хвастался своимъ рысакомъ. Начался споръ; Печоринъ à propos разсказалъ, какъ онъ сегодня у Вознесенскаго моста задавилъ какого-то франта и умчался отъ погони... Костюмъ франта въ измятомъ картузѣ былъ описанъ, его несчастное положеніе на тротуарѣ также. Смѣялись. Когда Печоринъ кончилъ, молодой человѣкъ во фракѣ всталъ и, протянувъ руку, чтобъ взять шляпу со стола, сдернулъ на полъ подносъ съ чайникомъ и чашками. Движеніе было явно умышленное, всѣ глаза на него обратились, но взглядъ Печорина былъ дерзче и вопросительнѣе другихъ. Кровь кинулась въ лицо неизвѣстному господину, онъ стоялъ неподвиженъ и не извинялся. Молчаніе продолжалось съ минуту. Сдѣлался кружокъ, и всѣ предугадывали *исторію*. Вдругъ Печоринъ опять сѣлъ и громко кликнулъ служителя: что̀ стоитъ посуда? Ему сказали цѣну втрое дороже.

— Этотъ чиновникъ такъ былъ неловокъ что разбилъ ее,— продолжалъ Жоржъ холодно, — вотъ деньги.

Онъ бросилъ деньги на столъ и прибавилъ:

— Скажи ему, что теперь онъ можетъ отсюда уйти свободно.

Служитель при всѣхъ доложилъ съ почтеніемъ чиновнику, что онъ все получилъ и просилъ на водку, но тотъ, ничего не отвѣчая, скрылся. Толпа хохотала ему во слѣдъ, офицеры смѣялись еще больше и хвалили товарища, который такъ славно отдѣлалъ противника, не запутавшись между тѣмъ въ *исторію*. О! исторія у насъ вещь ужасная; благородно или низко вы поступили, правы или нѣтъ, могли избѣжать или не могли, но ваше имя замѣшано въ исторію... все равно, вы теряете все, расположеніе общества, карьеру, уваженіе друзей. Попасться въ исторію, ужаснѣе этого ничего не можетъ быть, какъ бы эта исторія ни кончилась. Частная извѣстность ужъ есть острый ножъ для общества. Вы заставили объ себѣ говорить два дня, страдайте же двадцать лѣтъ за это. Судъ общаго мнѣнія, вездѣ ошибочный, происходитъ однако у насъ совсѣмъ на другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ Англіи, напримѣръ, банкротство—безчестіе неизгладимое, достаточная причина для самоубійства; развратная шалость въ Германіи закрываетъ навсегда двери хорошаго общества [о Франціи я не говорю: въ одномъ Парижѣ больше разныхъ общихъ мнѣній, чѣмъ въ цѣломъ свѣтѣ]. А у насъ? Объявленный взяточникъ принимается вездѣ очень хорошо: его оправдываютъ фразою: и! кто этого не дѣлаетъ!.. Трусъ обласканъ вездѣ потому, что онъ смирный малый. А замѣшанный въ исторію! о! ему нѣтъ пощады. Маменьки говорятъ объ немъ: Богъ его знаетъ, какой онъ человѣкъ, и папеньки прибавляютъ: мерзавецъ...

Офицеры безъ новой тревоги допили свой чай и пошли; Печоринъ вышелъ послѣ всѣхъ. На крыльцѣ кто-то его остановилъ за руку, примолвивъ:—Я имѣю съ вами поговорить! По трепету руки онъ отгадалъ, что это его давишній противникъ. Нечего дѣлать, не миновать исторіи.

— Извольте говорить,—отвѣчалъ онъ небрежно.

— Только не здѣсь на морозѣ, пойдемте въ коридоръ театра, возразилъ чиновникъ.

Они пошли молча.

Второй актъ уже начался, коридоры и широкія лѣстницы были пусты. На площадкѣ одной уединенной лѣстницы, едва освѣщенной далекою лампой, они остановились, и Печоринъ, сложивъ руки на груди, прислонясь къ желѣзнымъ периламъ и прищуривъ глаза, окинулъ взоромъ противника съ ногъ до головы и сказалъ:

— Я васъ слушаю!..

— Милостивый государь,—голосъ чиновника дрожалъ отъ ярости, жилы на лбу его надулись, и губы поблѣднѣли:—милостивый государь, вы меня обидѣли! вы меня оскорбили смертельно.

— Это для меня не секретъ, отвѣчалъ Жоржъ,—и вы могли бы объясниться при всѣхъ. Я вамъ отвѣчалъ бы то же, что теперь отвѣчу: когда жъ вамъ угодно стрѣляться? нынче? завтра? Я думаю, что угадалъ ваше намѣреніе, по крайней мѣрѣ разбитіе чашекъ не было случайностью. Вы хотѣли съ чего-нибудь начать и начали очень остроумно—прибавилъ, онъ насмѣшливо поклонившись.

— Милостивый государь,—отвѣчалъ онъ, задыхаясь,—вы едва меня сегодня не задавили; да, меня, который предъ вами, и этимъ хвастаетесь, вамъ весело? А по какому праву? Потому что у васъ есть рысакъ, бѣлый султанъ, золотые эполеты? Развѣ я не такой же дворянинъ какъ вы? Я бѣденъ! Да, я бѣденъ! хожу пѣшкомъ. Конечно, послѣ этого я не человѣкъ, не только дворянинъ! А! вамъ это весело!.. вы думали что я буду слушать смиренно дерзости потому, что у меня нѣтъ денегъ, которыя бы я могъ бросить на столъ... Нѣтъ, никогда, никогда, никогда я вамъ этого не прощу.

Въ эту минуту пламенѣвшее лицо его было прекрасно какъ буря. Печоринъ смотрѣлъ на него съ холоднымъ любопытствомъ и наконецъ сказалъ:

— Ваши разсужденія немножко длинны, назначьте часъ и разойдемтесь, вы такъ кричите, что разбудите всѣхъ лакеевъ.

И точно нѣкоторые изъ нихъ, спавшіе на барскихъ салопахъ въ коридорѣ перваго яруса, начали подымать головы.

— Какое дѣло мнѣ до нихъ, пускай весь міръ меня слушаетъ.

— Я не этого мнѣнія... Если угодно завтра въ восемь часовъ утра, я васъ жду съ секундантомъ.

Печоринъ сказалъ свой адресъ. — Драться! я васъ понимаю, на смерть драться... И вы думаете, что я буду достаточно вознагражденъ, когда всажу вамъ въ сердце свинцовый шарикъ... Прекрасное утѣшеніе! Нѣтъ, я желалъ, чтобы вы жили вѣчно и чтобъ я могъ вѣчно мстить вамъ. Драться — нѣтъ; тутъ успѣхъ слишкомъ невѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ ступайте домой, выпейте стаканъ воды и ложитесь спать, возразилъ Печоринъ, пожавъ плечами, и хотѣлъ итти.

— Нѣтъ, постойте, — сказалъ чиновникъ, прійдя нѣсколько въ себя: — и выслушайте меня!.. вы думаете что я трусъ? какъ будто храбрость не можетъ существовать безъ вывѣски шпоръ или эполетовъ? Повѣрьте, что я меньше дорожу жизнью и будущностью чѣмъ вы? Моя жизнь горька, будущности у меня нѣтъ, я бѣденъ, такъ бѣденъ что хожу въ стулья. Я не могу разъ въ годъ бросить пять рублей для своего удовольствія, я живу жалованьемъ, безъ друзей, безъ родныхъ. У меня одна мать старушка... Я все для нея: я ея провидѣніе и подпора; она для меня и друзья и семейство. Съ тѣхъ поръ какъ живу, я еще никого не любилъ кромѣ нея. Потерявъ меня, сударь, она либо умретъ отъ печали, либо умретъ съ голоду...

Онъ остановился, глаза его налились слезами и кровью.

— И вы думали, что я съ вами буду драться?..

— Чего жъ наконецъ вы отъ меня хотите? — сказалъ Печоринъ нетерпѣливо.

— Я хотѣлъ васъ заставить раскаяться.

— Вы кажется забыли, что не я началъ ссору.

— А развѣ задавить человѣка ничего, шутка, потѣха!

— Я вамъ обѣщаюсь высѣчь моего кучера...

— О! вы меня выведете изъ терпѣнія.

— Что жъ? мы тогда будемъ стрѣляться!..

Чиновникъ не отвѣчалъ. Онъ закрылъ лицо руками, грудь его волновалась, въ его отрывистыхъ словахъ проглядывало отчаяніе. Казалось, онъ рыдалъ и наконецъ онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ не могу, не погублю ее... и убѣжалъ.

Печоринъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ ему во слѣдъ и пошелъ въ кресла. Второй актъ *Фенеллы* ужъ подходилъ къ концу. Артиллеристъ и преображенецъ, сидѣвшіе съ другого края, не замѣтили его отсутствія.

III.

Почтенные читатели, вы всѣ видѣли сто разъ *Фенеллу*, вы всѣ съ громомъ вызывали Новицкую и Голланда, и поэтому я перескочу чрезъ остальные три акта и подниму свой занавѣсъ въ ту самую минуту, какъ опустился занавѣсъ Александринскаго театра. Замѣчу только, что Печоринъ мало занимался піеской, былъ разсѣянъ и забылъ даже объ интересной ложѣ, на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть.

Шумною и довольною толпою зрители спускались по извилистымъ лѣстницамъ къ подъѣзду. Внизу раздавался крикъ жандармовъ и лакеевъ. Дамы, закутавшись и прижавшись къ стѣнамъ и заслоняемыя медвѣжьими шубами мужей и папенекъ отъ дерзкихъ взоровъ молодежи, дрожали отъ холоду и улыбались знакомымъ. Офицеры и штатскіе франты съ лорнетами ходили взадъ и впередъ, стучали, одни саблями и шпорами, другіе калошами. Дамы высокаго тона составляли особую группу на нижнихъ ступеняхъ парадной лѣстницы; смѣялись, говорили громко и наводили золотые лорнетки на дамъ безъ тона, обыкновенныхъ русскихъ дворянокъ; и однѣ другимъ тайно завидовали: необыкновенныя красотѣ обыкновенныхъ, обыкновенныя, увы! гордости и блеску необыкновенныхъ.

У тѣхъ и у другихъ были свои кавалеры; у первыхъ почтительные и важные, у вторыхъ услужливые и порой неловкіе. Въ серединѣ же тѣснился кружокъ людей не свѣтскихъ, не знакомыхъ ни съ тѣми ни съ другими, кружокъ зрителей. Купцы и простой народъ проходили другими дверями. Это была миніатюрная картина всего петербургскаго общества.

Печоринъ, закутанный въ шинель и надвинувъ на глаза шляпу, старался продраться къ дверямъ. Онъ поравнялся съ Лизаветой Николаевной Негуровой; на выразительную улыбку отвѣчалъ сухимъ поклономъ и хотѣлъ продолжать свой путь, но былъ задержанъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Отчего вы такъ серіозны, monsieur George? вы недовольны спектаклемъ.

— Напротивъ, я во все горло вызывалъ Голланда.

— Неправда ли что Новицкая очень мила?

— Ваша правда.

— Вы отъ нея въ восторгѣ?

— Я очень рѣдко бываю въ восторгѣ.

— Вы этимъ никого не ободряете,—сказала она съ досадой и стараясь иронически улыбнуться.

— Я не знаю никого, кто бы нуждался въ моемъ ободреніи, отвѣчалъ Печоринъ небрежно.—И притомъ восторгъ есть что-то такое дѣтское...

— Ваши мысли и слова удивительно подвержены перемѣнѣ... давно ли?

— Право...

Печоринъ не слушалъ. Его глаза старались проникнуть пеструю стѣну шубъ, салоповъ, шляпъ. Ему показалось что тамъ за колонною мелькнуло лицо ему знакомое, особенно знакомое... Въ эту минуту жандармъ крикнулъ и долгóвязый лакей повторилъ за нимъ: карета князя Лиговскòва.

Съ отчаянными усиліями расталкивая толпу, Печоринъ бросился къ дверямъ. Передъ нимъ, человѣка за четыре, мелькнулъ розовый салопъ, шаркнули ботинки. Лакей подсадилъ розовый салопъ въ блестящій купе, потомъ вскарабкалась въ него медвѣжья шуба. Дверцы хлопнули.—На Морскую, пошелъ!—Интересную карету замѣнила другая, можетъ-быть не менѣе интересная, только не для Печорина. Онъ стоялъ какъ вкопанный. Мучительная мысль смутила его мозгъ. Эта ложа на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть... Княгиня сидѣла въ ней. Ея розовая ручка покоилась на малиновомъ бархатѣ. Ея глаза можетъ-быть часто покоились на немъ, а онъ даже и не подумалъ обернуться. Магнитическая сила взгляда любимой женщины не подѣйствовала на его бычачьи нервы. О! бѣшенство! Онъ себѣ этого никогда не проститъ. Раздосадованный онъ пошелъ по тротуару, отыскалъ свои сани, разбудилъ толстаго кучера, который лежалъ, свернувшись, покрытый медвѣжьею полостью, и отправился домой. А мы об-

ратимся къ Лизаветѣ Николаевнѣ Негуровой и послѣдуемъ за нею.

Когда она сѣла въ карету, то отецъ ея началъ длинную диссертацію насчетъ молодыхъ людей нынѣшняго вѣка.

— Вотъ, напримѣръ, Печо́ринъ, — говорилъ онъ,—нѣтъ того, чтобъ искать во мнѣ или Катенькѣ [Катенька его жена, пятидесяти пяти лѣтъ]. Нѣтъ, и смотрѣть не хочетъ. Какъ бывало въ наше время: влюбится молодой человѣкъ, старается угодить родителямъ, всей роднѣ, а не то чтобъ все по угламъ съ дочкой перешоптываться, да глазки дѣлать... Что̀ это нынче—срамъ смотрѣть, и дѣвушки не тѣ стали... Бывало слово лишнее услышатъ, покраснѣютъ, да и баста: ужъ отъ нихъ не добьешься отвѣта. А ты, матушка, двадцати пяти лѣтъ дѣвка, такъ на шею и вѣшаешься. Замужъ захотѣлось.

Лизавета Николаевна хотѣла отвѣчать. Слезы навернулись у нея на глазахъ, и она не могла произнесть ни слова. Катерина Ивановна за нее заступилась.

— Ужъ ты всегда на нее нападаешь понапрасну. Что̀ жь дѣлать когда молодые люди не женятся. Надо самой не упускать случая. Печоринъ женихъ богатый, хорошей фамиліи; чѣмъ не мужъ? Вѣдь не вѣкъ же сидѣть дома... слава Богу, что̀ мнѣ ея наряды-то сто́ятъ, а ты свое: замужъ хочешь, замужъ хочешь. Да кабы замужъ не выходили, такъ что̀ бы было...

Эти разговоры повторялись въ томъ или другомъ видѣ всякій разъ, когда мать, отецъ и дочь оставались втроемъ... дочь молчала, а что̀ происходило въ ея сердцѣ въ эти минуты, одинъ Богъ знаетъ.

Пріѣхали домой. Катерина Ивановна съ ворчливымъ супругомъ отправились въ свою комнату, а дочка въ свою. Родители ея принадлежали и къ старому и къ новому вѣку. Прежнія понятія, полузабытыя, полустертыя новыми впечатлѣніями жизни петербургской, вліяніемъ общества, въ которомъ Николай Петровичъ по чину своему долженъ былъ находиться, проявлялись только въ минуты досады, или во время спора. Они казались ему сильнѣйшими аргументами, ибо онъ помнитъ ихъ грозное дѣйствіе на собственный умъ во дни его молодости. Катерина Ивановна была дама не глупая, по словамъ чи-

новниковъ служившихъ въ канцеляріи ея мужа, женщина хитрая и лукавая, во мнѣніи другихъ старухъ, добрая, довѣрчивая и слѣпая маменька для бальной молодежи... Истиннаго ея характера я еще не разгадалъ; описывая, я только буду стараться соединить и выразить вмѣстѣ всѣ три вышесказанныя мнѣнія... И если выйдетъ портретъ похожъ, то обѣщаюсь итти пѣшкомъ въ Невскій монастырь слушать пѣвчихъ.

А Лизавета Николаевна... О! знакъ восклицанія... погодите. Теперь она пошла въ свою спальню и кликнула горничную Мареушу, толстую, рябую дѣвицу... Дурной знакъ... я бы не желалъ, чтобъ у моей жены или невѣсты была толстая и рябая горничная!.. Терпѣть не могу толстыхъ и рябыхъ горничныхъ, съ головой вымазанною чухонскимъ масломъ или приглаженною квасомъ, отъ котораго волосы слипаются и рыжѣютъ, съ руками шароховатыми, какъ вчерашній рѣшетный хлѣбъ, съ сонными глазами, съ ногами, хлопающими въ башмакахъ безъ ленточекъ, тяжелою походкой и [что всего хуже] четвероугольною таліей, облѣпленною пестрымъ домашнимъ платьемъ, которое внизу уже, чѣмъ вверху... Такая горничная, сидя за работой въ задней комнатѣ порядочнаго дома, подобна крокодилу на днѣ свѣтлаго американскаго колодца; такая горничная, какъ сальное пятно, проглядывающее сквозь свѣжіе узоры перекрашеннаго платья, приводитъ умъ въ печальное сомнѣніе насчетъ домашняго образа жизни господъ... О, любезные друзья, не дай Богъ вамъ влюбиться въ дѣвушку, у которой такая горничная; если вы раздѣляете мои мнѣнія, то очарованіе ваше погибло навѣки.

Лизавета Николаевна велѣла горничной снять съ себя чулки и башмаки, и расшнуровать корсетъ, а сама, сѣвъ на постель, сбросила небрежно головной уборъ на туалетъ. Черные ея волосы упали на плечи; но я не продолжаю описанія: никому не интересно любоваться поблекшими прелестями, худощавою ножкой, жилистою шеей и сухими плечами на которыхъ обозначились красные рубцы отъ узкаго платья. Всякій, вѣроятно, на подобныя вещи довольно насмотрѣлся. Лизавета Николаевна легла въ постель, поставила возлѣ себя на столикъ свѣчу и раскрыла какой-то французскій романъ. Мареу-

ша вышла, тишина воцарилась въ комнатѣ. Книга выпала изъ рукъ печальной дѣвушки. Она вздохнула и предалась размышленіямъ.

Конечно, ни одна отцвѣтшая красавица не повѣряла мнѣ думъ и чувствъ, волновавшихъ ея грудь послѣ длиннаго бала или вечеринки, когда въ одинокой своей комнатѣ она припоминала все свое прошедшее, пересчитывала всѣ любовныя объясненія, которыя нѣкогда выслушивала съ притворною холодностію, притворною улыбкой или съ истиннымъ наслажденіемъ, и которыя не имѣли для нея другихъ слѣдствій, кромѣ лишнихъ десяти строкъ въ альбомъ или мстительной эпиграммы отвергнутаго обожателя, брошенной мимоходомъ позади ея стула во время длинной мазурки. Но я догадываюсь, что эти размышленія должны быть тяжелы, несносны для самолюбія и сердца, если оное налицо имѣется, ибо натуральная исторія нынче обогатилась новымъ классомъ очень милыхъ и красивыхъ существъ, именно классомъ женщинъ безъ сердца. Чтобъ легче угадать, о чемъ Лизавета Николаевна изволила думать, я принужденъ, къ моему великому сожалѣнію, разсказать вамъ нѣкоторыя частности ея жизни, тѣмъ болѣе, что для объясненія слѣдующихъ происшествій это необходимо. Она родилась въ Петербургѣ и никогда не выѣзжала изъ Петербурга. Правда, одинъ разъ на два мѣсяца въ Ревель, на воды... Но вы сами знаете, что Ревель не Россія, и потому направленіе ея петербургскаго воспитанія не получило никакого измѣненія. У насъ, въ Россіи, нѣсколько вывелись изъ моды французскія мадамы, а въ Петербургѣ ихъ вовсе не держатъ. Англичанку нанимать ея родители были не въ силахъ, Англичанки дороги. Нѣмку взять было также не ловко, Богъ знаетъ, какая попадется: здѣсь такъ много всякихъ... Лизавета Николаевна осталась вовсе безъ мадамы. По-французски она выучилась отъ маменьки, а больше отъ гостей; потому что съ самаго дѣтства она проводила дни свои въ гостинной, сидя возлѣ маменьки и слушая всякую всячину. Когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, взяли учителя по билетамъ. Въ годъ она кончила курсъ французскаго языка... и началось ея свѣтское воспитаніе. Въ комнатѣ ея стоялъ рояль, но никто не слыхалъ, чтобъ она иг-

рала... Танцовать она выучилась на дѣтскихъ балахъ. Романы она начала читать, какъ только перестала учить склады, и читала ихъ удивительно скоро... Между тѣмъ отецъ ея получилъ порядочное наслѣдство, вслѣдъ за нимъ хорошее мѣсто— и сталъ жить открытѣе... Пятнадцати лѣтъ ее стали вывозить, выдавая за семнадцатилѣтнюю, и до двадцати пяти лѣтъ условный этотъ возрастъ не измѣнялся... Семнадцать лѣтъ точка замерзанія: они растягиваются сколько угодно, какъ резиновыя помочи. Лизавета Николаевна была недурна и очень интересна: блѣдность и худоба интересны... потому что Француженки блѣдны, а Англичанки худощавы... Надобно замѣтить, что прелесть блѣдности и худобы существуютъ только въ дамскомъ воображеніи и что здѣшніе мущины только изъ угожденія потакаютъ ихъ мнѣнію, чтобъ чѣмъ-нибудь отклонить упреки въ невѣжливости и такъ-называемой—казармности.

При первомъ вступленіи Лизаветы Николаевны на паркетъ гостиныхъ у нея нашлись поклонники... Это все были люди всегда апплодирующіе новому водевилю, скачущіе слушать новую пѣвицу, читающіе только новыя книги. Ихъ замѣнили другіе: эти волочились за нею, чтобъ возбудить ревность въ остывающей любовницѣ или чтобъ кольнуть самолюбіе жестокой красоты. Послѣ этихъ явился третій родъ обожателей: люди, которые влюблялись отъ нечего дѣлать, чтобы пріятнѣе провести вечеръ, ибо Лизавета Николаевна пріобрѣла навыкъ свѣтскаго разговора и была очень любезна, нѣсколько насмѣшлива, нѣсколько мечтательна... Нѣкоторые изъ этихъ волокитъ влюбились не на шутку и требовали ея руки: но ей хотѣлось попробовать лестную роль непреклонной... И къ тому же они все были прескучные. Имъ отказали... Одинъ съ отчаянія долго былъ боленъ, другіе скоро утѣшились... Между тѣмъ время шло. Она сдѣлалась опытною и бойкою дѣвой; смотрѣла на всѣхъ въ лорнетъ, обращалась очень смѣло, не краснѣла отъ двусмысленной рѣчи или взора, и вокругъ нея стали увиваться розовые юноши, пробующіе свои силы въ словесной перестрѣлкѣ и посвящавшіе ей первые свои опыты страстнаго краснорѣчія. Увы, на этихъ было еще меньше надежды, чѣмъ на всѣхъ прежнихъ. Она съ досадою и вмѣстѣ

тайнымъ удовольствіемъ убивала ихъ надежды, останавливала ѣдкою насмѣшкой разливы краснорѣчія—и вскорѣ они увѣрились, что она непобѣдимая и чудная женщина. Вздыхающій рой разлетался въ разныя стороны... и наконецъ для Лизаветы Николаевны наступилъ періодъ самый мучительный и опасный сердцу—отцвѣтающей женщины...

Она была въ тѣхъ лѣтахъ, когда еще волочиться за нею было не совѣстно, а влюбиться въ нее стало трудно; въ тѣхъ лѣтахъ, когда какой-нибудь вѣтреный или безпечный франтъ не почитаетъ уже за грѣхъ увѣрять шутя въ глубокой страсти, чтобы послѣ, такъ, для смѣху, скомпрометировать дѣвушку въ глазахъ подругъ ея, думая этимъ придать себѣ болѣе вѣсу... увѣрить всѣхъ, что она отъ него безъ памяти и стараться показать, что онъ ее жалѣетъ, что онъ не знаетъ, какъ отъ нея отдѣлаться; говорить ей нѣжности шопотомъ, а вслухъ колкости... Бѣдная, предчувствуя, что это ея послѣдній обожатель, безъ любви, изъ одного самолюбія, старается удержать шалуна какъ можно долѣе у ногъ своихъ... Напрасно. Она болѣе и болѣе запутывается. И наконецъ... увы... за этимъ періодомъ остаются только мечты о мужѣ, какомъ-нибудь мужѣ... однѣ мечты.

Лизавета Николаевна вступила въ этотъ періодъ, но послѣдній ударъ нанесъ ей не безпечный шалунъ и не бездушный франтъ. Вотъ какъ это случилось.

Полтора года тому назадъ Печоринъ былъ еще въ свѣтѣ человѣкъ довольно новый. Ему надобно было, чтобъ поддержать себя, пріобрѣсти то, что̀ нѣкоторые называютъ свѣтскою извѣстностью, то-есть прослыть человѣкомъ, который можетъ дѣлать зло, когда ему вздумается. Нѣсколько времени онъ напрасно искалъ себѣ пьедестала, вставши на который, онъ бы могъ заставить толпу взглянуть на себя. Сдѣлаться любовникомъ извѣстной красавицы было бы слишкомъ трудно для начинающаго, а скомпрометировать дѣвушку молодую и невинную, онъ бы не рѣшился. И потому онъ избралъ своимъ орудіемъ Лизавету Николаевну, которая не была ни то, ни другое. Какъ быть. Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погу-

билъ столько-то репутацій, значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій.

Лизавета Николаевна и онъ были давно знакомы. Они кланялись. Составивъ планъ свой, Печоринъ отправился на одинъ балъ, гдѣ долженъ былъ съ нею встрѣтиться. Онъ наблюдалъ за нею пристально и замѣтилъ, что никто ея не пригласилъ на мазурку: знакъ былъ поданъ музыкантамъ начинать, кавалеры шумѣли стульями, устанавливая ихъ въ кружокъ. Лизавета Николаевна отправилась въ уборную, чтобы скрыть свою досаду. Печоринъ дожидался ее у дверей. Когда она возвращалась въ залу, начиналась уже вторая фигура. Печоринъ торопливо подошелъ къ ней.

— Гдѣ вы скрывались, — сказалъ онъ, — я искалъ васъ вездѣ, приготовилъ даже стулья, такъ я сильно надѣялся, что вы мнѣ не откажете.

— Какъ вы самоувѣренны, — и неожиданное удовольствіе вспыхнуло въ ея глазахъ.

— Однакожъ вы меня не накажете слишкомъ строго за эту самоувѣренность?

Она не отвѣчала и послѣдовала за нимъ.

Разговоръ ихъ продолжался во время всего танца. Блистая шутками, эпиграммами, касаясь до всего, даже любовной метафизики, Печоринъ не щадилъ ни одной изъ ея молодыхъ и свѣжихъ соперницъ. За ужиномъ онъ сѣлъ возлѣ нея, разговоръ подвигался все далѣе и далѣе, такъ что наконецъ онъ чуть-чуть ей не сказалъ, что обожаетъ ее до безумія [разумѣется двусмысленнымъ образомъ]. Огромный шагъ былъ сдѣланъ, и онъ возвратился домой довольный своимъ вечеромъ.

Нѣсколько недѣль сряду послѣ этого они встрѣчались на разныхъ вечерахъ. Разумѣется, онъ неутомимо искалъ этихъ встрѣчъ, а она по крайней мѣрѣ ихъ не избѣгала. Однимъ словомъ, онъ пошелъ по слѣдамъ древнихъ волокитъ и дѣйствовалъ по формѣ, классически. Скоро всѣ стали замѣчать ихъ постоянное влеченіе другъ къ другу, какъ явленіе новое и совершенно оригинальное въ нашемъ холодномъ обществѣ. Печоринъ избѣгалъ нескромныхъ вопросовъ, но за то дѣйствовалъ весьма открыто. Лизавета Николаевна была также этимъ

очень довольна, потому что надѣялась завлечь его дальше и дальше, и потомъ, какъ говорили наши матушки, женить его на себѣ. Ея родители, не имѣя еще объ немъ никакого мнѣнія, такъ безо всякихъ видовъ пригласили однако-же его посѣщать свой домъ, чтобъ узнать его короче. Многіе уже стали надъ нимъ подсмѣиваться, какъ надъ будущимъ женихомъ; добрые пріятели стали уговаривать его, отклонять отъ безразсуднаго поступка, который ему не входилъ и въ голову. Изъ этого всего онъ заключилъ, что минута рѣшительнаго кризиса наступила.

Былъ блестящій балъ у барона***. Печоринъ, по обыкновенію, танцовалъ первую кадриль съ Елизаветой Николаевной.

— Какъ хороша сегодня меньшая Р., замѣтила Елизавета Николаевна.

Печоринъ навелъ лорнетъ на молодую красавицу, долго смотрѣлъ молча и наконецъ отвѣчалъ:

— Да, она прекрасна. Съ какимъ вкусомъ перевиты эти пунцовые цвѣты въ ея густыхъ русыхъ локонахъ. Я непремѣнно далъ себѣ слово танцовать съ нею сегодня, именно потому, что она вамъ нравится. Не правда ли, я очень догадливъ, когда хочу вамъ сдѣлать удовольствіе.

— О, безъ сомнѣнія, вы очень любезны,—отвѣчала она, вспыхнувъ.

Въ эту минуту музыка остановилась, первая кадриль кончилась, и Печоринъ очень вѣжливо раскланялся. Остальную часть вечера онъ или танцовалъ съ Р. или стоялъ возлѣ ея стула, старался говорить какъ можно больше и казаться какъ можно довольнѣе, хотя, между нами, дѣвица Р. была очень проста и почти его не слушала, но такъ какъ онъ говорилъ очень много, то она заключила, что Печоринъ кавалеръ очень любезный. Послѣ мазурки она подошла къ Елизаветѣ Николаевнѣ, и та ее спросила съ ироническою улыбкою.

— Какъ вамъ кажется вашъ постоянный нынѣшній кавалеръ?

— Il est tres aimable, отвѣчала Р.

Это былъ жестокій ударъ для Елизаветы Николаевны, которая почувствовала, что лишается своего послѣдняго кавале-

ра,—ибо остальные молодые люди, видя, что Печоринъ занимается ею исключительно, совершенно ее оставили.

И точно, съ этого дня Печоринъ сталъ съ нею разсѣяннѣе, холоднѣе; явно старался ей дѣлать тѣ мелкія непріятности, которыя замѣчаются всѣми и за которыя между тѣмъ невозможно требовать удовлетворенія. Говоря съ другими дѣвушками, онъ выражался о ней съ оскорбительнымъ сожалѣніемъ, тогда какъ она напротивъ, вслѣдствіе плохого расчета, желая кольнуть его самолюбіе, повѣряла своимъ подругамъ подъ печатью строжайшей тайны свою чистѣйшую, искреннѣйшую любовь. Но напрасно. Онъ только наслаждался излишнимъ торжествомъ, а она, увѣряя другихъ, мало-по-малу сама увѣрилась, что его точно любитъ. Родители ея, болѣе проницательные въ качествѣ безпристрастныхъ зрителей, стали ее укорять, говоря:—Вотъ, матушка, цѣлый годъ пропустила даромъ, отказала жениху съ двадцатью тысячами доходу; правда, что онъ старъ и въ параличѣ,—да что̀ нынѣшніе молодые люди! Хорошъ твой Печоринъ, мы заранѣе знали, что онъ на тебѣ не женится, да и мать не позволитъ ему жениться! Что̀ жъ вышло? Онъ же надъ тобой и насмѣхается.

Разумѣется, подобныя слова не успокоятъ ни уязвленнаго самолюбія, ни обманутаго сердца. Лизавета Николаевна чувствовала ихъ истину, но эта истина была уже для нея не нова. Кто долго преслѣдовалъ какую-нибудь цѣль, много для нея пожертвовалъ, тому трудно отъ нея отступиться, а если къ этой цѣли примыкаютъ послѣднія надежды увядающей молодости, то невозможно. Въ такомъ положеніи мы оставили Лизавету Николаевну, пріѣхавшую изъ театра, лежащую на постели съ книжкою въ рукахъ и съ мыслями, бродящими въ минувшемъ и будущемъ.

Наскучивъ пробѣгать глазами десять разъ одну и ту же страницу, она нетерпѣливо бросила книгу на столикъ и вдругъ примѣтила письмо съ адресомъ на ея имя и со штемпелемъ городской почты.

Какое-то внутреннее чувство шептало ей не распечатывать таинственный конвертъ, но любопытство превозмогло, конвертъ сорванъ дрожащими руками, свѣча придвинута и глаза

ея жадно пробѣгаютъ первыя строки. Письмо было написано примѣтно искаженнымъ почеркомъ, какъ будто боялись, что самыя буквы измѣнятъ тайнѣ. Вмѣсто подписи имени внизу рисовалась какая-то египетская каракуля, очень похожая на пятна, видимыя въ лунѣ, которымъ многіе простолюдины придаютъ какое-то символическое значеніе. Вотъ письмо отъ слова до слова:

— Милостивая Государыня,—Вы меня не знаете, я васъ знаю. Мы встрѣчаемся часто. Исторія вашей жизни такъ-же мнѣ знакома, какъ моя записная книжка, а вы моего имени никогда не слыхали. Я принимаю въ васъ участіе именно потому, что вы никогда на меня не обращали вниманія и притомъ я нынче очень доволенъ собою и намѣренъ сдѣлать доброе дѣло. Мнѣ извѣстно, что Печоринъ вамъ нравится, что вы всячески думаете снова возжечь въ немъ чувства, которыя ему никогда не снились. Онъ съ вами пошутилъ. Онъ недостоинъ васъ, онъ любитъ другую. Всѣ ваши старанія послужатъ только къ вашей гибели. Свѣтъ и такъ указываетъ на васъ пальцами. Скоро онъ совсѣмъ отъ васъ отворотится. Никакая личная выгода не заставила меня подавать вамъ такіе неосторожные и смѣлые совѣты, и чтобы вы болѣе убѣдились въ моемъ безкорыстіи, то я клянусь вамъ, что вы никогда не узнаете моего имени.

Вслѣдствіе чего остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга:

(Каракуля).

Отъ такого письма съ другою сдѣлалась бы истерика. Но ударъ, поразивъ Лизавету Николаевну въ глубину сердца, не подѣйствовалъ на ея нервы. Она только поблѣднѣла, торопливо сожгла письмо и сдула на полъ легкій его пепелъ. Потомъ она погасила свѣчу и обернулась къ стѣнѣ. Казалось, она плакала, но такъ тихо, такъ тихо, что еслибъ вы стояли у ея изголовья, то подумали бы, что она спитъ покойно и безмятежно.

На другой день она встала блѣднѣе обыкновеннаго, въ десять часовъ вышла въ гостиную, разливала сама чай по обыкновенію. Когда убрали со стола, отецъ ея уѣхалъ къ долж-

ности, мать сѣла за работу, она пошла въ свою комнату. Проходя черезъ залу, ей встрѣтился лакей:

— Куда ты идешь?—спросила она.

— Доложить-съ.

— О комъ?

— Вотъ тотъ-съ... офицеръ... Господинъ Печоринъ...

— Гдѣ онъ?

— У крыльца остановился.

Лизавета Николаевна покраснѣла, потомъ снова поблѣднѣла и потомъ отрывисто сказала лакею:

— Скажи ему, что дома никого нѣтъ, и когда онъ еще пріѣдетъ, прибавила она, какъ бы съ трудомъ выговаривая послѣднюю фразу,—то не принимать..

Лакей поклонился и ушелъ, а она опрометью бросилась въ свою комнату.

IV.

Получивъ такой рѣшительный отказъ, Печоринъ, какъ вы сами можете догадаться, не удивился: онъ приготовился къ такой развязкѣ и даже желалъ ее. Онъ отправился на Морскую. Сани его быстро скользили по сыпучему снѣгу; утро было туманное и обѣщало близкую оттепель. Многіе жители Петербурга, проведшіе дѣтство въ другомъ климатѣ, подвержены странному вліянію здѣшняго неба. Какое-то печальное равнодушіе, подобное тому, съ какимъ наше сѣверное солнце отворачивается отъ неблагодарной здѣшней земли, закрадывается въ душу, приводитъ въ оцѣпенѣніе всѣ жизненные органы. Въ эту минуту сердце неспособно къ энтузіазму, умъ къ размышленію. Въ подобномъ расположеніи находился Печоринъ. Неожиданный успѣхъ вѣнчалъ его легкомысленное предпріятіе, и онъ даже не обрадовался. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ увидѣться съ женщиною, которая была постоянною его мечтою въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошедшимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность, и сердце его не трепетало отъ нетерпѣнія, страха, надежды. Какое-то болѣзненное замираніе,

какая-то мутность и неподвижность мыслей, которыя подобно тяжелымъ обманамъ осаждали умъ его, предвѣщали однѣ близкую бурю душевную. Вспоминая прежнюю пылкость, онъ внутренно досадовалъ на теперешнее свое спокойствіе.

Вотъ сани его остановились передъ однимъ домомъ. Онъ вышелъ и взялся за ручку двери. Но, прежде чѣмъ онъ отворилъ ее, минувшее, какъ сонъ, проскользнуло въ его воображеніи, и различныя чувства внезапно шумно пробудились въ душѣ его. Онъ самъ испугался громкаго біенія сердца своего, какъ пугаются сонные жители города при звукѣ ночного набата. Какія были его намѣренія, опасенія и надежды, извѣстно только Богу; повидимому онъ готовъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ, дать новое направленіе своей жизни. Наконецъ дверь отворилась, и онъ медленно взошелъ по широкой лѣстницѣ. На вопросъ швейцара, кого ему угодно, онъ отвѣчалъ вопросомъ:—дома ли княгиня Вѣра Дмитріевна?

— Князь Степанъ Степановичъ у себя-съ.

— А княгиня?—повторилъ нетерпѣливо Печоринъ.

— Княгиня также-съ.

Печоринъ сказалъ швейцару свою фамилію, и тотъ пошелъ доложить.

Сквозь полураскрытую въ залу дверь Печоринъ бросилъ любопытный взглядъ, стараясь сколько-нибудь по убранству комнатъ угадать хотя слабый оттѣнокъ семейной жизни хозяевъ. Но, увы! въ столицѣ всѣ залы схожи между собою, какъ всѣ улыбки и всѣ привѣтствія. Одинъ только кабинетъ иногда можетъ разоблачить домашнія тайны. Но кабинетъ такъ же непроницаемъ для постороннихъ посѣтителей, какъ сердце. Однако же краткій разговоръ со шбейцаромъ позволилъ догадаться Печорину, что главное лицо въ домѣ былъ князь. «Странно, подумалъ онъ, она вышла замужъ за стараго, непріятнаго и обыкновеннаго человѣка, вѣроятно для того, чтобъ дѣлать свою волю. И что же если я отгадалъ правду, если она добровольно перемѣнила одно рабство на другое, то какая же у нея была цѣль? Какая причина?.. Но нѣтъ, любить она его не можетъ, за это я ручаюсь головой».

Въ эту минуту швейцаръ вошелъ и торжественно произнесъ:

— Пожалуйте, князь въ гостиной.

Медленными шагами Печоринъ прошелъ черезъ залъ. Взоръ его затуманился, кровь прилила къ сердцу, онъ чувствовалъ, что поблѣднѣлъ, когда перешелъ черезъ порогъ гостиной. Молодая женщина въ утреннемъ атласномъ капотѣ и блондовомъ чепцѣ сидѣла небрежно на диванѣ. Возлѣ нея на креслахъ въ мундирномъ фракѣ сидѣлъ какой-то толстый, лысый господинъ съ огромными глазами, налитыми кровью, и безконечно широкою улыбкой. У окна стоялъ другой, въ сюртукѣ, довольно сухощавый, съ волосами обстриженными подъ гребенку, съ обвислыми щеками и довольно неблагороднымъ выраженіемъ лица. Онъ просматривалъ газеты и даже не обернулся, когда вошелъ молодой офицеръ. Это былъ самъ князь Степанъ Степановичъ. Молодая женщина поспѣшно встала, обратясь къ Печорину съ какимъ-то очень не яснымъ привѣтствіемъ; потомъ подошла къ князю и сказала ему:

— Mon ami, вотъ господинъ Печоринъ, онъ старинный знакомый нашего семейства... Monsieur Печоринъ, рекомендую вамъ моего мужа.

Князь бросилъ газеты на окно, раскланялся, хотѣлъ что-то сказать, но изъ устъ его вышли только отрывистыя слова:

— Конечно... мнѣ очень пріятно... семейство жены моей... что вы такъ любезны... Я поставилъ себѣ за долгъ... ваша матушка такая почтенная дама — я имѣлъ честь быть вчерась у нея съ женой.

— Матушка съ сестрой хотѣла сама быть у васъ сегодня, но она немного нездорова и поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Печоринъ самъ не зналъ что̀ говорилъ. Опомнившись и думая что онъ сказалъ глупость, онъ принялъ какой-то холодный, принужденный видъ. Княгинѣ показалось вѣроятно, что этой фразой онъ хотѣлъ объяснить свой визитъ какъ будто бы невольный. Выраженіе лица ея также сдѣлалось принужденно. Она подозрѣвала намѣреніе упрекнуть. Щеки ея готовы были вспыхнуть, но она быстро отвернулась, сказала что-то толстому господину, тотъ захохоталъ и громко произнесъ:

о, да! Потомъ она пригласила Печорина сѣсть, заняла сама прежнее мѣсто, а князь взялъ опять въ руки свои газеты.

Княгиня Вѣра Дмитріевна была женщина двадцати двухъ лѣтъ, средняго женскаго роста, блондинка, съ черными глазами, что̀ придавало лицу ея какую-то оригинальную прелесть и такимъ образомъ, рѣзко отличая ее отъ другихъ женщинъ, уничтожало сравненія, которыя можетъ-быть были бы не въ ея пользу. Она была не красавица, хотя черты ея были довольно правильны. Овалъ лица совершенно аттическій, и прозрачность кожи необыкновенная. Безпрерывная измѣнчивость ея физіономіи, повидимому несообразная съ чертами нѣсколько рѣзкими, мѣшала ей нравиться всѣмъ и нравиться во всякое время. Но за то человѣкъ привыкшій слѣдить эти мгновенныя перемѣны могъ бы открыть въ нихъ рѣдкую пылкость души и постоянную раздражительность нервовъ, обѣщающую столько наслажденій догадливому любовнику. Ея станъ былъ гибокъ, движенія медленны, походка ровная. Видя ее въ первый разъ, вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что это женщина съ характеромъ твердымъ, рѣшительнымъ, холоднымъ, вѣрующая въ собственное убѣжденіе, готовая принесть счастіе въ жертву правиламъ, но не молвѣ. Увидавъ же ея въ минуту страсти и волненія, вы сказали бы совсѣмъ другое или, скорѣе, не знали бы вовсе что̀ сказать.

Нѣсколько минутъ Печоринъ и она сидѣли другъ противъ друга въ молчаніи затруднительномъ для обоихъ. Толстый господинъ, который былъ по какому-то случаю баронъ, воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобъ объяснить подробно свои родственныя связи съ прусскимъ посланникомъ. Княгиня разными вопросами очень ловко заставляла барона еще болѣе растягивать рѣчь свою. Жоржъ, пристально устремивъ глаза на Вѣру Дмитріевну, старался, но тщетно, угадать ея тайныя мысли; онъ видѣлъ ясно, что она не въ своей тарелкѣ, озабочена, взволнована. Ея глаза то тускнѣли, то блистали; губы то улыбались, то сжимались, щеки краснѣли и блѣднѣли попеременно. Но какая причина этому безпокойству? Можетъ-быть домашняя сцена до него случившаяся, потому что князь явно былъ не въ духѣ; можетъ-быть радость и смуще-

ніе воскресающей или только вновь пробуждающейся любви къ нему, можетъ-быть непріятное чувство при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который зналъ нѣкоторыя тайны ея жизни и сердца, который имѣлъ право и можетъ-быть готовъ былъ ее упрекнуть...

Печоринъ, не привыкшій толковать женскіе взгляды и чувства въ свою пользу, остановился на послѣднемъ предположеніи... Изъ гордости онъ рѣшился показать, что подобно ей забылъ прошедшее и радуется ея счастью... Но невольно въ его словахъ звучало оскорбленное самолюбіе. Когда онъ заговорилъ, то княгиня вдругъ отвернулась отъ барона... и тотъ остался съ отверзтымъ ртомъ, готовясь произнести самое важное и убѣдительнѣйшее заключеніе своихъ доказательствъ.

— Княгиня, сказалъ Жоржъ,—извините, я еще не поздравилъ васъ... съ княжескимъ... титуломъ!.. Повѣрьте однако, что я съ этимъ намѣреніемъ спѣшилъ имѣть честь васъ увидѣть... но когда взошелъ сюда, то происшедшая въ васъ перемѣна такъ меня поразила, что, признаюсь... забылъ долгъ вѣжливости...

— Я постарѣла, не правда ли?—отвѣчала Вѣра, наклонивъ головку къ правому плечу.

— О, вы шутите! Развѣ въ счастіи старѣютъ... напротивъ, вы пополнѣли, вы...

— О! конечно я очень счастлива, прервала его княгиня.

— Это молва всеобщая; многія молодыя дѣвушки вамъ завидуютъ... Впрочемъ, вы такъ благоразумны, что не могли не сдѣлать такого достойнаго выбора... Весь свѣтъ восхищается любезностью, умомъ и талантами вашего супруга... [баронъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой]. Княгиня чуть-чуть не улыбнулась, потомъ вдругъ досада изобразилась на ея лицѣ.

— Я вамъ отплачу комплиментомъ за комплиментъ, monsieur Печоринъ... вы также перемѣнились къ лучшему.

— Какъ быть! время всесильно... даже наши одежды, подобно намъ самимъ, подвержены чуднымъ измѣненіямъ — вы теперь носите блондовый чепчикъ, я вмѣсто фрака московскаго недоросля или студентскаго сюртука ношу мундиръ съ эпо-

летами... Вѣроятно отъ этого я имѣю счастіе вамъ нравиться больше чѣмъ прежде... вы теперь такъ привыкли къ блеску!

Княгиня хотѣла отмстить за эпиграмму.

— Прекрасно! воскликнула она; — вы отгадали, и точно... намъ, бѣднымъ москвитянкамъ, гвардейскій мундиръ истинная диковинка!

Она насмѣшливо улыбнулась, баронъ захохоталъ, и Печоринъ на него взбѣсился.

— У васъ такой усердный союзникъ, княгиня, сказалъ онъ, — что я долженъ признаться побѣжденнымъ. И я увѣренъ, что баронъ при данномъ знакѣ готовъ меня сокрушить всею своею тяжестью.

Баронъ плохо понималъ по-русски, хотя родился въ Россіи; онъ захохоталъ пуще прежняго, думая что это комплиментъ, относящійся къ нему вмѣстѣ съ Вѣрой Дмитріевной. Печоринъ пожалъ плечами, и разговоръ снова остановился. Къ счастію, князь подошелъ, преважно держа въ рукѣ газеты:

— Вотъ это до тебя касается, сказалъ онъ женѣ; — новый магазинъ на дняхъ открытъ на Невскомъ. Я покажу вамъ, — сказалъ онъ обращаясь къ гостямъ, — петербургскій гостинецъ, который я вчера купилъ женѣ: всѣ говорятъ, что серьги самыя модныя, а жена говоритъ, что нѣтъ. Какъ будутъ по вашему вкусу?

Онъ пошелъ въ другую комнату и принесъ сафьянную коробочку. Часто повторяемое княземъ слово «жена» какъ-то грубо и непріятно отзывалось въ ушахъ Печорина. Онъ съ перваго слова узналъ въ князѣ человѣка не далекаго, а теперь убѣдился, что онъ даже человѣкъ не свѣтскій. Серьги переходили изъ рукъ въ руки. Баронъ произнесъ надъ ними нѣсколько протяжныхъ восклицаній, Печоринъ послѣ него сталъ машинально ихъ разсматривать.

— А какъ вы думаете, спросилъ князь Степанъ Степановичъ, спрятавшись въ галстукъ и одною рукой вытаскивая накрахмаленный воротничокъ, — сколько я за нихъ заплатилъ? отгадайте.

Серьги по большей мѣрѣ стоили 25 рублей, а были заплочены 75. Печоринъ нарочно сказалъ 150. Это озадачило кня-

зя. Онъ ничего не отвѣчалъ, стыдясь сказать правду, и сѣлъ на канапе, очень немилостиво поглядывая на Печорина. Разговоръ сдѣлался общимъ размѣномъ городскихъ новостей, московскихъ извѣстій. Князь, нѣсколько развеселившись, объявилъ женѣ откровенно что еслибъ не тяжебное дѣло, то никакъ бы не оставилъ Москвы и Англійскаго клуба, прибавляя, что здѣшній Англійскій клубъ ничто передъ московскимъ. Наконецъ Печоринъ всталъ, раскланялся и дошелъ уже до двери, какъ вдругъ княгиня вскочила съ своего мѣста и убѣдительно просила его не позабыть поцѣловать за нее милую Вареньку сто разъ, тысячу разъ. Печорину хотѣлось ей замѣтить, что онъ не можетъ передавать словесныхъ поцѣлуевъ, но ему было не до шутки, и онъ очень важно опять поклонился. Княгиня улыбнулась ему тою ничего не выражающею улыбкою, которая разливается на устахъ танцовщицы, оканчивающей пируэтъ.

Съ горькимъ предчувствіемъ онъ вышелъ изъ комнаты. Пройдя залу, обернулся, княгиня стояла въ дверяхъ, неподвижно смотрѣла ему во слѣдъ. Замѣтивъ его движеніе, она исчезла.

«Странно, подумалъ Печоринъ садясь въ сани, было время когда я читалъ на лицѣ ея всѣ движенія мысли также безошибочно, какъ собственную рукопись, а теперь я ея не понимаю, совершенно не понимаю».

V.

До двѣнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пансіона въ другой и наконецъ увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ, что еслибы жилъ въ Германіи, то сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите, ради Бога, какая есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ. Итакъ всѣ его путешествія ограничивались поѣздками, съ толпою такихъ же негодяевъ какъ онъ, въ Петровскій, въ Сокольники и Марьину

рощу. Можете вообразить, что они не брали съ собою тетрадей и книгъ,—чтобъ не казаться педантами. Пріятели Печорина, которыхъ число было впрочемъ не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и аксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе.

Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было закрывши глаза держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ la bande joyeuse.

Приближалось для Печорина время экзамена. Онъ въ продолженіе года почти не ходилъ на лекціи и намѣревался теперь пожертвовать нѣсколько ночей наукѣ и однимъ прыжкомъ догнать товарищей. Вдругъ явилось обстоятельство, которое помѣшало ему исполнить это геройское намѣреніе. У матери Печорина, Татьяны Петровны, бывали дѣтскіе вечера для маленькой дочери. На эти вечера съѣзжались и взрослыя барышни, и переспѣлыя дѣвы, жадныя до всякихъ возможныхъ вечеровъ Дѣти ложились спать въ десять часовъ, ихъ смѣняли на паркетѣ большія. На эти вечера являлись часто отецъ и дочь Р—вы. Они были старинные знакомые Татьяны Петровны и даже нѣсколько ей сродни. Дочь этого господина Р—ва называлась тогда просто Вѣрочкой. Жоржъ, привыкнувъ видѣться съ нею часто, не находилъ въ ней ничего особеннаго, она же избѣгала его разговора. Разъ собралась большая компанія ѣхать въ Симоновъ монастырь ко всенощной молиться, слушать пѣвчихъ и гулять. Это было весною; усѣлись въ длинныя линейки, запряженныя каждая въ шесть лошадей, и тронулись съ Арбата веселымъ карааваномъ. Солнце склонилось къ Воробьевымъ Горамъ, и вечеръ былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ.

По какому-то случаю Жоржу пришлось сидѣть рядомъ съ Вѣрочкою. Онъ этимъ былъ сначала недоволенъ. Ея семнадцатилѣтняя свѣжесть и скромность казались ему вѣрными призна-

ками холодности и черезчуръ приторной сердечной невинности: кто изъ насъ въ девятнадцать лѣтъ не бросался очертя голову во слѣдъ отцвѣтающей кокеткѣ, которыхъ слова и взгляды полны обѣщаній, и души которыхъ подобны выкрашеннымъ гробамъ притчи. Наружность ихъ — блескъ очаровательный, внутри — смерть и прахъ.

Выѣхавъ уже за городъ, когда растворенный воздухъ вечера освѣжилъ веселыхъ путешественниковъ, Жоржъ разговорился со своею сосѣдкою. Разговоръ ея былъ простъ, живъ и довольно свободенъ. Она была нѣсколько мечтательна, но не старалась этого выказывать, напротивъ, стыдилась этого какъ слабости. Сужденія Жоржа въ то время были рѣзки, полны противорѣчій, хотя оригинальны какъ вообще сужденія молодыхъ людей, воспитанныхъ въ Москвѣ и привыкшихъ безъ принужденія посторонняго развивать свои мысли.

Наконецъ пріѣхали въ монастырь. До всенощной ходили осматривать стѣны, кладбище, лазили на площадку западной башни, ту самую, откуда въ древнія времена наши предки слѣдили движенія, и послѣдній Новикъ открылъ такъ поздно имя свое и судьбу свою и свое изгнанническое имя. Жоржъ не отставалъ отъ Вѣрочки, потому что неловко было бы уйти, не кончивъ разговора, а разговоръ былъ такого рода, что могъ продолжиться до безконечности. Онъ и продолжался все время всенощной, исключая тѣхъ минутъ, когда дивный хоръ монаховъ и голосъ отца Виктора погружалъ ихъ въ безмолвное умиленіе. Но за то послѣ этихъ минутъ разгоряченное воображеніе и чувства, взволнованныя звуками, давали новую пищу для мыслей и словъ. Послѣ всенощной опять гуляли, и возвратились въ городъ тѣмъ же порядкомъ очень поздно. Жоржъ весь слѣдующій день думалъ объ этомъ вечерѣ, потомъ поѣхалъ къ Р—вымъ, чтобы поговорить объ немъ и передать свои впечатлѣнія той, съ которою онъ ихъ раздѣлялъ. Визиты дѣлались чаще и продолжительнѣе. По короткости обоихъ домовъ они не могли обратить на себя никакого подозрѣнія; такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и они убѣдились оба, что влюблены другъ въ друга до безумія. Въ ихъ лѣта, когда страсть есть наслажденіе безъ примѣси заботъ, страха и раскаянія, очень легко убѣдиться во всемъ. У

Жоржа была богатая тетушка, которая въ той же степени была родня и Р—вымъ. Тетушка пригласила оба семейства погостить къ себѣ въ Подмосковную недѣли на двѣ; домъ у нея былъ огромный, сады большіе, однимъ словомъ всѣ удобства. Частыя прогулки сблизили еще болѣе Жоржа съ Вѣрочкой; несмотря на толпу мадамовъ и дѣтей тетушки, они какъ-то всегда находили средства быть вдвоемъ: средство впрочемъ очень легкое, если обоимъ этого хочется.

Между тѣмъ въ университетѣ шелъ экзаменъ. Жоржъ туда не явился. Разумѣется, онъ не получилъ аттестата, но о будущемъ онъ не заботился и увѣрилъ мать, что экзаменъ отложенъ еще на три недѣли, и что онъ все знаетъ. Вечернія прогулки имѣли необходимымъ слѣдствіемъ объясненіе, потомъ клятвы въ вѣрности. Наконецъ, когда двухнедѣльный срокъ кончился, надобно было возвращаться въ Москву. Наканунѣ рокового дня [это было вечеромъ] они стояли вдвоемъ на балконѣ. Какой-то невидимый демонъ сблизилъ ихъ руки и уста въ безмолвное пожатіе, въ безмолвный поцѣлуй... Они испугались самихъ себя; и хотя Жоржъ рано съ помощью товарищей вступилъ на соблазнительное поприще разврата, но честь невинной дѣвушки была еще для него святыней. На другой день, садясь въ экипажи, они раскланялись по прежнему очень учтиво, но Вѣрочка покраснѣла, и глаза ея блистали.

Обманъ Жоржа открылся, какъ скоро пріѣхали въ Москву. Отчаяніе Татьяны Петровны было ужасно, брань ея неистощима. Жоржъ съ покорностью и молча выслушалъ все какъ стоикъ; но гроза невидимая сбиралась надъ нимъ. Въ комитетѣ дядюшекъ и тетушекъ было положено, что его надобно отправить въ Петербургъ и отдать въ юнкерскую школу. Другого спасенія они для него не видали. Тамъ, говорили они, его прошколятъ и выучатъ дисциплинѣ.

Въ это время открылась Польская кампанія. Вся молодежь спѣшила опредѣляться въ полки. Вступать въ школу было для Жоржа невыгодно, потому что юнкера 2-го класса не должны были итти въ походъ. Онъ почти на колѣняхъ выпросилъ у матери позволеніе вступить въ Н... гусарскій полкъ, стоявшій недалеко отъ Москвы. Послѣ многаго плаканья и оханья по-

лучилъ онъ ея благословеніе. Но самое трудное оставалось ему еще сдѣлать: надобно было объявить объ этомъ Вѣрочкѣ. Онъ былъ такъ еще невиненъ душою, что боялся убить ее неожиданнымъ извѣстіемъ. Однакожъ она выслушала его молча и устремила на него укоризненный взглядъ, не вѣря чтобъ какія бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться съ нею. Клятва и обѣщанія ее успокоили.

Чрезъ нѣсколько дней Жоржъ пріѣхалъ къ Р—вымъ чтобъ окончательно проститься. Вѣрочка была очень блѣдна. Онъ посидѣлъ недолго въ гостиной, когда же вышелъ, то она, пробѣжавъ чрезъ другія двери, встрѣтила его въ залѣ. Она сама схватила его за руку, крѣпко ее сжала и произнесла невѣрнымъ голосомъ: «Я никогда не буду принадлежать другому». Бѣдная, она дрожала всѣмъ тѣломъ. Эти ощущенія были для нея такъ новы, она такъ боялась потерять друга, она такъ была увѣрена въ собственномъ сердцѣ. Напечатлѣвъ жаркій поцѣлуй на холодномъ дѣвственномъ челѣ ея, Жоржъ посадилъ ее на стулъ, опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы и поскакалъ домой. Вечеромъ пришелъ лакей отъ Р—выхъ къ Татьянѣ Петровнѣ просить стклянку съ какими-то каплями и спирту, потому что, дескать, барышня очень нездорова и раза три была безъ памяти. Это былъ ужасный ударъ для Жоржа. Онъ цѣлую ночь не спалъ, чѣмъ свѣтъ сѣлъ въ дорожную коляску и отправился въ свой полкъ.

До сихъ поръ, любезные читатели, вы видѣли, что любовь моихъ героевъ не выходила изъ общихъ правилъ всѣхъ романовъ и всякой начинающейся любви. Но за то впослѣдствіи, о! впослѣдствіи вы увидите и услышите чудныя вещи.

Печоринъ въ продолженіе кампаніи отличался, какъ отличается всякій русскій офицеръ, дрался храбро, какъ всякій русскій солдатъ, любезничалъ съ многими паннами, но минуты послѣдняго разставанья и милый образъ Вѣрочки постоянно тревожили его воображеніе. Чудное дѣло! Онъ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ ее забыть, а вышло наоборотъ, [что почти всегда и выходитъ въ такихъ случаяхъ]. Впрочемъ Печоринъ имѣлъ самый несчастный нравъ: впечатлѣнія сначала легкія постепенно врѣзывались въ его умъ все глубже и глубже,

такъ что впослѣдствіи эта любовь пріобрѣла надъ его сердцемъ право давности, священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣчества.

Послѣ взятія Варшавы, онъ былъ переведенъ въ гвардію. Мать его съ сестрою переѣхали жить въ Петербургъ, Варенька привезла ему поклонъ отъ своей милой Вѣрочки, какъ она ее называла,—ничего больше какъ поклонъ. Печорина это огорчило—онъ тогда еще не понималъ женщинъ. Тайная досада была одна изъ причинъ, по которымъ онъ сталъ волочиться за Лизаветой Николаевной. Слухи объ этомъ вѣроятно дошли до Вѣрочки. Черезъ полтора года онъ узналъ что она вышла замужъ, черезъ два года пріѣхала въ Петербургъ уже не Вѣрочка, а княгиня Лиговская и князь Степанъ Степановичъ.

Тутъ кажется мы остановились въ предъидущей главѣ.

VI.

Дня черезъ три, послѣ того какъ Печоринъ былъ у князя, Татьяна Петровна пригласила нѣсколько человѣкъ знакомыхъ и родныхъ отобѣдать. Степанъ Степановичъ съ подругою былъ разумѣется въ ихъ числѣ.

Печоринъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и хотѣлъ уже одѣваться чтобы выйти въ гостиную когда вошелъ къ нему артиллерійскій офицеръ.

— А, Браницкій, воскликнулъ Печоринъ, — я очень радъ, что ты такъ кстати заѣхалъ, ты непремѣнно будешь у насъ обѣдать. Вообрази, у насъ нынѣ полонъ домъ молодыхъ дѣвушекъ, и я одинъ отданъ имъ на жертву. Ты всѣхъ ихъ знаешь, сдѣлай одолженіе останься обѣдать!

— Ты такъ убѣдительно просишь, отвѣчалъ Браницкій,— какъ будто предчувствуешь отказъ.

— Нѣтъ, ты не смѣешь отказаться, сказалъ Печоринъ.

Онъ кликнулъ человѣка и велѣлъ отпустить сани Браницкаго домой.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ я не передаю, потому что онъ былъ безсвязенъ и пустъ, какъ разговоры всѣхъ молодыхъ людей, которымъ нечего дѣлать. И въ самомъ дѣлѣ, скажите, о чемъ могутъ говорить молодые люди? Запасъ новостей ско-

ро истощается, въ политику благоразуміе мѣшаетъ пускаться, о службѣ и такъ слишкомъ много толкуютъ на службѣ, а женщины въ нашъ варварскій вѣкъ утратили въ половину прежнее всеобщее свое вліяніе. Влюбиться кажется уже стыдно, говорить объ этомъ смѣшно.

Когда нѣсколько гостей съѣхалось, Печоринъ и Браницкій вошли въ гостиную. Тамъ на трехъ столахъ играли въ вистъ. Покуда маменьки считали козыри, дочки, усѣвшись вкругъ небольшаго столика, разговаривали о послѣднемъ балѣ, о новыхъ модахъ. Офицеры подошли къ нимъ, Браницкій искусно оживилъ непринужденною болтовней ихъ небольшой кружокъ. Печоринъ былъ разсѣянъ. Онъ давно замѣчалъ что Браницкій ухаживалъ за его сестрой и, не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ слѣдствій, не тревожилъ пріятеля наблюденіемъ, а сестру нескромными вопросами. Варенькѣ казалось очень пріятно, что такой ловкій молодой человѣкъ примѣтно отличаетъ ее отъ другихъ, ее, которая даже еще не выѣзжаетъ.

Мало-по-малу гости съѣзжались. Князь Лиговскій и княгиня пріѣхали одни изъ послѣднихъ. Варенька бросилась навстрѣчу своей старой пріятельницѣ, княгиня поцѣловала ее съ видомъ покровительства. Вскорѣ сѣли за столъ.

Столовая была роскошно убранная комната, увѣшанная картинами въ огромныхъ золотыхъ рамахъ. Ихъ темная и старинная живопись находилась въ рѣзкой противоположности съ украшеніями комнаты, легкими, какъ все, что̀ въ новѣйшемъ вкусѣ. Дѣйствующія лица этихъ картинъ одни полунагія, другія живописно завернутыя въ греческія мантіи или одѣтыя въ испанскіе костюмы въ широкополыхъ шляпахъ съ перьями, съ прорѣзными рукавами, пышными манжетами. Брошенныя на этотъ холстъ рукою художника въ самыя блестящія минуты ихъ миѳологической или феодальной жизни, казалось строго смотрѣли на дѣйствующихъ лицъ этой комнаты, озаренныхъ сотнею свѣчъ, не помышляющихъ о будущемъ, еще менѣе о прошедшемъ, съѣхавшихся на пышный обѣдъ не столько для того, чтобы насладиться дарами роскоши, но чтобъ удовлетворить тщеславію ума, тщеславію богатства, другіе изъ любопытства, изъ приличія или для какихъ-либо другихъ сокро-

венныхъ цѣлей. Въ одеждѣ этихъ людей, такъ чинно сидѣвшихъ вокругъ длиннаго стола, уставленнаго серебромъ и фарфоромъ, также какъ въ ихъ понятіяхъ были перемѣшаны всѣ вѣка. Въ одеждахъ ихъ встрѣчались глубочайшая древность съ самою послѣднею выдумкой парижской модистки; греческія прически, увитыя гирляндами изъ поддѣльныхъ цвѣтовъ, готическія серьги, еврейскіе тюрбаны, далѣе волосы, вздернутые къ верху à la chinoise, букли à la Sevigné, пышныя платья на подобіе фижмъ, рукава чрезвычайно широкіе или чрезвычайно узкіе. У мущинъ прически à la jeune France, à la Russe, à la moyen âge, и à la Titus, гладкіе подбородки, усы, эспаньолки, бакенбарды и даже бороды. Кстати было бы тутъ привести стихъ Пушкина: «какая смѣсь одеждъ и лицъ!» Понятія же этого общества были такая путаница, которую я не берусь объяснить.

Печорину пришлось сидѣть наискось противу княгини Вѣры Дмитріевны. Сосѣдъ его по лѣвую руку былъ какой-то рыжій господинъ, увѣшанный крестами, который ѣздилъ къ нимъ въ домъ только на званые обѣды, по правую же сторону Печорина сидѣла дама лѣтъ тридцати, чрезвычайно свѣжая и моложавая, въ малиновомъ токѣ съ перьями и съ гордымъ видомъ, потому что она слыла неприступною добродѣтелью. Изъ этого мы видимъ, что Печоринъ, какъ хозяинъ, избралъ самое дурное мѣсто за столомъ.

Возлѣ Вѣры Дмитріевны сидѣла по одну сторону старушка, разряженная какъ кукла, съ сѣдыми бровями и черными пукдями; по другую—дипломатъ, длинный и блѣдный, причесанный à la Russe и говорившій по-русски хуже всякаго Француза. Послѣ второго блюда разговоръ началъ оживляться.

— Такъ какъ вы недавно въ Петербургѣ,—говорилъ дипломатъ княгинѣ,—то вѣроятно не успѣли еще вкусить и постигнуть всѣ прелести здѣшней жизни. Эти зданія, которыя съ перваго взгляда васъ только удивляютъ какъ все великое, со временемъ сдѣлаются для васъ безцѣнны, когда вы вспомните, что здѣсь развилось и выросло наше просвѣщеніе и когда увидите, что оно въ нихъ уживается легко и пріятно. Всякій Русскій долженъ любить Петербургъ: здѣсь все, что есть луч-

шаго русской молодежи какъ бы нарочно собралось, чтобъ подать дружескую руку Европѣ. Москва только великолѣпный памятникъ, пышная и безмолвная гробница минувшаго; здѣсь жизнь, здѣсь наши надежды...

Такъ высокопарно и мудрено говорилъ худощавый дипломатъ, который имѣлъ претензію быть великимъ патріотомъ. Княгиня улыбнулась и отвѣчала разсѣянно.

— Можетъ-быть со-временемъ я полюблю и Петербургъ, но мы, женщины, такъ легко предаемся привычкамъ сердца и такъ мало думаемъ, къ сожалѣнію, о всеобщемъ просвѣщеніи, о славѣ государствъ! Я люблю Москву. Съ воспоминаніемъ о ней связана память о такомъ счастливомъ времени! А здѣсь, здѣсь все такъ холодно, такъ мертво. О, это не мое мнѣніе: это мнѣніе здѣшнихъ жителей. Говорятъ, что въѣхавъ разъ въ Петербургскую заставу, люди мѣняются совершенно.

Эти слова она сказала улыбаясь дипломату и взглянувъ на Печорина. Дипломатъ взбѣленился:

— Какія ужасныя клеветы про нашъ милый городъ, воскликнулъ онъ,—а все это старая сплетница Москва, которая изъ зависти клевещетъ на молодую свою соперницу.

При словѣ «старая сплетница» разряженная старушка затрясла головой и чуть-чуть не подавилась спаржею.

— Чтобъ рѣшить нашъ споръ, продолжалъ дипломатъ,— выберемте посредника, княгиня: вотъ хоть Григорія Александровича, онъ очень прилежно слушалъ нашъ разговоръ. Какъ вы думаете объ этомъ, monsieur Печоринъ? скажите по совѣсти и не принесите меня въ жертву учтивости. Вы одобряете мой выборъ, княгиня?

— Вы выбрали судью довольно строгаго, отвѣчала она.

— Какъ быть, нашъ братъ всегда наблюдаетъ свои выгоды, возразилъ дипломатъ съ самодовольной улыбкою.—Monsieur Печоринъ, извольте же рѣшить.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ Печоринъ,—что вы ошиблись въ своемъ выборѣ. Изо всего вашего спора я слышалъ только то чтò сказала княгиня.

Лицо дипломата вытянулось.

— Однакожъ, сказалъ онъ,— Москвѣ или Петербургу отдадите вы преимущество?

— Москва моя родина, отвѣчалъ Печоринъ, стараясь отдѣлаться.

— Однакожъ которая?.. Дипломатъ настаивалъ съ упорствомъ.

— Я думаю, прервалъ его Печоринъ,— что ни зданія, ни просвѣщеніе, ни старина не имѣютъ вліянія на счастіе и веселость. А мѣняются люди за Петербургскою заставой и за московскимъ шлагбаумомъ потому, что еслибъ люди не мѣнялись, было бы очень скучно.

— Послѣ такого рѣшенія, княгиня, сказалъ дипломатъ,— я уступаю свое дипломатическое званіе господину Печорину. Онъ увернулся отъ рѣшительнаго отвѣта какъ Талейранъ или Меттернихъ.

— Григорій Александровичъ, возразила княгиня— не увлекается страстью или пристрастіемъ, онъ слѣдуетъ одному холодному разсудку.

— Это правда, отвѣчалъ Печоринъ,—я теперь сталъ взвѣшивать слова свои и разсчитывать поступки, слѣдуя примѣру другихъ. Когда я увлекался чувствомъ и воображеніемъ, надо мною смѣялись и пользовались моимъ простосердечіемъ. Но кто же въ своей жизни не дѣлалъ глупостей! и кто не раскаивался! Теперь по чести я готовъ пожертвовать самою чистѣйшею, самою воздушною любовью, для трехъ тысячъ душъ съ винокуреннымъ заводомъ и для какого-нибудь графскаго герба на дверцахъ кареты. Надобно пользоваться случаемъ, такія вещи не падаютъ съ неба. Не правда ли?

Этотъ неожиданный вопросъ былъ сдѣланъ дамѣ въ малиновомъ беретѣ.

Молчавшая добродѣтель пробудилась при этомъ неожиданномъ вопросѣ, и страусовыя перья заколыхались на беретѣ. Она не могла тотчасъ отвѣтить, потому что ея невинные зубки жевали кусокъ рябчика съ самымъ добродѣтельнымъ стараніемъ. Всѣ съ терпѣніемъ молча ожидали ея отвѣта. Наконецъ она открыла уста и важно молвила:

— Ко мнѣ ли вашъ вопросъ относится?

— Если вы позволите, отвѣчалъ Печоринъ.

— Не хотите ли вы раздѣлить со мною вашу роль посредника и судьи?

— Я бы желалъ вамъ передать ее совсѣмъ!

— Ахъ, избавьте!

Въ эту минуту ей подали какое-то жирное блюдо, она положила себѣ на тарелку и продолжала:

— Вотъ адресуйтесь къ княгинѣ. Она, я думаю, гораздо лучше можетъ судить о любви и о графскомъ или о княжескомъ титулѣ.

— Я бы желалъ слышать ваше мнѣніе, сказалъ Печоринъ,— и рѣшился побѣдить вашу скромность упрямствомъ.

— Вы не первые, и вамъ это не удастся, сказала она съ презрительною улыбкой.—Притомъ я не имѣю никакого мнѣнія о любви.

— Помилуйте! въ ваши лѣта не имѣть никакого мнѣнія о такомъ важномъ предметѣ для всякой женщины.

Добродѣтель обидѣлась.

— То-есть я слишкомъ стара, воскликнула она, покраснѣвъ.

— Напротивъ, я хотѣлъ сказать, что вы еще такъ молоды.

— Слава Богу, я ужъ не ребенокъ... Вы оправдались очень неудачно.

— Чтò дѣлать! Я вижу, что увеличилъ единицею несмѣтное число несчастныхъ, которые вамъ напрасно стараются понравиться...

Она отъ него отвернулась, а онъ чуть не засмѣялся вслухъ.

— Кто эта дама? шопотомъ спросилъ у него рыжій господинъ съ крестами.

— Баронесса Штраль, отвѣчалъ Печоринъ.

— Аа! сдѣлалъ рыжій господинъ.

— Вы, конечно, объ ней много слыхали?

— Нѣтъ-съ, ничего формально.

— Она уморила двухъ мужей, продолжалъ Печоринъ,—теперь за третьимъ, который вѣрно ее переживетъ.

— Ого! сказалъ рыжій господинъ и продолжалъ уписывать соусъ, унизанный трюфелями.

Такимъ образомъ разговоръ прекратился, но дипломатъ взялъ на себя трудъ возобновить его.

— Если вы любите искусства, сказалъ онъ, обращаясь къ княгинѣ,—то я могу вамъ сказать весьма пріятную новость: картина Брюлова «*Послѣдній день Помпеи*» ѣдетъ въ Петербургъ. Про нее кричала вся Италія, Французы ее разбранили. Теперь любопытно знать, куда склонится русская публика—на сторону истиннаго вкуса, или на сторону моды.

Княгиня ничего не отвѣчала, она была въ разсѣянности. Глаза ея бродили безъ цѣли вдоль по стѣнамъ комнаты, и слово «картина» только заставило ихъ остановиться на изображеніи какой-то испанской сцены, висѣвшемъ противу нея. Это была старинная картина, довольно посредственная, но получившая цѣнность отъ того, что краски ея полиняли и лакъ растрескался. На ней были изображены три фигуры: старый и сѣдой мужчина сидя на бархатныхъ креслахъ обнималъ одною рукою молодую женщину, въ другой держалъ онъ бокалъ съ виномъ; онъ приближалъ свои румяныя губы къ нѣжной щекѣ этой женщины, и проливалъ вино ей на платье. Она, какъ бы нехотя повинуясь его грубымъ ласкамъ, перегнувшись черезъ ручку креселъ и облокотясь на его плечо, отворачивалась въ сторону, прижимая палецъ къ устамъ и устремивъ глаза на полуотворенную дверь, изъ-за которой во мракѣ сверкали два яркіе глаза и кинжалъ.

Княгиня нѣсколько минутъ со вниманіемъ смотрѣла на эту картину и наконецъ попросила дипломата объяснить ея содержаніе.

Дипломатъ вынулъ изъ-за галстука лорнетъ, прищурился, наводилъ его въ разныхъ направленіяхъ на темный холстъ и заключилъ тѣмъ, что это должна быть копія съ Рембранта или Мурильйо.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ,—хозяинъ ея долженъ лучше знать что̀ она изображаетъ.

— Я не хочу вторично затруднять Григорія Александровича разрѣшеніями вопросовъ, сказала Вѣра Дмитріевна, и опять устремила глаза на картину.

— Сюжетъ ея очень простъ, сказалъ Печоринъ, не дожида-

ясь чтобы его просили. — Здѣсь изображена женщина, которая оставила и обманула любовника для того, чтобы удобнѣе обманывать богатаго и глупаго старика. Въ эту минуту она кажется что-то у него выпрашиваетъ и удерживаетъ бѣшенство любовника ложными обѣщаніями. Когда она выманитъ искусственнымъ поцѣлуемъ все, что̀ ей хочется, она сама откроетъ дверь и будетъ хладнокровною свидѣтельницею убійства.

— Ахъ, это ужасно! воскликнула княгиня.

— Можетъ-быть я ошибаюсь, давъ такой смыслъ этому изображенію, продолжалъ Печоринъ, — мое истолкованіе совершенно произвольное.

— Неужели вы думаете, что подобное коварство можетъ существовать въ сердцѣ женщины?

— Княгиня, отвѣчалъ Печоринъ сухо, — я прежде имѣлъ глупость думать, что можно понимать женское сердце. Послѣдніе случаи моей жизни меня убѣдили въ противномъ, и поэтому я не могу рѣшительно отвѣтить на вашъ вопросъ.

Княгиня покраснѣла, дипломатъ обратилъ на нее испытующій взоръ и сталъ что-то чертить вилкою на днѣ своей тарелки. Дама въ малиновомъ беретѣ была какъ на иголкахъ, слыша такіе ужасы и старалась отодвинуть свой стулъ отъ Печорина, а рыжій господинъ съ крестами значительно улыбнулся и проглотилъ три трюфели разомъ.

Остальное время обѣда дипломатъ и Печоринъ молчали, княгиня завела разговоръ со старушкою, добродѣтель горячо о чемъ-то спорила со своею сосѣдкой съ правой стороны, рыжій господинъ ѣлъ.

За десертомъ, когда подали шампанское, Печоринъ, поднявъ бокалъ, обратился къ княгинѣ:

— Такъ какъ я не имѣлъ счастія быть на вашей свадьбѣ, то позвольте поздравить васъ теперь.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ и ничего не отвѣчала. Тайное страданіе изображалось на ея лицѣ столь измѣнчивомъ, рука державшая стаканъ съ водою дрожала... Печоринъ все это видѣлъ, и нѣчто похожее на раскаяніе закралось въ грудь его: за что̀ онъ ее мучилъ? съ какою цѣлью? какую

пользу могло ему принесть это мелочное мщеніе?.. Онъ себѣ въ этомъ не могъ дать подробнаго отчета. Вскорѣ стулья зашумѣли; встали изо стола, и пошли въ пріемныя комнаты... Лакеи на серебряныхъ подносахъ стали разносить кофе; нѣкоторые мужчины, не игравшіе въ вистъ, и въ ихъ числѣ князь Степанъ Степановичъ, пошли въ кабинетъ Печорина курить трубки, а княгиня подъ предлогомъ, что у нея развились локоны удалилась въ комнату Вареньки.

Она притворила за собою двери, бросилась въ широкія кресла. Необъяснимое чувство стѣснило ея грудь, слезы набѣжали на рѣсницы, стали капать чаще и чаще на ея разгорѣвшіяся ланиты, и она плакала, горько плакала, покуда ей не пришло въ мысль, что съ красными глазами неловко будетъ показаться въ гостиную. Тогда она встала, подошла къ зеркалу, осушила глаза, натерла виски одеколономъ и духами, которые въ цвѣтныхъ и граненыхъ сткляночкахъ стояли на туалетѣ. По временамъ она еще всхлипывала, и грудь ея подымалась высоко, но это были послѣднія волны, забытыя на гладкомъ морѣ пролетѣвшимъ ураганомъ.

О чемъ же она плакала? спрашиваете вы, и я васъ спрошу, о чемъ женщины не плачутъ: слезы ихъ оружіе нападательное и оборонительное. Досада, радость, безсильная ненависть, безсильная любовь, имѣютъ у нихъ одно выраженіе. Вѣра Дмитріевна сама не могла дать отчета, какое изъ этихъ чувствъ было главною причиной ея слезъ. Слова Печорина глубоко ее оскорбили, но странно: она его за это не возненавидѣла. Можетъ-быть еслибъ въ его упрекѣ проглядывало сожалѣніе о минувшемъ, желаніе ей снова нравиться, она бы сумѣла отвѣчать ему колкою насмѣшкой и равнодушіемъ, но, казалось, въ немъ было оскорблено одно самолюбіе, а не сердце, — самая слабая часть мужчины, подобная пяткѣ Ахиллеса, — и по этой причинѣ оно въ этомъ сраженіи оставалось внѣ ея выстрѣловъ. Казалось, Печоринъ гордо вызвалъ на бой ея ненависть, чтобы увѣриться такъ же ли она будетъ недолговременна, какъ любовь ея, и онъ достигъ своей цѣли. Ея чувства взволновались, ея мысли смутились, первое впечатлѣніе было сильное, а отъ перваго впечатлѣнія зависѣло все осталь-

ное: онъ это зналъ и зналъ также, что самая ненависть ближе къ любви, нежели равнодушіе.

Княгиня уже собиралась возвратиться въ гостиную, какъ вдругъ дверь легонько скрипнула и вошла Варенька.

— Я тебя искала, chère amie, воскликнула она, — ты, кажется, нездорова...

Вѣра Дмитріевна томно улыбнулась ей и сказала:

— У меня болитъ голова, тамъ такъ жарко!..

— Я за столомъ часто на тебя взглядывала, продолжала Варенька, — ты все время молчала. Мнѣ досадно было, что я не сѣла возлѣ тебя, тогда можетъ-быть тебѣ не было бы такъ скучно.

— Мнѣ вовсе не было скучно, отвѣчала княгиня, горько улыбнувшись, — Григорій Александровичъ былъ очень любезенъ.

— Послушай, мой ангелъ, я не хочу чтобъ ты называла брата Григорій Александровичъ. Григорій Александровичъ — это такъ важно: точно вы будто вчерась только познакомились. Отчего не называть его просто Жоржъ, какъ прежде, онъ такой добрый.

— О, я этого послѣдняго достоинства въ немъ нынѣ не замѣтила, онъ мнѣ нынѣ наговорилъ такихъ вещей, которыхъ бы другая ему никогда не простила.

Вѣра Дмитріевна почувствовала, что проговорилась, но успокоилась тѣмъ, что Варенька вѣтреная дѣвочка, не обратитъ вниманія на ея послѣднія слова, или скоро позабудетъ ихъ. Вѣра Дмитріевна, къ несчастію ея, была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя обыкновенно осторожнѣе и скромнѣе другихъ, но въ минуты страсти проговариваются.

Поправя свои локоны передъ зеркаломъ, она взяла подъ руку Вареньку и обѣ возвратились въ гостиную, а мы пойдемъ въ кабинетъ Печорина, гдѣ собралось нѣсколько молодыхъ людей и гдѣ князь Степанъ Степановичъ съ сигаркою въ зубахъ тщетно старался вмѣшиваться въ ихъ разговоръ. Онъ не зналъ ни одной петербургской актрисы, не зналъ ключа ни одной городской интриги, и какъ пріѣзжій изъ другого города, не могъ разсказать ни одной интересной новости. Женившись на молодой

женщинѣ, онъ старался казаться молодымъ на зло подставнымъ зубамъ и нѣкоторымъ морщинамъ. Въ продолженіе всей своей молодости этотъ человѣкъ не пристрастился ни къ чему — ни къ женщинамъ, ни къ вину, ни къ картамъ, ни къ почестямъ, и со всѣмъ тѣмъ, въ угодность товарищей и друзей, напивался очень часто, влюблялся раза три изъ угожденія въ женщинъ, которыя хотѣли ему нравиться, проигралъ однажды тридцать тысячъ, когда была мода проигрываться, убилъ свое здоровье на службѣ, потому что начальникамъ это было пріятно. Будучи эгоистъ въ высшей степени, онъ однако слылъ всегда добрымъ малымъ, готовымъ на всякія услуги; женился же онъ потому, что всѣмъ роднымъ этого хотѣлось. Теперь онъ сидѣлъ противъ камина, куря сигарку и допивая кофе и внимательно слушая разговоръ двухъ молодыхъ людей, стоявшихъ противъ него. Одинъ изъ нихъ былъ артиллерійскій офицеръ Браницкій, другой статскій. Этотъ послѣдній былъ одно изъ характеристическихъ лицъ петербургскаго общества.

Онъ былъ порядочнаго роста и такъ худъ, что англійскаго покроя фракъ висѣлъ на плечахъ его какъ на вѣшалкѣ. Жесткій атласный галстукъ подпиралъ его угловатый подбородокъ. Ротъ его, лишенный губъ, походилъ на отверстіе, прорѣзанное перочиннымъ ножичкомъ въ картонной маскѣ. Щеки его, впалыя и смугловатыя, мѣстами были испещрены мелкими ямочками, слѣдами разрушительной оспы. Носъ его былъ прямой, одинаковой толщины во всей своей длинѣ, а нижняя оконечность какъ бы отрублена. Глаза, сѣрые и маленькіе, имѣли дерзкое выраженіе, брови были густы, лобъ узокъ и высокъ, волосы черны и острижены подъ гребенку, изъ-за галстука его выглядывала борода à la St. Simonienne.

Онъ былъ со всѣми знакомъ, служилъ гдѣ-то, ѣздилъ по порученіямъ, возвращаясь получалъ чины, бывалъ всегда въ среднемъ обществѣ и говорилъ про связи свои со знатью, волочился за богатыми невѣстами, подавалъ множество проектовъ, продавалъ разныя акціи, предлагалъ всѣмъ подписки на разныя книги, знакомъ былъ со всѣми литераторами и журналистами, приписывалъ себѣ многія безыменныя статьи въ журналахъ, издалъ брошюру, которую никто не читалъ, былъ,

по его словамъ, заваленъ кучею дѣлъ и цѣлое утро проводилъ на Невскомъ проспектѣ. Чтобъ докончить портретъ, скажу, что фамилія его была малороссійская, хотя вмѣсто Горшенко онъ называлъ себя Горшенковъ.

— Что̀ вы ко мнѣ никогда не заѣдете? говорилъ ему Браницкій.

— Повѣрите ли, я такъ занятъ, отвѣчалъ Горшенко,— вотъ завтра самъ долженъ докладывать министру; потомъ надобно ѣхать въ комитетъ, работы тьма, не знаешь какъ отдѣлаться; еще надобно писать статью въ журналъ, потомъ надобно обѣдать у князя N,—всякій день гдѣ-нибудь на балѣ, вотъ хоть нынче у графини Ф. Такъ и быть ужъ пожертвую этой зимою, а лѣтомъ опять запрусь въ свой кабинетъ, окружу себя бумагами и буду ѣздить только къ старымъ пріятелямъ.

Браницкій улыбнулся и, насвистывая арію изъ *Фенеллы*, удалился.

Князь, который былъ мысленно занятъ своимъ дѣломъ, подумалъ, что ему не худо будетъ познакомиться съ человѣкомъ, который всѣхъ знаетъ и докладываетъ самъ министру. Онъ завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ, о службѣ, потомъ о своемъ дѣлѣ, которое состояло въ тяжбѣ съ казною о 20.000 десятинахъ лѣсу. Наконецъ князь спросилъ у Горшенко, не знаетъ ли онъ одного чиновника Красинскаго, у котораго въ столѣ разбирается его дѣло.

— Да, да, отвѣчалъ Горшенко,—знаю, видалъ, но онъ ничего не можетъ сдѣлать, адресуйтесь къ людямъ, которые болѣе имѣютъ вѣсу. Я знаю эти дѣла, мнѣ часто ихъ навязывали, но я всегда отказывался.

Такой отвѣтъ поставилъ въ тупикъ князя Степана Степановича. Ему показалось, что передъ нимъ въ лицѣ Горшенко стоитъ весь комитетъ министровъ.

— Да, сказалъ онъ,—нынѣ эти вещи стали ужасно затруднительны.

Печоринъ, слышавшій разговоръ и узнавъ отъ князя въ какомъ департаментѣ его дѣло, обѣщался отыскать Красинскаго и привезти его къ князю.

Степанъ Степановичъ въ восторгѣ отъ его любезности пожалъ ему руку и пригласилъ его заѣзжать къ себѣ всякій разъ, когда ему нечего будетъ дѣлать.

VII.

На другой день Печоринъ былъ на службѣ, провелъ ночь въ дежурной комнатѣ и смѣнился въ двѣнадцать часовъ утра. Покуда онъ переодѣлся, прошелъ еще часъ. Когда онъ пріѣхалъ въ департаментъ, гдѣ служилъ чиновникъ Красинскій, то ему сказали, что этотъ чиновникъ куда-то ушелъ. Печорину дали его адресъ, и онъ отправился къ Обухову мосту. Остановясь у воротъ одного огромнаго дома, онъ вызвалъ дворника и спросилъ, здѣсь ли живетъ чиновникъ Красинскій.

— Пожалуйте въ сорокъ девятый нумеръ, былъ отвѣтъ.

— А гдѣ входъ?

— Со двора-съ.

Сорокъ девятый нумеръ, и входъ со двора! этихъ ужасныхъ словъ не можетъ понять человѣкъ, который не провелъ по крайней мѣрѣ половины жизни въ отыскиваніи разныхъ чиновниковъ. Сорокъ девятый нумеръ есть число мрачное и таинственное, подобное числу шестьсотъ шестьдесятъ шестому въ Апокалипсисѣ. Вы пробираетесь сначала черезъ узкій и угловатый дворъ, по глубокому снѣгу, или по жидкой грязи; высокія пирамиды дровъ грозятъ ежеминутно подавить васъ своимъ паденіемъ, тяжелый запахъ, ѣдкій, отвратительный, отравляетъ ваше дыханіе, собаки ворчатъ при вашемъ появленіи, блѣдныя лица, хранящія на себѣ ужасные слѣды нищеты или распутства, выглядываютъ сквозь узкія окна нижняго этажа. Наконецъ, послѣ многихъ разспросовъ, вы находите желанную дверь, темную и узкую, какъ дверь въ чистилище. Поскользнувшись на порогѣ, вы летите двѣ ступени внизъ и попадаете ногами въ лужу, образовавшуюся на каменномъ помостѣ, потомъ невѣрною рукой ощупываете лѣстницу и начинаете взбираться на верхъ. Взойдя на первый этажъ и остановившись на четвероугольной площадкѣ, вы увидите нѣсколько дверей кругомъ себя, но увы, ни на одной нѣтъ нумера. На-

чинаете стучать или звонить, и обыкновенно выходитъ кухарка съ сальною свѣчей, а изъ-за нея раздается брань, или плачъ дѣтей.

— Кого вамъ угодно?

— Сорокъ девятый нумеръ.

— Здѣсь эдакихъ нѣтъ-съ.

— Кто жъ здѣсь живетъ?

Отвѣтъ бываетъ обыкновенно или какое-нибудь варварское имя, или: какое вамъ дѣло, ступайте выше. Дверь захлопывается. Во всѣхъ другихъ дверяхъ та же сцена повторяется въ разныхъ видахъ. Чѣмъ выше вы взбираетесь, тѣмъ хуже. Софистъ-наблюдатель могъ бы заключить изъ этого, что человѣкъ, приближаясь къ небу, уподобляется растенію, которое на вершинахъ горъ теряетъ цвѣтъ и силу. Помучившись около часа, вы наконецъ находите желанный сорокъ девятый нумеръ или другой столько же таинственный, и то если дворникъ не былъ пьянъ и понялъ вашъ вопросъ, если не два чиновника съ одинаковымъ именемъ въ этомъ домѣ, если вы не попали на другую лѣстницу и т. д. Печоринъ претерпѣлъ всѣ эти мученія и наконецъ, вскарабкавшись на четвертый этажъ, постучалъ въ дверь. Вышла кухарка. Онъ сдѣлалъ обычный вопросъ, ему отвѣчали: здѣсь. Онъ взошелъ, снялъ шинель въ кухнѣ и хотѣлъ итти далѣе, какъ вдругъ кухарка остановила его, сказавъ, что г. Красинскій не воротился еще изъ департамента. Я подожду, отвѣчалъ онъ, и вошелъ. Кухарка слѣдовала за нимъ и разглядывала его съ видомъ удивленія. Бѣлый султанъ и красивый кавалерійскій мундиръ были повидимому явленіе необыкновенное на четвертомъ этажѣ. При входѣ Печорина въ гостиную, если можно такъ назвать четыреугольную комнату, украшенную единственнымъ столомъ, покрытымъ клеенкою, передъ которымъ стоялъ старый диванъ и три стула, низенькая и опрятная старушка встала со своего мѣста и повторила вопросъ кухарки.

— Я ищу господина Красинскаго, можетъ-быть я ошибся.

— Это мой сынъ, отвѣчала старушка,—онъ скоро будетъ.

— Если вы мнѣ позволите подождать... продолжалъ Печоринъ.

— Сдѣлайте одолженіе, прервала его старушка и торопливо придвинула стулъ.

Печоринъ сѣлъ. Окинувъ взоромъ комнату и все въ ней находившееся, ему стало какъ-то неловко: еслибъ судьба неожиданно бросила его во дворецъ Персидскаго шаха, онъ бы скорѣе нашелся, нежели теперь.

Старушкѣ съ перваго взгляда можно было дать лѣтъ шестьдесятъ, хотя она въ самомъ дѣлѣ была моложе, но раннія печали сгорбили ея станъ, изсушили кожу, которая сдѣлалась похожа цвѣтомъ на старый пергаментъ. Синеватыя жилы рисовались по ея прозрачнымъ рукамъ, лицо ея было сморщено. Въ однихъ ея маленькихъ глазахъ, казалось, сосредоточились всѣ ея жизненныя силы, въ нихъ свѣтила необыкновенная доброжелательность и невозмутимое спокойствіе. Печоринъ, не зная какъ начать разговоръ, сталъ перелистывать книгу, лежавшую на столѣ. Онъ думалъ вовсе не о книгѣ, но странное заглавіе привлекло его вниманіе: *Легчайшій способъ быть всегда богатымъ и счастливымъ*. Сочиненіе Н. П. Москва, въ тип. И. Глазунова, цѣна 25 копѣекъ. Улыбка появилась на лицѣ Печорина. Эта книжка какъ пустой лотерейный билетъ была рѣзкое изображеніе мечтаній, обманутыхъ надеждъ, несбыточныхъ, тщетныхъ усилій представить себѣ въ лучшемъ видѣ печальную существенность. Старушка замѣтила его улыбку и сказала:

— Я просила сына моего, прочитавъ объявленіе въ газетахъ, чтобъ онъ мнѣ досталъ эту книжку, да въ ней ничего нѣтъ.

— Я думаю, возразилъ Печоринъ, — что никакая книга не можетъ выучить быть счастливымъ. О, еслибъ счастіе была наука — дѣло другое!

— Рузумѣется, возразила старуха, — утопающій за щепку хватается; мы не всегда были въ такомъ положеніи какъ теперь. Мужъ мой былъ польскій дворянинъ, служилъ въ русской службѣ. Вслѣдствіе долгой тяжбы онъ потерялъ бо́льшую часть своего имѣнія, а остатки разграблены были въ послѣднюю войну. Однакоже я надѣюсь скоро все поправится. Мой сынъ, — продолжала она съ нѣкоторою гордостію, — имѣетъ теперь очень хорошее мѣсто и хорошее жалованье.

Послѣ минутнаго молчанія она спросила:

— Вы, конечно, къ моему сыну по какому-нибудь дѣлу. Можетъ-быть вамъ скучно будетъ дожидаться, такъ неугодно ли сказать мнѣ, я ему передамъ.

— Мнѣ препоручилъ, отвѣчалъ Печоринъ,—князь Лиговскій попросить вашего сына, чтобъ онъ сдѣлалъ одолженіе заѣхать къ нему. У князя есть тяжба, которая теперь должна разсматриваться въ столѣ у г. Красинскаго. Я васъ попрошу передать ему адресъ князя. Вы меня очень одолжите, если уговорите вашего сына къ нему заѣхать хоть завтра вечеромъ: я тамъ буду.

Написавъ адресъ, Печоринъ раскланялся и подошелъ къ двери. Въ эту минуту дверь отворилась, и онъ вдругъ столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста. Они взглянули другъ на друга, глаза ихъ встрѣтились, и каждый сдѣлалъ шагъ назадъ. Враждебныя чувства изобразились на обоихъ лицахъ, удивленіе сковало ихъ уста. Наконецъ Печоринъ, чтобы выйти изъ этого страннаго положенія, сказалъ почти шопотомъ.

— Милостивый государь, вспомните, что я не зналъ, что вы господинъ Красинскій, иначе бы я не имѣлъ счастія встрѣтиться съ вами здѣсь. Ваша матушка объяснитъ вамъ причину моего посѣщенія.

Они разошлись не поклонившись. Печоринъ уѣхалъ. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что онъ въ Красинскомъ узналъ того самого чиновника, котораго нѣсколько дней назадъ едва не задавилъ и съ которымъ имѣлъ въ театрѣ исторію.

Между тѣмъ Красинскій, не менѣе пораженный этою встрѣчей, сѣлъ противъ своей матери на кресла, опустилъ голову на руку и глубоко задумался, когда мать передала ему порученіе Печорина, стараясь объяснить какъ выгодно было бы взяться за дѣла князя, и стала удивляться тому, что Печоринъ не объяснился самъ. Тогда Красинскій вдругъ вскочилъ со своего мѣста. Свѣтлая мысль озарила лицо его, и воскликнулъ ударивъ рукой по столу.—Да, я пойду къ этому князю! Потомъ онъ сталъ ходить по комнатѣ мѣрными шагами, дѣлая иногда безсвязныя восклицанія. Старушка, повидимому

привыкшая къ такимъ страннымъ выходкамъ, смотрѣла на него безъ удивленія. Наконецъ, онъ опять сѣлъ, вздохнулъ и посмотрѣлъ на мать съ такимъ видомъ, чтобъ только начать разговоръ. Она его угадала.

— Ну что̀, Станиславъ, сказала она,—скоро ли тебѣ выйдетъ награжденіе? у насъ денегъ осталось мало.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ отрывисто.

— Ты вѣрно не сумѣлъ угодить начальнику отдѣленія, продолжала она,—ну что̀ за бѣда, что онъ твоими руками жаръ загребаетъ; придетъ и твое время, а покамѣстъ, если не будешь искать въ людяхъ, и Богъ тебя не взыщетъ.

Горькое чувство изобразилось на прекрасномъ лицѣ Станислава. Онъ отвѣчалъ глухимъ голосомъ.

— Матушка, вы хотите, чтобы я пожертвовалъ для васъ даже характеромъ; пожалуй, послѣ всѣхъ жертвъ, которыя я принесъ вамъ, это будетъ капля воды въ морѣ.

Она подняла къ небу глаза полные слезъ, и молчаніе снова воцарилось. Станиславъ сталъ перелистывать книгу и вдругъ сказалъ не отрывая глазъ отъ параграфа гдѣ безыменный сочинитель доказывалъ, что дружба есть ключъ истиннаго счастія:

— Знаете ли, матушка, кто этотъ офицеръ, который былъ сегодня у насъ?

— Не знаю, а что̀?

— Мой смертельный врагъ, отвѣчалъ онъ.

Лицо старушки поблѣднѣло сколько могло, она всплеснула руками и воскликнула:

— Боже мой, чего же онъ отъ тебя хочетъ?

— Вѣроятно онъ мнѣ не желаетъ зла, но за то я имѣю сильную причину его ненавидѣть. Развѣ когда онъ сидѣлъ здѣсь противъ васъ, блистая золотыми эполетами, поглаживая бѣлый султанъ, развѣ вы не чувствовали, не догадались съ перваго взгляда, что я долженъ непремѣнно его ненавидѣть. О, повѣрьте, мы еще не разъ съ нимъ встрѣтимся на дорогѣ жизни и встрѣтимся не такъ холодно, какъ нынѣ. Да, я пойду къ этому князю,—какое-то тайное предчувствіе шепчетъ мнѣ, чтобы я повиновался указаніямъ судьбы.

Напрасны были всѣ старанія испуганной матери узнать при-

чину такой глубокой ненависти. Станиславъ не хотѣлъ разсказывать, какъ будто боялся, что причина ей покажется слишкомъ ничтожна. Какъ всѣ люди страстные и упорные, увлекаемые одною постоянною мыслію, онъ больше всѣхъ препятствій старался избѣгать убѣжденій разсудка, могущихъ отвлечь его отъ предположенной цѣли.

На другой день онъ одѣлся какъ можно лучше. Цѣлое утро онъ прилежно, можетъ-быть въ первый разъ отъ роду, разсматривалъ съ ногъ до головы департаментскихъ франтиковъ, чтобъ выучиться повязывать галстукъ и запомнить сколько пуговицъ у жилета надобно застегнуть, и пожертвовалъ четвертакъ Фаге, который безсовѣстно взбилъ его мягкія и волнистыя кудри въ жесткій и неуклюжій хохолъ. А когда пробило семь часовъ вечера, Красинскій отправился на Морскую, полный смутныхъ надеждъ и опасеній.

VIII.

У князя Лиговскаго были гости, кое-кто изъ родныхъ, когда Красинскій взошелъ въ лакейскую.

— Князь принимаетъ? спросилъ онъ, нерѣшительно взглядывая то на того, то на другого лакея.

— Мы не здѣшніе, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, даже не приподнявшись съ барской шубы.

— Нельзя ли, любезный, вызвать швейцара?..

— Онъ вѣрно сейчасъ самъ выдетъ, былъ отвѣтъ, — а намъ нельзя!

Наконецъ явился швейцаръ.

— Князь Лиговскій дома?

— Пожалуйте-съ.

— Доложи, что пришелъ Красинскій,—онъ меня знаетъ.

Швейцаръ отправился въ гостиную, и подойдя къ Степану Степановичу, сказалъ ему тихо:

— Господинъ Красинскій пріѣхалъ-съ, онъ говоритъ, что вы изволите его знать.

— Какой Красинскій? Что̀ ты врешь? воскликнулъ князь, важно прищурясь.

Печоринъ, прислушавшись въ чемъ дѣло, поспѣшилъ на помощь сконфуженному швейцару.

— Это тотъ самый чиновникъ, сказалъ онъ, у котораго ваше дѣло. Я къ нему нынче заѣзжалъ.

— А! очень обязанъ, отвѣчалъ Степанъ Степановичъ.

Онъ пошелъ въ кабинетъ и велѣлъ просить туда чиновника.

Мы не будемъ слушать ихъ скучныхъ толковъ о запутанномъ дѣлѣ и останемся въ гостиной. Двѣ старушки, какой-то камергеръ и молодой человѣкъ обыкновенной наружности играли въ вистъ. Княгиня Вѣра и другая молодая дама сидѣли на канапе возлѣ камина, слушая Печорина, который, придвинувъ свои кресла къ камину, гдѣ сверкали остатки каменныхъ угольевъ, разсказывалъ имъ одно изъ своихъ похожденій во время Польской кампаніи. Когда Степанъ Степановичъ ушелъ, онъ занялъ праздное мѣсто, чтобъ находиться ближе къ княгинѣ.

— Итакъ вамъ велѣли отправиться со взводомъ въ эту деревню... сказала молодая дама, [которую Вѣра называла кузиною], продолжая прерванный разговоръ.

— И я, какъ разумѣется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая, сказалъ Печоринъ,—мнѣ велѣно было отобрать у пана оружіе, если найдется, а его самого отправить въ главную квартиру... Я только что былъ произведенъ въ корнеты, и это была первая моя откомандировка. Къ разсвѣту мы увидали передъ собой деревню съ каменнымъ господскимъ домомъ, у околицы мои гусары поймали мужика и притащили ко мнѣ. Показанія его объ имени пана и о числѣ жителей были согласны съ моею инструкціей.—А есть ли у вашего пана жена или дочери? спросилъ я.—Есть, пане капитане.—А какъ ихъ зовутъ, графиню жену вашего Острожскаго?—Графиня Рожа. Должно быть красавица, подумалъ я наморщась.—Ну а дочки ея такія же рожи, какъ ихъ маменька?— Нѣтъ, пане капитане, старшая называется Амалія и меньшая Евелина. Это еще ничего не доказываетъ, подумалъ я. Графиня Рожа меня мучила, я продолжалъ разспросы:—А что сама графиня Рожа старуха?—Ни пане, ей всего тридцать три года.—Какое несчастье! Мы въѣхали въ деревню и скоро остановились у во-

ротъ замка. Я велѣлъ людямъ слѣзть и въ сопровожденіи унтеръ-офицера вошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ встрѣченъ самимъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ, какъ полотно. Я объявилъ ему мое порученіе. Разумѣется, онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ оружія, отдалъ мнѣ ключи ото всѣхъ своихъ кладовыхъ и между прочимъ предложилъ завтракать. Послѣ второй рюмки хереса, графъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и дочерей.—Помилуйте, отвѣчалъ я, — что за церемонія. Я признаться боялся, чтобы эта Рожа не испортила моего аппетита. Но графъ настаивалъ и повидимому сильно надѣялся на могущественное вліяніе своей Рожи. Я еще отнѣкивался, какъ вдругъ дверь отворилась и взошла женщина, высокая, стройная, въ черномъ платьѣ. Вообразите себѣ Польку и красавицу Польку, въ ту минуту какъ она хочетъ обворожить русскаго офицера. Это была сама графиня Розалія или Роза, по простонародному Рожа.

Эта случайная игра словъ показалась очень забавна двумъ дамамъ. Онѣ смѣялись.

— Я предчувствую, вы влюбились въ эту Рожу? воскликнула наконецъ молодая дама, которую княгиня Вѣра называла кузиной.

— Это случилось бы, отвѣчалъ Печоринъ,—еслибъ я уже не любилъ другую.

— Ого! постоянство, сказала молодая дама.—Знаете, что этою добродѣтелью не хвастаются?

— Во мнѣ это не добродѣтель, а хроническая болѣзнь.

— Вы однакоже вылѣчились?

— По крайней мѣрѣ лѣчусь, отвѣчалъ Печоринъ.

Княгиня на него быстро взглянула, на лицѣ ея изобразилось что-то похожее на удивленіе и радость. Потомъ вдругъ она сдѣлалась печальна. Этотъ быстрый переходъ чувствъ не ускользнулъ отъ вниманія Печорина. Онъ перемѣнилъ разговоръ. Анекдотъ остался недоконченнымъ и скоро былъ забытъ среди веселой и непринужденной бесѣды. Наконецъ подали чай и вошелъ князь, а за нимъ Красинскій. Князь отрекомендовалъ его женѣ и просилъ садиться. Взоры маленькаго кружка

обратились на него, и молчаніе воцарилось. Еслибъ князь былъ петербургскій житель, онъ бы задалъ ему завтракъ въ 500 р.; если имѣлъ въ немъ нужду, даже пригласилъ бы его къ себѣ на балъ, или на шумный раутъ потолкаться между раутнаго рода гостями, но ни за что̀ въ мірѣ не ввелъ бы въ свою гостиную запросто человѣка посторонняго и никакимъ образомъ не принадлежащаго къ высшему кругу. Но князь воспитывался въ Москвѣ, а Москва такая гостепріимная старушка. Княгиня изъ вѣжливости обратилась къ Красинскому съ нѣкоторыми вопросами. Онъ отвѣчалъ просто и коротко.

— Мы очень благодарны, сказала она наконецъ, — господину Печорину за то, что онъ доставилъ намъ случай съ вами познакомиться.

При этихъ словахъ Печоринъ и Красинскій невольно взглянули другъ на друга и послѣдній отвѣчалъ скоро:

— Я еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту неоцѣненную услугу.

По губамъ Печорина пробѣжала улыбка, которая могла бы выразиться слѣдующею фразой: «ого, нашъ чиновникъ пускается въ комплименты». Понялъ ли Красинскій эту улыбку, или же самъ испугался своей смѣлости, потому что вѣроятно это былъ его первый комплиментъ сказанный женщинѣ такъ высоко поставленной надъ нимъ обществомъ, не знаю, но онъ покраснѣлъ и продолжалъ неувѣреннымъ голосомъ.

— Повѣрьте, княгиня, что я никогда не забуду пріятныхъ минутъ, которыя позволили вы мнѣ провесть въ вашемъ обществѣ. Прошу васъ не сомнѣваться, я исполню все что̀ будетъ зависѣть отъ меня... и къ тому же ваше дѣло только запутано, но совершенно правое.

— Скажите, спросила его княгиня съ тѣмъ участіемъ, которое такъ похоже на обыкновенную вѣжливость, когда не знаютъ что̀ сказать незнакомому человѣку:—скажите, вы, я думаю, ужасно замучены дѣлами... Я воображаю эту скуку: съ утра до вечера писать и прочитывать длинныя и безсвязныя бумаги, — это нестерпимо: повѣрите ли, что мой мужъ каждый день въ продолженіи года толкуетъ и объясняетъ мнѣ наше дѣло, а я до сихъ поръ ничего еще не понимаю.

«Какой любезный и занимательный супругъ», подумалъ Печоринъ.

— Да и зачѣмъ вамъ, княгиня? сказалъ Красинскій: — Вашъ удѣлъ забавы, роскошь, а нашъ—трудъ и заботы; оно такъ и слѣдуетъ: еслибъ не мы, кто бы сталъ трудиться.

Наконецъ и этотъ разговоръ истощился. Красинскій всталъ, раскланялся... Когда онъ ушелъ, то кузина княгини замѣтила, что онъ вовсе не такъ неловокъ, какъ бы можно ожидать отъ чиновника и что онъ говоритъ вовсе не дурно. Княгиня прибавила: «et savez-vous, ma chère, qu'il est très bien!..» Печоринъ при этихъ словахъ сталъ превозносить до невозможности его ловкость и красоту: онъ увѣрялъ, что никогда не видывалъ такихъ темноголубыхъ глазъ ни у одного чиновника на свѣтѣ и увѣрялъ, что Красинскій, судя по его глубокимъ замѣчаніямъ, непремѣнно будетъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, если не останется вѣчно титулярнымъ совѣтникомъ. «Я непремѣнно узнаю, прибавилъ онъ очень серіозно, есть ли у него университетскій аттестатъ». Ему удалось разсмѣшить двухъ дамъ и обратить разговоръ на другіе предметы. Несмотря на то выраженіе княгини глубоко врѣзалось въ его памяти. Оно показалось ему упрекомъ, хотя случайнымъ, но тѣмъ не менѣе язвительнымъ. Онъ прежде самъ восхищался благородной красотою лица Красинскаго, но когда женщина, увлекавшая всѣ его думы и надежды обратила особенное вниманіе на эту красоту, онъ понялъ, что она невольно сдѣлала сравненіе для него убійственное и ему почти показалось, что онъ вторично потерялъ ее навѣки и съ этой минуты въ свою очередь возненавидѣлъ Красинскаго. Грустно, а надо признаться, что самая чистѣйшая любовь на-половину перемѣшана съ самолюбіемъ.

Увлекаясь самъ наружной красотою и обладая умомъ рѣзкимъ и проницательнымъ, Печоринъ умѣлъ смотрѣть на себя съ безпристрастіемъ и, какъ обыкновенно люди съ пылкимъ воображеніемъ, преувеличивалъ свои недостатки. Убѣдясь по собственному опыту какъ трудно влюбиться въ одни душевныя качества, онъ сдѣлался недовѣрчивъ и пріучился объяснять вниманіе или ласки женщинъ расчетомъ или случайностью.

Въ томъ, что казалось бы другому доказательствомъ нѣжнѣйшей любви, онъ пренебрежительно видѣлъ примѣты обманчивыя, неразборчиво слова сказанныя безъ намѣренія, взгляды, улыбки брошенныя на вѣтеръ, первому кто захочетъ ихъ поймать. Другой бы увалъ духомъ и уступилъ соперникамъ поле сраженія, но трудность борьбы увлекаетъ упорный характеръ, и Печоринъ далъ себѣ честное слово остаться побѣдителемъ. Слѣдуя системѣ своей и вооружась несноснымъ наружнымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ, онъ могъ бы разрушить лукавыя увертки самой искусной кокетки... Онъ зналъ аксіому, что поздно или рано слабые характеры покоряются сильнымъ и непреклоннымъ, слѣдуя какому-то закону природы, доселѣ необъясненному. Можно было навѣрное сказать, что онъ достигнетъ своей цѣли, если страсть, всемогущая страсть не разрушитъ какъ буря однимъ порывомъ высокіе подмостки его разсудка и стараній... но это *если*, это ужасное *если*, почти похоже на «если» Архимеда, который обѣщался приподнять земной шаръ, если ему дадутъ точку упора.

Толпа разныхъ мыслей осаждала умъ Печорина, такъ что подъ конецъ вечера онъ сдѣлался разсѣянъ и молчаливъ; князь Степанъ Степановичъ разсказывалъ длинную исторію, почерпнутую изъ семейныхъ преданій; дамы украдкою зѣвали.

— Отчего вы сдѣлались такъ печальны? спросила наконецъ у Печорина кузина Вѣры Дмитріевны.

— Причину даже совѣстно объявить, отвѣчалъ Печоринъ.

— Однакожъ!

— Зависть!

— Кому жъ вы завидуете, напримѣръ?

— Не мнѣ ли? сказалъ князь, тонко улыбаясь и не воображая важности этого вопроса. Печорину тотчасъ пришло въ мысль, что княгиня разсказала мужу прежнюю ихъ любовь, покаялась въ ней какъ въ дѣтскомъ заблужденіи. Если такъ, то все было кончено между ними, и Печоринъ непримѣтно могъ сдѣлаться предметомъ насмѣшки для супруговъ или жертвою коварнаго заговора. Я удивляюсь какъ это подозрѣніе не потревожило его прежде, но увѣряю васъ, что оно пришло ему въ голову именно теперь. Онъ обѣщалъ себѣ постараться

узнать, исповѣдывалась ли Вѣра своему мужу, и между тѣмъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, князь, не вамъ, хотя бы я могъ и всякій долженъ вамъ завидовать, но, признаюсь, я бы желалъ имѣть счастливый даръ этого Красинскаго — нравиться всѣмъ съ перваго взгляда.

— Повѣрьте, отвѣчала княгиня, — кто скоро нравится, о томъ скоро и забываютъ.

— Боже мой! что̀ на свѣтѣ не забывается? и если считать ни во что̀ минутный успѣхъ, то гдѣ же счастіе? Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочнаго богатства, — глядишь, смерть, болѣзнь, пожаръ, потопъ, война, миръ, соперникъ, перемѣна общаго мнѣнія — и всѣ труды пропали!.. А забвенье? забвенье равно неумолимо къ минутамъ и столѣтіямъ. Еслибъ меня спросили, чего я хочу, — минуту полнаго блаженства или годы двусмысленнаго счастія, я бы скорѣй рѣшился сосредоточить всѣ свои чувства и страсти на одно божественное мгновеніе, и потомъ страдать сколько угодно, чѣмъ мало-по-малу растягивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки или печали.

— Я во всемъ съ вами согласна, кромѣ того, что все на свѣтѣ забывается. Есть вещи, которыхъ забыть невозможно, особенно горести, сказала княгиня.

Ея милое лицо приняло какой-то полухолодный, полугрустный видъ, и что-то похожее на слезу пробѣжало, блистая вдоль по длиннымъ ея рѣсницамъ, какъ капля дождя, забытая бурей на листкѣ березы, трепеща перекатывается по его краямъ, покуда новый порывъ вѣтра не умчитъ ее Богъ знаетъ куда.

Печоринъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Увы! онъ не могъ ничѣмъ объяснить этотъ странный припадокъ грусти. Онъ такъ давно разлученъ былъ съ нею, и съ тѣхъ поръ онъ не зналъ ни одной подробности ея жизни. Даже очень вѣроятно, что чувства Вѣры въ эти минуты относились вовсе не къ нему: мало ли могло быть у ней обожателей послѣ его отъѣзда въ армію. Можетъ-быть и ей измѣнилъ который-нибудь изъ нихъ, — какъ знать!

Кто объяснитъ, кто растолкуетъ
Очей двусмысленный языкъ...

Когда онъ всталъ, чтобъ уѣзжать, княгиня его спросила, будетъ ли онъ послѣ завтра на балѣ у баронессы Р., ея родственницы.

— Мнѣ досадно, что баронесса такъ убѣдительно насъ звала, прибавила она; — я почти вовсе не знаю здѣшняго круга и увѣрена, что мнѣ тамъ будетъ скучно.

Печоринъ отвѣчалъ, что онъ еще не званъ.

«Теперь я понимаю, подумалъ онъ садясь въ сани, ей хочется имѣть на этомъ балѣ знакомаго кавалера... Дай Богъ, чтобъ меня не звали: тамъ вѣрно будетъ Лиза Негурова. Ахъ, Боже мой! да кажется они съ Вѣрой давнишнія знакомыя... О! но если она осмѣлится...» Тутъ сани его остановились и мысли также. Войдя къ себѣ въ кабинетъ, онъ нашелъ въ столѣ пригласительный билетъ отъ баронессы...

IX.

Баронесса Р** была русская, но замужемъ за курляндскимъ барономъ, который какимъ-то образомъ сдѣлался ужасно богатъ. Она жила на Милліонной въ самомъ центрѣ высшаго круга. Съ 11 часовъ вечера кареты одна за одною, стали подъѣзжать къ ярко освѣщенному ея подъѣзду. По обѣимъ сторонамъ крыльца тѣснились на тротуарѣ прохожіе, остановленные любопытствомъ, съ опасностью быть раздавленными. Въ числѣ ихъ былъ Красинскій. Прижавшись къ стѣнѣ онъ съ завистью смотрѣлъ на разныхъ господъ со звѣздами и крестами, которыхъ длинные лакеи осторожно вытаскивали изъ кареты, на молодыхъ людей небрежно выскакивавшихъ изъ саней на гранитныя ступени, и множество мыслей тѣснилось въ головѣ его. «Чѣмъ я хуже ихъ? думалъ онъ. Эти лица, блѣдныя, истощенныя, искривленныя мелкими страстями, ужели нравятся женщинамъ, которыя имѣютъ право и возможность выбирать? Деньги, деньги и однѣ деньги, на что имъ красота, умъ и сердце? О, я буду богатъ непремѣнно, во что бы то ни стало, и тогда заставлю эти общества отдать мнѣ должную справедливость».

Бѣдный, невинный чиновникъ! Онъ не зналъ, что для этого общества, кромѣ кучи золота нужно имя украшенное историческими воспоминаніями [какія бы они ни были], имя столь уже знакомое лакейскимъ, чтобъ швейцаръ его не исковеркалъ и чтобы въ случаѣ, когда его произнесутъ, какая-нибудь важная дама, законодательница и судія гостиныхъ, спросила бы: который это? не родня ли онъ князю В. или графу К.? Итакъ Красинскій стоялъ у подъѣзда закутанный въ шинель. Вотъ подъѣхала карета, изъ нея вышла дама. При блескѣ фонарей бриліанты ярко сверкали между ея локонами, за нею вылѣзъ изъ кареты мужчина въ медвѣжьей шубѣ. Это былъ князь Лиговскій съ княгиней. Красинскій поспѣшно высунулся изъ толпы зѣвакъ, снялъ шляпу и почтительно поклонился, какъ знакомымъ, но увы! его не замѣтили, или не узнали, что̀ еще вѣроятнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, женщинѣ, видѣвшей его одинъ только разъ и готовой предстать на грозный судъ лучшаго общества, и пожилому мужу, слѣдующему на балъ за хорошенькою женой, право, не до толпы любопытныхъ зѣвакъ, мерзнущихъ у подъѣзда. Но Красинскій приписалъ гордости и умышленному небреженію, вещь чрезвычайно простую и случайную, и съ этой минуты тайная непріязнь къ княгинѣ зародилась въ его подозрительномъ сердцѣ. «Хорошо, подумалъ онъ удаляясь, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ», — жалкая поговорка мелочной ненависти.

Между тѣмъ въ залѣ уже гремѣла музыка, и балъ начиналъ оживляться. Тутъ было все, что̀ есть лучшаго въ Петербургѣ: два посланника, съ ихъ заморскою свитой, составленною изъ людей говорящихъ очень хорошо по-французски (что впрочемъ вовсе неудивительно) и поэтому возбуждавшихъ глубокое участіе въ нашихъ красавицахъ; нѣсколько генераловъ и государственныхъ людей; одинъ англійскій лордъ, путешествующій изъ экономіи и поэтому не почитающій за нужное ни говорить, ни смотрѣть. За то его супруга, благородная леди, принадлежавшая къ классу bleu-stockings и нѣкогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверыхъ и смотрѣла въ четыре глаза, если считать стекла двойного лорнета, въ кото-

рыхъ было не менѣе выразительности чѣмъ въ ея собственныхъ глазахъ. Тутъ было пять или шесть нашихъ доморощенныхъ дипломатовъ, путешествовавшихъ на свой счетъ не далѣе Ревеля и утверждавшихъ рѣзко, что Россія государство совершенно европейское, и что они знаютъ ее вдоль и поперекъ, потому что бывали нѣсколько разъ въ Царскомъ селѣ и даже въ Парголовѣ. Они гордо посматривали изъ-за накрахмаленныхъ галстуковъ на военную молодежь, повидимому такъ безпечно и необдуманно преданную удовольствію. Они были увѣрены, что эти люди, затянутые въ вышитый золотомъ мундиръ, неспособны ни къ чему, кромѣ машинальныхъ занятій службы. Тутъ могли бы вы также встрѣтить нѣсколько молодыхъ и розовыхъ юношей, военныхъ съ тупеями, штатскихъ причесанныхъ à la Russe, скромныхъ подобно наперсникамъ классической трагедіи, недавно представленныхъ высшему обществу какимъ-нибудь знатнымъ родственникомъ. Не успѣвъ познакомиться съ большею частію дамъ, и страшась, приглашая незнакомую на кадриль или мазурку, встрѣтить одинъ изъ тѣхъ ледяныхъ ужасныхъ взглядовъ, отъ которыхъ переворачивается сердце какъ у больного при видѣ черной микстуры, они робкою толпою зрителей окружали блестящія кадрили и ѣли мороженое, ужасно ѣли мороженое. Исключительно танцующіе кавалеры могли раздѣлиться на два разряда. Одни добросовѣстно не жалѣли ни ногъ ни языка, танцовали безъ устали, садились на край стула, обратившись лицомъ къ своей дамѣ, улыбались и кидали значительные взгляды при каждомъ словѣ, короче, исполняли свою обязанность какъ нельзя лучше. Другіе, люди среднихъ лѣтъ, чиновные, заслуженные ветераны общества, съ важною осанкой и гордымъ выраженіемъ лица скользили небрежно по паркету, какъ бы изъ милости или снисхожденія къ хозяйкѣ, и говорили только съ дамою своего vis-a-vis, когда встрѣчались съ нею, дѣлая фигуру.

Но за то дамы... о, дамы были истиннымъ украшеніемъ этого бала, какъ и всѣхъ возможныхъ баловъ!.. Сколько блестящихъ глазъ и брилліантовъ, сколько розовыхъ устъ и розовыхъ лентъ... чудеса природы, и чудеса модной лавки... Вол-

шебныя маленькія ножки и чудно узкіе башмаки, бѣломраморныя плечи и лучшія французскія бѣлила, звучныя фразы, заимствованныя изъ моднаго романа, брилліанты, взятые на прокатъ изъ лавки... Я не знаю, но въ моихъ понятіяхъ женщина на балѣ составляетъ со своимъ нарядомъ нѣчто цѣлое, нераздѣльное, особенное. Женщина на балѣ совсѣмъ не то чтó женщина въ своемъ кабинетѣ. Судить о душѣ и умѣ женщины, протанцовавъ съ нею мазурку, все равно что судить о мнѣніи и чувствахъ журналиста, прочитавъ одну его статью.

У двери, ведущей изъ залы въ гостиную, сидѣли двѣ зрѣлыя дѣвы, вооруженныя лорнетами и разговаривающія съ двумя писателями, молодыми людьми не танцующими. Одна изъ нихъ была Лизавета Николаевна. Пунцовое платье придавало ея блѣднымъ чертамъ немного болѣе жизни и вообще она была къ лицу одѣта. Въ надеждѣ на это преимущество, она довольно холодно отвѣтила на вѣжливый поклонъ Печорина, когда тотъ подошелъ къ ней. (Надобно замѣтить, между прочимъ, что дама, дурно одѣтая, обыкновенно гораздо любезнѣе и снисходительнѣе—это впрочемъ вовсе не значитъ, что онѣ должны дурно одѣваться). Печоринъ сталъ возлѣ Лизаветы Николаевны, ожидая чтобы она начала разговоръ, и разсѣянно смотрѣлъ на танцующихъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ, и наконецъ она принуждена была сорвать со своихъ устъ печать молчанія.

— Отъ чего вы не танцуете? спросила она его.

— Я всегда и вездѣ слѣдую вашему примѣру.

— Развѣ съ нынѣшняго дня.

— Чтожъ, лучше поздно чѣмъ никогда. Не правда ли?

— Иногда бываетъ слишкомъ поздно.

— Боже мой! какое трагическое выраженіе!

Лизавета Николаевна чуть-чуть не оскорбилась, но старалась улыбнуться и отвѣчала:

— Я съ нѣкоторыхъ поръ перестала удивляться вашему поведенію; для другихъ бы оно показалось очень дерзко, для меня очень натурально. О, я васъ теперь очень хорошо знаю.

— А нельзя ль узнать кто такъ искусно объяснилъ вамъ мой характеръ?

— О, это тайна, сказала она, взглянувъ на него пристально, и прижавъ къ губамъ свой вѣеръ.

Онъ наклонился и съ притворною нѣжностію шепнулъ ей на ухо:

— Одну тайну вашего сердца вы мнѣ давно уже повѣрили, ужели другая важнѣе первой?

Она покраснѣла при всей своей неспособности краснѣть, но не отъ стыда, не отъ воспоминанія, не отъ досады; невольное удовольствіе, тайная надежда завлечь снова непостояннаго поклонника, выйти замужъ или хотя отомстить со временемъ по-своему, по-женски, промелькнуло въ ея душѣ. Женщины никогда не отказываются отъ такихъ надеждъ, когда представляется какая-нибудь возможность достигнуть цѣли и отъ такихъ удовольствій, когда цѣль достигнута.

Принявъ тотчасъ серіозный, печальный видъ, она отвѣчала съ разстановкой.

— Вы мнѣ напоминаете вещи, о которыхъ я хочу забыть.

— Но еще не забыли? сказалъ онъ съ нѣжностію.

— О, не продолжайте, — я ничему не повѣрю болѣе, вы мнѣ дали такой урокъ....

— Я?

Въ этомъ *я* было больше удивленія, чѣмъ въ пяти восклицательныхъ знакахъ, поставленныхъ рядомъ. Потомъ Печоринъ задумался.

— Да, сказалъ онъ, — теперь я начинаю понимать! кто-нибудь меня оклеветалъ предъ вами, у меня столько враговъ и особенно друзей; теперь понимаю, отчего намедни, когда я заѣзжалъ къ вамъ — это было поутру, и я знаю, что у васъ были гости, но меня не приняли. О, конечно я самъ не буду искать вторично такого оскорбленія.

— Но вы не знаете, что̀ этому причиной, сказала поспѣшно Лизавета Николаевна, — я получила письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ...

— Въ которомъ меня хвалятъ и толкуютъ мои поступки

въ самую лучшую сторону, отвѣчалъ горько улыбаясь Печоринъ.—О, я догадываюсь, кто мнѣ оказалъ эту услугу. Однакожъ прошу васъ вѣрьте, вѣрьте всему, что̀ тамъ написано, какъ вы вѣрили до сей минуты.

Онъ засмѣялся и хотѣлъ отойти прочь.

— Но если я не вѣрю? воскликнула испугавшись Лизавета Николаевна.

— Напрасно, всегда выгоднѣе вѣрить дурному, чѣмъ хорошему... одинъ противъ двадцати что...

Онъ не кончилъ фразы, глаза его устремились на другую дверь залы, гдѣ произошло небольшое движеніе. Глаза Лизаветы Николаевны боязливо обратились въ ту же сторону.

Сквозь толпу приближалась къ гостиной княгиня Лиговская и за нею князь Степанъ Степановичъ.

Она была одѣта со вкусомъ, только строгіе законодатели моды могли бы замѣтить съ важностію, что на ней было слишкомъ много брилліантовъ. Она медленно подвигалась сквозь толпу, небрежно раздавшуюся передъ нею. Ни одно привѣтствіе не удерживало ее на пути, и сто любопытныхъ глазъ, озиравшихъ съ головы до ногъ незнакомую красавицу, вызвали краску на нѣжныя щеки ея; глаза покрылись какою-то электрической влагой, грудь неровно подымалась, и можно было догадаться по выраженію лица, что настала минута, для нея мучительная. Она была похожа на неизвѣстнаго оратора, всходящаго въ первый разъ по ступенямъ каѳедры. Отъ этого бала зависѣлъ успѣхъ ея въ модномъ свѣтѣ... Некстати пришитый бантъ, не на мѣстѣ приколотый цвѣтокъ могъ навсегда разрушить ея будущность.... И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли женщина надѣяться на успѣхъ, можетъ ли она нравиться нашимъ франтамъ, если съ перваго взгляда скажутъ: elle a l'air bourgeoise...это выраженіе, такъ некстати вкравшееся въ наше чисто дворянское общество имѣетъ однакоже ужасную власть надъ умами и отнимаетъ всѣ права у красоты и любезности. «вкусъ, батюшка, отмѣнная манера».

Когда княгиня поровнялась съ Печоринымъ, то едва отвѣчала легкимъ наклоненіемъ головы и мимолетною улыбкой на

его поклонъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она отвернулась. Глаза ея беспокойно бѣгали кругомъ, стараясь открыть хоть еще одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николаевну... Узнавъ другъ друга, соперницы очень ласково обмѣнялись привѣтствіями.... Потомъ кто-то еще высунулся изъ толпы мущинъ и съ радостнымъ видомъ сталъ спрашивать, когда она изъ Москвы и проч. Она постепенно дѣлалась привѣтливѣй, такъ что можно почти держать пари, что еслибъ она встрѣтила здѣсь 99 знакомыхъ, то девяносто девятый остался бы въ счастливомъ убѣжденіи, что однимъ взглядомъ побѣдилъ ея сердце... Только что княгиня и князь прошли въ гостиную, Лизавета Николаевна тотчасъ обратилась къ Печорину, чтобъ возобновить прерванный разговоръ, но онъ былъ такъ блѣденъ, такъ неподвиженъ, что ей стало страшно.

— Появленіе этой дамы, сказала она наконецъ ему,—сдѣлало на васъ очень странное впечатлѣніе!.. Вы давно ее знаете?

— Съ дѣтства! отвѣчалъ Печоринъ.

— Я также ее когда-то знала... за кѣмъ она замужемъ?

Печоринъ сказалъ.

— Какъ! неужели этотъ господинъ, который за нею шелъ такъ смиренно, ея мужъ?... Еслибъ я ихъ встрѣтила на улицѣ, то приняла бы его за лакея. Я думаю, она дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ.

— По крайней мѣрѣ все, что̀ можно изъ него сдѣлать...

— Однако она счастлива.

— Развѣ вы не замѣтили сколько на ней брилліантовъ.

— Богатство не есть счастіе!..

— Все-таки оно ближе къ нему, нежели бѣдность. Нѣтъ ничего безвкуснѣе, какъ быть довольною своею судьбою, въ скромной хижинѣ... за чашкою грешневой каши.

— Кто жь вамъ говоритъ о бѣдности? Вездѣ надо умѣть выбирать середину...

— Я вамъ желаю мужа, который бы такъ думалъ.

Онъ отошелъ. Кадрили кончились, музыка замолкла. Въ широкой залѣ раздавался смѣшанный говоръ тонкихъ и толстыхъ голосовъ, шарканья сапогъ и башмачковъ. Составились груп-

пы. Дамы пошли въ другія комнаты подышать свѣжимъ воздухомъ, пересказать другъ другу свои замѣчанія, немногіе кавалеры за ними послѣдовали, не замѣчая, что они лишніе и что отъ нихъ стараются отдѣлаться. Княгиня пришла въ залу и сѣла возлѣ Негуровой. Онѣ возобновили старое знакомство, и между ними завязался незначительный разговоръ...

[*Герой нашего времени* былъ писанъ въ промежутокъ отъ 1838 до 1841 года п. ч. въ этотъ, годъ смерти своей поэтъ пересмотрѣлъ рукопись и написалъ предисловіе ко 2-му изданію.—Кажется, что ранѣе 1838 года Лермонтовъ не трудился надъ знаменитыми своими повѣстями, хотя могъ ихъ задумать еще въ 1837 году на Кавказѣ. Печатать началъ онъ только въ 1839 году. Рукопись нѣкоторыхъ повѣстей, вошедшихъ въ знаменитый «романъ» Лермонтова, находится въ Имп. публ. библ. На заглавномъ листѣ написано: «*Одинъ изъ героевъ нашего вѣка*». То, что теперь извѣстно подъ названіемъ: «Максимъ Максимовичъ», именовалось сперва: «Изъ записокъ офицера». Тутъ же римскими цыфрами поставлено II. Первой повѣсти: «Бэла» нѣтъ [«Тамани» тоже]. Подъ № III помѣщенъ «Фаталистъ» и затѣмъ уже «Княжна Мери». Рукопись и значительнѣйшіе варіанты были мною напечатаны въ Русской старинѣ 1878 г томъ XXIII, стран. 361. и затѣмъ, безъ указанія, откуда взято, съ пропусками, сдѣланными типографіею въ моемъ текстѣ, перепечатывалось во всѣ изданія, начиная съ 1880 года, какъ примѣчанія къ тексту. Самый же текстъ Героя Нашего Времени былъ г. Ефремовымъ тщательно пересмотрѣнъ для изд. соч. 1873 года по изданію 1841. Теперь это было сдѣлано еще разъ и исправленій пришлось сдѣлать не много].

Герой нашего времени.

(1838—1841).

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-МУ ИЗДАНІЮ.

Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь. Оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ дѣла нѣтъ до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ; особенно у насъ! Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чув-

ствуетъ ироніи; она, просто, дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое, и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной, нѣжнѣйшей дружбы.

Эта книга испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ «Герой Нашего Времени»; другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ уже сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности *.

* Въ черновомъ спискѣ здѣсь находилось еще слѣдующее, въ печати опущенное: «Мы жалуемся только на недоразумѣніе публики, не на журналы; они, почти всѣ, были болѣе нежели благосклонны къ этой книгѣ; всѣ, кромѣ одного, который упрямо смѣшивалъ имя сочинителя съ именемъ героя его повѣсти, вѣроятно надѣясь, что этого никто не замѣтитъ; но хотя ничтожность этого журнала и служитъ ему достаточной защитой, однако, все-таки должно признаться, что, прочитавъ пустую и непристойную брань, на душѣ остается непріятное чувство, какъ послѣ встрѣчи съ пьянымъ на улицѣ». Все это печаталось въ послѣднихъ изданіяхъ сочин. Лермонтова. Но всегда съ большими искаженіями смысла. Издатели не давали себѣ труда свѣрять печатаемое съ оригиналомъ.—Предположеніе, что Лермонтовъ, говоря о ничтожномъ журналѣ, имѣлъ въ виду Библіотеку для чтенія и редактора его, Сенковскаго [барона Брамбеуса]—неосновательно. Сенковскій принялъ романъ съ симпатіею и только позднѣе, по смерти поэта, разразился бранью. Поэтъ, очевидно, имѣлъ въ виду извѣстнаго въ то время редактора журнала «Маякъ»—Бурачка, который [«Маякъ» 1840 г. ч. IV, стр. 210—269] напалъ на произведеніе съ яростью и злословіемъ. Вѣроятно Лермонтовъ выпустилъ это мѣсто писанное по адресу г. Бурачка, считая его недостойнымъ своего вниманія.

«Герой Нашего Времени», милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями: у нихъ отъ этого испортился желудокъ; нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему, просто, было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить—это ужъ Богъ знаетъ!—[1841].

I.

БЭЛА.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую Долину. Осетинъ-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣн-

чанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко, высоко, золотая бахрома снѣговъ; а внизу Арагва, обнявшись съ другой безыменной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица—а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.- Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ, отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ; ужасныя бестіи эти азіаты? Вы думаете они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?.. Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю; меня не проведутъ!

— А вы давно здѣсь служите?

— Да я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ,* отвѣчалъ онъ, пріосанившись. — Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ, — прибавилъ онъ, — и при нѐмъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

— А теперь вы?...

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?...

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча итти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались. — Вѣдь этакой народъ! — сказалъ онъ: — и хлѣба по русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку?» Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и

* Ермоловѣ.

впереди насъ темносинія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно: мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни, кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

— Завтра будетъ славная погода!—сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

— Что жъ это?—спросилъ я.

— Гутъ-Гора.

— Ну, такъ что жъ?

— Посмотрите какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-Гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Уже мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать,—сказалъ онъ съ досадою:—въ такую метель черезъ горы не переѣдешь. Что? Были ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извозчика.

— Не было, господинъ,—отвѣчалъ осетинъ-извозчикъ:—а виситъ много, много.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мной былъ чугунный чайникъ—единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и на-

ткнулся на корову [хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую]. Я не зналъ куда дѣваться: тутъ блеютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе на подобіе двери. Тутъ открылась картина, довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По серединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать! мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

— Жалкіе люди! — сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! — отвѣчалъ онъ. — Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы, или чеченцы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки; а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода—знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли эти намъ головорѣзы. Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!...

— А, чай много съ вами бывало приключеній? — сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало.

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую-нибудь исторійку—желаніе, свойственное всѣмъ путешеству-

ющимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя: «да!..бывало!» Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ: *здравствуйте* [потому что фельдфебель говоритъ *здравія желаю*]. А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

— Не хотите ли подбавить рому?— сказалъ я моему собесѣднику:—у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ навеселѣ, да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы,—продолжалъ онъ:—какъ напьются бузы на свадьбѣ, или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирного князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?

— Вотъ... [онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать], вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой—этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій; на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. «Вы, вѣрно», спросилъ

я его, «переведены сюда изъ Россіи?»—Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ. Я взялъ его за руку и сказалъ: «Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить попріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ и пожалуйста—къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ.» Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

— А какъ его звали?—спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали.. Григоріемъ Александровичемъ *Печоринымъ*.. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ — а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнётъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха... Да-съ, съ большими странностями, и должно быть богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

— А долго онъ съ вами жилъ?—спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ!.. Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

— Необыкновенныя?—воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чаю.

— А вотъ я вамъ разскажу. Верстъ шесть отъ крѣпости жилъ одинъ мирной князь. Сынишко его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить: всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ. И ужъ точно избаловали мы его съ Григоріемъ Александровичемъ. А ужъ какой былъ головорѣзъ, проворный на что хочешь; шапку ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья ли стрѣлять. Одно было въ немъ нехорошо: ужасно падокъ былъ на деньги. Разъ, для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ ему украдетъ

лучшаго козла изъ отцовскагостада; и что жъ вы думаете? на другую же ночь притащилъ его за рога. А, бывало, мы его вздумаемъ дразнить, такъ глаза кровью и нальются, и сейчасъ за кинжалъ. «Эй, Азаматъ, не сносить тебѣ головы», говорилъ я ему: «яманъ будетъ твоя башка!»

— Разъ, пріѣзжаетъ самъ старый князь звать насъ на свадьбу: онъ отдавалъ старшую дочь замужъ, а мы были съ нимъ кунаки: такъ нельзя же, знаете, отказаться, хоть онъ и татаринъ. Отправились. Въ аулѣ множество собакъ встрѣтило насъ громкимъ лаемъ. Женщины, увидя насъ, прятались; тѣ, которыхъ мы могли разсмотрѣть въ лицо, были далеко не красавицы. «Я имѣлъ гораздо лучшее мнѣніе о черкешенкахъ», сказалъ мнѣ Григорій Александровичъ.—Погодите! отвѣчалъ я, усмѣхаясь. У меня было свое на умѣ.

— У князя въ саклѣ собралось уже множество народа. У азіатовъ, знаете, обычай всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ приглашать на свадьбу. Насъ приняли со всѣми почестями и повели въ кунацкую. Я, однако жъ, не позабылъ подмѣтить, гдѣ поставили нашихъ лошадей, знаете, для непредвидимаго случая.

— Какъ же у нихъ празднуютъ свадьбу? — спросилъ я штабсъ-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитаетъ имъ что-то изъ корана; потомъ дарятъ молодыхъ и всѣхъ ихъ родственниковъ; ѣдятъ, пьютъ бузу, потомъ начинается джигитовка и всегда одинъ какой-нибудь оборвышъ, засаленный, на скверной хромой лошадёнкѣ, ломается, паясничаетъ, смѣшитъ честную компанію; потомъ, когда смеркнется, въ кунацкой начинается, по нашему сказать, балъ. Бѣдный старичишка бренчитъ на трехструнной... забылъ какъ по ихнему... ну, да въ родѣ нашей балалайки. Дѣвки и молодые ребята становятся въ двѣ шеренги, одна противъ другой, хлопаютъ въ ладоши и поютъ. Вотъ выходитъ одна дѣвка и одинъ мужчина на середину, и начинаютъ говорить другъ другу стихи нараспѣвъ, что́ попало, а остальные подхватываютъ хоромъ. Мы съ Печоринымъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ и вотъ къ нему подошла меньшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему... какъ бы сказать, въ родѣ комплимента?...

— А что жъ такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду». Печоринъ всталъ, поклонился ей, приложилъ руку ко лбу и сердцу, и просилъ меня отвѣчать ей; я хорошо знаю по-ихнему, и перевелъ его отвѣтъ.

— Когда она отъ насъ отошла, тогда я шепнулъ Григорію Александровичу: ну что, какова?—Прелесть! отвѣчалъ онъ; а какъ ее зовутъ?—Ее зовутъ Бэлою, отвѣчалъ я.

— И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали къ вамъ въ душу. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не одинъ Печоринъ любовался хорошенькой княжной: изъ угла комнаты на нее смотрѣли другіе два глаза, неподвижные, огненные. Я сталъ вглядываться, и узналъ моего стараго знакомца Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирнóй, не то, чтобъ немирнóй. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: чтó запроситъ, давай,—хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья; маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ—и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги—струнки, и глаза не хуже чѣмъ у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена—какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!...

— Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда-

нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга. —«Не даромъ на немъ эта кольчуга», подумалъ я: «ужъ онъ вѣрно что-нибудь замышляетъ».

— Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

— Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотрѣть, есть ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая: *якши тхе, чекъ якши!*

— Пробираюсь вдоль забора, и вдругъ слышу голосà; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. «О чемъ они тутъ толкуютъ?» подумалъ я: «ужъ не о моей ли лошадкѣ?» Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

— Славная у тебя лошадь! говорилъ Азаматъ: если бъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!

— А! Казбичъ!—подумалъ я, и вспомнилъ кольчугу.

— Да, отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія: въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ—это было за Терекомъ—я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось, и мы разсыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица нырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться—и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я уже слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по

слѣдамъ... Вдругъ передо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался—и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не спустился меня искать: они вѣрно думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу—смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаетъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагёзъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Черезъ нѣсколько мгновеній поднимаю ихъ —и вижу, мой Карагёзъ летитъ, развивая хвостъ, вольный какъ вѣтеръ: а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагёза, это былъ онъ, мой товарищъ!... Съ тѣхъ поръ мы не разлучались.

— И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названья.

— Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, сказалъ Азаматъ: то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагёза.

— Йокъ, не хочу, отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

— Послушай, Казбичъ, говорилъ, ласкаясь къ нему Азаматъ: — ты добрый человѣкъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы: отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю все, что̀ ты хочешь; украду для тебя у отца лучшую винтовку, или шашку, что̀ только пожелаешь—а шашка его настоящая гурда: приложи лезвеемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется; а кольчуга такая, какъ твоя, ни почемъ.

— Казбичъ молчалъ.

— Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ твоего коня, продол-

жалъ Азаматъ, когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что-то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостылѣло: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся воронóй скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ непродашь его! — сказалъ Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

— Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчишка, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ и помоложе.

— Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что-то въ родѣ смѣха.

— Послушай, сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ: видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ—чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Хочешь? Дождись меня завтра ночью, тамъ, въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ потокъ: я пойду съ нею мимо въ сосѣдній аулъ—и она твоя. Неужли не стóитъ Бэла твоего скакуна?

— Долго, долго молчалъ Казбичъ; наконецъ, вмѣсто отвѣта, онъ затянулъ старинную пѣсню вполголоса *:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ихъ—завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ;
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

* Я прошу прощенія у читателей въ томъ, что переложилъ въ стихи пѣсню Казбича, переданную мнѣ, разумѣется, прозой; но привычка—вторая натура. М. Л.

— Напрасно упрашивалъ его Азаматъ согласиться, и плакалъ, и льстилъ ему, и клялся; наконецъ Казбичъ нетерпѣливо прервалъ его:

— Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ? На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ объ камни.

— Меня! крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло объ кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь и онъ ударился объ плетень такъ, что плетень зашатался. Будетъ потѣха! подумалъ я, кинулся въ конюшню, взнуздалъ лошадей нашихъ и вывелъ ихъ на задній дворъ. Черезъ двѣ минуты ужъ въ саклѣ былъ ужасный гвалтъ. Вотъ что случилось: Азаматъ вбѣжалъ туда въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Всѣ выскочили, схватились за ружья—и пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы; только Казбичъ ужъ былъ верхомъ и вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ бѣсъ, отмахиваясь шашкой.—Плохое дѣло—въ чужомъ пиру похмѣлье,—сказалъ я Григорію Александровичу, поймавъ его за руку:—не лучше ли намъ поскорѣй убраться?

— Да погодите, чѣмъ кончится.

— Да ужъ, вѣрно, кончится худо; у этихъ азіатовъ все такъ: натянулись бузы—и пошла рѣзня!—Мы сѣли верхомъ и ускакали домой.

— А что Казбичъ?—спросилъ я нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

— Да что этому народу дѣлается!—отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чая—вѣдь ускользнулъ!

— И не раненъ?—спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ? Живущи разбойники! Видалъ я-съ иныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ: вѣдь весь исколотъ, какъ рѣшето, штыками, а все махаетъ шашкой.—Штабсъ-капитанъ послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ, топнувъ ногою о землю:

— Никогда себѣ не прощу одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся—такой хитрый!—а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? Разскажите, пожалуйста.

— Ну, ужъ нѐчего дѣлать! началъ разсказывать, такъ надо продолжать.

— Дня черезъ четыре пріѣзжаетъ Азаматъ въ крѣпость. По обыкновенію, онъ зашелъ къ Григорію Александровичу, который его всегда кормилъ лакомствами. Я былъ тутъ. Зашелъ разговоръ о лошадяхъ, и Печоринъ началъ расхваливать лошадь Казбича: ужъ такая-то она рѣзвая, красивая, словно серна—ну, просто, по его словамъ, этакой и въ цѣломъ мірѣ нѣтъ..

— Засверкали глазёнки у татарченка, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; я заговорю о другомъ, а онъ, смотришь, тотчасъ собьетъ разговоръ на лошадь Казбича. Эта исторія продолжалась всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Азаматъ. Недѣли три спустя, сталъ я замѣчать, что Азаматъ блѣднѣетъ и сохнетъ, какъ бываетъ отъ любви въ романахъ-съ. Чтó за диво?

— Вотъ видите, я ужъ послѣ узналъ всю эту штуку: Григорій Александровичъ до того его задразнилъ, что хоть въ воду. Разъ, онъ ему и скажи:—Вижу, Азаматъ, что тебѣ больно понравилась эта лошадь, а не видать тебѣ ея, какъ своего затылка! Ну, скажи, чтò бы ты далъ тому, кто тебѣ ее подарилъ бы?...

— Все, что онъ захочетъ, отвѣчалъ Азаматъ.

— Въ такомъ случаѣ я тебѣ ее достану, только съ условіемъ... Поклянись, что ты его исполнишь...

— Клянусь... Клянись и ты!

— Хорошо! Клянусь, ты будешь владѣть конемъ; только за него ты долженъ отдать мнѣ сестру Бэлу: Карагёзъ будетъ ея калымомъ. Надѣюсь, что торгъ для тебя выгоденъ.

— Азаматъ молчалъ.

— Не хочешь? Ну, какъ хочешь! Я думалъ, что ты мужчина, а ты еще ребенокъ: рано тебѣ ѣздить верхóмъ...

— Азаматъ вспыхнулъ.

— А мой отецъ? сказалъ онъ.

— Развѣ онъ никогда не уѣзжаетъ?

— Правда...

— Согласенъ?..

— Согласенъ, прошепталъ Азаматъ, блѣдный какъ смерть.

— Когда же?

— Въ первый разъ, какъ Казбичъ пріѣдетъ сюда; онъ обѣщался пригнать десятокъ барановъ; остальное—моѐ дѣло. Смотри же, Азаматъ!

— Вотъ они сладили это дѣло... по правдѣ сказать, нехорошее дѣло! Я послѣ и говорилъ это Печорину, да только онъ мнѣ отвѣчалъ, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имѣя такого милаго мужа, какъ онъ, потому что, по-ихнему, онъ все-таки ея мужъ, а что Казбичъ—разбойникъ, котораго надо было наказать. Сами посудите, что жъ я могъ отвѣчать противъ этого?... Но въ это время я ничего не зналъ объ ихъ заговорѣ. Вотъ, разъ пріѣхалъ Казбичъ и спрашиваетъ, не нужно ли барановъ и меду; я велѣлъ ему привести на другой день. «Азаматъ!» сказалъ Григорій Александровичъ: «завтра Карагёзъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, то не видать тебѣ коня»...

— Хорошо! сказалъ Азаматъ и поскакалъ въ аулъ. Вечеромъ Григорій Александровичъ вооружился и выѣхалъ изъ крѣпости: какъ они сладили это дѣло—не знаю, только ночью они оба возвратились, и часовой видѣлъ, что поперегъ сѣдла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

— А лошадь? спросилъ я у штабсъ-капитана.

— Сейчасъ, сейчасъ. На другой день утромъ рано пріѣхалъ Казбичъ и пригналъ десятокъ барановъ на продажу. Привязавъ лошадь у забора, онъ вошелъ ко мнѣ; я попотчевалъ его чаемъ, потому что хотя разбойникъ онъ, а все-таки былъ моимъ кунакомъ. *

— Стали мы болтать о томъ о семъ... Вдругъ, смотрю, Казбичъ вздрогнулъ, перемѣнился въ лицѣ—и къ окну; но окно, къ несчастію, выходило на задворье.—«Что съ тобой?» спросилъ я.

— Моя лошадь!... лошадь! сказалъ онъ, весь дрожа.

Точно, я услышалъ топотъ копытъ: — это, вѣрно, какой-нибудь казакъ пріѣхалъ...

— Нѣтъ! Урусъ-яманъ, яманъ! заревѣлъ онъ и опрометью

* Кунакъ значитъ пріятель.

бросился вонъ, какъ дикій барсъ. Въ два прыжка онъ былъ ужъ на дворѣ; у воротъ крѣпости часовой загородилъ ему путь ружьемъ; онъ перескочилъ черезъ ружье и кинулся бѣжать по дорогѣ... Вдали вилась пыль—Азаматъ скакалъ на лихомъ Карагёзѣ; на бѣгу Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье и выстрѣлилъ. Съ минуту онъ остался неподвиженъ, пока не убѣдился, что далъ промахъ; потомъ завизжалъ, ударилъ ружье о камень, разбилъ его въ дребезги, повалился на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ... Вотъ кругомъ него собрался народъ изъ крѣпости—онъ никого не замѣчалъ; постояли, потолковали и пошли назадъ; я велѣлъ возлѣ него положить деньги за барановъ—онъ ихъ не тронулъ, лежалъ себѣ ничкомъ, какъ мертвый. Повѣрите ли, такъ онъ пролежалъ до поздней ночи и цѣлую ночь?... Только на другое утро пришелъ въ крѣпость и сталъ просить, чтобъ ему назвали похитителя. Часовой, который видѣлъ какъ Азаматъ отвязалъ коня и ускакалъ на немъ, не почелъ за нужное скрывать. При этомъ имени глаза Казбича засверкали, и онъ отправился въ аулъ, гдѣ жилъ отецъ Азамата.

— Что жъ отецъ?

— Да въ томъ-то и штука, что его Казбичъ не нашелъ: онъ куда-то уѣзжалъ дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?

— А когда отецъ возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрецъ: вѣдь смекнулъ, что не сносить ему головы, если бъ онъ попался. Такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ: вѣрно, присталъ къ какой-нибудь шайкѣ абрековъ, да и сложилъ буйную голову за Терекомъ, или за Кубанью; туда и дорога!...

— Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось. Какъ я только провѣдалъ, что черкешенка у Григорія Александровича, то надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

— Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ затылокъ, а въ другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замокъ, и ключа въ замкѣ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ... Я началъ

кашлять и постукивать каблуками о порогъ—только онъ притворялся, будто не слышитъ.

— Господинъ прапорщикъ! — сказалъ я какъ можно строже: —развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?

— Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите ли трубку? — отвѣчалъ онъ, не приподнимаясь.

— Извините, я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ.

— Все равно. Не хотите ли чаю? Если бъ вы знали, какая мучитъ меня забота!

— Я все знаю, отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

— Тѣмъ лучше: я не въ духѣ разсказывать.

— Господинъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

— И, полноте! что жъ за бѣда? Вѣдь у насъ давно все пополамъ.

— Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!

— Митька, шпагу!...

— Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что нехорошо...

— Чтò нехорошо?

— Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!.. Ну, признайся,—сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?..

— Ну, что прикажете отвѣчать на это?.. Я сталъ втупикъ. Однако жъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ ее требовать, то надо будетъ отдать.

— Вòвсе не надо!

— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь.

— А какъ онъ узнаетъ?

— Я опять сталъ втупикъ. — Послушайте, Максимъ Максимычъ!—сказалъ Печоринъ, приподнявшись:—вѣдь вы добрый человѣкъ—а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ, или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить, оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

— Да покажите мнѣ ее, сказалъ я.

— Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хо-

тѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ; пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу: она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя; потому что она никому не будетъ принадлежать кромѣ меня!—прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непремѣнно должно соглашаться.

— А что?—спросилъ я у Максима Максимыча:—въ самомъ ли дѣлѣ онъ пріучилъ ее къ себѣ, или она зачахла въ неволѣ, съ тоски по родинѣ?

— Помилуйте, отчего же съ тоски по родинѣ? Изъ крѣпости видны были тѣ же горы, что изъ аула — а этимъ дикарямъ больше ничего не надобно. Да при томъ Григорій Александровичъ каждый день дарилъ ей что-нибудь; первые дни она, молча, гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщицѣ и возбуждали ея краснорѣчіе. Ахъ, подарки! чего не сдѣлаетъ женщина за цвѣтную тряпичку!... Ну, да это въ сторону... Долго бился съ нею Григорій Александровичъ, между тѣмъ учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало-по-малу, она пріучилась на него смотрѣть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни въ полголоса, такъ что, бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шелъ я мимо и заглянулъ въ окно; Бэла сидѣла на лежанкѣ, повѣсивъ голову на грудь, а Григорій Александровичъ стоялъ передъ нею.—Послушай, моя пери,—говорилъ онъ: —вѣдь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею —отчего же только мучишь меня? Развѣ ты любишь какого-нибудь чеченца? Если такъ, я тебя сейчасъ отпущу, отпущу домой.—Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой.— Или,—продолжалъ онъ,—я тебѣ совершенно ненавистенъ?— Она вздохнула.—Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня? —Она поблѣднѣла и молчала.—Повѣрь мнѣ, Аллахъ для всѣхъ племенъ одинъ и тотъ же, и если онъ мнѣ позволяетъ любить тебя, отчего же запретитъ тебѣ платить мнѣ взаимностью?—Она посмотрѣла ему пристально въ лицо, какъ

будто пораженная этой новой мыслію; въ глазахъ ея выразились недовѣрчивость и желаніе убѣдиться. Что за глаза! они такъ и сверкали, будто два угля.

— Послушай, милая, добрая Бэла! продолжалъ Печоринъ: ты видишь, какъ я тебя люблю; я все готовъ отдать, чтобы тебя развеселить! я хочу, чтобъ ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселѣй? —Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ; потомъ улыбнулась и ласково кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ее за руку и сталъ ее уговаривать, чтобъ она его поцѣловала; она слабо защищалась и только повторяла: —поджалуста, поджалуста, не нада, не нада.—Онъ сталъ настаивать; она задрожала, заплакала.—Я твоя плѣнница,—говорила она:—твоя раба; конечно, ты можешь меня принудить! —и опять слезы.

— Григорій Александровичъ ударилъ себя въ лобъ кулакомъ и выскочилъ въ другую комнату. Я зашелъ къ нему; онъ, сложа руки, прохаживался угрюмый взадъ и впередъ.—Что̀, батюшка?—сказалъ я ему.—Дьяволъ, а не женщина!—отвѣчалъ онъ:—только я вамъ даю честное слово, что она будетъ моя... Я покачалъ головою.—Хотите пари?—сказалъ онъ:—черезъ недѣлю!—Извольте!—Мы ударили по рукамъ и разошлись.

— На другой день онъ тотчасъ отправилъ нарочнаго въ Кизляръ за разными покупками; привезено было множество разныхъ персидскихъ матерій, всѣхъ не перечесть.

— Какъ вы думаете, Максимъ Максимычъ,—сказалъ онъ мнѣ, показывая подарки:—устоитъ ли азіатская красавица противъ такой батареи!—Вы черкешенокъ не знаете,—отвѣчалъ я;—это совсѣмъ не то, что грузинки или закавказскія татарки — совсѣмъ не то. У нихъ свои правила; онѣ иначе воспитаны. — Григорій Александровичъ улыбнулся и сталъ насвистывать маршъ.

— А вѣдь вышло, что я былъ правъ: подарки подѣйствовали только въ половину: она стала ласковѣе, довѣрчивѣе— да и только; такъ онъ рѣшился на послѣднее средство. Разъ утромъ онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, одѣлся по-черкески, вооружился и вошелъ къ ней.—Бэла!—сказалъ онъ:—ты знаешь,

какъ я тебя люблю. Я рѣшился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся:—прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу— ты свободна. Я виноватъ передъ тобой, и долженъ наказать себя. Прощай, я ѣду—куда? почему я знаю! Авось, недолго буду гоняться за пулей или ударомъ шашки; тогда вспомни обо мнѣ и прости меня. — Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль—такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ дрожалъ—и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею.—Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то есть, знаете, не то, чтобъ заплакалъ, а такъ—глупость!...

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь,—сказалъ онъ потомъ, теребя усы:—мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

— И продолжительно было ихъ счастіе?—спросилъ я.

— Да, она намъ призналась, что съ того дня, какъ увидѣла Печорина, онъ часто ей грезился во снѣ, и что ни одинъ мужчина никогда не производилъ на нее такого впечатлѣнія. —Да, они были счастливы!

— Какъ это скучно!—воскликнулъ я невольно. Въ самомъ дѣлѣ, я ожидалъ трагической развязки, и вдругъ такъ неожиданно обмануть мои надежды!..—Да неужели,—продолжалъ я: —отецъ не догадался, что она у васъ въ крѣпости?

— То есть, кажется, онъ подозрѣвалъ. Спустя нѣсколько дней, узнали мы, что старикъ убитъ. Вотъ какъ это случилось...

Вниманіе мое пробудилось снова.

— Надо вамъ сказать, что Казбичъ вообразилъ, будто Азаматъ съ согласія отца укралъ у него лошадь, по крайней мѣрѣ я такъ полагаю. Вотъ онъ разъ и дожидался у дороги, версты

три за ауломъ; старикъ возвращался изъ напрасныхъ поисковъ за дочерью; уздени его отстали—это было въ сумерки—онъ ѣхалъ задумчиво шагомъ, какъ вдругъ Казбичъ, будто кошка, нырнулъ изъ-за куста, прыгъ сзади его на лошадь, ударомъ кинжала свалилъ его наземь, схватилъ поводья—и былъ таковъ; нѣкоторые уздени все это видѣли съ пригорка; они бросились догонять, только не догнали.

— Онъ вознаградилъ себя за потерю коня и отмстилъ,—сказалъ я, чтобъ вызвать мнѣніе моего собесѣдника.

— Конечно по-ихнему,—сказалъ штабсъ-капитанъ,—онъ былъ совершенно правъ.

Меня невольно поразила способность русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. Не знаю, достойно порицанія или похвалы это свойство ума, только оно доказываетъ неимовѣрную его гибкость и присутствіе этого яснаго, здраваго смысла, который прощаетъ зло вездѣ, гдѣ видитъ его необходимость, или невозможность его уничтоженія.

Между тѣмъ чай былъ выпитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висящія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти; и туманы, клубясь и извиваясь какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гудъ-гору. Мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ

колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и наконецъ пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гудъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать: кровь поминутно приливала въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ— чувство дѣтское, не спорю, но, удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и вѣрно будетъ когда-нибудь опять. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго-долго всматриваться въ ихъ причудливые образы, и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитый въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гудъ-гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, то есть я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во стократъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ.

— Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ?—сказалъ я ему.

— Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.

— Я слышалъ, напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?

— Разумѣется, если хотите, оно и пріятно; только все же потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите,—прибавилъ онъ, указывая на востокъ:—что за край!

И точно такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями;

голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на другую—и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки; солнце чуть показалось изъ-за темно-синей горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. —Я говорилъ вамъ—, воскликнулъ онъ,—что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!—закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались; взяли лошадей подъ-уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ-уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ—а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ:—И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ; вѣдь намъ не впервые!—и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали. И если бъ всѣ люди побольше разсуждали, то убѣдились бы, что жизнь не стоитъ того, чтобъ объ ней такъ много заботиться...

Но, можетъ быть, вы хотите знать окончаніе исторіи Бэлы?—Во-первыхъ, я пишу не повѣсть, а путевыя записки: слѣдовательно, не могу заставить штабсъ-капитана разсказывать прежде, нежели онъ началъ разсказывать въ самомъ дѣ-

лѣ. Итакъ, погодите, или, если хотите, переверните нѣсколько страницъ, только я вамъ этого не совѣтую, потому что переѣздъ черезъ Крестовую гору [или, какъ называетъ ее ученый Гамба, le Mont St.-Christophe] достоинъ вашего любопытства. Итакъ, мы спускались съ Гудъ-горы въ Чертову долину... Вотъ романтическое названіе! Вы уже видите гнѣздо злого духа между неприступными утесами — не тутъ-то было: названіе Чертовой долины происходитъ отъ слова «черта», а не «чортъ» — ибо здѣсь когда-то была граница Грузіи. Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія *милыя* мѣста нашего отечества.

— Вотъ и Крестовая! — сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съѣхали въ Чертову долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо него вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ: наши извозчики объявили, что обваловъ еще не было, и сберегая лошадей, повезли насъ кругомъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу телѣжку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали; — налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору — двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свисталъ, какъ Соловей-Разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока... Кстати, объ этомъ крестѣ существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ импера-

торъ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ; но, во-первыхъ, Петръ былъ только въ Дагестанѣ, и во-вторыхъ, на крестѣ было написано крупными буквами, что онъ поставленъ по приказанію ген. Ермолова, а именно въ 1824 году. Но преданіе, не смотря на подпись, такъ укоренилось, что, право, не знаешь чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что мы не привыкли вѣрить надписямъ.

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобъ достигнуть станціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе.—И ты, изгнанница,—думалъ я,—плачешь о своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ! Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшетку желѣзной своей клѣтки!

— Плохо! — говорилъ штабсъ-капитанъ: — посмотрите, кругомъ ничего не видно, только туманъ да снѣгъ; того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобу; а тамъ пониже, чай, Байдара такъ разыгралась, что и не переѣдешь. Ужъ эта мнѣ Азія! что люди, что рѣчки—никакъ нельзя положиться.

Извозчики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, не смотря на краснорѣчіе кнутовъ.—Ваше благородіе,—сказалъ, наконецъ, одинъ: — вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ; не прикажете ли, покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется—вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку,—прибавилъ онъ, указывая на осетина.

— Знаю, братецъ, знаю безъ тебя!—сказалъ штабсъ-капитанъ.—Ужъ эти бестіи! рады придраться, чтобъ сорвать на водку.

— Признайтесь однако,—сказалъ я,—что безъ нихъ намъ было бы хуже.

— Все такъ, все такъ,—пробормоталъ онъ:—ужъ эти мнѣ

проводники! чутьемъ слышатъ, гдѣ можно попользоваться: будто безъ нихъ и нельзя найти дороги.

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоявшаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобъ они принимали путешественниковъ, застигнутыхъ бурею.—Все къ лучшему,—сказалъ я, присѣвъ у огня:—теперь вы мнѣ доскажете вашу исторію про Бэлу; я увѣренъ, что этимъ не кончилось.

— А почему-жъ вы такъ увѣрены?—отвѣчалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, примигивая съ хитрой улыбкою.

— Оттого что это не въ порядкѣ вещей: что́ началось необыкновеннымъ образомъ, то должно такъ же и кончиться.

— Вѣдь вы угадали...

— Очень радъ.

— Хорошо вамъ радоваться, а мнѣ такъ, право, грустно, какъ вспомню. Славная была дѣвочка, эта Бэла. Я къ ней наконецъ такъ привыкъ, какъ къ дочери, и она меня любила. Надо вамъ сказать, что у меня нѣтъ семейства: объ отцѣ и матери я лѣтъ двѣнадцать ужъ не имѣю извѣстія, а запастись женой не догадался раньше—такъ теперь ужъ, знаете, и не къ лицу; я и радъ былъ, что́ нашелъ кого баловать. Она, бывало, намъ поетъ пѣсни, иль пляшетъ лезгинку... А ужъ какъ плясала! Видалъ я нашихъ губернскихъ барышень, а разъ былъ-съ и въ Москвѣ въ благородномъ собраніи, лѣтъ двадцать тому назадъ,—только куда имъ! совсѣмъ не то!.. Григорій Александровичъ наряжалъ ее какъ куколку; холилъ и лелѣялъ, и она у насъ такъ хорошѣла, что чудо! съ лица и съ рукъ сошелъ загаръ, румянецъ разыгрался на щекахъ... Ужъ какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Богъ ей прости!..

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго отъ нея это скрывали, пока она не привыкла къ своему положенію; а когда сказали, такъ она дня два поплакала, а потомъ забыла.

— Мѣсяца четыре все шло какъ нельзя лучше. Григорій Александровичъ, я ужъ кажется говорилъ, страстно любилъ охоту: бывало, такъ его въ лѣсъ и подмываетъ за кабанами, или козами—а тутъ хоть бы вышелъ за крѣпостной валъ. Вотъ однакожъ, смотрю онъ сталъ снова задумываться; ходитъ по комнатѣ, загнувъ руки назадъ; потомъ разъ, не сказавъ никому, отправился стрѣлять—цѣлое утро пропадалъ; разъ и другой, все чаще и чаще...—Нехорошо,—подумалъ я: —вѣрно между ними черная кошка проскочила.

— Одно утро захожу къ нимъ—какъ теперь передъ глазами: Бэла сидѣла на кровати въ черномъ, шолковомъ бешметѣ, блѣдненькая, такая печальная, что я испугался.

— А гдѣ Печоринъ?—спросилъ я.

— На охотѣ.

— Сегодня ушелъ?—Она молчала, какъ будто ей трудно было выговорить.

— Нѣтъ, еще вчера,—наконецъ сказала она, тяжело вздохнувъ.

— Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?

— Я вчера цѣлый день думала, думала,—отвѣчала она сквозь слезы:—придумывала разныя несчастія: то казалось мнѣ, что его ранилъ дикій кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы... А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

— Она заплакала, потомъ съ радостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его—я княжеская дочь!..

— Я сталъ ее уговаривать.—Послушай, Бэла, вѣдь нельзя же ему вѣкъ сидѣть здѣсь, какъ пришитому къ твоей юбкѣ: онъ человѣкъ молодой, любитъ погоняться за дичью—походитъ да и придетъ; а если ты будешь грустить, то скорѣй ему наскучишь.

— Правда, правда,—отвѣчала она:—я буду весела.—И съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и пры-

гать около меня; только и это не было продолжительно: она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

— Что было съ нею мнѣ дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался; думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе-съ!

Наконецъ я ей сказалъ: — хочешь, пойдемъ прогуляться на валъ, погода славная! — Это было въ сентябрѣ. И точно, день былъ чудесный, свѣтлый и не жаркій; всѣ горы видны были какъ на блюдечкѣ. Мы пошли, походили по крѣпостному валу взадъ и впередъ, молча; наконецъ, она сѣла на дернъ, и я сѣлъ возлѣ нея. Ну, право, вспомнить смѣшно: я бѣгалъ за нею, точно какая-нибудь нянька.

— Крѣпость наша стояла на высокомъ мѣстѣ, и видъ былъ съ вала прекрасный: съ одной стороны широкая поляна, изрытая нѣсколькими балками,* оканчивалась лѣсомъ, который тянулся до самаго хребта горъ; кое-гдѣ на ней дымились аулы, ходили табуны; съ другой бѣжала мелкая рѣчка, и къ ней примыкалъ частый кустарникъ, покрывавшій кремнистыя возвышенности, которыя соединялись съ главной цѣпью Кавказа. Мы сидѣли на углу бастіона, такъ что въ обѣ стороны могли видѣть все. Вотъ, смотрю: изъ лѣса выѣзжаетъ кто-то на сѣрой лошади, все ближе и ближе, и наконецъ остановился по ту сторону рѣчки саженяхъ во стѣ отъ насъ, и началъ кружить лошадь свою какъ бѣшеный. Что за притча!..—Посмотри-ка, Бэла,—сказалъ я:—у тебя глаза молодые, что это за джигитъ: кого это онъ пріѣхалъ тѣшить?..

— Она взглянула, и вскрикнула:—Это Казбичъ!

— Ахъ онъ разбойникъ! смѣяться что ли пріѣхалъ надъ нами?—Всматриваюсь, точно Казбичъ: его смуглая рожа, оборванный, грязный какъ всегда.—Это лошадь отца моего,—сказала Бэла, схвативъ меня за руку; она дрожала какъ листъ, и глаза ея сверкали.—Ага!—подумалъ я:—и въ тебѣ, душенька, не молчитъ разбойничья кровь!

— Подойди-ка сюда,—сказалъ я часовому:—осмотри ружье,

* Овраги.

да ссади мнѣ этого молодца—получишь рубль серебромъ.— Слушаю, ваше высокоблагородіе; только онъ не стоитъ на мѣстѣ...—Прикажи!—сказалъ я, смѣясь.—Эй! любезный!— закричалъ часовой, махая ему рукой:—подожди маленько, что ты крутишься какъ волчокъ?—Казбичъ остановился въ самомъ дѣлѣ и сталъ вслушиваться: вѣрно думалъ, что съ нимъ заводятъ переговоры—какъ не такъ!.. Мой гренадеръ приложился... бацъ!..мимо;—только-что порохъ на полкѣ вспыхнулъ, Казбичъ толкнулъ лошадь, и она дала скачекъ въ сторону. Онъ привсталъ на стременахъ, крикнулъ что-то по своему, погрозилъ нагайкой—и былъ таковъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!—сказалъ я часовому.

— Ваше высокоблагородіе! умирать отправился,—отвѣчалъ онъ:—такой проклятый народъ, съ разу не убьешь.

— Четверть часа спустя, Печоринъ вернулся съ охоты. Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствіе... Даже я ужъ на него разсердился.— Помилуйте,—говорилъ я:—вѣдь вотъ сейчасъ тутъ былъ за рѣчкою Казбичъ и мы по немъ стрѣляли; ну,долго ли вамъ на него наткнуться? Эти горцы народъ мстительный; вы думаете, что онъ не догадывается, что вы частію помогли Азамату? А я бьюсь объ закладъ, что нынче онъ узналъ Бэлу. Я знаю, что, годъ тому назадъ, она ему больно нравилась—онъ мнѣ самъ говорилъ—и еслибъ надѣялся собрать порядочный калымъ, то вѣрно бы посватался...—Тутъ Печоринъ задумался.—Да,—отвѣчалъ онъ:—надо быть осторожнѣе... Бэла! съ нынѣшняго дня ты не должна болѣе ходить на крѣпостной валъ.

— Вечеромъ я имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе: мнѣ было досадно, что онъ перемѣнился къ этой бѣдной дѣвочкѣ; кромѣ того, что онъ половину дня проводилъ на охотѣ, его обращеніе стало холодно, ласкалъ онъ ее рѣдко, и она замѣтно начинала сохнуть, личико ея вытянулось, большіе глаза потускнѣли. Бывало спросишь:—о чемъ ты вздохнула, Бэла? ты печальна?—Нѣтъ.—Тебѣ чего-нибудь хочется?—Нѣтъ.—Ты тоскуешь по роднымъ?—У меня нѣтъ родныхъ.—Случалось по цѣлымъ днямъ, кромѣ «да» да «нѣтъ», отъ нея ничего больше не добьешься.

— Вотъ объ этомъ-то я и сталъ ему говорить.—Послушайте, Максимъ Максимычъ,—отвѣчалъ онъ:—у меня несчастный характеръ: воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ— не знаю; знаю только, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе—только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ; но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться—науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями—напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ, и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ, держа ее на колѣняхъ, цѣловалъ ея черные локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательной судьбой...Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной также надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я еще ее люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь—только мнѣ съ нею скучно... Глупецъ я, или злодѣй—не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ быть больше, нежели она: во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало, къ печали я такъ же легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день отъ дня;

мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь — только не въ Европу, избави Боже! — поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію — авось гдѣ-нибудь умру на дорогѣ. По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе нескоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ. — Такъ онъ говорилъ долго, и его слова врѣзались у меня въ памяти, потому что въ первый разъ я слышалъ такія вещи отъ двадцатипятилѣтняго человѣка, и, Богъ дастъ, въ послѣдній... Что̀ за диво! Скажите-ка, пожалуйста, — продолжалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь ко мнѣ: — вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно — неужто тамошняя молодежь вся такова?

Я отвѣчалъ, что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что впрочемъ разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ, и что нынче тѣ, которые больше всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастіе, какъ порокъ. — Штабсъ-капитанъ не понялъ этихъ тонкостей, покачалъ головою и улыбнулся лукаво.

— А все, чай, французы ввели моду скучать?

— Нѣтъ, англичане.

— Ага, вотъ что!.. — отвѣчалъ онъ: — да вѣдь они всегда были отъявленные пьяницы!..

Я невольно вспомнилъ объ одной московской барышнѣ, которая утверждала, что Байронъ былъ больше ничего, какъ пьяница. Впрочемъ, замѣчаніе штабсъ-капитана было извинительнѣе: чтобъ воздерживаться отъ вина, онъ конечно старался увѣрять себя, что всѣ въ мірѣ несчастія происходятъ отъ пьянства.

Между тѣмъ онъ продолжалъ свой разсказъ такимъ образомъ:

— Казбичъ не являлся снова. Только, не знаю почему, я не могъ выбить изъ головы мысль, что онъ не даромъ пріѣзжалъ и затѣваетъ что-нибудь худое.

— Вотъ, разъ уговариваетъ меня Печоринъ ѣхать съ нимъ на кабана; я долго отнѣкивался: ну, что мнѣ былъ за диковин-

ка кабанъ! Однако жъ утащилъ-таки онъ меня съ собою.—Мы взяли человѣкъ пять солдатъ и уѣхали рано утромъ. До десяти часовъ шныряли по камышамъ и по лѣсу—нѣтъ звѣря. —Эй, не воротиться ли?—говорилъ я:—Къ чему упрямиться? Ужъ, видно, такой задался несчастный день!—Только Григорій Александровичъ, не смотря на зной и усталость, не хотѣлъ воротиться безъ добычи... Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ—подавай; видно въ дѣтствѣ былъ маменькой избалованъ... Наконецъ въ полдень отыскали проклятаго кабана—пафъ! пафъ! не тутъ-то было: ушелъ въ камыши.... такой ужъ былъ несчастный день!.. Вотъ мы, отдохнувъ маленько, отправились домой.

— Мы ѣхали рядомъ, молча, распустивъ поводья, и были ужъ почти у самой крѣпости; только кустарникъ закрывалъ ее отъ насъ. Вдругъ выстрѣлъ... Мы взглянули другъ на друга: насъ поразило одинаковое подозрѣніе... Опрометью поскакали мы на выстрѣлъ—смотримъ: на валу солдаты собрались въ кучку и указываютъ въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Григорій Александровичъ взвизгнулъ не хуже любого чеченца; ружье изъ чехла—и туда; я за нимъ.

— Къ счастью, по причинѣ неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались изъ-подъ сѣдла и съ каждымъ мгновеніемъ мы были все ближе и ближе... И наконецъ я узналъ Казбича, только не могъ разобрать, что такое онъ держалъ передъ собою. Я тогда поравнялся съ Печоринымъ и кричу ему:—это Казбичъ!..—Онъ посмотрѣлъ на меня, кивнулъ головою, и ударилъ коня плетью.

— Вотъ наконецъ мы были ужъ отъ него на ружейный выстрѣлъ; измучена ли была у Казбича лошадь, или хуже нашихъ, только, не смотря на всѣ его старанія, она не больно подавалась впередъ. Я думаю, въ эту минуту онъ вспомнилъ своего Карагёза...

— Смотрю: Печоринъ на скаку приложился изъ ружья... —Не стрѣляйте!—кричу я ему:—берегите зарядъ; мы и такъ его догонимъ. — Ужъ эта молодежь! вѣчно некстати горячится... Но выстрѣлъ раздался и пуля перебила заднюю ногу ло-

шади: она сгоряча сдѣлала еще прыжковъ десять, споткнулась и упала на колѣни. Казбичъ соскочилъ и тогда мы увидѣли, что онъ держалъ на рукахъ своихъ женщину, окутанную чадрою... Это была Бэла... бѣдная Бэла!—Онъ что-то намъ закричалъ по-своему и занесъ надъ нею кинжалъ... Медлить было нечего: я выстрѣлилъ въ свою очередь, на удачу; вѣрно пуля попала ему въ плечо, потому что вдругъ онъ опустилъ руку. Когда дымъ разсѣялся, на землѣ лежала раненая лошадь и возлѣ нея Бэла; а Казбичъ, бросивъ ружье, по кустарникамъ, точно кошка, карабкался на утесъ. Хотѣлось мнѣ его снять оттуда—да не было заряда готоваго! Мы соскочили съ лошадей и кинулись къ Бэлѣ. Бѣдняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась изъ раны ручьями... Такой злодѣй! хоть бы въ сердце ударилъ—ну, такъ ужъ и быть, однимъ разомъ все бы кончилъ, а то въ спину... самый разбойничій ударъ! Она была безъ памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану какъ можно туже. Напрасно Печоринъ цѣловалъ ея холодныя губы—ничто не могло привести ее въ себя.

— Печоринъ сѣлъ верхомъ; я поднялъ ее съ земли и кое-какъ посадилъ къ нему на сѣдло; онъ обхватилъ ее рукой, и мы поѣхали назадъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Григорій Александровичъ сказалъ мнѣ: — послушайте, Максимъ Максимычъ, мы этакъ ее не довеземъ живую. — Правда!— сказалъ я, и мы пустили лошадей во весь духъ.—Насъ у воротъ крѣпости ожидала толпа народа. Осторожно перенесли мы раненую къ Печорину и послали за лѣкаремъ. Онъ былъ хотя пьянъ, но пришелъ, осмотрѣлъ рану и объявилъ, что она больше дня жить не можетъ; только онъ ошибся...

— Выздоровѣла?—спросилъ я у штабсъ-капитана, схвативъ его за руку и невольно обрадовавшись.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—а ошибся лѣкарь тѣмъ, что она еще два дня прожила.

— Да объясните мнѣ, какимъ образомъ ее похитилъ Казбичъ?

— А вотъ какъ: не смотря на запрещеніе Печорина, она вышла изъ крѣпости къ рѣчкѣ. Было, знаете, очень жарко; она сѣла на камень и опустила ноги въ воду. Вотъ Казбичъ

подкрался — цапъ-царапъ ее, зажалъ ротъ и потащилъ въ кусты, а тамъ вскочилъ на коня, да и тягу. Она между тѣмъ успѣла закричать; часовые всполошились, выстрѣлили, да мимо, а мы тутъ и подоспѣли.

— Да зачѣмъ Казбичъ ее хотѣлъ увезти?

— Помилуйте! да эти черкесы извѣстный воровской народъ: что плохо лежитъ, не могутъ не стянуть; другое и не нужно, а все украдетъ... ужъ въ этомъ прошу ихъ извинить! Да притомъ она ему давно-таки нравилась.

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы ужъ съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. — Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка! [то есть, по нашему, душенька], — отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку. — Я умру! — сказала она.

— Мы начали ее утѣшать: говорили, что лѣкарь обѣщалъ ее вылѣчить непремѣнно. Она покачала головкой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!..

— Ночью она начала бредить; голова ея горѣла; по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки. Она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ; ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ; давала ему разныя нѣжныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

— Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его: въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою — не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывалъ.

— Къ утру бредъ прошелъ; съ часъ она лежала неподвижная, блѣдная, и въ такой слабости, что едва можно было замѣтить, что она дышитъ; потомъ ей стало лучше, и она начала говорить, только, какъ вы думаете, о чемъ?.. Этакая мысль придетъ вѣдь только умирающему!.. Начала печалиться о томъ, что она не христіанка, и что на томъ свѣтѣ душа ея никогда не встрѣтится съ душою Григорія Александровича, и что иная

женщина будетъ въ раю его подругой. Мнѣ пришло на мысль окрестить ее передъ смертью: я ей это предложилъ; она посмотрѣла на меня въ нерѣшимости и долго не могла слова вымолвить; наконецъ отвѣчала, что она умретъ въ той вѣрѣ, въ какой родилась. Такъ прошелъ цѣлый день. Какъ она перемѣнилась въ этотъ день! Блѣдныя щеки впали, глаза сдѣлались большіе, большіе; губы горѣли; она чувствовала внутренній жаръ, какъ будто въ груди у ней лежало раскаленное желѣзо.

— Настала другая ночь; мы не смыкали глазъ, не отходили отъ ея постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только-что боль начинала утихать, она старалась увѣрить Григорія Александровича, что ей лучше, уговаривала его итти спать, цѣловала его руку, не выпускала ея изъ своихъ. Передъ утромъ стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтобъ онъ ее поцѣловалъ. Онъ сталъ на колѣни возлѣ кровати, приподнялъ ея голову съ подушки и прижалъ свои губы къ ея холодѣющимъ губамъ: она крѣпко обвила его шею дрожащими руками, будто въ этомъ поцѣлуѣ хотѣла передать ему свою душу... Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! Ну, что-бы съ ней сталось, если бъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось, рано или поздно...

— Половину слѣдующаго дня она была тиха, молчалива и послушна, какъ ни мучилъ ее нашъ лѣкарь припарками и микстурой.—Помилуйте!—говорилъ я ему:—вѣдь вы сами сказали, что она умретъ непремѣнно, такъ зачѣмъ тутъ всѣ ваши препараты?—Все-таки лучше, Максимъ Максимычъ,—отвѣчалъ онъ:—чтобъ совѣсть была покойна.—Хороша совѣсть!

— Послѣ полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна, но на дворѣ было жарче, чѣмъ въ комнатѣ; поставили льду около кровати—ничего не помогало. Я зналъ, что эта невыносимая жажда—признакъ приближенія конца, и сказалъ это Печорину.

— Воды, воды!.. говорила она хриплымъ голосомъ, приподнявшись съ постели.

— Онъ сдѣлался блѣденъ какъ полотно, схватилъ стаканъ,

налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву — не помню какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ гошпиталяхъ и на полѣ сраженія, только это все не то, совсѣмъ не то!.. Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ, а кажется я ее любилъ какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!.. И вправду молвить: что же я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?..

— Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!..

Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно: я бы, на его мѣстѣ, умеръ съ горя. Наконецъ, онъ сѣлъ на землю, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха... Я пошелъ заказывать гробъ.

— Признаться, я частію для развлеченія занялся этимъ. У меня былъ кусокъ термаламы, я обилъ ею гробъ и украсилъ его черкесскими серебряными галунами, которыхъ Григорій Александровичъ накупилъ для нея же.

— На другой день рано утромъ мы ее похоронили за крѣпостью, у рѣчки, возлѣ того мѣста, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла: кругомъ ея могилки теперь разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была нехристіанка...

— А что Печоринъ?—спросилъ я.

— Печоринъ былъ долго нездоровъ, исхудалъ, бѣдняжка; только никогда съ этихъ поръ мы не говорили о Бэлѣ; я видѣлъ, что это ему будетъ непріятно, такъ зачѣмъ же!—Мѣсяца три спустя, его назначили въ е—й полкъ, и онъ уѣхалъ въ Грузію. Мы съ тѣхъ поръ не встрѣчались... Да, помнится, кто-то недавно мнѣ говорилъ, что онъ возвратился въ Россію,

но въ приказахъ по корпусу не было. Впрочемъ, до нашего брата вѣсти поздно доходятъ.

Тутъ онъ пустился въ длинную диссертацію о томъ, какъ непріятно узнавать новости годомъ позже—вѣроятно для того, чтобъ заглушить печальныя воспоминанія.

Я не перебивалъ его и не слушалъ.

Черезъ часъ явилась возможность ѣхать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завелъ разговоръ о Бэлѣ и Печоринѣ.

— А не слыхали ли вы, что сдѣлалось съ Казбичемъ?—спросилъ я.

— Съ Казбичемъ? А, право, не знаю... Слышалъ я, что на правомъ флангѣ у шапсуговъ есть какой-то Казбичъ, удалецъ, который въ красномъ бешметѣ разъѣзжаетъ шажкомъ подъ нашими выстрѣлами и превѣжливо раскланивается, когда пуля прожужжитъ близко; да врядъ ли это тотъ самый!..

Въ Коби мы разстались съ Максимомъ Максимычемъ; я поѣхалъ на почтовыхъ, а онъ по причинѣ тяжелой поклажи не могъ за мной слѣдовать. Мы не надѣялись никогда болѣе встрѣтиться, однако встрѣтились, и, если хотите, я разскажу: это цѣлая исторія... Сознайтесь, однакожъ, что Максимъ Максимычъ человѣкъ достойный уваженія?.. Если вы сознаетесь въ этомъ, то я вполнѣ буду вознагражденъ за свой, можетъ быть, слишкомъ длинный разсказъ.

[Первый разъ напечатано въ Отечеств. Зап. 1839 года, т. II, отд. III, стр. 163—212 подъ заглавіемъ: «Разсказъ изъ записокъ офицера на Кавказѣ»].

II.

МАКСИМЪ МАКСИМЫЧЪ.

Разставшись съ Максимомъ Максимычемъ, я живо проскакалъ Терекское и Дарьяльское ущелія, завтракалъ въ Казбекѣ, чай пилъ въ Ларсѣ, а къ ужину поспѣшилъ въ Владикавказъ. Избавляю васъ отъ описанія горъ, отъ возгласовъ, которые ничего не выражаютъ, отъ картинъ, которыя ничего не изображаютъ, особенно для тѣхъ, которые тамъ не были, и отъ

статистическихъ замѣчаній, которыхъ рѣшительно никто читать не станетъ.

Я остановился въ гостиницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжіе, и гдѣ между тѣмъ некому велѣть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которымъ она поручена, такъ глупы или такъ пьяны, что отъ нихъ никакого толка нельзя добиться *.

Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо «оказія» изъ Екатеринограда еще не пришла и, слѣдовательно, отправиться обратно не можетъ. Что за оказія!.. Но дурной каламбуръ не утѣшеніе для русскаго человѣка, и я для развлеченія вздумалъ записывать разсказъ Максима Максимыча о Бэлѣ, не воображая, что онъ будетъ первымъ звеномъ длинной цѣпи повѣстей; видите, какъ иногда маловажный случай имѣетъ жестокія послѣдствія!.. А вы можетъ быть не знаете что такое «оказія»? Это—прикрытіе, состоящее изъ полроты пѣхоты и пушки, съ которымъ ходятъ обозы чрезъ Кабарду изъ Владикавказа въ Екатериноградъ.

Первый день я провелъ очень скучно; на другой, рано утромъ въѣзжаетъ на дворъ повозка... А! Максимъ Максимычъ!.. Мы встрѣтились какъ старые пріятели. Я предложилъ ему свою комнату; онъ не церемонился, даже ударилъ меня по плечу и скривилъ ротъ на манеръ улыбки. Такой чудакъ!..

Максимъ Максимычъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ поваренномъ искусствѣ: онъ удивительно хорошо зажарилъ фазана, удачно полилъ его огуречнымъ разсоломъ, и я долженъ признаться, что безъ него пришлось бы остаться на сухоядѣніи. Бутылка кахетинскаго помогла намъ забыть о скромномъ числѣ блюдъ, которыхъ было всего одно, и, закуривъ трубки, мы усѣлись—я у окна, онъ у затопленной печи, потому что день былъ сырой и холодный. Мы молчали. О чемъ было намъ говорить?.. Онъ ужъ разсказалъ мнѣ о себѣ все, что было занимательнаго, а мнѣ было нечего разсказывать. Я смотрѣлъ въ

* Въ рукописи далѣе было написано: «Вообще я замѣтилъ, скажу въ скобкахъ, что въ Россіи всегда можно лучше поѣсть на станціи въ захолустьѣ, чѣмъ въ городахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ уѣздные и губернскіе повара выучились дѣлать маіонезъ...»

окно. Множество низенькихъ домиковъ, разбросанныхъ по берегу Терека, который разбѣгается шире и шире, мелькали изъ-за деревъ, а дальше синѣлись зубчатою стѣною горы и изъ-за нихъ выглядывалъ Казбекъ въ своей бѣлой архирейской шапкѣ. Я съ ними мысленно прощался: мнѣ стало ихъ жалко...

Такъ сидѣли мы долго. Солнце пряталось за холодныя вершины, и бѣловатый туманъ начиналъ расходиться въ долинахъ, когда на улицѣ раздался звонъ дорожнаго колокольчика и крикъ извозчиковъ. Нѣсколько повозокъ съ грязными армянами въѣхало на дворъ гостиницы и за ними пустая дорожная коляска; ея легкій ходъ, удобное устройство и щегольской видъ имѣли какой-то заграничный отпечатокъ. За нею шелъ человѣкъ съ большими усами, въ венгеркѣ, довольно хорошо одѣтый для лакея; въ его званіи нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, съ которою онъ вытряхивалъ золу изъ трубки и покрикивалъ на ямщика. Онъ явно былъ балованный слуга лѣниваго барина — нѣчто вродѣ русскаго Фигаро.— Скажи, любезный,—закричалъ я ему въ окно,—что это—оказія пришла, что ли?—Онъ посмотрѣлъ довольно дерзко, поправилъ галстухъ и отвернулся; шедшій возлѣ него армянинъ, улыбаясь, отвѣчалъ за него, что точно пришла оказія и завтра утромъ отправится обратно.— Слава Богу! — сказалъ Максимъ Максимычъ, подошедшій къ окну въ это время. — Экая чудная коляска! —прибавилъ онъ: —вѣрно какой-нибудь чиновникъ ѣдетъ на слѣдствіе въ Тифлисъ. Видно не знаетъ нашихъ горокъ! Нѣтъ, шутишь, любезный: онѣ не свой братъ, растрясутъ хоть англійскую!—А кто бы это такое былъ—подойдемте-ка узнать...—Мы вышли въ коридоръ. Въ концѣ коридора была отворена дверь въ боковую комнату. Лакей съ извозчикомъ перетаскивали въ нее чемоданы.

— Послушай, братецъ,—спросилъ у него штабсъ-капитанъ: —чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!.. Лакей, не оборачиваясь, бормоталъ что-то про себя, развязывая чемоданъ. Максимъ Максимычъ разсердился: онъ тронулъ неучтивца по плечу и сказалъ:—я тебѣ говорю, любезный...

— Чья коляска?.. Моего господина...

— А кто твой господинъ?

— Печоринъ...

— Что ты? что ты? Печоринъ?.. Ахъ, Боже мой!.. да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?—воскликнулъ Максимъ Максимычъ, дернувъ меня за рукавъ. У него въ глазахъ сверкала радость.

— Служилъ, кажется—да я у нихъ недавно.

— Ну, такъ!.. такъ!.. Григорій Александровичъ?... Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели,— прибавилъ онъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...

— Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете,—сказалъ тотъ, нахмурившись.

— Экой ты, братецъ!.. да знаешь ли, мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ?.. Да гдѣ жъ онъ самъ остался?..

Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?—сказалъ Максимъ Максимычъ:—или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь?.. Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ—такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я тебѣ дамъ восьмигривенный на водку...

Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что онъ исполнитъ его порученіе.

— Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!..—сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ:—пойду за ворота его дожидаться... Эхъ! жалко, что я не знакомъ съ Н...

Максимъ Максимычъ сѣлъ за воротами на скамейку, а я ушелъ въ свою комнату. Признаюсь, я также съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія этого Печорина; хотя по разсказу штабсъ-капитана, я составилъ себѣ о немъ не очень выгодное понятіе, однако нѣкоторыя черты въ его характерѣ показались мнѣ замѣчательными. Черезъ часъ инвалидъ принесъ кипящій самоваръ и чайникъ.—Максимъ Максимычъ, не хотите ли чаю?—закричалъ я ему въ окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй выпейте! Смотрите, вѣдь ужъ поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, какъ угодно! —Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ.

— А вѣдь вы правы: все лучше выпить чайку — да я все ждалъ. Ужъ человѣкъ его давно къ нему пошелъ, да видно что-нибудь задержало.

Онъ наскоро выхлебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ опять за ворота въ какомъ-то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчило небреженіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ, и еще часъ тому назадъ былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, какъ только услышитъ его имя.

Уже было поздно и темно, когда я снова отворилъ окно и сталъ звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; онъ что-то пробормоталъ сквозь зубы; я повторилъ приглашеніе — онъ ничего не отвѣчалъ.

Я легъ на диванъ, завернувшись въ шинель и оставивъ свѣчу на лежанкѣ, скоро задремалъ и проспалъ бы спокойно, если бъ, уже очень поздно, Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбудилъ меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, шевырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался...

— Не клопы ли васъ кусаютъ? — спросилъ я.

— Да, клопы... отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ я проснулся рано, но Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ. — Мнѣ надо сходить къ коменданту, — сказалъ онъ: — такъ пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной...

Я обѣщался. Онъ побѣжалъ, какъ будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздились на горахъ, какъ новый рядъ воздушныхъ горъ; передъ воротами разстилалась широкая площадь; за нею базаръ кипѣлъ народомъ, потому что было воскресенье: босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки съ сотовымъ медомъ,

вертѣлись вокругъ меня; я ихъ проклиналъ: мнѣ было не до нихъ—я начиналъ раздѣлять безпокойство добраго штабсъ-капитана.

Не прошло десяти минутъ, какъ на концѣ площади показался тотъ, котораго мы ожидали. Онъ шелъ съ полковникомъ Н..., который, доведя его до гостиницы, простился съ нимъ и поворотилъ въ крѣпость. Я тотчасъ же послалъ инвалида за Максимомъ Максимовичемъ.

На встрѣчу Печорина вышелъ его лакей и доложилъ, что сейчасъ станутъ закладывать, подалъ ему ящикъ съ сигарами и, получивъ нѣсколько приказаній, отправился хлопотать. Его господинъ, закуривъ сигару, зѣвнулъ раза два и сѣлъ на скамью по другую сторону воротъ. Теперь я долженъ нарисовать вамъ его портретъ.

Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни и перемѣны климатовъ, непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучекъ его, застегнутый только на двѣ нижнія пуговицы, позволялъ разглядѣть ослѣпительно-чистое бѣлье, изобличавшее привычки порядочнаго человѣка; его запачканныя перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической рукѣ, и когда онъ снялъ одну перчатку, то я былъ удивленъ худобой его блѣдныхъ пальцевъ. Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками *— вѣрный признакъ

* Съ этихъ словъ и до словъ: «Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія», т. е. вмѣсто одной строчки была написана любопытная характеристика Печорина затѣмъ зачеркнутая поэтомъ: «Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками—вѣрный признакъ рѣшительности въ характерѣ. Если вѣрить тому, что каждый человѣкъ имѣетъ сходство съ какимъ-нибудь животнымъ, то, конечно, Печорина можно было бы сравнить съ тигромъ. Сильный и гибкій, ласковый или мрачный, великодушный или жестокій, смотря по внушенію минуты; всегда готовый на долгую борьбу; иногда обращенный въ бѣгство, но неспособный покориться; нескучающій одинъ, въ пустынѣ съ самимъ собою, а въ обществѣ себѣ подобныхъ требующій безпрекословной покорности. По крайней мѣрѣ такимъ, казалось мнѣ, долженъ былъ быть его характеръ фи-

нѣкоторой скрытности характера. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо. Когда онъ опустился на скамью, то прямой станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки; положеніе всего его тѣла изобразило какую-то нервическую слабость; онъ сидѣлъ, какъ сидитъ Бальзакова тридцатилѣтняя кокетка на своихъ пуховыхъ креслахъ послѣ утомительнаго бала. Съ перваго взгляда на лицо его, я бы не далъ ему болѣе двадцати трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный, благородный лобъ, на которомъ только по долгомъ наблюденіи можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую и, вѣроятно, обозначавшихся гораздо явственнѣе въ минуты гнѣва, или душевнаго безпокойства. Не смотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные—признакъ породы въ человѣкѣ, такъ какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади. Чтобъ докончить портретъ, я скажу, что у него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза; о глазахъ я долженъ сказать еще нѣсколько словъ.

Во-первыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся!—Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей?.. Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали,

---

зическій, то есть тотъ, который зависитъ отъ нашихъ нервовъ и отъ болѣе или менѣе скораго обращенія крови. Душа—другое дѣло! Душа или покоряется природнымъ склонностямъ, или борется съ ними, или побѣждаетъ ихъ. Отъ этого—злодѣи, толпа, и люди высокой добродѣтели. Въ этомъ отношеніи Печоринъ принадлежалъ къ толпѣ, и если онъ не сталъ ни злодѣемъ, ни святымъ, то это, я увѣренъ, отъ лѣни. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія...

ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но проницательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ бы казаться дерзкимъ, если бъ не былъ столь равнодушно-спокоенъ. Всѣ эти замѣчанія пришли мнѣ на умъ, можетъ быть, только потому, что я зналъ нѣкоторыя подробности его жизни, и, можетъ быть, на другого видъ его произвелъ бы совершенно различное впечатлѣніе; но такъ какъ вы о немъ не услышите ни отъ кого, кромѣ меня, то поневолѣ должны довольствоваться этимъ изображеніемъ. Скажу въ заключеніе, что онъ былъ вообще очень недуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физіономій, которыя особенно нравятся женщинамъ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему. —Если вы захотите еще немного подождать,—сказалъ я,—то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ...

— Ахъ, точно! —быстро отвѣчалъ онъ: —мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ?—Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ ужъ возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ, вырвавшись изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете?—сказалъ Печоринъ.

— А... ты?.. а вы?.. пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ: —сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?..

— Ѣду въ Персію—и дальше...

— Неужто сейчасъ?.. Да подождите, дражайшій!.. Неужто сейчасъ разстанемся?.. Сколько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ,—былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?.. Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?.. какъ?.. что подѣлывали?..

— Скучалъ!—отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житьё-бытьё въ крѣпости?.. Славная страна для охоты!.. Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла?..

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню!—сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ.

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два.—Мы славно пообѣдаемъ,—говорилъ онъ:—у меня есть два фазана; а кахетинское здѣсь прекрасно... разумѣется не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... Вы мнѣ разскажете про свое житьё въ Петербургѣ... А?..

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли... прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это.—Забыть!—проворчалъ онъ:—я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...

— Ну, полно, полно!—сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески:—неужели я не тотъ же? Что дѣлать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться—Богъ знаетъ!.. Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ и ямщикъ началъ подбирать возжи.

— Постой, постой!—закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски:—совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... Что мнѣ съ ними дѣлать?..

— Что хотите!—отвѣчалъ Печоринъ.—Прощайте...

— Такъ вы въ Персію?.. а когда вернетесь?.. кричалъ въ слѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко, но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукой, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ ли! да и не за чѣмъ!

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

— Да,—сказалъ онъ наконецъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ:—конечно, мы были пріятели—ну, да что пріятели въ нынѣшнемъ вѣкѣ!.. Что ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по лѣтамъ совсѣмъ ему не пара... Вишь какимъ онъ франтомъ сдѣлался, какъ побывалъ опять въ Петербургѣ... Что за коляска!.. сколько поклажи!.. и лакей такой гордый!.. Эти слова были произнесены съ иронической улыбкой.—Скажите,—продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ:—ну, что вы объ этомъ думаете?.. ну, какой бѣсъ несетъ его теперь въ Персію?.. Смѣшно, ей-Богу, смѣшно!.. Да я всегда зналъ, что онъ вѣтреный человѣкъ, на котораго нельзя надѣяться... А, право, жаль, что онъ дурно кончитъ... да и нельзя иначе!.. Ужъ я всегда говорилъ, что нѣтъ проку въ томъ, кто старыхъ друзей забываетъ!.. Тутъ онъ отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе, и пошелъ ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматриваетъ колеса, тогда какъ глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максимъ Максимычъ,—сказалъ я, подошедши къ нему:—а что это за бумаги вамъ оставилъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки...

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? Я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко...

— Вотъ онѣ всѣ,—сказалъ онъ;—поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?.. Что я, развѣ другъ его какой, или родственникъ?.. Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ!..

Я схватилъ бумаги и поскорѣе унесъ ихъ, боясь, чтобъ штабсъ-капитанъ не раскаялся. Скоро пришли намъ объявить, что черезъ часъ тронется оказія; я велѣлъ закладывать. Штабсъ-капитанъ вошелъ въ комнату въ то время, когда я уже надѣвалъ шапку; онъ, казалось, не готовился къ отъѣзду; у него былъ какой-то принужденный, холодный видъ.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать коййкакія казенныя вещи...

— Да вѣдь вы же были у него?

— Былъ, конечно,—сказалъ онъ, заминаясь;—да его дòма не было... а я не дождался...

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отъ роду, можетъ быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бумажнымъ,—и какъ же онъ былъ награжденъ.

— Очень жаль,—сказалъ я ему,—очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!.. Вы молодежь свѣтская, гордая; еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максимъ Максимычъ сдѣлался упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ. И отчего? Оттого, что Печоринъ, въ разсѣянности, или отъ другой причины, протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ кинуть-

ся ему на шею. Грустно видѣть, когда юноша теряетъ лучшія свои надежды и мечты, когда передъ нимъ отдергивается розовый флёръ, сквозь который онъ смотрѣлъ на дѣла и чувства человѣческія, хотя есть надежда, что онъ замѣнитъ старыя заблужденія новыми, не менѣе проходящими, но за то не менѣе сладкими... Но чѣмъ ихъ замѣнить въ лѣта Максима Максимыча? Поневолѣ сердце очерствѣетъ и душа закроется...

Я уѣхалъ одинъ *.

[Въ первый разъ въ Изданіи Глазунова 1840 г.].

Журналъ Печорина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно я узналъ, что Печоринъ, возвращаясь изъ Персіи, умеръ. Это извѣстіе меня очень обрадовало: оно давало мнѣ право печатать эти записки, и я воспользовался случаемъ поставить свое имя надъ чужимъ произведеніемъ. Дай Богъ, чтобъ читатели меня не наказали за такой невинный подлогъ!

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня предать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому; но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ, слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразить-

---

* Въ концѣ разсказа Лермонтовъ говоритъ: «Я пересмотрѣлъ записки Печорина и замѣтилъ по нѣкоторымъ мѣстамъ, что онъ готовилъ ихъ къ печати, безъ чего, конечно, я не рѣшился бы употребить во зло довѣренность штабсъ-капитана. Въ самомъ дѣлѣ, Печоринъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается къ читателямъ; вы это сами увидите, если то, что вы объ немъ знаете, не отбило у васъ охоты узнать его короче. На тетрадяхъ не было выставлено чиселъ. Нѣкоторыя, вѣроятно, потеряны, потому-то между ними нѣтъ большой связи, а я, не смотря на дурной примѣръ, поданный намъ нѣкоторыми журналистами, никакъ не рѣшился поправлять или доканчивать чужое произведеніе, за что, конечно, онъ самъ на меня сердиться не будетъ».

ся надъ его головою градомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній.

Перечитывая эти записки, я убѣдился въ искренности того, кто такъ безпощадно выставлялъ наружу собственныя слабости и пороки. Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она—слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ.

Итакъ, одно желаніе пользы заставило меня напечатать отрывки изъ журнала, доставшагося мнѣ случайно. Хотя я перемѣнилъ всѣ собственныя имена, но тѣ, о которыхъ въ немъ говорится, вѣроятно, себя узнаютъ и, можетъ быть, они найдутъ оправданіе поступкамъ, въ которыхъ до сей поры обвиняли человѣка, уже не имѣющаго отнынѣ ничего общаго съ здѣшнимъ міромъ: мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ.

Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта; но теперь я не смѣю взять на себя эту отвѣтственность по многимъ важнымъ причинамъ.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ—заглавіе этой книги.—Да это злая иронія!—скажутъ они.—Не знаю.

I.

ТАМАНЬ.

Тамань — самый скверный городишка изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи. Я тамъ чуть-чуть не умеръ съ голода, да еще вдобавокъ меня хотѣли утопить. Я пріѣхалъ на перекладной телѣжкѣ поздно ночью. Ямщикъ остановилъ ус-

талую тройку у воротъ единственнаго каменнаго дома, что при въѣздѣ. Часовой, черноморскій казакъ, услышавъ звонъ колокольчика, закричалъ съ просонья дикимъ голосомъ:—кто идетъ?—Вышелъ урядникъ и десятникъ. Я имъ объяснилъ, что я офицеръ, ѣду въ дѣйствующій отрядъ по казенной надобности, и сталъ требовать казенную квартиру. Десятникъ насъ повелъ по городу. Къ которой избѣ ни подъѣдемъ—занята. Было холодно: я три ночи не спалъ, измучился и началъ сердиться.—Веди меня куда-нибудь, разбойникъ! хоть къ чорту, только къ мѣсту!—закричалъ я.—Есть еще одна фатера,—отвѣчалъ десятникъ, почесывая затылокъ:—только вашему благородію не понравится: тамъ нечисто!—Не понявъ точнаго значенія послѣдняго слова, я велѣлъ ему итти впередъ, и послѣ долгаго странствованія по грязнымъ переулкамъ, гдѣ по сторонамъ я видѣлъ одни только ветхіе заборы, мы подъѣхали къ небольшой хатѣ на самомъ берегу моря.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на камышевую крышку, и бѣлыя стѣны моего новаго жилища; на дворѣ, обведенномъ оградой изъ булыжника, стояла, избочась, другая лачужка, менѣе и древнѣе первой. Берегъ обрывомъ спускался къ морю почти у самыхъ стѣнъ ея, и внизу съ безпрерывнымъ ропотомъ плескались темносинія волны. Луна тихо смотрѣла на безпокойную, но покорную ей стихію, и я могъ различить при свѣтѣ ея, далеко отъ берега, два корабля, которыхъ черныя снасти, подобно паутинѣ, неподвижно рисовались на блѣдной чертѣ небосклона.—Суда въ пристани есть,—подумалъ я:—завтра отправлюсь въ Геленджикъ.

При мнѣ исправлялъ должность денщика линейскій казакъ. Велѣвъ ему выложить чемоданъ и отпустить извозчика, я сталъ звать хозяина—молчатъ; стучу—молчатъ... что это? Наконецъ изъ сѣней выползъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

— Гдѣ хозяинъ?—Не-мà.—Какъ, совсѣмъ нѣту?—Совсимъ.—А хозяйка?—Побигла въ слободку.—Кто же мнѣ отопретъ дверь?—сказалъ я, ударивъ въ нее ногою. Дверь сама отворилась; изъ хаты повѣяло сыростью. Я засвѣтилъ сѣрную спичку и поднесъ ее къ носу мальчика: она озарила два бѣлые глаза. Онъ былъ слѣпой, совершенно слѣпой отъ

природы. Онъ стоялъ передо мною неподвижно и я началъ разсматривать черты его лица.

Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою; какъ будто, съ потерею члена, душа теряетъ какое-нибудь чувство.

Итакъ, я началъ разсматривать лицо слѣпого; но что прикажете прочитать на лицѣ, у котораго нѣтъ глазъ?.. Долго я глядѣлъ на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, какъ вдругъ едва примѣтная улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ его и, не знаю отчего, она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ головѣ моей родилось подозрѣніе, что этотъ слѣпой не такъ слѣпъ, какъ оно кажется; напрасно я старался увѣрить себя, что бѣльмы поддѣлать невозможно, да и съ какой цѣлью? Но что дѣлать?—я часто склоненъ къ предубѣжденіямъ...

— Ты хозяйскій сынъ?—спросилъ я его наконецъ.—Ни. —Кто же ты?—Сирота, убогій.—А у хозяйки есть дѣти?—Ни; была дочь, да утикла за море съ татариномъ.—Съ какимъ татариномъ?—А бисъ его знаетъ! крымскій татаринъ, лодочникъ изъ Керчи.

Я вошелъ въ хату: двѣ лавки и столъ, да огромный сундукъ возлѣ печи составляли всю ея мебель. На стѣнѣ ни одного образа—дурной знакъ! Въ разбитое стекло врывался морской вѣтеръ. Я вытащилъ изъ чемодана восковой огарокъ и, засвѣтивъ его, сталъ раскладывать вещи, поставилъ въ уголокъ шашку и ружье, пистолеты положилъ на столъ, разостлалъ бурку на лавкѣ, казакъ свою на другой; черезъ десять минутъ онъ захрапѣлъ, но я не могъ заснуть: передо мной во мракѣ все вертѣлся мальчикъ съ бѣлыми глазами.

Такъ прошло около часа. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно, и лучъ его игралъ по земляному полу хаты. Вдругъ на яркой полосѣ, пересѣкающей полъ, промелькнула тѣнь. Я привсталъ и взглянулъ въ окно: кто-то вторично пробѣжалъ мимо его и скрылся Богъ знаетъ куда. Я не могъ полагать, чтобъ это существо сбѣжало по отвѣсу берега; однако, иначе ему некуда было дѣ-

ваться. Я всталъ, накинулъ бешметъ, опоясалъ кинжалъ и тихо-тихо вышелъ изъ хаты; навстрѣчу мнѣ слѣпой мальчикъ. Я притаился у забора, и онъ вѣрной, но осторожной поступью прошелъ мимо меня. Подъ мышкой онъ несъ какой-то узелъ и, повернувъ къ пристани, сталъ спускаться по узкой и крутой тропинкѣ.—Въ тотъ день нѣмые возопіютъ и слѣпые прозрятъ,—подумалъ я, слѣдуя за нимъ въ такомъ разстояніи, чтобъ не терять его изъ вида.

Между тѣмъ луна начала одѣваться тучами и на морѣ поднялся туманъ; едва сквозь него свѣтился фонарь на кормѣ ближняго корабля; у берега сверкала пѣна валуновъ, ежеминутно грозящихъ его потопить. Я, съ трудомъ спускаясь, пробирался по крутизнѣ, и вотъ вижу: слѣпой пріостановился, потомъ повернулъ низомъ направо; онъ шелъ такъ близко отъ воды, что, казалось, сейчасъ волна его схватитъ и унесетъ; но видно это была не первая его прогулка, судя по увѣренности, съ которой онъ ступалъ съ камня на камень и избѣгалъ рытвинъ. Наконецъ онъ остановился, будто прислушиваясь къ чему-то, присѣлъ на землю и положилъ возлѣ себя узелъ. Я наблюдалъ за его движеніями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя нѣсколько минутъ, съ противоположной стороны показалась бѣлая фигура; она подошла къ слѣпому и сѣла возлѣ него. Вѣтеръ по временамъ приносилъ мнѣ ихъ разговоръ.

— Что́, слѣпой?—сказалъ женскій голосъ:—буря сильна; Янко не будетъ.—Янко не боится бури,—отвѣчалъ тотъ.—Туманъ густѣетъ,—возразилъ опять женскій голосъ, съ выраженіемъ печали.

— Въ туманѣ лучше пробраться мимо сторожевыхъ судовъ,—былъ отвѣтъ.—А если онъ утонетъ?—Ну, что жъ? въ воскресенье ты пойдешь въ церковь безъ новой ленты.

Послѣдовало молчаніе; меня, однако, поразило одно: слѣпой говорилъ со мною малороссійскимъ нарѣчіемъ, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

— Видишь, я правъ,—сказалъ опять слѣпой, ударивъ въ ладоши:—Янко не боится ни моря, ни вѣтровъ, ни тумана,

ни береговыхъ сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещетъ, меня не обманешь—это его длинныя весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться въ даль съ видомъ безпокойства.

— Ты бредишь, слѣпой!—сказала она:—я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалекѣ что-нибудь на подобіе лодки, но безуспѣшно. Такъ прошло минутъ десять; и вотъ показалась между горами волнъ черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волнъ, быстро спускаясь съ нихъ, приближалась къ берегу лодка.—Отваженъ былъ пловецъ, рѣшившійся въ такую ночь пуститься чрезъ проливъ на разстояніе двадцати верстъ, и важная должна быть причина, его къ тому побудившая.—Думая такъ, я, съ невольнымъ біеніемъ сердца, глядѣлъ на бѣдную лодку; но она, какъ утка, ныряла, и потомъ, быстро взмахнувъ веслами, будто крыльями, выскакивала изъ пропасти среди брызговъ пѣны; и вотъ, я думалъ, она ударится съ размаха объ берегъ и разлетится въ дребезги; но она ловко повернулась бокомъ и вскочила въ маленькую бухту невредима. Изъ нея вышелъ человѣкъ средняго роста, въ татарской бараньей шапкѣ; онъ махнулъ рукою—и всѣ трое принялись вытаскивать что-то изъ лодки; грузъ былъ такъ великъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ она не потонула. Взявъ на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерялъ ихъ изъ вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, всѣ эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казакъ мой былъ очень удивленъ, когда, проснувшись, увидѣлъ меня совсѣмъ одѣтаго; я ему, однакожъ, не сказалъ причины. Полюбовавшись нѣсколько времени изъ окна на голубое небо, усѣянное разорванными облачками, на дальній берегъ Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесомъ, на вершинѣ коего бѣлѣется маячная башня, я отправился въ крѣпость Фанагорію, чтобъ узнать отъ коменданта о часѣ моего отъѣзда въ Геленджикъ.

Но—увы! комендантъ ничего не могъ сказать мнѣ рѣшительнаго. Суда, стоящія въ пристани, были всѣ или стороже-

вые, или купеческія, которыя еще даже не начинали нагружаться.—Можетъ быть, дня черезъ три, четыре придетъ почтовое судно,—сказалъ комендантъ:—и тогда мы увидимъ.—Я вернулся домой угрюмъ и сердитъ. Меня въ дверяхъ встрѣтилъ казакъ мой съ испуганнымъ лицомъ.

— Плохо, ваше благородіе!—сказалъ онъ мнѣ.

— Да, братъ, Богъ знаетъ, когда мы отсюда уѣдемъ!

Тутъ онъ еще больше встревожился и, наклонясь ко мнѣ, сказалъ шопотомъ:—здѣсь нечисто! я встрѣтилъ сегодня черноморскаго урядника; онъ мнѣ знакомъ—былъ прошлаго года въ отрядѣ; какъ я ему сказалъ, гдѣ мы остановились, а онъ мнѣ: здѣсь, братъ, нечисто, люди недобрые!... Да и въ самомъ дѣлѣ, что это за слѣпой!... ходитъ вездѣ одинъ, и на базаръ, за хлѣбомъ и за водой... ужъ, видно, здѣсь къ этому привыкли.

— Да что жъ? по крайней мѣрѣ, показалась ли хозяйка?...

— Сегодня безъ васъ пришла старуха и съ ней дочь.

— Какая дочь? у нея нѣтъ дочери.—А Богъ ее знаетъ, кто она, коли не дочь; да вонъ старуха сидитъ теперь въ своей хатѣ.

Я вошелъ въ лачужку. Печь была жарко натоплена, и въ ней варился обѣдъ довольно роскошный для бѣдняковъ. Старуха на всѣ мои вопросы отвѣчала, что она глуха, не слышитъ. Что было съ ней дѣлать? Я обратился къ слѣпому, который сидѣлъ передъ печью и подкладывалъ въ огонь хворостъ.—Ну-ка, слѣпой чертёнокъ,—сказалъ я, взявъ его за ухо:—говори, куда ты ночью таскался съ узломъ—а?—Вдругъ мой слѣпой заплакалъ, закричалъ, заохалъ:—куды я ходивъ?... никуды не ходивъ... съ узломъ?... якимъ узломъ?—Старуха на этотъ разъ услышала и стала ворчать:—Вотъ выдумываютъ, да еще на убогаго! За что вы его? что онъ вамъ сдѣлалъ?—Мнѣ это надоѣло и я вышелъ, твердо рѣшившись достать ключъ этой загадки.

Я завернулся въ бурку и сѣлъ у забора на камень, поглядывая въ даль; передо мной тянулось ночною бурею взволнованное море, и однообразный шумъ его, подобный ропоту засыпающаго города, напомнилъ мнѣ старые годы, перенесъ мои

мысли на сѣверъ, въ нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаніями, я забылся... Такъ прошло около часа; можетъ быть, и болѣе... Вдругъ что-то похожее на пѣсню поразило мой слухъ. Точно это была пѣсня, и женскій свѣжій голосокъ— но откуда?... Прислушиваюсь: напѣвъ стройный—то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь— никого нѣтъ кругомъ; прислушиваюсь снова—звуки какъ будто падаютъ съ неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ распущенными косами, настоящая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ лучей солнца, она пристально всматривалась въ даль, то смѣялась и разсуждала сама съ собой, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова:

Какъ по вольной волюшкѣ—
По зелену морю,
Ходятъ все кораблики
Бѣлопарусники.

Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодка не снащеная
Двухвесельная.

Буря ль разыграется—
Старые кораблики
Приподымутъ крылышки,
По морю размечутся.

Стану морю кланяться
Я низехонько:
«Ужъ не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:

Везетъ моя лодочка
Вещи драгоцѣнныя,
Правитъ ею въ темну ночь
Буйная головушка».

Мнѣ невольно пришло на мысль, что ночью я слышалъ тотъ же голосъ; я на минуту задумался, и когда снова посмотрѣлъ на крышу, дѣвушки тамъ не было. Вдругъ она пробѣжала мимо меня, напѣвая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбѣжала къ старухѣ, и тутъ начался между ними споръ. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вотъ вижу, бѣжитъ опять

въ припрыжку моя Ундина; поровнявшись со мной, остановилась и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, какъ будто удивленная моимъ присутствіемъ; потомъ небрежно обернулась и тихо пошла къ пристани. Этимъ не кончилось: цѣлый день она вертѣлась около моей квартиры; пѣнье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лицѣ ея не было никакихъ признаковъ безумія; напротивъ, глаза ея съ бойкою проницательностью останавливались на мнѣ, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякій разъ они какъ будто бы ждали вопроса. Но только я начиналъ говорить, она убѣгала, коварно улыбаясь.

Рѣшительно я никогда подобной женщины не видывалъ. Она была далеко не красавица, но я имѣю свои предубѣжденія также и насчетъ красоты. Въ ней было много породы... порода въ женщинахъ, какъ и въ лошадяхъ, великое дѣло: это открытіе принадлежитъ юной Франціи. Она, т. е. порода, а не юная Франція, большею частью изобличается въ поступи, въ рукахъ и ногахъ; особенно носъ очень много значитъ. Правильный носъ въ Россіи рѣже маленькой ножки. Моей пѣвуньѣ казалось не болѣе 18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея стана, особенное, ей только свойственное, наклоненіе головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отливъ ея слегка загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ, и особенно правильный носъ — все это было для меня обворожительно. Хотя въ ея косвенныхъ взглядахъ я читалъ что-то дикое и подозрительное, хотя въ ея улыбкѣ было что-то неопредѣленное, но такова сила предубѣжденій: правильный носъ свелъ меня съ ума; я вообразилъ, что нашелъ Гётеву Миньйону—это причудливое созданіе его нѣмецкаго воображенія; и точно, между ними было много сходства: тѣ же быстрые переходы отъ величайшаго безпокойства къ полной неподвижности, тѣ же загадочныя рѣчи, тѣ же прыжки, странныя пѣсни...

Подъ вечеръ, остановивъ ее въ дверяхъ, я завелъ съ нею слѣдующій разговоръ:

— Скажи-ка мнѣ, красавица,—спросилъ я:—что ты дѣлала сегодня на кровлѣ?—А смотрѣла, откуда вѣтеръ дуетъ.—Зачѣмъ тебѣ?—Откуда вѣтеръ, оттуда и счастье.—Что же? раз-

вѣ ты пѣснею зазывала счастье?—Гдѣ поётся, тамъ и счастливится.—А какъ неравно напоешь себѣ горе?—Ну что жъ? гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа до добра опять не далеко.—Кто жъ тебя выучилъ этой пѣснѣ?—Никто не выучилъ; вздумается—запою; кому услыхать, тотъ услышитъ; а кому не должно слышать, тотъ не пойметъ.—А какъ тебя зовутъ, моя пѣвунья?—Кто крестилъ, тотъ знаетъ.—А кто крестилъ?—Почему я знаю.—Экая скрытная! А вотъ я кое-что про тебя узналъ [она не измѣнилась въ лицѣ, не пошевельнула губами, какъ будто не объ ней дѣло]. Я узналъ, что ты вчера ночью ходила на берегъ.—И тутъ я очень важно пересказалъ ей все, что̀ видѣлъ, думая смутить ее; нимало! Она захохотала во все горло.—Много видѣли, да мало знаете; а что знаете, такъ держите подъ замочкомъ.—А если бъ я, напримѣръ, вздумалъ донести коменданту?—и тутъ я сдѣлалъ очень серіозную, даже строгую мину. Она вдругъ прыгнула, запѣла и скрылась, какъ птичка, выпугнутая изъ кустарника. Послѣднія слова мои были вовсе не у мѣста; я тогда не подозрѣвалъ ихъ важности, но впослѣдствіи имѣлъ случай въ нихъ раскаяться.

Только что смерклось, я велѣлъ казаку нагрѣть чайникъ по походному, засвѣтилъ свѣчу и сѣлъ у стола, покуривая изъ дорожной трубки. Ужъ я доканчивалъ второй стаканъ чая, какъ вдругъ дверь скрипнула, легкій шорохъ платья и шаговъ послышался за мной; я вздрогнулъ и обернулся—то была она, моя Ундина. Она сѣла противъ меня тихо и безмолвно, и устремила на меня глаза свои, и не знаю почему, но этотъ взоръ показался мнѣ чудно нѣженъ; онъ мнѣ напомнилъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые въ старые годы такъ самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчалъ, полный неизъяснимаго смущенія. Лицо ея было покрыто тусклой блѣдностью, изобличавшей волненіе душевное; рука ея безъ цѣли бродила по столу, и я замѣтилъ въ ней легкій трепетъ; грудь ея то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыханіе. Эта комедія начинала мнѣ надоѣдать, и я готовъ былъ прервать молчаніе самымъ прозаическимъ образомъ, то есть предложить ей стаканъ чая, какъ вдругъ она

вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцѣлуй прозвучалъ на губахъ моихъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло, голова закружилась, я сжалъ ее въ моихъ объятіяхъ со всею силою юношеской страсти, но она, какъ змѣя, скользнула между моими руками, шепнувъ мнѣ на ухо:—нынче ночью, какъ всѣ уснутъ, выходи на берегъ,—и стрѣлою выскочила изъ комнаты. Въ сѣняхъ она опрокинула чайникъ и свѣчу, стоявшую на полу.—Экій бѣсъ-дѣвка!—закричалъ казакъ, расположившійся на соломѣ и мечтавшій согрѣться остатками чая. Только тутъ я опомнился.

Часа черезъ два, когда все на пристани умолкло, я разбудилъ своего казака.—Если я выстрѣлю изъ пистолета,—сказалъ я ему, то бѣги на берегъ.—Онъ выпучилъ глаза и машинально отвѣчалъ:—слушаю, ваше благородіе.—Я заткнулъ за поясъ пистолетъ и вышелъ. Она дожидалась меня на краю спуска; ея одежда была болѣе нежели легкая, небольшой платокъ опоясывалъ ея гибкій станъ.

— Идите за мной!—сказала она, взявъ меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, какъ я не сломилъ себѣ шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дорогѣ, гдѣ наканунѣ я слѣдовалъ за слѣпымъ. Мѣсяцъ еще не вставалъ, и только двѣ звѣздочки, какъ два спасительные маяка, сверкали на темносинемъ сводѣ. Тяжелыя волны мѣрно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную къ берегу.—Войдемъ въ лодку,—сказала моя спутница. Я колебался—я не охотникъ до сантиментальныхъ прогулокъ по морю; но отступать было не время. Она прыгнула въ лодку, я за ней, и не успѣлъ еще опомниться, какъ замѣтилъ, что мы плывемъ.—Что это значитъ?—сказалъ я сердито.—Это значитъ,—отвѣчала она, сажая меня на скамью и обвивъ мой станъ руками:—это значитъ, что я тебя люблю... Щека ея прижалась къ моей, и я почувствовалъ на лицѣ моемъ ея пламенное дыханіе. Вдругъ что-то шумно упало въ воду; я хвать за поясъ—пистолета нѣтъ. О! тутъ ужасное подозрѣніе закралось мнѣ въ душу, кровь хлынула мнѣ въ голову! Оглядываюсь—мы отъ берега около пятидесяти саженъ, а я не умѣю плавать! Хочу оттолкнуть ее отъ себя—

она, какъ кошка, вцѣпилась въ мою одежду, и вдругъ сильный толчокъ едва не сбросилъ меня въ море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бѣшенство придавало мнѣ силы, но я скоро замѣтилъ, что уступаю моему противнику въ ловкости...—Чего ты хочешь!—закричалъ я, крѣпко сжавъ ея маленькія руки; пальцы ея хрустѣли, но она не вскрикнула: ея змѣиная натура выдержала эту пытку.

— Ты видѣлъ,—отвѣчала она:—ты донесешь!—и сверхъестественнымъ усиліемъ повалила меня на бортъ; мы оба по поясъ свѣсились изъ лодки; ея волосы касались воды; минута была рѣшительная. Я уперся колѣнкою въ дно, схватилъ ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросилъ ее въ волны.

Было уже довольно темно; голова ея мелькнула раза два среди морской пѣны, и больше я ничего не видалъ...

На днѣ лодки я нашелъ половину стараго весла, и кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, причалилъ къ пристани. Пробираясь берегомъ къ своей хатѣ, я невольно всматривался въ ту сторону, гдѣ наканунѣ слѣпой дожидался ночного пловца. Луна уже катилась по небу, и мнѣ показалось, что кто-то въ бѣломъ сидѣлъ на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытствомъ, и прилегъ въ травѣ надъ обрывомъ берега; высунувъ немного голову, я могъ хорошо видѣть съ утеса все, что внизу дѣлалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнавъ мою русалку. Она выжимала морскую пѣну изъ длинныхъ волосъ своихъ; мокрая рубашка обрисовывала гибкій станъ ея и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка: быстро приблизилась она; изъ нея, какъ наканунѣ, вышелъ человѣкъ въ татарской шапкѣ, но остриженъ онъ былъ по-казацки, и за ременнымъ поясомъ его торчалъ большой ножъ. —Янко,—сказала она: все пропало!—Потомъ разговоръ ихъ продолжался, но такъ тихо, что я ничего не могъ разслушать.—А гдѣ же слѣпой?—сказалъ наконецъ Янко, возвыся голосъ. —Я его послала,—былъ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился слѣпой, таща на спинѣ мѣшокъ, который положили въ лодку.

— Послушай, слѣпой! — сказалъ Янко: — ты береги то мѣсто... знаешь? тамъ богатые товары... скажи [имени я не разслушалъ], что я ему больше не слуга; дѣла пошли худо, онъ меня больше не увидитъ; теперь опасно; поѣду искать работы въ другомъ мѣстѣ, а ему ужъ такого удальца не найти. Да скажи, кабы онъ получше платилъ за труды, такъ и Янко бы его не покинулъ; а мнѣ вездѣ дорога, гдѣ только вѣтеръ дуетъ и море шумитъ! — Послѣ нѣкотораго молчанія Янко продолжалъ: — она поѣдетъ со мною; ей нельзя здѣсь оставаться; а старухѣ скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Насъ же больше не увидитъ.

— А я! — сказалъ слѣпой жалобнымъ голосомъ.

— На что мнѣ тебя? — былъ отвѣтъ.

Между тѣмъ моя Ундина вскочила въ лодку и махнула товарищу рукой; онъ что-то положилъ слѣпому въ руку, примолвивъ: — На, купи себѣ пряниковъ. — Только? — сказалъ слѣпой. — Ну, вотъ тебѣ еще — и упавшая монета зазвенѣла, ударясь о камень. Слѣпой ея не поднялъ. Янко сѣлъ въ лодку; вѣтеръ дулъ отъ берега; они подняли маленькій парусъ и быстро понеслись. Долго при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ; слѣпой все сидѣлъ на берегу, и вотъ мнѣ послышалось что-то похожее на рыданіе: слѣпой мальчикъ точно плакалъ, и долго, долго... Мнѣ стало грустно. И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ *честныхъ контрабандистовъ*? Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну?

Я возвратился домой. Въ сѣняхъ трещала догорѣвшая свѣча въ деревянной тарелкѣ, и казакъ мой, вопреки приказанію, спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками. Я его оставилъ въ покоѣ, взялъ свѣчу и вошелъ въ хату. Увы! моя шкатулка, шашка съ серебряной оправой, дагестанскій кинжалъ — подарокъ пріятеля, все исчезло. Тутъ-то я догадался, какія вещи тащилъ проклятый слѣпой. Разбудивъ казака довольно невѣжливымъ толчкомъ, я побранилъ его, посердился, а дѣлать было нечего! И не смѣшно ли было бы жаловаться начальству, что слѣпой мальчикъ меня обокралъ, а

восьмнадцатилѣтняя дѣвушка чуть-чуть не утопила? Слава Богу, поутру явилась возможность ѣхать, и я оставилъ Тамань. Что сталось съ старухой и съ бѣднымъ слѣпымъ — не знаю. Да и какое дѣло мнѣ до радостей и бѣдствій человѣческихъ, мнѣ, странствующему офицеру, да еще съ подорожной по казенной надобности!...

[Первый разъ напеч. въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г., VIII, стр. 144].

II.

КНЯЖНА МЕРИ.

11-го мая *.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный: на западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури»; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа,—а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако

---

* Въ рукописи стояло: *Пятигорскъ*, 12-го мая (въ числахъ вообще разница: вмѣсто іюня 13-го, 14-го, 18-го, 22-го, 24-го, 25-го, 26-го— стоитъ 5-го, 6-го, 10-го, 11-го, 12-го, 14-го, 15-го іюня).

пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.

. . . .

Спустясь въ середину города, я пошелъ бульваромъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько печальныхъ группъ, медленно подымающихся въ гору: то были большею частію семейства степныхъ помѣщиковъ; объ этомъ можно было тотчасъ догадаться по истертымъ старомоднымъ сюртукамъ мужей и по изысканнымъ нарядамъ женъ и дочерей. Видно, у нихъ вся *водяная* молодежь была уже на перечетѣ, потому что они на меня посмотрѣли съ нѣжнымъ любопытствомъ; петербургскій покрой сюртука ввелъ ихъ въ заблужденіе, но скоро, узнавъ армейскіе эполеты, они съ негодованіемъ отвернулись.

Жены мѣстныхъ властей, такъ сказать хозяйки водъ, были благосклоннѣе; у нихъ есть лорнеты; онѣ менѣе обращаютъ вниманія на мундиръ; онѣ привыкли на Кавказѣ встрѣчать подъ нумерованной пуговицей пылкое сердце, и подъ бѣлой фуражкой образованный умъ. Эти дамы очень милы, и долго милы! Всякій годъ ихъ обожатели смѣняются новыми, и въ этомъ-то, можетъ быть, секретъ ихъ неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинкѣ къ Елизаветинскому источнику, я обогналъ толпу мужчинъ статскихъ и военныхъ, которые, какъ я узналъ послѣ, составляютъ особенный классъ людей между чающими движенія воды. Они пьютъ — однако не воду, гуляютъ мало, волочатся только мимоходомъ: они играютъ и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стаканъ въ колодецъ кислосѣрной воды, они принимаютъ академическія позы; статскіе носятъ свѣтло-голубые галстухи, военные выпускаютъ изъ-за воротника брыжжи. Они исповѣдуютъ глубокое презрѣніе къ провинціальнымъ дамамъ и вздыхаютъ о столичныхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ не пускаютъ.

Наконецъ вотъ и колодецъ... На площадкѣ, близъ него, построенъ домикъ съ красной кровлею надъ ванной, а подальше галлерея, гдѣ гуляютъ во время дождя. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли,—блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходило взадъ и

впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія водъ. Между ними были два-три хорошенькія личика. Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, мелькала порою пестрая шляпка любительницы уединенія вдвоемъ, потому что всегда возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку или безобразную круглую шляпу. На крутой скалѣ, гдѣ построенъ павильонъ, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ; между ними были два гувернера съ своими воспитанниками, пріѣхавшими лѣчиться отъ золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю горы, и, прислонясь къ углу домика, сталъ разсматривать живописную окрестность, какъ вдругъ слышу за собой знакомый голосъ:

— Печоринъ! давно ли здѣсь?

Оборачиваюсь: Грушницкій! Мы обнялись. Я познакомился съ нимъ въ дѣйствующемъ отрядѣ. Онъ былъ раненъ пулей въ ногу и поѣхалъ на воды, съ недѣлю прежде меня.

Грушницкій—юнкеръ. Онъ только годъ въ службѣ; носитъ по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель, У него георгіевскій солдатскій крестикъ. Онъ хорошо сложенъ, смуглъ и черноволосъ; ему на видъ можно дать 25 лѣтъ, хотя ему едва ли 21 годъ. Онъ закидываетъ голову назадъ, когда говоритъ, и поминутно крутитъ усы лѣвой рукой, ибо правою опирается на костыль. Говоритъ онъ скоро и вычурно; онъ изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовыя пышныя фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія. Производить эффектъ—ихъ наслажденіе; они нравятся романтическимъ провинціалкамъ до безумія. Подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами; иногда тѣмъ и другимъ. Въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи. Грушницкаго страсть была декламировать: онъ закидывалъ васъ словами, какъ скоро разговоръ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ понятій; спорить съ нимъ я никогда не могъ. Онъ не отвѣчаетъ на ваши возраженія, онъ васъ не слушаетъ. Только-что вы остановитесь, онъ начинаетъ

длинную тираду, повидимому имѣющую какую-то связь съ тѣмъ, что вы сказали, но которая въ самомъ дѣлѣ есть только продолженіе его собственной рѣчи.

Онъ довольно остёръ; эпиграммы его часто забавны, но никогда не бываютъ мѣтки и злы: онъ никого не убьетъ однимъ словомъ; онъ не знаетъ людей и ихъ слабыхъ струнъ, потому что занимался цѣлую жизнь однимъ собою. Его цѣль—сдѣлаться героемъ романа. Онъ такъ часто старался увѣрить другихъ въ томъ, что онъ существо не созданное для міра, обреченное какимъ-то тайнымъ страданіямъ, что онъ самъ почти въ этомъ увѣрился. Оттого онъ такъ гордо носитъ свою толстую солдатскую шинель. Я его понялъ, и онъ за это меня не любитъ, хотя мы наружно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Грушницкій слыветъ отличнымъ храбрецомъ; я его видѣлъ въ дѣлѣ: онъ махаетъ шашкой, кричитъ и бросается впередъ, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!..

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь съ нимъ столкнемся на узкой дорогѣ—и одному изъ насъ не сдобровать.

Пріѣздъ его на Кавказъ—также слѣдствіе его романтическаго фанатизма. Я увѣренъ, что наканунѣ отъѣзда изъ отцовской деревни, онъ говорилъ съ мрачнымъ видомъ какой-нибудь хорошенькой сосѣдкѣ, что онъ ѣдетъ не такъ, просто, служить, но что ищетъ смерти, потому что... тутъ онъ, вѣрно, закрывъ глаза рукою, продолжаетъ такъ:—нѣтъ, вы [или ты] этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да къ чему? Что̀ я для васъ? Поймете ли вы меня?... и такъ далѣе.

Онъ мнѣ самъ говорилъ, что причина, побудившая его вступить въ К. полкъ, останется вѣчною тайною между нимъ и небесами.

Впрочемъ, въ тѣ минуты, когда сбрасываетъ трагическую мантію, Грушницкій довольно милъ и забавенъ. Мнѣ любопытно видѣть его съ женщинами: тутъ-то, я думаю, старается!

Мы встрѣтились старыми пріятелями. Я началъ его разспрашивать объ образѣ жизни на водахъ и о примѣчательныхъ лицахъ.

— Мы ведемъ жизнь довольно прозаическую, сказалъ онъ, вздохнувъ: пьющіе утромъ воду—вялы, какъ всѣ больные, а пьющіе вино по вечеру—несносны, какъ всѣ здоровые. Женскія общества есть; только отъ нихъ небольшое утѣшеніе: онѣ играютъ въ вистъ, одѣваются дурно и ужасно говорятъ по-французски! Нынѣшній годъ изъ Москвы одна только княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними не знакомъ. Моя солдатская шинель—какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело какъ милостыня.

Въ эту минуту прошли къ колодцу мимо насъ двѣ дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Ихъ лица за шляпками я не разглядѣлъ, но онѣ одѣты были по строгимъ правиламъ лучшаго вкуса: ничего лишняго. На второй было закрытое платье gris de perles; легкая шелковая косынка вилась вокругъ ея гибкой шеи. Ботинки couleur puce стягивали у щиколки ея сухощавую ножку такъ мило, что даже непосвященный въ таинства красоты непремѣнно бы ахнулъ, хотя отъ удивленія. Ея легкая, но благородная походка имѣла въ себѣ что-то дѣвственное, ускользающее отъ опредѣленія, но понятное взору. Когда она прошла мимо насъ, отъ нея повѣяло тѣмъ неизъяснимымъ ароматомъ, которымъ дышитъ иногда записка милой женщины.

— Вотъ княгиня Лиговская,—сказалъ Грушницкій:—и съ нею дочь ея Мери, какъ она ее называетъ на англійскій манеръ. Онѣ здѣсь только три дня.

— Однако ты ужъ знаешь ея имя?

— Да, я случайно слышалъ,—отвѣчалъ онъ покраснѣвъ.— Признаюсь, я не желаю съ ними познакомиться. Эта гордая знать смотритъ на насъ, армейцевъ, какъ на дикихъ. И какое имъ дѣло, есть ли умъ подъ нумерованной фуражкой и сердце подъ толстой шинелью?

— Бѣдная шинель!—сказалъ я, усмѣхаясь.—А кто этотъ господинъ, который къ нимъ подходитъ и такъ услужливо подаетъ имъ стаканъ?

— О! это московскій франтъ Раевичъ. Онъ игрокъ: это видно тотчасъ по золотой огромной цѣпи, которая извивается по

его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузоэ; да и борода кстати, и прическа à la moujik.

— Ты озлобленъ противъ всего рода человѣческаго?

— И есть за что...

— О! право?

Въ это время дамы отошли отъ колодца и поровнялись съ нами. Грушницкій успѣлъ принять драматическую позу съ помощью костыля и громко отвѣчалъ мнѣ по французски:

— Mon cher, je haïs les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante.

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгимъ, любопытнымъ взоромъ. Выраженіе этого взора было очень неопредѣленно, но не насмѣшливо, съ чѣмъ я внутренно отъ души его поздравилъ.

— Эта княжна Мери прехорошенькая,—сказалъ я ему.—У нея такіе бархатные глаза—именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря объ ея глазахъ; нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гладятъ. Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... А что у нея зубы бѣлы? Это очень важно! Жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.

— Ты говоришь о хорошенькой женщинѣ, какъ объ англійской лошади, — сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ.

— Mon cher,—отвѣчалъ я ему, стараясь поддѣлаться подъ его тонъ:—je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule.

Я повернулся и пошелъ отъ него прочь. Съ полчаса гулялъ я по виноградным аллеямъ, по известчатымъ скаламъ и висящимъ между нихъ кустарникамъ. Становилось жарко, и я поспѣшилъ домой. Проходя мимо кислосѣрнаго источника, я остановился у крытой галлереи, чтобъ вздохнуть подъ ея тѣнью, и это доставило мнѣ случай быть свидѣтелемъ довольно любопытной сцены. Дѣйствующія лица находились вотъ въ какомъ положеніи: княгиня съ московскимъ франтомъ сидѣла на лавкѣ, въ крытой галлереѣ, и оба были заняты, кажется, серьёз-

нымъ разговоромъ. Княжна, вѣроятно, допивъ ужъ послѣдній стаканъ, прохаживалась задумчиво у колодца. Грушницкій стоялъ у самаго колодца; больше на площадкѣ никого не было.

Я подошелъ ближе и спрятался за уголъ галлереи. Въ эту минуту Грушницкій уронилъ свой стаканъ на песокъ и усиливался нагнуться, чтобъ его поднять; больная нога ему мѣшала. Бѣдняжка! какъ онъ ухитрялся, опираясь на костыль и все напрасно. Выразительное лицо его въ самомъ дѣлѣ изображало страданіе.

Княжна Мери видѣла все это лучше меня.

Легче птички она къ нему подскочила, нагнулась, подняла стаканъ и подала ему съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести: потомъ ужасно покраснѣла, оглянулась на галлерею, и убѣдившись, что ея маменька ничего не видала, кажется, тотчасъ же успокоилась. Когда Грушницкій открылъ ротъ, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко. Черезъ минуту она вышла изъ галлереи съ матерью и франтомъ, но, проходя мимо Грушницкаго, приняла видъ такой чинный и важный—даже не обернулась, даже не замѣтила его страстнаго взгляда, которымъ онъ долго ее провожалъ, пока, спустившись съ горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вотъ ея шляпка мелькнула черезъ улицу: она вбѣжала въ ворота одного дома изъ лучшихъ домовъ Пятигорска; за нею прошла княгиня и у воротъ раскланялась съ Раевичемъ.

Только тогда бѣдный, страстный юнкеръ замѣтилъ мое присутствіе.

— Ты видѣлъ?—сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку:—это просто ангелъ!

— Отчего?—спросилъ я съ видомъ чистѣйшаго простодушія.

— Развѣ ты не видалъ?

— Нѣтъ, видѣлъ: она подняла твой стаканъ. Если бъ былъ тутъ сторожъ, то онъ сдѣлалъ бы то же самое, и еще поспѣшнѣе, надѣясь получить на водку. Впрочемъ, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сдѣлалъ такую ужасную гримасу, когда ступилъ на простреленную ногу...

— И ты не былъ нисколько тронутъ, глядя на нее въ эту минуту, когда душа сіяла на лицѣ ея?

— Нѣтъ.

Я лгалъ; но мнѣ хотѣлось его побѣсить. У меня врожденная страсть противорѣчить; цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ, и, я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя. Признаюсь еще, чувство непріятное, но знакомое, пробѣжало слегка въ это мгновеніе по моему сердцу; это чувство было—зависть; я говорю смѣло «зависть», потому что привыкъ себѣ во всемъ признаваться; и врядъ ли найдется молодой человѣкъ, который, встрѣтивъ хорошенькую женщину, приковавшую его праздное вниманіе и вдругъ явно при немъ отличившую другого, ей равно незнакомаго, врядъ ли, говорю, найдется такой молодой человѣкъ [разумѣется, жившій въ большомъ свѣтѣ и привыкшій баловать свое самолюбіе], который бы не былъ этимъ пораженъ непріятно.

Молча съ Грушницкимъ спустились мы съ горы и прошли по бульвару мимо оконъ дома, гдѣ скрылась наша красавица. Она сидѣла у окна. Грушницкій, дернувъ меня за руку, бросилъ на нее одинъ изъ тѣхъ мутно-нѣжныхъ взглядовъ, которые такъ мало дѣйствуютъ на женщинъ. Я навелъ на нее лорнетъ и замѣтилъ, что она отъ его взгляда улыбнулась, и что мой дерзкій лорнетъ разсердилъ ее не на шутку. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, смѣетъ кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну?... *

13-го мая.

Нынче по утру зашелъ ко мнѣ докторъ; его имя Вернеръ, но онъ русскій. Что тутъ удивительнаго? Я зналъ одного Иванова, который былъ нѣмецъ.

Вернеръ человѣкъ замѣчательный по многимъ причинамъ.

---

* Далѣе въ рукописи было: «Но я теперь увѣренъ, что, при первомъ случаѣ, она спроситъ: кто я и почему я здѣсь, на Кавказѣ. Ей, вѣроятно, разскажутъ исторію дуэли, и особенно ея причину, которая здѣсь нѣкоторымъ извѣстна, и тогда... Вотъ у меня будетъ удивительное средство бѣсить Грушницкаго».

Онъ скептикъ и матеріалистъ, какъ всѣ почти медики, а вмѣстѣ съ этимъ поэтъ и не на шутку—поэтъ на дѣлѣ всегда, и часто на словахъ, хотя въ жизнь свою не написалъ двухъ стиховъ. Онъ изучалъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, но никогда не умѣлъ онъ воспользоваться своимъ знаніемъ: такъ иногда отличный анатомикъ не умѣетъ вылѣчить отъ лихорадки. Обыкновенно Вернеръ исподтишка насмѣхался надъ своими больными; но я разъ видѣлъ, какъ онъ плакалъ надъ умирающимъ солдатомъ... Онъ былъ бѣденъ, мечталъ о милліонахъ, а для денегъ не сдѣлалъ бы лишняго шага. Онъ мнѣ разъ говорилъ, что скорѣе сдѣлаетъ одолженіе врагу, чѣмъ другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда какъ ненависть только усилится соразмѣрно великодушію противника. У него былъ злой языкъ: подъ вывѣскою его эпиграммы не одинъ добрякъ прослылъ пошлымъ дуракомъ; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слухъ, будто онъ рисуетъ каррикатуры на своихъ больныхъ — больные взбѣленились: почти всѣ ему отказали. Его пріятели, то есть всѣ истинно порядочные люди, служившіе на Кавказѣ, напрасно старались возстановить его упадшій кредитъ.

Его наружность была изъ тѣхъ, которыя съ перваго взгляда поражаютъ непріятно, но которыя нравятся впослѣдствіи, когда глазъ выучится читать въ неправильныхъ чертахъ отпечатокъ души испытанной и высокой. Бывали примѣры, что женщины влюблялись въ такихъ людей до безумія и не промѣняли бы ихъ безобразія на красоту самыхъ свѣжихъ и розовыхъ эндиміоновъ. Надобно отдать справедливость женщинамъ: онѣ имѣютъ инстинктъ красоты душевной, оттого-то, можетъ быть, люди, подобные Вернеру, такъ страстно любятъ женщинъ.

Вернеръ былъ малъ ростомъ и худъ и слабъ какъ ребенокъ; одна нога была у него короче другой, какъ у Байрона; въ сравненіи съ туловищемъ, голова его казалась огромна; онъ стригъ волосы подъ гребенку, и неровности его черепа, обнаженныя такимъ образомъ, поразили бы френолога страннымъ сплетеніемъ противоположныхъ наклонностей. Его ма-

ленькіе черные глаза, всегда безпокойные, старались проникнуть въ ваши мысли. Въ его одеждѣ замѣтны были вкусъ и опрятность; его худощавыя, жилистыя и маленькія руки красовались въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ. Его сюртукъ, галстухъ и жилетъ были постоянно чернаго цвѣта. Молодежь прозвала его Мефистофелемъ; онъ показывалъ, будто сердился за это прозваніе, но въ самомъ дѣлѣ оно льстило его самолюбію. Мы другъ друга скоро поняли и сдѣлались пріятелями, потому что я къ дружбѣ неспособенъ; изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ—трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать; да, притомъ, у меня есть лакеи и деньги! Вотъ какъ мы сдѣлались пріятелями: я встрѣтилъ Вернера въ С... среди многочисленнаго и шумнаго круга молодежи; разговоръ принялъ подъ конецъ вечера философско-метафизическое направленіе; толковали объ убѣжденіяхъ: каждый былъ убѣжденъ въ разныхъ разностяхъ.

— Что до меня касается, то я убѣжденъ только въ одномъ... сказалъ докторъ.

— Въ чемъ это?—спросилъ я, желая узнать мнѣніе человѣка, который до сихъ поръ молчалъ.

— Въ томъ,—отвѣчалъ онъ:—что, рано или поздно, въ одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче васъ,—сказалъ я:—у меня, кромѣ этого, есть еще убѣжденіе, именно то, что я въ одинъ прегадкій вечеръ имѣлъ несчастіе родиться.

Всѣ нашли, что мы говоримъ вздоръ, а право изъ нихъ никто ничего умнѣе этого не сказалъ. Съ этой минуты мы отличили въ толпѣ другъ друга. Мы часто сходились вмѣстѣ и толковали вдвоемъ объ отвлеченныхъ предметахъ очень серіозно, пока замѣчали оба, что мы взаимно другъ друга морочимъ. Тогда, посмотрѣвъ значительно другъ другу въ глаза, какъ дѣлали римскіе авгуры, по словамъ Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились, довольные своимъ вечеромъ.

Я лежалъ на диванѣ, устремивъ глаза въ потолокъ и за-

ложивъ руки подъ затылокъ, когда Вернеръ вошелъ въ мою комнату. Онъ сѣлъ въ кресла, поставилъ трость въ уголъ, зѣвнулъ и объявилъ, что на дворѣ становится жарко. Я отвѣчалъ, что меня безпокоятъ мухи—и мы оба замолчали.

— Замѣтьте, любезный докторъ,— сказалъ я:—что безъ дураковъ было бы на свѣтѣ очень скучно... Посмотрите, вотъ насъ двое умныхъ людей; мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово—для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное грустно, а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя. Итакъ, размѣна чувствъ и мыслей между нами не можетъ быть: мы знаемъ одинъ о другомъ все, что хотимъ знать; и знать больше не хотимъ; остается одно средство: разсказывать новости. Скажите же мнѣ какую-нибудь новость.

Утомленный долгою рѣчью, я закрылъ глаза и зѣвнулъ...

Онъ отвѣчалъ подумавши:—Въ вашей галиматьѣ однакожъ есть идея.

— Двѣ,—отвѣчалъ я.

— Скажите мнѣ одну, я вамъ скажу другую.

— Хорошо, начинайте!—сказалъ я, продолжая разсматривать потолокъ и внутренно улыбаясь.

— Вамъ хочется знать какія-нибудь подробности на-счетъ кого-нибудь изъ пріѣхавшихъ на воды, и я ужъ догадываюсь о комъ вы это заботитесь, потому что объ васъ тамъ уже спрашивали.

— Докторъ! рѣшительно намъ нельзя разговаривать: мы читаемъ въ душѣ другъ друга.

— Теперь другая...

— Другая идея вотъ: мнѣ хотѣлось васъ заставить разсказать что-нибудь; во-первыхъ, потому что слушать менѣе утомительно; во-вторыхъ, нельзя проговориться; въ-третьихъ, можно узнать чужую тайну; въ-четвертыхъ, потому что такіе умные люди, какъ вы, лучше любятъ слушателей, чѣмъ

разсказчиковъ. Теперь къ дѣлу; что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?

— Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?...

— Совершенно убѣжденъ.

— Почему?

— Потому, что княжна спрашивала о Грушницомъ.

— У васъ большой даръ соображенія. Княжна сказала, что она увѣрена, что этотъ молодой человѣкъ въ солдатской шинели разжалованъ въ солдаты за дуэль...

— Надѣюсь вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи...

— Разумѣется...

— Завязка есть!—закричалъ я въ восхищеніи:—объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобъ мнѣ не было скучно.

— Я предчувствую,—сказалъ докторъ:—что бѣдный Грушницкій будетъ вашей жертвой...

— Дальше, докторъ.

— Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо. Я ей замѣтилъ, что, вѣрно, она васъ встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь въ свѣтѣ... я сказалъ ваше имя. Оно было ей извѣстно. Кажется, ваша исторія тамъ надѣлала много шуму... Княгиня стала разсказывать о вашихъ похожденіяхъ, прибавляя, вѣроятно, къ свѣтскимъ сплетнямъ свои замѣчанія... Дочка слушала съ любопытствомъ. Въ ея воображеніи вы сдѣлались героемъ романа въ новомъ вкусѣ... Я не противорѣчилъ княгинѣ, хотя зналъ, что она говоритъ вздоръ.

— Достойный другъ!—сказалъ я, протянувъ ему руку. Докторъ пожалъ ее съ чувствомъ и продолжалъ:

— Если хотите, я васъ представлю...

— Помилуйте!—сказалъ я, всплеснувъ руками:—развѣ героевъ представляютъ? Они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную...

— И вы въ самомъ дѣлѣ хотите волочиться за княжной?...

— Напротивъ, совсѣмъ напротивъ!... Докторъ, наконецъ я торжествую: вы меня не понимаете!... Это меня, впрочемъ, огорчаетъ, докторъ,—продолжалъ я послѣ минуты молчанія·—

я никогда самъ не открываю моихъ тайнъ, а ужасно люблю, чтобъ ихъ отгадывали, потому что такимъ образомъ я всегда могу, при случаѣ, отъ нихъ отпереться. Однакожъ, вы мнѣ должны описать маменьку съ дочкой. Что они за люди?

— Во-первыхъ, княгиня—женщина сорока-пяти лѣтъ,—отвѣчалъ Вернеръ:—у ней прекрасный желудокъ, но кровь испорчена; на щекахъ красныя пятна. Послѣднюю половину своей жизни она провела въ Москвѣ и тутъ, на покоѣ, растолстѣла. Она любитъ соблазнительные анекдоты и сама говоритъ иногда неприличныя вещи, когда дочери нѣтъ въ комнатѣ. Она мнѣ объявила, что дочь ея невинна какъ голубь. Какое мнѣ дѣло?... Я хотѣлъ ей отвѣчать, чтобъ она была спокойна, что я никому этого не скажу. Княгиня лѣчится отъ ревматизма, а дочь Богъ знаетъ отъ чего. Я велѣлъ обѣимъ пить по два стакана въ день кислосѣрной воды и купаться два раза въ недѣлю въ разводной ваннѣ. Княгиня, кажется, не привыкла повелѣвать: она питаетъ уваженіе къ уму и знаніямъ дочки, которая читала Байрона по-англійски и знаетъ алгебру: въ Москвѣ, видно, барышни пустились въ ученость, и хорошо дѣлаютъ, право! Наши мужчины такъ не любезны вообще, что съ ними кокетничать должно быть для умной женщины несносно. Княгиня очень любитъ молодыхъ людей; княжна смотритъ на нихъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ—московская привычка! Онѣ въ Москвѣ только и питаются, что сорокалѣтними остряками.

— А вы были въ Москвѣ, докторъ?

— Да, я имѣлъ тамъ нѣкоторую практику.

— Продолжайте.

— Да я, кажется, все сказалъ... Да! вотъ еще: княжна, кажется, любитъ разсуждать о чувствахъ, страстяхъ и проч. Она была одну зиму въ Петербургѣ, и онъ ей не понравился, особенно общество: ее, вѣрно, холодно приняли.

— Вы никого у нихъ не видали сегодня?

— Напротивъ, былъ одинъ адъютантъ, одинъ натянутый гвардеецъ и какая-то дама изъ новопріѣзжихъ, родственница княгини по мужу, очень хорошенькая, но очень, кажется, больная... Не встрѣтили ль вы ее у колодца?—она средняго роста, блондинка, съ правильными чертами, цвѣтъ лица ч

хоточный, а на правой щекѣ черная рóдинка: ея лицо меня поразило своею выразительностью.

— Рóдинка!—пробормоталъ я сквозь зубы.—Неужели?

Докторъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ торжественно, положивъ мнѣ руку на сердце: — Она вамъ знакома!... Мое сердце, точно, билось сильнѣе обыкновеннаго.

— Теперь ваша очередь торжествовать!—сказалъ я:—только я на васъ надѣюсь: вы мнѣ не измѣните. Я ее не видалъ еще, но, увѣренъ, узнаю въ вашемъ портретѣ одну женщину, которую любилъ встарину... Не говорите ей обо мнѣ ни слова; если она спроситъ, отнеситесь обо мнѣ дурно.

— Пожалуй!—сказалъ Вернеръ, пожавъ плечами.

Когда онъ ушелъ, ужасная грусть стѣснила мое сердце. Судьба ли насъ свела опять на Кавказѣ, или она нарочно сюда пріѣхала, зная, что меня встрѣтитъ?... и какъ мы встрѣтимся?... и потомъ, она ли это?... Мои предчувствія меня никогда не обманывали. Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ: ничего не забываю—ничего!

Послѣ обѣда часовъ въ шесть я пошелъ на бульваръ; тамъ была толпа: княгиня съ княжною сидѣли на скамьѣ; окруженныя молодежью, которая любезничала наперерывъ. Я помѣстился въ нѣкоторомъ разстояніи на другой лавкѣ, остановилъ двухъ знакомыхъ драгунскихъ офицеровъ, и началъ имъ что-то разсказывать; видно, было смѣшно, потому что они начали хохотать какъ сумасшедшіе. Любопытство привлекло ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну; мало-по-малу и всѣ ее покинули и присоединились къ моему кружку. Я не умолкалъ; мои анекдоты были умны до глупости, мои насмѣшки надъ проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжалъ увеселять публику до захожденія солнца. Нѣсколько разъ княжна подъ ручку съ матерью проходила мимо меня, сопровождаемая какимъ-то хромымъ старичкомъ; нѣсколько разъ ея взглядъ, упадая на меня, выражалъ досаду, стараясь выразить равнодушіе...

— Что онъ вамъ разсказывалъ?—спросила она у одного изъ молодыхъ людей, возвратившихся къ ней изъ вѣжливости; вѣрно, очень занимательную исторію—свои подвиги въ сраженіяхъ?... Она сказала это довольно громко и, вѣроятно, съ намѣреніемъ кольнуть меня.—Ага!—подумалъ я:—вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будетъ!

Грушницкій слѣдилъ за нею, какъ хищный звѣрь, и не спускалъ ее съ глазъ: бьюсь объ закладъ, что завтра онъ будетъ просить, чтобъ его кто-нибудь представилъ княгинѣ. Она будетъ очень рада, потому что ей скучно.

16-го мая.

Въ продолженіе двухъ дней мои дѣла ужасно подвинулись. Княжна меня рѣшительно ненавидитъ; мнѣ уже пересказывали двѣ-три эпиграммы на мой счетъ, довольно колкія, но вмѣстѣ очень лестныя. Ей ужасно странно, что я, который привыкъ къ хорошему обществу, который такъ коротокъ съ ея петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться съ нею. Мы встрѣчаемся каждый день у колодца, на бульварѣ; я употребляю всѣ свои силы на то, чтобъ отвлекать ея обожателей, блестящихъ адъютантовъ, блѣдныхъ москвичей и другихъ—и мнѣ почти всегда удается. Я всегда ненавидѣлъ гостей у себя; теперь у меня каждый день полонъ домъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, играютъ и, увы! мое шампанское торжествуетъ надъ силою магнетическихъ ея глазокъ!

Вчера я ее встрѣтилъ въ магазинѣ Челахова; она торговала чудесный персидскій коверъ. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этотъ коверъ такъ украсилъ бы ея кабинетъ!... Я далъ сорокъ рублей лишнихъ и перекупилъ его; за это я былъ вознагражденъ взглядомъ, гдѣ блистало самое восхитительное бѣшенство. Около обѣда я велѣлъ нарочно провести мимо ея оконъ мою черкесскую лошадь, покрытую этимъ ковромъ. Вернеръ былъ у нихъ въ это время и говорилъ мнѣ, что эффектъ этой сцены былъ самый драматическій. Княжна хочетъ проповѣдывать противъ меня ополченіе;

я даже замѣтилъ, что ужъ два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякій день у меня обѣдаютъ.

Грушницкій принялъ таинственный видъ: ходитъ закинувъ руки за спину и никого не узнаетъ; нога его вдругъ выздоровѣла; онъ едва хромаетъ. Онъ нашелъ случай вступить въ разговоръ съ княгиней и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ; она, видно, не очень разборчива, ибо съ тѣхъ поръ отвѣчаетъ на его поклонъ самой милой улыбкой.

— Ты рѣшительно не хочешь познакомиться съ Лиговскими?—сказалъ онъ мнѣ вчера.

— Рѣшительно.

— Помилуй! самый пріятный домъ на водахъ! Все здѣшнее лучшее общество...

— Мой другъ, мнѣ и нездѣшнее ужасно надоѣло. А ты у нихъ бываешь?

— Нѣтъ еще; я говорилъ раза два съ княжной, не болѣе. Знаешь, какъ-то напрашиваться въ домъ неловко, хотя здѣсь это и водится... Другое дѣло, если бы я носилъ эполеты...

— Помилуй! да этакъ ты гораздо интереснѣе! Ты, просто, не умѣешь пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ... Да, солдатская шинель въ глазахъ всякой чувствительной барышни тебя дѣлаетъ героемъ и страдальцемъ.

Грушницкій самодовольно улыбнулся.

— Какой вздоръ!—сказалъ онъ.

— Я увѣренъ,—продолжалъ я:—что княжна въ тебя ужъ влюблена.

Онъ покраснѣлъ до ушей и надулся.

О, самолюбіе! ты рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ приподнять земной шаръ!...

— У тебя все шутки!—сказалъ онъ, показывая, будто сердится:—во-первыхъ, она меня еще такъ мало знаетъ...

— Женщины любятъ только тѣхъ, которыхъ не знаютъ.

— Да я вовсе не имѣю претензіи ей нравиться; я, просто, хочу познакомиться съ пріятнымъ домомъ; и было бы очень смѣшно, если бъ я имѣлъ какія-нибудь надежды... Вотъ вы, напримѣръ, другое дѣло: вы, побѣдители петербургскіе, толь-

ко посмотрите—такъ женщины таютъ... А знаешь ли, Печоринъ, что княжна о тебѣ говорила?...

— Какъ? Она тебѣ ужъ говорила обо мнѣ?...

— Не радуйся, однако. Я какъ-то вступилъ съ нею въ разговоръ у колодца, случайно; третье слово ея было:—Кто этотъ господинъ, у котораго такой непріятный, тяжелый взглядъ? онъ былъ съ вами, тогда... Она покраснѣла и не хотѣла назвать дня, вспомнивъ свою милую выходку.—Вамъ не нужно сказывать дня, отвѣчалъ я ей, онъ вѣчно мнѣ будетъ памятенъ... Мой другъ, Печоринъ! я тебя не поздравляю: ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль, потому что Мери очень мила!..

Надобно замѣтить, что Грушницкій изъ тѣхъ людей, которые, говоря о женщинѣ, съ которой они едва знакомы, называютъ ее *моя Мери, моя* Sophie, если она имѣла счастіе имъ понравиться.

Я принялъ серіозный видъ и отвѣчалъ ему:

— Да, она недурна... Только берегись, Грушницкій! Русскія барышни большею частью питаются только платоническою любовью, не примѣшивая къ ней мысли о замужествѣ; а платоническая любовь самая безпокойная. Княжна, кажется, изъ тѣхъ женщинъ, которыя хотятъ, чтобъ ихъ забавляли; если двѣ минуты сряду ей будетъ возлѣ тебя скучно—ты погибъ невозвратно: твое молчаніе должно возбуждать ея любопытство, твой разговоръ—никогда не удовлетворять его вполнѣ; ты долженъ ее тревожить ежеминутно; она десять разъ публично для тебя пренебрежетъ мнѣніемъ и назоветъ это жертвой, и чтобъ вознаградить себя за это, станетъ тебя мучить, а потомъ просто скажетъ, что она тебя терпѣть не можетъ. Если ты надъ нею не пріобрѣтешь власти, то даже ея первый поцѣлуй не дастъ тебѣ права на второй; она съ тобою накокетничается вдоволь, а года черезъ два выйдетъ замужъ за урода, изъ покорности къ маменькѣ, и станетъ себя увѣрять, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то есть тебя, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой, сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное...

Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Я внутренно хохоталъ и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастію, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что сталъ еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы: оно мнѣ казалось подозрительнымъ. Я сталъ его разсматривать, и что же?... мелкими буквами имя *Мери* было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ — число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные—и тутъ-то я буду наслаждаться!..

. . . .

Сегодня я всталъ поздно; прихожу къ колодцу—никого уже нѣтъ. Становилось жарко; бѣлыя мохнатыя тучки быстро бѣжали отъ снѣговыхъ горъ, обѣщая грозу; голова Машука дымилась, какъ загашенный факелъ; кругомъ его вились и ползали какъ змѣи сѣрые клочки облаковъ, задержанные въ своемъ стремленіи и будто зацѣпившіеся за колючій его кустарникъ. Воздухъ былъ напоенъ электричествомъ. Я углубился въ виноградную аллею, ведущую въ гротъ; мнѣ было грустно. Я думалъ о той молодой женщинѣ съ родинкой на щекѣ, про которую говорилъ мнѣ докторъ... Зачѣмъ она здѣсь? И она ли? И почему я думаю, что это она? И почему я даже такъ въ этомъ увѣренъ! Мало ли женщинъ съ родинками на щекахъ!— Размышляя такимъ образомъ, я подошелъ къ самому гроту. Смотрю: въ прохладной тѣни его свода, на каменной скамьѣ сидитъ женщина, въ соломенной шляпкѣ, окутанная черной шалью, опустивъ голову на грудь; шляпка закрыла ея лицо. Я хотѣлъ уже вернуться, чтобъ не нарушить ея мечтаній, когда она на меня взглянула.

— Вѣра! —вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.

— Я знала, что вы здѣсь,—сказала она.

Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спо-

койными глазами; въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

— Мы давно не видались,—сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ!

— Стало быть, ужъ ты меня не любишь?..

— Я замужемъ!.. сказала она.

— Опять? Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта причина также существовала, но между тѣмъ...

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можетъ быть, ты любишь своего второго мужа?...

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчаніе.

— Что жъ? Онъ молодъ, хорошъ, особенно вѣрно богатъ, и ты боишься... Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе; на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ,—наконецъ прошептала она,—тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій...Ея голосъ задрожалъ; она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

—Можетъ быть,—подумалъ я:—ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...

Я ее крѣпко обнялъ, и такъ мы оставались долго. Наконецъ губы наши сблизились и слились въ жаркій, упоительный поцѣлуй; ея руки были холодны какъ ледъ, голова горѣла. Тутъ между нами начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые на бумагѣ не имѣютъ смысла, которыхъ повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значеніе звуковъ замѣняетъ и дополняетъ значеніе словъ, какъ въ итальянской оперѣ.

Она рѣшительно не хочетъ, чтобъ я познакомился съ ея мужемъ, тѣмъ хромымъ старичкомъ, котораго я видѣлъ мѣлькомъ на бульварѣ; она вышла за него для сына: онъ богатъ и страдаетъ ревматизмами. Я не позволилъ себѣ надъ нимъ ни одной насмѣшки: она его уважаетъ какъ отца—и будетъ обманывать какъ мужа... Странная вещь сердце человѣческое вообще, и женское въ особенности!

Мужъ Вѣры, Семенъ Васильевичъ Г...въ, дальній родственникъ княгини Лиговской. Онъ живетъ съ нею рядомъ. Вѣра часто бываетъ у княгини: я ей далъ слово познакомиться съ Лиговскими и волочиться за княжной, чтобы отвлечь отъ нея вниманіе. Такимъ образомъ мои планы нимало не разстроились, и мнѣ будетъ весело...

Весело!.. Да, я уже прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, когда ищутъ только счастія, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь; теперь я только хочу быть любимымъ, и то очень немногими; даже мнѣ кажется, одной постоянной привязанности мнѣ было бы довольно: жалкая привычка сердца!..

Одно мнѣ всегда было странно: я никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины, напротивъ, я всегда пріобрѣталъ надъ ихъ волей и сердцемъ непобѣдимую власть, вовсе объ этомъ не стараясь. Отчего это?—оттого ли, что я никогда ничѣмъ очень не дорожу, и что онѣ ежеминутно боялись выпустить меня изъ рукъ? или это магнитическое вліяніе сильнаго организма? или мнѣ просто не удавалось встрѣтить женщину съ упорнымъ характеромъ?

Надо признаться, что я, точно, не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!..

Правда, теперь вспомнилъ: одинъ разъ, одинъ только разъ я любилъ женщину съ твердою волей, которую никогда не могъ побѣдить... Мы разстались врагами—и то, можетъ быть, если бъ я ее встрѣтилъ пятью годами позже, мы разстались бы иначе...

Вѣра больна, очень больна, хотя въ этомъ и не признается; я боюсь, чтобы не было у нея чахотки, или той болѣзни, которую называютъ fièvre lente—болѣзнь не русская вовсе, и ей на нашемъ языкѣ нѣтъ названія.

Гроза застала насъ въ гротѣ и удержала лишніе полчаса. Она не заставила меня клясться въ вѣрности, не спрашивала, любилъ ли я другихъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались... Она ввѣрилась мнѣ снова съ прежней безпечностью—и я ее не обману: она единственная женщина въ мірѣ, которую я не въ силахъ былъ бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся

опять и, быть можетъ, навѣки: оба пойдемъ разными путями до гроба; но воспоминаніе о ней останется неприкосновеннымъ въ душѣ моей; я ей это повторялъ всегда, и она мнѣ вѣритъ, хотя говоритъ противное.

Наконецъ мы разстались; я долго слѣдилъ за нею взоромъ, пока ея шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болѣзненно сжалось, какъ послѣ перваго разставанія. О, какъ я обрадовался этому чувству! Ужъ не молодость ли съ своими благотворными бурями хочетъ вернуться ко мнѣ опять, или это только ея прощальный взглядъ, послѣдній подарокъ—на память?... А смѣшно подумать, что на видъ я еще мальчикъ: лицо хотя блѣдно, но еще свѣжо; члены гибки и стройны; густыя кудри вьются, глаза горятъ, кровь кипитъ...

Возвратясь домой, я сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ степь. Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль—все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко; усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ.

Я думаю, казаки, зѣвающіе на своихъ *вышкахъ*, видя меня скачущаго безъ нужды и цѣли, долго мучились этою загадкой, ибо вѣрно по одеждѣ приняли меня за черкеса. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ говорили, что въ черкесскомъ костюмѣ верхомъ я больше похожъ на кабардинца, чѣмъ многіе кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишняго, оружіе цѣнное въ простой отдѣлкѣ, мѣхъ на шапкѣ не слишкомъ длинный, не слишкомъ короткій; ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешметъ бѣлый, черкеска темнобурая. Я долго изучалъ горскую посадку: ничѣмъ нельзя такъ польстить моему самолюбію, какъ признавая мое искусство въ верховой ѣздѣ на кавказскій ладъ. Я держу четы-

рехъ лошадей: одну для себя, трехъ для пріятелей, чтобъ не скучно было одному таскаться по полямъ; они берутъ моихъ лошадей съ удовольствіемъ и никогда со мною не ѣздятъ вмѣстѣ. Было уже шесть часовъ пополудни, когда вспомнилъ я, что пора обѣдать. Лошадь моя была измучена; я выѣхалъ на дорогу, ведущую изъ Пятигорска въ нѣмецкую колонію, куда часто водяное общество ѣздитъ en piquenique. Дорога идетъ извиваясь между кустарниками, опускаясь въ небольшіе овраги, гдѣ протекаютъ шумные ручьи подъ сѣнью высокихъ травъ; кругомъ амфитеатромъ возвышаются синія громады Бешту, Змѣиной, Желѣзной и Лысой горы. Спустясь въ одинъ изъ такихъ овраговъ, называемыхъ на здѣшнемъ нарѣчіи *балками*, я остановился, чтобъ напоить лошадь; въ это время показалась на дорогѣ шумная и блестящая кавалькада; дамы въ черныхъ и голубыхъ амазонкахъ, кавалеры въ костюмахъ, составляющихъ смѣсь *черкесскаго съ нижегородскимъ;* впереди ѣхали Грушницкій съ княжною Мери.

Дамы на водахъ еще вѣрятъ нападеніямъ черкесовъ среди бѣлаго дня; вѣроятно, поэтому Грушницкій сверхъ солдатской шинели повѣсилъ шашку и пару пистолетовъ; онъ былъ довольно смѣшонъ въ этомъ геройскомъ облаченіи. Высокій кустъ закрылъ меня отъ нихъ; но сквозь листья его я могъ видѣть все и отгадать по выраженіямъ ихъ лицъ, что разговоръ былъ сентиментальный. Наконецъ они приблизились къ спуску; Грушницкій взялъ за поводъ лошадь княжны, и тогда я услышалъ конецъ ихъ разговора:

— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ?—говорила княжна.

— Что для меня Россія?—отвѣчалъ ея кавалеръ,— страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь —здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— Напротивъ... сказала княжна, покраснѣвъ.

Лицо Грушницкаго изобразило удовольствіе. Онъ продолжалъ:

— Здѣсь моя жизнь протечетъ шумно, незамѣтно и быстро, подъ пулями дикарей, и если бы Богъ мнѣ каждый годъ

посылалъ одинъ свѣтлый женскій взглядъ, одинъ, подобный тому...

Въ это время они поровнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста...

— Mon Dieu, un circassien!.. вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобъ ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier...

Она смутилась—но отчего? отъ своей ошибки, или оттого, что мой отвѣтъ ей показался дерзкимъ? Я желалъ бы, чтобъ послѣднее мое предположеніе было справедливо. Грушницкій бросилъ на меня недовольный взглядъ.

Поздно вечеромъ, т. е. часовъ въ одиннадцать, я пошелъ гулять по липовой аллеѣ бульвара. Городъ спалъ; только въ нѣкоторыхъ окнахъ мелькали огни. Съ трехъ сторонъ чернѣли гребни утесовъ, отрасли Машука, на вершинѣ котораго лежало зловѣщее облачко; мѣсяцъ подымался на востокѣ; вдали серебряной бахромой сверкали снѣговыя горы. Оклики часовыхъ перемежались съ шумомъ горячихъ ключей, спущенныхъ на ночь. Порою звучный топотъ коня раздавался по улицѣ, сопровождаемый скрипомъ нагайской арбы и заунывнымъ татарскимъ припѣвомъ. Я сѣлъ на скамью и задумался... Я чувствовалъ необходимость излить свои мысли въ дружескомъ разговорѣ... но съ кѣмъ?..—Что дѣлаетъ теперь Вѣра?—думалъ я... Я бы дорого далъ, чтобъ въ эту минуту пожать ея руку.

Вдругъ слышу быстрые и неровные шаги... Вѣрно Грушницкій... Такъ и есть!

— Откуда?

— Отъ княгини Лиговской,—сказалъ онъ очень важно.— Какъ Мери поетъ!..

— Знаешь ли что?—сказалъ я ему,—я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный...

— Можетъ быть. Какое мнѣ дѣло!.. сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты такъ хорошо воспитанъ и такъ хорошо знаешь свѣтъ, что не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить. Она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты, вѣрно, о себѣ самаго высокаго мнѣнія.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

— Ого! — подумалъ я: — у него, видно, есть уже надежды.

— Впрочемъ, для тебя же хуже, — продолжалъ Грушницкій: — тебѣ теперь трудно познакомиться съ ними — а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренно улыбнулся.

— Самый пріятный домъ для меня теперь мой, — сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобъ итти.

— Однако признайся, ты раскаиваешься?..

— Какой вздоръ! Если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ...

— Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной...

— Да, если она захочетъ говорить съ тобой...

— Я подожду только той минуты, когда твой разговоръ ей наскучитъ... Прощай...

— А я пойду шататься; я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдемъ лучше въ ресторацію, тамъ игра... мнѣ нужны нынче сильныя ощущенія...

— Желаю тебѣ проиграться...

Я пошелъ домой.

21-го мая.

Прошла почти недѣля, а я еще не познакомился съ Лиговскими. Жду удобнаго случая. Грушницкій, какъ тѣнь, слѣдуетъ за княжной вездѣ; ихъ разговоры безконечны; когда же онъ ей наскучитъ?.. Мать не обращаетъ на это вниманія, по-

тому что онъ *не женихъ*. Вотъ логика матерей! Я подмѣтилъ два, три нѣжные взгляда—надо этому положить конецъ.

Вчера у колодца въ первый разъ явилась Вѣра... Она съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились въ гротѣ, не выходила изъ дома. Мы въ одно время опустили стаканы и, наклонясь, она мнѣ сказала шопотомъ:

— Ты не хочешь познакомиться съ Лиговскими?.. Мы только тамъ можемъ видѣться...

Упрекъ!.. скучно! Но я его заслужилъ...

Кстати: завтра балъ по подпискѣ въ залѣ ресторацiи, и я буду танцовать съ княжной мазурку.

29-го мая.

Зала ресторацiи превратилась въ залу благороднаго собранiя. Въ девять часовъ всѣ съѣхались. Княгиня съ дочерью явилась изъ послѣднихъ; многiя дамы посмотрѣли на нее съ завистью и недоброжелательствомъ, потому что княжна Мери одѣвается со вкусомъ. Тѣ, которыя почитаютъ себя здѣшними аристократами, утаивъ зависть, примкнулись къ ней. Какъ быть? Гдѣ есть общество женщинъ, тамъ сейчасъ явится высшiй и низшiй кругъ. Подъ окномъ, въ толпѣ народа, стоялъ Грушницкiй, прижавъ лицо къ стеклу и не спуская съ глазъ своей богини; она, проходя мимо, едва примѣтно кивнула ему головой. Онъ просiялъ какъ солнце... Танцы начались польскимъ; потомъ заиграли вальсъ. Шпоры зазвенѣли, фалды поднялись и закружились.

Я стоялъ сзади одной толстой дамы, осѣненной розовыми перьями; пышность ея платья напоминала времена фижмъ, а пестрота ея негладкой кожи—счастливую эпоху мушекъ изъ черной тафты. Самая большая бородавка на ея шеѣ прикрыта была фермуаромъ. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

— Эта княжна Лиговская пренесносная дѣвчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрѣла на меня въ лорнетъ... C'est impayable... И чѣмъ она гордится? Ужъ ее надо бы проучить...

— За этимъ дѣло́ не станетъ!—отвѣчалъ услужливый капитанъ и отправился въ другую комнату.

Я тотчасъ подошелъ къ княжнѣ, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здѣшнихъ обычаевъ, позволяющихъ танцовать съ незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгій видъ. Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку на бокъ — и мы пустились. Я не знаю тальи болѣе сладострастной и гибкой! Ея свѣжее дыханіе касалось моего лица; иногда локонъ, отдѣлившійся въ вихрѣ вальса отъ своихъ товарищей, скользилъ по горящей щекѣ моей... Я сдѣлалъ три тура [она вальсируетъ удивительно хорошо]. Она запыхалась, глаза ея помутились, полураскрытыя губки едва могли прошептать необходимое:—merci, monsieur.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, я сказалъ ей, принявъ самый покорный видъ:

— Я слышалъ, княжна, что, будучи вамъ вовсе незнакомъ, я имѣлъ уже несчастіе заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзкимъ... Неужели это правда?

— И вамъ бы хотѣлось теперь меня утвердить въ этомъ мнѣніи?—отвѣчала она съ иронической гримаской, которая, впрочемъ, очень идетъ къ ея подвижной физіономіи.

— Если я имѣлъ дерзость васъ чѣмъ-нибудь оскорбить, то позвольте мнѣ имѣть еще бо́льшую дерзость: просить у васъ прощенія... И, право, я бы очень желалъ доказать вамъ, что вы насчетъ меня ошибались...

— Вамъ это будетъ довольно трудно...

— Отчего же?..

— Оттого, что вы у насъ не бываете, а эти балы, вѣроятно, не часто будутъ повторяться.

— Это значитъ, — подумалъ я: — что ихъ двери для меня навѣки закрыты.

— Знаете, княжна, —сказалъ я съ нѣкоторой досадой,—никогда не должно отвергать кающагося преступника: съ отчаянія онъ можетъ сдѣлаться еще вдвое преступнѣе... и тогда...

Хохотъ и шушуканье насъ окружающихъ заставили меня обернуться и прервать мою фразу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла група мужчинъ, и въ ихъ числѣ драгунскій капитанъ, изъявившій враждебныя намѣренія противъ милой княжны; онъ особенно былъ чѣмъ-то очень доволенъ; потиралъ руки, хохоталъ и перемигивался съ товарищами. Вдругъ изъ среды ихъ отдѣлился господинъ во фракѣ съ длинными усами и красной рожей, и направилъ невѣрные шаги свои прямо къ княжнѣ: онъ былъ пьянъ. Остановясь противъ смутившейся княжны и заложивъ руки за спину, онъ уставилъ на нее мутно-сѣрые глаза и произнесъ хриплымъ дискантомъ:

— Пермете... ну, да что тутъ!.. просто: ангажирую васъ на мазурку...

— Что вамъ угодно?—произнесла она дрожащимъ голосомъ, бросая кругомъ умоляющій взглядъ. Увы! ея мать была далеко, и возлѣ никого изъ знакомыхъ ей кавалеровъ не было; одинъ адъютантъ, кажется, все это видѣлъ, да спрятался за толпой, чтобъ не быть замѣшану въ исторію.

— Что же?—сказалъ пьяный господинъ, мигнувъ драгунскому капитану, который ободрялъ его знаками:—развѣ вамъ не угодно?.. Я-таки опять имѣю честь васъ ангажировать pour mazure... Вы, можетъ, думаете, что я пьянъ? Это ничего!.. Гораздо свободнѣе, могу васъ увѣрить...

Я видѣлъ, что она готова упасть въ обморокъ отъ страха и негодованія.

Я подошелъ къ пьяному господину, взялъ его довольно крѣпко за руку и, посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, попросилъ удалиться—потому,—прибавилъ я,—что княжна давно ужъ обѣщалась танцовать мазурку со мною.

— Ну, нечего дѣлать!..въ другой разъ!—сказалъ онъ, засмѣявшись, и удалился къ своимъ пристыженнымъ товарищамъ, которые тотчасъ увели его въ другую комнату.

Я былъ вознагражденъ глубокимъ, чудеснымъ взглядомъ.

Княжна подошла къ своей матери и разсказала ей все; та отыскала меня въ толпѣ и благодарила. Она объявила мнѣ, что знала мою мать и была дружна съ полдюжиной моихъ тетушекъ.

— Я не знаю, какъ случилось, что мы до сихъ поръ съ вами незнакомы,—прибавила она:—но признайтесь, вы этому одни виною; вы дичитесь всѣхъ такъ, что ни на что не похоже. Я надѣюсь, что воздухъ моей гостиной разгонитъ вашъ сплинъ... Не правда ли?

Я сказалъ ей одну изъ тѣхъ фразъ, которыя у всякаго должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрили тянулись ужасно долго.

Наконецъ съ хоръ загремѣла музыка; мы съ княжной усѣлись.

Я не намекалъ ни разу ни о пьяномъ господинѣ, ни о прежнемъ моемъ поведеніи, ни о Грушницкомъ. Впечатлѣніе, произведенное на нее непріятною сценою, мало-по-малу разсѣялось; личико ея расцвѣло; она шутила очень мило; ея разговоръ былъ остеръ, безъ притязанія на остроту, живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки... Я далъ ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мнѣ давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснѣла.

— Вы странный человѣкъ!—сказала она потомъ, поднявъ на меня свои бархатные глаза и принужденно засмѣявшись.

— Я не хотѣлъ съ вами знакомиться,—продолжалъ я:— потому что васъ окружаетъ слишкомъ густая толпа поклонниковъ, и я боялся въ ней исчезнуть совершенно.

— Вы напрасно боялись: они всѣ прескучные...

— Всѣ! неужели всѣ?

Она посмотрѣла на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потомъ опять слегка покраснѣла и наконецъ произнесла рѣшительно: всѣ!

— Даже мой другъ Грушницкій?

— А онъ вашъ другъ?—сказала она, показывая нѣкоторое сомнѣніе.

— Да.

— Онъ, конечно, не входитъ въ разрядъ скучныхъ...

— Но въ разрядъ несчастныхъ,—сказалъ я, смѣясь.

— Конечно! А вамъ смѣшно? Я бъ желала, чтобъ вы были на его мѣстѣ...

— Что жъ? я былъ самъ нѣкогда юнкеромъ и, право, это самое лучшее время моей жизни!

— А развѣ онъ юнкеръ?.. сказала она быстро, и потомъ прибавила: — а я думала...

— Что вы думали?..

— Ничего!.. Кто эта дама?

Тутъ разговоръ перемѣнилъ направленіе и къ этому ужъ болѣе не возвращался.

Вотъ мазурка кончилась, и мы разстались — до свиданія. Дамы разъѣхались. Я пошелъ ужинать и встрѣтилъ Вернера.

— А-га! — сказалъ онъ: — такъ-то вы! А еще хотѣли не иначе знакомиться съ княжной, какъ спасши ее отъ вѣрной смерти.

— Я сдѣлалъ лучше, — отвѣчалъ я ему: — спасъ ее отъ обморока на балѣ...

— Какъ это? Разскажите.

— Нѣтъ, отгадайте — о вы, отгадывающій все на свѣтѣ!

30-го мая.

Около семи часовъ вечера я гулялъ на бульварѣ. Грушницкій, увидѣвъ меня издали, подошелъ ко мнѣ; какой - то смѣшной восторгъ блисталъ въ его глазахъ. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

— Благодарю тебя, Печоринъ... Ты понимаешь меня?..

— Нѣтъ; но во всякомъ случаѣ не стóитъ благодарности, — отвѣчалъ я, не имѣя точно на совѣсти никакого благодѣянія.

— Какъ? а вчера? ты развѣ забылъ?.. Мери мнѣ все разсказала...

— А что? развѣ у васъ ужъ нынче все общее? и благодарность?

— Послушай, — сказалъ Грушницкій очень важно: — пожалуйста, не подшучивай надъ моей любовью, если хочешь остаться моимъ пріятелемъ. Видишь: я ее люблю до безумія... и я думаю, я надѣюсь, она также меня любитъ... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у нихъ вечеромъ; обѣщай мнѣ замѣчать все: я знаю, ты опытенъ въ этихъ вещахъ, ты лучше меня знаешь женщинъ... Женщины! женщины! кто ихъ пойметъ? Ихъ улыбки противорѣчатъ ихъ взорамъ, ихъ слова обѣщаютъ и манятъ, а звукъ ихъ голоса отталкиваетъ....

То онѣ въ минуту постигаютъ и угадываютъ самую потаенную нашу мысль, то не понимаютъ самыхъ ясныхъ намековъ... Вотъ хоть княжна: вчера ея глаза пылали страстью, останавливаясь на мнѣ, нынче они тусклы и холодны...

— Это, можетъ быть, слѣдствіе дѣйствія водъ, отвѣчалъ я.

— Ты во всемъ видишь худую сторону... матеріалистъ! — прибавилъ онъ презрительно. — Впрочемъ, перемѣнимъ матерію — и, довольный плохимъ каламбуромъ, онъ развеселился.

Въ девятомъ часу мы вмѣстѣ пошли къ княгинѣ.

Проходя мимо оконъ Вѣры, я видѣлъ ее у окна. Мы кинули другъ другу бѣглый взглядъ. Она вскорѣ послѣ насъ вошла въ гостиную Лиговскихъ. Княгиня меня ей представила, какъ своей родственницѣ. Пили чай; гостей было много; разговоръ былъ общій. Я старался понравиться княгинѣ, шутилъ, заставлялъ ее нѣсколько разъ смѣяться отъ души; княжнѣ также не разъ хотѣлось похохотать, но она удерживалась, чтобъ не выйти изъ принятой роли: она находитъ, что томность къ ней идетъ, и, можетъ быть, не ошибается. Грушницкій, кажется, очень радъ, что моя веселость ее не заражаетъ.

Послѣ чая всѣ пошли въ залу.

— Довольна ль ты моимъ послушаніемъ, Вѣра? — сказалъ я, проходя мимо ея.

Она мнѣ кинула взглядъ, исполненный любви и благодарности. Я привыкъ къ этимъ взглядамъ; но нѣкогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепіано; всѣ просили ее спѣть что-нибудь — я молчалъ, и, пользуясь суматохой, отошелъ къ окну съ Вѣрой, которая мнѣ хотѣла сказать что-то очень важное для насъ обоихъ... Вышло — вздоръ...

Между тѣмъ княжнѣ мое равнодушіе было досадно, какъ я могъ догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О! я удивительно понимаю этотъ разговоръ, нѣмой, но выразительный, краткій, но сильный!..

Она запѣла; ея голосъ не дуренъ, но поетъ она плохо... впрочемъ, я не слушалъ. За то Грушницкій, облокотясь на рояль противъ нея, пожиралъ ее глазами и поминутно говорилъ вполголоса: — charmant!... délicieux!....

— Послушай,—говорила мнѣ Вѣра:—я не хочу, чтобъ ты знакомился съ моимъ мужемъ, но ты долженъ непремѣнно понравиться княгинѣ; тебѣ это легко: ты можешь все, что хочешь. Мы здѣсь только будемъ видѣться...

— Только?..

Она покраснѣла и продолжала:—Ты знаешь, что я твоя раба; я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мѣрѣ, я хочу сберечь свою репутацію... не для себя—ты это знаешь очень хорошо!.. О, я прошу тебя: не мучь меня попрежнему пустыми сомнѣньями и притворной холодностью; я, можетъ быть, скоро умру; я чувствую, что слабѣю со дня на день... и, не смотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины, не понимаете наслажденій взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я, прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое странное блаженство, что самые жаркіе поцѣлуи не могутъ замѣнить его.

Между тѣмъ княжна Мери перестала пѣть. Ропотъ похвалъ раздался вокругъ нея; я подошелъ къ ней послѣ всѣхъ и сказалъ ей что-то на счетъ ея голоса довольно небрежно.

Она сдѣлала гримаску, выдвинувъ нижнюю губу, и присѣла очень насмѣшливо.

— Мнѣ это тѣмъ болѣе лестно,—сказала она,—что вы меня вовсе не слушали; но вы, можетъ быть, не любите музыки?..

— Напротивъ... послѣ обѣда особенно.

— Грушницкій правъ, говоря, что у васъ самые прозаическіе вкусы... и я вижу, что вы любите музыку въ гастрономическомъ отношеніи.

— Вы ошибаетесь опять; я вовсе не гастрономъ: у меня прескверный желудокъ. Но музыка послѣ обѣда усыпляетъ, а спать послѣ обѣда здорово; слѣдовательно, я люблю музыку въ медицинскомъ отношеніи. Вечеромъ же она, напротивъ, слишкомъ раздражаетъ мои нервы: мнѣ дѣлается или слишкомъ грустно или слишкомъ весело. То и другое утомительно, когда нѣтъ положительной причины грустить или радоваться, и притомъ грусть въ обществѣ смѣшна, а слишкомъ большая веселость неприлична...

Она не дослушала, отошла прочь, сѣла возлѣ Грушницкаго, и между ними начался какой-то сантиментальный разговоръ; кажется, княжна отвѣчала на его мудрыя фразы довольно разсѣянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушаетъ его со вниманіемъ, потому что онъ иногда смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, стараясь угадать причину внутренняго волненія, изображавшагося иногда въ ея безпокойномъ взглядѣ...

Но я васъ отгадалъ, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мнѣ отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбіе—вамъ не удастся! и если вы мнѣ объявите войну, то я буду безпощаденъ.

Въ продолженіе вечера я нѣсколько разъ нарочно старался вмѣшаться въ ихъ разговоръ, но она довольно сухо встрѣчала мои замѣчанія, и я съ притворною досадой наконецъ удалился. Княжна торжествовала; Грушницкій тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вамъ недолго торжествовать!.. Какъ быть! у меня есть предчувствіе... Знакомясь съ женщиной, я всегда безошибочно отгадывалъ, будетъ она меня любить или нѣтъ...

Остальную часть вечера я провелъ возлѣ Вѣры и досыта наговорился о старинѣ... За что она меня такъ любитъ—право не знаю; тѣмъ болѣе, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всѣми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло такъ привлекательно?..

Мы вышли вмѣстѣ съ Грушницкимъ; на улицѣ онъ взялъ меня подъ-руку и послѣ долгаго молчанія сказалъ:

— Ну, что?

— Ты глупъ, — хотѣлъ я ему отвѣтить, но удержался и только пожалъ плечами.

6-го іюня.

Всѣ эти дни я ни разу не отступилъ отъ своей системы. Княжнѣ начинаетъ нравиться мой разговоръ; я разсказалъ ей нѣкоторые изъ странныхъ случаевъ моей жизни, и она начинаетъ видѣть во мнѣ человѣка необыкновеннаго. Я смѣюсь надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами: это начинаетъ ее пугать. Она при мнѣ не смѣетъ пускаться съ Груш-

ницкимъ въ сентиментальныя пренія, и уже нѣсколько разъ отвѣчала на его выходки насмѣшливой улыбкой; но я всякій разъ, какъ Грушницкій подходитъ къ ней, принимаю смиренный видъ и оставляю ихъ вдвоемъ; въ первый разъ была она этому рада, или старалась показать; во второй разсердилась на меня; въ третій—на Грушницкаго.

— У васъ очень мало самолюбія!—сказала она мнѣ вчера.— Отчего вы думаете, что мнѣ веселѣе съ Грушницкимъ?

Я отвѣчалъ, что жертвую счастію пріятеля своимъ удовольствіемъ...

— И моимъ,—прибавила она.

Я пристально посмотрѣлъ на нее и принялъ серіозный видъ. Потомъ цѣлый день не говорилъ съ ней ни слова... Вечеромъ она была задумчива; нынче поутру у колодца еще задумчивѣе. Когда я подошелъ къ ней, она разсѣянно слушала Грушницкаго, который, кажется, восхищался природой, но только что завидѣла меня, она стала хохотать [очень не кстати], показывая, будто меня не примѣчаетъ. Я отошелъ подальше и украдкой сталъ наблюдать за ней; она отвернулась отъ своего собесѣдника и зѣвнула два раза. Рѣшительно, Грушницкій ей надоѣлъ.—Еще два дня не буду съ ней говорить.

11-го іюня.

Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь; если бъ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ быть, я бы завлекся трудностью предпріятія...

Но ничуть не бывало! Слѣдовательно, это не та безпокойная потребность любви, которая насъ мучитъ въ первые годы молодости, бросаетъ насъ отъ одной женщины къ другой, пока мы найдемъ такую, которая насъ терпѣть не можетъ: тутъ начинается наше постоянство—истинная, безконечная страсть, которую математически можно выразить линіей, падающей изъ

точки въ пространство; секретъ этой безконечности—только въ невозможности достигнуть цѣли, то есть конца.

Изъ чего же я хлопочу? — Изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить:

—Мой другъ, со мною было то же самое, и ты видишь, однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надѣюсь, сумѣю умереть безъ крика и слезъ.

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ; ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе—подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха—не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права—не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? Насыщенная гордость. Если бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого. Идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобъ онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности. Идеи — созданія органическія, сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма

есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ. Отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть, или сойти съ ума, точно также, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара.

Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи; онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ цѣлую жизнь ими волноваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ; душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается своей собственной жизнью — лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе.

Перечитывая эту страницу, я замѣчаю, что далеко отвлекся отъ своего предмета... Но что за нужда?... Вѣдь этотъ журналъ пишу я для себя и, слѣдственно, все, что я въ него ни брошу, будетъ современемъ для меня драгоцѣннымъ воспоминаніемъ.

. . . .

Пришелъ Грушницкій и бросился мнѣ на шею: онъ произведенъ въ офицеры. Мы выпили шампанскаго. Докторъ Вернеръ вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Я васъ не поздравляю,—сказалъ онъ Грушницкому.

— Отчего?

— Оттого, что солдатская шинель къ вамъ очень идетъ, и признайтесь, что армейскій пѣхотный мундиръ, сшитый здѣсь на водахъ, не придастъ вамъ ничего интереснаго... Видите ли, вы до сихъ поръ были исключеніемъ, а теперь подойдете подъ общее правило.

— Толкуйте, толкуйте, докторъ! вы мнѣ не помѣшаете радоваться. Онъ не знаетъ,—прибавилъ Грушницкій мнѣ на

ухо:—сколько надеждъ придали мнѣ эти эполеты... О... эполеты, эполеты! ваши звѣздочки—путеводительныя звѣздочки... Нѣтъ! я теперь совершенно счастливъ.

— Ты идешь съ нами гулять къ провалу?—спросилъ я его.

— Я? Ни за что не покажусь княжнѣ, пока не готовъ будетъ мундиръ.

— Прикажешь ей объявить о твоей радости?

— Нѣтъ, пожалуйста, не говори... Я хочу ее удивить...

— Скажи мнѣ однако, какъ твои дѣла съ нею?

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать—и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?..

— Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія!.. какъ можно такъ скоро?.. Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ...

— Хорошо! И, вѣроятно, по-твоему, порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?..

— Эхъ братецъ! на все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она?.. отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись:—мнѣ жаль тебя, Печоринъ!..

Онъ ушелъ.

Вечеромъ многочисленное общество отправилось пѣшкомъ къ провалу.

По мнѣнію здѣшнихъ ученыхъ, этотъ провалъ не что иное, какъ угасшій кратеръ; онъ находится на отлогости Машука, въ верстѣ отъ города. Къ нему ведетъ узкая тропинка между кустарниковъ и скалъ; взбираясь на гору, я подалъ руку княжнѣ, и она ее не покидала въ продолженіе цѣлой прогулки.

Разговоръ нашъ начался злословіемъ: я сталъ перебирать присутствующихъ и отсутствующихъ нашихъ знакомыхъ; сначала выказывалъ смѣшныя, а послѣ дурныя ихъ стороны

Желчь моя взволновалась. Я началъ шутя и окончилъ искренною злостью. Сперва это ее забавляло, а потомъ испугало.

— Вы опасный человѣкъ! —сказала она мнѣ: —я бы лучше желала попасться въ лѣсу подъ ножъ убійцы, чѣмъ вамъ на язычекъ... Я васъ прошу не шутя: когда вамъ вздумается обо мнѣ говорить дурно, возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня—я думаю, это вамъ не будетъ очень трудно.

— Развѣ я похожъ на убійцу?..

— Вы хуже...

Я задумался на минуту и потомъ сказалъ, принявъ глубоко-тронутый видъ:

— Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скроменъ — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло—никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ — другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ—меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ — меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду — мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе— не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрѣзалъ и бросилъ — тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины: но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ во-

общѣ эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ—нѣтъ; особенно, когда вспомню о томъ, что̀ подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна—пожалуйста, смѣйтесь; предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ нимало.

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Состраданіе — чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣяна, ни съ кѣмъ не кокетничала—а это великій признакъ!

Мы пришли къ провалу: дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не покидала руки моей. Остроты здѣшнихъ денди ее не смѣшили; крутизна обрыва, у котораго она стояла, ее не пугала, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратномъ пути я не возобновлялъ нашего печальнаго разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвѣчала коротко и разсѣянно.

— Любили ли вы?—спросилъ я ее наконецъ.

Она посмотрѣла на меня пристально, покачала головой и опять впала въ задумчивость: явно было, что ей хотѣлось что-то сказать, но она не знала съ чего начать; ея грудь волновалась... Какъ быть! кисейный рукавъ слабая защита, и электрическая искра пробѣжала изъ моей руки въ ея руку; всѣ почти страсти начинаются такъ, и мы часто себя очень обманываемъ, думая, что насъ женщина любитъ за наши физическія или нравственныя достоинства; конечно, они приготовляютъ, располагаютъ ея сердце къ принятію священнаго огня; а все-таки первое прикосновеніе рѣшаетъ дѣло.

— Не правда ли, я была очень любезна сегодня?—сказала мнѣ княжна съ принужденной улыбкой, когда мы возвратились съ гулянья.

Мы разстались.

Она недовольна собой: она себя обвиняетъ въ холодности... О, это первое, главное торжество!

Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть—вотъ что скучно.

12-го іюня.

Нынче я видѣлъ Вѣру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей повѣрять свои сердечныя тайны: надо признаться, удачный выборъ!

— Я отгадываю, къ чему все это клонится,—говорила мнѣ Вѣра:—лучше скажи мнѣ просто теперь, что ты ее любишь.

— Но если я ее не люблю?

— То зачѣмъ же ее преслѣдовать, тревожить, волновать ея воображеніе!.. О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтобъ я тебѣ вѣрила, то пріѣзжай черезъ недѣлю въ Кисловодскъ; послѣзавтра мы переѣзжаемъ туда. Княгиня остается здѣсь дольше. Найми квартиру рядомъ: мы будемъ жить въ большомъ домѣ близъ источника, въ мезонинѣ; внизу княгиня Лиговская, а рядомъ есть домъ того же хозяина, который еще не занятъ... Пріѣдешь?..

Я обѣщалъ и въ этотъ же день послалъ занять эту квартиру.

Грушницкій пришелъ ко мнѣ въ шесть часовъ и объявилъ, что завтра будетъ готовъ его мундиръ, какъ разъ къ балу.

— Наконецъ я буду съ нею танцовать цѣлый вечеръ... Вотъ наговорюсь!—прибавилъ онъ.

— Когда же балъ?

— Да завтра! Развѣ не знаешь? Большой праздникъ, и здѣшнее начальство взялось его устроить...

— Пойдемъ на бульваръ...

— Ни за что, въ этой гадкой шинели...

— Какъ, ты ее разлюбилъ?..

Я ушелъ одинъ и, встрѣтивъ княжну Мери, позвалъ ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадована.

— Я думала, что вы танцуете только по необходимости, какъ прошлый разъ,—сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе не замѣчаетъ отсутствія Грушницкаго.

— Вы будете завтра пріятно удивлены,—сказалъ я ей.

— Чѣмъ?..

— Это секретъ... на балѣ вы сами догадаетесь.

Я окончилъ вечеръ у княгини; гостей не было, кромѣ Вѣры и одного презабавнаго старичка. Я былъ въ духѣ, импровизи-

ровалъ разныя необыкновенныя исторіи; княжна сидѣла противъ меня и слушала мой вздоръ съ такимъ глубокимъ, напряженнымъ, даже нѣжнымъ вниманіемъ, что мнѣ стало совѣстно. Куда дѣвалась ея живость, ея кокетство, ея капризы, ея дерзкая мина, презрительная улыбка, разсѣянный взглядъ?..

Вѣра все это замѣтила; на ея болѣзненномъ лицѣ изображалась глубокая грусть; она сидѣла въ тѣни у окна, погрузясь въ широкія кресла... Мнѣ стало жаль ее.

Тогда я разсказалъ всю драматическую исторію нашего знакомства съ нею, нашей любви—разумѣется, прикрывъ все это вымышленными именами.

Я такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжной.

Она встала, подсѣла къ намъ, оживилась... и мы только въ два часа ночи вспомнили, что доктора велятъ ложиться спать въ одиннадцать.

13-го іюня.

За полчаса до бала явился ко мнѣ Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго пѣхотнаго мундира. Къ третьей пуговицѣ пристегнута была бронзовая цѣпочка, на которой висѣлъ двойной лорнетъ; эполеты, неимовѣрной величины, были загнуты кверху, въ видѣ крылышекъ Амура; сапоги его скрипѣли; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ коричневыя лайковыя перчатки и фуражку, а правою взбивалъ ежеминутно въ мелкія кудри завитой хохолъ. Самодовольствіе и вмѣстѣ нѣкоторая неувѣренность изображались на его лицѣ; его праздничная наружность, его гордая походка заставили бы меня расхохотаться, если бъ это было согласно съ моими намѣреніями.

Онъ бросилъ фуражку съ перчатками на столъ и началъ обтягивать фалды и поправляться передъ зеркаломъ; черный огромный платокъ, навернутый на высочайшій подгалстучникъ, котораго щетина поддерживала его подбородокъ, высовывался на полвершка изъ-за воротника; ему показалось мало: онъ вытащилъ его кверху, до ушей; отъ этой трудной работы—

ибо воротникъ мундира былъ очень узокъ и безпокоенъ—лицо его налилось кровью.

— Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моей княжной?—сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на меня.

— Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!—отвѣчалъ я ему, повторяя любимую поговорку одного изъ самыхъ ловкихъ повѣсъ прошлаго времени, воспѣтаго нѣкогда Пушкинымъ.

— Скажи-ка, хорошо на мнѣ сидитъ мундиръ?.. Охъ, проклятый жидъ!.. какъ подъ мышками рѣжетъ... Нѣтъ ли у тебя духовъ?

— Помилуй, чего тебѣ еще? отъ тебя и такъ ужъ несетъ розовой помадой.

— Ничего, дай-ка сюда...

Онъ налилъ себѣ полсклянки за галстухъ, въ носовой платокъ, на рукава.

— Ты будешь танцовать?—спросилъ онъ.

— Не думаю.

— Я боюсь что мнѣ съ княжной придется начинать мазурку—я не знаю почти ни одной фигуры...

— А ты звалъ ее на мазурку?

— Нѣтъ еще...

— Смотри, чтобъ тебя не предупредили...

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ онъ, ударивъ себя по̀ лбу.—Прощай... Пойду дожидаться ее у подъѣзда.—Онъ схватилъ фуражку и побѣжалъ.

Черезъ полчаса и я отправился. На улицѣ было темно и пусто; вокругъ собранія, или трактира, какъ угодно, тѣснился народъ; окна его свѣтились; звуки полковой музыки доносилъ ко мнѣ вечерній вѣтеръ. Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели, думалъ я, мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ жалкую роль палача, или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?... Ужъ не назна-

чень ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ—или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для Библіотеки для Чтенія?.. Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее какъ Александръ Великій, или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?..

Войдя въ залу, я спрятался въ толпѣ мужчинъ и началъ дѣлать свои наблюденія. Грушницкій стоялъ возлѣ княжны и что-то говорилъ съ большимъ жаромъ: она его разсѣянно слушала, смотрѣла по сторонамъ, приложивъ вѣеръ къ губкамъ; на лицѣ ея изображалось нетерпѣніе, глаза ея искали кругомъ кого-то; я тихонько подошелъ сзади, чтобъ подслушать ихъ разговоръ.

— Вы меня мучите, княжна! —говорилъ Грушницкій: —вы ужасно перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ...

— Вы также перемѣнились, — отвѣчала она, бросивъ на него быстрый взглядъ, въ которомъ онъ не умѣлъ разобрать тайной насмѣшки.

— Я? я перемѣнился?... О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видѣлъ васъ однажды, тотъ навѣки унесетъ съ собою вашъ божественный образъ.

— Перестаньте...

— Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и такъ часто, внимали благосклонно?..

— Потому что я не люблю повтореній, — отвѣчала она, смѣясь.

— О, я горько ошибся!.. Я думалъ, безумный, что по крайней мѣрѣ эти эполеты дадутъ мнѣ право надѣяться... Нѣтъ, лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу...

Въ это время я подошелъ и поклонился княжнѣ: она немножко покраснѣла и быстро проговорила:

— Не правда ли, мсьё Печоринъ, что сѣрая шинель гораздо больше идетъ къ мсьё Грушницкому?..

— Я съ вами не согласенъ, — отвѣчалъ я: — въ мундирѣ онъ еще моложавѣе.

Грушницкій не вынесъ этого удара: какъ всѣ мальчики, онъ имѣетъ претензію быть старикомъ; онъ думаетъ, что на его лицѣ глубокіе слѣды страстей замѣняютъ отпечатокъ лѣтъ. Онъ на меня бросилъ бѣшеный взглядъ, топнулъ ногою и отошелъ прочь.

— А признайтесь, — сказалъ я княжнѣ: — что хотя онъ всегда былъ очень смѣшонъ, но еще недавно онъ вамъ казался интересенъ... въ сѣрой шинели?.,

Она потупила глаза и не отвѣчала.

Грушницкій цѣлый вечеръ преслѣдовалъ княжну, танцовалъ или съ нею, или vis-à-vis; онъ пожиралъ ее глазами, вздыхалъ и надоѣлъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она его ужъ ненавидѣла.

— Я этого не ожидалъ отъ тебя, — сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— Ты съ нею танцуешь мазурку? — спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ. — Она мнѣ призналась...

— Ну, такъ что жъ? а развѣ это секретъ?

— Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки, отъ кокетки... Ужъ я отомщу!

— Пѣняй на свою шинель, или на свои эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата: что ты ей больше не нравишься?..

— Зачѣмъ же подавать надежды?

— Зачѣмъ же ты надѣялся? Желать и добиваться чего-нибудь — понимаю; а кто жъ надѣется?

— Ты выигралъ пари, только не совсѣмъ, — сказалъ онъ, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкій выбиралъ одну только княжну, другіе кавалеры поминутно ее выбирали: это явно былъ заговоръ противъ меня — тѣмъ лучше: ей хочется говорить со мною, ей мѣшаютъ — ей захочется вдвое болѣе.

Я раза два пожалъ ея руку; во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь, — сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виноватъ Грушницкій.

— О, нѣтъ! — И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непремѣнно поцѣловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень доволенъ собою.

За большимъ столомъ ужинала молодежь и между ними Грушницкій. Когда я вошелъ, всѣ молчали; видно, говорили обо мнѣ. Многіе съ прошедшаго бала на меня дуются, особенно драгунскій капитанъ; а теперь, кажется, рѣшительно составляется противъ меня враждебная шайка подъ командой Грушницкаго. У него такой гордый и храбрый видъ...

Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ — вотъ что я называю жизнью.

Въ продолженіе ужина Грушницкій шептался и перемигивался съ драгунскимъ капитаномъ.

14-го іюня.

Нынче поутру Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Я встрѣтилъ ихъ карету, когда шелъ къ княгинѣ Лиговской. Она мнѣ кивнула головой: во взглядѣ ея былъ упрекъ.

Кто жъ виноватъ? Зачѣмъ она не хочетъ дать мнѣ случай видѣться съ нею наединѣ? Любовь, какъ огонь, — безъ пищи гаснетъ. Авось ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы.

Я сидѣлъ у княгини битый часъ. Мери не вышла: больна. Вечеромъ на бульварѣ ея не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла въ самомъ дѣлѣ грозный видъ. Я радъ, что княжна больна: они сдѣлали бы ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкаго растрепанная прическа и

отчаянный видъ: онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ огорченъ, особенно самолюбіе его оскорблено; но вѣдь есть же люди, въ которыхъ даже отчаяніе забавно!..

Возвратясь домой, я замѣтилъ, что мнѣ чего-то недостаетъ. *Я не видалъ ея! Она больна?* Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?.. Какой вздоръ!

15-го іюня.

Въ одиннадцать часовъ утра — часъ, въ который княгиня Лиговская обыкновенно потѣетъ въ Ермоловской ваннѣ — я шелъ мимо ея дома. Княжна сидѣла задумчиво у окна; увидѣвъ меня, вскочила.

Я вошелъ въ переднюю, людей никого не было, и я безъ доклада, пользуясь свободой здѣшнихъ нравовъ, пробрался въ гостиную.

Тусклая блѣдность покрывала милое лицо княжны. Она стояла у фортепіано, опершись одной рукой на спинку креселъ; эта рука чуть-чуть дрожала! Я тихо подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вы на меня сердитесь?..

Она подняла на меня томный, глубокій взоръ и покачала головой: ея губы хотѣли проговорить что-то, и не могли; глаза наполнились слезами; она опустилась въ кресла и закрыла лицо руками.

— Что съ вами?—сказалъ я, взявъ ея руку.

— Вы меня не уважаете!.. О, оставьте меня!..

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ... Она выпрямилась въ креслахъ; глаза ея засверкали.

Я остановился, взявшись за ручку двери, и сказалъ:

— Простите меня, княжна! я поступилъ какъ безумецъ... этого въ другой разъ не случится; я приму свои мѣры... Зачѣмъ вамъ знать то, что происходило до сихъ поръ въ душѣ моей? Вы этого никогда не узнаете, и тѣмъ лучше для васъ. Прощайте!....

Уходя, мнѣ кажется, я слышалъ, что она плакала.

Я до вечера бродилъ пѣшкомъ по окрестностямъ Машука,

утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель въ совершенномъ изнеможенiи.

Ко мнѣ зашелъ Вернеръ.

— Правда ли,—спросилъ онъ,—что вы женитесь на княжнѣ Лиговской?

— А что?

— Весь городъ говоритъ; всѣ мои больные заняты этой важной новостью; а ужъ эти больные такой народъ: все знаютъ!

— Это штуки Грушницкаго,—подумалъ я.

— Чтобъ вамъ доказать, докторъ, ложность этихъ слуховъ, объявляю вамъ по секрету, что завтра я переѣзжаю въ Кисловодскъ...

— И княжна также?..

— Нѣтъ; она остается еще на недѣлю здѣсь...

— Такъ вы не женитесь?..

— Докторъ, докторъ! посмотрите на меня: неужели я похожъ на жениха, или на что-нибудь подобное?

— Я этого не говорю... Но вы знаете, есть случаи,—прибавилъ, онъ, хитро улыбаясь:—въ которыхъ благородный человѣкъ обязанъ жениться, и есть маменьки, которыя по крайней мѣрѣ не предупреждаютъ этихъ случаевъ... Итакъ, я вамъ совѣтую, какъ прiятель, быть осторожнѣе. Здѣсь, на водахъ, преопасный воздухъ: сколько я видѣлъ прекрасныхъ молодыхъ людей, достойныхъ лучшей участи, и уѣзжавшихъ отсюда прямо подъ вѣнецъ... Даже, повѣрите ли, меня хотѣли женить! Именно, одна уѣздная маменька, у которой дочь была очень блѣдна. Я имѣлъ несчастiе сказать ей, что цвѣтъ лица возвратится послѣ свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложила мнѣ руку своей дочери и все свое состоянiе—пятьдесятъ душъ, кажется. Но я отвѣчалъ, что я къ этому неспособенъ.

Вернеръ ушелъ въ полной увѣренности, что онъ меня предостерегъ.

Изъ словъ его я замѣтилъ, что про меня и княжну ужъ распущены въ городѣ разные дурные слухи: это Грушницкому даромъ не пройдетъ!

18-го іюня.

Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Кисловодскѣ. Каждый день вижу Вѣру у колодца и на гуляньѣ. Утромъ, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнетъ на ея балконъ; она давно ужъ одѣта и ждетъ условленнаго знака; мы встрѣчаемся, будто нечаянно, въ саду, который отъ нашихъ домовъ спускается къ колодцу. Живительный горный воздухъ возвратилъ ей цвѣтъ лица и силы. Не даромъ Нарзанъ называется богатырскимъ ключемъ. Здѣшніе жители утверждаютъ, что воздухъ Кисловодска располагаетъ къ любви, что здѣсь бываютъ развязки всѣхъ романовъ, которые когда либо начинались у подошвы Машука. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все дышитъ уединеніемъ; здѣсь все таинственно—и густыя сѣни липовыхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который съ шумомъ и пѣною, падая съ плиты на плиту, прорѣзываетъ себѣ путь между зеленѣющими горами—и ущелья, полныя мглою и молчаніемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны — и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями высокихъ южныхъ травъ и бѣлой акаціи — и постоянный сладостно - усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые, встрѣтясь въ концѣ долины, бѣгутъ дружно взапуски и наконецъ кидаются въ Подкумокъ. Съ этой стороны ущелье шире и превращается въ зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. Всякій разъ, какъ я на нее взгляну, мнѣ все кажется, что ѣдетъ карета, а изъ окна кареты выглядываетъ розовое личико. Ужъ много каретъ проѣхало по этой дорогѣ— а той все нѣтъ. Слободка, которая за крѣпостью, населилась; въ ресторація, построенной на холмѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, начинаютъ мелькать вечеромъ огни сквозь двойной рядъ тополей; шумъ и звонъ стакановъ раздаются до поздней ночи.

Нигдѣ такъ много не пьютъ кахетинскаго вина и минеральной воды, какъ здѣсь.

Но смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ—я не изъ ихъ числа.

Грушницкій съ своей шайкой бушуетъ каждый день въ трактирѣ, и со мной почти не кланяется

Онъ только вчера пріѣхалъ, а успѣлъ уже поссориться съ тремя стариками, которые хотѣли прежде него сѣсть въ ванну, рѣшительно — несчастія развиваютъ въ немъ воинственный духъ.

22-го іюня.

Наконецъ онѣ пріѣхали. Я сидѣлъ у окна, когда услышалъ стукъ ихъ кареты, у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое? Неужто я влюбленъ?.. Я такъ глупо созданъ, что этого можно отъ меня ожидать.

Я у нихъ обѣдалъ. Княгиня на меня смотрѣла очень нѣжно, и не отходитъ отъ дочери... плохо! За то Вѣра ревнуетъ меня къ княжнѣ—добился же я этого благополучія. Чего женщина не сдѣлаетъ, чтобъ огорчить соперницу? Я помню, одна меня полюбила за то, что я любилъ другую. Нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума; женщинъ трудно убѣдить въ чемъ-нибудь; надо ихъ довести до того, чтобъ онѣ убѣдили себя сами. Порядокъ доказательствъ, которыми онѣ уничтожаютъ свои предубѣжденія, очень оригиналенъ; чтобъ выучиться ихъ діалектикѣ, надо опрокинуть въ умѣ своемъ всѣ школьныя правила логики. Напримѣръ, способъ обыкновенный:

— Этотъ человѣкъ любитъ меня; но я замужемъ: слѣдовательно, не должна его любить.

Способъ женскій:

— Я не должна его любить, ибо я замужемъ; но онъ меня любитъ—слѣдовательно...

Тутъ нѣсколько точекъ, ибо разсудокъ ужъ ничего не говоритъ, а говорятъ большею частью: языкъ, глаза и вслѣдъ за ними сердце, если оное имѣется.

Что если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщинѣ?—Клевета!—закричитъ она съ негодованіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ поэты пишутъ и женщины ихъ читаютъ [за что имъ глубочайшая благодарность], ихъ столько разъ называли ангелами, что онѣ въ самомъ дѣлѣ, въ простотѣ душевной, повѣрили этому комплименту, забывая, что тѣ же поэты за деньги величали Нерона полубогомъ..

Не кстати было бы мнѣ говорить о нихъ съ такою злостью,

мнѣ, который, кромѣ нихъ, на свѣтѣ ничего не любитъ, мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ, жизнію... Но вѣдь я не въ припадкѣ досады и оскорбленнаго самолюбія стараюсь сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ. Нѣтъ, все, что я говорю о нихъ, есть только слѣдствіе—

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Женщины должны бы желать, чтобъ всѣ мужчины ихъ такъ же хорошо знали, какъ я, потому что люблю ихъ во сто разъ больше съ тѣхъ поръ, какъ ихъ не боюсь и постигъ ихъ мелкія слабости.

Кстати: Вернеръ намедни сравнилъ женщинъ съ заколдованнымъ лѣсомъ, о которомъ разсказываетъ Тассъ въ своемъ Освобожденномъ Іерусалимѣ.—Только приступи,—говорилъ онъ,—на тебя полетятъ со всѣхъ сторонъ такіе страхи, что Боже упаси: долгъ, гордость, приличіе, общее мнѣніе, насмѣшка, презрѣніе... Надо только не смотрѣть, а итти прямо; мало-по-малу чудовища исчезаютъ, и открывается предъ тобой тихая и свѣтлая поляна, среди которой цвѣтетъ зеленый миртъ. За то бѣда, если на первыхъ шагахъ сердце дрогнетъ и обернешься назадъ!

24-го іюня.

Сегодняшній вечеръ былъ обиленъ происшествіями. Верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска, въ ущельѣ, гдѣ протекаетъ Подкумокъ, есть скала называемая *Кольцомъ;* это—ворота, образованныя природой; они подымаются на высокомъ холмѣ, и заходящее солнце сквозь нихъ бросаетъ на міръ свой послѣдній, пламенный взглядъ. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотрѣть на закатъ солнца сквозь каменное окошко. Никто изъ нихъ, по правдѣ сказать, не думалъ о солнцѣ. Я ѣхалъ возлѣ княжны; возвращаясь домой, надо было переѣзжать Подкумокъ въ бродъ. Горныя рѣчки, самыя мелкія, опасны особенно тѣмъ, что дно ихъ совершенный калейдоскопъ: каждый день отъ напора волнъ оно измѣняется: гдѣ былъ вче-

ра камень, тамъ нынче яма. Я взялъ подъ уздцы лошадь княжны и свелъ ее въ воду, которая не была выше колѣнъ; мы тихонько стали подвигаться наискось противъ теченія. Извѣстно, что переѣзжая быстрыя рѣчки, не должно смотрѣть на воду, ибо тотчасъ голова закружится. Я забылъ объ этомъ предварить княжну Мери.

Мы были уже на срединѣ, въ самой быстротѣ, когда она вдругъ на сѣдлѣ покачнулась. — Мнѣ дурно! — проговорила она слабымъ голосомъ. Я быстро наклонился къ ней, обвилъ рукою ея гибкую талію.

— Смотрите наверхъ! — шепнулъ я ей: — это ничего, только не бойтесь; я съ вами.

Ей стало лучше; она хотѣла освободиться отъ моей руки, но я еще крѣпче обвилъ ея нѣжный, мягкій станъ; моя щека почти касалась ея щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ.

— Что вы со мной дѣлаете?.. Боже мой!..

Я не обращалъ вниманія на ея трепетъ и смущеніе, и губы мои коснулись ея нѣжной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ѣхали сзади: никто не видалъ. Когда мы выбрались на берегъ, то всѣ пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возлѣ нея; видно было, что ее безпокоило мое молчаніе, но я поклялся не говорить ни слова — изъ любопытства. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ она выпутается изъ этого затруднительнаго положенія.

— Или вы меня презираете, или очень любите! — сказала она наконецъ голосомъ, въ которомъ были слезы. — Можетъ быть, вы хотите посмѣяться надо мной, возмутить мою душу, и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли, — прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности: — не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же, я хочу слышать вашъ голосъ!..

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастію, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите?—продолжала она:—вы, можетъ быть, хотите, чтобъ я первая вамъ сказала, что я васъ люблю...

Я молчалъ.

— Хотите ли этого?—продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное...

— Зачѣмъ?—отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно. Въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вампира... А еще слыву добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія!

Слѣзши съ лошадей, дамы вошли къ княгинѣ; я былъ взволнованъ и поскакалъ въ горы развѣять мысли, толпившіяся въ головѣ моей. Росистый вечеръ дышалъ упоительной прохладой. Луна подымалась изъ-за темныхъ вершинъ. Каждый шагъ моей некованной лошади глухо раздавался въ молчаніи ущелій; у водопада я напоилъ коня, жадно вдохнулъ въ себя раза два свѣжій воздухъ южной ночи и пустился въ обратный путь. Я ѣхалъ черезъ слободку. Огни начинали угасать въ окнахъ; часовые на валу крѣпости и казаки на окрестныхъ пикетахъ протяжно перекликались...

Въ одномъ изъ домовъ слободки, построенномъ на краю оврага, замѣтилъ я чрезвычайное освѣщеніе; по временамъ раздавался нестройный говоръ и крики, изобличавшіе военную пирушку. Я слѣзъ и подкрался къ окну; неплотно притворенный ставень позволилъ мнѣ видѣть пирующихъ и разслушать ихъ слова. Говорили обо мнѣ.

Драгунскій капитанъ, разгоряченный виномъ, ударилъ по столу кулакомъ, требуя вниманія.

— Господа!—сказалъ онъ,—это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургскія слётки всегда зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу! Онъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого что носитъ всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги.

— И что за надменная улыбка! А я увѣренъ, между тѣмъ, что онъ трусъ,—да, трусъ?

— Я думаю то же,—сказалъ Грушницкій.—Онъ любитъ отшучиваться. Я разъ ему такихъ вещей наговорилъ, что другой бы меня изрубилъ на мѣстѣ, а Печоринъ все обратилъ въ смѣшную сторону. Я, разумѣется, его не вызвалъ, потому что это было его дѣло; да не хотѣлъ и связываться...

— Грушницкій на него золъ за то, что онъ отбилъ у него княжну,—сказалъ кто-то.

— Вотъ еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчасъ отсталъ, потому что не хочу жениться, а компрометировать дѣвушку не въ моихъ правилахъ.

— Да, я васъ увѣряю, что онъ первѣйшій трусъ, то есть Печоринъ, а не Грушницкій,—а Грушницкій молодецъ, и притомъ онъ мой истинный другъ!—сказалъ опять драгунскій капитанъ.

— Господа! никто здѣсь его не защищаетъ? Никто? Тѣмъ лучше! хотите испытать его храбрость? Это васъ позабавитъ...

— Хотимъ; только какъ?

— А вотъ слушайте: Грушницкій на него особенно сердитъ—ему первая роль! Онъ придерется къ какой-нибудь глупости и вызоветъ Печорина на дуэль... Погодите; вотъ въ этомъ-то и штука... Вызоветъ на дуэль: хорошо! Все это—вызовъ, приготовленія, условія, будетъ какъ можно торжественнѣе и ужаснѣе—я за это берусь; я буду твоимъ секундантомъ, мой бѣдный другъ! Хорошо! Только вотъ гдѣ закорючка: въ пистолеты мы не положимъ пуль. Ужъ я вамъ отвѣчаю, что Печоринъ струситъ—на шести шагахъ ихъ поставлю, чортъ возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано!.. Согласны!.. Почему же нѣтъ?..—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А ты, Грушницкій?

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что если бъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Если бъ Грушницкій не согласился, я бросился бъ ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія, онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно:—Хорошо, я согласенъ!

Трудно описать восторгъ всей честной компаніи.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть.—За что они всѣ меня ненавидятъ?—думалъ я. — За что? Обидѣлъ ли я кого-нибудь? Нѣтъ. Неужели я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ одинъ видъ уже порождаетъ недоброжелательство?—И я чувствовалъ, что ядовитая злость мало-по-малу наполняла мою душу.—Берегитесь, господинъ Грушницкій!—говорилъ я, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ:—со мной этакъ не шутятъ. Вы дорого можете заплатить за одобреніе вашихъ глупыхъ товарищей. Я вамъ не игрушка!..

Я не спалъ всю ночь. Къ утру я былъ желтъ, какъ померанецъ..

Поутру я встрѣтилъ княжну у колодца.

— Вы больны? сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня..

— Я не спалъ ночь.

— И я также... Я васъ обвиняла... можетъ быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...

— Все ли?..

— Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... [ея голосъ задрожалъ] я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣй—сжальтесь... вы меня не презираете—не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

— Я вамъ скажу всю истину,—отвѣчалъ я княжнѣ:—не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: я васъ не люблю.

Ея губы слегка поблѣднѣли.

— Оставьте меня,—сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

25-го іюня.

Я иногда себя презираю... Не оттого ли я презираю и другихъ?.. Я сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ; я боюсь показаться смѣшнымъ самому себѣ. Другой бы, на моемъ мѣстѣ, предложилъ княжнѣ son coeur et sa fortune; но надо мною слово *жениться* — имѣетъ какую - то волшебную власть: какъ-бы страстно я ни любилъ женщину, если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться— прости любовь! мое сердце превращается въ камень, и ничто его не разогрѣетъ снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго?.. Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе... Вѣдь есть люди, которые безотчетно боятся пауковъ, таракановъ, мышей... Признаться ли? Когда я былъ еще ребенкомъ, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мнѣ *смертъ отъ злой жены;* это меня тогда глубоко поразило: въ душѣ моей родилось непреодолимое отвращеніе къ женитьбѣ... Между тѣмъ что-то мнѣ говоритъ, что ея предсказаніе сбудется; по крайней мѣрѣ буду стараться, чтобъ оно сбылось какъ можно позже.

26-го іюня.

Вчера пріѣхалъ сюда фокусникъ *Апфельбаумъ*. На дверяхъ рестораціи явилась длинная афишка, извѣщающая почтеннѣйшую публику о томъ, что вышеименованный удивительный фокусникъ, акробатъ, химикъ и оптикъ, будетъ имѣть честь дать великолѣпное представленіе сегодняшняго числа въ восемь

часовъ вечера, въ залѣ благороднаго собранія [иначе—въ ресторацiи]; билеты по два рубля съ полтиной.

Всѣ собираются итти смотрѣть удивительнаго фокусника; даже княгиня Лиговская, не смотря на то, что дочь ея больна, взяла для себя билетъ.

Нынче послѣ обѣда я шелъ мимо оконъ Вѣры; она сидѣла на балконѣ одна; къ ногамъ моимъ упала записка:

— Сегодня въ десятомъ часу вечера приходи ко мнѣ по большой лѣстницѣ; мужъ мой уѣхалъ въ Пятигорскъ, и завтра утромъ только вернется. Моихъ людей и горничныхъ не будетъ въ домѣ; я имъ всѣмъ раздала билеты, также и людямъ княгини.—Я жду тебя; приходи непремѣнно.

— Ага!—подумалъ я,—наконецъ-таки вышло по моему.

Въ восемь часовъ пошелъ я смотрѣть фокусника. Публика собралась въ исходѣ девятаго; представленіе началось. Въ заднихъ рядахъ стульевъ узналъ я лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини. Всѣ были тутъ наперечетъ. Грушницкій сидѣлъ въ первомъ ряду съ лорнетомъ. Фокусникъ обращался къ нему всякій разъ, какъ ему нуженъ былъ носовой платокъ, часы, кольцо, и проч.

Грушницкій мнѣ не кланяется ужъ нѣсколько времени, а нынче раза два посмотрѣлъ на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда намъ придется расплачиваться.

Въ исходѣ десятаго я всталъ и вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глазъ выколи. Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинахъ окрестныхъ горъ; лишь изрѣдка умирающій вѣтеръ шумѣлъ вершинами тополей, окружающихъ ресторацію; у оконъ ея толпился народъ. Я спустился съ горы и, повернувъ въ ворота, прибавилъ шагу. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то идетъ за мною. Я остановился и осмотрѣлся. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать; однако я, изъ осторожности, обошелъ, будто гуляя, вокругъ дома. Проходя мимо оконъ княжны, я услышалъ снова шаги за собою; человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо меня. Это меня встревожило; однако я прокрался къ крыльцу и поспѣшно взбѣжалъ на темную лѣстницу. Дверь отворилась, маленькая ручка схватила мою руку...

— Никто тебя не видалъ?—сказала шопотомъ Вѣра, прижавшись ко мнѣ.

— Никто.

— Теперь ты вѣришь ли, что я тебя люблю? О! я долго колебалась, долго мучилась... но ты изъ меня дѣлаешь все, что хочешь.

Ея сердце сильно билось, руки были холодны, какъ ледъ. Начались упреки ревности, жалобы; она требовала отъ меня, чтобъ я ей во всемъ признался, говоря, что она съ покорностью перенесетъ мою измѣну, потому что хочетъ единственно моего счастія. Я этому не совсѣмъ вѣрилъ, но успокоилъ ее клятвами, обѣщаніями и проч.

— Такъ ты не женишься па Мери? не любишь ее?.. А она думаетъ... знаешь ли, она влюблена въ тебя до безумія, бѣдняжка!..

. . . .

. . . .

Около двухъ часовъ пополуночи я отворилъ окно и, связавъ двѣ шали, спустился съ верхняго балкона на нижній, придерживаясь за колонну. У княжны еще горѣлъ огонь. Что-то меня толкнуло къ этому окну. Занавѣсъ былъ не совсѣмъ задернутъ, и я могъ бросить любопытный взглядъ во внутренность комнаты. Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; предъ нею на столикѣ была раскрыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ. Я спрыгнулъ съ балкона на дернъ. Невидимая рука схватила меня за плечо:

— Ага!—сказалъ грубый голосъ:—попался!.. будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!

— Держи его крѣпче! — закричалъ другой, выскочившій изъ-за угла.

Это были Грушницкій и драгунскій капитанъ.

Я ударилъ послѣдняго по головѣ кулакомъ, сшибъ его съ ногъ и бросился въ кусты. Всѣ тропинки сада, покрывавшаго отлогость противъ нашихъ домовъ, были мнѣ извѣстны.

— Воры! караулъ!.. кричали они; раздался ружейный выстрѣлъ; дымящійся пыжъ упалъ почти къ моимъ ногамъ.

Черезъ минуту я былъ уже въ своей комнатѣ, раздѣлся и легъ. Едва мой лакей заперъ дверь на замокъ, какъ ко мнѣ начали стучаться Грушницкій и капитанъ.

— Печоринъ! вы спите? здѣсь вы?.. закричалъ капитанъ.

— Сплю, — отвѣчалъ я сердито.

— Вставайте! — воры... черкесы...

— У меня насморкъ, — отвѣчалъ я: — боюсь простудиться.

Они ушли. Напрасно я имъ откликнулся: они бъ еще съ часъ проискали меня въ саду. Тревога между тѣмъ сдѣлалась ужасная. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось; стали искать черкесовъ во всѣхъ кустахъ — и, разумѣется, ничего не нашли. Но многіе, вѣроятно, остались въ твердомъ убѣжденіи, что если бъ гарнизонъ показалъ болѣе храбрости и поспѣшности, то по крайней мѣрѣ десятка два хищниковъ остались бы на мѣстѣ.

27-го іюня.

Нынче поутру у колодца только и было толковъ, что о ночномъ нападеніи черкесовъ. Выпивши положенное число стакановъ нарзана, пройдясь разъ десять по длинной липовой аллеѣ, я встрѣтилъ мужа Вѣры, который только что пріѣхалъ изъ Пятигорска. Онъ взялъ меня подъ руку, и мы пошли въ ресторацію завтракать; онъ ужасно безпокоился о женѣ. — Какъ она перепугалась нынче ночью! — говорилъ онъ: — вѣдь надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи. — Мы усѣлись завтракать возлѣ двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Судьба вторично доставила мнѣ случай подслушать разговоръ, который долженъ

былъ рѣшить его участь. Онъ меня не видалъ и, слѣдственно, я не могъ подозрѣвать умысла; но это только увеличивало его вину въ моихъ глазахъ.

— Да неужели въ самомъ дѣлѣ это были черкесы?— сказалъ кто-то.—Видѣлъ ли ихъ кто-нибудь?

— Я вамъ разскажу всю истину,—отвѣчалъ Грушницкій;— только пожалуйста не выдавайте меня. Вотъ какъ это было: вчера одинъ человѣкъ, котораго я вамъ не назову, приходитъ ко мнѣ и разсказываетъ, что видѣлъ въ десятомъ часу вечера, какъ кто-то прокрался въ домъ къ Лиговскимъ. Надо вамъ замѣтить, что княгиня была здѣсь, а княжна дома. Вотъ мы съ нимъ и отправились подъ окна, чтобъ подстеречь счастливца.

Признаюсь, я испугался, хотя мой собесѣдникъ очень былъ занятъ своимъ завтракомъ: онъ могъ услышать вещи для себя довольно непріятныя, если бъ неравно Грушницкій отгадалъ истину; но ослѣпленный ревностью, онъ не подозрѣвалъ ея.

— Вотъ видите ли,—продолжалъ Грушницкій:—мы и отправились, взявши съ собой ружье, заряженное холостымъ патрономъ, только такъ, чтобъ попугать. До двухъ часовъ ждали въ саду. Наконецъ—ужъ Богъ знаетъ откуда онъ явился, только не изъ окна, потому что оно не отворялось, а должно быть онъ вышелъ въ стеклянную дверь, что за колонной,— наконецъ, говорю я, видимъ мы, сходитъ кто-то съ балкона... Какова княжна?—а? Ну, ужъ признаюсь, московскія барышни! Послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить, только онъ вырвался и, какъ заяцъ, бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ.

Вокругъ Грушницкаго раздался ропотъ недовѣрчивости.

— Вы не вѣрите?—продолжалъ онъ:—даю вамъ честное, благородное слово, что все это сущая правда, и въ доказательство я вамъ, пожалуй, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто жъ онъ?—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ,—отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза—я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы ужъ

дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости.

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться.

— Прошу васъ,—продолжалъ я тѣмъ же тономъ:—прошу васъ сейчасъ же отказаться отъ вашихъ словъ; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобъ равнодушіе женщины къ вашимъ блестящимъ достоинствамъ заслуживало такое ужасное мщеніе. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнѣніе, вы теряете право на имя благороднаго человѣка и рискуете жизнью.

Грушницкій стоялъ передо мною, опустивъ глаза, въ сильномъ волненіи. Но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна. Драгунскій капитанъ, сидѣвшій возлѣ него, толкнулъ его локтемъ; онъ вздрогнулъ и быстро отвѣчалъ мнѣ, не подымая глазъ:

— Милостивый государь, когда я что́ говорю, такъ я это думаю, и готовъ повторить... Я не боюсь вашихъ угрозъ и готовъ на все.

— Послѣднее вы ужъ доказали,—отвѣчалъ я ему холодно и, взявъ подъ руку драгунскаго капитана, вышелъ изъ комнаты.

— Что вамъ угодно?—спросилъ капитанъ.

— Вы пріятель Грушницкаго и, вѣроятно, будете его секундантомъ?

Капитанъ поклонился очень важно.

— Вы отгадали,—отвѣчалъ онъ:—я даже обязанъ быть его секундантомъ, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мнѣ: я былъ съ нимъ вчера ночью,—прибавилъ онъ, выпрямляя свой сутуловатый станъ.

— А! такъ это васъ ударилъ я такъ неловко по головѣ?..

Онъ пожелтѣлъ, посинѣлъ; скрытая злоба изобразилась на лицѣ его.

— Я буду имѣть честь прислать къ вамъ нынче моего секунданта,—прибавилъ я, раскланявшись очень вѣжливо и показывая видъ, будто не обращаю вниманія на его бѣшенство.

На крыльцѣ ресторацiи я встрѣтилъ мужа Вѣры. Кажется, онъ меня дожидался.

Онъ схватилъ мою руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ.

— Благородный молодой человѣкъ,—сказалъ онъ,съ слезами на глазахъ.—Я все слышалъ. Какой мерзавецъ! неблагодарный!.. Принимай ихъ послѣ этого въ порядочный домъ! Слава Богу, у меня нѣтъ дочерей! Но васъ наградитъ та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте увѣрены въ моей скромности до поры до времени,—продолжалъ онъ.—Я самъ былъ молодъ и служилъ въ военной службѣ: знаю, что въ эти дѣла не должно вмѣшиваться. Прощайте.

Бѣдняжка! радуется, что у него нѣтъ дочерей...

Я пошелъ прямо къ Вернеру, засталъ его дома и разсказалъ ему все—отношенія мои къ Вѣрѣ и княжнѣ, и разговоръ, подслушанный мною, изъ котораго я узналъ намѣреніе этихъ господъ—подурачить меня, заставивъ стрѣляться холостыми зарядами. Но теперь дѣло выходило изъ границъ шутки: они, вѣроятно, не ожидали такой развязки.

Докторъ согласился быть моимъ секундантомъ; я далъ ему нѣсколько наставленій насчетъ условій поединка; онъ долженъ былъ настоять на томъ, чтобы дѣло обошлось какъ можно секретнѣе, потому что хотя я когда угодно готовъ подвергать себя смерти, но нимало не расположенъ испортить навсегда свою будущность въ здѣшнемъ мірѣ.

Послѣ этого я пошелъ домой. Черезъ часъ докторъ вернулся изъ своей экспедиціи.

— Противъ васъ, точно, есть заговоръ,—сказалъ онъ.—Я нашелъ у Грушницкаго драгунскаго капитана и еще одного господина, котораго фамиліи не помню. Я на минуту остановился въ передней, чтобъ снять калоши. У нихъ былъ ужасный шумъ и споръ...—Ни за что не соглашусь!—говорилъ Грушницкій:—онъ меня оскорбилъ публично; тогда было совсѣмъ другое...— Какое тебѣ дѣло?—отвѣчалъ капитанъ:—я все беру на себя. Я былъ секундантомъ на пяти дуэляхъ, и ужъ знаю, какъ это устроить. Я все придумалъ. Пожалуйста,только мнѣ не мѣшай. Постращать не худо. А зачѣмъ подвергать

себя опасности, если можно избавиться?—Въ эту минуту я вошелъ. Они вдругъ замолчали. Переговоры наши продолжались довольно долго; наконецъ мы рѣшили дѣло вотъ какъ: верстахъ въ пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поѣдутъ завтра въ четыре часа утра, а мы выѣдемъ полчаса послѣ нихъ; стрѣляться будете на шести шагахъ—этого требовалъ самъ Грушницкій. Убитаго—на счетъ черкесовъ. Теперь вотъ какія у меня подозрѣнія: они, то есть секунданты, должно быть, нѣсколько перемѣнили свой прежній планъ и хотятъ зарядить пулею одинъ пистолетъ Грушницкаго. Это немножко похоже на убійство, но въ военное время, и особенно въ азіатской войнѣ, хитрости позволяются; только Грушницкій, кажется, поблагороднѣе своихъ товарищей. Какъ вы думаете: должны ли мы показать имъ, что догадались!

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ! Будьте спокойны; я имъ не поддамся.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Это моя тайна.

— Смотрите не попадитесь... вѣдь на шести шагахъ!

— Докторъ, я васъ жду завтра въ четыре часа; лошади будутъ готовы... Прощайте.

Я до вечера просидѣлъ дома, запершись въ своей комнатѣ. Приходилъ лакей, звать меня къ княгинѣ—я велѣлъ сказать, что боленъ.

. . . .

Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтобъ завтра рука не дрожала. Впрочемъ, на шести шагахъ промахнуться трудно. А! господинъ Грушницкій! ваша мистификація вамъ не удастся... мы помѣняемся ролями: теперь мнѣ придется отыскивать на вашемъ блѣдномъ лицѣ признаки тайнаго страха. Зачѣмъ вы сами назначили эти роковые шесть шаговъ? Вы думаете, что я вамъ безъ спора подставлю свой лобъ... но мы бросимъ жребій... и тогда... и тогда... что если, его счастье перетянетъ? если моя звѣзда наконецъ мнѣ измѣнитъ?.. И немудрено: она такъ долго служила вѣрно моимъ прихотямъ.

Что же? умереть, такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я—какъ чело-

вѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... прощайте!..

Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя.... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей, пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни. И съ той поры сколько разъ уже я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... * Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданья—и никогда не могъ насытиться. Такъ томимый голодомъ въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче; но только проснулся—мечта исчезаетъ... остается удвоенный голодъ и отчаяніе.

И, можетъ быть, я завтра умру!.. и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе—мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ ли труда жить? а все живешь — изъ любопытства: ожидаешь чего-то новаго... Смѣшно и досадно!

---

* Вмѣсто точекъ въ рукописи прежде было: „Какъ нарочно, я всегда являлся къ пятому акту ихъ драмы; невидимая сила кидала меня посреди ихъ надеждъ, намѣреній и связей, и все разрывалось, все погибало отъ моего прикосновенія..."

Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я въ крѣпости N. Максимъ Максимычъ ушелъ на охоту... я одинъ сижу у окна; сѣрыя тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туманъ кажется желтымъ пятномъ. Холодно; вѣтеръ свищетъ и колеблетъ ставни... Скучно!.. Стану продолжать свой журналъ, прерванный столькими странными событіями.

Перечитываю послѣднюю страницу: смѣшно! — Я думалъ умереть; это было невозможно: я еще не осушилъ чаши страданій, и теперь чувствую, что мнѣ еще долго жить.

Какъ все прошедшее ясно и рѣзко отлилось въ моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттѣнка не стерло время!

Я помню, что въ продолженіе ночи, предшествовавшей поединку, я не спалъ ни минуты. Писать я не могъ долго; тайное безпокойство мною овладѣло. Съ часъ я ходилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ и открылъ романъ Вальтеръ Скотта, лежавшій у меня на столѣ: то были Шотландскіе Пуритане; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ...*

Наконецъ разсвѣло. Нервы мои успокоились. Я посмотрѣлся въ зеркало; тусклая блѣдность покрывала лицо мое, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволенъ собою.

Велѣвъ сѣдлать лошадей, я одѣлся и сбѣжалъ къ купальнѣ. Погружаясь въ холодный кипятокъ нарзана, я чувствовалъ, какъ тѣлесныя и душевныя силы мои возвращались. Я вышелъ изъ ванны свѣжъ и бодръ, какъ будто собирался на балъ. Послѣ этого говорите, что душа не зависитъ отъ тѣла!..

Возвратясь, я нашелъ у себя доктора. На немъ были сѣрые рейтузы, архалукъ и черкесская шапка. Я расхохотался, увидѣвъ эту маленькую фигурку подъ огромной косматой шапкой; у него лицо вовсе не воинственное, а въ этотъ разъ оно было еще длиннѣе обыкновеннаго.

— Отчего вы такъ печальны, докторъ?—сказалъ я ему.—

---

* Вмѣсто точекъ въ рукописи было: Неужели шотландскому барду на томъ свѣтѣ платятъ за каждую минуту, которую даритъ его книга...

Развѣ вы сто разъ не провожали людей на тотъ свѣтъ съ величайшимъ равнодушіемъ? Вообразите, что у меня желчная горячка; я могу выздоровѣть, могу и умереть; то и другое въ порядкѣ вещей; старайтесь смотрѣть на меня, какъ на паціента, одержимаго болѣзнью, вамъ еще неизвѣстной — и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете надо мною сдѣлать теперь нѣсколько важныхъ физіологическихъ наблюденій... Ожиданіе насильственной смерти не есть ли уже настоящая болѣзнь?

Эта мысль поразила доктора и онъ развеселился.

Мы сѣли верхомъ. Вернеръ уцѣпился за поводья обѣими руками, и мы пустились—мигомъ проскакали мимо крѣпости черезъ слободку и въѣхали въ ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересѣкаемая шумнымъ ручьемъ, черезъ который нужно было переправляться въ бродъ, къ великому отчаянію доктора, потому что лошадь его каждый разъ въ водѣ останавливалась.

Я не помню утра болѣе голубого и свѣжаго! Солнце едва выказалось изъ-за зеленыхъ вершинъ, и сліяніе первой теплоты его лучей съ умирающей прохладой ночи наводило на всѣ чувства какое-то сладкое томленіе; въ ущелье не проникалъ еще радостный лучъ молодого дня; онъ золотилъ только верхи утесовъ, висящихъ съ обѣихъ сторонъ надъ нами; густолиственные кусты, растущіе въ ихъ глубокихъ трещинахъ, при малѣйшемъ дыханіи вѣтра осыпали насъ серебрянымъ дождемъ. Я помню — въ этотъ разъ, больше чѣмъ когда-нибудь прежде, я любилъ природу. Какъ любопытно всматривался я въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листкѣ виноградномъ и отражавшую милліоны радужныхъ лучей! какъ жадно взоръ мой старался проникнуть въ дымную даль! Тамъ путь все становился уже, утесы синѣе и страшнѣе, и наконецъ они, казалось, сходились непроницаемой стѣной. Мы ѣхали молча.

— Написали ли вы свое завѣщаніе? — вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?..

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать свое послѣднее прости?..

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ на свѣтѣ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?..

— Хотите ли, докторъ, — отвѣчалъ я ему, — чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?.. Видите ли, я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочекъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого. — Друзья, которые завтра меня забудутъ, или, хуже, взведутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему — Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей — и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, быть можетъ, черезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй?.. Посмотрите, докторъ: видите ли вы на скалѣ, направо, чернѣются три фигуры? Это, кажется, наши противники?..

Мы пустились.

У подошвы скалы, въ кустахъ, были привязаны три лошади; мы своихъ привязали тутъ же, а сами по узкой тропинкѣ взобрались на площадку, гдѣ ожидалъ насъ Грушницкій съ драгунскимъ капитаномъ и другимъ своимъ секундантомъ, котораго звали Иваномъ Игнатьевичемъ; фамиліи его я никогда не слыхалъ.

— Мы давно ужъ васъ ожидаемъ, — сказалъ драгунскій капитанъ съ иронической улыбкой.

Я вынулъ часы и показалъ ему.

Онъ извинился, говоря, что его часы уходятъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось затруднительное молчаніе; наконецъ докторъ прервалъ его, обратясь къ Грушницкому.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ: — что, показавъ оба готовность драться и заплативъ этимъ долгъ условіямъ чести, вы бы могли, господа, объясниться и кончить это дѣло полюбовно.

— Я готовъ, — сказалъ я.

Капитанъ мигнулъ Грушницкому, и этотъ, думая, что я трушу, принялъ гордый видъ, хотя до сей минуты тусклая блѣдность покрывала его щеки. Съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали, онъ въ первый разъ поднялъ на меня глаза; но во взглядѣ его было какое-то безпокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу.

— Объясните ваши условія, — сказалъ онъ: — и все, что я могу для васъ сдѣлать, то будьте увѣрены...

— Вотъ мои условія: вы нынче же публично откажетесь отъ своей клеветы и будете просить у меня извиненія...

— Милостивый государь, я удивляюсь, какъ вы смѣете мнѣ предлагать такія вещи?..

— Что жъ я вамъ могъ предложить, кромѣ этого?..

— Мы будемъ стрѣляться.

Я пожалъ плечами.

— Пожалуй; только подумайте, что одинъ изъ насъ непремѣнно будетъ убитъ.

— Я желаю, чтобы это были вы...

— А я такъ увѣренъ въ противномъ...

Онъ смутился, покраснѣлъ, потомъ принужденно захохоталъ.

Капитанъ взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону; они долго шептались. Я пріѣхалъ въ довольно миролюбивомъ расположеніи духа, но все это начинало меня бѣсить.

Ко мнѣ подошелъ докторъ.

— Послушайте, — сказалъ онъ съ явнымъ безпокойствомъ: вы вѣрно забыли про ихъ заговоръ?.. Я не умѣю зарядить пистолета, но въ этомъ случаѣ... Вы странный человѣкъ! Скажите имъ, что вы знаете ихъ намѣреніе — и они не посмѣютъ... Что за охота? подстрѣлятъ васъ, какъ птицу...

— Пожалуйста, не безпокойтесь, докторъ, и погодите.. Я все такъ устрою, что на ихъ сторонѣ не будетъ никакой выгоды. Дайте имъ пошептаться...

— Господа! это становится скучно,—сказалъ я имъ громко:—драться, такъ драться; вы имѣли время вчера наговориться.

— Мы готовы,—отвѣчалъ капитанъ.—Становитесь, господа! Докторъ, извольте отмѣрить шесть шаговъ...

— Становитесь!—повторилъ Иванъ Игнатьевичъ пискливымъ голосомъ.

— Позвольте!—сказалъ я:—еще одно условіе; такъ какъ мы будемъ драться на смерть, то мы обязаны сдѣлать все возможное, чтобъ это осталось тайною и чтобъ секунданты наши не были въ отвѣтственности. Согласны ли вы?..

— Совершенно согласны.

— Итакъ, вотъ что я придумалъ. Видите ли на вершинѣ этой отвѣсной скалы, направо, узенькую площадку? Оттуда до низу будетъ саженъ тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый изъ насъ станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется въ дребезги; пулю докторъ вынетъ, и тогда можно будетъ очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объявляю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться.

— Пожалуй!—сказалъ капитанъ, посмотрѣвъ выразительно на Грушницкаго, который кивнулъ головой, въ знакъ согласія. Лицо его ежеминутно мѣнялось. Я его поставилъ въ затруднительное положеніе. Стрѣляясь при обыкновенныхъ условіяхъ, онъ могъ цѣлить мнѣ въ ногу, легко меня ранить и удовлетворить такимъ образомъ свою месть, не отягощая слишкомъ своей совѣсти; но теперь онъ долженъ былъ выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцей, или, наконецъ, оставить свой подлый замыселъ и подвергнуться одинаковой со мною опасности. Въ эту минуту я не желалъ бы быть на его мѣстѣ. Онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить ему что-то съ большимъ жаромъ; я видѣлъ, какъ посинѣвшія губы его дрожали, но капитанъ отъ него отвернулся съ презрительной

улыбкой.—Ты дуракъ!—сказалъ онъ Грушницкому довольно громко:—ничего не понимаешь!.. Отправимтесь же, господа!

Узкая тропинка вела между кустами на крутизну; обломки скалъ составляли шаткія ступени этой природной лѣстницы; цѣпляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкій шелъ впереди, за нимъ его секунданты, а потомъ мы съ докторомъ.

— Я вамъ удивляюсь,—сказалъ докторъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку.— Дайте пощупать пульсъ!.. Ого! лихорадочный!.. но на лицѣ ничего не замѣтно... только глаза у васъ блестятъ ярче обыкновеннаго.

Вдругъ мелкіе камни съ шумомъ покатились намъ подъ ноги. Что это? Грушницкій споткнулся; вѣтка, за которую онъ уцѣпился, изломалась, и онъ скатился бы внизъ на спинѣ, если бъ его секунданты не поддержали.

— Берегитесь!—закричалъ я ему:—не падайте заранѣе; это дурная примѣта. Вспомните Юлія Цезаря.

Вотъ мы взобрались на вершину выдавшейся скалы; площадка была покрыта мелкимъ пескомъ, будто нарочно для поединка. Кругомъ, теряясь въ золотомъ туманѣ утра, тѣснились вершины горъ, какъ безчисленное стадо, и Эльборусъ на югѣ вставалъ бѣлою громадой, замыкая цѣпь льдистыхъ вершинъ, между которыми ужъ бродили волокнистыя облака, набѣжавшія съ востока. Я подошелъ къ краю площадки и посмотрѣлъ внизъ: голова чуть-чуть у меня не закружилась; тамъ, внизу, казалось темно и холодно, какъ въ гробѣ; мшистые зубцы скалъ, сброшенныхъ грозою и временемъ, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольникъ. Отъ выдавшагося угла отмѣрили шесть шаговъ, и рѣшили, что тотъ, кому придется первому встрѣтить непріятельскій огонь, станетъ на самомъ углу спиною къ пропасти; если онъ не будетъ убитъ, то противники помѣняются мѣстами.

Я рѣшился предоставить всѣ выгоды Грушницкому; я хотѣлъ испытать его; въ душѣ его могла проснуться искра великодушія—и тогда все устроилось бы къ лучшему; но самолюбіе и слабость характера должны были торжествовать!.. Я

хотѣлъ дать себѣ полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключалъ такихъ условій съ своею совѣстью?

— Бросьте жребій, докторъ! — сказалъ капитанъ.

Докторъ вынулъ изъ кармана серебряную монету и поднялъ ее кверху.

— Рѣшетка! — закричалъ Грушницкій поспѣшно, какъ человѣкъ, котораго вдругъ разбудилъ дружескій толчекъ.

— Орелъ! — сказалъ я.

Монета взвилась и упала, звеня; всѣ бросились къ ней.

— Вы счастливы, — сказалъ я Грушницкому: — вамъ стрѣлять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь — даю вамъ честное слово.

Онъ покраснѣлъ; ему было стыдно убить человѣка безоружнаго; я глядѣлъ на него пристально; съ минуту мнѣ казалось, что онъ бросится къ ногамъ моимъ, умоляя о прощеніи; но какъ признаться въ такомъ подломъ умыслѣ?.. Ему оставалось одно средство — выстрѣлить на воздухъ! Одно могло этому помѣшать: мысль, что я потребую вторичнаго поединка.

— Пора! — шепнулъ мнѣ докторъ, дергая за рукавъ: — если вы теперь не скажете, что мы знаемъ ихъ намѣренія, то все пропало. Посмотрите, онъ ужъ заряжаетъ... если вы ничего не скажете, то я самъ...

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ, — отвѣчалъ я, удерживая его за руку: — вы все испортите; вы мнѣ дали слово не мѣшать... Какое вамъ дѣло? Можетъ быть, я хочу быть убитъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— О, это другое!.. только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...

Капитанъ между тѣмъ зарядилъ свои пистолеты, подалъ одинъ Грушницкому, съ улыбкою шепнувъ ему что-то; другой мнѣ.

Я сталъ на углу площадки, крѣпко упершись лѣвой ногою въ камень и наклонясь немного напередъ, чтобы въ случаѣ легкой раны не опрокинуться назадъ.

Грушницкій сталъ противъ меня и, по данному знаку, на-

чалъ поднимать пистолетъ. Колѣни его дрожали. Онъ цѣлилъ мнѣ прямо въ лобъ.

Неизъяснимое бѣшенство закипѣло въ груди моей.

Вдругъ онъ опустилъ дуло пистолета и, поблѣднѣвъ какъ полотно, повернулся къ своему секунданту:

— Не могу,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Трусъ!—отвѣчалъ капитанъ.

Выстрѣлъ раздался. Пуля оцарапала мнѣ колѣно. Я невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобъ поскорѣй удалиться отъ края.

— Ну, братъ Грушницкій, жаль, что промахнулся!—сказалъ капитанъ.—Теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы ужъ не увидимся!—Они обнялись; капитанъ едва могъ удержаться отъ смѣха.—Не бойся,—прибавилъ онъ, хитро взглянувъ на Грушницкаго:—все вздоръ на свѣтѣ... Натура—дура, судьба—индейка, а жизнь—копейка!

Послѣ этой трагической фразы, сказанной съ приличною важностью, онъ отошелъ на свое мѣсто. Иванъ Игнатьевичъ со слезами обнялъ также Грушницкаго, и вотъ онъ остался одинъ противъ меня. Я до сихъ поръ стараюсь объяснить себѣ, какого рода чувство кипѣло тогда въ груди моей: то было и досада оскорбленнаго самолюбія, и презрѣніе, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этотъ человѣкъ, теперь съ такою увѣренностью, съ такой спокойной дерзостью на меня глядящій, двѣ минуты тому назадъ, не подвергая себя никакой опасности хотѣлъ меня убить какъ собаку, ибо, раненый въ ногу немного сильнѣе, я бы непремѣнно свалился съ утеса.

Я нѣсколько минутъ смотрѣлъ ему пристально въ лицо, стараясь замѣтить хоть легкій слѣдъ раскаянія. Но мнѣ показалось, что онъ удерживалъ улыбку.

— Я вамъ совѣтую передъ смертью помолиться Богу,—сказалъ я ему тогда.

— Не заботьтесь о моей душѣ больше, чѣмъ о своей собственной. Объ одномъ васъ прошу: стрѣляйте скорѣе.

— И вы не отказываетесь отъ своей клеветы? не просите у меня прощенія?.. Подумайте хорошенько: не говоритъ ли вамъ чего-нибудь совѣсть?

— Господинъ Печоринъ!—закричалъ драгунскій капитанъ: —вы здѣсь не для того, чтобъ исповѣдывать, позвольте вамъ замѣтить... Кончимте скорѣе: неравно кто-нибудь проѣдетъ по ущелью—и насъ увидятъ.

— Хорошо. Докторъ, подойдите ко мнѣ.

Докторъ подошелъ. Бѣдный докторъ! онъ былъ блѣднѣе, чѣмъ Грушницкій, десять минутъ тому назадъ.

Слѣдующія слова я произнесъ нарочно съ разстановкой, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ:

— Докторъ, эти господа, вѣроятно второпяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова—и хорошенько!

— Не можетъ быть!—кричалъ капитанъ: — не можетъ быть! я зарядилъ оба пистолета: развѣ что изъ вашего пуля выкатилась...Это не моя вина!—А вы не имѣете права переряжать... никакого права... Это совершенно противъ правилъ; я не позволяю...

— Хорошо!—сказалъ я капитану:—если такъ, то мы будемъ съ вами стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ...

Онъ замялся.

Грушницкій стоялъ, опустивъ голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь ихъ!—сказалъ онъ наконецъ капитану, который хотѣлъ вырвать пистолетъ мой изъ рукъ доктора.—Вѣдь ты самъ знаешь, что они правы.

Напрасно капитанъ дѣлалъ ему разные знаки—Грушницкій не хотѣлъ и смотрѣть.

Между тѣмъ докторъ зарядилъ пистолетъ и подалъ мнѣ.

Увидѣвъ это, капитанъ плюнулъ и топнулъ ногой.

— Дуракъ же ты, братецъ!—сказалъ онъ:—пошлый дуракъ!... Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... По дѣломъ же тебѣ! околѣвай себѣ какъ муха... Онъ отвернулся и, отходя, пробормоталъ:—А все-таки это совершенно противъ правилъ.

— Грушницкій!—сказалъ я:—еще есть время: откажись отъ своей клеветы, и я тебѣ прощу все. Тебѣ не удалось меня по-

дурачить, и мое самолюбіе удовлетворено. Вспомни, мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали...

— Стрѣляйте! — отвѣчалъ онъ: — я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...

Я выстрѣлилъ...

Когда дымъ разсѣялся, Грушницкаго на площадкѣ не было... Только прахъ легкимъ столбомъ еще вился на краю обрыва...

Всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули.

— Finita la comedia! — сказалъ я доктору.

Онъ не отвѣчалъ и съ ужасомъ отвернулся.

Я пожалъ плечами и раскланялся съ секундантами Грушницкаго.

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, я замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго. Я невольно закрылъ глаза.

Отвязавъ лошадь, я шагомъ пустился домой; у меня на сердцѣ былъ камень. Солнце казалось мнѣ тускло; лучи его меня не грѣли.

Не доѣзжая слободки, я повернулъ направо по ущелью. Видъ человѣка былъ бы мнѣ тягостенъ; я хотѣлъ быть одинъ. Бросивъ поводья, опустивъ голову на грудь, я ѣхалъ долго, наконецъ очутился въ мѣстѣ, мнѣ вовсе незнакомомъ; я повернулъ коня назадъ и сталъ отыскивать дорогу; ужъ солнце садилось, когда я подъѣхалъ къ Кисловодску, измученный на измученной лошади.

Лакей мой сказалъ мнѣ, что заходилъ Вернеръ, и подалъ мнѣ двѣ записки: одну отъ него, другую... отъ Вѣры.

Я распечаталъ первую; она была слѣдующаго содержанія:

«Все устроено какъ можно лучше: тѣло привезено обезо-«браженное; пуля изъ груди вынута. Всѣ увѣрены, что при-«чиною его смерти несчастный случай; только комендантъ, ко-«торому, вѣроятно, извѣстна ваша ссора, покачалъ головой, «но ничего не сказалъ. Доказательствъ противъ васъ нѣтъ ни-«какихъ, и вы можете спать спокойно... если можете... Про-щайте».

Я долго не рѣшался открыть вторую записку... Что мо
она мнѣ писать?... Тяжелое предчувствіе волновало мою душ

Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизглади
врѣзалось въ моей памяти: *.

«Я пишу къ тебѣ въ полной увѣренности, что мы никог
«болѣе не увидимся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разставая
«съ тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испы
«тать меня вторично: я не вынесла этого испытанія, мое сл
«бое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не б
«дешь презирать меня за это—не правда ли? Это письмо бу
«детъ вмѣстѣ прощаньемъ и исповѣдью: я обязана сказат
«тебѣ все, что накопилось въ моемъ сердцѣ съ тѣхъ пор
«какъ оно тебя любитъ. Я не стану обвинять тебя—ты по
«ступилъ со мною, какъ поступилъ бы всякій другой мужчи
«на: ты любилъ меня какъ собственность, какъ источникъ ра
«достей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся взаимно, безъ ко
«торыхъ жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала..
«Но ты былъ несчастливъ, и я пожертвовала собою, надѣяс
«что когда-нибудь ты оцѣнишь мою жертву, что когда-нибуд
«ты поймешь мою глубокую нѣжность, независящую ни от
«какихъ условій. Прошло съ тѣхъ поръ много времени: я про
«никла во всѣ тайны души твоей... и убѣдилась, что то был
«надежда напрасная. Горько мнѣ было! Но моя любовь сро
«слась съ душой моей: она потемнѣла, но не угасла.

«Мы разстаемся навѣки; однако ты можешь быть увѣрен
«что я никогда не буду любить другого: моя душа истощи
«на тебя всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Люби
«шая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣ
«нія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобъ ты былъ лучш
«ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное—
«тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в
«твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣ
«димая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть люби
«мымъ, ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно, н

* Здѣсь были прежде написаны еще слѣдующія слова: — «Я его хра
какъ сокровище. Стыдно признаться! я нахожу утѣшеніе въ мысли, что бы
любимъ, какъ немногіе на этомъ свѣтѣ».

«чей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства, никто не умѣетъ «лучше пользоваться своими преимуществами и никто не мо«жетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что «никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ *.

«Теперь я должна тебѣ объяснить причину моего поспѣш«наго отъѣзда; она тебѣ покажется маловажна, потому что «касается до одной меня.

«Нынче поутру мой мужъ вошелъ ко мнѣ и разсказалъ про «твою ссору съ Грушницкимъ. Видно, я очень перемѣнилась «въ лицѣ, потому что онъ долго и пристально смотрѣлъ мнѣ «въ глаза; я едва не упала безъ памяти при мысли, что ты «нынче долженъ драться и что я этому причиной; мнѣ каза«лось, что я сойду съ ума... Но теперь, когда я могу разсуж«дать, я увѣрена, что ты останешься живъ: невозможно, чтобъ «ты умеръ безъ меня, невозможно! Мой мужъ долго ходилъ «по комнатѣ: я не знаю, что онъ мнѣ говорилъ, не помню, «что я ему отвѣчала... вѣрно, я ему сказала, что я тебя люб«лю... Помню только, что подъ конецъ нашего разговора онъ

---

* Вмѣсто напечатаннаго послѣ этихъ словъ продолженія и конца письма стояло слѣдующее:

«Прощай, мой бѣдный другъ; я рада, что не увидимся передъ разставаньемъ. Я знаю, ты нынче долженъ драться съ Грушницкимъ, но увѣрена также, что ты останешься живъ. Мое сердце иначе бы мнѣ сказало противное. Прощай! Не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, я тебя теряю навѣки! Мери тебя любитъ... Если что-нибудь доброе проснется въ душѣ твоей, женись на ней, она тебя любитъ... Ребенокъ! Вчера она мнѣ разсказала все. Мнѣ стало жаль ее. Она думаетъ, смотря на твое поведеніе, что ты ее любишь, потому что защитилъ такъ горячо ея честь. Она думаетъ, что ты хотѣлъ испытать ее... Я ей ничего не сказала, поцѣловала ее и благословила!... О, не погуби ее!... Одной довольно! Я не стану тебя увѣрять, что не переживу нашей разлуки... къ чему?... хотя я очень слаба и очень страдаю, однако можетъ быть что проживу еще долго: но ты не узнаешь ни моего раскаянья, ни моихъ страданій. У меня однако есть одно утѣшеніе, одна отрада—это мысль, что никогда ты меня не забудешь, потому что ни одна женщина не будетъ любить тебя такъ искренно, такъ постоянно и такъ нѣжно. Прощай, не слѣдуй за мною, не старайся меня видѣть... Къ чему?... Одинъ лишній, горькій, прощальный поцѣлуй не обогатитъ твоихъ воспоминаній, а мнѣ послѣ него труднѣе съ тобою разстаться... Вѣра.

P. S. Одно меня мучаетъ: что, если ты въ самомъ дѣлѣ любишь Мери? О, не правда ли, этого не можетъ быть!....»

«оскорбилъ меня ужаснымъ словомъ и вышелъ. Я слышала «какъ онъ велѣлъ закладывать карету... Вотъ ужъ три часа, «какъ я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты живъ, «ты не можешь умереть!... Карета почти готова... Прощай, «прощай... Я погибла—но что за нужда? Если бъ я могла быть «увѣрена, что ты всегда меня будешь помнить—не говорю «ужъ любить—нѣтъ, только помнить... Прощай; идутъ... я «должна спрятать письмо...

«Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на «ней?—Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я «для тебя потеряла все на свѣтѣ...»

Я, какъ безумный, выскочилъ на крыльцо, прыгнулъ на своего Черкеса, котораго водили по двору, и пустился во весь духъ по дорогѣ въ Пятигорскъ. Я безпощадно погонялъ измученнаго коня, который, храпя и весь въ пѣнѣ, мчалъ меня по каменистой дорогѣ.

Солнце уже спряталось въ черной тучѣ, отдыхавшей на хребтѣ западныхъ горъ; въ ущельѣ стало темно и сыро. Подкумокъ, пробираясь по камнямъ, ревѣлъ глухо и однообразно. Я скакалъ, задыхаясь отъ нетерпѣнья. Мысль не застать ее въ Пятигорскѣ молоткомъ ударяла мнѣ въ сердце. Одну минуту, еще одну минуту видѣть ее, проститься, пожать ея руку... Я молился, проклиналъ, плакалъ, смѣялся... нѣтъ, ничто не выразитъ моего безпокойства, отчаянія!... При возможности потерять ее навѣки, Вѣра стала для меня дороже всего на свѣтѣ, дороже жизни, чести, счастья! Богъ знаетъ, какіе странные, какіе бѣшеные замыслы роились въ головѣ моей... И между тѣмъ я все скакалъ, погоняя безпощадно.— И вотъ я сталъ замѣчать, что конь мой тяжелѣе дышитъ; онъ раза два ужъ споткнулся на ровномъ мѣстѣ... Оставалось пять верстъ до Есентуковъ—казачьей станицы, гдѣ я могъ пересѣсть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если бъ у моего коня достало силъ еще на десять минутъ! Но вдругъ, поднимаясь изъ небольшого оврага, при выѣздѣ изъ горъ, на крутомъ поворотѣ, онъ грянулся о землю. Я проворно соскочилъ, хочу поднять его, дергаю за поводъ — напрасно: едва слышный стонъ вырвался

сквозь стиснутые его зубы; черезъ нѣсколько минутъ онъ издохъ; я остался въ степи одинъ, потерявъ послѣднюю надежду; попробовалъ итти пѣшкомъ—ноги мои подкосились: изнуренный тревогами дня и безсонницей, я упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ.

И долго я лежалъ неподвижно и плакалъ горько, не стараясь удерживать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли какъ дымъ; душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ, и если бъ въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся *.

---

* Вмѣсто 11 слѣдующихъ строкъ было написано:

«Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову и мысли пришли въ обычный порядокъ, я сталъ припоминать выраженія письма Вѣры, старался объяснить себѣ причины, побудившія ее къ этой странной, трагической выходкѣ.

Вотъ послѣдовательный порядокъ моихъ размышленій:

1) Если она меня любитъ, то зачѣмъ же такъ скоро уѣхала и не простясь, не полюбопытствовавъ даже узнать, убитъ я или нѣтъ? Не вѣрю я этимъ предчувствіямъ сердца, да и ей бы не должно на нихъ такъ слѣпо полагаться.

2) Но вѣдь намъ надобно же было когда-нибудь разстаться, и она хотѣла своимъ отъѣздомъ произвести на меня, въ послѣдній разъ, глубокое, неизгладимое впечатлѣніе?... Эгоизмъ!..

3) Женщины вообще любятъ драматизировать свои чувства и поступки; сдѣлать сцену почитаютъ они обязанностью.

4) Но тутъ еще, можетъ быть, скрывается маленькая ревность. Вѣра думаетъ, что я влюбленъ въ княжну, и хочетъ своимъ великодушіемъ привязать меня болѣе къ себѣ, или даже, зная мой характеръ, она думаетъ, что я княжну оставлю и погонюсь за нею, потому что блага, которыя мы теряемъ, получаютъ въ глазахъ нашихъ двойную цѣну... Если такъ, то она ошиблась—я слишкомъ лѣнивъ.

5) Или она великодушно уступаетъ меня княжнѣ? Это отъ нея, пожалуй, станется! Но, въ такомъ случаѣ, она меня не любитъ.

6) И какое же право я имѣю требовать ея любви? Развѣ не я первый началъ платить за ея ласки холодностью, за жертвы равнодушіемъ и насмѣшкой!

7) Теперь, когда я знаю, что все между нами кончено, мнѣ кажется, что я ее любилъ истинно. Одно меня печалитъ—это письмо. Неужели она не могла обойтись безъ пышныхъ фразъ и декламацій?

8) Я былъ дуракъ, что такъ мучился нѣсколько часовъ сряду! что значатъ разстроенные нервы, ночь безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета!»

И т. д., какъ напечатано въ изданіи.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову и мысли пришли въ обычный порядокъ, то я понялъ, что гнаться за погибшимъ счастіемъ безполезно и безразсудно. Чего мнѣ еще надобно?—ее видѣть?—зачѣмъ? не все ли кончено между нами? Одинъ горькій прощальный поцѣлуй не обогатитъ моихъ воспоминаній, а послѣ него намъ только труднѣе будетъ разставаться.

Мнѣ однако пріятно, что я могу плакать. Впрочемъ, можетъ быть, этому причиной разстроенные нервы, ночь, проведенная безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета и пустой желудокъ.

Все къ лучшему! Это новое страданіе, говоря военнымъ слогомъ, сдѣлало во мнѣ счастливую диверсію. Плакать здорово, и потомъ, вѣроятно, если бъ я не проѣхался верхомъ и не былъ принужденъ на обратномъ пути пройти пятнадцать верстъ, то и эту ночь сонъ не сомкнулъ бы глазъ моихъ.

Я возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился на постель и заснулъ сномъ Наполеона послѣ Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворѣ ужъ было темно. Я сѣлъ у отвореннаго окна, разстегнулъ архалукъ—и горный вѣтеръ освѣжилъ грудь мою, еще неуспокоенную тяжелымъ сномъ усталости. Вдали за рѣкою, сквозь верхи густыхъ липъ, ее осѣняющихъ, мелькали огни въ строеніяхъ крѣпости и слободки. На дворѣ у насъ все было тихо, въ домѣ княгини было темно.

Вошелъ докторъ; лобъ у него былъ нахмуренъ; онъ противъ обыкновенія, не протянулъ мнѣ руки.

— Откуда вы, докторъ?

— Отъ княгини Лиговской; дочь ея больна—разслабленіе нервовъ... Да не въ этомъ дѣло, а вотъ что: начальство догадывается и, хотя ничего нельзя доказать положительно, однако я вамъ совѣтую быть осторожнѣе. Княгиня мнѣ говорила нынче, что она знаетъ, что вы стрѣлялись за ея дочь. Ей все этотъ старичекъ разсказалъ... какъ бишь его? Онъ былъ свидѣтелемъ вашей стычки съ Грушницкимъ въ ресторація. Я пришелъ васъ предупредить.—Прощайте. Можетъ быть, мы больше не увидимся: васъ ушлютъ куда-нибудь.

Онъ на порогѣ остановился: ему хотѣлось пожать мнѣ руку... и если бъ я показалъ ему малѣйшее на это желаніе, то онъ бросился бы мнѣ на шею; но я остался холоденъ какъ камень—и онъ вышелъ.

Вотъ люди! всѣ они таковы: знаютъ заранѣе всѣ дурныя стороны поступка, помогаютъ, совѣтуютъ, даже одобряютъ его, видя невозможность другого средства—а потомъ умываютъ руки и отворачиваются съ негодованіемъ отъ того, кто имѣлъ смѣлость взять на себя всю тягость отвѣтственности. Всѣ они таковы, даже самые добрые, самые умные.

На другой день утромъ, получивъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N., я зашелъ къ княгинѣ проститься.

Она была удивлена, когда на вопросъ ея: имѣю ли я ей сказать что-нибудь особенно важное, я отвѣчалъ, что желаю ей быть счастливой и проч.

— А мнѣ нужно съ вами поговорить очень серіозно.

Я сѣлъ молча.

Явно было, что она не знала съ чего начать; лицо ея побагровѣло, пухлые ея пальцы стучали по столу; наконецъ она начала такъ, прерывистымъ голосомъ:

— Послушайте, мсьё Печоринъ, я думаю, что вы благородный человѣкъ.

Я поклонился.

— Я даже въ этомъ увѣрена,—продолжала она:—хотя ваше поведеніе нѣсколько сомнительно, но у васъ могутъ быть причины, которыхъ я не знаю, и ихъ-то вы должны теперь мнѣ повѣрить. Вы защитили дочь мою отъ клеветы, стрѣлялись за нее — слѣдственно рисковали жизнью... Не отвѣчайте, я знаю, что вы въ этомъ не признаетесь, потому что Грушницкій убитъ [она перекрестилась]. Богъ ему проститъ—и, надѣюсь, вамъ также!... Это до меня не касается... я не смѣю осуждать васъ, потому что дочь моя, хотя невинно, но была этому причиной. Она мнѣ все сказала... я думаю, все; вы изъяснились ей въ любви... она вамъ призналась въ своей? [тутъ княгиня тяжело вздохнула]. Но она больна, и я увѣрена, что это не простая болѣзнь! Печаль тайная ее убиваетъ; она

не признаётся, но я увѣрена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, можетъ быть, думаете, что я ищу чиновъ, огромнаго богатства — разувѣрьтесь, я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положеніе незавидно, но оно можетъ поправиться: вы имѣете состояніе; васъ любитъ дочь моя; она воспитана такъ, что составитъ счастіе мужа. Я богата, она у меня одна... Говорите, что васъ удерживаетъ?... Видите, я не должна была бы вамъ всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь—вспомните, у меня одна дочь... одна...

Она заплакала.

— Княгиня,—сказалъ я:—мнѣ невозможно отвѣчать вамъ; позвольте мнѣ поговорить съ вашей дочерью наединѣ...

— Никогда!—воскликнула она, вставъ со стула въ сильномъ волненіи.

— Какъ хотите,—отвѣчалъ я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сдѣлала мнѣ знакъ рукою, чтобъ я подождалъ, и вышла.

Прошло минутъ пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, но старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ее—а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться, ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

— Княжна,—сказалъ я:—вы знаете, что я надъ вами смѣялся?... Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ:—Слѣдственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой! — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута — и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите, — сказалъ я, сколько могъ, твердымъ голосомъ и съ принужденной усмѣшкою: — вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись. Мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь —вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?... Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?...

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная какъ мраморъ, только глаза ея чудесно сверкали.

— Я васъ ненавижу... сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Черезъ часъ курьерская тройка мчала меня изъ Кисловодска. За нѣсколько верстъ отъ Есентуковъ, я узналъ близъ дороги трупъ моего лихого коня; сѣдло было снято, вѣроятно, проѣзжимъ казакомъ и, вмѣсто сѣдла, на спинѣ его сидѣли два ворона. Я вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслію прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?.. Нѣтъ, я бы не ужился съ этой долею! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу мор-

ской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

[Въ первый разъ напечатано въ изд. Глазунова 1840 г.].

III.

ФАТАЛИСТЪ.

Мнѣ какъ-то разъ случилось прожить двѣ недѣли въ казачьей станицѣ на лѣвомъ флангѣ; тутъ же стоялъ батальонъ пѣхоты; офицеры собирались другъ у друга поочередно, по вечерамъ играли въ карты.

Однажды, наскучивъ бостономъ и бросивъ карты подъ столъ, мы засидѣлись у майора С*** очень долго; разговоръ, противъ обыкновенія, былъ занимателенъ. Разсуждали о томъ, что мусульманское повѣрье, будто судьба человѣка написана на небесахъ, находитъ и между нами многихъ поклонниковъ; каждый разсказывалъ разные необыкновенные случаи pro или contra.

— Все это, господа, ничего не доказываетъ,—сказалъ старый майоръ,— вѣдь никто изъ васъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ странныхъ случаевъ, которыми вы подтверждаете свои мнѣнія?

— Конечно, никто,—сказали многіе:—но мы слышали отъ вѣрныхъ людей...

— Все это вздоръ!—сказалъ кто-то.—гдѣ эти вѣрные люди, видѣвшіе списокъ, на которомъ назначенъ часъ нашей смерти?.. И если точно есть предопредѣленіе, то зачѣмъ же намъ дана воля, разсудокъ? Почему мы должны давать отчетъ въ нашихъ поступкахъ?

Въ это время одинъ офицеръ, сидѣвшій въ углу комнаты, всталъ и, медленно подойдя къ столу, окинулъ всѣхъ спокойнымъ и торжественнымъ взглядомъ. Онъ былъ родомъ сербъ, какъ видно было изъ его имени.

Наружность поручика Вулича отвѣчала вполнѣ его характеру. Высокій ростъ и смуглый цвѣтъ лица, черные волосы, черные проницательные глаза, большой, но правильный носъ—

принадлежность его націи, печальная и холодная улыбка, вѣчно блуждавшая на губахъ его, — все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему видъ существа особеннаго, неспособнаго дѣлиться мыслями и страстями съ тѣми, которыхъ судьба дала ему въ товарищи.

Онъ былъ храбръ, говорилъ мало, но рѣзко; никому не повѣрялъ своихъ душевныхъ и семейныхъ тайнъ; вина почти вовсе не пилъ; за молодыми казачками — которыхъ прелесть трудно постигнуть, не видавъ ихъ—онъ никогда не волочился. Говорили, однако, что жена полковника была неравнодушна къ его выразительнымъ глазамъ; но онъ не шутя сердился, когда объ этомъ намекали.

Была только одна страсть, которой онъ не таилъ—страсть къ игрѣ. За зеленымъ столомъ онъ забывалъ все, и обыкновенно проигрывалъ; но постоянныя неудачи только раздражали его упрямство. Разсказывали, что разъ, во время экспедиціи, ночью, онъ на подушкѣ металъ банкъ; ему ужасно везло. Вдругъ раздались выстрѣлы, ударили тревогу, всѣ вскочили и бросились къ оружію.—Поставь ва-банкъ!—кричалъ Вуличъ, не подымаясь, одному изъ самыхъ горячихъ понтёровъ.—Идетъ семерка, отвѣчалъ тотъ, убѣгая. Не смотря на всеобщую суматоху, Вуличъ докинулъ талью; карта была дана.

Когда онъ явился въ цѣпь, тамъ была ужъ сильная перестрѣлка. Вуличъ не заботился ни о пуляхъ, ни о шашкахъ чеченскихъ: онъ отыскивалъ своего счастливаго понтёра.

— Семерка дана!—закричалъ онъ, увидѣвъ его наконецъ въ цѣпи застрѣльщиковъ, которые начинали вытѣснять изъ лѣса непріятеля, и, подойдя ближе, онъ вынулъ свой кошелекъ и бумажникъ, и отдалъ ихъ счастливцу, не смотря на возраженія о неумѣстности платежа. Исполнивъ этотъ непріятный долгъ, онъ бросился впередъ, увлекъ за собою солдатъ и до самаго конца дѣла прехладнокровно перестрѣливался съ чеченцами.

Когда поручикъ Вуличъ подошелъ къ столу, то всѣ замолчали, ожидая отъ него какой-нибудь оригинальной выходки.

— Господа! — сказалъ онъ [голосъ его былъ спокоенъ, хотя тономъ ниже обыкновеннаго]:—господа, къ чему пустые споры? Вы хотите доказательствъ? Я вамъ предлагаю испробовать

на себѣ: можетъ ли человѣкъ своевольно располагать своею жизнью, или каждому изъ насъ заранѣе назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мнѣ, не мнѣ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.—Вотъ чудакъ! придетъ же въ голову!..

— Предлагаю пари,—сказалъ я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нѣтъ предопредѣленія,—сказалъ я, высыпая на столъ десятка два червонцевъ—все, что было у меня въ карманѣ.

— Держу,—отвѣчалъ Вуличъ глухимъ голосомъ.—Майоръ, вы будете судьею: вотъ пятнадцать червонцевъ; остальные пять вы мнѣ должны и сдѣлаете мнѣ дружбу, прибавите ихъ къ этимъ.

— Хорошо,—сказалъ майоръ:—только не понимаю, право, въ чемъ дѣло, и какъ вы рѣшите споръ?..

Вуличъ молча вышелъ въ спальню майора; мы за нимъ послѣдовали. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣло оружіе, и на удачу снялъ съ гвоздя одинъ изъ разнокалиберныхъ пистолетовъ. Мы еще его не понимали; но когда онъ взвелъ курокъ и насыпалъ на полку пороху, то многіе, невольно вскрикнувъ, схватили его за руки.

— Что ты хочешь дѣлать? Послушай, это сумасшествіе!—закричали ему.

— Господа!—сказалъ онъ медленно, освобождая свою руку:—кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ.

Всѣ замолчали и отошли *.

Вуличъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ. Онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ. Молча повиновались ему: въ эту минуту онъ пріобрѣлъ надъ нами какую-то таинственную власть. Я присталь-

---

* Нѣсколько слѣдовавшихъ здѣсь строкъ были затѣмъ выкинуты. Вотъ онѣ: «Вуличъ продолжалъ:—если я не долженъ умереть, то этотъ пистолетъ или не заряженъ, или осѣчется. Если суждено противное, то ничто не можетъ этому помѣшать; итакъ, тогда всѣ ваши опасенія напрасны.

Онъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ».

но посмотрѣлъ ему въ глаза, но онъ спокойнымъ и неподвижнымъ взоромъ встрѣтилъ мой испытующій взглядъ, и блѣдныя губы его улыбнулись; но, не смотря на его хладнокровіе, мнѣ казалось, я читалъ печать смерти на блѣдномъ лицѣ его. Я замѣчалъ — и многіе старые воины подтверждали мое замѣчаніе—что часто на лицѣ человѣка, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой-то странный отпечатокъ неизбѣжной судьбы, такъ что привычнымъ глазамъ трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете!—сказалъ я ему. Онъ быстро ко мнѣ обернулся, но отвѣчалъ медленно и спокойно:

— Можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ... Потомъ обратясь къ майору, спросилъ:—заряженъ ли пистолетъ?

Майоръ въ замѣшательствѣ не помнилъ хорошенько.

— Да полно, Вуличъ!—закричалъ кто-то:—ужъ вѣрно заряженъ, коли въ головахъ висѣлъ; что за охота шутить!..

— Глупая шутка!—подхватилъ другой.

— Держу пятьдесятъ рублей противъ пяти, что пистолетъ не заряженъ!—закричалъ третій.

Составилось новое пари.

Мнѣ надоѣла эта длинная церемонія.—Послушайте, —сказалъ я:—или застрѣлитесь, или повѣсьте пистолетъ на прежнее мѣсто, и пойдемте спать.

— Разумѣется!—воскликнули многіе:—пойдемте спать.

— Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста!—сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу.

Всѣ будто окаменѣли.—Господинъ Печоринъ,—прибавилъ онъ:—возьмите карту и бросьте вверхъ.

Я взялъ со стола, какъ теперь помню, червоннаго туза и бросилъ кверху: дыханіе у всѣхъ остановилось; всѣ глаза, выражая страхъ и какое-то неопредѣленное любопытство, бѣгали отъ пистолета къ роковому тузу, который, трепеща на воздухѣ, опускался медленно; въ ту минуту, какъ онъ коснулся стола, Вуличъ спустилъ курокъ... осѣчка!

— Слава Богу!—вскрикнули многіе:—не заряженъ...

— Посмотримъ, однако жъ,—сказалъ Вуличъ. Онъ взвелъ опять курокъ, прицѣлился въ фуражку, висѣвшую надъ ок-

номъ; выстрѣлъ раздался—дымъ наполнилъ комнату; когда онъ разсѣялся, сняли фуражку: она была пробита въ самой серединѣ и пуля глубоко засѣла въ стѣнѣ.

Минуты три никто не могъ слова вымолвить. Вуличъ преспокойно пересыпалъ въ свой кошелекъ мои червонцы.

Пошли толки о томъ, отъ чего пистолетъ въ первый разъ не выстрѣлилъ; иные утверждали, что вѣроятно полка была засорена; другіе говорили шопотомъ, что прежде порохъ былъ сырой и что послѣ Вуличъ присыпалъ свѣжаго; но я утверждалъ, что послѣднее предположеніе несправедливо, потому что я во все время не спускалъ глазъ съ пистолета.

— Вы счастливы въ игрѣ!—сказалъ я Вуличу...

— Въ первый разъ отъ роду,—отвѣчалъ онъ, самодовольно улыбаясь:—это лучше банка и штосса.

— За то немножко опаснѣе.

— А что? Вы начали вѣрить предопредѣленію?

— Вѣрю; только не понимаю теперь, отчего мнѣ казалось, будто вы непремѣнно должны нынче умереть...

Этотъ же человѣкъ, который такъ недавно мѣтилъ себѣ преспокойно въ лобъ, теперь вдругъ вспыхнулъ и смутился.

— Однако жъ довольно!—сказалъ онъ, вставая:—пари наше кончилось и теперь ваши замѣчанія, мнѣ кажется, неумѣстны...

Онъ взялъ шапку и ушелъ. Это мнѣ показалось страннымъ— и не даромъ.

Скоро всѣ разошлись по домамъ, различно толкуя о причудахъ Вулича и, вѣроятно, въ одинъ голосъ называя меня эгоистомъ, потому что я держалъ пари противъ человѣка, который хотѣлъ застрѣлиться; какъ будто онъ безъ меня не могъ найти удобнаго случая...

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; мѣсяцъ полный и красный, какъ зарево пожара, началъ показываться изъ-за зубчатаго горизонта домовъ; звѣзды спокойно сіяли на темноголубомъ сводѣ, и мнѣ стало смѣшно, когда я вспомнилъ, что были нѣкогда люди премудрые, думавшіе, что свѣтила небесныя принимаютъ участіе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочекъ земли или за какія-нибудь вымыш-

ленныя права. И что жъ? Эти лампады, зажженныя, по ихъ мнѣнію, только для того, чтобъ освѣщать ихъ битвы и торжества, горятъ съ прежнимъ блескомъ, а ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, зажженный на краю лѣса безпечнымъ странникомъ! Но за то какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, съ своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя нѣмымъ, но неизмѣннымъ!.. А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ, мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастія, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или съ судьбою...

И много другихъ подобныхъ думъ проходило въ умѣ моемъ; я ихъ не удерживалъ, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли; и къ чему это ведетъ?.. Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать поперемѣнно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось? — одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство воли, необходимые для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ.

Происшествіе этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатлѣніе и раздражило мои нервы. Не знаю навѣрное, вѣрю ли я теперь предопредѣленію или нѣтъ, но въ этотъ вечеръ я ему твердо вѣрилъ; доказательство было разительно, и я, не смотря на то, что посмѣялся надъ нашими предками и ихъ услужливой астрологіей, попалъ невольно въ ихъ ко-

лею; но я остановилъ себя во-время на этомъ опасномъ пути и, имѣя правило ничего не отвергать рѣшительно и ничему не ввѣряться слѣпо, отбросилъ метафизику въ сторону и сталъ смотрѣть подъ ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упалъ, наткнувшись на что-то толстое и мягкое, но повидимому не живое. Наклоняюсь—мѣсяцъ ужъ свѣтилъ прямо на дорогу — и что же? передо мною лежала свинья, разрубленная пополамъ шашкой... Едва я успѣлъ ее разсмотрѣть, какъ услышалъ шумъ шаговъ: два казака бѣжали изъ переулка. Одинъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: не видалъ ли я пьянаго казака, который гнался за свиньей. Я объявилъ имъ, что не встрѣчалъ казака, и указалъ на несчастную жертву его неистовой храбрости.

— Экой разбойникъ! — сказалъ второй казакъ: — какъ напьется чихиря, такъ и пошелъ крошить все, что ни попало. Пойдемъ за нимъ, Еремеичъ надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжалъ свой путь съ бо́льшей осторожностью и наконецъ счастливо добрался до своей квартиры.

Я жилъ у одного стараго урядника, котораго любилъ за добрый его нравъ, а особенно за хорошенькую дочку, Настю.

Она, по обыкновенію, дожидалась меня у калитки, завернувшись въ шубку; луна освѣщала ея милыя губки, посинѣвшія отъ ночного холода. Узнавъ меня, она улыбнулась, но мнѣ было не до нея.—Прощай, Настя!—сказалъ я, проходя мимо. Она хотѣла что-то отвѣчать, но только вздохнула.

Я затворилъ за собою дверь моей комнаты, засвѣтилъ свѣчу и бросился на постель; только сонъ на этотъ разъ заставилъ себя ждать болѣе обыкновеннаго. Ужъ востокъ начиналъ блѣднѣть, когда я заснулъ, но, видно, было написано на небесахъ, что въ эту ночь я не высплюсь. Въ четыре часа утра два кулака застучали ко мнѣ въ окно. Я вскочилъ: что такое?..—Вставай одѣвайся!—кричало мнѣ нѣсколько голосовъ. Я на́скоро одѣлся и вышелъ.—Знаешь, что случилось?—сказали мнѣ въ одинъ голосъ три офицера, пришедшіе за мною; они были блѣдны, какъ смерть.

— Что?

— Вуличъ убитъ.

Я остолбенѣлъ.

— Да, убитъ!—продолжали они.—Пойдемъ скорѣе.

— Да куда же?

— Дорóгой узнаешь.

Пошли. Они разсказали мнѣ все, что случилось, съ примѣсью разныхъ замѣчаній насчетъ страннаго предопредѣленія, которое спасло его отъ неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вуличъ шелъ одинъ по темной улицѣ; на него наскочилъ пьяный казакъ, изрубившій свинью и, можетъ быть, прошелъ бы мимо, не замѣтивъ его, если бъ Вуличъ, вдругъ остановясь, не сказалъ:—Кого ты, братецъ, ищешь?—*Тебя!*—отвѣчалъ казакъ, ударивъ его шашкой, и разрубилъ его отъ плеча почти до сердца... Два казака, встрѣтившіе меня и слѣдившіе за убійцей, подоспѣли, подняли раненаго, но онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи и сказалъ только два слова:—Онъ правъ!—Я одинъ понималъ темное значеніе этихъ словъ: они относились ко мнѣ; я предсказалъ невольно бѣдному его судьбу; мой инстинктъ не обманулъ меня: я точно прочелъ на его измѣнившемся лицѣ печать близкой кончины.

Убійца заперся въ пустой хатѣ, на концѣ станицы: мы шли туда. Множество женщинъ бѣжало съ плачемъ въ ту же сторону; по временамъ опоздавшій казакъ выскакивалъ на улицу, второпяхъ пристегивая кинжалъ, и бѣгомъ опережалъ насъ. Суматоха была страшная.

Вотъ, наконецъ, мы пришли; смотримъ: вокругъ хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоитъ толпа. Офицеры и казаки толкуютъ горячо между собою; женщины воютъ, приговаривая и причитывая. Среди нихъ бросилось мнѣ въ глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяніе. Она сидѣла на толстомъ бревнѣ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову руками: то была мать убійцы. Ея губы по временамъ шевелились... молитву онѣ шептали или проклятіе?

Между тѣмъ надо было на что-нибудь рѣшиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ щель ставня: блѣд-

ный, онъ лежалъ на полу, держа въ правой рукѣ пистолетъ; окровавленная шашка лежала возлѣ него. Выразительные глаза его страшно вращались кругомъ; порою онъ вздрагивалъ и хваталъ себя за голову, какъ будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочелъ большей рѣшимости въ этомъ безпокойномъ взглядѣ и сказалъ майору, что напрасно онъ не велитъ выломать дверь и броситься туда казакамъ, потому что лучше это сдѣлать теперь, нежели послѣ, когда онъ совсѣмъ опомнится.

Въ это время старый есаулъ подошелъ къ двери и назвалъ его по имени; тотъ откликнулся.

— Согрѣшилъ, братъ Ефимычъ,—сказалъ ему есаулъ:—такъ ужъ нечего дѣлать, покорись!

— Не покорюсь!—отвѣчалъ казакъ.

— Побойся Бога! вѣдь ты не чеченецъ окаянный, а честный христіанинъ. Ну, ужъ коли грѣхъ твой тебя попуталъ, нечего дѣлать: своей судьбы не минуешь!

— Не покорюсь!—закричалъ казакъ грозно, и слышно было, какъ щелкнулъ взведенный курокъ.

— Эй, тетка!—сказалъ есаулъ старухѣ:—поговори сыну, авось тебя послушаетъ... Вѣдь это только Бога гнѣвить. Да посмотри, вотъ и господа ужъ два часа дожидаются.

Старуха посмотрѣла на него пристально и покачала головой.

— Василій Петровичъ,—сказалъ есаулъ, подойдя къ майору:—онъ не сдастся—я его знаю; а если дверь разломать, то много нашихъ перебьетъ. Не прикажете ли лучше его пристрѣлить? въ ставнѣ щель широкая.

Въ эту минуту у меня въ головѣ промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумалъ испытать судьбу.

— Погодите,—сказалъ я майору:—я его возьму живого.

Велѣвъ есаулу завести съ нимъ разговоръ и поставивъ у дверей трехъ казаковъ, готовыхъ ее выбить и броситься мнѣ на помощь при данномъ знакѣ, я обошелъ хату и приблизился къ роковому окну; сердце мое сильно билось.

— Ахъ, ты окаянный!—кричалъ есаулъ:—что ты надъ нами смѣешься что ли? али думаешь, что мы съ тобой не совла-

даемъ?—Онъ сталъ стучать въ дверь изо всей силы; я, приложивъ глазъ къ щели, слѣдилъ за движеніями казака, не ожидавшаго съ этой стороны нападенія—и вдругъ оторвалъ ставень и бросился въ окно головой внизъ. Выстрѣлъ раздался у меня надъ самымъ ухомъ, пуля сорвала эполетъ; но дымъ, наполнившій комнату, помѣшалъ моему противнику найти шашку, лежавшую возлѣ него. Я схватилъ его за руки; казаки ворвались и, не прошло трехъ минутъ, какъ преступникъ былъ уже связанъ и отведенъ подъ конвоемъ. Народъ разошелся: офицеры меня поздравляли—и точно, было съ чѣмъ.

Послѣ всего этого, какъ бы, кажется, не сдѣлаться фаталистомъ? Но кто знаетъ навѣрное, убѣжденъ ли онъ въ чемъ, или нѣтъ?... И какъ часто мы принимаемъ за убѣжденіе обманъ чувствъ, или промахъ разсудка!.. Я люблю сомнѣваться во всемъ; это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ *. Вѣдь хуже смерти ничего не случится—а смерти не минуешь.

Возвратясь въ крѣпость, я разсказалъ Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему былъ я свидѣтель, и пожелалъ узнать его мнѣніе насчетъ предопредѣленія. Онъ сначала не понималъ этого слова, но я объяснилъ его, какъ могъ, и тогда онъ сказалъ, значительно покачавъ головою:

— Да-съ, конечно-съ! Это штука довольно мудреная!... Впрочемъ, эти азіатскіе курки часто осѣкаются, если дурно смазаны, или недовольно крѣпко прижмешь пальцемъ. Признаюсь, не люблю я также винтовокъ черкесскихъ: онѣ какъ-то нашему брату неприличны: прикладъ маленькій—того и гляди, носъ обожжетъ... За то ужъ шашки у нихъ—просто, мое почтеніе!

---

* Здѣсь въ рукописи было нѣсколько слѣдующихъ, затѣмъ выкинутыхъ, строкъ: «Весело испытывать судьбу, когда знаешь, что она ничего не можетъ дать хуже смерти, и что смерть неизбѣжна, и что существованіе каждаго изъ насъ, исполненное страданія или радости, темно, незамѣтно въ этомъ безбрежномъ котлѣ, называемомъ природой, гдѣ кипитъ, исчезаетъ и возрождается столько разнородныхъ жизней... Вѣдь хуже смерти ничего не случится, а смерти не минуешь.»

Потомъ онъ промолвилъ, нѣсколько подумавъ:

— Да, жаль бѣднягу... Чортъ же его дернулъ ночью съ пьянымъ разговаривать!.. Впрочемъ, видно ужъ такъ у него на роду было написано!..

Больше я отъ него ничего не могъ добиться: онъ вообще не любитъ метафизическихъ преній.

[Въ первый разъ напеч. въ Отеч. Зап. 1839 г., т. IV, стр. 146].

Ашикъ-Керибъ.

Турецкая сказка.

Давно тому назадъ, въ городѣ Тифлисѣ жилъ одинъ богатый турокъ. Много Аллахъ далъ ему золота; но дороже золота была ему единственная дочь, Магуль-Мегери. Хороши звѣзды на небеси, но за звѣздами живутъ ангелы, и они еще лучше; такъ и Магуль-Мегери была лучше всѣхъ дѣвушекъ Тифлиса. Былъ также въ Тифлисѣ бѣдный Ашикъ-Керибъ. Пророкъ не далъ ему ничего, кромѣ высокаго сердца и дара пѣсенъ. Играя на саазѣ [балалайка] и прославляя древнихъ витязей Туркестана, ходилъ онъ по свадьбамъ увеселять богатыхъ и счастливыхъ. На одной свадьбѣ онъ увидалъ Магуль-Мегери, и они полюбили другъ друга. Мало было надежды у бѣднаго Ашикъ-Кериба получить ея руку, и онъ сталъ грустенъ, какъ зимнее небо.

Вотъ, разъ онъ лежалъ въ саду подъ виноградникомъ и наконецъ заснулъ. Въ это время шла мимо Магуль-Мегери съ своими подругами, и одна изъ нихъ, увидавъ спящаго Ашика [балалаечника], отстала и подошла къ нему. — Что ты спишь подъ виноградникомъ, — запѣла она, — вставай, безумный, твоя газель идетъ мимо. — Онъ проснулся: дѣвушка порхнула прочь,

какъ птичка. Магуль-Мегери слышала ея пѣсню и стала ее бранить.—Если бъ ты знала,—отвѣчала та,—кому я пѣла эту пѣсню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашикъ-Керибъ.—Веди меня къ нему!—сказала Магуль-Мегери, и онѣ пошли. Увидавъ его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утѣшать.—Какъ мнѣ не грустить,—отвѣчалъ Ашикъ-Керибъ,—я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею!—Проси мою руку у отца моего,—говорила она:—и отецъ мой сыграетъ нашу свадьбу на свои деньги и наградитъ меня столько, что намъ вдвоемъ достанетъ. — Хорошо, — отвѣчалъ онъ,—положимъ, Аякъ-Ага ничего не пожалѣетъ для своей дочери; но кто знаетъ, что послѣ ты не будешь меня упрекать въ томъ, что я ничего не имѣлъ и тебѣ всѣмъ обязанъ? Нѣтъ, милая Магуль-Мегери, я положилъ зарокъ на свою душу: обѣщаюсь семь лѣтъ странствовать по свѣту и нажить себѣ богатство, либо погибнуть въ дальнихъ пустыняхъ. Если ты согласна на это, то по истеченіи срока будешь моею.—Она согласилась, но прибавила, что если въ назначенный день онъ не вернется, то она сдѣлается женою Куршудъ-бека, который давно ужъ за нее сватается.

Пришелъ Ашикъ-Керибъ къ своей матери, взялъ на дорогу ея благословеніе, поцѣловалъ маленькую сестру, повѣсилъ черезъ плечо сумку, оперся на посохъ странничій и вышелъ изъ города Тифлиса. И вотъ догоняетъ его всадникъ; онъ смотритъ: это Куршудъ-бекъ.—Добрый путь!—кричалъ ему бекъ,—куда бы ты ни шелъ, странникъ, я твой товарищъ.—Не радъ былъ Ашикъ своему товарищу, но нечего дѣлать. Долго они шли вмѣстѣ, наконецъ завидѣли передъ собою рѣку. Ни моста, ни брода.—Плыви впередъ,—сказалъ Куршудъ-бекъ,—я за тобою послѣдую.—Ашикъ сбросилъ верхнее платье и поплылъ. Переправившись, глядь назадъ—о горе! о всемогущій Аллахъ!—Куршудъ-бекъ, взявъ его одежды, уѣхалъ обратно въ Тифлисъ; только пыль вилась за нимъ змѣею по гладкому полю. Прискакавъ въ Тифлисъ, несетъ бекъ платье Ашикъ-Кериба къ его старой матери.—Твой сынъ утонулъ въ глубокой рѣкѣ,—говоритъ онъ,—вотъ его одежда.—Въ невыразимой тоскѣ упала мать на одежды любимаго сына и стала об-

ливать ихъ жаркими слезами; потомъ взяла ихъ и понесла къ нареченной невѣсткѣ своей, Магуль-Мегери.—Мой сынъ утонулъ,—сказала она ей:—Куршудъ-бекъ привезъ его одежды; ты свободна.—Магуль-Мегери улыбнулась и отвѣчала:—Не вѣрь: это все выдумки Куршудъ-бека. Прежде истеченія семи лѣтъ никто не будетъ моимъ мужемъ.—Она взяла со стѣны свою саазъ и спокойно начала пѣть любимую пѣсню бѣднаго Ашикъ-Кериба.

Между тѣмъ странникъ пришелъ босъ и нагъ въ одну деревню. Добрые люди одѣли его и накормили; онъ за это пѣлъ имъ чудныя пѣсни. Такимъ образомъ переходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, и слава его разнеслась повсюду. Прибылъ онъ наконецъ въ Халафъ. По обыкновенію, вошелъ въ кофейный домъ, спросилъ саазъ и сталъ пѣть. Въ это время жилъ въ Халафѣ паша, большой охотникъ до пѣсенниковъ. Многихъ къ нему приводили—ни одинъ ему не понравился. Его чауши измучились, бѣгая по городу. Вдругъ, проходя мимо кофейнаго дома, слышатъ удивительный голосъ. Они туда.—Иди съ нами къ великому пашѣ,—закричали они,—или ты отвѣчаешь намъ головою.—Я человѣкъ вольный, странникъ изъ города Тифлиса,—говоритъ Ашикъ-Керибъ:—хочу—пойду, хочу—нѣтъ; пою, когда придется, и вашъ паша мнѣ не начальникъ.—Однако, не смотря на то, его схватили и привели къ пашѣ.—Пой!—сказалъ паша, и онъ запѣлъ. И въ этой пѣснѣ онъ славилъ свою дорогую Магуль-Мегери, и эта пѣсня такъ нравилась гордому пашѣ, что онъ оставилъ у себя бѣднаго Ашикъ-Кериба. Посыпалось къ нему серебро и золото, заблистали на немъ богатыя одежды. Счастливо и весело сталъ жить Ашикъ-Керибъ и сдѣлался очень богатъ. Забылъ онъ свою Магуль-Мегери или нѣтъ — не знаю, только срокъ истекалъ. Послѣдній годъ скоро долженъ былъ кончиться, а онъ и не готовился къ отъѣзду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. Въ то время отправлялся одинъ купецъ съ караваномъ изъ Тифлиса съ сорока верблюдами и 80 невольниками. Призываетъ она купца къ себѣ и даетъ ему золотое блюдо.—Возьми ты это блюдо,—говоритъ она,—и въ какой бы ты городъ ни пріѣхалъ, выставь это блюдо въ своей

лавкѣ и объяви вездѣ, что тотъ, кто признается моему блюду хозяиномъ и докажетъ это, получитъ его и, вдобавокъ, вѣсъ его золотомъ.—Отправился купецъ; вездѣ исполнялъ порученіе Магуль-Мегери, но никто не признался хозяиномъ золотому блюду. Ужъ онъ продалъ почти всѣ свои товары и пріѣхалъ съ остальными въ Халафъ. Объявилъ онъ вездѣ порученіе Магуль-Мегери. Услыхавъ это, Ашикъ-Керибъ прибѣгаетъ въ караванъ-сарай и видитъ золотое блюдо въ лавкѣ тифлисскаго купца.—Это мое!—сказалъ онъ, схвативъ его рукою.—Точно твое,—сказалъ купецъ:—я узналъ тебя, Ашикъ-Керибъ. Ступай же скорѣе въ Тифлисъ: твоя Магуль-Мегери велѣла тебѣ сказать, что срокъ истекаетъ, и если ты не будешь въ назначенный день, то она выйдетъ за другого.—Въ отчаяніи, Ашикъ-Керибъ схватилъ себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако онъ сѣлъ на коня, взялъ съ собою суму съ золотыми монетами и поскакалъ, не жалѣя коня. Наконецъ, измученный бѣгунъ упалъ бездыханный на Арзиньянъ-горѣ, что между Арзиньяномъ и Арзерумомъ. Что̀ ему было дѣлать? Отъ Арзиньяна до Тифлиса два мѣсяца ѣзды, а оставалось только два дня.—Аллахъ всемогущій!—воскликнулъ онъ,—если ты ужъ мнѣ не поможешь, то мнѣ нечего на землѣ дѣлать!—И хочетъ онъ броситься съ высокаго утеса. Вдругъ видитъ внизу человѣка на бѣломъ конѣ, и слышитъ громкій голосъ:—Огланъ [юноша], что̀ ты хочешь дѣлать?—Хочу умереть,—отвѣчалъ Ашикъ.—Слѣзай же сюда, если такъ, я тебя убью.—Ашикъ спустился кое-какъ съ утеса.—Ступай за мною,—сказалъ грозно всадникъ.—Какъ я могу за тобою слѣдовать,—отвѣчалъ Ашикъ:—твой конь летитъ, какъ вѣтеръ, а я отягощенъ сумою.—Правда. Повѣсь же суму свою на сѣдло мое и слѣдуй.—Отсталъ Ашикъ-Керибъ, какъ ни старался бѣжать.—Что жъ ты отстаешь? спросилъ всадникъ.—Какъ же я могу слѣдовать за тобою: твой конь быстрѣе мысли, а я ужъ измученъ.—Правда. Садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебѣ нужно ѣхать?—Хотя бы въ Арзерумъ поспѣть нынче, отвѣчалъ Ашикъ.—Закрой же глаза.—Онъ закрылъ.—Теперь открой.—Смотритъ Ашикъ: передъ нимъ бѣлѣютъ стѣны и

щутъ минареты Арзерума.—Виноватъ, Ага,—сказалъ Ашикъ: —я ошибся; я хотѣлъ сказать, что мнѣ надо ѣхать въ Карсъ.— То-то же! отвѣчалъ всадникъ,—я предупредилъ тебя, чтобъ ты говорилъ мнѣ сущую правду. Закрой же опять глаза. Теперь открой.—Ашикъ себѣ не вѣритъ, что это Карсъ. Онъ упалъ на колѣни и сказалъ:—Виноватъ, Ага, трижды виноватъ твой слуга Ашикъ-Керибъ; но ты самъ знаешь, что если человѣкъ рѣшился лгать съ утра, то долженъ лгать до конца дня. Мнѣ по настоящему надо въ Тифлисъ.—Экой ты невѣрный!—сказалъ сердито всадникъ:—но, нечего дѣлать, прощаю тебѣ. Закрой же глаза. Теперь открой,—прибавилъ онъ по прошествіи минуты. Ашикъ вскрикнулъ отъ радости: они были у воротъ Тифлиса. Принеся искреннюю благодарность и взявъ свою суму съ сѣдла, Ашикъ-Керибъ сказалъ всаднику:— Ага, конечно, благодѣяніе твое велико; но сдѣлай еще больше. Если я теперь буду разсказывать, что въ одинъ день поспѣлъ изъ Арзиньяна въ Тифлисъ, мнѣ никто не повѣритъ: дай мнѣ какое-нибудь доказательство.— Наклонись,— сказалъ тотъ улыбнувшись:—возьми изъ-подъ копыта коня комокъ земли и положи себѣ за пазуху, и тогда, если не станутъ вѣрить истинѣ словъ твоихъ, то вели къ себѣ привести слѣпую, которая семь лѣтъ ужъ въ этомъ положеніи, помажь ей глаза— и она увидитъ.—Ашикъ взялъ кусокъ земли изъ-подъ копыта бѣлаго коня; но только онъ поднялъ голову—всадникъ и конь исчезли. Тогда онъ убѣдился въ душѣ, что его покровитель былъ ни кто иной, какъ Хадерилiазъ [св. Георгій].

Только поздно вечеромъ Ашикъ-Керибъ отыскалъ домъ свой. Стучитъ онъ въ двери дрожащею рукою, говоря:—Ана, ана [мать], отвори! я Божій гость, и холоденъ и голоденъ: прошу, ради странствующаго твоего сына, впусти меня!—Слабый голосъ старухи отвѣчалъ ему: — для ночлега путниковъ есть дома богатыхъ и сильныхъ; есть теперь въ городѣ свадьбы— ступай туда: тамъ можешь провести ночь въ удовольствіи.— Ана,—отвѣчалъ онъ: —я здѣсь никого знакомыхъ не имѣю, и потому повторяю мою просьбу: ради странствующаго твоего сына, впусти меня!—Тогда сестра его говоритъ матери:— Мать, я встану и отворю ему двери.— Негодная!— отвѣчала

старуха: — ты рада принимать молодыхъ людей и угощать ихъ, потому что вотъ уже семь лѣтъ, какъ я отъ слезъ потеряла зрѣніе. — Но дочь, не внимая ея упрекамъ, встала, отворила дверь и впустила Ашикъ-Кериба. Сказавъ обычное привѣтствіе, онъ сѣлъ и съ тайнымъ волненіемъ сталъ осматриваться. И видитъ онъ: на стѣнѣ виситъ, въ пыльномъ чехлѣ, его сладкозвучная саазъ, и сталъ спрашивать у матери: —Что виситъ у тебя на стѣнѣ?—Любопытный ты гость, — отвѣчала она: —будетъ и того, что тебѣ дадутъ кусокъ хлѣба и завтра отпустятъ тебя съ Богомъ. —Я ужъ сказалъ тебѣ! — возразилъ онъ, —что ты моя родная мать, а это сестра моя; и потому прошу объяснить мнѣ, что это виситъ на стѣнѣ?— Это саазъ, саазъ, —отвѣчала старуха сердито, не вѣря ему. — А что значитъ саазъ?—Саазъ то значитъ, что на ней играютъ и поютъ пѣсни. —И проситъ Ашикъ-Керибъ, чтобъ она позволила сестрѣ снять саазъ и показать ему. —Нельзя, — отвѣчала старуха: —это саазъ моего несчастнаго сына. Вотъ уже семь лѣтъ она виситъ на стѣнѣ, и ничья живая рука до нея не дотрогивалась. —Но сестра его встала, сняла со стѣны саазъ и отдала ему. Тогда онъ поднялъ глаза къ небу и сотворилъ такую молитву: —О, всемогущій Аллахъ! если я долженъ достигнуть до желаемой цѣли, то моя семиструнная саазъ будетъ также стройна, какъ въ тотъ день, когда я въ послѣдній разъ игралъ на ней! — И онъ ударилъ по мѣднымъ струнамъ — и струны согласно заговорили; и онъ началъ пѣть: —Я бѣдный керибъ [странникъ], и слова мои бѣдны; но великій Хадериліазъ помогъ мнѣ спуститься съ крутого утеса. Хотя я бѣденъ, и бѣдны слова мои, узнай меня, мать, своего странника. — Послѣ этого мать его зарыдала и спрашиваетъ его: — Какъ тебя зовутъ? — Рашидъ [простодушный], — отвѣчалъ онъ. —Разъ говори, другой разъ слушай, Рашидъ, —сказала она: —своими рѣчами ты изрѣзалъ сердце мое въ куски Нынѣшнюю ночь я во снѣ видѣла, что на головѣ моей волосы побѣлѣли. Я вотъ ужъ семь лѣтъ какъ ослѣпла отъ слезъ. Скажи мнѣ ты, который имѣешь его голосъ, когда мой сынъ придетъ?—И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно онъ называлъ себя ея сыномъ, но она не вѣрила. И

спустя нѣсколько времени, проситъ онъ: — Позвольте, матушка, взять саазъ и итти; я слышалъ, здѣсь близко есть свадьба; сестра меня проводитъ. Я буду пѣть и играть, и все, что получу, принесу сюда и раздѣлю съ вами. — Не позволю, — отвѣчала старуха: — съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ моего сына, его саазъ не выходила изъ дому. — Но онъ сталъ клясться, что не повредитъ ни одной струны. — А если хоть одна струна порвется, — продолжалъ Ашикъ, — то отвѣчаю моимъ имуществомъ. — Старуха ощупала его сумы и, узнавъ, что онѣ наполнены монетами, отпустила его. Проводивъ его до богатаго дома, гдѣ шумѣлъ свадебный пиръ, сестра осталась у дверей слушать, что будетъ.

Въ этомъ домѣ жила Магуль-Мегери, и въ эту ночь она должна была сдѣлаться женою Куршудъ-бека. Куршудъ-бекъ пировалъ съ родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чадрой [занавѣсомъ] съ своими подругами, держала въ одной рукѣ чашу съ ядомъ, а въ другой острый кинжалъ: она поклялась умереть прежде, чѣмъ опуститъ голову на ложе Куршудъ-бека. И слышитъ она изъ-за чадры, что пришелъ незнакомецъ, который говорилъ: — Селямъ алейкюмъ! вы здѣсь веселитесь и пируете, такъ позвольте мнѣ, бѣдному страннику, сѣсть съ вами, и за то я спою вамъ пѣсню. — Почему же нѣтъ? — сказалъ Куршудъ-бекъ. — Сюда должны быть впускаемы пѣсенники и плясуны, потому что здѣсь свадьба. Спой же что-нибудь, ашикъ [пѣвецъ], и я отпущу тебя съ полной горстью золота.

Тогда Куршудъ-бекъ спросилъ его. — А какъ тебя зовутъ, путникъ? — Шинди-гёрурсезъ [скоро узнаете]. — Что это за имя? — воскликнулъ тотъ со смѣхомъ: — я въ первый разъ такое слышу. — Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многіе сосѣди приходили къ дверямъ спрашивать: сына или дочь Богъ ей далъ? Имъ отвѣчали: шинди-гёрурсезъ [скоро узнаете]. И вотъ поэтому, когда я родился, мнѣ дали это имя. — Послѣ этого онъ взялъ саазъ и началъ пѣть:

— Въ городѣ Халафѣ я пилъ мисирское вино, но Богъ мнѣ далъ крылья и я прилетѣлъ сюда въ три дня.

Братъ Куршудъ-бека, человѣкъ малоумный, выхватилъ

кинжалъ, воскликнувъ: —Ты лжешь! какъ можно изъ Халафа пріѣхать сюда въ три дня?

— За что жъ ты меня хочешь убить! — сказалъ Ашикъ.— Пѣвцы обыкновенно со всѣхъ четырехъ сторонъ собираются въ одно мѣсто; и я съ васъ ничего не беру, вѣрьте мнѣ или не вѣрьте.

— Пускай продолжаетъ,—сказалъ женихъ, и Ашикъ-Керибъ запѣлъ снова:

— Утренній намазъ творилъ я въ Арзиньянской долинѣ, полуденный намазъ—въ городѣ Арзерумѣ; предъ захожденіемъ солнца творилъ намазъ въ городѣ Карсѣ, и вечерній намазъ—въ Тифлисѣ. Аллахъ далъ мнѣ крылья и я прилетѣлъ сюда: дай Богъ, чтобъ я сталъ жертвою бѣлаго коня; онъ скакалъ быстро, какъ плясунъ по канату, съ горы въ ущелье, изъ ущелья на гору: Мевлянъ [Господь нашъ] далъ Ашику крылья, и онъ прилетѣлъ на свадьбу Магуль-Мегери.

Тогда Магулъ-Мегери, узнавъ его голосъ, бросила ядъ въ одну сторону, а кинжалъ въ другую.—Такъ-то ты сдержала свою клятву,—сказала ея подруга:—стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршудъ-Бека?—Вы не узнали, а я узнала милый мнѣ голосъ,—отвѣчала Магуль-Мегери и, взявъ ножницы, она прорѣзала чадру. Когда же посмотрѣла и точно узнала своего Ашикъ-Кериба, то вскрикнула и бросилась къ нему на шею, и оба упали безъ чувствъ. Братъ Куршудъ-бека бросился на нихъ съ кинжаломъ, намѣреваясь заколоть обоихъ, но Куршудъ-бекъ остановилъ его, примолвивъ:—Успокойся и знай, что написано у человѣка на лбу при его рожденіи, того онъ не минуетъ.

Придя въ чувство, Магулъ-Мегери покраснѣла отъ стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чадру.

— Теперь точно видно, что ты Ашикъ-Керибъ,—сказалъ женихъ:—но повѣдай, какъ же ты могъ въ такое короткое время проѣхать такое великое пространство?—Въ доказательство истины,—отвѣчалъ Ашикъ:—сабля моя перерубитъ камень; если же я лгу, то да будетъ шея моя тоньше волоса. Но лучше всего, приведите мнѣ слѣпую, которая бы семь лѣтъ уже не видѣла свѣта Божьяго, и я возвращу ей зрѣніе.—Сестра Ашикъ-

Кериба, стоя въ сѣняхъ у двери и услышавъ такую рѣчь, побѣжала къ матери.—Матушка!—закричала она:—это точно братъ и точно твой сынъ, Ашикъ-Керибъ!—и, взявъ старуху подъ-руку, привела ее на пиръ свадебный. Тогда Ашикъ взялъ комокъ земли изъ-за пазухи, развелъ его водою и намазалъ матери глаза, примолвя:—Знайте всѣ люди, какъ могущъ и великъ Хадериліазъ!—и мать его прозрѣла. Послѣ того никто не смѣлъ сомнѣваться въ истинѣ словъ его, и Куршудъ-бекъ уступилъ ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда въ радости, Ашикъ-Керибъ сказалъ ему:—Послушай, Куршудъ-бекъ, я тебя утѣшу. Сестра моя не хуже твоей прежней невѣсты; я богатъ, у ней будетъ не меньше серебра и золота; и такъ, возьми ее за себя, и будьте такъ же счастливы, какъ я съ моею дорогою Магуль-Мегери.

[Была напечатана въ сборникѣ «Вчера и Сегодня» 1846 года. кн. I стр. 159-я и по всѣмъ вѣроятіямъ написана въ 1841 году].

Двѣ неоконченныя повѣсти.

[Обѣ повѣсти были въ первый разъ напечатаны гр. Соллогубомъ въ сборникѣ изданія Смирдина: «Вчера и Сегодня» [1845 г. ст. 72], подъ заголовкомъ: «Изъ бумагъ покойнаго». Отсюда отрывки перепечатывались въ изданія, и только нынѣ мы предлагаемъ ихъ освобожденными отъ нѣкоторыхъ недосмотровъ и искаженій. Рукописи находятся въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ. Первая была писана въ 1841 году; это видно изъ того, что въ альбомѣ, гдѣ Лермонтовъ помѣстилъ свои предсмертныя стихотворенія [онъ былъ подаренъ поэту кн. Одоевскимъ въ 1841 году], находится набросокъ очевидно относящійся до этой повѣсти. «*Да кто же ты, ради Бога?— Что-съ, отвѣчалъ старичокъ, прищуривая однимъ глазомъ.— Штосъ, повторилъ въ ужасѣ Лугинъ*»... далѣе «*шулеръ имѣетъ разумъ въ палъ* [цахъ?]......*банкъ*.... *скоропостижн*....» Вслѣдъ за предисловіемъ ко 2-му изданію «Героя нашего времени» [1841 г.] находится помѣтка очевидно тоже относящаяся къ этой начатой повѣсти: «*Сюжетъ; у дамъ лица желтыя. Адресъ. Домъ. Старикъ съ дочерью, предлагаетъ ему метать, тотъ въ отчаяніи, когда старикъ выигрываетъ. Шулеръ: от.... проигрыв.... дочь и.... Доктор.... ок....*». [См. соч. т. I стр. 346].

Къ какому году отнести «отрывокъ второй начатой повѣсти» рѣшительно нельзя опредѣлить. Годъ 1841 поставленъ издателемъ произвольно. Кажется, что мы имѣемъ дѣло съ обработкою сюжета драмы «Два брата» или «Княгиня Лиговская», но въ такомъ случаѣ повѣсть эта могла быть начатою еще въ 1837 или 38 году--до «Героя нашего времени»].

1841.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВОЙ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ.

(Лугинъ).

I.

У графини В***,* былъ музыкальный вечеръ. Первые артисты столицы платили своимъ искусствомъ за честь аристократическаго пріема; въ числѣ гостей мелькало нѣсколько литераторовъ и ученыхъ, двѣ или три модныя красавицы, нѣсколько барышень и старушекъ и одинъ гвардейскій офицеръ; око-

* Въ рукописи даже опредѣляется день и годъ, хотя поэтъ и зачеркнулъ ихъ. Именно «1839 года, 17 сентября».

до десятка доморощенныхъ львовъ красовалось въ дверяхъ второй гостиной и у камина. Все шло своимъ чередомъ; было ни скучно, ни весело.

Въ ту самую минуту, какъ новопріѣзжая пѣвица подходила къ роялю и развертывала ноты, одна молодая женщина зѣвнула, встала и вышла въ сосѣднюю комнату, на это время опустѣвшую. На ней было черное платье, кажется, по случаю придворнаго траура. На плечѣ, приштпиленный къ голубому банту, сверкалъ бриліантовый вензель. Она была средняго роста, стройна, медленна и лѣнива въ своихъ движеніяхъ; черные, длинные, чудесные волосы оттѣняли ея еще молодое и правильное, но блѣдное лицо, и на этомъ лицѣ сіяла печать мысли

— Здравствуйте, мсьё Лугинъ, — сказала Минская кому-то. — Я устала... Скажите что-нибудь.

И она опустилась въ широкое пате возлѣ камина. Тотъ, къ кому она обращалась, сѣлъ противъ нея и ничего не отвѣчалъ. Въ комнатѣ ихъ было только двое, и холодное молчаніе Лугина показывало ясно, что онъ не принадлежалъ къ числу ея обожателей.

— Скучно! — сказала Минская и снова зѣвнула. — Вы видите, я съ вами не церемонюсь, — прибавила она.

— И у меня сплинъ!... отвѣчалъ Лугинъ.

— Вамъ опять хочется въ Италію, — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: — не правда ли?

Лугинъ, въ свою очередь, не слыхалъ вопроса; онъ продолжалъ, положивъ ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на бѣломраморныя плечи своей собесѣдницы:

— Вообразите, какое со мной несчастіе! Что можетъ быть хуже для человѣка, который, какъ я, посвятилъ себя живописи? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ всѣ люди мнѣ кажутся желтыми — и одни только люди! Добро бы всѣ предметы, тогда была бы гармонія въ общемъ колоритѣ: я бы думалъ, что гуляю въ галлереѣ испанской школы... такъ нѣтъ! все остальное какъ и прежде: одни лица измѣнились; мнѣ иногда кажется, что у людей, вмѣсто головъ, лимоны.

Минская улыбнулась.

— Призовите доктора, — сказала она.

— Доктора не помогутъ: это сплинъ!

— Влюбитесь!

Во взглядѣ, который сопровождалъ это слово, выражалось что-то похожее на слѣдующее: мнѣ бы хотѣлось его немножко помучить.

— Въ кого?

— Хоть въ меня.

— Нѣтъ! вамъ даже кокетничать со мною было бы скучно, и потомъ скажу вамъ откровенно: ниодна женщина не можетъ любить меня.

— А эта... какъ бишь ее? итальянская графиня, которая послѣдовала за вами изъ Неаполя въ Миланъ?...

— Вотъ видите, — отвѣчалъ задумчиво Лугинъ, — я сужу другихъ по себѣ и въ этомъ отношеніи, увѣренъ, не ошибаюсь. Мнѣ точно случалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти. Но такъ какъ я очень знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то не радуюсь своему счастію. Я себя спрашивалъ: могу ли я влюбиться въ дурную? Вышло: нѣтъ; я дуренъ, и, слѣдственно, женщина меня любить не можетъ, это ясно. Артистическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ; онѣ чаще и долѣе насъ покорны первому впечатлѣнію. Если я умѣлъ подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что называютъ капризомъ, то это стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ; но такъ какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мною, и благодарилъ за него только себя, то и самъ не могъ забыться до полной, безотчетной любви; къ моей страсти примѣшивалось всегда немного злости. Все это грустно, а правда!...

— Какой вздоръ! — сказала Минская, но, окинувъ его быстрымъ взглядомъ, она невольно съ нимъ согласилась.

Наружность Лугина была въ самомъ дѣлѣ ничуть не привлекательна, не смотря на то, что въ странномъ выраженіи глазъ его было много огня и остроумія. Во всемъ его существѣ вы не встрѣтили бы ни одного изъ тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ человѣка пріятнымъ въ обществѣ: онъ былъ неловко и грубо сложенъ, говорилъ рѣзко и отрывисто; большіе и рѣдкіе

волосы на вискахъ, неровный цвѣтъ лица—признаки постояннаго и тайнаго недуга—дѣлали его на видъ старѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ три года лѣчился въ Италіи отъ ипохондріи, и хотя не вылѣчился, но по крайней мѣрѣ нашелъ средство развлекаться съ пользой: онъ пристрастился къ живописи. Природный талантъ, сжатый обязанностями службы, развился въ немъ широко и свободно подъ животворнымъ небомъ юга, при чудныхъ памятникахъ древнихъ учителей. Онъ вернулся истиннымъ художникомъ, хотя одни только друзья имѣли право наслаждаться его прекраснымъ талантомъ. Въ его картинахъ дышало всегда какое-то неясное, но тяжелое чувство; на нихъ была печать той горькой поэзіи, которую нашъ бѣдный вѣкъ выжималъ иногда изъ сердца ея первыхъ проповѣдниковъ.

Лугинъ уже два мѣсяца какъ вернулся въ Петербургъ. Онъ имѣлъ независимое состояніе, мало родныхъ и нѣсколько старинныхъ знакомствъ въ высшемъ кругу столицы, гдѣ и хотѣлъ провести зиму. Онъ бывалъ часто у Минской: ея красота, рѣдкій умъ, оригинальный взглядъ на вещи должны были произвести впечатлѣніе на человѣка съ умомъ и воображеніемъ; но о любви между ними не было и въ поминѣ.

Разговоръ ихъ на время прекратился и они оба, казалось, заслушались музыки. Заѣзжая пѣвица пѣла балладу Шуберта на слова Гёте: «Лѣсной царь». Когда она кончила, Лугинъ всталъ.

— Куда вы?—спросила Минская.

— Прощайте.

— Еще рано.

Онъ опять сѣлъ.

— Знаете ли,—сказалъ онъ съ какою-то важностью,—что я начинаю сходить съ ума?

— Право?

— Кромѣ шутокъ. Вамъ это можно сказать: вы надо мною не будете смѣяться. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я слышу голосъ; кто-то мнѣ твердитъ на ухо съ утра до вечера, и— какъ вы думаете, что—адресъ. Вотъ и теперь слышу:—въ Столярномъ переулкѣ у Кукушкина моста, домъ титулярнаго

совѣтника Штосса, квартира номеръ 27,—и такъ шибко, шибко, точно торопится... Несносно!..

Онъ поблѣднѣлъ, но Минская этого не замѣтила.

— Вы, однако, не видите того, кто говоритъ?—спросила она разсѣянно.

— Нѣтъ; но голосъ звонкій, рѣзкій дискантъ.

— Когда же это началось?

— Признаться ли? Я не могу сказать навѣрное... не знаю... вотъ что, право, презабавно! — сказалъ онъ, принужденно улыбаясь.

— У васъ кровь приливаетъ къ головѣ и въ ушахъ звенитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Научите, какъ мнѣ избавиться?

— Самое лучшее средство,—сказала Минская, подумавъ съ минуту,—итти къ Какушкину мосту, отыскать этотъ номеръ, и такъ какъ, вѣрно, въ немъ живетъ какой-нибудь сапожникъ или часовой мастеръ, то для приличія закажите ему работу и, возвратясь домой, ложитесь спать, потому что... Вы въ самомъ дѣлѣ нездоровы... прибавила она, взглянувъ на его встревоженное лицо съ участіемъ.

— Вы правы,—отвѣчалъ угрюмо Лугинъ,—я непремѣнно пойду.—Онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ.

Она посмотрѣла ему вслѣдъ съ удивленіемъ.

II.

Сырое ноябрьское утро лежало надъ Петербургомъ. Мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; домы казались грязны и темны; лица прохожихъ были зелены; извощики на биржахъ дремали подъ рыжими полостями своихъ саней; мокрая, длинная шерсть ихъ бѣдныхъ клячъ завивалась барашкомъ; туманъ придавалъ отдаленнымъ предметамъ, какой-то сѣро-лиловый цвѣтъ. По тротуарамъ лишь изрѣдка хлопали калоши чиновника, да иногда раздавался шумъ и хохотъ въ подземной полпивной лавочкѣ, когда оттуда выталкивали пьянаго молодца въ зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражкѣ. Разумѣется, эти картины встрѣтили бы вы только въ глухихъ частяхъ города, какъ напримѣръ, у Какушкина моста. Черезъ этотъ мостъ шелъ

человѣкъ средняго роста, ни худой, ни толстый, ни стройный, но съ широкими плечами, въ пальто, и вообще одѣтый со вкусомъ. Жалко было видѣть его лакированные сапоги, вымоченные снѣгомъ и грязью; но онъ, казалось, объ этомъ ни мало не заботился. Засунувъ руки въ карманы, повѣся голову, онъ шелъ неровными шагами, какъ будто боялся достигнуть цѣли своего путешествія или не имѣлъ ея вовсе. На мосту онъ остановился, поднялъ голову и осмотрѣлся. То былъ Лугинъ. Слѣды душевной усталости виднѣлись на его измятомъ лицѣ; въ глазахъ горѣло тайное безпокойство.

— Гдѣ Столярный переулокъ?—спросилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ у порожняго извозчика, который въ эту минуту проѣзжалъ мимо него шагомъ, закрывшись по шею мохнатою полостью и насвистывая камаринскую. Извозчикъ посмотрѣлъ на него, хлыстнулъ лошадь кончикомъ кнута и проѣхалъ мимо.

Ему это показалось странно. — Ужъ полно есть ли Столярный переулокъ?—Онъ сошелъ съ моста и обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ мальчику, который бѣжалъ съ полуштофомъ черезъ улицу.

— Столярный?—сказалъ мальчикъ:—а вотъ идите прямо по Малой Мѣщанской и тотчасъ направо; первый переулокъ и будетъ Столярный.

Лугинъ успокоился. Дойдя до угла, онъ повернулъ направо и увидалъ небольшой грязный переулокъ, въ которомъ съ каждой стороны было не больше десяти высокихъ домовъ. Онъ постучалъ въ дверь первой мелочной лавочки, и вызвавъ лавочника, спросилъ:—гдѣ домъ Штосса?

— Штосса? не знаю, баринъ; здѣсь этакихъ нѣтъ; а вотъ здѣсь рядомъ есть домъ купца Блинникова, а подальше...

— Да мнѣ надо Штосса...

— Ну, не знаю!.. Штосса?—сказалъ лавочникъ, почесавъ затылокъ, и потомъ прибавилъ:—нѣтъ, не слыхать-съ!

Лугинъ пошелъ самъ смотрѣть надписи: что-то ему говорило, что онъ съ перваго взгляда узнаетъ домъ, хотя никогда его не видалъ. Такъ онъ добрался почти до конца переулка и ни одна надпись ничѣмъ не поразила его воображенія, какъ

вдругъ онъ кинулъ случайно глаза на противоположную сторону улицы и увидалъ надъ одними воротами жестяную доску вовсе безъ надписи. Онъ подбѣжалъ къ этимъ воротамъ и сколько ни разсматривалъ, не замѣтилъ ничего похожаго даже на слѣды стертой временемъ надписи; доска была совершенно новая. Подъ воротами дворникъ, въ долгополомъ полинявшемъ кафтанѣ, съ сѣдой, давно небритой бородою, безъ шапки и подпоясанный грязнымъ фартукомъ, разметалъ снѣгъ.

— Эй, дворникъ!—закричалъ Лугинъ.

Дворникъ что-то проворчалъ сквозь зубы.

— Чей это домъ?

— Проданъ!—отвѣчалъ грубо дворникъ.

— Да чей онъ былъ?

— Чей?—Кифейкина, купца.

— Не можетъ быть! вѣрно Штосса!—вскрикнулъ невольно Лугинъ.

— Нѣтъ, былъ Кифейкина, а теперь такъ Штосса,—отвѣчалъ дворникъ, не поднимая головы.

У Лугина руки опустились.

Сердце его забилось, какъ будто предчувствуя несчастіе. Долженъ ли онъ былъ продолжать свои изслѣдованія? Не лучше ли во-время остановиться? Кому не случалось находиться въ такомъ положеніи, тотъ съ трудомъ пойметъ его. Любопытство, говорятъ, сгубило родъ человѣческій; оно и понынѣ наша главная, первая страсть, такъ что даже всѣ остальныя страсти могутъ имъ объясниться. Но бываютъ случаи, когда таинственность предмета даетъ любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню, сброшенному съ горы сильною рукою, мы не можемъ остановиться, хотя видимъ насъ ожидающую бездну.

Лугинъ долго стоялъ передъ воротами, наконецъ обратился къ дворнику съ вопросомъ:

— Новый хозяинъ здѣсь живетъ?

— Нѣтъ.

— Гдѣ же?

— А чортъ его знаетъ!

— Ты ужъ давно здѣсь дворникомъ?

— Давно.

— А есть въ этомъ домѣ жильцы?

— Есть.

— Скажи, пожалуйста,—сказалъ Лугинъ послѣ нѣкотораго молчанія, сунувъ дворнику цѣлковый: — кто живетъ въ 27 номерѣ.

Дворникъ поставилъ метлу къ воротамъ, взялъ цѣлковый и пристально посмотрѣлъ на Лугина.

— Въ 27 номерѣ?... Да кому тамъ жить? Онъ ужъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ пустой.

— Развѣ его не нанимали?

— Какъ не нанимать, сударь, нанимали!

— Какъ же ты говоришь, что въ немъ не живутъ...

— А Богъ ихъ знаетъ! такъ-таки не живутъ. Наймутъ на годъ, да и не переѣзжаютъ.

— Ну а кто его послѣдній нанималъ?

— Полковникъ, изъ анженеровъ, что ли?

— Отчего же онъ не жилъ?

— Да переѣхалъ было... а тутъ, говорятъ, его послали въ Вятку—такъ номеръ пустой за нимъ и остался.

— А прежде полковника?

— Прежде его было нанялъ какой-то баронъ, изъ нѣмцевъ, да этотъ и не переѣзжалъ: слышно, умеръ.

— А прежде барона?

— Нанималъ купецъ для какой-то своей... гм! да обанкрутился, такъ у насъ и задатокъ остался...

— Странно!—подумалъ Лугинъ.

— А можно посмотрѣть номеръ?

Дворникъ опять пристально взглянулъ на него.

— Какъ нельзя? Можно!—отвѣчалъ онъ и пошелъ, переваливаясь, за ключами.

Онъ скоро возвратился и повелъ Лугина во второй этажъ по широкой, но довольно грязной лѣстницѣ. Ключъ заскрипѣлъ въ заржавленномъ замкѣ и дверь отворилась; имъ въ лицо пахнуло сыростью. Они взошли. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни. Старая, пыльная мебель, нѣкогда позолоченная, была правильно разставлена кругомъ стѣнъ.

обтянутыхъ обоями, на которыхъ изображены были, на зеленомъ грунтѣ, красные попугаи и золотыя лиры; изразцовыя печи кое-гдѣ порастрескались; сосновый полъ, выкрашенный подъ паркетъ, въ иныхъ мѣстахъ скрипѣлъ довольно подозрительно; въ простѣнкахъ висѣли овальныя зеркала съ рамками рококо; вообще комнаты имѣли какую-то странную, несовременную наружность. Она, не знаю почему, понравилась Лугину.

— Я беру эту квартиру, — сказалъ онъ. — Вели вымыть окна и вытереть мебель... посмотри сколько паутины!... да надо хорошенько вытопить. — Въ эту минуту онъ замѣтилъ на стѣнѣ послѣдней комнаты поясной портретъ, изображавшій человѣка лѣтъ сорока въ бухарскомъ халатѣ, съ правильными чертами и большими, сѣрыми глазами; въ правой рукѣ онъ держалъ золотую табакерку необыкновенной величины; на пальцахъ красовалось множество разныхъ перстней. Казалось, этотъ портретъ писанъ несмѣлой, ученической кистью; платье, волосы, рука, перстни — все было очень плохо сдѣлано; за то въ выраженіи лица, особенно губъ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глазъ оторвать; въ линіи рта былъ какой-то неуловимый изгибъ, недоступный искусству и, конечно, начертанный безсознательно, придававшій лицу выраженіе насмѣшливое, грустное, злое и ласковое попеременно. Не случалось ли вамъ на замороженномъ стеклѣ, или зубчатой тѣни, случайно наброшенной на стѣну какимъ-нибудь предметомъ, различать профиль человѣческаго лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить ихъ на бумагу — вамъ не удастся; попробуйте на стѣнѣ обрисовать карандашомъ силуэтъ, васъ такъ сильно поразившій — и очарованіе исчезаетъ. Рука человѣка никогда съ намѣреніемъ не произведетъ этихъ линій; математически малое отступленіе — и прежнее выраженіе погибло невозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то *неизъяснимое*, возможное только генію или случаю.

— Странно, что я замѣтилъ этотъ портретъ только въ ту минуту, какъ сказалъ, что беру квартиру! — подумалъ Лугинъ.

Онъ сѣлъ въ кресла, опустилъ голову на руку и забылся.

Долго дворникъ стоялъ противъ него, помахивая ключами.

— Что жъ, баринъ?—проговорилъ онъ наконецъ.

— А?

— Какъ же? Коли берете, такъ пожалуйте задатокъ.

Они условились въ цѣнѣ. Лугинъ далъ задатокъ, послалъ къ себѣ съ приказаніемъ сейчасъ же перевозиться, а самъ просидѣлъ противъ портрета до вечера. Въ 9 часовъ самыя нужныя вещи были перевезены изъ гостиницы, гдѣ жилъ до сей поры Лугинъ.

Вздоръ, чтобъ на этой квартирѣ нельзя было жить!—думалъ Лугинъ:—моимъ предшественникамъ видно не суждено было въ нее перебраться—это, конечно, странно! Но я взялъ свои мѣры: переѣхалъ тотчасъ!.. Что жъ?—ничего.

До двѣнадцати часовъ онъ съ своимъ старымъ камердинеромъ Никитой разставлялъ вещи... Надо прибавить, что онъ выбралъ для своей спальни комнату, гдѣ висѣлъ портретъ.

Передъ тѣмъ, чтобъ лечь въ постель, онъ подошелъ со свѣчей къ портрету, желая еще разъ на него взглянуть хорошенько, и прочиталъ внизу, вмѣсто имени живописца, красными буквами: *середа.*

— Какой нынче день?—спросилъ онъ Никиту.

— Понедѣльникъ, сударь.

— Послѣзавтра середа,—сказалъ разсѣянно Лугинъ.

— Точно такъ-съ?

— Пошелъ вонъ!—закричалъ онъ, топнувъ ногою.

Старый Никита покачалъ головою и вышелъ. Послѣ этого Лугинъ легъ въ постель и заснулъ. На другой день утромъ привезли остальныя вещи и нѣсколько начатыхъ картинъ.

III.

Въ числѣ недоконченныхъ картинъ, большею частію маленькихъ, была одна, размѣра довольно значительнаго. Посреди холста, исчерченнаго углемъ, мѣломъ, и загрунтованнаго зелено-коричневой краской, эскизъ женской головки остановилъ бы вниманіе знатока; но, не смотря на прелесть рисунка и на живость колорита, она поражала непріятно чѣмъ-то неопредѣленнымъ въ выраженіи глазъ и улыбки. Видно было, что Лу-

гинъ перерисовывалъ ее въ другихъ видахъ и не могъ остаться довольнымъ, потому что въ разныхъ углахъ холста являлась та же головка, замаранная коричневой краской; то не былъ портретъ. Можетъ быть, подобно молодымъ поэтамъ, вздыхающимъ по небывалой красавицѣ, онъ старался осуществить на холстѣ свой идеалъ—женщину ангела—причуда, понятная въ первой юности, но рѣдкая въ человѣкѣ, который сколько-нибудь испыталъ жизнь. Однако есть люди, у которыхъ опытность ума не дѣйствуетъ на сердце, и Лугинъ былъ изъ числа этихъ несчастныхъ и поэтическихъ созданій. Самый тонкій плутъ, самая опытная кокетка съ трудомъ могли бы его провесть, а самъ себя онъ ежедневно обманывалъ съ простодушіемъ ребенка. Съ нѣкотораго времени его преслѣдовала постоянная идея, мучительная и несносная, тѣмъ болѣе, что отъ нея страдало его самолюбіе. Онъ былъ далеко не красавецъ—это правда, однако въ немъ ничего не было отвратительнаго, и люди, знавшіе его умъ, талантъ и добродушіе, находили даже выраженіе лица его довольно пріятнымъ. Но онъ твердо убѣдился, что степень его безобразія исключаетъ возможность любви, и сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ побужденія посторонніи и объясняя грубымъ и положительнымъ образомъ самую явную ихъ благосклонность.

Не стану разсматривать, до какой степени онъ былъ правъ: но дѣло въ томъ, что подобное расположеніе души извиняетъ достаточно фантастическую любовь къ воздушному идеалу, любовь самую невинную и вмѣстѣ самую вредную для человѣка съ воображеніемъ.

Въ этотъ день, который былъ вторникъ, ничего особеннаго съ Лугинымъ не случилось: онъ до вечера просидѣлъ дома, хотя ему нужно было куда-то ѣхать. Непостижимая лѣнь овладѣла всѣми чувствами его; хотѣлъ рисовать —кисти выпадали изъ рукъ; пробовалъ читать — взоры его скользили надъ строками и читали совсѣмъ не то, что было написано; его бросало въ жаръ и въ холодъ; голова болѣла; звенѣло въ ушахъ. Когда смерклось, онъ не велѣлъ подавать свѣчъ, и сѣлъ у окна, которое выходило на дворъ. На дворѣ было темно; у бѣдныхъ со-

сѣдей тускло свѣтились окна. Онъ долго сидѣлъ; вдругъ на дворѣ заиграла шарманка; она играла какой-то старинный нѣмецкій вальсъ: Лугинъ слушалъ, слушалъ; ему стало ужасно грустно. Онъ началъ ходить по комнатѣ; небывалое безпокойство имъ овладѣло; ему хотѣлось плакать, хотѣлось смѣяться... онъ бросился на постель и заплакалъ: ему представилось все его прошедшее. Онъ вспомнилъ, какъ часто бывалъ обманутъ, какъ часто дѣлалъ зло именно тѣмъ, которыхъ любилъ; какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видѣлъ слезы, вызванныя имъ изъ глазъ, нынѣ закрытыхъ навѣки, и онъ съ ужасомъ замѣтилъ и признался, что онъ недостоинъ былъ любви безотчетной и истинной—и ему стало такъ больно, такъ тяжело!

Около полуночи онъ успокоился, сѣлъ къ столу; зажегъ свѣчу, взялъ листъ бумаги и сталъ что-то чертить. Все было тихо вокругъ. Свѣча горѣла ярко и спокойно. Онъ рисовалъ голову старика, и когда кончилъ, то его поразило сходство этой головы съ кѣмъ-то знакомымъ. Онъ поднялъ глаза на портретъ, висѣвшій противъ него—сходство было разительное; онъ невольно вздрогнулъ и обернулся: ему показалось, что дверь, ведущая въ пустую гостиную, заскрипѣла; глаза его не могли оторваться отъ двери.—Кто тамъ?—вскрикнулъ онъ.

За дверьми послышался шорохъ, какъ будто хлопали туфли; известка посыпалась съ печи на полъ.—Кто это?—повторилъ онъ слабымъ голосомъ.

Въ эту минуту обѣ половинки двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыханіе повѣяло въ комнату; дверь отворилась сама; въ той комнатѣ было темно, какъ въ погребѣ.

Когда дверь отворилась настежь, въ ней показалась фигура, въ полосатомъ халатѣ и туфляхъ: то былъ сѣдой, сгорбленный старичекъ; онъ медленно подвигался, присѣдая; лицо его, блѣдное и длинное, было неподвижно, губы сжаты; сѣрые, мутные глаза, обведенные красной каймою, смотрѣли прямо, безъ цѣли. И вотъ онъ сѣлъ у стола противъ Лугина, вынулъ изъ-за пазухи двѣ колоды картъ, положилъ одну противъ Лугина, другую передъ собой, и улыбнулся.

— Что вамъ надобно?—сказалъ Лугинъ съ храбростью отчаянія. Его кулаки судорожно сжимались и онъ былъ готовъ пустить шандаломъ въ незваннаго гостя.

Подъ халатомъ вздохнуло.

— Это несносно! — сказалъ Лугинъ задыхающимся голосомъ. Его мысли мѣшались.

Старичекъ зашевелился на стулѣ; вся его фигура измѣнялась ежеминутно: онъ дѣлался то выше, то толще, то почти совсѣмъ съёживался; наконецъ принялъ прежній видъ.

— Хорошо,—подумалъ Лугинъ:—если это привидѣніе, то я ему не поддамся.

— Не угодно ли, я вамъ промечу штоссъ?—сказалъ старичекъ.

Лугинъ взялъ передъ нимъ лежавшую колоду картъ и отвѣчалъ насмѣшливымъ тономъ:

— А на что же мы будемъ играть? Я васъ предваряю, что душу свою на карту не поставлю! [Онъ думалъ этимъ озадачить привидѣніе]. А если хотите,—продолжалъ онъ:—я поставлю клюнгеръ: не думаю, чтобъ они водились въ вашемъ воздушномъ банкѣ.

Старика эта шутка нимало не сконфузила.

— У меня въ банкѣ вотъ это!—отвѣчалъ онъ, протянувъ руку.

— Это?—сказалъ Лугинъ, испугавшись и кинувъ глаза налѣво.—Что́ это?

Возлѣ него колыхалось что-то бѣлое, неясное и прозрачное. Онъ съ отвращеніемъ отвернулся.

— Мечите!—потомъ сказалъ онъ, оправившись, и вынувъ изъ кармана клюнгеръ, положилъ его на карту.—Идетъ, темная.

Старичекъ поклонился, стасовалъ карты, срѣзалъ и сталъ метать. Лугинъ поставилъ семерку бубенъ, и она соника была убита; старичекъ протянулъ руку и взялъ золотой.

— Еще талью!—сказалъ съ досадою Лугинъ.

Онъ покачалъ головою.

— Что же это значитъ?

— Въ середу, — сказалъ старичекъ.

— А, въ середу! — вскрикнулъ въ бѣшенствѣ Лугинъ. — Такъ нѣтъ же! не хочу въ середу! завтра или никогда! Слышишь ли?

Глаза страннаго гостя пронзительно засверкали, и онъ опять безпокойно зашевелился.

— Хорошо! — наконецъ сказалъ онъ, всталъ, поклонился и вышелъ, присѣдая. Дверь опять тихо за нимъ затворилась, въ сосѣдней комнатѣ опять захлопали туфли и мало-по-малу все утихло. У Лугина кровь стучала въ голову молоткомъ; странное чувство волновало и грызло его душу. Ему было досадно, обидно, что онъ проигралъ. — Однако жъ я не поддался ему! — говорилъ онъ, стараясь себя утѣшить: — Переупрямилъ! Въ середу! Какъ бы не такъ! что̀ я за сумасшедшій! Это хорошо!.. очень хорошо! онъ у меня не отдѣлается... А какъ похожъ на этотъ портретъ!.. ужасно, ужасно похожъ!.. А! теперь я понимаю!..

На этомъ словѣ онъ заснулъ въ креслахъ. На другой день поутру онъ никому о случившемся не говорилъ, просидѣлъ цѣлый день дома и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался вечера.

— Однако я не посмотрѣлъ хорошенько на то, что у него въ банкѣ! — думалъ онъ: — вѣрно что-нибудь необыкновенное!

Когда наступила полночь, онъ всталъ съ своихъ креселъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату, заперъ на ключъ дверь, ведущую въ переднюю, и возвратился на свое мѣсто. Онъ недолго дожидался: опять раздался шорохъ, хлопанье туфлей, кашель старика, и въ дверяхъ показалась его мертвая фигура. За нимъ подвигалась другая, но до того туманная, что Лугинъ не могъ разсмотрѣть ея формы. Старичекъ сѣлъ, какъ наканунѣ, положилъ на столъ двѣ колоды картъ, срѣзалъ одну и приготовился метать, повидимому, не ожидая отъ Лугина никакого сопротивленія. Въ его глазахъ блистала необыкновенная увѣренность, какъ будто они читали въ будущемъ.

Лугинъ, остолбенѣвшій совершенно подъ магнитическимъ вліяніемъ его сѣрыхъ глазъ, уже бросилъ было на столъ два полуимперіала, какъ вдругъ онъ опомнился.

— Позвольте!.. сказалъ онъ, покрывъ рукою свою колоду

Старичекъ сидѣлъ неподвиженъ.

— Что, бишь, я хотѣлъ сказать?.. Позвольте... да!..

Лугинъ запутался.

Наконецъ, сдѣлавъ усиліе, онъ медленно проговорилъ:

— Хорошо... я съ вами буду играть... я принимаю вызовъ... я не боюсь... только съ условіемъ: я долженъ знать, съ кѣмъ играю. Какъ ваша фамилія?

Старичекъ улыбнулся.

— Я иначе не играю, — проговорилъ Лугинъ; а между тѣмъ дрожащая рука его вытаскивала изъ колоды очередную карту.

— Что-съ? — проговорилъ неизвѣстный, насмѣшливо улыбаясь.

— Штоссъ? — это? — У Лугина руки опустились, онъ испугался.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ возлѣ себя чье-то свѣжее ароматическое дыханіе, и слабый шорохъ, и вздохъ невольный, и легкое, огненное прикосновенье. Странный, сладкій и вмѣстѣ болѣзненный трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ; онъ на мгновенье обернулъ голову и тотчасъ опять устремилъ взоръ на карты; но этого минутнаго взгляда было бы довольно, чтобъ заставить его проиграть душу. То было чудное и божественное видѣнье: склонясь надъ его плечемъ, сіяла женская головка; ея уста умоляли; въ ея глазахъ была тоска невыразимая; она отдѣлялась на темныхъ стѣнахъ комнаты, какъ утренняя звѣзда на туманномъ востокѣ. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземного; никогда смерть не уносила изъ міра ничего столь полнаго пламенной жизни; то не было существо земное, то были краски и свѣтъ вмѣсто формъ и тѣла, теплое дыханіе вмѣсто крови, мысль вмѣсто чувства; то не былъ также простой и ложный призракъ, потому что въ неясныхъ чертахъ дышала страсть бурная и жадная, желаніе, грусть, любовь, страхъ, надежда... то была одна изъ тѣхъ чудныхъ красавицъ, которыхъ рисуетъ намъ молодое воображеніе, передъ которыми, въ волненіи пламенныхъ грезъ, стоимъ на колѣняхъ и плачемъ, и молимъ, и радуемся, Богъ знаетъ чему; одно изъ тѣхъ божественныхъ созданій молодой души, когда она, въ избыткѣ силъ, творитъ

для себя новую природу, лучше и полнѣе той, къ которой она прикована!

Въ эту минуту Лугинъ не могъ объяснить того, что съ нимъ сдѣлалось; но съ этой минуты онъ рѣшился играть, пока не выиграетъ; эта цѣль сдѣлалась цѣлью его жизни: онъ былъ этому очень радъ.

Старичекъ сталъ метать: карта Лугина была убита. Блѣдная рука опять потащила по столу два полуимперіала.

— Завтра!—сказалъ Лугинъ.

Старичекъ вздохнулъ тяжело, но кивнулъ головой въ знакъ согласія, и вышелъ, какъ наканунѣ.

Всякую ночь въ продолженіе мѣсяца эта сцена повторялась: всякую ночь Лугинъ проигрывалъ, но ему не было жаль денегъ; онъ былъ увѣренъ, что наконецъ хоть одна карта будетъ дана, и потому все удвоивалъ куши. Онъ былъ въ сильномъ проигрышѣ, но за то каждую ночь на минуту встрѣчалъ взглядъ и улыбку, за которые онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ. Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ ужасно. Цѣлые дни просиживалъ дома, запершись въ кабинетѣ; часто не обѣдалъ. Онъ ожидалъ вечера, какъ любовникъ — свиданья, и каждый вечеръ былъ награжденъ взглядомъ болѣе нѣжнымъ, улыбкой болѣе привѣтливой. Она—не знаю какъ назвать ее—она, казалось, принимала трепетное участіе въ игрѣ: казалось, она ждала съ нетерпѣніемъ минуты, когда освободится отъ ига несноснаго старика, и всякій разъ, когда карта Лугина была убита, она съ грустнымъ взоромъ оборачивала къ нему эти страстные, глубокіе глаза, которые, казалось, говорили:— смѣлѣе, не упадай духомъ, подожди: я буду твоею, во что бы то ни стало; я тебя люблю!—и жестокая, молчаливая печаль покрывала своей тѣнью ея измѣнчивыя черты. И всякій вечеръ, когда они разставались, у Лугина болѣзненно сжималось сердце отчаяніемъ и бѣшенствомъ. Онъ уже продавалъ вещи, чтобъ поддерживать игру; онъ видѣлъ, что невдалекѣ та минута, когда ему нечего будетъ поставить на карту. Надо будетъ на что-нибудь рѣшиться. Онъ рѣшился...

[Здѣсь обрывается рукопись].

ОТРЫВОКЪ ВТОРОЙ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ.

[Годъ неизвѣстенъ, см. стр. 349].

Я хочу разсказать вамъ исторію женщины, которую вы всѣ видали и которую никто изъ васъ не зналъ. Вы ее встрѣчали ежедневно на балѣ, въ театрѣ, на гуляньѣ, у нея въ кабинетѣ. Теперь она уже сошла со сцены большого свѣта; ей тридцать лѣтъ, и она схоронила себя въ деревнѣ; но когда ей было только двадцать, весь Петербургъ шумно занимался ею въ продолженіе цѣлой зимы. Объ этомъ совершенно забыли—и слава Богу! потому что, иначе, я бы не могъ печатать своей повѣсти. Въ обществѣ про нее было въ то время много разногласныхъ толковъ. Старушки говорили объ ней, что она прехитрая и прелукавая, пріятельницы—что она преглупенькая, соперницы—что она предобрая, молодыя женщины—что она кокетка, а раздушенные старики значительно улыбались при ея имени и ничего не говорили. Еще прибавлю странность: иные жалѣли, что такой правильной и свѣжей красотѣ недостаетъ физіономіи, тогда какъ другіе утверждали, что хотя она вовсе не хороша, но неизъяснимая прелесть выраженья въ ея лицѣ замѣняетъ всѣ прочіе недостатки. Притомъ мужъ ея, пятидесятилѣтній мужчина, имѣлъ графскій титулъ и сомнительно-огромное состояніе. Всего этого, кажется, довольно, чтобы доставить молодой женщинѣ ту соблазнительную, мимолетную славу, за которой онѣ всѣ такъ жадно гоняются и за которую нѣкоторыя изъ нихъ такъ дорого платятъ.

Подробности моего разсказа покажутся не очень нравственными, но ручаюсь вамъ, что въ немъ будетъ заключаться глубокій нравственный смыслъ, который не ускользнетъ ни отъ кого, развѣ отъ 18-лѣтнихъ барышень—да имъ моей книги

не дадутъ; а если она имъ и попадется случайно, то умоляю ихъ, послѣ этихъ строкъ закрыть ее и не класть на ночь подъ подушку, потому что отъ этого находятъ дурные сны. Молодыя же дамы, прочитавъ эти правдивыя страницы, вѣрно, отдадутъ справедливость моимъ описаніямъ и замѣчаніямъ, вспомнивъ нѣчто подобное въ своей жизни; но онѣ, конечно, этого никому не скажутъ, тогда какъ многіе молодые франты станутъ увѣрять, что такія приключенія были съ ними на дняхъ, тогда какъ съ бóльшею частію изъ нихъ ничего такого случиться даже не можетъ. Всѣ почти жалуются у насъ на однообразіе свѣтской жизни, и забываютъ, что надо бѣгать за приключеніями, чтобъ они встрѣтились; а для того, чтобы за ними гоняться, надо быть взволновану сильной страстью или имѣть одинъ изъ тѣхъ безпокойно-любопытныхъ характеровъ, которые готовы сто разъ пожертвовать жизнію, только бы достать ключъ самой незамысловатой, повидимому, загадки; но на днѣ одной есть уже вѣрно другая, потому что все для насъ въ мірѣ тайна, и тотъ, кто думаетъ отгадать чужое сердце или знать всѣ подробности жизни своего лучшаго друга, горько ошибается. Во всякомъ сердцѣ, во всякой жизни пробѣжало чувство, промелькнуло событіе, которыхъ никто никому не откроетъ, а они-то самыя важныя и есть; они-то обыкновенно даютъ тайное направленіе чувствамъ и поступкамъ.

Въ нашемъ равнодушномъ вѣкѣ любопытныхъ и страстныхъ людей немного; но, около десяти лѣтъ тому назадъ, случился одинъ такой чудакъ въ Петербургѣ, и судьба, какъ нарочно, поставила его предъ непонятной женщиною, которой исторію я хочу вамъ разсказать.

Александру Сергѣевичу Арбенину было тридцать лѣтъ— возрастъ силы и зрѣлости для мужчины, если только молодость его прошла не слишкомъ бурливо и не слишкомъ спокойно. Извѣстно, что въ природѣ противоположныя причины часто производятъ одинакія дѣйствія: лошадь равно падаетъ на ноги отъ застоя и отъ излишней ѣзды.

Вотъ какова была молодость Арбенина.

Начнемъ сначала.

Онъ родился въ Москвѣ. Скоро послѣ появленія его наэтотъ свѣтъ, его мать разъѣхалась съ его отцомъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Сообразивъ всѣ городскіе толки, можно было едѣлать только одно вѣрное заключеніе, а именно, что Сергѣй Васильевичъ разъѣхался съ своей супругой.

Саша остался на рукахъ отца. Когда ему минуло годъ, его посадили съ кормилицей и няней въ карету и отвезли въ симбирскую деревню. Сергѣй Васильевичъ вскорѣ самъ туда пріѣхалъ и поселился на житье. Деревня эта находилась на берегу Волги. Отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстилался фруктовый садъ. Съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы. Весной, во время разлива, рѣка превращалась въ море, усѣянное лѣсистыми островами; по ней мелькали бѣлые паруса барокъ, и вечеромъ раздавались пѣсни бурлаковъ. Барскій домъ былъ похожъ на всѣ барскіе дома: деревянный, съ мезониномъ, выкрашенный желтой краской, а дворъ обстроенъ былъ одноэтажными, длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведенъ валомъ, на которомъ качались и сохли жидкія ветлы; среди двора красовались качели; по воскресеньямъ дворня толпилась вокругъ нихъ и, порой, двѣ горничныя садились на полусгнившую доску, висящую межъ двухъ сомнительныхъ веревокъ, и двое изъ самыхъ любезныхъ лакеевъ, взявшись каждый за конецъ толстаго каната, взбрасывали скромную чету подъ облака; мальчишки били въ ладони, когда пугливыя дѣвы начинали визжать — и всѣмъ было очень весело. Надо замѣтить, что качели среди барскаго двора — признакъ отечески-добраго правленія, а между тѣмъ вотъ какъ хорошо судятъ о насъ иностранцы: въ путевыхъ запискахъ одного француза я недавно читалъ, что у насъ противъ господскаго дома обыкновенно торчитъ висѣлица. Французъ замѣчалъ остроумно, что это, должно быть, злоупотребленіе, ибо смертная казнь въ Россіи уничтожена. Бѣдныя качели!..

Мужики Арбенина большею частью занимались рыбной ловлей. Во время бури жены и дочери рыбаковъ выбѣгали съ плачемъ на берегъ; въ жаркіе лѣтніе дни толпы крестьянскихъ дѣвокъ купались въ студёныхъ струяхъ Волги; ихъ русыя ко-

сы мелькали надъ пѣнистой влагой; ихъ громкій смѣхъ раздавался далеко. Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую, во-первыхъ, потому что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторыхъ, чтобъ потѣшать маленькаго барченка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ уже онъ заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство ужъ волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія! Отецъ имъ вовсе не занимался, хозяйничалъ и ѣздилъ на охоту. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, если бъ не пришла на помощь корь—болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ложки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и если бъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно бы отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя слѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не

должно. Но—увы! никто не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студёныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей не мало помѣшало его выздоровленію.....

[Здѣсь обрывается рукопись].

ПИСЬМА.

1828.

1. КЪ МАРЬѢ АКИМОВНѢ ШАНЪ-ГИРЕЙ.

Милая тетенька! * Наконецъ, настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я вамъ мало напишу, то это будетъ не отъ моей лѣности, но отъ того, что у меня не будетъ время. Я думаю, что вамъ пріятно будетъ узнать, что я въ русской грамматикѣ учу синтаксисъ, и что мнѣ даютъ сочинять; я къ вамъ это пишу не для похвальбы, но собственно отъ того, что вамъ это будетъ пріятно. Въ географіи я учу математическую по небесному глобосу, градусы, планеты, ходъ ихъ, и проч. Прежнее ученіе исторіи мнѣ очень помогло. Заставьте, пожалуйста, Екима рисовать контуры; мой учитель говоритъ, что я еще буду ихъ рисовать съ полгода; но я лучше сталъ рисовать, однакожъ мнѣ запрещено рисовать свое. Катюшѣ въ знакъ благодарности за подвязку, посылаю ей бисерный ящикъ моей работы. Я еще ни въ какихъ садахъ не бывалъ, но я былъ въ театрѣ, гдѣ я видѣлъ оперу Невидимку, ту самую, что я видѣлъ въ Москвѣ 8 лѣтъ назадъ; мы сами дѣлаемъ театръ, который довольно хорошо выходитъ и будутъ восковыя фигуры играть [сдѣлайте милость пришлите мои воски]; я нарочно замѣчаю, чтобы вы въ хлопотахъ не забыли, я думаю что эта пунктуальность не мѣшаетъ; я бы приписалъ къ

---

* М. А. Шанъ-Гирей, дочь родной сестры бабушки поэта—Екатерины Алексѣевны Хастатовой, рожденной Столыпиной.

брату,* онъ здѣсь, но я имъ [?] напишу особливо; Катюшу** же цѣлую и благодарю за подвязку.—Прощайте, милая тетенька, цѣлую ваши ручки и остаюсь вашъ покорный племянникъ.—М. Лермантовъ.

2. къ ней же.

[Въ концѣ 1828].

Милая тетенька! Зная вашу любовь ко мнѣ, я не могу медлить, чтобы обрадовать васъ: экзаменъ кончился и вакація началась до 8-го января; слѣдственно, она будетъ продолжаться 3 недѣли. Испытаніе наше продолжалось отъ 13-го до 20-го числа. Я вамъ посылаю баллы,*** гдѣ вы увидите, что г-нъ Дубенской поставилъ 4 рус. и 3 лат.; но онъ продолжалъ мнѣ ставить 3 и до 2 до самаго экзамена. Вдругъ какъ-то сжалился и наканунѣ переправилъ, что произвело меня вторымъ ученикомъ.

* Братомъ Л. называлъ старшаго сына Марьи Акимовны, Акима или Екима Павловича, упоминаемаго выше.

** Сестра Екима,

*** Вотъ вѣдомость балловъ, которую Лермантовъ прислалъ:

Вѣдомость о поведеніи и успѣхахъ университетскаго благороднаго пансіона воспитанника 4-го класса М. Лермонтова.

Поведеніе.	Прилежаніе.	Успѣхи.								Заключеніе.
		Законъ Божій.	Математика.	Русск. языкъ.	Латин. языкъ.	Исторія.	Географія.	Нѣмец. языкъ.	Франц. языкъ.	
Весьма похвально.		3	4	4	3	4	4	4	4	30 За 24 балла переводъ въ 5 классъ

Инспекторъ *Павловъ*.

NB 4, означаетъ высшую степень, 0 низшую.

Я сижу 2-мъ ученикомъ.

Папенька сюда пріѣхалъ и вотъ уже 2 картины извлечены изъ моего portefeuille... слава Богу, что такими любезными мнѣ руками!.. Скоро я начну рисовать съ [buste] бюстовъ... Какое удовольствіе!.. Къ тому жъ Александръ Степановичъ * мнѣ показываетъ также, какъ должно рисовать пейзажи.—Я продолжалъ подавать сочиненія мои Дубенскому, а Геркулеса и Прометея взялъ инспекторъ,** который хочетъ издавать журналъ Калліопу [подражая мнѣ !?], гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ.—Каково вамъ покажется. Павловъ мнѣ подражаетъ, перенимаетъ у...меня!.. стало быть... стало быть... но выводите заключенія, какія вамъ угодно.

Бабушка была немного нездорова зубами, однакоже теперь гораздо лучше, а я — о! je me porte comme à l'ordinaire... bien! — Прощайте, милая тетенька, желаю, чтобы вы были внутренно покойны, слѣд. здоровы, ибо: les douleurs du corps proviennent des maux de l'âme.— Остаюсь вашъ покорный племянникъ. — М. Лермантовъ.

NB. Я прилагаю вамъ, милая тетенька, стихи, кои прошу помѣстить къ себѣ въ альбомъ, а картинку я еще не нарисовалъ. На вакацію надѣюсь исполнить свое обѣщаніе; вотъ стихи:

ПОЭТЪ.

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Дѣвы ликъ священный
Живою кистью окончалъ:
Своимъ искусствомъ восхищенный
Онъ предъ картиною упалъ!
Но скоро сей порывъ чудесный
Слабѣлъ въ груди его младой,
И утомленный и нѣмой,
Онъ забывалъ огонь небесный.
Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ,
Какъ онъ перомъ своимъ прольетъ
Всю душу; звукомъ громкой лиры

* А. С. Солонецкій —учитель рисованія, съ коимъ Лерм. состоялъ въ тѣсной дружбѣ [ср. біогр. Л. въ пансіонѣ].

** Мих.Григ. Павловъ, профессоръ Московскаго университета.

Чаруетъ свѣтъ, и въ тишинѣ
Поётъ, забывшись въ райскомъ снѣ,
Васъ, васъ, души его кумиры!
И вдругъ хладѣетъ жаръ ланитъ,
Его сердечныя волненья
Все тише, и призракъ бѣжитъ!
Но долго, долго умъ хранитъ
Первоначальны впечатлѣнья.

М. Л.

P. S. Не зная, что дяденька въ Опалихѣ,* я не писалъ къ нему, но прошу извиненія, и свидѣтельствую ему мое почтеніе.

1829.

3. КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милая тетенька! Извините меня, что я такъ долго не писалъ. Но теперь постараюсь почаще увѣдомлять васъ о себѣ, зная что это вамъ будетъ пріятно. Вакаціи приближаются и... прости! достопочтенный пансіонъ. Но не думайте, чтобы я былъ радъ оставить его, потому [что] ученіе прекратится; нѣтъ! дома я заниматься буду еще болѣе, нежели тамъ. Вы спрашивали о баллахъ, милая тетенька, увы! — у насъ въ пятомъ классѣ съ самаго новаго года еще не всѣ учителя поставили сіи *вывѣски нашей премудрости*.**

Помните ли, милая тетенька, вы говорили, что наши актеры [московскіе] хуже петербургскихъ. Какъ жалко, что вы не видали здѣсь: *Игрока*, трагедію: *Разбойники*. Вы бы иначе думали. Многіе изъ петербургскихъ *господъ* соглашаются, что эти пьесы лучше идутъ, нежели тамъ, и что Мочаловъ во многихъ мѣстахъ превосходитъ Каратыгина. Бабушка, я и Екимъ, всѣ, слава Богу, здоровы, но M-r G. Gendroz былъ боленъ; однако теперь почти совсѣмъ поправился. Постараюсь слѣдовать совѣтамъ вашимъ, ибо я увѣренъ, что они служатъ къ моей

---

* Имѣніе Шанъ-Гирея, въ трехъ верстахъ отъ села Тарханы.

** Выраженіе одного ученика. [М. Л.]

пользѣ. Цѣлую ваши ручки, покорный вашъ племянникъ— М. Лермантовъ.

P. S. Прошу васъ дяденькѣ засвидѣтельствовать мое почтенье и у тетеньки Анны Акимовны цѣлую ручки. Также прошу поцѣловать за меня Алешу, двухъ Катюшъ и Машу.—М. Л.

1831.

4. КЪ Н. И. ПОЛИВАНОВУ.

Москва 7-го іюня 1831.

Любезный другъ, здравствуй! протяни руку и думай, что она встрѣчаетъ мою; я теперь сумасшедшій совсѣмъ. Насъ судьба разноситъ въ разныя стороны, какъ вѣтеръ листы осени. Завтра *свадьба* твоей кузины Лужиной, на *которой* меня не будетъ?! впрочемъ, мнѣ теперь не до подробностей. Чортъ возьми всѣ свадебные пиры. Нѣтъ, другъ мой! мы съ тобой не для свѣта созданы; я не могу тебѣ много писать: боленъ, разстроенъ, глаза каждую минуту мокры.— Source intarissable. Много со мной было. Прощай; напиши что нибудь веселѣе. Что ты дѣлаешь? Прощай, другъ мой.—М. Лермантовъ.

5. КЪ М. АК. ШАНЪ-ГИРЕЙ.

Конецъ 1831 года [?].

Ma chère tante. Вступаюсь за честь Шекспира. Если онъ великъ, то это въ «Гамлетѣ»; если онъ истинно Шекспиръ, этотъ геній необъемлемый, проникающій въ сердце человѣка, въ законы судьбы, оригинальный, т.е. неподражаемый Шекспиръ— то это въ «Гамлетѣ». Начну съ того, что имѣете вы переводъ не съ Шекспира, а переводъ перековерканной пьесы Дюсиса,* который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французовъ, не умѣющихъ обнять высокое, и глупымъ ихъ правиламъ, перемѣнилъ ходъ трагедіи и выпустилъ множество характеристическихъ сценъ. Эти переводы, къ сожалѣнію, играются у

---

* Французскій драматическій писатель [1733—1816], передѣлыватель Шекспира.

насъ на театрѣ. Вѣрно, въ вашемъ «Гамлетѣ» нѣтъ сцены могильщиковъ, и другихъ, коихъ я не запомню.

«Гамлетъ» по-англійски написанъ половина въ прозѣ, половина въ стихахъ. Вѣрно, нѣтъ [въ вашемъ «Гамлетѣ» и] той сцены, когда Гамлетъ говоритъ со своей матерью, и она показываетъ на портретъ его умирающаго отца; въ этотъ мигъ съ другой стороны, видимая одному Гамлету, является тѣнь короля, одѣтая, какъ на портретѣ, и принцъ, глядя уже на тѣнь, отвѣчаетъ матери: «какой живой контрастъ, какъ глубоко!..» Сочинитель зналъ, что, вѣрно, Гамлетъ не будетъ такъ поражонъ и встревоженъ, увидѣвъ портретъ, какъ при появленіи призрака.

Вѣрно, Офелія не является въ сумасшествіи, хотя сія послѣдняя одна изъ трогательнѣйшихъ сценъ. Есть ли у васъ сцена, когда король подсылаетъ двухъ придворныхъ, чтобъ узнать, точно ли помѣшанъ притворившійся принцъ, и сей обманываетъ ихъ.

Я помню нѣсколько мѣстъ этой сцены: они [придворные] надоѣли Гамлету, и этотъ прерываетъ одного изъ нихъ, спрашивая:

ГАМЛЕТЪ. Не правда ли, это облако похоже на пилу?*

1-ЫЙ ПРИДВОРНЫЙ. Да, мой принцъ!

ГАМЛЕТЪ. А мнѣ кажется, что оно имѣетъ видъ верблюда, что похоже на животное.

2-ОЙ ПРИДВОРНЫЙ. Принцъ, я самъ лишь хотѣлъ сказать это.

ГАМЛЕТЪ. На что же вы похожи оба?—и проч.

Вотъ какъ кончается эта сцена: Гамлетъ беретъ флейту и говоритъ: «Сыграйте что-нибудь на этомъ инструментѣ».

1-ЫЙ ПРИДВОРНЫЙ. Я никогда не учился, принцъ, я не могу.

ГАМЛЕТЪ. Пожалуйста.

1-ЫЙ ПРИДВОРНЫЙ. Клянусь, принцъ, не могу [и проч. извиняется].

ГАМЛЕТЪ. Ужели послѣ этого не чудаки вы оба? Когда изъ

* Подозрѣваемъ, что въ рукописи стояло «это облако похоже на *кита*» и не вѣрно разобрано: на «*пилу*». Трудно предположить, чтобы Лермонтовъ могъ запамятовать, что у Шекспира является сравненіе облаковъ съ животными: китомъ, хорькомъ и верблюдомъ.

такой малой вещи вы не можете исторгнуть согласныхъ звуковъ, какъ хотите изъ меня, существа одареннаго сильною волею, исторгнуть тайныя мысли?..

И это не прекрасно!..

— Теперь слѣдуютъ мои извиненія, что я къ вамъ, любезная тетенька, не писалъ; клянусь, некогда было; ваше письмо меня воспламенило: какъ обижать Шекспира?!

Мнѣ здѣсь довольно весело: почти каждый вечеръ на балѣ. — Но великимъ постомъ я уже совсѣмъ засяду. Въ университетѣ все идетъ хорошо.

Прощайте, милая тетенька, желаю вамъ здоровья и всего, что вы желаете. Если говорятъ: одна голова—хороша, а двѣ — лучше, зачѣмъ не сказать: одно сердце — хорошо, а два — лучше.

Цѣлую ваши ручки, остаюсь покорный вашъ племянникъ.

М. Лермантовъ.

P. S. Поклонитесь отъ меня дяденькѣ * и поцѣлуйте дѣточекъ.**

1832.

6. КЪ СОФЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ БАХМЕТЕВОЙ.

[На пути изъ Москвы въ Петербургъ въ іюлѣ 1832, вѣроятно изъ Твери; см. конецъ слѣд. письма].

Ваше Атмосфераторство! Милостивѣйшая государыня, Софія, дочь Александрова?.. Вашъ рабъ, всепокорнѣйшій Михайло, сынъ Юрьевъ, бьетъ челомъ вамъ.—Дѣло въ томъ, что я обрѣтаюсь въ ужасной тоскѣ; извозчикъ ѣдетъ тихо, дорога пряма, какъ палка, на квартирѣ вонь и перо скверное!.. Кажется довольно, чтобъ истощить ангельское терпѣніе, подобное моему.

Что вы дѣлаете? — Пріѣхала ли Александра, Михайлова

---

* Павлу Петровичу Шанъ-Гирей.

** Екатерину Павловну и братьевъ ея: Акима, Алексѣя и Николая. Письмо это напечатано въ первый разъ съ соблюденіемъ орѳографіи поэта Н. Ив. Поливановымъ въ Русск. Старинѣ, Январь 1889 г.

дочь*—и какія ея рѣчи? Все пишите — а моего писанія никому не являйте. Растрясло меня, и потому къ благовѣрной кузинѣ не пишу—а вамъ мало; извините моей немощи!..

До Петербурга съ обѣими прощаюсь. Рабъ вашъ M. Lerma.

Прошу засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе тетенькѣ и всѣмъ домочадцамъ.

7. къ ней же.

[С.-Петербургъ. Августъ 1832].

Любезная Софья Александровна! До самаго нынѣшняго дня я былъ въ ужасныхъ хлопотахъ: ѣздилъ туда-сюда, къ Вѣрѣ Николаевнѣ ** на дачу и проч.; разсматривалъ городъ по частямъ, и на лодкѣ ѣздилъ въ море. Короче, я ищу впечатлѣній, какихъ-нибудь впечатлѣній...

Преглупое состояніе человѣка то, когда онъ принужденъ занимать себя, чтобъ жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей; быть своимъ шутомъ! Какъ послѣ этого не презирать себя, не потерять довѣренность, которую имѣлъ къ душѣ своей?.. Одну добрую вещь скажу вамъ: наконецъ я догадался, что не гожусь для общества, и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Вчера я былъ въ одномъ домѣ, у NN, гдѣ, просидѣвъ 4 часа, я не сказалъ ни одного путнаго слова. У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ—быть можетъ, слава Богу!

Вашей комиссіи я еще не исполнилъ, ибо мы только вчера перебрались на квартиру. Прекрасный домъ, и со всѣмъ тѣмъ душа моя къ нему не лежитъ: мнѣ кажется, что отнынѣ я самъ буду пустъ, какъ былъ онъ, когда мы въѣхали.

Пишите мнѣ, что дѣлается въ странахъ вашего царства. Какъ свадьба? Все ли вы въ Средниковѣ или въ Москвѣ? Чай, Александра Михайловна да Елизавета Александровна*** покою не знаютъ, все хлопочутъ!

Странная вещь! Только мѣсяцъ тому назадъ я писалъ:

Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастію на зло!

---

* А. М. Верещагина.

** Анненкова.

*** Лопухина—впослѣдствіи кн. Трубецкая.

Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ;
Чтó безъ страданій жизнь поэта,
И чтó безъ бури океанъ? *

И пришла буря, и прошла буря, и океанъ замерзъ, но замерзъ съ поднятыми волнами, храня театральный видъ движенія и безпокойства, но въ самомъ дѣлѣ мертвѣе, чѣмъ когда-нибудь...

Надоѣлъ я вамъ своими диссертаціями! Я короче сошелся съ Павломъ Евреиновымъ **; у него есть душа въ душѣ. Одна вещь меня безпокоитъ: я почти совсѣмъ лишился сна, Богъ знаетъ, надолго ли. Не скажу, чтобъ отъ горести; были у меня и больше горести, и я спáлъ крѣпко и хорошо. Нѣтъ, я не знаю: тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ.

Дорóгой я еще былъ туда-сюда; пріѣхавши, не гожусь ни на что. Право, мнѣ необходимо путешествовать: я—цыганъ!

Прощайте. Пишите мнѣ, чѣмъ поминаете вы меня? Обѣщаю вамъ, что не всѣ мои письма будутъ такія; теперь я болтаю вздоръ, потому что натощакъ. Прощайте... Членъ вашей bande joyeuse M. Lerma.

P. S. У тетушекъ моихъ цѣлую ручки, и прошу васъ отъ меня отнести поклонъ всѣмъ моимъ друзьямъ... во второмъ разрядѣ коихъ Achille, арапъ***; и если вы не въ Москвѣ, то мысленно. Прощайте.

---

* Въ рукописной тетради Лермонтова, это стихотвореніе оканчивается такъ:

Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ,
Онъ покупаетъ неба звуки,
Онъ даромъ—славы не беретъ.

** Пав. Алекс. Евреиновъ сынъ старшей сестры Арсеньевой—Александры Алексѣевны.

*** Слуга въ домѣ Лопухиныхъ. Онъ былъ очень преданъ Лермонтову и любимъ имъ; поэтъ въ альбомѣ С. Верещагиной написалъ его акварельный портретъ.

8. КЪ НЕЙ ЖЕ.

Примите дивное *Посланье*
Изъ края дальняго сего;
Оно не *Павлово* писанье,
Но Павелъ * вамъ отдастъ его.
Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь—красный воротъ,
Какъ шишъ торчитъ передъ тобой **.
Нѣтъ милыхъ сплетенъ—все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново,
А нѣтъ не пошлыхъ новостей!
Доволенъ каждый самъ собою,
Не безпокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!...
И наконецъ я видѣлъ море!
Но кто поэта обманулъ?
Я въ роковомъ его просторѣ
Великихъ думъ не почерпнулъ.
Нѣтъ, какъ оно, я не былъ воленъ;
Болѣзнью жизни—скукой боленъ
[На зло былымъ и новымъ днямъ];
Я не завидовалъ, какъ прежде,
Его серебряной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

Экспромтомъ написалъ я вамъ эти стихи, любезная Софья Александровна, и не имѣю духу продолжать такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю отчего, поэзія души моей погасла.

По произволу дивной власти
Я выкинутъ изъ царства страсти,
Какъ послѣ бури на песокъ

* Павелъ Евреиновъ см. выше.

** Чины полиціи и городовые носили форменную одежду съ красным воротникомъ.

Волной расшибенный челнокъ.
Пускай приливъ его ласкаетъ—
Не слышитъ ласки инвалидъ:
Свое безсиліе онъ знаетъ
И притворяется, что спитъ.
Никто ему не ввѣритъ болѣ
Себя иль ноши дорогой:
Онъ негодится и на волѣ!
Погибъ—и данъ ему покой!

Мнѣ кажется, что это не дурно вышло. Пожалуйста, не рвите этого письма на нужныя вещи. Впрочемъ, если бъ я началъ писать къ вамъ за часъ прежде, то, быть можетъ, писалъ бы вовсе другое; каждый мигъ у меня новыя фантазіи. Прощайте, дражайшая. Я къ вамъ писалъ изъ Твери и отсюда, а до сихъпоръ не получилъ отвѣта—стыдно; однако я прощаю—и прощаюсь. M. Lerma.

Тетенькѣ и всѣмъ нижайшее мое почтеніе. Пишите, что дѣлается, и слышится, и говорится.

У Демидовой былъ—дома не засталъ; она была у какой-то директорши—Богъ знаетъ! Я письма не отдалъ и на дняхъ поѣду опять. Не имѣю слишкомъ большого влеченія къ обществу: надоѣло! Все люди, такая тоска: хоть бы черти для смѣха попадались.—[1832].

9. КЪ МАРЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ЛОПУХИНОЙ.

[S.-Pétérsb. 1832], le 28 Août.

Dans le moment où je vous écris, je suis très-inquiet, car grand-maman est très malade, et depuis deux jours au lit. Ayant reçu une seconde lettre de vous, c'est maintenant une consolation que je me donne.—Vous nommer toutes les personnes que je fréquente?—moi c'est la personne que je fréquente avec le plus de plaisir. En arrivant je suis sorti, il est vrai, assez souvent chez des parents, avec lesquels je devais faire connaissance; mais à la fin j'ai trouvé que mon meilleur parent c'était moi. J'ai vu des échantillons de la société d'ici, des dames fort aimables, des jeunes gens fort polis — tous ensemble ils me font l'effet d'un jar-

din français, bien étroit et simple, mais où l'on peut se perdre, pour la première fois, car entre un arbre et un autre le ciseau du maitre a ôté toute différence!..

J'écris peu, je ne lis pas plus; mon roman devient une œuvre de désespoir; j'ai fouillé dans mon âme pour en retirer tout ce qui est capable de se changer en haine, et je l'ai versé pêlemêle sur le papier: * vous me plaindriez en le lisant!.. A propos de votre mariage, chère amie, vous avez deviné mon enchantement d'apprendre qu'il soit rompu (pas français); j'ai déjà écrit à ma cousine ** que ce nez en l'air n'était bon que pour flairer les alouettes—cette expression m'a beaucoup plu à moi-même. Dieu soit loué, que ça soit fini comme cela et pas autrement! Au reste n'en parlons plus; on n'en a que trop parlé.

J'ai une qualité que vous n'avez pas; quand on me dit qu' on m'aime, je ne doute plus ou [ce qui est pire] je ne fais pas semblant de douter.—Vous avez ce defaut, et je vous prie de vous en corriger, du moins dans vos chères lettres.

Hier il y a eu, à 10 heures du soir, une petite inondation et même on a tiré deux fois du canon à trois différentes reprises, à mesure que l'eau baissait et montait. Il y avait clair de lune, et j'étais à ma fenètre qui donne sur le canal; *** voilà ce que j'ai écrit:

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Какъ бы шумно я катился
Подъ серебряной луной;
О, какъ страстно я лобзалъ бы
Золотистый мой песокъ,
Какъ надменно презиралъ бы
Недовѣрчивый челнокъ;
Все, чѣмъ такъ гордятся люди,

* Рѣчь идетъ о «Горбачѣ Вадимѣ», юношеской повѣсти, начатой еще въ Москвѣ.

** А. М. Верещагина. Вездѣ въ письмахъ къ Лопухиной, гдѣ говорится о кузинѣ, подразумѣвается она.

*** Лермонтовъ съ бабушкою жили на Мойкѣ, въ домѣ принадлежавшемъ позднѣе Гречу.

Мой набѣгъ бы разрушалъ;
И къ моей студёной груди
Я бъ страдальцевъ прижималъ:
Не страшился бъ муки ада,
Раемъ не былъ бы прельщонъ;
Безпокойство и прохлада
Были бъ вѣчный мой законъ:
Не искалъ бы я забвенья
Въ дальнемъ сѣверномъ краю,
Былъ бы воленъ отъ рожденья—
Жить и кончить жизнь мою!

Voici une autre; ces deux pièces, vous expliqueront mon état moral mieux que j'aurais pu le faire en prose:

Конецъ! какъ звучно это слово!
Какъ много-мало мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ... а потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положутъ,
И черви вашъ скелетъ обгложутъ;
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ;
Простивъ вамъ каждую обиду,
Отслужитъ въ церкви панихиду,
Которой—[я боюсь сказать]
Не суждено вамъ услыхать;
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ по крайней мѣрѣ
Названье ваше сохранитъ
Съ двумя плачевными стихами,
Которыхъ, къ счастію, вы сами
Не прочитаете вовѣкъ.—
Когда жъ чиновный человѣкъ
Захочетъ мѣста на кладбищѣ,
То ваше тѣсное жилище
Разроетъ заступъ похоронъ
И грубо выкинетъ васъ вонъ:

И можетъ быть изъ вашей кости,
Подливъ воды, подсыпавъ крупъ,
Кухмейстеръ изготовитъ супъ—
[Все это дружески, безъ злости].
А тамъ голодный аппетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ,
А тамъ желудокъ васъ сваритъ,
А тамъ—но съ вашимъ позволеньемъ
Я здѣсь окончу мой разсказъ,
И этого довольно съ васъ.

Adieu!.. je ne puis plus vous écrire, la tête me tourne à force de sottises; je crois que c'est aussi la cause qui fait tourner la terre depuis 7000 ans; ce Moïse n'a pas menti. — Mes compliments à tout le monde. — Votre ami le plus sincère. — M. Lerma.

Переводъ: Въ эту минуту, какъ пишу вамъ, я въ тревожномъ состояніи, потому что бабушка очень больна и два дня въ постели. Отвожу душу отвѣтомъ на второе письмо ваше. Назвать вамъ всѣхъ, у кого я бываю? *Я*—та особа, у коей бываю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Правда, по пріѣздѣ я навѣщалъ довольно часто родныхъ, съ которыми мнѣ слѣдовало познакомиться; но подъ-конецъ нашелъ, что лучшій изъ родственниковъ, это я самъ. Видѣлъ я образчики здѣшняго общества, дамъ, очень любезныхъ, молодыхъ людей, весьма воспитанныхъ—всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и безъ затѣй, но въ которомъ съ перваго разу можно заблудиться, потому что хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ все своеобразное.—Пишу мало, читаю не болѣе; романъ мой становится произведеніемъ отчаянія: я перебралъ всю душу свою, добывая изъ нея все, что только способно обратиться въ ненависть, и въ безпорядкѣ излилъ это на бумагу. Читая, вы бы пожалѣли меня! Относительно вашего брака, мой другъ, вы угадали мое восхищеніе при вѣсти, что онъ разстроился; я ужъ писалъ кузинѣ, что этотъ господинъ годенъ только на то, чтобы держать носъ по вѣтру *, это выраженіе мнѣ самому очень понравилось. Слава Богу, что это кончилось такъ, а не иначе. Впрочемъ, не будемъ больше говорить объ этомъ—и безъ того ужъ слишкомъ много говорено было.—У меня есть свойство, котораго нѣтъ у васъ; когда мнѣ говорятъ, что меня любятъ, я больше не сомнѣваюсь, или, что хуже, я не показываю вида, что сомнѣваюсь. Вы же имѣете этотъ недостатокъ, и я прошу васъ исправьтесь отъ него, хоть въ вашихъ милыхъ письмахъ.—Вчера, въ 10 часовъ вечера, было небольшое наводненіе, и даже трижды сдѣлано было по два пушечныхъ выстрѣла, по мѣрѣ того, какъ вода опус-

* Французское выраженіе вполнѣ передать нельзя.

валась и поднималась. Ночь была лунная, и я былъ у своего окна, которое выходитъ на каналъ. Вотъ что я написалъ: [*слѣдуютъ стихи*]. Вотъ еще стихи. Тѣ и другіе лучше покажутъ вамъ мое нравственное состояніе, чѣмъ бы я могъ это сдѣлать въ прозѣ [*слѣдуютъ стихи*]. Прощайте, не могу больше писать вамъ. Голова вертится отъ глупостей. Мнѣ кажется, что по той же причинѣ и земля вертится вотъ уже 7000 лѣтъ. Моисей не солгалъ. Всѣмъ мой поклонъ. — Вашъ искреннѣйшій другъ. М Лерма.

10. къ ней же.

2 Septembre.

Dans ce moment même je commence à dessiner quelque chose pour vous, et je vous l'enverrai peut-être dans cette lettre. Savez vous, chère amie, comment je vous écrirai? Par moments! Une lettre durera quelquefois plusieurs jours; une pensée me viendra-t-elle, je l'insererai; quelque chose de remarquable se gravera-t-il dans mon esprit, je vous en ferai part; étes-vous contente de ceci!

Voilà plusieures semaines déjà que nous sommes separés, peut-être pour bien longtemps, car je ne vois rien de trop consolant dans l'avenir, et pourtant je suis toujours le même, malgré les malignes suppositions de quelques personnes que je ne nommerai pas. Enfin, pensez vous que j'ai été aux anges de voir Наталья Алексѣевна, * parcequ' elle vient de nos contrées —car Moscou est et sera toujours ma patrie: j'y suis né, j'y ai beaucoup souffert, et j'y ai été trop heureux—ces trois choses auraient bien mieux fait de ne pas arriver... mais que faire? — Mademoiselle Annette ** m'a dit qu'on n'avait pas effacé la célèbre tête sur la muraille... *** pauvre ambition! Cela m'a rejoui... et encore comment! Cette drôle passion de laisser partout des traces de son passage!.. Une idée d'homme, quelque grande qu'elle soit, vaut-elle la peine d'être répetée dans un objet matériel, avec le seul mérite de se faire comprendre à l'âme de quelques-uns? il faut

---

* Родная сестра бабушки поэта [Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой рожд. Столыпиной], вышедшая замужъ за Григ. Данил. Столыпина—однофамильца.

** Annette Столыпина.

*** Голову эту Лермонтовъ начертилъ углемъ на стѣнѣ въ домѣ Лопухиныхъ. То былъ портретъ воображаемаго предка, испанскаго герцога Лермы, потомъ перенесенъ молодымъ поэтомъ на холстъ и находится теперь въ Лермонтовскомъ музеѣ, куда подаренъ А. А. Лопухинымъ.

que les hommes ne soient pas nés pour penser, puisqu'une idée forte et libre est pour eux chose si rare!

Je me suis proposé pour but de vous enterrer sous mes lettres et mes vers: cela n'est pas bien amical, ni même philanthropique, mais chacun doit suivre sa destination.

Voici encore des vers, que j'ai faits au bord de la mer:

Бѣлѣетъ парусъ одинокій и т. д. [См. соч. т. I стр. 238].

— Adieu donc, adieu... je ne me porte pas bien: un songe heureux, un songe divin m'a gâté la journée... Je ne puis ni parler, ni lire, ni écrire.—Chose étrange que les songes! une doublure de la vie, qui souvent est plus agréable que la réalité: car je ne partage pas du tout l'avis de ceux qui disent que la vie n'est qu'un songe; je sens bien fortement sa réalité, son vide engageant!—Je ne pourrai jamais m'en détacher assez pour la mépriser de bon coeur; car ma vie—c'est moi, moi, qui vous parle—et qui dans un moment peut devenir rien, un nom, c'est à dire encore rien.—Dieu sait, si aprés la vie le moi existera. C'est terrible quand on pense, qu'il peut arriver un jour où je ne pourrai pas dire: moi!—A cette idée l'univers n'est qu'un morceau de boue.

Adieu; n'oubliez pas de me rappeler au souvenir de votre frère et de vos soeurs, car je ne suppose pas ma cousine de retour.

Dites moi, chère miss Mary, si monsieur mon cousin Evreinoff vous a rendu mes lettres, et comment vous le trouvez, car dans ce cas je vous choisis pour mon thermomètre—Adieu. Votre dévoué. Lerma.

P. S. J'aurais bien voulu vous faire une petite question; mais elle se refuse de sortir de ma plume.—Si vous me dévinez—bien, je serai content; si—non... alors, cela veut dire que si même je vous avais dit la question, vous n'y auriez pas su répondre.

C'est le genre de question dont peut-être vous ne doutez pas!

Переводъ: Сейчасъ я началъ кое-что рисовать для васъ, и можетъ быть пошлю съ этимъ же письмомъ. Знаете ли, милый другъ, какъ я стану писать къ вамъ? — Какъ только улучу минуту. Иной разъ письмо продлится нѣсколько дней: придетъ ли мнѣ въ голову какая мысль, я вамъ запишу ее; если что примѣчательное займетъ мой умъ, тотчасъ подѣлюсь съ вами. Довольны ли вы этимъ?—Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ мы разстались и, можетъ быть, надолго, потому что впереди я не вижу ничего особенно утѣшительнаго, однако я все тотъ же, вопреки лукавымъ предположеніямъ нѣ-

которыхъ людей, которыхъ не назову. Представьте, наконецъ, что я пришелъ въ восторгъ, увидавъ Наталью Алексѣевну, потому что она пріѣхала съ нашей стороны, такъ какъ Москва моя родина, и такою будетъ для меня всегда: тамъ я родился, тамъ много страдалъ, и тамъ же былъ слишкомъ счастливъ! Пожалуй, лучше бы не быть ни тому, ни другому, ни третьему, но что дѣлать? M-lle Annette сказывала, что еще не стерли со стѣны знаменитую голову. Жалкое самолюбіе! Вѣсть эта меня обрадовала, да еще какъ! Что за глупая страсть: вездѣ отмѣчать чѣмъ-нибудь свое пребываніе! Мысль человѣка, хотя бы самую возвышенную, стоитъ ли отпечатлѣвать въ предметѣ вещественномъ, изъ-за того только, чтобъ сдѣлать ее понятною для другихъ, немногихъ людей. Надо полагать, что люди вовсе не созданы мыслить, потому что мысль сильная и свободная —большая для нихъ рѣдкость. Я намѣренъ замучить васъ своими письмами и стихами. Это конечно не по дружески, и даже противно человѣколюбію; но каждый долженъ слѣдовать своему предназначенію. Вотъ еще стихи, которые сочинилъ я на берегу моря [*слѣдуютъ стихи*]. Прощайте же, прощайте. Я не совсѣмъ хорошо себя чувствую: сонъ счастливый, божественный сонъ, разстроилъ меня на нынѣшній день... Не могу ни говорить, ни читать, ни писать. Странная вещь эти сны! Двойникъ жизни, и часто болѣе пріятный, нежели дѣйствительная жизнь. Вѣдь я вовсе не раздѣляю мнѣнія, будто жизнь есть сонъ; я осязательно чувствую ея дѣйствительность, ея манящую пустоту. Я никогда не буду въ состояніи отрѣшиться отъ нея на столько, чтобы чистосердечно ее ненавидѣть; потому что жизнь моя — я самъ, я, говорящій теперь съ вами, и могущій черезъ минуту обратиться въ ничто, въ одно имя, т. е. опять-таки въ ничто. Богъ знаетъ, будетъ ли существовать это *я* послѣ жизни! Страшно подумать, что настанетъ день, когда я не могу сказать: я! При этой мысли весь міръ есть не что иное, какъ комъ грязи.—Прощайте, не забудьте напомнить обо мнѣ своему брату и сестрамъ, потому что кузина, какъ я полагаю, еще не возвратилась. — Скажите, милая Miss Mary, передалъ ли мой кузенъ Евреиновъ мои письма, и какъ онъ вамъ показался? потому что въ этомъ случаѣ я васъ выбираю моимъ термометромъ. Прощайте. Вашъ преданный Лерма. P. S. Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать вамъ небольшой вопросъ; но перо отказывается писать его. Коли догадываетесь, хорошо, я буду доволенъ; а нѣтъ—значитъ, если бы я и написалъ, вы не могли бы отвѣчать на него.—Это такого рода вопросъ, какой, быть можетъ, вы и не подозрѣваете.

11. КЪ АЛЕКСАНДРѢ МИХАЙЛОВНѢ ВЕРЕЩАГИНОЙ.

[Петербургъ, ноябрь 1832]

Femme injuste et crédule! — et remarquez que j'ai le plein droit de vous nommer ainsi, chère cousine.—Vous avez crû aux paroles et à la lettre d'une jeune fille sans les analyser; Annette dit qu'elle n'a jamais écrit que j'avais une histoire, mais qu'on ne m'a pas compté les années que j'ai passées à Moscou comme à

tant d'autres; car il y a une réforme dans toutes les universités, et je crains qu'Alexis n'en souffre aussi, puisqu'on ajoute une année aux trois insupportables*. Vous devez déjà savoir, notre dame, que j'entre à l'école des gardes.—Ce qui me privera malheureusement du plaisir de Vous voir bientôt. Si vous pouviez deviner tout le chagrin que cela me fait, vous m'auriez plaint—ne grondez donc plus et consolez-moi, si vous avez un coeur.

Je ne puis concevoir ce que vous voulez dire par peser les paroles, je ne me rappelle pas vous avoir écrit quelquechose de semblable. Au surplus je vous remercie de m'avoir grondé, cela me servira pour l'avenîr et si vous venez à Pétersbourg, j'éspérè me venger entièrement,—et pardessus le marché à coups de sabre, et point de quartier entendez vous! Mais que cela ne vous éffraye pas; venez toujours, et amenez avec vous une suite nombreuse, et mademoiselle Sophie**, à laquelle je n'écris pas, parceque je boude contre elle. Elle m'a promis de m'écrire en arrivant de Voronège une longue lettre, et je ne m'aperçois que de la longueur du temps—qui remplace la lettre. Et vous chère cousine, vous m'accusez de la même chose!— et pourtant je vous ai écrit deux lettres après monsieur Paul Evreïnoff. Mais comme elles étaient adressées dans la maison Stolipine à Moscou, je suis sûr que le Léthé les a englouti, ou que la femme d'un domestique entortilla des chandelles avec mes tendres épitres.

Donc je vous attends cet hiver; point de réponses évasives—vous devez venir, un beau projet ne doit pas être ainsi abandonné, la fleur ne doit pas se fâner sur sa tige etc... En attendant je vous dis adieu, car je n'ai plus rien à vous communiquer d'intéressant; je me prépare pour l'examen, et dans une semaine, avec l'aide de Dieu, je serai militaire. Encore—vous attribuez trop à l'eau de la Néva; elle est un très-bon purgatif, mais je ne lui connais point d'autre qualité. Apparemment que vous avez oublié mes galanteries passées et que vous n'êtes que pour le présent et le fû-

---

* Лермонтовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, желая перевестись въ университетъ по оставленіи Московскаго, гдѣ пробылъ 3 года.

** Софья Александровна Бахметева съ двумя сестрами жили въ Воронежѣ и пріѣзжали гостить къ богатымъ родственникамъ въ Москву или Средниково.

tur, qui ne manquera pas de se présenter à vous par la première occasion. Adieu donc, chère amie, et mettez tous vos soins à me trouver une future, il faut qu'elle ressemble à Dachinka, mais qu'elle n'aie pas comme elle un gros ventre, car il n'y aurait plus de symmétrie avec moi comme vous savez, ou comme vous ne savez pas, car je suis devenu fin comme une allumette.

Je baise vos mains. M. Lerma.

P. S. Mes compliments aux tantes. *

Переводъ. Несправедливая и легковѣрная женщина!—[замѣтьте что я имѣю полное право такъ называть васъ, милая кузина!]. Вы повѣрили словамъ и письму молодой дѣвушки, не подвергнувъ ихъ критикѣ. Annette говоритъ, что она никогда не писала, что у меня была исторія, но что мнѣ не хотѣли зачесть годы пребыванія въ Москвѣ [Москов. университетѣ], какъ это имѣло мѣсто по отношенію ко многимъ другимъ, и я опасаюсь что Алексѣсу тоже придется пострадать, ибо прибавляютъ еще годъ къ тремъ невыносимымъ годамъ. Вы конечно уже знаете что я поступаю въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. — Это меня лишитъ, къ сожалѣнію, удовольствія васъ скоро увидѣть. Если бы вы могли ощутить все горе, которое мнѣ это причиняетъ—вы бы пожалѣли обо мнѣ. Не браните же, а утѣшьте меня, если обладаете сердцемъ. Не понимаю, что вы хотите сказать, говоря о взвѣшиваніи словъ, я не помню, чтобы я написалъ вамъ что-либо подходящее. Во всякомъ случаѣ благодарю за то, что выбранили, это мнѣ въ будущемъ послужитъ, и, если вы пріѣдете въ Петербургъ, я надѣюсь вполнѣ отомстить за себя — да и вдобавокъ сабельными ударами и безъ снисхожденія — слышите ли! Но, да не пугаетъ это васъ; пріѣзжайте все-таки и приводите за собою многочисленную свиту и M-lle Sophie, которой я не пишу, потому что сердитъ на нее. Она обѣщала мнѣ написать по возвращеніи изъ Воронежа длинное письмо, я же замѣчаю только длинноту времени, замѣняющую письмо. А вы, дорогая кузина, обвиняете меня въ томъ же, хотя я написалъ два письма послѣ г-на Павла Евреинова; однако же такъ какъ они были адресованы въ домъ Столыпина въ Москвѣ, я увѣренъ что ихъ поглотила Лета, или что жена одного изъ слугъ обернула моими нѣжными посланіями свѣчи.—И такъ я васъ ожидаю эту зиму, безъ уклончивыхъ отвѣтовъ! Вы должны пріѣхать! Прекрасный проектъ не долженъ быть покинутъ, цвѣтокъ не долженъ увядать на стеблѣ своемъ и т. д. Пока говорю вамъ прощайте! ничего не имѣю болѣе интереснаго сообщить вамъ. Я готовлюсь къ экзамену, и черезъ недѣлю, съ Божьею помощью, я буду военнымъ. Еще—вы слишкомъ придаете значенія невской водѣ, она отличное слабительное, другихъ же качествъ я за нею не знаю. Вѣроятно вы забыли мои былыя любезности, и только доступны для настоящаго и будущаго, которое не преминетъ предстать передъ вами. Прощайте, милый другъ, при-

* Это письмо отвѣтъ на письмо Верещагиной отъ 13 октября 1832 г. [См. Біогр.] Получено мною отъ дочери г. Гюгель-Верещагиной г-фини Берольдингенъ.

ложите всѣ старанія, чтобы отыскать для меня *будущую* [жену]. Надо чтобы она походила на Дашеньку, но чтобы не имѣла такого же какъ она большого живота, ибо тогда не было бы симметріи со мною, какъ вамъ извѣстно, или скорѣе не извѣстно, потому что я похудѣлъ какъ спичка. Цѣлуя ваши руки. M. Lerma.

P. S. Поклоны мои теткамъ.

12. КЪ МАРЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ЛОПУХИНОЙ.

[С.-Петербургъ. Октябрь 1832].

Je suis extrêmement fâché que la lettre pour ma cousine soit perdue ainsi que la votre pour grand-maman. Ma cousine pense peut-être que j'ai fait le paresseux, ou que je mens en disant que j'ai écrit; mais ni l'un ni l'autre ne serait juste de sa part; puisque je l'aime beaucoup trop pour m'esquiver par un mensonge et que, à ce que vous pouvez lui attester, je ne suis pas paresseux à écrire;—je me justifierai peut-être avec ce même courrier, et si non, je vous prie de le faire pour moi; après demain je tiens examen et suis enterré dans les mathématiques. Dites lui de m'écrire quelquefois; ses lettres sont si aimables.

Je ne puis pas m'imaginer encore, quel effet produira sur vous ma grande nouvelle: moi qui jusqu'à présent avais vécu pour la carrière littéraire, après avoir tant sacrifié pour mon ingrat idôle, voilà que je me fais guerrier. Peut-être est-ce le vouloir particulier de la Providence; peut-être ce chemin est-il le plus court: et s'il ne me mène pas à mon premier but, peut-être me mènera-t-il au dernier de tout le monde: mourir une balle de plomb dans le coeur vaut bien une lente agonie de vieillard. Aussi, s'il y a la guerre, je vous jure par Dieu d'être le premier partout.—Dites, je vous en prie, à Alexis que je lui enverrai un cadeau dont il ne se doute pas. Il avait il y a longtemps desiré quelque chose de semblable, et je lui envoye la même chose, seulement dix fois mieux. Maintenant je ne lui écris pas, car je n'ai pas le temps: dans quelques jours l'examen. Une fois entré, je vous assomme de lettres, et je vous conjure tous et toutes de me riposter. M-lle Sophie m'a promis de m'écrire aussitôt après son arrivée: le saint de Voronège lui aurait-il conseillé de m'oublier? Dites lui que je voudrais savoir de ses nouvelles. Que coute une lettre? une

demiheure! et elle n'entre pas à l'école des gardes *. Vraiment je n'ai que la nuit; vous—c'est autre chose. Il me paraît que, si je ne vous communique pas quelque chose d'important, arrivée à ma personne, je suis privé de la moitié de ma résolution. Croyez ou non, mais cela est tout-à-fait vrai: je ne sais pourquoi, mais lorsque je reçois une lettre de vous, je ne puis m'empêcher de répondre tout de suite, comme si je vous parlais.

Adieu donc, chère amie, je ne dis pas au revoir, puisque je ne puis espérer de vous voir ici, et entre moi et la chère Moscou il y a des barrières insurmontables, que le sort semble vouloir augmenter de jour en jour. Adieu, ne soyez pas plus paresseuse que vous n'avez été jusqu'ici, et je serai content de vous. Maintenant j'aurai besoin de vos lettres plus que jamais: enfermé comme serai, cela sera ma plus grande jouissance; cela seul pourra lier mon passé avec mon avenir, qui déjà s'en vont chacun de son côté, en laissant entre eux une barrière de 2 tristes, pénibles années. Prenez sur vous cette tâche ennuyeuse, mais charitable, et vous empêcherez une vie de se démolir; à vous seule je puis dire tout ce que je pense; bien ou mal, ce que j'ai déjà prouvé par ma confession; et vous ne devez pas rester en arrière, vous ne devez pas, car ce n'est pas une complaisance que je vous demande, mais un bienfait. J'ai été inquiet il y a quelques jours, maintenant je ne le suis plus: tout est fini—j'ai vécu, j'ai mûri trop tôt; et les jours qui vont suivre seront vides de sensations...

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ,
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И міръ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!

Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый;
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
И жадный червь его грызетъ, грызетъ,
И между тѣмъ какъ нѣжныя подруги

* Лермонтовъ опредѣлялся тогда въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, гдѣ и пробылъ съ 10 ноября 1832 по 22 ноября 1834.

Колеблются на вѣткахъ—ранній плодъ
Лишь тяготитъ свою... до первой вьюги!
—Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ ни властелинъ,
И все что чувствуетъ—онъ чувствуетъ одинъ!

Adieu—mes poclonys á tous; adieu, ne m'oubliez pas. M.Lermantoff.

P. S. Je n'ai jamais rien écrit par rapport à vous à Evreïnoff et vous voyez que tout ce que j'ai dit de son caractère est vrai; eulement j'ai eu tort en disant qu'il était hypocrite —il n'a pas assez de moyens pour cela: il n'est que menteur.

Переводъ: Меня очень огорчило, что мое письмо къ кузинѣ затерялось, также какъ и ваше къ бабушкѣ. Кузина, можетъ быть, думаетъ, что я лѣнюсь или лгу, говоря, что писалъ; но думать то или другое было бы несправедливо съ ея стороны, такъ какъ я слишкомъ люблю ее, чтобъ прибѣгать ко лжи, вы же можете ее увѣрить, что я вовсе не лѣнивъ писать; я оправдаюсь, можетъ быть, даже съ этою почтой; а если нѣтъ, то прошу васъ сдѣлать это за меня; послѣзавтра я держу экзаменъ и похоронился въ математикѣ. Попросите ее писать иногда ко мнѣ: ея письма такъ милы.—Не могу представить себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на васъ моя великая новость; до сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я становлюсь—воиномъ. Быть можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть приведетъ къ послѣдней цѣли всего существующаго: умереть съ пулею въ груди стоитъ медленной агоніи старости. И такъ, если начнется война, клянусь вамъ Богомъ, что я всегда буду впереди.—Скажите пожалуйста Алексису, что я пришлю ему подарокъ, какого онъ не ожидаетъ. Ему давно хотѣлось чего-нибудь въ такомъ родѣ и я ему посылаю эту вещь, только вдесятеро лучше. Не пишу къ нему теперь, потому что нѣтъ времени: черезъ нѣсколько дней экзаменъ. Какъ только вступлю, то закидаю васъ письмами, на которыя заклинаю васъ всѣхъ, [и мужчинъ и женщинъ], отвѣчать мнѣ. M-lle Sophie обѣщалась писать тотчасъ по пріѣздѣ: ужъ не воронежскій ли угодникъ присовѣтовалъ ей забыть меня? Скажите ей, что мнѣ хотѣлось бы имѣть извѣстія отъ нея. Чего стоитъ письмо? Полчаса! Она же не поступаетъ въ гвардейскую школу. Право, у меня въ распоряженіи только ночь. Вы—другое дѣло. Мнѣ кажется, что если бы я не сообщилъ вамъ какого-нибудь важнаго случая, до меня касающагося, то утратилъ бы половину своей рѣшимости. Вѣрьте-невѣрьте, а это вполнѣ такъ-

не знаю почему, но, получивъ отъ васъ письмо, я не могу удержаться, чтобъ не отвѣчать ту же минуту, какъ будто я съ вами разговариваю.

Прощайте же, мой милый другъ; не говорю до свиданья, потому что не надѣюсь увидать васъ здѣсь; а между мною и милою моей Москвой стоятъ непреодолимыя преграды, и, кажется, судьба съ каждымъ днемъ увеличиваетъ ихъ. Прощайте, пишите по прежнему, и я буду доволенъ вами. Теперь въ письмахъ вашихъ буду нуждаться болѣе чѣмъ когда-нибудь; въ заточеніи, въ коемъ буду находиться, они доставятъ мнѣ величайшее наслажденіе, они послужатъ единственнымъ звеномъ между моимъ прошлымъ и будущимъ, они и теперь уже идутъ въ разныя стороны, образуя между собою барьеръ изъ двухъ тяжелыхъ лѣтъ. Съ вашей стороны будетъ дѣломъ милосердія наполнить этотъ промежутокъ; это будетъ скучно для васъ, но вы спасете мнѣ жизнь. Вамъ однимъ я могу говорить все, что думаю, и хорошее и дурное; я ужъ доказалъ это моею исповѣдью, и вы не должны отставать, не должны—потому что я требую отъ васъ не любезности, а благодѣянія. Нѣсколько дней я былъ въ тревогѣ, но теперь прошло; все кончилось: я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ; и за тѣмъ нѣтъ больше мѣста чувствованіямъ... [*слѣдуютъ стихи*]. Прощайте, мои поклоны всѣмъ; не забывайте М. Лермантова.—P. S. Я никогда ничего не писалъ о васъ къ Евреинову. Вы видите, что я говорилъ правду объ его характерѣ; только я ошибался, называя его притворщикомъ: на это не хватаетъ у него способностей,—онъ просто лгунъ.

1833.

13. Къ ней же.

19 Juin, Pétersbourg.

J'ai reçu vos deux lettres hier, chère amie, et je les ai—dévorées. Il y a si longtemps que je n'ai eu de vos nouvelles. Hier, c'est le dernier dimanche que j'ai passé en ville, car demain [mardi] nous allons au camp pour deux mois. Je vous écris assis sur un banc de l'école, au milieu du bruit, des préparatifs etc... Vous serez, à ce que je crois, contente d'apprendre que, n'ayant passé à l'école que deux mois, j'ai subi mon examen pour la 1-ère classe et suis un des premiers... Cela nourrit toujours l'espérance d'une prochaine liberté!—Il faut pourtant absolument que je vous raconte une chose assez étrange: samedi, avant de me réveiller, je vois en songe que je suis dans votre maison; vous êtes assises sur le grand canapé du salon; je m'approche de vous pour vous demander, si vous voulez définitivement que je me brouille avec vous, mais vous sans répondre, m'avez tendu la main; - - le soir

on nous laisse partir; j'arrive chez nous et je trouve vos lettres. Cela me frappe! Je voudrais savoir, que faisiez vous ce jour là?..

Maintenant il faut que je vous explique pourquoi j'adresse cette lettre à Moscou et non à la campagne; j'ai laissé votre lettre à la maison et l'adresse avec; et comme personne ne sait où je conserve vos lettres, je ne puis la faire venir ici.

Vous me demandez ce que signifie la phrase à propos du mariage du prince: удавится или женится!—ma parole d'honneur que je ne me rappelle pas avoir écrit quelque chose de semblable, car j'ai trop bonne opinion du prince et je suis sûr qu'il n'est pas un de ceux qui choisissent les promises d'après un registre.

Dites, je vous prie, à ma cousine, que l'hiver prochain elle aura un cavalier aimable et beau: Jean Vatkofsky est officier des gardes; et tout cela parce que son colonel se marie avec sa soeur! —et dites après qu'il n'y a pas de hasard dans ce bas monde.

Dites moi à coeur ouvert: vous m'avez boudé pendant quelque temps. Eh bien, puisque c'est fini, n'en parlons plus.—Adieu, on me demande car le général est arrivé. Adieu. M. Lerma.

Mes compliments à tout le monde.

Il fait tard. J'ai trouvé un moment de loisir pour continuer cette lettre. Il y a tant de choses qui se sont passées en moi depuis que je ne vous ai écrit, tant de choses étranges, que je ne sais moi-même, quelle route je vais prendre, celle du vice ou de la sottise. Il est vrai que toutes les deux mènent souvent au même but. Je sais que vous m'exhorterez, que vous essayerez de me consoler—ce serait de trop! Je suis plus heureux que jamais, plus gai que le premier ivrogne chantant dans la rue! Les termes vous deplaisent, mais hélas: dis moi qui tu hantes, je te dirais qui tu es! Je vous crois que mademoiselle S.* est fausse, car je sais que vous ne direz jamais de fausseté, d'autant plus si c'est du mal! Que Dieu la bénisse!

Quant aux autres choses que j'aurais pu vous écrire, je garde le silence, pensant que beaucoup de paroles ne valent pas une action, et comme je suis paresseux de nature, ainsi que vous le

* Въ изданіи соч. 1887 г. вмѣсто S., какъ въ оригиналѣ, поставлено Souchkoff.

savez, chère amie, je m'endors sur mes lauriers, mettant une fin tragique à mes actions et paroles à la fois. Adieu.

Переводъ: Я получилъ два письма ваши, милый другъ, и проглотилъ ихъ: такъ давно не было отъ васъ извѣстій. Вчера, послѣднее воскресенье, былъ я въ городѣ, потому что завтра [во вторникъ] мы отправляемся на два мѣсяца въ лагерь. Пишу къ вамъ, сидя на классной скамейкѣ; кругомъ меня шумъ, приготовленія и пр... Надѣюсь, вамъ будетъ пріятно узнать, что я, пробывъ въ школѣ всего два мѣсяца, выдержалъ экзаменъ въ первый классъ, и теперь одинъ изъ первыхъ. Это все-таки питаетъ надежду на приближеніе свободы! Однако нужно непремѣнно передать вамъ довольно странный случай: въ субботу, передъ тѣмъ какъ проснуться, я вижу во снѣ, будто я въ вашемъ домѣ; вы сидите на большомъ диванѣ въ гостиной; я подхожу и спрашиваю, не хотите ли вы окончательно, чтобы я съ вами поссорился; а вы, не отвѣчая, протянули мнѣ руку. — Вечеромъ насъ распустили; прихожу къ нашимъ, и нахожу ваши письма. Это меня поразило! Скажите, пожалуйста, что съ вами было въ этотъ день?—Теперь надо объяснить, почему я адресую это письмо въ Москву, а не въ деревню; я оставилъ ваше письмо дома вмѣстѣ съ адресомъ, и такъ какъ не знаютъ, гдѣ я храню ваши письма, то и не могутъ мнѣ переслать его сюда.—Вы меня спрашиваете, что значитъ фраза по поводу свадьбы князя: «удавится или женится!»—честное слово, не помню, чтобъ я написалъ что-нибудь подобное, потому что я слишкомъ хорошаго мнѣнія о князѣ, и увѣренъ, что онъ не изъ тѣхъ, которые выбираютъ невѣстъ по реестру.—Прошу васъ, скажите кузинѣ, что будущей зимою у нея будетъ любезный и красивый кавалеръ: Иванъ Ватковскій—офицеръ гвардіи, потому только, что его полковникъ женится на его сестрѣ! Говорите же послѣ этого, что нѣтъ случайности въ здѣшнемъ мірѣ.—Скажите откровенно: вы на меня нѣсколько времени сердились? Впрочемъ, такъ какъ это ужъ кончилось, то и не будемъ больше говорить объ этомъ. Прощайте, меня зовутъ, потому что пріѣхалъ генералъ. Прощайте. М. Лерма.— Кланяйтесь всѣмъ.—Уже поздно. Я улучилъ свободную минуту, чтобъ продолжать письмо. Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ къ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я, право, не знаю, какимъ путемъ идти мнѣ, путемъ ли порока или пошлости. Оно конечно, оба эти пути часто приводятъ къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня—было бы напрасно! Я счастливѣе чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ? Васъ коробитъ отъ этихъ выраженій; но увы: *скажи, съ кѣмъ ты водишься — и я скажу, кто ты таковъ*! Я вѣрю вамъ, что m-lle С. обманщица, потому что я знаю—вы никогда не станете говорить неправды, особенно же когда говорите дурное! Богъ съ нею!... Не стану, говорить о другихъ вещахъ, о которыхъ могъ бы сообщить вамъ; вѣдь одно дѣйствіе важнѣе многихъ словъ; а такъ какъ вамъ извѣстно, что я отъ природы лѣнивъ, то и засыпаю на лаврахъ, кладя трагическій конецъ и моимъ дѣйствіямъ и моимъ словамъ. Прощайте.

14. КЪ НЕЙ ЖЕ.

St. Pétersbourg le 4 Août.

Je ne vous ai pas donné de mes nouvelles depuis que nous sommes allés au camp; et vraiment je n'aurais pu y réussir avec toute la bonne volonté possible. Imaginez-vous une tente, qui a 3 archines en long et en large et 2½ de hauteur, occupée par trois pérsonnes et tout leur bagage, toute leur armure, comme: sabres, carabines, chacauts etc. etc. Le temps a été horrible; une pluie, qui ne finissait pas, faisait que souvent nous passions 2 jours de suite sans pouvoir sécher nos habits. Etpourtant cette vie ne m'a pas tout-à-fait déplu. Vous savez, chère amie, que j'eus toujours un penchant très prononcé pour la pluie et la boue, et maintenant,grâce à Dieu, j'en ai joui complétement. Nous sommes rentrés en ville, et bientôt recommençons nos occupations. La seule chose qui me soutient, c'est l'idée que dans un an je suis officier! Et alors, alors... bon Dieu! Si vous saviez la vie que je me propose de mêner!... Oh, cela sera charmant! D'abord, des bisarreries, des folies de toute espèce et de la poésie noyée dans du champagne. Je sais, vous allez vous recrier; mais hélas! le temps de mes rêves est passé; le temps de croire n'est plus; il me faut des plaisils matêriels, un bonheur palpable, un bonheur qui s'achete avec de l'or que l'on porte dans sa poche comme une tabatière, un bonheur, qui ne fasse que tromper mes sens en laissant mon âme tranquille et inactive!... Voila ce qui m'est nécessaire maintenant et vous vous apercevez, chére amie, que je suis quelque peu changé depuis que nous sommes séparés. Quand j'ai vu mes beaux rêves s'enfuir, je me suis dit que ça ne valait pas la peine d'en fabriquer d'autres; il vaut mieux, pensai-je, apprendre à s'en passer;j'essayai, j'avais l'air d'un ivrogne qui peu à peu tache de se désabituer du vin — mes efforts ne furent pas inutiles, et bientôtje ne vis dans le passé qu'un programme d'aventures insignifiantes et fort communes. Mais parlons d'autres choses. Vous me dites que le prince Troubetskoi et votre soeur son épouse se trouvent fort contents l'un de l'autre; je n'y ajoute pas une foi entière, car je crois connaître le caractère de tous les deux, et votre soeur ne parait pas très disposée à la soumission, et il

parait que monsieur n'est pas non plus un agneau. Je souhaite que ce calme factice dûre le plus longtemps possible, mais je ne saurai prédire rien de bon. Ce n'est pas que je vous trouve un manque de pénétration; mais je crois plutôt, que vous n'avez pas voulu me dire tout ce que vous pensiez, et c'est très naturel; car maintenant si mes suppositions sont vraies, vous n'avez pas même besoin de dire: oui.—Que faites vous à la campagne? vos voisins sont-ils amusants, aimables, nombreux? Voici des questions qui vous auront l'air d'être faites sans aucune intention serieuse!

Dans un an, peût-être, je viendrai vous voir; et quels changements ne trouverai-je pas? me reconnaitrez vous, et voudrez-vous le faire?—Et moi, quel rôle jouerai-je! sera-ce un moment de plaisir pour vous, ou d'embarras pour nous deux? car je vous avertis, que je ne suis plus le même, que je ne sens plus, que je ne parle plus de la même manière, et Dieu sait ce que je deviendrai encore dans un an.—Ma vie jusqu'ici n'a été qu'une suite de désappointements, qui me font rire maintenant, rire de moi et des autres; je n'ai fait qu'effleurer tous les plaisirs, et sans en avoir joui, j'en suis degoûté.—Mais ceci est un sujet bien triste que je tacherai de ne pas ramener une autre fois. Lorsque vous serez à Moscou, annoncez le moi, chère amie... je compte sur votre constance; adieu. M. Ler... P. S. Mes compliments à ma cousine, si vous lui écrivez, car je suis trop paresseux pour le faire moi-même.

Переводъ: Я не писалъ къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ мы перешли въ лагерь, да и не могъ рѣшительно при всемъ желаніи. Представьте себѣ нашу палатку, по 3 аршина въ длину и ширину, и въ $2^1/_2$ аршина вышины; въ ней живутъ трое, и тутъ же вся поклажа и доспѣхи, какъ то: сабли, карабины, кивера и проч. и проч. Погода была ужасная; подъ безконечнымъ дождемъ намъ случалось иногда сутокъ по-двое оставаться въ мокромъ платьѣ. Тѣмъ не менѣе эта жизнь не вполнѣ претила мнѣ. Вы знаете, милый другъ, что во мнѣ всегда было явное влеченіе къ дождю и грязи—и тутъ, по милости Божіей, я насладился ими вдоволь.—Мы возвратились въ городъ, и скоро опять начнутся наши занятія. Одно меня ободряетъ—мысль, что черезъ годъ я офицеръ! И тогда, тогда... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести! О, это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода, и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но, увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны матеріальныя наслажденія, счастіе осязательное, такое

счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу!... Вотъ что мнѣ теперь необходимо, и вы увидите, милый другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я таки нѣсколько перемѣнился. Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя мечтанія мои разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься изготовленіемъ новыхъ не стоитъ труда; гораздо лучше, подумалъ я, пріучить себя обходиться безъ нихъ. Я началъ пробовать: и походилъ въ это время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безплодны, и вскорѣ прошедшая жизнь представилась мнѣ не болѣе какъ программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ похожденій. Но поговоримъ о другомъ. Вы говорите, что князь Т. и ваша сестра, его жена, очень довольны другъ другомъ; я не совсѣмъ вѣрю этому, потому что, кажется, знаю характеръ обоихъ: и ваша сестра не очень способна къ покорности, да и князь также не агнецъ! Желаю, чтобъ это искусственное спокойствіе продолжалось какъ можно долѣе, но я не могъ бы предсказать ничего хорошаго. Не говорю, что бы у васъ было мало проницательности; скорѣе, мнѣ сдается, что вы не хотѣли сказать мнѣ всего, что думали, и это очень понятно, потому что теперь, если мои предположенія справедливы, вамъ даже не нужно говорить: да.—Что вы дѣлаете въ деревнѣ? Много ли у васъ сосѣдей, любезны ли они, забавны ли? Вотъ вамъ вопросы, въ которыхъ кажется нельзя видѣть никакого умысла!—Можетъ быть черезъ годъ я навѣщу васъ. Сколько перемѣнъ я увижу! Узнаете ли вы меня, и захотите ли узнать? А я, какую роль буду играть? Пріятно ли будетъ это свиданіе для васъ, или оно смутитъ насъ обоихъ? Впередъ знайте, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что изъ меня еще выйдетъ въ продолженіе года. До сихъ поръ я только и дѣлалъ, что сбивался съ колеи; теперь я смѣюсь надъ этимъ, смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я отцвѣлъ для наслажденій, и они мнѣ надоѣли, хоть я и не пользовался ими. Но это очень грустный предметъ; въ другой разъ постараюсь больше не толковать о немъ. Когда пріѣдете въ Москву, дайте мнѣ знать, милый другъ... Разсчитываю на ваше постоянство. Прощайте. М. Лер. — P. S. Мой поклонъ кузинѣ, если будете писать ей, потому что я самъ очень лѣнивъ на это.

1834.

15. КЪ НЕЙ ЖЕ.

S.-Pétersbourg, le 23 Décembre. *

Chére amie!—Quoi qu'il arrive, je ne vous nommerai jamais

---

* Письмо это, какъ и всѣ письма къ М. А. Лопухиной безъ имени и съ пропусками появилось въ первый разъ въ Русск. Арх. за 1863 г. Тамъ оно ошибочно отнесено къ 1835 году. Писано письмо въ декабрѣ 1834 г., черезъ мѣсяцъ по производствѣ Л. въ офицеры.

autrement, car ce serait briser le dernier lien, qui m'attache encore au passé—et je ne le voudrais pour rien au monde: car mon avenir, quoique brillant à l'oeil, est vide et plat. Je dois vous avouer, que chaque jour je m'aperçois de plus en plus, que je ne serai jamais bon à rien, avec tous mes beaux réves et mes mauvais essais dans le chemin de la vie...car ou l'occasion me manque ou l'audace!... On me dit: l'occasion arrivera un jour; l'expérience et le temps vous donneront de l'audace!... Et qui sait, quand tout cela viendra, s'il me restera alors quelque chose de cette âme brûlante et jeune, que Dieu m'a donnée fort mal à propos? si ma volonté ne sera pas épuisée à force de patienter?... si enfin je ne serai pas tout-à-fait desabusé de tout ce qui nous force d'avancer dans l'existence.

Je commence ainsi ma lettre par une confession, vraiment sans y penser! Eh bien, qu'elle me serve d'excuse: vous verrez là du moins que si mon caractère est un peu changé, mon coeur ne l'est pas. La vue seule de votre dernière lettre à déjà été pour moi un reproche, bien mérité certainement. Mais que pouvais-je vous écrire? vous parler de moi? Vraiment je suis tellement blasé sur ma personne, que lorsque je me surprends à admirer ma propre pensée, je cherche à me rappeler où je l'ai lue—et par suite de cela j'en suis venu à ne pas lire, pour ne pas penser!... Je vais dans le monde maintenant... pour me faire connaitre, pour prouver, que je suis capable de trouver du plaisir dans la bonne société.:. Ah! je fais la cour, et à la suite d'une déclaration je dis des impertinences: ça m'amuse encore un peu; et quoique cela ne soit pas tout-à-fait nouveau, du moins cela se voit rarement!... Vous supposerez, qu'on me renvoie après cela tout de bon?... Eh bien non, tout au contraire; les femmes sont ainsi faites. Je commence à avoir de l'aplomb avec elles; rien ne me trouble, ni colère, ni tendresse; je suis toujours empressé et bouillant, avec un coeur assez froid, qui ne bat que dans les grandes occasions. N'est-ce pas, j'ai fait du chemin!... Et ne croyez pas, que ce soit une fanfaronnade: je suis maintenant l'homme le plus modeste —et puis je sais bien que ça ne me donnera pas une couleur favorable à vos yeux; mais je le dis, parce que ce n'est qu'avec vous, que j'ose être sincère, ce n'est que vous qui saurez me plain-

dre sans m'humilier, puisque je m'humilie déjà moi-même; si je ne connaissais pas votre générosité et votre bon sens, je n'aurais pas dit ce que j'ai dit; et peut-être, puisque autrefois vous avez calmé un chagrin bien vif, peut-être, voudrez-vous maintenant chasser par de douces paroles cette froide ironie, qui se glisse dans mon âme irrésisti blement, comme l'eau qui entre dans un bâteau brisé! Oh! combien j'aurais voulu vous revoir, vous parler: car c'est l'accent de vos paroles, qui me faisait du bien; vraiment on devrait en écrivant mettre des notes audessus des mots; car maintenant lire une lettre c'est comme regarder un portrait: point de vie, point de mouvement; l'expression d'une pensée immuable, quelque chose qui sent la mort!...

J'étais à Царское село, lorsque Alexis* est arrivé. Quand j'en ai reçu la nouvelle, je suis devenu presque fou de joie; je me suis surpris discourant avec moi-même, riant, me serrant les mains l'une l'autre: je suis retourné en un moment à mes joies passées; j'ai sauté deux années terribles, enfin... Je l'ai trouvé bien changé votre frère, il est gros comme j'étais alors; il est rose, mais toujours sérieux, pausé; pourtant nous avons ri comme des fous la soirée de notre entrevue—et Dieu sait de quoi?

Dites moi, j'ai cru remarquer qu'il a du tendre pour m-lle Catherine Souchkoff... est-ce que vous le savez? Les oncles de mamselle auraient bien voulu les marier!... Dieu presèrve!... Cette femme est une chauve souris, dons les ailes s'accrochent à tout ce qu'ils rencontrent!—il y eut un temps où elle me plaisait, maintenant elle me force presque de lui faire la cour... mais, je ne sais, il y a quelque chose, dans ses manières, dans sa voix, quelque chose de dur, de saccadé, de brisé, qui repousse; tout en cherchant à lui plaire on trouve du plaisir à la compromettter, de la voir s'embarasser dans ses propres filéts.

Ecrivez-moi de gràce, chère amie, maintenant que tous nos différents sont reglés, que vous n'avez plus à vous plaindre de moi, car je pense avoir été assez sincère, assez soumis dans cette lettre pour vous faire oublier mon crime de lèse—amitié!... Je voudrais bien vous revoir encor; au fond de ce dessein, pardonnez, il gît

* Алексѣй Александр. Лопухинъ братъ Мар. Ал.

une pensée égoïste: c'est que près de vous je me retrouverais moi-même, tel que j'étais autrefois, confiant, riche d'amour et de dévouement; riche enfin de tous les biens, que les hommes ne peuvent nous ôter et que Dieu m'a ôté, lui! — Adieu, adieu — je voudrais continuer, mais je ne puis. M. Lerma.

P. S. Mes compliments à tous ceux auxquels vous jugerez convenable de les faire pour moi... adieu encore.

Переводъ. Милый другъ! Что бы ни случилось, я все буду называть васъ этимъ именемъ: иначе мнѣ придется порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошедшимъ, а этого я не хотѣлъ бы ни за что на свѣтѣ, потому что моя будущность, блистательная повидимому, въ сущности — пошлая и пустая. Нужно вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ или не представляется случая, или не достаетъ рѣшимости. Меня увѣряютъ, что случай когда-нибудь представится, а рѣшимость пріобрѣтется временемъ и опытностью!... А кто порукою, что когда все это сбудется, во мнѣ сохранится хоть частица этой пламенной, молодой души, которою Богъ одарилъ меня черезъ-чуръ некстати, что моя воля не истощится отъ непрестаннаго выжиданія, что наконецъ я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что служитъ двигающею впередъ пружиною бытія? Такимъ образомъ я начинаю письмо *исповѣдью*, право, не думая о томъ! Пусть же она мнѣ послужитъ извиненіемъ, и по крайней мѣрѣ покажетъ вамъ, что если характеръ мой нѣсколько измѣнился, сердце осталось то же. Послѣднее письмо ваше, лишь только я взглянулъ на него, явилось мнѣ упрекомъ, и конечно вполнѣ заслуженнымъ. Но объ чемъ я могу вамъ писать! Говорить о себѣ? Право, я до такой степени избаловался, что когда на меня находитъ дурь любоваться собственными мыслями, я дѣлаю надъ собою усиліе, чтобы припомнить, гдѣ я читалъ ихъ, и отъ этого нарочно ничего не читаю, чтобы не мыслить!... Я теперь бываю въ свѣтѣ для того, чтобы меня знали, для того, чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ *хорошемъ обществѣ*... Ахъ!... я волочусь и, вслѣдъ за объясненіемъ въ любви, говорю дерзости. Это еще забавляетъ меня нѣсколько, и хотя это не совсѣмъ ново, зато не всѣ такъ дѣлаютъ!... Вы думаете, что за такіе подвиги меня гонятъ прочь? О, нѣтъ! совсѣмъ напротивъ: женщины ужъ такъ сотворены. Я начинаю пріобрѣтать надъ ними власть. Ничто меня не трогаетъ, ни гнѣвъ ни нѣжность, я всегда искателенъ и горячъ, но сердце у меня довольно холодное и способно забиться только въ необычайныхъ случаяхъ. Неправда ли, я сдѣлалъ успѣхи!... И не думайте, чтобъ это было хвастовство: я теперь человѣкъ самый скромный и притомъ мнѣ хорошо извѣстно, что этимъ ничего не возьмешь у васъ. Я говорю такъ, потому что только съ вами рѣшаюсь говорить искренно; потому что только вы одна съумѣете пожалѣть обо мнѣ, не унижая меня, такъ какъ и безъ того я самъ себя унижаю. Ес-

ли бы я не зналъ вашего великодушія и вашего здраваго смысла, то не сказалъ бы того, что сказалъ. Когда-то вы облегчали мнѣ очень сильную горесть; можетъ и теперь вы пожелаете ласковыми словами отогнать эту холодную иронію, которая неудержимо втѣсняется мнѣ въ душу, какъ вода, наполняющая разбитое судно! О, какъ желалъ бы я опять васъ увидѣть, съ вами поговорить: мнѣ благотворны были самые звуки вашихъ словъ. Право, слѣдовало бы въ письмахъ ставить ноты надъ словами, а то теперь читать письмо то же, что глядѣть на портретъ: нѣтъ ни жизни, ни движенія; выраженіе неподвижной мысли; что-то отзывающееся смертью!... Я былъ въ Царскомъ селѣ, когда пріѣхалъ Алексисъ. Узнавъ о томъ, я едва не сошелъ съ ума отъ радости: разговаривалъ съ самимъ собою, смѣялся, пожималъ самому себѣ руки. Въ одну минуту возвратился я къ моимъ прошедшимъ радостямъ: двухъ страшныхъ годовъ какъ будто не бывало, словомъ... На мои глаза, братъ вашъ очень перемѣнился: онъ толстъ, какъ я тогда былъ, у него здоровый цвѣтъ лица, но онъ постоянно задумчивъ и сдержанъ; тѣмъ не менѣе, въ вечеръ свиданія, мы хохотали какъ сумасшедшіе—Богъ вѣсть отчего?—Скажите, мнѣ показалось, будто онъ чувствуетъ нѣжность къ Катеринѣ Сушковой... извѣстно ли это вамъ?... Дядямъ дѣвицы кажется очень бы хотѣлось ихъ повѣнчать. Сохрани Господи... Эта женщина—летучая мышь, которой крылья зацѣпляются за все встрѣчное. Было время, когда она мнѣ нравилась. Теперь она почти принуждаетъ меня ухаживать за нею... но, не знаю, есть что-то такое въ ея манерахъ, въ ея голосѣ жесткое, неровное, надломленное, отталкивающее васъ; стараясь ей нравиться, находишь удовольствіе скомпрометировать ее, видѣть ее запутавшеюся въ собственныхъ сѣтяхъ.—Пишите мнѣ, пожалуйста, милый другъ; теперь всѣ наши недоразумѣнія уладились; вамъ нечего больше пенять на меня: вѣдь я, кажется, былъ достаточно искрененъ и послушенъ въ этомъ письмѣ, чтобы заставить васъ забыть мое преступленіе противъ дружбы!... Мнѣ бы очень хотѣлось съ вами повидаться; въ сущности это желаніе эгоистическое, потому что возлѣ васъ я нашелъ бы себя самого, сталъ бы опять, какимъ нѣкогда былъ, довѣрчивымъ, богатымъ любовью и преданностью, богатымъ наконецъ всѣми благами, которыхъ люди не могутъ у насъ отнять, и которыя самъ Богъ у меня отнялъ! — Прощайте, прощайте, хотѣлъ бы еще писать, но не могу. М. Лерма. P. S. Поклонитесь всѣмъ, кому сочтете нужнымъ... Прощайте еще.

16. КЪ АЛ. МИХ. ВЕРЕЩАГИНОЙ.

[Петербургъ, 1835 г.] *

Ma chère cousine!

Je me suis décidé de vous payer une dette que vous n'avez pas eu la bonté de réclamer, et j'espère que cette générosité de ma part touchera votre coeur devenu si dûr pour moi depuis quelque temps; je ne demande en récompense que quelques gouttes d'encre et deux ou trois traits de plume pour m'annoncer que je ne suis pas encore tout à fait banni de votre souvenir; — autrement je serai forcé de chercher des consolations ailleurs [car ici aussi j'ai des cousines],—et la femme la moins aimante [c'est connu] n'aime pas beaucoup qu'on cherche des consolations loin d'elle,—et puis si vous perséverez encore dans votre silence, je puis bientôt arriver à Moscou—et alors ma vengeance n'aura plus de bornes; en fait de guerre [vous savez] on ménage la garnison qui a capitulé, mais la ville prise d'assaut est sans pitié abandonnée à la fureur des vainqueurs.

Après cette bravade à la hussard, je me jette à vos pieds pour implorer ma grâce en attendant que vous le fassiez à mon égard.

Les préliminaires finis, je commence à vous raconter ce qui m'est arrivé pendant ce temps, comme on fait en se revoyant après une longue séparation.

Alexis a pû vous dire quelque chose sur ma manière de vivre, mais rien d'intéressant, si ce n'est le commencement de mes amourettes avec M-elle Souchkoff, dont la fin est bien plus intéressante et plus drôle. ** Si j'ai commencé par lui faire la cour, ce n'était pas un reflet du passé—avant c'était une occasion de m'occuper, et puis lorsque nous fûmes de bonne intelligence, ça devint un calcul: voilà comment:—j'ai vu en entrant dans le monde que chacun avait son piedestal: une fortune; un nom; un titre, une faveur... j'ai vu que si j'arrivais à occuper de moi une personne, les autres s'occuperont de moi insensiblement, par curiosité avant, par rivalité après.

---

* Оригиналъ письма находится у меня. П. Виск.

** См. прим. на стр. 409.

La demoiselle S: — voulant m'attraper [mot téchnique] j'ai compris qu'elle se comprometterait pour moi facilement; aussi je l'ai compromise autant qu'il était possible sans me compromettre avec, la traitant publiquement comme à moi, lui faisant sentir qu'il n'y a que ce moyen pour me soumettre... Lorsque j'ai vu que ça m'a réussi, mais qu'un pas de plus me perdait, je tente un coup de main. Avant je devins plus froid aux yeux du monde, et plus tendre avec elle, pour faire voir que je ne l'aimais plus et qu'elle m'adore [ce qui est faux au fond]; et lorsqu'elle commença à s'en apercevoir et voulut secouer le joug, je l'abandonnai le premier publiquement, je devins dûr et impertinent, je fis la cour à d'autres et leur racontais [en secret] la partie favorable à moi de cette histoire.—Elle fut si confondue de cette conduite inattendue—que d'abord elle ne sût que faire et se résigna ce qui fit parler et me donna l'air d'àvoir fait une conquête entière;—puis elle se réveilla — et commença à me gronder partout—mais je l'avais prévenu, et sa haine parut à ses amies [ou ennemie s] de l'amour piqué;—puis elle tenta de me ramener par une feinte tristesse et en disant à toutes mes connaissances intimes qu'elle m'aimait—je ne revins pas—et profitais de tout habilement.

Je ne puis vous dire combien tout ça m'a servi—ça serait trop long, et ça regarde des personnes que vous ne connaissez pas. Mais voici la partie plaisante de l'histoire: quand je vis qu'il fallait rompre avec elle aux yeux du monde et pourtant lui paraître fidèle en tête-à-tête, je trouvai vite un moyen charmant;—j'écrivis une lettre anonyme: «M-elle, je suis un homme qui vous connaît et que vous ne connaissez pas, etc... je vous avertis de prendre garde à ce jeune hom: M. L.—il vous séduira—etc—voilà les preuves [des bêtises] etc...» une lettre sur 4 pages!.. je fis tomber adroitement la lettre dans les mains de la tante; orage et tonnèrre dans la maison.—Le lendemain j'y vais de grand matin pour que en tout cas je ne sois pas reçu. — Le soir à un bal, je m'en étonne en le racontant à mademoiselle; mad. me dit la nouvelle terrible, et incompréhensible, et nous faisons des conjectures —je mets tout sur le compte d'ennemis secrèts qui n'existent pas:—enfin elle me dit que ses parents lui défendent de parler

nser avec moi,—j'en suis au désespoir, mais je me garde bien freindre la défense de la tante et des oncles;—ainsi fut me-cette aventure touchante qui certes va vous donner une fort e opinion de moi. Au surplus les temmes pardonnent tou- le mal qu'on fait à une femme [maximes de la Rochefou-d]. Maintenant je n'écris pas de romans—j'en fais.

nfin vous voyez que je me suis bien vengé des larmes que oquetteries de M-elle S. m'ont fait verser il y à 5 ans. Oh! c'est que nos comptes ne sont pas encore règlés! Elle a fait frir le coeur d'un enfant, et moi je n'ai fait que torturer our propre d'une vielle coquette, qui peut-être est encore ... mais néanmoins, ce que je gagne c'est qu'elle m'a servi elquechose!—Oh, c'est que je suis bien changé. C'est que je ais pas comment ça ce fait, mais chaque jour donne une nou- teinte à mon caractère et à ma manière de voir,—ça de- arriver, je le savais toujours... mais je ne croyais pas que arrivât si vite. Oh, chère cousine, il faut vous l'avouer, la e de ce que je ne vous écrivais pas, à vous et à M-lle Marie, la crainte que vous ne remarquiez par mes lettres, que je ne presque plus digne de votre amitié... car à vous deux je ne pas cacher la vérité; à vous qui avez été les confidentes de rêves de jeunesse si beaux—surtout dans le souvenir.—Et tant à me voir maintenant, on dirait que je suis rajeuni de s, tellement j'ai l'air heureux et insouciant, content de moi-e et de l'univers entier; ce contraste entre l'âme et l'exte-r ne vous parait-il pas étrange?

e ne saurais vous dire combien le départ de grand maman flige.—La perspective de me voir tout-à-fait seul la pre-e fois de ma vie m'èffraie; dans toute cette grande ville il estera pas un être qui s'intéresse véritablement à moi...

ais assez parler de ma triste personne—causons de vous et de cou. On m'a dit, que vous avez beaucoup embelli, et c'est e Ouglitzki qui l'a dit; en ce cas seulement je suis sûr qu'elle pas menti, car elle est trop femme pour cela. Elle dit encore la femme de son frère est charmante. en ceci je ne la crois tout-à-fait, car elle a intérêt de mentir... Ce qui est drôle, c'est elle veut se faire malheureuse à tout prix, pour attirer les con-

doléances de tout le monde,—tandis que je suis sûr qu'il n'y au monde une femme qui soit moins à plaindre... à 32 ans ce caractère d'enfant, et s'imaginer encore faire des passio et après cela se plaindre?

Elle m'a annoncé encore que mademoiselle Barbe * alla marier avec M. Bachmétieff. Je ne sais pas si je dois tro croire— mais en tout cas, je souhaite à M-elle Barbe de viv paix conjugale jusqu'àu célèbrement de sa noce d'argent, même plus, si jusque-là elle n'en est pas encore dégoutée..

Maintenant voici mes nouvelles: Наталья Алексѣевна съ и домочадцы s'en va aux pays étrangers!!! pouah!.. elle va ner là bas une fameuse idée de nos dames russes!..

Dites à Alexis que sa passion, M-elle Ladigensky, devien jour en jour plus formidable!.. je lui conseille aussi d'engra encore, pour que le contraste ne soit pas si frappant. Je ne pas si la manière de vous ennuyer est la meilleure pour obt ma grâce; ma huitième page va finir et je craindrais d'en c mencer une neuvieme... ainsi donc chère et cruelle cousine, ad et si vraiment vous m'avez remis dans votre faveur, faites le savoir, par une lettre de votre domestique, — car je n'ose compter sur un billet de votre main.

Adieu donc, j'ai l'honneur d'être ce qu'on met au bas d'une le

votre très humble M. Lermantoff.

P. S. Mes respects, je vous prie, à mes tantes, cousines, cousins, et connaissances...

Переводъ: Дорогая Кузина! Я рѣшился уплатить вамъ долгъ, кото вы имѣли любезность съ меня не требовать, и потому-то я надѣюсь, это великодушіе съ моей стороны, тронетъ ваше сердце, съ нѣкото времени ставшее жестокимъ ко мнѣ. Въ благодарность за это я прошу нѣсколькихъ капель чернилъ и двѣ или три черточки пера, которыя извѣстили меня, что я еще не совершенно изгнанъ изъ вашей памяти. И мнѣ придется искать утѣшенія у другихъ [ибо и здѣсь у меня есть кузи а наименѣе любящая женщина [это извѣстно] не очень-то терпитъ, чт искали утѣшеній вдали отъ нея.—Затѣмъ, если вы будете еще упорс вать въ своемъ молчаніи, я могу вскорѣ прибыть въ Москву—и тогда ніе мое не будетъ имѣть границъ. Дѣйствительно на войнѣ, вы зна щадятъ сдавшійся гарнизонъ, но городъ, взятый приступомъ, безъ с лѣнія предается злобѣ побѣдителей.

---

* Варвара Александровна Лопухина.

Послѣ этой гусарской бравады я припадаю къ вашимъ ногамъ, чтобы испросить себѣ прощеніе, въ ожиданіи что вы мнѣ его дадите.

Окончивъ преликинарію я начинаю разсказъ того, что со мною случилось въ это время, какъ дѣлаютъ это при свиданіи, послѣ долгой разлуки.— Алексисъ могъ разсказать вамъ кое-что о моемъ житьѣ-бытьѣ, но ничего интереснаго, если не считать таковымъ начало моихъ приключеній съ m-lle Сушковою, конецъ коихъ несравненно интереснѣе и курьезнѣе *.

Если я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Въ началѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало расчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другія незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда—отношенія къ Сушковой. Я понялъ, что, желая словить меня, она легко себя скомпрометируетъ. Вотъ я ее и скомпрометировалъ, насколько было возможно, не скомпрометировавъ самого себя. Я публично обращался съ нею, какъ съ личностью весьма мнѣ близкою, давалъ ей чувствовать, что только такимъ образомъ она можетъ надо мною властвовать. Когда я замѣтилъ, что мнѣ это удалось и что еще одинъ дальнѣйшій шагъ погубитъ меня, я прибѣгнулъ къ маневру. Прежде всего въ глазахъ свѣта я сталъ болѣе холоднымъ къ ней, чтобы показать, что я ее болѣе не люблю, а что она меня обожаетъ [что, въ сущности, не имѣло мѣста]. Когда она стала замѣчать это и пыталась сбросить ярмо, я первый публично ее покинулъ. Я въ глазахъ свѣта сталъ съ нею жестокъ и дерзокъ, насмѣшливъ и холоденъ. Я сталъ ухаживать за другими и подъ секретомъ разсказывать имъ тѣ стороны исторіи, которыя представлялись въ мою пользу. Она такъ была поражена этимъ неожиданнымъ моимъ обращеніемъ, что сначала не знала, что дѣлать, и смирилась, что заставило говорить другихъ и придало мнѣ видъ человѣка, одержавшаго полную побѣду; затѣмъ она очнулась и стала вездѣ бранить меня, но я ее предупредилъ, и ненависть ея казалась и друзьямъ, и недругамъ уязвленною любовью. Далѣе она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, разсказывая всѣмъ близкимъ моимъ знакомымъ, что любитъ меня; я не вернулся къ ней, а искусно всѣмъ этимъ пользовался... Не могу сказать вамъ, какъ все это послужило мнѣ; это было бы очень

---

* Екатерина Александровна Сушкова, впослѣдствіи Хвостова, авторъ записокъ, изданныхъ сначала въ «Вѣстникѣ Европы», потомъ отдѣльно въ С.-Петерб. 1870 г., много говорила о любви къ ней Лермонтова и черныхъ его поступкахъ. Эти свѣдѣнія, принятыя сначала съ довѣріемъ и симпатіей, оказались фантазіею. Послѣдовали опроверженія [о коихъ говорено мною въ №11 «Русской мысли» за 1884 г.], и слова двоюродной сестры ея, граф. Ростопчиной, рожд. Сушковой, очень смѣявшейся надъ новою самозванною Лаурою, объявившейся по смерти Лермонтова, оправдались. Приключеніе съ Ек. Ал. Сушковою Лермонтовъ описалъ въ княгинѣ Лиговской, гдѣ она выставлена подъ именемъ Негуровой.

скучно и касается людей, которыхъ вы не знаете. Но вотъ веселая сторона исторіи. Когда я созналъ, что въ глазахъ свѣта надо порвать съ нею, а съ глазу на глазъ, все-таки, еще казаться преданнымъ, я быстро нашелъ прелестное средство—я написалъ анонимное письмо: Mademoiselle, я человѣкъ, знающій васъ, но вамъ неизвѣстный... и т. д.; я васъ предваряю, берегитесь этого молодого человѣка: М. Лермантова. Онъ васъ погубитъ и т.д. Вотъ доказательство... [разный вздоръ] и т. д. Письмо на четырехъ страницахъ... Я искусно направилъ это письмо такъ, что оно попало въ руки тетки. Въ домѣ—громъ и молнія... На другой день ѣду туда, рано утромъ, чтобы во всякомъ случаѣ не быть принятымъ. Вечеромъ на балу я выражаю свое удивленіе Екатеринѣ Александровнѣ. Она сообщаетъ мнѣ страшную и непонятную новость и мы дѣлаемъ разныя предположенія; я все отношу къ тайнымъ врагамъ, которыхъ нѣтъ; наконецъ, она говоритъ мнѣ, что родные запрещаютъ ей говорить и танцевать со мною; я въ отчаяніи, но остерегаюсь нарушить запрещеніе дядюшекъ и тетушекъ. Такъ было ведено это трогательное приключеніе, что, конечно, дастъ вамъ обо мнѣ весьма нелестное мнѣніе. Впрочемъ, женщина всегда прощаетъ зло, которое мы дѣлаемъ другой женщинѣ [правило Ларошфуко]. Теперь я не пишу романовъ. Я ихъ переживаю...

Наконецъ вы видите что я хорошо отомстилъ за слезы, которыя заставило меня проливать 5 лѣтъ тому назадъ кокетство M-elle S. O, наши счеты еще не покончены. Она мучила сердце ребенка, а я только подвергъ пыткѣ самолюбіе старой кокетки, которая можетъ быть еще... но во всякомъ случаѣ я выигралъ то, что она мнѣ послужила. О, я очень измѣнился. Я не знаю какъ это происходитъ, но только каждый день даетъ новый оттѣнокъ моему характеру и взглядамъ—оно должно было такъ совершиться, я это зналъ... но я не ожидалъ, что случится это такъ быстро. О, дорогая кузина, надо вамъ признаться, что причина тому, что не писалъ къ вамъ и m-lle Marie [Марьѣ Алексан. Лопухиной] былъ страхъ, что вы по письмамъ моимъ заключите, что я почти не достоинъ болѣе вашей дружбы, ибо передъ обѣими вами я не могу скрывать истину; передъ вами, которыя были наперсницами юношескихъ моихъ мечтаній, столь прелестныхъ, особенно въ воспоминаніи. И все-таки если посмотрѣть на меня, покажется что я помолодѣлъ года на три, до такой степени у меня счастливый и беззаботный видъ, довольнаго собою и всѣмъ міромъ; этотъ контрастъ между душою и внѣшнимъ видомъ не кажется ли вамъ страннымъ?—не могу сказать какъ меня опечалилъ отъѣздъ бабушки. Перспектива оставаться одинокимъ первый разъ въ жизни, меня пугаетъ. Во всемъ этомъ большомъ городѣ не останется ни единаго существа, которое бы мною интересовалось...

Но довольно говорить о моей печальной личности—поговоримъ о васъ, о Москвѣ. Мнѣ говорили, что вы очень похорошѣли и сказала это г-жа Углицкая, и только въ этомъ случаѣ, увѣренъ я, она не лгала, ибо она слишкомъ женщина для этого. Она говоритъ также, что жена ея брата прелестна... Въ этомъ отношеніи я ей не вполнѣ довѣряю—ибо она имѣетъ интересъ лгать. Что поистинѣ смѣшно, такъ это ея желаніе выказать себя несчастною, чтобы вызвать общее къ себѣ сочувствіе.—Тогда какъ я увѣ

ренъ, нѣтъ въ мірѣ женщины, которая была бы менѣе ея достойна сожалѣнія. Въ 32 лѣтъ имѣть этотъ дѣтскій характеръ и воображать, что можешь возбуждать страсти!... и послѣ этого жаловаться?—Она мнѣ также сообщила, что M-elle Barbe выходитъ замужъ за г. Бахметьева. Не знаю, долженъ ли я вѣрить ей, но во всякомъ случаѣ, я желаю M-elle Barbe жить въ брачномъ мірѣ до празднованія ея *серебряной свадьбы* и даже долѣе того, если до того времени она не ощутитъ отвращенія. Теперь вамъ мои новости: Наталья Алексѣевна съ чадами и домочадцы ѣдетъ въ чужіе края!!! Па! она хорошее дастъ тамъ понятіе о нашихъ русскихъ дамахъ!... Скажите Алексису, что его пассія, M-elle Ладыженская, съ каждымъ днемъ становится внушительнѣе!... Я ему тоже совѣтую еще больше пополнѣть, чтобы контрастъ не былъ столь поразителенъ. Не знаю, хорошъ ли способъ надоѣдать вамъ, чтобы получить свое прощеніе. Восьмая страница приходитъ къ концу и я опасаюсь начать девятую... И такъ, дорогая и жестокая кузина, прощайте, и если точно вы возвратили мнѣ свое расположеніе, дайте мнѣ знать о томъ письмомъ отъ вашего лакея — ибо не смѣю расчитывать на собственноручную Вашу записку. Имѣю честь быть тѣмъ, что помѣчаю въ концѣ письма—Вашимъ покорнымъ М. Лермантовымъ. P. S. Мои поклоны теткамъ, кузинамъ и кузенамъ да знакомымъ.

1836.

17. КЪ СВЯТОСЛАВУ АѲАНАСЬЕВИЧУ РАЕВСКОМУ.

Тарханы, 16-го января [1836].*

Любезный Святославъ! Мнѣ очень жаль, что ты до сихъ поръ лѣнишься меня увѣдомить о томъ, что ты дѣлаешь и что дѣлается въ Петербургѣ. Я теперь живу въ Тарханахъ, въ Чембарскомъ уѣздѣ [вотъ тебѣ адресъ на случай, что ты его не знаешь], у бабушки, слушаю, какъ подъ окномъ воетъ мятель [здѣсь все время ужасные снѣга, въ сажень глубины, лошади вязнутъ и......, и сосѣди оставляютъ другъ друга въ покоѣ, что̀, въ скобкахъ, весьма пріятно], ѣмъ за десятерыхъ, ... не могу, потому что ...., пишу четвертый актъ новой драмы, взятой изъ происшествія, случившагося со мною въ Москвѣ. **—О Москва Москва, столица нашихъ предковъ, златоглавая царица Россіи великой, малой, бѣлой, черной, красной, всѣхъ цвѣтовъ, Москва, ..., преподло со мною поступила. Надо тебѣ объяснить сначала, что я влюб-

---

* Лермонтовъ былъ въ отпуску, у бабушки въ деревнѣ, съ 20 декабря 1835 г. по 14 марта 1836 г.

** Относится къ драмѣ «Два брата». Самое письмо Раевскаго находится у И. Е. Цвѣткова, точный снимокъ въ Лермонтовскомъ Музеѣ.

ленъ. И что-жъ я этимъ выигралъ?—Одни .... Правда, сердце мое осталось покорно разсудку, но въ другомъ не менѣе важномъ .... происходитъ гибельное возстаніе. Теперь ты ясно видишь мое несчастное положеніе и какъ другъ, вѣрно, пожалѣешь, а можетъ быть и позавидуешь, ибо все то хорошо, чего у насъ нѣтъ, отъ этого, вѣрно, и ..... намъ нравится. Вотъ самая деревенская философія!

Я опасаюсь, что моего «Арбенина» снова не пропустили, * и этой мысли подало поводъ твое молчаніе. Но объ этомъ будетъ!

Также я боюсь, что лошадей моихъ не продали и что они тебя затрудняютъ. Если бы ты раньше написалъ, то я бы прислалъ денегъ для прокормленія ихъ и людей, и потомъ если онѣ не продадутся, то я отсюда не возьму столько лошадей, сколько намѣреваюсь. Пожалуйста, отвѣчай какъ получишь.

Объявляю тебѣ еще новость: лѣтомъ бабушка переѣзжаетъ жить въ Петербургъ, т. е. въ іюнѣ мѣсяцѣ. Я ее уговорилъ, потому что она совсѣмъ истерзалась, а денегъ же теперь много, но я тебѣ объявляю, что мы все-таки не разстанемся.

Я тебѣ не описываю своего похожденія въ Москвѣ въ наказаніе за твою излишнюю скромность,—и хорошо, что вспомнилъ объ наказаніи — сейчасъ кончу письмо [ты видишь изъ этого, какъ я еще добръ и великодушенъ]. М. Лермонтовъ.

18. КЪ Е. А. АРСЕНЬЕВОЙ.

[Царское село. Мартъ или апрѣль 1836 г.]. **

Милая бабушка, на дняхъ Марья Акимовна*** уѣхала. Я узналъ объ ея отъѣздѣ въ Царскомъ—пріѣхалъ въ городъ на одинъ вечеръ, былъ у нея, но не засталъ, и потому не писалъ съ нею. Вы вѣрно получите мое письмо прежде ея пріѣзда, то и не будете безпокоиться, что я съ нею не пишу къ вамъ.

Я на дняхъ купилъ лошадь у генерала. Прошу васъ, если

---

* Относится къ передѣлкѣ «Маскарада».

** Письмо, вѣроятно, писано по возвращеніи изъ отпуска, окончившагося 14 марта.

*** Шанъ-Гирей, дочь родной сестры бабушки поэта—Екатерины Алексѣевны.

есть деньги, прислать мнѣ 1580 рублей; лошадь славная и стоитъ больше, а цѣна эта не велика.

На счетъ квартиры я еще не рѣшился, но есть нѣсколько на примѣтѣ; въ началѣ мая онѣ будутъ дешевле по причинѣ отъѣзда многихъ на дачу.—Я вамъ кажется писалъ, что Лизавета Аркадьевна * ѣдетъ нынче весной съ Натальей Алексѣевной въ чужіе края на годъ; теперь это мода, какъ было нѣкогда въ Англіи; въ Москвѣ около тридцати семействъ собираются на будущій годъ въ чужіе края. Пожалуста, бабушка, не мѣшкайте отъѣздомъ: вы, я думаю, получили письмо мое, съ которымъ я послалъ письмо Григорья Васильевича—пожалуста объясните мнѣ, что̀ мнѣ лучше ему писать.

Прощайте, милая бабушка, прошу вашего благословенія, цѣлую ваши ручки и остаюсь покорный внукъ—М. Лермонтовъ.

1837.

19. КЪ С. А. РАЕВСКОМУ.

[С. Петербургъ, начало марта 1837].

Милый мой другъ Раевскій.

Меня нынче отпустили домой проститься. Ты не можешь вообразить моего отчаянія, когда я узналъ, что я виной твоего несчастія, что ты, желая мнѣ же добра, за эту записку пострадаешь. Дубельтъ говоритъ, что Клейнмихель тоже виноватъ... Я сначала не говорилъ про тебя, но потомъ меня допрашивали отъ Государя: сказали, что тебѣ ничего не будетъ, и что если я запрусь, то меня въ солдаты... Я вспомнилъ бабушку... и несмогъ. Я тебя принесъ въ жертву ей... Что во мнѣ происходило въ эту минуту, не могу сказать—но я увѣренъ, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойнымъ своей дружбы... Кто-бъ могъ ожидать!... Я къ тебѣ заѣду непремѣнно. Сожги эту записку**. Твой—М. L.

---

* Дочь Аркадія Алексѣевича Столыпина, брата бабушки Лермонтова.

** Лермонтовъ за сочиненіе стихотворенія на смерть Пушкина, а Раевскій—за его распространеніе, были арестованы. Лермонтовъ, высочайшимъ приказомъ отъ 27 февраля 1837 года, переведенъ былъ прапорщи-

20. КЪ НЕМУ ЖЕ.

С.Петербургъ. Мартъ 1837.

Любезный другъ.

Я видѣлъ нынче Краевскаго; онъ былъ у меня и разсказывалъ мнѣ, что знаетъ про твое дѣло. Будь увѣренъ, что все, что бабушка можетъ, она сдѣлаетъ... Я теперь почти здоровъ—нравственно... Была тяжелая минута, но прошла. Я боюсь, что будетъ съ твоей хандрой? Еслибъ я могъ только съ тобой видѣться. Какъ только позволятъ мнѣ выѣзжать, то вторично приступлю къ коменданту. Авось позволитъ проститься.—Прощай, твой навѣки M. L.

21. КЪ НЕМУ ЖЕ.

[Мартъ или апрѣль 1837].

Любезный другъ Святославъ! Ты не можешь вообразить, какъ ты меня обрадовалъ своимъ письмомъ. У меня было на совѣсти твое несчастье, меня мучила мысль, что ты за меня страдаешь. Дай Богъ, чтобъ твои надежды сбылись. Бабушка хлопочетъ у Дубельта и Аѳанасій Алексѣевичъ * также. Что до меня касается, то я заказалъ обмундировку и скоро ѣду. Мнѣ комендантъ, я думаю, позволитъ съ тобой видѣться—иначе же я и такъ пріѣду. Сегодня мнѣ прислали сказать, чтобъ я не выѣзжалъ, пока не явлюсь къ Клейнмихелю, ибо онъ теперь и мой начальникъ, ...** Я сегодня былъ у Аѳанасья Алексѣевича и онъ меня просилъ не рисковать безъ позволенія коменданта—и самъ хочетъ просить объ этомъ. Если не позволятъ, то я все пріѣду. Чтó Краевскій, на меня пеняетъ за то, что и ты пострадалъ за меня?—Мнѣ иногда кажется, что весь міръ на меня ополчился, и если бы это не было

комъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ, а Раевскій поплатился серьезнѣе, за то главнымъ образомъ, что во время слѣдствія изъ-подъ ареста пытался переслать Лермонтову записку (ср. Біографію). Онъ былъ посаженъ въ крѣпость съ 26 февраля по 29 марта, а затѣмъ высланъ въ Петрозаводскъ, откуда вернулся въ Петербургъ въ концѣ 1838 года.

* Столыпинъ, братъ бабушки Арсеньевой.

** Нецензурное выраженіе по адресу гр. Клейнмихеля.

очень лестно, то право меня бы огорчило... Прощай, мой другъ. Я буду къ тебѣ писать про страну чудесъ — востокъ. Меня утѣшаютъ слова Наполеона: les grands noms se font à l'Orient. Видишь: все глупости. Прощай, твой навсегда — M. Lermontoff.

22. КЪ М. А. ЛОПУХИНОЙ.

31 мая, съ Кавказа.

Je tiens exactement ma promesse, chère et bonne amie, et je vous envoie, ainsi qu'a madame votre soeur les souliers circassiens, que je vous avais promis; il y en a six paires, et vous pouvez facilement partager sans vous quereller; je les ai achetés dès que j'ai pu en trouver. Je suis maintenant aux eaux, je bois et je me baigne, enfin je mène une vie de canard tout-à-fait. Dieu veuille, que ma lettre vous trouve encore à Moscou, car si elle va voyager en Europe, à vos trousses, elle vous attrapera peut-être à Londres, à Paris, à Naples, que sais-je, — et toujours dans des endroits, où elle sera pour vous la chose la moins intéressante, de quoi Dieu la garde et moi aussi! J'ai ici un logement fort agréable; chaque matin je vois de ma fenêtre toute la chaîne des montagnes de neige et l'Elbrous; et maintenant encore au moment, où j'écris cette lettre, je m'arrète quelques fois pour jeter un coup d'oeil sur ces géants; tant ils sont beaux et majestueux. J'espère m'ennuyer joliment tout le temps que je passerai aux eaux, et quoiqu'il est très facile de faire des connaissances, je tache de n'en pas faire du tout; je rode chaque jour sur la montagne, ce qui seul à rendu la force à mes pieds; aussi je ne fais que marcher; ni la chaleur, ni la pluie ne m'arrètent... Voici à peu près mon genre de vie, chère amie; ce n'est pas fort beau, mais... dès que je serai guéri, j'irai faire l'expédition d'automne contre les circassiens, quand l'empereur sera ici.

Adieu, chère; je vous souhaite beaucoup de plaisir à Paris, et à Berlin. Alexis a-t-il reçu sa permission; embrassez-le de ma part. Adieu. Tout à vous M. Lermontoff.

P. S. De grâce écrivez-moi et dites, si les souliers vous ont plu.

Переводъ: Исполняю въ точности мое обѣщаніе и посылаю черкесскіе башмаки вамъ, милый и дорогой другъ мой, а также сестрѣ вашей; ихъ шесть паръ, стало быть дѣлежъ можно будетъ сдѣлать мирный; купилъ

ихъ, какъ только отыскалъ. Я теперь на водахъ, пью и купаюсь, словомъ, по образу жизни, сталъ похожъ на утку. Дай Богъ, чтобы письмо мое застало васъ еще въ Москвѣ, потому что если оно будетъ путешествовать по Европѣ по вашимъ слѣдамъ, то, можетъ быть, вы получите его въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Неаполѣ, во всякомъ случаѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно вовсе не будетъ для васъ интересно, а этого избави Боже!—У меня здѣсь очень хорошее помѣщеніе; каждое утро изъ своего окна смотрю на всю цѣпь снѣжныхъ горъ и на Эльбрусъ; вотъ и теперь, сидя за письмомъ къ вамъ, я по временамъ кладу перо, чтобы взглянуть на этихъ великановъ: такъ они прекрасны и величественны. Надѣюсь порядкомъ поскучать, покуда останусь на водахъ, и хотя очень легко завести знакомства, однако я стараюсь избѣгать ихъ. Ежедневно таскаюсь по горамъ, и ужъ отъ этого одного укрѣпилъ себѣ ноги; постоянно хожу; ни жаръ, ни дождь меня не останавливаютъ... Вотъ вамъ и описаніе моей жизни, милый другъ; особенно хорошаго тутъ нѣтъ, но... когда я выздоровѣю, и когда здѣсь будетъ государь, отправлюсь въ осеннюю экспедицію противъ черкесовъ.—Прощайте, милая; желаю вамъ веселиться въ Парижѣ и Берлинѣ. Alexis получилъ ли отпускъ? Поцѣлуйте его за меня. Прощайте, весь вашъ М. Лермонтовъ. P. S. Пожалуйста пишите мнѣ и скажите, понравились ли вамъ башмаки.

23. КЪ Е. А. АРСЕНЬЕВОЙ.

18 іюля.

Милая бабушка, пишу къ вамъ по тяжелой почтѣ, потому что третьяго дня по экстра-почтѣ не успѣлъ, ибо ѣздилъ на желѣзныя воды и, виноватъ, совсѣмъ забылъ, что тамъ письма не принимаютъ; боюсь, чтобы вы не стали безпокоиться, что одну почту нѣтъ письма. Эскадронъ нашего полка, къ которому баронъ Розенъ велѣлъ меня причислить, будетъ находиться въ Анапѣ на берегу Чернаго моря при встрѣчѣ государя, * тутъ же гдѣ отрядъ Вельяминова, и слѣдовательно я съ водъ не поѣду въ Грузію. Итакъ прошу васъ, милая бабушка, продолжайте адресовать письма на имя Павла Ивановича Петрова, и напишите къ нему: онъ обѣщался мнѣ доставлять ихъ туда; иначе нельзя, ибо оттуда сообщеніе сюда очень трудно, и почта не ходитъ, а депеши съ нарочными отправляютъ. Отъ Алексѣя Аркадьича ** я получилъ извѣстія; онъ здоровъ, и нѣкоторые офицеры, которые оттуда сюда пріѣхали, мнѣ говорили, что его можно считать лучшимъ офицеромъ изъ гвардей-

* Въ Анапѣ императоръ Николай Павловичъ былъ 22 сентября 1837 г.
** Столыпинъ, дядя поэта.

скихъ, присланныхъ на Кавказъ. То, что вы мнѣ пишете объ Гвоздевѣ, меня не очень удивило; я, уѣзжая, ему предсказывалъ, что онъ будетъ юнкеромъ у меня во взводѣ; а впрочемъ жаль его.

Здѣсь погода ужасная: дожди, вѣтры, туманы; іюль хуже петербургскаго сентября, такъ что я остановился брать ванны и пить воды до хорошихъ дней. Впрочемъ, я думаю, что не возобновлю, потому что здоровъ какъ нельзя лучше.

Для отправленія въ отрядъ мнѣ надо будетъ сдѣлать много покупокъ, а свои вещи я думаю оставить у Павла Ивановича. Пожалуйста, пришлите мнѣ денегъ, милая бабушка; на прожитье здѣсь мнѣ достанетъ, а если вы пришлете поздно, то въ Анапу трудно доставить.

Прощайте, милая бабушка, цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенія и остаюсь вашъ вѣчно привязанный къ вамъ и покорный внукъ *Михаилъ*.

Пуще всего не безпокойтесь обо мнѣ; Богъ дастъ, мы скоро увидимся.

1838.

24. КЪ М. А. ЛОПУХИНОЙ.

Petersbourg 15 Février.

Je vous écris, chère amie, la veille de m'en aller à Novgorod. J'attendais jusqu'à présent, qu'il m'arrivat quelque chose d'agréable pour vous l'annoncer, mais rien n'est venu, et je me décide à vous écrire, que je m'ennuie à la mort. Les premiers jours de mon arrivée je n'ai fait que courir: des présentations, des visites de cérémonie — vous savez; puis je suis allé chaque jour au spectacle; il est fort bien, c'est vrai, mais j'en suis déjà dégoûté. Et. puis on me persécute, tous les chers parents! on ne veut pas que je quitte le service, quoique je l'aurais pu déjà, vu que ces messieurs, qui sont passés à la garde avec moi, l'ont déjà quitté. Enfin je suis passablement découragé et je désire même quitter Pétersbourg au plus vite pour aller n'importe où, que ce soit au régiment, ou au diable; j'aurai au moins alors prétexte pour me lamenter, ce qui est une consolation comme une autre.

Ce n'est pas très joli de votre part, que vous attendez toujours ma lettre pour m'écrire: on dirait, que vous faites la fière; pour Alexis cela ne m'étonne pas, car il va se marier un de ces jours-ci avec je ne sais plus quelle riche marchande, comme on le dit ici, et je conçois que je ne puis pas espérer d'avoir dans son coeur une place pareille à celle d'une grosse marchande en gros. Il m'avait promis de m'écrire deux jours après mon départ de Moscou; mais peut-être a-t-il oublié mon adresse, aussi je lui en envoie deux.

1. Въ С.-Петерб. у Пантелеймоновскаго моста, на Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада, въ домѣ Венецкой.

2. Въ Новгородскую губернію, въ первый округъ военныхъ поселеній, въ штабъ лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка.

Si après cela il ne m'écrit pas, je le maudis, lui et sa grosse marchande en gros: je m'applique déjà à composer la formule de ma malédiction. Dieu! que c'est embarrassant d'avoir des amis qui sont en train de se marier.

En arrivant ici j'ai trouvé un chaos de commérages dans la maison; j'y ai mis de l'ordre autant que possible, quand on à affaire à trois ou quatre femmes qui ne veulent pas entendre raison: pardonnez-moi, si je parle ainsi de votre sesque ou sexe charmant, mais hêlas! Si je vous le dis, c'est aussi une preuve que je vous crois une exception. Enfin quand je reviens à la maison, je n'entends que des histoires, des histoires, des plaintes, des reproches, des suppositions, des conclusions; c'est quelque chose d'odieux pour moi surtout, qui en ai perdu l'habitude au Caucase, où la société des dames est très rare ou très peu causante [celle des géorgiennes par ex., car elles ne parlent pas russe, ni moi géorgien].

Je vous prie, chère Marie, écrivez-moi un peu, sacrifiez-vous—écrivez-moi toujours et ne faites pas de ces petites cérémonies—vous devez être audessus de cela! Car enfin, si quelquefois je tarde à répondre, c'est que vraiment ou je n'ai rien à dire, ou j'ai trop à faire—deux excuses valables.

J'ai été chez Joukofsky et lui ai porté Тамбовскую Казначейшу, qu'il m'avait demandé et qu'il porta à Wiasemsky pour lire

ensemble; cela leur a beaucoup plu—et cela sera inséré au prochain numero du Современникъ.

Grand-maman espère, que je serai bientôt passé au hussards de Царское-Село, mais c'est parce qu' on le lui a fait espérer, Dieu sait avec quel motif, et c'est pour cela qu'elle ne consent pas à ce que je prenne mon congé; quant à moi je n'espère rien du tout.

Pour la conclusion de ma lettre je vous envoie une pièce de vers, que j'ai trouvée par hasard dans mes paperasses de voyage et qui m'a plu assez, vu que je l'ai oublié, mais cela ne prouve rien du tout.—*Молитва странника.** Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою и т. д. Adieu, chère amie; embrassez Alexis et dites lui que c'est une honte et dites le aussi à mademoiselle Marie Lapouchin. Lerma.

Переводъ: Пишу къ вамъ, милый другъ, наканунѣ отъѣзда въ Новгородъ. Я все поджидалъ, не случится ли со мною чего хорошаго, чтобъ увѣдомить васъ о томъ; но ничего такого не случилось и я рѣшаюсь писать къ вамъ, что мнѣ скучно до смерти. Первые дни послѣ пріѣзда прошли въ постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты—вы знаете; да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ, это правда, но мнѣ ужъ надоѣлъ. Вдобавокъ меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники! Не хотятъ, чтобъ я бросилъ службу, хотя это мнѣ было бы и можно: вѣдь тѣ господа, которые вмѣстѣ со мною поступили въ гвардію, теперь уже въ отставкѣ. Наконецъ, я таки упалъ духомъ и хотѣлъ бы даже какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ ли, или хоть къ чорту; тогда, по крайней мѣрѣ, былъ бы предлогъ къ сѣтованію, а это все же было бы утѣшеніемъ.—Съ вашей стороны вовсе не любезно, что вы всегда ожидаете моего письма, чтобъ писать ко мнѣ; можно подумать, что вы вздумали чваниться. Отъ Алексиса это не удивительно, потому что онъ на дняхъ, какъ говорятъ здѣсь, женится на какой-то богатой купчихѣ; естественно, что мнѣ нѣтъ надежды занимать въ его сердцѣ такое же мѣсто, какое онъ отводитъ толстой оптовой торговкѣ. Онъ обѣщался писать мнѣ черезъ два дня послѣ моего отъѣзда изъ Москвы; но можетъ быть забылъ мой адресъ, вотъ ему два *(слѣдуютъ адресы)*. Если послѣ этого онъ мнѣ не напишетъ, то я прокляну его и его толстую оптовую купчиху: я ужъ собираюсь составить формулу моего проклятія. Боже! какъ затруднительно имѣть друзей, которые готовятся къ женитьбѣ.—Пріѣхавши сюда, я нашелъ цѣлый хаосъ сплетней; стараніями моими возстановленъ порядокъ, какой возможенъ между тремя или четырьмя женщинами, у которыхъ въ головѣ безтолочь: простите, что я такъ отзываюсь о вашемъ прекрасномъ полѣ; но, ахъ, вѣдь если я вамъ это говорю, это

* См. т. I стр. 264.

вамъ еще доказательство, что я васъ считаю исключеніемъ. Возвращаясь домой, я всякій разъ слышу только исторіи, исторіи, жалобы, упреки, подозрѣнія, заключенія; это просто несносно, особливо для меня, потому что я отвыкъ отъ этого на Кавказѣ, гдѣ женщины рѣдко бываютъ въ обществѣ и вовсе неразговорчивы (въ особенности грузинки: онѣ не знаютъ по русски, а я по грузински).—Прошу васъ, милая Marie, пишите мнѣ немножко, пожертвуйте собою; пишите мнѣ всегда и не соблюдайте мелочныхъ церемоній; вамъ надо быть выше ихъ! Вѣдь если иногда я медлю отвѣтомъ, это право значитъ, что мнѣ или нечего сказать вамъ, или у меня много дѣла— оба случая извинительные.—Я былъ у Жуковскаго и по его желанію отнесъ ему *Тамбовскую Казначейшу*. Онъ читалъ ее съ Вяземскимъ, и она имъ понравилась: ее напечатаютъ въ ближайшей книжкѣ Современника.— Бабушка надѣется, что меня скоро переведутъ въ гусары въ Царское-Село; ей это обѣщали, Богъ знаетъ зачѣмъ; оттого она не соглашается, чтобъ я вышелъ въ отставку; что до меня, то я ровно ни на что не надѣюсь.—Въ заключеніе этого письма посылаю вамъ стихи, которые попались мнѣ въ моихъ дорожныхъ бумагахъ; они мнѣ довольно нравятся, именно потому что я ихъ забылъ; но это ровно ничего не доказываетъ (*слѣдуютъ стихи Молитва странника*). Прощайте, милый другъ; поцѣлуйте Алексиса и скажите, что ему стыдно; то же скажите m-lle Маріи Лопухиной. Лерма.

25. КЪ С. А. РАЕВСКОМУ.

Іюня 8 дня.

Любезный другъ Святославъ,

Твое послѣднее письмо огорчило меня: ты самъ знаешь почему; но я тебя отъ души прощаю, зная твои разстроенные нервы. Какъ могъ ты думать, чтобъ я шутилъ твоимъ спокойствіемъ или говорилъ такія вещи, чтобы отвязаться. Главное то, что я совсѣмъ этого не говорилъ или пусть говорилъ, да не про то. Я сказалъ, что отзывъ *непокоренъ къ начальству* повредитъ тебѣ тогда, когда ты еще здѣсь сидѣлъ подъ арестомъ и что безъ этого ты, можетъ быть, остался бы здѣсь.

Я слышалъ здѣсь, что ты просился къ водамъ, и что просьба препровождена къ военному министру; но резолюціи не знаю; если ты поѣдешь, то, пожалуйста, напиши куда и когда. Я здѣсь по прежнему скучаю; какъ быть? покойная жизнь для меня хуже. Я говорю *покойная*, потому что ученье и маневры производятъ только усталость. Писать не пишу, печатать хлопотно, да и пробовалъ, но неудачно.

Романъ*, который мы съ тобою начали, затянулся и врядъ ли кончится, ибо обстоятельства, которыя составляли его основу, перемѣнились, а я, знаешь, не могу въ этомъ случаѣ отступить отъ истины.

Если ты поѣдешь на Кавказъ, то это, я увѣренъ, принесетъ тебѣ много пользы физически и нравственно: ты вернешься поэтомъ, а не экономо-политическимъ мечтателемъ, что для души и для тѣла здоровѣе. Не знаю какъ у васъ, а здѣсь мнѣ послѣ Кавказа все холодно, когда другимъ жарко, а ужъ здоровѣе того, какъ я теперь, кажется, быть не возможно. О Юрьевѣ** скажу тебѣ: вообрази влюбился въ актрису, вышелъ въ отставку, живетъ у Балабина, табакъ и чай ужъ въ долгъ не даютъ и 30,000 долгу, и вонъ изъ города не выпускаютъ,—видишь: у всякаго свои несчастія.

Прощай, любезный другъ, и прошу тебя, будь увѣренъ во мнѣ и думай, что я никогда не скажу и не сдѣлаю ничего тебѣ огорчительнаго. Прощай, милый другъ, бабушка также къ тебѣ пишетъ. М.—Лермонтовъ.

26. КЪ М. А. ЛОПУХИНОЙ.

[конецъ 1838 г. или начало 1839].

Il y a longtemps, chère et bonne amie, que je ne vous ai écrit et que vous ne m'avez donné de nouvelles de votre chère personne et de tous les vôtres; aussi j'ai l'espérance que votre réponse à cette lettre ne se fera pas longtemps attendre: il y a de la fatuité dans cette phrase, direz-vous, mais vous vous tromperez. Je sais, que vous êtes persuadée, que vos lettres me font un grand plaisir, puisque vous employez le silence comme punition, mais je ne mérite pas cette punition, car j'ai constamment pensé à vous; preuve: j'ai demandé un semestre d'un an—refusé, de 28 jours—refusé, de 14 jours—le grand duc a refusé de même. Tout ce temps j'ai été dans l'espérance de vous voir. Je

* С. А. Раевскій, сообщая письма эти С. А. Эллисъ, говорилъ, что романъ, о которомъ идетъ рѣчь, описывалъ Печорина, но что это не то, что вышло потомъ подъ названіемъ «Героя нашего времени». Дѣйствительно, романъ этотъ „Княгиня Лиговская“. [См. примѣчаніе къ ней].

** Юрьевъ, Николай—родственникъ и товарищъ Лермонтова.

ferai encore une tentative — Dieu veuille, qu'elle réussisse. Il faut vous dire, que je suis le plus malheureux des hommes, et vous me croirez, quand vous saurez, que je vais chaque jour au bal: je suis lancé dans le grand-monde.. Pendant un mois j'ai été à la mode, on se m'arrachait. C'est franc au moins. Tout ce monde que j'ai injurié dans mes vers se plait à m'entourer de flatteries, les plus jolies femmes me demandent des vers et s'en vantent, comme d'un triomphe. Néanmoins je m'ennuie. — J'ai demandé d'aller au Caucase—refusé; on ne veut pas même me laisser tuer!—Peut-être, chère amie, ces plaintes ne vous paraitront-elles pas de bonne foi; peut-être vous paraitra-t-il étrange, qu'on cherche les plaisirs pour s'ennuyer, qu'on court les salons, quand on n'y trouve rien d'intéressant? Eh bien, je vous dirai mon motif. Vous savez que mon plus grand défaut c'est la vanité et l'amour propre: il fut un temps où j'ai cherché à être admis dans cette société, comme novice; je n'y suis pas parvenu, les portes aristocratiques se sont fermées pour moi; et maintenant j'entre dans cette même société non plus en solliciteur, mais en homme, qui a conquis ses droits; j'excite la curiosité, on me recherche, on m'engage partout, sans que je fasse mine de le désirer même; les femmes, qui tiennent à avoir un salon remarquable, veulent m'avoir, car je suis aussi un lion—oui, moi, votre Michel, bon garçon, au quel vous n'avez jamais cru une crinière. Convenez que tout cela peut enivrer; heureusement ma paresse naturelle prend le dessus; et peu à peu je commence à trouver cela par trop insupportable. Mais cette nouvelle expérience m'a fait du bien, en ce qu'elle m'a donnée des armes contre cette société, et si jamais elle me poursuit de ses calomnies [ce qui arrivera], j'aurai du moins les moyens de me venger; car certainement nulle part il n'y a tant de bassesses et de ridicule. Je suis persuadé que vous ne direz à personne mes vanteries, car on me trouverait encore plus ridicule que qui que cela soit, et puis avec vous je parle, comme avec ma conscience, — et puis c'est si doux de rire sous cape des choses briguées et enviées par les sots, avec quelqu'un, qui, on le sait, est toujours prêt à partager vos sentiments. C'est de vous, que je parle, chère amie, je vous le répète, car ce passage est tant soit peu obscur.

Mais vous m'écrirez, n'est ce pas? Je suis sûr, que vous ne m'avez pas écrit pour quelque raison grave. Etes-vous malade? y a-t-il quelqu'un de malade dans la famille? Je le crains. On m'a dit quelque chose de semblable. Dans la semaine prochaine j'attend votre réponse qui, j'espère, sera non moins longue que ma lettre et certainement mieux écrite, car je crains bien que vous ne sachiez déchiffrer ce barbouillage.

Adieu, chère amie, peut-être, si Dieu veut me recompenser, je parviendrai à avoir un semestre, et alors je serai toujours sûr d'une réponse telle-quelle.

Saluez de ma part tous ceux qui ne m'ont pas oublié! Tout à vous M. Lermontoff.

Переводъ: Ужъ давно я не писалъ къ вамъ, милый другъ, и не получалъ извѣстія ни объ вашей особѣ, ни обо всѣхъ вашихъ. И такъ надѣюсь, что поэтому вы не замедлите отвѣтомъ на это письмо. Фраза эта не безъ фатовства, скажете вы, но вы ошибетесь. Вѣдь вы убѣждены, что письма ваши доставляютъ мнѣ великое удовольствіе; оттого-то вы и употребляете молчаніе вмѣсто наказанія; но я его не заслуживаю, потому что постоянно объ васъ думалъ. Вотъ доказательства: я просился въ полугодовой отпускъ—мнѣ отказали; на двадцать восемь дней—отказали; на четырнадцать дней—великій князь опять отказалъ. Все это время я надѣялся васъ видѣть. Попытаюсь еще разъ; дай Богъ, чтобъ оно удалось.—Надо вамъ сказать, что я несчастнѣйшій человѣкъ, и вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно ѣзжу по баламъ: я пустился въ *большой свѣтъ*. Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ. Это по крайней мѣрѣ искренно. Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаются. Тѣмъ не менѣе мнѣ скучно. Я просился на Кавказъ—отказъ: не хотятъ даже допустить, чтобъ меня убили. Можетъ-быть, вы найдете страннымъ, искать удовольствій и скучать ими, ѣздить по гостинымъ, не находя тамъ ничего занимательнаго. Ну, я вамъ открою мои побужденія. Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ—суетность и самолюбіе; было время, когда я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня заперты; теперь въ это же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, завоевавшимъ себѣ права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы, съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже *левъ*; да я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять; но, къ счастію, меня выручаетъ природная моя лѣность, и мало-по-малу я начинаю находить

все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность полезна въ томъ, что она мнѣ дала оружіе противъ этого общества, и если когда-либо оно будетъ меня преслѣдовать своими клеветами [что непремѣнно случится]; тогда у меня будетъ, по крайней мѣрѣ, средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ не встрѣчается столько низкаго и смѣшного, какъ тутъ. Увѣренъ, что вы никому не передадите моего хвастовства; вѣдь тогда меня нашли бы наиболѣе смѣшнымъ человѣкомъ; съ вами я говорю, какъ съ своею совѣстью. Оно же очень пріятно исподтишка смѣяться съ человѣкомъ, готовымъ всегда раздѣлять ваши чувства, смѣяться надъ предметами, которыхъ глупцы такъ ищутъ и которымъ такъ завидуютъ. Я говорю о васъ, милый другъ! я вамъ повторяю это, ибо это мѣсто (моего письма) немного темно. Вы мнѣ напишете, не правда ли? Вы мнѣ не писали вѣрно по какой-нибудь важной причинѣ. Не больны ли вы? нѣтъ ли у васъ больныхъ въ домѣ? Боюсь, мнѣ что-то такое говорили. На слѣдующей недѣлѣ жду вашего отвѣта, и надѣюсь, что онъ будетъ не короче моего письма, а ужъ навѣрно лучше написанъ. Боюсь, что не разберете сего моего маранья. Прощайте, милый другъ; можетъ-быть, если Богу угодно будетъ наградить меня, я получу отпускъ, и тогда во всякомъ случаѣ дождусь положительнаго отвѣта. Поклонитесь всѣмъ, кто меня не забылъ. Весь вашъ М. Лермонтовъ.

1839.

27. КЪ АЛЕКСѢЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЛОПУХИНУ.

[С.-Петербургъ. Февраль или мартъ 1839 г.].

Милый Алексисъ,

Я былъ боленъ и оттого долго не отвѣчалъ и не поздравлялъ тебя, но вѣрь мнѣ, что я искренно радуюсь твоему счастію и поздравляю тебя и милую твою жену. Ты нашелъ, кажется, именно ту узкую дорожку, черезъ которую я перепрыгнулъ и отправился цѣликомъ [и прошелъ ее всю]. Ты дошелъ до цѣли, а я никогда не дойду: засяду гдѣ-нибудь въ ямѣ и поминай какъ звали—да еще будутъ ли поминать? Я похожъ на человѣка, который хотѣлъ отвѣдать отъ всѣхъ блюдъ разомъ, сытымъ не наѣлся, а получилъ индижестію, которая вдобавокъ, къ несчастію, разрѣшается стихами. Кстати о стихахъ: я исполнилъ обѣщаніе и написалъ ихъ твоему наслѣднику, они самые нравоучительные: «à l'usage des enfants».

[Слѣдуютъ стихи: «Ребенка милаго рожденье» см. т. I стр. 285].

Je désire, que le sujet de ces vers ne soit pas un mauvais sujet..—Увы! каламбуръ лучше стиховъ! Ну да все равно! Если

онъ вышелъ изъ пустой головы, то, по крайней мѣрѣ, стихи изъ полнаго сердца. Тотъ, кто играетъ словами, не всегда играетъ чувствомъ, а ты можешь быть увѣренъ, дорогой Алексисъ, что я такъ радъ за тебя, что завтра же начну сочинять новую ар[iю] для твоего маленькаго крикуна.

Напиши, пожалуйста, милый другъ, что у васъ дѣлается: я три раза зимой просился въ отпускъ въ Москву къ вамъ, хоть на четырнадцать дней—не пустили! Что, братъ, дѣлать! Вышелъ бы въ отставку, да бабушка не хочетъ—надо же ей чѣмъ-нибудь пожертвовать. Признаться тебѣ, я съ нѣкотораго времени ужасно упалъ духомъ. [Далѣе оторвано].

[Это и остальныя письма къ тому же лицу №№ 31, 33 и 34 обязательно въ оригиналахъ были переданы намъ Ел. Дм. Лопухиной—невѣсткой Алексѣя Александровича].

1840.

28. КЪ Ѳ. К. ОПОЧИНИНУ.

[1840 г. апрѣля 3-го] *.

O! cher et aimable M-r Opotchinine! Et hier soir en revenant de chez vous, on m'a annoncé une nouvelle fatale avec tous les ménagements possibles, et à l'heure, au moment où vous lisez ce billet, jè ne serai plus

[tournez]

---

* Помѣтка эта сдѣлана на автографѣ записки, находящейся въ Импер. Публичн. Библiотекѣ, *не* Лермонтовской рукой, а, кажется, рукою г. Опочинина. Предположенiе, что въ запискѣ этой Лермонтовъ прощался, ссылаемый на Кавказъ послѣ дуэли съ де-Барантомъ, невѣрное. Приказъ о переводѣ поэта въ Тенгинскiй пѣхотный полкъ состоялся лишь 13 апрѣля 1840 г., и Лермонтовъ уѣхалъ уже по выходѣ приказа. Если выраженiе «nouvelle fatale» относить къ ссылкѣ, то развѣ къ внезапной отправкѣ поэта на Кавказъ въ 1841 году (ср. бiографiю). Мнѣ же кажется, что вся записка только шутка, писанная поэтомъ во время служенiя его въ лейбъ-гусарахъ. Онъ часто проводилъ время въ Петербургѣ, гдѣ охотно игралъ съ Опочининымъ въ шахматы. Слова «car je monte la garde» относятся къ служебнымъ обязанностямъ Мих. Юр., призывавшимъ его въ Царское Село, въ полкъ. Все письмо шуточное. Писанное на двухъ страницахъ, оно на первой оканчивается какъ бы угрозой: «je ne serai plus»... которая затѣмъ объясняется просто: ...«à Pétersbourg». Лермонтовъ въ это время, да и раньше, любилъ говорить о томъ, что жизнь ему надоѣла и намекалъ на самоубiйство, пугая этимъ близкихъ къ нему людей.

à Pétersbourg. Car je monte la garde. Et or [style biblique et naïf] croyez à mes regrets sincères de ne pouvoir venir vous voir.

Et tout à vous Lermontoff.

Переводъ: О, дорогой и любезный Опочининъ! Вчера вечеромъ, когда я возвратился отъ васъ, мнѣ сообщили роковое извѣстіе со всѣми возможными предосторожностями. И въ тотъ часъ, въ то мгновеніе, когда вы будете читать эту записку, больше не буду существовать . . . . переверните! въ Петербургѣ, ибо я долженъ занять караулъ. Потолику же (слогъ библейскій и наивный) вѣруйте въ искренность моего сожалѣнія о томъ, что не могу болѣе прійти къ вамъ.

29. КЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРУ ПЛАУТИНУ.

Въ концѣ февраля 1840 года.

Ваше превосходительство, милостивый государь! Получивъ отъ вашего превосходительства приказаніе объяснить вамъ обстоятельства поединка моего съ господиномъ Барантомъ, честь имѣю донести вашему превосходительству, что 16-го февраля, на балѣ у графини Лаваль, господинъ Барантъ сталъ требовать у меня объясненія насчетъ будто мною сказаннаго. Я отвѣчалъ, что все ему переданное несправедливо; но, такъ какъ онъ былъ этимъ недоволенъ, то я прибавилъ, что дальнѣйшаго объясненія давать ему не намѣренъ. На колкій его отвѣтъ я возразилъ такою же колкостью, на что онъ сказалъ, что если бъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить это дѣло. Тогда я отвѣчалъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что мы меньше другихъ позволяемъ себя оскорблять безнаказанно. Онъ меня вызвалъ, условились и разстались. 18-го числа, въ воскресенье, въ 12 часовъ утра, съѣхались мы за Черною рѣчкою на Парголовской дорогѣ. Его секундантомъ былъ французъ, котораго имени я не помню и котораго никогда до сего не видѣлъ. Такъ какъ господинъ Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то я предоставилъ ему выборъ оружія Онъ избралъ шпаги, но съ нами были также и пистолеты. Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей конецъ переломился, а онъ слег-

ка оцарапалъ [мнѣ] грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вмѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ сего онъ подалъ мнѣ руку, и мы разошлись. Вотъ, ваше превосходительство, подробный отчетъ всего случившагося между нами. Съ истинной преданностью честь имѣю пребыть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Михайла Лермантовъ.

30. ПИСЬМО КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ *.

Ваше Императорское Высочество! Признавая въ полной мѣрѣ вину мою и съ благоговѣніемъ покоряясь наказанію, возложенному на меня Его Императорскимъ Величествомъ, я былъ ободренъ до сихъ поръ надеждой имѣть возможность усердною службой загладить мой проступокъ, но получивъ приказаніе явиться къ господину генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, я изъ словъ его сіятельства увидѣлъ, что на мнѣ лежитъ еще обвиненіе въ ложномъ показаніи, самое тяжкое, какому можетъ подвергнуться человѣкъ, дорожащій своей честью.

Графъ Бенендорфъ предлагалъ мнѣ написать письмо къ Баранту, въ которомъ бы я просилъ извиненья въ томъ, что несправедливо показалъ въ судѣ, что выстрѣлилъ на воздухъ. Я не могъ на то согласиться, ибо это было бы противъ моей совѣсти; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество, можетъ-быть, раздѣляете сомнѣніе въ истинѣ словъ моихъ, мысль эта столь невыносима, что я рѣшился обратиться къ Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушіе и справедливость Вашу и будучи уже не разъ облагодѣтельствованъ Вами, и просить Васъ защитить и оправдать меня во мнѣніи Его Императорскаго Величества, ибо въ противномъ случаѣ теряю невинно и невозвратно имя благороднаго человѣка.

Ваше Императорское Высочество позволите сказать мнѣ со всею откровенностью: я искренно сожалѣю, что показаніе мое оскорбило Баранта; я не предполагалъ этого, не имѣлъ этого

* Въ исправленномъ видѣ. Въ приложеніи мы печатаемъ письмо въ первоначальномъ его видѣ, какимъ оно было извѣстно до изд. 1887 года.

намѣренія, но теперь не могу исправить ошибку посредствомъ лжи, до которой никогда не унижался. Ибо, сказавъ, что выстрѣлилъ на воздухъ, я сказалъ истину, готовъ подтвердить оную честнымъ словомъ, и доказательствомъ можетъ служить то, что на мѣстѣ дуэли, когда мой секундантъ, отставной поручикъ Столыпинъ, подалъ мнѣ пистолетъ, я сказалъ ему именно, что выстрѣлю на воздухъ, что̀ и подтвердитъ онъ самъ.

Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое, я, однако, осмѣливаюсь надѣяться что Ваше Императорское Высочество соблаговолите обратить вниманіе на горестное мое положеніе и заступленіемъ Вашимъ возстановить мое доброе имя во мнѣніи Его Императорскаго Величества и Вашемъ.

Съ благоговѣйною преданностью имѣю счастіе пребыть Вашего Императорскаго Высочества всепреданнѣйшій Михаилъ Лермантовъ, Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ. *

31. КЪ А. А. ЛОПУХИНУ.

[Ставрополь] 17 іюня [1840 г.]

О милый Алексисъ,

Завтра я ѣду въ дѣйствующій отрядъ на лѣвый флангъ въ Чечню брать пророка Шамиля, котораго, надѣюсь не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать къ тебѣ по пересылкѣ. Такая каналья этотъ пророкъ! Пожалуйста спусти его съ Аспелинда [?]; они тамъ въ Чечнѣ не знаютъ индѣйскихъ пѣтуховъ, такъ авось это его испугаетъ. Я здѣсь въ Ставрополѣ уже съ недѣлю и живу вмѣстѣ съ графомъ Ламбертомъ, который также ѣдетъ въ экспедицію и который вздыхаетъ по графинѣ Зубовой, о чемъ прошу ей всеподданнѣйше донести. И мы оба тамъ вздыхаемъ... Я здѣсь отъ жару такъ слабъ, что едва держу перо. Дорогой я заѣзжалъ въ Черкаскъ къ генералу Хомутову, и прожилъ у него три дня, и каждый день былъ въ театрѣ. Что за *ѳеатръ!* Объ немъ стоитъ разсказать: смотришь на сцену—и ничего не видишь, ибо передъ носомъ сальныя свѣчи, отъ которыхъ глаза лопаются; смотришь на-

* На письмѣ сдѣлана ген.-лейт. Дубельтомъ карандашная надпись: «Государь изволилъ читать», и далѣе: «Къ дѣлу. 29 апрѣля 1840».

задъ — ничего не видишь, потому что темно; смотришь направо—ничего не видишь, потому что ничего нѣтъ; смотришь налѣво и видишь въ ложѣ полицiймейстера; оркестръ составленъ изъ четырехъ кларнетовъ, двухъ контрабасовъ и одной скрипки, на которой пилитъ самъ капельмейстеръ, а этотъ капельмейстеръ примѣчателенъ тѣмъ, что глухъ, и когда надо начать или кончить, то первый кларнетъ дергаетъ его за фалды, а контрабасъ бьетъ тактъ смычкомъ по его плечу. Разъ по личной ненависти онъ его такъ хватилъ смычкомъ, что тотъ обернулся и хотѣлъ пустить въ него скрипкой, но въ эту минуту кларнетъ дернулъ его за фалды, и капельмейстеръ упалъ навзничь головой прямо въ барабанъ и проломилъ кожу; но въ азартѣ вскочилъ и хотѣлъ продолжать бой и что же? о ужасъ! На головѣ его вмѣсто кивера торчитъ барабанъ. Публика была въ восторгѣ, занавѣсъ опустили, а оркестръ отправили на съѣзжую. Въ продолженiе этой потѣхи я все ждалъ, что будетъ?—Такъ-то, мой милый Алеша!—Но здѣсь въ Ставрополѣ такихъ удовольствiй нѣтъ; зато ужасно жарко. Вѣроятно письмо мое тебя найдетъ въ Сокольникахъ. Между прочимъ прощай: ужасно я усталъ и слабъ. Поцѣлуй за меня ручку у Варвары Александровны и будь благонадеженъ. Ужасно усталъ... Жарко... Уфъ!—Лермонтовъ.

32. КЪ Е. А. АРСЕНЬЕВОЙ.

Пятигорскъ, iюля 28 [1840 года] *.

Милая бабушка. Пишу къ вамъ изъ Пятигорска, куда я опять поѣхалъ и гдѣ проведу нѣсколько времени для отдыха. Я получилъ вашихъ три письма вдругъ и притомъ бумагу отъ С. насчетъ продажи людей, которую надо засвидѣтельствовать и подписать здѣсь. Я это все здѣсь обдѣлаю и пошлю. Напрасно вы мнѣ не послали книгу графини Ростопчиной; пожалуйста, тотчасъ по полученiи моего письма, пошлите мнѣ ее сюда въ Пятигорскъ. Прошу васъ также, милая бабушка, купите мнѣ полное собранiе сочиненiй Жуковскаго послѣдняго изданiя и пришлите также сюда тотчасъ. Я бы просилъ также полнаго

* Изъ находящихся у меня матерiаловъ г. Хохрякова.

Шекспира по-англійски, да не знаю можно ли найти въ Петербургѣ; препоручите Екиму [Шанъ-Гирею], только, пожалуйста, поскорѣе. Если это будетъ скоро, то здѣсь еще меня застанетъ.

То, что вы мнѣ пишете о словахъ гр. К[лейнмихеля], я полагаю, еще не значитъ, что мнѣ откажутъ отставку, если я подамъ; онъ только просто не совѣтуетъ; а чего мнѣ здѣсь еще ждать? Вы бы хорошенько спросили,—только выпустятъ ли, если я подамъ?

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны; цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенья.

33. къ А. А. Лопухину.

Пятигорскъ. [12] сентября 1840 года.

Мой милый Алеша,

Я увѣренъ, что ты получилъ письмо мое, которое я тебѣ писалъ изъ дѣйствующаго отряда въ Чечнѣ, но увѣренъ также, что ты мнѣ не отвѣчалъ, ибо я ничего о тебѣ не слышу письменно. Пожалуйста, не лѣнись: ты не можешь вообразить, какъ тяжела мысль, что друзья насъ забываютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я на Кавказѣ, я не получалъ ни отъ кого писемъ, даже изъ дому не имѣлъ извѣстій. Можетъ-быть, они пропадаютъ, потому что я не былъ нигдѣ на мѣстѣ, а шатался все время по горамъ съ отрядомъ. У насъ были каждый день дѣла, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часовъ сряду.* Насъ было всего двѣ тысячи пѣхоты, а ихъ до 6-и тысячъ; и все время дрались штыками. У насъ убыло 30 офицеровъ и 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ — кажется хорошо! Вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебѣ разскажу подробности очень интересныя—только Богъ знаетъ, когда мы увидимся. Я теперь вылѣчился почти совсѣмъ и ѣду съ водъ опять въ Чечню. Если ты будешь мнѣ

* Дѣло подъ Валерикомъ. См. статьи мои: въ январск. книжкѣ «Русск. Стар.» 1884 г. и «Ист. Вѣстникъ» 1885 г. т. XIX «Рѣчка Смерти», равно какъ и замѣтку въ іюньской книгѣ того же года.

писать, такъ вотъ адресъ: на Кавказскую линію, въ дѣйствующій отрядъ генералъ-лейтенанта Голофеева, на лѣвый флангъ. Здѣсь проведу до конца ноября; а потомъ не знаю, куда отправлюсь: въ Ставрополь, на Черное море или въ Тифлисъ. Я вошелъ во вкусъ войны и увѣренъ, что для человѣка, который привыкъ къ сильнымъ ощущеніямъ этого банка, мало найдется удовольствій, которыя бы не показались приторными. Только скучно то, что либо такъ жарко, что насилу ходишь, либо такъ холодно, что дрожь пробираетъ, либо ѣсть нечего, либо денегъ нѣтъ — именно что со мною теперь. Я прожилъ все, а изъ дому не посылаютъ. Не знаю, почему отъ бабушки ни одного письма. Не знаю, гдѣ она, въ деревнѣ или въ Петербургѣ. Напиши, пожалуйста, видѣлъ ли ты ее въ Москвѣ. Поцѣлуй за меня руку у Варвары Александровны и прощай. Будь здоровъ и счастливъ. Твой Лермонтовъ.

[На обратной сторонѣ листа, сложеннаго въ четверку, находится адресъ: «Его Высокоблагородію, М. Г. А. А. Лопухину. Въ Москвѣ на Молчановкѣ, въ собственномъ домѣ, въ приходѣ Николы Явленнаго». На адресѣ почтовое клеймо: «Пятигорскъ. Сентября [12] 1840»].

34. КЪ НЕМУ ЖЕ.

Крѣпость Грозная 4 ноября 1840.

Милый Алеша,

Пишу тебѣ изъ крѣпости Грозной, въ которую мы, т. е. отрядъ, возвратились послѣ 20-тидневной экспедиціи въ Чечню. Не знаю, что будетъ дальше, а пока судьба меня не очень обижаетъ: я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изо ста казаковъ — разный сбродъ, волонтеры, татары и проч., это нѣчто въ родѣ партизанскаго отряда, и, если мнѣ случится съ нимъ удачно дѣйствовать, то, авось, что-нибудь дадутъ; я ими только четыре дня въ дѣлѣ командовалъ и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но, такъ какъ мы будемъ еще воевать цѣлую зиму, то я успѣю ихъ раскусить. Вотъ тебѣ обо мнѣ самое интересное.

Писемъ я ни отъ тебя ни отъ кого другого ужъ мѣсяца три не получалъ. Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлалось: забыли,

что ли? или [письма] пропадаютъ? Я махнулъ рукой. Мнѣ тебѣ нечего много писать: жизнь наша здѣсь внѣ войны однообразна; а описывать экспедиціи не велятъ. Можетъ-быть, я когда-нибудь засяду у твоего камина и разскажу тебѣ долгіе труды, ночныя схватки, утомительныя перестрѣлки, картины военной жизни, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Варвара Александровна будетъ зѣвать за пяльцами и, наконецъ, уснетъ отъ моего разсказа, а тебя вызоветъ въ другую комнату управитель, а я останусь одинъ и буду оканчивать свою исторію твоему сыну, ... Сдѣлай одолженіе, пиши ко мнѣ какъ можно больше. Прощай, будь здоровъ съ чадами и домочадцами и поцѣлуй за меня ручку у своей сожительницы. Твой Лермонтовъ.

На обратной сторонѣ тотъ же адресъ, что на письмѣ № 33, а почтовый штемпель гласитъ: «Кавказъ. 1840 г. Ноября 3 дня».

1841.

35. КЪ БИБИКОВУ [?] *.

[С.-Петербургъ, въ концѣ февраля 1841].

Милый Биби.

Насилу собрался писать къ тебѣ; начну съ того, что объясню тайну моего отпуска; бабушка моя просила о прощеніи моемъ, а мнѣ дали отпускъ; но я скоро ѣду опять къ вамъ, и здѣсь остаться у меня нѣтъ никакой надежды, ибо я сдѣлалъ вотъ какія бѣды: пріѣхавъ сюда въ Петербургъ на половинѣ масляницы **, я на другой же день отправился на балъ къ г-жѣ Воронцовой, и это нашли неприличнымъ и дерзкимъ. Что дѣлать? кабы зналъ, гдѣ упасть, соломки бы подослалъ; обществомъ зато я былъ принятъ очень хорошо; и у меня началась

---

* Дмитр. Серг. Бибиковъ [ср. примѣч. къ «Петергофскому празднику» т. II стр. 159] съ 1836—1848 годъ служилъ въ генеральномъ штабѣ на Кавказѣ; скончался въ 1861 г., автографъ печат. письма находится въ библіотекѣ Дерптскаго университета.

** Въ 1841 году масляница начиналась 2-го февраля.

новая драма, которой завязка очень замѣчательная, зато развязки вѣроятно не будетъ, ибо я 9-го марта отсюда уѣзжаю заслуживать себѣ на Кавказѣ отставку; изъ Валерикскаго представленія меня здѣсь вычеркнули, такъ что даже я не буду имѣть утѣшенія носить красной ленточки, когда надѣну штатскій сюртукъ.

Я былъ намедни у твоихъ, и они всѣ жалуются, что ты не пишешь; и, взявъ это въ разсмотрѣніе, я уже не смѣю тебя упрекать. Мещериновъ, вѣрно, прежде меня пріѣдетъ въ Ставрополь, ибо я не намѣренъ очень торопиться; итакъ, не продавай удивительнаго лова, ни кровати ни сѣделъ; вѣрно отрядъ не выступитъ прежде 2-го апрѣля, а я къ тому времени непремѣнно буду *. Покупаю для общаго нашего обихода Лафатера и Галя и множество другихъ книгъ.

Прощай, мой милый, будь здоровъ. Твой Лермонтовъ.

36. КЪ Е. А. АРСЕНЬЕВОЙ.

[Москва, 1841 г. Конецъ апрѣля или начало мая].

Милая бабушка! Жду съ нетерпѣніемъ письма отъ васъ съ какимъ-нибудь извѣстіемъ. Я въ Москвѣ пробуду нѣсколько дней, остановлюсь у Розена. Алексѣй Аркадьевичъ (Столыпинъ) здѣсь еще и ѣдетъ послѣзавтра. Я здѣсь принятъ былъ обществомъ по обыкновенію очень хорошо, и мнѣ довольно весело. Былъ вчера у Николая Николаевича Аненкова и завтра у него обѣдаю; онъ былъ со мною очень любезенъ. Вотъ все, что я могу вамъ сказать про мою здѣшнюю жизнь. Еще прибавлю, что я отъ здѣшняго воздуха потолстѣлъ въ два дня; рѣшительно Петербургъ мнѣ вреденъ; можетъ-быть, также я поздоровѣлъ оттого, что всю дорогу пилъ горькую воду, которая мнѣ всегда очень полезна. Скажите, пожалуйста, отъ меня Екиму Шанъ-Гирею, что я ему напишу передъ отъѣздомъ отсюда и кое-что пришлю... Вѣроятно, Сашенькина** свадьба уже бы-

* Однако Лермонтовъ выѣхалъ изъ Петербурга только въ серединѣ апрѣля. См. біограф.

** А. М. Верещагина, см. т. I, стр. 379.—Самый текстъ нынѣ печатаемаго письма взятъ изъ матеріаловъ г. Хохрякова.

ла, и потому прошу васъ ее поздравить отъ меня, а Леонидіи (?) скажите отъ меня, что я ее цѣлую и желаю исправиться и быть какъ можно осторожнѣе вообще. Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и увѣрены, что Богъ васъ вознаградитъ за всѣ печали. Цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенія. Покорный М. Лермонтовъ.

37. КЪ Е. А. АРСЕНЬЕВОЙ.

[Ставрополь, май 1841].

Милая бабушка. Я сейчасъ пріѣхалъ только въ Ставрополь и пишу къ вамъ; ѣхалъ я съ Алексѣемъ Аркадьевичемъ, и ужасно долго ѣхалъ: дорога была прескверная. Теперь не знаю самъ еще, куда поѣду; кажется, прежде отправлюсь въ крѣпость Шуру, гдѣ полкъ, а оттуда постараюсь на воды. Я, слава Богу, здоровъ и спокоенъ, лишь бы вы были такъ спокойны, какъ я; одного только и желаю: пожалуйста, оставайтесь въ Петербургѣ: и для васъ и для меня будетъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Скажите Екиму Шанъ-Гирею, что я ему не совѣтую ѣхать въ Америку, какъ онъ располагалъ; а ужъ лучше сюда на Кавказъ: оно и ближе и гораздо веселѣе. Я все надѣюсь, милая бабушка, что мнѣ все-таки выйдетъ прощенье, и я могу выйти въ отставку. Прощайте, милая бабушка; цѣлую ваши ручки и молю Бога, чтобъ вы были здоровы и спокойны, и прошу вашего благословенія. — Остаюсь п. внукъ

Лермонтовъ.

[Рукопись находится у П. Я. Дашкова].

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1833.

Панорама Москвы.

Кто никогда не былъ на вершинѣ Ивана Великаго, кому никогда не случалось окинуть однимъ взглядомъ всю нашу древнюю столицу съ конца въ конецъ, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тотъ не имѣетъ понятія о Москвѣ, ибо Москва не есть обыкновенный большой городъ, какихъ тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодныхъ, составленныхъ въ симметрическомъ порядкѣ;... нѣтъ! у нея есть своя душа, своя жизнь. Какъ на древнемъ Римскомъ кладбищѣ, каждый ея камень хранитъ надпись, начертанную временемъ и рокомъ, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувствомъ и вдохновеніемъ для ученаго, патріота и поэта!.. Какъ у океана, у нея есть свой языкъ, языкъ сильный, звучный, святой, молитвенный!.. Едва проснется день, какъ уже со всѣхъ ея златоглавыхъ церквей раздается согласный гимнъ колоколовъ, подобно чудной, фантастической увертюрѣ Беттовена, въ которой густой ревъ контрабаса, трескъ литавръ, съ пѣніемъ скрипки и флейты образуютъ одно великое цѣлое;—и мнится, что безтѣлесные звуки принимаютъ видимую форму, что духи неба и ада свиваются подъ облаками въ одинъ разнообразный, неизмѣримый, быстро вертящійся хороводъ! О, какое блаженство внимать этой не земной музыкѣ, взобравшись на самый верхній ярусъ Ивана Великаго, облокотясь на узкое, мшистое окно, къ которому привела васъ истертая, скользкая витая лѣстница, и думать, что весь этотъ оркестръ гремитъ подъ вашими ногами, и воображать, что все это для васъ однихъ, что вы царь этого невещественнаго міра, и пожирать очами этотъ огромный муравейникъ, гдѣ суетятся люди, для васъ чуждые, гдѣ кипятъ страсти—вами на минуту забытыя!.. Какое блаженство разомъ обнять душою всю суетную жизнь, всѣ мелкія заботы человѣчества, смотрѣть на міръ—съ высоты!..

На сѣверъ передъ вами въ самомъ отдаленіи на краю синяго небосклона, немного правѣе Петровскаго замка, чернѣетъ романическая Марьина роща, передъ нею лежитъ слой пестрыхъ кровель, пересѣченныхъ кой-гдѣ

пыльной зеленью бульваровъ, устроенныхъ на древнемъ городскомъ валу; на крутой горѣ, усыпанной низкими домиками, среди коихъ изрѣдка лишь проглядываетъ широкая бѣлая стѣна какого-нибудь боярскаго дома, возвышается четвероугольная, сизая, фантастическая громада, — Сухарева башня. Она гордо взираетъ на окрестности, будто знаетъ, что имя Петра начертано на ея мшистомъ челѣ! Ея мрачная физіономія, ея гигантскіе размѣры, ея рѣшительныя формы, все хранитъ отпечатокъ другого вѣка, отпечатокъ той грозной власти, которой ничто не могло противиться. Ближе къ центру города зданія принимаютъ видъ болѣе стройный, болѣе европейскій; проглядываютъ богатыя колоннады, широкіе дворы, обнесенные чугунными рѣшетками, безчисленныя главы церквей, шпицы колоколенъ съ ржавыми крестами и пестрыми, раскрашенными карнизами.

Еще ближе, на широкой площади, возвышается Петровскій театръ, произведеніе новѣйшаго искусства, огромное зданіе, сдѣланное по всѣмъ правиламъ вкуса, съ плоской кровлей и величественнымъ портикомъ, на коемъ возвышается алебастровый Аполлонъ, стоящій на одной ногѣ въ алебастровой колесницѣ, неподвижно управляющій тремя алебастровыми конями и съ досадою взирающій на кремлевскую стѣну, которая ревниво отдѣляетъ его отъ древнихъ святынь Россіи!

На востокъ картина еще богаче и разнообразнѣе, за самой стѣной, которая вправо спускается съ горы и оканчивается круглой угловой башнею, покрытой, какъ чешуею, зелеными черепицами;—немного лѣвѣе этой башни являются безчисленные куполы церкви Василія Блаженнаго, семидесяти предѣламъ которой дивятся всѣ иностранцы, и которую ни одинъ русскій не потрудился еще описать подробно. Она, какъ древній Вавилонскій столпъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ уступовъ, кои оканчиваются огромной, зубчатой, радужнаго цвѣта главой, чрезвычайно похожей [если простятъ мнѣ сравненіе] на хрустальную граненую пробку стариннаго графина. Кругомъ нея разсѣяно по всѣмъ уступамъ ярусовъ множество второклассныхъ главъ, совершенно не похожихъ одна на другую; онѣ разсыпаны по всему зданію безъ симметріи, безъ порядка, какъ отрасли стараго дерева, пресмыкающіяся по обнаженнымъ корнямъ его.

Витыя тяжелыя колонны поддерживаютъ желѣзныя кровли, повисшія надъ дверями и наружными галлереями, изъ коихъ выглядываютъ маленькія темныя окна, какъ зрачки стоглазаго чудовища. Тысячи затѣйливыхъ іероглифическихъ изображеній рисуются вокругъ этихъ оконъ; изрѣдка тусклая лампада свѣтится сквозь стекла ихъ, загороженныя рѣшетками, какъ блещетъ ночью мирный свѣтлякъ сквозь плющъ, обвивающій полуразвалившуюся башню. — Каждый предѣлъ раскрашенъ снаружи особенною краской, какъ будто они не были выстроены всѣ въ одно время, какъ будто каждый владѣтель Москвы въ продолженіе многихъ лѣтъ прибавлялъ по одному въ честь своего ангела.

Весьма не многіе жители Москвы рѣшались обойти всѣ предѣлы сего ·ама. Его мрачная наружность наводитъ на душу какое-то уныніе: кажется, ·ь передъ собою самого Іоанна Грознаго,—но таковымъ, каковъ онъ ·ъ послѣдніе годы своей жизни!

И что же?—рядомъ съ этимъ великолѣпнымъ, угрюмымъ зданіемъ, прямо противъ его дверей, кипитъ грязная толпа, блещутъ ряды лавокъ, кричатъ разносчики, суетятся булочники у пьедестала монумента, воздвигнутаго Минину; гремятъ модныя кареты, лепечутъ модныя барыни,... все такъ шумно, живо, непокойно!

Вправо отъ Василія Блаженнаго, подъ крутымъ скатомъ, течетъ мелкая, широкая, грязная Москва-рѣка, изнемогая подъ множествомъ тяжкихъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и дровами; ихъ длинныя мачты, увѣнчанныя полосатыми флюгерами, встаютъ изъ-за Москворѣцкаго моста, ихъ скрыпучіе канаты, колеблемые вѣтромъ, какъ паутина, едва чернѣютъ на голубомъ небосклонѣ. На лѣвомъ берегу рѣки, глядясь въ ея гладкія воды, бѣлѣетъ воспитательный домъ, коего широкія голыя стѣны, симметрически расположенныя окна и трубы, и вообще европейская осанка, рѣзко отдѣляются отъ прочихъ сосѣднихъ зданій, одѣтыхъ восточной роскошью или исполненныхъ духомъ среднихъ вѣковъ. Далѣе къ востоку на трехъ холмахъ, между коихъ извивается рѣка, пестрѣютъ широкія массы домовъ всѣхъ возможныхъ величинъ и цвѣтовъ; утомленный взоръ съ трудомъ можетъ достигнуть дальняго горизонта, на которомъ рисуются группы нѣсколькихъ монастырей, между коими Симоновъ примѣчателенъ особенно своею, почти между небомъ и землей висящею, платформой, откуда наши предки наблюдали за движеніями приближающихся татаръ.

Къ югу подъ горой, у самой подошвы стѣны кремлевской, противъ Тайницкихъ воротъ, протекаетъ рѣка, и за нею широкая долина, усыпанная домами и церквями, простирается до самой Поклонной горы, откуда Наполеонъ кинулъ первый взглядъ на гибельный для него Кремль, откуда въ первый разъ онъ увидалъ его вѣщее пламя,—этотъ вѣщій свѣточъ, который озиралъ его торжество и паденіе!

На западѣ, за длинной башней, гдѣ живутъ и могутъ жить однѣ ласточки (ибо она, будучи построена послѣ французовъ, не имѣетъ внутри ни потолковъ ни лѣстницъ, и стѣны ея расперты крестообразно поставленными брусьями), возвышаются арки каменнаго моста, который дугою перегибается съ одного берега на другой; вода, удержанная небольшой запрудой, съ шумомъ и пѣною вырывается изъ-подъ него, образуя между сводами небольшіе водопады, которые часто, особливо весною, привлекаютъ любопытство московскихъ зѣвакъ, а иногда принимаютъ въ свои нѣдра тѣло бѣднаго грѣшника. Далѣе моста, по правую сторону рѣки, отдѣляются на небосклонѣ зубчатые силуэты Алексѣевскаго монастыря; по лѣвую, на равнинѣ между кровлями купеческихъ домовъ, блещутъ верхи Донского монастыря... А тамъ за нимъ, одѣты голубымъ туманомъ, восходящимъ отъ студеныхъ волнъ рѣки, начинаются Воробьевы горы, увѣнчанныя густыми рощами, которыя съ крутыхъ вершинъ глядятся въ рѣку, извивающуюся у ихъ подошвы подобно змѣѣ, покрытой серебристою чешуей.

Когда склоняется день, когда розовая мгла одѣваетъ дальнія части города и окрестные холмы, тогда только можно видѣть нашу древнюю столицу во всемъ ея блескѣ, ибо, подобно красавицѣ, показывающей только вечеромъ свои лучшіе уборы, она только въ этотъ торжественный часъ мо-

жетъ произвести на душу сильное, неизгладимое впечатлѣніе. Что сравнить съ этимъ Кремлемъ, который окружась зубчатыми стѣнами, красуясь золотыми главами соборовъ, возлежитъ на высокой горѣ, какъ державный вѣнецъ на челѣ грознаго владыки?

Онъ алтарь Россіи, на немъ должны совершаться и уже совершились многія жертвы, достойныя отечества... Давно ли, какъ баснословный Фениксъ, онъ возродился изъ пылающаго своего праха?...

Что величественнѣе этихъ мрачныхъ храминъ, тѣсно составленныхъ въ одну кучу, этого таинственнаго дворца Годунова, коего холодные столбы и плиты столько лѣтъ уже не слышатъ звуковъ человѣческаго голоса, подобно могильному мавзолею, возвышающемуся среди пустыни въ память царей великихъ?...

Нѣтъ! ни Кремля, ни его зубчатыхъ стѣнъ, ни его темныхъ переходовъ, ни пышныхъ дворцовъ его описать невозможно.... Надо видѣть, видѣть... надо чувствовать все, что они говорятъ сердцу и воображенію!...

Юнкеръ Л.-Л. Гусарскаго полка Лермантовъ.

[Въ тетради юнкерской школы въ публичной библіотекѣ находится конецъ пьесы—впереди вырвано нѣсколько листовъ]:

.... то первое положеніе можетъ показаться справедливымъ; крестьянинъ, имѣющій опредѣленный кругъ дѣйствій, не выходившій ни разу изъ границъ своей сферы, подобенъ дереву, которое растетъ, цвѣтетъ и засыхаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оно посажено; сельскій житель, безпечно отдыхая отъ трудовъ своихъ, не имѣетъ никакой заботы о будущемъ: его завтра всегда похоже на вчера,...трудъ, молитва и отдыхъ; онъ слушаетъ разсказы про городскія шумныя удовольствія, какъ внимаетъ дальнему грому, какъ смотритъ на тучу, проходящую далеко мимо его усѣяннаго поля.

[Между рукописями Чертковской библіотеки находится записаннымъ слѣдующій сюжетъ]:

Александръ. У него любовница, которую онъ взялъ изъ жалости; онъ былъ знакомъ въ Москвѣ въ одномъ знатномъ домѣ и любимъ дочерью; говорятъ, что у нея милліоны. Здѣсь его принимаютъ худо, она ничего прежняго не хочетъ помнить. А въ высшемъ кругу его не принимаютъ. Графъ за ней волочится и хочетъ жениться. Этотъ графъ всегда былъ на дорогѣ Александра. Александръ хочетъ заставить его отказаться; тотъ надъ нимъ смѣется. Потомъ Александръ клевещетъ на него ей; но графы пріѣзжаютъ, и они надъ Александромъ трунятъ.

Александръ дома съ любовницей, хочетъ денегъ; но у нея, кромѣ любви, ничего нѣтъ. Онъ ее не любитъ и ту не любитъ, а хочетъ денегъ. Входитъ ростовщикъ, живущій за стѣной, и предлагаетъ ему денегъ, а тотъ даетъ ему вексель на все имѣніе; ростовщикъ открываетъ, что у нея ничего нѣтъ.

Посредствомъ денегъ Александръ пробирается въ комнату Софьи, и говоритъ ей, что онъ знаетъ, что у нея ничего нѣтъ, и что она хочетъ выйти за графа, ибо онъ богатъ, и что если она хочетъ, чтобъ онъ не отказался отъ нея узнавъ, что у нея ничего нѣтъ, то она должна его любить. Она же, колеблется. Вдругъ входитъ горничная, говоря, что графъ пріѣхалъ.

Александра прячутъ за гардину.—Графъ изъясняется въ любви, говорятъ, что, ибо ему позволяютъ входъ во всякое время, то это показываетъ, что родители не прочь. Она ему клянется, что любитъ его одного. Въ эту минуту Александръ выходитъ и говоритъ: это правда. Смущеніе,—сцена.— Вдругъ входитъ отецъ съ дядей, и говоритъ, что его дочь обезчещена, что графъ долженъ жениться, что иначе они его лишатъ мѣста, убьютъ, и пр. Графъ въ отчаяніи. Александра выгоняютъ, но онъ радъ—дочь въ обморокѣ. Александръ съ нею прощается.

Александръ боленъ; онъ, въ размолвкѣ съ любовницей, разсказываетъ жизнь. Говоритъ, что онъ [не разобрать]; входитъ ростовщикъ; жалѣетъ и говоритъ, что вчера вечеромъ была свадьба графа.

— Посылаютъ за графомъ.—Графъ приходитъ, подноситъ свѣчу къ кровати и ужасается. Александръ ему говоритъ, что онъ отомстилъ ему, что написалъ къ своимъ пріятелямъ всю исторію; и потомъ говоритъ, что у нея ничего нѣтъ, и что ставитъ въ свидѣтели ростовщика. — Самъ упадаетъ безъ чувствъ.—Любовница въ отчаяніи проклинаетъ графа. Александръ [неразборчиво],

и говоритъ, что жалѣетъ, что не имѣетъ [неразборчиво] милліона оставить ей, и умираетъ.

ПИСЬМО ВЕЛ. КН. МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ, ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ВИДѢ (СМ. СТР. 427).

Ваше императорское высочество! Выписанный по приговору военнаго суда тѣмъ же чиномъ въ армію, неся гнѣвъ Государя Императора и Вашъ, я съ благоговѣніемъ покоряюсь судьбѣ моей, цѣня въ полной мѣрѣ вину мою и справедливость заслуженнаго наказанія. Я былъ ободренъ до сихъ поръ надеждой имѣть возможность усердною и ревностною службой загладить мой проступокъ. Но получивъ приказаніе явиться къ господину генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, я изъ словъ его сіятельства увидѣлъ, къ неописанной моей горести, что на мнѣ лежитъ не одно обвиненіе за дуэль съ господиномъ Барантомъ и за приглашеніе его на гауптвахту, но еще самое тяжкое, какому можетъ подвергнуться человѣкъ, дорожащій своею честію, офицеръ, имѣвшій счастіе служить подъ высокимъ начальствомъ Вашего Императорскаго Высочества. Графъ Бенкендорфъ изволилъ предложить мнѣ написать письмо къ господину Баранту, въ которомъ бы я просилъ у него извиненія въ ложномъ моемъ показаніи на счетъ моего выстрѣла.

Ваше Императорское Высочество! хотя не имѣю болѣе счастія служить подъ командой Вашею, но нынѣ осмѣливаюсь прибѣгнуть къ высокой Вашей защитѣ. Великодушное сердце Ваше позволитъ мнѣ сказать Вамъ со всею откровенностію: могла быть ошибка или недоразумѣніе въ словахъ моихъ или моего секунданта,—личнаго объясненія у меня при судѣ съ господиномъ Барантомъ не было,—но никогда я не унижался до обмана и лжи.

Вашему Императорскому Высочеству осмѣливаюсь повторить сказанное мною въ судѣ: я не имѣлъ намѣренія стрѣлять въ господина Баранта, не мѣтилъ въ него, выстрѣлилъ въ сторону, и это готовъ подтвердить честью моею. Въ доказательство намѣренія моего не стрѣлять въ господина Баранта служитъ то, что когда секундантъ мой, Столыпинъ, подалъ мнѣ пистолетъ, я ему сказалъ по-французски: je tirerai en l'air.

Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое, я однако осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Императорское Высочество соблаговолите войти въ мое трудное положеніе и защитить меня отъ незаслуженнаго обвиненія. [и проч. какъ въ исправленномъ видѣ].

Изъ большой переписки Лермонтова съ Андр. Александр. Краевскимъ къ сожалѣнію ничего не сохранилось за исключеніемъ небольшой записки, писанной поэтомъ передъ самымъ выѣздомъ изъ Петербурга въ апрѣлѣ 1841 года:

Любезный Андрей Александровичъ!

Очень жалѣю что не засталъ уже тебя у Одоевскаго и не могъ такимъ образомъ съ тобою проститься; сдѣлай одолженіе отдай подателю сего письма для меня два билета на «Отеч. Записки». Это для Л. Будь здоровъ и счастливъ. Vale (?) Лермонтовъ.

На обратной сторонѣ адресъ: Е. В. Благ. А. Ал. Краевскому у Измайловскаго моста; спросить чей домъ у Аничкова моста, на Фонтанкѣ, въ домѣ кн. Долгорукова, на квартирѣ кн. Одоевскаго.

КЪ С. А. РАЕВСКОМУ [1].

23а. Пятигорскъ, осенью 1837 года.

Любезный другъ Святославъ!

Я полагаю, что либо мои два письма пропали на почтѣ, либо твои ко мнѣ не дошли, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я о тебѣ знаю только изъ писемъ бабушки.

Наконецъ меня перевели обратно въ гвардію, но только въ Гродненскій полкъ, и если бы не бабушка, то, по совѣсти сказать, я бы охотно остался здѣсь, потому что врядъ ли Поселеніе [2] веселѣе Грузіи.

---

[1] Письмо это было напечатано въ первый разъ въ августовской книжкѣ «Русскаго обозрѣнія» уже по отпечатаніи V-го тома нашего изданія.

[2] Военныя поселенія близъ Новгорода, гдѣ стоялъ Гродненскій гусарскій полкъ

Съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ изъ Россіи, повѣришь ли, я находился до сихъ поръ въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ Линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами; ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское даже...

Простудившись дорогой, я пріѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ; меня на рукахъ вынесли люди изъ повозки, я не могъ ходить—въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили; я никогда не былъ такъ здоровъ, зато веду жизнь примѣрную; пью вино только когда гдѣ-нибудь въ горахъ ночью прозябну, то, пріѣхавъ на мѣсто, грѣюсь...—Здѣсь, кромѣ войны, службы нѣту; я пріѣхалъ въ отрядъ слишкомъ поздно, ибо Государь нынче не велѣлъ дѣлать вторую экспедицію, и я слышалъ только два, три выстрѣла; зато два раза въ моихъ путешествіяхъ отстрѣливался; разъ ночью мы ѣхали втроемъ изъ Кубы: я, одинъ офицеръ нашего полка и Черкесъ [мирный, разумѣется],—и чуть не попались шайкѣ Лезгинъ. Хорошихъ ребятъ здѣсь много, особенно въ Тифлисѣ есть люди очень порядочные; а что здѣсь истинное наслажденіе, такъ это татарскія бани!—Я снялъ на скорую руку виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ, и везу съ собою порядочную коллекцію; однимъ словомъ, я вояжировалъ. Какъ перевалился черезъ хребетъ въ Грузію, такъ бросилъ телѣжку и сталъ ѣздить верхомъ; лазилъ на снѣговую гору [Крестовая] [1] на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи какъ на блюдечкѣ, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства; для меня горный воздухъ—бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышетъ—ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь.

Началъ учиться по татарски, языкъ, который здѣсь, и вообще въ Азіи, необходимъ, какъ французскій въ Европѣ,—да

---

[1] Видъ Крестовой горы, написанный Лермонтовымъ масляными красками на мѣстѣ и подаренный княгинѣ Одоевской, находится у меня. П. В.

жаль, теперь не доучусь, а впослѣдствіи могло бы пригодиться. Я уже составлялъ планы ѣхать въ Мекку, въ Персію и проч., теперь остается только проситься въ экспедицію въ Хиву съ Перовскимъ.

Ты видишь изъ этого, что я сдѣлался ужаснымъ бродягой, а, право, я расположенъ къ этому роду жизни. Если тебѣ вздумается отвѣчать мнѣ, то пиши въ Петербургъ; увы, не въ Царское Село; скучно ѣхать въ новый полкъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ фронта и серіозно думаю выйти въ отставку.

Прощай, любезный другъ, не позабудь меня, и вѣрь все-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты черезъ меня пострадалъ.

Вѣчно тебѣ преданный

М. Лермонтовъ.

Павелъ Александровичъ Висковатый.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ
ЛЕРМОНТОВЪ

ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО.

Нѣтъ, я не Байронъ, — я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Изданіе В. Ѳ. Рихтера.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, домъ Талалаевой.
1891.

ОГЛАВЛЕНІЕ

(біографія М. Ю. Лермонтова).

Стр.

Посвященіе 3

ЧАСТЬ I.

ДѢТСТВО И ПЕРВАЯ ЮНОСТЬ.

ГЛАВА I.

Бабушка поэта Е. А. Арсеньева.—Отецъ и мать.—Рожденіе М. Ю. Лермонтова.—Семейная жизнь родителей.—Смерть матери и разлука съ отцомъ.—Дѣтскія забавы.—Воспитатели и товарищи дѣтства.—Поѣздки на Кавказъ.—Первая любовь . . . . 5—28

ГЛАВА II.

Переселеніе въ Москву и воспитатель Капэ.—Боевые разсказы.—Вліяніе наполеоновскихъ войнъ.—Капэ и Ле-Гранъ.—Патріотическія чувства.—Недовольство положеніемъ дѣлъ послѣ 25 года отражается на музѣ Лермонтова.—Новые наставники.—Поступленіе въ благородный университетскій пансіонъ.—Его состояніе въ бытность въ немъ Лермонтова.—Наставники: Зиновьевъ, Мерзляковъ и другіе. . . . . . 28—42

ГЛАВА III.

Начало поэтической дѣятельности.—Юношескія тетради Лермонтова.—Подражанія Пушкину: „Черкесы“, „Кавказскій плѣнникъ“.—Посланіе къ школьнымъ друзьямъ, „Корсаръ“ и „Преступникъ“.—Вліяніе Шиллера и Гёте.—Начало драматическихъ опытовъ.—Планъ драмы „Мстиславъ Черный“.—Сюжеты драмъ.—Влеченіе къ Испаніи.—Драма „Испанцы“. . 42 - 61

Стр.

ГЛАВА IV.

Драма „Menschen und Leidenschaften“.—Межъ двухъ огней.—Отецъ и сынъ.—Чрезмѣрная любовь. . . . 61—73

ГЛАВА V.

Предки Лермонтова.—Шотландскій бардъ Ѳома Лермонтъ.—Русская вѣтвь Лермонтова.—Тоска по Шотландіи.—Скорбь объ отцѣ и мысли о самоубійствѣ . 73—84

ГЛАВА VI.

Жизнь въ Середниковѣ. — Внѣшній видъ Лермонтова.—Вліяніе Байрона и др.—Любовь къ народнымъ русскимъ пѣснямъ.—Дѣтскія забавы.—Интересъ къ серьезному чтенію.—Романтическое настроеніе и жажда любви.—Екатерина Ал. Сушкова. — Наклонность передавать бумагѣ каждую мысль и чувство. — Собственное изображеніе внутренняго своего состоянія . 84—102

ЧАСТЬ II.

Стремленія и тревоги молодости (періодъ броженія).

ГЛАВА VII.

Университетскіе годы.

Поступленіе въ университетъ.—Профессора и студенты.—Кружки. — Лермонтовъ среди товарищей.—Холера.—Отношеніе къ вѣстямъ о революціи во Франціи и безпорядкахъ въ Польшѣ и Новгородѣ. — Интересы студенчества, Бѣлинскаго и Лермонтова. — Симпатія къ Полежаеву.—Маловская исторія.—Столкновеніе съ профессорами.—Выходъ изъ Московскаго университета и попытка вступить въ Петербургскій.—Перемѣна карьеры.—Поступленіе въ Школу гвардейскихъ юнкеровъ.—Лермонтовъ—питомецъ университета, а не „школы“. . . . . 103—142

ГЛАВА VIII.

Литературная дѣятельность М. Ю. Лермонтова въ университетскіе годы.

Лирическіе мотивы.—Тоска по надземному міру.—Любовь къ Варенькѣ Лопухиной.—Ангелъ смерти.—Байронизмъ.—Измаилъ-Бей. . . . . 143—166

Стр.

ГЛАВА IX.

Пребываніе въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ.

Школа гвардейскихъ юнкеровъ.—Что встрѣтилъ въ ней Лермонтовъ.—Удальство и отношеніе къ товарищамъ. — Литературные интересы въ Школѣ. —Чувство одиночества . . . . 167—191

ГЛАВА X.

М. Ю. Лермонтовъ по выходѣ изъ Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Кутежи и шалости.—Монго-Столыпинъ. — Дружеская связь его съ поэтомъ.—Лермонтовъ въ салонахъ петербургскаго общества.—Е. А. Хвостова. — Женщины—друзья Лермонтова. . . . . 192—214

ГЛАВА XI.

Литературная дѣятельность до первой высылки на Кавказъ (отъ 1834—1837 г.)

Дружба съ А. П. Шанъ-Гиреемъ и С. А. Раевскимъ.—Знакомство съ А. А. Краевскимъ и другими литераторами. — Народничество Лермонтова.—Интересъ къ родной исторіи и народному творчеству.— Бояринъ Орша. — Пѣсня про Грознаго царя, Кирибѣевича и Калашникова.—Тамбовская казначейша.— Сашка.—Маскарадъ.—Арбенинъ.—Два брата. . . . 215—237

ГЛАВА XII.

Предсмертная дуэль Пушкина.—Впечатлѣніе смерти Пушкина на общество.—Толки.—Отношеніе къ нимъ Лермонтова.—Стихи на смерть поэта.—Распространеніе стиховъ. — Арестъ Раевскаго и Лермонтова.—Слѣдствіе и показаніе Лермонтова. —Приговоръ.—Отношеніе Лермонтова къ Раевскому . . . . 237—251

ГЛАВА XIII.

М. Ю. Лермонтовъ на Кавказѣ въ 1837 году.

Высылка изъ Петербурга. — Тамань. — Экспедиція на восточномъ берегу Чернаго моря.—Генералъ Вельяминовъ.—Жизнь въ дѣйствующемъ отрядѣ. — Стихотвореніе „Бородино“ и „Пѣсня про царя Ивана Васильевича Грознаго“.—Странствованіе по Кавказу.—

Стр.

Пріѣздъ Государя и конецъ экспедиціи.—Сюжеты и типы нѣкоторыхъ произведеній, взятые изъ кавказской природы и жизни.—Д-ръ Майеръ и декабристы.—Отъѣздъ на родину . . . . 251—268

ЧАСТЬ III.

Зрѣющій человѣкъ и поэтъ.

ГЛАВА XIV.

Любовь.

Лермонтовъ въ кругу молодыхъ женщинъ. — Варвара Александровна Лопухина.—Показанія Шанъ-Гирея.—Варенька въ произведеніяхъ поэта: въ лирикѣ, поэмахъ и драмахъ.—Колебанія.—Померкнувшій образъ.—Извѣстіе о замужествѣ.—Месть посредствомъ литературныхъ произведеній.—Примиреніе съ Варенькой.—Мужъ Вареньки.--Страданіе Варвары Александровны.—Раскаяніе Лермонтова.—Смерть . . . . . 269—293

ГЛАВА XV.

Возвращеніе съ Кавказа.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Въ Гродненскомъ гусарскомъ полку.—Покровительство Бенкендорфа.—Переводъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.—Положеніе общества.—Отношеніе Лермонтова къ современникамъ. — Сужденіе о поэтѣ декабриста Назимова, князя Васильчикова и др. — Дума.—Сужденіе Боденштедта.—Лермонтовъ въ литературныхъ кружкахъ и среди высшаго общества.—Охлажденіе къ нему Бенкендорфа. . . . . 293—316

ГЛАВА XVI.

Столкновеніе съ Де-Барантомъ.—Первая дуэль.—Судъ и преслѣдованія и защита Лермонтова В. Кн. Михаиломъ Павловичемъ.—Вторая ссылка на Кавказъ 317—338

ГЛАВА XVII.

Экспедиціи противъ чеченцевъ въ 1840 году.—Отрядъ генерала Галафѣева. — Конный отрядъ охотниковъ подъ командою Дорохова и Лермонтова.—Забавы во время похода.—Бой подъ „Валерикомъ“.—Отзывы о Лермонтовѣ Галафѣева и Граббе.—Встрѣча съ французскою писательницею Гоммеръ-де Гелль.—Сборы въ Петербургъ . . . . 339—356

Стр.

ГЛАВА XVIII.

Первое изданіе стихотвореній и „Героя нашего времени“. — Сужденіе. — Религіозное направленіе. — Послѣднее пребываніе въ Петербургѣ. — Мечты объ отставкѣ и исключительно литературной дѣятельности. - Лермонтовъ въ кругу друзей. — Нерасположеніе къ поэту графа Бенкендорфа. — Внезапная высылка изъ Петербурга. . . . . 357—379

ГЛАВА XIX.

Послѣднее путешествіе на Кавказъ. — Встрѣча съ Боденштедтомъ. — Изъ Ставрополя въ Пятигорскъ. — Затрудненія со стороны начальства относительно пребыванія поэта въ Пятигорскѣ. — Домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ. — Жизнь въ Пятигорскѣ. — Семья Верзилиныхъ. — Антагонизмъ между пріѣзжимъ и мѣстнымъ обществомъ. — Кружокъ молодежи. — Нелюбовь къ Лермонтову представителей пріѣзжаго столичнаго общества. — Отношеніе къ нимъ Лермонтова. — Н. С. Мартыновъ. — Выходки Лермонтова: альбомъ карикатуръ, шалости. . . . . 379—407

ГЛАВА XX.

(Дуэль).

Настроеніе противъ Лермонтова. — Интрига. — Балъ, данный молодежью Пятигорскимъ дамамъ 8-го іюля. — Недовольство баломъ представителей столичнаго общества. — Празднество, задуманное кн. Голицынымъ. — Вечеръ 13 іюля у Верзилиныхъ и столкновеніе на немъ между Лермонтовымъ и Мартыновымъ. — Вызовъ. — Мѣры, принятыя для предупрежденія дуэли и не легкомысленное отношеніе къ ней друзей поэта. — Послѣднее творчество Лермонтова. — Настоящая причина дуэли кроется въ тогдашнихъ условіяхъ общественной и оффиціальной жизни. — Послѣднее пребываніе поэта въ колоніи близъ Пятигорска. — Мѣсто дуэли. — Свидѣтели ея. — Поединокъ и смерть. . . . 408—425

ЭПИЛОГЪ.

Трупъ поэта на мѣстѣ поединка. — Перевозъ тѣла въ Пятигорскъ. — Затрудненія при похоронахъ. — Могила. — Слѣдственное дѣло. — Степень виновности Мар-

Стр.

тынова и другихъ. — Слухи о причинахъ, побудившихъ Мартынова драться съ Лермонтовымъ. — Преслѣдователи и защитники Михаила Юрьевича. — Высочайшее повелѣніе относительно лицъ причастныхъ къ дуэли. — Перенесеніе тѣла Михаила Юрьевича въ Тарханы . . . . 426—448

Послѣсловіе . . . . — 49

Приложенія 1

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Жизнь и творчество.

П. А. Висковатова.

Дорогой памяти Зинаиды К—ой, и безвременно усопшей дочери своей Маріи Павловны Висковатовой посвящаетъ этотъ трудъ

Пав. Висковатый.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

Вышелъ одинокъ онъ на дорогу,
Вкругъ него ночной туманъ густѣлъ,
И души стремленья и тревогу
Разъяснить себѣ онъ не успѣлъ.

Въ увлеченьяхъ страсти утопая,
Въ буряхъ онъ спокойствія искалъ;
Но рѣчамъ таинственнымъ внимая,
Къ нимъ изъ битвъ навстрѣчу выбѣгалъ.

Съ Сѣвера на Югъ влекомъ далекій,
Злобой тайною, невѣжествомъ гонимъ,
Онъ умолкъ, сраженъ судьбой жестокой.....
Скалъ толпа склонялася надъ нимъ.

1865. П. В.

ЧАСТЬ I.

Дѣтство и первая юность.

ГЛАВА I.

Бабушка поэта Е. А. Арсеньева.—Отецъ и мать.—Рожденіе М. Ю. Лермонтова.—Семейная жизнь родителей.—Смерть матери и разлука съ отцомъ.—Дѣтскія забавы.—Воспитатели и товарищи дѣтства.—Поѣздки на Кавказъ.—Первая любовь.

Горячо любила Михаила Юрьевича Лермонтова воспитавшая его бабка, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, и память о ней тѣсно связана съ именемъ поэта. Она лелѣяла его съ колыбели, выходила больнымъ ребенкомъ, позаботилась дать ему блестящее и серьезное для того времени образованіе, сосредоточила на немъ всю свою любовь и заботы. Въ преклонныхъ лѣтахъ, частью именно изъ-за этой беззавѣтной преданности къ внуку, пользовалась она всеобщимъ уваженіемъ и не разъ успѣвала отвращать своимъ заступничествомъ серьезную опасность, грозившую поэту.

Когда его не стало, она выплакала свои старыя очи. Ослабѣвшія отъ слезъ вѣки падали на нихъ, и, чтобы глядѣть на опостылый міръ, старушкѣ приходилось поддерживать ихъ пальцами.

По разсказамъ знавшихъ ее въ преклонныхъ лѣтахъ, Елизавета Алексѣевна была средняго роста, стройна, со строгими, рѣшительными, но весьма симпатичными чертами лица.

Важная осанка, спокойная, умная, неторопливая рѣчь подчиняли ей общество и лицъ, которымъ приходилось съ нею сталкиваться. Она держалась прямо и ходила, слегка опираясь на трость, всѣмъ говорила «ты» и никогда никому не стѣснялась высказать, что считала справедливымъ. Прямой, рѣшительный характеръ ея въ болѣе молодые годы носилъ на себѣ печать повелительности и можетъ-быть отчасти деспотизма, что видно изъ отношеній ея къ мужу дочери, къ отцу нашего поэта. Съ годами, подъ бременемъ утратъ и испытаній, эти черты сгладились, — мягкость и теплота чувствъ осилили ихъ, — хотя строгій и повелительный видъ бабушки молодаго Михаила Юрьевича доставилъ ей имя Марѳы Посадницы среди молодежи, товарищей его по юнкерской школѣ. Въ обширномъ кругѣ ея родства и свойства именовали ее просто «бабушка».

Елизавета Алексѣевна, урожденная Столыпина, была дочь богатаго помѣщика Алексѣя Емельяновича Столыпина, давшаго многочисленному своему семейству отличное воспитаніе. Многіе изъ членовъ этой семьи представляли собою людей съ недюжинными характерами, самостоятельныхъ и даровитыхъ. Сперанскій былъ съ ними въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, и они поддерживали дружбу съ нимъ даже и во время его опалы, когда многіе боялись имѣть къ нему какое-либо отношеніе [1].

---

1 Это видно изъ переписки Сперанскаго съ дочерью [см. Р. Арх. 1868 г.]. См. книгу барона Корфа: «Жизнь графа Сперанскаго», Спб. 1861 г., стр. 54, 55, 127, 131, 167, 273 и 368. Съ сыномъ Алексѣя Емельяновича, Аркадіемъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ [1777—1825], бывшимъ оберъ-прокуроромъ сената, Сперанскій оставался въ дѣятельной перепискѣ [см. Р. Арх. 1869 года, стр. 1682—1708 и 1966 и дал.]. Кромѣ этого Аркадія Алексѣевича [по счету втораго брата], женатаго на дочери знаменитаго графа Николая Семеновича Мордвинова, у Арсеньевой были братья: 1] старшій Александръ Алексѣевичъ—адъютантъ Суворова; 3] Дмитрій Алексѣевичъ—генералъ-лейтенантъ; 4] Аѳанасій Алексѣевичъ [1788—1866], служившій съ отличіемъ храбраго офицера въ артиллеріи; былъ саратовскимъ предводителемъ дворянства, женатъ на Устиновой, памятенъ въ Москвѣ своимъ хлѣбосольствомъ и, по увѣренію Лонгинова, былъ особенно любимъ и почитаемъ Лермонтовымъ [Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 381]; 5] Николай Алексѣевичъ, извѣстный своею храбростью, командиръ Ямбургскаго полка [«Истор. Ямб. полка», стр.

Самъ Алексѣй Емельяновичъ былъ человѣкъ бывалый, упрочившій состояніе свое винными откупами, учрежденными при Екатеринѣ II. Собутыльникъ гр. Алексѣя Орлова, Алексѣй Емельяновичъ усвоилъ себѣ и повадки, и вкусы его. Онъ былъ охотникъ до кулачныхъ боевъ и разныхъ потѣхъ, но всему предпочиталъ театръ, который въ симбирской его вотчинѣ былъ доведенъ до возможнаго совершенства и, перевозимый хлѣбосольнымъ хозяиномъ въ Москву, возбуждалъ общее удивленіе. Актерами были крѣпостные люди, но появлялись на сценѣ порою и домочадцы, и гости.

Дочери Алексѣя Емельяновича, дѣвицы крѣпкаго сложенія, рослыя и рѣшительныя повыходили замужъ уже въ почтенномъ возрастѣ. Елизавета Алексѣевна, бабка Лермонтова, сочеталась бракомъ съ гвардіи поручикомъ Михаиломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ, который былъ моложе ея лѣтъ на восемь.

Арсеньевъ былъ членомъ большой семьи, владѣвшей селомъ Васильевскимъ въ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда. Женившись, Михаилъ Васильевичъ переѣхалъ съ женой въ имѣніе Тарханы, Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда. Въ Васильевскомъ оставались жить родныя сестры его, дѣвицы Варвара и Марья Васильевны, вдовая Дарья Васильевна, да четыре его брата. Бывая въ Москвѣ и перекочевывая изъ нея въ Пензенскую губернію, Арсеньевы подолгу гостили у нихъ въ Васильевскомъ. Отъ брака этого была всего одна дочь, Марья Михайловна. Отецъ ея, по разсказамъ, умеръ неожиданно и при необыкновенныхъ обстоятельствахъ.

679—696]; онъ былъ въ Севастополѣ губернаторомъ и погибъ въ 1830 году во время чумнаго возстанія, такъ-называемаго «бабьяго бунта»[Русь. 1880 г., № 3; тоже Р. Арх. 1868 г., стр. 1108 и Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр., 566]. Сестеръ у Арсеньевой было три: старшая была за Евреиновымъ, Екатерина—за Хостатовымъ и Наталья—за Григоріемъ Даниловичемъ Столыпинымъ [однофамильцемъ]. Лонгиновъ ошибается, говоря [Р. Стар., 1873. т. VII. стр. 381 и 566], что одна изъ сестеръ была за Шанъ-Гиреемъ,—за нимъ замужемъ была племянница Арсеньевой, дочь Хостатовой—Марья Акимовна.—А. М. Тургеневъ въ запискахъ своихъ [Русск. Старина 1885 г. ноябрь, стр. 276 и декабрь, стр. 473] относится къ Столыпину и особенно къ дочерямъ его неблагосклонно.

Хотя старушка Арсеньева впослѣдствіи охотно говорила о счастливомъ своемъ супружествѣ [1], но, въ дѣйствительности, сравнительно молодой мужъ чувствовалъ себя, кажется, не вполнѣ счастливымъ съ властолюбивою женой. Онъ увлекся сосѣдкой помѣщицей, княгиней или даже княжной Ман—вой. Елизавета Алексѣевна воспылала ревностью къ своей счастливой соперницѣ и похитительницѣ ея правъ. Между женою и мужемъ произошла бурная сцена. Елизавета Алексѣевна рѣшила, что нога соперницы ея не будетъ въ Тарханахъ. Между тѣмъ какъ разъ къ вечеру 1-го января охотники до театральныхъ представленій Арсеньевы, готовили вечеръ съ маскарадомъ, танцами и театральнымъ представленіемъ *новой* пьесы— Шекспировскаго Гамлета въ переводѣ Висковатова [2]. Гости начали съѣзжаться рано. Михаилъ Васильевичъ постоянно выбѣгалъ на крыльцо прислушиваясь къ знакомымъ бубенчикамъ экипажа возлюбленной имъ княжны. Полная негодованія Елизавета Алексѣевна слѣдила за своимъ мужемъ, съ которымъ она уже нѣсколько дней не перекидывалась словомъ. Впослѣдствіи оказалось, что она предусмотрительно послала на встрѣчу княжнѣ довѣренныхъ людей съ какою то энергическою угро-

---

1 Разсказы о бабушкѣ Арсеньевой я записалъ со словъ г-жи Гельмерсенъ урожден. баронессы Россильонъ († 1885 г. въ Дерптѣ), мужъ которой Ал. Петровичъ Гельмерсенъ былъ командиромъ роты школы юнкеровъ. Онъ за болѣзнью, или за отсутствіемъ Шлиппенбаха (начальника всей школы) исполнялъ его должность. Многіе юнкера, въ томъ числѣ и Лермонтовъ, были вхожи въ семью Гельмерсена. Черезъ внука познакомилась съ нею и бабушка Арсеньева.

Однажды въ обществѣ, въ квартирѣ Гельмерсена, заговорили о рѣдкихъ случаяхъ счастливаго супружества. «Я могу говорить о счастьи,—замѣтила бабушка Лермонтова.—Я была немолода, некрасива, когда вышла замужъ, а мужъ меня баловалъ... Я до конца была счастлива». Одна изъ присутствовавшихъ, молодая женщина, тоже стала увѣрять, что и она весьма счастлива.—«Ты богата, молода и хороша,—ввернула бабушка, всѣмъ говорившая *ты*,—вышла замужъ за старика,—какъ же ему тебя не баловать?» См. тоже, что разсказалъ о бабушкѣ Лонгиновъ въ Современ. 1856 г., № 6, стр. 162.

2 Гамлетъ въ передѣлкѣ Сумарокова существовалъ съ 1748 г., слѣдовательно не могъ называться *новой* пьесой. Переводъ или скорѣе передѣлка Степана Ивановича Висковатова была напечатана въ первый разъ въ 1811 году, но на театрѣ разыгрывалась раньше.

зою. Княжна не доѣхала до Тарханъ и вернулась обратно. Небольшая записка ея извѣстила о случившемся Михаила Васильевича.

Что было въ этой запискѣ? Что вообще происходило между Арсеньевымъ и женой?... Дѣло кончилось трагически. Пьеса разъигрывалась господами, нѣкоторыя роли исполнялись актерами изъ крѣпостныхъ. Самъ Арсеньевъ вышелъ въ роли могильщика въ V дѣйствіи. Исполнивъ ее, Михаилъ Васильевичъ ушелъ въ гардеробную, гдѣ ему и была передана записка княжны. Пришедшіе затѣмъ гости нашли его отравившимся. Въ рукахъ онъ судорожно сжималъ полученное извѣщеніе [1].

Отъ брака съ Арсеньевымъ у Елизаветы Алексѣевны была всего одна дочь, Марья Михайловна. Во время трагической смерти отца ей было лѣтъ 15. Мать страстно любила дочь свою,

[1] Похороненъ М. В. Арсеньевъ въ фамильной часовнѣ въ Тарханахъ. Надъ нимъ женою поставленъ мраморный монументъ съ надписью на передней сторонѣ: скончался 1810 года, 2-го января. Справа написано: Михаилъ Васильевичъ Арсеньевъ. Съ лѣвой стороны: родился 1768 года, 8-го ноября.—Сопоставляя числа, выходитъ, что Арсеньевъ дѣйствительно былъ на 8 лѣтъ моложе жены, скончавшейся въ 1845 году 85 лѣтней старухой.

Разсказъ о смерти Арсеньева слышанъ мною отъ близкихъ къ семьѣ Ман—ыхъ людей, но еще раньше, въ 1881 году, въ Тарханахъ мнѣ сообщали старожилы разныя варіаціи смерти Арсеньева. Говорили, между прочимъ, что въ Тарханахъ съѣхавшіеся на святкахъ гости задумали рядиться. Ряженые собрались въ залѣ, но вдругъ, среди общаго веселья, замѣтили, что одного изъ кавалеровъ недостаетъ. Пошли отыскивать его въ мужскую уборную и наткнулись на Михаила Васильевича, лежавшаго мертвымъ на полу, въ костюмѣ и маскѣ. Говорили, что онъ умеръ отъ удара. См. статью мою въ Русской Мысли октябрь 1881 г., но только тутъ я не помѣстилъ разсказа Александры Суминой, бывшей дворовой дѣвушки Арсеньевой, старушки еще довольно бодрой, доживавшей свой вѣкъ въ Тарханахъ. Когда я ее видѣлъ, ей было уже за 80 лѣтъ (старожилы утверждали, что ей кончается 9-й десятокъ). Она утверждала, что была дѣвчонкой на побѣгушкахъ, когда умеръ Арсеньевъ, и помнила только, что «баринъ съ барыней побранились. Гости въ домѣ, а баринъ все на крыльцо выбѣгали. Барыня серчала. А тутъ баринъ пошли съ заступомъ къ гостямъ и очень жалостно говорили, а потомъ ушли къ шкафчику, да тамъ выпили, а тамъ нашли ихъ въ уборной померши. Барыня оченно убивались и т. д.» Уж болѣе позднія сообщенія пояснили мнѣ сбивчивые разсказы старухи. Очевидно, Арсеньевъ съ заступомъ передъ гостями былъ въ роли могильщика. Отъ другихъ старожиловъ слышалъ я разсказъ въ подобномъ же родѣ [см. Живописн. Обозрѣніе 1884 г. № 39].

и, кажется, эта беззавѣтная привязанность вызвала охлажденіе къ мужу. Однако со смертью его проснулись воспоминанія первыхъ счастливыхъ лѣтъ супружества, и Елизавета Михайловна старалась устроить жизнь свою въ прежнихъ рамкахъ. Какъ при мужѣ, она каждый годъ проводила нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, куда ѣзжали изъ пензенскаго имѣнія на долгихъ, посѣщая и останавливаясь на пути у родныхъ и знакомыхъ помѣщиковъ. Возвращаясь однажды изъ Москвы, мать съ дочерью заѣхали въ Васильевское, къ Арсеньевымъ, да и загостились у нихъ. Съ Арсеньевыми находилась въ большой дружбѣ семья Лермонтовыхъ, жившая по сосѣдству въ имѣніи своемъ Кроптовкѣ. Она состояла изъ пяти сестеръ[1] и брата Юрія Петровича, который былъ воспитанъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ, а потомъ служилъ въ немъ и вышелъ въ отставку по болѣзни, въ 1811 году, съ чиномъ капитана[2]. Такимъ образомъ была прервана довольно успѣшная карьера 24 лѣтняго офицера. Объясняется отставка, кажется, необходимостью пріѣхать въ имѣніе и заняться хозяйствомъ, съ которымъ сестры не могли справиться.

Красивый молодой человѣкъ съ блестящими столичными пріемами произвелъ на Марью Михайловну сильное впечатлѣ-

---

[1] Наталья, Александра, Авдотья, замужемъ за Пожогинымъ-Отрошкевичъ, Екатерина (потомъ вышедшая за Свиньина) и Елена, вышедшая за Петра Вас. Віолева. Г. Никольскій, въ статьѣ: «Предки М. Ю. Лермонтова», Русск. Стар. 1873 г., т. VII, на стр. 553, ошибочно называетъ лишь двухъ сестеръ Юрія Петровича: Екатерину и Елену, основываясь частью на показаніяхъ М. Н. Лонгинова.

[2] Свѣдѣній объ Юріи Петровичѣ очень немного. Родился онъ въ 1787 г. и воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда, въ 1804 году октября 29 го, 17-ти лѣтъ отъ роду, былъ выпущенъ въ Кексгольмскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ. Однако менѣе чѣмъ черезъ 11 мѣсяцевъ его переводятъ на службу въ только что покинутый имъ кадетскій корпусъ, что, конечно, можетъ указывать на то, что молодой человѣкъ былъ у своего начальства на особенно хорошемъ счету. Въ 1810 году получаетъ онъ чинъ поручика, а 7-го ноября 1811 года увольняется въ отставку, по болѣзни, съ чиномъ капитана и съ мундиромъ. Во весь срокъ семилѣтней службы Лермонтовъ пользовался вниманіемъ начальства. Три раза было ему объявлено «Высочайшее удовольствіе и благодарность» (указъ объ отставкѣ см. въ Русск. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 563).

ніе. Женское населеніе Кроптовки и Васильевскаго жарко принялось за дѣло и, къ радости, или къ неудовольствію Елизаветы Алексѣевны, молодые люди были помолвлены, и Марья Михайловна пріѣхала съ матерью въ Тарханы объявленною невѣстой.

Родня Арсеньевой, кажется, не очень сочувственно отнеслась къ проектированному браку и недоброжелательно глядѣла на бѣднаго капитана, принадлежавшаго не къ родовитому ихъ кругу. Вѣнчаніе происходило въ Тарханахъ, съ обычною торжественностью при большомъ съѣздѣ гостей.—Вся дворня была одѣта въ новыя платья. Среди гостей находились сестра Юрія Петровича и мать его Анна Васильевна.

Хотя Юрій Петровичъ, какъ увидимъ ниже, и происходилъ отъ древней шотландской фамиліи, рано переселившейся въ Россію, и предки его занимали видныя должности при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, но родъ ихъ обѣднѣлъ, средства оскудѣли, и самъ Юрій Петровичъ, какъ и другіе, врядъ ли зналъ хорошо свою родословную. Это можно видѣть изъ того, что сынъ его еще въ 1834 году не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о родѣ своемъ и обращался къ родственнику своему за гербовою печатью, чтобы вырѣзать гербъ на своей [1].

Выйдя замужъ Марья Михайловна не получила въ приданое недвижимаго и за ней считалось всего 17 душъ безъ земли, вывезенныхъ покойнымъ отцемъ изъ тульской его деревни. За то мужу ея, Юрію Петровичу, предоставлено было управлять имѣніями матери, селомъ Тарханы и деревнею Михайловской. Онъ и распоряжался этими имѣніями до самой смерти жены полнымъ хозяиномъ,—«вошелъ въ домъ», по выраженію старожиловъ. Молодые выѣхали изъ Тарханъ въ Москву, когда состояніе здоровья Марьи Михайловны этого потребовало. За ними послѣдовала и Елизавета Алексѣевна.

Если отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ Москвѣ ѣхать къ Краснымъ воротамъ, то на правой рукѣ, на площади, къ сторонѣ той части Садовой улицы, которая идетъ къ Суха-

---

1 Разсказъ Ивана Николаевича Лермонтова въ Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 393.

ревой башнѣ, противъ самыхъ Красныхъ воротъ, стоитъ каменный трехэтажный домъ нынѣ Голикова, съ балкономъ на углу. Въ 1814 году на этомъ мѣстѣ стоялъ домъ меньшихъ размѣровъ, который впослѣдствіи былъ расширенъ и надстроенъ. Онъ принадлежалъ тогда генералъ-маіору и кавалеру Ѳедору Николаевичу Толю [1]. Въ этомъ-то домѣ и поселились Лермонтовы. Здѣсь у нихъ со 2-го на 3-е октября родился сынъ. Крещенъ онъ былъ 11-го октября и въ честь дѣда Арсеньева нареченъ Михаиломъ [2]. И въ этомъ тоже замѣтна настойчивость характера бабки Арсеньевой, потому что изъ рода въ родъ Лермонтовы именовались, то Петромъ, то Юріемъ. Поэтъ нашъ первый въ длинномъ рядѣ предковъ получилъ не традиціонное имя, и отецъ его Юрій Петровичъ согласился на это неохотно [3].

---

[1] Статья Розанова—Русск. Стар. 1873 г., т. VIII, стр. 113, и зам. Лонгинова—Русск. Стар. т. VII, стр. 380. Домъ Толя,—говоритъ Розановъ,—перешелъ, вѣроятно, къ Бурову, потомъ къ иностранцу Пенандъ, а черезъ 6 лѣтъ къ Голикову.

[2] Для совершенія обряда крещенія были приглашены изъ церкви Трехъ Святителей, протоіерей Николай Петровичъ Друговъ, дьяконъ Петръ Ѳедоровичъ, дьячекъ Яковъ Ѳедоровичъ и пономарь Алексѣй Никифоровичъ. Воспріемникомъ былъ коллежскій ассессоръ Ѳома Васильевичъ Хотяинцевъ, а воспріемницею бабка новорожденнаго Арсеньева. Метрическое свидѣтельство напечатано въ Русской Мысли 1881 г. ноябрь.

[3] По указаніямъ Хвостовой [записки Е. А. Хвостовой, стр. 186], Лермонтовъ родился въ 1815 году. Это утверждаетъ и Лонгиновъ, весьма, впрочемъ, ненадежный въ своихъ показаніяхъ, что не разъ будемъ имѣть случай доказать. [Русск. Вѣстн. 1860 г., № 8, стр. 383, и Русск. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 380]. Въ Петербургскихъ Губернскихъ Вѣдомостахъ 1867 года, № 50, помѣщена статья Прозина: «Выдержки изъ моего дорожнаго журнала». Въ статьѣ этой описывается село Тарханы и могила Лермонтова, на которой г. Прозинъ прочелъ: «Лермонтовъ родился 30 октабря 1814 г.» Описанія памятника чрезвычайно различны. Такъ, въ Илл. Газетѣ [1867 г., № 12] говорилось, что на памятникѣ кромѣ надписи «М. Ю. Лермонтовъ» больше ничего нѣтъ [переп. съ «Зап. Хвостовой», стр. 254]. Въ Русск. Художеств. Листкѣ [1 марта 1862 г., № 7] помѣчено, что Лермонтовъ родился 3 октября 1814 г. По точнымъ описаніямъ г. Журавлева, провѣреннымъ мною на мѣстѣ, памятникъ имѣетъ слѣдующія надписи. На передней сторонѣ: «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ». на правой: «скончался 1841 г. 15 іюля», на лѣвой: «родился въ 1814 г. 3 октября». Самъ поэтъ праздновалъ день своего рожденія 3-го октября [см. письмо къ нему Верещагиной въ Русск. Обозр. августъ 1890 г. стр. 734]. Г. Розановъ помѣстилъ въ Русск. Стар. 1873 г., стр. 113, точную

Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Изъ Тарханъ, уже впередъ, до срока, прислали двухъ крестьянокъ съ грудными младенцами. Врачи выбрали изъ нихъ Лукерью Алексѣевну въ кормилицы къ новорожденному. Она долго потомъ жила на хлѣбахъ въ Тарханахъ, и Михаилъ Юрьевичъ уже взрослымъ не разъ навѣщалъ ее тамъ, справлялся о житьѣ-бытьѣ и привозилъ подарки [1]. Изъ Москвы Лермонтовы съ бабушкою и груднымъ ребенкомъ своимъ вернулись въ Тарханы, и Юрій Петровичъ выѣзжалъ изъ нихъ лишь иногда, по хозяйственнымъ дѣламъ, то въ Москву, то въ тульское имѣніе [2].

Супружеская жизнь Лермонтовыхъ не была особенно счастливою; скоро даже, кажется, произошелъ разрывъ, или, по крайней мѣрѣ, сильныя недоразумѣнія между супругами. Что было причиною ихъ, при существующихъ данныхъ, опредѣлить невозможно. Юрій Петровичъ охладѣлъ къ женѣ. Можетъ-быть, какъ это случается, ревнивая любовь матери къ дочкѣ, при недоброжелательствѣ къ мужу ея, усугубили недоразумѣнія между ними. Можетъ-быть, распущенность помѣщичьихъ нравовъ того времени сдѣлала свое, но только въ домѣ Юрія Петровича очутилась особа, занявшая мѣсто, на которое имѣла

справку изъ архива московской консисторіи, въ коей говорится, что Лермонтовъ родился 2-го октября. Бабушка праздновала день рожденія Лермонтова 3-го октября, она же и поставила ему памятникъ и, конечно, не ошиблась бы. Примиряя оба свѣдѣнія, я полагаю, что Лермонтовъ родился со 2-го на 3-е октября. Крестившій Лермонтова Н. П. Друговъ въ свое время пользовался извѣстностью въ духовномъ мірѣ [подробная біографія въ Душеполезномъ Чтеніи 1866 года, кн. VI]. И нынѣ священническое мѣсто при церкви Трехъ Святителей находится въ родѣ Другова.

1 Въ Тарханахъ и по сіе время живутъ потомки Лукерьи, сохранившіе прозвище «Кормилициныхъ».

2 Обыкновенное предположеніе біографовъ [Дудышкинъ и за нимъ другіе], будто мать Лермонтова увезла его въ Тарханы, а отецъ оставался жить въ тульскомъ своемъ имѣніи, опровергается свѣдѣніями, собранными въ Тарханахъ. Свѣдѣніями этими я обязанъ Петру Николаевичу Журавлеву, которому приношу искреннюю благодарность. Ему я обязанъ данными о бабушкѣ, отцѣ и матери поэта и юности его. Разсказы старожиловъ, выписки изъ метрикъ, надписи могильныхъ памятниковъ и разныя указанія были имъ доставлены мнѣ съ готовностью и точностью, много облегчившими мои поиски.

право только жена. Звали ее Юліей Ивановной, и была она въ домѣ Арсеньевыхъ въ тульскомъ ихъ имѣніи, гдѣ увлекся нѣжнымъ къ ней чувствомъ одинъ изъ членовъ семьи. Охраняя его отъ чаръ Юліи Ивановны, послѣднюю передали въ Тарханы, въ качествѣ якобы компаньонки Марьи Михайловны. Здѣсь ею увлекся Юрій Петровичъ, отъ котораго ревнивая мать старалась отвлечь горячо любящую дочку. Этотъ эпизодъ далъ поводъ Арсеньевой сожалѣть бѣдную Машу и осыпать упреками ея мужа. Елизавета Алексѣевна чернила передъ дочерью зятя своего, и взаимныя отношенія между супругами стали невыносимы. Временная отлучка Юрія Петровича, поступившаго въ ополченіе, не поправила ихъ.—Если сопоставить немногосложныя извѣстія о Юріѣ Петровичѣ, то это былъ человѣкъ добрый, мягкій, но вспыльчивый, самодуръ, и эта вспыльчивость, при легко воспламенявшейся натурѣ, могла доводить его до суровости и подавала поводъ къ весьма грубымъ и дикимъ проявленіямъ, несовмѣстнымъ даже съ условіями порядочности [1]. Слѣдовавшія затѣмъ раскаяніе и сожалѣніе о случившемся не всегда были въ состояніи выкупать совершившагося, но, конечно, могли возбуждать глубокое сожалѣніе къ Юрію Петровичу, а такое сожалѣніе всегда близко къ симпатіи.

Немногіе помнящіе Юрія Петровича называютъ его красавцемъ, блондиномъ, сильно нравившимся женщинамъ, привлекательнымъ въ обществѣ, веселымъ собесѣдникомъ, «bon vivant», какъ называетъ его воспитатель Лермонтова, г. Зиновьевъ. Крѣпостной людъ называлъ его «добрымъ, даже очень добрымъ бариномъ». Всѣ эти качества должны были быть весьма не понутру Арсеньевой. Родъ Столыпиныхъ отличался строгимъ выполненіемъ принятыхъ на себя обязанностей, рыцарскимъ чувствомъ и чрезвычайною выдержкою,—черты, отличавшія потомъ друга и товарища Михаила Юрьевича, Алексѣя Аркадьевича Столыпина, извѣстнаго подъ именемъ «Мон-

---

1 Сообщенія г. Журавлева.—О Юріи Петровичѣ разсказывалъ мнѣ тоже и г. Зиновьевъ, бывшій учитель М. Ю. Лермонтова, видавшій не разъ отца поэта въ Москвѣ въ 1828, 29 и 30 годахъ.

го», который въ обществѣ и среди товарищей почитался образцомъ благородства и рыцарства. Въ Юріи Петровичѣ выдержки-то именно и не было. Старожилы разсказываютъ, какъ во время одной поѣздки съ женою вспыливщій Юрій Петровичъ поднялъ на нее руку.

Фактъ этого грубаго обращенія былъ послѣднею каплей полыни въ супружеской жизни Лермонтовыхъ. Она разстроилась, хотя супруги, избѣгая открытой распри, по-прежнему оставались жить съ бабушкою въ Тарханахъ.

Марья Михайловна, родившаяся ребенкомъ слабымъ и болѣзненнымъ, и взрослою все еще глядѣла хрупкымъ, нервнымъ созданіемъ. Передряги съ мужемъ, конечно, не были такого свойства, чтобы благотворно дѣйствовать на ея организмъ. Она стала хворать. Въ Тарханахъ долго помнили, какъ тихая, блѣдная барыня, сопровождаемая мальчикомъ-слугою, носившимъ за нею лекарственныя снадобья, переходила отъ одного крестьянскаго двора къ другому съ утѣшеніемъ и помощью,— помнили, какъ возилась она и съ болѣзненнымъ сыномъ. И любовь, и горе выплакала она надъ его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадивъ ребенка своего себѣ на колѣни, она заигрывалась на фортепіано, а онъ, прильнувъ къ ней головкой, сидѣлъ неподвижно, звуки какъ бы потрясали его младенческую душу и слезы катились по его личику. Мать передала ему необычайную нервность свою.

Наконецъ злая чахотка, давно стоявшая настороже, охватила слабую грудь молодой женщины. Пока она еще держалась на ногахъ, люди видѣли ее бродящею по комнатамъ господскаго дома, съ заложенными назадъ руками. Трудно бывало ей напѣвать обычную пѣсню надъ колыбелью Миши. Постучалась весна въ дверь природы, а смерть—къ Марьѣ Михайловнѣ, и она слегла. Мужъ въ это время былъ въ Москвѣ. Ему дали знать, и онъ прибылъ съ докторомъ наканунѣ роковаго дня. Спасти больную нельзя было. Она скончалась на другой день по пріѣздѣ мужа. Ее схоронили возлѣ отца, и на поставленномъ матерью мраморномъ памятникѣ еще и теперь читается надпись:

Подъ камнемъ симъ лежитъ тѣло
Маріи Михайловны
Лермонтовой,
урожденной Арсеньевой.
скончавшейся 1817 года, февраля 24 дня, въ субботу.
Житіе ей было 21 годъ, 11 мѣсяцевъ и 7 дней.

Что произошло между мужемъ и матерью покойной, неизвѣстно, но только Юрій Петровичъ по смерти жены оставался въ Тарханахъ всего 9 дней и затѣмъ уѣхалъ къ себѣ въ Кропотовку.

Убитая горемъ Елизавета Алексѣевна приказала снести большой барскій домъ въ Тарханахъ, свидѣтеля смерти ея мужа и любимой дочери, и воздвигнула на мѣстѣ его церковь во имя Маріи Египетской. Рядомъ съ церковью она построила небольшое деревянное зданіе съ мезониномъ, гдѣ и поселилась съ внукомъ своимъ. Этотъ домъ въ Тарханахъ уцѣлѣлъ и по сіе время[1].

Черезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда своего изъ Тарханъ Юрій Петровичъ потребовалъ къ себѣ сына. Іюня 5-го Сперанскій пишетъ брату Арсеньевой, Аркадію Алексѣевичу Столыпину: «Елизавету Алексѣевну ожидаетъ крестъ новаго рода: Лермонтовъ требуетъ къ себѣ сына и едва согласился оставить еще на два года. Странный и, говорятъ, худой человѣкъ; таковъ по крайней мѣрѣ долженъ быть всякъ, кто Елизаветѣ Алексѣевнѣ, воплощенной кротости и терпѣнію, рѣшится дѣлать оскорбленіе»[2]. Разсужденіе, впрочемъ, немного

---

[1] По смерти бабушки, управляющій Тарханами Горчаковъ—изъ крѣпостныхъ—едва не продалъ дома. Затѣмъ въ 1867 году домъ было совсѣмъ рѣшили продать на сносъ и все разошлось изъ за 50 рублей. Его даже уже стали разбирать, и г. Прозинъ [Пензенскія Вѣд. 1876 г. № 50] видѣлъ мезонинъ снятымъ съ главнаго корпуса. Затѣмъ домъ былъ приведенъ въ прежній порядокъ, съ незначительными измѣненіями во внѣшнемъ видѣ. Въ 1881 году я снялъ съ него планъ внѣшняго вида и внутренняго расположенія и передалъ его вмѣстѣ съ литографированнымъ его изображеніемъ 1842 года въ Лермонтовскій музей. Въ каталогѣ музея, составленномъ г. Бильдерлингомъ, изображенъ домъ съ церковью, но ошибочно помѣчено, что въ ней похороненъ поэтъ. Похороненъ онъ съ полверсты отъ этого мѣста въ особомъ фамильномъ мавзолеѣ.

[2] Русск. Архивъ 1870 г., т. VIII стр. 1136.

странное—называть желаніе отца имѣть при себѣ сына «оскорбленіемъ бабушки». Вообще отзывъ Сперанскаго, очевидно, не знавшаго лично Юрія Петровича, надо принимать осторожно. Фактъ, что Юрій Петровичъ, несмотря на свое раздраженіе противъ жены и тещи, оставляетъ сына у бабушки, скорѣе доказываетъ его мягкость. Предположить, что онъ не любилъ сына, или оставлялъ его у другихъ по равнодушію къ нему—трудно. Зачѣмъ ему въ такомъ случаѣ было требовать сына къ себѣ? Зачѣмъ сдаваться на просьбы и представленія бабушки, рѣшаясь наконецъ быть въ разлукѣ съ сыномъ еще только два года? Миша былъ тогда всего трехъ лѣтъ. Отецъ разсудилъ, что уходъ за нимъ подъ наблюденіемъ любящей его богатой бабушки будетъ лучше, нежели у него, вдовца, съ весьма ограниченными средствами. Дальше мы увидимъ, что взаимныя отношенія отца и сына были задушевныя и любящія. Со стороны чувства къ своему ребенку упрекать Юрія Петровича, кажется, нельзя.

Глубоко подавленная смертью дочери, Елизавета Алексѣевна перенесла на внука всю свою любовь и пріязнь. Она видѣла въ немъ средоточіе всего, что было отнято судьбой въ лицѣ ея мужа и потомъ дочери. Этотъ внукъ носилъ имя своего дѣда; умирающая дочь поручила ей беречь его дѣтство. Кромѣ Миши у ней никого не оставалось на свѣтѣ. Она съ нимъ старалась не разставаться; онъ спалъ въ ея комнатѣ, она наблюдала за каждымъ его шагомъ, страшилась малѣйшаго нездоровья. Рожденный отъ слабой матери, ребенокъ былъ не изъ крѣпкихъ. Если случалось ему занемогать, то въ «дѣловой» дворовыя дѣвушки освобождались отъ работъ, и имъ наказывали молиться Богу объ исцѣленіи молодаго барина.

Приставленная со дня рожденія къ Мишѣ бонна нѣмка, Христина Осиповна Ремеръ, и теперь оставалась при немъ неотлучно. Это была женщина строгихъ правилъ, религіозная. Она внушала своему питомцу чувство любви къ ближнимъ, даже и къ тѣмъ, которые по положенію находились отъ него въ крѣпостной зависимости. Избави Богъ, если кого-либо изъ дворовыхъ онъ обзоветъ грубымъ словомъ, или оскорбитъ. Не любила этого Христина Осиповна, стыдила ребенка застав

ляла его просить прощенія у обиженнаго. Вся дворня высоко чтила эту женщину, для мальчика же ея вліяніе было благодѣтельно. Всеобщее баловство и любовь дѣлали изъ него баловня, въ которомъ, не смотря на прирожденную доброту, развивался духъ своеволія и упрямства, легко, при недосмотрѣ, переходящій въ дѣтяхъ въ жестокость.

Елизавета Алексѣевна такъ любила своего внука, что для него не жалѣла ничего, ни въ чемъ ему не отказывала. Все ходило кругомъ да около Миши. Всѣ должны были угождать ему, забавлять его. Зимою устроивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича и вся дворня, собравшись, потѣшала его. Святками каждый вечеръ приходили въ барскіе покои ряженые изъ дворовыхъ, плясали, пѣли, играли, кто во что гораздъ. При каждомъ появленіи новаго лица Михаилъ Юрьевичъ бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ въ смежную комнату и говорилъ: «Бабушка, вотъ еще одинъ такой пришелъ»!—и ребенокъ дѣлалъ ему посильное описаніе. Всѣ, которые рядились и потѣшали Михаила Юрьевича, на время святокъ освобождались отъ урочной работы. Праздники встрѣчались съ большими приготовленіями, по старинному обычаю. Къ Пасхѣ заготовлялись крашеныя яйца въ громадномъ количествѣ. Начиная съ Свѣтлаго Воскресенья, залъ наполнялся дѣвушками, приходившими катать яйца. Михаилъ Юрьевичъ все проигрывалъ, но лишь только удавалось выиграть яйцо, то съ большою радостью бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и кричалъ:

— Бабушка, я выигралъ!

— Ну, слава Богу,—отвѣчала Елизавета Алексѣевна.— Бери корзинку яицъ и играй еще.

«Ужь такъ веселились,—разсказываютъ тархановскія старушки,—такъ играли, что и передать нельзя. Какъ только она, царство ей небесное, Елизавета Алексѣевна-то, шумъ такой выносила!

— А лѣтомъ опять свои удовольствія. На Троицу и Семикъ ходили въ лѣсъ со всею дворней, и Михаилъ Юрьевичъ впереди всѣхъ. Поварамъ работы было страсть,—на всѣхъ закуску готовили, всѣмъ угощеніе было».

Бабушка въ это время сидѣла у окна гостиной комнаты и

глядѣла на дорогу въ лѣсъ и длинную просѣку, по которой шелъ ея баловень окруженный дѣвушками. Уста ея шептали молитву. Съ нѣжнѣйшаго возраста бабушка слѣдила за играми внука. Ее поражала ранняя любовь его къ созвучіямъ рѣчи. Едва лепетавшій ребенокъ съ удовольствіемъ повторялъ слова въ риѳму: «полъ—столъ», или «кошка—окошко», ему ужасно нравились и, улыбаясь, онъ приходилъ къ бабушкѣ подѣлиться своею радостью.

Полъ въ комнатѣ маленькаго Лермонтова былъ покрытъ сукномъ. Величайшимъ удовольствіемъ мальчика было ползать по немъ и чертить мѣломъ [1].

Память о матери глубоко запала въ чуткую душу мальчика: какъ сквозь сонъ, грезилась она ему; слышался милый ея голосъ. Потерявъ мать на третьемъ году, онъ хотя смутно, но все таки помнилъ ее. Замѣчено, что такія воспоминанія могутъ западать въ душу даже съ двухлѣтняго возраста, выступая всю жизнь свѣтлыми точками изъ-за причудливаго мрака смутныхъ дѣтскихъ воспоминаній. Въ дѣтствѣ звуки пѣсни, пѣтой ему матерью, всегда доводили Лермонтова до слезъ. Позднѣе онъ никакъ не могъ вспомнить словъ ея, но утверждалъ, что еслибъ услыхалъ эту пѣснь, она произвела бы на него прежнее дѣйствіе [т. I стр. 113].

Альбомъ матери онъ всегда возилъ съ собою и еще 11-лѣтнимъ мальчикомъ на Кавказѣ вносилъ въ него свои рисунки. Неразлученъ съ нимъ былъ и дневникъ матери [2].

Окруженный заботами и ласками, мальчикъ росъ баловнемъ среди женскаго элемента.—Фантазія его рано была возбуждена. Если ему и не пришлось слышать русскихъ народныхъ сказокъ, о чемъ онъ такъ сожалѣлъ позднѣе, находя что «въ нихъ больше поэзіи чѣмъ во всей французской словесности», [т. I стр. 114], то все же голова ребенка полна была образовъ романтическаго міра.

---

[1] Изъ разсказовъ С. А. Раевскаго. Матеріалы Хохрякова.

[2] Изъ разсказовъ А. П. Шанъ-Гирея. — Альбомъ этотъ мнѣ случилось видѣть въ 1880 году уже сильно потертымъ. Пріобрѣсти мнѣ его неудалось, но онъ описанъ г. Рыбкинымъ въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1881 г. т. VI стр. 374. Дневника матери Лермонтова разыскать я не могъ.

Тогдашнее романтическое направленіе нѣмецкой литературы уже давало себя знать, и не мудрено, что его «мамушка», какъ онъ называлъ свою бонну-нѣмку, не мало передала ему разсказовъ, которые наполнили собою юную головку.

Рано уже любилъ мальчикъ часами глядѣть на луну, слѣдить за разновидными облаками, воображать въ нихъ рыцарей въ шлемахъ, окружающихъ чудесное свѣтило. Представлялось оно ему волшебницей, плавно идущей въ свой чудесный замокъ, сопровождаемой дружиной вѣрныхъ защитниковъ отъ опасныхъ враговъ — великановъ, карловъ и безобразныхъ драконовъ и чудищъ. [т. I стр. 114].

Во «второмъ отрывкѣ изъ неоконченной повѣсти», имѣющемъ, какъ и все почти писанное Лермонтовымъ, автобіографическое значеніе, изображается развитіе характера мальчика — Саши Арбенина. Уже самое имя Арбенина, столь часто встрѣчающееся въ разнородныхъ сочиненіяхъ Лермонтова и всегда являющееся какъ бы прототипомъ свойствъ самого автора, даетъ намъ право видѣть въ главныхъ чертахъ Саши разсказъ, взятый изъ исторіи дѣтскаго развитія самого Михаила Юрьевича. Саша Арбенинъ живетъ въ деревнѣ, окруженный женскимъ элементомъ, подъ руководствомъ няни. Няня эта завѣдуетъ хозяйствомъ, и съ нею странствуетъ Саша по дѣвичьимъ, или же дѣвушки приходятъ въ дѣтскую. «Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали на-перерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно - сладостное чувство ужъ волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе

цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, еслибы не пришла на помощь корь—болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ножки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и еслибъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно отправился бы на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но, увы, никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватывалъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури».

Для рано образовавшагося внутренняго, душевнаго міра поэта, мальчикъ не находилъ выраженія, и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сила фантазіи и общенія мысли устремилась на явленія природы. Дѣтская душа, какъ душа младенчествующихъ народовъ, тѣсно примыкаетъ къ природѣ и, сама уходя въ нее, въ то же время привлекаетъ ее къ себѣ, олицетворяетъ, индивидуализируетъ. Поэтому-то въ памяти особенно даровитыхъ людей на всю жизнь сохраняются поразившія ихъ фантазію картины природы. Только позднѣе умъ начинаетъ интересоваться человѣкомъ, и мы увидимъ, какъ Лермонтовъ, даже и въ поэзіи своей, долго сохраняетъ интересъ къ звѣздамъ, тучамъ, въ особенности ко всѣмъ величественнымъ, мрачнымъ или привѣтнымъ явленіямъ природы и черезъ нихъ знакомитъ насъ съ состояніемъ души своей.

Воображеніе мальчика Лермонтова рано наполняли видѣнія во снѣ и на яву. Еще въ 1830 году вспоминаетъ онъ сонъ, который видѣлъ восьми лѣтъ и который сильно подѣйствовалъ на его душу [т. I стр. 114]. Вспоминаетъ онъ, какъ въ тѣ же годы случилось ему однажды ѣхать куда то въ грозу и какъ передъ нимъ быстро неслось по небу небольшое облако, «какъ бы оторванный клочокъ чернаго плаща», и долго въ памяти поэта живетъ то грозное небо съ клочкомъ мрачной, словно бѣдою чреватой, тучи.

Какъ Саша Арбенинъ, Лермонтовъ перенесъ трудную и продолжительную болѣзнь. Онъ вообще былъ весьма золотушнымъ ребенкомъ, страдалъ «худосочіемъ» [1], и этому то, между прочимъ, приписывала бабушка оставшуюся на всю жизнь кривизну ногъ своего внука. Желаніе искоренить слѣды этой болѣзни и вообще поправить слабый организмъ «Мишеля», побудило ее взять его на кавказскія воды [2].

Хотя Арсеньева и не ладила съ своимъ зятемъ, но она не совершенно прекратила отношенія съ нимъ и семьей его. Въ 1825 году, когда бабушка опять повезла внука на кавказскія воды, ее сопровождалъ г. Пожогинъ, женатый на родной теткѣ Михаила Юрьевича, Авдотьѣ Петровнѣ Лермонтовой. Что Лермонтовъ ребенкомъ бывалъ въ имѣніи отца, видно изъ приписки къ стихотворенію его «Геній», гдѣ онъ упоминаетъ, что въ 1827 году пребывалъ въ ефремовской деревнѣ.

Когда Михаилъ Юрьевичъ подросъ и вступилъ въ отроческій возрастъ,—разсказываютъ старожилы села Тарханы,— были ему набраны однолѣтки изъ дворовыхъ мальчиковъ, об-

---

1 Въ дѣтствѣ на немъ постоянно показывалась сыпь, мокрыя струпья, такъ что сорочка прилипала къ тѣлу, и мальчика много кормили сѣрнымъ цвѣтомъ,—такъ разсказываютъ въ Тарханахъ. Е. А. Арсеньева, въ разговорахъ съ г-жею Гельмерсенъ, тоже говорила о болѣзненности Лермонтова въ дѣтствѣ и указывала на нѣкоторую кривизну ногъ, какъ на слѣдствіе ея. Эта болѣзненность побудила бабушку везти внука на сѣрныя кавказскія воды. То же сообщаетъ и Рыбкинъ [см. выше] стр. 372: «жидкій мальчикъ, здоровьемъ золотушный».

2 Вопреки установившемуся мнѣнію, что Лермонтовъ только 10-лѣтнимъ ребенкомъ былъ на Кавказѣ, А. П. Шанъ-Гирей и другіе утверждаютъ, что Лермонтовъ былъ тамъ и еще въ болѣе нѣжномъ возрастѣ.

мундированы въ военное платье, и дѣлалъ имъ Михаилъ Юрьевичъ ученіе, игралъ въ воинскія игры, въ войну, въ разбойниковъ. Товарищами были ему также родственники, жившіе по сосѣдству съ Тарханами, въ имѣніи Апалихѣ [1], принадлежавшемъ племянницѣ Арсеньевой, Марьѣ Акимовнѣ Шанъ-Гирей. У нея были дѣти: дочь Екатерина и три сына, старшій изъ коихъ, Акимъ Павловичъ, воспитывался съ Мишей и всю жизнь оставался съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Близость мѣста жительства ежедневно сводила дѣтей, учившихся у однихъ и тѣхъ же наставниковъ. Поступивъ позднѣе въ университетскій пенсіонъ въ Москвѣ, Лермонтовъ еще долго остается въ перепискѣ съ родною семьей и, говоря о занятіяхъ своихъ, даетъ совѣты относительно занятій прежняго своего товарища и троюроднаго брата. [т. V, стр. 373].

Желая создать для Мишеля вполнѣ подходящую обстановку, было рѣшено обучать его вмѣстѣ съ сверстниками, съ коими онъ дѣлилъ бы тоже и часы досуга. Кромѣ Акима Шанъ-Гирея въ Тарханахъ года два воспитывались и двоюродные его братья со стороны отца: Николай и Михаилъ Пожогины-Отрошкевичи, два брата Юрьевыхъ, временно князья Николай и Петръ Максютовы и другіе. Одно время въ Тарханахъ жило десять мальчиковъ. Елизавета Алексѣевна не щадила средствъ для воспитанія внука. Оно обходилось ей до десяти тысячъ рублей ассигнаціями. На это-то она и указывала отцу, когда тотъ заводилъ рѣчь относительно желанія своего воспитывать сына при себѣ. Бѣдный человѣкъ конечно не былъ въ состояніи сдѣлать для Мишеля даже и части того, что дѣлала бабушка.

Кромѣ обыкновеннаго курса наукъ—Мишель и сверстниковъ обучали языкамъ французскому и нѣмецкому, а изъ древнихъ латинскому и греческому. Послѣднему обучалъ грекъ изъ Кефалоніи, бѣжавшій въ Россію во время смутъ, предшествовавшихъ войнѣ за освобожденіи Греціи [2]. Но успѣхи Мишеля у этого ученаго политическаго выходца были не особенно блестящи,

---

[1] Ср. статью мою въ Русской Мысли, октябрь, 1881 г.

[2] Сравн. Русск. Мысль тамъ же, и свидѣтельство М. А. Пожогина-Отрошкевича въ Русск. Арх. 1881 г., т. III, стр. 457.

и импровизованный менторъ скоро перешелъ на чисто практическую дѣятельность. Онъ занялся выдѣлкою шкуръ собакъ, и этому искусству научилъ окрестныхъ крестьянъ, до сей поры имъ занимающихся.

Своихъ сверстниковъ Мишель любилъ дѣлить на два лагеря. Происходили военныя игры, и особенно зимою воздвигались и брались крѣпости, совершались переходы. Порою устраивались танцы и даже домашніе спектакли. Вниманіе воспитателей было обращено тоже и на развитіе эстетическаго вкуса въ питомцѣ. Кажется, одною изъ любимыхъ забавъ мальчика было занятіе театромъ маріонетокъ, въ то время весьма распространеннымъ. Еще изъ Москвы Лермонтовъ просилъ тетку выслать ему «воски», потому что и въ Москвѣ онъ «дѣлаетъ театръ, который довольно хорошо выходитъ, и гдѣ будутъ играть восковыя фигуры». [Письмо къ М. А. Шанъ-Гирей № 1]. Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей хорошо помнилъ этихъ актеровъ-куколъ съ вылѣпленными самимъ Лермонтовымъ головами изъ воску. Среди нихъ была кукла излюбленная мальчикомъ поэтомъ, носившая почему-то названіе «Berquin» и исполнявшая самыя фантастическія роли въ пьесахъ, которыя сочинялъ Мишель, заимствуя сюжеты или изъ слышаннаго, или прочитаннаго.

Лѣпилъ Лермонтовъ не дурно, и С. А. Раевскій разсказываетъ [Матеріалы Хохрякова], что двѣнадцати лѣтъ онъ «вылѣпилъ изъ воску спасеніе жизни Александра Великаго Клитомъ при переходѣ черезъ Граникъ». Слоны и колесница играли тутъ главную роль, украшенные бусами, стеклярусомъ и фольгой.

Желая поправить здоровье внука, бабушка нѣсколько разъ возила его на кавказскія воды [1]. У Столыпиныхъ было имѣніе «Столыпиновка» недалеко отъ Пятигорска [2], а ближе къ Владикавказу жила сестра Арсеньевой Хостатова. Въ 1825 г.

---

1 По однимъ свѣдѣніямъ три, по другимъ два года сряду.—Старожилы въ Тарханахъ помнили, что Миша, побывавъ на Кавказѣ, все имъ былъ занятъ, изъ воску лѣпилъ горы и черкесовъ и «игралъ въ Кавказъ».

2 Она досталась А. П. Шанъ Гирею и только года два до смерти его, къ половинѣ 80-хъ годовъ, была продана въ чужія руки.

поѣхали туда многочисленнымъ обществомъ: бабушка, кузины Столыпины, докторъ Анзельмъ Левисъ, Михаилъ Пожогинъ, учитель Иванъ Капэ и гувернантка Христина Ремеръ — все это сопровождало Мишу [1]. Пріѣхали въ Пятигорскъ въ началѣ лѣта и здѣсь съѣхались съ Екатериною Александровною Хостатовой, прибывшей изъ своего имѣнія.

Въ головкѣ мальчика тогда бродило уже многое. Чуткій ко всѣмъ явленіямъ природы, почерпая изъ нихъ нескончаемый матеріалъ для жизни фантазіи, Лермонтовъ не могъ не поддаться обаянію величественнаго Кавказа. Впечатлѣнія эти коснулись отзывчивой души мальчика и вызвали новый міръ жизни и любви. Вотъ тутъ-то встрѣтился онъ съ ребенкомъ-дѣвушкою, вызвавшей первую весеннюю грозу души и глубоко и надолго запавшей въ память мальчика. Она была немногимъ моложе Лермонтова, лѣтъ девяти. Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрыя, непринужденныя движенія, а надъ нею синее южное небо, упирающееся въ сѣдыя вершины кавказскихъ ледниковъ, ниже хребты горъ, одѣтые причудливыми облаками, а вблизи шумъ воды, бѣгущей межъ скалъ по каменьямъ; вокругъ пышная зелень въ блескѣ теплыхъ лучей иль облитая румянымъ закатомъ. Долго потомъ вспоминалъ мальчикъ-поэтъ этотъ Кавказъ и время первой съ нимъ встрѣчи, время перваго пробужденія души, и шестнадцатилѣтнимъ юношей въ тетрадяхъ своихъ, въ которыхъ онъ изливалъ всѣ чувства свои въ стихотворной формѣ, онъ, вспоминая и славя Кавказъ, какъ будто не въ силахъ найти подходящую риѳму и ладъ, пишетъ ему диѳирамбъ стихотворною прозой:

«Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ... [т. I стр. 70].

---

[1] Подробности въ Русск. Мысли, [октябрь 1881 г.]. По большей части гувернеръ Миши именуется: Иванъ *Капъ*, у Лонгинова даже *Канъ*, но А. П. Шанъ-Гирей помнилъ въ Тарханахъ француза [эльзасца] *Капэ* [Capet], и тѣмъ же именемъ называетъ его Пожогинъ въ Русск. Арх. [См. выше].

Едва ли къ чему либо такъ пристрастилось сердце Лермонтова, какъ къ Кавказу. На него онъ излилъ всю свою любовь, имъ онъ дышалъ. Кавказъ открылъ ему свои объятья, величественныя какъ душа поэта, и объятья эти замѣнили ему ласки рано умершей матери, а позднѣе—любовь родной души, дружбу близкихъ и далекую родину. Въ 1830 году въ упомянутыхъ черновыхъ тетрадяхъ, черезъ нѣсколько страницъ послѣ воззванія къ Кавказу, онъ посвящаетъ ему же еще стихотвореніе [т. I, стр. 75].

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.
Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.
Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ.
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ.

Тутъ же [т. I, стр. 110] 8-го іюля того же 1830 года, шестнадцати-лѣтній Лермонтовъ дѣлаетъ описаніе этой своей ранней страсти:

«Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?... Мы жили большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти; я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она, или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая, это была истинная любовь; съ тѣхъ

поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!... Надо мною смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить о ней и убѣгалъ, слыша ея названіе [теперь я забылъ его], какъ бы страшась, чтобы біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда... И понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ-быть спросятъ и меня, какъ я помню, когда они забыли; или тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованію, а это было бы мнѣ больно... Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... Нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, какъ въ тотъ разъ.—Горы кавказскія для меня священны...»

По возвращеніи съ Кавказа бабушка со внукомъ вновь поселились въ Тарханахъ. Это село въ разстояніи 120 верстъ отъ Пензы, верстахъ въ 12-ти отъ Чембаръ, уѣзднаго городка съ 3,000 жителей, въ близкомъ разстояніи отъ большаго села Крюковки. Едва выѣдешь изъ села этого, какъ въ сторонѣ покажется нѣсколько избъ среди густой зелени окружающихъ деревьевъ. Надъ ними высится скромный шпицъ сельской колокольни. Это—Тарханы. Барскій домъ, одноэтажный, съ мезониномъ, окруженъ былъ службами и строеніями. По другую сторону господскаго дома раскинулся роскошный садъ, расположенный на полу-горѣ. Кусты сирени, жасмина и розановъ клумбами окаймляли цвѣтникъ, отъ котораго въглубь сада шли тѣнистыя аллеи. Одна изъ нихъ, обсаженная акаціями, сросшимися наверху настоящимъ сводомъ, вела подъ гору къ пруду. Съ полугорья открывался видъ въ село съ церковью, а дальше тянулись поля, уходя въ синюю глубь тумана. Здѣсь мечталъ своею дѣтскою душой пробужденный мальчикъ. Здѣсь переживалъ онъ вынесенныя впечатлѣнія и лелѣялъ мечты о дѣвочкѣ-ребенкѣ, изъ которой слагался образъ чудеснаго созданія, молодой идеалъ юношеской фантазіи.

Очевидно къ этому эпизоду дѣтской любви относится стихотвореніе «Первая любовь» (т. I, стр. 153), писанное въ 1830 г.

Образъ дѣвушки этой возникалъ предъ нимъ въ дѣтскихъ мечтахъ, въ уединеніи деревенскаго барскаго сада, надъ прудомъ и полями роднаго села, въ блескѣ лучей заходящаго солнца, среди трепетно падающихъ листьевъ ко сну отходящаго осенняго лѣса. Такъ слитъ образъ этой дѣвушки съ воспоминаніями дѣтства, что еще за полтора года до смерти прибѣгаетъ онъ къ нему, уходя душой изъ пестрой толпы шумно окружавшаго его столичнаго общества:

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться,—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей.
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей.
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю о ней, я плачу и люблю.
Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье... [т. I, стр. 286].

ГЛАВА II.

Переселеніе въ Москву и воспитатель Капэ.—Боевые разсказы.—Вліяніе наполеоновскихъ войнъ.—Капэ и Ле-Гранъ.—Патріотическія чувства.—Недовольство положеніемъ дѣлъ послѣ 25 года отражается на музѣ Лермонтова.—Новые наставники.—Поступленіе въ благородный университетскій пансіонъ.—Его состояніе въ бытность въ немъ Лермонтова.—Наставники: Зиновьевъ, Мерзляковъ и другіе.

Когда Лермонтову пошелъ 14-й годъ, рѣшено было продолжать его воспитаніе въ «Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ». Въ 1827 году бабушка повезла внука въ Москву и на-

няла квартиру на Поварской. Теперь для Мишеля наступила новая жизнь: все пошло по другому. Шумная разсѣянная жизнь замѣнила прежнюю. Въ Тарханахъ и на Кавказѣ мальчикъ жилъ въ простой, но поэтической обстановкѣ, съ людьми незатѣйливыми, искренно его любившими. Воспитатель его эльзасецъ Капэ былъ офицеръ наполеоновской гвардіи. Раненымъ попалъ онъ въ плѣнъ къ русскимъ [1]. Добрые люди ходили за нимъ и поставили его на ноги. Онъ однакоже оставался хворымъ, не могъ привыкнуть къ климату, но, полюбивъ Россію и найдя въ ней кусокъ хлѣба, свыкся и глядѣлъ на нее, какъ на вторую свою родину. И послужилъ же онъ ей, ставъ наставникомъ великаго ея поэта.

Лермонтовъ очень любилъ Капэ, о коемъ сохранилась добрая память и между старожилами села Тарханы; любилъ онъ его больше всѣхъ другихъ своихъ воспитателей. И если бывшій офицеръ наполеоновской гвардіи не успѣлъ вселить въ питомцѣ своемъ особенной любви къ французской литературѣ, то онъ научилъ его тепло относиться къ генію Наполеона, котораго Лермонтовъ идеализировалъ и не разъ воспѣвалъ. Можетъ быть также, что военные разсказы Капэ не мало способствовали развитію въ мальчикѣ любви къ боевой жизни и военнымъ подвигамъ. Эта любовь къ браннымъ похожденіямъ вязалась въ воображеніи мальчика съ Кавказомъ, уже поразившимъ его во время пребыванія тамъ, и съ разсказами о немъ родни его. Одна изъ сестеръ бабушки поэта, Екатерина Алексѣевна Столыпина, была замужемъ за Хостатовымъ, жившимъ въ своемъ имѣніи близъ Хасафъ-Юрта по дорогѣ изъ Владикавказа. Оно находилось не въ далекѣ отъ Терека и именовалось Шелковицей [Шелкозаводскъ] или «Земной рай» какъ называли его по превосходному мѣстоположенію [2].

---

[1] Во второй главѣ труда своего, напечатаннаго въ 1881 году въ XI кн. «Русской Мысли», я, введенный въ заблужденіе, приписывалъ Жандро свойства и вліяніе, которое имѣлъ на Лермонтова Капэ. Разъяснилъ мнѣ ошибку А. П. Шанъ-Гирей, но я не успѣлъ ее исправить, и статья была напечатана съ этимъ недосмотромъ. О Жандро ниже.

[2] Имѣніе перешло въ руки сына ея, извѣстнаго храбреца Ак. Ак. Хо-

Съ такимъ названіемъ еще можно было примириться, принимая въ соображеніе несовершенство всего земнаго. Назвать имѣніе «раемъ небеснымъ» нельзя было уже потому, что небесное намъ представляется мирнымъ, а мира-то въ этой мѣстности тогда именно и не было: имѣніе подвергалось частымъ нападеніямъ горцевъ; кругомъ шла постоянная мелкая война. Однако Екатерина Алексѣевна такъ привыкла къ ней, что мало обращала вниманія на опасность. Если тревога пробуждала ее отъ ночнаго сна, она спрашивала о причинѣ звуковъ набата: «Не пожаръ ли?». Когда же ей доносили, что это не пожаръ, а набѣгъ, то она спокойно поворачивалась на другую сторону и продолжала прерванный сонъ. Безстрашіе ея доставило ей въ кругу родни и знакомыхъ шуточное названіе «авангардной помѣщицы» [1].

Съ Хостатовою Лермонтовъ познакомился во время своихъ поѣздокъ на Кавказъ, да и сама она пріѣзжала навѣстить свою дочь М. А. Шанъ-Гирей, жившую въ имѣніи своемъ Апалихѣ близъ Тарханъ. Мишель жадно прислушивался къ волновавшимъ его фантазію разсказамъ о горцахъ, схваткахъ удалыхъ, набѣгахъ бранной жизни. Съ другой стороны говорилъ ему на подобную же тему Капэ, да и вообще тогда все жило еще воспоминаніями о наполеоновскихъ войнахъ.

То было на Руси время удивительное — эти годы послѣ отечественной войны. Давно Россія на землѣ своей не видала враговъ. Долгій и крѣпкій сонъ, которымъ спала особенно провинція, былъ нарушенъ. Очнувшійся богатырь разомъ почувствовалъ свою мощь, позналъ любовь свою къ родинѣ такъ, какъ сказалась она въ немъ развѣ два вѣка назадъ, въ 1612 г. Стихійныя чувства пробудились, смолкла взаимная вражда мелкихъ интересовъ, перестали существовать сословные предразсудки, забылись привиллегіи классовъ, отупились чувства соб-

---

статова, а по смерти его около 1885 года къ племяннику его, сыну Акима Павловича Шанъ-Гирея.

[1] Изъ разсказовъ о Лермонтовѣ Аркадія Дмитріевича Столыпина, записанныхъ мною въ Орлѣ со словъ его въ октябрѣ 1880 г. Сравни, что говоритъ Лонгиновъ. [Р. Старина, 1873 г., т. VII, стр. 391 и тамъ же 1885 г. ноябрь стр. 277].

ственности, и каждый, въ коемъ не изсохла душа,—а такихъ людей, слава Богу, было много,—каждый чувствовалъ, что все его достояніе, весь онъ, принадлежитъ народу и землѣ родной. Этому народу, этой землѣ приносилось въ даръ достояніе, какъ легко добытое, такъ и трудами накопленное. Оно приносилось въ даръ или прямо родинѣ, или уничтожалось, чтобы не попалось въ руки врага и черезъ то не послужило бы во вредъ родной землѣ.

Весь существовавшій до той поры порядокъ былъ нарушенъ. Соціальный строй общества измѣнился. Понятія *мое* и *твое* перестали существовать; всѣ были поглощены заботами объ общемъ достояніи народа. Въ общественномъ понятіи воцарились равенство и братство, а за достиженіе свободы всѣ равно бились и умирали. Въ Россіи заговорили тѣ же поднимающія духъ истины, которыя электризовали французскій народъ въ эпоху великой революціи. Вотъ почему, несмотря на вражду, эти два народа, именно въ эту годину бѣдъ, ближе познали другъ друга и преклонились, въ лучшихъ людяхъ своихъ, передъ одними и тѣми же идеалами. Взаимныя симпатіи и удивленіе великодушнымъ чертамъ характера держались упорно, несмотря на проснувшійся патріотизмъ. Удивительно, что пробудившееся у насъ самоуваженіе, забытое было среди лжи и поклоненія всему иноземному, никогда не доводило русскихъ до ослѣпляющаго самомнѣнія. Еще Петръ, побѣдителемъ подъ Полтавой, въ шатрѣ своемъ

За учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Пожегшій добро свое русскій, голодный и безпріютный, дружески относится къ плѣнному французу. Говорятъ, Наполеонъ подъ Аустерлицемъ съ соболѣзнованіемъ и симпатіей глядѣлъ на храбро гибнувшихъ русскихъ.

Однако зачѣмъ же превозносить русскихъ? Не было ли того же одушевленія и въ Германіи?—скажутъ мнѣ.—Да, и тамъ было оно, и тамъ были люди, которые жертвовали послѣдними грошами своими на войну за освобожденіе. Да это было не то,—собственность свою вообще тамъ не забывали. Гдѣ же

уничтожали передъ врагомъ свое добро? Гдѣ тамъ горожане жгли города свои, крестьяне—избы и жатву, купцы—свои запасы? Гдѣ же горѣла Москва, Смоленскъ? Гдѣ купецъ Ѳерапонтовъ, увидавъ въ своей лавкѣ солдатъ, расхищавшихъ добро его и насыпавшихъ пшеничную муку въ ранцы свои, кричалъ имъ: «Тащи все ребята. Не доставайся дьяволамъ... Рѣшилась Россія, рѣшилась! Самъ запалю» [1].

«А развѣ мы не доказали въ 12-мъ году, что мы—русскіе? Такого примѣра не было отъ начала міра... Мы—современники и вполнѣ не понимаемъ великаго пожара въ Москвѣ, мы не можемъ удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родились вмѣстѣ съ русскими. Мы должны гордиться, а оставить удивленіе потомкамъ и чужестранцамъ».—Такъ разсуждаетъ [2] 17-ти лѣтній Лермонтовъ — «Ура, господа, здоровье пожара Московскаго!...»

Трудно провести параллель между тогдашнею Россіей и Германіей. Тамъ сожженіе своей собственности русскими казалось признакомъ варварства: «русскіе не доросли еще до Eigenthumsgefühl'а» [чувства уваженія къ *своей* собственности], поясняютъ нѣмцы. Можетъ быть это и недостатокъ культуры. Можетъ-быть «культуртрегеры» нѣмцы и обучатъ насъ иному, но только фактъ остается фактомъ, и идеи общаго человѣческаго достоинства, идеи французской революціи, разнесенныя по лицу Европы наполеоновскими войнами, коснулись насъ сильнѣе и отозвались въ лучшихъ умахъ нашихъ, запечатлѣвшихъ 25-ти-лѣтнимъ страданіемъ въ Сибири свои декабрскія заблужденія.

Пусть декабристы наши повлекли за собою гоненіе на многія молодыя, увлекавшіяся силы, погибшія рано, безъ прямой пользы родинѣ, все же отъ нихъ мы считаемъ новую эру умственнаго нашего развитія. Это была наша первая эпоха возрожденія умовъ, а эти умы воспитали наполеоновскіе походы. Не ровнять тогдашнюю Россію съ Германіей по культурѣ и общему развитію, но только мы, или то немногое, что среди

---

1 Толстой, «Война и миръ.—Сожженіе Смоленска».
2 «Странный человѣкъ», т. IV, стр. 203.

насъ было тогда культурнаго, сильнѣе восприняли въ себя идеалы добра и человѣколюбія. Правительство русское еще боролось противъ подавляющей меттерниховской системы, и когда вся Германія склонила подъ нее выю свою, Россія последняя бросилась въ объятія печальной реакціи, отъ которой не могли отвратить ее утописты-мечтатели «союза благоденствія».

Удивительно, какъ лучшіе люди смотрѣли тогда на Наполеона. Поражала своимъ величіемъ эта мощь человѣка, поднявшагося, благодаря только собственной своей силѣ, до величайшей власти, умѣвшаго подавить многоголовую гидру анархіи и междоусобія французскаго народа. Тутъ было что-то роковое, всесокрушающее и сокрушившееся само о другую, неизвѣстную ей, тоже роковую силу.

Пошелъ великанъ чужой земли на русскаго великана, пошелъ на дерзкій бой съ невѣдомою ему силой. Да и самъ-то русскій великанъ сознавалъ ли свою силу, зналъ ли, гдѣ она у него таилась? Можетъ-быть вслѣдствіе этого незнанія и были такъ дерзки притязанія роковаго витязя чужой намъ земли. Сошлись витязи;

Но улыбкою одною
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій и упалъ. [т. I, стр. 236].

Съ удивленіемъ, если не съ благоговѣніемъ, относились умы къ личности Наполеона, и не было рабочаго кабинета, гдѣ бы не находился столбикъ съ куклою чугунной:

Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками сжатыми крестомъ.....

Войны съ Франціей не охладили симпатіи русскихъ къ французамъ, а напротивъ усилили ее. Удивительно, что не только семьи наводнились воспитателями-французами, но даже въ казенныхъ заведеніяхъ можно было встрѣтить французовъ-наставниковъ, съ полною симпатіей относившихся къ идеаламъ французской революціи. Такъ въ Императорскомъ Александ-

ровскомъ лицеѣ профессоромъ французской словесности былъ братъ Марата, *«весьма уважавшій память извѣстнаго французскаго террориста* и пріязненно относившійся къ демократическимъ идеямъ».

Разсказы Капэ, повидимому, имѣли на Лермонтова вліяніе подобное тому, какое на Гейне-ребенка имѣлъ вліяніе Ле-Гранъ, солдатъ-барабанщикъ наполеоновской арміи, стоявшій въ домѣ родителей поэта въ Дюссельдорфѣ [1]. «Когда я не понималъ слова «liberté», — разсказываетъ Гейне, — онъ билъ маршъ «Марсельезы» и я схватывалъ значеніе слова. Когда я не понималъ, что значитъ «égalité», онъ билъ маршъ «ça-ira, ça-ira...», и я понималъ»... Внимая Ле-Грану, Гейне научился любить Наполеона. «Я видѣлъ переходъ черезъ Симплонъ: впереди всѣхъ императоръ, а за нимъ лѣзли, цѣплялись храбрые гренадеры. Испуганныя птицы съ крикомъ кружились надъ ними, а вдали слышится громъ обваловъ. — Я видѣлъ императора на Лодіевскомъ мосту съ знаменемъ въ рукахъ. — Я видѣлъ императора въ сѣрой шинели въ битвѣ при Маренго. — Я видѣлъ императора на лошади, въ бою, у подножія пирамидъ, окруженнаго пороховымъ дымомъ и мамелюками. — Я видѣлъ императора подъ Аустерлицемъ и слышалъ, какъ свистѣли пули надъ ледяною равниной. — Я видѣлъ, я слышалъ бой подъ Іеною, подъ Эйлау, подъ Ваграмомъ».

О разныхъ славныхъ битвахъ восторженно разсказывалъ своему питомцу Капэ. Но особенно его трогали разсказы о бородинскомъ сраженіи, и въ этомъ случаѣ мальчикъ поэтъ не внималъ своему наставнику, а всецѣло склонялся на сторону русскихъ разказсчиковъ, коихъ было не мало.

Разсказывали и старъ, и младъ, — и тѣ, которые бились начальниками, и тѣ, что сражались воинами-ратниками, — всѣ эти восторженные патріоты, готовившіеся къ смерти, чаявшіе пасть за родину и наканунѣ великой битвы облекавшіеся въ чистыя, бѣлыя рубахи, чтобы въ нихъ встрѣтить славный конецъ. Да,

---

[1] Heinrich Heine's Sämmtliche Werke. — Reisebilder: Das Buch „Le Grand", cap. VII — X. Сравни тоже „Strodtmann. H. Heine's Leben und Werke", т. I, стр. 19 и д.

Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!.... [т. I, стр. 156].

восклицаетъ въ патріотическомъ восторгѣ 17-ти-лѣтній Лермонтовъ, набрасывая въ 1831 году первый очеркъ стихотворенія, изъ котораго позднѣе выработалось знаменитое «Бородино».

Интересъ къ Франціи и Наполеону поэтъ сохранилъ на всю жизнь. Съ 30 года до 41 онъ неоднократно занимается французами и ихъ императоромъ. Сужденіе относительно ихъ измѣняется, но любовь къ могучему вождю остается все та же[1]. Съ годами она даже увеличивается и увеличивается именно тогда, когда онъ бичуетъ французовъ:

Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты—жалкій и пустой народъ,—[т. I. стр. 318].

жалкій до того, что духъ Наполеона, примчавшійся въ Парижъ, на свиданіе съ новою гробницей, гдѣ прахъ его лежитъ, пожалѣетъ

О дальнемъ островѣ, подъ небомъ южныхъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ, непобѣдимый,
Какъ онъ, великій океанъ. [т. I. стр. 318].

Лермонтовъ, конечно, не разъ слышалъ разсказы людей, испытавшихъ славное время на Руси и въ концѣ 20 годовъ уже чувствовавшихъ гнетъ реакціи.

Въ Москвѣ, куда перебралась Арсеньева на постоянное жительство, онъ могъ ихъ видѣть довольно, и что онъ чутокъ былъ къ жалобамъ ихъ, что соціальные вопросы и мысли о положеніи дѣлъ начинали его заинтересовывать, мы видимъ изъ стихотворенія его, написаннаго еще въ 29 году въ пан-

---

[1] Еще въ первой юношеской тетради, писанной въ пансіонѣ, мы встрѣчаемъ стихотвореніе «Наполеонъ», въ коемъ боролись симпатіи къ Наполеону съ чувствомъ непріязненности къ нему, коими дышали разсказы людей помнившихъ годину бѣдствій. Сравни статью мою въ «Русской Мысли» 1881 г. кн. XI. и соч. Лерм. т. I. стр. 362. Затѣмъ о Наполеонѣ т. I. стр. 93, 94, 180, 236, 294, 318.

сіонѣ, подъ заглавіемъ «Жалобы турка», гдѣ видно сѣтованіе на положеніе дѣлъ въ родной странѣ,

Гдѣ являются порой
Умы холодные и твердые, какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской,
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей...
Другъ, этотъ край—моя отчизна!“ [т. I, стр. 41].

Не знаю, чувствовалъ ли такъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, но что онъ могъ серьезно задумываться надъ тѣмъ, что слышалъ вокругъ себя, это не подлежитъ сомнѣнію, хотя бы приходилось судить по одному этому стихотворенію.

Но я забѣжалъ впередъ. Возвращаюсь къ Капэ и воспоминаніямъ о войнахъ 1812 и 1815 годовъ, имѣвшимъ вліяніе на молодаго поэта. Замѣчательно, что жители Тарханъ изъ многихъ наставниковъ Михаила Юрьевича сохранили только воспоминаніе о Капэ и о нѣмкѣ Ремеръ, что они знаютъ, какъ «молодой баринъ» любилъ учителя-француза и что объ этой любви Лермонтова къ нему и о вліяніи на него стараго наполеоновскаго офицера говорилъ и наставникъ Лермонтова, Зиновьевъ.

Капэ однако не долго послѣ переселенія въ Москву оставался руководителемъ Мишеля, — онъ простудился и умеръ отъ чахотки. Мальчикъ не скоро утѣшился. Теперь былъ взятъ въ домъ весьма рекомендованный, давно проживавшій въ Россіи, еще со времени великой французской революціи эмигрантъ Жандро, смѣнившій недолго пробывшаго при Лермонтовѣ ученаго еврея Леви. Жандро съумѣлъ понравиться избалованному своему питомцу, а особенно бабушкѣ и московскимъ родственницамъ, какихъ онъ плѣнялъ безукоризненностью манеръ и любезностью обращенія, отзывавшихся старой школой галантнаго французскаго двора. Этотъ изящный, въ свое время избалованный русскими дамами французъ, пробылъ, кажется, около двухъ лѣтъ и, желая овладѣть Мишей, сталъ мало по малу открывать ему «науку жизни». Полагаю, что мы

не ошибемся, если скажемъ, что Лермонтовъ въ наставникѣ *Саши* въ поэмѣ «Сашка» [строфа LXXV и далѣе] описываетъ своего собственнаго гувернера Жандро, подъ видомъ парижскаго «Адониса», сына погибшаго маркиза, пришедшаго въ Россію «поощрять науки». Юному впечатлительному питомцу нравился его разсказъ

Про сборища народныя, про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣнчаннаго страдальца... Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилося его воображенье... и т. д. [т. II, стр. 203].

Изъ разсказовъ этихъ молодой Лермонтовъ почерпнулъ нелюбовь свою къ парижской черни и особенную симпатію къ неповиннымъ жертвамъ, изъ среды коихъ особенно выдвигался дорогой ему образъ поэта Андрэ Шенье. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же наставникъ внушалъ молодежи довольно легкомысленные принципы жизни и это-то, кажется, выйдя наружу, побудило Арсеньеву ему отказать, а въ домъ былъ принятъ семейный гувернеръ, англичанинъ Виндсонъ.

Имъ очень дорожили, платили большое для того времени жалованье—3,000 р.—и помѣстили съ семьею (жена его была русская) въ особомъ флигелѣ. Однако же и къ нему Мишель не привязался, хотя отъ него пріобрѣлъ знаніе англійскаго языка и впервые въ оригиналѣ познакомился съ Байрономъ и Шекспиромъ.

Между тѣмъ шло приготовленіе къ экзамену для поступленія въ благородный университетскій пансіонъ. Занятіями Мишеля руководилъ Александръ Зиновьевичъ Зиновьевъ, занимавшій въ пансіонѣ должность надзирателя и учителя русскаго и латинскаго языковъ. Онъ пользовался репутаціей отличнаго педагога, и родители особенно охотно довѣряли дѣтей своихъ его руководству. Въ благородномъ пансіонѣ считалось полезнымъ, чтобы каждый ученикъ отдавался на попеченіе одного изъ наставниковъ. Выборъ предоставлялся самимъ родителямъ. Родственники пріѣхавшей въ Москву Арсеньевой Мещериновы, рекомендовали Зиновьева, и такимъ образомъ Лермонтовъ

сталъ, по принятому выраженію, «кліентомъ» г. Зиновьева и оставался имъ во всю бытность свою въ пансіонѣ [1]).

Пансіонъ помѣщался тогда на Тверской [нынѣ домъ Базилевскаго]; онъ состоялъ изъ шести классовъ, въ коихъ обучалось до 300 воспитанниковъ. Лермонтовъ поступилъ въ него въ 1828 году, но разстаться съ своимъ любимцемъ бабушка не захотѣла, и потому рѣшили, чтобы Мишель былъ зачисленъ полупансіонеромъ, слѣдовательно каждый вечеръ возвращался бы домой.

Справедливое замѣчаніе одного изъ лучшихъ публицистовъ нашихъ, что «въ исторіи русскаго образованія Московскій университетъ и Царскосельскій лицей играютъ значительную роль», само собой касается и благороднаго университетскаго пансіона, существованіе коего неразрывно связано съ Московскимъ университетомъ. Пансіонъ этотъ съ самаго своего основанія надѣлялъ Россію людьми, послужившими ей и пріобрѣтшими право на вниманіе потомства. Такъ тамъ воспитывались: Фонвизинъ, В. А. Жуковскій, Дашковъ, Ал. Ив. Тургеневъ, князь Одоевскій, Грибоѣдовъ, Инзовъ (кишиневскій покровитель Пушкина), братья Николай и Дмитрій Алексѣевичи Милютины и многіе другіе.

Можно смѣло сказать, что добрая часть дѣятелей нашихъ первой половины XIX вѣка вышла изъ стѣнъ пансіона [2].

Когда въ 1828 году Лермонтовъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, старыя его традиціи еще не совершенно исчезли. Между учащимися и учащими отношенія были добрыя. Холодный формализмъ не раздѣлялъ ихъ. Интересъ къ литературнымъ занятіямъ не ослабъ. Воспитанники собирались на общее чтеніе, и издавался рукописный журналъ, въ которомъ многіе изъ нихъ принимали посильное участіе. Преподаваніе было живое, имѣлось въ виду изученіе славныхъ писателей

---

[1] Свѣдѣнія о времени пребыванія Лермонтова въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ и учителяхъ его почерпнулъ я главнымъ образомъ изъ разсказовъ г. Зиновьева, записанныхъ мною со словъ его въ сентябрѣ 1880 г. въ Москвѣ.

[2] Историческій очеркъ пансіона помѣщенъ мною въ Русской Мысли, ноябрь 1881 г.

древнихъ и новыхъ народовъ, а не грамматическаго балласта, подъ коимъ въ наши дни разумѣютъ изученіе языковъ [1].

Лермонтовъ принималъ живое участіе въ литературныхъ трудахъ товарищей и являлся въ качествѣ сотрудника школьнаго рукописнаго журнала «Утренняя Заря». Здѣсь помѣстилъ Лермонтовъ поэму свою «Индіанка», которая была имъ сожжена. Содержанія ея мы не знаемъ [2].

Имъ тамъ же помѣщались стихотворенія, на которыя было обращено вниманіе учителей. Лермонтовъ показывалъ свои переводы изъ Шиллера, и Зиновьевъ полагаетъ даже, что переводъ баллады Шиллера «Перчатка» [т. I, стр. 5] былъ его первымъ стихотворнымъ опытомъ, что однако невѣрно. Любимому имъ учителю рисованія, Александру Степановичу Солонецкому, Лермонтовъ передалъ тщательно переписанную тетрадку своихъ стихотвореній [3].

Подавали свои стихотворные опыты учителямъ и другіе воспитанники. Такъ учителю Раичу другъ и товарищъ Лермонтова Дурново подалъ пьесу: «Русская мелодія»,—подалъ ее за свою, хотя она и была писана Лермонтовымъ, вѣроятно шутки ради, потому что Лермонтовъ, говоря объ этомъ, отзывается о товарищѣ задушевно [4]. Инспекторъ пансіона, Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, профессоръ физики при Москов-

---

1 Когда я спросилъ у А. З. Зиновьева, зналъ ли Лермонтовъ классическіе языки, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Лермонтовъ зналъ порядочно латинскій языкъ, не хуже другихъ, а пансіонеры знали классическіе языки очень порядочно. Происходило это отъ того, что у насъ изучали не языкъ, а авторовъ. Языку можно научиться въ полгода на столько, чтобы читать на немъ, а хорошо познакомясь съ авторами, узнаешь хорошо и языкъ. Если же все напирать на грамматику, то и будешь изучать ее, а языкъ-то все же не узнаешь, не зная и не любя авторовъ».

2 Матеріалы Хохрякова. См. ниже прим. на стр. 46.

3 Находится нынѣ у Н. С. Тихонравова, а точный списокъ въ Лермонтовскомъ музеѣ.

4 См. т. I стр. 36. Что Лермонтовъ показывалъ свои сочиненія наставникамъ, видно изъ нѣкоторыхъ помѣтокъ. Такъ, на поляхъ тетради, на которой написаны «Черкесы», противъ VI строфы замѣчено: «Зиновьевъ нашелъ, что эти стихи хороши», и далѣе, немного ниже: «тоже»; на поляхъ другого стихотворенія [«Два брата», см. т. III стр. 173] замѣтка не Лермонтовскимъ почеркомъ: «contre la morale».

скомъ университетѣ, отличавшійся живостью преподаванія и вносившій въ область естествознанія философію Шеллинга, поощрялъ литературные вкусы молодежи и задумалъ даже собрать лучшіе изъ опытовъ ихъ въ особое изданіе. Этотъ проэктъ остался невыполненнымъ, но Лермонтовъ, въ письмѣ въ Апалиху, къ теткѣ своей Марьѣ Акимовнѣ [т. V стр. 375], съ истинно-дѣтскою восторженностью упоминаетъ объ этомъ фактѣ.

Этотъ же инспекторъ интересовался успѣхами Лермонтова въ рисованіи и хранилъ у себя удачные рисунки его. «Умственное воспитаніе Лермонтова было по преимуществу литературное», замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ въ біографическомъ очеркѣ поэта [изд. 1873 г., т. I, стр. XXII]. Я полагаю, что относительно воспитанія поэта можно сказать: любовь ко всѣмъ искусствамъ развивалась въ немъ, и всѣ искусства были близки душѣ его. Онъ не только отлично рисовалъ, но хорошо игралъ на скрипкѣ и на фортепіано. А. З. Зиновьевъ, учившій старшихъ воспитанниковъ декламаціи, особенно обращалъ вниманіе на дикцію любимаго имъ ученика. «Какъ теперь смотрю на милаго моего питомца,—разсказываетъ этотъ наставникъ,—отличившагося на пансіонскомъ актѣ, кажется, 1829 года. Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго «Къ морю» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ въ особенности за сочиненіе на русскомъ языкѣ.» [1].

Лермонтовъ учился хорошо. Изъ упомянутаго письма къ теткѣ мы видимъ, что онъ считался вторымъ ученикомъ. Поступилъ Лермонтовъ, кажется, въ 4 или 5 классъ. Всѣхъ клас-

---

[1] «Біограф. очеркъ Пыпина», изд. 1873 г., стр. XIX. Догадка Пыпина, что эта пьеса была не «Къ морю», а элегія Жуковскаго «Море» [изд. 1878 г., т. II, стр. 388], оправдалась. Мнѣ подтвердилъ ее Зиновьевъ, продекламировавъ первый стихъ: «Безмолвное море, лазурное море». О счастливомъ настроеніи въ день публичнаго экзамена говорила и Е. А. Хвостова [«Записки», стр. 97] утверждая, впрочемъ, что это было въ 1830 г., по возвращеніи изъ Средникова, слѣдовательно, въ концѣ августа; но это сомнительно, потому что Лермонтовъ вышелъ изъ университетскаго пансіона уже въ апрѣлѣ 1830 года.

совъ было шесть, и высшій подраздѣлялся на младшее и старшее отдѣленія. Директоромъ былъ Петръ Александровичъ Курбатовъ, а кромѣ названныхъ учителей въ пансіонѣ преподавалъ еще Д. И. Дубенскій [извѣстный своими примѣчаніями на «Слово о полку Игоревѣ], латинскому языку адъюнктъ университета Кубаревъ и математикѣ Кацауро́въ. Въ старшемъ же классѣ русскому языку и словесности преподавалъ профессоръ университета Алексѣй Θеодоровичъ Мерзляковъ и Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ.

Мерзляковъ имѣлъ большое вліяніе на слушателей. Онъ отличался живою бесѣдой при критическихъ разборахъ русскихъ писателей и не дурно, съ увлеченіемъ, читалъ стихи и прозу. Приземистый, широкоплечій, съ свѣжимъ, открытымъ лицомъ, съ доброй улыбкой, съ приглаженными въ кружокъ волосами, съ проборомъ вдоль головы, горячій душой и кроткій сердцемъ, Алексѣй Θеодоровичъ возбуждалъ любовь учениковъ своихъ. Его любили послушать въ классѣ, съ университетской каѳедры, въ литературномъ собраніи пансіона. Но, чтобы вполнѣ оцѣнить его краснорѣчіе и добродушіе, простоту обращенія и братскую любовь къ ближнему, надо было встрѣчаться съ нимъ въ дружескихъ бесѣдахъ, за круговою чашей, или въ небольшомъ обществѣ коротко знакомыхъ людей; тогда разговоръ его былъ живъ и свободенъ. Мерзляковъ тѣмъ болѣе долженъ былъ повліять на Лермонтова, что давалъ ему частные уроки и былъ вхожъ въ домъ Арсеньевой. Конечно, мы не можемъ съ достовѣрностью судить насколько сильно было это вліяніе. Самъ Лермонтовъ не высказывается объ этомъ, но явствовать можетъ это изъ возгласа бабушки, когда позднѣе надъ внукомъ ея стряслась бѣда по поводу стихотворенія его на смерть Пушкина: «И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ довелъ его» [1].

[1] См. біограф. Мерзлякова въ «Біогр. Словарѣ» москов. профессоровъ и въ книгѣ Сушкова: «Матеріалъ къ исторіи московскаго благороднаго пансіона», стр. 88, 89 и 94. М. А. Дмитріевъ разсказывалъ о происхожденіи извѣстной пѣсни «Среди долины ровныя». Въ пріятельскомъ кругу Мерзляковъ, пригорюнившись, заговорилъ о своемъ одиночествѣ. Внезап-

Объ отношеніяхъ Лермонтова къ пансіонскимъ товарищамъ мы знаемъ очень мало, но въ одной его тетради, перебѣленной въ 1829 году, мы встрѣчаемся съ стихотворными посланіями къ нѣкоторымъ изъ нихъ, проливающими свѣтъ на эти отношенія. Въ пансіонѣ, въ кругу товарищескомъ, началась поэтическая дѣятельность Лермонтова и по свидѣтельству наставника его Зиновьева, и по собственному признанію поэта [т. I, стр. 75]. Но эта поэтическая дѣятельность подготовлялась въ душѣ мальчика еще раньше. Интересно заглянуть въ самый процессъ перваго развитія ея.

ГЛАВА III.

Начало поэтической дѣятельности. — Юношескія тетради Лермонтова.— Подражанія Пушкину: «Черкесы», «Кавказскій плѣнникъ».—Посланіе къ школьнымъ друзьямъ, «Корсаръ» и «Преступникъ».—Вліяніе Шиллера и Гёте.—Начало драматическихъ опытовъ.—Планъ драмы «Мстиславъ Черный».—Сюжеты драмъ.—Влеченіе къ Испаніи.—Драма «Испанцы».

Пребываніе на Кавказѣ и первая любовь открыли душу ребенка для міра поэзіи. До насъ дошла голубого цвѣта бархатная тетрадь, принадлежавшая Лермонтову-ребенку. Она была подарена ему дружественно-расположеннымъ лицомъ на двѣ-

---

но схвативъ мѣлъ на открытомъ ломберномъ столѣ, онъ написалъ начало названной пѣсни. Ему положили перо и бумагу. Онъ переписалъ написанное и кончилъ тутъ же всю пьесу. Большинство своихъ произведеній писалъ онъ въ «Ждагахъ», имѣніи Веньяминовыхъ-Зерновыхъ.

Мерзляковъ скончался 26 іюля 1830 г., на дачѣ въ Сокольникахъ, въ скромномъ небольшомъ домикѣ. День былъ тихій, прекрасный, когда изъ небольшой церкви понесли поэта среди ясныхъ сельскихъ видовъ на Ваганьковское кладбище. Между присутствовавшими находился ученикъ его, извѣстный послѣ профессоръ университета, Кудрявцевъ. По поводу возгласа бабушки о Мерзляковѣ см. замѣтки Лонгинова. Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 384.

Вліяніе на Лермонтова Мерзлякова признаетъ и редакторъ «Библіографическихъ записокъ» [1861 г. стр. 488 примѣчаніе], говоря о стихотвореніяхъ Лермонтова: «Цѣвница» и «Панъ» [соч. т. I, стр. 2 и 41]. Мерзляковъ, впрочемъ, былъ не безъ вліянія и на другихъ замѣчательныхъ людей: такъ сохранилъ о немъ благодарную память и Чаадаевъ [Русс. Вѣстн. 1862 г. т. 42 стр. 143]

надцатомъ его году [1]. И въ эту тетрадь сталъ мальчикъ вписывать тѣ стихи, которые ему особенно нравились. Явленіе это весьма обыкновенное. Врядъ ли есть какой-либо ребенокъ, одаренный самой обыденною фантазіей, который не заводилъ бы себѣ альбомовъ для записыванья нравящихся ему стиховъ. Но по тетрадямъ Лермонтова мы вполнѣ можемъ прослѣдить, какъ отъ переписки стиховъ онъ мало-по-малу переходитъ къ переработкѣ, или переложенію произведеній извѣстныхъ поэтовъ, и затѣмъ уже къ подражанію и наконецъ къ оригинальнымъ произведеніямъ. Замѣчу тутъ кстати, что, строго говоря, подражанія въ Лермонтовѣ не было. Напротивъ того, онъ переиначивалъ произведенія другихъ писателей, придавая имъ характеръ, присущій его индивидуальности. Подражаніе ограничивалось развѣ тѣмъ, что молодой поэтъ заимствовалъ сюжетъ или тотъ или другой стихъ, но и сюжету онъ давалъ свое освѣщеніе и иной характеръ дѣйствующимъ лицамъ и событіямъ. Стихи же, которые онъ заимствовалъ у другого поэта, получали у него своеобразный видъ и напоминали оригиналъ развѣ одною лишь чисто-внѣшнею своею формой, но отнюдь не значеніемъ.

---

[1] Тетрадь эта хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ, довольно толстая, in 4⁰ въ бархатномъ, голубомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ; на лицевой сторонѣ она обшита золотымъ шнуркомъ. Изъ этого шнурка образованы переплетенныя французскія буквы: M. J. L. На обратной же сторонѣ тетради вышитъ 1826 г. Первые листы вырваны; затѣмъ мы встрѣчаемъ рядъ выписокъ изъ французскихъ писателей. Тутъ стояло: «Hero et Leandre par La Harpe. Echo et Narcisse, Orphé et Euridice». Подъ стихами: «La mort ferme ses yeux, les nymphes, ses compagnes, De leurs cris douloureux complirent les montagnes» и т. д. Лермонтовъ приписалъ: «je n'ai point fini, parceque je n'ai pas pu». За этимъ слѣдуетъ новый заглавный листъ: *Разныя сочиненія*, принадлежатъ М. Л. 1827 г. 6 ноября. Тутъ встрѣчаемъ мы прежде всего переписанными: «Бахчисарайскій фонтанъ» А. Пушкина и «Шильонскій узникъ», пер. Жуковскаго. Далѣе все бѣлые листы. Дудышкинъ [учен. тетради Лермонтова «Отечест. Записк.» 1859 г., № 11, стр. 245] только поверхностно ознакомился съ этою тетрадью,—онъ, кажется, Шильонскаго узника и Бахчисарайскій фонтанъ, дословно списанные Лермонтовымъ, принялъ за переложеніе [это замѣтилъ уже г. Ефремовъ, «Соч. Лермонтова», т. II, стр. 513], а поэму «Черкесы» онъ относитъ безъ всякаго основанія къ 1826 году.

Платя дань обычаю времени, бабушка старалась сдѣлать для внука французскій языкъ роднымъ. Тетради носятъ на себѣ слѣды этихъ французскихъ упражненій. Даже переписка Лермонтова-юноши съ близкими людьми велась на французскомъ языкѣ. Но поразительно вѣрное чутье, которымъ всегда отличался поэтъ нашъ, рано подсказало ему, что не иноземная, а русская рѣчь должна служить его генію. Съ Лермонтовымъ не повторялось того, что видимъ мы въ Пушкинѣ, — онъ не на французскомъ языкѣ пишетъ свои первые опыты. Пятнадцати лѣтъ увѣренъ онъ, что «въ народныхъ русскихъ сказкахъ болѣе поэзіи, чѣмъ во всей французской литературѣ». Напрасно окружающіе стараются убѣдить двѣнадцатилѣтняго мальчика въ красотахъ французской музы: онъ, какъ будто скрѣпя сердце поддается общему тогда восхищенію этими поэтами, но уже тринадцати лѣтъ, кажется, навсегда отворачивается отъ нихъ. По крайней мѣрѣ въ упомянутой нами голубой бархатной тетрадкѣ мальчика-Лермонтова мы находимъ помѣтку, которою онъ вдругъ прерываетъ неоконченную выписку изъ сочиненія французскаго автора, говоря: «я не окончилъ, потому что окончить не было силъ». А затѣмъ, какъ бы въ подтвержденіе нашей догадки, что ему чужеземная рѣчь была не по душѣ, онъ переходитъ къ перепискѣ русскихъ стихотвореній, помѣчая день этотъ 6-мъ ноября 1827 года. Дальше мы будемъ имѣть случай указать на задушевную мысль уже зрѣвшаго таланта—избавить нашу литературу отъ наплыва произведеній иноземныхъ музъ.

Первая выписка поэтическихъ произведеній на русскомъ языкѣ, которую мы находимъ въ тетради Лермонтова, это «Бахчисарайскій фонтанъ» А. С. Пушкина, переписанный имъ цѣликомъ, и «Шильонскій узникъ» Жуковскаго. Самостоятельные же поэтическіе опыты, по собственному признанію поэта, были имъ сдѣланы въ пансіонѣ.

Приступая къ разсмотрѣнію этихъ опытовъ, нельзя не поговорить о важности біографическаго матеріала, представляемаго юношескими тетрадями поэта. Онѣ нагляднѣе всякой біографіи рисуютъ поэта и постепенное развитіе его таланта. Изъ нихъ видно, какъ рано полюбилъ Лермонтовъ поэзію и какъ

постоянно оставался вѣренъ ей. Дома, въ пансіонѣ, лѣтомъ въ деревнѣ—вездѣ вносилъ онъ въ эти тетради свои мысли, чувства и свои—сначала дѣтскія, потомъ юношескія—стихотворенія. Изъ этихъ же тетрадей видно, кто больше всего имѣлъ вліянія на Лермонтова, что онъ читалъ, чего хотѣлъ, какъ онъ по нѣскольку разъ обращался къ одной и той же мысли. Эти тетради составляютъ счастливое пріобрѣтеніе для біографа, но кромѣ того и рѣдкость въ литературномъ мірѣ. У какого писателя такъ далеко могутъ восходить воспоминанія? У кого изъ нихъ уцѣлѣлъ такой матеріалъ, если не всегда важный въ литературномъ, то неоцѣненный въ біографическомъ отношеніи? Здѣсь нѣтъ той невольной хитрости, тѣхъ невольныхъ уловокъ мыслей, которыя всегда замѣтны въ автобіографіяхъ, написанныхъ въ позднюю пору жизни, нѣтъ желанія отыскивать объясненія позднѣйшихъ явленій, хитрить съ самимъ собою, все подводить подъ одну теорію,—однимъ словомъ, нѣтъ умысла, хорошаго или дурного, все равно. Здѣсь день идетъ за днемъ, передъ вами растетъ человѣкъ и поэтъ, и вы, помимо всякихъ чужихъ свидѣтельствъ, которымъ не всегда можно вѣрить, видите, что онъ любилъ, какъ онъ любилъ, что имѣло на него сильное вліяніе, подъ вліяніемъ какихъ писателей и направленій онъ находился. Вы видите постепенное вліяніе на него французскихъ писателей, потомъ Пушкина, Жуковскаго, Шиллера, Гёте, Байрона и Шекспира.

Въ тетрадяхъ этихъ литературная работа часто прерывается ученическими упражненіями на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, а въ школьныхъ тетрадяхъ среди ученическихъ занятій встрѣчаемъ мы стихотворные наброски [1].

---

[1] Такъ въ VII тетради мы среди стихотвореній встрѣчаемъ цѣлую страницу французскаго упражненія „Jorik à Elis" съ подчеркнутыми грамматическими ошибками и черезъ нѣсколько листовъ тоже прозаическія упражненія въ переводахъ изъ Байрона, «Гяуръ», «Беппо» и пр. Находящіяся въ Публичной библіотекѣ черновыя ученическія тетради Лермонтова хранятъ слѣды стихотворныхъ набросковъ. О тетрадяхъ поэта, относящихся ко времени пребыванія его въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ, мы будемъ еще говорить. Въ Публичной библіотекѣ находится тоже черновая тетрадь эпохи нахожденія Лермонтова въ университетскомъ пансіонѣ. На заглавномъ ли-

Отъ переписки стиховъ Лермонтовъ перешелъ къ ихъ передѣлкѣ. Понятно, что любимцемъ его сталъ Пушкинъ, слава котораго тогда уже гремѣла. Но не первыя произведенія «пѣвца Руслана и Людмилы», какъ всюду тогда величали Пушкина, увлекали мальчика. Своеобразные типы Байроновскихъ героевъ, отразившихся на «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», «Кавказскомъ плѣнникѣ» и «Цыганахъ», поражаютъ его воображеніе. Образцы эти естественно вязались съ омраченною, чуткою и нечуждою страданія душою мальчика. Знаменательно уже, что онъ тщательно переписываетъ именно «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Шильонскій узникъ». Хотя въ переводѣ Жуковскаго, уже по свойству его таланта, выдвинулась болѣе романтическая сторона и меньше замѣтно специіальнаго духа, свойственнаго Байроновскимъ героямъ, все же онъ сказался и вмѣстѣ съ «Братьями-разбойниками» Пушкина [напечатанными въ 1825 году въ «Полярной Звѣздѣ»] вызвалъ со стороны Лермонтова двѣ поэмы—«Корсаръ» и «Преступникъ» [1].

Впрочемъ, какъ на первую попытку подражать Пушкину, можно смотрѣть на поэму «Черкесы», писанную, какъ кажется, въ 1828 году. Писалъ эту поэму Михаилъ Юрьевичъ, когда ему не было еще 14 лѣтъ,--писалъ ее въ городѣ Чембары,

---

стѣ читаемъ: «*Общая тетрадь*. Принадлежитъ М. Лермонтову. 1829 г.» На оборотной сторонѣ перваго листа: *incredibiles, superflut*. Затѣмъ:

Владѣльца книги сей
Коль хочетъ кто узнать,
Вотъ имя здѣсь на ней
Изволь внизу читать.

М. Лермантовъ.

О тетрадяхъ поэта сравни статью мою въ «Русской Мысли» за 1881 г. кн. XII прим. 37 и 38. Въ ссылкахъ и указаніяхъ много опечатокъ, но онѣ исправлены въ экземплярѣ, наход. въ Лермонтовскомъ Музеѣ.—Тетради, хранившіяся у А. А. Краевскаго, подарены имъ въ Музей.

[1] Шанъ-Гирей въ статьѣ напечатанной въ августовской книгѣ «Русскаго Обозрѣнія» за 1890 годъ разсказываетъ, что первая поэма, написанная Лермонтовымъ, называлась „*Индіанка*“, позднѣе сожженная имъ. Но Шанъ-Гирей запамятовалъ: «Индіанка» была писана, но, кажется, не закончена, послѣ—по прочтеніи романа Шатобріана «Аттала», который онъ думалъ драматизировать [т. IV, стр. 1], а потомъ написалъ поэму.

отстоящемъ всего въ 12 верстахъ отъ села Тарханъ, за дубомъ, съ которымъ связывалось какое-то дорогое для него воспоминаніе. Рукою поэта на самомъ заглавномъ листѣ переписанной имъ начисто поэмы помѣчено: «Въ Чембарѣ, за дубомъ». Мальчика охватили образцы и звуки Пушкинскаго «Кавказскаго плѣнника». И не удивительно, что именно это произведеніе славнаго нашего поэта увлекало мечтательнаго Мишеля. Эта мечтательность и такъ давно была возбуждена картинами Кавказа. Ему невольно должно было казаться, что Пушкинъ вылилъ словами то, что выразить самому еще было не по силамъ. Живыя впечатлѣнія Кавказа, вынесенныя мальчикомъ такъ недавно, сливались съ очарованіемъ Пушкинскаго стиха. Сначала онъ зачитывается этимъ произведеніемъ, но работающія въ немъ мысли и чувства на столько самостоятельны, что онъ не можетъ безъ дальнѣйшаго принять и удовлетвориться продуктомъ чужого творчества. И вотъ онъ, подъ руководствомъ поэмы Пушкина, пробуетъ создать свое, или передѣлать эту дорогую поэму такъ, чтобъ она болѣе соотвѣтствовала его собственному міровоззрѣнію и индивидуальности его. Поэтому онъ, не стѣсняясь, беретъ у Пушкина, что ему кажется подходящимъ, а что неподходитъ, онъ видоизмѣняетъ по своему.

Неудовлетворенный первою попыткой Лермонтовъ тотчасъ берется за передѣлку сюжета и прямо называетъ его однимъ именемъ съ Пушкинскою поэмой — «Кавказскимъ плѣнникомъ», также какъ у Пушкина, разбивая его на двѣ части. Надо однако сознаться, что если вся концепція взята Лермонтовымъ у Пушкина, то въ картинахъ кавказской природы мы видимъ будущаго великаго художника. Многіе стихи «Черкесовъ» мы встрѣчаемъ въ стихахъ «Кавказскаго плѣнника»; и тѣ и другіе являются собственно только пересказомъ Пушкинскихъ [1]

---

1 Выпишемъ для примѣра описаніе битвъ Черкесовъ съ казаками.
Изъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина:

....Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые:
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,

Конецъ Пушкинской поэмы, очевидно, казался юному поэту не достаточно *трагичнымъ*, то-есть ужаснымъ—два понятія, всегда смѣшиваемыя въ юные годы. И вотъ Лермонтовъ старается усилить впечатлѣніе тѣмъ, что освобожденный любящею его черкешенкой плѣнникъ въ глазахъ ея сраженъ пулей, посланной ему притаившимся отцомъ ея. При этомъ самая смерть плѣнника описывается почти тѣми же словами, какъ смерть Ленскаго въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

Но роковой ударилъ часъ...
Раздался выстрѣлъ—и какъ разъ
Мой плѣнникъ падаетъ... Не муку,
Но смерть изображаетъ взоръ,
Кладетъ на сердце тихо руку... и т. д.

Колчанъ и лукъ,—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неумолимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки.
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы?
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ;
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась и—падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Изъ «Черкесовъ» Лермонтова [т. III, стр. 165]:

Одѣто небо черной мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть блеститъ,
Лишь на сухихъ скалахъ травою
Полночный вѣтеръ шевелитъ.
На холмахъ маяки блистаютъ:
Тамъ стражи русскіе стоятъ,
Ихъ копья острыя блестятъ,

Отецъ попираетъ убитаго ногой, и, не вынося этого горя, черкешенка, какъ и у Пушкина, потопляетъ себя. Трагизмъ всего Лермонтовъ старается увеличить указаніемъ на то, что старый черкесъ, застрѣлившій русскаго, въ то же время сталъ убійцею своей дочери.

„Но кто убійца ихъ жестокой?...
Онъ былъ съ сѣдою бородой;
Не видя дѣвы черноокой,
Сокрылся онъ въ глуши лѣсной.
Увы, то былъ отецъ несчастной!...
Поутру трупъ оледенѣлый
Нашли на пѣнистыхъ брегахъ:
Онъ хладенъ былъ, окостенѣлый.
Казалось, на ея устахъ
Остался голосъ прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губахъ...
Узнали все, но поздно было...
Отецъ, убійца ты ее [ея],
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ, живи уныло!
Ея ужъ нѣтъ и за тобой
Повсюду призракъ роковой... [т. III, стр. 151].

Другъ друга громко окликаютъ:
«Не спи, казакъ, во тьмѣ ночной:
Чеченцы ходятъ за рѣкой!» (Буквально слова изъ черкесской пѣсни Пушкина).

Но вотъ они стрѣлу пускаютъ...
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана;
Въ очахъ его смертельный мракъ:
Ему не зрѣть роднаго Дона,
Ни милыхъ сердцу, ни семью,—
Онъ жизнь окончилъ здѣсь свою...

Изъ «Кавказскаго плѣнника» Лермонтова [часть III, стр. 142]:

....Черкесъ чрезъ Терекъ
Плыветъ на вѣрномъ тулукѣ.
Бушуютъ волны на рѣкѣ,
Въ туманѣ виденъ дальній берегъ,
На пнѣ предъ нимъ висятъ кругомъ
Его оружія стальныя:
Колчанъ, лукъ, стрѣлы боевыя
И шашка острая, ремнемъ

Весьма замѣчательно, что ужъ тутъ въ первомъ произведеніи поэта высказывается самостоятельная мысль [объ отцѣ у Пушкина и намека нѣтъ], которую потомъ встрѣтимъ мы въ цѣломъ рядѣ юношескихъ драмъ. Это—деспотизмъ отца, доводящій дѣтей до трагическаго самоубійства.

Въ поэму введены и друзья плѣнника, чего нѣтъ у Пушкина. Внося въ поэму свое индивидуальное, Лермонтовъ далъ въ ней мѣсто выраженію занимавшихъ его чувствъ. Душа его въ то время уже сильно жаждала дружбы. Въ набѣло переписанной тетради 1829 года, содержащей пьесы 1828 года, мы встрѣчаемъ множество намековъ, указывающихъ на то, что душа мальчика постоянно была занята мыслями о дружбѣ. Многіе стихи посвящены лицамъ, очевидно, изъ дружескаго, товарищескаго круга:

Я рожденъ съ душою пылкой,
Я люблю съ друзьями быть

говоритъ онъ. Всю тетрадь эту Лермонтовъ посвѣщаетъ тогдашнему близкому другу своему, нѣкоему Сабурову, не разъ впрочемъ оскорблявшему чуткую душу мальчика.

...Оттѣнокъ чувствъ тебѣ несу я въ даръ,
Хоть ты презрѣлъ священной дружбы жаръ...

Онъ жалуется, что «ложный другъ увлекъ Сабурова въ свои сѣти», жалуется на его измѣну, восклицаетъ: «какъ онъ не понималъ моего пылкаго сердца», и зоветъ его къ себѣ

Подъ сѣнь черемухъ и акацій,
Чтобъ раздѣлить святой досугъ.

Привязанна, звенитъ на немъ.
Какъ точка въ волнахъ онъ мелькаетъ,
То виденъ вдругъ, то исчезаетъ....
...Вотъ онъ причалилъ къ берегамъ.
Бѣда безпечнымъ казакамъ:
Не зрѣть ужъ имъ роднаго Дона,
Не слышать колоколовъ звона.
Уже чеченецъ подъ горой,
Желѣзная кольчуга блещетъ,
Ужъ лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
Ударъ несется роковой....

Наконецъ послѣдовалъ и совершенный должно быть разрывъ. «Наша дружба,—говоритъ Лермонтовъ въ примѣчаніи къ послѣднему стихотворенію, посвященному тому же Сабурову,—наша дружба смѣшана со столькими разрывами и сплетнями, что воспоминанія о ней совсѣмъ невеселы. Этотъ человѣкъ имѣетъ женскій характеръ; я самъ не знаю, отчего дорожилъ имъ». [томъ I, стр. 38].

Впечатлительная и зыбкая натура юноши часто приводила его къ тяжкому разочарованію въ друзьяхъ. Тогда онъ старался найти выходъ этому чувству въ эпиграммахъ на друзей или дружбу. [т. I, стр. 39].

Хороши были отношенія Лермонтова къ другому товарищу—Дурново, о которомъ онъ отзывался еще и не много позднѣе какъ о другѣ, котораго онъ все еще уважаетъ за его открытую и добрую душу. «Онъ мой первый и послѣдній другъ», говоритъ юный поэтъ. [т. I, стр. 27, 36, 47].

Это примѣчаніе къ стихотворенію сдѣлано рукою поэта по прошествіи извѣстнаго времени. Должно полагать, когда онъ вновь перечитывалъ и передумывалъ писанное прежде.

Постоянныя обращенія къ друзьямъ и намеки на дружбу, конечно, свойственны самому возрасту, въ который вступалъ мальчикъ, но кромѣ того, и самая жизнь въ семьѣ стала все болѣе тяготить его. Несчастное положеніе между любимымъ и принижаемымъ отцомъ съ одной стороны и бабушкой и родными съ другой обострялось все болѣе. Гордаго по натурѣ ребенка все сильнѣе раздражало пренебреженіе окружающихъ къ бѣдности и незнатности рода отца, а слѣдовательно и его самаго. Мальчикъ долженъ былъ искать привѣта и дружбы внѣ домашней обстановки, тамъ, гдѣ ничто не оскорбляло бы его.

И вотъ:

> Въ умѣ своемъ онъ создалъ міръ иной
> И образовъ иныхъ существованье. [т. I, стр. 36].

Этимъ состояніемъ можетъ быть объясняется, почему въ своемъ «Кавказскомъ плѣнникѣ» мальчикъ-поэтъ рисуетъ друзей плѣнника, играющихъ въ его новомъ положеніи не послѣднюю роль и утѣшающихъ его, раздѣляющихъ съ нимъ

скорбь рабскаго положенія на чужбинѣ. «Въ слезахъ склонясь къ младой главѣ», стараются эти товарищи несчастья привести въ чувство лежащаго безъ памяти. На груди ихъ онъ плачетъ и рыдаетъ по родинѣ. Онъ

Счастливъ еще,—его мученья
Друзья готовы раздѣлять
И вмѣстѣ плакать и страдать... [т. III, стр. 139].

«Кавказскаго плѣнника» Лермонтовъ писалъ въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ тетрадь, въ которую вписанъ онъ, помѣчена: «Москва, 1828 годъ».

Мальчику, очевидно, очень хотѣлось придать своему опыту характеръ почтеннаго печатнаго изданія. Тетрадь имѣетъ видъ небольшой книжки, переплетенной въ зеленый сафьянъ съ золотымъ тисненіемъ, въ 8-ю долю листа, съ виньетками и картинками и съ заглавнымъ листомъ, писаннымъ какъ бы печатными буквами.

Въ одной тетради съ «Кавказскимъ плѣнникомъ» находится и еще поэма, тоже относящаяся къ 1828 году: это—«Корсаръ». Она писана подъ вліяніемъ «Шильонскаго узника» Жуковскаго и начинается почти тѣми же словами:

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость! и т. д.

Повліяли на нее, можетъ-быть, и «Братья-разбойники» Пушкина, которые впрочемъ и сами по себѣ напоминаютъ «Шильонскаго узника», что чувствовалъ и самъ Пушкинъ и что высказалъ онъ въ письмѣ къ князю Вяземскому [«Русскій Архивъ» 1874 года, № 1]. Во всякомъ случаѣ вліяніе «Братьевъ-разбойниковъ» видно въ стихотвореніи «Преступникъ» [т. I, стр. 11]. Но въ этой поэмѣ можно отыскать слѣды и еще одного вліянія: это—вліяніе Шиллера и именно драмы его «Донъ-Карлосъ». Героя поэмы полюбила мачиха. Какъ и въ Донъ-Карлосѣ, старикъ-отецъ женится на молодой женщинѣ. Молодая женщина и лѣтами, и характеромъ ближе подходитъ къ сыну, чѣмъ къ отцу, и развивается роковая страсть, вызывающая вражду между отцомъ и сыномъ. У Лермонтова отношенія между мачихой и пасынкомъ имѣютъ болѣе жгучій

и страстный характеръ, у Шиллера же любовь ихъ идеальнѣе и болѣе платоническая. Надо впрочемъ сознаться, что въ этой поэмѣ замѣтно, какъ мальчикъ-поэтъ начинаетъ освобождаться отъ непосредственнаго вліянія. Мы видимъ больше самостоятельности и не встрѣчаемъ перефразировки чужого стиха.

Вліяніе на поэму Шиллера тѣмъ вѣроятнѣе, что въ это время Лермонтовъ дѣйствительно начинаетъ знакомиться съ нимъ и вчитываться въ него, что видно изъ попытокъ перевода нѣкоторыхъ пьесъ нѣмецкаго поэта, которыя встрѣчаемъ въ тетрадяхъ 1828 и 1829 годовъ [ср. т. I, стр. 3—8]. Въ Шиллерѣ его поразила мысль, которую онъ и передалъ двустишіемъ:

Счастливъ ребенокъ! и въ люлькѣ просторно ему, но дай время
Сдѣлаться мужемъ—и тѣсенъ покажется міръ.

Ясно, что разъ подъ вліяніемъ Пушкинскихъ произведеній открылся въ душѣ мальчика родникъ поэзіи, давно въ немъ дремавшій и насыщенный природой Кавказа, онъ уже бѣжалъ неудержимо, обращаясь сначала въ ручей, потомъ развиваясь въ бурливый потокъ, и въ рѣку, то шумно бѣгущую межъ скалъ и каменьевъ, то тихо катящуюся межъ тростниковъ и луговъ, по цвѣтущей равнинѣ.

Выслѣдить ростъ этого ручья мы можемъ,—видимъ почти каждый посторонній притокъ, воспринятый имъ, и надо сказать, что ростъ этотъ совершался съ изумительною быстротой. Лермонтовъ воспринималъ въ себя все, что подходило къ его индивидуальности, энергически отбрасывая чуждое ему.

Одновременно съ Шиллеромъ, Лермонтовъ познакомился конечно и съ Гёте, но олимпійское спокойствіе Гётевской музы не могло нравиться юношѣ,—онъ понялъ ее уже гораздо позднѣе, когда талантъ и духъ его стали зрѣлѣе. Теперь онъ сдѣлалъ-было попытку даже перевести кое-что изъ Гёте, но не кончилъ перевода. [ср. т. I, стр. 9].

Знакомясь съ Шиллеромъ, Лермонтовъ начинаетъ пристращаться и къ драматической формѣ. Прежде всего въ тетради 1829 года встрѣчаемъ мы переводъ сцены трехъ вѣдьмъ изъ «Макбета», Фр. Шиллера. Извѣстно, что Шиллеръ не просто перевелъ Шекспировскаго Макбета, а передѣлалъ его подъ влія-

ніемъ общераспространеннаго въ то время мнѣнія, что произведенія Шекспира, при всей своей геніальности, уродливы и для представленія на театрѣ должны быть передѣлываемы. Лермонтовъ рано интересуется Шекспиромъ, передѣлки его ему не нравятся [см. письма къ теткѣ, т. V, стр. 377] и онъ оставляетъ Макбета въ передѣлкѣ Шиллера не переведеннымъ.

Первую попытку драматизировать сюжетъ хоть бы и чужой представляютъ «Цыганы» Пушкина. Онъ хотѣлъ изъ этой поэмы составить либретто для оперы и взялся за него еще въ 1829 году, но и эта попытка осталась неоконченною [соч. т. I, стр. 10]. Лермонтовъ частью сохранялъ дословный Пушкинскій текстъ, частью же, гдѣ считалъ это нужнымъ, вставлялъ свои стихи, или писалъ монологъ прозой, или оставлялъ пробѣлъ для того, чтобы «выписать изъ *Московскаго Вѣстника* подходящую пѣсню для одной изъ цыганокъ». Юный писатель, какъ видно, не церемонился и откровенно бралъ то, что считалъ подходящимъ.

Мало-по-малу драма такъ увлекаетъ Лермонтова, что все прочитанное слагается въ фантазіи его въ дрматическую форму. Тутъ мы встрѣчаемся съ обрывками мыслей и воспоминаній, накиданныхъ имъ въ черновыхъ его тетрадяхъ. Прочитываетъ ли Михаилъ Юрьевичъ популярный тогда романъ Шатобріана «Аттала», онъ въ тетрадяхъ пишетъ замѣтку: «Сюжетъ трагедіи. — Въ Америкѣ. — Дикіе, угнетенные испанцами. —Изъ романа французскаго Аттала». Читаетъ ли онъ русскую исторію, сейчасъ слагаются у него образы и драматизируется сюжетъ: «Мстиславъ черный». Въ героѣ Мстиславѣ Лермонтовъ старается изобразить свои чувства, свою любовь, патріотизмъ. [т. IV, стр. 2].

Въ концѣ израненный Мстиславъ умираетъ подъ деревомъ, прося одного изъ бѣгущихъ мимо него поселянъ, ищущихъ въ лѣсу убѣжища отъ татаръ, разсказать его дѣла какому-либо пѣвцу, «чтобы этой пѣснью возбудить жаръ любви къ родинѣ въ душѣ потомковъ».

Очевидно, Лермонтовъ въ себѣ самомъ видѣлъ этого пѣвца.

Сюжетъ этотъ, оставленный поэтомъ, доказываетъ однакоже, какъ рано затрогивали его мотивы изъ народнаго прош-

лаго и что знаменитая его «пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова»—не *единственная* попытка въ этомъ родѣ. Между стихотвореніями 1829 года встрѣчаемъ мы тоже отрывокъ поэмы «Олегъ» [т. I, стр. 17].

Все, съ чѣмъ знакомился Лермонтовъ, приводитъ его къ мысли о драмѣ. Читая жизнь Марія, написанную Плутархомъ, онъ задумываетъ трагедію «Марій» [т. IV, стр. 248], оканчивающуюся смертью Марія и самоубійствомъ его сына, и затѣмъ, въ той же тетради, говоритъ о желаніи написать трагедію «Неронъ», не помѣчая впрочемъ плана ея. Эти обѣ трагедіи задуманы были имъ въ 1831 году и тоже не выполнены. Въ тетрадяхъ же 1830 года послѣ сюжета «Мстиславъ» встрѣчается цѣлый рядъ набросковъ и замысловъ одинъ другаго причудливѣе, а главное—кровавѣе. Какъ и раньше, въ своихъ передѣлкахъ произведеній знаменитыхъ поэтовъ, въ своемъ «Кавказскомъ плѣнникѣ» и «Корсарѣ», молодой Лермонтовъ думаетъ еще, что сила трагедіи заключается въ ужасномъ, въ убійствѣ и крови.

Едва ли не первымъ сюжетомъ трагедіи записанъ сюжетъ, въ которомъ отецъ съ дочерью, злѣйшіе разбойники, ожидаютъ пріѣзда сына къ себѣ въ деревню. Недалеко отъ этой отцовской деревни, спѣшащій къ отцу и сестрѣ, молодой человѣкъ на постояломъ дворѣ встрѣчается съ своею возлюбленною и матерью ея. Ночью на нихъ нападаютъ разбойники. Офицеръ храбро защищается и одному отрубилъ даже руку. Поутру съ трупомъ своей возлюбленной онъ прибылъ въ деревню отца, гдѣ по недостающей рукѣ больнаго онъ узнаетъ, кто были ночные разбойники. Подоспѣвшая, еще по прежнимъ подозрѣніямъ, полиція арестуетъ отца, а сынъ, не вынося горя и позора, застрѣливается. Тутъ вбѣгаетъ старый служитель сына, хочетъ его увидѣть, и видитъ мертваго. [т. IV, стр. 1].

Такихъ набросковъ и плановъ въ двухъ-трехъ словахъ или краткихъ помѣткахъ много раскидано по тетрадямъ. Начинающій драматургъ не знаетъ, за что взяться. Выполненіе задуманныхъ сюжетовъ не удавалось, но можетъ-быть оно требовало изученія, которое было не подъ силу; требовало знанія

нравовъ, жизни, этнографіи, исторіи. Поэтъ мечется изъ стороны въ сторону. Онъ даже думаетъ покинуть драматическую форму и временно останавливается на мысли написать поэму. «Поэма на Кавказѣ. Герой—пророкъ», какъ гласитъ небольшая помѣтка.

Наконецъ, воображеніе его остановилось на Испаніи. Ни одна страна не могла представить данныхъ, болѣе удобныхъ для составленія драмъ. Тутъ, казалось, и не требовалось особаго изученія нравовъ и жизни. Молодой фантазіи услужливо представлялись—гордый своими предками, закоренѣлый въ сословныхъ предразсудкахъ кастилецъ, инквизиторъ, іезуитъ, наемный убійца, преслѣдуемый жидъ. Тутъ—убійства, кровь, зарево костровъ и благородная отвага, луна, любовь и балконъ, съ ангеломъ на балконѣ и съ пѣвцомъ подъ нимъ. Въ эту страну перенесъ и другой великій поэтъ XIX вѣка, Генрихъ Гейне, свою молодую фантазію, и одною изъ первыхъ его драматическихъ попытокъ была драма изъ этой воображаемой романтической испанской жизни «Альманзоръ», съ дикою страстью, съ убійствомъ и кровью. Въ порывистыхъ и страстныхъ натурахъ Гейне и Лермонтова было нѣкоторое сходство.

Но кромѣ причинъ, приковывавшихъ фантазію молодаго Михаила Юрьевича къ испанской обстановкѣ, его влекло къ этой странѣ особое чувство: онъ видѣлъ въ ней родину своихъ предковъ и воображалъ, что въ немъ течетъ испанская кровь.

Существовало преданіе о томъ, что фамилія Лермонтовыхъ происходила отъ испанскаго владѣтельнаго герцога Лермы, который, во время борьбы съ маврами, долженъ былъ бѣжать изъ Испаніи въ Шотландію. Это преданіе было извѣстно Михаилу Юрьевичу и долго ласкало его воображеніе. Оно какъ бы утѣшало его и вознаграждало за обиды отцу. Знатная родня бабушки поэта не любила отца его. Воспоминаніе о томъ, что дочь Арсеньевой вышла замужъ за бѣднаго, незнатнаго армейскаго офицера, многихъ коробило. Не мудрено, что мальчикъ наслушался, хотя бы и отъ многочисленной дворни, о захудалости своего рода. Тѣмъ сильнѣе и болѣзненнѣе хватался онъ за призрачныя сказанія о бывшемъ величіи рода своего. Долгое время Михаилъ Юрьевичъ и подписывался подъ письмами

и стихотвореніями: «Лерма». Недаромъ и въ сильно вліявшемъ на него Шиллерѣ, онъ встрѣчался съ именемъ графа Лермы въ драмѣ «Донъ Карлосъ». Въ 1830 или 31 году Лермонтовъ въ домѣ Лопухиныхъ на углу Поварской и Молчановки, начертилъ на стѣнѣ углемъ голову [поясной портретъ], вѣроятно воображаемаго предка. Онъ былъ изображенъ въ средневѣковомъ испанскомъ костюмѣ, съ испанскою бородкой, широкимъ кружевнымъ воротникомъ и съ цѣпью ордена Золотаго Руна вокругъ шеи. Въ глазахъ и, пожалуй, во всей верхней части лица не трудно замѣтить фамильное сходство съ самимъ нашимъ поэтомъ. Голова эта, нарисованная al fresco, была затерта при поправленіи штукатурки и пріятель поэта Алексѣй Александровичъ Лопухинъ былъ этимъ очень опечаленъ, потому что съ рисункомъ связывалось много воспоминаній о дружескихъ бесѣдахъ и мечтаніяхъ. Тогда Лермонтовъ нарисовалъ такую-же голову на холстѣ и выслалъ ее Лопухину изъ Петербурга [1]. Испанія стала страной поэтической фантазіи юнаго поэта.

Даже дѣйствіе любимаго, много лѣтъ занимавшаго поэта, произведенія «Демонъ» въ наброскѣ 1830 года происходитъ въ Испаніи.

Разъ найдя почву для драматическаго сюжета, Лермонтовъ съ жаромъ принимается за него, и въ тетрадяхъ, среди лирическихъ произведеній, мы постоянно натыкаемся на наброски плановъ, именъ, сценъ, дѣйствующихъ лицъ и изреченій, касающихся трагедіи «Испанцы» [2].

---

1 Ср. письмо къ Лопухиной отъ 2 сент. 1832 г. т. V стр. 387. — О подробностяхъ мнѣ разсказывала Ел. Дм. Лопухина. Въ матеріалахъ Хохрякова находится обрывокъ письма А. А. Лопухина къ Лермонтову отъ 25 февр. 1833 года, гдѣ говорится: «Очень, очень тебѣ благодаренъ за твою голову: она меня очень восхищаетъ и между тѣмъ иногда грусть наводитъ, когда я въ ипохондріи». — Сынъ Алексѣя Александровича подарилъ голову въ Лермонтовскій Музей.

2 См. соч. т. IV стр. 10—116. Рукописи драмъ «Испанцы», «Странный человѣкъ» и «Два брата» находились у Бориса Николаевича Чичерина и получены имъ отъ Екатерины Петровны Осиповой, проживавшей въ домѣ Арсеньевой во время дѣтства поэта и скончавшейся въ домѣ Чичериныхъ въ Тамбовѣ. Г. Чичеринъ принесъ рукописи въ даръ Лермонтовскому Музею.

Герой трагедіи, пылкій и благородный Фернандо, безродный найденышъ, воспитанный въ домѣ гордаго испанскаго дворянина, Альвареца, влюбляется въ дочь донъ-Альвареца, прекрасную Эмилію, преступною страстью къ которой увлеченъ патеръ Соррини, іезуитъ и членъ инквизиціи. Альварецъ выгоняетъ Фернандо за дерзновенное помышленіе жениться на Эмиліи. Въ длинной тирадѣ передъ портретами предковъ онъ прославляетъ значеніе знатнаго рода. Въ отвѣтъ на это юный поэтъ заставляетъ Фернандо высказывать мысли личной симпатіи къ народу. Видно его занималъ вопросъ взаимныхъ отношеній знати къ простолюдину. Въ одной изъ черновыхъ тетрадей мы встрѣчаемся съ наброскомъ мысли: «Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи молодой испанецъ говоритъ отцу своей любовницы, что благородные для того не сближаются съ простымъ народомъ, что боятся, дабы не увидали, что они еще хуже его». [соч. т. IV стр. 8] и дѣйствительно мысль эту поэтъ вноситъ въ трагедію [т. IV стр. 16].

Злая мачиха Эмиліи, вторая жена Альвареца, желая избавиться отъ падчерицы, входитъ въ заговоръ съ Соррини, который выкрадываетъ молодую дѣвушку и прячетъ у себя. Фернандо находитъ ее въ моментъ величайшей для нея опасности и, оберегая отъ позора, закалываетъ. Мимо оторопѣвшаго Соррини и слугъ его онъ уходитъ съ дорогимъ трупомъ и приноситъ его въ родительскій домъ. Соррини поднимаетъ на ноги инквизицію. Фернандо окружаютъ, боятся однако подойти къ нему. Фернандо серьезно и не думаетъ защищаться и проситъ только, чтобы Соррини позволилъ ему умереть съ прядью волосъ, отрѣзанныхъ у мертвой Эмиліи.

ФЕРНАНДО (къ Соррини).

Ты видишь этотъ черный пукъ волосъ!
Пускай они горятъ со мной; сегодня
Я ихъ отрѣзалъ съ головы ея (указываетъ на тѣло Эмиліи).
Предъ смертью не снимайте ихъ съ меня,—
Они вамъ не мѣшаютъ.

СОРРИНИ.

Нѣтъ, нельзя!
Никакъ нельзя.

ФЕРНАНДО.

Послѣдняя мольба! (Скрежещетъ зубами).
Повѣрь мнѣ, эти волосы никакъ
Тебѣ не помѣшаютъ слышать крики
Мои, которые желѣзо пытки
Исторгнетъ!...

СОРРИНИ.

Нѣтъ, никакъ нельзя!...
Ихъ видъ твои страданья облегчитъ,
Но этого не хочетъ судъ.
(Дѣйствіе V, сцена 1-я).

Когда и эта послѣдняя просьба не признана, Фернандо бросается заколоть Соррини, но только легко ранитъ его въ руку. Въ этой неудачѣ онъ видитъ указаніе неба и смиряется.

ФЕРНАНДО (къ Соррини).

Нынѣ вижу,
Что не исполнилъ ты свое предназначенье
И мѣру всѣхъ твоихъ злодѣйствъ. Творецъ
Свидѣтель мнѣ: хотѣлъ очистить землю я
Отъ звѣря этого... Презрѣнный человѣкъ!
Онъ отвратительнѣе для меня,
Чѣмъ всѣ орудья пытки. (Бросаетъ кинжалъ на землю).
Прочь невѣрный
Металлъ! Ты мнѣ служилъ какъ люди:
Помогъ убить невинность, притупился
О грудь злодѣя... Прочь измѣнникъ!

Видя, что онъ безоруженъ, его схватываютъ.

Въ послѣднемъ дѣйствіи народъ толкуетъ, ожидая казни Фернандо.

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Все кончилось! Я былъ въ судѣ. Фернандо
Ведутъ на казнь. Его пытали долго;
Вопросы дѣлали... Онъ все молчалъ; ни слова
Они не вырвали у гордаго Фернандо,
И скоро мы увидимъ дымъ и пламя...

Но этимъ не оканчивается,—этого мало! Оказывается, что Фернандо—сынъ имъ спасеннаго еврея, который раньше пріютилъ израненнаго подосланными убійцами Фернандо. У еврея

есть дочь. Она, узнавъ о судьбѣ Фернандо, сходитъ съ ума и умираетъ.

Въ этой трагедіи легко отыскать вліяніе прочитаннаго въ то время Лермонтовымъ. Тутъ видны драмы Шиллера—«Разбойники» и «Коварство и любовь». Только краски Лермонтовъ постарался наложить ярче. Такъ, въ послѣдней изъ названныхъ драмъ Шиллера Фердинандъ, желая спасти опозоренную, любимую имъ дѣвушку, грозитъ заколоть ее, но не выполняетъ этого. Фернандо у Лермонтова исполнилъ угрозу. Въ отношеніяхъ президента фонъ-Вальтера къ сыну Фердинанду много схожаго съ отношеніями Альвареца къ Фернандо. Въ 1830 году драмы Шиллера—«Разбойники» и «Коварство и Любовь»—давались въ Москвѣ съ участіемъ Мочалова и Лермонтовъ говоритъ о томъ, что видѣлъ ихъ на сценѣ. Тѣмъ понятнѣе вліяніе ихъ. Подъ вліяніемъ этихъ пьесъ, дававшихся на московскомъ театрѣ, находился въ то время и Бѣлинскій. Онѣ то и побудили его написать драму [1].

Повліяло на Лермонтова, очевидно, и чтеніе «Натана Мудраго» Лессинга. Въ Лермонтовской драмѣ «Испанцы», старый еврей съ дочкою Ноэми и старухой служанкой—совершенный сколокъ съ Натана Мудраго, его дочери и старой ея няни. У Лермонтова, какъ у Лессинга, подъ конецъ драмы герой ея оказывается братомъ молодой еврейки. Самая симпатія Лермонтова къ старому еврею, выставленному честнымъ и правдивымъ, навѣяна, очевидно, Лессингомъ. У Лермонтова, какъ и у Лессинга, герой сначала морщился и презрительно относился къ облагодѣтельствованному имъ «жиду» и позднѣе лишь побѣждается мудростью отца и добродѣтелью дочери. Впрочемъ, въ первую половину нашего вѣка, подъ вліяніемъ западной литературы и вѣянія времени, сильно распространена была склонность покровительствовать «угнетаемымъ» евреямъ. Бывали примѣры, что помѣщики ютили у себя цѣлыми семьями гонимыхъ бездомныхъ сыновъ Израиля. Такъ кн. Гагаринъ въ имѣніи своемъ Окны, на видномъ мѣстѣ выстроилъ евреямъ цѣлый посадъ, исходя изъ того воззрѣнія, что хорошее обра-

[1] См. Пыпинъ, Жизнь Бѣлинскаго, т. I стр. 52.

щеніе и обстановка дѣлаютъ людей лучше. Неудивительно, что идеальная натура и романтическое настроеніе увлекло мальчика поэта. Во многихъ наброскахъ и стихотвореніяхъ того времени мы встрѣчаемъ интересъ его къ евреямъ.—

Спокойный и радужный конецъ Лессинговой драмы не соотвѣтствовалъ тогдашнимъ понятіямъ Михаила Юрьевича, и онъ въ своей драмѣ губитъ и героя и еврейку и, кажется, старика отца. Говорю *кажется*, потому что послѣдняя страница трагедіи «Испанцы» утеряна, но по ходу можно такъ предположить.

Вліяніе нѣмецкихъ поэтовъ было столь ощутительно, что вторую трагедію свою, писанную одновременно съ «Испанцами», Лермонтовъ озаглавилъ по-нѣмецки: «Menschen und Leidenschaften. — Ein Trauerspiel».—Въ черновыхъ тетрадяхъ того времени мы не только встрѣчаемся съ переводами изъ Гёте и Шиллера, какъ замѣчено выше, но даже со стихами на нѣмецкомъ языкѣ, очевидно, сочиненными самимъ Михаиломъ Юрьевичемъ. [т. I стр. 183, 196].

ГЛАВА IV.

Драма «Menschen und Leidenschaften».—Межъ двухъ огней.—Катастрофа.—Отецъ и сынъ.—Чрезмѣрная любовь.

Вторая написанная Лермонтовымъ трагедія «Menschen und Leidenschaften» [Люди и страсти] представляетъ собою особенный автобіографическій интересъ. [т. III стр. 117]. Въ ней описанъ эпизодъ изъ временъ его юношескихъ страданій[1] по-

---

1 Въ матеріалахъ г. Хохрякова мы находимъ слѣдующую помѣтку при перечисленіи дѣйствующихъ лицъ драмы какъ они напечатаны въ сочин. т. III стр. 118: М. И. Громова—бабушка Лермонтова; Н. М. Волинъ—отецъ Лермонтова; Ю. Ник. Волинъ—самъ Михаилъ Лермонтовъ; В. М. Волинъ—братъ отца Лермонтова[?]; Любовь и Элиза—двоюродныя сестры Лермонтова; Заруцкій—Столыпинъ [Монго?]; Дарья—нянька Лермонтова; Иванъ—слуга, мужъ Дарьи. Онъ привезъ потомъ тѣло Лермонтова изъ

ложившихъ печать на впечатлительную душу поэта. Драма эта особенно ясно рисуетъ намъ событія весьма важныя для уразумѣнія характера Михаила Юрьевича и объясняетъ многое, что безъ нея оставалось для насъ лишь въ области догадокъ. Повидимому Лермонтовъ написалъ эту трагедію въ моментъ, когда дурныя отношенія между бабушкою и отцомъ его обострились до вызова катастрофы. Изображеніемъ и разъясненіемъ событій молодой поэтъ какъ бы даетъ выходъ волновавшимъ его чувствамъ, онъ изливаетъ ихъ въ цѣломъ рядѣ сценъ, въ коихъ выводитъ себя и близкихъ домашнихъ и родныхъ. Подъ гнетомъ страданія, въ аффектѣ страсти, онъ накладываетъ краски слишкомъ яркія, такъ что позднѣе самъ считаетъ нужнымъ смягчить ихъ, пощадить нѣкоторыхъ лицъ, освѣтить ихъ менѣе пристрастно,—и пишетъ другую драму: «Странный человѣкъ», одинаковаго съ предыдущей автобіографическаго значенія.

Событіемъ, вызвавшимъ этотъ страстный порывъ, былъ, кажется, окончательный разрывъ между отцомъ Михаила Юрьевича и бабушкой его. Съ самаго того времени, когда, спустя девять дней по смерти жены, Юрій Петровичъ уѣхалъ изъ бывшихъ подъ его управленіемъ Тарханъ, а потомъ потребовалъ къ себѣ сына, бабушка постоянно боялась за потерю внука. Ей представлялось, что вотъ-вотъ нагрянетъ отецъ и отниметъ или увезетъ Михаила Юрьевича. Поэтому мальчика берегли и хранили строго. Старожилы въ Тарханахъ разсказывали мнѣ, что когда Юрій Петровичъ пріѣзжалъ навѣстить сына, то Мишу или увозили и прятали гдѣ либо въ сосѣднемъ имѣніи, или же посылали гонцовъ въ Саратовскую губернію къ брату бабушки Афонасію Алексѣевичу Столыпину звать его на помощь противъ возможныхъ затѣй Юрія Петровича, чего добраго замыслившаго отнять Мишеля [1]. Страхъ потерять внука,

---

Пятигорска въ Тарханы.—Тутъ же г. Хохряковъ замѣчаетъ со словъ С. Раевскаго, что Лермонтовъ стрѣлялся со Столыпинымъ изъ за двоюродной сестры.

[1] См. выше глава I стр. 16 и сравни соч. т. IV стр. 143. Въ матеріалахъ своихъ г. Хохряковъ говоритъ: «Елизавета Алексѣевна дала отцу Лермонтова деньги, лишь бы онъ не бралъ сына. Можетъ быть деньги бы-

очевидно, доходитъ у бабушки до болѣзненныхъ размѣровъ. Изъ діалоговъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ мы узнаемъ всѣ обстоятельства дѣтства Юрія Волина, т. е. Михаила Лермонтова. Самое начало распри излагается въ разсказѣ Василія Михайловича Волина [т. IV стр. 143]. Но уже въ началѣ драмы, въ первомъ явленіи, между слугами происходитъ разговоръ, который вполнѣ характеризуетъ положеніе дѣлъ [стр. 119].

ИВАНЪ.

А можно спросить, отчего барыня въ ссорѣ съ Николаемъ Михайловичемъ? Кажись бы не отчего,—близкая родня.

ДАРЬЯ.

Не отчего?... Какъ не отчего?—Погоди, я тебѣ все это дѣло-то разскажу. Вишь ты, я еще была дѣвчонкой, какъ Марья Дмитріевна дочь нашей барыни, скончалась, оставя сына. Всѣ плакали какъ сумасшедшіе, наша барыня больше всѣхъ. Потомъ она просила, чтобъ оставить ей внука, Юрья Николаевича. Отецъ-то сначала не соглашался, но наконецъ его улакомали, и онъ, оставя сынка да и отправился къ себѣ въ отчину. Наконецъ, ему и вздумалось къ намъ пріѣхать. А слухи-то и дошли отъ добрыхъ людей, что онъ отниметъ у насъ Юрья Николаевича. Вотъ отъ этого съ тѣхъ поръ они и въ ссорѣ... и т. д.

Содержаніе драмы поясняетъ намъ, и поясняетъ подробно, отношенія между Лермонтовымъ и Арсеньевой. Оно не только подтверждаетъ догадки біографа, но и дополняетъ указанія современниковъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что было причиною,

---

ли даны, чтобы кончить ссоры объ имѣніи?» Въ прим. 52 къ статьѣ моей въ «Русской Мысли» дек. 1881 года, я сообщалъ, что собранныя г. Журавлевымъ свѣдѣнія отъ тархановскихъ жителей согласуются съ тѣмъ что говоритъ Лермонтовъ въ драмѣ своей «Menschen und Leidenschaften». Свѣдѣнія эти получены мною раньше, чѣмъ вышло ефремовское изданіе «Юношескихъ драмъ Лермонтова», такъ что если и предположить, что старожилы тархановскіе слѣдятъ за всѣмъ новымъ въ нашей литературѣ, то на этотъ разъ ужъ они никакъ не могли почерпнуть изъ новой книги переданныя г. Журавлеву свѣдѣнія.

Г. Пыпинъ [«Соч. Лерм.» изд. 1873 г., стр. XVII] указываетъ, на основаніи сообщеній А. З. Зиновьева и того, что замѣчаетъ г. Бартеневъ [Рус. Арх. 1872 г., стр. 1852], на автобіографическое значеніе драмы «Menschen und Leidenschaften». Тоже и г. Ефремовъ [«Соч. Лерм.», т. II, стр. 614, и «Юнош. др.», стр. 320]. Дудышкинъ, прим. ко II т., изд. 1860 г., стр. 650].

побудившею Юрія Петровича оставить сына у бабушки. Видимъ, что онъ рѣшился сдѣлать это на то время, пока мальчику нуженъ былъ женскій присмотръ. Подобныя соображенія, просьбы бабушки и сознаніе, что недостатокъ средствъ не позволитъ дать Мишѣ тщательнаго воспитанія, побудили отца временно съ нимъ разстаться. Однако онъ не совсѣмъ отчуждается, — онъ думаетъ навѣщать сына. Разлука его грызетъ, и вотъ, пріѣзжая, онъ вмѣсто ласки и задушевности встрѣчаетъ въ тещѣ подозрительность, боязнь насилія съ его стороны; отъ него стараются скрыться въ другомъ имѣніи, вызываютъ родныхъ на защиту. Все это, конечно, далеко не можетъ дѣйствовать успокоительно на Юрія Петровича. Легко понять, что впечатлительный, вспыльчивый характеръ долженъ былъ увлечь его опять на выходки, которыя, конечно, не могли успокоить тещу. Такъ росли взаимное недовѣріе и непріязнь. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ въ драмѣ [т. IV, стр. 135, 143—145] можно заключить и еще объ одномъ обстоятельствѣ. Кажется, Юрію Петровичу было обѣщано, что если онъ сына оставитъ у бабушки, то ему отдадутъ причитавшееся за покойной женой имѣніе, которое должно было перейти къ сыну. Юрій Петровичъ вѣдь и управлялъ этимъ имѣніемъ при жизни жены, ему ближе всего было стать опекуномъ будущаго состоянія сына. Сгоряча, въ первые дни горя по смерти дочери, мать такъ и думала поступить. Все это было сдѣлано на словахъ. Когда же прошла первая скорбь, часто сближающая, по общности своей, всѣхъ, ею пораженныхъ, когда произошло затѣмъ первое столкновеніе, когда бабушка болѣзненно стала опасаться увоза отъ нея дорогаго внука, единственную радость свою, тогда невольно стала на сторожѣ. Добрые люди, всегда охотно подливающіе масло въ огонь, укрѣпили ее въ мысляхъ, что состояніемъ своимъ она можетъ держать въ рукахъ зятя. Вся родня Арсеньевой отличалась, какъ мы сказали уже, своей правдивостью, исполненіемъ даннаго слова и принятыхъ обязанностей. Но эта же родня отличалась и вспыльчивостью и упрямствомъ, да и общимъ тогда на Руси свойствомъ сильныхъ, своеобразныхъ натуръ — самодурствомъ. «Не хотѣлъ, дескать, какъ я хочу, — ну, такъ не будетъ

же и по твоему». Должно-быть не мягко обошелся съ бабушкой и Юрій Петровичъ, можетъ-быть какою-либо выходкой онъ самъ подкопалъ свое нравственное право. Ему нашептали, что бабушка хочетъ отнять у него имѣніе [т. IV, стр. 130], а бабушкѣ, что Юрій Петровичъ уступилъ ей сына только временно, пока не заберетъ денежки въ руки, а тамъ и Мишу возьметъ, — значитъ, силу изъ рукъ нельзя выпускать. Вотъ бабушка и рѣшила, что Юрій Петровичъ дѣйствіями своими утратилъ право на обѣщаніе, ему данное, да и для блага Миши надо ей поступить рѣшительно. Она объявила, что если Юрій Петровичъ возьметъ сына, то она лишитъ его наслѣдства.

Пораздумавъ, Юрій Петровичъ увидѣлъ, что сына-то воспитывать не на что, что сдѣлаетъ его нищимъ, если заупрямится. Любящій отецъ побѣдилъ въ себѣ гордость обиженнаго человѣка, — Юрій Петровичъ смирился, затаилъ злобу и для блага сына порѣшилъ оставить его до 16 лѣтъ у бабушки.

„Я сына моего, — говоритъ въ драмѣ зять тещѣ своей, — не меньше васъ люблю, и этому доказательство, что я его уступилъ вамъ, лишился удовольствія быть съ моимъ сыномъ, ибо я зналъ, что не имѣю довольно состоянія, чтобы воспитывать его такъ, какъ вы могли." [т. IV, стр. 133].

Юрій Петровичъ однако сохранилъ за собою право слѣдить за воспитаніемъ сына и поставилъ условіемъ, чтобы по вопросамъ о воспитаніи во всемъ относились къ нему. Но такое требованіе, конечно, на практикѣ не могло быть выполнено. Гдѣ же было изъ Тульской губерніи слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ Пензенской!... Каждый пріѣздъ Юрія Петровича въ Тарханы давалъ пищу новымъ непріятностямъ. Между тѣмъ Миша сталъ подростать, его повезли въ Москву, и тутъ отецъ навѣдывался чаще. Онъ, по разсказамъ г. Зиновьева, наѣзжалъ въ Москву изъ Кропотовки съ двумя своими незамужними сестрами, Натальей и Александрою. Останавливался онъ въ особой квартирѣ, не у Арсеньевой. Сынъ его навѣщалъ, особенно же часто проводилъ у него праздничные дни. Воспитатели, можетъ-быть подъ вліяніемъ Арсеньевой, говорили, что отецъ очень баловалъ сына и на него имѣлъ вліяніе недоброе.

Сынъ же крѣпко любилъ отца своего. «Папенька сюда пріѣхалъ,—пишетъ онъ теткѣ своей въ Апалиху,—и вотъ уже двѣ картины извлечены изъ моего портфеля; слава Богу, что такими любезными мнѣ руками» [т. V стр. 375].

Пошелъ наконецъ внуку и роковой для бабушки 16-й годъ. Подходилъ срокъ условію. Отецъ могъ потребовать выполненія условій—отдачи ему сына обратно. Начались переговоры. Какъ разъ въ этомъ 1830 году Императоръ Николай Павловичъ приказалъ [29 марта] закрыть «Благородный университетскій пенсіонъ» и переименовать заведеніе въ гимназію. Лермонтовъ находился тогда въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса. Онъ, какъ и многіе другіе, подалъ прошеніе объ увольненіи и получилъ его 16-го апрѣля. [Ср. прибавленіе I въ концѣ тома]. Рѣчь зашла о томъ, гдѣ продолжать воспитаніе Мишеля. Думали везти молодаго человѣка за границу: бабушка мечтала о Франціи, а отецъ о Германіи [1].

Чѣмъ болѣе приближалось время окончательной перемѣны судьбы Михаила Юрьевича, тѣмъ болѣе обострялось взаимное нерасположеніе тещи и зятя. Въ Юріи Петровичѣ прорывалась накипѣвшая годами злоба и желаніе вознаградить себя за долгую разлуку съ сыномъ; въ Елизаветѣ Алексѣевнѣ проснулся весь страхъ за потерю самаго дорогаго въ жизни. Вся борьба между ними сосредоточилась теперь на 16-ти лѣтнемъ мальчикѣ. Къ кому онъ прильнетъ? Кто одержитъ верхъ?...Крѣпко ухватились обѣ стороны за ревниво любимаго юношу. Добромъ это не могло кончиться. Кажется, каждый готовился выпустить его только съ жизнью, но трагизмъ положенія всею тяжестью давилъ молодаго поэта. Конечно, онъ давно, какъ только сталъ мыслить,—а мысли зашевелились въ немъ рано,—понялъ, что между его отцемъ и бабушкой что-то неладно. Онъ давно это чуялъ, давно страдалъ подъ этимъ сознаніемъ. Положеніе высокоодареннаго мальчика между аристократическою бабушкой и какимъ-то, рѣдко видаемымъ, бѣдно обстановленнымъ отцомъ было тяжелое. Тамъ гдѣ-то есть отецъ, кото-

---

[1] Ср. драму „Menschen und Leidenschaften" т. IV стр. 125 и особенно стр. 134.

раго появленіе въ домѣ непріятно бабушкѣ, но который ему милъ и дорогъ, а здѣсь вокругъ сына его—богатая обстановка, и любовь, и уходъ... Но почему же не любятъ того, кто ему такъ дорогъ? Почему онъ исключенъ изъ круга родныхъ, почему онъ не можетъ пользоваться тѣмъ же, чѣмъ пользуется сынъ?... Эта мысль можетъ-быть еще болѣе привязывала мальчика къ отцу. Онъ его жалѣлъ, а кто жалѣетъ любя, тотъ вдвойнѣ любитъ.

Все это, говорю я, давно чувствовалъ мальчикъ, но всѣхъ подробностей передрягъ и ссоръ онъ не зналъ, или не зналъ ихъ во всей ясности. Весь ужасъ положенія ему не представлялся еще. Вѣроятно и бабушка, и отецъ, оба любя его, берегли его. И вдругъ все отъ него скрываемое открылось, страсти разнуздались, пошли взаимныя обвиненія, уличенія и вѣчная аппелляція къ его чувству, къ любви его, къ долгу, къ благодарности. Мальчикъ извѣдалъ страшную пытку,—тѣмъ болѣе страшную, что все его воспитаніе, любовь и баловство увеличили и безъ того въ высшей степени сильную впечатлительность.

„Неужели человѣкъ можетъ быть такъ чувствителенъ, что всякая малость раздражаетъ его“.

Такъ въ драмѣ Заруцкій характеризуетъ Юрія Волина, т. е. самого Лермонтова [т. IV, стр. 125]. И точно такимъ же зыбкимъ и раздражительнымъ описываетъ 15 л. поэта въ своихъ воспоминаніяхъ г. Хвостова. Не слѣдуетъ забывать, что Михаилъ Юрьевичъ находился въ это время въ опасномъ переходномъ возрастѣ—отъ отрочества къ юношеству, когда нервная система бываетъ особенно чувствительна. И вотъ въ этотъ-то столь трудный періодъ внутренней борьбы и развитія пришлось бѣдному юношѣ испить горькую чашу нравственной пытки.

Опять-таки въ драмѣ мы находимъ выраженіе того, какъ Лермонтовъ судилъ о своемъ состояніи. Онъ заставляетъ говорить о себѣ Юрія:

„Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе

о людяхъ. Помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ творенiе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей....“

„.... У моей бабушки, у моей воспитательницы, жестокая распря съ отцомъ моимъ *и это все на меня упадаетъ*....“ [т. IV, стр. 123, 24].

Очевидно, сынъ сталъ сильно льнуть къ отцу. Бабушка жалуется на него повѣренной своей:

„Все тамъ сидитъ, сюда не заглянетъ. Экой какой онъ сдѣлался!... Бывало прежде ко мнѣ онъ былъ очень привязанъ, не отходилъ отъ меня, какъ малъ былъ. И напрасно я его удалила отъ отца, - тамъ умѣли его увѣрить, что я отняла у отца материнское имѣнiе, какъ будто не ему же это имѣнiе достанется. Кто станетъ покоить мою старость? И я ли жалѣла что-нибудь для его воспитанiя? Носила сама Богъ знаетъ что, готова была отъ чаю отказаться, а по четыре тысячи платила въ годъ учителю.... И все пошло не въ прокъ.... Ужъ, кажется, не всякимъ ли манеромъ старалась сберечься отъ нынѣшней бѣды.... Ахъ, кабы дочь моя была жива, не то бы на мiру дѣлалось“. [т. IV, стр. 130].

Наконецъ вопросъ для Михаила Юрьевича былъ поставленъ ребромъ. Бабушка и отецъ поссорились окончательно. Сынъ хотѣлъ-было уѣхать съ отцомъ, но тутъ-то и началась самая тонкая интрига приближенныхъ съ одной стороны бабушки, съ другой—отца. Бабушка упрекала внука въ неблагодарности, угрожала лишить наслѣдства, описывала отца самыми черными красками и наконецъ сама, подъ бременемъ горя, сломилась. Ея слезы и скорбь сдѣлали то, чего не могли сдѣлать упреки и угрозы,—онѣ вызвали глубокое состраданiе внука. Его стала терзать мысль, что, рѣшившись ѣхать съ отцомъ, покидая старуху, онъ отнимаетъ у нея опору послѣднихъ дней ея. Она дала ему воспитанiе, ей онъ обязанъ уходомъ въ дѣтствѣ, воспитанiемъ, богатствомъ, всѣмъ, кромѣ жизни, правда, но жизнь-то на что же?.. Ему казалось, что въ нѣсколько дней онъ приблизилъ бабушку къ могилѣ, что онъ неблагодаренъ къ ней... [стр. 153 и 166]. Свои сомнѣнiя онъ высказываетъ отцу. Отецъ же, ослѣпленный негодованiемъ на тещу за ея непониманiе его, за нанесенныя оскорбленiя, да можетъ—

быть и подъ вліяніемъ интриги, подозрѣваетъ въ сынѣ желаніе покинуть его, остаться у бабушки. Семейная драма дошла до высшаго своего развитія. Что тутъ произошло опять, мы знать не можемъ, но только отецъ уѣхалъ, а сынъ попрежнему оставался у бабушки. Они больше не видѣлись, — кажется, вскорѣ Юрій Петровичъ скончался. Что̀ сразило его — болѣзнь или нравственное страданіе? Можетъ-быть то и другое, можетъ-быть только болѣзнь. А. З. Зиновьевъ будто помнилъ что онъ скончался отъ холеры [?]. Вѣрныхъ данныхъ о смерти Юрія Петровича и о мѣстѣ его погребенія собрать не удалось. Надо думать, что скончался отецъ Лермонтова вдали отъ сына, и не имъ были закрыты дорогіе глаза. Впрочемъ разсказывали мнѣ тоже, будто Юрій Петровичъ скончался въ Москвѣ и что его сынъ былъ на похоронахъ. Возможно, что стихотвореніе «Эпитафія», находящееся въ черновыхъ тетрадяхъ 1830 года, относится къ отцу [т. I стр. 73]. Изъ него можно понять, что Михаилъ Юрьевичъ былъ на похоронахъ или у гроба отца. Во всякомъ случаѣ интересно, что высказанная въ этомъ стихотвореніи мысль «ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ», совпадаетъ съ мѣстомъ въ драмѣ «Menschen und Leidenschaften» тоже писанной въ 1830 году, гдѣ Юрій Волинъ говоритъ отцу:

„Я обязанъ вамъ одною жизнью.... Возьмите ее назадъ, если можете.... О, это горькій даръ"! [т. IV, стр. 166].

По этой же драмѣ выходитъ, что раздраженный отецъ проклинаетъ сына, и, доведенный этимъ окончательно до отчаянія, сынъ налагаетъ на себя руку.

Надо полагать, что Лермонтовъ перенесъ въ это время страшныя мученія, что катастрофа, разыгравшаяся въ семьѣ, дѣйствительно чуть не довела его до самоубійства. Не говоря о томъ, что мысль эта встрѣчается въ лирическихъ стихотвореніяхъ на страницахъ черновой тетради, мы находимъ ее въ записанныхъ сюжетахъ для драмъ, и обѣ драмы его: — «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человѣкъ» — кончаются самоубійствомъ героя.

Что первая изъ названныхъ драмъ имѣетъ чисто-автобіографическое значеніе, кажется ясно, но и вторая, написанная

въ 1831 году, носитъ тотъ же характеръ. Впрочемъ, вѣдь и самъ поэтъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ ней [т. IV стр. 177], замѣчая, что изображенныя имъ лица «всѣ взяты изъ природы» и что онъ желалъ бы, чтобы они были узнаны, такъ какъ тогда раскаяніе вѣрно посѣтитъ души тѣхъ людей... «Но пускай они не обвиняютъ меня. Я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать тѣнь несчастнаго»!

Этотъ несчастный, котораго Лермонтовъ отдаетъ на судъ общества, очевидно, онъ самъ. Да и есть отчего сдѣлаться несчастнымъ: онъ ли не любилъ отца, онъ ли въ разлукѣ съ нимъ не лелѣялъ образъ его, и вдругъ, неожиданно, все разбито, все безвозвратно потеряно! Отъ него, отъ его любящей души отецъ отвернулся. И онъ чувствовалъ, что отецъ, оскорбленный, любящій отецъ, не виноватъ,—онъ не такой, какимъ его хотѣли выставить другія, тоже дорогія ему, лица. Понятно, что юноша облегчалъ душу свою созданіемъ поэтическаго произведенія, излилъ всю желчь на свою бабушку. Не она ли подала поводъ къ послѣдней разыгравшейся катастрофѣ?... Онъ и выставилъ ее въ драмѣ «Люди и Страсти» съ особенною непріязнью. По внѣшнему виду и всей обстановкѣ, по содержанію, ее нельзя не признать. Чувствуется на каждомъ шагу глубокая непріязнь юноши къ виновницѣ его горя, и связываетъ его съ нею только чувство благодарности. Вся симпатія лежитъ къ отцу. Это несомнѣнно для каждаго читателя драмы.

Когда затѣмъ прошло нѣкоторое время и острая боль улеглась, Михаилъ Юрьевичъ увидалъ, что онъ несправедливъ былъ къ бабушкѣ своей. Въ то же время, желая выставить все событіе, «чтобы раскаяніе посѣтило души виновныхъ», онъ пишетъ еще разъ драму—«Странный человѣкъ», въ коей опускаетъ бабушку и уже не съ прежнею симпатіей относится къ отцу. Можетъ быть ему стало извѣстно отношеніе отца къ матери и онъ выводитъ ее на сцену доброю, любящею, загнанною. Что обѣ драмы вызваны одними и тѣми же мотивами, ясно при взаимномъ ихъ сравненіи. Цѣлыя сцены изъ драмы «Люди и Страсти» перенесены сюда. Только герой называется не Волинымъ, а Арбенинымъ. Это имя особенно дорого поэту и

встрѣчается въ нѣсколькихъ произведеніяхъ его. За то въ той и другой драмѣ близкимъ другомъ героя является Заруцкій. Одинаковую роль играетъ въ обѣихъ драмахъ и старый слуга.

Постигшее горе не могло не оставить глубокаго слѣда на характерѣ поэта. Онъ, что называется, ушелъ въ себя. Явилось въ немъ что-то надломленное. Съ одной стороны жажда любви, сочувствія, съ другой—недовѣріе къ счастью и къ людямъ. Онъ еще больше ушелъ въ природу и въ ней отдыхалъ и искалъ облегченія раненой душѣ своей.

Объ отцѣ своемъ онъ, кажется, никому не говорилъ. Не тогда ли родилось въ немъ обыкновеніе скрывать отъ всѣхъ все, что было ему особенно близко и свято? Онъ выказывалъ людямъ только внѣшнюю разгульную сторону свою, то, что нѣмцы называютъ Galgenhumor. Это — шутки и юморъ человѣка, идущаго на смерть и не желающаго, чтобы видѣли, что душа его смертельно поражена. Извѣстно,—и я буду имѣть случай указывать на это,—что Лермонтовъ дурачился самымъ непозволительнымъ образомъ, что онъ выкидывалъ легкомысленнѣйшія штуки въ то время, какъ его занимали самыя серьезныя мысли. Только бумагѣ довѣрялъ онъ бесѣды съ своимъ лучшимъ *я*. Немногіе заглянули въ его душу.

Свое горе по отцѣ онъ тоже ввѣрялъ лишь бумагѣ. Къ отцу, очевидно, относятся двѣ пьесы въ тетради 1831 года. Первая пьеса содержитъ въ себѣ то же, что составляетъ главный мотивъ въ драмѣ «Люди и Страсти». Чувствуя горькую судьбу отца, онъ ощущаетъ и горечь своей судьбы: «мы оба,—говоритъ онъ,—стали жертвою страданья». Смертью прерванная связь тяготитъ сына; ему хочется общенія съ отцомъ и за дверями гроба. Но есть ли откликъ? Есть ли въ отцѣ, умершемъ, пониманіе, есть ли чувство? [т. I стр. 200].

Другая пьеса, писанная одновременно съ описываемыми событіями, дышетъ полною безнадежностью, полнымъ трагизмомъ. Жизнь мрачно глянула на юнаго поэта и вызвала въ немъ убѣжденіе, что онъ призванъ на несчастіе и горе.

Я сынъ страданья; мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ;

Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ:
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена,
Дочь смерти,—смерть ей суждена[1]. [т. I стр. 201].

Странно, что мы въ тетрадяхъ нигдѣ не находимъ чего-либо, что имѣло бы отношеніе къ бабушкѣ, кромѣ, конечно, того, что встрѣчается въ драмѣ «Люди и Страсти». Нигдѣ не высказалась горячая симпатія къ ней, словомъ, что либо подобное тому, что чувствовалъ онъ къ отцу. Или это случайность?... Что Лермонтовъ былъ очень внимателенъ къ бабушкѣ, извѣстно. На слово его старушка всегда могла положиться. Такъ меня завѣряло лицо, близко знавшее Лермонтова, что когда открылась первая на Руси желѣзная дорога въ Царское-Село, то старушка, боявшаяся этого нововведенія, какъ-то разъ вырвала у внука, тогда уже давно гусарскаго офицера, обѣщаніе не ѣздить болѣе по ней. Михаилъ Юрьевичъ свято хранилъ данное слово и ѣздилъ въ Царское-Село, гдѣ стоялъ его полкъ, на тройкахъ.

Другой современникъ и близкій родственникъ Лермонтова разсказывалъ мнѣ, что бабушка такъ дрожала надъ внукомъ, что всегда, когда онъ выходилъ изъ дому, крестила его и читала надъ нимъ молитву. Онъ уже офицеромъ, бывало, спѣшитъ на ученье или парадъ, по службѣ, торопится, но бабушка его задерживаетъ и произноситъ обычное благословеніе, и такъ, бывало, по нѣскольку разъ въ день... Какъ ни трогательна такая любовь, но если подумать о нетерпѣливомъ, горячемъ, лихомъ характерѣ Лермонтова, то легко представить себѣ, что подчасъ онъ долженъ былъ тяготиться этимъ, и можно удивляться, какъ покорно онъ исполнялъ желаніе старухи и, торопясь, все же не упускалъ заходить къ ней прощаться.

---

[1] Ср. что говоритъ о значеніи этихъ стихотвореній для уразумѣнія отношеній сына къ отцу г. Никольскій въ „Русск. Стар.“ 1873 г. т. VII стр. 564. Въ черновыхъ тетрадахъ обѣ піесы написаны почти непосредственно другъ за другомъ. Ихъ отдѣляютъ отрывки изъ «Демона», тогда уже занимавшаго поэта.

Да, и слишкомъ большая любовь можетъ быть источникомъ страданій. Елизавета Алексѣевна ревниво любила и дочь, и внука. Невольно спрашиваешь себя, разумна ли была эта чрезмѣрная любовь? Не она ли произвела распрю между женой и мужемъ, а потомъ между отцемъ и сыномъ?... Но страшна была и немезида: бабушка пережила всѣхъ дорогихъ,—и мужа, и дочь, и внука, и угасла одна 85 лѣтъ, оплакивая Михаила Юрьевича такъ, что вѣки ея отъ слезъ ослабѣли и сами закрывали глаза, которымъ не суждено было видѣть дорогія черты [1].

ГЛАВА V.

Предки Лермонтова.—Шотландскій бардъ Ѳома Лермонтъ.—Русская вѣтвь Лермонтовъ.—Тоска по Шотландіи.—Скорбь объ отцѣ и мысли о самоубійствѣ.

Было уже говорено о томъ, какъ печалило Мишу Лермонтова то недружелюбное отношеніе къ отцу его, которое выказывалось ему богатымъ родствомъ бабушки. Родъ Лермонтовыхъ былъ захудалымъ родомъ. Столыпиныхъ родъ шелъ въ гору,—счастье ему улыбалось. Кругъ знакомыхъ и родныхъ бабушки причислялъ себя къ знати. То было время, когда образованность главнымъ образомъ встрѣчалась въ кружкахъ такъ называемаго высшаго общества. Дорого обходилось тогда развитіе, образованіе. Его встрѣчали почти исключительно въ привилегированномъ сословіи богатаго дворянства. Къ нему принадлежали лучшіе люди отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ. Многіе изъ «декабристовъ», Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковы, Огаревъ, Герценъ, Одоевскій, графъ Вьельгорскій,—пушкинскій кружокъ,—весь длинный рядъ нашихъ дѣятелей примыкалъ къ высшему слою. Людямъ изъ бѣднаго или средняго сословія, какъ Бѣлинскій, приходилось тяжело. Извѣстно, какъ Пуш-

---

1 Изъ сообщеній А. П. Шанъ-Гирея.

кинъ страдалъ захудалостью своего рода. Стремленіе занять положеніе среди высшаго круга нельзя считать лишь слабостью, недостойною его генія. Въ наше время, когда развитіе и образованность уже далеко не составляютъ достоянія «высшаго круга», а скорѣе пріютились въ среднемъ сословіи нашемъ (если вообще мыслимо говорить у насъ о сословіяхъ),—трудно представить себѣ, почему наши лучшіе писатели рвались въ среду нашихъ аристократовъ, часто весьма неохотно открывавшихъ имъ доступъ къ себѣ. Намъ кажется недостойнымъ генія ихъ, когда люди, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, стоя далеко выше людей аристократическаго салона, сѣтовали на то, когда двери его не раскрывались передъ ними съ подобающею предупредительностью. Ихъ бѣсило, когда люди, пользовавшіеся исключительно случайностью своего происхожденія, безъ всякой личной заслуги, кичились передъ ними. Глубоко и заслуженно презирая этихъ людей, они все-таки рвались въ салонъ, порогъ къ которому заграждался имъ именно этими ничтожными людьми, бывшими лишь хористами на подмосткахъ сцены аристократизма. Изъ біографіи Пушкина мы знаемъ, какими препятствіями преграждали эти ничтожные статисты путь нашего славнаго поэта. То же испытывалъ и Лермонтовъ. Стóитъ вспомнить для примѣра усилія графа Сологуба—«аристократа» и тогда «много обѣщавшаго писателя»—въ повѣсти «Большой свѣтъ» описать Лермонтова ничтожнымъ человѣкомъ, пробирающимся въ кругъ петербургской знати. Почтенный, позднѣе вполнѣ и по заслугамъ оцѣненный авторъ выставляетъ Лермонтова въ образѣ бѣдняка, армейскаго офицера, играющаго жалкую роль прихвостня аристократическаго денди Софьева, въ которомъ онъ рисовалъ Монго Столыпина, друга и товарища нашего поэта [1].

---

[1] См. «Сочин. Сологуба», т. I, и «Воспоминанія графа В. А. Сологуба». Москва 1866 г., стр. 64 [оттискъ изъ Рус. Арх. 1865 г.], гдѣ говорится между прочимъ: «Свѣтское значеніе Лермонтова я изобразилъ подъ именемъ Леонина въ моей повѣсти «Большой свѣтъ».—О значеніи писаній графа Сологуба по поводу Лермонтова будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

Лермонтовъ отлично чувствовалъ всю тяжесть отношенія «свѣта» къ захудалымъ родамъ и высказалъ это въ знаменитомъ своемъ стихотвореніи «На смерть Пушкина»:

„..... А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе *обломки*
Игрою счастія обиженныхъ родовъ“ и т. д.

Эту обиду, нанесенную его захудалому роду, Лермонтовъ въ дѣтствѣ чувствовалъ еще сильнѣе, потому что подъ нею страдалъ любимый имъ отецъ.

Вотъ почему мальчикъ такъ много мечталъ о прошломъ величіи своего рода. Сначала, какъ мы видѣли, онъ производилъ его отъ испанскаго «дюка Лерма» [см. главу III настоящей біографіи], потомъ узналъ и кое-что о происхожденіи своемъ отъ шотландской фамиліи Лермонтовъ.

Фамилія шотландскихъ предковъ нашего героя сохранилась и до сихъ поръ въ Шотландіи, въ графствѣ Эдинбургъ, гдѣ живутъ Лермонты въ помѣстьи Динъ [Dean]. По шотландскимъ преданіямъ, фамилія Лермонтовъ восходитъ къ XI вѣку. [1] Въ это время Лермонты или уже находились въ Шотландіи, или, вѣрнѣе, пришли туда изъ Англіи вмѣстѣ съ королемъ Малькольмомъ. Малькольмъ, какъ гласятъ древнія хроники, бѣжалъ въ Англію, когда отецъ его, Дунканъ, былъ умерщвленъ Макбетомъ. Тамъ онъ собралъ вокругъ себя бѣжавшихъ изъ Шотландіи тановъ и, получивъ помощь отъ англійскаго короля Эдварда, двинулся противъ узурпатора. Побѣдивъ Макбета, павшаго въ сраженіи отъ руки Макдуффа, Малькольмъ въ 1061 г. короновался въ Сканѣ, а затѣмъ созвалъ парламентъ въ Форферѣ. Около Форферы находится холмъ, именуемый «Сапож-

---

1 Относительно родословной Лермонтовыхъ, равно какъ и извѣстій о шотландскихъ предкахъ его, ссылаемся на обстоятельную статью г. Никольскаго въ Русской Старинѣ 1873 г., т. VII, стр. 547, и т. VIII, стр. 810. Статья Рольстона въ «The Athenaeum» 15 sept 1873 передаетъ содержаніе статьи г. Никольскаго. См. тоже замѣтку Данилевскаго въ Русскомъ Архивѣ 1875 г., книга III, стр. 107.

нымъ холмомъ» [Boot-hill]. По преданію, холмъ этотъ составился вслѣдствіе обычая, по которому вассалы, въ знакъ подданства, приносили своему ленному владѣльцу сапогъ земли изъ своихъ помѣстьевъ. Здѣсь-то Малькольмъ возвратилъ приверженцамъ своимъ земли, отнятыя отъ нихъ Макбетомъ, а пришлецовъ изъ Франціи, Англіи и другихъ странъ, присоединившихся къ нему, одарилъ владѣніями. Онъ возводилъ ихъ въ графское, баронское или рыцарское достоинство и многіе стали затѣмъ именоваться по имени полученныхъ помѣстій. Такимъ образомъ тогда появилось много новыхъ шотландскихъ фамилій. Между одаренными приверженцами Малькольма упоминается и *Лермонтъ*. Лермонтъ получилъ помѣстье Рэрси [Rairsie], и нынѣ находящееся въ графствѣ Файфъ въ Шотландіи, но уже не въ рукахъ фамиліи Лермонтовъ. Шекспиръ въ извѣстной своей трагедіи воспользовался, почти дословно, разсказомъ хроники, и предокъ нашего поэта легко бы могъ попасть въ число называемыхъ драматургомъ шотландскихъ фамилій, назови Шекспиръ еще двухъ, трехъ тановъ.

Другой извѣстный англійскій писатель, Вальтеръ-Скоттъ, написалъ балладу въ трехъ частяхъ: «Пѣвецъ Ѳома» [«Thomas the Rimer»], въ коемъ изображается одинъ изъ предковъ Михаила Юрьевича, шотландскій бардъ Лермонтъ. Этотъ Ѳома Лермонтъ жилъ въ замкѣ своемъ, развалины коего и теперь еще живописно расположены на берегахъ Твида, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ сліянія его съ Лидеромъ. Развалины эти носятъ еще названіе башни Лермонта [Learmonth Tower]. Не далеко отъ этого поэтическаго мѣста провелъ Вальтеръ-Скоттъ дѣтство свое и здѣсь построилъ себѣ замокъ, знаменитый Аббатсфортъ. Въ окрестностяхъ еще жили преданія о старомъ бардѣ, гласившія, что Ѳома Эрсильдаунъ, по фамиліи Лермонтъ, въ юности былъ унесенъ въ страну фей, гдѣ и пріобрѣлъ даръ вѣдѣнія и пѣсенъ, столь прославившихъ его впослѣдствіи. Послѣ семилѣтняго пребыванія у фей Ѳома возвратился на родину и тамъ изумлялъ своихъ соотечественниковъ даромъ прорицанія и пѣсенъ. За нимъ осталось названіе пѣвца и пророка. Ѳома предсказалъ шотландскому королю Александру III-му смерть наканунѣ событія, стоившаго ему жизни. Верхомъ на

лошади король черезчуръ близко подъѣхалъ къ пропасти и сброшенъ былъ испуганнымъ конемъ на острыя скалы.

Въ поэтической формѣ изложилъ Ѳома предсказанія будущихъ историческихъ событій Шотландіи. Пророчества его цѣнились высоко и еще въ 1615 году были они изданы въ Эдинбургѣ. Большою извѣстностью пользовался онъ и какъ поэтъ. Ему приписывается романъ «Тристанъ и Изольда», и народное преданіе утверждаетъ, что по прошествіи извѣстнаго времени царица фей потребовала возврата къ себѣ высокочтимаго барда, и, давъ прощальное пиршество, покинулъ онъ свой замокъ — Эрсильдаунъ. Это прощаніе между прочимъ и описываетъ Вальтеръ-Скоттъ:

«Роскошный пиръ идетъ въ Эрсильдаунѣ. Въ старинномъ залѣ Лермонта сидятъ и рыцари и дамы въ пышныхъ платьяхъ.

«Музыки звуки, пѣсни раздаются, и нѣтъ въ винѣ и элѣ недостатка.

«Вотъ смолкъ веселый пиръ: Ѳома поднялся и лиру, что у фей на состязаньи у эльфовъ выигралъ, настроилъ молча.

«Умолкло всё—движенье, разговоры; отъ зависти блѣднѣютъ менестрели; желѣзные на мечъ склонились лорды и слушаютъ:

«И льется пѣсня барда, пророка вѣщаго: въ грядущіе вѣка не отыскать пѣвца, который смогъ бы ту пѣсню повторить.

«Ея обрывки несутся въ даль, въ даль по рѣкѣ временъ, какъ корабля обломки выплывая средь моря бурнаго.

«Поётъ Ѳома товарищей сподвижниковъ Артура, о Мерлинѣ, но болѣе всего о благородномъ Тристанѣ и нѣжной его Изольдѣ.

«Въ поцѣлуѣ страстномъ слилась она съ его послѣднимъ вздохомъ и умерла. Съ его душою къ небу ея душа обнявшись улетѣла... Кому такъ спѣть, какъ пѣснь была имъ спѣта?

«Умолкъ пѣвецъ; затихли звуки лиры, а гости долго за столомъ сидѣли, поникнувъ головами, будто струны, казалось имъ, звенѣли замирая.

«Вотъ въ робкомъ шопотѣ сказалось горе предчувствія тяжелаго: вздыхали не только дамы,—не одна, украдкой, слеза желѣзной рукавицей стерта.

«На волны Лидера, на башни замка спускаются вечерніе туманы—и въ лагерѣ, и въ замкѣ, и въ лачугахъ идутъ ко сну.

«Но вотъ Дугласу чудесную приносятъ вѣсть поспѣшно:

«По брегу Лидера оленей бѣлыхъ идетъ чета; и шерсть на нихъ бѣлѣетъ какъ снѣгъ вершинъ.

«Идутъ при свѣтѣ лунномъ, они не торопясь, спокойно, рядомъ.

«Въ обитель Лéрмонта та вѣсть проникла: Ѳома поднялся съ ложа торопливо.

«Сначала поблѣднѣлъ, какъ воскъ онъ бѣлый, потомъ, какъ воскъ, сталъ красенъ и сказалъ: пробилъ мой часъ, спряглася нить, за мною пришли они!

«Подобно миннестрелю повѣсилъ онъ себѣ на шею лиру—и грустно въ ночи струны прозвучали.

«Вотъ вышелъ онъ, но часто, удаляясь, глядѣлъ назадъ на древнюю обитель.

«Блескъ мѣсяца осенняго игралъ на кровляхъ замка; бѣлые туманы съ подножья скалъ тихонько поднимались.

«Прощай отцовъ моихъ обитель,—молвилъ въ послѣднiй разъ онъ,—не бывать жилищемъ тебѣ веселiя и власти вѣчно!

«Лермонтамъ здѣсь ужь не владѣть землею. Серебристыя струи Лидéра, скалы и замокъ мой, прощайте!

«Подошли къ нему тихонько бѣлые олени—и съ ними черезъ рѣку онъ въ присутствiи Дугласа удалился.

„Вскочилъ на лошадь вороную Дугласъ, помчался черезъ Лидеръ; летѣлъ быстрѣе молнiи, но тщетно,—онъ не нагналъ ихъ. Говорятъ одни, что шествiе чудесное сокрылось въ холмѣ; другiе,—что оно въ долинѣ исчезло ближней.

„Только съ той поры между живыхъ Лермонта не встрѣчали“.

Шотландская фамилiя Лермонтовъ считаетъ Ѳому Лермонта однимъ изъ своихъ предковъ, но точныхъ свѣдѣнiй о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ членовъ рода въ Шотландiи нѣтъ, что и понятно: при тѣхъ страшныхъ смутахъ, которыя переживала не разъ Шотландiя, трудно прослѣдить исторiю отдѣльной фамилiи. За то у насъ на Руси сохранились вѣрныя данныя о той отрасли Лермонтовъ, которая прибыла къ намъ изъ Шотландiи. Историческое значенiе преданiя о связи фамилiи Лермонтовъ съ испанскимъ герцогомъ Лермой сомнительно. [1]

---

[1] Свѣдѣнiя данныя объ этомъ Ив. Ник. Лермантовымъ [Русская Старина 1873 г., кн. VII, стр. 392] оказываются невѣрными. Сообщенiе сдѣлано имъ, впрочемъ, по памяти, на основанiи двухъ записокъ, сгорѣвшихъ въ 1842 году. Ср. ст. Никольскаго [тамъ же, на стр. 558, примѣч. 1-е]. Гербъ русскихъ Лермонтовыхъ, по изысканiямъ г. Никольскаго, сходенъ съ гербомъ шотландскихъ Лермонтовъ.—Относительно герба смотр. общiй гербовникъ дворянскихъ родовъ Россiйской имперiи, т. IV. стран. 102. «Въ щитѣ, имѣющемъ золотое поле, находится черное стропило съ тремя на немъ золотыми четвероугольниками, а подъ стропиломъ черный цвѣтокъ. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дво-

Въ XVII вѣкѣ во время смутъ въ Шотландіи одинъ изъ Лермонтовъ покинулъ страну. По дошедшимъ до насъ даннымъ, это былъ Юрій [Георгій] Андреевичъ Лермонтъ, основатель русской отрасли Лермонтовыхъ. Выѣхалъ онъ изъ Шкотской земли сначала въ Польшу, оттуда на Бѣлую [городъ Смоленской губерніи] и потомъ уже прибылъ въ Москву еще до 1621 г., потому что уже въ этомъ году царь Михаилъ Ѳедоровичъ даритъ его 8-ю деревнями и пустошами въ Галицкомъ уѣздѣ, въ Заблоцкой волости. По указу царя, Лермонту было велѣно обучать «рейторскому строю новокрещенныхъ нѣмцевъ стараго и новаго выѣзда, равно и татаръ».

Юрій Андреевичъ именуется поручикомъ [или ротмистромъ], и уговоръ съ нимъ былъ заключенъ бояриномъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ. [1]

У Юрія Андреевича было три сына: Вилимъ [Вильямъ], Петръ и Андрей. Только средній оставилъ потомство. Этотъ Петръ Юрьевичъ былъ въ 1656 году, указомъ царя Алексѣя Михайловича, сдѣланъ воеводою Саранска, да велѣно было вѣдать «по чертѣ» иные города и пригородки. У него опять былъ сынъ Евтихій или Юрій, что одно и то же. Во-первыхъ на Руси двойственность имени не была рѣдкостью, а во вторыхъ, дѣти Евтихія называются въ родословной Юрьевичами. Этотъ Евтихій или *Юрій* былъ въ 1679 году царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ пожалованъ стряпчимъ, а въ 1682 году стольникомъ,

---

рянскою короною. Намэтъ на щитѣ золотой, подложенный красными; внизу щита девизъ: «Sors mea—Jesus» [жеребій мой—Іисусъ]. Гербъ шотландскихъ Лермонтовъ представляетъ также на золотомъ полѣ черное стропило съ тремя золотыми ромбами, но безъ чернаго цвѣтка подъ стропиломъ, зато на щитѣ нашлемникъ съ розою, которая въ позднѣйшее время была замѣнена пурпуровымъ голубемъ съ масличною вѣтвью. Девизъ: «Dum spiro, spero» [пока дышу, надѣюсь].

[1] Такимъ образомъ невѣрно, что шотландецъ Лермонтъ былъ для формированія рейторскихъ полковъ вызванъ при Алексѣѣ Михайловичѣ около 1659 года, какъ говорится о томъ въ «Исторіи лейбъ-гвард. кирасирск. полка», сост. Барановскимъ [глава I, стр. 2, примѣч. 3]. Замѣчательно, что тогда положено было, чтобы первые три штабъ-офицерскіе чина занимать лишь офицерами изъ иностранцевъ, [тамъ же и Русская Стар. 1873 г., кн. VII, стр. 550].

и эту должность исправлялъ еще въ 1692 и 1703 годахъ [1]. Затѣмъ мало-по-малу родъ захудалъ, хотя иногда мы и встрѣчаемся съ представителями этой фамиліи въ различныхъ историческихъ актахъ. Замѣчательно, что старшіе сыновья всегда назывались по дѣду, такъ что мы постоянно встрѣчаемъ то Петра Юрьевича, то Юрія Петровича. Поэтъ нашъ былъ послѣднимъ представителемъ старшей линіи и происходилъ отъ Лермонта, «выходца изъ Шкотской земли», въ восьмомъ колѣнѣ. По традиціямъ семьи, онъ долженъ бы называться по отцу—Петромъ, но бабушка Арсеньева настояла на томъ, чтобъ его назвали Михаиломъ—по дѣду съ материнской стороны.

Фамилія Лермонтова должна оффиціально писаться черезъ *а*—потому, что такъ записана эта фамилія въ актахъ и гербовникѣ. Правильнѣе же писать черезъ *о*, какъ пишется шотландская вѣтвь. Если родоначальника русскихъ Лермонтовыхъ, шотландца Лермонта, въ древнихъ актахъ пишутъ черезъ *а*, то это можно объяснить московскимъ аканьемъ, тѣмъ болѣе,

---

1 Въ «Запискахъ стариннымъ службамъ русскихъ благородныхъ родовъ, составленныхъ Матвѣемъ Спиридоновымъ»[Руск. Импер. Публ. Библ. въ 15 ч., 55 отд., подъ № MMCCCLVI], показаны: Евтихій Петровичъ 159 стольникомъ, а Петръ Петровичъ 45 отставнымъ стольникомъ. Оба брата, Евтихій и Петръ, представили родословную роспись свою въ 1698 г. февраля 10-го дня. Изъ разряднаго архива справка была позднѣе выдана потомкамъ Лермонта для представленія отъ 1-го апрѣля 1799 года въ сенатъ. У Евтихія были 3 сына: Петръ, Матвѣй, Яковъ, да дочь Ирина.—Никольскій [тамъ же, VII, 552] ошибкою замѣчаетъ, что Петръ Юрьевичъ упоминается подъ 1698 г. Подъ этимъ годомъ упоминается не Петръ Юрьевичъ, а дядя его Петръ Петровичъ, подавшій 10-го февраля 1698 г. подписанную имъ и братомъ Юріемъ родословную роспись. Петръ Юрьевичъ служилъ въ военной службѣ въ чинѣ прапорщика въ 1725 г. Марта 20 онъ былъ отъ императора Петра I присланъ съ порученіемъ къ императрицѣ Екатеринѣ I, которая приказала ему выдать наградныхъ 10 червонцевъ [изъ книги приходо-расходныхъ денегъ императр. Екатерины I, Русск. Архив. 1874 г., т. XII, стр. 530]. Сынъ его Юрій Петровичъ воспитывался кадетомъ въ шляхетскомъ сухопутномъ корпусѣ, гдѣ отличался талантомъ къ рисованію и откуда въ 1745 г. вышелъ по болѣзни съ чиномъ подпоручика [Русск. Архив. 1872 г., т. X., стр. 1852 и 1875; т. XIII, стран. 107]. О сынѣ его Петрѣ Юрьевичѣ, приходящемся дѣдомъ поэту, мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что жену его звали Анной Васильевной.—Сынъ ихъ, Юрій Петровичъ, отецъ поэта, родился въ 1787 году. Портреты дѣда и отца находятся въ Лермонтовскомъ музеѣ.

что въ имени Лермонтова имѣется удареніе на первомъ слогѣ. Поэтъ нашъ писалъ имя свое сначала черезъ *а* и уже послѣ сталъ писать на *о*—Лермонтовъ—и подписывался онъ такъ главнымъ образомъ въ печати, подъ своими сочиненіями. И затѣмъ къ концу 30 годовъ сталъ писать черезъ *о* и въ письмахъ, къ тѣмъ же лицамъ адресованныхъ, съ коими прежде писалъ черезъ *а* [1].

Всѣхъ подробностей исторіи своего рода Михаилъ Юрьевичъ не зналъ. Не были онѣ извѣстны и отцу его, который для того, чтобы помѣстить сына въ университетскій пансіонъ, хлопочетъ о внесеніи себя со всѣмъ родомъ въ дворянскую родословную книгу Тульской губерніи [2]. Какіе онъ представилъ документы въ доказательство дворянскаго своего достоинства, мы не знаемъ. Сынъ его, поэтъ нашъ, о шотландскомъ происхожденіи фамиліи своей намекаетъ въ стихотвореніяхъ 30 и 31-го годовъ, такъ что можетъ быть онъ только въ это время узналъ о томъ. Шотландскіе барды, поэзія Оссіана зани-

---

[1] Во всѣхъ дипломахъ, приказахъ и оффиціальныхъ бумагахъ Лермонтовъ писался черезъ *а*. Въ университетѣ и въ юнкерской школѣ до 1835 г. онъ еще и подъ сочиненіями подписывается Лермантовъ. Подъ «Измаилъ-Беемъ» въ рукописи 1832 г. стоятъ еще двѣ подписи: русскими буквами—Лермантовъ и латинскими Lerma; подъ первымъ печатнымъ произведеніемъ «Хаджи Абрекъ» Лермонтовъ подписался черезъ а, [см. т. II, стр. 145]. Также черезъ *а* подписался онъ въ письмѣ къ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной, въ декабрѣ 1835 г. [Русск. Арх. 1863 г., стр. 952], тогда какъ въ 1837 году въ письмахъ къ ней же подписывается уже Lermontoff. [Въ Русск. Арх. (1863 г., стр. 956) невѣрно напечатано черезъ *а*]. Ник. Лермонтовъ въ Рус. Старинѣ 1873 г., т. VII, стр. 392, помѣстилъ замѣтку о томъ, какъ писать фамилію Лермонтовъ, и также находитъ, что она должна оффиціально писаться черезъ *а*. Мы этому не противорѣчимъ. Такъ писались и отецъ, и предки Михаила Юрьевича. Онъ же для себя въ мірѣ литературномъ возстановилъ старую шотландскую форму. Такъ и надо писать имя нашего поэта, и если иногда, и теперь еще, фамилія его пишется черезъ *а*, то это не вѣрно. Сравни статью г. Никольскаго въ Русск. Стар., стр. 558.

[2] Капитанъ Юрій Петровичъ Лермонтовъ внесенъ въ шестую дворянскую родословную книгу Тульской губ. марта 10 дня 1829 г. по исходящей книгѣ за № 940. См. объ этомъ мое сообщеніе въ Русской Стар. 1882 г. февраль, стр. 469—470. Самый дипломъ подаренъ мною Лерм. Музею.

маютъ его, и, услыхавъ отъ путешественника описаніе могилы Оссіана, онъ вспоминаетъ о Шотландіи, называя ее своею:

Подъ занавѣсою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ *Шотландіи моей.*
Летитъ къ ней духъ мой усыпленный
Родимымъ вѣтромъ подышать...... [т. I, стр. 107].

Вспоминая въ подмосковномъ селѣ Середниковѣ отца, чуткою душой скорбя о соціальномъ приниженномъ положеніи покойнаго и чувствуя себя чужимъ среди богатой родни бабушки, онъ уходилъ душою въ прошлую жизнь предковъ своихъ. 29 іюля 1831 года одинокій сидитъ онъ на бельведерѣ. Мысли далеко уносятся въ глубь временъ. Шотландскіе барды—пѣвцы и бойцы свободы—встаютъ передъ нимъ. Видитъ онъ замокъ предковъ опустѣлымъ среди горъ и, можетъ-быть, образъ Ѳомы Лермонта, воспѣтый Вальтеръ-Скоттомъ, всталъ передъ нимъ, грозный и таинственный. Пронесшійся на западъ черный воронъ, исчезнувшій на вечернемъ небѣ, дальше и дальше увлекаетъ за собою мысли поэта. Тоскливое желаніе настраиваетъ душу, и вотъ въ ней заговорили струны звонкою пѣснью:

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?
На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ *моихъ предковъ* поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.
На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ—
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.
И арфы шотландской струну бы задѣлъ—
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.
Но тщетны мечты, безполезны мольбы

Противъ строгихъ законовъ судьбы,—
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.
Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной!... [т. I, стр. 178].

Да, Михаилъ Юрьевичъ предугалъ: онъ былъ послѣднимъ потомковъ шотландскихъ бойцовъ; но не въ снѣгахъ кончилъ боецъ этотъ жизнь свою, а въ южной странѣ, среди горъ, ставшихъ ему милѣе туманныхъ картинъ на берегахъ Лидера и Твида.

Смерть отца повергла поэта нашего въ скорбь, которую онъ тщательно скрывалъ передъ другими и передъ самимъ собою. Жизнь била въ немъ ключемъ, и ему удавалось поднимать свое настроеніе до рѣзвой веселости, но тѣмъ сильнѣе были минуты скорби. И если въ двухъ автобіографическихъ драмахъ мы находимъ слѣды мыслей о самоубійствѣ, то о томъ же гласятъ многія лирическія стихотворенія того времени. Юноша не мало перенесъ тяжелыхъ душевныхъ мукъ и борьбы. Когда мрачное настроеніе овладѣвало имъ, онъ уходилъ въ уединенныя мѣста—въ лѣсъ, въ поле, на кладбище, или проводилъ безсонныя ночи, глядя сквозь окно въ ночную тьму, а въ головѣ стучала безъисходная мысль покончить съ собою. Покой могилы манилъ его.

Съ такими мрачными думами сидѣлъ онъ у окна своего въ Середниковѣ, когда написалъ свое «Завѣщаніе».

1.

Есть мѣсто близъ тропы глухой,
Въ лѣсу пустынномъ, средь поляны,
Гдѣ вьются вечеромъ туманы,
Осеребренные луной...
Мой другъ, ты знаешь ту поляну!
Тамъ трупъ мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану.

2.

Могилѣ той не откажи
Ни въ чемъ, послѣдуя закону:

Поставь надъ нею крестъ изъ клену
И дикій камень положи... [Ср. т. I, стр. 181].

Совершенно предаться мрачному настроенію впрочемъ мѣшала поэту не только полная жизни натура его, но и шумное общество окружавшихъ его въ Середниковѣ людей.

ГЛАВА VI.

Жизнь въ Середниковѣ.—Внѣшній видъ Лермонтова.—Вліяніе Байрона и др. — Любовь къ народнымъ русскимъ пѣснямъ. — Дѣтскія забавы. — Интересъ къ серьезному чтенію.—Романтическое настроеніе и жажда любви.—Екатерина Ал. Сушкова.—Наклонность передавать бумагѣ каждую мысль и чувство.—Собственное изображеніе внутренняго своего состоянія.

Когда Лермонтовъ ходилъ учиться въ пансіонъ, бабушка его жила на Молчановкѣ, лѣто же проводила въ подмосковномъ имѣніи покойнаго брата своего, Дмитрія Алексѣевича Столыпина, селѣ Середниковѣ. Оно лежитъ верстахъ въ 20 отъ Москвы, по дорогѣ въ Ильинское, въ прекрасной мѣстности, и принадлежало тогда Екатеринѣ Апраксѣевнѣ Столыпиной, вдовѣ Дмитрія Алексѣевича, замѣчательно образованнаго и развитаго человѣка. Командуя корпусомъ въ южной арміи, завелъ онъ ланкастерскія школы, былъ близокъ къ Пестелю и умеръ скоропостижно въ Середниковѣ, во время арестовъ, послѣ 14 декабря [1]. Въ настоящее время Середниково перешло въ другія руки.

---

[1] Съ семьею Столыпиныхъ находился въ близкихъ отношеніяхъ и Рылѣевъ. Сравн. соч. Рылѣева посланіе къ Столыпиной въ 1825 году.

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долгъ передъ тобою...
Прекрасныхъ чадъ образовать.
Пусть ихъ сограждане увидятъ
Готовыхъ пасть за край родной,
Пускай они возненавидятъ
Неправду пламенной душой;

Когда тамъ жила бабушка Лермонтова, то по воскресеньямъ и праздникамъ пріѣзжавшіе сосѣди зачастую оставались у хлѣбосольной и радушной Елизаветы Алексѣевны. Особенно часто собиралось тутъ родство ея. Въ верстахъ четырехъ жили Верещагины; еще ближе, въ Большаковѣ, подруга Сашеньки Верещагиной, Катя Сушкова. Пріятельницы, живя на разстояніи $1\frac{1}{2}$ верстъ, видались иногда по нѣскольку разъ въ день, и Лермонтовъ, спутникъ ихъ еще въ Москвѣ, бывалъ кавалеромъ на разныхъ пикникахъ, катаньяхъ и кавалькадахъ. Дѣвушки, однихъ лѣтъ съ Мишелемъ, чувствовали, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, свое превосходство. Онѣ считались взрослыми, невѣстами, а онъ — мальчикомъ. Это давали онѣ ему чувствовать и, не смотря на то, что пользовались услугами, все же надъ нимъ потѣшались, шутили, дразнили его. Шестнадцатилѣтняго юношу не могли не бѣсить такого рода отношенія. Онъ обижался и дулся, бѣжалъ ихъ общества, уединялся; но доброе слово шаловливыхъ пріятельницъ вновь привлекало его къ нимъ до новой ссоры и обиды.

Легко можно представить себѣ неловкаго еще не то юношу, не то мальчика, который, несмотря на раннюю зрѣлость, все же находился въ переходномъ возрастѣ. Наружный видъ его соотвѣтствовалъ этому состоянію. Онъ былъ невысокаго роста, довольно плечистъ, съ неустоявшимися еще чертами матоваго, скорѣе смуглаго, лица. Темные волосы, съ свѣтлымъ бѣлокурымъ клочкомъ чуть повыше лба, окаймляли высокое, хорошо развитое чело. Прекрасные большіе умные глаза легко мѣняли выраженіе и не теряли ничего отъ появлявшейся порою золотушной красноты. Слегка вздернутый носъ и большею частью насмѣшливая улыбка, тщательно старавшаяся скрыть мелькавшее изъ-подъ нея выраженіе мягкости или страданія, — вотъ какимъ описываютъ Мишу Лермонтова знавшіе его въ эти годы. [1]

Пусть въ сонмѣ юныхъ исполиновъ
На ужасъ гордыхъ ихъ узримъ,
И смѣло скажемъ: «знайте имъ
Отецъ—Столыпинъ, дѣдъ—Мордвиновъ!»

1 Такимъ описывали мнѣ Лермонтова учившіеся съ нимъ товарищи. Опи-

Въ то время шла въ немъ уже усиленная поэтическая дѣятельность. Образы твореній, надъ которыми работалъ онъ позднѣе, наполняли его фантазію: были сдѣланы первые наброски «Демона»; онъ успѣлъ кое-что передумать и пережить; обрывки мыслей, образовъ, типовъ, носясь въ его воображеніи, путались и сливались съ героями произведеній другихъ поэтовъ. Молодое восторженное настроеніе внезапно смѣнялось мрачнымъ чувствомъ, вскормленнымъ горькими ранними опытами любящаго сердца. Романтизмъ, свойственный его годамъ, да и эпохѣ 30-хъ годовъ, овладѣлъ имъ. Онъ любилъ декламировать изъ Ламартина и Пушкина, задумывался надъ драмами Шиллера, но всего больше начиналъ говорить душѣ его Байронъ. Съ огромнымъ томомъ байроновскихъ твореній бродилъ молодой поэтъ по уединеннымъ мѣстамъ большаго сада или, обиженный не понимавшими его дѣвушками, удалялся въ свою комнату. Мрачная байроновская муза нашла отголосокъ въ душѣ молодаго, начинавшаго страдать міровою скорбью, непризнаннаго поэта. Онъ невольно подпадалъ подъ вліяніе этой музы, какъ и подъ вліяніе другихъ; но, подражая британскому поэту, онъ оставался все-таки и тогда уже самимъ собою, своеобразнымъ, какъ даже и въ первыхъ дѣтскихъ опытахъ подражанія Пушкину. Все, что онъ писалъ, выливалось изъ души, пережившей то, что старался онъ передать въ стройныхъ риѳмахъ своей поэзіи. Онъ занималъ у поэтовъ форму, бралъ даже цѣлые стихи, но только если они отвѣчали его душѣ. Онъ не былъ слѣпымъ подражателемъ: не чужая риѳма и образы руководили имъ, какъ это бываетъ обыкновенно

санія ихъ сходятся съ тѣмъ, что говоритъ г-жа Хвостова [«Воспоминанія», стр. 78]. Г. Пыпинъ [«Сочин. Лерм.» изд. 1873 года, стр. XVIII, напрасно старается опровергнуть справедливость описанія г-жи Хвостовой, называя его *каррикатурнымъ*. Каррикатуры въ этомъ портретѣ Лермонтова я не вижу. Г. Пыпинъ ссылается на сообщеніе г. Зиновьева, въ словахъ коего я не вижу противорѣчія съ описаніемъ Хвостовой. Портретъ Лермонтова съ клокомъ бѣлокурыхъ волосъ видѣлъ я въ Пензѣ у г. Хохрякова. Оригиналъ, кажется, въ саратовскомъ имѣніи Столыпиныхъ. Вотъ этотъ клокъ и побудилъ многихъ считать Лермонтова бѣлокурымъ. Сравн. замѣтку Лонгинова въ Русской Старин. 1873 г., т. VII, стр. 391.

въ отзывчивыхъ молодыхъ душахъ въ юные годы, воображающихъ себя поэтами,—нѣтъ, онъ бралъ только то, что по духу считалъ своимъ. Великіе поэты служили ему образцами. Подъ ихъ руководствомъ онъ дѣлалъ первые шаги на поприщѣ искусства: такъ художникъ, будь онъ великій Рафаэль, изучая и копируя кисть своего учителя, руководясь ею, рано уже высказываетъ собственную мысль и душу и, будучи подъ вліяніемъ великихъ образцовъ, все же не можетъ быть названъ ихъ подражателемъ. Таковъ былъ и Лермонтовъ. По тетрадямъ видно, какъ быстро онъ усвоивалъ себѣ, что было нужно, какъ пользовался онъ твореніями другихъ поэтовъ для собственнаго совершенствованія и развитія и затѣмъ выходилъ на свою оригинальную дорогу. И чѣмъ болѣе зрѣлъ онъ, тѣмъ менѣе отражалось вліяніе занимавшаго его поэта. Въ тетрадяхъ 1829 года, когда началъ онъ свою поэтическую дѣятельность, мы видимъ концепцію и цѣлыя пѣсни, взятыя у Пушкина. Въ тетрадяхъ 1830—1831 годовъ, когда является вліяніе другихъ поэтовъ и особенно Байрона, Лермонтовъ уже далеко не въ такой степени имъ подчиняется. Не боязливымъ ученикомъ является онъ,—не ученикомъ, подражающимъ мастеру и вводящимъ въ чужое произведеніе нѣкоторые свои мотивы,—нѣтъ, онъ здѣсь уже сознаетъ свои силы. Удивляясь наставнику и учась у него, онъ предъявляетъ смѣло права своей индивидуальности и знаетъ, что, по силѣ дарованія, рано или поздно встанетъ съ нимъ рядомъ, самостоятельнымъ, какъ и онъ, великимъ талантомъ.

Нѣтъ, я не Байронъ, я *другой*,
Еще *невѣдомый* избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ *русскою душой*.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?—
Или поэтъ, или никто!...[1] (т. I, стр. 218).

---

[1] Въ первый разъ напечатано въ Библіотекѣ для чтенія 1844 г. подъ

Это стихотвореніе, написанное въ альбомъ Сушковой, можетъ быть и было вызвано тѣмъ, что, видя его «неразлучнымъ съ огромнымъ Байрономъ», его дразнили англійскимъ поэтомъ, — говорили, что онъ ему подражаетъ, драпируется въ тогу его. А Лермонтовъ никогда ни въ кого и ни во что не драпировался.

Въ черновыхъ тетрадяхъ этого времени встрѣчается много переводовъ и подражаній Байрону то въ прозѣ, то въ стихахъ. Такъ, онъ работалъ надъ «Гяуромъ», «Беппо», «Ларой» и другими произведеніями англійскаго поэта.[1]

Лермонтовъ тщательно читаетъ жизнь лорда Байрона, написанную Муромъ, что тотчасъ вынуждаетъ его написать стихотвореніе:

заглавіемъ «Въ альбомъ» [изъ альбома г. Сушковой] и приписано къ 1830 г.; во второй разъ напечатано въ томъ же журналѣ въ 1845 году, т. 68, между 11 другими стихотвореніями. Мнѣ удалось отыскать точный списокъ съ тетради Лермонтова, о коей говорилось въ Саратовскомъ Листкѣ 1875 г., № 246. Я получилъ тетрадь эту отъ почитателя Лермонтова г. Панафутина въ Пензѣ. Тамъ, подъ № 98, находится стихотвореніе: «Нѣтъ я не Байронъ,—я другой, еще невѣдомый, избранникъ», но оно оканчивается не стихомъ: «кто толпѣ мои разскажетъ думы? *Или поэтъ—или никто!*»... а «*Я—или Богъ, или никто!*»—Былъ у меня въ рукахъ и варіантъ: «*иль геній мой, или никто*». Можетъ-быть первая и третья формы принадлежатъ даже и не Лермонтову, а сдѣланы издателями изъ боязни цензуры, въ то время весьма своеобразно относившейся къ употребленію слова «Богъ» въ печати.

[1] Въ 7-й тетради г. Краевскаго встрѣчаются прозаическіе переводы изъ Байрона: «Darkness». Лермонтовъ былъ въ недоумѣніи, какъ передать это слово: «мракъ» или «тьма», что подало поводъ г. Дудышкину во второй статьѣ: «Ученическія тетради Лермонтова» [Отеч. Зап. 1859 г., кн. 11, стр. 256] видѣть въ прозаическомъ отрывкѣ упражненіе, «заданное учителемъ на тему: синонимы — мракъ и тьма». Подъ вліяніемъ этого стихотворенія написана Лермонтовымъ пьеса «Ночь» [«Сочин.», т. I, стр. 83]. Это, конечно, далеко не переводъ, сдѣланный въ свое время И. С. Тургеневымъ [Петербургъ. Сборникъ Некрасова 1846 г., стран. 501].—Тутъ же Лермонтовъ перевелъ прозою «Napoleons Farwell» и стихами баллады Байрона:

«Берегись, берегись! Надъ Бургосскимъ путемъ
Сидитъ, одинъ черный монахъ»... [т. I, стр. 135].

и «Видѣніе», [стр. 173, и т. IV, стр. 280] и пр.

„Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья.
Хотя теперь слова мои печальны,—нѣтъ,
Нѣтъ, всѣ мои жестокія мученья—
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.
Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки
И Байрона достигнуть я-бъ хотѣлъ.
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки,—
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, *въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой*", и т. д.
[т. I стр. 113].

Юноша такъ увлекался Байрономъ, что постоянно приравниваетъ судьбу его къ своей. Свою раннюю любовь онъ поясняетъ сходствомъ съ нимъ. Сходство видитъ онъ и въ первыхъ пріемахъ проявленія таланта: «Когда началъ я марать стихи въ 1828 году, я какъ бы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ. Они теперь еще у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ то же самое: это сходство меня поразило». За тѣмъ далѣе онъ пишетъ: «Еще сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ: его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ великій человѣкъ и будетъ два раза женатъ; про меня на Кавказѣ старуха предсказала то же самое моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотя-бъ я былъ такъ же несчастливъ, какъ Байронъ»[1]. Однако и это вліяніе Лермонтовъ скоро пережилъ и понялъ, что онъ—не Байронъ, а «другой, еще невѣдомый, избранникъ», и избранникъ съ русскою душой. Впрочемъ, о такъ-называемомъ «байронизмѣ Лермонтова» мы еще будемъ говорить. Любопытно, что Лермонтовъ среди увлеченія Байрономъ инстинктивно чувствуетъ необходимость найти противовѣсъ вліянію чужеземнаго писателя и ищетъ его въ родной литературѣ.

---

1 [Соч. т. I стр. 117]. Въ Тарханахъ старушки, бывшія дворовыя дѣвушки, разсказывали мнѣ, что, въ первую поѣздку на Кавказъ, бабушку, гулявшую съ внукомъ и Христиной Ремеръ, остановила цыганка. Она предсказала, что Ремеръ умретъ скоро, а Лермонтовъ «приметъ смерть изъ-за спорной жонки». Ремеръ вѣрила въ это предсказаніе и дѣйствительно умерла на Кавказѣ.

Родная литература наша тогда еще мало могла дать ему. Образцовые наши поэты блѣднѣли отъ сравненія съ иностранными, такъ что около того же времени Бѣлинскій могъ говорить о не существованіи русской литературы. Лермонтовъ въ тѣхъ тетрадяхъ, въ коихъ занятъ Байрономъ, какъ бы съ отчаяніемъ восклицаетъ: «Наша литература такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать. Въ пятнадцать же лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ, но тогда я почти ничего не читалъ. Однако же если захочу вдаться въ народную поэзію, то вѣрно нигдѣ больше не буду ее искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ». Съ этими пѣснями знакомилъ Михаила Юрьевича учитель русской словесности, семинаристъ Орловъ. Онъ давалъ уроки Аркадію Столыпину, сыну владѣтельницы Середникова, Екатерины Апраксѣевны. Орловъ имѣлъ слабость придерживаться чарочки. Его держали въ черномъ тѣлѣ и не любили, что бы дѣти внѣ уроковъ были въ его обществѣ. Лермонтовъ, который былъ на нѣсколько лѣтъ старше своего родственника, бесѣдовалъ съ семинаристомъ и этотъ «поправлялъ ему ошибки и объяснялъ ему правила русской версификаціи, въ которой молодой поэтъ былъ слабъ»[1]. Часто бесѣды оканчивались спорами. Миша никакъ, конечно, не могъ увлечься красотами поэтическихъ произведеній, которыми угощалъ его Орловъ изъ запаса своей семинарской мудрости, но охотно слушалъ онъ народныя пѣсни, съ которыми тотъ знакомилъ его.

Въ рано созрѣвшемъ умѣ Миши было, однако, много дѣтскаго: будучи въ старшихъ классахъ университетскаго пансіона и много и серьезно читая, онъ въ то же время находилъ забаву въ томъ, чтобы клеить съ Аркадіемъ изъ папки латы и, вооружась самодѣльными мечами и копьями, ходить съ нимъ въ глухія мѣста воевать съ воображаемыми духами. Особенно привлекали ихъ воображеніе развалины старой бани, кладбище и, такъ называемый, «Чортовъ мостъ». Товарищемъ ночныхъ посѣщеній кладбищъ, или уединеннаго, страхъ возбуждающаго, мѣста бывалъ нѣкто Лаптевъ, сынъ семьи, жившей по бли-

---

[1] Изъ разсказовъ Аркадія Дмитріевича Столыпина.

зости въ имѣніи своемъ[1]. Описаніе такого ночнаго похода сохранилось тоже въ черновой тетради:

«Середниково.—Въ Мыльнѣ.—Ночью, когда мы ходили попапугать»,гласитъ заглавіе стихотворенія [т.I стр.182].

Тутъ же рядомъ съ этими стихотвореніями, описывающими ребяческое похожденіе юноши, жаждущаго фантастическихъ, возбуждающихъ нервы впечатлѣній, мы находимъ слѣды серьезной мысли и серьезнаго чтенія. Такъ Лермонтовъ, читая «Новую Элоизу» Руссо,дѣлаетъ по поводу ея критическія замѣтки и сравненія съ «Вертеромъ» Гете [т. I стр. 183].

И такъ, и Байронъ, и Руссо, и Гете занимали умъ юноши въ то время, какъ фантазія прибѣгала къ самымъ страннымъ средствамъ для удовлетворенія жажды сильныхъ ощущеній.

Тревога душевная и романтическое настроеніе искали себѣ выхода въ сердечной привязанности. Мы видѣли, какъ рано началъ Лермонтовъ жить сердцемъ. Еще неясный для него языкъ страстей встревожилъ десятилѣтняго мальчика. Ранняя чувствительность, сентиментализмъ эпохи, прирожденная чуткость души и образы разныхъ героевъ и героинь изъ прочитаннаго—все это волновало воображеніе. Къ тому же окружалъ его преимущественно женскій міръ. Жажду любви мальчикъ переносилъ съ одного предмета на другой, увлекаясь то въ ту, то въ другую сторону. Услужливое живое воображеніе рисовало ему въ разномъ свѣтѣ встрѣчаемые имъ типы дѣвушекъ, и самому юношѣ трудно было отдать себѣ отчетъ въ волновавшихъ чувствахъ, уразумѣть, что было болѣе истиннымъ, что преходящимъ, минутнымъ увлеченьемъ.

Къ стихотворенію «Къ Генію», писанному въ 29 году, рукою Лермонтова сдѣлана приписка: «Напоминаніе о томъ, что было въ Ефремовской деревнѣ въ 1827 году, гдѣ я во второй разъ полюбилъ 12-ти лѣтъ и понынѣ люблю». Кто была эта вторая страсть поэта, мы частью можемъ догадываться изъ одной замѣтки въ тетради 30 года: «Мнѣ 15 лѣтъ... Я однажды [3 года назадъ] укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безпредѣльно любимой мною, бисерный синій снурокъ;

---

[1] Изъ разсказовъ А. Д. Столыпина.

онъ и теперь у меня хранится. Кто хочетъ узнать имя дѣвушки, пускай спроситъ у двоюродной сестры моей.—Какъ я былъ глупъ!»[1]—Кто же была эта двоюродная сестра? У Лермонтова было много родственницъ, которыя всѣ слыли за двоюродныхъ сестеръ его. Что могутъ значить слова: «какъ я былъ глупъ»! Не сказаны ли они въ порывѣ острой боли, или минутнаго очарованія? Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что и эта, по выраженію самого поэта, «вторая любовь», длившаяся три года, сильно тревожила и наполняла душу его; но въ 1830 году она уже кончилась. Что дѣвушка имъ любимая была близкою родственницей, и именно сестрой, ясно видно изъ цѣлаго ряда произведеній того времени. Въ драмѣ «Люди и Страсти» выводится любовь Юрія Волина къ двоюродной сестрѣ его Любови. Въ «Юношеской повѣсти» мы то же видимъ любовь Вадима къ сестрѣ и отсутствіе взаимности дѣлаетъ Вадима дурнымъ, развиваетъ въ немъ демоническія черты. Въ этихъ двухъ образахъ—Юріи Волинѣ и Вадимѣ—Лермонтовъ по преимуществу рисовалъ самого себя. Оба произведенія принадлежатъ къ одной эпохѣ; въ обоихъ, особенно въ драмѣ, какъ видѣли мы, почти дословно пересказывается дѣйствительно пережитое. Чѣмъ больше вчитываться въ произведенія Лермонтова, чѣмъ больше знакомиться съ душой его, тѣмъ несомнѣннѣе является увѣренность, что какъ разъ въ эти годы, въ которые было положено начало для всей позднѣйшей дѣятельности поэта, вынесъ онъ большую нравственную борьбу. Это нравственное страданіе было связано не только съ трагическою для юноши распрею между отцемъ и бабушкою, но и съ сердечными муками любви. Не даромъ же въ одномъ и томъ же произведеніи описываетъ онъ оба трагическія въ жизни его событія. Этотъ мотивъ несчастной любви, губящій человѣка, замѣчается и въ «Испанцахъ», и въ «Странномъ человѣкѣ», и въ набросках «Демона», въ которомъ потомъ получаетъ новое, еще другимъ эпизодомъ жизни Лермонтова обусловленное, значеніе.

Достойно сожалѣнія, что въ рукописи драмы «Люди и Страсти их» [Menschen und Leidenschaften] невозможно разобрать име-

---

1 Т. I стр 31.

ни, кому посвящена она,—это бы раскрыло и уяснило намъ многое. На заглавномъ листѣ этой драмы, возлѣ тщательно зачеркнутаго имени, Лермонтовъ нарисовалъ перомъ поясной *портретъ дѣвушки подъ деревомъ*. Самое посвященіе тоже знаменательно:

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ,—
Не зналъ ни славы, ни похвалъ;
Не мысля о толпѣ презрѣнной,
Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжный.
На зло враждующей судьбѣ.... [т. IV стр. 117].

Въ черновой тетради на томъ же листѣ, гдѣ говорится о любви къ двоюродной сестрѣ, мы находимъ какъ бы дальнѣйшее еще разъясненіе этой любви и намеки на разрывъ. Прежде всего мы читаемъ стихотвореніе: «Дереву»

Давно ли съ зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я корѣ твоей послушной
Ввѣрялъ любимыя мечты!
Лишь годъ назадъ, ...
Промчался легкій страсти сонъ;
Дремоты флеръ былъ слишкомъ тонокъ,—
Въ единый мигъ прорвался онъ.
И деревцо съ моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвѣсть... [т. I стр. 115].

Вслѣдъ за этимъ, въ видѣ какъ бы примѣчанія къ стихотворенію, Лермонтовъ пишетъ:

„Мое завѣщаніе [про дерево, гдѣ я сидѣлъ съ А. С.]. Схороните меня подъ этимъ сухимъ деревомъ, чтобы два образа смерти предстояли глазамъ вашимъ. Я любилъ, я любилъ подъ нимъ и слышалъ волшебное—*люблю*, которое потрясло судорожнымъ движеніемъ каждую жилу моего сердца. Въ то время это дерево еще цвѣтущее, при свѣжемъ вѣтрѣ, покачало головой и шепотомъ молвило: „безумецъ, что ты дѣлаешь“? [Оно засохло]. Время постигло мрачнаго свидѣтеля радостей человѣческихъ прежде меня.

Я не плакалъ, ибо слезы есть принадлежность тѣхъ, у которыхъ есть надежды, но тогда же взялъ бумагу и сдѣлалъ слѣдующее завѣщаніе: „Похороните мои кости подъ этой сухою яблоней, положите камень—и пускай на немъ ничего не будетъ написано, если одного имени моего не довольно будетъ доставить ему безсмертіе...“[1].

Такъ Лермонтовъ ввѣрялъ бумагѣ каждое движеніе души, большею частію выливая ихъ въ стихотворную форму. Онъ всюду накидывалъ обрывки мыслей и стихотвореній. Каждымъ попадавшимъ клочкомъ бумаги пользовался онъ, и многое погибло безвозвратно.

«Подбирай, подбирай,—говорилъ онъ шутя своему человѣку, найдя у него бумажные обрывки со своими стихами,—современемъ большія будутъ деньги платить, богатъ станешь». Когда не случалось подъ рукою бумаги, Лермонтовъ писалъ на столахъ, на переплетѣ книгъ, на днѣ деревяннаго ящика,—гдѣ попало[2].

Гоголь говаривалъ, что писатель долженъ, какъ художникъ, постоянно имѣть при себѣ карандашъ и бумагу. Плохо, если пройдетъ день, и художникъ ничего не набросаетъ. Плохо и для писателя, если онъ пропуститъ день, не записавъ ни одной мысли, ни одной черты,—надо въ себѣ поддерживать умѣнье выливать въ форму думы свои[3].

Этотъ рецептъ, рекомендованный Гоголемъ каждому писателю, Лермонтовъ выполнялъ вполнѣ. Онъ даже самъ подтрунивалъ надъ «этою смѣшною страстью своею всюду оставлять

---

[1] «Сочиненія Лермонтова», т. I стр. 115. Про эту замѣтку г. Дудышкинъ [«Учен. тетр.», стр. 248] говоритъ: «Есть въ тетради VI замѣтка, которая касается біографіи автора и въ то же время объясняетъ позднѣйшее его превосходное стихотвореніе: «Выхожу одинъ я на дорогу»... Удивительное сближеніе!!—

[2] О томъ, что Лермонтовъ шутя совѣтовалъ подбирать исписанные листы, разсказывалъ мнѣ въ Тарханахъ сынъ лермонтовскаго камердинера со словъ отца своего. Другой человѣкъ Лермонтова разсказывалъ, какъ, посѣщая барина на гауптвахтѣ въ Петербургѣ, онъ видѣлъ исписанными всѣ стѣны, «начальство за это серчало—и М. Ю. перевели на другую гауптвахту».

[3] Изъ разсказовъ о Гоголѣ, сообщенныхъ мнѣ А. О. Смирновой въ 1867 г. въ Женевѣ.

слѣды своего существованія»[1], а въ тетрадяхъ 30-го года пишетъ—очевидно, самому себѣ—«Эпитафію плодовитому писакѣ»: «Здѣсь покоится человѣкъ, который никогда не видалъ передъ собою бѣлой бумаги».

Хотя Лермонтовъ и похоронилъ любовь свою «подъ сухою яблонью», однако оставаться съ незанятымъ сердцемъ было не въ его характерѣ, пылкомъ и увлекающемся. Кѣмъ-то изъ окружавшихъ его дѣвушекъ поэтъ увлекся, но не надолго. Среди лѣта 30-го года онъ пишетъ:

Никто, никто не усладилъ
Въ изгнаньи семъ тоски мятежной.
Любить?—*три раза я любилъ,*
Любилъ три раза безнадежно.... [т. I стр. 117].

По увѣреніямъ Екатерины Александровны Хвостовой, она въ это лѣто стала предметомъ любви Лермонтова. Что это увѣреніе не лишено основанія, мы видимъ изъ того, что самъ Михаилъ Юрьевичъ, позднѣе, въ одномъ письмѣ, говоритъ объ Екатеринѣ Александровнѣ: «... было время, когда она мнѣ нравилась...» [т. V стр. 402]. Но какъ долго это длилось и насколько серьезно было чувство, это—вопросъ другой.

У бабушки Арсеньевой въ Середниковѣ гостили зачастую знакомые, сосѣди и пріѣзжіе изъ Москвы. Сюда пріѣзжали Лопухины: три сестры и братъ Алексѣй Александровичъ, съ коимъ Лермонтовъ и прежде и послѣ оставался въ самой искренней дружбѣ. Гащивали и сестры Бахметевы; бабушка пріютила этихъ небогатыхъ дѣвушекъ, и съ одной изъ нихъ, съ Софьей Александровной, Лермонтовъ былъ особенно близокъ. Съ жившею по сосѣдству двоюродной сестрой своей, Александрой Михайловной Верещагиной, Лермонтовъ тоже былъ очень друженъ и посвятилъ ей не мало стихотвореній; между прочимъ и поэму свою «Ангелъ смерти». Черезъ нее еще въ Москвѣ познакомился Мишель съ Катей Сушковой.

Въ Середниково пріѣзжали и кузины Столыпины, между коими Анна Григорьевна еще и прежде пользовалась располо-

---

[1] Drôle de passion de laisser partout des traces de son passage! Т. V стр 387].

женіемъ молодаго поэта. Ко всѣмъ имъ онъ писалъ стихи, то прочувствованные и разочарованные, то саркастическіе. Въ черновыхъ тетрадяхъ сохранилось не мало эпиграммъ или посланій къ разнымъ московскимъ роднымъ и знакомымъ. [т. I стр. 53 и д.]. Отъ ѣдкихъ, подчасъ, словъ поэта не уберегали себя ни старъ, ни младъ. Страсть къ язвительной и мѣткой насмѣшкѣ, доставившей Лермонтову столько враговъ, рано высказывается въ немъ.

Г-жа Хвостова въ своихъ воспоминаніяхъ упоминаетъ о нѣсколькихъ подобныхъ случаяхъ. «Всякій вечеръ послѣ чтенія затѣвались игры. Тутъ-то отличался Лермонтовъ. Одинъ разъ онъ предложилъ намъ сказать всякому изъ присутствующихъ, въ стихахъ или прозѣ, что-нибудь такое, чтобы приходилось кстати. У Лермонтова былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ и мы, хотя съ трепетомъ, но согласились выслушать его приговоръ. Онъ началъ съ Сашеньки Верещагиной:

„Что можно наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всегда дороже;
Подумать не успѣвъ: ты всѣхъ милѣй!
Подумавъ, я скажу все то же".

...Катѣ Сушковой (т. е. самой г-жѣ Хвостовой) Лермонтовъ сказалъ четырехстишіе съ намекомъ на прекрасную ея косу:

„Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи" [1].

Къ обыкновенному нашему обществу, разсказываетъ г-жа Хвостова, присоединился въ этотъ вечеръ родственникъ Лермонтова. Его звали Иваномъ Яковлевичемъ; онъ былъ глупъ и рыжъ и на свою же голову обидѣлся тѣмъ, что Лермонтовъ ничего ему не сказалъ. Не ходя въ карманъ за острымъ словцомъ, Мишель скороговоркой проговорилъ ему: «Vous êtes Jean, vous êtes Jacques, vous êtes roux, vous êtes sot et cependant voue n'êtes point Jean-Jacques Rousseau».

---

[1] Оба стихотворенія, о коихъ г-жа Сушкова говоритъ на стр. 90, оказываются принадлежащими Пушкину [т. I, стр. 379].

Еще была тутъ одна барышня, сосѣдка Лермонтова по чембарской деревнѣ, и упрашивала его не терять словъ для нея и для воспоминанія написать ей хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошаекъ и чтобъ отдѣлаться отъ ея настойчивости сказалъ: «ну, хорошо, дайте листъ бумаги, я вамъ выскажу правду». Сосѣдка поспѣшно принесла бумагу и перо и онъ началъ:

„Три граціи...»

Барышня смотрѣла черезъ плечо на рождающіяся слова и воскликнула:

— Михаилъ Юрьевичъ, безъ комплиментовъ, — я правды хочу!

— Не тревожьтесь, будетъ правда, — отвѣтилъ онъ и продолжалъ:

„Три граціи считались въ древнемъ мірѣ.
Родились вы, — все три, а не четыре!“

За такую сцену можно было бы платить деньги. Злое торжество Мишеля, душившій насъ смѣхъ, слезы воспѣтой и утѣшенія Jean-Jacques'а — все представляло комическую картину.

Въ черновыхъ тетрадяхъ тоже находятся попытки саркастическаго отношенія къ лицамъ, встрѣчаемымъ поэтомъ. Къ четырехстишію: «Моя мольба» Лермонтовъ дѣлаетъ приписку: «писано послѣ разговора съ одной очень мнѣ извѣстной старухой, которая восхищалась и читала и плакала надъ Грандисономъ».

Да охранюся я отъ мушекъ,
Отъ дѣвъ, не знающихъ любви,
Отъ дружбы слишкомъ нѣжной и —
Отъ романтическихъ старушекъ [т. I, стр. 126].

Не безъ сарказма, по свидѣтельству самой Екатерины Алексѣевны [«Записки», стр. 92], относился Лермонтовъ и къ ней. Разъ утромъ онъ послалъ m-lle Сушковой стихотвореніе. На сложенной сѣренькой бумажкѣ было написано: «Ей правда». Развернувъ, она прочла:

ВЕСНА.

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей мѣстами
Чернѣетъ голая земля
И мгла ложится облаками
На полу-юныя поля,—
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей,
Гляжу: природа молодѣетъ,
Не молодѣть лишь только ей....

[Т. I, стр. 126].

Что г-жа Хвостова, тогда еще m-lle Сушкова, нравилась поэту, отвергать, уже на основанiи вышеприведеннаго признанiя самого Лермонтова, конечно, нельзя. Но, повторяю, какъ долго длилось увлеченiе и была ли это любовь, или только мимолетная симпатiя—вотъ вопросъ? Мнѣ кажется, что г-жа Хвостова въ запискахъ своихъ склонна преувеличивать немного страсть поэта. Я говорю пока о первой встрѣчѣ съ нею. О томъ, что было, когда онъ уже офицеромъ, а не мальчикомъ, увидалъ ее, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Рядъ стихотворенiй, даже цѣлая тетрадь, или альбомъ, переданный мальчикомъ-поэтомъ дѣвушкѣ, ничего еще не доказываетъ. Лермонтовъ въ то время многимъ знакомымъ и роднымъ ему барышнямъ переписывалъ стихи свои, или посвящалъ имъ цѣлыя поэмы.

„Голова Лермонтова была набита,—по выраженiю все той же г-жи Хвостовой,—романтическими идеями, и рано было развито въ немъ желанiе попасть въ губители сердецъ“.

Онъ платилъ дань общему тогда направленiю молодежи. Это свидѣтельство скорѣе говоритъ противъ существованiя тогда серьезной привязанности къ разсказщицѣ.

Сама Екатерина Алексѣевна въ то время подсмѣивалась надъ юношей-поэтомъ вмѣстѣ съ подругой своей, Сашенькой Верещагиной:

„Очень подсмѣивались мы надъ нимъ въ томъ, что онъ не только былъ неразборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣлъ—

телятину или свинину, дичь или барашка. Мы говорили, что, пожалуй, онъ современемъ, какъ Сатурнъ, будетъ глотать булыжникъ. Наши насмѣшки выводили его изъ терпѣнія; онъ спорилъ съ нами почти до слезъ, стараясь убѣдить насъ въ утонченности своего гастрономическаго вкуса; мы побились объ закладъ, что уличимъ его въ противномъ на дѣлѣ. И въ тотъ же самый день, послѣ долгой прогулки верхомъ, велѣли мы напечь къ чаю булочекъ съ опилками, и что же?—Мы вернулись домой утомленные, голодные, съ жадностью принялись за чай, а нашъ-то гастрономъ Мишель, не поморщась, проглотилъ одну булочку, принялся за другую и уже придвинулъ къ себѣ третью, но Сашенька и я—мы остановили его за руку, показывая въ то же время на неудобоваримую для желудка начинку. Тутъ не на шутку взбѣсился онъ, убѣжалъ отъ насъ и не только не говорилъ съ нами ни слова, но даже и не показывался нѣсколько дней, притворившись больнымъ".

Въ другомъ мѣстѣ говорится: „Сашенька и я обращались съ Лермонтовымъ какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращеніе бѣсило его до крайности,—онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ..." Съ своей стороны и Лермонтовъ въ долгу не оставался.

Молодежь, толпившаяся въ Середниковѣ, подмѣтивъ въ Катѣ Сушковой слабость заниматься прекрасными своими волосами и черными очами, надъ нею подтрунивала и называла ее «черноокой». Г-жа Хвостова откровенно разсказываетъ: «У меня чудные волосы, и я до сихъ поръ люблю ихъ выказывать; тогда я ихъ носила просто заплетенными въ одну огромную косу, которая два раза обвивала голову». Заглавіе «черноокой» носитъ и одно стихотвореніе Лермонтова, писанное имъ къ Сушковой съ эпиграфомъ:

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи".

Черновой набросокъ этого стихотворенія сохранился въ тетрадяхъ Лермонтова съ приписокою, которая очень уясняетъ и его происхожденіе, и характеръ отношенія мальчика-поэта къ черноокой дѣвушкѣ красавицѣ.

Передъ отъѣздомъ бабушки Арсеньевой изъ Середникова въ Москву, гдѣ Мишель по окончаніи каникулъ долженъ былъ продолжать ученіе, всѣмъ обществомъ собрались въ путь, намѣреваясь посѣтить Сергіевскую лавру и Воскресенскій монастырь.

Надо было подняться рано утромъ. Молодежь рѣшила собраться подъ окнами m-lle Сушковой и разбудить ее пѣніемъ. Мистеръ Кордъ, гувернеръ Аркадія Столыпина, подалъ мысль. Молодежь, говоря между собою по-англійски, называла Екатерину Алексѣевну «Miss black eyes» [черноокою барышней] и повторяла относительно ея стихъ:

Never in our lives
Have we seen such black eyes[1].

Рѣшено было пробудить «черноокую» пѣніемъ этихъ строкъ, и въ назначенный часъ раздалось подъ окномъ ея пѣніе, а потомъ говоръ и клики веселаго кружка. По поводу этого событія и написано было стихотвореніе «Черноокой», поднесенное г-жѣ Сушковой [т. I стр. 123].

Общество пошло на богомолье пѣшкомъ; только бабушка ѣхала впереди въ каретѣ. Весело, смѣясь и болтая, шла молодежь. На четвертый день прибыли въ Лавру. Остановились въ трактирѣ. Умылись, переодѣлись и пошли въ монастырь отслужить молебенъ. На паперти повстрѣчали слѣпаго нищаго. Дряхлою, дрожащею рукой протянулъ онъ деревянную чашку, въ которую спутники стали кидать ему мелкія деньги. Нищій крестился и благодарилъ: «Подай вамъ Богъ счастія,—говорилъ онъ,—господа добрые! Намедни вотъ насмѣялись надо мною, тоже господа молодые,—замѣсто денегъ положили мнѣ камешковъ».

Помолясь въ храмѣ, общество вернулось въ гостинницу пообѣдать и отдохнуть. Всѣ говорили, суетились, только Лермонтовъ, углубившись въ самого себя, не принималъ участія въ общемъ весельи. Онъ стоялъ поодаль на колѣняхъ и, положивъ бумагу на стулъ, что то писалъ. Вѣрный своему обыкновенію, онъ передалъ бумагѣ впечатлѣнія и думы, занимавшія его:

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

---

[1] Никогда въ жизни мы не видали такихъ черныхъ глазъ.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ,
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!
Такъ я молилъ твоей любви
Съ слезами горькими, съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою. [т.I стр. 125].

Въ Воскресенскомъ монастырѣ, на стѣнахъ жилища Никона, Лермонтовъ начертилъ два стихотворенія, рисующія занимавшія его думы [т. I стр. 102].

Да, несмотря на внѣшнюю веселость и проказы, грустныя думы таились въ молодой душѣ поэта:

Пора уснуть послѣднимъ сномъ...
Довольно въ мірѣ пожилъ я,
Обманутъ жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя, и любя. [I, 203].

Это стихотвореніе писано на оборотѣ послѣдняго листа черновой тетради, принадлежащей къ разсматриваемой эпохѣ. Всего же яснѣе все внутреннее состояніе молодаго поэта, которое старались мы прослѣдить въ этихъ двухъ главахъ, выразилось въ стихотвореніи, писанномъ «11 іюня 1831 г.» и такъ же озаглавленномъ:

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями......
. . . .
Никто не дорожитъ мной на землѣ,
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ.
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ--ей все равно!

. . . .
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна;
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.
Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его-бъ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ;
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ отъ того. [т. I стр. 165].

Мысли о смерти постоянно тяготѣютъ надъ нимъ:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать,
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.

Хотя тутъ несомнѣнно вліяніе Байрона, но нельзя не видѣть и пережитаго и перечувствованнаго самимъ поэтомъ. Часть этого стихотворенія вошла въ драму «Странный человѣкъ» [т. IV стр. 198], которая, по признанію самого автора, имѣетъ чисто-автобіографическое значеніе.

ЧАСТЬ II.

Стремленія и тревоги молодости.

[ПЕРІОДЪ БРОЖЕНІЯ.]

ГЛАВА VII.

Университетскіе годы.

Поступленіе въ университетъ.—Профессора и студенты.—Кружки.—Лермонтовъ среди товарищей.—Холера.—Отношеніе къ вѣстямъ о революціи во Франціи и безпорядкахъ въ Польшѣ и Новгородѣ.—Интересы студенчества, Бѣлинскаго и Лермонтова.—Симпатія къ Полежаеву.—Маловская исторія.—Столкновеніе съ профессорами.—Выходъ изъ Московскаго университета и попытка вступить въ Петербургскій.—Перемѣна карьеры.—Поступленіе въ Школу гвардейскихъ юнкеровъ.—Лермонтовъ—питомецъ университета, а не «школы».

Посѣщеніе Мишей Лермонтовымъ благороднаго университетскаго пансіона прекратилось вслѣдствіе его закрытія и переименованія въ гимназію. Указъ о закрытіи послѣдовалъ 29 марта 1830 г., а Лермонтовъ, вѣроятно не пожелавшій перечислиться въ гимназію, получилъ увольненіе 16 апрѣля того же года. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и плановъ относительно продолженія воспитанія за границею,[1] рѣшено было приготовить Михаила Юрьевича къ вступительному экзамену въ Московскій университетъ. 21-го августа 1830 г. Лермонтовъ подалъ прошеніе о принятіи его въ число своекоштныхъ студентовъ въ нравственно-политическое отдѣленіе. Черезъ нѣсколько дней, еще въ теченіе того же августа мѣсяца, Лермон-

---

[1] См. главу IV, стр. 66.

товъ, по предложенію ректора, былъ подвергнутъ испытанію въ комиссіи профессоровъ, которые въ донесеніи своемъ на имя правленія заявили, что нашли молодого человѣка достаточно подготовленнымъ къ слушанію профессорскихъ лекцій.

Въ то время полный университетскій курсъ былъ трехлѣтній. Первый курсъ считался приготовительнымъ и былъ отдѣленъ отъ двухъ послѣднихъ. Университетъ раздѣлялся, до введенія новаго устава въ 1836 году, на четыре факультета или отдѣленія: нравственно-политическое, физико-математическое, врачебное и словесное. Нравственно или этико-политическое отдѣленіе считалось между студентами наименѣе серьезнымъ. Лермонтовъ, впрочемъ, долго на немъ не оставался, а перешелъ *въ словесное отдѣленіе*, болѣе соотвѣтствовавшее его вкусамъ и направленію. По указанію современниковъ, преподаваніе вообще шло плохо [1]. Профессора относились къ своему дѣлу спустя рукава, читали и не читали лекцій, а большинство читало такъ, что выносить студенту изъ лекціи было нечего. Московскій университетъ былъ тогда еще наканунѣ возрожденія, начавшагося только со второй половины 30-хъ годовъ. Когда учился въ университетѣ Лермонтовъ, то не было уже Мерзлякова. Шевыревъ, пріобрѣтшій на первый разъ большую, но не долгую популярность, появился на каѳедру немного позднѣе, а Надеждинъ началъ читать лишь въ 1832 году, и Лермонтовъ могъ слушать его только въ послѣднее полугодіе своего пребыванія [2]. На первомъ

[1] См. К. С. Аксаковъ: «Воспоминанія студенчества» [«День» 1862 года, №№ 39 и 40-й]. Герценъ: «Былое и думы», глава VI. Сравни также—Пыпинъ: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». С.-Пб. 1876 года, главы I и II. Шевыревъ: «Исторія Московскаго университета». Въ Вѣстн. Евр. 1887 г. апрѣль, помѣщены университетскія воспоминанія И. Гончарова. Онъ говоритъ о преподаваніи въ Моск. унив. въ иномъ духѣ, но можетъ-быть потому, что больше вспоминаетъ послѣдніе годы своего пребыванія. О Лермонтовѣ онъ вспоминаетъ на стр. 498, но лично знакомъ съ нимъ не былъ. Надо полагать, что почтенный авторъ многое запамятовалъ. Такъ онъ говоритъ, что Лермонтовъ оставался въ университетѣ не долго, тогда какъ онъ находился въ немъ съ 1 сентября 1830 г. до 1 іюня 1832 г.

[2] Онъ началъ съ чтенія теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, которыя, по смерти профессора Гаврилова-отца, временно читалъ сынъ его

курсѣ студенты всѣхъ отдѣленій обязательно слушали словесность у Побѣдоносцева, преподававшаго реторику по стариннымъ преданіямъ, по руководствамъ Ломоносова, Рижскаго и Мерзлякова. Онъ читалъ о хріяхъ, инверсахъ и автоніанахъ, но главное вниманіе свое обращалъ на практическія занятія: неуклонно требовалъ соблюденія правилъ грамматики, занималъ студентовъ переводами съ латинскаго и французскаго языковъ, причемъ строго слѣдилъ за чистотою слога и преслѣдовалъ употребленіе иностранныхъ словъ и оборотовъ. Особенно любилъ задавать студентамъ темы на сочиненія и требовалъ, чтобы слушатели подавали ему «хрійки». Лекціи богословія читались Терновскимъ самымъ схоластическимъ образомъ. По обычаю семинаріи, кто-нибудь изъ студентовъ, обыкновенно духовнаго званія, вступалъ съ профессоромъ въ діалектическій споръ. Терновскій сердился, но спорилъ. Когда споръ прекращался, онъ заставлялъ кого-нибудь изъ слушателей пересказывать содержаніе прошедшей лекціи. Каченовскій читалъ соединенную исторію и статистику Россійскаго государства и правила россійскаго языка и слога, относящіяся преимущественно къ поэзіи. Всеобщую исторію читалъ Ульрихсъ по Гейму, греческую словесность и древности преподавалъ Ивашковскій, Снегиревъ—римскую словесность и древности, нѣмецкій языкъ—Кистеръ, французскій—Декампъ.

Деканомъ словеснаго факультета былъ Каченовскій, ректоромъ университета—Двигубскій, по описанію современника, одинъ изъ остатковъ допотопныхъ профессоровъ или, лучше, допожарныхъ, то есть до 1812 года... Видъ его былъ такъ назидателенъ, что какой-то студентъ изъ семинаристовъ постоянно называлъ его «отецъ ректоръ». Онъ былъ страшно похожъ на сову съ Анной на шеѣ, какъ его рисовалъ другой студентъ, получившій болѣе свѣтское образованіе. Обращеніе ректора со студентами отличалось грубымъ, начальническимъ тономъ, смягчавшимся передъ молодыми людьми изъ вліятель-

[Ист. Моск. унив., стр. 554]. Надеждинъ былъ избранъ въ 1831 году, но министромъ утвержденъ лишь 26 декабря. Фактически же онъ вступилъ въ исправленіе обязанностей лишь въ 1832 году. См. автобіографію Надеждина въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1865 года, № 9, стр. 62.

ныхъ фамилій. Попечителемъ былъ князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ — большой баринъ, но въ сущности добрый человѣкъ. Назначенный императоромъ Николаемъ Павловичемъ попечителемъ Московскаго округа, онъ долженъ былъ «подтянуть» университетъ и долго не могъ свыкнуться съ царившимъ въ немъ безпорядкомъ, напримѣръ съ тѣмъ, что когда профессоръ боленъ, то лекцій нѣтъ. «Онъ думалъ, что слѣдующій по очереди долженъ былъ его замѣнять, такъ что отцу Терновскому пришлось бы иной разъ читать въ клиникѣ о женскихъ болѣзняхъ» — острилъ Герценъ. Наконецъ, князю наскучила борьба и онъ пересталъ входить въ дѣла, предоставивъ всѣмъ заправлять своимъ помощникамъ: графу Панину и Голохвастову. Эти люди смотрѣли на каждаго студента какъ на своего личнаго врага и вообще студентовъ считали опаснымъ для общества элементомъ. Они все добивались что-то сломить, искоренить, уничтожить, дать острастку. Графъ Панинъ никогда не говорилъ со студентами какъ съ людьми образованными. Онъ выкрикивалъ густымъ басомъ, постоянно командуя, грозя, стращая [1].

Если профессора относились къ лекціямъ своимъ довольно безпечно, то и студенты отъ нихъ не отставали и въ аудиторіяхъ разыгрывались сцены совершенно школьническаго характера. Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ разсказывалъ, какъ студентъ принесъ однажды на лекцію Побѣдоносцева воробья и во время лекціи выпустилъ его. Воробей принялся летать, а студенты, какъ бы въ негодованіи на такое нарушеніе приличія, вскочили и принялись ловить его. Поднялся шумъ, и остановить ревностное усердіе было дѣло не легкое. Однажды, когда Побѣдоносцевъ, который читалъ лекціи по ве-

---

[1] Записки университетскаго товарища Лермонтова, П. Вистенгофа, описывающія студентовъ 30-хъ годовъ въ Москвѣ и Казани. А. Н. Пыпинъ указалъ мнѣ на нихъ, какъ на содержащія нѣкоторыя интересныя сообщенія о Лермонтовѣ. Вистенгофъ обязательно разрѣшилъ мнѣ воспользоваться ими еще до появленія ихъ въ печати. Въ нихъ разсказаны нѣкоторые эпизоды изъ обращенія со студентами гг. Панина и Голохвастова. Записки эти позднѣе появились въ Истор. Вѣстникѣ въ измѣненномъ видѣ.

черамъ, долженъ былъ притти въ аудиторію, студенты закутались въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщаемой лампою, и, только показался Побѣдоносцевъ, грянули: «Се женихъ грядетъ въ полунощи» [1]. Часто послѣ прихода профессора разыгрывалась слѣдующая сцена: «Обычный шумъ въ аудиторіи прекращался и водворялась глубочайшая тишина. Преподаватель, обрадованный необыкновеннымъ безмолвіемъ, громко начиналъ читать, но тишина эта была самая коварная,—раздавался тихій, мелодическій свистъ, обыкновенно мазурка, или какой-нибудь другой танецъ, и профессоръ останавливался въ недоумѣніи. Музыка умолкала и за нею слѣдовалъ взрывъ рукоплесканій и неистовый топотъ».

Иногда цѣлая аудиторія въ 100 человѣкъ, по какому-нибудь пустому поводу, поднимала общій крикъ. Окна тряслись отъ звука, и всякому было любо! Чувство совокупной силы выражалось въ эту минуту въ общемъ громовомъ голосѣ... Однажды узнали, что Каченовскій не будетъ. «Каченовскій не будетъ!» —закричалъ одинъ студентъ.—«Не будетъ!»—подхватилъ другой. —«Не будетъ!»—закричало нѣсколько.— «Не будетъ!»—загремѣла вся аудиторія, и долго гремѣла. Кто-то вошелъ въ нее въ калошахъ. «Долой калоши! A bas, à bas!»—раздалось дружно, и вошедшій поспѣшилъ скорѣе удалиться и скинуть калоши [2]. Странное дѣло! — говоритъ К. С. Аксаковъ—профессора преподавали плохо, студенты не учились, мало почерпали изъ университетскихъ лекцій, но души ихъ, не подавленныя форменностью, были раскрыты, и все-таки много вынесли они изъ университета. Развивало общее веселье молодой жизни, чувство общей связи товарищества,—слышалось, хотя и безсознательно, что молодыя силы эти собраны во имя науки, во имя высшаго интереса истины. Здѣсь постоянно были шумны и веселы; не было ни одного ни ос-

---

1 Пыпинъ въ жизнеописаніи Бѣлинскаго [т. I, гл. II] говоритъ, что анекдотъ этотъ, по разсказамъ нѣкоторыхъ современниковъ, относился не къ Побѣдоносцеву, а къ Гаврилову, профессору славянскаго языка и теоріи изящныхъ искусствъ.

2 См. Прозоровъ [«Библіотека для чтенія» 1859 г., № 12] и Аксаковъ [«День», № 42].

тощённаго ни вытертаго, — не было ни свѣтскаго тона, ни житейскаго благоразумія. Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только слышна *молодость человѣка*, и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто — человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университетомъ и званіемъ студента.

Московскій университетъ — по справедливому замѣчанію Герцена — выросъ въ своемъ значеніи вмѣстѣ съ Москвою послѣ 1812 года; разжалованная императоромъ Петромъ изъ царскихъ столицъ, Москва была произведена императоромъ Наполеономъ [сколько волею, а вдвое того неволею] въ столицу народа русскаго. Народъ догадался по боли, которую почувствовалъ при вѣсти о ея занятіи непріятелемъ, о своей кровной связи съ Москвой. Съ тѣхъ поръ началась для нея новая эпоха.

Московскій университетъ больше и больше становился средоточіемъ русскаго образованія. Всѣ условія для его развитія были соединены: историческое значеніе, географическое положеніе и не столь ощутительная централизующая и все подъ одинъ уровень подводящая бюрократическая власть администраціи. Изъ-за тумана, которымъ заволокло умственную и общественную жизнь русскую послѣ несчастныхъ событій 14-го декабря, первый сталъ выдвигаться Московскій университетъ, и хотя во время пребыванія въ немъ Лермонтова не было еще того обновленія, которое сказалось вскорѣ затѣмъ послѣ появленія молодыхъ профессоровъ, вліятельнѣйшимъ среди коихъ былъ Грановскій, но все же животрепещущіе интересы жили въ средѣ молодежи. Больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія юнымъ обмѣномъ мыслей. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость.

Святое мѣсто!... Помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры.
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной и о томъ.

Какъ пить: съ водой, иль просто голый ромъ,—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сертуки, висящіе клочками.
Бывало только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый:
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто—въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяяся чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ,—шумятъ;
Уходитъ,—втрое хуже. . . . .

Такъ Лермонтовъ описываетъ толпу товарищей своихъ, шумно наполнявшую каждый день аудиторіи Московскаго университета [т. II стр. 215].

Однако изъ всего сказаннаго не надо выводить заключеніе, что молодежь во всемъ была обязана только самой себѣ, и что профессора уже рѣшительно ничего ей не давали. Еще извѣстный Павловъ пробуждалъ интересъ къ общимъ философскимъ вопросамъ. Многіе профессора примыкали къ литературному міру, и преподаваніе ихъ невольно должно было проникаться интересами жизни и литературы. Каченовскій былъ издателемъ «Вѣстника Европы», Погодинъ—издателемъ «Московскаго Вѣстника». Вскорѣ сталъ вліять и Надеждинъ—сотрудникъ «Вѣстника Европы» и издатель «Телескопа». «Да, Московскій университетъ дѣлалъ свое дѣло! Профессора, способствовавшіе своими лекціями развитію Лермонтова, Бѣлинскаго, а потомъ и Тургенева, Кавелина, Пирогова, могутъ спокойно играть въ бостонъ и еще спокойнѣе лежать подъ землей»—такъ говоритъ Герценъ, характеризуя московскихъ студентовъ и профессоровъ. Стремленія новаго поколѣнія, независимо отъ университета, питала сама тогдашняя литература: поэтическая дѣятельность Пушкина, критика Полевого и Надеждина [1].

Интересы литературные проникали въ студенчество и вызывали ихъ на дѣятельность. Въ разныхъ кружкахъ читали, спорили, писали и обсуждали творенія извѣстныхъ писателей

[1] Пыпинъ: Жизнь Бѣлинскаго т. I гл. II стр. 66.

или товарищей. Не малое вліяніе на духъ студенчества имѣли камеры казенно-коштныхъ студентовъ. Ихъ было до 150 человѣкъ, и жили они въ общемъ зданіи, помѣщаясь отъ 8-ми до 12-ти человѣкъ въ комнатѣ. Столовыя были общія. Порядкомъ завѣдывалъ извѣстный въ свое время Д. М. Перевощиковъ. Камеры, въ которыхъ жили эти казенные студенты, часто представляли центры, въ коихъ собирались молодые люди потолковать о своихъ интересахъ и нуждахъ. Здѣсь зачастую зарождался и развивался тонъ и направленіе, сказывавшіеся потомъ въ толпѣ студенчества. Каждая камера значилась подъ извѣстнымъ нумеромъ. Сохранился разсказъ очевидца объ одной изъ камеръ «11 нумеръ», гдѣ жилъ Бѣлинскій. Тутъ обнаружились литературные интересы: между товарищами Бѣлинскаго были люди съ такою же любовью къ ней. Умственная дѣятельность въ студенческомъ кругу, особенно въ 11 нумерѣ, шла бойко: споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами, несмотря на глубомысленное и многостороннее рѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ, въ его докторскомъ разсужденіи о происхожденіи и судьбахъ романтической поэзіи... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова «Іерусалима» и очень неблагосклонно отзывались о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, только-что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы въ «Вѣстникѣ Европы». Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенною горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ

былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ. Увлекаясь пылкостью, онъ ѣдко и безпощадно преслѣдовалъ все пошлое и фальшивое, былъ жестокимъ гонителемъ всего, что отзывалось реторикою и литературнымъ старовѣрствомъ. Доставалось отъ него иногда не только Ломоносову, но и столь высокочтимому тогда Державину за реторическіе стихи и пустозвонныя фразы. Случайныя сходки въ 11 нумерѣ приняли мало-по-малу болѣе постоянный характеръ и изъ нихъ образовалось общество, получившее названіе «литературныхъ вечеровъ». Здѣсь разсуждали о прочитанномъ, о новомъ, появившемся въ журналахъ, о лекціяхъ профессоровъ. Иногда читались и собственныя сочиненія и переводы. Вотъ на этихъ-то «литературныхъ вечерахъ», въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій, читалъ свою драму Бѣлинскій.

Кромѣ этого кружка, примыкавшаго къ 11-му нумеру, были и другіе кружки, отличавшіеся другъ отъ друга нѣкоторыми особенностями и составомъ лицъ, но того же искрѐнняго направленія, той же общности жизненныхъ и литературныхъ интересовъ. Собирались у Станкевича, собирались ежедневно, друзья, товарищи-студенты и окончившіе университетъ. Тамъ бывали: Ключниковъ, Петровъ [санскритистъ], К. Аксаковъ, А. П. Ефремовъ, Красовъ и др.; позднѣе примкнулъ и Бѣлинскій. Этотъ кружокъ Станкевича былъ замѣчательнымъ явленіемъ въ умственной исторіи нашего общества. Въ этомъ кружкѣ — говоритъ К. Аксаковъ — выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ, — воззрѣніе большею частью отрицательное. Искусственность россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма — все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ... Кружокъ Станкевича отличался самостоятельностью мнѣнія, свободнаго отъ всякаго авторитета... Кружокъ этотъ былъ трезвый и по образу жизни, не любилъ ни вина ни пирушекъ, которыя если случались, то очень рѣдко, и, что всего замѣчательнѣе, кружокъ

этотъ, будучи свободомысленъ, не любилъ ни фразерства, ни либеральничанья, боясь вѣроятно той же неискренности, той же претензіи, которыя были ему ненавистнѣе всего; даже вообще политическая сторона занимала его мало; этотъ кружокъ желалъ правды, серьезнаго дѣла, искренности и истины. Самъ Станкевичъ, средоточіе и глава кружка, былъ человѣкъ необыкновеннаго и глубокаго ума. Главный интересъ его была чистая мысль. Онъ былъ человѣкъ простой, безъ претензіи, и даже боялся ея.

Кружкомъ иного склада былъ кружокъ Герцена. И здѣсь интересовались литературою, читали, спорили, но интересовались не одними теоретическими интересами. Въ противоположность кружку Станкевича, здѣсь слѣдили за животрепещущими вопросами соціальной и политической жизни. Собирались большею частью у Огарева. Онъ жилъ одинъ въ нижнемъ этажѣ отцовскаго дома, у Никитскихъ воротъ. Квартира была недалеко отъ университета и въ нее особенно всѣхъ тянуло. Въ Огаревѣ было то магнитное притяженіе, которое образуетъ первую стрѣлку кристаллизаціи. Въ его свѣтлой, веселой комнатѣ, обитой красными обоями съ золотыми полосками, не проходилъ дымъ сигаръ, запахъ жженки, яствъ и питій. Часто впрочемъ изъ яствъ кромѣ сыру ничего не было. Здѣсь спорили цѣлыя ночи на-пролетъ. Кромѣ Герцена и Огарева, ближайшими друзьями были Вадимъ Пассекъ, Оболенскій, Кетчеръ, Сазоновъ и др.; бесѣды сопровождались возліяніями Бахусу, что однако, по увѣренію Герцена, не мѣшало серьезности интересовъ. Вѣроятно, въ противоположность ему, К. Аксаковъ восхваляетъ трезвость кружка Станкевича: ненависть въ немъ къ фразѣ и политическимъ тенденціямъ, «мысль о какихъ-либо тайныхъ обществахъ и проч. была кружку Станкевича смѣшна, какъ жалкая комедія». Тотъ же Аксаковъ упрекаетъ кружокъ Герцена въ погонѣ за эффектомъ и во фразерствѣ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ членахъ кружка и въ самомъ Герценѣ на всю жизнь сохранилась страсть къ эффектнымъ фразамъ, но это не уничтожило искренности убѣжденій. Кружки имѣли между собою болѣе или менѣе отдаленныя отношенія черезъ отдѣльныхъ членовъ, встрѣчав-

шихся въ аудиторіяхъ. Нѣкоторая солидарность интересовъ видна изъ того, наприм., что когда за «Сунгуровскую исторію» ссылали молодыхъ людей, то дѣлались въ пользу ихъ денежные сборы Огаревымъ и Иваномъ Кирѣевскимъ, каждымъ въ своемъ кружкѣ, а затѣмъ вся сумма была отвезена Кирѣевскимъ по назначенію.

Лермонтовъ, ставшій студентомъ Московскаго университета одновременно съ упомянутыми людьми, повидимому, не былъ членомъ какого-либо изъ названныхъ кружковъ, но общность интересовъ связывала его съ ними. Въ первое время пребыванія въ университетѣ Лермонтовъ чуждался товарищей. Предъидущая жизнь его и трагическая исторія между отцомъ и бабушкою, разъигравшаяся какъ разъ передъ поступленіемъ его въ университетъ [см. гл. IV біографіи], необходимо должны были дать мыслямъ воспріимчиваго молодого человѣка серьезное, мрачное направленіе. Онъ естественно ушелъ въ себя, и шумное веселье товарищеской жизни въ аудиторіяхъ не могло прельстить его. Къ тому же ребяческія выходки студентовъ, о коихъ говорено было выше, должны были тяжело дѣйствовать на серьезный, сосредоточенный духъ поэта, привыкшаго уходить отъ жизни въ поэтическій міръ фантазіи, или въ творенія серьезныхъ писателей. Шестнадцати-лѣтній юноша, достаточно переживавшій, передумавшій и перечувствовавшій, сознавалъ себя болѣе зрѣлымъ противъ товарищей, которыхъ онъ видѣлъ въ коллективной массѣ. Сойтись ближе съ нѣкоторыми отдѣльными лицами онъ не имѣлъ пока ни времени ни желанія, вслѣдствіе все той же причины внутренняго, нравственнаго страданія. Появленіе въ аудиторіи этого мрачнаго, несообщительнаго лица поразило товарищей. Вистенгофъ передаетъ весьма характерный разсказъ о томъ, какъ держалъ себя Лермонтовъ въ первое время пребыванія въ университетѣ, и какое онъ производилъ впечатлѣніе на студентовъ.

«Мы стали замѣчать, что въ средѣ нашей аудиторіи, между всѣми нами, одинъ только человѣкъ какъ-то рельефно отличался отъ другихъ; онъ заставилъ насъ обратить на себя особенное вниманіе. Этотъ человѣкъ, казалось, самъ никѣмъ

не интересовался, избѣгалъ всякаго сближенія съ товарищами, ни съ кѣмъ не говорилъ, держалъ себя совершенно замкнуто и въ сторонѣ отъ насъ, даже и садился онъ постоянно на одномъ мѣстѣ, всегда отдѣльно, въ углу аудиторіи, у окна; по обыкновенію, подпершись локтемъ, онъ читалъ съ напряженнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ, не слушая преподаванія профессора. Даже шумъ, происходившій при перемѣнѣ часовъ, не производилъ на него никакого впечатлѣнія. Онъ былъ небольшаго роста, некрасиво сложенъ, смуглъ лицомъ, имѣлъ темные, приглаженные на головѣ и вискахъ, волосы и пронзительные темно-каріе [скорѣе сѣрые] большіе глаза, презрительно глядѣвшіе на все окружающее. Вся фигура этого человѣка возбуждала интересъ и вниманіе, привлекала и отталкивала. Мы знали только, что фамилія его—Лермонтовъ. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, а онъ неизмѣнно оставался съ нами въ тѣхъ же непристуцныхъ отношеніяхъ. Студенты не выдержали. Такое обособленное исключительное поведеніе одного изъ среды нашей возбуждало толки. Однихъ подстрекало любопытство, или даже сердило, нѣкоторыхъ обижало. Каждому хотѣлось ближе узнать этого человѣка, снять маску, скрывавшую затаенныя его мысли, и заставить высказаться».

«Однажды студенты, близко ко мнѣ стоявшіе, считая меня за болѣе смѣлаго, обратились ко мнѣ съ предложеніемъ отыскать какой-нибудь предлогъ для начатія разговора съ Лермонтовымъ, и тѣмъ вызвать его на какое-нибудь сообщеніе. «Вы подойдите, Вистенгофъ, къ Лермонтову и спросите его, какую это онъ читаетъ книгу съ такимъ постояннымъ, напряженнымъ вниманіемъ? Это предлогъ для разговора самый основательный»,—сказалъ мнѣ студентъ Красовъ, кивая головой въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ Лермонтовъ. Умные и серьезные студенты Ефремовъ и Станкевичъ одобрили совѣтъ этотъ. Не долго думая, я отправился. «Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читаете? Безъ сомнѣнія, очень интересную, судя по тому, какъ углубились вы въ нее. Нельзя ли ею подѣлиться и съ нами? — обратился я къ нему, не безъ нѣкотораго волненія, подойдя къ его одинокой скамейкѣ. Мелькомъ взглянувъ въ книгу, я успѣлъ только распознать,

что она была англійская. Онъ мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи сверкнули его глаза; трудно было выдержать этотъ насквозь пронизывающій, непривѣтливый взглядъ. «Для чего это вамъ хочется знать? Будетъ безполезно, если я удовлетворю вашему любопытству. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать, потому что вы не поймете тутъ ничего, если я даже и сообщу вамъ содержаніе ея», — отвѣтилъ онъ мнѣ рѣзко, принявъ прежнюю свою позу и продолжая опять читать. Какъ бы ужаленный, бросился я отъ него».

Лекціи осенью 1830 г. длились впрочемъ не долго,—были онѣ прерваны холерою, которая шла съ сѣвера капризно, скачками, то останавливаясь, то внезапно съ страшною свирѣпостью разъигрываясь на новомъ мѣстѣ. Она, казалось, обходила Москву, и многіе спѣшили въ столицу, ища въ ней убѣжища. Впрочемъ, даже когда холера показалась въ городѣ, помѣщики сосѣднихъ деревень все же спѣшили туда, можетъ-быть изъ желанія быть ближе къ медицинской помощи, а можетъ-быть слѣдуя пословицѣ, что «на людяхъ и смерть красна» [1].

Внезапно разнеслась вѣсть, что холера—въ Москвѣ. Утромъ студентъ патологическаго отдѣленія почувствовалъ себя дурно на лекціи. На другой день онъ умеръ. За нимъ смерть сразила другихъ. Было приказано закрыть университетъ. Студенты всѣхъ отдѣленій собрались на большой университетскій дворъ. Что-то трогательное было въ этой толпящейся молодежи, которой велѣно было разстаться передъ заразой. Лица были блѣдны и особенно одушевлены; многіе думали о родныхъ, о друзьяхъ. Простились съ казеннокоштными, которыхъ отдѣлили карантинными мѣрами, осудя на безотлучное пребываніе въ казенномъ зданіи, и разбрелись небольшими кучками по домамъ. Арсеньева съ Лермонтовымъ оставалась въ Москвѣ. Мрачные слухи, часто преувеличенные, часто страшные и въ своей правдивости, тревожили умы. Чернь волновалась и въ разныхъ мѣстахъ Россіи бунтовала. Арсень-

---

[1] См. Записки Хвостовой, стр. 88 и 98.—Герценъ, «Былое и Думы», гл. VI.—Истор. Моск. Унив., стр. 555.—Записки Вистенгофа.

ова получила извѣстіе о погибели брата своего, Николая Алексѣевича Столыпина, растерзаннаго въ Севастополѣ разсвирѣпѣвшею толпой, собственно толпой женщинъ. Изъ Саратова тоже приходили тревожные слухи. Холера проявлялась такъ жестоко, люди умирали такъ быстро и въ такомъ количествѣ, что во многихъ мѣстахъ ее принимали за чуму. Въ сентябрѣ болѣзнь такъ усилилась въ Москвѣ, что и тутъ стали въ ней видѣть чумную эпидемію. Лермонтовъ въ черновыхъ тетрадяхъ не разъ упоминаетъ объ эпидеміи, называя ее то холерою—«cholera morbus», то просто *чумою* [1].

Въ холерное время Москва приняла совсѣмъ необычный видъ. Эти печальные мѣсяцы имѣли что-то торжественное. Явилась публичность жизни, неизвѣстная въ обыкновенное время.

«Экипажей было меньше, мрачныя толпы народа стояли на перекресткахъ и толковали объ отравителяхъ. Кареты, возившія больныхъ, двигались шагомъ, сопровождаемыя полицейскими. Бюллетени о болѣзни печатались два раза въ день. Городъ былъ оцѣпленъ, какъ въ военное время, и солдаты пристрѣлили какого - то бѣднаго дьячка, пробиравшагося черезъ рѣку. Все это сильно занимало умы. Страхъ передъ болѣзнью отнялъ страхъ передъ властями, жители роптали, а тутъ—вѣсть за вѣстью, что тотъ-то занемогъ, что такой-то умеръ...

Митрополитъ устроилъ общее молебствіе. Въ одинъ день и въ одно время священники съ хоругвями обходили свои приходы; испуганные жители выходили изъ домовъ и бросались на колѣни во время шествія, прося со слезами отпущенія грѣховъ. Самые священники были серьезны и тронуты. Доля ихъ шла въ Кремль; тамъ, на чистомъ воздухѣ, окруженный высшимъ духовенствомъ, стоялъ колѣнопреклоненный митрополитъ и молился, да мимо идетъ чаша сія...»

---

[1] Въ одной изъ черновыхъ тетрадей Лермонтова мы находимъ помѣтку, сдѣланную поэтомъ при стихотвореніи «Могила Бойца»: «1830 года 5-го октября, во время холеры — morbus» [соч. т. I, стр. 131]. Сравни и стихотв. «Чума въ Саратовѣ», стр. 132.

Въ эту годину бѣдствія проявились въ московскомъ обществѣ энергія, дѣятельность и распорядительность, и выказало оно при этомъ великое человѣколюбіе и патріотизмъ. Герценъ, склонный скорѣе къ замѣчанію отрицательныхъ сторонъ, говоритъ съ полнымъ одушевленіемъ и признаніемъ дѣятельности московскаго общества:

«Москва, повидимому сонная и вялая, занимающаяся сплетнями и богомольемъ, свадьбами и ничѣмъ, просыпается всякій разъ, когда надобно, и становится въ уровень съ обстоятельствами, когда надъ Русью гремитъ гроза. Она въ 1612 г. кроваво обвѣнчалась съ Россіей и сплавилась съ нею огнемъ 1812 года.

Я былъ все время жесточайшей холеры 1849 года въ Парижѣ. Болѣзнь свирѣпствовала страшно. Іюньскіе жары ей помогали, бѣдные люди мерли какъ мухи; мѣщане бѣжали изъ Парижа, другіе сидѣли на заперти. Правительство, исключительно занятое борьбой противъ революціонеровъ, не думало брать дѣятельныхъ мѣръ. Тщедушные коллекты были несоразмѣрны требованіямъ. Бѣдные работники оставались покинутыми на произволъ судьбы, въ больницахъ не было довольно кроватей, у полиціи не было довольно гробовъ, и въ домахъ, биткомъ набитыхъ разными семьями, тѣла оставались дня по два во внутреннихъ комнатахъ

«Въ Москвѣ [въ 1830 году] было не такъ. Князь Д. В. Голицынъ, тогдашній генералъ-губернаторъ, человѣкъ слабый, но благородный, образованный и очень уважаемый, увлекъ московское общество, и какъ-то все уладилось по домашнему, т. е. безъ особеннаго вмѣшательства правительства. Составился комитетъ изъ почетныхъ жителей—богатыхъ помѣщиковъ и купцовъ. Каждый членъ взялъ себѣ одну изъ частей Москвы. Въ нѣсколько дней было открыто двадцать больницъ; онѣ не стоили правительству ни копѣйки, — все было сдѣлано на пожертвованныя деньги. Купцы давали даромъ все, что нужно для больницъ: одѣяла, бѣлье и теплую одежду, которую оставляли выздоравливавшимъ. Университетъ не отсталъ. Весь медицинскій факультетъ, студенты и лѣкаря — en masse привели себя въ распоряженіе холернаго комитета;

ихъ разослали по больницамъ и они оставались тамъ безвыходно до конца заразы. Три или четыре мѣсяца эта чудная молодежь прожила въ больницахъ ординаторами, фельдшерами, сидѣлками, письмоводителями, и все это — безъ всякаго вознагражденія, и притомъ въ то время, когда такъ преувеличенно боялись заразы...»

Понятно, что такое время и такая дѣятельность подняли духъ общества и особенно молодежи. Войти въ прежнюю колею, разъ изъ нея выбившись, было не такъ то легко. Всѣ ощутили бо́льшую степень свободы. Примѣненіе къ дѣлу личныхъ силъ, временное ослабленіе прежняго порядка и замѣна его новымъ — поднимали въ горячихъ головахъ несбыточныя надежды на какое-то совершенное обновленіе жизни. Къ тому же въ 1830 году событія неслись быстро.

«Едва худощавая фигура Карла X успѣла скрыться за туманами Голируда, Бельгія вспыхнула. Тронъ короля-гражданина качался; какое-то горячее, революціонное дуновеніе началось въ преніяхъ, въ литературѣ. Романы, драмы, поэмы — все снова сдѣлалось пропагандой, борьбой... Тогда орнаментальная, декоративная часть революціонныхъ постановокъ во Франціи намъ была неизвѣстна, и мы все принимали за чистыя деньги. Мы слѣдили шагъ за шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ событіемъ, за смѣлыми вопросами и рѣзкими отвѣтами, за генераломъ Ламаркомъ. Мы не только подробно знали, но горячо любили тогдашнихъ дѣятелей, — разумѣется, радикальныхъ, — и хранили у себя ихъ портреты отъ Манюеля и Бенжаменъ Констана — до Дюпонъ-де-Лёра и Армана Карель».

Такъ Герценъ описываетъ настроеніе молодежи въ Московскомъ университетѣ. Въ тетрадяхъ Лермонтова мы находимъ стихотвореніе, показывающее, что онъ держался тѣхъ же мыслей, испытывалъ тѣ же чувства.

Таково стихотвореніе озаглавленое: «Парижъ 30 іюля 1830 года». [т. I стр. 133].

До того заразительны были звуки революціи, которая, какъ казалось молодежи, должна была принести съ собою всѣмъ, слѣдовательно и Россіи, свободу, равенство и братство и во-

дворить новую эру всеобщаго счастія, что на всѣхъ противодѣйствовавшихъ революціонному движенію смотрѣли враждебно, а успѣху его рукоплескали.

Еще раньше, какъ только прибыла вѣсть о революціонномъ движеніи во Франціи, Лермонтовъ восторженно восклицалъ:

Опять вы, гордые, возстали
За независимость страны,
И снова передъ вами пали
Самодержавія сыны;
И снова знамя вольности кровавой
Явилося—побѣды мрачный знакъ,
Оно любимо прежде было славой,
Суворовъ былъ его сильнѣйшій врагъ... [т. I, стр. 123].

Юный поэтъ такъ увлекся мечтами свободы, что готовъ былъ выразить негодованіе даже на великаго полководца, когда-то боровшагося противъ войскъ революціонной Франціи [1].

Кажется, уцѣлѣвшій клочокъ приведеннаго стихотворенія имѣетъ именно такой смыслъ, и сомнительно, чтобы продолженіе представляло иной видъ. Когда былъ подавленъ бунтъ военныхъ поселеній, Лермонтовъ упрекалъ новгородцевъ за недостатокъ стойкости. Подъ заглавіемъ: «Новгородъ 30 октября 1830 года» онъ писалъ:

Сыны снѣговъ, сыны славянъ,
Зачѣмъ вы мужествомъ упали?
Зачѣмъ?.. Погибнетъ вашъ тиранъ [Аракчеевъ].
Какъ всѣ тираны погибали!..
До нашихъ дней при имени свободы

1 Негодовалъ на Суворова и Рылѣевъ. Въ 1825 году онъ говорилъ: Суворовъ былъ великій полководецъ, но слава его блѣднѣетъ, когда вспомнимъ, что онъ былъ орудіемъ деспотизма и побѣждалъ для искорененія расцвѣтшей свободы». [Соч. Рылѣева. Лейпцигъ 1861 г., стр. 7]. Таково было преувеличенное увлеченіе Рылѣева, идеи коего были въ то время не безъ вліянія на юнаго Лермонтова, проводившаго ваваціи въ Средниковѣ у Е. А. Столыпиной, мужъ которой былъ близокъ къ Рылѣеву и Пестелю [см. нач. VI главы].

Трепещетъ ваше сердце и горитъ...
Есть бѣдный градъ [Парижъ], тамъ видѣли народы
Все то, къ чему вашъ духъ теперь летитъ...
[т. I, стр. 132][1].

Только относительно возстанія въ Польшѣ, проявившагося въ концѣ 30-го года, лермонтовскія тетради хранятъ молчаніе. Можетъ-быть что и было что-нибудь—тетради дошли до насъ не полныя — можетъ-быть Лермонтова удерживало отъ выраженія симпатіи этому движенію извѣстное стихійное чувство. Стихотвореніе его:

Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы,
На славу гордую Россіи
Опять шумя возстали вы... [т. I, стр. 245].

невѣрно относилось издателями къ 31-му году. Оно писано въ 1835 году, и до разбираемой нами эпохи не касается [2].

Быстрота событій, революціонное движеніе во Франціи, на границахъ Россіи, угрожающая эпидемія и бунты внутри— все заставляетъ юнаго поэта глядѣть мрачными красками на будущее и выразить это въ стихотвореніи «Предсказаніе», [т. I, стр. 116].

Картины революціи, возстанія и кровавыхъ порывовъ къ достиженію всеобщей свободы и личной независимости побуждаютъ Лермонтова написать въ этомъ же году повѣсть, оставшуюся впрочемъ неоконченною, въ которой описывается начало кровавыхъ неурядицъ въ Россіи, гдѣ между прочимъ казакъ поетъ пѣсню, еще раньше встрѣчающуюся въ тетрадяхъ поэта подъ заглавіемъ «Воля».

Моя мать—злая кручина,
Отцомъ же была мнѣ судьбина...
. . . .
Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена—

---

[1] Въ 1832, проѣзжая черезъ Новгородъ, молодой поэтъ съ горечью вспоминаетъ о судьбѣ этого города. [т. I, стр. 236].

[2] Что стихотвореніе это не можетъ относиться къ 1830 или 1831 году, замѣтилъ уже и Михайловъ въ «Соврем.» 1861 г. февраль, стр. 322.

Воля-волюшка,
　　　Несравненная!
Съ ней нашлись другіе у меня
Мать, отецъ и семья:
А моя мать—степь широкая,
А мой отецъ—небо далекое,
Они меня воспитали
Кормили, поили, ласкали.
. . . .
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ степь необъятное! [т. I, стр. 188].

До 12-го января 1831 года лекціи въ университетѣ не читались; когда же послѣ торжественнаго молебствія университетъ былъ открытъ, чтеніе шло безпорядочно. Въ городѣ холера не вполнѣ прекратилась; ни профессора, ни студенты еще не могли войти въ обычную колею, да и не всѣ были на-лицо, такъ что на этотъ разъ весеннихъ переводныхъ экзаменовъ не было и всѣ студенты остались на прежнихъ курсахъ. Годъ былъ потерянъ [1].

Относительно товарищей въ аудиторіяхъ Лермонтовъ продолжалъ держать себя по-прежнему. Вистенгофъ говоритъ: «Видимо было, что Лермонтовъ имѣлъ грубый, дерзкій, заносчивый характеръ, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на окружающихъ его, считалъ ихъ всѣхъ ниже себя. Хотя всѣ отъ него отшатнулись, а между прочимъ, странное дѣло, какое-то непонятное, таинственное настроеніе влекло къ нему и невольно заставляло вести себя сдержанно въ отношеніи къ нему, а въ то же время завидывать стойкости его угрюмаго нрава. Иногда въ аудиторіи нашей, въ свободные отъ лекцій часы, студенты громко вели между собой оживленныя бесѣды о современныхъ животрепещущихъ вопросахъ. Нѣкоторые увлекались, возвышая голосъ. Лермонтовъ бывало оторвется отъ своего чтенія и только взглянетъ на ораторствующаго,—но какъ взглянетъ!.. Говорящій невольно, будто струсивъ, или

---

1 Вотъ чѣмъ объясняется, что когда Лермонтовъ 1 іюня 1832 г. подаетъ прошеніе объ увольненіи, онъ пишетъ: «прошлаго 1830 г. въ августѣ былъ я принятъ въ сей университетъ». —Вышло приказаніе считать два года за одинъ.

умалить свой экстазъ, или совсѣмъ замолчить. Доза яда во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣнія изображалось тогда на его строгомъ лицѣ.

«Внѣ стѣнъ университета Лермонтовъ точно также чуждался насъ. Онъ посѣщалъ великолѣпные балы тогдашняго московскаго благороднаго собранія, являлся на нихъ изысканно одѣтымъ, въ сообществѣ прекрасныхъ свѣтскихъ барышень, къ коимъ относился такъ же фамильярно, какъ къ почтеннымъ вліятельнымъ лицамъ, во фракахъ со звѣздами, или ключами назади, прохаживавшимся съ нимъ по заламъ. При встрѣчахъ съ нами онъ дѣлалъ видъ, будто не знаетъ насъ. Не похоже было, что мы съ нимъ были въ одномъ университетѣ, факультетѣ и на одномъ и томъ же курсѣ. Наконецъ мы совершенно отвернулись отъ Лермонтова и перестали имъ заниматься».

Всѣ ли отвернулись отъ него, и не сошелся ли Лермонтовъ все-таки съ нѣкоторыми товарищами—это вопросъ. Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и признаній Вистенгофа можно заключить, что тогдашнее его развитіе и знаніе стояли несоизмѣримо ниже лермонтовскаго и что, конечно, общаго между ними не могло быть.

Что Лермонтовъ не чуждъ былъ студенческой жизни и товарищескаго круга, мы можемъ судить по нѣкоторымъ даннымъ и по отдѣльнымъ сценамъ автобіографической драмы его «Странный человѣкъ», писанной въ 1831 году, на второй годъ пребыванія поэта въ университетѣ. Въ драмѣ этой сцена четвертая, помѣченная 17-мъ октября, представляетъ комнату студента Рябинова.

„Бутылки шампанскаго на столѣ, и довольно много безпорядка. Снѣгинъ, Челяевъ, Рибиновъ, Заруцкій, Вишневскій курятъ трубки. Ни одному нѣтъ болѣе 20 лѣтъ".

Среди шумнаго разгула и безумныхъ или циничныхъ тостовъ между нѣкоторыми присутствующими, идетъ и серьезный разговоръ. Говорятъ объ отсутствующемъ товарищѣ, Владимірѣ Арбенинѣ [имя, подъ коимъ Лермонтовъ не разъ до нѣкоторой степени рисовалъ самого себя]. Этотъ Арбенинъ—странный человѣкъ

„То шутитъ и хохочетъ, но вдругъ замолчитъ и сдѣлается подобенъ истукану, или вдругъ вскочитъ, убѣжитъ, какъ будто бы потолокъ провалился надъ нимъ...“

Говорятъ о театрѣ, въ которомъ давали *общипанныхъ* «Разбойниковъ» Шиллера. Поднимаются и такіе вопросы: «Господа, когда же русскіе будутъ русскими?» На что студентъ Челяевъ отвѣчаетъ: «Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ просвѣщаться и образовываться снова-здорова». Видно, Лермонтову не чужды были мысли, которыя затрогивались уже тогда въ кружкахъ Аксаковыхъ и послѣ вспыхнули яркимъ огнемъ, когда философскія письма Чаадаева подѣлили московскіе кружки на два лагеря: «славянофиловъ» и «западниковъ», изъ которыхъ первые видѣли спасеніе Россіи въ томъ, чтобы повернуть назадъ, къ Руси до петровской, и вступить на путь естественнаго, органически связаннаго съ народомъ развитія; а вторые требовали совершеннаго отчужденія отъ всего русскаго и народнаго и полнѣйшаго слитія съ Западомъ.

Кстати относительно трагедіи «Странный человѣкъ». Въ ней есть мѣсто, затрогивающее вопросъ крѣпостнаго права. Въ молодежи тогда много судили и рядили о правахъ человѣка и о несправедливости угнетенія цѣлой массы людей сословіемъ, подъ часъ злоупотреблявшимъ своими правами и преимуществами. Идеи эти занимали кружокъ Бѣлинскаго и побудили написать драму, первую его неудавшуюся попытку литературнаго творчества [1]. Если сравнить относящіяся до этого мысли въ драмѣ Бѣлинскаго и драмѣ Лермонтова [«Странный человѣкъ», сцена пятая], то нельзя не увидать полнаго тождества идей у обоихъ студентовъ и начинающихъ писателей.

У Бѣлинскаго слуга разсказываетъ о положеніи крестьянъ по смерти барина,—разсказываетъ, какъ барыня начала тиранствовать: «била какъ собакъ, и отдавала въ солдаты, и пускала по міру, отнимала хлѣбъ, скотъ, обирала деньги, холстъ... Да всего и сказать нельзя. На каторгѣ колодникамъ житье лучше, чѣмъ намъ грѣшнымъ у барыни».

---

[1] О трагедіи Бѣлинскаго см. Пыпинъ «Бѣлинскій, его жизнь», гл. II, и въ «Русск. Стар.» 1876 г., т. XV, стр. 66.

Герой драмы, Владиміръ, выражаетъ по поводу этого гуманныя мысли свои: «Неужели эти люди для того только и родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ подобныхъ имъ существъ? Кто позволилъ имъ ругаться надъ правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ для потѣхи или для разсѣянья, содрать шкуру съ своего раба, продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, лошадь, корову... Милосердый Боже! Отецъ человѣковъ! Отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ?..» и т. д.

У Лермонтова крестьянинъ приходитъ къ молодому человѣку, другу героя драмы [по странной случайности названному Бѣлинскимъ], и также жалуется на жестокое обращеніе барыни.

„Она бьетъ безъ милосердія, мучаетъ и терзаетъ такъ, что хоть въ воду..."

Герой драмы, какъ и у Бѣлинскаго, по имени Владиміръ, приходитъ отъ разсказа въ бѣшенство и восклицаетъ:

„Люди, люди! и до такой степени злодѣйства доходятъ женщины, твореніе иногда столь близкое къ ангелу!.. О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство — все куплено кровавыми слезами!.. Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... О, мое отечество, мое отечество!.."

Владиміръ уговариваетъ друга своего купить несчастныхъ крестьянъ и отдаетъ ему послѣднія свои деньги.

Не лишнимъ будетъ упомянуть, что какъ разъ въ это время Лермонтовъ въ черновой тетради записываетъ сюжетъ трагедіи:

„Молодой человѣкъ въ Россіи, который не дворянскаго происхожденія, отвергаемъ обществомъ, любовью, унижаемъ начальниками. [Онъ былъ изъ поповичей или изъ мѣщанъ, учился въ университетѣ и вояжировалъ на казенный счетъ.] Онъ застрѣлился". [соч. т. IV стр. 7].

«Вояжировалъ на казенный счетъ», по тогдашнему способу выраженія, легко можетъ означать отправку въ ссылку.

Чтобы Лермонтовъ въ университетѣ былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ,—сомнительно; иначе послѣдній, разсказывая впослѣдствіи о знакомствѣ своемъ съ Лермонтовымъ въ Петербургѣ, упомянулъ бы объ университетскихъ отношеніяхъ. Нѣтъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о взаимномъ вліяніи. Интересенъ фактъ, что оба произведенія: драма Бѣлинскаго и драма Лермонтова, писанныя въ одно время, являютъ аналогію въ интересахъ и обсужденіи тѣхъ же вопросовъ. Это служитъ доказательствомъ, какіе вопросы волновали молодежь въ аудиторіи и кружкахъ, и что Лермонтовъ не былъ равнодушенъ къ нимъ.

Я уже говорилъ, что Михаилъ Юрьевичъ не былъ членомъ какого-либо изъ упомянутыхъ выше кружковъ университетской молодежи. Кругъ студентовъ, съ которыми онъ видался, былъ не великъ. То были большею частью товарищи по университетскому пансіону, или молодые люди изъ общества бабушки и большаго числа тетушекъ и кузинъ. Время, проводимое въ этомъ обществѣ, состояло изъ свѣтскихъ удовольствій, вечеровъ и баловъ, въ коихъ принималъ участіе рано избалованный бабушкою поэтъ нашъ, не отдавая впрочемъ этой жизни души своей и сохраняя въ чистотѣ святая святыхъ ея. Лермонтовъ какъ бы искалъ въ разсѣянной жизни забвенія отъ внутренней тоски. Онъ чувства свои и лучшую сторону своего *я* таилъ отъ всѣхъ, или раскрывалъ его лишь двумъ-тремъ изъ особенно близкихъ людей. Внѣшнюю сторону тогдашней жизни своей — свои свѣтскія удовольствія и ту сторону характера, которую онъ выказывалъ толпѣ знакомыхъ, Лермонтовъ изображаетъ въ разсказѣ объ университетскихъ годахъ Печорина въ «Княгинѣ Лиговской». [т. V, стр. 150].

„До девятнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пансіона въ другой и наконецъ увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ, что если-бы жилъ въ Гер-

маніи, онъ сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите ради Бога, какая есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ?

„Итакъ, всѣ его путешествія ограничивались поѣздками съ толпой такихъ же негодяевъ, какъ онъ, въ Петровскій паркъ, въ Сокольники и въ Марьину рощу. Можно вообразить, что они не брали съ собой тетрадей и книгъ, чтобы не казаться педантами. Пріятели Печорина, которыхъ число было, впрочемъ, *не очень велико*, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и эксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе. Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было, закрывъ глаза, держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ „la bande joyeuse...“

Это описаніе характеризуетъ намъ бытъ той свѣтской молодежи, о которой упоминаетъ и Герценъ и Константинъ Аксаковъ, говоря о «молодыхъ людяхъ такъ-называемыхъ аристократическихъ домовъ, принесшихъ съ собою всю пошлость, всю наружную благовидность, все это бездушное приличіе своей сферы, всю ея зловредную свѣтскость» и т. д. Лермонтовъ отлично понималъ этихъ «приличныхъ» юношей и, становясь къ нимъ одною стороной существа своего, по привычкѣ своей все ввѣрять бумагѣ, сдѣлалъ ей, этой сторонѣ своего характера, оцѣнку въ Печоринѣ, точно такъ же какъ въ «Странномъ человѣкѣ» онъ изобразилъ свой внутренній міръ, а въ «Сашкѣ» — разгульную сторону студенческой жизни. Отзывчивая душа юнаго Лермонтова была доступна всѣмъ увлеченіямъ, каждому чувству, каждому движенію отъ легкомысленнаго порыва до пониманія высокой и сознательной мысли. Общепринятое: «пошлый опытъ—умъ глупцовъ»— не останавливало его. Въ то время съ ужасомъ смотрѣли благовоспитанные родители на Полежаева, и «матушка моя,— сообщалъ мнѣ товарищъ Лермонтова, Вистенгофъ,—недѣлю не говорила со мною, узнавъ, что я познакомился съ Поле-

жаевымъ, отъ котораго отцы и матери того времени отстраняли своихъ дѣтей, какъ отъ человѣка *опаснаго* и *заклейменнаго*». Лермонтовъ чувствовалъ симпатію къ этому мученику, какъ онъ и Бѣлинскій, тоже, уроженцу Пензенской губерніи [1].

Полежаевская исторія тогда была еще жива въ памяти университетской молодежи. Она случилась въ 1826 году. За нею начался рядъ стѣснительныхъ мѣръ для университета.

Объ Александрѣ Ивановичѣ, постигнутомъ судьбою такъ-сказать на другой день по окончаніи курса, много еще толковалось, а университетская поэма его «Сашка», несмотря на строгое запрещеніе, все ходила по рукамъ въ рукописяхъ. Эта поэма собственно не имѣла ничего политическаго, хотя Герценъ въ разсказѣ своемъ о Полежаевѣ старается дать ей такое значеніе, и съ легкой руки его мнѣніе это распространилось у насъ. «Сашка» имѣетъ частью автобіографическое значеніе, и Полежаевъ описываетъ въ немъ грубыя шутки и дикія, буйныя выходки студентовъ, кутилъ, повѣсъ, времена которыхъ миновали, когда былъ студентомъ Лермонтовъ, но нѣкоторые разсказы о коихъ еще жили въ памяти молодыхъ людей, въ извѣстные годы любящихъ что-называется «хватать черезъ край». Въ подражаніе или въ память Полежаеву и Лермонтовъ написалъ своего «Сашку», тоже съ автобіографическими чертами. Писанная однимъ размѣромъ съ Полежаевскимъ произведеніемъ, съ подобными же выходками эротическаго, подчасъ непристойнаго, содержанія, она вылилась у Лермонтова подъ вліяніемъ другой, менѣе благотворной, сферы, уже позднѣе, во время и послѣ пребыванія въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ; но такъ какъ въ ней частью рисуется

---

[1] Были ли поэты знакомы лично, неизвѣстно, но возможно, такъ какъ Полежаевъ, возвращенный съ Кавказа, гдѣ онъ былъ съ 1829 по сентябрь 1833 года, проживалъ въ Москвѣ до смерти, въ сентябрѣ 1837 года. Во время проѣздовъ черезъ Москву, особенно въ 1835 году, Лермонтовъ могъ видаться съ Полежаевымъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ общимъ пріятельскимъ знакомствомъ являлась семья Бибиковыхъ.—Объ Алекс. Ив. Полежаевѣ смотри статью Г. Ефремова въ прекрасномъ изданіи соч. Полежаева г. Суворина, Спб. 1889 г.

университетское пребываніе Лермонтова, то я и говорю о ней въ этой главѣ. Мы видѣли выше, какимъ описываетъ Лермонтова въ свѣтскомъ кругу Вистенгофъ. Приблизительно такое же описаніе дѣлалъ мнѣ и другой его товарищъ [1]. И Лермонтовъ подтверждаетъ эти показанія, изображая героя поэмы «Сашка»:

Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣтъ,
Изящно былъ причесанъ и такъ далѣ,
На пальцахъ перстни изливали свѣтъ,
И галстукъ надушенъ былъ, какъ на балѣ.
Ему едва ли было двадцать лѣтъ,
Но блѣдностью казалися покрыты
Его чело и нѣжныя ланиты,
[Не знаю, мукъ иль бурь послѣднихъ слѣдъ,
Но мнѣ давно знакомъ былъ этотъ цвѣтъ]
И на устахъ его, опаснѣй жала
Змѣи, насмѣшка вѣчная блуждала.
Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней
Въ кругу хорошемъ, то-есть въ модномъ свѣтѣ,
Онъ обжился, что часть своихъ ночей
Онъ убивалъ безплодно на паркетѣ
И что другую тратилъ не умнѣй...
Въ глазахъ его открытыхъ, но печальныхъ,
Нашли бы вы безъ наблюденій дальнихъ
Презрѣнье, гордость; хоть онъ былъ не гордъ,
Какъ глупый турокъ, иль богатый лордъ,
Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
Онъ почиталъ умнѣе очень многихъ. [т. II, стр. 185].

Впрочемъ, надо сознаться, что Лермонтовъ, говоря о «Сашѣ» или «Сашкѣ», въ поэмѣ этого имени, столько же относится къ самому себѣ, сколько къ Полежаеву. Въ героѣ поэмы слиты оба типа. Они имѣли много общаго, много нераз-

[1] Въ Москвѣ я отыскалъ г. Фее, товарища Лермонтова, впрочемъ не изъ близкихъ. Онъ о Лермонтовѣ могъ сообщить не много. Въ общихъ чертахъ его описанія сходны съ тѣмъ, что говоритъ Вистенгофъ. О братьяхъ Фее упоминается и въ запискахъ Хвостовой. Лермонтовъ «забавлялъ насъ анекдотами о двухъ братьяхъ Фее и для отличія называлъ одного Fé—nez-long, а другого Fé—nez-court. Фенелонъ былъ чѣмъ-то въ университетскомъ пансіонѣ и служилъ цѣлью эпиграммъ, сарказмовъ и каррикатуръ Мишеля». Относительно наружнаго вида Л. сходно говоритъ и Костенецкій, тоже товарищъ Лермонтова по университету.

гаданнаго, и много личной субъективной силы крылось въ нихъ. Жажда къ личной свободѣ и избытокъ огромныхъ силъ въ этихъ двухъ характерахъ, проявившихся какъ разъ въ то время, когда все подводилось подъ одинъ уровень и не терпѣлось ничего самобытнаго, дѣлаетъ ихъ страданія весьма схожими, дѣлаетъ судьбу ихъ схожею, съ тою только разницей, что за однимъ стояла богатая и вліятельная родня, да преданная бабушка, а другой былъ безродный бѣднякъ, отъ котораго отказался богатый дядя. Но оба они сошли непонятыми въ раннюю могилу подъ военною шинелью, подъ которою держали ихъ насильно и противъ воли [1]. Оба избытокъ силъ, которымъ выходъ былъ заказанъ, тратили непроизводительно, особенно въ первой молодости, не зная, куда дѣвать кипучую страсть, и не находя отвѣта на призывъ любящей души. Слѣдующая характеристика «Сашки» одинаково можетъ относиться и къ Лермонтову, и къ Полежаеву — личностямъ роковымъ:

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность.
. . . .
...И въ пустынѣ свѣта
На дружный зовъ не встрѣтили отвѣта.
[т. II стр. 199].

Да, Лермонтовъ почуялъ это родство своей натуры съ Полежаевскою, и о немъ-то говоритъ онъ:

И ты, чья жизнь, какъ бѣглая звѣзда,
Промчалася неслышно между нами,
Ты мукъ своихъ не выразилъ словами,
Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ
Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ,
И не разгаданъ глупою толпою.
Ты умеръ — чуждый жизни... Миръ съ тобою!
И миръ твоимъ костямъ! Онѣ сгніютъ,
Покрытыя одеждою военной... [CXXXVII стр. 222 и д.].

---

1 Что Полежаевъ противъ воли долженъ былъ служить въ военной службѣ, извѣстно всѣмъ; но что Лермонтовъ, несмотря на свои связи, насильно удерживался въ ней, знаютъ немногіе. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ объ этомъ.

Еще въ другихъ мѣстахъ поэмы встрѣчаются слова симпатіи къ Полежаеву, отличающіяся теплотой и искренностью тона.

Несмотря на то, что Лермонтовъ какъ будто чуждался товарищей по аудиторіи, онъ не отставалъ отъ нихъ, когда дѣло касалось такъ сказать, всей корпораціи, когда предпринималось, что-нибудь сопряженное съ общею опасностью и отвѣтственностью. Въ этомъ случаѣ Лермонтовъ являлся солидарнымъ съ другими, — ни искренность, ни гордость его характера не дозволяли ему отдѣляться отъ другихъ. Онъ ощущалъ вполнѣ то, что такъ выхваляетъ Аксаковъ, — «чувство общей связи товарищества».

Высказалось это въ извѣстной Маловской исторіи, бывшей въ началѣ 1831-го года. Профессоръ Маловъ на этико-политическомъ отдѣленіи читалъ исторію римскаю законодательства, или теорію уголовнаго права. Его любимою темой было разсужденіе о человѣкѣ. Онъ заставлялъ студентовъ писать на эту тему, чѣмъ надоѣдалъ имъ, какъ и вообще выводилъ ихъ изъ терпѣнія назойливымъ и придирчивымъ своимъ характеромъ. Грубый и необразованный, онъ довелъ-таки студентовъ до того, что они рѣшились сдѣлать ему «скандалъ».

Сговорившись съ нѣкоторыми изъ товарищей своихъ по другимъ отдѣленіямъ, студенты собрались въ аудиторію. Черезъ край полная аудиторія—разсказываетъ очевидецъ—волновалась и издавала глухой, сдавленный гулъ. Маловъ обыкновенно начиналъ свои лекціи словами: «человѣкъ, который...» Едва онъ на этотъ разъ началъ лекцію своимъ обычнымъ выраженіемъ, какъ началось шарканье. «Вы выражаете ваши мысли ногами, какъ лошади!»—раздраженно замѣтилъ профессоръ и попытался овладѣть шумомъ, вновь приступая къ лекціи. «Человѣкъ, который...» — произнесъ онъ опять.— «Прекрасно! Fora!»—кричатъ студенты. — «Человѣкъ, который...» — «Bis! Прекрасно!...» Бѣдный Маловъ замѣчаетъ: — «Господа, я долженъ буду уйти!...» Ему кричатъ: «Прекрасно, браво!...» Наконецъ поднялась цѣлая буря. Студенты вскочили на лавки, раздались свистки, шиканье, крики: «Вонъ его, вонъ!...» Потерявшійся Маловъ сошелъ съ каѳедры, про-

дираясь къ дверямъ. Съ шиканьемъ и свистомъ провожали его слушатели. Всѣ шли за нимъ по коридору, по лѣстницѣ. Торопливо одѣвшись, Маловъ вышелъ на университетскій дворъ. Студенты бросили въ слѣдъ ему забытыя имъ калоши. Они проводили его до воротъ и вышли на улицу. Такимъ образомъ дѣло получило формально болѣе серіозный характеръ. Малова вообще не любили и часто студенты встрѣчали его шиканьемъ, или устраивали ему шумные скандалы въ аудиторіяхъ. Это проходило безнаказаннымъ, или безъ серіозныхъ послѣдствій; но на этотъ разъ исторія получила публичность, да и вообще къ студентамъ, какъ уже замѣчено, стали относиться строже. Родители и молодежь, уже наученные опытомъ и зная, что такая исторія можетъ повести за собою болѣе или менѣе строгія наказанія—отдачу въ солдаты, а не то и отправленіе ихъ въ отдаленную ссылку—ожидали кары.

Особенно грозила опасность тѣмъ изъ участниковъ, которые, принадлежа къ другимъ факультетамъ, пришли въ аудиторію въ качествѣ вспомогательнаго войска [1].

Къ послѣднимъ принадлежалъ и Лермонтовъ. Онъ ждалъ наказанія, что видно изъ стихотворенія, написаннаго имъ въ то время другу и товарищу по университету Н. И. Поливанову [Т. I, стр. 177].

На этотъ разъ однако опасность миновала.

Университетское начальство, боясь, чтобы не было назначено особой слѣдственной коммиссіи и дѣлу придано преувеличенное значеніе, отъ чего могли возникнуть непріятности и для него, поспѣшило само подвергнуть наказанію нѣкоторыхъ изъ студентовъ и по возможности уменьшить вину ихъ. Самъ Маловъ былъ сдѣланъ отвѣтственнымъ за безпорядокъ и въ тотъ же годъ получилъ увольненіе [2]. Изъ студентовъ лишь

---

1 Исторію съ Маловымъ разсказываетъ Герценъ [«Былое и думы», т. I, глава V] и Дудышкинъ въ матеріалахъ для біогр. Лермонтова, изд. 1863 г., т. VI. О Маловѣ, нелюбимомъ студентами и часто подвергавшемся шиканью, упоминаетъ Ляликовъ [Русскій Архивъ 1875 года, кн. III, стр. 385].

2 Михаилъ Яковлевичъ [род. 1709 года, ум. 1849] вышелъ кандидатомъ изъ Московскаго университета въ 1811 г.; съ 1823 г. читалъ онъ исторію римскаго законодательства на этико-политическомъ отдѣленіи; съ 1828 г.

нѣкоторые были приговорены къ легкому наказанію—заключенію въ карцеръ.

Ректоръ Двигубскій, благоразумно избѣгавшій затрогивать студентовъ съ вліятельною родней, кажется, вовсе не подвергнулъ Лермонтова взысканію. Герценъ же, какъ предводитель секурса, пришедшаго съ медицинскаго факультета, посидѣлъ подъ арестомъ. Обыкновенное мнѣніе, что Лермонтовъ изъ-за этой исторіи долженъ былъ покинуть Московскій университетъ, совершенно ошибочно [1]; но весьма возможно, что участіе его въ ней, равно какъ и нѣкоторыя столкновенія съ другими профессорами, заставили университетское начальство смотрѣть на него косо и желать отдѣлаться отъ дерзкаго питомца.

По разсказамъ товарища, у Лермонтова въ это же время были столкновенія съ профессорами: Побѣдоносцевымъ и другими.

былъ онъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1831 г. уволенъ отъ должности съ пенсіей въ 400 рубл. асс. [«Біографич. словарь» профессора Малова; «Былое и думы» Герцена, гл. VI].

[1] Догадка объ удаленіи Лермонтова изъ университета, вслѣдствіе исторіи съ Маловымъ, впервые печатно высказана Дудышкинымъ въ матеріалахъ для біографіи Лермонтова, стр. VI [изд. «Соч. Лермонтова» 1860 г.]. Взято это было Дудышкинымъ все изъ того же опыта біографіи Хохрякова, матеріалами коего онъ такъ много пользовался, не указавъ впрочемъ источника. Приводя дословно цѣлыя страницы изъ тетради Хохрякова, г. Дудышкинъ въ разсказѣ о Маловской исторіи измѣнилъ только слова г. Хохрякова: «а вотъ что мы слышали» на—«а вотъ что намъ разсказывали». Догадка Дудышкина была принята за достовѣрное и А. Н. Пыпинымъ («Біографія Лермонтова», издан. 1873 года, стр. XXIV), несмотря на то, что уже г-жа Ладыженская въ статьѣ своей: «Замѣчанія на воспоминанія Екатерины Алекс. Хвостовой» [Русскій Вѣстникъ 1872 года, № 2, стран. 660]—отвергаетъ разсказъ объ исключеніи Лермонтова. А. Н. Пыпинъ усомнился въ ея показаніяхъ. Что же касается письма, приводимаго Дудышкинымъ, затѣмъ Пыпинымъ и другими, писаннаго будто близкимъ къ Лермонтову человѣкомъ по поводу этой исторіи, то письмо это писано позднѣе, въ 1832 году, по поводу попытки Лермонтова вступить въ Петербургскій университетъ, какъ увидимъ ниже. Относительно выхода Лермонтова изъ Московскаго университета вслѣдствіе «исторіи», г. Поливановъ [Русск. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 813] замѣчаетъ, что отцу его [т. е. товарищу Лермонтова] казалось сомнительнымъ исключеніе Лермонтова изъ университета. «При господствующей тогда строгости врядъ ли могъ исключенный быть принятъ въ школу гвардейскихъ юнкеровъ».

«Передъ рождественскими праздниками—говоритъ Вистенгофъ—профессора дѣлали репетиціи, то-есть повѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе и, согласно отвѣтамъ, ставили баллы, которые брались въ соображеніе на публичныхъ переходныхъ экзаменахъ. Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ какой то вопросъ Лермонтову. На этотъ вопросъ Лермонтовъ началъ отвѣчать бойко и съ увѣренностью. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ:

— Я вамъ этого не читалъ. Я бы желалъ, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ. Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?

— Это правда, господинъ профессоръ,—отвѣчалъ Лермонтовъ—вы намъ этого, что я сейчасъ говорилъ, не читали, и не могли читать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь научными пособіями изъ своей собственной библіотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранныхъ языкахъ.

Мы переглянулись. Отвѣтъ въ этомъ родѣ былъ данъ уже и прежде профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику».

Дерзкими выходками этими профессора обидѣлись и припомнили это Лермонтову на публичномъ экзаменѣ. Вистенгофъ замѣчаетъ при этомъ, что эти столкновенія съ профессорами открыли товарищамъ глаза относительно Лермонтова. «Теперь человѣкъ этотъ намъ вполнѣ высказался. Мы поняли его», то есть уразумѣли, какъ полагаетъ Вистенгофъ, заносчивый и презрительный нравъ Лермонтова»[1].

---

1 По разсказу Вистенгофа выходитъ впрочемъ, что столкновеніе Лермонтова съ профессоромъ Побѣдоносцевымъ было въ первое полугодіе послѣ его поступленія. Но тутъ г. Вистенгофъ должно быть запамятовалъ. Извѣстно, что лекціи въ университетѣ прекратились осенью 1830 года, по случаю холеры, и опять начались въ январѣ 1831 года, слѣдовательно и репетиціи передъ Рождествомъ могли быть только въ 1831 году. Затѣмъ Вистенгофъ утверждаетъ, что Побѣдоносцевъ на публичныхъ [переходныхъ] экзаменахъ отомстилъ Лермонтову. Весною 1831 года экзаменовъ не было [о чемъ замѣчено выше], а были они весною 1832 г. На словахъ Вистенгофъ замѣтилъ мнѣ, что положительно знаетъ, что Лермонтовъ вышелъ изъ

Надо однако же сказать, что при тогдашнемъ печальномъ преподаваніи и презрительномъ отношеніи къ нему даже лучшихъ студентовъ, такія выходки Лермонтова не представляли ничего необыкновеннаго. К. Аксаковъ разсказываетъ, что «Коссовичъ [извѣстный нашъ санскритистъ] тоже уединялся отъ всѣхъ, не занимался университетскимъ ученьемъ, не ходилъ почти на лекціи, а когда приходилъ, то приносилъ съ собою книгу и не отнималъ отъ нея головы все время, какъ былъ въ аудиторіи. Коссовичъ, который въ это время вступилъ на свою дорогу филологическаго призванія и глоталъ одинъ языкъ за другимъ, трудясь дѣльно и образовывая себя, былъ оставленъ на второмъ курсѣ и только впослѣдствіи, занявшись университетскими предметами, вышелъ кандидатомъ».

Бѣлинскій тоже равнодушно не могъ слушать нѣкоторыхъ лекцій. Однажды Побѣдоносцевъ въ самомъ азартѣ объясненій вдругъ остановился и, обратившись къ Бѣлинскому, сказалъ: «Что ты, Бѣлинскій, сидишь такъ безпокойно, какъ будто на шилѣ, и ничего не слушаешь?... Повтори-ка мнѣ послѣднія слова, на чемъ я остановился?»—«Вы остановились на словахъ, что «я сижу на шилѣ», отвѣчалъ спокойно и не задумавшись Бѣлинскій. При такомъ наивномъ отвѣтѣ студенты разразились смѣхомъ. Преподаватель съ гордымъ презрѣніемъ отвернулся отъ неразумнаго, по его разумѣнію, студента и продолжалъ свою лекцію о хріяхъ, инверсахъ и автоніанахъ, но горько потомъ пришлось Бѣлинскому за его убійственноѣдкій отвѣтъ [1].

Итакъ, выходка Лермонтова не представляла ничего необычайнаго, но легко могла разсердить профессора обидностью тона и явно презрительнымъ отношеніемъ къ его преподаванію, высказанными въ присутствіи всей аудиторіи.

университета не вслѣдствіе «исторіи», а «скорѣе изъ самолюбія, потому что оборвался на экзаменѣ и считалъ, что Побѣдоносцевъ къ нему придирается, что можетъ быть и была правда». Выходитъ: столкновеніе съ Побѣдоносцевымъ было въ концѣ 1831 года. Весною на экзаменахъ онъ ему припомнилъ выходку, и уже 1-го іюня Лермонтовъ подаетъ прошеніе объ увольненіи изъ университета.

[1] Пыпинъ: жизнь Бѣлинскаго I стр. 65.

Когда подошли публичные переходные экзамены, профессора дали почувствовать строптивому студенту, что безнаказанно нельзя презирать ихъ лекцій.

Произошло ли новое столкновеніе съ Побѣдоносцевымъ, вслѣдствіе коего Лермонтовъ не хотѣлъ далѣе экзаменоваться, или же экзаменовался онъ неудачно, но только продолжать курсъ въ Московскомъ университетѣ оказалось неудобнымъ. Быть-можетъ именно тутъ начальство, припоминая выходки Лермонтова, постаралось намекнуть на то, что удобнѣе было бы ему продолжать курсъ въ другомъ университетѣ. Во всякомъ случаѣ рѣшено было родными и самимъ Михаиломъ Юрьевичемъ изъ Московскаго университета выйти и поступить въ Петербургскій. 1-го іюня 1832 года Лермонтовъ вошелъ съ прошеніемъ въ правленіе университета объ увольненіи его изъ онаго и о выдачѣ надлежащаго свидѣтельства для перехода въ Императорскій С.-Петербургскій университетъ. Таковое свидѣтельство и было выдано просителю 18 числа того же мѣсяца. Замѣчательно, что въ свидѣтельствѣ ничего не говорится о томъ, на какомъ Лермонтовъ числился курсѣ, а только то, что, поступивъ въ число студентовъ 1-го сентября 1830 года, слушалъ лекціи по словесному отдѣленію.

Снабженный свидѣтельствомъ о пребываніи въ университетѣ, Лермонтовъ съ бабушкой лѣтомъ 1832 года отправились въ Петербургъ, гдѣ помѣстились въ квартирѣ на берегу Мойки, у Синяго моста, въ домѣ, который позднѣе принадлежалъ журналисту Гречу.

Однако Петербургскій университетъ отказался зачесть Лермонтову годы пребыванія въ Московскомъ университетѣ, и такимъ образомъ ему пришлось бы поступить вновь на первый курсъ. Къ тому же, какъ разъ въ это время, заговорили объ увеличеніи университетскаго курса на столько, чтобы студенты оканчивали его не въ три, а въ четыре года. Это испугало Лермонтова; онъ видѣлъ несправедливость въ томъ, что ему не хотѣли зачесть лѣтъ, проведенныхъ въ Москвѣ. Поступивъ въ Петербургѣ въ число студентовъ, ему пришлось бы окончить курсъ въ 1836 г. Этимъ онъ тяготился,—ему хотѣлось на свободу, стать независимымъ человѣкомъ. Еще не

задолго передъ тѣмъ писалъ онъ въ альбомъ «Саши Верещагиной»:

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня:
Я пущусь по дикой степи,
И надменно *сброшу я*
Образованности цѣпи
И вериги бытія [т. I стр. 255 и д.].

Свободолюбивая натура Лермонтова тяготилась всякими стѣсненіями. Онъ всюду чувствовалъ «вериги бытія». Порядки университета и общества въ юношескомъ преувеличеніи казались ему цѣпями.

Лермонтову хотѣлось во что бы то ни стало вырваться изъ положенія зависимаго. Вотъ почему онъ задумалъ поступить юнкеромъ въ полкъ и въ училище, изъ коего онъ могъ выйти уже въ 1834 году и, слѣдовательно, выигрывалъ два года. Къ тому же многіе изъ его друзей и товарищей по университетскому пансіону и Московскому университету, какъ разъ въ это время, тоже переходятъ въ «школу». Еще за годъ вступилъ въ нее любимѣйшій изъ товарищей Лермонтова по университетскому пансіону, Михаилъ Шубинъ, а одновременно съ нимъ—Поливановъ изъ Московскаго университета, друзья и близкіе родственники—Алексѣй [Монго] Столыпинъ и Николай Юрьевъ, да Михаилъ Мартыновъ—сосѣдъ по пензенскому имѣнію[1].

---

[1] О близкой дружбѣ Лермонтова съ Шубинымъ разсказывалъ мнѣ А. З. Зиновьевъ. Онъ очень хвалилъ Шубина, называлъ его человѣкомъ прекрасныхъ душевныхъ свойствъ. Шубинъ этотъ впослѣдствіи, какъ и Лермонтовъ, былъ переведенъ въ армію изъ лейбъ-гусаръ за то, что ударилъ камерлакея. Относительно Поливанова см. Русск. Старину 1875 года, т. XII, стр. 812, о прочихъ въ историч. очеркѣ Николаев. кавалер. училища, выпуски 1833, 34 и 35 гг. За полгода до выхода Лермонтова изъ «школы» вышелъ изъ нея въ гвардію графъ Ник. Серг. Толстой, тоже перешедшій въ «школу» изъ Московскаго университета [Сушковъ: Моск. унив. пансіонъ стр. 75]. Толстой—авторъ сочиненія «Заволжскіе очерки, взгляды и разсказы». Еще раньше поступили въ «Школу» изъ Моск. унив. пансіона Ник. Назимовъ, да и многіе другіе.

Не удивительно, что все это подстрекало Лермонтова, пылкій характеръ коего, конечно, не могъ удовлетвориться дѣятельностью въ службѣ гражданской, а въ то время вѣдь всякій непремѣнно долженъ былъ служить или въ военной, или въ гражданской службѣ. Его натура, жаждавшая бурь и сильныхъ ощущеній, насыщенная съ дѣтства разсказами Капэ о наполеоновскихъ войнахъ и родныхъ, о кавказскихъ приключеніяхъ, конечно, влекла къ жизни военной. Не даромъ въ юношескихъ произведеніяхъ онъ прославлялъ бои и высказывалъ симпатію къ военному быту и военнымъ людямъ. Страсть къ литературѣ одна, вѣроятно, заставляла его насиловать натуру свою и уступать желаніямъ бабушки, которая и слышать не хотѣла, чтобы внукъ подвергалъ себя опасностямъ боевой жизни. Позднѣе еще, когда Лермонтовъ юнкеромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка стоялъ въ Петергофѣ и въ лагерное время захворалъ, выказалась, по разсказамъ очевидцевъ, вся нелюбовь Арсеньевой къ военной карьерѣ внука. Бабушка пріѣхала къ начальнику Лермонтова, полковнику Гельмерсену, просить отпустить больнаго домой. Гельмерсенъ находилъ это лишнимъ и старался увѣрить бабушку, что для внука ея нѣтъ никакой опасности. Во время разговора онъ сказалъ:

— Что же вы сдѣлаете, если внукъ вашъ захвораетъ во время войны?

— А ты думаешь,—бабушка, какъ извѣстно, всѣмъ говорила «ты»,—а ты думаешь, что я его такъ и отпущу въ военное время?!—раздраженно отвѣтила она.

— Такъ зачѣмъ же онъ тогда въ военной службѣ?

— Да это пока миръ, батюшка!... А ты что думалъ? [1].

Желанія бабушки и мечты о дѣятельности литературной, о славѣ, подобной Байрону, вѣроятно, сдерживали Лермонтова отъ стремленія поступить въ военную службу, и этимъ объясняются слова поэта въ письмѣ къ подругѣ своей о томъ, что онъ до сихъ поръ принесъ столько жертвъ своему идо-

---

1 Изъ разсказовъ г-жи Гельмерсенъ, рожден. Россильонъ, бывшей при бесѣдѣ мужа своего съ бабушкою Лермонтова. Г-жа Гельмерсенъ скончалась въ Дерптѣ въ концѣ 80-хъ годовъ.

лу, т. е. литературнымъ интересамъ [1]. Теперь сами обстоятельства наталкиваютъ поэта на путь, въ душѣ ему не совсѣмъ чуждый.

Рѣшеніе Михаила Юрьевича такъ растревожило бабушку, что она даже захворала. Родные и знакомые въ Москвѣ всполошились и не мало толковъ стало ходить по кружкамъ.

Двоюродная сестра Михаила Юрьевича, Анна Григорьевна Столыпина, писала въ Москву по поводу его перехода, и тамъ сочинили цѣлую сплетню, будто Лермонтовъ имѣлъ непріятности и въ Петербургскомъ университетѣ, изъ-за коихъ былъ исключенъ и вынужденъ поступить въ «юнкерскую школу». Вѣрный другъ Лермонтова, Сашенька Верещагина, пишетъ ему изъ Москвы встревоженное письмо: «Аннетъ Столыпина пишетъ П., что вы имѣли непріятность въ университетѣ и что тетка моя [т. е. бабушка Арсеньева] отъ этого захворала; ради Бога напишите мнѣ, что это значитъ? У насъ все дѣлаютъ изъ мухи слона,—ради Бога успокойте меня! Къ несчастію, я васъ знаю слишкомъ хорошо, чтобы быть спокойною. Я знаю, что вы способны рѣзаться съ первымъ встрѣчнымъ изъ за перваго вздора. Фи, стыдъ какой!... Съ такимъ дурнымъ характеромъ вы никогда не будете счастливы [2].

---

[1] Къ Мар. Ал. Лопухиной письмо отъ октября 1832 г. [т. V стр. 392].

[2] Отрывокъ изъ этого письма, писаннаго на французскомъ языкѣ, впервые напечатанъ былъ Дудышкинымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Лермонтова», стр. VI, и оттуда перешелъ въ другія біографіи нашего поэта. Дудышкинъ взялъ этотъ отрывокъ изъ матеріаловъ Хохрякова. Но г. Хохряковъ не называетъ фамиліи Александры Верещагиной, а только ставитъ буквы А. В., да упоминаетъ, что письмо писано отъ 13 декабря. Кто сообщилъ г. Хохрякову этотъ отрывокъ, не знаю; но отвѣтное письмо Лермонтова, найденное мною въ бумагахъ покойной А. Верещагиной, впослѣдствіи Гюгель, доказываетъ, что «близкое къ Лермонтову лицо» и есть А. Верещагина, а подъ буквами А. С. скрыта Анна Столыпина, а кто П. — не знаю, можетъ быть Павелъ Евреиновъ, сынъ сестры Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, вышедшей замужъ за Евреинова. О немъ Лермонтовъ пишетъ къ С. А. Бахметевой [т. V, стр. 381 и 382]. Евреиновъ въ это время былъ въ Москвѣ, что видно изъ того, что Лермонтовъ въ письмѣ отъ 2 сентября 1832 г. къ М. А. Лопухиной говоритъ: «Dites moi, chére miss Mary si monsieur mon cousin Evreinoff vous a rendu mes lettres, et comment vous le trouvez...».

Кажется, что въ сплетняхъ, бывшихъ въ Москвѣ по поводу перехода

Должно быть близкимъ Лермонтова хорошо были извѣстны столкновенія его съ профессорами и начальствомъ въ Московскомъ университетѣ, такъ какъ извѣстіе о таковыхъ же стычкахъ въ Петербургскомъ университетѣ нашло полное довѣріе. На письмо Верещагиной Лермонтовъ отвѣчалъ:

„Несправедливая и легковѣрная женщина! [Замѣтьте, что я въ полномъ правѣ такъ называть васъ, дорогая кузина!]. Вы повѣрили словамъ и письму молодой дѣвушки, не подвергнувъ ихъ критикѣ. Annette говоритъ, что она никогда не писала, что я имѣлъ непріятность, но что мнѣ не зачли, какъ это было сдѣлано для другихъ, годы, проведенные мною въ Московскомъ университетѣ. Дѣло въ томъ, что вышла реформа для всѣхъ университетовъ, и я опасаюсь, чтобъ отъ нея не пострадалъ также и Алексисъ [Лопухинъ], ибо къ прежнимъ тремъ невыносимымъ годамъ прибавили еще одинъ [т. V стр. 389].

Что Лермонтовъ не безъ борьбы рѣшился перемѣнить свою судьбу, видно по той боли, съ какою онъ покидаетъ прежнія мечты о литературномъ поприщѣ. Онъ рано свыкся съ этою мыслью и ею жилъ. Въ изученіи великихъ писателей отечественныхъ и иностранныхъ, въ мысленной бесѣдѣ съ ними, проводилъ онъ свою молодость; съ самаго почти дѣтства онъ жаждалъ достигнуть ихъ значенія и славы, и со всѣмъ этимъ надо было теперь проститься.

Около того же времени пишетъ онъ другу своему Марьѣ Александровнѣ Лопухиной:

„Не могу представить себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на васъ моя великая новость: до сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я—воинъ.

„Быть-можетъ тутъ есть особая воля Провидѣнія; быть-можетъ этотъ путь всѣхъ короче; и если онъ не ведетъ къ моей первой цѣли, можетъ-быть по немъ дойду до послѣдней цѣли всего су-

---

Лермонтова на военную карьеру, принималъ участіе этотъ Павелъ Евреиновъ, потому что въ припискѣ къ письму на имя М. А. Лопухиной Лермонтовъ, недавно еще хорошо отзывавшійся о Евреиновѣ, говоритъ: «Je n'ai jamais rien écrit par rapport à vous à Evreinoff et vous voyez que tout ce que j'ai dit de son caractère est vrai; seulement j'ai eu tort en disant qu'il est hypocrite,—il n'a pas assez de moyens pour cela: il n'est que menteur» [т. V. стр. 388].

ществующаго: вѣдь лучше умереть съ свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія" [т. V стр. 392].

Тогда же писалъ онъ и къ Александрѣ Верещагиной:

„Теперь, конечно, вы уже знаете, что я поступаю въ школу гвардейскихъ юнкеровъ... Еслибы вы могли представить себѣ все горе, которое я испытываю, вы бы пожалѣли меня. Не браните же болѣе, а утѣшьте меня, если обладаете сердцемъ" [т. V, стр. 390].

Лермонтовъ выдержалъ поступной экзаменъ въ юнкерскую школу въ концѣ октября или началѣ ноября. Приказомъ по школѣ отъ 14 ноября 1832 г. онъ былъ зачисленъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ на правахъ вольноопредѣляющагося унтеръ-офицера. Знакомые и родные еще долго не могли свыкнуться съ этимъ измѣненіемъ въ карьерѣ молодаго человѣка.

Еще отъ 7-го января слѣдующаго 1833 года, когда Лермонтовъ лежалъ больной, съ ногою зашибленной на ученьѣ лошадью, ему пишетъ изъ Москвы Алексѣй Лопухинъ: «У тебя нога болитъ, любезный Мишель... Что за судьба! Надо было слышать, какъ тебя бранили и даже бранятъ за переходъ въ военную службу. Я увѣрялъ ихъ, хотя и трудно, чтобы поняли справедливость безразсудные люди, что ты не желалъ огорчить свою бабушку, но что этотъ переходъ необходимъ. Нѣтъ, сударь, рѣшилъ К., что ты всѣхъ обманулъ и что это было единственно твое желаніе, и даже просилъ тетеньку, чтобъ она тебѣ написала его мнѣніе. А ужь почтенные-то расходились! Твердятъ: «Вотъ чѣмъ кончилъ!... И никого-то онъ не любитъ! Бѣдная Елизавета Алексѣевна!...» Знаю напередъ, что ты разсмѣешься, а не примешь къ сердцу».

Часто приходится слышать недоумѣніе или порицаніе тому, что Лермонтовъ изъ университета могъ перейти въ военную школу, которая представляла своимъ строемъ и программою воспитательное заведеніе, стоявшее несравненно ниже университета. Кажется непонятнымъ, какъ развитой студентъ Московскаго университета могъ рѣшиться на такую перемѣну, и не только вступить, но и окончить воспитаніе въ «школѣ». Въ этомъ шагѣ Лермонтова многіе видятъ доказательство по-

верхностности его натуры, отсутствіе серьезности и даже испорченность. Но тутъ замѣтно полное незнаніе внутренняго строя тогдашнихъ Московскаго университета и школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Дѣло въ томъ, что школа эта была основана именно съ цѣлію обучать военнымъ наукамъ и строю молодыхъ людей, поступавшихъ въ военную службу изъ университетовъ и вообще высшихъ учебныхъ заведеній. Эти молодые люди всѣ считались на дѣйствительной службѣ, приносили присягу, и живя въ зданіи школы, пользовались привилегіями и относительно большою свободой. Многіе содержали при себѣ собственную прислугу. Если сравнить жизнь и бытъ «школы» съ Московскимъ университетомъ конца 20-хъ годовъ, какимъ мы съ нимъ познакомились въ этой главѣ, то окажется, что разница между этими учебными заведеніями была невелика. Этимъ объясняются сравнительно частые переходы молодыхъ людей изъ университета въ «школу».

Репутація «школы» была такая, что помышлять о тяжести разницы условій Лермонтовъ не могъ. И дѣйствительно, мы изъ писемъ его видимъ, что вся тяжесть вопросовъ относилась къ перемѣнѣ карьеры, т. е. къ переходу съ гражданскаго на военное поприще, а о томъ, что студенту университета приходится вдругъ закабалить себя въ стѣнахъ военнаго закрытаго заведенія — что позднѣе и теперь заставило бы каждаго призадуматься — у Лермонтова не входитъ даже въ помышленіе.

Только съ начала 30-хъ годовъ, т. е. какъ разъ когда въ школу поступилъ Лермонтовъ, порядки тамъ начинали измѣняться. «Школу» подтягиваютъ и ставятъ на иную ногу. Какъ все это подѣйствовало на нашего поэта, мы увидимъ; увидимъ и то, что онъ нашелъ въ дѣйствительности, и какъ относился къ школѣ и товарищамъ своимъ.

Объ университетскихъ годахъ Лермонтова знали до сихъ поръ очень мало; его обыкновенно считаютъ исключительно воспитанникомъ «школы подпрапорщиковъ», какъ Пушкина — Александровскаго лицея. «Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ», какъ лицей относительно памяти Пушкина, хлопочетъ

о памяти Лермонтова и учредилъ у себя нѣчто вродѣ музея его имени. Московскій университетъ едва знаетъ, что въ стѣнахъ его развивался славный поэтъ нашъ, что Лермонтовъ, главнымъ образомъ, его питомецъ. Два года пробылъ онъ въ немъ и два года въ тѣсно связанномъ съ нимъ университетскомъ пансіонѣ, итого—четыре года лучшихъ юношескихъ лѣтъ. Здѣсь впервые развернулся талантъ Лермонтова и положено основаніе *всѣмъ* лучшимъ его произведеніямъ, выполненнымъ уже позднѣе. Передъ этимъ временемъ тяжкой борьбы для Лермонтова, передъ этимъ временемъ честнаго развитія мысли поэта, ничего не значатъ два года пребыванія его въ «школѣ подпрапорщиковъ». Печально, какъ увидимъ далѣе, отразились на Лермонтовѣ эти два года. Прервали они нить развитія лучшихъ сторонъ въ немъ, сказавшихся во время пребыванія въ Московскомъ университетѣ, и отвлекли его отъ прежнихъ стремленій и идеаловъ. Самъ Лермонтовъ это чувствовалъ и произнесъ приговоръ свой.

Пора Москвѣ и университету Московскому признать своего питомца, такъ страстно любившаго это сердце Россіи, связаннаго съ нимъ лучшею стороной юношескаго своего развитія.

И это станетъ еще яснѣе, когда разсмотримъ мы не ходъ внѣшней жизни Михаила Юрьевича, а прослѣдимъ развитіе души и поэтическую его дѣятельность. Переѣхавъ въ Петербургъ, Лермонтовъ восклицаетъ:

Москва, Москва!... Люблю тебя, какъ сынъ
Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный...
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣриться главою—и обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ, онъ—упалъ.
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы.
Ты живъ! Ты живъ, и каждый камень твой—
Завѣтное преданье поколѣній [т. II стр. 177].

И еще не разъ съ горячею любовью вспоминаетъ поэтъ о Москвѣ своей.

ГЛАВА VIII.

Литературная дѣятельность М. Ю. Лермонтова въ университетскіе годы.

Лирическіе мотивы.—Тоска по надземному міру.—Любовь къ Варенькѣ Лопухиной.—Ангелъ смерти.—Байронизмъ.—Измаилъ-Бей.

Какъ натура субъективная, Лермонтовъ хорошо помнилъ все, что случалось съ нимъ даже въ раннее дѣтство. Любя оставаться одинъ на одинъ съ своею фантазіею, онъ охотно уходилъ въ мечтанія о прошлыхъ событіяхъ своей молодой жизни и, въ разладѣ съ окружающимъ, останавливался на образахъ, скрывавшихся въ полумракѣ дней дѣтства, съ ихъ наивными, чистыми душевными движеніями. Вотъ почему онъ вновь и вновь возвращался къ образу матери, о которой хранилъ лишь смутное воспоминаніе. Неясно слышатся ему звуки пѣсни, которую пѣвала она ему, трехлѣтнему мальчику, является милый обликъ, слышится ласковая рѣчь. Не эти ли звуки, не эту ли рѣчь воспѣваетъ поэтъ еще въ годъ своей смерти:

Есть рѣчи, значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно. [т. I, стр. 323].

Чѣмъ сильнѣе удручалъ поэта разладъ жизни, который рано сталъ имъ ощущаться вслѣдствіе враждебныхъ отношеній между отцемъ и бабушкою, тѣмъ болѣе манили его свѣтлыя сумерки перваго дѣтства, время ранняго развитія его любящей и вѣрующей души. Онъ уходилъ въ иной надземный міръ, прислушиваясь къ звукамъ,

Которыхъ многіе слышатъ,
Одинъ понимаетъ...

И вотъ поэтъ въ пылкой своей фантазіи представляетъ себѣ, какою вышла душа его изъ горнихъ сферъ чистаго небеснаго эфира. Ему всегда были милы и небо, и тучи, и звѣзды,—и

кажется ему, что, извлеченная изъ «райскихъ садовъ», она заключена въ бренное тѣло для жизни на землѣ, гдѣ и томится смутными воспоминаніями о родинѣ. Въ одну изъ минутъ глубочайшей грусти Лермонтовъ еще въ 1831 г. пишетъ стихотвореніе «Пѣснь ангела». Для біографіи оно особенно интересно въ первоначальномъ видѣ:

...Онъ [ангелъ] душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
Душа поселилась въ твореньи земномъ,
Но чуждъ ей былъ міръ. Объ одномъ
Она все мечтала, о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.
Съ тѣхъ поръ непонятнымъ желаньемъ полна,
Страдала, томилась она;
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли. [т. I, стр. 197].

Намъ сдается, что это стихотвореніе хранитъ въ себѣ основную характеристику музы поэта. Здѣсь онъ является самимъ собою и даетъ намъ возможность заглянуть въ святая святыхъ души своей. Здѣсь нѣтъ и тѣни того насилованія чувствъ, которое мы порой можемъ замѣтить въ его произведеніяхъ и которымъ онъ замаскировываетъ настоящее свое «я». Тутъ нѣтъ ни вопля отчаянія, ни гордаго сатанинскаго протеста, ни презрѣнія, ни бѣшенаго чувства ненависти или холодности къ людямъ, которыми онъ прикрываетъ глубоко любящее сердце свое. Въ этомъ юношескомъ стихотвореніи Лермонтовъ болѣе, нежели гдѣ-либо, является чистымъ романтикомъ. Неясное стремленіе романтиковъ въ туманное «*тамъ*» или «*туда*» у Лермонтова имѣетъ болѣе реальный характеръ, связуясь съ памятью о матери и ясно опредѣляя положеніе его въ «земной юдоли», т. е. между людьми, ихъ интересами и стремленіями. Онъ чувствуетъ себя чуждымъ среди ихъ.

Его въ высшей степени чуткая и любящая душа не встрѣчаетъ отзыва. Онъ поэтому скрываетъ отъ всѣхъ настоящія движенія ея и старается выставить холодность и безучастность изгнанника рая. Самъ же онъ слышитъ звуки его и рвется къ

нимъ навстрѣчу, и не можетъ уловить ихъ въ ясномъ сознаніи, и въ безсильномъ отчаяніи считаетъ себя отвергнутымъ небомъ и землей.

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ,
Но для чего живу, страдая? [т. III. стр. 75].

Намековъ на это состояніе много раскинуто въ произведеніяхъ поэта и по тетрадямъ того времени. Еще за годъ до написанной имъ «Пѣсни ангела» онъ говоритъ:

Хранится *пламень неземной*
Со дней младенчества во мнѣ;
Но велѣно ему судьбой,
Какъ жилъ, погибнуть въ тишинѣ. [т. I, стр. 99].

Этотъ неземной пламень—«пламень любви горячей», любви къ людямъ, къ которымъ онъ простиралъ свои объятья.

Но люди
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться. [т. I, стр. 188].

Онъ требовалъ любви, «со всею полнотою», самъ, конечно, не будучи въ состояніи разъяснить себѣ, чего хочетъ, и дѣлая другихъ отвѣтственными за личное неудовлетвореніе.

Люди хотятъ имѣть души, и что же?
Души въ нихъ волнъ холоднѣй. [т. I, стр. 152].

Но все это раннее разочарованіе не мѣшало поэту, чувствовавшему себя одинокимъ, и, можетъ-быть, именно потому, искать родную душу:

И какъ преступникъ передъ казнью
Ищу вокругъ души родной.

Онъ былъ чутокъ къ любви и безгранично преданъ тѣмъ, кого заключилъ въ свое сердце. Но именно эта безграничная преданность и дѣлала его требовательнымъ. Одна фальшивая нота заставляла его съежиться въ самомъ себѣ и нарушала все душевное равновѣсіе. Возстановленіе прежнихъ отношеній

дѣлалось уже немыслимымъ. Нѣжнѣйшія струны, вновь связанныя, не могли издавать прежняго, чистаго звука. При всемъ желаніи возобновить порванныя отношенія, это не удавалось Лермонтову, и онъ переходилъ къ сарказму, въ которомъ не щадилъ ни себя, ни другихъ. Отъ этого онъ внутренно чувствовалъ себя еще болѣе несчастнымъ.

Мы знали человѣка, не разгадавшаго себя и сбившагося съ настоящаго своего пути. Онъ былъ одаренъ замѣчательными музыкальными способностями. Въ немъ была душа артиста-музыканта, но онъ попалъ въ дипломаты. Однако онъ, все-таки, жилъ музыкой и самъ игралъ на скрипкѣ, по большей части оставаясь недовольнымъ собою. Великіе артисты высоко ставили его пониманіе музыки. Для этого человѣка одна фальшивая нота становилась источникомъ невыразимаго страданія. Случалось ли ему услышать ее въ игрѣ другаго, собственный ли смычекъ измѣнялъ ему, но съ нимъ тотчасъ дѣлалось что-то необыкновенное. На выразительномъ лицѣ его являлся отпечатокъ такого страданія, какого не случалось намъ видѣть на полѣ сраженія, или подъ ножемъ хирурга. Долго не могъ онъ придти въ себя, хоть и не любилъ показывать своихъ страданій, всячески стараясь ихъ маскировать. Продолжать играть или слушать пьесу ему становилось рѣшительно невозможно. Нѣчто подобное происходило съ Лермонтовымъ. Онъ невыразимо страдалъ отъ всякаго неловкаго прикосновенія. Вотъ отчего онъ, чѣмъ старше становился, тѣмъ труднѣе допускалъ кого-либо въ святая святыхъ своего «я», а, напротивъ, старался встать къ человѣку такой стороной, чтобы всякое случайное задѣваніе его чуткихъ струнъ становилось затруднительнымъ. Отсюда, конечно, неестественность и натянутость въ отношеніяхъ поэта къ другимъ. Онъ былъ самъ собою лишь въ бесѣдахъ съ своею музою, да на лонѣ природы. Этимъ поясняется любовь его къ небу, тучамъ, звѣздамъ. Къ нимъ онъ направлялъ крылатую свою фантазію, въ нихъ видѣлъ своихъ друзей, братьевъ, съ ними велъ бесѣду.

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка....

Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же, напротивъ,
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ. [т. I, стр. 192].

Не даромъ же въ минуту отчаянья Лермонтовъ самъ себѣ пишетъ эпитафію, которую кончаетъ такъ:

....И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей;
Онъ умеръ, здѣсь его могила,
Онъ не былъ созданъ для людей. [т. I, стр. 106].

Мысль, которая потомъ была такъ чудесно высказана въ «Демонѣ», когда ангелъ описываетъ любящую душу:

Творецъ изъ лучшаго эфира
Соткалъ живыя струны ихъ;
Онѣ не созданы для міра
И міръ былъ созданъ не для нихъ.

Чѣмъ моложе былъ Лермонтовъ, тѣмъ больше была въ немъ надежда встрѣтить родную душу. Оттого то 15 и 16-тилѣтнимъ мальчикомъ онъ метался отъ одного предмета любви къ другому, то тутъ, то тамъ думая найти пониманіе и сочувствіе. Особенно сильно это проявлялось въ промежутокъ времени отъ 30 до 32 года, когда изъ мальчика онъ становился юношей, а домашнія сцены и окончательная распря между бабушкой и отцемъ поставили поэта въ такое положеніе, что онъ оторвалъ душу свою отъ обоихъ, а скоро и совершенно лишился отца, смерть котораго тяжело на немъ отозвалась [1].

Вотъ тутъ то и настала пора любви и страсти нѣжной. Лермонтовъ окруженъ былъ цѣлою толпою дѣвушекъ, двоюродныхъ и троюродныхъ сестеръ съ ихъ подругами. Между ними избиралъ онъ себѣ предметъ для тайныхъ вздоховъ и молитвъ, для воспѣванья и любви.

Объ отношеніяхъ его къ Екатеринѣ Александровнѣ Сушковой мы говорили въ своемъ мѣстѣ [см. главу VI нашей біо-

---

[1] См. главу IV нашей біографіи, стр. 71.

графіи], а также о нѣжныхъ чувствахъ, питаемыхъ къ двоюродной сестрѣ Аннѣ С. Немного позднѣе вся его страстная любовь сосредоточилась на Варварѣ Лопухиной. Это была привязанность глубокая, всю жизнь сопровождавшая поэта. Образъ этой дѣвушки, а потомъ замужней женщины, является во множествѣ произведеній нашего поэта и раздваивается потомъ въ «Героѣ нашего времени», въ лицахъ княжны Мери и особенно Вѣры.

Варенькѣ Л*. посвящено большое число стихотвореній; но Лермонтовъ никогда не называетъ ея имени. Обыкновенно на стихотвореніяхъ этихъ стоятъ звѣздочки [1]; только разъ въ тетрадяхъ его встрѣчаемъ мы стихотвореніе, гдѣ въ заглавіи поставлено «къ Л*»; это подражаніе Байрону:

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей. [т. I, стр. 186].

Г-жа Хвостова [рожденная Сушкова] разсказываетъ [«Записки», стр. 96], что стихи эти были посвящены ей. Мы нашли ихъ записанными рукою поэта въ альбомѣ Верещагиной; но въ его черновыхъ тетрадяхъ стоитъ «къ Л*». Нѣтъ сомнѣнія, что самъ поэтъ долго колебался между предметами своего обожанія, не зная, которой изъ дѣвушекъ отдать предпочтеніе. Побѣда осталась за Варенькой Л*. Лермонтовъ относился къ ней съ такою деликатностью чувства, что нигдѣ не выставлялъ ея имени въ черновыхъ тетрадяхъ своихъ. Много лѣтъ позже, въ 1836 году, описывая одинъ случай изъ своей жизни, гдѣ героиня называлась Варварою, онъ даже въ рукописи ставитъ только заглавную букву В, и затѣмъ спѣшитъ замѣнить имя другимъ.

Она звалась [Варварою], но я
Желалъ бы дать другое ей названье.
Скажу: при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей шипитъ воспоминанье,
Какъ подъ ногой прижатая змѣя,
И ползаетъ, какъ-та среди развалинъ,
По жиламъ сердца... [т. II, стр. 183].

---

1 Объ этой любви подробно въ главѣ XIV нашего труда.

Въ письмахъ къ друзьямъ своимъ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной и къ Сашѣ Верещагиной, въ которыхъ онъ откровенно высказывается обо всемъ, мы никогда не находимъ имени этой любимой имъ дѣвушки. Въ альбомѣ Верещагиной нашелся ея портретъ, рисованный самимъ поэтомъ. Эта любовь, прошедшая много фазисовъ, всегда оставалась чистою, и мы еще вернемся къ исторіи ея позднѣе.

Сверстники, знавшіе о ней, покровительствовали взаимному чувству молодыхъ людей, имѣвшему самый идеальный характеръ. Впрочемъ, оба они не выказывали своей любви и не говорили о ней, но признавали ее молча. Старшіе, если знали о томъ, то не придавали серьезнаго значенія. Поэтъ былъ однихъ лѣтъ съ нею и, слѣдовательно, его считали мальчишкой, когда она, достигнувъ 16-ти лѣтъ, была уже «невѣстой», и приходилось думать о выдачѣ ея замужъ.

«Она была прекрасна, какъ мечтанье»; продолговатый овалъ лица, тонкія черты, большіе задумчивые глаза и высокое, ясное чело навсегда оставались для Лермонтова прототипомъ женской красоты. Надъ бровью была небольшая родинка.

Характеръ ея, мягкій и любящій, покорный и открытый для добра. увлекалъ его. Онъ, сопоставляя себя съ нею, находилъ себя гадкимъ, некрасивымъ, сутуловатымъ горбачемъ: такъ преувеличивалъ онъ свои физическіе недостатки. Въ неоконченной юношеской повѣсти, онъ въ Вадимѣ выставлялъ себя, въ Ольгѣ ее, и такъ описывалъ внѣшній видъ любимой дѣвушки:

„Это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая, за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человѣчествѣ... Свѣча, горящая на столѣ, озаряла ея невинный открытый лобъ и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить золотой пушокъ; остальная часть лица ея была покрыта густою тѣнью, и только, когда она поднимала большіе глаза свои, то иногда двѣ искры свѣта отдѣлялись въ темнотѣ. Это лицо было одно изъ тѣхъ, какія мы видимъ во снѣ рѣдко, а на яву почти никогда... Иногда выходила на свѣтъ бѣлая ручка съ продолговатыми пальцами; одна такая рука могла быть цѣлою картиной“. [т. V, стр. 6].

Вареньку Лопухину окружали вниманіемъ, за нею ухаживали; это приводило поэта въ трепетъ, волновало, возбуж-

дало ревность. Когда разнесся слухъ, что она, «снизоидя» къ одному изъ ухаживавшихъ, выходитъ замужъ, поэтъ пришелъ въ негодованіе, потомъ загрустилъ и долго не видѣлся съ нею. Они случайно встрѣтились опять въ домѣ у общихъ друзей. Тамъ объяснилось, что все вздоръ, что никогда не думала она любить другаго, и что бракъ, о которомъ было заговорили, былъ исключительно проектированъ родными. Тогда Лермонтовъ, возвратясь домой, написалъ стихотвореніе, въ которомъ выразилъ перенесенную имъ муку и затѣмъ радость сознанія, что все же она любитъ его. Въ стихотвореніи она выставлена какъ бы уже вышедшею замужъ. Заглавіе этого произведенія: «28 сентября».

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый!
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой,
Напомнилъ голосъ твой...
. . . .
...Нѣтъ!.. ты его не любишь!.. Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но нѣжной, какъ любовь. [т. I. стр. 189].

Но недолго длилось душевное спокойствіе. Опять въ сердце закрадывались сомнѣніе и ревность. Въ Варваринъ день праздновались именины дорогой дѣвушки. Гости наперерывъ старались угодить ей и выказывали свою пріязнь. Веселая и беззаботная, сіяла она между молодежью. Лермонтовъ мрачный сидѣлъ въ углу поодаль. Придя къ себѣ домой, онъ писалъ.

„4 декабря, день Св. Варвары, вечеромъ, возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! Кто бы подумалъ, взглянувъ на нее, что она можетъ быть причиной страданья“.

Тутъ же онъ набросалъ стихотвореніе «Къ другу», въ которомъ жалуется на обманутыя надежды:

Забудь опять
Свои надежды.
Объ нихъ вздыхать—
Судьба невѣжды.

Она дитя!
Не вѣрь на слово,
Она шутя
Полюбитъ снова. [т. I, стр. 202].

На обложкѣ черновой тетради того же времени находилось наскоро набросанное стихотвореніе, кончавшееся такъ:

. . . . Но развѣ я любить
Тебя переставалъ, когда толпою
Безумцевъ молодыхъ окружена,
Тогда одной своей лишь красотою
Ты привлекала взоры ихъ одна?—
Я издали смотрѣлъ, почти желая,
Чтобъ для другихъ твой блескъ исчезъ.
Ты для меня была, какъ счастье рая
Для демона, изгнанника небесъ. [т. I стр. 74].

Параллельно съ переживаемыми Лермонтовымъ внутренними бурями шло его творчество, весьма разнообразное въ годы пребыванія въ университетскомъ пансіонѣ и университетѣ. Любопытна поэма «Ангелъ смерти». Она посвящена вѣрному другу А. М. Верещагиной, знавшей всѣ движенія души поэта [т. II стр. 29]. Въ посвященіи уже мы находимъ мотивъ, который звучитъ и въ «Пѣснѣ ангела», и въ цѣломъ рядѣ произведеній, это—стремленіе къ иной, лучшей родинѣ:

Явись мнѣ въ грозный часъ страданья
И поцѣлуй пусть будетъ твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой.

И это произведеніе имѣетъ автобіографическое значеніе. Герой Зораимъ есть выраженіе того, какъ Лермонтовъ судилъ о самомъ себѣ.

. . . . . Юный Зораимъ—
Онъ на землѣ былъ только странникъ,
Людьми и небомъ былъ гонимъ;
Онъ *могъ* [1] быть счастливъ, но блаженства
Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ,

1 Подчеркнуто Лермонтовымъ.

Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ—самъ не былъ лучше ихъ.
Любилъ онъ ночь, свободу, горы
И все въ природѣ—и людей –....

И вотъ этотъ-то Зораимъ «одно сокровище-святыню имѣлъ подъ небесами». Это сокровище—дѣвушка, «милая, какъ цвѣтъ душистый рая»; зовутъ ее Адою. Ею былъ встрѣченъ Зораимъ,

Изгнанникъ блѣдный, величавый,
Съ холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье
Огонь въ очахъ его родить
И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
Любви безумное страданье,
И удалось ей.

Мотивъ этотъ встрѣчается и въ неоконченной повѣсти. Героиня Ольга должна вернуть Вадима къ добру. То же видимъ мы и въ Демонѣ, котораго къ добру и небесамъ Тамара могла бы возвратить единымъ словомъ: «люблю». Но о «Демонѣ», задуманномъ тоже въ эти годы, мы будемъ говорить отдѣльно.

И такъ Зораимъ любилъ Аду больше всѣхъ и всего на свѣтѣ. Она

Одна была лишь имъ любима;
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей,

Если Зораимъ—Лермонтовъ, то въ Адѣ мы видимъ опять Вареньку Лопухину, какою онъ себѣ ее представлялъ, какою ее любилъ. Писалъ онъ эту поэму, когда удалился отъ предмета своихъ мечтаній, и, заподозривъ, что она полюбила другаго, считалъ ее для себя умершей. «Ангелъ смерти» законченъ и переданъ былъ Верещагиной 4 сентября, а 28 того же мѣсяца, какъ мы видѣли, Лермонтовъ опять встрѣчается съ дорогой ему Варенькой, и все объясняется, можетъ-быть, не безъ участія вѣрнаго друга Верещагиной.

Въ поэмѣ Ада умираетъ и сжалившійся надъ Зораимомъ ангелъ смерти входитъ въ ея тѣло, оживляя его для неутѣшнаго героя. Такъ ангелъ смерти, житель неба, познаетъ все, чѣмъ

только мила жизнь земная, за то самъ онъ уже не обладаетъ прежними свойствами:

> . . . Умъ границамъ подчинился,
> И власть—не та ужь, какъ была,
> И только въ памяти туманной
> Хранитъ онъ думы прежнихъ лѣтъ.
> Ихъ появленье Адѣ странно...

Такъ и въ «Пѣснѣ ангела» въ принесенной на землю душѣ вѣчно, но смутно звучатъ напѣвы райскіе, и живетъ «чудное желанье».

Этотъ ангелъ смерти когда-то былъ дорогимъ для людей посланникомъ. Встрѣчи съ нимъ казались людямъ сладостнымъ удѣломъ.

> Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
> Онъ взоромъ утѣшать умѣлъ,
> И бурныя смирялъ онъ страсти,
> И было у него во власти
> Больную душу какъ-нибудь
> На мигъ надеждой обмануть.

Вселившись въ тѣло Ады, ангелъ сталъ «мучимъ страстію земною». Онъ узналъ людей и простился съ прежней добротой. Зораимъ, ища славы, охладѣлъ къ любви. Онъ погибаетъ. Въ послѣдній разъ поцѣловавъ дорогаго умирающаго, ангелъ покинулъ тѣло дѣвушки.

> Его отчизна въ небесахъ;
> Тамъ все, что онъ любилъ земного,
> Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!

Но въ сущности вышло иначе. Печаль прошла

> И только хладное презрѣнье
> Къ землѣ оставила она:
> За гибель *друга* въ немъ осталось
> Желанье міру мстить всему,
> И ненависть къ другимъ, казалось,
> Была любовію къ *нему*. . . . . [1]

То есть къ погибшему другу.

---

1 Оба слова подчеркнуты Лермонтовымъ.

И сталъ ангелъ смерти страшенъ для людей:

. . . . .Съ тѣхъ поръ
Хладнѣе льда его объятья
И поцѣлуй его—проклятья.

Въ 1831 и 32 году, еще не достигнувъ 18-тилѣтняго возраста, Лермонтовъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ является созрѣвшимъ почти художникомъ. Не говоря о лирическихъ стихотвореніяхъ, какъ напримѣръ «Бѣлѣетъ парусъ одинокій», или «По небу полуночи ангелъ летѣлъ», которыя каждый образованный русскій знаетъ наизусть, но и большія его поэмы доходятъ до извѣстнаго совершенства, какъ напримѣръ «Измаилъ-Бей». Боденштедтъ, написавшій лучшую характеристику поэтической дѣятельности Лермонтова, ставитъ «Измаила-Бея» даже выше «Мцыри», съ чѣмъ, впрочемъ мы не можемъ согласиться [1]. Лермонтовъ въ эти годы много занимался Байрономъ; въ его произведеніяхъ сильно отражаются манера и мысли англійскаго поэта; оттого обыкновенно о Лермонтовѣ говорятъ, какъ о подражателѣ Байрона, несмотря на послѣдующія сочиненія его, свидѣтельствующія о совершенной его оригинальности. Михайловъ справедливо говоритъ [Современникъ 1861 г.], что въ нашихъ критическихъ статьяхъ о Лермонтовѣ гораздо болѣе говорилось о Байронѣ и байронизмѣ, чѣмъ о немъ. Вліяли на Лермонтова и Шиллеръ, и Гете, и Гейне, вліяли Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ, повліялъ и Байронъ. Изъ этого однако еще не слѣдуетъ, чтобы Лермонтовъ былъ только подражателемъ. Вѣдь, и въ юношескихъ стихотвореніяхъ Байрона, изданныхъ 18-тилѣтнимъ поэтомъ подъ названіемъ «Часовъ досуга» [Hours of idleness], не мало встрѣчается подражаній разнымъ поэтамъ и особенно Оссіану. Въ нихъ много водянистаго, обыденнаго, ничѣмъ не отличающагося отъ стиховъ любаго школьника-стихотворца и, строго говоря, не много оригинальныхъ строкъ и идей [2].

[1] Bodenstedt, Mich. Lermontow's Poetischer Nachlass. Berlin 1852, I p. 339.

[2] См. сужденіе Брандеса. Мы пользовались его книгою въ переводѣ на нѣмецкій языкъ: Die Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Iahrhunderts. Berlin. 1876 г., часть IV.

Въ одномъ съ нимъ возрастѣ Лермонтовъ является даже болѣе оригинальнымъ и зрѣлымъ въ своихъ произведеніяхъ. Разсмотрѣнная нами поэма «Ангелъ смерти», связанная, какъ мы видѣли, съ тѣмъ, что переживалъ самъ поэтъ, въ то же время, особенно при первомъ наброскѣ плана, напоминаетъ «Корсара» Байрона. Въ тетради Лермонтовымъ записано:

„Написать поэму: „Ангелъ смерти“. Ангелъ смерти при смерти дѣвы влетаетъ въ ея тѣло изъ сожалѣнія къ любезному и раскаявается, *ибо это былъ человѣкъ мрачный и кровожадный начальникъ грековъ* и т. д.“.

Правда, въ исполненіи герой поэмы не является начальникомъ грековъ, но, очевидно, Байронъ, его герои, Греція,— все это жило въ воображеніи Лермонтова. Уже Аполлонъ Григорьевъ замѣчаетъ, что пояснить настроеніе души поэта однимъ вліяніемъ музы Байрона, однимъ вѣяньемъ байронизма нельзя, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и отвергнуть того, что Лара коснулся его обаяніемъ своей поэзіи, подкрѣпилъ, оправдалъ и толкнулъ впередъ тревожныя требованія души поэта[1].

И таково мнѣніе всѣхъ, внимательно изучавшихъ Лермонтовскую музу [2]. Даже г. Галаховъ; тщательно проводившій параллель сходственныхъ мѣстъ у обоихъ поэтовъ и склонный видѣть въ Лермонтовѣ подражательность, все же приходитъ къ выводу, что «необходимо принять такое объясненіе, что, на основаніи духовнаго родства и, можетъ-быть, сходства общественныхъ положеній, Лермонтовъ особенно сочувствовалъ Байрону и, не уклоняясь отъ обычно-подражательнаго хода нашей поэзіи, заимствовалъ многое изъ богатаго источни-

---

[1] «Лермонтовъ и его направленіе», ст. Ап. Григорьева въ журналѣ «Время» 1862 г.

[2] А. Н. Пыпинъ [соч. Лерм., изд. 73 г., стр. XXV] говоритъ: «Байроновское вліяніе не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, но оно имѣло свою границу, имѣло свою подготовленную почву. Поэзія Лермонтова въ особенности отличается субъективностью. Его чувство было слишкомъ глубокое даже въ раннихъ произведеніяхъ, чтобы въ нихъ можно видѣть только отголосокъ чужой поэзіи».

ка его твореній, приложивъ къ заимствованному и свое собственное, благопріобрѣтенное» [1].

Г. Галаховъ писалъ свою статью, когда біографическій матеріалъ для уразумѣнія личности Лермонтова былъ еще мало извѣстенъ. Ознакомясь съ нимъ, почтенный изслѣдователь, вѣроятно, не сказалъ бы, что Лермонтовъ «къ заимствованному приложилъ свое собственное», а, напротивъ, что въ свое собственное, оригинальное онъ воспринялъ родственный элементъ Байроновской музы, а вовсе не былъ главнымъ образомъ подражателемъ ея.

Дѣло въ томъ, что одинаковыя условія и частной, и общественной жизни, даже въ двухъ совершенно различныхъ народностяхъ и странахъ, легко могутъ произвести одно и то же слѣдствіе и образовать въ людяхъ весьма сходныя черты ха-

---

1 Три статьи г. Галахова въ «Русск. Вѣстникѣ» 1858 г., №№ 13, 14 и 16. [№ 14, стр. 273].

Г. Спасовичъ въ лекціяхъ своихъ о байронизмѣ Лермонтова [Вѣстн. Евр. Апрѣль, 1888, а затѣмъ во II томѣ сочин., вышедшемъ въ 1889 г.] напрасно говоритъ что «не будь Байрона и его вліянія, изъ Лермонтова вышелъ бы можетъ быть крупный поэтъ, не очень высокаго полета, *съ узкимъ національнымъ направленіемъ*. Подъ вліяніемъ Байрона изъ Лермонтова выработался поэтъ весьма высокаго полета»... Не вліяніе Байрона спасло Лермонтова отъ узкой національности, а напротивъ чувство народное высвободило его отъ космополитическихъ подражательныхъ воздѣйствій и Байроновскаго вліянія, и сдѣлало его самостоятельнымъ, чисто русскимъ поэтомъ, русскимъ и общечеловѣческимъ въ томъ смыслѣ, какъ объяснялъ таковое же значеніе Пушкина Достоевскій въ знаменитой рѣчи своей. Уже выйдя изъ-подъ вліянія Байрона, Лермонтовъ написалъ «пѣсню о Калашниковѣ», о которой Боденштедтъ справедливо говоритъ, что, не напиши онъ ничего болѣе, это одно произведеніе заставило бы признать Лермонтова принадлежащимъ къ семьѣ Гомеровъ.

Прекрасный разборъ могучаго таланта Лермонтова, сдѣланный Спасовичемъ—грѣшитъ немного нѣкоторою предвзятостью сужденія. Такъ г. Спасовичъ видитъ огромное вліяніе на Лермонтова Мицкевича и утверждаетъ даже, что Лермонтовъ зналъ хорошо польскій языкъ. Объ этомъ знаніи польскаго языка нигдѣ нѣтъ намека. Крымскія сонаты Мицкевича Лермонтовъ узналъ изъ своихъ сношеній съ переводчикомъ ихъ, слѣпымъ пѣвцомъ нашимъ, Козловымъ, а что г. Спасовичъ выводитъ изъ сближенія нѣкоторыхъ мѣстъ сочиненій Лермонтова съ сочин. Мицкевича, то лучше было бы безпристрастнѣе сопоставить ихъ съ мѣстами сочиненій Байрона, изъ коихъ перешли они въ творенія польскаго поэта.

рактера и образа мыслей, особенно если встрѣчается тождественность и въ самыхъ прирожденныхъ свойствахъ души. Условія жизни русскаго общества въ теченіе десятковъ лѣтъ послѣ наполеоновскихъ войнъ имѣли не мало аналогіи съ жизнью англійскаго общества, хотя самая эта жизнь являлась у насъ въ болѣе узкой сферѣ весьма немногочисленнаго кружка людей, составлявшихъ русскую интеллигенцію. Несмотря на сходство, въ началахъ русской жизни крылись, однако, совершенно иныя черты, и потому не долго можно было пробавляться у насъ чужеземными взглядами и проведеніями параллелей между англійскимъ чудачествомъ и нашею взбалмошностью. Лермонтовъ чуялъ особенности родныхъ условій и, какъ выразитель ихъ, не даромъ говоритъ:

Нѣтъ, я не Байронъ, а другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ *русскою душой.* [т. I, стр. 218].

Въ личной судьбѣ обоихъ было особенно много сходства. У того и другаго отцы, повидимому, были натуры родственныя. Во всякомъ случаѣ много сходства въ положеніи ихъ относительно сыновей. Оба жили вдали отъ нихъ, а когда пріѣзжали, то дѣти бывали свидѣтелями страшныхъ сценъ между отцами и воспитывавшими ихъ матерью и бабушкою. Мать Байрона любила сына, но была взбалмошною женщиной, то баловавшею его не въ мѣру, то дѣлавшею ему сцены. То же можно сказать и о воспитывавшей Лермонтова бабушкѣ, замѣнившей ему рано умершую мать.

Обѣ женщины были богаты—отцы поэтовъ нуждались. Оба ребенка воспитывались среди женскаго элемента, баловавшаго ихъ не въ мѣру. Сходство есть во внѣшней обстановкѣ, въ нравственныхъ свойствахъ, въ физическихъ недостаткахъ и въ томъ, какъ недостатки эти дѣйствовали на образованіе характеровъ. Разсказываютъ, что Байронъ въ дѣтствѣ уже страдалъ тѣмъ, что одна его нога, поврежденная при рожденіи, была искалѣчена, и его называли «уродомъ». Онъ мучился, что не могъ, какъ ему казалось, изъ-за этого недостатка нра-

виться женщинамъ. Онъ во всю жизнь не могъ позабыть, какъ 15-ти лѣтъ, полюбивши 17-тилѣтнюю Мэри Ховартъ, долженъ былъ присутствовать при томъ, какъ она кружилась въ вихрѣ бала въ объятіяхъ другихъ, а онъ съ своею ногою не могъ принимать участія въ танцахъ. Ужасенъ былъ для него ударъ, когда ему случайно пришлось услышать, какъ эта обожаемая имъ дѣвушка сказала о немъ своей горничной: «Не полагаешь ли ты, что я могу интересоваться хромымъ мальчишкой?» Тринадцать лѣтъ спустя, Байронъ въ виллѣ Діодати, на Женевскомъ озерѣ, вспоминаетъ это происшествіе въ своемъ стихотвореніи «Сонъ» и пишетъ его, обливаясь горькими слезами. Въ молодости намеки на его физическій недостатокъ порою доводили его до бѣшенства, порою онъ самъ отзывался о немъ съ юморомъ и сарказмомъ.

То же бывало съ Лермонтовымъ. «Онъ былъ дуренъ собой», говоритъ про нашего молодого поэта Ростопчина [1]. «Эта некрасивость... порѣшила образъ мыслей молодаго человѣка съ пылкимъ умомъ и неограниченнымъ честолюбіемъ». Онъ былъ сутуловатъ и кривоногъ вслѣдствіе болѣзни въ дѣтствѣ, а потомъ, разбитый лошадью, всю жизнь слегка прихрамывалъ. Онъ сердился, когда указывали ему на его физическіе недостатки, но подчасъ и самъ надъ ними смѣялся и рисовалъ на себя каррикатуры, или выставлялъ самого себя въ произведеніяхъ съ именемъ, даннымъ ему товарищами въ насмѣшку. Въ юношеской повѣсти онъ воспроизводитъ себя въ Вадимѣ-горбачѣ, и описываетъ его жестокія страданія изъ-за того,

---

1 Разсказъ о Лермонтовѣ гр. Ростопчиной, присланный Александру Дюма и переданный имъ въ его запискахъ о Кавказѣ [см. переводъ въ Русской Старинѣ 1882, сентябрь, стр. 616]. Товарищъ Лермонтова по школѣ, Меринскій, говоритъ: «Лермонтовъ былъ далеко не красивъ собой, и въ первой юности даже неуклюжъ. Онъ очень хорошо зналъ это и зналъ, что наружность много значитъ при впечатлѣніи, дѣлаемомъ на женщинъ въ обществѣ. Съ его чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, съ его желаніемъ вездѣ и во всемъ первенствовать и быть замѣченнымъ, не думаю, чтобы онъ хладнокровно смотрѣлъ на этотъ недостатокъ. Знаніемъ сердца женскаго, силою своихъ рѣчей и чувства, онъ успѣвалъ располагать къ себѣ женщинъ, но видѣлъ, какъ другіе, иногда ничтожные люди, легко этого достигали. [«Изъ записокъ А. Меринскаго», въ приложеніи къ запискамъ г-жи Хвостовой].

что его, урода, не любитъ любимая имъ дѣвушка. Лермонтовъ мальчикомъ, да и позднѣе, приписывалъ отсутствію въ себѣ красоты неуспѣхъ у женщинъ, и это его тревожило. Онъ старался вознаградить этотъ недостатокъ ловкостью и совершенствовалъ себя во всевозможныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ такъ же какъ и Байронъ, искавшій славы хорошаго ѣздока, бойца, пловца и проч. Байронъ съ измала не выносилъ несправедливаго обращенія со слабыми или подначальными; онъ заступался за нихъ, бралъ ихъ подъ свое покровительство. Лермонтовъ въ дѣтствѣ еще напускался на бабушку, когда она бранила крѣпостныхъ, онъ выходилъ изъ себя, когда кого-нибудь вели наказывать, и бросался на отдавшихъ приказаніе съ палкой, съ ножемъ, — что подъ руку попадало. Оба они не въ мѣру рано созрѣли. Рано сказались въ нихъ субъективная сила и индивидуальное развитіе, сдѣлавшія ихъ одинокими среди окружающихъ. Чѣмъ болѣе чувствовалъ каждый изъ нихъ себя одинокимъ, тѣмъ болѣе прибѣгалъ онъ къ бумагѣ, повѣряя ей всѣ движенія зыбкой души. И неужели же можно сдѣлать выводъ, что Лермонтовъ, желая подражать Байрону, во всемъ слѣдовать ему, спѣшилъ, какъ и онъ, выливать въ стихотворной формѣ все, что его волновало и трогало?

Странное желаніе объяснять сходство, происходящее отъ тождественности натуры и обстоятельствъ, подражаніемъ. А между тѣмъ, это мнѣніе, сильно распространенное критиками, утвердилось въ обществѣ.

Съ самой юности разсудокъ Лермонтова уклонялся отъ обычнаго пути людей. Онъ смотрѣлъ на землю иными, не ихъ глазами. Ихъ честолюбіе было не его честолюбіемъ; ихъ интересы и цѣли были чужды ему; иныя были радости и печали; иныя, не всѣмъ свойственныя ощущенія волновали его. Но разъяснить себѣ состояніе духа, выбраться изъ хаоса, выработать ясное пониманіе и міросозерцаніе юноша не могъ; да они и не вырабатываются; требуется еще и выстрадать ихъ, а для этого надо много видѣть, много переиспытать, — надо жизнь перейти. Молодой поэтъ чувствовалъ только надъ собою что-то роковое. Онъ испытывалъ власть судьбы. Онъ впередъ, такъ сказать, теоретически, извѣдывалъ жизнь и стра-

ніе съ самаго дѣтства. Онъ страдалъ болѣе, чѣмъ жилъ. Ему ичительно хотѣлось выбраться изъ хаоса мыслей, ощущеній, ıнтазій. Ранняя любовь, непонятая и оскорбляемая въ чут›й душѣ, заставила ее болѣзненно воспринимать и корчиться :ъ того, что почти незамѣтно пережито было бы другимъ; ıъ бросился въ крайность, зарылся въ неестественную, науснную ненависть, которая питала въ немъ сатанинскую гор›сть. И эта сатанинская гордость, опять таки, искусственно рикрывала самую нѣжную, любящую душу. Боясь проявле-ія этой нѣжной любви, всегда приносившей ему непомѣрныя граданія, поэтъ набрасываетъ на себя мантію гордаго духа ıа. Такъ иногда выносящій злѣйшую боль шуткой и сарказомъ подавляетъ крикъ отчаянія, готовый вырваться изъ глуины растерзаннаго сердца.

Привыкшій музѣ и бумагѣ ввѣрять свои чувства и провѣять свои думы и ощущенія своими поэтическими произведеіями, Лермонтовъ стремился въ своихъ твореніяхъ разъясить самого себя, вылить въ звукахъ то, что наполняло его ушу. Такія натуры, не находя отклика въ людяхъ, глубоко очувствуютъ природѣ, всему міру физическому. И посмо-рите, какое большое мѣсто занимаютъ явленія природы во сѣхъ твореніяхъ Лермонтова и какъ всѣ герои его люятъ ее.

Самымъ совершеннымъ произведеніемъ этого періода, т.-е. етырехъ лѣтъ, проведенныхъ въ университетскомъ пансіонѣ университетѣ, является, конечно, поэма «Измаилъ-Бей». нъ тоже еще ребенкомъ любилъ:

> Природы дикой пышныя картины,
> Разливъ зари и льдистыя вершины,
> Блестящія на небѣ голубомъ.

Но къ этому произведенію Лермонтовъ подошелъ не тотасъ. Мы можемъ прослѣдить цѣлый рядъ поэмъ, въ которыхъ амѣтимъ множество общихъ чертъ, ситуацій, характерныхъ трофъ, такъ цѣликомъ и переходившихъ изъ одного произ еденія въ другое.

Лермонтовъ имѣлъ съ Байрономъ еще и то общее, что онъ ;олго занимался своимъ характеромъ и въ произведеніяхъ сво-

ихъ, изображая разныя его стороны. «Байронъ — говоритъ Пушкинъ — во всю жизнь свою понялъ только одинъ характеръ—свой собственный». Я бы сказалъ не «понялъ», а «выставлялъ или изучалъ».—Лермонтовъ, какъ увидимъ позднѣе, сталъ вырываться изъ заколдованнаго круга субъективныхъ чувствованій и впечатлѣній. Но въ разсматриваемые годы онъ весь еще былъ поглощенъ хаосомъ субъективныхъ ощущеній и борьба съ собою и окружающимъ выбивалась на свѣтъ, къ ясности сознанія, посредствомъ поэтическаго творчества, которое въ эти годы было чрезвычайно богато. Лермонтовъ творилъ, вѣроятно, съ неимовѣрною быстротою, если судить по количеству всего, что было имъ писано въ бытность въ университетѣ. Надъ каждымъ произведеніемъ отдѣльно онъ, повидимому, тогда работалъ не долго. Закончивъ произведеніе, онъ къ нему возвращался рѣдко, не исправлялъ его, а недовольный, принимался за новое, перенося въ него главные моменты, черты характеровъ и описаніе природы. Вотъ почему мы вновь и вновь, въ произведеніяхъ его, наталкиваемся на тѣ же строфы и мысли, только въ новой группировкѣ. Такъ, въ трехъ поэмахъ «Литвинка», «Аулъ Бастунджи» и «Каллы» встрѣчаются мѣста, затѣмъ перешедшія цѣликомъ или въ видоизмѣненіяхъ въ «Демона», «Измаила-Бея», «Хаджи Абрека», «Боярина Оршу», «Бѣглеца», «Мцыри» и проч. Самая большая изъ этихъ поэмъ «Аулъ Бастунджи» писана немного раньше «Измаила-Бея». «Измаилъ-Бей» оконченъ, какъ гласитъ помѣтка самого поэта на рукописи, 10 мая 1832 года. Слѣдовательно, «Аулъ-Бастунджи» писанъ въ 1831 году и развѣ что закончен въ первой четверти слѣдующаго года. Многія картины и мысли и цѣлыя строфы изъ «Аула Бастунджи» перенесены поэтомъ въ «Измаила-Бея». Такъ, рожденіе Измаила-Бея описывается совершенно такъ же, какъ рожденіе Селима въ «Аулѣ Бастунджи». Картина выползающей одинокой змѣи, такъ часто затѣмъ употребляемая поэтомъ позднѣе и въ «Демонѣ», и въ «Мцыри», является впервые въ «Аулѣ Бастунджи». Здѣсь же въ первый разъ встрѣчаемъ мы мысль, выраженную въ знаменитой черкесской пѣснѣ изъ поэмы «Измаилъ-Бей»:

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня.
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!

Въ обѣихъ поэмахъ героиня называется Зарою. «Ааулъ-Бастунджи» представляетъ много любопытнаго не только для изучающаго Лермонтога, но и обыкновенный читатель найдетъ здѣсь строфы, которыя прочтетъ не безъ удовольствія.

Рукопись «Измаила-Бея» снабжена эпиграфомъ изъ «Гяура» Байрона; а посвященіе едва ли тоже не относится къ Варенькѣ Лопухиной. Любопытенъ конецъ его, подтверждающій наши слова, что Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ искалъ возможности разъяснить себѣ самого себя:

И ты звѣзда любви моей,
Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
Послушай пѣсни прежнихъ дней:
Давно ужъ нѣтъ у сердца новыхъ...
Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
Не измѣнила власть разлуки:
Тобою полны *счастья* звуки,
Меня узнаешь ты въ *другихъ*. [т. II, стр. 70].

Всѣ слова подчеркнуты самимъ поэтомъ. Въ «Измаилѣ-Беѣ», слѣдовательно, любимая дѣвушка должна найти и уяснить себѣ характеръ поэта.

Въ «Измаилѣ-Беѣ» есть что-то роковое, признаваемое въ себѣ и Лермонтовымъ. Сильно вліяніе, производимое Измаиломъ на другихъ, но оно фатальное. Встрѣча съ нимъ страшна, гибнетъ все, что его любитъ, и самъ онъ долженъ погибнуть:

И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ.

Измаилъ-Бей по рожденію—горецъ. Онъ попалъ на сѣверъ, сталъ человѣкомъ цивилизованнымъ, но его тянуло въ родныя горы, въ то время, когда тамъ идетъ упорная борьба за свободу; противъ пришельцевъ съ сѣвера, противъ русскихъ. Тѣснимые ими черкесы оставляютъ Пятигорье.

Хотя

Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,

Но вольность, вольность для героя
Милый отчизны и покоя.
„Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
„Оставимъ мы утесы горъ;
„Пусть на тебя, Бешту суровый,
„Попробуютъ надѣть оковы!“—
Такъ думалъ каждый, и Бешту
Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На русскихъ злобно онъ взираетъ
И облаками одѣваетъ
Вершинъ кудрявыхъ красоту. [т. II, стр. 75].

Лермонтовъ—пѣвецъ свободы, говорившій:

„Дайте волю, волю, волю, и не надо счастья мнѣ“!

Сочувствовалъ геройской войнѣ, которую долго и упорно вели горцы, защищая свои ущелья. Это сочувствіе имъ онъ выражаетъ не разъ. Но тогдашнія условія цензуры были таковы, что казалось непозволительнымъ допускать въ печати выраженіе этого сочувствія. Да и самаго слова: «вольность» цензура крѣпко избѣгала. Долгое время всякія такія мѣста замѣнялись точками, или замѣнялись, по усмотрѣнію цензора, другими выраженіями. Когда поэтъ писалъ:

Отецъ и два родные брата
За *честь* и *вольность* тамъ легли,

цензура вторую строку измѣнила такъ:

Отъ смерти груди не спасли.

Не приличествовало черкесамъ биться за *честь и вольность*, а, между тѣмъ, именно въ эту страну, «гдѣ кровь черкесская текла», возвратился странникъ Измаилъ,

Но горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнья,
Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной зараженъ.

Нѣтъ!

Онъ сколько могъ привычекъ, правилъ
Своей отчизны не оставилъ.

О немъ такъ характерно разсказываетъ русскій:

Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
Въ россійскомъ войскѣ Измаилъ,
Но, недовольный, между нами
Родными бредилъ онъ полями,
И все черкесъ въ немъ виденъ былъ.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
Восточной нѣгой отзывался.
Для нашихъ женщинъ въ немъ былъ ядъ!..
....Любовью женщинъ, ихъ тоской
Онъ веселился, какъ игрой;
Но избѣжать его искусства
Не удалося ни одной.

Таковъ былъ этотъ вернувшійся въ свою родину Измаилъ-Бей. Но только онъ былъ

Старикъ для чувствъ и наслажденій,
Безъ сѣдины между волосъ,
И вотъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Онъ сердце мертвое принесъ.

Почему у Измаила мертвое сердце, такъ и не объясняется. Да въ сущности оно и не мертвое. Онъ его только запряталъ въ себѣ, окружилъ искусственной ледяной корой. Слишкомъ онъ много понесъ разочарованій. Уста, чтобы не произносить слова любви, привыкли къ проклятіямъ; обманутый въ своихъ мечтахъ, онъ одинокъ между людьми и не вѣритъ больше потому,

Что вѣрилъ нѣкогда всему.

Его страданія тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ болѣе онъ стремится ихъ не выказывать, оставаясь холоднымъ, безъ слѣда душевнаго движенія на неприступномъ челѣ. Напрасно за нимъ слѣдили

И мысли по лицу узнать желали.
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей?

Кажется, все застыло въ его груди, кромѣ жажды пролить кровь утѣснителей свободы. Измаилъ всюду, гдѣ война тре-

буетъ своихъ жертвъ. Все остальное чуждо ему. Любовь Зары онъ презрѣлъ, и, все-таки, когда преданная, одѣтая воиномъ подъ именемъ Селима, всюду за нимъ слѣдуя, она спасаетъ его раненаго, Измаилъ вошелъ въ противорѣчіе съ собою и

Смущаютъ Зару ласки Измаила.

Да, сердце его полно противорѣчій. Таковы и поступки его. Онъ ласкалъ Зару, а затѣмъ она сгинула не безъ его вины. Погибла ли она отъ руки его или его ненавистниковъ? Оттолкнулъ ли онъ ее безжалостно отъ себя? На лицѣ его никто не прочтетъ ничего, а уста хранятъ молчаніе. Противорѣчіе видно и въ томъ, что Измаилъ великодушно спасаетъ врага въ то время, какъ сокровенная и постоянная мечта его—кровавая месть. Но какое при этомъ презрѣніе звучитъ въ послѣднихъ словахъ Измаила, когда онъ прощается съ врагомъ своимъ—русскимъ, пришедшимъ убить его.

Нѣтъ! не достать враждѣ твоей
Главы, постигнутой ужъ рокомъ!
Онъ палачамъ судей земныхъ
Не уступаетъ жертвъ своихъ!
Твоя-бъ рука не устрашила
Того, кто борется съ судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри: онъ здѣсь передъ тобой...

И рокъ настигъ Измаила. Но и самая смерть открыла, въ какой безднѣ противорѣчій витала непреклонная душа его. Страшный русскимъ, вѣрный товарищъ горцевъ-магометанъ, безстрашный предводитель ихъ, не склонявшій главы предъ любовью къ женщинѣ, носилъ на груди

Какой-то локонъ золотой
И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой,

И съ негодованіемъ отвернулись отъ него мусульмане:

Отступнику не выроютъ могилу!...
Того, кто презиралъ людей и рокъ,
Кто смертію игралъ такъ своенравно,
Лишь ты низвергнуть смѣлъ, святой пророкъ!
Пусть не оплаканъ онъ сгніетъ безславно,
Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ, одинокъ!...

Такъ вотъ тотъ другой, въ которомъ Лермонтовъ приглашаетъ любимую женщину познать его, поэта.

Въ этой поэмѣ онъ такъ характеризуетъ Измаила, т.-е. самого себя:

И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью *новой*,
Они блеснутъ—и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ;
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

И такъ, міръ боится *новой* жизни этихъ людей, т.-е. особеннаго склада ихъ ума и чувства, того, о чемъ мы говорили выше: хрaрактеры эти уклоняются отъ обычнаго пути людей, иныя ихъ радости и печали, своеобразно понятіе о добрѣ и злѣ. Что страшно другимъ, имъ не страшно; они иначе любятъ и иначе ненавидятъ... Жестока была судьба дѣвушки, которая любила Лермонтова. Онъ требовалъ беззавѣтной преданности Зары. Но какова была судьба этой послѣдней?! Кто страдалъ больше: Зара или Измаилъ? Конечно, тотъ, кого больше отмѣтилъ рокъ. Но что значитъ роковая личность?.. Мы еще не кончили характеристики поэта. Еще онъ юноша, который въ хаосѣ чувствъ и мыслей тщательно добивается ясности сознанія.

И теперь, прослѣдивъ сколько было возможно и душу поэта, и связанную съ жизнью ея поэтическую дѣятельность, послѣдуемъ за нимъ въ новую обстановку, на новый избранный имъ путь къ существованію въ иной сферѣ, вызвавшей иное творчество.

ГЛАВА IX.

Пребываніе въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ.

Школа гвардейскихъ юнкеровъ.—Что встрѣтилъ въ ней Лермонтовъ.— Удальство и отношеніе къ товарищамъ. — Литературные интересы въ школѣ.—Чувство одиночества.

Поселившись въ Петербургѣ, Лермонтовъ приказомъ по «школѣ гвардейскихъ кавалерійскихъ юнкеровъ» отъ 14 ноября 1832 г. былъ зачисленъ вольноопредѣляющимся унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Школа помѣщалась въ то время у Синяго моста, въ зданіи принадлежавшемъ когда-то графамъ Чернышевымъ, а потомъ перестроенномъ во дворецъ великой княгини Маріи Николаевны. Мысль учрежденія школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ принадлежала Императору Николаю Павловичу въ бытность его великимъ княземъ. Возникла она, когда гвардія занимала литовскія губерніи, двинутая туда «для успокоенія умовъ, взволнованныхъ извѣстною семеновскою исторіею» [1]. Здѣсь, во время зимовки, великій князь Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на то, что молодые люди, поступающіе въ полки подпрапорщиками, при хорошемъ домашнемъ воспитаніи, или окончивши курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, были мало свѣдущи въ военныхъ наукахъ, плохо понимали и подчинялись дисциплинарнымъ требованіямъ и медленно успѣвали въ строевомъ образованіи. Великій князь собралъ во время зимовки юнкеровъ нѣкоторыхъ полковъ въ квартиру 2-ой бригады 1-ой гвардейской дивизіи, которою онъ командовалъ, и «производилъ имъ военное образованіе» подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ. Это было начало «школы», которая и учредилась въ Петербургѣ въ маѣ 1823 года, вскорѣ по возвращеніи гвардіи въ столицу. Школа эта подчинялась особому командиру «изъ лучшихъ штабъ-офицеровъ гвардіи». Подпра-

[1] Свѣдѣнія о положеніи школы мы почерпаемъ изъ «Историч. Очерка Николаевскаго Кавалерійскаго училища» Спб. 1873 г.

порщики, собранные изъ разныхъ родовъ оружія, продолжали числиться въ своихъ полкахъ и носили форму своихъ частей. Внутренній порядокъ былъ заведенъ тотъ же, который существовалъ въ полкахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сюда вошли и распоряженія, общія всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ. Такъ, подпрапорщики поднимались барабаннымъ боемъ въ 6 часовъ утра и, позавтракавъ, отправлялись въ классы отъ 8 до 12 часовъ. Вечернія занятія длились отъ 3-хъ до 5-ти, а строевымъ посвящалось сравнительно не много времени: отъ 12-ти до часу, и только нѣкоторымъ, по усмотрѣнію командира, вмѣнялось въ обязанность обучаться строю еще одинъ часъ въ сутки. Во главѣ школы стоялъ командиръ ея, полковникъ Измайловскаго полка Павелъ Петровичъ Годеинъ, человѣкъ чрезвычайно добрый, снискавшій общую признательность сослуживцевъ и подчиненныхъ. Такъ какъ великій князь Николай Павловичъ часто посѣщалъ школу, то непосредственныя отношенія къ нему Годеина устраняли вмѣшательство высшаго начальства и вліяніе Павла Петровича на внутренній строй и духъ заведенія былъ непосредственнѣе. Не малымъ подспорьемъ для преуспѣянія школы были: полковникъ генеральнаго штаба Деллингсгаузенъ, пользовавшійся репутаціей «высокоученаго офицера», и, впослѣдствіи воспитатель наслѣдника престола великаго князя Александра Николаевича, Карлъ Карловичъ Мердеръ. Эти лица съумѣли выбрать достойныхъ офицеровъ-помощниковъ и сблизить съ ними подпрапорщиковъ. Взаимныя дружескія отношенія не мѣшали дисциплинѣ, а молодежь только выигрывала отъ нравственнаго вліянія на нее руководителей. «Отчужденіе офицеровъ отъ общенія съ подпрапорщиками въ видахъ укорененія дисциплины подорвало бы нравственную сторону дѣла, какъ указывала на то воспитательная практика нѣкоторыхъ кадетскихъ корпусовъ»,—замѣчаетъ составитель оффиціальной исторіи «школы».

Подпрапорщики пользовались нѣкоторою независимостью. Хотя они жили въ стѣнахъ заведенія, но имъ не возбранялось имѣть личную прислугу изъ собственныхъ крѣпостныхъ или наемныхъ людей. Часто отлучались они изъ школы и въ буд-

ни. Считаясь состоящими на службѣ, молодые люди, вступая въ число воспитанниковъ, принимали присягу.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая I, школа была отдана въ вѣдѣніе великаго князя Михаила Павловича. Заведеніе это скоро было преобразовано и вмѣсто одной роты, которую составляли подпрапорщики, былъ учрежденъ и кавалерійскій эскадронъ[1]. Великій князь обратилъ свое особенное вниманіе на фронтовыя занятія и обученіе строю стало практиковаться чаще. Такъ, манежная ѣзда производилась теперь отъ 10 часовъ утра до часу пополудни, а лекціи были перенесены на вечерніе часы. Было запрещено читать книги литературнаго содержанія, что, впрочемъ, не всегда выполнялось[2], и вообще полагалось стѣснить умственное развитіе молодыхъ питомцевъ школы. Такъ какъ вся вина политическихъ смутъ была взведена правительствомъ на воспитаніе, то прежняя либеральная система была признана пагубною[3]. Занятый другими дѣлами, великій князь, однако, не часто посѣщалъ заведеніе, почему духъ ея подъ руководствомъ прежняго начальства мало измѣнился. Дѣло получило иной оборотъ послѣ турецкой кампаніи, когда великій князь Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Тогда съ 1830 года онъ принялъ живое участіе въ преуспѣяніи школы и сталъ посѣщать ее почти еженедѣльно. «Историческая правда—замѣчаетъ авторъ исторіи «школы»—обязываетъ сказать, что эти посѣщенія всегда сопровождались грозою». Неудовольствія великаго князя на школу начались съ неудачнаго представленія ординарцевъ, явившихся въ одинъ изъ воскресныхъ дней. Сдѣлавъ по этому поводу строжайшій выговоръ командиру роты, великій князь

---

[1] Школа получила наименованіе «школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ». Эскадронъ подчинялся эскадронному командиру, въ помощь которому назначалось шесть оберъ-офицеровъ, по одному отъ каждаго гвардейскаго кавалерійскаго полка, расположеннаго въ окрестностяхъ столицы.

[2] См. «Воспоминанія о Лермонтовѣ» А. Меринскаго. «Атеней» 1858 г., № 48.

[3] В. Стоюнинъ: «Пушкинъ». Спб., 1881 г., стр. 294.

приказалъ арестовать офицеровъ, которые, по его мнѣнію, малу внушали юнкерамъ правильное понятіе о дисциплинѣ и обязанностяхъ нижнихъ чиновъ въ этомъ отношеніи къ офицерамъ. Послѣднее замѣчаніе вызвано было тѣмъ, что великій князь встрѣтилъ на Невскомъ проспектѣ подпрапорщика Тулубьева, который шелъ *рядомъ* съ роднымъ своимъ братомъ, офицеромъ преображенскаго полка. Другіе юнкера также неоднократно замѣчались его высочествомъ въ разговорѣ съ офицерами на улицѣ. Всѣ они немедленно отправлялись въ школу, подъ срогій арестъ, и, наконецъ, великій князь приказалъ объявить свою волю, что за подобные проступки, какъ нарушающіе военное чинопочитаніе, виновные будутъ выписываться имъ въ армію. Замѣтивъ также, что воспитанники школы часто отлучаются со двора въ будни, и приписывая это слабости ближайшаго начальства, онъ приказалъ на будущее время такіе отпуски прекратить.

Желая подтянуть дисциплину и искоренить безпорядки, великій князь наѣзжалъ въ школу невзначай. Такъ, пріѣхавъ однажды, онъ прямо вошелъ въ роту и приказалъ раздѣться первому встрѣчному юнкеру. О ужасъ! на немъ оказался *жилетъ*—въ то время совершенно противузаконный аттрибутъ туалета, изобличавшій по понятіямъ строгихъ блюстителей формы, чуть ли не революціонный духъ. На другихъ воспитанникахъ великимъ княземъ были замѣчены «*шелковые* или неисправные галстухи». Это было поводомъ къ сильнѣйшему гнѣву его высочества. Онъ приказалъ отправить подъ арестъ командира роты и всѣхъ отдѣленныхъ офицеровъ, а подпрапорщиковъ не увольнять со двора впредь до приказанія. На другой день великій князь опять пріѣхалъ въ школу и, къ крайнему удивленію своему, вновь засталъ тѣ же безпорядки въ одеждѣ. На этотъ разъ гроза разразилась уже надъ командиромъ школы, генералъ-майоромъ, которому объявленъ былъ строгій выговоръ.

Затѣмъ начальство школы измѣнилось. Еще раньше удалился изъ нея Деллингсгаузенъ, а потомъ въ ноябрѣ 1831 года и Годеинъ, который былъ замѣщенъ барономъ Шлиппенбахомъ. Съ этимъ назначеніемъ и уходомъ Годеина совпадаетъ

и выходъ любимаго и уважаемаго полковника Гудима-Левковича, командира эскадрона. На мѣсто его былъ назначенъ Стукѣевъ, воспѣтый Лермонтовымъ, а командиромъ роты—Гельмерсенъ, избранный самимъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Всѣ эти перемѣны произошли какъ разъ въ 1832 году, т.-е. къ тому времени, когда Лермонтовъ поступилъ въ «школу». О школѣ знали и судили по старой репутаціи, Прежнее устройство ея, болѣе свободное, мало чѣмъ отличалось отъ устройства тогдашнихъ университетовъ. Школа имѣла видъ скорѣе военнаго университета съ воспитанниками, жившими въ стѣнахъ его, на подобіе того, какъ жили казеннокоштные студенты въ московскомъ университетѣ. Нравы и обычаи въ обоихъ учрежденіяхъ не многимъ отличались другъ отъ друга, если только взять въ соображеніе разницу, которая происходила отъ общественнаго положенія молодыхъ людей. Казеннокоштные студенты университета были люди изъ бѣдныхъ семей, въ «школѣ» же это были сыновья богатыхъ и знатныхъ родителей.

Лермонтовъ почуялъ тотчасъ, что ошибся въ разсчетѣ и что жизнь въ школѣ еще болѣе сдавитъ его могучую, рвавшуюся на просторъ индивидуальность. Недаромъ же вспоминалъ онъ университетъ:

Святое мѣсто!... Помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной... и т. д.

Теперь онъ еще больше уходитъ въ себя, еще больше скрываетъ отъ товарищей свой внутренній міръ, выказывая только одну сторону—отзывъ на ихъ затѣи, или же въ сердечной скорби глумится надъ собою и окружающимъ; полусерьезно, полусаркастически говоритъ онъ въ своей «юнкерской молитвѣ»:

Царю небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.

От маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ монежѣ
Алехинъ гласъ [1]
Какъ можно рѣже
Тревожитъ насъ.
Еще моленье
Прошу принять—
Въ то воскресенье,
Дай разрѣшенье
Мнѣ опоздать [2].
Я, Царь Всевышній,
Хорошъ ужъ тѣмъ,
Что просьбой лишней
Не надоѣмъ! [т. I, стр. 242].

Весь строй жизни для Лермонтова перемѣнился. Въ Москвѣ онъ жилъ въ кругу многочисленной родни, чуждаясь тѣснаго сближенія съ товарищами по университету, имѣя общеніе съ ними лишь изрѣдка, или довольствуясь небольшимъ кружкомъ ихъ, вхожимъ въ тотъ же слой московскаго общества, къ которому причислялъ себя Лермонтовъ. Но и тутъ онъ жилъ, не открывая души своей. Большинство чувствовало существованіе какой-то преграды между собою и Лермонтовымъ,—преграды, не дозволявшей близко съ нимъ сходиться. Въ немъ видѣли или гордеца, съ язвительной насмѣшкой относившагося къ другимъ, или недоступнаго, занятаго собою фата. Только немногіе, близко знавшіе его пылкую, благородную натуру, глубоко цѣнили его дружбу и вѣрили высокой душѣ поэта. Эти немногіе не утратили вѣры и любви къ нему даже и тогда, когда ранняя могила унесла его. Къ такимъ лицамъ принадлежалъ Алексѣй Лопухинъ и сестры его, въ особенности Марья Александровна, и извѣстная уже намъ Сашенька Вере-

---

[1] Вышеназванный Алексѣй Степановичъ Стукѣевъ, командиръ эскадрона. Въ изданіяхъ дѣлается ошибка: Алехинъ глазъ вмѣсто гласъ—голосъ.

[2] Юнкеровъ отпускали домой по субботамъ до опредѣленнаго часа воскресенья вечера. По просьбѣ юнкеровъ, имъ иногда дозволялось «опаздывать», т.-е. явиться часомъ или двумя позднѣе.

щагина [1]. Во время недостойнаго поэта образа жизни, который велъ онъ въ салонахъ Петербурга, платя дань «ухарскимъ замашкамъ молодаго офицерства»», Лермонтовъ въ письмахъ къ этимъ женщинамъ откровенно признается въ своихъ поступкахъ, безъ всякаго лицемѣрія:

„Передъ обѣими вами я не могу скрывать истины, передъ вами, которыя были наперсницами юношескихъ моихъ мечтаній..." (т. V, стр. 407).

Извѣстно, какое вліяніе имѣли женщины на многихъ лучшихъ поэтовъ. Пушкинъ обязанъ своимъ душевнымъ развитіемъ вліянію хорошихъ и умныхъ женщинъ. И А. Вереща-

---

1 Любопытное письмо Верещагиной къ Лермонтову на французскомъ языкѣ помѣщено въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1890 г., августъ, стр. 734. «Не могу выразить Вамъ то прискорбное чувство, которое вызвала во мнѣ сообщаемая Вами новость. Какъ послѣ столькихъ стараній и трудовъ отказаться отъ надежды воспользоваться ихъ плодами, и видѣть себя вынужденнымъ совершенно измѣнить образъ жизни... Не знаю, но мнѣ все сдается, что Вы поступили слишкомъ поспѣшно; быть можетъ я ошибаюсь, но рѣшеніе должно быть было Вамъ навязано Алексѣемъ Столыпинымъ, не такъ ли?—Я вполнѣ понимаю, какъ Вы должны быть смущены перемѣною, ибо Вы никогда не были пріучаемы къ военной службѣ; но и теперь, какъ всегда, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, и будьте увѣрены, что все, что Онъ располагаетъ, конечно служитъ къ нашему благу. И на военномъ поприщѣ Вы всегда будетъ имѣть возможность отличиться; съ умомъ и способностями вездѣ можно составить свое счастіе; впрочемъ не говорили ли Вы мнѣ много разъ, что, если возгорится война, Вы не захотите остаться бездѣятельнымъ. Ну, хотя Вы и на пути стать со временемъ славнымъ воиномъ, это не можетъ помѣшать Вамъ заниматься поэзіей... Вотъ, другъ мой, насталъ для Васъ критическій моментъ, помните данное мнѣ при отъѣздѣ обѣщаніе. *Берегитесь слишкомъ поспѣшно сходиться съ товарищами,* ознакомьтесь съ ними ближе раньше, чѣмъ на то рѣшаться. Вы характера добраго и съ любящею Вашею душою Вы тотчасъ увлечетесь; въ особенности избѣгайте молодежь, которая кичится всякаго рода молодечествомъ и видитъ особое достоинство въ фанфаронствѣ. Умный человѣкъ долженъ быть выше всѣхъ этихъ мелочей... Это хорошо для мелкихъ умовъ, имъ и предоставьте это, а сами идите своимъ путемъ...» Писано 12 окт. 1832 года. Письмо это доказываетъ, что Лермонтовъ вступилъ въ школу еще въ началѣ октября, что было высказано въ «Русск. Мысли» іюль 1884 года. Оно не могло быть иначе, потому что 19 окт. 1832 года состоялось Выс. повелѣніе, чтобы молодыхъ дворянъ впредь принимать одинъ разъ въ годъ, а не въ теченіи всего года.

гина, и М. Лопухина, очевидно, имѣли большое вліяніе на нравственное развитіе характера Лермонтова, о чемъ свидѣтельствуютъ и письма поэта къ нимъ, дошедшія до насъ, къ сожалѣнію, въ весьма ограниченномъ числѣ. Изъ этихъ же писемъ мы видимъ, что поэтъ оставался съ этими друзьями ранней юности въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ до своей кончины.

Теперь молодой человѣкъ въ «школѣ» очутился въ совершено новыхъ условіяхъ. Изъ жизни у бабушки, гдѣ полнѣйшая свобода и независимость стѣсняемы были развѣ излишней любовью и боязливостью старушки, изъ круга родныхъ и знакомыхъ, среди которыхъ онъ вращался равноправнымъ членомъ общества, «ибо въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ» [1], Лермонтовъ попалъ въ обстановку, сдавливавшую въ тѣсныя рамки всякую индивидуальную свободу. Дисциплина приводила всѣхъ подъ одинъ уровень, и дисциплина эта была тѣмъ чувствительнѣе, что, какъ разъ ко времени вступленія Лермонтова въ школу, она стала примѣняться съ особенною строгостью, придирчивая ко всякимъ мелочамъ, что контрастировало съ прежнимъ бытомъ «школы». Чувствительная для всѣхъ, она должна была быть вдвойнѣ тяжела для Михаила Юрьевича. Увидавъ себя въ желѣзныхъ оковахъ правильнаго строя военнаго порядка, ощутивъ личную свободу свою порабощенною гораздо сильнѣе прежняго, Лермонтовъ не могъ не понять, какъ ошибся онъ въ разсчетѣ и какъ для него тяжело будетъ выносить эту регулярную, стѣснительную жизнь, когда относительно свободный бытъ московскихъ студентовъ казался ему невыносимымъ. Михаилу Юрьевичу, очевидно, приходило на умъ покинуть «школу», но останавливаться на такой мысли было нельзя. Куда идти? Возвратиться въ московскій университетъ было немыслимо; въ петербургскомъ пришлось бы начинать сначала. Оставаясь въ школѣ, можно было окончить курсъ въ два года. Къ этимъ соображеніямъ прибавлялось еще сознаніе ложнаго положенія, въ которое

[1] «Княгиня Лиговская». Т. IV, стр. 151.

пришлось бы стать по отношенію къ сонму родныхъ и знакомыхъ, уже и такъ много шумѣвшихъ по поводу выхода Михаила Юрьевича изъ московскаго университета и переѣзда въ Петербургъ на новую карьеру. Самолюбіе не позволяло Лермонтову отступить. Надо было итти дальше по принятому пути. То же самолюбіе вынуждало его какъ можно скорѣе освоиться съ новымъ бытомъ и, затаивъ въ себя личные интересы, пойти объ руку съ товарищами и ни въ чемъ не отставать отъ нихъ. Полная боязливой любви къ своему внуку, бабушка Арсеньева опасалась за здоровье нервнаго «Мишеля», которое могло пострадать отъ внезапной и крутой перемѣны образа жизни, и поэтому старалась смягчить суровость ея. Такъ, Елизавета Алексѣевна, тотчасъ по поступленіи Михаила Юрьевича въ школу, приказала служившему ему человѣку потихоньку приносить барину изъ дома всякія яства, по утру же рано будить его «до барабаннаго боя», изъ опасенія, что пробужденіе отъ внезапнаго треска разстроитъ нервы внука. Узнавъ объ этомъ, Лермонтовъ страшно разсердился, и слугѣ его досталось [1]. Стало ли это извѣстнымъ въ кругу товарищей, не знаемъ; Михаилъ Юрьевичъ боялся въ чемъ-либо выказать изнѣженность и старался не только не отставать, но опережать товарищей во всѣхъ «лихихъ» предпріятіяхъ и выходкахъ бывшаго въ нравахъ молодечества.

Товарищъ Лермонтова по «школѣ», поступившій въ нее лишь годомъ раньше, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, разсказывая намъ многіе изъ эпизодовъ своей жизни, вспомнилъ о томъ, какъ тяжело тогда доставалось въ «школѣ» молодымъ людямъ, поступившимъ въ нее изъ семей, въ которыхъ они получали тщательное воспитаніе. Обычаи школы требовали извѣстнаго ухарства. Понятія о геройствѣ и правдивости были своеобразныя и ложныя, отчего не мало страдали пришедшіе извнѣ новички, пока не привыкали ко взгляду товарищей: что въ такомъ-то случаѣ обмануть начальство

[1] Изъ разсказовъ г-жи Гельмерсенъ. — Мой очеркъ о пребываніи Лермонтова въ школѣ встрѣтилъ возраженіе со стороны г. Миклошевскаго [«Русская Стар.» 1884 г. Декабрь, стр. 589]. Опроверженіе я написалъ въ томъ же журналѣ 1885 г. Февраль, стр. 475.

похвально, а въ такомъ-то необходимо надо сказать правду. Такъ, напримѣръ, считалось доблестнымъ не выдавать товарища, который, напередъ надломивъ тарелку, ставилъ на нее массу другихъ, отчего вся груда съ трескомъ падала и разбивалась, какъ только служитель приподнималъ ее со стола. Юнкера хохотали, а служителя наказывали. Новичка, вступавшагося за несчастнаго служителя, если не прямо клеймили доносчикомъ, то немилосердно преслѣдовали за мягкосердіе и, именуя его «маменькинымъ сынкомъ», прозывали болѣе или менѣе презрительными прозвищами. Хвалили же и восхищались тѣми, кто быстро выказывалъ «закалъ», т.-е. неустрашимость при товарищескихъ предпріятіяхъ, обманѣ начальства, выкидываніи разныхъ «смѣлыхъ штукъ». Вѣроятно, крайне самолюбивый Лермонтовъ боялся попасть въ число «маменькиныхъ сынковъ» и потому старался бравировать и сразу получить репутацію «лихаго юнкера». Въ школѣ славился своею силою юнкеръ Евграфъ Карачевскій. Онъ гнулъ шомпола или вязалъ изъ нихъ узлы какъ изъ веревокъ. За испорченные шомпола гусарскихъ карабиновъ много пришлось ему переплатить денегъ унтеръ-офицерамъ, завѣдывавшимъ казенною аммуниціею. Съ этимъ Карачевскимъ тягался Лермонтовъ, который обладалъ большою силою въ рукахъ. Однажды, когда оба они забавлялись пробою силы, въ залъ вошелъ директоръ «школы», Шлиппенбахъ. Вспыливъ, онъ сталъ выговаривать обоимъ юнкерамъ: «Ну, не стыдно ли вамъ такъ ребячиться! Дѣти, что ли, вы, чтобы шалить?.. Ступайте подъ арестъ!» Оба высидѣли сутки. Разсказывая затѣмъ товарищамъ про выговоръ, полученный отъ начальника, Лермонтовъ съ хохотомъ замѣтилъ: «Хороши дѣти, которыя могутъ изъ желѣзныхъ шомполовъ вязать узлы!» [1].

Это самолюбивое желаніе первенствовать или, по крайней мѣрѣ, не отставать отъ товарищей было причиною случая, едва не имѣвшаго весьма печальныхъ послѣдствій. Вотъ какъ разсказываетъ о немъ товарищъ поэта по школѣ: «Вступле-

[1] Такъ разсказываетъ товарищъ Лермонтова Меринскій въ фельетонѣ Русскаго Міра 1872 г. № 205.

ніе Лермонтова въ юнкера не совсѣмъ было счастливо. Сильный душою, онъ былъ силенъ и физически и часто любилъ высказывать свою силу. Разъ послѣ ѣзды въ манежѣ, будучи еще, по школьному выраженію, новичкомъ, подстрекаемый старыми юнкерами, онъ, чтобы показать свое знаніе въ ѣздѣ, силу и смѣлость, сѣлъ на молодую лошадь, еще не выѣзженную, которая начала бѣситься и вертѣться около другихъ лошадей, находившихся въ манежѣ. Одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу и расшибла ему ее до кости. Его безъ чувствъ вынесли изъ манежа [1]. Долго лежалъ онъ потомъ больнымъ въ квартирѣ бабушки. Въ письмѣ отъ 25 февраля 1833 года Лопухинъ просилъ его: «Напиши мнѣ, что ты въ школѣ остаешься, или нѣтъ, и позволитъ ли тебѣ нога продолжать службу военную» [2]. Лермонтовъ проболѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ, но поправился, хотя потомъ всю жизнь едва замѣтно прихрамывалъ. Такимъ образомъ, онъ въ первый годъ своего поступленія въ школу между товарищами пробылъ лишь два мѣсяца. 18 іюня 1833 года онъ пишетъ Лопухиной:

„Надѣюсь, Вамъ пріятно будетъ знать, что побывавъ въ школѣ всего два мѣсяца, я выдержалъ экзаменъ въ первый классъ и теперь одинъ изъ первыхъ. Это все же питаетъ надежду близкой свободы“ [т. V стр. 395].

Петербургъ и петербургское общество сразу не понравились Лермонтову. Онъ отстранился отъ него и ушелъ въ са-

---

1 Воспоминанія Меринскаго. Атеней 1858 г., № 48. Былъ переломъ кости по разсказу Шанъ-Гирея.

2 Изъ рукописныхъ матеріаловъ г. Хохрякова. Далѣе въ письмѣ сказано: «Очень и очень тебѣ благодаренъ за твою голову; она меня очень восхищаетъ». Лермонтовъ начертилъ на стѣнѣ дома Лопухиныхъ углемъ голову, о коей спрашиваетъ Марью Ал. Лопухину въ письмѣ отъ 2 сент. 1832 г.—цѣла ли она. Подобную голову работы Лермонтова желалъ для себя Алексѣй Лопухинъ, и Лермонтовъ въ письмѣ, писанномъ въ концѣ 1832 года [т. V, стр. 392], говоритъ: «Скажите, пожалуйста, Алексису, что я пришлю ему подарокъ, какого онъ не ожидаетъ. Ему давно хотѣлось что-нибудь въ такомъ родѣ. Онъ получитъ, только вдесятеро лучше». Эта голова, писанная масляными красками, подарена въ Лермонтовскій музей сыномъ Алексѣя Лопухина.

мого себя. Вскорѣ по пріѣздѣ [въ концѣ августа 1832 года] онъ пишетъ въ Москву своей пріятельницѣ:

„Вы просите назвать Вамъ всѣхъ, у кого бываю? Изъ всѣхъ лицъ, съ которыми имѣю общеніе, пріятнѣйшее для меня—это я. Правда, по пріѣздѣ я навѣщалъ довольно часто родныхъ своихъ, съ коими долженъ познакомиться, но подъ конецъ нашелъ, что лучшій изъ родственниковъ моихъ я самъ. Видѣлъ я образщики здѣшняго общества—дамъ весьма любезныхъ, молодыхъ людей весьма вѣжливыхъ; всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, узкаго и незамысловатаго, но въ которомъ съ перваго раза легко можно потеряться, до того хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ все самобытное".(Соч. т. V стр. 383).

Послѣ величаво раскинувшейся Москвы съ ея пестротою и своеобразіемъ, — города, давно живущаго исторической жизнью, административный казенный Петербургъ съ прямыми улицами и казенными домами, окрашенными въ желтую форменную краску, гранитный и холодный, съ зелено-блѣднымъ небомъ и однообразіемъ скучной оффиціальной жизни, не могъ понравиться поэту.

Съ негодованіемъ пишетъ онъ о Петербургѣ Софьѣ Александровнѣ Бахметевой:

Увы, какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь—красный воротъ[1],
Какъ шишъ, торчитъ передъ тобой.
Нѣтъ милыхъ сплетенъ--все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей...
Доволенъ каждый самъ собою,
Не безпокоясь о другихъ.
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!... [т. V стр. 382].

Неудивительно, что не только природа, которою Петербургъ не можетъ щегольнуть, не произвела на поэта впечатлѣнія, но и самое море, о которомъ онъ такъ мечталъ, при общемъ настроеніи его духа, не вызвало въ немъ вдохновенія:

[1] Изобиловавшая на улицахъ полиція носила тогда красные воротники.

И наконецъ я видѣлъ море!
Но кто поэта обманулъ?
Я въ роковомъ его просторѣ
Великихъ думъ не почерпнулъ.

Въ такомъ состояніи Лермонтовъ не могъ писать, и задуманныя и начатыя имъ въ Москвѣ произведенія оставались недоконченными. Въ письмѣ къ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной онъ говоритъ:

„Пишу мало, читаю не болѣе, романъ мой становится произведеніемъ отчаянія; я рылся въ душѣ своей, дабы выбрать изъ нея все, что способно обратиться въ ненависть, и въ безпорядкѣ излить это на бумагѣ“.

Романъ, о которомъ говоритъ поэтъ,—это его неоконченная юношеская повѣсть, впервые напечатанная въ 1873 году въ Вѣстникѣ Европы. Она была основана на истинномъ происшествіи, разсказанномъ бабушкою поэта, и касалась времени Екатерины II, вѣроятно, изъ эпохи пугачевскаго бунта [т. V, стр. 1].

Черезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго письма Лермонтовъ пишетъ той же пріятельницѣ и посылаетъ ей сдѣлавшіеся затѣмъ знаменитыми стихи, писанные имъ на берегу моря, вѣроятно, въ Петергофѣ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ неба голубомъ...

Стихи оканчиваются возгласомъ, въ которомъ вылилось все тревожное состояніе души поэта:

А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой. [т. V, стр. 388].

И такъ, въ новой обстановкѣ, въ сферѣ петербургской жизни съ самаго начала поэтъ не хорошо себя чувствовалъ. Онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ кого-либо изъ москвичей, даже только потому, что это пріѣзжій изъ дорогаго ему города.

„Вѣдь, Москва моя родина—восклицаетъ онъ—и таковою будетъ для меня всегда: тамъ я родился, *тамъ много страдалъ* и тамъ же былъ слишкомъ счастливъ“[1].

---

1 Письмо отъ 2 сент. 1832 г.—Лермонтовъ приходитъ въ восторгъ

Однако и жизнь въ школѣ имѣла свою хорошую сторону. Таковою былъ духъ товарищества, особенно сильно развивающійся и дѣйствующій въ закрытомъ заведеніи. Тѣсное сожительство съ молодежью въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, при полномъ равенствѣ передъ властью, въ твердыхъ, опредѣленныхъ рамкахъ дисциплинируетъ человѣка. Для избалованной, необузданной натуры Лермонтова эта дисциплина была не лишнею, хотя, къ сожалѣнію, темныхъ сторонъ за тогдашнею жизнью въ «школѣ» надо признать больше, нежели сторонъ свѣтлыхъ.

Въ то время въ военномъ, и особенно въ аристократическомъ кругу, какимъ болѣе или менѣе былъ кругъ школьныхъ товарищей Лермонтова, былъ чрезвычайно развитъ духъ касты, чувство мнимаго превосходства, нелѣпая исключительность. То, что стало отражаться на Лермонтовѣ, была прямая противуположность тому, въ чемъ были лучшіе идеальные интересы общественнаго развитія — какое-то напоминаніе о грубой силѣ, малообразованной и нахальной... Люди, близко съ дѣтства знавшіе Лермонтова, очень къ нему привязанные, полагали, что съ поступленіемъ въ юнкерскую школу начался для него «періодъ броженія», переходное настроеніе, которое, быть можетъ, поддерживалось укоренившимися обычаями [1].

Въ первый годъ поступленія своего въ школу, Михаилъ Юрьевичъ, по случаю своей болѣзни послѣ поврежденія ноги, большую часть времени проживалъ дома и въ кругу товарищей бывалъ немного. Это облегчало ему его положеніе. Когда онъ затѣмъ появился въ школѣ и зажилъ въ кругу товарищей, его уже не считали новичкомъ, а равноправнымъ старымъ юнкеромъ. Особенно сблизила Лермонтова съ молодежью лагерная жизнь. Однако его ближайшими товарищами оставались ста-

---

отъ встрѣчи съ Натальей Алексѣевной, сестрою бабушки, надъ которой въ письмахъ къ Верещагиной трунитъ: «Наталья Алексѣевна съ чады и домочадцы уѣзжаетъ въ чужія края!!! Ухъ!... Славное она тамъ дастъ понятіе о русскихъ женщинахъ!...» и все же Лермонтовъ «въ седьмомъ небѣ [aux anges], потому что она пріѣхала съ нашей стороны».

[1] Изъ записокъ наставника Лермонтова А. Зиновьева; см. что говоритъ А. Н. Пыпинъ въ біогр. очеркѣ при изд. соч. Л. 1873 г., т. I, стр. XXX

рые московскіе знакомые: Поливановъ, Шубинъ, да родственники: Столыпинъ и Юрьевъ. Особенно хорошо сошелся онъ на школьной скамьѣ съ Вонлярлярскимъ — позднѣе извѣстнымъ беллетристомъ [авторомъ *Большой Барыни*]. По свидѣтельству школьныхъ товарищей [1], Лермонтовъ былъ хорошъ со всѣми однокашниками, хотя нѣкоторые изъ нихъ не очень любили его за то, что онъ преслѣдовалъ ихъ своими остротами за все ложное, натянутое и неестественное, чего никакъ не могъ переносить. Впрочемъ, остротами своими преслѣдовалъ Михаилъ Юрьевичъ и тѣхъ, съ которыми былъ особенно друженъ. При этомъ имъ руководило не злое побужденіе. «Онъ имѣлъ душу добрую,—я въ томъ убѣжденъ», говоритъ его товарищъ Меринскій.

Умственные интересы въ школѣ не были особенно сильны и не они, конечно, сближали Лермонтова съ его товарищами. Напротивъ, онъ любилъ удаляться отъ нихъ и предаваться своимъ мечтаніямъ и творчеству въ уединеніи, рѣдко кому читая отрывки изъ своихъ задушевныхъ произведеній, чувствуя, что они будутъ не такъ поняты, и боясь каждой неосторожной, глубоко оскорблявшей выходки. Въ отношеніяхъ его къ товарищамъ была, слѣдовательно, нѣкоторая неестественность, которую онъ прикрывалъ веселыми остротами, и такія выходки при остромъ и зломъ языкѣ, конечно, должны были подчасъ коробить тѣхъ, противъ кого были направлены. Надо, однако, взять во вниманіе и то, что Лермонтовъ ничуть не обижался, когда на его остроты ему отвѣчали тѣмъ же, и отъ души смѣялся ловкому слову, направленному противъ него самого. Его, очевидно, не столько занимало желаніе досадить, сколько сказать остроту или вызвать комичное положеніе. Но не всѣ имѣли крупный характеръ поэта. Мелкія, самолюбивыя натуры глубоко оскорблялись тамъ, гдѣ Лермонтовъ видѣлъ одну забавную выходку. Люди сохраняли противъ него неудовольствіе. Капля за каплей набиралась злоба къ нему, а

---

[1] Разсказы о пребываніи Лермонтова въ школѣ юнкеровъ принадлежатъ товарищу его, г. Меринскому [Атеней 1858 г., № 48, и Русскій Міръ 1872 г., № 205].

поэтъ и не подозрѣвалъ этого. Такъ бывало съ нимъ и въ послѣдующіе годы.

Лермонтовъ острилъ не только надъ другими; онъ трунилъ подчасъ и надъ своими недостатками. Такъ, онъ изобразилъ самого себя въ карикатурѣ, въ шинели въ рукава поверхъ мундира и гусарскаго ментика. Въ такомъ видѣ ходили юнкера въ большіе морозы. Костюмъ этотъ придавалъ сутуловатой, широкоплечей и малорослой фигурѣ Лермонтова чрезвычайно неказистый видъ. Самъ же онъ потѣшался и надъ даннымъ его товарищами прозвищемъ. Въ «школѣ» рѣдкій изъ юнкеровъ не имѣлъ таковаго. Поливанова называли «Лафою», кн. Іосифа Шаховскаго за большой носъ—«Куркомъ», Алексѣя Столыпина звали «Монго», Лермонтова «Маёшкой»—названіемъ, взятымъ изъ одного французскаго романа, гдѣ фигуруетъ горбунъ «Mayeux»[1].

---

[1] Объясненій этому прозвищу много. Г. Меринскій въ Русскомъ Мірѣ говоритъ, что «Mayeux»—названіе одного изъ дѣйствующихъ лицъ бывшаго тогда въ модѣ романа «Notre-Dame de Paris», но, сколько извѣстно намъ, тамъ имени такого не встрѣчается. Герой его называется Квазимодой. Вѣроятно, г. Меринскій смѣшалъ романъ Гюго съ какимъ-либо другимъ. Товарищъ Лермонтова, А. Синицынъ, говоритъ, что подъ заглавіемъ «Monsieur Mayeux» существуетъ французскій романъ Рикера, написанный въ духѣ Поль-де-Кока [Русскій Архивъ 1872 г., стр. 1778, воспоминанія Бурнашова]. Но я этого романа не видалъ. Братъ «Монго»-Столыпина, Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинъ, говорилъ, что названіе это взято изъ одного романа Бальзака, но изъ какого—не помнилъ. Не объясняетъ этого прозвища и Шанъ-Гирей въ Русскомъ Обозрѣніи 1880 г., гдѣ замѣчаетъ только что M-r Mayeux прозваніе горбатаго и умнаго героя какого то давно забытаго шутовскаго французскаго романа.—Мы полагаемъ другое.—Въ романѣ Eugène Sue, «le Juif Errant» описывается горбатая дѣвушка: «Elle etait cruellement contrefaite, et par suite d'une locution vulgaire et proverbiale, ont l'avait baptisée la «M a y e u x». — Дѣвушка эта отличалась возвышенными качествами и была одарена поэтическою душою. «Mais, chose rare, ce corps difforme renfermait une ame aimante et génereuse, un esprit cultivé... cultivé jusqu'a la poésie». Весьма возможно, что товарищи прослѣдили аналогію между свойствами души Лермонтова и этой дѣвушки, которая вѣроятно была ему симпатична. Романы Евгенія Сю въ то время много читались. Высказанной Лермонтовымъ симпатіи къ характеру «la Mayeux» было достаточно, чтобы какой либо острякъ, указавъ на сходство между ними, назвалъ Михаила Юрьевича M-r Mayeux или просто «Маёшкой». Это проз

Лермонтовъ такъ мало обижался этимъ прозвищемъ, что въ одной поэмѣ все время описываетъ подъ этимъ именемъ самого себя, не щадя юмористическихъ красокъ.

«Въ то время — разсказываетъ г. Меринскій — намъ не позволялось читать книгъ чисто-литературнаго содержанія, хотя мы не всегда исполняли это...» Но на разныя шалости и буйныя развлеченія, въ какія вдавалась болѣе или менѣе богатая молодежь и которыя умѣрялись только фронтовой дисциплиной, смотрѣли сквозь пальцы. Молодежь послушно усвоивала духъ касты, грубо льстившій неразвитому пониманію собственнаго достоинства и впередъ отдалявшей ее отъ болѣе мирныхъ и возвышенныхъ интересовъ общества. Здѣсь не было мѣста для идеальныхъ стремленій. Военная программа очень мало объ нихъ заботилась, скорѣе истребляла ихъ.

Понятно, что Михаилъ Юрьевичъ долженъ былъ тяготиться всѣмъ этимъ и подчасъ доходить до совершеннаго отчаянія. По вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, поэтъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, стараясь пробраться туда незамѣченнымъ товарищами, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи. Въ кругу товарищей онъ выказывалъ себя веселымъ и, хотя не принадлежалъ къ числу отъявленныхъ шалуновъ, но любилъ иногда пошкольничать. Въ свободное отъ занятій время юнкера порою собирались около рояля, который сами брали на прокатъ. Одинъ изъ товарищей акомпанировалъ на немъ пѣвшимъ разныя пѣсни. Появлявшійся Лермонтовъ присоединялся къ поющимъ, но запѣвалъ громко совершенно иную пѣсню и сбивалъ всѣхъ съ такта; разумѣется, приэтомъ поднимался шумъ, хохотъ и нападки на Лермонтова. Пѣвались романсы и нескромнаго содержанія; эти-то, кажется, особенно нравились. Лермонтовъ для забавы юнкеровъ передѣлывалъ разныя пѣсни, примѣняя ихъ ко вкусамъ товарищей. Такъ была имъ пе-

---

вище за нимъ и упрочилось. Самъ поэтъ охотно рисовалъ себя въ карикатурахъ сутуловатымъ, а въ юношеской повѣсти изобразилъ себя въ горбачѣ Вадимѣ. Мѣткость прозвища не разсердила его, а напротивъ ему понравилась.

редѣлана для нихъ извѣстная, ходившая тогда по рукамъ въ рукописи, пѣсня Рылѣева:

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынъ-трава,
Братцы?

Но передѣлка была до того нескромнаго свойства, что г. Меринскій не рѣшился передать содержаніе ея въ печати.

Группировались въ свободное время и около Вонлярлярскаго, который привлекалъ къ себѣ многихъ неистощимыми забавными разсказами. Съ нимъ соперничалъ Лермонтовъ, никому не уступавшій въ остротахъ и веселыхъ шуткахъ. Въ 1834 году кому-то пришло въ голову издавать рукописный журналъ, получившій названіе «Школьной Зари» и просуществовавшій не долго; его вышло, кажется, не болѣе 7-ми нумеровъ. Предполагалось издавать журналъ еженедѣльно. Кто хотѣлъ участвовать, тотъ клалъ свои статьи въ опредѣленный для того ящикъ одного изъ столиковъ, стоявшихъ возлѣ кроватей. Статьи эти вынимались изъ ящика по средамъ, сшивались и затѣмъ прочитывались въ собраніи товарищей при общемъ смѣхѣ и шуткахъ. Къ сожалѣнію, эти литературныя занятія ограничивались статьями самаго нескромнаго содержанія. Тутъ-то Лермонтовъ помѣстилъ рядъ своихъ поэмъ, заслужившихъ ему извѣстность «новаго Баркова». Произведенія эти отличаются жаркою фантазіей и подчасъ прекраснымъ стихомъ, но отталкиваютъ цинизмомъ и грязью, въ нихъ заключающимися. Юнкера, покидая школу и поступая въ гвардейскіе полки, разносили въ спискахъ эту литературу въ холостые кружки «золотой молодежи» нашей столицы и, такимъ образомъ, первая поэтическая слава Лермонтова была самая двусмысленная и сильно ему повредила.

Когда затѣмъ стали появляться въ печати его истинно-прекрасныя произведенія, то знавшіе Лермонтова по печальной репутаціи эротическаго поэта негодовали, что этотъ гусарскій корнетъ «смѣлъ выходить на свѣтъ со своими твореніями». Бывали случаи, что сестрамъ и женамъ запрещали говорить о томъ, что онѣ читали произведенія Лермонтова; это считалось компрометирующимъ. Даже знаменитое стихотвореніе «на

смерть Пушкина» не могло изгладить этой репутаціи и только въ послѣдній пріѣздъ Лермонтова въ Петербургъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ его смертью, послѣ выхода собранія его стихотвореній и романа «Герой нашего времени», пробилась его добрая слава. Но первая репутація долго стояла помѣхою для оцѣнки личности поэта въ обществѣ, да и теперь еще продолжаетъ давать себя чувствовать.

Между тѣмъ, кто изъ поэтовъ не писалъ нескромныхъ стихотвореній? Сколько было ихъ написано Пушкинымъ въ томъ же возрастѣ, въ которомъ писалъ ихъ Лермонтовъ? Пушкинъ началъ ихъ писать даже еще раньше. Въ пансіонскихъ и университетскихъ тетрадяхъ Лермонтова мы ихъ не встрѣчаемъ вовсе.

Лермонтовъ писалъ свои поэмы и разсказы въ «Школьной Зарѣ» обыкновенно подъ псевдонимомъ «графъ Діарбекиръ». Но встрѣчаемъ и псевдонимъ «Степановъ». Въ № 4-мъ «Школьной Зари» [1] помѣщены принадлежащіе перу Лермонтова «Уланша», «Госпиталь», два небольшихъ стихотворенія и прозаическій разсказъ [описаніе одного путешествія], — все пьесы такого рода, какія извѣстны каждому изъ воспитывавшихся въ закрытыхъ заведеніяхъ. Въ одномъ стихотвореніи [одѣ] Лермонтовъ, въ общемъ духѣ такихъ пьесъ, перебралъ часть начальствующаго персонала [2].

Въ Уланшѣ, самой скромной изъ этихъ поэмъ, изображается переходъ коннаго эскадрона юнкерской школы въ Петер-

---

[1] Точный списокъ съ этого нумера былъ обязательно высланъ намъ Владиміромъ Ник. Поливановымъ, сыномъ товарища Лермонтова по «школѣ». На заглавномъ листѣ [форматъ «Школьной Зари» въ обыкновенный листъ писчей бумаги] помѣченъ 1834 г., что сходится съ показаніями г. Меринскаго.

[2] См. «Русскую Старину» 1882 года, августъ, стр. 391. Тамъ помѣщенъ отрывокъ этой оды. Конецъ же совершенно невозможенъ. Составившій замѣтку г. N. N. [извѣстный нашъ библіографъ] замѣчаетъ: «Стихи зачастую довольно звучные, но содержаніе по своей скабрезности едва ли не превосходитъ произведенія пресловутаго Баркова. При видѣ этого рукописнаго журнала дивишься той мощи генія Лермонтова, который могъ развернуться въ немъ даже еще въ этомъ учебномъ заведеніи, среди обстановки крайне неблагопріятной, какую представляла среда и жизнь въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ въ началѣ 30-хъ годовъ».

гофъ и ночной привалъ въ деревнѣ Ижоры. Главный герой похожденія—уланскій юнкеръ «Лафа», посланный впередъ квартирьеромъ. Героиня—крестьянская дѣвушка [т. II, стр. 162].

Въ «Госпиталѣ» описываются похожденія товарищей-юнкеровъ: того же Поливанова, Шубина и князя Александра Ивановича Барятинскаго.

Еще раньше этого въ одномъ изъ нумеровъ «Школьной Зари» былъ помѣщенъ Лермонтовымъ «Петергофскій праздникъ». Въ этой грязноватой поэмѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ изображенъ юнкеръ лейбъ-кирасирскаго полка Бибиковъ.

Всѣ эти произведенія Лермонтова, конечно, предназначавшіяся лишь для тѣснаго круга товарищей, проникали, какъ мы уже говорили, за стѣны «школы», ходили по городу, и тѣ изъ героевъ, упоминавшихся въ нихъ, которымъ приходилось играть непохвальную, смѣшную или обидную роль, негодовали на Лермонтова. Негодованіе это росло вмѣстѣ со славою поэта и, такимъ образомъ, многіе изъ его школьныхъ товарищей обратились въ злѣйшихъ его враговъ. Одинъ изъ таковыхъ — лицо, достигнувшее потомъ важнаго государственнаго положенія—приходилъ въ негодованіе каждый разъ, когда мы заговаривали съ нимъ о Лермонтовѣ. Онъ называлъ его самымъ «безнравственнымъ человѣкомъ» и «посредственнымъ подражателемъ Байрона» и удивлялся, какъ можно имъ интересоваться до собиранія матеріаловъ для его біографіи. Гораздо позднѣе, когда намъ попались въ руки школьныя произведенія нашего поэта, мы поняли причину такой злобы. Люди эти даже мѣшали ему въ его служебной карьерѣ, которую сами проходили успѣшно.

Одно только произведеніе выходитъ изъ ряда эротическихъ сочиненій школьнаго періода, это «Хаджи-Абрекъ». Лермонтовъ написалъ его подъ вліяніемъ воспоминаній о Кавказѣ и внесъ въ поэму мотивы и строфы изъ «Каллы», «Аула Бастунджи» и даже «Измаила Бея», такъ что она скорѣе принадлежитъ прежнимъ годамъ литературнаго творчества поэта[1]. Николаю Юрьеву удалось какъ-то тайкомъ отъ Михаила

[1] См. статью нашу въ Іюльской книжкѣ «Русской Мысли» за 1884 г., гдѣ въ прим. 28 указаны сходныя мѣста поэмъ.

Юрьевича отнести поэму—вѣроятно, въ сдѣланной имъ копіи—въ «Библіотеку для Чтенія». Юрьевъ, хорошо читавшій стихи, прочелъ ее Сенковскому, который остался доволенъ поэмой, и помѣстилъ ее въ слѣдующемъ году въ своемъ журналѣ, за подписью автора. Это было первое явившееся въ печати произведеніе Лермонтова, который, впрочемъ, былъ очень недоволенъ ея помѣщеніемъ въ журналѣ.

Михаилъ Юрьевичъ самъ желалъ увѣриться, насколько серіозенъ его талантъ. Онъ, очевидно, еще не довѣрялъ себѣ и желалъ узнать мнѣніе компетентныхъ людей. Около этого времени другой товарищъ его, Цейдлеръ, приноситъ, съ дозволенія поэта, тетрадку его стихотвореній къ А. Н. Муравьеву [автору «Путешествіе по св. мѣстамъ»], желая узнать его мнѣніе о нихъ; но только тогда, когда услышалъ одобрительный отзывъ, рѣшился назвать Лермонтова. Это было основаніемъ знакомства двухъ писателей.

Несмотря на запрещеніе высшаго начальства, многіе офицеры были въ дружескихъ отношеніяхъ съ юнкерами. Таковъ былъ, напримѣръ, штабъ-ротмистръ Клеронъ, французскій уроженецъ Страсбурга. Его любили болѣе всѣхъ. Онъ былъ очень привѣтливъ, обходился съ юнкерами по-товарищески, острилъ, говорилъ каламбуры. Надъ нимъ добродушно подсмѣивались, и Лермонтовъ въ четверостишіи задѣлъ одновременно и его и товарища, князя Шаховскаго [1]. Но вообще Лермонтовъ рѣдко посѣщалъ начальствующихъ лицъ и не любилъ ухаживать за ними. Такъ, онъ неохотно ходилъ и къ командиру эскадрона, полковнику Алексѣю Степановичу Стукѣеву, женатому на сестрѣ знаменитаго композитора М. Н. Глинки, несмотря на то, что въ это время самъ Глинка часто бывалъ у Стукѣевыхъ, гдѣ жила его невѣста, а Лермонтовъ интересовался музыкою и самъ былъ не безъ музыкальнаго таланта. Но онъ вообще какъ-то дичился, хотя этого и не высказывалъ. Того, что ему было дорого, онъ не открывалъ, а дурачиться не всегда было удобно.

Вся атмосфера была такого рода, что предаваться преж-

---

1 См. выше главу XVI, прим. 1-е.

нимъ литературнымъ занятіямъ было крайне стѣснительно и приходилось это дѣлать украдкою, урывками. Простора для серіознаго вдохновенія не было. Если мы сравнимъ литературную дѣятельность поэта за два года пребыванія въ московскомъ университетѣ съ тѣмъ, что написалъ онъ въ «школѣ» юнкеровъ, то невольно охватываетъ насъ глубокое сожалѣніе. Сколько было набросковъ, опытовъ, болѣе или менѣе удачныхъ лирическихъ стихотвореній, драмъ и поэмъ! Въ два года, проведенныхъ въ школѣ, все это почти заброшено. Скабрезныя произведенія въ родѣ *Уланши, Петергофскаго праздника* и проч., которыя должны были оскорблять душу поэта,—вотъ почти все, что вышло изъ-подъ его пера. Понятно, что свою шутливую юнкерскую молитву онъ окончилъ словами, выражающими отчаяніе, несмотря на весь шуточный тонъ всего стихотворенія. Прося Бога о томъ, чтобы какъ можно позднѣе возвращаться изъ отпуска въ стѣны школы, Лермонтовъ заканчиваетъ:

Я, Царь Всевышній,
Хорошъ ужь тѣмъ,
Что просьбой лишней
Не надоѣмъ.

Замѣчательно, что сообщившій эту молитву товарищъ его, г. Меринскій, послѣднихъ строкъ не зналъ, или забылъ, или же Лермонтовъ ихъ и не сообщилъ товарищамъ, считая излишнимъ пояснять настоящій смыслъ ихъ. Впрочемъ, это стихотвореніе написано было въ первое время нахожденія въ школѣ. Потомъ поэтъ измѣнился и къ концу пребыванія относятся тѣ печальныя для славы его пьесы, которыми онъ наполнялъ страницы *Школьной Зари*. Онъ, быть можетъ, совершенно погрязъ бы въ этомъ направленіи, если бы внутренній инстинктъ не оберегалъ поэта и не далъ ему вполнѣ подчиниться вліяніямъ, которыя способны были совершенно загубить его талантъ. А. Н. Пыпинъ дѣлаетъ такое заключеніе о вліяніи на Михаила Юрьевича лѣтъ, проведенныхъ въ «школѣ»:

«Лермонтовъ, съ дѣтства мало сообщительный, не былъ сообщителенъ и въ «школѣ». Онъ представлялъ товарищамъ

своимъ шуточныя стихотворенія, но не дѣлился съ ними тѣмъ, что высказывало его задушевныя мысли и мечты; только немногимъ ближайшимъ друзьямъ онъ довѣрялъ свои серьезныя работы. У него было два рода серьезныхъ интересовъ, двѣ среды, въ которыхъ онъ жилъ, очень не похожія одна на другую,—и если онъ старательно скрывалъ лучшую сторону своихъ интересовъ, въ немъ, конечно, говорило сознаніе этой противуположности. Его внутренняя жизнь была раздѣлена и неспокойна. Его товарищи, разсказывающіе о немъ, ничего не могли разсказать кромѣ *анекдотовъ* и *внѣшнихъ случайностей его жизни;* ни у кого не было въ мысли затронуть болѣе привлекательную сторону его личности, которой они какъ будто и не знали. Но что этотъ разладъ былъ, что Лермонтова по временамъ тяготила обстановка, гдѣ не находили себѣ мѣста его мечты, что въ немъ происходила борьба, отъ которой онъ хотѣлъ иногда избавиться шумными удовольствіями,—объ этомъ свидѣтельствуютъ любопытныя письма, писанныя имъ изъ «школы».

19 іюня 1833 года Лермонтовъ пишетъ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной.

„...Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я, право, не знаю, какимъ путемъ идти мнѣ—путемъ ли порока или пошлости. Правда, оба эти пути ведутъ часто къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня—это было бы лишнее! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любаго пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Вамъ не нравятся эти выраженія, но увы: *скажи съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ*“ [1].

4 августа того же года Лермонтовъ пишетъ той же особѣ:

„Я не писалъ вамъ съ той поры, какъ мы выѣхали въ лагерь. Да оно и не могло бы мнѣ удасться при всемъ моемъ желаніи. Представьте себѣ палатку въ три аршина длины и ширины и въ $2^1/_2$ вышины, занятую тремя человѣками и всѣмъ ихъ багажомъ, всѣмъ ихъ вооруженіемъ, какъ-то: саблями, карабинами, киверами и проч. Погода была ужасная; дождь, лившій не переставая, производилъ то, что мы по двое сутокъ не были въ состояніи осушить платье. И, все-таки, нельзя сказать, чтобы жизнь эта мнѣ

---

[1] Подчеркнуто Лермонтовымъ.

пришлась не по нраву. Вы знаете, милый другъ, что я всегда имѣлъ рѣшительное пристрастіе къ дождю и грязи, и теперь, по милости Божіей, я насладился ими вдоволь. Мы возвратились въ городъ, и скоро опять начнутся наши занятія. Единственное, что меня поддерживаетъ, это мысль, что черезъ годъ я офицеръ! и тогда... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь намѣренъ я повести! О, это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете, но увы! пора моихъ мечтаній миновала, время вѣрованій прошло,— нѣтъ его, мнѣ нужны матеріальныя ощущенія, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его въ карманѣ, какъ табакерку, которое бы только обманывало мои чувства, оставляя мою душу въ покоѣ и бездѣйствіи... Вотъ что мнѣ теперь необходимо, и вы видите, милый другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я-таки нѣсколько измѣнился. Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя мечтанія мои разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься изготовленіемъ новыхъ не стоитъ труда; гораздо лучше, подумалъ я, обходиться безъ нихъ. Я сталъ пробовать; я походилъ въ то время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были тщетными, и скоро прошлое стало представляться мнѣ не болѣе, какъ программою незначительныхъ и весьма обыденныхъ похожденій. Но поговоримъ о другомъ..."

Затѣмъ въ концѣ письма Лермонтовъ продолжаетъ:

„Черезъ годъ, можетъ-быть, и навѣщу васъ, и что найду я? Узнаете ли вы меня, захотите ли узнать? А я, какую роль буду я играть? Пріятно ли будетъ свиданіе это для васъ или смутитъ оно насъ обоихъ? ибо я васъ предупреждаю, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую и говорю иначе и, Богъ знаетъ, чѣмъ еще стану въ теченіи года! Жизнь моя здѣсь была вереницею разочарованій, что заставляетъ меня теперь смѣяться, смѣяться надъ собой и надъ другими..."

Это замѣчательное письмо заключаетъ въ себѣ исповѣдь о цѣломъ годѣ душевныхъ бурь и страданій, которыя прорываются порою сквозь игривую форму выраженій. Видно, что юноша сильно томится и старается выбиться изъ-подъ гнета страданій. Онъ начинаетъ съ повѣсти своихъ мучительныхъ переживаній, хочетъ затѣмъ говорить о другомъ, постороннемъ, и опять возвращается къ тому же.

„Я уповаю на вашу преданность мнѣ".

заключаетъ онъ письмо, какъ бы невзначай. Велика была въ

немъ потребность искренней дружбы и сердечнаго пониманія, иначе онъ не писалъ бы такъ откровенно, съ такою болью и теплотой.

Чего стоили Михаилу Юрьевичу два проведенныхъ въ «школѣ» года, видно и изъ письма его отъ 23 декабря 1834, когда онъ, только что произведенный въ офицеры въ Царскомъ Селѣ, былъ пріятно пораженъ нечаяннымъ пріѣздомъ своего друга Алексѣя Александровича Лопухина.

„...Я былъ въ Царскомъ Селѣ, когда пріѣхалъ Алексисъ. Когда извѣстіе пришло ко мнѣ, я едва не сошелъ съ ума отъ радости; я накрылъ себя разговаривающимъ съ самимъ собою, я смѣялся, пожималъ руки самому себѣ. Мгновенно возвратился я къ моимъ прошедшимъ радостямъ... *двухъ страшныхъ лѣтъ какъ не бывало...*"

Итакъ: тягостны были для Лермонтова два года, проведенные имъ въ школѣ юнкеровъ, и охотно, можетъ быть, вычеркнулъ бы онъ ихъ изъ своей памяти, но пришелъ и имъ конецъ, конецъ годамъ воспитанія. Пришла пора ступить за порогъ и выйти въ жизнь, какъ казалось, вольнымъ человѣкомъ, равноправнымъ членомъ общества. Приказомъ Государя, даннымъ въ Ригѣ 52 ноября 1834 года, Лермонтовъ былъ произведенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго полка[1].

[1] Школѣ гвардейскихъ юнкеровъ, или, какъ ее именуютъ нынѣ, Николаевскому кавалерійскому училищу, выпало на долю дважды, такъ сказать, пріютить нашего рано погибшаго поэта. Въ юности, когда университеты отталкивали его отъ себя, онъ въ стѣнахъ этого заведенія нашелъ для себя убѣжище. Хотя и тяжело отразились на немъ обстановка и условія жизни, но это зависѣло не столько отъ самого заведенія, сколько отъ разныхъ внѣшнихъ условій, нарушавшихъ прежній строй. Въ наше время въ стѣнахъ того же заведенія нашли пріютъ и вниманіе письма и предметы, оставшіеся послѣ поэта и дошедшіе до нашихъ дней. Въ то время какъ Московскій университетъ, питомцемъ котораго Лермонтовъ былъ четыре года [включая сюда два года пребыванія въ университетскомъ пансіонѣ], едва хранитъ о томъ воспоминаніе и даже въ стѣнахъ своихъ не далъ мѣста изображенію поэта, Николаевское кавалерійское училище съ любовью и терпѣніемъ собираетъ въ «Лермонтовскій музей», открытый 18-го декабря 1883 года, все дорогое и связанное съ его памятью. Въ музеѣ находится богатый матеріалъ автографовъ, точныхъ списковъ, а, главное, художественныхъ снимковъ съ мѣстностей и лицъ, связанныхъ съ памятью о поэтѣ, или рисованныхъ имъ самимъ.

ГЛАВА X.

М. Ю. Лермонтовъ по выходѣ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Кутежи и шалости.—Монго-Столыпинъ.—Дружеская связь его съ поэтомъ.—Лермонтовъ въ салонахъ петербургскаго общества.—Е. А. Хвостова.—Женщины—друзья Лермонтова.

Лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, въ офицерскій кругъ котораго вступилъ Лермонтовъ, былъ расположенъ въ Царскомъ селѣ. Бабушка не поскупилась хорошо экипировать своего внука и дать молодому корнету всю обстановку, почитавшуюся необходимой для блестящаго гвардейскаго офицера. Поваръ, два кучера, слуга, всѣ четверо крѣпостные изъ дворовыхъ села Тарханы, были отправлены въ Царское. Нѣсколько лошадей и экипажи стояли на конюшнѣ. Бабушка, какъ видно изъ письма ея, писаннаго изъ Тарханъ осенью 1835 г., кромѣ денегъ, выдаваемыхъ въ разное время, ассигновала ему десять тысячъ рублей въ годъ [1]. Арсеньева изрѣдка, обыкновенно на лѣтніе мѣсяцы, ѣздила въ Тарханы, проживая большую часть года въ Петербургѣ, гдѣ часто и подолгу гостилъ у нея Лермонтовъ, охотно покидавшій Царское село для свѣтскихъ удовольствій столицы.

„Я теперь ѣзжу въ свѣтъ... чтобы познакомить съ собою, чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ высшемъ обществѣ“.

Пишетъ онъ въ Москву черезъ мѣсяцъ послѣ производства въ офицеры [т. V, стр. 401].

---

[1] Составившееся мнѣніе, будто Лермонтовъ былъ бѣденъ, несправедливо, какъ замѣтилъ уже г. Лонгиновъ [Русск. Стар. 1873 г. т. VII, стр. 383]. Въ Тарханахъ при Арсеньевой насчитывалось больше 600 душъ. Кромѣ того былъ капиталъ и другія помѣстья. Отцовское наслѣдіе [имѣніе въ Ефремовскомъ уѣздѣ, Тульской губ.] Лермонтовъ отдалъ въ пользованіе роднымъ теткамъ, сестрамъ отца. Въ приложеніи [прибавлен. II] читатель найдетъ любопытное письмо Арсеньевой къ внуку, писанное 18 октября 1835 года. Оно находится въ Импер. публичной библ. и обязательно доставлено намъ А. Ѳ. Бычковымъ.

Его несказанно радовало, что онъ вырвался изъ стѣнъ училища на свободу. Но что начать съ собою, куда кинуться, куда направить избытокъ молодыхъ силъ? Онъ чувствовалъ себя узникомъ, которому растворили тѣсную темницу. Ему хотѣлось на свободу, порасправить могучія крылья, полной грудью дохнуть свѣжимъ воздухомъ; словомъ, хотѣлось жить, дѣйствовать, ощущать; онъ хотѣлъ изведать все, «со всею полнотою». Его манилъ блескъ свѣтскаго общества и удалыя товарищескія пирушки да выходки и тревожили прежнія стремленія и идеалы, не заглохшіе въ теченіе «двухъ ужасныхъ лѣтъ», только что пережитыхъ имъ. Любопытно, какъ, при самомъ вступленіи въ новую жизнь, Лермонтовъ ясно ощущалъ двойственность своихъ стремленій, разладъ души, съ одной стороны, дорожившей воспоминаніями о времени своихъ чистѣйшихъ увлеченій и порывовъ, о годахъ, когда онъ думалъ посвятить всего себя служенію искусству и поэзіи, а съ другой — увлекала его та свѣтская порча, которая уже успѣла коснуться его. Объ этой порчѣ Лермонтовъ писалъ, какъ мы видѣли, и прежде къ другу своему М. А. Лопухиной. Теперь онъ пишетъ ей же:

„Милый другъ! Чтобы ни случилось, я иначе никогда называть васъ не буду, а то это значило бы порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошедшимъ; этого бы не хотѣлъ я ни за что на свѣтѣ, потому что будущность моя, блистательная на видъ, —пошлая и пустая. Надо вамъ признаться, что съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что изъ меня ничего не выйдетъ со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами на пути жизни... потому что мнѣ не достаетъ либо случая, либо рѣшимости... Мнѣ говорятъ: случай когда-нибудь выйдетъ; время и опытъ дадутъ и рѣшимость...а кто поручится, что когда все это сбудется, я сберегу въ себѣ хоть частицу этой пламенной молодой души, которою Богъ чрезвычайно не кстати одарилъ меня?..." [т. V, стр. 401].

Ощущаемый поэтомъ разладъ и двойственность выразились и въ жизни его. Съ одной стороны, онъ сожигалъ свои силы въ шумномъ кругу гвардейской молодежи или разсаривалъ душевныя свои качества по паркетамъ гостиныхъ, съ другой —

завязывалъ литературныя знакомства, приглядывался къ людямъ, читалъ и мыслилъ. Сосредоточенный и замкнутый въ себѣ, Лермонтовъ не легко высказывалъ лучшія свои думы и оставался молчаливымъ въ обществѣ писателей, только въ исключительныхъ случаяхъ и больше въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ изрѣдка позволялъ заглянуть въ святую святыхъ своей души. Но тогда онъ поражалъ и мощью, и глубиной мысли, которую никакъ не могли подозрѣвать въ молодомъ гусарскомъ офицерикѣ-кутилѣ. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ изъ разсказовъ о Лермонтовѣ Бѣлинскаго, Краевскаго, Панаева и др.

Общество того времени жило бѣдными интересами. Мы видѣли, какъ въ воспитательныхъ заведеніяхъ запрещалось всякое чтеніе книгъ литературнаго содержанія и молодежь направляла свои силы на различныя шалости, иногда стоившія ей довольно дорого, доводя до временнаго заключенія, солдатской шинели и ссылки. Жизнь сковывалась разными стѣснительными правилами и регламентаціей и противодѣйствіе имъ считалось среди юношей подвигомъ. На этотъ протестъ тратились силы, въ немъ выступало лихое молодечество, плодъ праздности умственной жизни.

Подвиги эти встрѣчали въ обществѣ отзывъ, о нихъ говорили, герои прославлялись. Наказаніе ихъ вызывало къ нимъ симпатію даже тѣхъ лицъ, которымъ приходилось карать ихъ. Кара выходила какая-то отеческая, семейно патріархальнаго оттѣнка. Типы эти описаны много разъ. Однимъ изъ такихъ людей былъ забіяка и дуэлистъ Каверинъ, воспѣтый Пушкинымъ. Такой типъ выставленъ и гр. Л. Толстымъ въ лицѣ Долохова [Война и миръ]. Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ много разсказывали о продѣлкахъ Константина Булгакова, офицера преображенскаго, а затѣмъ московскаго полка, товарища Лермонтова по школѣ. Смѣлыя, подъ часъ нелишенныя остроумія, проказы Булгакова доставили ему особую милость великаго князя Михаила Павловича, отечески его журившаго и сажавшаго подъ арестъ и на гауптвахту.

Съ этимъ «Костькой Булгаковымъ» [какъ его называли товарищи] Лермонтовъ «хороводился» особенно охотно, когда у него являлась фантазія учинить шалость, выпить или по-

кутить на славу. Двоюродный братъ и товарищъ Лермонтова, Николай Дмитріевичъ Юрьевъ [лейбъ-драгунъ], разсказывалъ, какъ однажды, когда Лермонтовъ дольше обыкновеннаго зажился въ Царскомъ, соскучившаяся по немъ бабушка послала за нимъ въ Царское Юрьева съ тѣмъ, что бы онъ непремѣнно притащилъ внука въ Петербургъ. Лихая тройка стояла у крыльца, и Юрьевъ собирался спуститься къ ней изъ квартиры, когда со смѣхомъ и звономъ оружія ввалились предводительствуемые Булгаковымъ лейбъ-егерь Павелъ Александровичъ Гвоздевъ и лейбъ-уланъ Меринскій. Бабушка угостила новоприбывшихъ завтракомъ и развеселившаяся молодежь порѣшила всѣмъ вмѣстѣ ѣхать за «Мишелемъ» въ Царское. Явилась еще наемная тройка съ пошевнями [дѣло было на масляной] и молодежь понеслась къ заставѣ, гдѣ дежурнымъ на гауптвахтѣ стоялъ знакомый преображенскій офицеръ Н.— Недавній однокашникъ пропустилъ товарищей, потребовавъ при этомъ, чтобы на возвратномъ пути Костька Булгаковъ былъ въ настоящемъ своемъ видѣ, т.-е. сильно хмѣльной, что называлось «быть на шестомъ взводѣ». Друзья обѣщали, что всѣ съ прибавкою двухъ-трехъ гусаръ прибудутъ въ самомъ развеселомъ, настоящемъ масляничномъ состояніи духа. Въ Царскомъ, въ квартирѣ Лермонтова, застали они пиръ горой, и, разумѣется, пирующей компаніей были приняты съ распростертыми объятіями. Пирушка кончилась непремѣнною жженкою, причемъ обнаженныя гусарскія сабли своими невинными клинками служили подставками для сахарныхъ головъ, облитыхъ ромомъ и пылавшихъ великолѣпнымъ синимъ огнемъ, поэтически освѣщавшимъ столовую, изъ которой, эффекта ради, были вынесены всѣ свѣчи. Булгаковъ сыпалъ французскими стихами собственной фабрикаціи, въ которыхъ воспѣвались красные гусары, голубые уланы, бѣлые кавалергарды, гренадеры и егеря со всякимъ невообразимымъ вздоромъ въ связи съ Марсомъ, Аполлономъ, Парисомъ, Людовикомъ XV, божественною Наталіей, сладостною Лизой, Георгеттой и т. п. Лермонтовъ изводилъ карандаши, которые Юрьевъ едва успѣвалъ чинить ему, и сооружалъ застольныя пѣсни самаго нескромнаго содержанія. Пѣсни пѣлись при громчай-

шемъ хохотѣ и звонѣ стакановъ. Гусарщина шла въ полномъ разгарѣ. Шумъ встревожилъ даже коменданта города.

Помня приказъ бабушки, пришлось однако ѣхать въ Петербургъ. Собрались гурьбой, захвативъ съ собою на дорогу корзину съ половиной окорока, четвертью телятины, десяткомъ жареныхъ рябчиковъ, дюжиной шампанскаго и запасомъ различныхъ ликеровъ и напитковъ. Лермонтову пришло на умъ дать на заставѣ записку, въ которой каждый долженъ былъ росписаться подъ вымышленной фамиліей иностраннаго характера. Булгаковъ подхватилъ эту мысль и назвалъ себя французомъ Marquis de Gloupignon; вслѣдъ за нимъ подписались: испанецъ Don Skotillo, румынскій бояринъ Болванешти, грекъ Мавроглупато, лордъ Дураксонъ, баронъ Думшвейнъ, итальянецъ синьоръ Глупини, панъ Глупчинскій, малороссъ Дураленко и, наконецъ, россійскій дворянинъ Скотъ-Чурбановъ [имя, которымъ назвалъ себя Лермонтовъ]. Много было хохота по случаю этой, по словамъ Лермонтова, «всенародной экспедиціи».

Приблизительно на полдорогѣ къ Петербургу упалъ коренникъ одной изъ четырехъ троекъ [изъ Царскаго къ прежнимъ двумъ присоединилось еще двѣ тройки съ гусарами], и кучеръ объявилъ, что надо распрячь сердечнаго, «ибо у него отъ бѣшеной скачки, должно быть, сдѣлался родимчикъ» и его надо оттереть снѣгомъ. Всѣ рѣшились остановиться, а чтобы времени даромъ не терять, воспользоваться торчавшимъ близъ дороги балаганомъ, лѣтомъ служившимъ для торговли, а на зиму заколоченнымъ, и въ немъ соорудить пирушку. При содѣйствіи свободныхъ ямщиковъ и кучеровъ, компанія занялась устройствомъ помѣщенія: размѣстили нашедшія доски, наколотивъ ихъ на полѣнья и соорудивъ, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ стола, зажгли экипажные фонари и распаковали корзину. Ея содержаніемъ занялись всѣ присутствующіе, не исключая и возницъ. Среди выпивки порѣшили увѣковѣчить память проведеннаго въ балаганѣ времени, написавъ углемъ на гладко оштукатуренной и выбѣленной стѣнѣ принятыя присутствующими имена, но только въ стихотворной формѣ. Об-

щими силами, была составлена слѣдующая надпись, которой содержаніе разсказчикъ помнилъ лишь приблизительно:

Гостьми былъ полонъ балаганъ:
Болвȁнешти изъ молдаванъ
Стоялъ съ осанкою воинской:
Болванопопуло былъ грекъ,
Чурбановъ—русскій человѣкъ,
Вблизи его—полякъ Глупчинскій и т. д.

Было два часа ночи, когда компанія прибыла къ городскимъ воротамъ. Караульный унтеръ-офицеръ, прочтя записку и глядя на красныя офицерскія фуражки гусаръ, полонъ былъ почтительнаго недоумѣнія.

Караульные офицеры не разъ попадались въ просакъ при неосторожномъ пропускѣ мистифицирующихъ проѣзжихъ. Компанія, ѣхавшая изъ Царскаго, не желала, конечно, ввести въ непріятное положеніе своего однокашника Н., и потому на оборотѣ листа, гдѣ были записаны псевдонимы шалуновъ, они прописали настоящія свои имена. «Но, все-таки,—кричалъ Булгаковъ,—непремѣнно покажи записку караульному офицеру и скажи ему, что французскій маркизъ былъ на шестомъ взводѣ!»—«Слушаю, ваше сіятельство!»—отвѣчалъ унтеръ-офицеръ и крикнулъ: «Бомвысь!» Тройка въѣхала въ спавшій городъ [1].

Это препровожденіе времени и выходки очень занимали гвардейскую молодежь того времени.

За разныя «невинныя» шалости молодыхъ офицеровъ сажали на гауптвахту. Жили на гауптвахтахъ арестованные за менѣе важные проступки весело. Къ нимъ приходили товарищи, устраивались пирушки, а при появленіи начальства бутылки и снадобья куда-то исчезали при помощи услужливыхъ сторожей.

Лермонтовъ особенно часто не во время возвращался изъ Петербурга и за разныя шалости и мелкіе проступки противъ дисциплины и формы сиживалъ въ Царскомъ селѣ на гаупт-

---

1 «Мих. Ю. Лермонтовъ въ разсказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ». Ст. г. Бурнашова. Русск. Арх., 1872 г.

вахтѣ. Однажды онъ явился на разводъ съ маленькою, чуть-чуть не дѣтскою, игрушечною саблею, несмотря на присутствіе великаго князя Михаила Павловича, который тутъ же далъ поиграть ею маленькимъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, которыхъ привели посмотрѣть на разводъ, а Лермонтова приказалъ выдержать на гауптвахтѣ [1]. Послѣ этого Лермонтовъ завелъ себѣ саблю большихъ размѣровъ, которая при его маломъ ростѣ казалась еще громаднѣе и, стуча о панель или мостовую, производила ужасный шумъ, что было не въ обычаѣ у благовоспитанныхъ гвардейскихъ кавалеристовъ, носившихъ оружіе свое съ большою осторожностью, не позволяя ему гремѣть. За эту несоразмѣрную большую саблю Лермонтовъ опять-таки попалъ на гауптвахту. Точно также великій князь Михаилъ Павловичъ съ бала, даваемаго царскосельскими дамами офицерамъ лейбъ-гусарскаго и кирасирскаго полковъ, послалъ Лермонтова подъ арестъ за неформенное шитье на воротникѣ и обшлагахъ вицъ-мундира. Не разъ доставалось нашему поэту за то, что онъ свою форменную треугольную шляпу носилъ «съ поля», что было противно правиламъ и преслѣдовалось.

Въ шалостяхъ и выходкахъ разнаго рода принимали участіе и славились ими молодые люди, считавшіеся образцомъ бла-

---

1 Г. Лонгиновъ [Замѣтки о Лермонтовѣ. Русск. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 388] говоритъ, что было это въ 1839 г., но на точность указаній г. Лонгинова нельзя полагаться. Такъ, онъ говоритъ [Русск. В. 1857 г., №11], что Лермонтовъ вышелъ въ офицеры въ 1835 г., тогда какъ онъ вышелъ въ 1834 г. Точно также г. Лонгиновъ [на стр. 382] говоритъ, что Столыпинъ въ 1840 году служилъ въ лейбъ-гусарахъ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ, тогда какъ Столыпинъ въ это время находился въ отставкѣ и, когда въ началѣ 1840 г. произошла дуэль между Лермонтовымъ и де-Барантомъ и Столыпинъ былъ его секундантомъ, Императоръ Николай I по окончаніи суда велѣлъ сказать Столыпину, что «въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть празднымъ». Конецъ стихотвор. Лермонтова къ Казбеку г. Лонгиновъ. [Русск. В. 1860, №8., стр. 387] приписываетъ М. И. П[опову] и разсказываетъ обстоятельства дѣла, тогда какъ это совершенно ошибочно и стихъ принадлежитъ Лермонтову, на что указалъ и П. А. Ефремовъ [Соч. Лермонтова, изд. 1882 г., т. I, стр. 614]. Г. Лонгиновъ же утверждаетъ, что Лермонтовъ родился въ 1815 г., тогда какъ онъ родился въ 1814 г.

городства и свѣтскаго рыцарскаго духа. Таковымъ былъ Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, товарищъ по школѣ и близкій другъ Лермонтова. Онъ приходился ему родственникомъ, собственно двоюроднымъ дядей, но вслѣдствіе равенства лѣтъ ихъ называли двоюродными братьями[1]. Столыпинъ былъ красавецъ. Красота его вошла въ поговорку. Всѣ дамы высшаго свѣта были въ него влюблены. Его называли «le beau Столыпинъ» и «la coqueluche des femmes». Вотъ какъ характеризуетъ его одинъ изъ современниковъ: «Красота его мужественная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличавшаяся какою-то нѣжностью, была бы названа у французовъ «proverbiale». Онъ былъ одинаково хорошъ и въ лихомъ гусарскомъ ментикѣ, и подъ барашковымъ киверомъ нижегородскаго драгуна, и, наконецъ, въ одѣяніи современнаго льва, которымъ былъ вполнѣ, но въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Изумительная по красотѣ внѣшняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать «Монго-Столыпина» значитъ для насъ, людей того времени, то же, что выразить понятіе о воплощенной чести, образцѣ благородства, безграничной добротѣ, великодушіи и беззавѣтной готовности на услугу словомъ и дѣломъ. Его не избаловали блистательнѣйшіе изъ свѣтскихъ успѣховъ, и онъ умеръ уже не молодымъ, но тѣмъ же добрымъ, всѣми любимымъ «Монго», и никто изъ львовъ не возненавидѣлъ его, несмотря на опасность его соперничества. Вымолвить о немъ худое слово не могло бы никому притти въ голову и принято было бы за нѣчто чудовищное».

Отмѣнная храбрость этого человѣка была внѣ всякаго подозрѣнія. И такъ было велико уваженіе къ этой храбрости и безукоризненному благородству Столыпина, что, когда онъ однажды отказался отъ дуэли, на которую былъ вызванъ, никто

---

1 Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, по прозванію «Монго», былъ сынъ Аркадія Алексѣевича Столыпина, оберъ-прокурора сената и друга Сперанскаго. Аркадій Алексѣевичъ былъ роднымъ братомъ бабки Лермонтова, Ел. Ал. Арсеньевой, рожд. Столыпиной. Онъ, кромѣ «Монго», имѣлъ еще двухъ сыновей: Николая Аркадьевича, умершаго въ 1884 г., нашимъ уполномоченнымъ министромъ въ Гаагѣ, и Дмитрія Аркадьевича, обязательными сообщеніями котораго мы много пользовались при составленіи біографіи.

въ офицерскомъ кругу не посмѣлъ сказать укорительнаго слова, и этотъ отказъ, безъ всякихъ пояснительныхъ замѣчаній, былъ принятъ и уваженъ, что, конечно, не могло бы имѣть мѣста по отношенію къ другому лицу: такова была репутація этого человѣка. Онъ нѣсколько разъ вступалъ въ военную службу и вновь выходилъ въ отставку. По смерти Лермонтова, которому онъ закрылъ глаза, Столыпинъ вскорѣ вышелъ въ отставку [1842 г.] и поступилъ вновь на службу въ крымскую кампанію въ бѣлорусскій гусарскій полкъ, храбро дрался подъ Севастополемъ, а по окончаніи войны вышелъ въ отставку и скончался затѣмъ въ 1856 году во Флоренціи.

Съ дѣтства Столыпина соединяла съ Лермонтовымъ тѣсная дружба, сохранившаяся ненарушенной по смерти поэта. Не знаемъ, понималъ ли «Монго» вполнѣ значеніе своего родственника, какъ поэта, но онъ питалъ интересъ къ его литературнымъ занятіямъ, что ясно видно изъ того, что онъ перевелъ на французскій языкъ «Героя нашего времени» [1]. Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ нигдѣ не касается этой стороны отношеній къ «Монго». Говоритъ онъ о немъ только по поводу «гусарской выходки», героями которой были оба они, но Столыпинъ, близко знавшій душу своего знаменитаго родственника, по словамъ брата Дмитрія Аркадьевича, всегда защищалъ Михаила Юрьевича отъ всякихъ нападокъ многочисленныхъ враговъ и мало расположенныхъ къ нему людей [2]. Въ двухъ роковыхъ дуэляхъ Столыпинъ былъ секундантомъ Лермонтова, что при безукоризненной репутаціи Столыпина не мало способствовало къ огражденію поэта отъ недоброжелательныхъ на него навѣтовъ. Два раза сопровождалъ онъ его на Кавказъ, какъ бы охраняя горячую, увлекающуюся натуру Михаила Юрьевича отъ опасныхъ въ его положеніи выходокъ [3].

---

[1] Un hèros du siècles, ou le russes dans le Caucase par. M. Stolypine, въ фельетонахъ газеты: Démocratie pacifique, 1843 г. [Шульцъ: Лермонтовъ во французскихъ переводахъ. Русская Старина.].

[2] Ср. поведеніе Столыпина въ дѣлѣ о дуэли Лермонтова съ де-Барантомъ, гл. XVI этого труда.

[3] Г. Лонгиновъ въ Русской Старинѣ 1873 г., т. VII, стр., 382; срав. тоже Бурнашова въ Русскомъ Архивѣ 1872 г., стр. 1780; гр. Соло-

Почему Столыпина называли «Монго», неизвѣстно. Кажется, что названіе это, навсегда оставшееся за нимъ, было дано ему Лермонтовымъ, описавшимъ одну изъ гусарскихъ шалостей. Въ этомъ произведеніи поэтъ назвалъ себя «Маешкой», именемъ, которое носилъ въ школѣ. Подъ какимъ именемъ назвать Столыпина, онъ затруднялся. Но тутъ ему подвернулось лежавшее давно на столѣ Столыпина сочиненіе на французскомъ языкѣ: «Путешествіе Монгопарка». Лермонтовъ воспользовался первыми двумя слогами. Такимъ образомъ, происхожденіе имени чисто случайное. Самая поэма получила названіе «Монго». Она пришлась по вкусу молодежи и во множествѣ рукописей и варіантовъ ходила по рукамъ. Весь Петербургъ зналъ ее, а за Столыпинымъ осталось прозвище. Самъ онъ назвалъ имъ свою любимою и прекрасную собаку, сопровождавшую хозяина по парку Царскаго села и не разъ прибѣгавшую искать его во время полковаго ученія, чѣмъ вводила въ досаду командира полка, Михаила Григорьевича Хомутова [1]. Похожденіе, описанное Лермонтовымъ въ поэмкѣ его «Монго», и успѣхъ ея среди блестящей молодежи тоже представляютъ иллюстрацію тогдашняго общаго ей времяпрепровожденія. Событіе, подавшее поводъ къ поэмѣ-шуткѣ, заключалось въ слѣдующемъ: героиня—Ек. Ег. Пименова, «краса и честь балетной сцены», приглянулась Столыпину, котораго «внимательный лорнетъ» легко можно было замѣтить во время представленій въ одномъ изъ первыхъ рядовъ креселъ Большого театра. Поразившая его молодая танцовщица любви его сначала

Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.

губъ, много о немъ разсказывавшій намъ, изобразилъ его въ повѣсти «Большой свѣтъ». Кромѣ указаннаго, мы въ дальнѣйшихъ разсказахъ о Столыпинѣ пользуемся сообщеніями о немъ, сдѣланными намъ А. О. Смирновой [рожд. Росетти], Ак. Павл. Шанъ-Гиреемъ, братомъ «Монго», Дмитр. Арк. Столыпинымъ и другими. Фельдмаршалъ князь А. Ив. Барятинскій, тоже товарищъ «Монго» по школѣ, одинъ очень недружелюбно отзывался о немъ, какъ и о Лермонтовѣ. Но тому были другія причины. Однако и онъ не заподозривалъ благородства Алексѣя Аркадьевича.

[1] О случайномъ происхожденіи имени «Монго» сообщилъ намъ Дм. Арк.

Пименова была дочь кузнеца и воспитывалась въ театральной школѣ. Красота ея увлекла богатаго казанскаго помѣщика и откупщика, Моисеева, и дѣвушка не устояла передъ золотымъ Молохомъ. Счастливый побѣдитель поселилъ свою нимфу на лѣто въ одной изъ весьма модныхъ тогда дачъ по Петергофской дорогѣ, не далеко отъ славившагося въ то время Краснаго Кабачка, гдѣ окружилъ ее всевозможною раскошью. Ей-то за холодность думалъ отомстить Монго. Вмѣстѣ съ Маёшкой задумалъ онъ совершить ночной набѣгъ на жилище балерины. Верхами выѣхали они изъ Краснаго села съ закатомъ солнца съ тѣмъ, чтобы поспѣть обратно къ 7 часамъ утра на полковое ученье [1].

По свидѣтельству г. Евд. Ростопчиной, проказы, шалости и шутки всякаго рода послѣ пребыванія Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ сдѣлались его любимымъ занятіемъ. «Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляло жизнь въ эти годы» [2]. До самой высылки на Кавказъ въ 1837 г. Лермонтовъ жилъ въ Царскомъ вмѣстѣ со Столыпинымъ на углу Большой и Манежной улицъ, проводя однако большую часть времени въ Петербургѣ у бабушки. Столыпинъ невольно подчинялся уму Лермонтова, который, какъ увидимъ, и среди разсѣяннаго и веселаго образа жизни въ кругу товарищей и петербургскаго свѣта, продолжая жить двойственною жизнью, не оставлялъ серьезныхъ занятій и интересовъ литератутныхъ. Оба друга имѣли на офицеровъ своего полка большое вліяніе. Товарищество [esprit de corps] было сильно развито въ этомъ полку и, между прочимъ, давало одно время сильный отпоръ

Столыпинъ. Г. Лонгиновъ производитъ его прямо отъ клички собаки. Русская Старина 1873 г., въ вышеозн. мѣстѣ.

1 Т. II, стр. 167.

2 Разсказы о Лермонтовѣ гр. Ростопчиной, помѣщенные Дюма въ его Impressions de voyage—le Caucase и перевед. Шульцемъ въ Русской Старинѣ 1882 г., сентябрь, стр. 610.

притязаніямъ полковника С., временно командовавшаго полкомъ. Къ Лермонтову, по свидѣтельству г. Лонгинова, дальняго родственника его и часто съ нимъ видавшагося [1], начальство тогда уже не благоволило и считало его дурнымъ фронтовымъ офицеромъ. Что касается желанія Лермонтова проникнуть въ аристократическое общество Петербурга, то оно сначала оставалось для него недосягаемымъ, по крайней мѣрѣ стать интимнымъ посѣтителемъ гостиныхъ ему не удалось. Фамилія Лермонтовыхъ не была извѣстна въ тогдашнемъ высшемъ свѣтѣ и сама по себѣ ничего не представляла. Родъ Лермонтовыхъ, какъ уже было сказано, захудалъ и обѣднѣлъ. Молодой, некрасивый, не чрезмѣрно богатый гусарскій корнетъ ничѣмъ не могъ привлечь къ себѣ вниманія въ гостиныхъ и на балахъ. Положеніе, которое другіе легко пріобрѣтали, часто безъ всякихъ нравственныхъ преимуществъ, Лермонтовъ долженъ былъ завоевывать себѣ, борясь съ большими трудностями. Пока его поддерживали только связи бабушки, имена Арсеньевыхъ и Столыпиныхъ. Сознаніе, что онъ некрасивъ, тревожило самолюбиваго юношу.

О душевномъ состояніи при вступленіи въ салоны петербургскаго свѣта Лермонтовъ въ 1835 г. писалъ другу своему Сашенькѣ Верещагиной въ Москву:

„Вступая въ свѣтъ, я увидалъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества“ [2].

Желаніе обратить на себя вниманіе въ гостиныхъ во что бы то ни стало было слабостью, недостойною ума и талантовъ поэта. Онъ это, впрочемъ, сознавалъ, но много времени протекло раньше, нежели сознаніе это побѣдило самолюбіе 20-ти лѣтняго юноши, желавшаго ни въ чемъ не отставать отъ своихъ товарищей.

---

[1] См. Русскую Старину въ вышеозначен. мѣстѣ, стр. 382, и «Русскій Вѣстникъ» 1857 г., ноябрь.

[2] Т. V, стр. 405.

При самомъ вступленіи въ свѣтъ поэтъ встрѣтился съ дѣвушкою, которая, когда ему было 15 лѣтъ, занимала его фантазію и даже вдохновляла его, но, будучи старше его годами, подсмѣивалась надъ восторженнымъ мальчикомъ. То была Екатерина Александровна Сушкова.

Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой, содержащія, главнымъ образомъ, разсказъ объ отношеніяхъ къ ней Лермонтова, въ свое время возбудили живой интересъ. Многіе въ печати высказались за правдивость ихъ, за искренность тона и мѣткость характеристики. Появились, однако, и сильныя нападки даже со стороны ближайшихъ людей, хорошо знавшихъ ее. Между прочимъ, противъ вѣрности сообщаемаго авторомъ записокъ выступили родная сестра г-жи Хвостовой и извѣстная наша писательница графиня Ростопчина, тоже рожденная Сушкова и двоюродная сестра Екатерины Александровны. Графиня Ростопчина не безъ ироніи указывала на то, что кузина ея увлеклась желаніемъ прослыть «Лаурой» русскаго поэта. Это желаніе такъ увлекало Екатерину Александровну, что она совершенно сбилась въ хронологіи. Считая себя вдохновительницею лучшихъ произведеній Лермонтова, она разсказывала, между прочимъ, что стихотвореніе «Сонъ» [«Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана»] было написано имъ, когда поэтъ дѣлалъ видъ, что вызоветъ на дуэль жениха ея, друга своего Лопухина, т.-е. въ 1835 году, тогда какъ стихотвореніе это черновымъ находится въ альбомѣ, подаренномъ Лермонтову княземъ Одоевскимъ въ послѣдній выѣздъ поэта изъ Петербурга на Кавказъ въ 1841 г. О многихъ стихотвореніяхъ, писанныхъ Лермонтовымъ другимъ лицамъ, Екатерина Александровна говоритъ, какъ о посвященныхъ ей. Она, очевидно, запамятовала и сочла то, что было вписано поэтомъ въ альбомъ ея, за посвященное ей [1].

---

[1] До 1832 года Лермонтовъ многимъ изъ молодыхъ дѣвушекъ, съ которыми былъ друженъ, вписывалъ въ альбомы свои лирическія пьесы. См., что сказанно нами въ Русской Мысли 1884 г., кн. IV, стр. 170, прим. 4-е, и 1882 г., кн. II, стр. 114.—Русскій Вѣстникъ, мартъ 1882, стр. 335. Въ этой статьѣ мы подвергнули разсмотрѣнію отношенія Лермонтова къ г-жѣ Хвостовой и подробно указываемъ на обстоятельства, совершенно

Насмѣхавшаяся надъ 15-ти лѣтнимъ ухаживавшимъ за нею мальчикомъ, Екатерина Александровна встрѣтилась съ нимъ вновь черезъ пять лѣтъ въ салонахъ Петербурга, когда ей было уже двадцать три года и родные вывозили ее на балы съ очевиднымъ намѣреніемъ выдать замужъ. Сама Екитерина Александровна разсказываетъ о цѣломъ рядѣ своихъ обожателей въ Москвѣ, но злой рокъ не позволилъ ей тогда съ кѣмъ-либо изъ нихъ соединить свою судьбу. Отъ любви къ нѣкоему Г-ну она даже захворала. Осенью 1834 года она пріѣхала изъ деревни въ Петербургъ; немного погодя, пріѣхалъ туда же изъ Москвы близкій другъ Лермонтова, Алексѣй Александровичъ Лопухинъ, за котораго родные очень желали выдать Екатерину Александровну, и къ которому легко воспламеняющееся сердце дѣвушки, по собственному ея разсказу, было полно нѣжной страсти еще прежде. Декабря 4-го на балу судьба

не подтверждающія разсказы автора записокъ, появившихся сначала въ Вѣстникѣ Европы 1869 г., а потомъ отдѣльнымъ изданіемъ М. И. Семевскаго въ 1870 г. Противъ правдивости этихъ записокъ писали, между прочимъ, сестра г-жи Хвостовой, г-жа Ладыженская, въ Русск. Вѣст. 1872 г., № 2, и г-жа Фадѣева въ Совр. Лѣтописи 1869 г., № 46, и 1872 г., № 41. Г-жа Фадѣева—сестра извѣстнаго нашего военнаго писателя Фадѣева [автора «Вооруженныхъ силъ Россіи»—проживала въ Одессѣ, гдѣ мы имѣли возможность познакомиться съ нею во время археологическаго съѣзда [авг. 1881 г.] и получить часть записокъ г-жи Хвостовой въ первоначальномъ ихъ видѣ, которыя и передали въ Лермонтовскій музей при Ник. кав. училищѣ.

Мнѣніе наше относительно всего, что разсказываетъ въ запискахъ своихъ г. Хвостова, подтверждается и сообщеніями А. П. Шанъ-Гирея въ августовской книгѣ Русскаго Обозрѣнія за 1890 годъ стр. 729.—Граф. Берольдингенъ, дочь г-жи Гюгель [Сашеньки Верещагиной], пишетъ намъ изъ Штутгарта въ іюлѣ 1884 года: «Если бы моя бабушка [старушка Верещагина], умершая въ мартѣ 1876 года, успѣла свидѣться съ Вами, она все бы могла разсказать Вамъ, ибо до мельчайшихъ подробностей знала обстоятельства. Мнѣ это не передать. Одно только могу сказать, что книгу этой дамы [г-жи Хвостовой] она признавала *совершенно неправдивою*. Любилъ поэтъ серьезно и долго не ее... Письма Лермонтова къ матери моей [Сашѣ Верещагиной] бабушка сама уничтожила, они были крайне саркастичны и задѣвали многихъ».—Однакоже два письма намъ удалось разъискать въ оригиналѣ, и читатель найдетъ ихъ въ V томѣ сочиненій Лермонтова.

опять свела Екатерину Александровну съ Лермонтовымъ, только за нѣсколько дней до того произведеннаго въ офицеры.

«Я не видала Лермонтова съ 30 года,—пишетъ Екатерина Александровна.—Онъ почти не перемѣнился... возмужалъ немного, но не выросъ и не похорошѣлъ, и почти все такой же былъ неловкій и неуклюжій, но глаза его смотрѣли съ большой увѣренностью; нельзя было не смутиться, когда онъ устремлялъ ихъ съ какой-то неподвижностью». Несмотря на то, что Екатерина Александровна любила другого и обрадовалась Лермонтову только потому, что онъ могъ сказать «когда пріѣдетъ Лопухинъ», эта дѣвушка не преминула отнестись съ вызывающею кокетливостью къ молодому офицеру. Она обѣщала ему и кадриль и мазурку, и въ отвѣтъ на его замѣчанія, что онъ помнитъ, какъ жестоко она обращалась съ нимъ, когда онъ носилъ еще студенческую курточку [1], и поэтому въ юнкерскомъ мундирѣ избѣгалъ встрѣчать ее, сказала: «Ваша злопамятность и теперь доказываетъ, что вы сущій ребенокъ; но вы ошиблись: теперь и безъ вашихъ эполетъ я бы пошла танцовать съ вами». И дальнѣйшій разговоръ, и ловкость, съ какою Екатерина Александровна вводитъ Лермонтова въ домъ свой, на балъ, который дается тамъ черезъ два дня, 6 декабря, и обращеніе съ нимъ на этомъ второмъ вечерѣ, и то, какъ она ни за что не хочетъ отдать поэту писанное имъ еще 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ стихотвореніе,—все изобличаетъ въ ней опытную кокетку. Екатерина Александровна была старше поэта и давно выѣзжала въ свѣтъ. Можетъ-быть не безъ основанія, Лермонтовъ въ письмѣ къ Сашенькѣ Верещагиной характеризуетъ ее кокеткой. Къ Марфѣ Александровнѣ Лопухиной онъ по поводу отношеній Екатерины Александровны къ брату ея, пишетъ 23 декабря 1834 г., слѣдовательно, вскорѣ послѣ встрѣчи съ ней слѣдующее:

„Скажите, я замѣтилъ, что братъ Вашъ какъ будто чувствуетъ слабость къ M-elle Catherine Souchkoff... Извѣстно ли это вамъ?... Дяди барышни, кажется, желали бы очень поженить ихъ: да

[1] Вѣроятно, полуфракъ, въ коемъ Лермонтовъ выѣзжалъ въ 30 годахъ, будучи воспитанникомъ университетскаго пансіона.

сохрани Господь!... Эта женщина—летучая мышь, крылья коей цѣпляются за все встрѣчное! *Было время, когда она мнѣ нравилась.* Теперь она почти принуждаетъ меня ухаживать за нею. Но не знаю, въ ея манерахъ, въ ея голосѣ, есть что-то жесткое, отрывистое, отталкивающее. Стараясь ей понравиться, въ то же время, ощущаешь удовольствіе скомпрометировать ее, запутавшуюся въ собственныя сѣти!“ [т. V, стр. 402].

Эти жесткія, дышащія презрѣніемъ строки отчасти поясняются желаніемъ Лермонтова мстить Екатеринѣ Александровнѣ за прежнее жестокое, насмѣшливое отношеніе къ нему, мальчику, жаждавшему любви и ласки. «Вы видите,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ—что я мщу за слезы, которыя пять лѣтъ тому назадъ заставляло проливать меня кокетство M-elle Сушковой. О наши счеты еще не кончены! Она заставила страдать сердце ребенка, а я только мучаю самолюбіе старой кокетки!» Должно быть, Екатерина Александровна прежде дѣйствительно жестоко поступала съ Лермонтовымъ. Къ сожалѣнію, о прежнихъ отношеніяхъ мы знаемъ только изъ разсказовъ самой бывшей M-elle Сушковой [Записки, стр. 77—90]. Въ Лермонтовскихъ черновыхъ тетрадяхъ того времени сохранились лишь слабыя указанія на перенесенныя имъ мученія [ср. біогр. стр. 99 и д.].

Еще одно сердечное обстоятельство возбуждало Лермонтова противъ Екатерины Александровны. Это были отношенія ея къ Алексѣю Александровичу Лопухину. Михаилъ Юрьевичъ видѣлъ, что друга его дѣтства, человѣка, съ которымъ онъ до конца жизни оставался въ отношеніяхъ самыхъ искреннихъ и откровенныхъ, стараются завлечь, что дѣвушка, которую онъ считаетъ одаренною характеромъ мало правдивымъ, начинаетъ увлекать этого друга, что махинаціи подстроены и становятся опасными. Лермонтовъ рѣшается не только мстить за себя, но и разорвать нити, которыми, полагалъ онъ, она опутываетъ его друга. Изъ записокъ Екатерины Александровны опять-таки ясно видно, что она колеблется между Лопухинымъ и Лермонтовымъ [1], но въ разсказѣ своемъ она ста-

---

1 «Записки», стр. 139—165. М. С. Багговутъ, для которой [?] писаны записки, по разсказу г-жи Хвостовой [стр. 164], даже замѣчаетъ

рается выставить и себя, и Лопухина жертвою Лермонтовскихъ козней. Если, какъ сейчасъ увидимъ, поступки Лермонтова по отношенію къ Екатеринѣ Александровнѣ недостойны серьезнаго человѣка и не могутъ быть извиняемы даже и желаніемъ мстить ей за прошлое, то обвиненіе поэта въ коварствѣ относительно своего друга и въ обманѣ его совершенно не вѣрно и, очевидно, не согласно съ истиной. Лермонтовъ, безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствовалъ съ вѣдома Ал. Александр. Лопухина. Это видно изъ письма, которое онъ пишетъ въ Москву своей двоюродной сестрѣ уже послѣ возвращенія туда Лопухина изъ поѣздки его въ Петербургъ. Откровенно описывая всю исторію своихъ отношеній къ Екатеринѣ Александровнѣ, Михаилъ Юрьевичъ ссылается на то, что начало ея, конечно, было ей разсказано Алексисомъ [т.-е. Лопухинымъ]. Затѣмъ въ томъ же письмѣ говоритъ о дѣвушкѣ [M-elle Ладыженской], которой интересовался Лопухинъ. Изъ всего этого мы, полагаемъ, въ правѣ сдѣлать выводъ, что оба друга, замѣтивъ слабую струнку Екатерины Александровны, подшутили надъ ней, съ тою разницей, что Лермонтовъ пошелъ дальше своего друга и не только отомстилъ M-elle Сушковой, но и воспользовался ея опрометчивостью для того, чтобы скомпрометировавъ ее, заставить въ обществѣ заговорить о себѣ и пріобрѣсти репутацію опаснаго Донъ-Жуана. Въ то время того добивалась вся золотая молодежь—это было въ модѣ.

Не будемъ передавать разсказы о всѣхъ разговорахъ и встрѣчахъ, на которыхъ подробно останавливается Екатерина Александровна Хвостова. Сестра ея, г-жа Ладыженская, близкая свидѣтельница того, что происходило, говоритъ обо всемъ иначе. Люди, не знавшіе ничего, кромѣ разсказа самой Екатерины Александровны, съумѣли въ немъ проглядѣть суть дѣла и вывести заключеніе, что героиня имѣла сильное поползновеніе завлечь молодаго офицера въ сѣти брачнаго союза, и что поэтъ уклонился отъ чести быть мужемъ такой милой, предусмотрительной особы [1].

ей по поводу ея колебаній между Лермонтовымъ и Лопухинымъ и отдачи предпочтенія первому: «ты промѣняла кукушку на ястреба».

[1] Г. Мартьяновъ [«Поэтъ Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ со-

Самъ Лермонтовъ, никогда не лгавшій о себѣ, разсказываетъ объ этой второй своей встрѣчѣ съ Екатериной Александровной въ письмѣ къ Сашенькѣ Верещагиной, весною 1835 г.:

„Если я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Въ началѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало разсчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда отношенія къ Сушковой. Я понялъ, что, желая словить меня, она легко себя скомпрометируетъ. Вотъ я ее и скомпрометировалъ насколько было возможно, не скомпрометировавъ самого себя. Я публично обращался съ нею, какъ съ личностью, весьма мнѣ близкою, давалъ ей чувствовать, что только такимъ образомъ она можетъ надо мною властвовать. Когда я замѣтилъ, что мнѣ это

временниковъ, Всемірный Трудъ, годъ IV, октябрь, стр. 581] замѣчаетъ: «Е. А. Хвостова говоритъ здѣсь со всей увлекательностью жертвы увлеченія, разсказываетъ, между прочимъ, о личныхъ отношеніяхъ къ ней поэта. Разсказъ этотъ веденъ блистательно, съ знаніемъ дѣла, но не отличается искренностью. Всѣ эти странные звучные аккорды воспринятой ею на себя восторженной страсти, вся эта мелодичная пѣснь любви, вся эта трогательная задушевная исповѣдь разбитаго сердца покрываются высокой нотой оскорбленнаго самолюбія и звучатъ упрекомъ поэту въ грубомъ нравственномъ растлѣніи и въ холодномъ, эгоистичномъ бездушіи... Такая всеобъемлющая, глубокая страсть, которую рисуетъ намъ Е. А. Хвостова, едва ли могла вспыхнуть у нея въ сердцѣ послѣ многихъ лѣтъ холодныхъ, свѣтскихъ отношеній къ поэту. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ блестящій обманъ самой себя, миражъ пылкаго воображенія» и т. д.

Издатель «Записокъ» въ предисловіи своемъ, напротивъ, признаетъ искренность и правдивость тона. Но М. Ив. Семевскій не имѣлъ свѣдѣній, которыя стали извѣстны позднѣе, и, вѣроятно, не углубившись въ сокрытый смыслъ искуснаго разсказа, былъ введенъ въ заблужденіе, въ которое впали и мы при первомъ прочтеніи труда г-жи Хвостовой. Мы были тогда вполнѣ на ея сторонѣ и въ противникахъ ея видѣли только зависть или недоброжелательство. Увы! подробное изученіе эпизода заставило насъ глядѣть на г-жу Хвостову совершенно другими глазами. И роль ея, и Записки представляютъ явленіе весьма некрасивое. Признаемся, намъ даже неловко было [Русск. Вѣстн. 1882 г., мартъ, стр. 332] изобличать ее, неловко и теперь! Было бы гораздо пріятнѣе, если бы Записки ея вышли анонимно; тогда, быть можетъ, осталось бы неизвѣстнымъ, кто такая эта самозванная Лаура, ставшая на дорогѣ молодаго поэта.

удалось, и что еще одинъ дальнѣйшій шагъ погубитъ меня, я выкинулъ маневръ. Прежде всего, въ глазахъ свѣта, я сталъ болѣе холоднымъ къ ней. чтобы показать, что я ея болѣе не люблю, а что она меня обожаетъ [что, въ сущности, не имѣло мѣста]. Когда она стала замѣчать это и пыталась сбросить ярмо, я первый публично ее покинулъ. Я въ глазахъ свѣта сталъ съ нею жестокъ и дерзокъ, насмѣшливъ и холоденъ. Я сталъ ухаживать за другими и подъ секретомъ разсказывать имъ тѣ стороны исторіи, которыя представлялись въ мою пользу. Она такъ была поражена этимъ неожиданнымъ моимъ обращеніемъ, что сначала не знала, что дѣлать, и смирилась, что заставило говорить другихъ и придало мнѣ видъ человѣка, одержавшаго полную побѣду; затѣмъ она очнулась и стала вездѣ бранить меня, но я ее предупредилъ, и ненависть ея казалась и друзьямъ, и недругамъ уязвленною любовью. Далѣе она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, разсказывая всѣмъ близкимъ моимъ знакомымъ, что любитъ меня; я не вернулся къ ней, а искусно всѣмъ этимъ пользовался... Не могу сказать вамъ, какъ все это послужило мнѣ; это было бы очень скучно и касается людей, которыхъ вы не знаете. Но вотъ веселая сторона исторіи. Когда я сознялъ, что въ глазахъ свѣта надо порвать съ нею, а съ глазу на глазъ, все-таки, еще казаться преданнымъ, я быстро нашелъ любезное средство—я нписалъ анонимное письмо; *Mademoiselle, я человѣкъ, знающій васъ, но вамъ неизвѣстный... и т. д.; я васъ предваряю, берегитесь этого молодого человѣка; М. Л—овъ васъ погубитъ и т. д. Вотъ доказательство... (разный вздоръ)* и т. д.[1]. Письмо на четырехъ страницахъ... Я искусно направилъ это письмо такъ, что оно попало въ руки тетки. Въ домѣ—громъ и молнія... На другой день ѣду туда, рано утромъ, чтобы во всякомъ случаѣ не быть принятымъ. Вечеромъ на балу я выражаю свое удивленіе Екатеринѣ Александровнѣ. Она сообщаетъ мнѣ страшную и непонятную новость, и мы дѣлаемъ разныя предположенія; я все отношу къ тайнымъ врагамъ, которыхъ нѣтъ; наконецъ, она говоритъ мнѣ, что родные запрещаютъ ей говорить и танцовать со мною; я въ отчаяніи и, конечно, не беру сторону дядюшекъ тетушекъ. Такъ было ведено это трогательное приключеніе, что, конечно, дастъ вамъ обо мнѣ весьма нелестное мнѣніе. Впрочемъ, женщина всегда прощаетъ зло, которое мы дѣлаемъ другой женщинѣ [правило Ларошфуко]. Теперь я не пишу романовъ. Я ихъ переживаю...“ [т. V, стр. 405].

То же разсказываетъ и Екатерина Александровна, но только на многихъ десяткахъ страницъ. И какая разница между эти-

[1] Ср. «Княгиню Лиговскую», соч. т. V, стр. 143.

ми разсказами! Лермонтовъ говоритъ просто и правдиво, нисколько не стараясь выгородить себя или вызвать къ себѣ симпатію; даже и мысль о томъ, что онъ мститъ за страданія, доставленныя ему въ дѣтствѣ, кинута; очевидно, онъ не думаетъ оправдывать себя. Г-жа Хвостова разсказываетъ совершенно иначе, съ очевиднымъ намѣреніемъ возбудить сочувствіе къ себѣ, бѣдной, любящей дѣвушкѣ, обманутой волокитой-гусаромъ, умнымъ и талантливымъ человѣкомъ, геніальнымъ Лермонтовымъ, такъ злоупотребившимъ своимъ превосходствомъ. Она сначала достигла своей цѣли: о Лермонтовѣ по отношенію къ ней говорили съ негодованіемъ. Къ характеру поэта, и такъ уже подверженному нареканіямъ, прибавилась еще крупная антипатичная черта. Мало кому приходило въ голову, что дѣло стояло иначе и что бой происходилъ не между невинной молодой дѣвушкой и искусившимся сердцеѣдомъ, а совершенно наоборотъ. Двадцатилѣтній мальчикъ, едва кончившій свое воспитаніе и вошедшій въ общество только за нѣсколько дней передъ тѣмъ, попадаетъ въ руки искусившейся кокетки, старше его нѣсколькими годами, лѣтъ семь выѣзжавшей и кружившей головы цѣлому ряду поклонниковъ изъ столичной и нестоличной молодежи. Эта кокетка уже разъ измяла сердце 15-ти лѣтняго мальчика-поэта и теперь принимается за него и за его близкаго друга, чтобы того или другаго опутать и связать узами Гименея.

Мы не оправдываемъ поступковъ Лермонтова, но и не можемъ обвинять его не въ мѣру.

Разсчеты Лермонтова оправдались. Друга своего Лопухина онъ вырвалъ изъ мягкихъ кошачьихъ лапокъ красавицы. За себя онъ ей мстилъ, да еще заставилъ «послужить себѣ». До того ничтожно было общество петербургскихъ гостиныхъ, лишенное всякихъ серьезныхъ интересовъ, чтъ эпизодъ съ M-elle Сушковой дѣйствительно обратилъ вниманіе на молодого гусарскаго офицера. Сама виновница успѣха разсказываетъ, какъ теперь имъ заинтересовался цѣлый рядъ лицъ, и Саша Ж., и Лиза Б. Особенно послѣдняя сильно влюбилась въ поэта, и, бѣдная, тоже погибла отъ этой любви [«Записки», стр. 177]! Заинтересовались и другіе. Вообще объ этомъ слу-

чаѣ заговорили въ обществѣ и, слѣдовательно, обратили вниманіе на Лермонтова. Графиня Е. Ростопчина, очевидно, имѣетъ въ виду это время жизни поэта, когда въ воспоминаніяхъ своихъ замѣчаетъ:

«Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ жертвъ Лермонтова, и я не могла удержаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ, донжуанскимъ подвигамъ. Помню, одинъ разъ, онъ, забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родные невѣсты вдругъ получили анонимное письмо, въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ, и затѣмъ онъ болѣе въ этотъ домъ не являлся».

Къ такого рода продѣлкамъ общество относилось тогда очень снисходительно. Принимая во вниманіе нравы времени, приходится быть болѣе снисходительнымъ къ молодому корнету, платившему ему дань.

Надо удивляться, какъ еще въ вихрѣ свѣтскихъ похожденій и товарищеской жизни Лермонтовъ сохранилъ столько серьезныхъ интересовъ и внутренней чистоты, что не только не погибъ въ этихъ своихъ увлеченіяхъ, но ставилъ имъ вѣрную оцѣнку и не давалъ брать верхъ надъ собой. Идя съ жизнью и съ бытомъ своего времени, онъ относился къ нимъ, какъ наблюдатель и критикъ, и собиралъ матеріалы для будущихъ своихъ сочиненій тамъ, гдѣ ему приходилось сталкиваться съ разными людьми: на балахъ ли генералъ-губернатора Петербурга, графа Эссена, адмирала А. С. Шишкова и другихъ, или на маскарадахъ и столичныхъ вечерахъ, въ кругу пирующей и мечущей банкъ молодежи, позднѣе въ лагерѣ боевой жизни, на кавказскихъ водахъ, въ саклѣ чеченца и т. д. «Я на дѣлѣ заготовляю матеріалы для многихъ сочиненій», говорилъ Лермонтовъ M-elle Сушковой, когда она спрашивала его, зачѣмъ онъ такъ ведетъ себя.

Если въ Петербургѣ судьба не поставила на пути поэта ни

одной женщины, любовь къ которой очистительно подѣйствовала бы на душу, то до нѣкоторой степени пробѣлъ этотъ былъ выполненъ дружбою къ двумъ дѣвушкамъ въ Москвѣ, о вліяніи которыхъ мы уже имѣли случай говорить. Александра Верещагина и Марья Александровна Лопухина связывали воспоминанія поэта съ лучшими годами его юности, съ идеальными стремленіями его университетскихъ лѣтъ. Другъ и товарищъ Лермонтова А. П. Шанъ-Гирей въ воспоминаніяхъ своихъ [Русское Обозрѣніе 1890 года, августъ, стр. 731] замѣчаетъ: «Miss Alexandrine т.-е. Александра Михайловна Верещагина, кузина поэта, принимала въ немъ большое участіе, она отлично умѣла пользоваться немного саркастическимъ направленіемъ ума своего и ироніей, чтобы овладѣть этою безпокойною натурой и направлять ее, шутя и смѣясь, къ прекрасному и благородному». Приводя два письма сестеръ Верещагиныхъ къ поэту, Шанъ-Гирей говоритъ: «Письма эти доказываютъ, какое нѣжное чувство дружбы могли имѣть къ нему женщины, замѣчательныя по умственнымъ и душевнымъ качествамъ своимъ» [1]. Память этихъ дѣвушекъ была чрезвычайно дорога ему, и онъ высоко чтилъ ихъ мнѣніе о себѣ. Утопая въ вихрѣ разсѣянной жизни послѣ выхода въ офицеры, Лермонтовъ какъ бы совѣстился писать имъ. Послѣ письма, писаннаго къ М. А. Лопухиной, 23 декабря 1834 г., ближайшее, дошедшее до насъ, письмо помѣчено 31 мая 1837 года. Нѣтъ сомнѣнія, что цѣлый рядъ этихъ любопытныхъ писемъ утраченъ. Всѣ наши поиски остались безуспѣшными, и намъ пришлось убѣдиться, что Марья Александровна дѣйствительно сожгла ихъ,—слухъ, которому сначала мы отказывались вѣрить. Причиною сожженія были нѣкоторыя семейныя тайны, а, можетъ быть, и просто вспышка неудовольствія на то, что часть писемъ, нынѣ находящихся въ изданіи сочиненій Лермонтова, попала въ печать противъ воли Марьи Александровны [2].

---

[1] Читатель найдетъ эти письма въ концѣ тома. Прибавленіе III.

[2] Такъ было объяснено намъ нѣкоторыми изъ родныхъ покойной Марьи Александровны, этого достойнаго и умнаго лица. Г. Бартеневъ первый напечаталъ письма эти въ Русскомъ Архивѣ съ выпусками и безъ объяс-

Если нынѣ существующій въ этихъ письмахъ пробѣлъ и былъ не такъ великъ, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что Лермонтовъ долго не писалъ своему другу, боясь навлечь на себя его неудовольствіе за свое недоброе поведеніе. Самое письмо отъ 23 декабря, говорящее объ образѣ жизни, который сталъ онъ вести, есть исповѣдь, какъ называетъ его самъ поэтъ. Затѣмъ въ письмѣ къ Верещагиной, писанномъ весной 1835 года, онъ прямо говоритъ:

„О, милая кузина, надо признаться вамъ, почему я не писалъ болѣе ни вамъ, ни M-elle Marie. То былъ страхъ, чтобы изъ писемъ моихъ вы не заключили, что я почти недостоинъ болѣе дружбы вашей... Передъ обѣими вами я не могу скрывать истины, передъ вами, которыя были наперсницами юношескихъ моихъ мечтаній, столь прелестныхъ, особенно въ воспоминаніи.. [т. V, стр. 407].

При пылкости характера поэтовъ и ихъ врожденной впечатлительности, являются какъ бы естественными тѣ бурныя увлеченія, которымъ предаются они при вступленіи въ жизнь. Извѣстно, что кутежи привели юношу Гёте на край могилы. Только желѣзная натура спасла его. Пушкина буйная жизнь, которой онъ предался по выходѣ изъ лицея, довела до тяжкой болѣзни. Кутежи и потрата таланта на произведенія весьма скабрезнаго свойства не мѣшали, однако, ему въ тиши кабинета предаваться серьезному служенію музамъ. И Лермонтовъ, несмотря на разсѣянный образъ жизни, въ которой прожигалъ онъ силы и молодость, трудится надъ своимъ образованіемъ и надъ развитіемъ своего таланта. Кромѣ посѣщенія свѣтскихъ гостиныхъ и кутежа въ товарищескихъ кружкахъ и салонахъ полусвѣта, поэтъ искалъ общества людей съ серьезными интересами или примыкавшихъ къ литературному кругу. Послѣдуемъ за нимъ туда, въ тишину рабочаго кабинета, гдѣ онъ ввѣрялъ бумагѣ свои вдохновенныя мысли.

ненія, кому они были писаны. Въ изданіи сочиненій Лермонтова, изготовленномъ Дудышкинымъ, письма эти перепечатаны съ тѣми же пропусками. Затѣмъ г. Ефремовымъ въ изд. 1873 года были отдѣльно помѣщены нѣкоторыя пропущенныя мѣста, и только въ изданіи 1887 года они появились полностью.

ГЛАВА XI.

Литературная дѣятельность до первой высылки на Кавказъ (отъ 1834—1837 года).

Дружба съ А. П. Шанъ-Гиреемъ и С. А. Раевскимъ.—Знакомство съ А. А. Краевскимъ и другими литераторами.—Народничество Лермонтова.—Интересъ къ родной исторіи и народному творчеству.—Бояринъ Орша.—Пѣсня про Грознаго царя, Кирибѣевича и Калашникова.—Тамбовская казначейша.—Сашка.—Маскарадъ.—Арбенинъ.—Два брата.

Если въ концѣ прошлой главы мы обѣщали ввести читателя въ тишину рабочаго кабинета поэта, то исполненіе обѣщанія встрѣчаетъ затрудненіе уже потому, что Михаилъ Юрьевичъ не особенно легко допускалъ людей въ свою мастерскую. Онъ работалъ, работалъ упорно въ тиши кабинета, но, выходя изъ него, показывалъ на лицѣ полную противоположность того, что занимало душу и мысль его. Онъ высоко ставилъ значеніе поэта и рѣдко, рѣдко дозволялъ людямъ касаться священныхъ для него струнъ творчества. Никто съ ногами неомовенными не могъ проникнуть въ святую святыхъ его храма. И тутъ онъ не дѣлалъ различія между простыми смертными и записными литераторами; послѣднихъ онъ опасался еще болѣе первыхъ. Достаточно, пожалуй, прочесть его «Журналиста, читателя и писателя», чтобы получить нѣкоторое понятіе объ отношеніи Михаила Юрьевича къ творчеству своему. Къ этому творчеству соприкасался, и то съ внѣшней стороны, его родственникъ и товарищъ дѣтства Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей, которому онъ диктовалъ порою свои произведенія, или перечитывалъ ихъ съ нимъ. Но Шанъ-Гирей былъ моложе его и по тогдашнему своему развитію не могъ быть даже отдаленно полезнымъ сотрудникомъ и цѣнителемъ. Инымъ являлось другое лицо, игравшее не малую роль въ судьбѣ поэта.

Во все время пребыванія въ Петербургѣ Лермонтовъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ университетскому товарищу своему, Святославу Аѳанасьевичу Раевскому. Мать Раевскаго, рожденная Кирѣева, воспитывалась въ домѣ Столыпиныхъ и свела дружбу съ Елизаветою Алексѣевною, бабушкою Лермонтова, которая и крестила Святослава Аѳанасье-

вича, а во время ученія его въ Московскомъ университетѣ бабушка пріютила крестника у себя. Раевскій былъ старше друга своего года на три, и еще въ Москвѣ живо сочувствовалъ литературнымъ его интересамъ, принимая дѣятельное участіе въ разныхъ планахъ поэтическаго творчества. Окончивъ университетскій курсъ, Раевскій, переѣхавъ въ Петербургъ, поступилъ на службу въ Военное Министерство, но одни чиновничьи и служебные интересы его не удовлетворяли; онъ свелъ знакомство съ людьми, имѣвшими литературные вкусы и сталъ между прочимъ вхожъ къ Андр. Ал. Краевскому, который былъ тогда редакторомъ «Литературныхъ прибавленій» къ «Русскому Инвалиду», и къ которому по пятницамъ собирались литераторы. Раевскій, временами жившій въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ, ввелъ въ кружки знакомыхъ своихъ и Михаила Юрьевича, который однако еще раньше того бывалъ у Сенковскаго, и у Ал. Ник. Муравьева, автора извѣстной книги путешествія по святымъ мѣстамъ [1]. Бывая у людей этихъ, Лермонтовъ охотно бесѣдовалъ съ ними одинъ на одинъ; въ присутствіи же другихъ онъ молчалъ, иногда по цѣлымъ вечерамъ. Юный поэтъ, очевидно, наблюдалъ за обществомъ и изучалъ его въ разныхъ сферахъ, въ которыхъ вращался. Скоро пришло ему на мысль написать комедію «въ родѣ Горе отъ ума» Грибоѣдова, разсказываетъ Муравьевъ. Эта мысль, очевидно, долго занимала поэта, и онъ работалъ надъ этою комедіею, дополняя и передѣлывая ее нѣсколько разъ. Вообще интересы поэта сосредоточивались въ это время на русской жизни и русскомъ обществѣ. Въ немъ, очевидно, еще не опредѣлился личный взглядъ на вещи, что было не мысли-

[1] О знакомствахъ этихъ см. Показанія Раевскаго по дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина—приб. 2-ое. То же слышалъ я отъ А. А. Краевскаго. См. между пр. А. Муравьева, Знакомство съ русскими поэтами, Кіевъ 1871 г. стр. 21. О томъ, что Раевскій бывалъ въ литературныхъ кружкахъ, жилъ съ Лермонтовымъ, живо интересовался его успѣхами, говорится въ запискахъ В. А. Инсарскаго, гл. I, стр. 527 — 528. [Русск. Архивъ 1873 г., апрѣль], впрочемъ г. Инсарскій сильно фантазируетъ относительно Раевскаго, у него къ нему и къ Лермонтову звучитъ наивная струнка презрительнаго самодовольства; онъ утверждаетъ даже, что исправлялъ «Маскарадъ».

мо въ его годы. Въ немъ давно жили патріотизмъ и горячая любовь къ родинѣ и ея прошлому. Въ первыхъ произведеніяхъ Лермонтова мы уже встрѣчаемся съ этимъ началомъ. Онъ еще на 15-мъ году задумываетъ драму «Мстиславъ Черный» [т. IV, стр. 2] и затѣмъ набрасываетъ первый очеркъ своего извѣстнаго стихотворенія «Бородино». [«Поле Бородина», т. I, стр. 154]. Теперь онъ его вновь вырабатываетъ. Еще было живо воспоминаніе о подвигахъ русскихъ въ Наполеоновскія войны, еще всюду слышались разсказы изъ того времени. Генію Наполеона противуставлялся геній Александра и вотъ Лермонтовъ пишетъ стихотвореніе «Два великана».

Въ шапкѣ золота литого,
Старый русскій великанъ
Поджидалъ себѣ другого
Изъ далекихъ южныхъ странъ [т. I, стр. 436].

Слава и политическое значеніе Россіи были въ это время огромны. Величію и премудрости ея Монарха удивлялись иностранцы и приравнивали Императора Николая къ Петру [1]. Неудивительно, что впечатлительный юный поэтъ увлекается общимъ настроеніемъ, и когда заграницей, среди ѳиміама, куримаго русскому царю, кто-то изъ французскихъ журналистовъ, поднимая польскій вопросъ, высказался противъ него, Лермонтовъ вспомнилъ извѣстное стихотвореніе Пушкина: «О чемъ шумите вы, народные витіи», писанное при подобныхъ же обстоятельствахъ. Въ 1835 г., какъ бы опираясь на знаменитую оду, онъ начинаетъ свое стихотвореніе почти съ тѣхъ же словъ:

Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы.
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ и т. д.
[т. I, стр. 245].

---

[1] См. Пыпинъ, Литерат. мнѣнія отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ и то, что говоритъ онъ о мнѣніяхъ извѣстнаго французскаго путешественника Маркиза Кюстина [La Russie en 1839 par ld marquis de Custine. Bruxelles 1843, въ 4-хъ томахъ].

Кончается оно намекомъ на упомянутаго дерзкаго журналиста, посмѣвшаго кинуть грязью клеветы въ русскаго царя. Говорили тогда, что редакторъ этой газеты былъ подкупленъ нашими ненавистниками. Къ этому случаю и относятся послѣднія строки стихотворенія:

Такъ въ дни воинственнаго Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда тріумфомъ шелъ Фабрицкій,
И раздавался по столицѣ
Восторга благодатный крикъ,
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ.

Любопытно, что въ этомъ стихотвореніи высказываются мысли о единствѣ царя съ русскимъ народомъ, что иностранцами ставилось въ особую заслугу Императору Николаю, умѣвшему будто сблизить народъ съ правительствомъ, тогда какъ на западѣ въ это время между ними была полная рознь. Въ умѣніи семъ видѣли также исправленіе Петровской ошибки, сдѣлавшей русскаго царя и правительство чуждыми народу. Иностранцы говорили, что Николай Павловичъ пополнилъ искусственную пропасть, отдѣлявшую народъ отъ натуральнаго властителя его [1]. Вообще тогдашній образъ мыслей Лермонтова чрезвычайно интересенъ. Въ немъ замѣтны взгляды, сказавшіеся и въ кружкѣ московскихъ славянофиловъ. Муравьевъ даже видѣлъ сходство между нимъ и Хомяковымъ. «Лермонтовъ—разсказываетъ онъ—просиживалъ у меня по цѣлымъ вечерамъ; живая и остроумная его бесѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ непріятенъ для слуха, какъ бывало и у Хомякова, съ которымъ во многомъ имѣлъ онъ сходство; не одинъ разъ просилъ я и того и другого: «смѣяться проще». —Не станемъ входить въ разбирательство сходства внѣшнихъ пріемовъ обоихъ поэтовъ. Люди близкіе къ Хомякову всѣ находили его искреннимъ и таковымъ же и смѣхъ его. Впрочемъ и близкіе къ Лермонтову тоже говорили, что былъ онъ въ высшей степени

[1] Пыпинъ, Характер. литер. мнѣній отъ 20 до 50 годовъ.

искренній человѣкъ, и что смѣхъ его былъ дѣтски веселъ и заразителенъ. Это весьма вѣроятно, судя по выраженію его губъ, «дѣтски нѣжныхъ», какъ говоритъ о нихъ Тургеневъ. При людяхъ мало знакомыхъ или несимпатичныхъ ему, Лермонтовъ бывалъ чрезвычайно не откровененъ, и тогда его смѣхъ имѣлъ что-то неестественное и потому непріятное. Но неоткровенность и неискренность не синонимы; а это часто смѣшиваютъ. Можно быть чрезвычайно искреннимъ, но неоткровеннымъ человѣкомъ! Намъ не случалось слышать мнѣніе о томъ, каковъ былъ Хомяковъ съ людьми, съ коими онъ же желалъ быть откровененъ, да и не въ этомъ дѣло; оно и не въ томъ, чтобы добиваться уясненія сходства пріемовъ Лермонтова и Хомякова, тоже начавшаго свою карьеру въ званіи офицера русскихъ войскъ. Всякая параллель между ними трудна потому, что Хомяковъ передъ нами является зрѣлымъ человѣкомъ съ глубокою и серьезною душою, человѣкомъ, положившимъ основаніе цѣлому ученію, написавшему нѣсколько томовъ книгъ, историческаго и философскаго содержанія. Его дѣятельность, какъ поэта, почти пропала въ цѣломъ созданномъ имъ мірѣ трактатовъ и наблюденій. Лермонтовъ—юноша, передъ самой смертью своею на 27-мъ году жизни только еще начинавшій выказывать задатки будущаго зрѣлаго міросозерцанія. Мысль его едва еще принимала сознательное участіе въ ходѣ дѣлъ и міровыхъ вопросовъ. Но вѣдь и Хомяковъ былъ молодъ и онъ долго имѣлъ извѣстность лишь какъ поэтъ, и если мы сравнимъ высказываемыя имъ мысли, особенно въ одни съ Лермонтовымъ годы, то не можемъ не видѣть нѣкотораго ихъ сходства [1]. Развѣ въ стихотвореніи Лермонтова

[1] Въ началѣ 1884 года послалъ я въ «Русь» статью подъ заглавіемъ: «Славянофильскія симпатіи Лермонтова». Ив. Серг. Аксаковъ, найдя ее «интересною», думалъ помѣстить ее въ № 4, но вышла она лишь въ № 5 съ оговоркою, почему она озаглавлена не такъ, какъ я того желалъ. Въ пришедшемъ затѣмъ письмѣ ко мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ обстоятельно объясняетъ не только эти причины, но и почему онъ статью измѣнилъ, т. е. выпустилъ параллель, проведенную, впрочемъ только вскользь, между Лермонтовымъ и Хомяковымъ. Онъ нашелъ сравненіе этихъ лицъ совершенно неподходящимъ, опираясь на различіе ихъ значенія. Я вполнѣ сознаю эту разницу между ними, но я и не сравниваю мыслителя Хомякова съ поэтомъ

«Родина» не видно намека на то же, что говорится Хомяковымъ въ стихотвореніи «Къ Россіи», начинающемся словами: «Гордись, тебѣ льстецы сказали». Лермонтовъ въ годъ смерти еще выражаетъ мысль, что любитъ родину особою любовью, не за то, за что ее прославляютъ, не за политическое могущество и военную славу. «Ни слава, купленная кровью, ни полный гордаго довѣрія покой, не шевелятъ въ немъ отраднаго мечтанья». Хомяковъ въ упомянутомъ стихотвореніи, говоря о прославленіи Россіи за военные подвиги, за ея громаду и силу, восклицаетъ: «Не вѣрь, не слушай, не гордись всѣмъ этимъ прахомъ»! — Оба поэта одинаково поражены фактомъ перенесенія останковъ Наполеона съ острова Св. Елены въ Парижъ, и мысли ими по этому поводу высказываемыя не лишены нѣкоторой аналогіи. При сравненіи Михаила Юрьевича съ Хомяковымъ любопытны и многозначительны отношенія перваго къ западнымъ народамъ.

Вопросы о правахъ человѣчества, о правахъ народности и самостоятельнаго ея развитія всегда занимали юнаго поэта [1]. Изучая наше прошлое и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдя за литературнымъ движеніемъ запада, Лермонтовъ не могъ не натолкнуться на одно весьма любопытное обстоятельство, которое сказалось и въ славянофильскомъ направленіи нашего общества. Въ западной Европѣ стремились познать свое народное направленіе, затертое псевдогрекоримскою образованностью. Латинскій языкъ и католическая ученость вѣками изводили народ-

---

Лермонтовымъ, чего не дѣлалъ и Муравьевъ. Ив. Серг. выпустилъ изъ виду, что былъ же и Хомяковъ молодъ и что именно то и интересно, что въ молодомъ Лермонтовѣ находимъ мы черты, аналогическія тѣмъ, которыя высказывались въ молодомъ Хомяковѣ. Въ сущности самъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ соглашается съ нами, когда въ примѣчаніи къ статьѣ нашей говоритъ:... «Нѣтъ сомнѣнія, что если бы талантъ Лермонтова получилъ дальнѣйшее развитіе, то и въ немъ, какъ и въ Пушкинѣ, сказалась бы съ полною яркостью русская народная стихія, нашли бы себѣ выраженіе многія стороны истинно русскаго духа».

[1] Припомнимъ читателю хотя бы стихотвореніе «Жалоба турка», имѣющее отношеніе къ вопросамъ о положеніи дѣлъ на Руси, писанное въ 29 г. еще въ пансіонѣ [т. I, стр. 41] и все, что его волнуетъ въ университетѣ. [См. выше, стр. 36 и 118].

ное слово, творчество и міровоззрѣніе. Когда опять проснулось чувство народности, когда народы, жаждая обновленія, бросились отыскивать прирожденныя имъ характерныя особенности, пришлось воскрешать ихъ изъ-подъ вѣковаго праха. Романтизму выпало на долю искусственно возсоздавать народныя вѣрованія, повѣрья и образы. Извѣстно, что нѣкоторые изъ первыхъ нашихъ славянофиловъ, основателей ученія, дополняли свое образованіе въ германскихъ университетахъ. Это было именно то время, когда пробужденная послѣ долгаго сна народная германская муза царила надъ умами, и романтизмъ проповѣдывался съ каѳедръ профессорами литературы, исторіи и философіи. Всѣ лучшія силы бросились на изученіе своего родного, народнаго. Подъ впечатлѣніемъ этого направленія вернулись изъ-за границы славные наши молодые люди. [Ив. Кирѣевскій подъ обаяніемъ слышаннаго началъ издавать журналъ «Европеецъ»]. Но только стали они примѣнять западный методъ у себя дома, какъ тотчасъ наткнулись на замѣчательное явленіе. Оно быть можетъ и не сейчасъ же было сознано ими вполнѣ, но должно было круто измѣнить ихъ направленіе. Начавъ изучать свое прошлое, они увидали совершенно другія начала, а главное столкнулись съ народомъ, который жилъ еще своимъ міромъ, у котораго были свои герои, свои пѣсни, свои нравственные образы. Тутъ нечего было воскрешать, нечего создавать, тутъ все приходилось только изучать, приходилось учиться понимать существующія явленія. Тутъ не было мѣста западному романтизму, тутъ все существовало, все было реально; эпосъ, пѣсни, повѣрья. Никакая чуждая образованность подъ опекою «непогрѣшимаго» папизма не успѣла искоренить ихъ огнемъ и мечомъ. Для насъ романтизмъ остался чужимъ, непривившимся растеніемъ.

Это узналъ и Лермонтовъ. Онъ тоже не могъ себѣ дать яснаго отчета въ томъ, куда приведутъ новыя открытія. Онъ чуялъ только, что русско-славянскій міръ начинаетъ дорабатываться до иного сознанія и вступаетъ на новую стезю человѣческаго развитія. Онъ видѣлъ у насъ здоровье, на Западѣ болѣзнь. Это, казалось, сходилось съ мнѣніемъ о насъ западныхъ пришельцевъ, убѣгавшихъ отъ тамошней неурядицы и

встрѣчавшихъ, какъ казалось имъ, у насъ стройность, спокойное сознаніе силы и гармонію между обществомъ и правительствомъ. Лермонтову Западъ сталъ представляться изжившимся старикомъ, болѣзненно мечтающимъ о задаткахъ юности, имъ попранныхъ. Онъ видѣлъ, что Европейскій міръ, какъ міръ Римскій въ свое время, долженъ уступить новому свѣжему элементу. Этотъ элементъ во всемірную исторію человѣческаго развитія внесетъ славянство съ Россіею во главѣ. Напрасно западъ простираетъ руки къ образамъ, имъ давно покинутымъ и безпечно забытымъ.

20-го февраля 1836 года Лермонтовъ перелагаетъ на русскій языкъ извѣстное стихотвореніе Байрона «Умирающій гладіаторъ», и къ нему присовокупляетъ своихъ 15 строкъ, неизвѣстно почему тогда не вышедшихъ въ печати:

Не такъ ли ты, о Европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ, игралище дѣтей—
Осмѣянный ликующей толпою!
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно для язвы просвѣщенья
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ;
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья—
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны [1].
[т. I, стр. 249].

Думы и занятія Михаила Юрьевича дѣлаютъ ему тѣмъ болѣе чести, что онъ попалъ въ кружки, гдѣ не сталкивался съ

---

1 Онѣ находятся въ Лермонтовскомъ музеѣ. Все стихотвореніе писано рукою переписчика, только эпиграфъ изъ Байрона и подпись поэта писаны его рукой. 15 выписанныхъ строкъ, напечатанныхъ мною въ Руси [1884 г. № 4] зачеркнуты, но кѣмъ? можетъ быть и самимъ поэтомъ, который не могъ не замѣтить, что онѣ ослабляютъ впечатлѣніе въ высшей степени образнаго описанія умирающаго гладіатора. Но для уразумѣнія интересовъ, затрогивавшихъ мысль поэта, эти строки весьма интересны.

лицами, которыя бы могли ему распутать нити противуположныхъ мыслей. Такихъ людей онъ въ Петербургѣ не могъ встрѣтить. Можетъ-быть въ московскихъ тогдашнихъ кружкахъ онъ чувствовалъ бы себя лучше. На берегахъ Невы томившимъ его вопросамъ онъ не только не могъ найти разъясненія, но и сочувствія. Не надо забывать, что приблизительно въ то время, когда Лермонтовъ изучаетъ Сборникъ «Кирши Данилова», Бѣлинскій глумится надъ всею народною русскою поэзіею, не признаетъ ея... И что же это были за петербургскіе кружки?.. Панаевъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ отъ 30—39 года дѣлаетъ имъ печальное описаніе. Исключеніемъ былъ кружокъ Пушкина и частью кн. Одоевскаго, но туда для начинающаго, совсѣмъ неизвѣстнаго поэта, доступъ былъ не легокъ. Самолюбивый Лермонтовъ боялся быть назойливымъ: онъ не считалъ себя въ правѣ явиться туда иначе, какъ талантомъ, заявившимъ себя маломальски крупнымъ произведеніемъ. У Плетнева, бывшаго центромъ всего лучшаго литературнаго общества, Лермонтовъ побывалъ въ первый разъ уже гораздо позднѣе, въ 1838 году, когда стихотвореніе на смертъ Пушкина и напечатанная въ началѣ года: «пѣсня про Калашникова» доставили ему почетную извѣстность. Неудивительно, что поэтъ чувствовалъ себя одинокимъ. Въ 1836 году написаны имъ только нѣсколько лирическихъ пьесокъ, но между ними одна вполнѣ выражаетъ его душевное настроеніе:

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной!
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей?
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ рано прекословилъ
Надеждамъ юности моей?
Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла,
Начать готовъ я жизнь другую...
Молчу и жду... Пора пришла...

И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя...[1]. [т. I, стр. 269].

Между тѣмъ занятія Лермонтова исторіей и стариной Россіи внушили ему написать поэму изъ русской жизни, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является бояринъ временъ Іоанна Грознаго, личность котораго всегда занимала поэта. Поэма эта—Бояринъ Орша—написана около 1835 года. Набѣло для печати она переписана позднѣе и на этой рукописи выставленъ 1836 годъ. Она тоже испытала нѣсколько видоизмѣненій. Конецъ ея Лермонтовъ передѣлывалъ нѣсколько разъ. Въ поэмѣ, печатающейся въ общемъ собраніи сочиненій, старый Орша, найдя послушника Арсенія въ комнатѣ дочери, отдаетъ его на судъ монастырской братіи, а дочь, заперевъ въ комнатѣ, предаетъ голодной смерти. Такая расправа бывала и на Западѣ и у насъ на Руси. Помнится въ Библіотекѣ для Чтенія, кажется въ пятидесятыхъ годахъ, печатались воспоминанія стараго крѣпостного служителя о жизни богатаго барина помѣщика, замуровавшаго непослушную ему сноху, слишкомъ страстно привязанную къ мужу. По прошествіи многихъ лѣтъ разнесли стѣну и нашли трупъ несчастной женщины, давно считавшейся безъ вѣсти пропавшей.

Въ то время, какъ уже было сказано, Лермонтовъ изучалъ русскую старину и народныя повѣрья да пѣсни. Уже пятнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ онъ интересовался ими[2]. Теперь онъ серьезнѣе изучаетъ ихъ и особенно прилежно читаетъ извѣстный сборникъ: «Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршою Даниловымъ». Его увлекаетъ характеръ и ладъ русской былины, и въ немъ зараждается мысль составить пѣсню, въ которой выразилась бы русская жизнь, въ знаменательный періодъ московской исторіи — царствованіе Іоанна Грознаго,

---

[1] Это стихотвореніе отнесено нами въ изданіи къ 1837. Оно писано на оборотѣ листа поэмы «Бояринъ Орша», относящейся къ 1836 году, къ коему и относилось другими издателями. Во всякомъ случаѣ поэтъ писалъ его, занятый тѣми же мыслями, которыя понудили его заняться Оршей и пѣсней о Калашниковѣ.

[2] См. глава IV біографіи, стр. 90.

Хотя знаменитая «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова» и была окончательно отдѣлана позднѣе и въ первомъ своемъ видѣ появилась въ началѣ 1838 года, но уже въ 1836 году Лермонтовъ ее задумалъ и готовился написать, а можетъ быть частью и написалъ уже, давъ затѣмъ произведенію этому вылежаться, что было въ его привычкахъ творчества [1].

Во время пребыванія Михаила Юрьевича въ университетѣ произошелъ случай увоза красавицы жены купца, жившаго въ Замоскворѣчьѣ по старинному. Купецъ торговалъ въ Гостинномъ дворѣ, а хозяйствомъ его завѣдывала старуха. Проживавшій въ Москвѣ послѣ польской кампаніи, оправившійся отъ полученной раны лихой гусаръ, тщетно ухаживавшій за приглянувшейся ему женой купца, похитилъ ее съ улицы, когда она возвращалась изъ церкви. Мужъ отомстилъ за поруганіе семьи и затѣмъ, арестованный, наложилъ на себя руки. Случай этотъ, глубоко затронувшій поэта, остался не безъ вліянія на «пѣсню о Калашниковѣ» [2].

Весьма возможно тоже, что самый сюжетъ взятъ поэтомъ изъ какого либо разсказа о грозномъ царѣ, но нѣкоторыя картины и образы навѣяны былинными пѣснями, коими Михаилъ Юрьевичъ зачитывался въ сборникѣ Кирши Данилова. Такъ сцена пированья Ивана Грознаго нарисована по образцу народныхъ пѣсенъ. Въ былинѣ «Ставръ бояринъ» поется, что

Во стольномъ было городѣ, во Кіевѣ
У ласкова Осударя, Князя Владиміра,
Было пированье, почестный пиръ
Было столованье, почестный столъ

---

[1] Въ первомъ изданіи нѣтъ напримѣръ четырехъ характерныхъ стиховъ, которые Лермонтовъ очевидно прибавилъ готовя второе изданіе:

Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ,
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ. [т. II, стр. 301]

[2] См. статью г. Мартьянова [изъ записной книжки] въ Ист. Вѣст. 1884 г сентябрь, стр. 594 и д., свидѣтельства г. Парамонова.

На многи князи и бояра
И гости богатые...
Князи бояре пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,
И только изъ нихъ одинъ бояринъ
Ставръ Годиновичъ не пьетъ, не ѣстъ...
(Кирша Даниловъ).

Такой-же пиръ описанъ въ былинѣ: «Мастрюкъ Темрюковичъ». Пьетъ царь, и пьютъ бояре, и князья, и могучіе богатыри. И доносятъ царю:

„А и гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
Всѣ князи, бояре, могучіе богатыри
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются...
Одинъ не пьетъ, да не ѣстъ царскій гость дорогой
Мастрюкъ Темрюковичъ, молодой Черкашенинъ“.

Этотъ Темрюковичъ могъ явиться для Лермонтова прототипомъ удалаго бойца, Кирибѣевича. Онъ тоже любимый боецъ и шуринъ царскій, какъ Кирибѣевичъ, принадлежащій къ роду Скуратовыхъ, который былъ въ свойствѣ съ Грознымъ. Темрюковичъ побиваетъ всѣхъ бойцовъ, что дѣлалъ и Кирибѣевичъ. Оба они хвастаютъ и глумятся надъ боязливыми супротивниками. Темрюковичъ, въ сборникѣ Кирши Данилова,

Кричитъ во всю голову, чтобы слышалъ Царь Государь:
„А свѣтъ ты вольный царь, царь Иванъ Васильевичъ,
Что у тебя въ Москвѣ за похвальные молодцы, поученые, славные?
На ладонь ихъ посажу, другой рукою раздавлю“.

У Лермонтова Кирибѣевичъ на просторѣ похаживаетъ,

Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
„Присмирѣли, не бойсь, позадумались!
Такъ и быть обѣщаю для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку“.

Темрюковича побиваетъ наконецъ Мишка Борисовичъ, человѣкъ роду незнатнаго, какъ Кирибѣевича Степанъ Парамоновичъ — сынъ купеческій.

Перечитывая разныя былины въ сборникѣ Кирши Данилова, удивляешься, какъ Лермонтовъ усвоилъ себѣ складъ и выра-

женія народной рѣчи. Видно, онъ и долго и много изучалъ ихъ. Тутъ встрѣчаешь и сѣдельце бранное черкасское, и очи слезныя, что выклюетъ коршунъ, и описаніе утренней зари:

А по утру рано ранешенько,
На свѣтлой зарѣ, рано-утренней,
На восходѣ краснаго солнышка...

У Лермонтова:

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной Кремлевской бѣлокаменной,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается...

Въ былинѣ «Иванъ Годиновичъ» мы встрѣчаемся съ именемъ: Настасья Дмитріевна, напоминающимъ собою Алену Дмитріевну у Лермонтова. Кирибѣевичъ влюбленъ въ нее, но скрываетъ отъ царя, что она

Въ церкви Божіей перевѣнчана.

Въ былинѣ «Иванъ Годиновичъ» тоже опаздываетъ со своею любовью. Пѣсня говоритъ:

„Глупый Иванъ, неразумный Иванъ!
Гдѣ ты Иванушка, перво былъ?
Нынѣ Настасья просватана,
Душа Дмитревна запоручена...

Воспринявъ въ себя духъ и ладъ народной рѣчи, молодой поэтъ создалъ чудную повѣсть изъ прежняго русскаго быта. — «Гомеровская вѣрность, сила и простота видны въ ней», такъ выражается о «пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, Кирибѣевича и Калашникова» германскій поэтъ и знатокъ Лермонтова, Боденштедтъ. «Чтобы точнѣе опредѣлить значеніе Лермонтова въ русской и во всемірной литературѣ—говоритъ онъ—слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что онъ выше всего тамъ, гдѣ становится наиболѣе народнымъ, и что высшее проявленіе этой народности [какъ пѣсня о царѣ Иванѣ Васильевичѣ] не требуетъ ни малѣйшаго комментарія, чтобы быть понятною для всѣхъ». Боденштедтъ разсказываетъ также какое сильное впечатлѣніе

производило въ Германіи чтеніе перевода этой пѣсни. Въ свое время въ русской критикѣ уже Шевыревъ указывалъ на то съ какимъ мастерствомъ Лермонтовъ умѣлъ усвоить себѣ черты народнаго творчества и какъ исторически вѣрно схваченъ характеръ лицъ, выставленныхъ имъ въ этомъ знаменитомъ произведеніи; Хомяковъ приходилъ въ восторгъ отъ этой пѣсни [1]. Полагаемъ, что не скажемъ лишняго, если замѣтимъ, что сохранись изъ твореній Лермонтова одна эта пѣсня — слава и значеніе его были бы упрочены какъ въ нашей родной, такъ и во всемірной литературѣ. Интересной иллюстраціей къ настроенію поэта въ годы, когда онъ писалъ свою пѣсню про Іоанна Грознаго, можетъ служить разсказъ о томъ, какъ, побывавъ зимою 1836 года въ Тарханахъ [2], Лермонтовъ устраиваетъ между крестьянами кулачный бой. Бои эти существовали въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ и на Волгѣ до послѣдняго времени и только недавно окончательно [?] вывелись. Довольный видѣннымъ боемъ Лермонтовъ подарилъ крестьянамъ нѣсколько участковъ лѣсу и особенно одарилъ побѣдителя молодаго парня изъ Тарханъ [3]. Видно, поэта за-

---

[1] Bodenstedt. Mich. Lermontow's Poetischer Nachlass. Berlin 1852, II s. 337 и Соврем. 1861 февр. стр. 328. Статья Шевырева, на которую указываетъ Боденштедтъ, напечатана была въ Москвитянинѣ 1841 г. Ч. II, № 4 стр. 525 и писана по поводу изданія стихотв. Лермонтова въ 1841 году. Но почтенный критикъ еще боится произнести окончательное сужденіе свое надъ поэтомъ. А. Н. Пыпинъ въ статьѣ объ изслѣдованіи русской словесности [Вѣстн. Евр. февр. 1883 г. стр. 634] говоритъ... «Мы имѣемъ у Лермонтова великолѣпные, самимъ Пушкинымъ недостигнутые, образцы воспроизведенія народныхъ темъ, какъ пѣсня объ опричникѣ и купцѣ Калашниковѣ», и т. д. Что Лермонтовъ хорошо былъ знакомъ со сборникомъ Кирши Данилова, замѣтилъ и Шевыревъ. Михаилъ Юрьевичъ усвоилъ себѣ даже размѣръ былинъ полухореическій, полудактилическій. Сравн: Авенаріусъ. Книга былинъ. С.-Петерб. 1880 г. введеніе стр. XX. Хомяковъ пишетъ къ Языкову [Русск. Арх. 1884 г., кн. 3, стр. 203]. «Сказка объ опричникѣ въ прибавленіяхъ оказалась Лермонтова. На него есть надежды».

[2] Что Л. былъ въ Тарханахъ зимою 1836 года подтверждается и письмомъ его къ С. В. Раевскому, писанному изъ Тарханъ 16-го янв. [т. V, стр. 411].

[3] Изъ разсказовъ 80-лѣтней старушки, крестьянки Аграфены Петровны Усковой въ Тарханахъ гдѣ въ 1881 году я собиралъ свѣдѣнія о

нимала картина кулачнаго боя, какъ сильно распространенная въ прошломъ русская національная потѣха. Впрочемъ забава эта была извѣстна поэту еще съ дѣтскихъ дней. Въ то время кулачные бои происходили зимой на замерзшемъ пруду помѣщичьяго сада въ Тарханахъ.

Въ эту поѣздку, слѣдуя по совѣту бабушки черезъ Тамбовъ, Лермонтовъ былъ свидѣтелемъ или узналъ о происшествіи, которое воспѣлъ подъ именемъ «Тамбовской казначейши»; такъ и слѣдуетъ именовать это произведеніе. Въ печати оно появилось подъ именемъ просто «Казначейши», а не тамбовской, по соображеніямъ цензурнымъ. Слово Тамбовъ вообще было выброшено и замѣнено точками.

Тогда же, или за годъ, Лермонтовъ въ Тарханахъ сталъ писать поэму «Сашка», пользуясь набросками, сдѣланными имъ въ разное время и, между прочимъ, еще въ Юнкерской школѣ въ тетрадкѣ «лекцій по географіи европейскихъ государствъ въ военномъ отношеніи». Произведеніе это, интересное своимъ автобіографическимъ значеніемъ, любопытно теплотою воспоминаній о Москвѣ и Московскомъ университетѣ. Оно осталось неоконченнымъ, вѣроятно потому, что въ немъ еще слишкомъ сказывался духъ произведеній скабрезнаго свойства, вышедшихъ изъ-подъ пера поэта во время пребыванія его въ «Юнкерской школѣ». Нѣкоторые стихи, писанные имъ въ то время, вошли въ поэму. Лучшія строфы изъ нея Михаилъ Юрьевичъ перенесъ позднѣе въ другія свои произведенія. [т. II, стр. 175 и прим. въ концѣ тома].

прошлыхъ годахъ. Старушка увѣряла, что «молодымъ бариномъ—царство ему небесное!—было тогда роздано 25 десятинъ лѣсу. Всѣ тогда и избы и изгороди справили... а билися на первомъ снѣгѣ. Мѣсто то оцѣнили веревкой — и много нашло народу; а супротивникъ сына моего прямо по груди то и треснулъ, такъ, значитъ, кровь пошла. Мой—отъ осерчалъ, да и его какъ хватитъ — съ ногъ даже сшибъ. Михаилъ Юрьевичъ кричитъ: Будетъ! Будетъ, еще убьетъ!...» Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» это разсказывалось немного иначе: будто крестьяне, желая потѣшить барина за подарокъ въ 25 десятинъ лѣсу, устроили кулачный бой; да такъ подрались, что Лермонтовъ не могъ ихъ унять. [Нов. Время 1881 г. № 1991—среди газетъ и журналовъ]. Ср. тоже разсказъ Шанъ-Гирея въ Русскомъ Обозрѣніи, Августъ 1890 г.

Лермонтовъ дѣлилъ время свое между кутежами да пустыми удовольствіями, и серьезною думой, и литературными занятіями. Привыкшій наблюдать за собою и окружающимъ, поэтъ не могъ не относиться къ переживаемому критически. Неудовлетвореніе собою за мелкую недостойную жизнь, которую велъ онъ, и презрѣніе къ пустому обществу, среди коего вертѣлся, все вмѣстѣ вызвало въ поэтѣ желаніе написать драму или комедію, долженствовавшую быть рѣзкою критикою на современные нравы. Кажется на него подѣйствовало чтеніе Грибоѣдовской комедіи «Горе отъ ума», ходившей по рукамъ въ рукописи, такъ какъ цензура не дозволяла ея печатанія, не говоря уже о запрещеніи постановки на сцену [1]. Тогда то была задумана Лермонтовымъ драма «Маскарадъ», за которую онъ и взялся, а затѣмъ нѣсколько разъ ее передѣлывалъ, когда цензура постановку ея не разрѣшала, не смотря на протекцію. Препятствовало тому и третье отдѣленіе, и смягчить его не могло заступничество А. Н. Муравьева просившаго двоюроднаго брата своего Мордвинова, начальника этого учрежденія, о снисхожденіи. «Мордвиновъ оставался неумолимъ; цензура получила даже неблагопріятное мнѣніе о заносчивомъ писателѣ, что ему вскорѣ отозвалось непріятнымъ образомъ». На строй и манеру писать повліялъ однако не Грибоѣдовъ, а Шекспиръ, по крайней мѣрѣ что касается группировки фактовъ и пружинъ дѣйствія. Приглядываясь къ драмѣ «Маскарадъ», въ этомъ не трудно убѣдиться, тутъ несомнѣнно вліяніе Отелло. Какъ тамъ ревность вызвана пропажею платка, такъ здѣсь играетъ роль украденный браслетъ. Въ князѣ Звѣздичѣ мы находимъ черты Яго;

---

[1] А. Н. Муравьевъ въ своей брошюрѣ: Знакомство съ русскими поэтами, Кіевъ 1871 г., стр. 22, говоритъ: «Пришло ему [Лермонтову] на мысль написать комедію, въ родѣ «Горе отъ ума», рѣзкую критику на современные нравы, хотя и далеко не въ уровень съ безсмертнымъ твореніемъ Грибоѣдова. Лермонтову хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III-го отдѣленія не могла ее пропустить. Авторъ съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника сего отдѣленія, моего двоюроднаго брата, Мордвинова быть снисходительнымъ, но Мордвиновъ оставался неумолимъ...» и т.д. Что Лермонтовъ писалъ «Маскарадъ» около 1835 г., свидѣтельствуетъ и Лонгиновъ въ замѣткѣ о знакомствѣ своемъ съ Лермонтовымъ [Русскій Вѣстн. 1857 г. № 11].

въ Нинѣ—Дездемоны; въ Арбенинѣ—Отелло. Но если вліяніе Шекспира несомнѣнно, то несомнѣнно и то, что Лермонтовъ старался изобразить нравы нашего общества и описать то, что самъ онъ видѣлъ, что самъ въ немъ пережилъ. Ему хотѣлось выставить ничтожество свѣтскаго общества. Съ этой стороны онъ находится подъ вліяніемъ произведенія Грибоѣдова.

Рисуя знакомую ему свѣтскую молодежь и ея интересы и времяпрепровожденіе, Лермонтовъ выводитъ на сцену картежника въ образѣ Шприха, мелкаго самолюбиваго князя Звѣздича съ условнымъ, чисто внѣшнимъ понятіемъ о чести. Ему подъ стать баронесса Штраль. Интереснѣе ихъ Арбенинъ, этотъ мрачный и умный человѣкъ съ сильными стремленіями, очевидно желающій стать выше среды, въ коей живетъ, и не могущій этого сдѣлать. Онъ стоитъ въ самой жизни и среди ея требованій и предразсудковъ и не можетъ изъ нихъ высвободиться, хотя сильный духъ его и требуетъ иныхъ рамокъ. Оттого-то онъ запутался и не понимаетъ себя такъ же, какъ не понимаютъ его другіе:

Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.

Арбенину хотѣлось жить не только широкою, но и глубокою мыслью, и жить дѣятельно; онъ, какъ Фаустъ, хотѣлъ обнять весь міръ и все знаніе. Но онъ родился въ тѣсной сферѣ. Въ условіяхъ, среди которыхъ приходилось ему жить, не было тѣхъ широкихъ взмаховъ, того пульса, который бился въ богатой жизни европейскаго общества, пережившаго много фазисовъ развитія. Арбенинъ, существуя въ тѣсномъ кружкѣ свѣтскаго общества или примыкающаго къ нему полусвѣта, говоритъ то же, что Фаустъ:

. . . . я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ,
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ....

Но что же онъ могъ перечувствовать, понять и узнать? Какія глубины могла ему открыть жизнь въ тѣсномъ кругу

тогдашнихъ офиціальныхъ и общественныхъ условій? Арбенинъ чуялъ разладъ:

И жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли.

Можно упрекнуть Лермонтова за то, что онъ не далъ своему герою болѣе широкихъ основъ, что онъ ограничилъ ихъ тѣсными рамками свѣтскаго общества. Онъ бы могъ уйти въ глубь исторической жизни, жизни народной, и на нихъ изобразить характеръ героя. Это совершенно вѣрно. Мы того мнѣнія, что «Маскарадъ» произведеніе совершенно неудачное: Лермонтовъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы браться за серьезную драму. Самъ-то онъ вѣдь только сошелъ со школьной скамьи и жизнь зналъ лишь въ извѣстныхъ сферахъ ея проявленія. Поэтъ еще не могъ разобраться, онъ путался въ матеріалѣ личныхъ думъ, молодой житейской опытности и многаго имъ прочитаннаго въ произведеніяхъ великихъ поэтовъ. Оттого у него является желаніе бичевать современное общество, какъ это сдѣлалъ Грибоѣдовъ, и изобразить страсть, глубокую, какъ у Шекспира. Оттого въ его Арбенинѣ проскальзываютъ черты, съ коими онъ ознакомился въ «Фаустѣ» Гете, въ «Манфредѣ» Байрона, въ «Рене» Шатобріана, въ «Коварствѣ и любви» Шиллера и др. драмахъ. Въ «Маскарадѣ» является «неизвѣстный», l'inconnu французскихъ драмъ, совершенно не вяжущійся со всѣмъ построеніемъ и задачами русской жизни и, слѣдовательно, и русской драмы.

Михаилу Юрьевичу страшно хотѣлось выступить на литературное поприще одновременно и въ печати и на сценѣ театра.

Хлопоты относительно постановки на сцену «Маскарада» были менѣе удачны. Цензура его не одобрила. Драма «Маскарадъ», разсказывалъ Лермонтовъ, отданная мною на театръ, не могла быть представлена по причинѣ [какъ мнѣ сказали] слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель не достаточно награждена» [1]. Поэту такъ хо-

[1] См. выше стр. 249.

тѣлось видѣть свое произведеніе на сценѣ, что онъ въ угоду цензурѣ принялся за передѣлку драмы, и такимъ образомъ явилась вторая редакція ея, не говоря уже о нѣкоторыхъ передѣлкахъ болѣе мелкихъ, дошедшихъ до насъ въ различныхъ спискахъ. Эта передѣлка самимъ поэтомъ была названа ужъ не «Маскарадъ», а именемъ главнаго дѣйствующаго лица «Арбенинъ» [т. IV, стр. 249].

Лермонтовъ, видимо, желалъ смягчить «рѣзкость страстей», за которыя упрекала его цензура. Оттого Арбенинъ ужъ не отравляетъ жены своей, какъ это имѣетъ мѣсто въ первой обработкѣ, а только пугаетъ ее тѣмъ, что отравилъ ее, чтобы узнать истину:

. . . . Перепугалъ немного!
Хотѣлъ знать правду и узналъ....
Опомнитесь и встаньте; я солгалъ,
Я не ношу съ собою яда....
Въ васъ сердце низкаго разряда,
И ваша казнь не смерть, а стыдъ....

Цензура требовала, чтобы была вознаграждена добродѣтель и вотъ Лермонтовъ дѣлаетъ и ей уступку. Онъ выбрасываетъ изъ драмы: баронессу Штраль, неизвѣстнаго, чиновника, и вводитъ новое лицо Оленьку, бѣдную, добрую, чрезвычайно скромную дѣвушку, которую онъ сначала несправедливо заподозриваетъ, а затѣмъ, сознавъ свою ошибку, разбитый уходя изъ дому, навсегда порывая счастіе свое, даетъ ей аттестацію благородной души и обѣщаетъ обезпечить будущность.

Я ѣду. Оленька! прощай!
Будь счастлива—прекрасное созданье,
Душѣ твоей удѣлъ—небесный рай—
Душъ благородныхъ воздаянье.
Какъ утѣшенье, образъ твой
Я унесу въ изгнаніе съ собой.
Пускай прошедшее тебя не возмущаетъ.
Я будущность твою устрою: ни нужда,
Ни бѣдность вновь тебѣ не угрожаетъ.—

Вся эта передѣлка неудачна и менѣе сценична. Она только доказываетъ, что Лермонтовъ не доросъ еще до драмы. По на-

шему мнѣнію первая редакція гораздо лучше и она, а не вторая, можетъ быть даваема на сценѣ. Это станетъ ясно для каждаго, кто сравнитъ ихъ, имѣя въ виду театръ. Впервые напечатавшій текстъ этотъ, П. А. Ефремовъ ставитъ вопросъ, не считать ли первую редакцію «раннимъ первоначальнымъ наброскомъ пера»? Обѣ редакціи вышли въ теченіи одного года. Появленіе второй можно объяснить только страстнымъ желаніемъ начинающаго писателя, во что бы то ни стало, увидать свою пьесу на подмосткахъ и потому готоваго сдѣлать всевозможныя уступки и торопливо измѣняющаго, на что ему указано, и исправляющаго, что считается неудобнымъ тѣми, отъ которыхъ зависитъ дать позволеніе постановки. Мы полагаемъ, что поэтъ былъ благодаренъ цензурѣ за недопущеніе и этой второй редакціи. Но это могло быть лишь позднѣе, когда сужденія поэта стали зрѣлѣе, потому что въ это время онъ пишетъ еще драму, тоже вполнѣ неудачную, до такой степени неудачную, что прежніе издатели не задумались причислить ее въ одинъ разрядъ съ юношескими драмами «Испанцы», «Странный человѣкъ» и проч. и въ отдѣльномъ изданномъ томикѣ отнести къ 1831 году. Такъ оно прежде казалось и намъ, но теперь мы можемъ положительно сказать, что она писана въ началѣ 1836 года въ Москвѣ и Тарханахъ и тоже имѣетъ автобіографическое значеніе. О ней-то Лермонтовъ пишетъ въ письмѣ къ Раевскому: «Пишу четвертый актъ новой драмы, взятой изъ происшествія, случившагося со мною въ Москвѣ» [1], что

[1] Русск. Стар. 1884 г. май, стр. 389. Драма «Два брата» напечатана въ томѣ, вышедшемъ въ Спб. 1880 году подъ заглавіемъ: «Юношескія драмы М. Ю. Лермонтова», подъ редакціею г. Ефремова. Стр. 273.—Г-нъ Ефремовъ въ примѣчаніи поясняетъ, что и эта драма сохранилась у Б. Н. Чичерина, у котораго наход. драмы «Испанцы» и «Странный человѣкъ». Слѣдуя опредѣленію г. Шестакова [Русск. В. 1857 г. № 11], онъ тоже полагаетъ, что она написана въ 1831 году. Но въ то время, еще не была напечатана мною повѣсть «Княгиня Лиговская», которая имѣетъ много общаго съ драмой «Два брата». Не было многихъ данныхъ, заставляющихъ теперь относиться совершенно иначе къ значенію этой драмы. Самъ я прежде не сомнѣвался въ возможности, что она писана въ 1831 году [см. Русск. Мысль 1884, апрѣль, стр. 68]. Меня поразило, что здѣсь высказываются мысли, встрѣчающіяся затѣмъ въ «Героѣ нашего времени», не

именно случилось съ Мих. Юрьев. въ Москвѣ, трудно сказать съ достовѣрностью,но догадаться возможно и данныя есть.

Бабушка поэта,Арсеньева,выѣхавъ изъ Петербурга еще весною 1835 года въ Тарханы,ждала своего любимаго внука къ себѣ на побывку. Долго не удавалось Михаилу Юрьевичу получить отпуска, и долго приготовленный бабушкою экипажъ съ разными затѣями ожидалъ его напрасно [1]. Наконецъ 20 декабря Михаилъ Юрьевичъ получилъ отпускъ и уѣхалъ черезъ Москву, Рязань, Козловъ и Тамбовъ. Шаловливое настроеніе духа его не оставляло. Въ первый разъ послѣ университетскихъ лѣтъ онъ вновь посѣщаетъ любимый имъ городъ съ воспоминаніями дѣтства и юности.Послѣ неприглядныхъ лѣтъ петербургскаго существованія, Москва должна была повѣять чѣмъ-то роднымъ и близкимъ. Образы и думы лучшихъ дней, попранные и забытые въ вихрѣ товарищеской и салонной жизни, вновь вставали передъ нимъ. Онъ вновь долженъ былъ увидаться съ друзьями прежнихъ лѣтъ, встрѣтиться съ тѣми женщинами, которыя поднимали духъ его и связывали добрыя черты его характера и генія съ лучшимъ прошлымъ. Въ Мос-

---

смотря на большой промежутокъ лѣтъ, что поэтъ мальчикъ уже высказалъ то, что въ болѣе зрѣлые годы могло прійтись подъ стать поэту. Теперь оно становится яснымъ. Лермонтовъ писалъ драму «Два брата», въ 1836 году, когда писалъ и «Княгиню Лиговскую», то есть когда складывался въ головѣ его обликъ Печорина. Сравнивая бумагу и почеркъ рукописи «Два брата» и другихъ юношескихъ драмъ, мы не нашли ничего схожаго. Напротивъ, бумага, на коей писаны «Два брата» [рукопись въ Лерм. Музеѣ], тождественна съ бумагой, на коей писана «Княгиня Лиговская» [въ Публичн. Библ.] и рукопись «Демона» въ 1838 г. «Демонъ» тоже переписанъ въ Москвѣ или Тарханахъ и такъ же, какъ «Два брата», исправленъ рукою Лермонтова. Шестакова очевидно сбило то, что «Два брата» находились у г. Чичерина, вмѣстѣ съ другими юношескими драмами. Подробныхъ изысканій онъ не сдѣлалъ. Внутреннія причины, заставляющія признать драму писанною въ 1836 году,я указываю въ текстѣ.

[1] Ср. письмо бабушки, отъ 18 окт. 1835 года [прибавленіе II], и послужной списокъ поэта въ Лермонтов. Музеѣ, равно также приказъ по отдѣльному гвард. корпусу отъ 9-го декабря 1835 года за № 184, въ коемъ говорится, что увольняется въ отпускъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, Л. Гв. Гусарскаго полка корнетъ Лермонтовъ въ губерніи: Тульскую и Пензенскую, на шесть недѣль.—Отпускъ этотъ затѣмъ былъ продолженъ.

кѣ жили Александра Верещагина и Марья Лопухина. Немудрено, что охватившее зыбкую душу поэта счастливое настроеніе воскресило многое умершее или заснувшее въ Петербургѣ, и что при такомъ состояніи съ новою силою заговорило чувство любви къ особѣ, теперь для него пропавшей. Она вышла замужъ въ 1835 году. Свиданіе съ нею больно затронуло сердце поэта и утраченное счастье преисполнило его чувствомъ ревности и ненависти къ похитителю его. Привычка Михаила Юрьевича перелагать на бумагу все переживаемое, побуждаетъ его и теперь дать выраженіе своему чувству. Только недавно въ Петербургѣ работалъ онъ надъ драматическимъ произведеніемъ и теперь для выраженія овладѣвшихъ имъ чувствъ выбираетъ онъ драматическую же форму. Кромѣ того влечетъ его къ ней и то обстоятельство, что чувства свои къ любимому существу онъ уже изображалъ въ юношеской своей драмѣ «Странный человѣкъ», выведя ее въ лицѣ Загорскиной, а себя во Владимірѣ. Теперь въ драмѣ «Два брата», Загорскина только что вышла замужъ за князя Лиговскаго. Юрій Радинъ, послѣ 4-лѣтняго отсутствія пріѣхавшій изъ Петербурга молодой гусарскій офицеръ, узнаетъ эту неожиданную вѣсть. Отецъ его Дмитрій Петровичъ говоритъ ему:

Развѣ не знаешь?.. Варенька Загорскина вышла за князя Лиговскаго. Твоя прежняя московская страсть?..

юрій. А?.. такъ она вышла замужъ и за князя?

дмитрій петровичъ. Какъ же, 3000 душъ и человѣкъ пречестный, предобрый.

юрій. Князь! и 3000 душъ!.. а есть ли у него своя въ придачу?

дмитрій петровичъ. Онъ человѣкъ пречестный и жену обожаетъ, старается ей угодить во всемъ: только пожелай она чего, на другой же день явится у ней на столѣ. Всѣ ея родные говорятъ, что она счастлива, какъ нельзя болѣе...

юрій. Признаюсь, я думалъ прежде, что сердце ея не продажно... Теперь вижу, что оно стоило нѣсколько сотъ тысячъ дохода...

дмитрій петровичъ. Охъ, молодые люди! Какъ тебѣ не стыдно? Вѣдь это просто зависть... *Ты ее забылъ, слѣдовательно не имѣлъ права требовать отъ нея вѣрности;* ты вѣдь самъ чувствуешь, что она поступила бы безразсудно, если бъ надѣялась на ребяческую твою наклонность...

Любопытно, что, въ рукописи переписанной чужой рукой и

только исправленной Лермонтовымъ, слова, поставленныя нами въ курсивъ, имъ вычеркнуты.

Михаилъ Юрьевичъ, очевидно, старался нѣкоторой частью драмы держаться весьма близко къ истинному ходу происшествія. Онъ сохраняетъ 4 года, время отдѣлявшее его отъ выѣзда изъ Москвы лѣтомъ 1832 до посѣщенія ея къ началу 1836. Онъ Юрія изображаетъ гусарскимъ офицеромъ, пріѣхавшимъ въ отпускъ и въ первой сценѣ уже дословно почти рисуется исторія его отношеній къ любимой женщинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ желалъ, чтобы дѣйствующія лица были узнаны. Онъ повторилъ то, что имѣлъ въ виду, написавъ «Страннаго человѣка», въ предисловіи къ которому говоритъ: «Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ природы, и я желалъ бы, чтобъ они были узнаны».

Но объ исторіи любви Лермонтова мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Вообще надо удивляться тому, сколько было написано и задумано поэтомъ со времени выхода его изъ школы. Прервавшійся въ концѣ 1832 года потокъ дѣятельности съ конца 1834 года опять бьетъ усиленнѣе, несмотря на разсѣянную жизнь, которую ведетъ поэтъ съ выходомъ въ офицеры. Однако дѣятельность эта была прервана неожиданнымъ событіемъ, сразу давшимъ жизни Михаила Юрьевича совсѣмъ другое направленіе.

ГЛАВА XII.

Предсмертная дуэль Пушкина. — Впечатлѣніе смерти Пушкина на общество.—Толки.—Отношеніе къ нимъ Лермонтова. — Стихи на смерть поэта. — Распространеніе стиховъ. — Арестъ Раевскаго и Лермонтова.—Слѣдствіе и показаніе Лермонтова.—Приговоръ.—Отношеніе Лермонтова къ Раевскому.

Еще молодой поэтъ нашъ дѣлилъ свои досуги между разсѣянною жизнью столичныхъ гостиныхъ, кутежами съ товарищами-гусарами и серьезною думой и творчествомъ; еще

двойственность существованія томила и волновала его, когда въ концѣ января 1837 года роковая вѣсть о поединкѣ А. С. Пушкина съ исходомъ, грозившимъ смертью, потрясла Михаила Юрьевича, и такъ нервно разстроеннаго и тревожнаго. Онъ разразился извѣстнымъ стихотвореніемъ: «На смерть поэта». [т. I. стр. 253].

Обстоятельства, приведшія къ этому роковому поединку, къ гибели Пушкина, не разъ разсматривались въ печати. Напомнимъ здѣсь только, что современное событію общество раздѣлилось на два лагеря: одни обвиняли поэта, другіе защищали его. Ходила молва, что Пушкинъ палъ жертвою таинственной интриги изъ личной вражды, умышленно возбудившей его ревность; дѣятелями же были люди высшаго слоя общества. Эта молва, повидимому, была не лишена основанія. Дѣйствительно, существовала великосвѣтская интрига, которая и послѣ смерти Пушкина, въ высшемъ кругу, имѣла своихъ партизановъ [1]. Этимъ объясняется, почему на людей, открыто высказывавшихся за Пушкина и горячо порицавшихъ его противниковъ, было воздвигнуто гоненіе. Вотъ почему тоже слѣдственная коммиссія по дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина обратила особенное вниманіе на записку А. А. Краевскаго къ Раевскому, писанную послѣ ареста Михаила Юрьевича. «Скажи мнѣ, что сталось съ Лермонтовымъ? Правда ли, что онъ жилъ, или живетъ еще теперь *не дома*? Неужели еще жертва, заклааемая въ память усопшему? Господи, когда все это кончится?!» [2]

Извѣстенъ и выговоръ, сдѣланный г. Краевскому, по порученію министра, попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ за то, что Краевскій посмѣлъ слишкомъ горячо говорить объ умершемъ Пушкинѣ.

— Я долженъ вамъ передать—сказалъ попечитель г. Кра-

---

[1] Пыпинъ: біограф. очеркъ Лермонтова при изданіи сочиненій его 1873 года, стр. XLVI.

[2] Изъ дѣла: «о непозволительныхъ стихахъ, написанныхъ Корнетомъ Л.-гв. гус. полка Лермонтовымъ», находящагося въ Лермонт. музеѣ [ср. статью нашу въ янв. кн. Вѣстн. Евр. за 1887 годъ].

евскому—что министръ (гр. Сергѣй Семеновичъ Уваровъ), крайне, крайне недоволенъ вами! къ чему эта публикація о Пушкинѣ? Что это за черная рамка вокругъ извѣстія о кончинѣ человѣка не чиновнаго, не занимавшаго никакого положенія на государственной службѣ? Ну да, это еще куда бы ни шло! Но что за выраженія! «Солнце поэзіи»... помилуйте, за что такая честь? «Пушкинъ скончался... въ срединѣ своего *великаго поприща*»! Какое это такое поприще? гр. Сергѣй Семеновичъ именно замѣтилъ: развѣ Пушкинъ былъ полководецъ, военачальникъ, министръ, государственный мужъ! Наконецъ онъ умеръ безъ малаго сорока лѣтъ! Писать стишки не значитъ еще, какъ выразился Сергѣй Семеновичъ, проходить *великое поприще!* Министръ поручилъ мнѣ сдѣлать вамъ, Андрей Александровичъ, строгое замѣчаніе и напомнить, что вамъ, какъ чиновнику министерства народнаго просвѣщенія, особенно слѣдовало бы воздержаться отъ подобныхъ публикацій.» [1]

«Впрочемъ, прибавляетъ сообщающій этотъ фактъ г. Ефремовъ, кн. Дондуковъ-Корсаковъ былъ добрый человѣкъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, передавая замѣчаніе Уварова, оставшагося смертельнымъ врагомъ Пушкина послѣ его смерти, едва ли въ душѣ раздѣлялъ мнѣніе о немъ министра».

Вскорѣ послѣ смерти Александра Сергѣевича Хомяковъ пишетъ Языкову: «Ты уже вѣроятно имѣешь о дуэли Пушкина довольно много подробностей, и поэтому разсказывать не стану тебѣ росказней. Одно, что тебѣ интересно будетъ знать, это итогъ. Пушкина убили непростительная вѣтренность его жены [кажется, только вѣтренность] и гадость общества петербургскаго. Самъ Пушкинъ не оказалъ твердости въ характерѣ [но этого отъ него и ожидать было нельзя] ни

---

1 Русск. Стар. 1880 г., стр. 537 и д., ст. г. Ефремова: А. С. Пушкинъ.—Для отношеній придворнаго круга къ Пушкину очень характеренъ отзывъ о немъ старца-камергера кн. Ц., еще въ 60-хъ годахъ. Услышавъ выраженіе «великій Пушкинъ», князь замѣтилъ: «чѣмъ онъ великъ?! Если вы говорите о камеръ-юнкерѣ Пушкинѣ, то я скажу вамъ, что онъ былъ препустой и заносчивый человѣкъ; мы его при дворѣ не любили». [Русск. Стар. 1885 г. февр., стр. 477].

тонкости, свойственной его чудному уму. Страсть никогда умна быть не можетъ. *Онъ отшатнулся отъ тѣхъ, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговѣйной, а присталъ къ людямъ, которые его приняли изъ милости»* [1].

Мы выписываемъ эти нѣкоторыя показанія современниковъ, чтобы показать, какъ извѣстное стихотвореніе Лермонтова вполнѣ характеризовало общій взглядъ на дѣло дуэли Пушкина. Даже упрекъ Хомякова Пушкину за то, что онъ отвернулся отъ настоящихъ друзей, встрѣчаемъ мы въ стихотвореніи:

Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
и т. д.

Лермонтова, сказали мы выше, страшно поразила смерть Пушкина. Онъ благоговѣлъ передъ его геніемъ и весьма незадолго до дуэли познакомился съ нимъ лично: поэты встрѣтились въ литературныхъ кружкахъ. Пушкинъ интересовался задуманными А. А. Краевскимъ «Литературными прибавленіями къ Русскому Инвалиду» и для перваго нумера, вышедшаго 4-го января 1837 года, далъ стихотвореніе свое «Аквилонъ», кажется послѣднее, которое поэтъ видѣлъ напечатаннымъ незадолго до смерти своей. Влад. Серг. Глинка сообщалъ, какъ Пушкинъ въ эту же пору, прочитавъ нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова, призналъ ихъ «блестящими признаками высокаго таланта» [2].

Юрьевъ, товарищъ и родственникъ Михаила Юрьевича, разсказывалъ, что все несчастное событіе и симпатія высшаго общества къ Дантесу, къ которому особенно благоволили великосвѣтскія дамы, — все это раздражало юнаго поэта. Всегда полный самаго деликатнаго вниманія къ своей бабушкѣ, поэтъ, жившій у нея въ Петербургѣ, съ трудомъ воздержался

---

1 Русскій Архивъ 1884 г. III, стр. 202.

2 Русск. Стар. 1880 г., II, стр. 537 и Русск. Арх. 1872 г., стр. 1813 и 1826.—Бѣлинскій [т. VI, стр. 292, въ изд. 1860 г.] говоритъ, что Пушкинъ засталъ и оцѣнилъ талантъ Лермонтова.

отъ раздраженнаго отвѣта, когда старушка стала утверждать, что Пушкинъ сѣлъ не въ свои сани и, сѣвши въ нихъ, не умѣлъ управлять конями, помчавшими его наконецъ на тотъ сугробъ, съ коего велъ одинъ лишь путь въ пропасть. Не желая спорить съ бабушкою, поэтъ уходилъ изъ дому. Елизавета Алексѣевна, замѣтя, какъ на внука дѣйствуютъ свѣтскіе толки о смерти Пушкина, стала избѣгать говорить о нихъ... Но говорили другіе, говорилъ весь Петербургъ и, наконецъ, все такъ сильно повліяло на Михаила Юрьевича, что онъ захворалъ нервнымъ разстройствомъ. Ему приходило даже на мысль вызвать убійцу и мстить за гибель русской славы. Это впрочемъ неудивительно: было много людей готовыхъ сдѣлать то же. Говорили, что императоръ Николай Павловичъ, желая спасти Дантеса отъ грозившей ему опасности, выслалъ его за границу. Прежде всего Лермонтовъ далъ выходъ своему негодованію, написавъ стихотвореніе на смерть поэта и выставивъ въ немъ его противника, какъ искателя приключеній:

...Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока, и т. д.

Такой взглядъ на Дантеса сердилъ его защитниковъ. Онъ былъ принятъ въ обществѣ, былъ приглашенъ на службу самимъ императоромъ, былъ офицеромъ въ первомъ гвардейскомъ кавалерійскомъ [кавалергадскомъ] полку — и вдругъ дерзнуть назвать его пустымъ искателемъ приключеній!

Умы немного утихли, когда разнесся слухъ, что государь желаетъ строгаго разслѣдованія дѣла и наказанія виновныхъ. Тогда-то эпиграфомъ къ стихамъ своимъ Лермонтовъ поставилъ:

Отмщенье, Государь, отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.
[Изъ трагедіи][1].

---

[1] Долгое время эпиграфъ этотъ выкидывался изъ изданій, какъ прибавленный къ стихотворенію какой-то досужей рукой, а не самимъ поэтомъ

Какъ извѣстно, Лермонтовъ написалъ стихотвореніе свое на смерть Пушкина, сначала безъ заключительныхъ 16 строкъ. Оно прочтено было Государемъ и другими лицами и въ общемъ удостоилось высокаго одобренія. Разсказывали, что В. Кн. Михаилъ Павловичъ сказалъ даже: «Этотъ, чего добраго, замѣнитъ Россіи Пушкина»; что Жуковскій призналъ въ нихъ проявленіе могучаго таланта, а князь Влад. Ѳед. Одоевскій по адресу Лермонтова наговорилъ комплиментовъ при встрѣчѣ съ его бабушкою Арсеньевой. Толковали, что Дантесъ страшно разсердился на новаго поэта и что командиръ л. гв. гусарскаго полка утверждалъ, что, не сиди убійца Пушкина на гауптвахтѣ онъ непремѣнно послалъ бы вызовъ Лермонтову за его ругательные стихи. Но самъ командиръ одобрялъ ихъ. Да и нельзя было иначе, разъ самъ Государь выразилъ относительно стиховъ довольство свое.

Такимъ образомъ не удобно было ненаходить прекраснымъ стихотвореніе молодого гусарскаго офицера, хоть и не нравились его нападки на Дантеса и на тотъ новый кругъ Пушкинскихъ знакомыхъ, который нехотя принялъ его въ свою среду. Морщились отъ такихъ мѣстъ стихотворенія, гдѣ поэтъ говорилъ:

Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ?...

или

. . . Къ чему теперь рыданья,
Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья—
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный чудный даръ...

[изд. 1863 г., т. II, стр. 474. Тоже и въ издан. 1873 г.]. Лонгиновъ [Совр. Лѣт. 1863 г. № 16, стр. 15] говоритъ, что эпиграфъ этотъ взятъ изъ трагедіи Дотру: «Венцеславъ первый», въ 20-хъ годахъ переведенной А. А. Жандромъ. Я не успѣлъ провѣрить справедливость показанія. А. П. Шанъ-Гирей увѣрялъ меня, что это слова изъ какой-то трагедіи, написанной самимъ Лермонтовымъ, но не законченной, или же только задуманной имъ, причемъ было сдѣлано нѣсколько набросковъ.

Самъ поэтъ нервно-больной, разстроенный, лежалъ дома. Бабушка послала даже за лейбъ-медикомъ Арендтомъ, у котораго лечился весь великосвѣтскій Петербургъ. Онъ разсказалъ Михаилу Юрьевичу всю печальную эпопею двухъ съ половиною сутокъ—съ 27 по 29 января, которыя прострадалъ Пушкинъ. Погруженный въ думу свою, лежалъ поэтъ, когда въ комнату вошелъ его родственникъ, братъ вѣрнаго друга поэта Монго-Столыпина, камеръ-юнкеръ Николай Аркадьевичъ Столыпинъ. Онъ служилъ тогда въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ подъ начальствомъ Нессельроде и принадлежалъ къ высшему Петербургскому кругу [1]. Такимъ образомъ его устами гласила мудрость придворныхъ салоновъ. Онъ разсказалъ больному о томъ, что въ нихъ толкуется. Сообщилъ, что вдова Пушкина едва ли долго будетъ носить трауръ и называться вдовою, что ей вовсе не къ лицу и т. п.

Столыпинъ, какъ и всѣ, расхваливалъ стихи Лермонтова, но находилъ и недостатки и, между прочимъ, что «Мишель», напрасно *апоѳеозируя* Пушкина, слишкомъ нападаетъ на невольнаго убійцу, который, какъ всякій благородный человѣкъ, послѣ всего того, что было между ними, не могъ бы не стрѣляться: honneur oblige. Лермонтовъ отвѣчалъ на это, что чисто-русскій человѣкъ, не офранцуженный, неиспорченный, снесъ бы со стороны Пушкина всякую обиду; снесъ бы ее во имя любви своей къ славѣ Россіи, не могъ бы поднять руки своей на нее. Споръ сталъ горячѣе и Лермонтовъ утверждалъ, что государь накажетъ виновниковъ интриги и убійства. Столыпинъ настаивалъ на томъ, что тутъ была затронута честь и что иностранцамъ дѣла нѣтъ до поэзіи Пушкина, что судить Дантеса и Геккерна по русскимъ законамъ нельзя, что ни дипломаты, ни знатные иностранцы не могутъ быть судимы на Руси. Тогда Лермонтовъ прервалъ его, крикнувъ: «Если надъ ними нѣтъ закона и суда земнаго, если они палачи генія, такъ есть Божій судъ». Эта мысль вошла потомъ почти дословно въ послѣднія 16 строкъ стихотворенія.

---

[1] Н. А. Столыпинъ, до 1884 г., т. е. до кончины своей занималъ постъ посланника нашего въ Гагѣ.

Запальчивость поэта вызвала смѣхъ со стороны Столыпина, который тутъ же замѣтилъ, что у «Мишеля слишкомъ раздражены нервы». Но поэтъ уже былъ въ полной ярости, онъ не слушалъ своего свѣтскаго собесѣдника и, схвативъ листъ бумаги, да сердито поглядывая на Столыпина, что-то быстро чертилъ по немъ ломая карандаши, по обыкновенію, одинъ за другимъ. Увидавъ это, Столыпинъ полушопотомъ и улыбаясь замѣтилъ: «la poésie enfante»! [1] Наконецъ раздраженный поэтъ напустился на собесѣдника, назвалъ его врагомъ Пушкина и, осыпавъ упреками, кончилъ тѣмъ, что закричалъ, чтобы онъ сію же минуту убирался, иначе онъ за себя не отвѣчаетъ. Столыпинъ вышелъ со словами: «Mais il est fou à lier [2]. Четверть часа спустя Лермонтовъ, переломавшій съ полдюжины карандашей, прочелъ Юрьеву заключительныя 16 строкъ своего стихотворенія, дышащихъ силой и энергіей негодованія [3].

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ! и т. д.

Въ негодованіи на всѣхъ защитниковъ Дантеса и противниковъ Пушкина, Лермонтовъ особенно язвилъ Столыпина, прадѣдъ котораго происходилъ далеко не отъ знатныхъ предковъ и обогатился на винныхъ откупахъ, слѣдовательно не совсѣмъ безупречными средствами, хотя и пользовался репутаціею высоко честнаго человѣка. Но тогда, да и позже, воззрѣнія были

---

[1] Поэзія зарождается.

[2] Да онъ дошелъ до бѣшенства, его надо связать!

[3] Все, что касается до дѣла о стихахъ на смерть Пушкина, взято мною изъ дѣла, находившагося въ архивѣ военнаго министерства. Читатель найдетъ главныя извлеченія изъ него въ прибавленіи IV въ концѣ тома. Дѣло нынѣ находится въ Лермонтовскомъ музеѣ. Многое было напечатано мною въ Вѣстникѣ Европы за 1887 г. январь.—Ср. тоже: Выписку изъ подлиннаго дѣла въ архивѣ III отдѣл. собств. Его Имп. Вел. канцеляріи [1837 г., за № 43] въ Русск. Стар. 1880 г., т. II, стр. 534.—Статью Бурнашева въ Русск. Архивѣ за 1872 г.—Муравьева: Знакомство съ русскими поэтами.

своеобразны, и еще Гоголь дерзнулъ, въ лицѣ откупщика Муразова [во второй части Мертвыхъ душъ] выставить идеалъ честности и правдивости [1]. Пылкій поэтъ живо вспомнилъ приниженіе отца его родомъ Столыпиныхъ, отца принадлежавшаго къ древнѣйшимъ, хоть и захудалымъ родамъ Европы. Поэту, съ дѣтства страдавшему отъ явной несправедливости этой, были особенно ощутительны преслѣдованія Пушкина со стороны выскочекъ аристократизма, «жадною толпою стоявшихъ у трона». Въ гнѣвныхъ стихахъ Лермонтовъ облегчилъ наболѣвшую душу свою отъ собственнаго горя, отъ боли за павшаго русскаго поэта, которому онъ подражалъ въ дѣтствѣ, восторженно прислушиваясь къ чуднымъ пѣснямъ, передъ коимъ преклонялся, до котораго, полный уваженія и пониманія, едва еще рѣшался поднять юношескій взоръ.

Извѣстность стиховъ Лермонтова на смерть великаго поэта быстро разрослась; въ то время многіе почтили память усопшаго стихами на кончину его, но ни въ одномъ не звучало столько силы, таланта, любви и негодованія, ни одно стихотвореніе такъ полно не выражало чувствъ всей Россіи за исключеніемъ небольшаго круга людей.

Свят. Аѳан. Раевскій, проживавшій тогда у Лермонтова, возвратившись домой, нашелъ вновь сочиненные 16 стиховъ. Онъ пришелъ въ восторгъ и, радуясь быстрой славѣ, пріобрѣтенной 22 лѣтнимъ поэтомъ, сталъ распространять и эти сильные стихи. Правда, ему, какъ и Лермонтову, приходило въ голову, что за эти 16 строкъ можно пострадать, что имъ можно легко придать весьма опасное толкованіе, но молодые люди утѣшали себя тѣмъ, что Государь осыпалъ милостями семейство Пушкина, слѣдовательно дорожилъ поэтомъ, изъ чего, какъ казалось имъ, вытекало само собою, что можно бранить враговъ поэта. Расточаемыя 22 лѣтнему поэту похвалы льстили и ему самому и другу его; наконецъ ихъ успокоивала мысль, что всѣ распространяемые и переписываемые экземпляры носятъ подпись «Лермонтовъ», и что «высшая цензура давно бы остановила ихъ распространеніе, если бъ считала это нужнымъ».

[1] Есть указанія на то, что Гоголь Муразова отчасти списалъ съ упомянутаго Столыпина.

Но молодые люди не сообразили того, что со стихами происходило недоразумѣніе. Ходили по рукамъ двѣ редакціи: одна, снабженная 16-ью заключительными стихами, а другая нѣтъ. Вотъ почему ни тогдашній начальникъ III отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи Мордвиновъ, ни графъ Бенкендорфъ, которому Мордвиновъ доложилъ о стихахъ, ничего предосудительнаго въ нихъ не нашли. Но вотъ на многолюдномъ раутѣ, если не ошибаемся, у графини Ферзенъ, А. М. Хитрова, разносчица всевозможныхъ сенсаціонныхъ вѣстей, обратилась къ графу Бенкендорфу съ злобнымъ вопросомъ: «А вы читали, графъ, новые стихи на всѣхъ насъ, въ которыхъ la crême de la noblesse отдѣлывается на чемъ свѣтъ стоитъ молодымъ гусаромъ Лермонтовымъ?» Она пояснила, какъ стихи, начинающіеся словами: «А вы надменные потомки» и пр., составляютъ оскорбленіе всей русской аристократіи и довела графа до того, что онъ увидалъ необходимость разузнать дѣло ближе. Тогда-то раскрылось, что ходили по рукамъ два списка. Графъ Бенкендорфъ зналъ и уважалъ бабушку Лермонтова Арсеньеву, бывалъ у нея, ему была извѣстна любовь ея къ внуку, и онъ искренно желалъ дать дѣлу благопріятный оборотъ. Говорили, что, когда графъ явился къ императору, чтобы доложить о стихахъ въ самомъ успокоительномъ смыслѣ, Государь уже былъ предупрежденъ, получивъ по городской почтѣ экземпляръ стиховъ съ надписью: «Воззваніе къ революціи». Подозрѣніе тогда же пало на г-жу Хитрову.

Не даромъ еще въ то же утро графъ Бенкендорфъ замѣтилъ Л. В. Дубельту, говоря о слышанномъ на вечерѣ, что «если Анна Михайловна [Хитрова] знаетъ о стихахъ, то не остается ничего больше дѣлать, какъ доложить о нихъ Государю».

Вслѣдствіе большихъ связей бабушки Лермонтова Арсеньевой, поэтъ пользовался большими льготами. Онъ, какъ уже мы говорили, почти не жилъ въ Царскомъ селѣ, гдѣ былъ расположенъ его полкъ, а проживалъ у бабушки въ Петербургѣ. Это обстоятельство усугубляло вину Лермонтова. Такъ какъ онъ формальнаго отпуска не получалъ, то не пребываніе его въ мѣстѣ стоянки полка считалось «самовольной отлучкой». Начальникъ штаба Веймаръ, посланный въ Царское

Село осмотрѣть тамъ бумаги поэта, нашелъ квартиру нетопленную, ящики стола и комодовъ пустыми. Далѣе, отсутствіе Лермонтова прикрыли внезапною болѣзнью его, приключившеюся, при посѣщеніи внукомъ престарѣлой бабки, и ограничились затѣмъ только выговоромъ ближайшему виновнику недосмотра, полковнику Саломирскому [приказъ по отдѣльному гвардейскому корпусу отъ 28-го февраля 1837 года, за № 33]. Болѣзнь Лермонтова дѣлала однако необходимымъ разъясненіе, кѣмъ было распространено стихотвореніе. Главнымъ виновникомъ оказался Св. Аѳ. Раевскій. Онъ рѣшился взять на себя добрую часть вины.

Февраля 21-го Раевскій былъ посаженъ подъ арестъ по распоряженію графа Петра Андреевича Клейнмихеля, Лермонтовъ же подвергнутъ домашнему аресту. Того же дня съ Раевскаго было снято показаніе. Отлично сознавая важность того, чтобы показаніе Лермонтова не разнилось съ его показаніемъ, онъ черновую, писанную карандашемъ, положилъ въ пакетъ, адресовавъ его на имя крѣпостного человѣка Михаила Юрьевича, искренно преданнаго своему барину. Адресъ на пакетѣ этомъ гласитъ:

Противъ 3 Адмиралтейской части, въ домѣ кн. Шаховской. Андрею Иванову.

Къ черновой приложена записка:

„Андрей Ивановичъ! Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Я подалъ записку министру. Надобно, чтобы онъ отвѣчалъ согласно съ нею и тогда дѣло кончится ничѣмъ. А если онъ станетъ говорить иначе, то можетъ быть хуже. Если самъ не сможешь завтра же по утру передать, то черезъ Аѳанасія Алексѣевича. И потомъ непремѣнно сжечь ее“.

Аѳанасій Алексѣев. Столыпинъ [1] былъ особенно любимъ и почитаемъ Лермонтовымъ, да и самъ онъ былъ изъ немногихъ людей, привязанныхъ къ Михаилу Юрьевичу. Доставить пакетъ этотъ Раевскій препоручилъ одному изъ сторожей. Пакетъ былъ перехваченъ и не мало усугублялъ виновность Раевскаго передъ судьями [2].

---

[1] Скончался въ 1866 г.

[2] Показаніе Раевскаго читатель найдетъ въ концѣ тома: прибавленіе IV.

Спрошенный на дому Лермонтовъ далъ слѣдующее показаніе:

„Я былъ еще боленъ, когда разнеслась по городу *вѣсть* о несчастномъ поединкѣ Пушкина. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ привезли ее и ко мнѣ, обезображенную разными прибавленіями; одни, приверженцы нашего лучшаго поэта, разсказывали съ живѣйшей печалію, какими мелкими мученіями, насмѣшками, онъ долго былъ преслѣдуемъ и, наконецъ, принужденъ сдѣлать шагъ, противный законамъ земнымъ и небеснымъ, защищая честь своей жены въ глазахъ строгаго свѣта. Другіе, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднѣйшимъ человѣкомъ, говорили, что Пушкинъ не имѣлъ права требовать любви отъ жены своей, потому что былъ ревнивъ, дуренъ собою—они говорили также, что Пушкинъ негодный человѣкъ, и прочее... Не имѣя, можетъ быть, возможности защищать нравственную сторону его характера, никто не отвѣчалъ на эти послѣднія обвиненія.

Невольное, но сильное негодованье вспыхнуло во мнѣ противъ этихъ людей, которые нападали на человѣка, уже сраженнаго рукою Божіей, не сдѣлавшаго *имъ* никакого зла, и нѣкогда ими восхваляемаго;—и врожденное чувство въ душѣ неопытной, защищать всякаго невинно осуждаемаго, зашевелилось во мнѣ еще сильнѣе по причинѣ болѣзнію раздраженныхъ нервъ. Когда я сталъ спрашивать, на какихъ основаніяхъ такъ громко они возстаютъ противъ убитаго,—мнѣ отвѣчали: вѣроятно, чтобъ придать себѣ болѣе вѣсу, что весь высшій кругъ общества такого же мнѣнія.—Я удивился—надо мною смѣялись. Наконецъ послѣ двухъ дней безпокойнаго ожиданія, пришло печальное извѣстіе, что Пушкинъ умеръ; вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ пришло другое—утѣшительное для сердца русскаго: Государь Императоръ, несмотря на его прежнія заблужденія, подалъ великодушно руку помощи несчастной женѣ и малымъ сиротамъ его. Чудная противоположность *Его* поступка съ мнѣніемъ [какъ меня увѣряли] высшаго круга общества, увеличила перваго въ моемъ воображеніи и очернила еще болѣе несправедливость послѣдняго. Я былъ твердо увѣренъ, что сановники государственные раздѣляли благородныя и милостивыя чувства Императора, Богомъ даннаго защитника всѣмъ угнетеннымъ; но тѣмъ не менѣе я слышалъ, что нѣкоторые люди, единственно по родственнымъ связямъ или вслѣдствіе искательства, принадлежащіе къ высшему кругу и пользующіеся заслугами своихъ достойныхъ родственниковъ,—нѣкоторые не переставали омрачать память убитаго и разсѣевать разные невыгодные для него слухи. Тогда, вслѣдствіе необдуманнаго порыва, я излилъ горечь сердечную на бумагу, переувеличенными, неправильными словами выразилъ нестройное столкновеніе мыслей, не полагая, что написалъ нѣчто предосудительное, что многіе оши-

бочно могутъ принять на свой счетъ выраженія вовсе не для нихъ назначенныя. Этотъ опытъ былъ первый и послѣдній въ этомъ родѣ, вредномъ [какъ и прежде мыслилъ и нынѣ мыслю] для другихъ еще болѣе, чѣмъ для себя.—Но если мнѣ нѣтъ оправданія, то молодость и пылкость послужатъ хотя объясненіемъ, ибо въ эту минуту страсть была сильнѣе холоднаго разсудка. Прежде я писалъ разныя мелочи, быть можетъ еще хранящіяся у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ. Одна восточная повѣсть, подъ названіемъ „Хаджи-Абрекъ", была мною помѣщена въ Библіотекѣ для Чтенія; а драма „Маскарадъ", въ стихахъ, отданная мною на театръ, не могла быть представлена по причинѣ [какъ мнѣ сказали] слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель не достаточно награждена.

Когда я написалъ стихи мои на смерть Пушкина [что, къ несчастію, я сдѣлалъ слишкомъ скоро), то одинъ мой хорошій пріятель Раевскій, слышавшій, какъ и я, многія неправильныя обвиненія, и по необдуманности, не видя въ стихахъ моихъ противнаго законамъ, просилъ у меня ихъ списать; вѣроятно, онъ показалъ ихъ, какъ новость, другому—и такимъ образомъ они разошлись. Я еще не выѣзжалъ, и потому не могъ вскорѣ узнать впечатлѣнія произведеннаго ими, не могъ во время ихъ возвратить назадъ и сжечь. Самъ я ихъ никому больше не давалъ, но отрекаться отъ нихъ, хотя постигъ свою необдуманность, я не могъ: *правда* всегда была моей святыней, — и теперь, принося на судъ свою повинную голову, я съ твердостью прибѣгаю къ *ней*, какъ единственной защитницѣ благороднаго человѣка передъ лицомъ Царя, и лицомъ Божіимъ.

Корнетъ Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка,

Михаилъ Лермантовъ.

Уже черезъ три дня послѣ допроса, сдѣланнаго Лермонтову дома, а затѣмъ ареста на гауптвахтѣ, участь его была рѣшена. Февраля 25-го послѣдовало Высочайшее повелѣніе, а 27 вышелъ «приказъ», по коему Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка корнетъ Лермонтовъ переводился тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ [на Кавказѣ]. Раевскій же, по выдержаніи на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ, высылался въ Олонецкую губернію на службу по усмотрѣнію тамошняго губернатора.

Другъ и товарищъ Лермонтова поплатился больше самого поэта. Онъ изъ ссылки былъ возвращенъ позднѣе[1], и Михаилъ

---

[1] Лермонтовъ приказомъ отъ 11 окт. 1837 года, а Раевскій только 7-го декабря 1838.

Юрьевичъ крѣпко скорбѣлъ за Святослава Аѳанасьевича. Дѣло въ томъ, что Лермонтова не столько обвиняли за сочиненіе стиховъ, сколько за ихъ распространеніе, и добивались того, черезъ кого были пущены они въ публику. Допрашивалъ Лермонтова графъ Клейнмихель, отъ имени Государя. Онъ обѣщалъ, между прочимъ, что если Лермонтовъ назоветъ виновника распространенія, то избѣгнетъ наказанія быть разжалованнымъ въ солдаты, тогда какъ названное имъ лицо не подвергнется наказанію. Назвавъ Раевскаго, Лермонтовъ еще не подозрѣвалъ, что тѣмъ губитъ его, но выпущенный изъ подъ ареста, услышавъ о томъ, что другъ его сидитъ на гауптвахтѣ Петропавловской крѣпости, онъ пришелъ въ отчаяніе. До насъ дошло нѣсколько писемъ Лермонтова къ Раевскому изъ того времени [т. V, стр. 413].

Позднѣе дѣло объяснилось. Оказалось, что участіе Раевскаго было извѣстно до признанія Лермонтова, и даже допросъ съ Раевскаго снятъ днемъ раньше, чѣмъ допросъ съ Лермонтова. Однако поэтъ долго не могъ простить себѣ, что въ показаніи своемъ заявилъ, будто никому кромѣ Раевскаго не показывалъ стиховъ, и что Раевскій, вѣроятно, по необдуманности показалъ ихъ другому, и такимъ образомъ они распространились. — Еще въ іюнѣ 1838 года, возвращенный съ Кавказа и вновь опредѣленный въ л.-гв. гусарскій полкъ, Лермонтовъ пишетъ въ Петрозаводскъ все еще томящемуся тамъ Раевскому о томъ, что повергло его въ несчастіе. Очевидно, услужливые люди пытались вызвать между друзьями вражду или хоть недоразумѣніе, и поэтъ съ негодованіемъ отвергаетъ навѣты. [См. письмо отъ 8-го іюня, т. V, стр. 420]. Когда Раевскій въ декабрѣ 1838 года получилъ наконецъ прощеніе и вернулся изъ ссылки въ Петербургъ, гдѣ жили его мать и сестра, уже черезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ вбѣжалъ въ комнату Лермонтовъ и бросился на шею къ Святославу Аѳанасьевичу. «Я помню, разсказываетъ сестра Раевскаго, г-жа Соловцова, какъ Михаилъ Юрьевичъ цѣловалъ брата, гладилъ его и все приговаривалъ: «прости меня, прости меня милый!» — Я была ребенкомъ и не понимала, чтó это значило; но какъ теперь вижу растроганное лицо Лермонтова и

большіе, полные слезъ, глаза. Братъ былъ тоже растроганъ до слезъ и успокоивалъ друга»[1].

О другѣ своемъ С. А. Раевскій сохранилъ самое теплое воспоминаніе; онъ до конца дней своихъ былъ горячимъ защитникомъ и цѣнителемъ Михаила Юрьевича, какъ поэта и *человѣка*, и ему-то мы обязаны сохраненіемъ многихъ матеріаловъ, касающихся до жизни и творчества поэта[2].

Итакъ, согласно высочайшему приказу поэтъ весною 1837 года долженъ быть покинуть Петербургъ и ѣхать на Кавказъ. Онъ насильственно былъ вырванъ изъ сферъ весьма разнообразныхъ, гдѣ жизнь его текла нервно и безпокойно. Онъ метался, и метаніе это и волненія отражались на творчествѣ. Тревожному поэту Кавказъ вновь открывалъ свои объятія. Тамъ открылся для ребенка живой источникъ вдохновенія, теперь мужающій юноша найдетъ въ немъ успокоеніе, упорядоченіе мысли, подходящія условія для созрѣванія таланта.

ГЛАВА XIII.

М. Ю. Лермонтовъ на Кавказѣ въ 1837 году.

Высылка изъ Петербурга.—Тамань.—Экспедиція на восточномъ берегу Чернаго моря.—Генералъ Вельяминовъ.—Жизнь въ дѣйствующемъ отрядѣ.—Стихотвореніе: «Бородино» и «Пѣсня про царя Ивана Васильевича Грознаго.» — Странствованіе по Кавказу. — Пріѣздъ Государя и конецъ экспедиціи.—Сюжеты и типы нѣкоторыхъ произведеній, взятые изъ кавказской природы и жизни. — Д-ръ Майеръ и декабристы. — Отъѣздъ на родину.

Приказъ о переводѣ Лермонтова корнетомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ состоялся 26 февраля 1837 года. Но

---

1 Вѣстникъ Европы, 1887 года, январь, стр. 345.

2 Большая часть матеріаловъ и свѣдѣній г. Хохрякова, пожертвованныхъ имъ въ Публичную Импер. библіотеку, передана была послѣднему Раевскимъ. Г. Хохряковъ собрался было писать біографію Лермонтова. Его матеріаломъ пользовались гг. Дудышкинъ и Ефремовъ. Кое-что получилъ и я отъ него и не премину передать, что имѣю, тоже въ Императ. Публ. библіотеку. Г. Хохряковъ, коего я посѣтилъ въ Пензѣ еще въ 1881 году, много говорилъ мнѣ о горячей привязанности Раевскаго къ Лермонтову и о высокомъ мнѣніи его о поэтѣ. Ср. прибавленіе VI въ концѣ тома.

молодому человѣку, въ угоду бабушкѣ, было разрѣшено продлить срокъ отъѣзда на нѣсколько дней. Старушка спѣшила воспользоваться льготою и ни на часъ не отпускала отъ себя внука. Наконецъ однакоже пришлось благословить «Мишеля» на дальній путь, на Кавказъ «за лаврами», какъ выражался самъ ссылаемый.

Лермонтовъ ѣхалъ на восточный берегъ Чернаго моря, гдѣ должны были открыться усиленныя военныя дѣйствія противъ горцевъ подъ начальствомъ генерала Вельяминова. Въ то время полагалось нужнымъ совершенно отрѣзать горцевъ отъ Чернаго моря и для этого хотѣли продлить еще ранѣе построенную линію береговыхъ укрѣпленій отъ Геленджика до устья рѣки Чуэпсина [Вулана]. Получить разрѣшеніе на участіе въ экспедиціяхъ было не трудно, особенно для гвардейскихъ офицеровъ, ѣхавшихъ на Кавказъ «за лаврами», или людей, сосланныхъ туда за провинности. Послѣднимъ, особенно когда вина ихъ не затрогивала чести, Кавказское начальство охотно давало случай вновь выслужиться или заслужить облегченіе участи. Такъ поступали съ разжалованными въ солдаты декабристами и другими лицами. Имъ нерѣдко давали важныя порученія и назначенія, не смотря на званіе рядоваго.

Въ эту поѣздку, направляясь на черноморскій берегъ Кавказа, Лермонтовъ долженъ былъ остановиться въ Тамани въ ожиданіи почтоваго судна, которое перевезло бы его въ Геленджикъ. Тутъ поэтъ испыталъ страннаго рода столкновеніе съ казачкою Царицихой, принявшей его за тайнаго соглядатая, желавшаго накрыть контрабандистовъ, съ которыми она имѣла сношенія. Эпизодъ этотъ послужилъ поэту темою для повѣсти «Тамань». Въ 1879 году описываемая въ этой повѣсти хата еще была цѣла, она принадлежала казаку Миснику и стояла не въ далекѣ отъ нынѣшней пристани надъ обрывомъ [1].

Лермонтовъ прибылъ въ Геленджикъ около 21 апрѣля и поступилъ въ распоряженіе начальника 1-го отдѣленія черномор-

[1] Хата, крытая камышемъ, имѣетъ 7 шаговъ ширины и 16 длины. Свѣдѣнія, равно какъ и снимокъ съ хаты, сдѣланный въ 1879 году, доставилъ мнѣ въ Тифлисъ, на археолигическій съѣздъ 1881 года, г. Филицынъ.

ской береговой линіи артиллерійскаго генералъ-маіора Штейбена, къ которому особенно расположенъ былъ Вельяминовъ, «вообще не жаловавшій генераловъ». Подъ начальствомъ этого лица Лермонтовъ впервые познакомился съ боевою жизнью и услышалъ свистъ вражескихъ пуль среди постоянныхъ перестрѣлокъ при конвоированіи транспортовъ съ разными запасами изъ Ольгинскаго тетъ-де-пона въ Абинское укрѣпленіе. Тутъ отрядъ Штейбена присоединился къ войскамъ генерала Вельяминова.

Вельяминовъ, начавшій службу еще во время наполеоновскихъ войнъ и участвовавшій въ Аустерлицкомъ сраженіи, принадлежалъ къ кружку, изъ котораго вышло нѣсколько замѣтныхъ дѣятелей, между коими былъ и Ермоловъ. На Кавказѣ Вельяминовъ былъ начальникомъ штаба и вѣрнымъ другомъ, помощникомъ этого славнаго генерала. Они были на «ты» и называли другъ друга «Алешей». Вельяминовъ получилъ хорошее образованіе, а отъ природы одаренъ былъ замѣчательными умственными способностями. Нравственныя и религіозныя убѣжденія его были построены на теоріяхъ энциклопедистовъ, характеръ оригинальный и самобытный: онъ съ властями держалъ себя самостоятельно. Какъ «командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи» съ ближайшимъ начальникомъ своимъ барономъ Розеномъ не ладилъ. Строгость Вельяминова доходила до холодной жестокости. Подчиненные и войска боялись его, но имѣли къ нему полное довѣріе. У горцевъ имя его звучало грозно. Въ аулахъ пѣлись о немъ пѣсни, называя его Кызылъ Дженералъ (т. е. рыжій генералъ).

Экспедиція 1837 года была предпринята для постройки новыхъ крѣпостей на черноморской линіи. Постройка этихъ фортовъ началась въ 1833 году. Основаніемъ кордонной линіи было Ольгинское укрѣпленіе, крайнею точкой Геленджикъ. Затѣмъ каждый годъ Вельяминовъ предпринималъ походы для ознакомленія съ краемъ, сожженія ауловъ и воздвиженія новыхъ крѣпостей. Экспедиція 1837 года должна была быть обширнѣе предыдущихъ. Отряду назначено было дѣйствовать преимущественно на южной сторонѣ хребта, къ юговостоку отъ Геленджика, цѣль дѣйствій было занятіе устьевъ двухъ рѣкъ:

Пшады и Вулана [Чуэпсина] и постройка укрѣпленій въ краѣ, куда еще не проникали русскія войска.

Въ составъ дѣйствующаго отряда назначены были Тенгинскій и Навагинскій полки въ полномъ составѣ и два баталіона Кабардинскаго, двѣ роты саперъ, четыре пѣшихъ черноморскихъ Казачьихъ полка, нѣсколько конныхъ сотенъ линейнаго войска и три батареи 19 артиллерійской бригады. Тутъ же находилось много офицеровъ изъ гвардіи и армейскихъ частей, прикомандированныхъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ отряда. Офицеровъ, пріѣзжавшихъ изъ войскъ расположенныхъ въ Россіи, поражали въ кавказской арміи самостоятельность ротныхъ и баталіонныхъ командировъ, разумныя смѣтливость и незадерганность солдата; унтеръ-офицеры были вообще очень хорошіе и люди заслуженные; въ это званіе производили не за наружность и ловкость во фронтѣ. Вообще въ войскахъ видны были остатки преданій суворовскаго времени. Между офицерами встрѣчалось не мало кутилъ, но старшіе берегли молодежь и честь полка. Вооруженіе, въ особенности пѣхоты, было плохое. Старыя кремневыя ружья и на сто шаговъ стрѣляли невѣрно, дѣла рѣшались рукопашнымъ боемъ, штыкомъ, и вообще выработалось презрѣніе къ огнестрѣльному оружію. Понятно, что этотъ порядокъ вещей и военная служба на Кавказѣ должны были прійтись по вкусу Лермонтову, ненавидѣвшему мелкія стѣсненія фрунтовой службы, испытанной имъ въ Петербургѣ. Порядокъ и жизнь кавказская приходились понутру этой свободолюбивой натурѣ и, естественно, что, вернувшись въ столицу, онъ уже въ 1838 году стремится бѣжать отъ службы въ гвардейскомъ полку и просится обратно на Кавказъ, но его не пускаютъ.

Экспедиція была не легкая.

«Въ Петербургѣ, говоритъ очевидецъ, глядѣли на дѣла своеобразно и тамъ не подозрѣвали, что войска имѣли дѣла съ полумиліоннымъ горнымъ населеніемъ, никогда не знавшимъ надъ собою власти, храбрымъ, воинственнымъ, которое въ своихъ горныхъ, заросшихъ лѣсомъ, трущобахъ на каждомъ шагу имѣетъ сильныя природныя крѣпости. Тамъ еще думали, что горцы не болѣе какъ возмутившіеся русскіе поддан-

ные, уступленные Россіи ихъ законнымъ повелителемъ, султаномъ, по Адріанопольскому трактату [1]. Мая 9-го отрядъ тронулся подъ начальствомъ генерала Вельяминова. Горцы знали о движеніи русскихъ войскъ и были въ большомъ сборѣ. Всюду, гдѣ мѣстность представляла удобство прикрытія, войска испытывали нападеніе засѣвшихъ за кустами и камнями горцевъ. Шла постоянная перестрѣлка, перемежаясь дикими криками горцевъ и громкимъ ура! Трофеями дня были нѣсколько труповъ горцевъ, у которыхъ отрубили головы и затѣмъ завернули и зашили въ холстъ. За каждую голову Вельяминовъ платилъ по червонцу и черепа отправлялъ въ Академію наукъ. Поэтому за каждаго убитаго горца шла упорная драка, стоившая порой много жизней съ той и другой стороны. У горцевъ образовался обычай, отправляясь въ военное предпріятіе, давать друзьямъ и союзникамъ клятвенное обѣщаніе привозить обратно мертвыхъ, или, если то окажется невозможнымъ, отрубать голову убитаго и привозить ее семейству; не сдѣлавшій этого принималъ на себя обязательство всю жизнь содержать на свой счетъ вдову и дѣтей павшаго товарища. [2].

Первые же сутки обошлись не дешево, было убито и ранено 50 человѣкъ, въ числѣ коихъ были офицеры и полковой командиръ Тенгинскаго полка Кашутинъ. Отрядъ двигался съ возможными предосторожностями—живою крѣпостью, имѣвшею видъ длиннаго четыреугольника. Авангардъ и арьергардъ двигались по ущелью или долинѣ, а боковыя прикрытія по горамъ въ такомъ разстояніи, чтобы пули горцевъ не могли бить въ колонны, гдѣ были остальныя войска и обозъ. Дороги были плохія, мѣстность въ горахъ покрыта лѣсомъ. Чтобы держать боковыя прикрытія на своихъ мѣстахъ и что-

1 Свѣдѣнія объ экспедиціи 1837 года почерпнулъ я главнымъ образомъ изъ интересныхъ воспоминаній Григорія Ивановича Филипсона [Русск. Арх. 1883 г.], исправлявшаго въ то время должность Оберъ-Квартирмейстера отряда.

2 Вотъ отчего Лермонтовъ въ горской легендѣ «Бѣглецъ» [т. II стр. 302] рисуетъ презрѣніе близкихъ къ Гаруну за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы и что «подъ пятой у супостата» остались лежать головы его отца и братьевъ.

бы цѣпи стрѣлковъ неразрывались въ закрытой и пересѣченной мѣстности, ихъ часто окликали сигнальными рожками. Этимъ способомъ, при условленныхъ заранѣе сигналахъ, передавались всѣ приказанія придвиженіяхъ. Самая трудная роль доставалась обыкновенно арьергарду, а самая легкая авангарду, гдѣ рѣдко бывала серьезная перестрѣлка. Случалось, что отрядъ растягивался на нѣсколько верстъ, иногда пять и болѣе. Тогда боковыя прикрытія усиливались. Вельяминовъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, ничего не оставляя безъ вниманія. Каждый солдатъ былъ увѣренъ, что старый генералъ его видитъ.

Вечеромъ передъ ночлегомъ тщательно осматривались аванпосты и цѣпи. Лагерь становился обыкновенно въ томъ же порядкѣ—длиннымъ четыреугольникомъ. Зажигались большіе костры, которые указывали мѣсто расположенія войскъ. Если гдѣ потухалъ костеръ, Вельяминовъ сердился и посылалъ начальникамъ выговоры въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ.

При самомъ началѣ движенія пятеро горскихъ старшинъ пріѣхали къ аванпостамъ для переговоровъ съ Вельяминовымъ. Это были пять стариковъ очень почтенной наружности, уполномоченные отъ горскихъ племенъ. Они явились хорошо вооруженными, но безъ всякой свиты. Вельяминовъ принялъ ихъ съ нѣкоторою торжественностью, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ. Онъ былъ при шашкѣ и изъ предосторожности привѣсилъ кинжалъ. Не разъ бывали примѣры, что фанатики горцы бросались на враговъ своихъ во время переговоровъ. Депутаты старались убѣдить генерала, что султанъ никогда не имѣлъ права уступать ихъ земли Россіи, ибо онъ никогда не владѣлъ этою землею.

Они сообщали, что весь народъ единодушно положилъ драться съ русскими на жизнь и на смерть, пока не выгонятъ русскихъ изъ своей земли. Они хвастались своимъ могуществомъ и искусствомъ въ горной войнѣ, храбростью сыновъ своихъ, мѣткостью стрѣльбы ихъ. Рѣчь свою старики кончили предложеніемъ русскимъ вернуться за Кубань и впредь жить съ ними въ добромъ сосѣдствѣ. На длинную рѣчь депутатовъ, принадлежавшихъ къ высшей черкесской аристократіи, Вель-

яминовъ отвѣчалъ коротко, объясняя, что онъ идетъ туда, куда велѣлъ ему бѣлый царь, и что если ему будутъ сопротивляться, то сами отвѣтственны за тѣ бѣдствія, которыя извѣдаютъ. Онъ замѣтилъ, что если наши воины и стрѣляютъ хуже, то за то на каждый выстрѣлъ враговъ отвѣтятъ сотнею пуль. Тѣмъ конференція и кончилась.

Оказалось, что скопище горцевъ было огромное, оно доходило до 10 тысячъ конныхъ и пѣшихъ. Лазутчики увѣдомили, что всѣ поклялись драться до послѣдней капли крови, а за тайныя сношенія съ русскими назначена смертная казнь. Нѣсколько дней бивуачные огни горцевъ видны были на большое пространство. Численность ихъ увеличивалась. Они ждали движенія русскаго отряда, чтобы удобнѣе напасть на него. Старый Вельяминовъ не трогался изъ лагеря, огражденнаго засѣкой. «Подождемъ, говорилъ онъ, у нихъ генералъ-интендантъ неисправный. Когда они поѣдятъ свое пшено и чужихъ барановъ, сами разойдутся». Такъ оно дѣйствительно и случилось, голодъ вынудилъ большинство удалиться. И только малая часть вела перестрѣлку съ нашественниками.

Русскіе войска двинулись по краю, въ который впервые вступили. По обѣимъ сторонамъ долины разбросаны были аулы. Вельяминовъ строжайше запретилъ жечь и грабить ихъ. Всѣ они оставлены были жителями.

Гребень Кавказскаго хребта образуетъ здѣсь глубокое сѣдло. Трудно вообразить себѣ что нибудь живописнѣе вида, который открывается съ перевала. Хребетъ въ этомъ мѣстѣ едва ли имѣетъ болѣе 5 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря; южный его склонъ крутъ и изрѣзанъ глубокими балками, покрытыми лѣсами; впереди «какъ огромное воронье крыло» лежало Черное море съ горизонтомъ безъ предѣловъ. Роскошная растительность иногда доходила до самаго берега, далеко простирая свои вѣтви надъ зыбкою влагой.

> У Черпаго моря чинара стоитъ молодая...

вспоминалъ потомъ прибрежную картину поэтъ нашъ,

> По небу раскинула вѣтви она на просторѣ,
> И корни ея умываетъ холодное море. [т. I, стр. 341].

По мѣрѣ движенія отряда край дѣлался болѣе гористымъ и дикимъ. Горцы стали насѣдать на боковыя прикрытія и особенно на арьергардъ, 23-го мая у горнаго перевала Вардобуй [Вуордовюе?] перестрѣлка не унималась. Начальникъ Лермонтова, генералъ Штейбенъ, получилъ тяжкія раны, отъ коихъ и умеръ. 24-го по рѣкѣ Дуабѣ, 25-го на рѣкѣ Пшадѣ были стычки, особенно во время фуражировки, сопряженной съ опасностями. 27-го мая, дойдя до устьевъ рѣки Пшада, отрядъ остановился, и Вельяминовъ приступилъ къ разбивкѣ укрѣпленія. Скука неподвижной жизни разнообразилась фуражировками и посылкой отрядовъ для рубки лѣса. При отрядѣ было до 2 т. лошадей, которыя требовали много сѣна. Привозимые изъ Тамани прессованные запасы его далеко неудовлетворяли нуждамъ. По мѣрѣ выкашиванія травы, за сѣномъ приходилось ходить все далѣе и далѣе по долинѣ Пшада и его притоковъ. Такія движенія дѣлались въ промежутки двухъ, трехъ дней, подъ прикрытіемъ 4-хъ или 5ти батальоновъ, съ 8-ю и 10 ю орудіями и сотней конныхъ казаковъ. Горцы всегда знали объ этомъ впередъ, и потому никогда такое движеніе необходилось безъ боя, болѣе или менѣе упорнаго.

Стоянка во время постройки укрѣпленія на Пшадѣ, возводимаго изъ сыраго кирпича и лѣса, длилась болѣе мѣсяца. Многіе офицеры коротали время кутежами и картежной игрой. Она была сильно развита и поддерживалась особенно тѣми изъ прикомандированныхъ къ отряду офицеровъ, которые были побогаче. Но были люди, не принимавшіе участія въ этихъ развлеченіяхъ, а работавшіе умственно и читавшіе серьезныя книги, которыя можно было добыть и въ этомъ удаленномъ уголкѣ среди лагерной и бивачной жизни[1]. Здѣсь находились лица весьма образованныя и интересныя, не послѣдними среди нихъ были и декабристы, которыхъ въ это время присылали на Кавказъ рядовыми послѣ пребыванія въ сибирской каторгѣ или на поселеніяхъ. Вельяминовъ относился къ декабристамъ внимательно и не дѣлалъ никакого различія между ни-

---

[1] Такъ можно было найти соч. Токвиля, Гизо, Минье [Русск. Арх. 1883 г., стр. 249] Лафатера, Галля и пр. Одоевскій передъ смертью въ палаткѣ своей на восточномъ берегу Черного моря зачитывался Шиллеромъ.

ми и офицерами. Многіе бывали у него въ солдатскихъ шинеляхъ. Въ Ставрополѣ и въ деревняхъ они носили гражданскую или черкесскую одежду, и никто не находилъ этого неправильнымъ. «Вообще—говоритъ генералъ Филипсонъ—Кавказскія войска имѣли очень своебразное и отчасти смутное понятіе о формѣ».

Лермонтовъ со всею страстностью натуры бросился испытывать волненія боевой жизни. Его интересовалъ и Кавказскій солдатъ, казакъ и горецъ, привлекала опасность. Онъ здѣсь находилъ матеріалы для своихъ произведеній. Надо полагать, что въ это время было имъ написано кое что, изъ чего многое пропало, потому что Лермонтовъ вообще не очень дорожилъ набросанными, гдѣ попало, стихами своими, а во вторыхъ, какъ замѣчаетъ гр. Ростопчина[1], фельдъегеря, черезъ которыхъ поэтъ посылалъ свои наброски, часто теряли ихъ. Военная боевая жизнь, вдохновивъ поэта, кажется побудила его вновь передѣлать стихотвореніе «Бородино», которое и было послано въ Петербургъ и напечатано въ 1837 году, въ VI т. Современника. Весьма можетъ статься, что поэтъ въ Кавказскихъ «Суворовскимъ» духомъ проникнутыхъ войскахъ и подслушалъ разговоръ стараго солдата, очевидца бородинской битвы, съ рекрутомъ и, по обычаю своему, все, что писалъ, брать изъ жизни, облекъ свое стихотвореніе въ форму діалога между старикомъ солдатомъ и рекрутомъ[2]. Здѣсь же среди походной жизни Лермонтовъ окончательно обработалъ «Пѣсню о Калашниковѣ» и выслалъ ее А. А. Краевскому, издававшему «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду». Когда стихотвореніе обыкновеннымъ порядкомъ отправлено было въ цензуру, то цензоръ изданія нашелъ совершенно невозможнымъ дѣломъ напечатать стихотвореніе человѣка, только что сосланнаго на

---

[1] Гр. Растопчина о Лермонтовѣ: Русск. Стар. 1882 г., стр. 610.

[2] Что стихотвореніе это было написано не въ Петербургѣ, заключаю я изъ того, что Раевскій въ объяснительной запискѣ своей о стихахъ Лермонтова на смерть Пушкина, желая выгородить друга и выставить его патріотизмъ, выискиваетъ проникнутыя патріотизмомъ стихотворенія Михаила Юрьевича. Если бы «Бородино» было уже написано, онъ не преминулъ бы упомянуть о немъ вмѣстѣ съ другими.

Кавказъ за свой либерализмъ. Г. Краевскій обратился къ Жуковскому, который былъ въ великомъ восторгѣ отъ стихотворенія и, находя, что его непремѣнно надо напечатать, далъ г. Краевскому письмо къ министру народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи коего находилась тогда цензура. Гр. Уваровъ, гонитель Пушкина, оказался на этотъ разъ добрѣе къ преемнику его таланта и славы. Найдя, что цензоръ былъ правъ въ своихъ опасеніяхъ, онъ всетаки разрѣшилъ печатаніе. Имени поэта онъ однако выставить не позволилъ, и «пѣсня» вышла съ подписью:—въ[1].

Однако Лермонтовъ попалъ въ экспедицію поздно. Ему пришлось изъ Геленджика ѣхать въ Грузію, гдѣ стоялъ Нижегородскій драгунскій полкъ. Что дѣлалъ Михаилъ Юрьевичъ на Кавказѣ въ служебномъ отношеніи, сказать трудно. Барономъ Розеномъ онъ былъ причисленъ къ эскадрону драгунъ, который долженъ былъ войти въ отрядъ Вельяминова и находиться на берегу Чернаго моря въ Оксалѣ, куда ждали Государя[2].

Раевскому поэтъ пишетъ, что странствовалъ много:

„Съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ Россіи, я находился въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по черкесски, съ ружьемъ за плечами, ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское...“ [т. IV стр. 441].

Его странствія обошлись не безъ приключеній. Не разъ приходилось отстрѣливаться. Однажды онъ чуть не попался въ руки шайкѣ лезгинъ. По большой части онъ ѣздилъ верхомъ; но случалось и пѣшкомъ подниматься на высоты, или бродить съ карандашемъ и даже съ мольбертомъ, снимая виды[3].

---

1 Изъ разсказовъ г. Краевскаго. Тоже Пыпинъ, біогр. Лермонтова въ I т. его соч., изд. 1873 г., стр. LI. См. соч. т. II, стр. 301.

2 Письмо Лерм. къ Арсеньевой. т. IV. стр. 416.

3 Снимокъ Крестовой горы масляными красками, подаренный поэтомъ князю В. Одоевскому, съ помѣткою князя подаренъ былъ В. Ст. Перфильевой и ею уступленъ мнѣ, и находится теперь въ моей библіотекѣ.

„Я лазилъ, пишетъ Михаилъ Юрьевичъ, на снѣговую гору [Крестовая] на самый верхъ, что не совсѣмъ легко, оттуда видна половина Грузіи, какъ на блюдечкѣ, и право, я не берусь объяснить или описать этого чувства; для меня горный воздухъ—бальзамъ: хандра къ черту, сердце бьется, грудь высоко дышетъ, ничего не надо въ эту минуту“.

Насколько участвовалъ Лермонтовъ въ экспедиціи Вельяминова, сказать трудно. Можно думать, что онъ отлучался изъ нея, что легко дозволяли офицерамъ для отдыха или леченія. Просматривая военныя дѣйствія экспедиціи 1837 года, видно, что они были главнымъ образомъ предприняты для постройки укрѣпленій. Такъ отрядъ съ 29 мая по 11 іюля занимался возведеніемъ Новотроицкаго укрѣпленія, а потомъ, послѣ трехдневнаго похода, съ 14 іюля по 31-ое возводили укрѣпленіе Михайловское. Мы имѣемъ письмо Лермонтова изъ Пятигорска отъ 18 іюля [т. IV стр. 416], слѣдовательно, онъ въ это время не былъ въ отрядѣ. Поэтому приходится относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ послужному списку Михаила Юрьевича, въ коемъ говорится, что поэтъ былъ въ постоянныхъ стычкахъ и дѣлахъ съ непріятелемъ отъ 26 мая и до 29-го августа [1].

---

[1] Прилагая здѣсь выписку изъ послужнаго списка, считаю не лишнимъ замѣтить, что въ большинствѣ послужныхъ списковъ поэта говорится: «1837 года находился въ экспедиціи за Кубанью подъ начальствомъ ген.-лейт. Вельяминова, *въ какихъ же походахъ неизвѣстно*». Только въ послужномъ спискѣ, составленномъ уже въ полковомъ штабѣ Тенгинскаго полка въ 1840 году, когда Лермонтова представляли къ наградѣ за сраженіе подъ Валерикомъ, находился подробный перечень дѣлъ, въ коихъ Лермонтовъ участвовалъ въ 1837 году; это перечень, составленный, кажется, для полноты и наугадъ.—Ему вполнѣ довѣряться нельзя. Для полноты печатаемъ однако выписку изъ послужнаго списка:

«1837 года съ 21-го апрѣля, въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи на восточномъ берегу Чернаго моря отъ крѣпости Геленджика до устья рѣки Вулана въ бывшихъ во время оной перестрѣлкахъ подъ командою генералъ-маіора Штейбена при конвоированіи транспортовъ съ разными запасами изъ Ольгинскаго Тет-де-пона въ Абинское укрѣпленіе и обратно. Апрѣля 26-го на рѣкѣ Кунипсѣ, 29-го близъ Абина подъ командою командовавшаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенанта Вельяминова 2-го при слѣдованіи отряда изъ Ольгинскаго Тет-де-пона къ крѣпости Геленджику; мая 10-го въ сильной пере-

Въ началѣ сентября войска возвратились въ Геленджикъ, куда ожидали пріѣзда Императора Николая Павловича. Государь пріѣхалъ 22 го сентября со свитою на двухъ пароходахъ во время бури. Съ Государемъ былъ наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ, графъ Орловъ, Бенкендорфъ, и другіе. Несмотря на то, что свирѣпствовавшая буря привела лагерь въ страшный безпорядокъ и мѣшала общей стройности движеній, Государь остался доволенъ войсками, былъ милостивъ и размѣчалъ награды. Гр. Бенкендорфъ, помня просьбы бабушки поэта Арсеньевой и желая сдѣлать ей угодное, воспользовался случаемъ этимъ и ходатайствовалъ передъ Государемъ за Лермонтова[1]. Дѣйствительно, приказомъ даннымъ Государемъ въ Тифлисѣ въ 1837 году октября 11-го дня, Лермонтовъ переводился въ л.-гв. Гродненскій полкъ, стоявшій въ Новгородѣ.

Въ концѣ сентября отрядъ Вельяминова вернулся домой. Части войскъ были распущены на зимнія квартиры, осенняя экспедиція была отмѣнена. Весьма возможно, что теперь Лермонтовъ вновь принимается за странствованія свои по Кавказу или совершаетъ тѣ, о коихъ говорено выше. По крайней мѣрѣ пишетъ онъ о нихъ Раевскому въ концѣ октября изъ Пятигорска послѣ мѣсячнаго леченія отъ пріобрѣтеннаго во

стрѣлкѣ въ Гумбанскомъ лѣсу; 11-го на Богоіокской долинѣ; 12-го близъ Николаевскаго укрѣпленія; 17-го на долинѣ онаго; 23-го у перевала Вородобуй, [Вурдовюѐ] [?]; 24-го на рѣкѣ Дуабъ; 25-го на рѣчкѣ Пшадѣ и на бывшихъ фуражировкахъ около сей рѣчки; мая 29-го, іюня 2-го, 5-го и 22-го въ дѣлѣ при сожженіи контрабандныхъ турецкихъ суденъ на рѣчкѣ Шапсухо, подъ командою капитана 1-го ранга Серебрякова при движеніи изъ Новотроицкаго укрѣпленія къ рѣчкѣ Вуланъ; іюля 11-го въ ущельѣ Каріокъ; 12-го при урочищѣ Шапсухо; 13-го при урочищѣ Чесичуашъ; 14-го на рѣчкѣ Вуланъ при построеніи Михайловскаго укрѣпленія во время фуражировокъ на рѣчкѣ Вуланъ; іюля 31-го, августа 2-го, 23-го и 26-го при возвращеніи отряда къ крѣпости Геледжику; сентября 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го чиселъ при слѣдованіи къ берегамъ рѣки Кубани и въ бывшихъ перестрѣлкахъ съ 25-го по 29-е число того же мѣсяца».

[1] Явствуетъ изъ отношенія Бенкендорфа къ военному министру гр. Чернышеву отъ 27 марта 1838 года по поводу перевода Лермонтова изъ Новгорода въ л.-гв. Гусарскій полкъ въ Царскомъ селѣ [см. ниже].

время ночевокъ на открытомъ воздухѣ сильнаго ревматизма [1]: „простудившись дорогой, я пріѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ; меня на рукахъ вынесли люди изъ повозки, я не могъ ходить; въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили; я никогда не былъ такъ здоровъ"... и т. д.

Михаилъ Юрьевичъ до отъѣзда въ Россію побывалъ въ мѣстахъ, которыя видѣлъ въ дѣтствѣ: такъ онъ погостилъ въ Шелкозаводскѣ, имѣніи, принадлежавшемъ Акиму Акимовичу Хостатову, сыну родной сестры бабушки Арсеньевой, Екатерины Алексѣевны. Хостатовъ этотъ былъ извѣстный всему Кавказу храбрецъ, похожденія его переходили изъ устъ въ уста. Это былъ удалецъ, достойный сынъ мужественной матери, разсказы которой такъ сильно возбуждали воинственный духъ маленькаго Лермонтова [2]. Случаи изъ жизни Акима Акимовича и теперь поражали Михаила Юрьевича, они послужили ему матеріаломъ, коимъ онъ воспользовался немного позднѣе. Въ основаніи разсказа «Бэла» лежитъ происшествіе, бывшее съ Хостатовымъ, у котораго дѣйствительно жила татарка этого имени. Точно также «Фаталистъ» списанъ съ происшествія, бывшаго съ Хостатовымъ въ станицѣ Червленой [3].

Старая Военногрузинская дорога, слѣды коей видны и понынѣ, своими красотами и цѣлой вереницей легендъ особенно поразила поэта. Легенды эти были ему извѣстны уже съ дѣтства, теперь онѣ возобновились въ его памяти, вставали въ фантазіи его, укрѣпляясь въ памяти вмѣстѣ съ то могучими, то роскошными картинами кавказской природы. Вотъ тутъ-то зародилась въ Михаилѣ Юрьевичѣ мысль перенести мѣ-

---

1 Что письмо это [т. V стр. 440] писано въ концѣ октября, явствуетъ изъ того, что Лермонтовъ пишетъ въ немъ, что переведенъ въ Гродненскій полкъ, о чемъ приказъ былъ подписанъ въ Тифлисѣ 11-го октября, а напечатанъ и разосланъ позднѣе.

2 См. выше, гл. II, стр. 29

3 По крайней мѣрѣ эпизодъ, гдѣ Печоринъ бросается въ хату пьянаго разсвирѣпѣвшаго казака, произошелъ съ Хостатовымъ. Все это слышалъ я отъ Акима Павловича Шанъ-Гирея.—Г. Хохряковъ говоритъ, что слышалъ отъ Св. Аѳ. Раевскаго, будто «Фаталистъ» истинное происшествіе, въ коемъ участвовали самъ Лермонтовъ и Монго Столыпинъ. Едва ли это такъ. Или же, быть можетъ, оба друга были лишь свидѣтелями случая, изображеннаго въ Вуличѣ, выстрѣлившемъ въ себя.

сто дѣйствія любимой его поэмы «Демонъ» на Кавказъ. До сей поры оно было въ Испаніи [подробности объ этомъ читатель найдетъ въ III томѣ, на стр. 118 и далѣе].

Въ Ставрополѣ Лермонтовъ познакомился съ кружкомъ декабристовъ, находившихся въ отличныхъ отношеніяхъ съ докторомъ Н. В. Майеромъ. Майеръ былъ замѣчательный человѣкъ, группировавшій около себя лучшихъ людей и имѣвшій на многихъ самое благотворное вліяніе. Зимой Майеръ проживалъ въ Ставрополѣ, а лѣтомъ на минеральныхъ водахъ. Онъ сдѣлался очень извѣстнымъ практическимъ врачемъ и особенно на водахъ имѣлъ огромную и лучшую практику. Въ общественныхъ удовольствіяхъ онъ не участвовалъ, но можно было быть увѣреннымъ, что всегда встрѣтишь его въ кругу людей образованныхъ и порядочныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и человѣкомъ свѣтскимъ. Во всякомъ обществѣ его нельзя было не замѣтить. Умъ и огромная начитанность вмѣстѣ съ какимъ то аристократизмомъ образа мыслей и манеръ невольно привлекали къ нему. Онъ прекрасно владѣлъ русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками и, когда былъ въ духѣ, говорилъ остроумно, съ живостью и душевною теплотою. Майеръ имѣлъ много успѣховъ у женщинъ и этимъ, конечно, былъ обязанъ не физическимъ своимъ достоинствамъ. Небольшаго роста, съ огромной угловатой головой, на которой волосы стригъ подъ гребенку, съ чертами лица неправильными, худощавый и хромой — у него одна нога была короче другой — Майеръ нисколько не былъ похожъ на типъ гостиннаго ловеласа, но въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ было столько симпатичнаго, въ его разговорѣ было столько ума и души, что становится понятнымъ сильное и глубокое чувство, которое онъ внушалъ къ себѣ нѣкоторымъ замѣчательнымъ женщинамъ. Характеръ его былъ неровный и вспыльчивый; нервная раздражительность и какой-то саркастическій оттѣнокъ его разговора навлекали ему иногда непріятности, но не лишили его ни одного изъ близкихъ друзей, которые больше всего цѣнили его искренность и честное прямодушіе. Преданность друзьямъ однажды едва не погубила его. Въ третій годъ бытности на Кавказѣ онъ очень сблизился съ А. Бесту-

жевымъ [Марлинскимъ] и съ С. Палицынымъ—декабристами, которые изъ каторжной работы были присланы на Кавказъ служить рядовыми. Полевой прислалъ Бестужеву бѣлую пуховую шляпу, которая тогда въ западной Европѣ служила признакомъ карбонара. Доносъ о такомъ важномъ событіи обратилъ на себя особенное вниманіе занимавшаго должность губернскаго жандармскаго штабъ-офицера. При обыскѣ квартиры, въ которой жилъ Майеръ, Бестужевъ и Палицынъ, шляпа найдена въ печи. Майеръ объявилъ, что она принадлежала ему, основательно соображая, что въ противномъ случаѣ, кто нибудь изъ его товарищей могъ отправиться обратно въ Сибирь. За эту дружескую услугу, по распоряженію высшаго начальства, Майера выдержали полгода подъ арестомъ въ Темнелѣсской крѣпости [1]. Но генералъ Вельяминовъ отнесся къ этому случаю совершенно равнодушно и сохранилъ къ Майеру прежнее свое расположеніе.

Съ этого доктора Майера Лермонтовъ списалъ въ повѣсти своей «Княжна Мери» доктора Вернера, съ которымъ Печоринъ тоже знакомится въ С., т. е. Ставрополѣ [2].

О вліяніи, которое Майеръ имѣлъ на окружавшихъ его людей, можно судить по тому, что разсказываетъ о себѣ Григорій Ив. Филипсонъ, бывшій попечитель С.-Петербургскаго округа, а въ то время офицеръ генеральнаго штаба, исправлявшій должность оберквартирмейстера отряда: «Черезъ Майера и у него я познакомился со многими декабристами, которые по разрядамъ присылались изъ сибири рядовыми въ войска Кавказскаго корпуса. Изъ нихъ князь Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ жилъ въ одномъ домѣ съ Майеромъ и былъ нашимъ постояннымъ собесѣдникомъ. Это былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія. Аристократъ до мозга костей, онъ былъ бы либеральнымъ вельможей, если бы судьба не забросила его въ Сибирскіе рудники. Казалось бы, у него не могло быть рѣзкихъ противорѣчій съ политическими и религіозными убѣжденіями Майера, но это было напротивъ. *Оба одинаково*

1 Записки генерала Филипсона.

2 Любопытно сравнить описаніе Майера съ тѣмъ, что говоритъ о Вернерѣ Печоринъ: т. V, стр. 257.

любили парадоксы и одинаково горячо ихъ отстаивали. Спорамъ не было конца, и нерѣдко утренняя заря заставала насъ за нерѣшеннымъ вопросомъ. Эти разговоры и новый для меня взглядъ на вещи заставилъ меня устыдиться моего невѣжества. Въ эту зиму и въ слѣдующую я много читалъ, и моими чтеніями руководилъ Майеръ. Я живо помню это время. Исторія человѣчества представилась мнѣ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Давно извѣстные факты совсѣмъ иначе освѣтились. Великія событія и характеры Англійской и особенно Французской революціи приводили меня въ восторженное состояніе».

Можно себѣ представить, какъ такой человѣкъ и окружающіе его люди должны были повліять на 22 лѣтняго юношу поэта. Высланный изъ Петербуга, гдѣ онъ старался проникнуть въ общество людей развитыхъ, Лермонтовъ находитъ отборный кругъ ихъ въ горахъ Кавказа, среди дивной, пробудившей его поэтическій даръ природы, среди болѣе свободныхъ условій жизни. Отъ этой атмосферы нравственное состояніе должно было очиститься. Условія должны были благотворно повліять на впечатлительную душу, на большой и образованный, хоть и молодой еще умъ Михаила Юрьевича. Его кругозоръ расширился, убѣжденія окрѣпли, смутное недовольство пошлостью общества, среди котораго онъ находился въ Петербургѣ и коимъ все-таки увлекался, стало для него теперь сознательнымъ. Онъ сталъ шире понимать назначеніе писателя и, выходя изъ сферы личнаго, стремился глубже затронуть типъ людей — продуктъ слабости и недостатковъ своего времени. Задуманныя прежде произведенія были имъ брошены, или стали видоизмѣняться и выработываться въ болѣе глубокія и сознательныя творенія. Вотъ почему онъ пишетъ другу и сотруднику своему Раевскому, что не можетъ продолжать романа, который они сообща начали въ Петербургѣ. Обстоятельства измѣнились. Это былъ неоконченный романъ «Княгиня Лиговская», въ которомъ впервые смутно еще вырисовывается типъ Печорина. Эта перемѣна въ развитіи Лермонтова и обусловливаетъ то недовольство, которое онъ испытывалъ въ петербургскомъ обществѣ по возвращеніи въ него

съ Кавказа, и то желаніе, которое руководитъ его стремленіями вернуться туда обратно. Встрѣча съ такими людьми, какъ Майеръ и друзья его декабристы, должна была вызвать сравненіе прежняго поколѣнія съ тѣмъ, что окружало его теперь, представляя «лучшее общество» и породить «Думу», единственное лирическое произведеніе, написанное поэтомъ въ 1838 году по возвращеніи съ Кавказа. Начинается оно мрачными словами: «Печально я гляжу на наше поколѣніе» и также мрачно оканчивается. Кавказъ и люди, съ коими встрѣтился на немъ поэтъ, были звеномъ, связавшимъ его съ тѣми элементами, среди коихъ жилъ и слагался въ молодые годы умъ великаго Пушкина, столь страстно почитаемаго Михаиломъ Юрьевичемъ. Ему наконецъ пришлось столкнуться съ тѣми серьезными людьми, которыхъ такъ недоставало ему въ трудную и пустынную эпоху, въ которую приходилось развиваться даровитому юношѣ [1].

---

[1] Удивительно, что Филипсонъ [Р. Арх. 1883 г. III, 315], съ неудовольствіемъ говорящій о Лермонтовѣ, замѣчаетъ: «не могу понять, какъ могъ Лермонтовъ въ своихъ *воспоминаніяхъ* написать, что онъ былъ при кончинѣ Одоевскаго. Его не было не только въ отрядѣ на Псезуаппе, но и даже на всемъ берегу Чернаго моря». Филипсонъ отрицаетъ знакомство Лермонтова съ кн. Одоевскимъ.—Лермонтовъ прежде всего не писалъ никакихъ воспоминаній, а только въ знаменитомъ стихотвореніи: «Памяти Одоевскаго» говоритъ объ его кончинѣ 1839 г., нигдѣ не утверждая, что онъ присутствовалъ при ней.—Мы видѣли, что Лермонтовъ былъ на берегу Чернаго моря, а что хорошо зналъ Одоевскаго, видно хоть бы изъ показанія Розена. [Записки декабриста стр. 364]—Невниманіе Г-на Филипсона къ Лермонтову можно, быть можетъ, объяснить нѣкоторою своеобразностію его взгляда. Такъ, говоря о декабристахъ, А. Бестужевѣ [Марлинскомъ] и С. Палицынѣ, стр. 179, жившими съ Майеромъ и имъ уважаемыми, онъ замѣчаетъ: «*оба они* [т. е. Бестужевъ и Палицынъ] *были люди легкомысленные и тщеславные* и во всѣхъ отношеніяхъ не стоили Майера». Можетъ быть, это и такъ, но только, какъ понимать дружбу и уваженіе къ нимъ Майера, о которомъ самъ г. Филипсонъ говоритъ съ такимъ почтеніемъ и коего считаетъ своимъ учителемъ, на пути умственнаго развитія и образованности. Вѣроятно Бестужевъ заслуживалъ лучшей характеристики и говоря о немъ отдѣлываться лишь замѣчаніемъ объ его «легкомысліи» и тщеславности, по меньшей мѣрѣ поверхностное сужденіе. О Бестужевѣ мы имѣемъ свидѣтельство людей, которымъ самъ г. Филипсонъ не откажетъ въ уваженіи, и эти свидѣтельства вполнѣ объясняютъ дружбу къ Бестужеву Майера.

Полный смутныхъ чувствъ выѣзжаетъ Михаилъ Юрьевичъ изъ Кавказа. «Скучно ѣхать въ новый полкъ, пишетъ онъ Раевскому, я совсѣмъ отвыкъ отъ фронта и серьезно думаю выйти въ отставку». У него составляются планы ѣхать на Востокъ: въ Персію, въ Мекку, или проситься въ Хиву, куда снаряжалась экспедиція Перовскаго.

Но и родина Москва манила къ себѣ поэта. Пребываніе на Кавказѣ, вновь сблизивъ его съ идеалами юности, въ эпоху московской жизни, воскресило передъ нимъ съ новою силою образъ дорогой женщины, любовь къ которой онъ сохранилъ до ранней могилы своей. Она его вдохновляла и оберегала. Какъ-то онъ съ нею встрѣтится? Такая ли она, какою представлялась ему, обновленному изгнаніемъ?

Творя молитву при видѣ Казбека на рубежѣ перевала за Кавказскія горы, поэтъ говоритъ:

Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельѣ мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.
Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать.... душа дрожитъ....
Что... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!
Найду-ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?....

[т. I, стр. 267].

ЧАСТЬ III.

Зрѣющій человѣкъ и поэтъ.

ГЛАВА XIV.

Любовь.

Лермонтовъ въ кругу молодыхъ женщинъ.—Варвара Александровна Лопухина.—Показанія Шанъ-Гирея.—Варенька въ произведеніяхъ поэта: въ лирикѣ, поэмахъ и драмахъ.—Колебанія.—Померкнувшій образъ.—Извѣстіе о замужествѣ.—Месть посредствомъ литературныхъ произведеній.—Примиреніе съ Варенькой.—Мужъ Вареньки.—Страданія Варвары Александровны.—Раскаяніе Лермонтова.—Смерть.

Пребываніе на Кавказѣ, все пережитое Лермонтовымъ въ Петербургѣ и по высылкѣ изъ него, само по себѣ еще не совершило перелома въ его характерѣ. Пора поговорить объ одномъ обстоятельствѣ, которое, играя важную роль въ жизни каждаго человѣка, особенно знаменательно для судьбы и таланта лирическаго поэта. Мы разумѣемъ отношеніе къ женщинѣ. Для разъясненія весьма серьезнаго эпизода любви Лермонтова, намъ придется вернуться къ первой эпохѣ юности поэта и затѣмъ забѣжать впередъ, быть можетъ нѣсколько нарушая послѣдовательный ходъ нашего разсказа.

Когда Мишель привезенъ былъ въ Москву и вступилъ въ университетскій пансіонъ полупансіонеромъ, Арсеньева жила съ нимъ на малой Молчановкѣ, въ домѣ Чернова, гдѣ постоянно собиралось общество молодежи, преимущественно дѣвицъ изъ большаго круга родныхъ и свойственниковъ. Дѣвушекъ сопровождали маменьки и тетушки.—Всѣ относились

съ уваженіемъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, всѣ именовали ее «бабушкой» и восхищались баловнемъ Мишелемъ, наслѣдникомъ ея, центральнымъ огонькомъ, около котораго ютились жизнь и интересы [ср. гл. VII стр. 125]. Описывая въ автобіографической повѣсти своей «Княжна Лиговская» дѣтство Печорина, Лермонтовъ говоритъ, какъ до двѣнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ, «*окруженный двадцатью тысячами московскихъ тетушекъ*» [Т. V, стр. 150].

Всѣ дѣвушки, посѣщавшія Арсеньеву, носили общее названіе «кузинъ», хотя иногда представляли совершенно иную степень родства или даже и совершенно не приходились родственницами. Въ сосѣдствѣ съ Арсеньевой жила семья Лопухиныхъ, старикъ отецъ, сынъ Алексѣй и три дочери, изъ коихъ съ Марьей и Варварой Александровнами Мишель былъ особенно друженъ и рѣдкій день не бывалъ у нихъ. Мы уже говорили о томъ [стр. 213], какое значеніе имѣло для Лермонтова по преимуществу женское общество, среди коего онъ жилъ.

Вліяніе отдѣльныхъ лицъ было разное и различно отражалось на зыбкой натурѣ юноши. Поэтическое увлеченіе девятилѣтней дѣвочкой на Кавказѣ и затѣмъ двоюродной сестрою Анной Столыпиной, въ московскій періодъ, уступало порою мѣсто менѣе идеальнымъ порывамъ. Такъ юноша временно увлекся одною изъ трехъ сестеръ Бахметевыхъ [стр. 95]— Софьей Александровной. Она была старше Михаила Юрьевича, любила молодежь и разныя ея похожденія, именовала сорванцовъ, среди коихъ въ Москвѣ пошаливалъ и Лермонтовъ, «la bande joyeuse» [1], и веселая, увлекающаяся сама, увлекла—не ненадолго и Мишеля. Онъ называлъ ее «*легкой*, легкой какъ пухъ!» Взявъ пушинку въ присутствіи Софьи Александровны, онъ дулъ на нее, говоря: «это Вы—Ваше Атмосфераторство!» [2]

---

1 Въ письмѣ къ ней [т. V, стр. 381] Лермонтовъ подписывался: «Членъ Вашей bande joyeuse M. Lerma». Въ «Княгинѣ Лиговской» стр. 151 говорится: «Печоринъ съ товарищами являлся на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ... Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ: la bande joyeuse».

2 Разсказы А. П. Шанъ-Гирея. Сравни тоже письмо къ ней, т. V, стр. 379.

Также не надолго увлекся онъ и кокетливой Катей Сушковой —Miss Black eyes—[выше, стр. 98], надъ которой потомъ, въ Петербургѣ, такъ жестоко насмѣялся въ отместку за прежнее ею ему причиненное страданіе [стр. 204].

Всѣ эти мимолетныя привязанности поблѣднѣли передъ глубокою и искреннею любовью, которая, начавшись въ эти же молодые годы и пройдя черезъ нѣсколько фазисовъ, укрѣпилась и стала въ жизни поэта свѣтлымъ маякомъ, къ коему онъ всегда прибѣгалъ во время тяжкой борьбы, среди житейскихъ и душевныхъ бурь. Еще незадолго до смерти своей поэтъ, обращаясь къ любимой имъ женщинѣ, именуетъ ее своимъ идеаломъ, своей «Мадонной»!

Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь—мнѣ оборона
Отъ гордыхъ думъ и суеты. [Т. III, стр. 4].

Лицо, имъ столь любимое, это—Варвара Александровна Лопухина [1]. Она была однихъ лѣтъ съ поэтомъ. Родилась тоже въ

1 Изучая жизнь Лермонтова, я давно пришелъ къ убѣжденію, что надъ нимъ господствовала глубокая и потому чистая и возвышенная страсть—источникъ наслажденія и горя. Въ 1880 году я наконецъ отъ родственниковъ любимой имъ женщины, живущихъ въ средней полосѣ Россіи, получилъ первыя точныя свѣдѣнія объ ея отношеніяхъ къ поэту. Но я долженъ былъ дать обѣщаніе молчать. Вскорѣ изъ Штутгарта я получивъ данныя изъ писемъ и воспоминаній умершей Саши Верещагиной, въ замужествѣ Гюгелъ [кое что объ этомъ въ статьѣ моей по поводу «Княгини Лиговской»,—Русск. Вѣстн. 1882 г. Мартъ], даже и портретъ Варвары Александровны, рисованный самимъ поэтомъ. Въ 1881 году въ Пятигорскѣ мнѣ кое-что сообщилъ А. П. Шанъ-Гирей. Затѣмъ черезъ третье лицо я получилъ нѣкоторыя данныя отъ г. Бахметева, мужа Варвары Александровны, и другихъ лицъ, между прочимъ, отъ графини Т., ея родственницы и близкой пріятельницы. Въ виду большаго количества собраннаго отъ разныхъ лицъ матеріала, я не считаю себя обязаннымъ все еще хранить въ секретѣ отношенія Лермонтова къ Варварѣ Алекс. Лопухиной, тѣмъ болѣе, что они самаго идеальнаго характера.—Да наконецъ это было бы странно, такъ какъ въ разсказахъ о Лермонтовѣ А. П. Шанъ-Гирея, напечатанныхъ Д. А. Столыпинымъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», [августъ, 1890 г.] на стр. 729, имя Лопухиной названо. Предъявленное ко мнѣ еще не такъ давно требованіе родственницы Варвары Александровны, чтобы я въ біографіи М. Ю. Лермонтова не называлъ ея

1814 году. Равенство лѣтъ и было, между прочимъ, причиною многихъ страданій для Михаила Юрьевича, потому что Варенька по годамъ своимъ уже была членомъ общества, когда ровесникъ ея, Мишель, все еще считался ребенкомъ. И когда за Варенькой ухаживали въ московскихъ салонахъ, Мишель считался школьникомъ, на чувство коего къ дѣвушкѣ никто и не думалъ обращать серьезнаго вниманія. Да и серьезность чувства развилась уже впослѣдствіи. Лермонтовъ самъ замѣчаетъ, что «впечатлѣнія, сначала легкія, постепенно врѣзывались въ его умъ все глубже и глубже, такъ что впослѣдствіи эта любовь пріобрѣла надъ его сердцемъ право давности, священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣчества».

Знакомые другъ съ другомъ съ ранняго дѣтства, любовь ихъ имѣла характеръ неясный, колеблясь между братскимъ чувствомъ и влюбленностью. Варенька не всегда могла услѣдить за капризнымъ, измѣнчивымъ, зыбкимъ настроеніемъ поэта, требовавшаго отъ нея, то нѣжности сестры, то страстнаго чувства. Она же казалась ему измѣнчивой, непонимающей его, и въ стихотвореніяхъ къ ней отразились всѣ колебанія чувства, отъ нѣжнѣйшей привязанности до горькихъ упрековъ, до выраженія ревности, негодованія, вспышекъ ненависти, но во всякомъ случаѣ непритворнаго душевнаго страданія. Еще въ 1830 году, во время хожденія большимъ обществомъ на богомолье, Лермонтовъ, впервые сознавъ любовь свою къ Варварѣ Александровнѣ, воспользовался случаемъ съ нищимъ, которому кто-то въ протянутую руку вмѣсто хлѣба положилъ камень, написалъ:

Такъ я молилъ твоей любви
Съ слезами горькими, съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою. [т. I, стр. 125].

имени, не можетъ быть мною уважено. Тоже и заявленіе со стороны П. И. Бартенева, по просьбѣ другихъ родственниковъ, чтобы я полностью не помѣщалъ писемъ поэта къ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной, уважено мною не можетъ быть, такъ какъ эти письма впервые явившіяся на столбцахъ Русскаго Архива, *полностію* напечатаны г. Ефремовымъ еще въ изданіи 1887 года.

Въ 1830 году, подъ гнетомъ ревности и отчаянія, юноша даже мечтаетъ о томъ, чтобы, бросивъ университетъ, поступить юнкеромъ въ гусарскій полкъ и на поляхъ битвы во время польской компаніи сложить свою голову, или скорѣе добраться до независимаго общественнаго положенія. Но останется ли она ему вѣрна? Михаилъ Юрьевичъ написалъ тогда стихотвореніе «Гость», которое намекаетъ на его отношенія къ Варенькѣ. Калмаръ уѣзжалъ на войну, Кларисса клянется, что останется вѣрна:

„Вотъ поцѣлуй послѣдній мой,
Съ тобою въ храмъ и въ гробъ съ тобой".

Но Кларисса не сдержала обѣщаній. Съ новою весною она стала невѣстою другого. На свадебный пиръ является никому неизвѣстный гость. Онъ не ѣстъ, не пьетъ, его шеломъ избитъ въ бояхъ. То былъ Калмаръ, павшій на полѣ чести и явившійся наказать клятвопреступницу. Онъ, какъ въ знаменитой балладѣ Бюргера «Леонора», дважды переведенной Жуковскимъ, уноситъ невѣсту съ собой въ могилу. Это весьма слабое стихотвореніе [т. I, стр. 159] можно считать первымъ наброскомъ стихотворенія «Любовь мертвеца».[1].

Когда и при какихъ условіяхъ зародилась эта любовь, мы знать не можемъ. Близкій свидѣтель отношеній Лермонтова къ Варенькѣ разсказываетъ: «Будучи студентомъ, онъ [Лермонтовъ] былъ страстно влюбленъ, но не въ Миссъ Блэкъайзъ [т. е. Катю Сушкову], а въ молоденькую, милую, умную, и какъ день въ полномъ смыслѣ восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и въ высшей степени симпатичная. Какъ теперь помню ея ласковый взглядъ и свѣтлую улыбку; ей было лѣтъ 15—16, мы же были дѣти и сильно дразнили ее; у ней на лбу [надъ бровью] чернѣлось маленькое родимое пятнышко, и мы всегда приставали къ ней, повторяя: «у Вареньки родинка, Варенька уродинка», но она, добрѣйшее созданіе, никогда не серди-

[1] Т. I, стр. 315. Тотъ же мотивъ слышится и въ стихотвореніи «28 сентября», стр. 189.—См. выше, стр. 150.

лась.—Чувство къ ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранилъ онъ его до самой смерти своей, не смотря на нѣкоторыя послѣдующія увлеченія, но оно не могло набросить—и не набросило—мрачной тѣни на его существованіе, напротивъ: въ началѣ своемъ оно возбудило взаимность, впослѣдствіи, въ Петербургѣ, въ гвардейской школѣ, временно заглушено было новою обстановкой и шумною жизнью юнкеровъ тогдашней школы, по вступленіи въ свѣтъ—новыми успѣхами въ обществѣ и литературѣ; но мгновенно и сильно пробудилось оно при неожиданномъ извѣстіи о замужествѣ любимой женщины; въ то время о байронизмѣ не было уже и помину».

О томъ, какъ Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ отмѣчалъ перипетіи первой пробудившейся любви къ Варенькѣ, нами было говорено выше [гл. VIII]; но и въ 1836 году, въ неоконченномъ романѣ «Княгиня Лиговская» онъ въ главѣ V описываетъ вспыхнувшее чувство любви въ «Вѣрѣ» и «Жоржѣ»,—два имени, которыя мы не безъ основанія могли бы замѣнить Варей и Мишелемъ.

До какой степени еще и тогда творчество Лермонтова истекало изъ переживаемаго и какъ онъ рисовалъ героевъ своихъ съ натуры, можно видѣть изъ того, что въ томъ же 1836 году, когда писалъ онъ «Княгиню Лиговскую», онъ нарисовалъ акварелью и портретъ Вареньки Лопухиной, тогда уже вышедшей за Бахметева, совершенно въ такомъ видѣ и костюмѣ, въ какомъ описывается Вѣра въ романѣ: «молодая женщина въ утреннемъ атласномъ капотѣ и блоновомъ чепцѣ сидѣла небрежно на диванѣ»[1]. Но еще и до романа «Княгиня Лиговская» Лермонтовъ не разъ изображалъ любовь свою къ Варенькѣ въ произведеніяхъ своихъ. Такъ поэма «Демонъ», особенно въ первыхъ очеркахъ, вся проникнута изображеніемъ душевныхъ бурь поэта и его любви къ чудной дѣвушкѣ, отъ

---

[1] Т. V стр. 146 и 147. О портретѣ этомъ сообщено мною въ мартовской кн. «Русскаго Вѣстника» за 1882 г., стр. 337 и копія съ портрета въ уменьшенномъ видѣ находится въ статьѣ моей о «Валерикѣ» въ «Истор. Вѣстн.» за 1885 г. т. XIX, стр. 5.

ней онъ ждалъ спасенія, въ коей видѣлъ для себя оплотъ противъ мрачныхъ думъ и настроеній души. Въ себѣ видѣлъ поэтъ мрачнаго демона, въ Варенькѣ ясное, безгрѣшное существо, которое одно можетъ вернуть его къ небесамъ, т. е. къ правдѣ и добру. Сказаніе, слышанное имъ еще ребенкомъ на Кавказѣ, о любви демона [горнаго духа] къ непорочной дѣвушкѣ, отъ которой ждалъ онъ для себя обновленія и возврата къ свѣту и счастію, кажется ему, вполнѣ выражало то состояніе, въ коемъ онъ находился. И подъ гнетомъ семейныхъ драмъ между отцомъ и бабушкой, и подъ вліяніемъ мрачной Байроновской музы, очаровавшей юношу-поэта, пишетъ онъ въ 1829, 30 и 31 году излюбленную поэму, въ коей рисуетъ любовь демона къ чистой дѣвушкѣ, то есть свою любовь къ Варенькѣ. Вѣдь еще раньше въ лирическомъ стихотвореніи онъ говорилъ про себя: «Собранье золъ—его стихія»... [т. I, стр. 45].

Преувеличенія мрачности духа побудили Лермонтова около того же времени въ «Горбачѣ-Вадимѣ» [т. V, стр. I] попытаться въ прозѣ выразить то, что неудовлетворяло его въ очеркахъ вышеназванной поэмы. Самую поэму, вновь и вновь передѣлывая, онъ посвящаетъ Варенькѣ, уже со второго очерка 1830 года. Удаляясь воображеніемъ въ страну предковъ своихъ — въ Испанію [см. выше, стр. 56], Михаилъ Юрьевичъ и мѣсто дѣйствія «Демона» переноситъ туда же; женщина же, которую любилъ демонъ, является въ образѣ испанской-монахини. При этомъ поэтъ тушью нарисовалъ эту испанку-монахиню, придавая ей черты Вареньки [1].

Любовь Михаила Юрьевича къ Варенькѣ жила и развивалась подъ разными настроеніями. Молодой человѣкъ самъ себѣ не могъ дать яснаго отчета въ чувствѣ своемъ; то полный восторженной радости, то мрачнаго отчаянія, ревности или

---

[1] Изъ разсказовъ Шанъ-Гирея.—Графиня Берольдингенъ [дочь Саши Верещагиной] сообщаетъ намъ, что мать ея ей говорила, что рисунокъ испанская монахиня, рисованный Лермонтовымъ, есть портретъ той дѣвушки, которую поэтъ любилъ потомъ всю жизнъ. Сравн. тоже, что говорится въ сочин. Лерм., т. III, стр. 116—118, въ статьѣ по поводу «Демона».

презрѣнія, онъ и отходилъ и вновь возвращался къ любимо[му] предмету, полный стыда и отчаянія:

Какъ духъ отчаянья и зла
Мою ты душу обняла;
О, для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня?
Моя душа—твой вѣчный храмъ;
Какъ божество твой образъ тамъ;
Не отъ небесъ, лишь отъ него—
Я жду спасенья своего [т. I, стр. 53]....

или же, когда его брала досада и подозрѣніе, что Варенька з[а]интересовалась другимъ, онъ восклицалъ:

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай, мы чужіе съ этихъ поръ...., [стр. 68].

А затѣмъ имъ опять овладѣвала досада на себя, и онъ рвался къ ней:

О вымоли ея прощенье,
Пади, пади къ ея ногамъ,
Не то—ты приготовишь самъ
Свой адъ, отвергнувъ примиренье. [стр. 138].

Думая заглушить любовь къ Варенькѣ инымъ чувством[ъ] увлеченіемъ къ другимъ, ему все же приходится сознаватьс[я] что другой онъ любить не можетъ: «я не могу другой любит[ь]» [стр. 140], что «у ногъ другихъ не могъ забыть онъ блес[ка] ея очей!» [стр. 186]. Когда же Вареньку окружали поклонни[]ки, и ему, мрачно наблюдавшему за нею въ углу залы или г[о]стиной, она бросала взоръ любви и пріязни, наполнявши[й] свѣтлою надеждой все его существо, онъ торопился писа[ть] ей менѣе пасмурно:

„Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновидѣньемъ,
Но вѣрь, о вѣрь моей любви!
Твоей любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего;

Ты неспособна лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того" [т. I, стр. 191] [1].

Такъ въ постоянныхъ тревогахъ и надеждахъ, въ волненіяхъ неуясненнаго чувства, въ порывахъ и увлеченіяхъ еще неустоявшагося характера, голодный сердцемъ, чуткій до всего доступнаго человѣку, проводилъ Лермонтовъ свои университетскіе годы. Неясный для самого себя, опасливый выдать сокровенныя струны души, Михаилъ Юрьевичъ глубоко затаилъ свою привязанность къ Варенькѣ:

Беречь сокровища святыя
Теперь я выученъ судьбой;
Не встрѣтятъ ихъ глаза чужіе:
Они умрутъ во мнѣ, со мной. [т. I, стр. 229].

Въ такомъ состояніи переѣхалъ поэтъ въ Петербургъ, въ новую обстановку и условія жизни, мало соотвѣтствовавшія, какъ видѣли мы выше [гл. IX, стр. 177], душевнымъ его стремленіямъ. Но онъ такъ владѣлъ собою, что въ жизни казался порою ровнаго характера; всегда былъ веселъ, занимался музыкой и рисованіемъ, но скрываемые пылъ души и мысли порой давали себя знать въ неестественной веселости, въ выходкахъ и остротахъ, которыя, заставляя смѣяться слушателей, не разъ возбуждали недовольство въ особенности мелкихъ и самолюбивыхъ натуръ. Новые товарищи и общее направленіе столичной молодежи, съ коей Лермонтовъ сталкивался, развивали

---

1 Изъ лирическихъ произведеній Михаила Юрьевича можно бы указать еще на цѣлый рядъ очевидно относящихся къ Варенькѣ Лопухиной. Утверждать это можно объ отдѣльныхъ пьесахъ лишь съ большею или меньшею вѣроятностью. Я назову здѣсь страницы, на коихъ читатель, кромѣ упомянутыхъ въ текстѣ стихотвореній, найдетъ тѣ изъ нихъ, которыя, по моему мнѣнію, имѣютъ отношеніе къ Варенькѣ: стр. 49, 89 [Нѣтъ, я не требую вниманья], 196 [L'ame de mon ame и О, не скрывай] 202 [Помѣтка относящаяся къ 4-му декабря], 205, 207 [Къ себѣ], 213 [Дай руку мнѣ...] 215, 216, 220, 221 [Мы случайно сведены судьбою], 222, 229 и 230, 232 [Она не гордой красотою], 259 [Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ], 263 [Разстались мы], 264 [Молитва странника], 297 [О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ], 305 [Валерикъ], 315 [Любовь мертвеца], 217 [Оправданіе], 335 [Въ полдневный жаръ].

въ немъ стороны, которыя уже проявлялись и въ Москвѣ въ похожденіяхъ «веселой банды» [bande joyeuse]. Друзья его опасались за него и въ письмахъ давали наставленія и посылали ему предостереженія [гл. IX, стр. 172]. Понятно, что образы изъ дней первой юности меркли.

Но вотъ черезъ два года послѣ выѣзда изъ Москвы, въ концѣ 1834 года, пріѣзжаетъ въ Петербургъ товарищъ дѣтства Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей, впрочемъ бывшій его моложе, и привозитъ поклонъ отъ Вареньки. «Въ отсутствіе Лермонтова, разсказываетъ Акимъ Павловичъ, мы съ Варенькой часто говорили о немъ; онъ намъ обоимъ, хотя не одинаково, но ровно былъ дорогъ. При прощаньи, протягивая руку, съ влажными глазами, но съ улыбкой, она сказала мнѣ:

— Поклонись ему отъ меня; скажи, что я покойна, довольна, даже счастлива.

Мнѣ очень было досадно на Мишеля, что онъ выслушалъ меня,какъ будто хладнокровно и не сталъ о ней распрашивать, я упрекнулъ его въ этомъ, онъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Ты еще ребенокъ, ничего не понимаешь!

— А ты хоть и много понимаешь, но не стоишь ея мизинца! возразилъ я, разсердившись не на шутку»...

Скоро, въ началѣ 1835 года, Лермонтову сообщаютъ, что Варенька стала невѣстою и выходитъ замужъ за г-на Бахметева. Это извѣстіе сильно возмущаетъ Михаила Юрьевича. Привыкшій скрывать свои чувства, онъ и тутъ не даетъ воли негодованію и только, какъ бы случайно, замѣчаетъ въ письмѣ къ Сашѣ Верещагиной: «Г-жа Углицкая сообщала мнѣ также, что M-elle Barbe выходитъ замужъ за г. Бахметева. Не знаю долженъ ли я вѣрить ей, но во всякомъ случаѣ, я желаю M-elle Barbe жить въ брачномъ мирѣ и согласіи до празднованія ея *серебряной свадьбы* и даже долѣе этого, если только она до времени не возчувствуетъ отвращенія»... [Т. V, стр. 408]. Однако, рядомъ съ негодованіемъ въ Лермонтовѣ сильно пробудилась задремавшая было любовь къ Варенькѣ. Шанъ-Гирей ясно свидѣтельствуетъ о томъ. Онъ разсказывалъ, какъ Лермонтовъ не находилъ себѣ мѣста. Онъ желаетъ потопить муку душевную въ свѣтскихъ удовольствіяхъ и разсѣянномъ

образѣ жизни, или въ литературныхъ занятіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, пытается ввѣрить бумагѣ волнующее его чувство — изложить событіе въ художественномъ произведеніи. Если бы до насъ дошли письма поэта къ ближайшимъ друзьямъ его: А. М. Верещагиной и М. А. Лопухиной, то многое, вѣроятно, выяснилось бы, потому что ни съ кѣмъ не былъ Лермонтовъ такъ откровененъ, какъ съ этими двумя подругами дѣтства. Къ сожалѣнію, до насъ дошло только одно письмо къ Верещагиной, относящееся къ этому времени. Марья Александровна же уничтожала все, гдѣ въ письмахъ къ ней Лермонтовъ говорилъ о сестрѣ ея Варенькѣ или мужѣ ея. Даже въ дошедшихъ до насъ немногихъ листахъ, касающихся Вареньки и любви къ ней Лермонтова, строки вырваны. Виною тщательнаго уничтоженія въ письмахъ всего, что касалось Вареньки, былъ образъ дѣйствія самого поэта, особенно по отношенію къ мужу ея, какъ увидимъ ниже.

Строки въ письмѣ къ Марьѣ Александровнѣ относительно возможнаго выхода Вареньки замужъ показываютъ большое раздраженіе. Но Михаилъ Юрьевичъ не вѣрилъ слуху потому, что уже часто сердили его подобными сообщеніями. Однако на этотъ разъ слухъ оправдался. Варенька вышла замужъ въ 1835 году.

«Мы играли съ Мишелемъ въ шахматы — разсказываетъ Шанъ-Гирей — человѣкъ подалъ письмо; Мишель началъ его читать, но вдругъ измѣнился въ лицѣ и поблѣднѣлъ; я испугался и хотѣлъ спросить, что такое, но онъ, подавая мнѣ письмо, сказалъ: «Вотъ новость—прочти» и вышелъ изъ комнаты. Это было извѣстіе о предстоящемъ замужествѣ В. А. Лопухиной» [1].

---

1 Шанъ-Гирей утверждаетъ [Русск. Обозрѣніе 1890 г., августъ, стр. 748], что это было въ 1836 году. Но это невѣрно. По сообщеніямъ самаго Бахметева, мужа Вареньки, свадьба состоялась въ 1835 году. Шанъ-Гирей въ статьѣ своей часто ошибается, забывая и спутывая время, факты и имена. Такъ на стр. 725 онъ говоритъ, что Лермонтовъ родился въ Тарханахъ, тогда какъ онъ родился въ Москвѣ [см. выше, стр. 12]. Статья писана Акимомъ Павлов. въ 1860 году. Я его видѣлъ въ 1880, слѣдовательно черезъ 20 лѣтъ. Онъ говорилъ мнѣ, что не знаетъ, гдѣ его статья и цѣла ли, но что она не была напечатана вслѣдствіе нежеланія

На Рождественскихъ праздникахъ Лермонтовъ пріѣхалъ въ Москву. Онъ торопился къ бабушкѣ въ Тарханы и потому останавливался тамъ не долго [1]. Краткое свиданіе съ Варенькой, при постороннихъ, при мужѣ, ненавистномъ для поэта, только увеличило чувство непріязни его къ любимой въ юности женщинѣ. При страстности натуры Лермонтова переходъ отъ любви къ ненависти, или по крайней мѣрѣ непріязни, долженъ былъ совершиться быстро. При привычкѣ скрывать чувства свои, непріязнь проявлялась въ сарказмѣ и глумленіи. Варенька при этой встрѣчѣ извѣдала много тяжкихъ моментовъ.

Михаилъ Юрьевичъ считалъ ее коварною. Онъ не могъ простить ей, что она вышла за богатаго и «ничтожнаго» человѣка, что она могла измѣнить чувству своему къ поэту и предпочесть ему такую посредственность, какую представлялъ изъ себя Бахметевъ. И на такую-то женщину онъ молился! Ее могъ онъ возвести въ идеалъ, бывшій цѣлые годы неразрывнымъ спутникомъ всѣхъ его помысловъ и мечтаній! Это была та особа, коей любовь одна только могла спасти его отъ душевнаго мрака! Какъ Демонъ его излюбленной поэмы ждалъ обновленія отъ непорочной дѣвушки, такъ онъ «молилъ ея любви»; и что же?—все одно коварство и притворство съ ея стороны! Въ поэтѣ, случайно встрѣчавшемъ имя «Варвара», просыпается горечь воспоминаній. Разсказывая о дѣвушкѣ, которую звали этимъ именемъ, поэтъ восклицаетъ:

Она звалась В[арюшею]... Но я
Желалъ бы дать другое ей названье;
Скажу, при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей шипитъ воспоминанье,

родственниковъ Вареньки Лопухиной и особенно ея мужа.—При этомъ Акимъ Павловичъ, коему я прочелъ нѣкоторыя главы моей біографіи, сознался самъ, что многое запамятовалъ и «вѣроятно» въ статьѣ [1860 года] сообщилъ невѣрно, но въ общемъ разсказъ правдивъ. Онъ поправлялъ, дополнялъ или подтверждалъ, что я ему читалъ, а затѣмъ разсказалъ кое что, тогда же со словъ его мною записанное.

[1] Выѣхалъ Лермонтовъ изъ Петербурга не ранѣе 20-го декабря, отъ сего числа гласитъ данный ему отпускъ. Отъ 16-го января мы имѣемъ уже письмо его изъ Тарханъ.

Какъ подъ ногой прижатая змѣя,
И ползаетъ, какъ та среди развалинъ
По жиламъ сердца... [т. II, стр. 183].

Знаменательно, что Лермонтовъ въ поэмѣ не рѣшается обозначать полностью имя изображаемаго имъ падшаго существа, потому что она именовалась Варварою, а ограничивается выставкою только первой буквы, передѣлывая затѣмъ Варюшу въ Парашу. Не смотря на всю непріязнь, въ сердцѣ поэта все еще теплилась любовь и уваженіе къ Варенькѣ.

Такъ храмъ покинутый—все храмъ,
Кумиръ поверженный - все Богъ! [т. I, стр. 263].

Разъ въ душу Лермонтова запала мысль о коварствѣ Вареньки, а непріязнь къ Бахметеву усилилась, ему опять захотѣлось выставить въ литературномъ произведеніи лицъ изъ жизни, да такъ, чтобы и они себя узнали, да узнали ихъ и другіе. Къ этому маневру онъ прибѣгалъ и прежде, и въ драмѣ «Люди и страсти», и въ «Странномъ человѣкѣ» [ср. предисловіе къ ней. т. IV, стр. 177]. Теперь поэтъ находился въ Москвѣ, въ той же почти обстановкѣ и условіяхъ жизни, среди людей, соприкасавшихся къ событіямъ, изображеннымъ имъ въ названныхъ юношескихъ драмахъ. Задумывая писать драму «Два брата», Лермонтовъ даже беретъ имя героини изъ драмы «Странный человѣкъ». Какъ тамъ является Загорскина, такъ и здѣсь: Вѣра, жена князя Лиговскаго, въ новой драмѣ рожденная Загорскина. Желая уязвить Вареньку, Лермонтовъ въ драмѣ выставляетъ Вѣрочку вышедшею за князя Лиговскаго ради его богатства: у него 3000 душъ, «а есть ли у него своя»? спрашиваетъ Юрій Радинъ [т. IV, стр 350]. «Признаюсь, говоритъ онъ о Вѣрѣ, я думалъ прежде, что сердце ея не продажно... Теперь вижу, что оно стоило нѣсколько сотъ тысячъ дохода». Михаилъ Юрьевичъ прилагаетъ всѣ старанія, чтобы событія драмы, гдѣ возможно, совпадали съ тѣмъ, что было между нимъ и Варенькой. Юрій Радинъ разсказываетъ, въ присутствіи князя и княгини Лиговскихъ, исторію любви своей къ одной дѣвушкѣ въ Москвѣ, слѣдующимъ образомъ:

„Вотъ видите, княгиня, года три съ половиною тому назадъ я былъ очень коротко знакомъ съ однимъ семействомъ, жившимъ въ Москвѣ; лучше сказать, я былъ принятъ въ немъ, какъ родной. Дѣвушка, о которой хочу говорить, принадлежитъ къ этому семейству: она была умна, мила до чрезвычайности; красоты ея не описываю, потому что въ этомъ случаѣ описаніе сдѣлалось бы портретомъ: имя же ея для меня трудно произнести.

князь.—Вѣрно очень романическое.

юрій. - Не знаю—но отъ нея осталось мнѣ только одно имя, которое въ минуты тоски привыкъ я произносить, какъ молитву; оно моя собственность, я его храню, какъ образъ—благословеніе матери, какъ татаринъ хранитъ талисманъ съ могилы пророка.

Съ самаго начала нашего знакомства я не чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы...Говорить съ ней, сдѣлать ей удовольствіе было мнѣ пріятно—и только. Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ видѣлъ я какую-то пылкость, твердость и благородство, рѣдкозамѣтныя въ нашихъ женщинахъ: однимъ словомъ что-то первобытное, что то увлекающее. Частыя встрѣчи, частыя прогулки, невольно яркій взглядъ, случайное пожатіе руки—много ли надо, чтобъ разбудить таившуюся искру?..Во мнѣ она вспыхнула; я былъ увлеченъ этой дѣвушкой, я былъ околдованъ ею, вокругъ нея былъ какой-то волшебный очеркъ; вступивъ за его границу, я уже не принадлежалъ себѣ; она вырвала у меня признаніе, она разогрѣла во мнѣ любовь, я предался ей, какъ судьбѣ; она все не требовала ни обѣщаній, ни клятвъ, когда я держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и сыпалъ поцѣлуи на ея огненное плечо; но сама клялась любить меня вѣчно. Мы разстались—она была безъ чувствъ; всѣ приписывали то припадку болѣзни—я одинъ зналъ причину...Я уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться скоро. Она была моя—я былъ въ ней увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года; я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоцѣнное чувство слѣдовало за мною. Случалось мнѣ возлѣ другихъ женщинъ забыться на многовенье; но послѣ первой вспышки, я тотчасъ замѣчалъ разницу, убійственную для нихъ—ни одна меня не привязала, и вотъ, наконецъ, вернулся на родину.

князь.- Завязка романа очень обыкновенна.

юрій.—Для васъ, князь, и развязка покажется обыкновенна... Я ее нашелъ замужемъ—я проглотилъ свое бѣшенство изъ гордости... Но одинъ Богъ видѣлъ, что происходило здѣсь.

князь.—Что жъ? Нельзя было ей ждать васъ вѣчно.

юрій.—Я ничего не требовалъ,—обѣщанія ея были произвольны.

князь.—Вѣтренность, молодость, неопытность ее надо простить.

юрій.—Князь, я не думалъ обвинять ее... но мнѣ больно.

княгиня *(дрожащимъ голосомъ)*.—Извините, но, можетъ быть, она нашла человѣка еще достойнѣе васъ.

юрій.—Онъ старъ и глупъ.

князь.—Ну, такъ очень богатъ и знатенъ.

юрій.—Да.

князь.—Помилуйте—да это нынче главное! ея поступокъ совершенно въ духѣ вѣка.

юрій *(подумавъ)*.—Съ этимъ не спорю.

князь.—На вашемъ мѣстѣ я бы теперь за ней поволочился; если ея мужъ таковъ, какъ вы говорите, то, вѣроятно, она васъ еще любитъ.

вѣра *(быстро)*.—Не можетъ быть.

юрій *(пристально взглянувъ на нее)*.—Извините, княгиня! теперь я увѣренъ, что она меня еще любитъ. *(Хочетъ итти)*. (Т. IV, стр. 358).

Въ князѣ Лиговскомъ Лермонтовъ рисуетъ Бахметева, выставляя его весьма ограниченнымъ и ничтожнымъ человѣкомъ, котораго Вѣра въ глубинѣ души должна была презирать. Драма «Два брата», попавши въ руки Варвары Александровны и мужа ея, рядомъ подобныхъ выписаннымъ нами мѣстъ, должна была страшно опечалить первую и оскорбить второго, тѣмъ болѣе, что самая драма конечно не придерживается безусловно дѣйствительныхъ событій. Борьба двухъ братьевъ—мотивъ, взятый изъ юношескихъ твореній [1]. Эти отношенія, равно какъ развязка и многія сцены въ драмѣ, не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью, или по крайней мѣрѣ съ дѣйствительностью по отношенію къ Варенькѣ и ея мужу. Но для послѣдняго оскорбительность намековъ была тѣмъ сильнѣе, что, какъ видѣли мы, нѣкоторыя сообщенія все же имѣютъ автобіографическое значеніе, хотя и получили тенденціозное освѣщеніе.

Драма «Два брата» писана была очень наскоро. Въ письмѣ изъ Тарханъ отъ 16-го января 1836 года, Лермонтовъ сообщаетъ С. А. Раевскому:... «пишу четвертый актъ новой драмы, взятой изъ происшествія, случившагося со мною въ

---

1 Постоянно выставляя себя въ одномъ изъ двухъ братьевъ, Лермонтовъ, въ другомъ, кажется, рисуетъ можетъ-быть вымышленную личность, можетъ-быть отчасти Алексѣя Лопухина или Монго Столыпина, двухъ друзей, коихъ онъ любилъ братскою любовью. Въ матеріалахъ Хохрякова есть помѣтка, со словъ, кажется, С. А. Раевскаго, въ коей говорится, что Лермонтовъ имѣлъ дуэль со Столыпинымъ изъ за двоюродной сестры.

Москвѣ»... [Т. V, стр. 411]. Тамъ же онъ замѣчаетъ, что пока не описываетъ своего похожденія въ этомъ городѣ. Возвратясь въ Петербургъ въ срединѣ марта того же года, гдѣ Михаилъ Юрьевичъ жилъ съ Раевскимъ на одной квартирѣ до пріѣзда бабушки [1], друзья вмѣстѣ перечли драму и остались ею недовольны. Было рѣшено написать новое произведеніе и изложить отношенія Лермонтова къ Варенькѣ, въ формѣ разсказа. Такъ создалась повѣсть «Княгиня Лиговская». Имя героини драмы и ея мужа было удержано. Сохранено и изложеніе фактовъ изъ жизни Михаила Юрьевича и отношеній его къ Варенькѣ, опять-таки въ тенденціозномъ свѣтѣ [2], Бахметевъ же выставленъ въ томъ же непривлекательномъ видѣ: о немъ говорится съ изысканнымъ презрѣніемъ и вызывающей обидой. «Какъ, неужели этотъ господинъ, который за княгиней шелъ такъ смиренно, ея мужъ?.. Еслибъ я ихъ встрѣтила на улицѣ, то приняла бы его за лакея. Я думаю, что она дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ,—по крайней мѣрѣ все, что можно изъ него сдѣлать... — Однако она счастлива. — Развѣ вы не замѣтили сколько на ней брилльянтовъ».

Конечно, въ повѣсти этой, какъ и въ драмѣ, читатель встрѣтитъ множество другихъ мотивовъ. Здѣсь находится изображеннымъ и эпизодъ второй встрѣчи Лермонтова съ Екат. Ал. Сушковой [позднѣе Хвостовой], о чемъ подробно говорили мы въ главѣ X нашей біографіи [стр. 204 и д.]. Она выставлена подъ именемъ Негуровой. Поэтъ вообще расширилъ задачу; онъ не хотѣлъ останавливаться на личныхъ мотивахъ мести и автобіографическихъ интересахъ, онъ думаетъ уже о представленіи типа современнаго ему денди. Онъ мечтаетъ о произведеніи, въ коемъ былъ бы выставленъ современный человѣкъ

Съ его озлобленной душой,
Самолюбивой и пустой!

---

1 Она весь 1835 годъ оставалась въ Тарханахъ и только къ лѣту 1836 года прибыла въ Петербургъ.

2 Сравнить, напримѣръ, мѣсто изъ «Двухъ братьевъ», приведенное нами выше, съ тѣмъ, что говорится въ «Княгинѣ Лиговской» [т. V, стр. 154 и 155].

Лермонтовъ къ концу 1836 года начиналъ выходить изъ интересовъ и круга «золотой молодежи» Петербурга. Періодъ тревогъ и волненій молодости заканчивался. Онъ переставалъ бросаться изъ стороны въ сторону. Начиналъ больше задумываться надъ жизнью, серіознѣе относиться къ тому, что происходило на родинѣ, въ обществѣ и въ немъ самомъ. Онъ уже отходилъ отъ себя такого, какимъ являлся въ модныхъ салонахъ, и вотъ мы замѣчаемъ, какъ въ повѣсти «Княгиня Лиговская» зарождается типъ Печорина. Кстати сказать, имя это является здѣсь въ первый разъ. Надо полагать, что Лермонтовъ съ Раевскимъ, разъ забраковавъ драму «Два брата», долго и много обсуждали романъ «Княгиня Лиговская», онъ и писался ими съ промежутками въ перемежку, то рукою поэта, то рукою Раевскаго.

Чѣмъ больше зрѣлъ Лермонтовъ, тѣмъ болѣе сокращался въ произведеніяхъ его элементъ лично-пережитаго. Задуманный типъ современнаго денди, въ Печоринѣ «Героя нашего времени», уже выросъ и сложился въ могучее развѣсистое дерево, высоко раскинувшее вѣтви свои надъ далеко распространившимися корнями. Печоринъ въ «Княгинѣ Лиговской» только показывается еще надъ почвой личной жизни, и его листочки едва раскрылись надъ чуть чуть двоящимися корнями.

Повѣсть «Княгиня Лиговская», надъ коей трудились молодые люди въ концѣ 1836 года, осталось неоконченною. Надъ ними стряслась катастрофа. За стихи на смерть Пушкина Раевскій, распространявшій ихъ, былъ сосланъ въ Петрозаводскъ, Лермонтовъ на Кавказъ. По возвращеніи съ Кавказа Лермонтовъ сталъ другимъ человѣкомъ. Онъ самъ это чувствовалъ и писалъ Раевскому въ 1838 г., чтобы и онъ съѣздилъ туда, ибо поздоровѣетъ и тѣломъ и душою. Теперь, оглядываясь на жизнь свою и интересы, поэтъ почувствовалъ себя зрѣлѣе, зрѣлѣе стало въ немъ и чувство любви къ Варенькѣ. Онъ устыдился своихъ недавнихъ ощущеній. «Романъ [«Княгиня Лиговская»], который мы съ тобою начали, пишетъ онъ Раевскому, затянулся и врядъ ли кончится, ибо обстоятельства, которыя составляли его основу, перемѣнились, а я, знаешь, не могу въ этомъ случаѣ отступить отъ истины». [т. V стр. 421].

Уже въ Москвѣ онъ дружелюбно встрѣтился съ Варенькой и отношенія ихъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, стали спокойныя и дружественныя.

Чувства свои Лермонтовъ скрывалъ часто подъ разными выходками, но уже болѣе невиннаго рода, безъ злобы и сарказма, коими прежде онъ язвилъ Вареньку. Было ли между ними объясненіе и какое — какъ знать?! но только Лермонтовъ сталъ еще тщательнѣе скрывать передъ другими свои чувства къ Варенькѣ.

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть:
Какъ я любилъ, за что страдалъ;
Тому судья лишь Богъ да совѣсть. [т. I стр. 259].

Угрюмый жилецъ двухъ стихій, онъ, кромѣ бури и громовъ, никому своей думы не ввѣритъ [т. I стр. 259], но на хребтахъ ли Кавказскихъ горъ, на волнахъ ли Чернаго моря, по степямъ ли Россіи, безпокойный странникъ, онъ все же думаетъ и мечтаетъ *о ней*. Горячая молитва *о ней* восходитъ къ престолу Превѣчнаго. Теплой заступницѣ передъ нимъ, Матери Божіей поручаетъ онъ любимое созданіе:

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника, въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ душу достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія....
[т. I стр. 264].

Только къ Бахметеву Лермонтовъ упорно хранилъ непріязненное чувство. Внѣшняя порядочность, посредственность и внутренняя ничтожность этого характера бѣсили Михаила Юрьевича и онъ по прежнему былъ не прочь поязвить его, посмѣяться надъ нимъ. Онъ не выносилъ его возлѣ въ «полномъ смыслѣ восхитительной, симпатичной, умной и поэтической Вареньки». Къ ней онъ относился все какъ къ Лопухиной. Фамиліи ея по мужу онъ не признавалъ. Еще въ 1840

или 41 году, посылая Варенькѣ новую передѣлку поэмы «Демонъ», онъ, въ переписанномъ посвященіи къ поэмѣ, изъ поставленныхъ переписчикомъ инициіаловъ В. А. Б. [Варварѣ Александровнѣ Бахметевой] съ негодованіемъ перечеркиваетъ нѣсколько разъ Б. и ставитъ Л. [Лопухиной].—[Т. III, стр. 4].

Что собственно побудило Вареньку выйти за Бахметева, мы утвердительно сказать не можемъ. Достовѣрнаго не слышали, а дѣлать предположенія—къ чему?

Быть можетъ, Варенька дѣйствительно увлеклась богатствомъ и затѣмъ всю жизнь томилась «за то что разъ тельцу златому на мигъ повѣрила она». Быть можетъ, ее упрашивали сдѣлать выгодную партію, а холодность Михаила Юрьевича, упорно хранившаго молчаніе въ Петербургѣ и хохотавшаго, когда ему говорили о ней, заставили ее увѣровать въ то, что поэтъ навсегда отъ нея отвернулся. Словомъ, то же, что говоритъ о своемъ выходѣ за князя Пушкинская Татьяна:

„Меня съ слезами заклинаній
Молила мать!.. Для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ“...

Бахметевъ былъ въ сущности «добрый человѣкъ»: по крайнѣй мѣрѣ онъ слылъ за такого еще въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ Москвѣ былъ постояннымъ членомъ Англійскаго клуба. Его постоянно можно было тамъ видѣть, но конечно никому почти не была извѣстна та роль, которую игралъ онъ въ жизни Лермонтова и кѣмъ была для послѣдняго тогда уже покойная жена его. Несмотря на репутацію «добраго человѣка», Бахметевъ не прочь былъ позлословить о Лермонтовѣ съ братьями Мартыновыми, тоже посѣщавшими клубъ, да кой съ кѣмъ изъ теперь еще существующихъ въ Москвѣ лицъ, между ними и извѣстныхъ русскихъ дѣятелей въ области литературы и журналистики. Если же кто выказывалъ интересъ къ памяти Лермонтова, Бахметевъ выходилъ изъ себя, особенно когда подозрѣвалъ, что знаютъ объ отношеніяхъ къ нему поэта. Когда въ 1881 году мнѣ захотѣлось переговорить съ Бахметевымъ и провѣрить кое-что изъ данныхъ о поэтѣ,

близкіе къ Бахметеву люди, къ которымъ я обратился, умоляли меня этого не дѣлать: «Добрѣйшій старикъ умретъ отъ апоплексическаго удара,» — говорили мнѣ. — «Пожалѣйте его». [1]. Я долженъ былъ удовлетвориться свѣдѣніями, которыя были мнѣ доставлены нѣкоторыми изъ его добрыхъ знакомыхъ.

Было говорено о томъ, что Лермонтовъ мстилъ Бахметеву выставляя его въ своихъ произведеніяхъ въ самой жалкой роли. Возможно, что до него дошли слухи о томъ, какъ изображенъ онъ въ нѣкоторыхъ еще ненапечатанныхъ сочиненіяхъ поэта, если не самыя сочиненія. Но и того, что стояло въ «Героѣ нашего времени» было достаточно, чтобы вывести изъ себя Бахметева. Въ княжнѣ Мери онъ изображенъ въ лицѣ мужа Вѣры, незначущаго хромого старичка, играющаго столь незавидную роль въ романѣ. И здѣсь въ этомъ произведеніи видна связь съ драмою «Два брата» и повѣстью «Княгиня Лиговская». Имя княгини Лиговской встрѣчается во всѣхъ трехъ произведеніяхъ. Вездѣ героиню зовутъ *Вѣрой*. Только все, что касается до нея, сильно смягчено. Здѣсь Вѣра выходитъ замужъ за ничтожнаго человѣка, не ради большого его состоянія и личныхъ расчетовъ, а для своего сына, принося ему эту жертву [Т. V стр. 267]. Въ Вѣрѣ, въ «Героѣ нашего времени», сходство съ Варенькой тоже смягчено сравнительно съ прежними произведеніями. Симпатичный характеръ Вареньки Лопухиной раздвоенъ и представленъ въ двухъ типахъ. Въ типѣ Мери, какимъ онъ могъ казаться въ юные ея годы, и въ Вѣрѣ, какимъ сложился потомъ, любящимъ и убитымъ существомъ, прикованнымъ къ чуждому ей по развитію и уму человѣку.

Недалекому Бахметеву все казалось, что всѣ, рѣшительно всѣ, читавшіе «Героя нашего времени», узнавали его и жену его. Къ довершенію сходства у Вѣры въ романѣ Лермонтова характерная примѣта: родинка на щекѣ — у Вареньки была характерная родинка надъ бровью... Намъ извѣстенъ случай,

---

[1] «Le bon vieux aura un coup d'apoplexie. Ayez pitié de lui». Свѣдѣнія были мнѣ даны съ тѣмъ условіемъ однакоже, чтобы я до смерти «старика» не печаталъ ихъ. Бахметевъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

когда старикъ Бахметевъ на запросъ, былъ ли онъ съ женою на кавказскихъ водахъ, пришелъ въ негодованіе и воскликнулъ: «Никогда я не былъ на Кавказѣ съ женою! — это все изобрѣли глупые мальчишки. Я былъ съ нею больною на водахъ за границей, а никогда не былъ въ Пятигорскѣ или тамъ въ дурацкомъ Кисловодскѣ».

Все это отдаленное сходство лицъ романа Лермонтова съ Варенькой и ея мужемъ никому и въ голову не приходило. Въ печати сколько разъ прорывалось сообщеніе о томъ, кто былъ выставленъ въ княжнѣ Мери и въ Вѣрѣ. Много называли и называютъ именъ; но никогда и нигдѣ не были поименованы Варенька и злополучный мужъ ея[1].

Неосторожная месть Лермонтова своему сопернику всею тяжестью упала на ни въ чемъ неповинную Вареньку. Бахметевъ и такъ не былъ расположенъ къ Лермонтову, но, наконецъ, до того осерчалъ на него, что рѣшительно запретилъ Варенькѣ имѣть съ поэтомъ какія-либо отношенія. Онъ за-

---

[1] Мнѣ извѣстно до шести дамъ, которыя утверждали, что княжна Мери списана съ нихъ, многія приводили мнѣ *неопровержимыя* тому доказательства!! Во всѣхъ ихъ Лермонтовъ былъ влюбленъ серьезно, о каждой говорилось, или даже сама говорила, что она была *единственною* и *настоящею любовью* Лермонтова. Самое распространенное мнѣніе это то, что въ Вѣрѣ Лермонтовъ изобразилъ сестру Мартынова, за что и навлекъ негодованіе послѣдняго и былъ имъ убитъ. Княжною Мери называютъ упорно почтенную Эмилію Александровну Шанъ-Гирей [жену Акима Павловича] и теперь проживающую въ Пятигорскѣ. Лермонтовскій музей хранитъ портретъ ея, помѣтивъ его «Княжна Мери». Тщетно Эмилія Александровна много разъ протестовала. [Новое время 1881 г. № 1983.— Русскій Архивъ 1889 г № 6, стр. 315 и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ]. Съ Эмиліи Александровны Лермонтовъ не могъ писать княжны Мери, по той простой причинѣ, что онъ познакомился съ нею и ея семьей въ 1841 году, слѣдовательно спустя почти три года послѣ того какъ была записана «Княжна Мери», появившаяся въ печати только въ 1840 году, т. е. за годъ до знакомства.—Но господа туристы не внемлятъ истинѣ, а собирая разные вздорные разсказы въ Пятигорскѣ и окрестностяхъ, не потрудясь провѣрить сообщенія, печатаютъ ихъ въ повременныхъ изданіяхъ. Еще въ декабрской книжкѣ «Русской Мысли» за 1890 годъ, г-нъ Филиповъ называетъ г-жу Шанъ-Гирей, урожденную Верзилину, прототипомъ княжны Мери. Съ нея поэтъ-де списалъ этотъ наиболѣе пластичный и цѣльный образъ своего творчества.

ставилъ ее уничтожить письма поэта и все, что тотъ когда либо ей дарилъ и посвящалъ. Тогда-то Варенька передала дорогія ей рукописи и рисунки поэта близкимъ своимъ, въ особенности Сашѣ Верещагиной. Такимъ образомъ въ семьѣ послѣдней въ Штутгартѣ сохранилось многое. Баронессѣ Гюгель, рожденной Верещагиной, достались, между прочимъ, два портрета Вареньки, рисованные Лермонтовымъ, о коихъ говорено выше, т. е. Варенька въ образѣ испанской монахини, изъ первыхъ очерковъ «Демона», и въ образѣ «Княгини Лиговской», и портретъ самого поэта, рисованный имъ акварелью въ зеркало, въ 1837 году на Кавказѣ. Читатель найдетъ этотъ любопытный и весьма схожій портретъ приложеннымъ ко второму тому изданія нашего. Въ семьѣ Верещагиной сохранилось и посвященіе къ «Демону» въ окончательной редакціи [см. соч. т. II, стр. 4, 113 и особенно 124] и многое, о чемъ я говорю въ біографіи или въ примѣчаніяхъ къ произведеніямъ Лермонтова.

«Весной 1838 года Варвара Александровна пріѣхала съ мужемъ въ Петербургъ, проѣздомъ за границу,—разсказываетъ Шанъ-Гирей.—Лермонтовъ былъ въ Царскомъ, я послалъ къ нему нарочнаго, а самъ поскакалъ къ ней. Боже мой, какъ болѣзненно сжалось мое сердце при ея видѣ! блѣдная, худая, и тѣни не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блескъ и были такіе же ласковые, какъ и прежде. «Ну какъ вы здѣсь живете?»—почему же это *вы?*—«потому, что я спрашиваю про двоихъ».—«Живемъ какъ Богъ послалъ, а думаемъ и чувствуемъ какъ въ старину. Впрочемъ другой отвѣтъ будетъ изъ Царскаго черезъ два часа.—Это была наша послѣдняя встрѣча: ни ему [Лермонтову] ни мнѣ не суждено было ее больше видѣть».

Не знаю, точно ли Лермонтовъ больше не видалъ ея. Кажется, что затѣмъ въ двукратный проѣздъ черезъ Москву это ему не удавалось. Онъ, впрочемъ, сильно скорбѣлъ о непріятностяхъ, коимъ онъ подвергъ Вареньку со стороны мужа, и вѣсти о коихъ до него доходили. Сентября 8-го 1838 года онъ ей послалъ очеркъ «Демона», писаннаго имъ на Кавказѣ и оконченсаго въ Петербургѣ. Это такъ называемый *пятый очеркъ*

[т. III, стр. 94] съ собственноручными помѣтками и посвященіемъ въ концѣ тетради, писаннымъ его же рукою.

Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣнье:
Займетъ ли вновь тебя давно знакомый звукъ,
. . . .
И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ;
И примешь за игру и сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ...

Разъ только Лермонтовъ имѣлъ случай въ третьемъ мѣстѣ увидать дочь Варвары Александровны. Онъ долго ласкалъ ребенка, потомъ горько заплакалъ и вышелъ въ другую комнату. Его очевидно мучило раскаянье за тѣ горести, которыя онъ причинилъ матери изъ-за своего невоздержнаго языка, изъ-за желанія въ сочиненіяхъ своихъ язвить Бахметева. Видѣть любимую, страдающую женщину ему было заказано. Старые годы счастья и надеждъ, потомъ годы черстваго отношенія къ дорогому существу, а затѣмъ годы печали и безнадежной привязанности вставали передъ нимъ. Все это выражено поэтомъ въ прекрасномъ стихотвореніи: «Ребенку».

О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю....
О еслибъ знало ты, какъ я тебя люблю!....
. . . . . . Не правда ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ?—Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили.
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной . . .
. . . . . Ты ей не говори ни про мою печаль
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ, иль встревожитъ.....
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала.....
. . . . . —Скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила

Названіе, теперь забытое тобой.....
Не вспоминай его.... что имя?—звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни! [т. I, стр. 297].

И въ стихотвореніяхъ, и въ тихомъ кабинетѣ, и въ шумѣ боевой жизни образъ Вареньки сопровождалъ поэта. Читая, напримѣръ, вводные стихи къ чудному описанію битвы подъ Валерикомъ, несмотря на всю игривость тона, чувствуется высокая душа поэта, вся пронизанная любовью къ Варварѣ Александровнѣ. Игривость и шаловливость при личныхъ встрѣчахъ давно доставили поэту со стороны Варвары Александровны прозваніе: «чудакъ». На это прозвище намекаетъ поэтъ въ заключительныхъ стихахъ своего письма съ береговъ «Рѣчки смерти» [Валерика]:

Простите мнѣ его какъ шалость
И тихо молвите: чудакъ! [т. I, стр. 305].

Въ 1841 году Михаилъ Юрьевичъ пишетъ лирическое стихотвореніе «Оправданіе» по адресу Варвары Александровны. Это скорѣе моленье о прощеніи.—Какъ бы предчувствуя возможность близкой смерти своей, которая, наконецъ, угомонитъ то сердце, «гдѣ такъ безумно, такъ напрасно *съ враждой боролася любовь*, поэтъ видитъ и горькую участь, которая можетъ постичь предметъ его любви.

Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя;—
Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои младые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни,
Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судитъ насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой. [т. I, стр. 317].

Не прошло и шести мѣсяцевъ, предчувствіе о близкой смерти оправдалось, и передъ самой кончиной своей, поэтъ еще разъ

взываетъ къ своему идеалу, увѣренный, что дорогая женщина на далекомъ сѣверѣ одновременно съ нимъ видитъ тотъ же сонъ; его трупъ въ жаркой долинѣ Кавказа, среди желтыхъ вершинъ скалъ, сжигаемыхъ полуденнымъ солнцемъ,—трупъ съ дымящейся въ груди раной, трупъ одинокаго, не понятаго странника—бойца и пророка.

«Она пережила его, томилась долго и скончалась, говорятъ, покойно»[1] въ 1851 году.

ГЛАВА XV.

Возвращеніе съ Кавказа.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Въ Гродненскомъ гусарскомъ полку.—Покровительство Бенкендорфа.—Переводъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.—Положеніе общества.—Отношеніе Лермонтова къ современникамъ.—Сужденіе о поэтѣ декабриста Пазимова, князя Васильчикова и др.—Дума.—Сужденіе Боденштедта.—Лермонтовъ въ литературныхъ кружкахъ и среди высшаго общества.—Охлажденіе къ нему Бенкендорфа.

Хотя прапорщикъ Нижегородскаго драгунскаго полка Лермонтовъ и былъ назначенъ корнетомъ въ л. гв. Гродненскій гусарскій полкъ Высочайшимъ приказомъ 11-го октября 1837 года, но прибылъ онъ въ Новгородъ, гдѣ стоялъ полкъ, только 25 февраля 1838 года. Болѣе 4-хъ мѣсяцевъ поэтъ странствовалъ. Сначала по нездоровью онъ жилъ въ Пятигорскѣ, потомъ въ Ставрополѣ, Елисаветградѣ и другихъ городахъ; побывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ и ужъ затѣмъ прибылъ на мѣсто новаго служенія.

Въ Петербургѣ молодой человѣкъ былъ принятъ начальствомъ благосклонно. Его не торопили выѣздомъ въ полкъ и онъ жилъ у бабушки, посѣщая общество и театры. Литературные кружки оказывали ему вниманіе, маститый поэтъ Жуковскій пожелалъ видѣть новаго собрата, который успѣлъ уже заявить себя въ печати такими произведеніями, какъ «Пѣсня

---

[1] Такъ заканчиваетъ свое сообщеніе о Варварѣ Александровнѣ А. П. Шанъ-Гирей.

про Ив. Вас. Грознаго и купца Калашникова» да «Бородино». Лермонтова представили Жуковскому, который принялъ его весьма дружественно, подарилъ экземпляръ «Ундины» съ собственноручною подписью и пожелалъ ознакомиться съ тѣмъ, что было готоваго въ портфелѣ Михаила Юрьевича. Ему особенно понравилась «Казначейша»; онъ читалъ ее съ Вяземскимъ и просилъ позволенія напечатать въ Современникѣ[1].

Но чувствовалъ себя поэтъ въ столичномъ обществѣ не хорошо. Ему было не по себѣ. Дурачиться и принимать участіе въ веселыхъ кутежахъ и пирушкахъ, какъ это онъ дѣлалъ по выходѣ въ офицеры, ему не хотѣлось. Отъ прежняго круга товарищей онъ на Кавказѣ успѣлъ отвыкнуть.—Домашняя обстановка не столько измѣнилась, сколько стала ему несносною. «Меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники!»—пишетъ онъ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной.—Близкаго друга и товарища С. А. Раевскаго не было. Онъ все еще оставался въ ссылкѣ и это удручало Михаила Юрьевича. Поэтъ чувствовалъ себя одинокимъ.

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной.....

. . . .

И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя..... [т. I стр. 269].

Февраля 15-го Михаилъ Юрьевичъ пишетъ въ Москву къ М. Лопухиной [т. V, стр. 417]. «Первые дни послѣ прі-

[1] Ср. письмо къ М. А. Лопухиной, т. V, стр. 418, сообщенія Шанъ-Гирея въ Русск. Обозрѣніи и примѣч. къ поэмѣ, т. II, стр. 230.—Разсказъ Панаева («Литературныя воспоминанія» Спб. 1876 г., стр. 177) о томъ, какъ Лермонтовъ въ кабинетѣ Краевскаго сердился, что Казначейша напечатана «безъ его спроса» не правиленъ. Андр. Ал. Краевскій пояснялъ мнѣ, что Лермонтовъ дѣйствительно сердился и порывался разорвать тетрадку «Современника» [онъ выходилъ въ то время тоненькими выпусками, въ розовой обложкѣ], но негодуя за то, что Жуковскій нѣкоторые стихи передѣлалъ и далъ имъ другое значеніе, а кое что выпустилъ. Какъ извѣстно, Жуковскій продѣлывалъ то же и со стихами Пушкина. Со стихами Лермонтова позднѣе поступалъ такъ и Краевскій, да и другіе издатели.

ѣзда прошли въ постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты!... Да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ, это правда, но мнѣ ужъ надоѣлъ....... я таки упалъ духомъ и хотѣлъ бы какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ ли, или хоть къ чорту!»... Ему хочется бросить службу, но родственники противодѣйствуютъ тому. Находятъ, что это вызвало бы неудовольствіе, что его простили — ему надо загладить проступокъ, окончательно примирить съ собою.

Въ концѣ февраля Лермонтовъ пріѣзжаетъ въ полкъ, гдѣ помѣщается на одной квартирѣ съ Н. А. Краснокутскимъ. Здѣсь ему не живется, въ теченіи полутора мѣсяцевъ онъ дважды ѣздитъ въ отпускъ по 8 дней въ Петербургъ. [1] Карт-тежная азартная игра, распространенная между товарищами по полку, ему быстро надоѣдаетъ, да къ тому же онъ раза два проигралъ значительныя суммы. Съ завистью глядитъ онъ на своего товарища поручика Цейдлера, командируемаго на Кавказъ, и ему досадно, что сердце бѣлокураго нѣмца, «полно не *бранной сталью*». Цейдлеръ былъ влюбленъ въ молодую дѣвушку по фамиліи Сталь, и неохотно отправлялся «на войну съ косматыми гяурами», въ страну коихъ поэтъ полетѣлъ бы съ наслажденіемъ [т. I., стр. 274].

Между тѣмъ бабушка поэта не переставала печаловаться о судьбѣ внука и усиленно хлопотала черезъ графа Бенкендорфа о переводѣ Лермонтова опять на прежнее мѣсто служенія, въ Царское село, въ Л. Гв. гусарскій полкъ. Бенкендорфъ, когда Государь былъ въ Закавказскомъ краѣ, уже ходатайствовалъ за поэта, и слѣдствіемъ ходатайства былъ переводъ его въ Гродненскіе гусары. Теперь, подъ воздѣйствіемъ бабки и другихъ родственниковъ поэта, Бенкендорфъ отъ 24 марта [1838] пишетъ военному министру Генералъ-Адъютанту графу Ал. Ив. Чернышеву:...... «Родная бабка его [корнета Лермонтова], огорченная невозможностью безпрерывно видѣть его, ибо по

---

1 Изъ сообщеній командовавшаго Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ Графа Олсуфьева.

старости своей она уже не въ состояніи переѣхать въ Новгородъ, осмѣливается всеподданнѣйше повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества просьбу свою о всемилостивѣйшемъ переводѣ внука ея въ Л. Гв. Гусарскій полкъ, дабы она могла въ глубокой старости [ей уже 80 лѣтъ] спокойно наслаждаться небольшимъ остаткомъ жизни и внушать своему внуку правила чести и преданности къ Монарху, за оказанное уже ему благодѣяніе. Принимая живѣйшее участіе въ просьбѣ этой доброй и почтенной старушки и душевно желая содѣйствовать къ доставленію ей въ престарѣлыхъ лѣтахъ сего великаго утѣшенія и счастія, видѣть при себѣ единственнаго внука своего, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство, въ особенное, личное мнѣ одолженіе, испросить у Государя Императора къ празднику Св. Пасхи всемилостивое совершенное прощеніе корнету Лермонтову и переводъ его въ Л.-гв. Гусарскій полкъ». [1]

Ходатайство быстро пошло по инстанціямъ. Расположенный къ молодому офицеру Великій князь Михаилъ Павловичъ далъ свое согласіе, и уже 9-го апрѣля Лермонтовъ Высочайшимъ приказомъ переводится въ Л.-гв. Гусарскій полкъ. Онъ былъ прощенъ совершенно. На него было обращено вниманіе начальства, связи были у него хорошія, была протекція, отъ него зависѣло пойти успѣшно по службѣ.

Лермонтовъ вернулся въ Петербургъ другимъ человѣкомъ. Юношеская веселость уступала все чаще припадкамъ меланхоліи. Прежде «обиліе матеріаловъ, бродящихъ въ его мысляхъ, не позволяло ему привести ихъ въ порядокъ и только со времени пребыванія его на Кавказѣ начинается полное обладаніе имъ самимъ собою, знакомство съ своими силами и, такъ сказать, правильная эксплуатація способностей. — Некрасивость его лица въ молодые годы начала уступать мѣсто силѣ выраже-

---

[1] Письмо занумеровано: № 1647. По докладѣ дѣла Государю, послѣдній 27 марта приказалъ испросить мнѣніе В. Кн. Михаила Павловича, что было сдѣлано Гр. Чернышевымъ 30 марта, а 4 апрѣля изъявлено согласіе Великаго Князя. [Дѣло: Министерство военное отд. I столъ 4 № 72], находится теперь въ Лермонтовскомъ музеѣ].

нія и почти исчезла теперь, когда геніальность натуры и мысли стала преобразовывать черты» [1].

Попавъ въ прежній полкъ, на старое пепелище, поэтъ такъ же мало могъ найтись въ немъ, какъ въ обществѣ родственниковъ и домочадцевъ. «Я здѣсь по прежнему скучаю»—пишетъ онъ 8-го іюня С. А. Раевскому — «ученье и маневры производятъ только усталость. Писать не пишу, печатать хлопотно, да и пробовалъ, но не удачно». [т. V стр. 420]. На Кавказѣ было гдѣ искать вдохновенія: красота величественной природы, дикіе нравы горцевъ, свобода жизни боевой, встрѣча съ сильными и самобытными характерами—все это должно было воодушевлять поэта, особенно поэта, какъ Лермонтовъ, съ столь развитою индивидуальностью. Въ Петербургѣ онъ теперь еще болѣе ощутилъ то, что бросилось ему въ глаза еще въ первый пріѣздъ въ 1832 году: «Видѣлъ я—писалъ онъ тогда въ Москву—образчики здѣшняго общества: дамъ очень любезныхъ, молодыхъ людей весьма воспитанныхъ—всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе сада, въ которомъ хозяйскія ножницы уничтожили все своеобразное».

Оглядываясь вокругъ себя, поэтъ впадаетъ въ мрачное состояніе, и неудивительно, что онъ задумывается надъ поколѣніемъ, къ коему самъ принадлежитъ, съ коимъ недавно еще шелъ объ руку. Грядущее этого поколѣнія представляется ему пустымъ или темнымъ: «Едва изъ колыбели, и жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли, какъ пиръ на

1 Воспоминанія о Лермонтовѣ гр. Ростопчиной въ «Русск. Стар.» 1882 г. Т. 35, стр. 614.—Воспоминанія, писанныя для Дюма и переданныя имъ, по своему носятъ на себѣ печать нѣкоторой легкомысленности относительно сообщаемыхъ данныхъ. Быть можетъ, виною Дюма!? но все же кое что въ запискѣ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ Ростопчина хорошо знала Лермонтова, особенно въ послѣдніе годы его жизни, и нѣкоторыя ея сообщенія, [какъ напримѣръ касательно отношеній поэта къ Сушковой - Хвостовой] вполнѣ подтвердились. Что касается до перемѣны въ наружности поэта, то разсказъ Ростопчиной вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что сообщалъ Шанъ-Гирей. Онъ говорилъ о томъ, что въ дѣтствѣ Лермонтовъ былъ наружности привлекательной, если и не красивъ собой; въ школѣ и по выходѣ изъ нея не хорошъ, а позднѣе выраженіе глазъ и прекрасно очерченныхъ губъ останавливало на себѣ вниманіе и даже могло привлекать.

праздникѣ чужомъ». Это-то поколѣніе поэтъ бичуетъ въ своей знаменитой «Думѣ» [т. I стр. 272].

Время, когда Лермонтовъ вернулся въ Петербургъ, было временемъ тяжелаго броженія русской мысли. Передовые кружки 20-хъ годовъ съ ихъ великодушными мечтаньями и космополитическимъ безпочвеннымъ либерализмомъ были разсѣяны. Одни изъ представителей, искавшіе удовлетворенія въ политической агитаціи, погибли. То были декабристы и немногіе запоздалые ихъ послѣдователи. Другіе вели половинчатую жизнь, притаившись, но не отказавшись отъ теорій «общегуманнаго либерализма», осторожно вели пропаганду, сѣя скептицизмъ относительно русской жизни. Большинство изъ нихъ — исключенія были весьма рѣдки — обладало образованіемъ легкимъ, свѣтскимъ, которое дополняло само диллетантически, большею частью по книжкамъ — часто весьма популярнымъ — европейскихъ писателей. Случалось, что сами они въ болѣе зрѣлые годы ужасались своей безпочвенности и, розыскивая выходъ изъ нея, обращались опять уже къ готовымъ рамкамъ и формамъ высшей европейской культуры. «Въ эту дряблую и рыхлую среду, безсильную духомъ, оторванную отъ народной и церковной почвы, питавшей ее вещественно и духовно, врѣзались іезуиты, съ ихъ строго опредѣленнымъ ученіемъ, во всеоружіи испытанной своей діалектики и вѣковой педагогической опытности». [1]

Положимъ, Юрій Самаринъ говоритъ такъ по отношенію къ эпохѣ немного предшествовавшей времени, о которомъ идетъ рѣчь, но и здѣсь происходило тоже. Многіе изъ русскихъ довольно видныхъ лицъ этой эпохи переходятъ въ католицизмъ [2]; а Чаадаевъ въ 36 году въ своихъ *философскихъ письмахъ* «прочитываетъ отходную русской жизни», сильно склоняясь къ принципамъ западно-европейскаго, католическаго міровоззрѣнія.

---

[1] Іезуиты въ Россіи М. 1866 г., стр. 265—267. — Сравни по поводу этого и дальнѣйшаго Пыпинъ: Характеристика литературныхъ мнѣній 20-хъ годовъ, Спб. 1873 г. Сравни тоже Стоюнинъ: Историч. Сочин. Спб. 1881 г. Т. II, Пушкинъ глава VII и проч.

[2] Голицынъ, Гагаринъ, Мартыновъ и другіе.

Подавивъ и разсѣявъ названные выше, либерально космополитическіе, кружки, правительство, однако, вполнѣ сознавало необходимость реформъ въ Россіи. Оно рѣшилось озаботиться о благѣ общества и народа. Оно со вниманіемъ отнеслось ко всѣмъ нуждамъ и требованіямъ. Занялось вопросами внутренней политики, науки, воспитанія, законодательства, крестьянскимъ вопросомъ и проч. Дѣятельность сначала была изумительная. Символомъ поставлена была «народность». Правительство ввело строгую регламентацію. Упрочилось мнѣніе, что устройство государства не представляетъ никакого дѣленія власти, которое производитъ столько постоянныхъ столкновеній въ другихъ странахъ, что не нужно и нельзя допускать никакой борьбы однѣхъ частей націи или сословій противъ другихъ. Всѣмъ назначалось опредѣленное мѣсто, надъ всѣмъ возвышался одинъ руководящій авторитетъ — полная система опеки, сильно смахивавшая на меттерниховскую систему. Такимъ образомъ политика, поставившая лозунгомъ своимъ «народность», сама зиждилась не на какой либо новой системѣ, выведенной изъ своеобразныхъ условій русскаго міра, а на взятыхъ на прокатъ изъ европейской жизни понятіяхъ. Въ сущности новый порядокъ вещей представлялъ собою ту же систему, основанную на западно-европейскомъ идеалѣ государства, столь же мало примѣнимому къ нуждамъ Россіи, какъ «идеальный либерализмъ» и космополитическія начала, представителями коихъ были многіе изъ «декабристовъ».

Къ довершенію всего, новая система «народности» приводилась въ исполненіе людьми совершенно неспособными понять, чего должно было ею достигнуть: Бенкендорфы, Дубельты, Клейнмихели, вторгавшіеся во всѣ области народной и государственной жизни, ревниво слѣдили за исполненіемъ предначертаній. Мало по малу они возвели исполнительность въ идеалъ. Они приняли средство за цѣль и видѣли спасеніе въ самой мелочной регламентаціи, которая по этой самой подробности и мелочности не могла быть на практикѣ проводима, и потому открывала широкія двери произволу. Въ хаосѣ неуясненныхъ и противорѣчивыхъ началъ, только небольшая кучка людей—народниковъ—названныхъ въ насмѣшку ихъ про

тивниками кличкой: «славянофилы» [1], пыталась проводить гуманныя и государственныя начала на фундаментѣ истинной народности. Они въ этомъ случаѣ, по отношенію къ русскому государству и жизни, получаютъ значеніе аналогическое значенію романтиковъ въ западной Европѣ, провозглашавшихъ новыя начала гуманности на почвѣ изученія народа. Въ философіи, литературѣ, исторіи и правовѣдѣніи—во всѣхъ сферахъ умственной и государственной жизни сказалось это благотворнымъ обновленіемъ. Только тамъ это основывалось на искусственномъ пробужденіи умершихъ сторонъ народной жизни и вѣрованій, у насъ же этотъ романтизмъ славянофиловъ являлся реальнѣе, потому что самый нашъ народный бытъ не утратилъ той жизненности своей, которая на западѣ была сокрушена искусственною вѣковою опекою католико-схоластическаго строя.

Наши славянофилы, по незначительному числу и по обособленности своего положенія въ обществѣ и администраціи и многимъ причинамъ, не могли привести ученія своего въ стройную систему, а при искусственности и теоретичности нашего общества это было необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія вліянія.

Сначала и въ теченіе многихъ лѣтъ, искусственно созданная система внутренней и внѣшней политики, повидимому, приносила блестящіе результаты. и пріѣзжавшіе въ Россію иностранцы были полны восторженныхъ похвалъ; видѣли оздоровленіе нашей родины, тогда какъ жизнь на западѣ представляла признаки хвори. «У насъ *все обстояло благополучно*», и всѣ тому вѣрили!

Въ существѣ было не то; исполнители предначертаній оказались ниже своего призванія. Въ силу упомянутой регламентаціи и идеала исполнителя, человѣкъ, какъ мыслящая и индивидуальная единица *живаго общества*, уступалъ мѣсто бездушному звену въ цѣлой цѣпи безжизненной организаціи.

Въ это время возникла или особенно развилась рукописная литература, какъ запретный плодъ, сильно дѣйствовавшая на

[1] См. выше глава XI, стр. 219.

незрѣлые умы. Направленіе ея было, конечно, обличительнаго или отрицающаго свойства. По прежнему оторванная отъ почвы интеллигенція увлекалась этимъ направленіемъ, и когда Чаадаевъ провозгласилъ полный скептицизмъ относительно явленій и хода русской жизни, а Гоголь въ то же время своею яркою сатирою на офиціальный строй показалъ, что «не все обстоитъ благополучно» — общество увлеклось, лозунгъ былъ данъ, и понеслось оно по наклонной плоскости самообличенія и самобичеванія. Въ сумбурѣ теорій и воззрѣній чуждыхъ почвъ было трудно найтись. Натуры цѣльныя и глубокія впадали въ конфликтъ и съ собою и съ обществомъ и только тотъ, кто довольствовался негативнымъ направленіемъ и скептическимъ отношеніемъ ко всему, имѣлъ нѣкоторое удовлетвореніе, хотя бы потому, что плылъ съ общимъ теченіемъ. Какъ ни странно это высказать, а такой человѣкъ всетаки являлся съ своимъ протестомъ менѣе протестующимъ лицомъ, нежели человѣкъ, который добивался самостоятельнаго и сознательнаго міровоззрѣнія съ стремленіями положительнаго, а не отрицательнаго характера.

Лермонтовъ, «выросшій среди общества, гдѣ лицемѣріе и ложь считались признаками хорошаго тона, до послѣдняго вздоха оставался чуждъ всякой лжи и притворства... Неопредѣленныя теоріи и мечтанія были ему совершенно чужды; куда ни обращалъ онъ взора, къ небу ли, или къ аду, онъ всегда отыскивалъ прежде твердую точку опоры на землѣ ..» [1]Поэтому онъ не могъ удовлетвориться ни единой изъ нашихъ соціально-политическихъ системъ, ни единымъ ученіемъ нашихъ философовъ-публицистовъ или общественно-государственныхъ дѣятелей. Молодымъ человѣкомъ, среди тревогъ и волненій своей молодой мысли, онъ проходилъ всѣ фазисы умственнаго направленія, отъ космополитическаго байронизма до восторженнаго поклоненія идеѣ народности; но души стремленья и тревогу уяснить себѣ онъ не успѣлъ, или не съумѣлъ, а не съумѣлъ потому, что шелъ одинъ, своимъ путемъ, путемъ

---

[1] Bodenstedt: Michail Lermontoffs poetischer Nachlass. Berlin 1852 г., т. II, стр. 318 и 319.

человѣка, добивающагося самостоятельности развитія, а не плылъ по одному изъ теченій существовавшихъ въ современномъ ему обществѣ.

Мы говорили выше [стр. 220], какъ поэтъ пытался доработаться до яснаго пониманія вещей на реальной почвѣ жизни. Съ славянофилами его судьба не столкнула; съ нѣкоторыми представителями космополитическихъ либеральныхъ мечтателей онъ познакомился на Кавказѣ, гдѣ странствовалъ съ однимъ изъ самыхъ развитыхъ и симпатичныхъ изъ нихъ, декабристомъ княземъ Одоевскимъ [1]. Ни докторъ Майеръ, ни

---

[1] Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій [декабристъ] тоже считался въ Тенгинскомъ полку, и Лермонтовъ зналъ его, познакомясь съ нимъ въ 1837 году на черноморской линіи. Одоевскій скончался 10 октября 1839 года въ Псезуапе. Г-нъ Филипсонъ разсказываетъ [Русск. Арх. 1883 г. III,315], что видѣлъ поэта незадолго до смерти въ палаткѣ, въ лихорадочномъ бреду. Одоевскій приписывалъ болѣзнь тому, что «начитался Шиллера въ подлинникѣ на сквозномъ вѣтру черезъ поднятыя полы палатки». Когда Г-нъ Филипсонъ черезъ двѣ недѣли вернулся въ Псезуапе, то нашелъ лишь свѣжую могилу, надъ которой высился крестъ, выкрашенный красною масляной краской. Черезъ годъ, когда войска вновь завладѣли занятымъ горцами Псезуапе, могила Одоевскаго оказалась разрытою горцами, и «костямъ бѣднаго Одоевскаго не суждено было успокоиться въ этой второй для него сторонѣ изгнанія». При послѣднихъ минутахъ тихаго поэта-страдальца былъ финляндецъ Стольстетъ «олицетвореніе доброты и честности», за что и былъ любимъ Одоевскимъ, но дѣтская доброта и искренность еще не были залогомъ того, что бы Стольстетъ былъ въ состояніи понять глубокую и чудную душу Одоевскаго, а въ особенности думы, занимавшія этотъ свѣтлый, образованный умъ. Поэтому Лермонтовъ былъ правъ, говоря:

Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись крѣпкимъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя *не понялъ ни единой.*
И было ль то—привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крикъ послѣдняго недуга,
Кто скажетъ намъ?.... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно......

декабристы Лореръ, Лихаревъ, Назимовъ и другіе, не могли, впрочемъ, не смотря на все желаніе, удовлетворить его, да и сами не понимали, чего добивался Лермонтовъ.

Декабристъ Назимовъ, котораго въ 1879 или 80 году посѣтилъ я въ Псковѣ, именно съ цѣлью узнать о Лермонтовѣ, съ коимъ онъ встрѣчался въ Пятигорскѣ, говорилъ: «Лермонтовъ сначала часто захаживалъ къ намъ и охотно и много говорилъ съ нами о разныхъ вопросахъ личнаго, соціальнаго и политическаго міровоззрѣнія. Сознаюсь, мы плохо другъ друга понимали. Передать теперь черезъ сорокъ лѣтъ разговоры, которые вели мы, невозможно. Но насъ поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его воззрѣній. Онъ являлся подъ часъ какимъ-то реалистомъ, прилѣпленнымъ къ землѣ, безъ полета, тогда какъ въ поэзіи онъ рѣялъ высоко на могучихъ своихъ

Еще черезъ часъ послѣ кончины на лбу Одоевскаго выступилъ потъ крупными каплями. Тѣло было теплое. Семь собравшихся докторовъ не могли однако возвратить поэта къ жизни.—[Записки Лорера, стр. 650].

Лермонтовъ былъ въ Царскомъ Селѣ, когдо до него дошла вѣсть о смерти Одоевскаго и онъ написалъ стихотвореніе «памяти Одоевскаго».

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой,
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

Генералъ Филипсонъ [см. выше примѣч. на стр. 267] нападая на Лермонтова якобы утверждающаго, что былъ свидѣтелемъ смерти Одоевскаго, введенъ въ заблужденіе наглядностью, съ какою Лермонтовъ описываетъ мѣстность и природу, среди коей скончался Одоевскій. Но въ этомъ помогли Лермонтову не только поэтическая его фантазія, но и то обстоятельство, что онъ дѣйствительно былъ въ 1837 году въ отрядѣ на Черноморской линіи, какъ гласитъ его формулярный списокъ, хотя многіе напрасно старались отвергнуть этотъ фактъ [см. статью мою: отвѣтъ «штатскаго» писателя «военному» Ист. вѣст. 1885 года Іюнь стр. 712].

Кн. Одоевскій былъ товарищъ и другъ Грибоѣдова, на котораго онъ послѣ разлуки послѣдняго съ Бѣляевымъ имѣлъ большое и благотворное

крылахъ. Надъ нѣкоторыми распоряженіями правительства, коимъ мы отъ души сочувствовали, и о коихъ мы мечтали въ нашей несчастной молодости, онъ глумился. Статьи журналовъ, особенно критическія, которыя являлись будто наслѣдіемъ лучшихъ умовъ Европы и заживо задѣвали насъ и вызывали восторги, что въ Россіи можно такъ писать, не возбуждали въ немъ удивленія. Онъ или молчалъ на прямой запросъ, или отдѣлывался шуткой и сарказмомъ. Чѣмъ чаще мы видѣлись, тѣмъ менѣе клеилась серіозная бесѣда. А въ немъ теплился огонекъ оригинальной мысли—да впрочемъ и молодъ же онъ былъ еще!» [1].

Любопытно сужденіе о Лермонтовѣ еще одного изъ его современниковъ, князя Васильчикова, пытающагося разъяснить какое положеніе занималъ въ это время поэтъ между современной ему молодежью. «Лермонтовъ былъ *представитель направленія, противнаго тогдашнему поколѣнію великосвѣтской молодежи*, онъ отдѣлился отъ него при самомъ

вліяніе. Грибоѣдовъ былъ членомъ ложи «des amis réunis», при чемъ принадлежалъ къ первой степени членовъ, тогда какъ Чаадаевъ и Пестель къ пятой степени. Когда Грибоѣдова охватилъ водоворотъ столичной жизни, его оберегала дружба Одоевскаго, натуры нѣжной съ умомъ и съ братскою любовью къ ближнимъ. Матеріалы для Истор. Масонскихъ ложъ, статья Пыпина въ Вѣстн. Евр. 1872 г. кн. 2-я.—Баронъ Розенъ, записки декабристовъ, Лейпцигъ, 1870 г., стр. 364. Ст. Сиротинина, «Истор. Вѣстн.» 1883 г. Май, стр. 398]. Неудивительно, что такой человѣкъ долженъ былъ произвести глубокое впечатлѣніе на Лермонтова и общеніе съ нимъ не могло не оставить слѣда въ чуткой душѣ нашего поэта.

[1] Князь А. И. Васильчиковъ разсказывалъ мнѣ, что хорошо помнитъ какъ не разъ Назимовъ, очень любившій Лермонтова, приставалъ къ нему, чтобы онъ объяснилъ ему, что такое современная молодежь и ея направленія, а Лермонтовъ, глумясь и пародируя салонныхъ героевъ, утверждалъ, что «у насъ нѣтъ никакого направленія, мы просто собираемся, кутимъ, дѣлаемъ карьеру, увлекаемъ женщинъ», онъ напускалъ на себя la fanfaronade du vice, и тѣмъ сердилъ Назимова. Глѣбову не разъ приходилось успокоивать расходившагося декабриста, въ то время какъ Лермонтовъ, схвативъ фуражку, съ громкимъ хохотомъ выбѣгалъ изъ комнаты и уходилъ на бульваръ на уединенную прогулку, до которой онъ былъ охотникъ. Онъ вообще любилъ или шумъ и возбужденіе разговора хотя бы самаго пустаго, но тревожившаго его нервы, или совершенное уединеніе.

своемъ появленіи на поприщѣ своей будущей славы извѣстными стихами: «а вы надменные потомки»......, и съ того дня онъ сталъ въ нѣкоторыя, если не непріязненныя, то холодныя отношенія къ товарищамъ Дантеса, убійцы Пушкина, и даже въ томъ полку, гдѣ онъ служилъ, его любили немногіе... Парады и разводы для военныхъ, придворные балы и выходы для кавалеровъ и дамъ, награды въ торжественные сроки праздниковъ 6-го декабря, въ новый годъ и въ Пасху, производство въ гвардейскихъ полкахъ и пожалованіе дѣвицъ въ фрейлины, а молодыхъ людей въ камеръ-юнкеры — вотъ и все, рѣшительно все, чѣмъ интересовалось это общество, представителями коего были не Лермонтовъ и Пушкинъ, а молодцоватые Скалозубы и всепокорные Молчалины. Лермонтовъ и тѣ немногіе изъ его сверстниковъ и единомышленниковъ, которыхъ рожденіе обрекло на прозябаніе въ этой холодной средѣ, сознавали глубоко ея пустоту и не зная, куда дѣться, не находя пищи ни для дѣла, ни для ума, предавались буйному разгулу—разгулу, погубившему многихъ изъ насъ. Лучшіе изъ офицеровъ старались вырваться изъ Михайловскаго манежа и Красносельскаго лагеря на Кавказъ, а молодые люди, привязанные родственными связями къ гвардіи и къ придворному обществу, составляли группу самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ парадёровъ и танцоровъ.

«Эта-то пустота окружающей его свѣтской среды, эта ничтожность людей, съ которыми ему пришлось жить и знаться, и наложили на всю поэзію и прозу Лермонтова печальный оттѣнокъ тоски, безсознательной и безплодной: онъ печально глядѣлъ «*на толпу этой угрюмой*» молодежи, которая дѣйствительно прошла *безслѣдно*, какъ и предсказывалъ поэтъ, и нынѣ, достигнувъ зрѣлаго возраста, дала отечеству такъ мало полезныхъ дѣятелей; «*ему некому было руку подать въ минуту душевной невзгоды*», и когда, въ невольныхъ странствованіяхъ и ссылкахъ, удавалось ему встрѣчать людей другаго закала, въ родѣ Одоевскаго, онъ изливалъ свою современную грусть въ души людей другого поколѣнія, другихъ временъ. Съ ними онъ дѣйствительно мгновенно сходился, ихъ глубоко уважалъ, и одинъ изъ нихъ, еще нынѣ

живущій, М. А. Назимовъ, могъ бы засвидѣтельствовать, съ какимъ потрясающимъ юморомъ онъ описывалъ ему, выходцу изъ Сибири, ничтожество того поколѣнія, къ коему принадлежалъ»[1].

Панаевъ, часто видавшій Лермонтова, въ воспоминаніяхъ своихъ характеризуетъ его сходнымъ образомъ. «Онъ былъ неизмѣримо выше среды, окружавшей его и не могъ серьезно относиться къ такого рода людямъ. Ему, кажется, были особенно досадны послѣдніе. — Это тупые мудрецы, важничающіе своею дѣльностью и разсудочностью и не видящіе далѣе своего носа. Есть какое-то наслажденіе *казаться* самымъ пустымъ человѣкомъ, даже мальчишкой и школьникомъ передъ такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, дѣйствительнымъ наслажденіемъ?..»

---

[1] Князь А. И. Васильчиковъ написалъ въ 1875 году въ «Голосѣ» № 15 нѣсколько словъ въ оправданіе Лермонтова отъ нареканій Маркевича, который въ своей повѣсти «Двѣ маски» назвалъ Лермонтова «*представителемъ тогдашняго поколѣнія гвардейской молодежи*». Это возмутило князя. «Впрочемъ», замѣчаетъ онъ уже по адресу Русск. Вѣстника, въ которомъ появилась повѣсть Маркевича, «можетъ быть, что въ тѣхъ видахъ, въ коихъ редактируется этотъ журналъ, требуется именно представить Лермонтова и Пушкина типами великосвѣтскаго общества», чтобъ облагородить описаніе этого общества,» и внушить молодому поколѣнію, незнавшему Лермонтова, такое понятіе, что гвардейскіе офицеры и камеръ-юнкеры тридцатыхъ годовъ были всѣ болѣе или менѣе похожи на нашихъ двухъ великихъ поэтовъ, по своему высокому образованію и образу мыслей. Но это не только невѣрно, но совершенно противоположно правдѣ.» Справедливая и горячая защита Лермонтова дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести кн. Васильчикову, что самъ онъ въ свое время не мало чувствовалъ на себѣ сарказмъ Лермонтова. Васильчиковъ и есть тотъ молодой князь, къ которому, по разсказу Боденштедта, въ Москвѣ за общимъ обѣдомъ такъ сильно приставалъ Лермонтовъ со своими сарказмами и шпильками. — Статью свою, въ Голосѣ, князь оканчиваетъ словами:

«Къ сожалѣнію, Лермонтовъ прожилъ весь свой коротній вѣкъ въ одномъ очень тѣсномъ кружкѣ, и прочіе слои нашего русскаго общества зналъ очень мало. Поэтому, его описанія и относятся почти исключительно къ высшему кругу великосвѣтскаго общества, въ коемъ онъ вращался и которое изучилъ вѣрно и глубоко. Но онъ не былъ представитель этого общества, а напротивъ, его обличитель и противникъ, и онъ очень бы оскорбился, а можетъ быть, и посмѣялся, еслибъ кто-нибудь «*мимоходомъ назвалъ его представителемъ гвардейской молодежи тогдашняго поколѣнія*».

Выше [стр. 34 и 56] мы сравнивали уже Лермонтова съ Гейне и теперь не можемъ не указать на одинъ характерный сонетъ великаго германскаго лирика, весьма ясно выражающій состояніе души, о которомъ говоритъ Панаевъ, описывая Лермонтова.

„Дай маску мнѣ,—хочу маскироваться
Я пошлякомъ, чтобы въ толпѣ глупцовъ
Въ личинахъ геніевъ, героевъ, мудрецовъ,
Не могъ бы ихъ подобіемъ казаться.
Дай мнѣ ту пошлость, что они скрываютъ...
...Чтобъ могъ я на великомъ маскарадѣ—
Съ толпой смѣшавшись—мало кѣмъ быть узнанъ [1].

И такъ Лермонтовъ пріѣхалъ въ 38 году въ Петербургъ во время пробужденія у насъ отрицательнаго отношенія къ русской жизни. То, что видѣлъ онъ въ Петербургѣ, его не привлекало. Что за люди были передъ нимъ? Что выработала жизнь наша? Отрицаніе всего? Онъ, Лермонтовъ, искалъ положительнаго и не нашелъ его, и вотъ, по неизъяснимой волѣ рока, самъ долженъ былъ отрицать, отрицать отрицателей. Это крайняя грань скептицизма. «Только русская душа способна дойти до такой безпощаднѣйшей послѣдовательности мысли и чувства» [2]. Это ужъ скептицизмъ, который обратился самъ противъ себя.

Да, эти люди, бичевалъ ихъ поэтъ: «Надъ міромъ пройдутъ

---

[1] Gieb her die Larv, ich will mich jetzt maskiren
In einen Lumpenkerl, damit Hallunken,
Die prächtig in Charaktermasken prunkeu,
Nicht wähnen, ich sei einer von den Ihren.
Gieb her gemeine Worte und Manieren,
Ich zeige mich in Pöbelart versunken,
Verläugne all'die schönen Geistesfunken,
Womit jetzt fade Schlingel kokettieren.
So tanz'ich auf dem grossen Maskenballe...
...Von Harlekin gegrüsst, erkannt von Wen'gen.
[Heine: Buch der Lieder Fresko—Sonette an Chr. S.].

[2] Аполлонъ Григорьевъ: Лермонтовъ и его направленіе, крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда. Время 1862 г.—Мы, впрочемъ, въ существѣ не соглашаемся съ выводами почтеннаго критика. Правда, у него не доставало матеріала для полной оцѣнки души и значенія Лермонтова.

не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда». Господствовавшая система выдвинула людей пѣшекъ, захудалыхъ въ искусственной атмосферѣ:

Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно-малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы.

Живетъ это поколѣніе случайною жизнью: «Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви»... Каждая строка «Думы» поражаетъ и бьетъ общество. Каждая строка продиктована скорбью человѣка, рвущагося вонъ изъ бѣдной дѣйствительности и связаннаго съ ней несокрушимыми путами, потому что онъ всѣми корнями своими въ почвѣ. Онъ не можетъ и не хочетъ искусственно, слѣдовательно лживо, улетать въ области мечтаній, неимѣющихъ ничего общаго съ реализмомъ жизни.

«Лермонтовъ былъ счастливъ только когда творилъ; а творить онъ могъ только въ минуты вдохновенія, — чтобы ни вдохновляло его: радость, горе, негодованіе, отчаяніе, или гордое сознаніе своей силы». Негодованіе вдохновило его написать «Думу» — затѣмъ онъ впадаетъ въ мрачное настроеніе души—въ апатію. Весну и лѣто 1838 года онъ почти ничего не пишетъ. «Лермонтовъ со своимъ врожденнымъ стремленіемъ къ прекрасному, которое безъ добра и истины не можетъ существовать, очутился *совершенно одинъ* въ чуждомъ ему мірѣ... Окружавшіе его люди не понимали его, или не смѣли понимать и, такимъ образомъ, онъ находился въ постоянной опасности ошибаться въ самомъ себѣ или въ человѣчествѣ [1]».

И скучно и грустно и некому руку подать... [т. I стр. 296].

Въ вяломъ настроеніи проходятъ весна и лѣто, затѣмъ поэтъ опять пробуждается къ жизни и творчеству.

Имя Лермонтова получило тогда уже громкую извѣстность и дѣлало его въ свѣтѣ оригинальною новостью, онъ былъ рѣшительно въ модѣ, и съ наступившимъ зимнимъ сезономъ въ

---

[1] Bodenstedt въ означ. мѣстѣ.—Переведена статья его въ Современникѣ 1861 г. февр. книга, стр. 317.

столицѣ его вырывали другъ у друга. Близкій свидѣтель А. Н. Муравьевъ подтверждаетъ это, объясняя, какъ пребываніе на Кавказѣ прибавляло новый поводъ къ интересу публики. Вообще «юные воители, возвращаясь съ Кавказа, были принимаемы какъ герои. Помню, что конногвардеецъ Глѣбовъ [другъ Лермонтова] выкупленный изъ плѣна горцевъ, сдѣлался предметомъ любопытства всей столицы. Одушевленные разсказы Марлинскаго рисовали Кавказъ въ самомъ поэтическомъ видѣ» [1]. Неудивительно, что Лермонтовскія пѣсни и поэмы касавшіяся Кавказа и его природы, заинтересовывали публику еще въ рукописяхъ. Въ особенности дамы распространяли славу молодого поэта, на перерывъ списывая его произведенія и преимущественно поэму «Демонъ». Мы уже говорили, что рукописная литература тогда особенно была въ модѣ и многое еще до печати или запрещенное цензурою читалось всѣми образованными людьми, какъ въ наши дни «Крейцерова соната» и другія произведенія графа Толстого. Даже кто-то изъ лицъ царской фамиліи, разсказываетъ Шанъ-Гирей, пожелалъ имѣть списокъ «Демона» и Лермонтовъ приготовилъ тщательно просмотрѣнный экземпляръ, который черезъ нѣсколько дней былъ возвращенъ ему обратно [2].

---

[1] Муравьевъ, Знакомство съ русскими поэтами, стр. 26.

[2] Шанъ-Гирей утверждаетъ даже, что это и есть окончательная обработка—говоритъ, что экземпляръ долженъ находиться у Алопеуса, и что цензура его одобрила. [Русск. Обозр. авг. 1890 г. стр. 745]. Это то и есть очеркъ поэмы 1838 года, напечатанный мною полностію въ «Русск. Вѣстникѣ» 1889 г. мартъ. — [т. II, стр. 94 и 115]. Онъ посланъ былъ В. А. Лопухиной 8 го сентября. На Кавказѣ Шанъ-Гирей увѣрялъ меня въ томъ же, но я доказалъ ему противное. Въ очеркѣ 1838 года, нѣтъ еще даже клятвы Демона. - Цензура не разрѣшала печатать поэму, какъ тамъ же ошибочно утверждаетъ Шанъ-Гирей, что видно и изъ письма Краевскаго къ Панаеву отъ 10 октября 1839 года, въ коемъ онъ жалуется на недостатокъ стиховъ для книжекъ «Отечественныхъ записокъ:»... «Лермонтовъ отдалъ *бабамъ* читать своего «Демона», изъ котораго *хотѣлъ напечатать отрывки*, и бабы чортъ знаетъ куда дѣли его, а у него ужъ разумѣется нѣтъ черноваго; таковъ мальчикъ уродился»!.. [Панаевъ Литер. воспом. стр. 256]. — Цензура не разрѣшала печатаніе «Демона» вплоть до 1860 года, когда онъ впервые появился въ изданіи сочин. Лермонтова, предпринятомъ Дудышкинымъ.—Правда, для янв. кн. Отеч. зап. на 1842 годъ поэма была даже набрана, но цензура не разрѣшила снова

Нельзя не упомянуть здѣсь объ обстоятельствѣ, слышанномъ мною отъ нѣкоторыхъ современниковъ. Нескромные стихи Лермонтова, писанные имъ въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ и по выходѣ изъ нея, еще тогда доставили ему извѣстность между гвардейскими товарищами, переписывавшими эти поэмы и лирическія изліянія въ свои «холостецкіе альбомы». Эта печальная слава «поэта, послѣдователя Баркова», долго числилась за Лермонтовымъ и случалось, что когда дамы зачитывались рукописными экземплярами «Демона», мужья и братья съ испугомъ хватались за рукопись, думая видѣть передъ собою одно изъ нескромныхъ твореній своего однокашника. Они не допускали мысль, чтобы «Маёшка» могъ писать въ другомъ духѣ, и позднѣе еще никакъ не могли свыкнуться съ мыслью, что корнетъ Лермонтовъ могъ въ то же время быть замѣчательмъ поэтомъ. «Entre nous soit dit—говорилъ намъ одинъ изъ товарищей Лермонтова—я не понимаю, что о Лермонтовѣ такъ много говорятъ; въ сущности онъ былъ препустой малый, плохой офицеръ и поэтъ не важный. Въ то время мы всѣ писали такіе стихи. Я жилъ съ Лермонтовымъ въ одной квартирѣ, я видѣлъ не разъ, какъ онъ писалъ. Сидитъ, сидитъ, изгрызетъ множество перьевъ, наломаетъ карандашей и напишетъ нѣсколько строкъ. Ну развѣ это поэтъ»?!..[1].

Въ кружкахъ записныхъ литераторовъ Лермонтовъ не чувствовалъ себя хорошо и рѣдко, рѣдко появлялся въ нихъ. По вышеописаннымъ свойствамъ своимъ, онъ не могъ примкнуть ни къ одной изъ журнальныхъ партій. Онъ былъ врагъ всякой «кружковщины». Разныя колеи, въ коихъ двигались литературные дѣятели разныхъ лагерей, претили ему. Въ кабинеты редакторовъ онъ старался заходить когда въ нихъ не было литературной братіи. «Лермонтовъ нисколько не похо-

---

[1] Русская Старина 1885 г., т. XLV, стр. 476. Я бы не приводилъ здѣсь этого мнѣнія, если бы оно не принадлежало человѣку почтенному, образованному и извѣстному біографамъ Лермонтова. На сообщенія его о поэтѣ ссылаются постоянно, и мы дѣйствительно обязаны ему многими свѣдѣніями; но близко стоящій къ человѣку замѣчательному, еще «недостигшему славы, не видитъ таланта—по французской пословицѣ: il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre».

дилъ на тѣхъ литераторовъ, съ которыми я познакомилась», замѣчаетъ Головачева[1]. Стоя особнякомъ, не сближаясь съ литераторами вообще, Лермонтовъ однако съ нѣкоторыми лицами, соприкасавшимися съ литературой, поддерживалъ постоянныя и дружескія сношенія. Таковыми были князь Вл. Ѳ. Одоевскій[2], А. А. Краевскій, А. Н. Муравьевъ и только отчасти Жуковскій и кн. Вяземскій, гр. Сологубъ, Мятлевъ, Вьельгорскій и другіе. Первые два были ему особенно близки. Съ прочими Лермонтовъ встрѣчался больше въ салонахъ образованныхъ женщинъ высшаго общества, находившихся въ дружескихъ отношеніяхъ съ лучшими нашими писателями, какъ Гоголь и Пушкинъ. То была семья Карамзиныхъ, особенно дружественно расположенная къ поэту, А. О. Смирнова [рожд. Росетти], графиня Ростопчина, извѣстная писательница и другія.

Между тѣмъ Краевскій вновь задумалъ издавать «Отечественныя записки», о чемъ онъ мечталъ еще въ 1836 году, но разрѣшенія не получилъ, такъ какъ въ то время неохотно соглашались на учрежденіе новыхъ или возобновленіе старыхъ журналовъ. Да противъ воскрешенія «Отечественныхъ записокъ» интриговалъ и Булгаринъ. Тогда-то Краевскій припринялъ на себя редакторство «Литературныхъ прибавленій» къ «Русскому Инвалиду», купленныхъ у Воейкова Плюшаромъ. Но дѣла Плюшара пошли плохо, онъ близился къ банкротству; и вотъ убѣдили Свиньина похлопотать о возобновленіи «Отечественныхъ записокъ», коихъ онъ былъ издателемъ съ 1822 по 1830 годъ. Затѣмъ журналъ прекратился. Свиньинъ сталъ дѣйствовать черезъ родственника своего, всесильнаго Клейнмихеля, и дѣйствительно въ половинѣ 1838 года Свиньину, какъ бывшему собственнику «Отечественныхъ записокъ», разрѣшили вновь издавать ихъ. Краевскій уговорилъ кн. Одоевскаго и зятя его Врасскаго, Панаева, Владиславлева и другихъ внести по 3500 рублей и купить у Свиньина изданіе. Передача состоялась; редакторомъ былъ назначенъ Краевскій. Публика, охладѣвшая къ «Библіотекѣ для чтенія», съ нетерпѣні-

---

[1] Воспоминанія. Глава IV, стр. 86, 1890 г.

[2] Объ Одоевскомъ ср. статью Пятковскаго, Истор. Вѣстн. 1880 г., т. I, стр. 505.

емъ стала ожидать появленія новаго журнала, о которомъ «за» и «противъ» ходили преувеличенные слухи. Краевскій постарался привлечь всѣ лучшія силы и извѣстныя имена литературныхъ дѣятелей[1]. Января 1-го 1839 года вышла первая книжка. Она и слѣдующія за нею книги были встрѣчены въ обществѣ шумно. Журналъ произвелъ эффектъ.

Къ сотрудничеству въ «Отечественныхъ запискахъ» Краевскій привлекъ и Лермонтова, который началъ здѣсь печатаніе повѣстей своихъ изъ «Героя нашего времени». Уже во второй, и потомъ четвертой книжкахъ журнала были напечатаны «Бэла» и «Фаталистъ». Бэла подъ заглавіемъ: «Разсказъ изъ записокъ офицера на Кавказѣ». Кромѣ этого въ первыхъ книжкахъ поэтъ помѣстилъ и нѣсколько изъ своихъ лирическихъ стихотвореній. Михаилъ Юрьевичъ со времени возвращенія своего съ Кавказа «сталъ входить въ моду». Но это его не особенно тѣшило, хотя до высылки на Кавказъ онъ этого упорно добивался. Въ началѣ 1839 года онъ пишетъ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной...

„Я несчастнѣйшій человѣкъ, и вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно ѣзжу по баламъ: я пустился въ *большой свѣтъ*. Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ... Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаютъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ скучно... Можетъ-быть, вы найдете страннымъ, искать удовольствій и скучать ими, ѣздить по гостинымъ. не находя тамъ ничего занимательнаго. Ну, я вамъ открою мои побужденія. Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ— суетность и самолюбіе; было время, когда я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня заперты; теперь въ это же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, завоевавшимъ себѣ права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы, съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже *левъ*; да я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣ-

1 Воспоминанія Панаева.—Соч. Плетнева, т. III, стр. 391: письмо къ кн. Вяземскому.—Письмо ко мнѣ В. А. Бильбасова въ матеріалахъ моихъ по біографіи Лермонтова.

вали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять; но, къ счастію, меня выручаетъ природная моя лѣность, и мало-по-малу я начинаю находить все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность полезна въ томъ, что она мнѣ дала оружіе противъ этого общества, и если когда-либо оно будетъ меня преслѣдовать своими клеветами [что непремѣнно случится], тогда у меня будетъ, по крайней мѣрѣ, средство для ѡтмщенія; вѣдь нигдѣ не встрѣчается столько низкаго и смѣшного, какъ тутъ. Увѣренъ, что вы никому не передадите моего хвастовства; вѣдь тогда меня нашли бы наиболѣе смѣшнымъ человѣкомъ; съ вами я говорю какъ съ своею совѣстью. Оно же очень пріятно исподтишка смѣяться съ человѣкомъ, готовымъ всегда раздѣлять ваши чувства, смѣяться надъ предметами, которыхъ глупцы такъ ищутъ и которымъ такъ завидуютъ". [т. V, стр. 422].

Въ концѣ года въ домѣ знатной петербургской дамы княгини Ш—ой встрѣчаетъ Лермонтова И. С. Тургеневъ. «Лермонтовъ, разсказываетъ намъ знаменитый писатель, помѣстился на низкомъ табуретѣ передъ диваномъ, на которомъ, одѣтая въ черное платье, сидѣла одна изъ тогдашнихъ столичныхъ красавицъ— бѣлокурая графиня М[усина]-П[ушкина]—рано погибшее, дѣйствительно прелестное созданіе[1]. На Лермонтовѣ былъ мундиръ лейбъ гвардіи гусарскаго полка; онъ не снялъ ни сабли, ни перчатокъ—и, сгорбившись и насупившись, угрюмо посматривалъ на графиню. Она мало съ нимъ разговаривала и чаще обращалась къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ графу Ш—у, тоже гусару. Въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижныхъ темныхъ глазъ. Ихъ тяжелый взоръ странно не согласовался съ выраженьемъ почти дѣтски-нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ, широкихъ плечахъ возбуждала ощущеніе непріятное; *но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій*... Помнится, графъ Ш. и его собесѣдница внезапно засмѣялись чему-то и смѣялись долго. Лермонтовъ тоже засмѣялся, но въ то же время

[1] Лермонтовъ по просьбѣ ея написалъ ей въ альбомъ граціозное стихотвореніе: «Графиня Эмилія бѣлѣе, чѣмъ лилія» и т. д. [т. I, стр. 284].

съ какимъ-то обиднымъ удивленіемъ оглядывалъ ихъ обоихъ. Несмотря на это, мнѣ всетаки казалось, что и графа Ш. онъ любилъ какъ товарища—и къ графинѣ питалъ чувство дружелюбное... Внутренно Лермонтовъ вѣроятно скучалъ глубоко; *онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втолкнула судьба*».[1]

Въ обществѣ конечно далеко не всѣ были расположены къ Лермонтову. Его положеніе напоминало положеніе Пушкина въ придворныхъ кружкахъ. Многіе, очень многіе его ненавидѣли и находили, что, являясь въ гостиныхъ высшихъ сферъ, онъ «садился не въ свои сани», что онъ дерзокъ и смѣлъ. Преимущественно держались мнѣнія этого мущины, коихъ сердило, что молодой гвардейскій «офицеришъ» выказывалъ независимость характера, а порою и нѣкоторую презрительность въ обращеніи. Не мало, быть можетъ, способствовало чувству непріязни къ поэту вниманіе, оказываемое ему женщинами, въ которыхъ влюбленъ былъ весь петербургскій «beau monde». Лермонтовъ сознавалъ, что къ нему относятся непріязненно и не даромъ предчувствовалъ, что настанетъ время, когда его «будутъ преслѣдовать клеветами». Это время настало скорѣе нежели онъ полагалъ. Вниманіе и дружба, оказываемая ему графиней Мусиной-Пушкиной, и чувство, внушаемое имъ княгинѣ Щербатовой, рожденной Штеричъ[2], возбуждали зависть и выразились особенно рельефно въ повѣсти «Большой свѣтъ», написанной графомъ Соллогубомъ по желанію лицъ изъ высшихъ сферъ, а затѣмъ и въ дѣлѣ его дуэли съ де-Барантомъ.

«Подъ новый 1840 годъ, на маскированномъ балу дворянскаго собранія, Лермонтову не давали покоя—разсказываетъ очевидецъ[3]—безпрестанно приставали къ нему, брали за руки, одна маска смѣнялась другою, а онъ почти не сходилъ съ мѣста и молча слушалъ ихъ пискъ, поочередно обращая на нихъ свои сумрачные глаза. Мнѣ тогда же почудилось, что

---

[1] Тургеневъ: Литературныя воспоминанія, стр. LXXXV.
[2] Вторымъ бракомъ, уже позднѣе, она была за Лутковскимъ.
[3] Ив. Серг. Тургеневъ въ вышеуказанномъ мѣстѣ.

я уловилъ на лицѣ его прекрасное выраженіе поэтическаго творчества, быть можетъ ему приходили въ голову стихи:

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ
Съ небрежной смѣлостью красавицъ городскихъ
Давно безтрепетныя руки......" [т. I стр. 286].

Понятно!—и здѣсь поэтъ чувствовалъ себя одинокимъ и среди пестрой толпы, при шумѣ музыки и пляски. Наружно лишь погружаясь въ шумъ и пустоту, уносился онъ въ міръ мечтаній своихъ. И вставали передъ нимъ образы, «какъ свѣжій островокъ среди морей», пока шумъ толпы людской не спугивалъ видѣній, а очнувшійся поэтъ, возвращенный въ сферу, для него душную, желалъ смутить веселость ихъ, дерзко бросивъ имъ въ глаза «желѣзный стихъ,

Облитый горечью и злостью".

На маскарадахъ и балахъ дворянскаго собранія, въ то время только входившихъ въ моду, присутствовали нетолько представители высшаго общества, но часто и члены Царской фамиліи. Въ дворянскомъ собраніи подъ новый 1840 годъ собралось блестящее общество. Особенное вниманіе обращали на себя двѣ дамы, одна въ голубомъ, другая въ розовомъ домино. Это были двѣ сестры и, хотя было извѣстно, кто онѣ такія, то все же уважали ихъ инкогнито и окружали почтеніемъ. Онѣ-то, вѣроятно тоже заинтересованныя молодымъ поэтомъ, и пользуясь свободою маскарада, проходя мимо него, что-то сказали ему. Не подавая вида, что ему извѣстно кто задѣлъ его словомъ, дерзкій на языкъ Михаилъ Юрьевичъ не остался въ долгу. Онъ даже прошелся съ пышными домино, смущенно поспѣшившими искать убѣжища. Выходка молодого офицера была для нихъ совершенно неожиданной, и казалась имъ до невѣроятія дерзновенною. [1]

Поведеніе Лермонтова, само по себѣ невинное, являлось нарушеніемъ этикета, но обратить на это вниманіе и придать значеніе оказалось неудобнымъ. Это значило бы предавать глас-

---

1 Изъ разсказовъ Краевскаго и сообщеній гр. Соллогуба.

ности то, что прошло незамѣченнымъ для большинства публики. Но когда въ Отечественныхъ Запискахъ появилось стихотвореніе «Первое января», многія выраженія въ немъ показались непозволительными. Нашли, что поэтъ начинаетъ въ поведеніи своемъ заходить за границу дозволеннаго. Вообще начинали быть недовольны его образомъ жизни и ролью въ обществѣ. Онъ все же былъ человѣкомъ провинившимся, недавно возвращеннымъ изъ ссылки; прощеннымъ съ мыслью, что онъ службою загладитъ вину. Онъ долженъ бы былъ держать себя скромно, а не ровнею среди «благосклонно» допустившаго его въ среду свою общества. Да и заниматься литературою ему не приличествовало — «надо было заниматься службою, а не писать стихи». Еще недавно приказомъ отъ 6-го Декабря 1839 года, Государь Императоръ поощрилъ провинившагося офицера, произведя его въ чинъ поручика того же Лейбъ-Гусарскаго полка. Но поэтъ кажется не понималъ, или не хотѣлъ понимать, чего отъ него требовали. Неблагодарный, онъ рвался изъ службы, желалъ выдти въ отставку. Ему настоятельно отсовѣтывали, какъ и прежде. [1] Онъ просился въ годовой отпускъ—отказали, на 28 дней—отказали, на 14—тоже. Онъ просилъ о переводѣ на Кавказъ—не позволили. [2]

Гр. Бенкендорфъ, расположенный къ бабушкѣ поэта, и не разъ ходатайствовавшій за него передъ Военнымъ Министромъ и Государемъ, теперь крѣпко невзлюбилъ Михаила Юрьевича, особенно послѣ случая на маскарадѣ, въ дворянскомъ собраніи. Съ этихъ поръ онъ его преслѣдуетъ, и, еслибъ не заступничество Великаго Князя Михаила Павловича, Лермонтовъ испыталъ бы участь суровую безъ просвѣта и теплыхъ лучей.

---

[1] Не пускала его въ отставку бабушка, по совѣту гр. Бенкендорфа. Сообщенія Краевскаго и Шанъ-Гирея; ср. письмо къ А. А. Лопухину, т. V, стр. 425.

[2] См. письмо вышеприведенное и письмо къ М. А. Лопухиной, т. V, стр. 421 и 422.

ГЛАВА XVI.

Столкновеніе съ де-Барантомъ.—Первая дуэль.—Судъ и преслѣдованія и защита Лермонтова В. Кн. Михаиломъ Павловичемъ.—Вторая ссылка на Кавказъ.

Февраля 16-го 1840 года у графини Лаваль былъ балъ. Цвѣтъ петербургскаго общества собирался въ гостиныхъ ея. Тутъ же находился Лермонтовъ и молодой де Барантъ, сынъ французскаго посланника при русскомъ дворѣ[1]. Оба ухаживали за одною и тою же блиставшею въ столичномъ обществѣ дамой.

Встрѣтившись, соперники обмѣнялись колкостями. Де-Барантъ укорялъ Лермонтова, будто отозвавшагося о немъ неодобрительно и колко въ присутствіи извѣстной особы. Кто была особа эта, ни де-Барантъ, ни Лермонтовъ и позднѣе на разбирательствѣ дѣла не объяснили, но въ обществѣ имя ея было извѣстно и по поводу ссоры ходили весьма противоположные слухи. Одни утверждали, что де-Барантъ искалъ ссоры съ счастливымъ соперникомъ. Другіе разсказывали, будто Лермонтовъ, оскорбленный предпочтеніемъ, оказаннымъ молодому французу, мстилъ за презрѣніе къ себѣ четырехстишіемъ, въ которомъ задѣлъ и де Баранта и съ цинизмомъ отозвался о предметѣ его страсти. Четырехстишіе это ходило по рукамъ въ различныхъ варіантахъ.

Послѣднее мнѣніе, при огромномъ количествѣ недоброжелателей Лермонтова было наиболѣе распространеннымъ. Надо полагать однако, что оно было выдумкою, по крайней мѣрѣ, что касается циничнаго четырехстишія. По свидѣтельству

---

[1] Гильомъ Просперъ Брюжьеръ, баронъ де-Барантъ, бывшій посланникъ въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ, извѣстенъ своими сочиненіями: Histoire des ducs de Bourgogne de la maison Valois. 3 vol. Paris 1826.—Histoire de la convention nationale. 6 vol. Paris 1851—53. Histoire du directoire de la republique Française 3 vol. Paris 1855 г. Когда онъ былъ назначенъ посланникомъ, то литературная слава его была уже упрочена сочиненіемъ его: De la litterature française pendant le 18-me siècle.—На русскій языкъ переведено Молдинскимъ въ 1838 г.

товарища Лермонтова, Меринскаго, четырехстишіе это было писано въ видѣ пріятельской шутки еще на школьной скамьѣ, слѣдовательно за 7 или 8 лѣтъ назадъ, и относилось къ совершенно другимъ лицамъ, изъ коихъ одно тоже было французскаго происхожденія[1]. Вѣрно только то, что между де-Барантомъ и Лермонтовымъ произошло столкновеніе; де-Ба-

[1] Вотъ это четырехстишіе.

Прекрасная Невы богиня!
За ней волочится французъ!—
Лицо-то у нея какъ дыня,
За то и..... какъ арбузъ.

Въ этой редакціи стихотвореніе слышалъ я отъ г. Горожанскаго, тоже воспитанника школы гв. юнкеровъ. Тотъ же Горожанскій разсказалъ мнѣ о встрѣчѣ своей съ Лермонтовымъ слѣдующее:

«Когда за дуэль съ де-Барантомъ Лермонтовъ сидѣлъ на гауптвахтѣ, мнѣ пришлось занимать караулъ. Лермонтовъ былъ тогда влюбленъ въ кн. Щ., изъ-за которой и дрался. Онъ предупредилъ меня, что ему необходимо по поводу этой дуэли имѣть объясненіе съ дамой и для этого удалиться съ гауптвахты на полчаса времени. Были приняты необходимыя предосторожности. Лермонтовъ вернулся минута въ минуту, и едва успѣлъ онъ раздѣться, какъ на гауптвахту пріѣхало одно изъ начальствующихъ лицъ справиться, все ли въ порядкѣ. Я зналъ, съ кѣмъ видѣлся Лермонтовъ, и могу поручиться, что благорасположеніемъ дамы пользовался не де-Барантъ, а Лермонтовъ; потому ходившій тогда слухъ, будто Лермонтовъ обидѣлъ даму четырехстишіемъ, несправедливъ». Горожанскій продиктовалъ мнѣ вышеупомянутое четырехстишіе, утверждалъ, что оно подложное и выдумано недоброжелателями Лермонтова. Теперь это объясняется иначе. Экспромптъ этотъ принадлежитъ Лермонтову, но сказанъ имъ раньше, еще во время пребыванія въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ 32 или 33 году, а не въ 1840 г. и сказанъ въ пику товарищу своему, влюбленному кн. Шаховскому. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Меринскій въ статьѣ своей: «М. Ю. Лермонтовъ въ юнкерской школѣ» [«Русскій Міръ» 1872 г. № 205]: «У насъ былъ юнкеръ кн. Шаховской, отличный товарищъ; его всѣ любили, но онъ имѣлъ слабость сердиться, когда товарищи трунили надъ нимъ. Онъ имѣлъ пребольшой носъ, который шалуны юнкера находили похожимъ на ружейный курокъ. Ш—й этотъ получилъ прозвище «курка» и «Князя носа». Въ стихотвореніи «Уланша» Лермонтовъ о немъ говоритъ:

Князь-носъ, сопя, къ сѣдлу прилегъ—
Никто рукою онѣмѣлой
Его не ловитъ за курокъ.

Этотъ же Шаховской былъ влюбчиваго характера; бывая у своихъ знакомыхъ, онъ часто влюблялся въ молодыхъ дѣвицъ и, повѣряя свои сер-

рантъ съ запальчивостью требовалъ отъ Лермонтова объясненій по поводу какихъ-то дошедшихъ до него обидныхъ рѣчей. Михаилъ Юрьевичъ объявилъ все это клеветой и обозвалъ сплетнями. Де-Барантъ не удовлетворился, а напротивъ выразилъ недовѣрчивость и прибавилъ, что «если все переданное мнѣ справедливо, то вы поступили дурно».—«Я ни совѣтовъ, ни выговоровъ не принимаю и нахожу поведеніе ваше смѣшнымъ и дерзкимъ [drôle et impertinent]»—отвѣчалъ Лермонтовъ. На это де-Барантъ замѣтилъ: «Еслибъ я былъ въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы какъ кончить дѣло». «Повѣрьте, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго,

---

дечныя тайны товарищамъ, всегда называлъ предметъ своей страсти богинею. Это дало поводъ Лермонтову сказать по адресу Ш—каго экспромптъ, о которомъ, позднѣе, я слышалъ отъ многихъ, что будто экспромптъ этотъ сказанъ былъ поэтомъ нашимъ по поводу ухаживанья молодого француза де-Баранта за одною изъ великосвѣтскихъ дамъ. Въ юнкерской школѣ, кромѣ командира эскадрона и пѣхотной роты, находились при означенныхъ частяхъ еще нѣсколько офицеровъ изъ разныхъ гвардейскихъ, кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ, которые завѣдывали отдѣленіями въ эскадронѣ и ротѣ, и притомъ по очереди дежурили—кавалерійскіе по эскадрону, пѣхотные—по ротѣ. Между кавалерійскими офицерами находился штабъ-ротмистръ Клеронъ, уланскаго полка, родомъ французъ, уроженецъ Страсбурга; его болѣе всѣхъ изъ офицеровъ любили юнкера. Онъ былъ очень привѣтливъ, обходился съ нами какъ съ товарищами, часто мѣтко острилъ и говорилъ каламбуры, что насъ очень забавляло. Клеронъ посѣщалъ одно семейство, гдѣ бывалъ и Ш—й, и тамъ-то юнкеръ этотъ вздумалъ влюбиться въ гувернантку. Клеронъ, замѣтивъ это, подшутилъ надъ нимъ, проведя цѣлый вечеръ въ разговорахъ съ гувернанткой, которая была въ восхищеніи отъ остротъ и любезностей нашего француза и не отходила отъ него все время, пока онъ не уѣхалъ. Ш—й былъ очень взволнованъ этимъ. Нѣкоторые изъ товарищей, бывшихъ тамъ вмѣстѣ съ ними, возвратясь въ школу, передали другимъ объ этой штукѣ Клерона. На другой день многіе изъ шалуновъ по этому случаю начали приставать съ своими насмѣшками къ Ш—му, Лермонтовъ, разумѣется тоже, и тогда-то появился его слѣдующій экспромптъ. [Надо сказать, что гувернантка, обожаемая Ш—ъ, была недурна собой, но довольно толста]:

О какъ мила твоя богиня!
За ней волочится французъ!—
У нея лицо какъ дыня,
За то... какъ арбузъ.

[Въ позднѣйшей редакціи этого четырехстишія, измѣненъ первый стихъ].

какъ и вездѣ, и что мы русскіе не меньше другихъ позволяемъ оскорблять себя безнаказанно»—возразилъ Михаилъ Юрьевичъ. Тогда со стороны де-Баранта послѣдовалъ вызовъ [1]. Лермонтовъ тутъ же на балѣ просилъ къ себѣ въ секунданты Столыпина [2]. Секундантомъ де-Баранта былъ поручикъ гвардіи графъ Рауль д'Англесъ, французскій подданный. Такъ какъ де-Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то Лермонтовъ предоставилъ ему выборъ оружія. Когда же Столыпинъ пріѣхалъ къ де Баранту поговорить объ условіяхъ, то молодой французъ объявилъ, что будетъ драться на шпагахъ. Это удивило Столыпина. «Но Лермонтовъ, можетъ быть, не дерется на шпагахъ», замѣтилъ онъ.

— «Какъ же это, офицеръ не умѣетъ владѣть своимъ оружіемъ»? возразилъ де-Барантъ. «Его оружіе—сабля, какъ кавалерійскаго офицера», «и если вы уже того хотите, то Лермонтову слѣдуетъ драться на сабляхъ. У насъ въ Россіи не привыкли впрочемъ употреблять это оружіе на дуэляхъ, а дерутся на пистолетахъ, которые вѣрнѣе и рѣшительнѣе кончаютъ

---

[1] Этотъ разговоръ на французскомъ языкѣ передалъ мнѣ со словъ Лермонтова тотъ же Горожанскій, сущность его не разнится съ показаніями Лермонтова и Столыпина. [См. Точныя свѣдѣнія о первой дуэли Лермонтова въ газ. «Вѣкъ» 1862 года, № 3 и Военно-судное дѣло о первой дуэли Лермонтова, изд. Любавскаго, Русск. уголовн. процессы Спб. 1866 г.] То и другое съ нѣкоторыми пропусками перепечатано въ приложеніи къ запискамъ Ек. Алекс. Хвостовой, Спб. 1870 г. Горожанскій разсказывалъ, что Лермонтовъ, передавая ему разговоръ, замѣтилъ, что: «je deteste ces chercheurs d'aventures—эти Дантесы и де-Баранты заносчивыя с... дѣти».—Сравни сообщеніе Меринскаго, Библіограф. зап. 1859 г. стр. 374.—Разсказъ Шанъ-Гирея «Русск. Обозрѣніе», авг. 1890 года, стр. 748 не точенъ. Видно, что Лермонтовъ, считая друга еще очень юнымъ [стр. 733], а можетъ быть не желая распространенія слуховъ, отклонялъ серіозную бесѣду съ нимъ. Самое дѣло о дуэли находится теперь въ Лермонтовскомъ музеѣ, см. прибавленіе V, въ концѣ тома и письма къ ген.-маіору Плаутину. т. V, стр. 426.

[2] Въ офиціальномъ донесеніи онъ старается выгородить Столыпина: «о нашемъ разговорѣ, сколько мнѣ извѣстно, изъ бывшихъ на балѣ никто не слыхалъ, равно и объ условіяхъ нашихъ» [дополнилъ объясненіе Лермонтовъ на запросы начальства]. Точно также Лермонтовъ не назвалъ и секунданта де-Баранта, а ограничился замѣчаніемъ: «Его секундантомъ былъ французъ, имени котораго я не помню».

дѣло». Де-Барантъ поставилъ на своемъ[1]. Положили на томъ, что дуэль будетъ на шпагахъ до первой крови, потомъ на пистолетахъ[2]. Для примиренія противниковъ, по увѣренію Столыпина, были приняты всѣ мѣры, но тщетно, потому что де Барантъ настаивалъ на извиненіи, а Лермонтовъ не хотѣлъ. Дуэль состоялась. Противники со своими секундантами съѣхались за Черной рѣчкой, близъ Парголовской дороги. Шпаги привезли де Барантъ и д' Англесъ, пистолеты принадлежали Столыпину. Постороннихъ лицъ при этомъ не было. Въ самомъ началѣ дуэли у шпаги Лермонтова переломился конецъ и де-Барантъ нанесъ ему рану въ грудь. Рана была поверхностная—царапина, шедшая отъ груди къ правому боку. По условію, взялись за пистолеты. Столыпинъ и графъ д'Англесъ зарядили ихъ, и противники были поставлены на разстояніи 20 шаговъ. Они должны были стрѣлять по сигналу вмѣстѣ; по слову «разъ»—приготовляться; «два»—цѣлить, «три»—выстрѣлить. По счету «два» Лермонтовъ поднялъ пистолетъ не цѣлясь. Барантъ цѣлился. По счету «три» оба спустили курки. Выстрѣлы послѣдовали такъ скоро одинъ за другимъ, что нельзя было опредѣлить, чей былъ сдѣланъ прежде[3].

Всѣ эти свѣдѣнія далъ Столыпинъ, и они вполнѣ согласуются съ показаніями самого Лермонтова, который о дуэли писалъ начальнику своему генералъ маіору Плаутину:

„Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей конецъ переломился, и онъ [де-Барантъ] слегка оцарапалъ мнѣ грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вмѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ чего онъ подалъ мнѣ руку и мы разстались“.

И, такъ, эта дуэль кончилась примиреніемъ противниковъ. Она не имѣла серьезныхъ послѣдствій и можетъ быть не особенно повредила бы Михаилу Юрьевичу въ служебномъ отноше-

---

[1] Меринскій, Библіогр. зап. 1859 г., стр. 374.

[2] Офиціальное показаніе Столыпина отъ 18 марта 1840 г. [газ. Вѣкъ].

[3] Въ дополнительномъ показаніи Столыпинъ подтверждалъ первое данное имъ свѣдѣніе: «Направленіе пистолета Лермонтова при выстрѣлѣ я не могу опредѣлить и могу только сказать, что онъ не цѣлился въ де-Баранта и выстрѣлилъ съ руки. Де-Барантъ, какъ я уже сказалъ, цѣлился». [газ. «Вѣкъ»].

ній, еслибъ, какъ сейчасъ увидимъ, не случилось еще одного обстоятельства, усугубившаго вину Лермонтова передъ лицомъ военнаго суда.

По окончаніи поединка Лермонтовъ заѣхалъ къ А. А. Краевскому, который жилъ тогда у Измайловскаго моста. Здѣсь онъ обмылъ рану. По разсказу Краевскаго, онъ былъ сильно окровавленъ, но, не смотря на представленія пріятеля, отказался перевязать рану, а только переодѣлся въ чистое его бѣлье и попросилъ завтракать. Онъ былъ веселъ, шутилъ и сыпалъ остротами [1]. Въ то время Лермонтовъ вообще былъ въ радужномъ настроеніи духа, подъ обаяніемъ любви къ прекрасной кн. М. А. Щербатовой, которой незадолго передъ тѣмъ посвятилъ одно изъ граціознѣйшихъ своихъ стихотвореній:

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала,
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла... [т. I стр. 299].

Извѣстіе о дуэли Лермонтова быстро разнеслось по городу и дошло до полковаго командира его, генералъ-майора Плаутина, который потребовалъ отъ Лермонтова объясненій. Михаилъ Юрьевичъ отвѣчалъ письмомъ [т. V стр. 427], въ коемъ вы-

---

[1] Относительно пріѣзда Лермонтова къ Краевскому тотчасъ послѣ дуэли упоминаетъ также Панаевъ [Литерат. воспомин. Спб. 1876 г., гл. VIII, стр. 177], утверждая, что онъ присутствовалъ при томъ, какъ Лермонтовъ показывалъ свою рану. Краевскій говорилъ мнѣ, что онъ завтракалъ съ Лермонтовымъ одинъ на одинъ и что въ разсказѣ Лермонтова о дуэли не было и тѣни хвастливости. Андрей Александр. Краевскій, передавая этотъ случай, замѣтилъ: «Лермонтовъ терпѣть не могъ рисоваться и былъ далекъ отъ всякой хвастливости. Терпѣть не могъ онъ выставлять себя на показъ и во всемъ своемъ разсказѣ о дуэли, вызванномъ случайно разговоромъ нашимъ, былъ чрезвычайно простъ и естественъ». Въ сообщеніи Панаева звучитъ, напротивъ, какъ бы намекъ на хвастливость Лермонтова. «Лермонтовъ пріѣхалъ [говоритъ онъ], послѣ дуэли прямо къ г. Краевскому и *показывалъ намъ свою царапину на рукѣ*»... Шанъ-Гирей тоже пишетъ, что Лермонтовъ былъ раненъ въ руку — въ офиціальномъ дознаніи говорится о ранѣ въ грудь. Рука была только слегка оцарапана скользнувшей по груди рапирой. Надо полагать, что показывая ее нѣкоторымъ лицамъ, Лермонтовъ избѣгалъ нарочно говорить о болѣе серіозной, но все же легкой ранѣ на груди.

женилъ обстоятельства дѣла. Его объясненіемъ не удовлетворились и поставили ему нѣсколько вопросныхъ пунктовъ. Лермонтовъ, однако, не оказался особенно откровеннымъ, на одни вопросы онъ отвѣчалъ уклончиво, на другіе ничего не отвѣчалъ; въ особенности упорно скрылъ имя особы, изъ-за которой была дуэль [ср. прибавленіе V въ концѣ тома]. Марта 10-го Лермонтовъ былъ арестованъ и посаженъ въ ордонансъгаузъ, гдѣ содержались подсудимые офицеры.

Удивительнымъ является обстоятельство, что никто изъ прочихъ участниковъ дуэли не былъ арестованъ или приведенъ къ допросу, а вся тяжесть неудовольствія легла на поэта. Сначала полагали, что онъ удалился изъ Царскаго села безъ разрѣшенія на то, что часто практиковалось и Михаиломъ Юрьевичемъ и его товарищами и на что смотрѣли сквозь пальцы; но на этотъ разъ поэту жестоко досталось бы «за самовольное удаленіе изъ полка». Къ счастію для него полковой командиръ подтвердилъ показаніе Лермонтова, что онъ уѣхалъ въ Петербургъ съ разрѣшенія его, полковаго командира. Теперь выказалось, что нѣкоторыя власть имѣющія лица питали злобу противъ Лермонтова и графъ Бенкендорфъ, прежде къ нему благоволившій, сталъ относиться къ нему недоброжелательно. Распространенъ былъ слухъ, что де-Баранту приказано оставить границы русскаго государства. О секундантахъ молчали, очевидно, Лермонтова желали изолировать. Это обстоятельство побудило Манго-Столыпина явиться къ Дубельту и просить принять заявленіе его въ участіи по дѣлу. Заявленіе это игнорировалось. Тогда Столыпинъ написалъ письмо графу Бенкендорфу. Настоятельное требованіе молодого человѣка, пользовавшагося уваженіемъ въ обществѣ и хорошими связями, побудило начальство подвергнуть и его допросу по дѣлу дуэли [1].

---

[1] Письмо Монго Столыпина къ Бенкендорфу гласило:

М. Г. Графъ Александръ Христофоровичъ. Нѣсколько времени предъ симъ, Л. Гв. Гусарскаго полка Поручикъ Лермонтовъ имѣлъ дуэль съ сыномъ французскаго посланника Барона де-Баранта. Къ крайнему прискорбію моему, онъ пригласилъ меня, какъ родственника своего, быть при томъ секундантомъ. Находя неприличнымъ для чести офицера отказать-

Монго Столыпинъ былъ тогда уже въ отставкѣ. У него была непріятность по поводу одной дамы, которую онъ защитилъ отъ назойливости нѣкоторыхъ лицъ. Разсказывали, что ему удалось дать ей возможность незамѣтно скрыться за границу. Благородство Столыпина и справедливость его дѣйствія склонило общественную симпатію аристократическихъ гостиныхъ на его сторону. Онъ и такъ былъ баловень особенно дамъ высшаго круга. Въ этомъ дѣлѣ Лермонтовъ, какъ близкій другъ Монго, принималъ дѣятельное участіе. Смѣлый и находчивый онъ главнымъ образомъ руководилъ дѣломъ. Всю эту скандальную исторію желали замять и придавать ей какъ можно меньше гласности. Но злоба къ Лермонтову нѣкоторыхъ лицъ росла. Бенкендорфу, очевидно, хотѣлось «добраться» до поэта. Съ нимъ, кажется, можно было меньше церемониться. Лермонтовъ—по выраженію графа Сологуба—«не принадлежалъ по рожденію къ квинтъ-эссенціи петербургскаго общества» [1]. Его проникновеніе туда, независимая манера держаться, да еще вмѣшательство въ *интимныя дѣла*, вызывали раздраженіе противъ него. Враги охотно выставляли Лермонтова прихвостнемъ Столыпина въ гостиныхъ столицы и всячески старались умалить его значеніе, или уронить его въ общественномъ мнѣ-

ся, я былъ въ необходимости принять это приглашеніе. Они дрались, но дуэль кончилась безъ всякихъ послѣдствій. Не мнѣ принадлежащую тайну я по тѣмъ же причинамъ не могъ обнаружить предъ Правительствомъ. Но нѣсколько дней тому назадъ, узнавъ, что Лермонтовъ арестованъ и, предполагая, что онъ найдетъ неприличнымъ объявить, были ли при дуэли его секунданты и кто именно, — я долгомъ почелъ въ то же время явиться къ Начальнику Штаба ввѣреннаго Вашему Сіятельству, корпуса и донести ему о моемъ соучастничествѣ въ этомъ дѣлѣ. Донынѣ однако я оставленъ безъ объясненій.— Можетъ быть, Генералъ Дубельтъ не доложилъ о томъ Вашему Сіятельству, или, быть можетъ, и вы, графъ, по добротѣ души своей, умалчиваете о моей винѣ.—Терзаясь затѣмъ мыслію, что Лермонтовъ будетъ наказанъ, а я, раздѣлявшій его проступокъ, буду предоставленъ угрызеніямъ своей совѣсти, спѣшу по долгу русскаго дворянина принести Вашему Сіятельству мою повинную. Участь мою я осмѣливаюсь предать Вашему, графъ, великодушію.—Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Столыпинъ, уволенный изъ Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка поручикъ. [Изъ военно-суднаго дѣла].—О значеніи въ обществѣ Монго см. выше, гл. X, стр. 199.

[1] Воспоминанія. Истор. Вѣстн. 1886 г. Т. XVI, стр. 555.

ніи. Бенкендорфъ и другіе не могли ему простить и выходокъ въ родѣ «столкновенія его съ голубымъ и розовымъ домино» на маскарадѣ Дворянскаго собранія.

Графъ Соллогубъ написалъ даже повѣсть, въ которой, какъ самъ выражается, изобразилъ свѣтское значеніе Лермонтова». Повѣсть эта «Большой свѣтъ», была написана впрочемъ по заказу Великой княгини Маріи Николаевны», какъ утверждаетъ все тотъ же графъ В. А. Сологубъ [1].—Лермонтовъ, выставленный подъ именемъ Леонина, изображается въ повѣсти неловкимъ армейскимъ офицеромъ, привязавшимся къ пріятелю своему Сафьеву [Монго Столыпину], льву столичныхъ гостиныхъ. Онъ влюбленъ въ прекрасную блондинку съ чудными голубыми глазами — «одну изъ первыхъ петербургскихъ дамъ — графиню Воротынскую», и всюду за нею слѣдуетъ. Вся роль Леонина жалкая. «*Леонинъ былъ человѣкъ слишкомъ ничтожный, чтобы обратить на себя вниманіе свѣта*», повѣствуетъ графъ въ концѣ своего романа. Одно, что оставлено симпатичнаго въ Леонинѣ, это его отношеніе къ бабушкѣ; да и тутъ онъ выставляется еще человѣкомъ, чуть не разорившимъ ее изъ-за своего желанія тянуться за большимъ свѣтомъ. Въ графинѣ Воротынской выставлена графиня Мусина-Пушкина, о коей въ «Воспоминаніяхъ» говорится, что «Лермонтовъ былъ въ нее влюбленъ и слѣдовалъ за нею всюду какъ тѣнь». Дѣйствительно, поэтъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ этой прелестной женщиной, рано умершей, «такъ что смерть не дала годамъ изморщинить это прекрасное лицо». Поэтъ обезсмертилъ графиню, посвятивъ ей стихи въ томъ же 1840 году, когда вышелъ романъ Сологуба [2]:

---

[1] Воспоминанія. Москва, 1866 г., стр. 64 и Русск. Арх. Т. III, стр. 1236.

[2] Гр. Сологубъ помѣстилъ романъ свой «Большой свѣтъ» въ Отечественныхъ запискахъ за 1840 г. Томъ IX. Но Лермонтовъ раньше еще зналъ о немъ [писанъ онъ былъ въ концѣ 1839 года] и стихотвореніе «Первое января» является до нѣкоторой степени отвѣтомъ на нападки въ романѣ, направленныя противъ поэта.—Сологубъ, легкомысленный человѣкъ, плохо, кажется, сознавалъ, какую незавидную роль игралъ онъ, когда писалъ романъ свой съ цѣлію унизить поэта въ глазахъ общества, иначе онъ въ своихъ воспоминаніяхъ не говорилъ бы о подробностяхъ по поводу появле-

Графиня Эмилія
Бѣлѣе, чѣмъ лилія;
Стройнѣй ея таліи
На свѣтѣ не встрѣтится,
И небо Италіи
Въ глазахъ ея свѣтится;
Но сердце Эмиліи
Подобно Бастиліи. [т. I стр. 284].

нія его. Въ 1855 году вышли сочиненія Соллогуба, изданныя Смирдинымъ. Въ первомъ томѣ помѣщена повѣсть уже съ посвященіемъ тремъ звѣздамъ.

Три звѣзды на небѣ,
Три звѣзды въ душѣ
Сверкаютъ и блещутъ
Отрадою намъ,
То края родного
Россія звѣзда
Звѣзда то поэзіи,
Звѣзда красоты.
Пусть вѣдаетъ каждый,
Что ихъ я лучемъ,
Гордясь, осѣняю
Смиренный мой трудъ,
И каждый узнаетъ
Отъ сердца какъ разъ,
Кому я съ смущеньемъ
Свой трудъ посвятилъ.

Гр. В. Сологубъ.

Съ гр. Сологубымъ я познакомился въ Дерптѣ, въ домѣ жены его, рожденной Віельгорской. Здѣсь,спрошенный мною по поводу повѣсти «Большой свѣтъ»,онъ пояснилъ мнѣ, что посвященіе тремъ звѣздамъ относится къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и двумъ Великимъ княжнамъ, которымъ онъ читалъ повѣсть свою еще въ рукописи.—О Лермонтовѣ у насъ были споры,и я старался ему объяснить, что онъ напрасно такъ односторонне и тенденціозно, а главное несправедливо изобразилъ Лермонтова, и что потомство объ его повѣсти будетъ судить съ другой стороны, чѣмъ современники. Сологубъ задумался. Вышедшія за тѣмъ въ 1886 году, въ Историческомъ Вѣстникѣ воспоминанія его относительно Лермонтова разнствуютъ отъ того, что напечатано было имъ за двадцать лѣтъ раньше въ «Русскомъ Архивѣ». — Сологубъ лично не любилъ Лермонтова. Онъ увѣрялъ, что поэтъ ухаживалъ за всѣми красивыми женщинами, въ томъ числѣ и за его женой.—Графиня Софья Михайловна Сологубъ, идеальная и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная женщина, безукоризненной жизни, всецѣло отданная семьѣ, разсказывала мнѣ, что Лермонтовъ въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ бывалъ у нея. Поэтъ, бывало, молча глядѣлъ на нее

Итакъ Лермонтовъ находился арестованнымъ въ ордонансъ-гаузѣ. Его навѣщали друзья и знакомые, какъ изъ кружковъ аристократическихъ, такъ и изъ литературнаго міра. Въ это время видѣлся съ нимъ и Виссаріонъ Григ. Бѣлинскій и въ первый и въ послѣдній разъ поговорилъ съ нимъ по душѣ. Передъ тѣмъ Бѣлинскій часто встрѣчался у Краевскаго съ Лермонтовымъ. Горячій поклонникъ его таланта, Бѣлинскій пробовалъ не разъ заводить съ поэтомъ серіозный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всегда отдѣлывался шуткой или просто прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе и жаловался потомъ на то, что Лермонтовъ нарочно щеголялъ свѣтскою пустотою. «Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ,—было бы довольно странно, но я ни разу не слыхалъ отъ него дѣльнаго и умнаго слова». Однако Виссаріону Григорьевичу скоро пришлось услышать *умное*, *дѣльное слово*, и увидать Лермонтова такимъ, какимъ онъ такъ страстно желалъ его видѣть. Узнавъ отъ Краевскаго объ арестѣ Лермонтова, Бѣлинскій рѣшился навѣстить его въ ордонансъ-гаузѣ. «Я попалъ очень удачно, разсказывалъ онъ Панаеву.[1] У него никого не было. Ну, батюшка, въ

своими выразительными глазами, имѣвшими магнитическое вліяніе, такъ что «невольно приходилось обращаться въ ту сторону, откуда глядѣли они на васъ».—«Мужъ мой—говорила Софья Михайловна—очень не любилъ когда Михаилъ Юрьевичъ смотрѣлъ такъ на меня и однажды я сказала Лермонтову, когда онъ опять уставился на меня: Vous savez, Lermontoff, que mon mari n'aime pas cette manière de fixer le monde, pour quoi me faite vous ce desagrement?» Лермонтовъ ничего не отвѣтилъ—всталъ и ушелъ. На другой день онъ мнѣ принесъ стихи: «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю» [т. I, стр. 342]. Мужъ ихъ взялъ у меня, и гдѣ они остались, я не знаю. Это было передъ самымъ отъѣздомъ поэта».

[1] Панаевъ. Лит. Восп., т. I, гл. VIII стр. 178. Что Бѣлинскій видѣлся съ нимъ въ ордонансъ-гаузѣ, подтверждаетъ и Дудышкинъ въ матерьялахъ для біографіи Лермонтова [изд. 1860 г. XIX]. Панаевъ, печатая свои литературныя воспоминанія въ Современникѣ 1861 года, поправляетъ Дудышкина, полагавшаго, что послѣ этого свиданія дружескія отношенія между Бѣлинскимъ и Лермонтовымъ не прерывались. «Бѣлинскій послѣ возвращенія Лермонтова съ Кавказа, зимою 41 года, нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ у Краевскаго и у Одоевскаго, но между ними не только не было никакихъ дружескихъ отношеній, но и *серьезный разговоръ не возобновлялся*» [стр. 180].

первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ!! Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я взошелъ къ нему и сконфузился по обыкновенію, думаю себѣ: ну зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая! Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня.... Что еще связываетъ насъ немного, такъ это любовь къ искусству, но онъ не подается на серьезные разговоры... я признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не болѣе четверти часа.... Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттѣ......—«Я не люблю Вальтеръ-Скотта», сказалъ мнѣ Лермонтовъ, «въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ»—и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него—и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою..... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтеръ-Скотта къ Куперу и говорилъ о Куперѣ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостью, съ умомъ—и, что удивило меня, даже съ увлеченіемъ. Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!... Не даромъ-же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ наконецъ удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою,—я увѣренъ въ этомъ». Въ этой четырехъ часовой бесѣдѣ Лермонтовъ открылъ Бѣлинскому свои литературные планы, и не удивительно, что впечатлительный Бѣлинскій, придя съ этого разговора прямо къ Панаеву, изображалъ на лицѣ своемъ все восхищеніе вызванное имъ. Тогда-то, должно быть, Лермонтовъ сообщилъ Бѣлинскому свой замыселъ, написать романическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества [вѣка Екатерины II-й, Александра I-го и современной ему эпохи]. Эти романы должны были имѣть между собою связь и нѣко-

торое единство, по примѣру Куперовской тетралогіи начинавшейся «послѣднимъ Могиканомъ,» продолжающейся «Путеводителемъ въ пустыню», «Піонерами» и оканчивающейся «Степями».[1]

«Недавно я былъ у Лермонтова въ заточеніи—пишетъ Бѣлинскій около того времени Боткину,—въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какой глубокій и чисто непосредственный вкусъ изящнаго. О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура!»

Въ ордонансъ гаузѣ Лермонтовъ написалъ стихотвореніе «Сосѣдка».

Не дождаться мнѣ, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко надъ землей,
А у двери стоитъ часовой.
Умереть бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ,
Кабы не было милой сосѣдки....

Въ этой сосѣдкѣ изображена дочь одного изъ сторожей; дѣвушка поражала блѣдностью и задумчивостью красиваго симпатичнаго лица, выражавшаго безпредѣльную тоску подавленной жизни.

---

[1] Соч. Бѣлинскаго, V, Герой нашего времени, изд. 2-е. Лермонтовъ въ это время дѣйствительно изучалъ Вальтеръ-Скотта. Слѣды этого мы замѣчаемъ въ Героѣ нашего времени [т. V стр. 311]. «Открылъ романъ Вальтеръ-Скотта, лежавшій у меня на столѣ: то были «Шотландскіе Пуритане; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ.... *Неужели Шотландскому барду на томъ свѣтѣ платятъ за каждую минуту, которую даритъ его книга.* Курсивъ выпущенъ Лермонтовымъ въ изданіи. Вѣроятно онъ пришелъ позднѣе къ заключенію, что Шотландскій бардъ не заслуживаетъ такого восторженнаго возгласа въ особенности когда познакомиться съ Куперомъ.

А. Н. Пыпинъ: Біограф. очеркъ Лермонтова изд. 73 года стр. XXII соч. заподозрѣваетъ вѣрность разсказа Панаева «или же онъ нѣсколько преувеличенъ, судя по отзывамъ одного лица, которое было свидѣтелемъ разговора», Но въ другомъ сочиненіи своемъ [Бѣлинскій, его жизнь и переписка Спб. 1876 г.] Александръ Николаевичъ говоритъ: Хотя Панаева любятъ упрекнуть въ недостаткѣ серіозности, но его разсказы обыкновенно весьма точны [т. II стр. 2] Въ томъ же сочиненіи стр. 38 Пыпинъ приводитъ письмо Бѣлинскаго къ Боткину, въ которомъ вполнѣ подтверждается разсказъ Панаева.

. . . .

Но блѣдна ея грудь молодая,
И сидитъ она, долго вздыхая,
Видно буйную думу тая:
Все тоскуетъ по волѣ какъ я. [т. I, стр. 320].[1]

Лермонтовъ оставался въ ордонансъ-гаузѣ до 17-го Марта, когда по разрѣшенію начальства за тѣснотою помѣщенія былъ переведенъ въ арсенальную гауптвахту по Литейной, гдѣ нынѣ казенный гильзовый С.-Петербургскій заводъ. Бывать у поэта запрещено не было и его посѣщали многіе: товарищи, родныя лица изъ петербургскаго общества, писатели и журналисты.

Мы уже указывали на особенность положенія Лермонтова, имѣвшаго въ одно и тоже время и отношенія къ аристократическимъ кружкамъ и къ кружкамъ литературнымъ, одинаково его неудовлетворявшимъ. Живя своей собственной внутренней жизнью, онъ въ правѣ былъ сказать, что «поэты походятъ на медвѣдей питающихся тѣмъ, что сосутъ собственную свою лапу». Слова эти онъ поставилъ эпиграфомъ къ стихотворенію своему: «Журналистъ, читатель и писатель», черновой автографъ котораго носитъ помѣтку, сдѣланную рукою Лермонтова: С.-Петербургъ 21 Марта 1840 года подъ арестомъ на Арсенальной гауптвахтѣ. — За разсѣянную жизнь въ кругу свѣтскаго общества, поглощавшую все время поэта и грозившую размѣнять на мелочь душу его, Лермонтовъ и при жизни подвергался нареканіямъ. Не разъ ему высказывали это литературные пріятели. «Сколько бы, казалось имъ, могъ онъ написать еслибъ не былъ погруженъ въ заботы суетнаго свѣта». Особенно хлопотали объ этомъ журналисты, предвидя для себя наживу отъ молодого таланта, обѣщавшаго пополнить собою мѣсто, оставшееся незанятымъ со смерти Пушкина.

---

[1] Гр. Сологубъ разсказывалъ мнѣ, что Лермонтовъ въ Ордонансъ-гаузѣ читалъ ему это стихотвореніе позднѣе передѣланное. Дѣвушка была дочь сторожа. Шанъ-Гирей говорилъ, что видѣлъ ее въ окно, и что она была дочь мелкаго чиновника, а не тюремщика. Рѣшетокъ у оконъ не было, это ужъ поэтическая вольность! Сологубъ видѣлъ даже изображеніе этой дѣвушки, нарисованное Лермонтовымъ съ подписью: «la jolie fille d'un sous—officier». Поэтъ съ нею дѣйствительно переговаривался черезъ окно.

Арестованный поэтъ рисуетъ писателя, задержаннаго въ четырехъ стѣнахъ болѣзнью, что радуетъ журналиста.

„Я очень радъ, что вы больны:
Въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта
Теряетъ скоро умъ поэта
Свои божественные сны,
Среди различныхъ впечатлѣній,
На мелочь душу размѣнявъ,
Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
Когда ему среди забавъ
Обдумать зрѣлое творенье?..
За то какая благодать,
Коль небо вздумаетъ послать
Ему изгнанье, заточенье...

Этому торгашу литературы, поддѣлывающемуся подъ общій тонъ, желающему угодить всякому, лишь бы было ему выгодно, и потому, смотрящему на талантъ, какъ на дойную корову, противопоставленъ читатель, безукоризненный человѣкъ хорошаго высшаго общественнаго тона, который неудовольствіе свое на литературу прежде всего выражаетъ тѣмъ, что

. . . . Нужна отвага,
Чтобы открыть хоть вашъ журналъ
[Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ]:
Во первыхъ, сѣрая бумага;
Она, быть можетъ, и чиста,
Да какъ то страшно безъ перчатокъ...

Впрочемъ дальнѣйшія его замѣчанія доказываютъ образованность и «хорошее воспитаніе», словомъ, лицо изъ высшаго круга, въ свою очередь глядящее на литературу, не скажемъ, какъ на пріятную забаву, нѣтъ, глядящее на нее серіознѣе: какъ на полезную пищу для тонкаго воспитаніемъ и вереницей именитыхъ предковъ дрессированнаго ума.

Его слова даже заставляютъ симпатизировать ему, особенно когда журналистъ смиренно признается въ указанныхъ недостаткахъ и приниженно проситъ:

Войдите въ наше положенье,
Читаетъ насъ и низшій кругъ:
Нагая рѣзкость выраженья
Не всякій оскорбляетъ слухъ;
Приличье, вкусъ—все такъ условно,
А деньги всѣ вѣдь платятъ ровно.

И вотъ на фонѣ этихъ двухъ личностей рисуется намъ образъ поэта, одинокій, равно далекій отъ одного и другого, ушедшій въ себя, ушедшій въ глубь человѣка. Проникнутый задачами будущаго, духовнымъ окомъ глядитъ онъ вдаль, въ грядущее, мечтой предъ нимъ очищеннаго, міра.

. . . . . бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,—
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И риѳмы дружныя, какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва,
Какъ жемчугъ, нижутся слова...
Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.

Да, поэтъ чувствовалъ себя одинокимъ

Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно черныхъ
И ложно радужныхъ надеждъ.

Не мудрено, что «странныя творенья», въ которыхъ онъ «судья безвѣстный и случайный» смѣло костить «приличьемъ скрашенный порокъ, сжигаетъ самъ въ своемъ каминѣ, не показавъ ихъ никому». Мы знаемъ по разсказамъ многихъ изъ современниковъ, какъ Лермонтовъ даже отъ близкихъ друзей скрывалъ свои произведенія, въ которыхъ выливались лучшія силы ума и сердца его, для того, чтобы пошлымъ словомъ не задѣли самаго дорогаго и не назвали коварной бранью его пророческую рѣчь.

Дѣло Лермонтова между тѣмъ шло своимъ путемъ и принимало не дурной для него оборотъ, благодаря хлопотамъ бабушки и сильной протекціи родственниковъ. Да и самыя обстоятельства дѣла всѣ слагались въ пользу Михаила Юрьевича. Не онъ вызывалъ, а былъ вызванъ, и дуэль принялъ какъ

бы для того, чтобы «поддержать честь русскаго офицера», по выраженію опредѣленія, составленнаго генералъ-аудиторіатомъ. Выстрѣлилъ Лермонтовъ на воздухъ, слѣдовательно не желалъ убить де-Баранта, что въ юридическомъ смыслѣ большая разница. Лермонтова могли судить или за намѣреніе убить человѣка, или только за незаконное принятіе вызова на дуэль и недонесеніе о томъ начальству, какъ требуютъ этого русскіе законы. Выясненныя обстоятельства дѣла побуждали къ освобожденію Лермонтова отъ обвиненія въ намѣреніи убить противника, но именно показанія самого Лермонтова, что онъ стрѣлялъ въ сторону, дошедши до де-Баранта въ особенно непріязненной редакціи, страшно возмутили послѣдняго. Ему передали, будто Лермонтовъ хвасталъ, что его противникъ остался живъ только по милости и великодушію Михаила Юрьевича. Лермонтовъ пользовался репутаціей человѣка крайне ловкаго относительно всякаго рода физическихъ упражненій. Необыкновенно сильный и гибкій, онъ былъ отличный ѣздокъ, мѣткій стрѣлокъ и хорошо бился на рапирахъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго качества онъ вѣроятно, и принялъ предложенную де Барантомъ дуэль на рапирахъ, столь поразившую Столыпина. Репутація его, какъ мѣткаго стрѣлка, сажавшаго изъ пистолета пулю на пулю, какъ бы сама собою вызывала слухъ, будто онъ пощадилъ противника и далъ нарочно промахъ. Молва бѣжала по Петербургу. Де-Барантъ сердился и говорилъ, что Лермонтовъ, распуская такіе слухи, лгалъ. Извѣщенный о томъ Лермонтовъ тотчасъ рѣшился попросить къ себѣ де-Баранта въ ордонансъ-гаузъ, для личныхъ объясненій. Съ этой цѣлью онъ написалъ письмо «не служащему дворянину» графу Браницкому, прося его передать де Баранту желаніе свидѣться съ нимъ въ помѣщеніи арсенальной гауптвахты. Браницкій исполнилъ порученіе.

Марта 22-го, въ 8 часовъ вечера, де Барантъ подъѣхалъ къ арсенальной гауптвахтѣ верхомъ на лошади. Въ караулѣ тогда стояли прикомандированный къ гвардейскому экипажу, мичманъ 28 экипажа Кригеръ, дежурнымъ по караулу былъ капитанъ-лейтенантъ гвардейскаго экипажа Эссенъ. Ни офицеры, ни нижніе чины [какъ они позднѣе показывали] не за-

мѣтили выхода Лермонтова. Послушаемъ какъ самъ Лермонтовъ писалъ объ этомъ свиданіи.

„Въ 8 часовъ вечера я вышелъ въ корридоръ, между офицерскою и солдатскою караульными комнатами, не спрашивая караульнаго офицера и безъ конвоя, который ведетъ и на верхъ въ коммиссію. Я спросилъ его [де-Баранта]: „правда ли, что онъ не доволенъ моимъ показаніемъ“? Онъ отвѣчалъ: „Дѣйствительно, я не знаю, почему вы говорите, что стрѣляли на воздухъ, не цѣля“. Тогда я отвѣтилъ, что говорю это по двумъ причинамъ. Во первыхъ, потому, что это правда, а во вторыхъ, что я не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему пріятна, а мнѣ можетъ служить въ пользу, но что если онъ не доволенъ этимъ моимъ объясненіемъ, то когда я буду освобожденъ, и когда онъ возвратится, то я тогда буду вторично съ нимъ стрѣляться, если онъ того желаетъ. Послѣ того де Барантъ отвѣтивъ мнѣ, „что онъ драться не желаетъ, ибо совершенно удовлетворенъ моимъ объясненіемъ“, уѣхалъ“.[1]

Откровенный отвѣтъ Лермонтова былъ не безъ злости.

Онъ не отрицалъ факта пощады имъ противника и весьма деликатно намекнулъ судьямъ на отъѣздъ де Баранта.

Дѣло въ томъ, что тотчасъ по преданіи суду Лермонтова, или вѣрнѣе по разглашеніи дѣла о дуэли, де-Барантъ и секундантъ его графъ д'Англесъ выѣхали за границу и потому съ нихъ не было снято показаній. Носился слухъ, что имъ какъ иностраннымъ подданнымъ, со стороны власть имѣющаго лица, не слишкомъ впрочемъ расположеннаго въ пользу Лермонтова, было дано знать подъ рукою, что лучше удалиться. И обапришлеца сочли конечно за болѣе удобное исполнить совѣтъ и предоставить молодого поэта судьбѣ его. Хотя де Барантъ и офиціально считался уже уѣхавшимъ, но пользуясь высокимъ покровительствомъ, онъ нѣкоторое время оставался въ Петербургѣ, что было открытымъ секретомъ. Вотъ чѣмъ объясняется необходимость тайнаго свиданія съ Лермонтовымъ, иначе зачѣмъ было де-Баранту не посѣтить его открыто на гауптвахтѣ, ходили же туда на свиданіе съ поэтомъ его друзья и

[1] Военно-судн. дѣло. — Не знаю откуда почерпнулъ свои свѣдѣнія Пыпинъ [Біографическіе мат. въ I т., соч. Лермонтова, изд. 1873 года, стр. LV], говоря, что Лермонтовъ предлагалъ Баранту дуэль «заграницей, куда Лермонтовъ думалъ ѣхать съ наступленіемъ весны».

знакомые. Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ это тайное свиданіе двухъ соперниковъ дошло до свѣдѣнія начальства, но только это удовольствіе личнаго объясненія стоило Лермонтову новаго процесса, и его судили теперь за побѣгъ изъ подъ ареста обманомъ, и за вторичный вызовъ на дуэль во время нахожденія подъ арестомъ.

Военный судъ 5-го Апрѣля того же 1840 года приговорилъ Лермонтова къ лишенію чиновъ и правъ состоянія.

Съ этою сентенціею дѣло о Лермонтовѣ шло по инстанціямъ и, пока добралось до Генералъ-Аудиторіата, къ нему прибавились мнѣнія нѣсколькихъ начальниковъ частей. [1]

Генералъ-аудиторіатъ, выслушавъ докладъ аудиторіатскаго департамента по этому дѣлу, составилъ слѣдующее опредѣленіе: «Подсудимый Лермонтовъ, за свои поступки, на основаніи законовъ, подлежитъ лишенію чиновъ и дворянскаго достоинства, съ записаніемъ въ рядовые; но принимая во вниманіе: а) то, что онъ, принявъ вызовъ де Баранта, желалъ тѣмъ поддержать честь русскаго офицера; б) дуэль его не имѣла вредныхъ послѣдствій; в) выстрѣливъ въ сторону, онъ высказалъ тѣмъ похвальное великодушіе, и г) усердную его службу, засвидѣтельствованную начальствомъ, генералъ-аудиторіатъ полагаетъ: 1) Лермонтову, вмѣнивъ въ наказаніе содержаніе его подъ арестомъ съ 10 марта, выдержать его еще подъ арес-

[1] Бригадный и полковой командиръ опредѣлили: «Лермонтова разжаловать въ рядовые впредь до выслуги, а поступки барона де-Баранта, графа Рауля д'Англеса и графа Браницкаго предать разсмотрѣнію начальства».

Начальникъ гвардейской кавалеріи рѣшилъ: «подсудимаго поручика Лермонтова выписать въ армію тѣмъ же чиномъ и 6-ть мѣсяцевъ выдержать подъ арестомъ въ крѣпости, поступки же прочихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, предоставить разсмотрѣнію начальства».

Мнѣніемъ корпуснаго командира опредѣлялось: «поручика Лермонтова, сверхъ содержанія подъ арестомъ во время дѣла, выдержать въ казематѣ 3 мѣсяца, а потомъ выписать въ одинъ изъ армейскихъ полковъ тѣмъ же чиномъ, съ воспрещеніемъ представлять къ производству, равно какъ и увольнять въ отпускъ и въ отставку до тѣхъ поръ, пока не обратитъ на себя особеннаго вниманія тамошняго начальства, и штрафъ сей внесть въ формулярный списокъ. Поступки Столыпина и графа Браницкаго представить на разсмотрѣніе начальства, а дежурному по караулу Эссену объявить замѣчаніе».

томъ въ крѣпости на гауптвахтѣ три мѣсяца, и потомъ выписать въ одинъ изъ армейскихъ полковъ тѣмъ же чиномъ, 2) поступки Столыпина и графа Браницкаго передать разсмотрѣнію гражданскаго суда; 3) Капитанъ-лейтенанту гвардейскаго экипажа дежурному по караулу Эссену, за допущеніе безпорядковъ на гауптвахтѣ, объявить замѣчаніе и 4) Мичману Кригеру, бывшему также на караулѣ въ арсенальной гауптвахтѣ, въ уваженіе молодыхъ его лѣтъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе его подъ арестомъ.»

Опредѣленіе Генералъ-аудиторіата являлось даже мягкимъ сравнительно съ требованіями начальствующихъ лицъ. Въ этомъ случаѣ смягченіемъ приговора поэтъ былъ обязанъ Великому Князю Михаилу Павловичу, которому особенно понравилось, что молодой офицеръ вступился передъ французомъ за честь русскаго воинства.[1] Приговоръ былъ поданъ на Высочайшую конфирмацію. Прочитавъ подробный докладъ о дуэли Лермонтова, Государь Императоръ Николай Павловичъ, своею рукою, на рѣшеніи Генералъ-аудиторіата надписалъ слѣдующую конфирмацію: «Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, тѣмъ же чиномъ, поручика же Столыпина и графа Браницкаго освободить отъ надлежащей отвѣтственности, объявивъ первому, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть празднымъ. Въ прочемъ быть по сему. Николай.

Санктпетербургъ 1840 г. апрѣля 13 дня.

На оберткѣ написано рукою Государя: «исполнить сего же дня».

Однако отправка Лермонтова замѣшкалась; не знали, какъ привести въ исполненіе Высочайшее повелѣніе. Начальникъ Штаба гвардейскаго корпуса Генералъ-адъютантъ Веймарнъ объяснилъ Военному министру графу Чернышеву, что Генералъ-аудиторіатъ предполагалъ выдержать Лермонтова три мѣ-

---

1 О ходатайствѣ Великаго Князя за Лермонтова сообщали мнѣ: А. О. Смирнова, говорившая о немъ съ Великимъ Княземъ, и А. П. Шанъ-Гирей, замѣтившій: «Въ это время дѣйствительно ощущалось охлажденіе Бенкендорфа, бабушка недоумѣвала, отчего это происходитъ. Большое вниманіе и расположеніе выказывалъ В. Кн. Михаилъ Павловичъ.»

сяца въ крѣпости, и что изъ Высочайшей конфирмаціи не видно, слѣдуетъ ли это исполнить. — Военный министръ отъ 19-го апрѣля послалъ отношеніе объ этомъ къ Его Высочеству Вел. Кн. Михаилу Павловичу, какъ командиру гвардейскаго корпуса, съ извѣщеніемъ, что входилъ съ докладомъ о дѣлѣ семъ къ Его Величеству, и что Государь изволилъ сказать, что переводомъ Лермонтова въ Тенгинскій полкъ желалъ ограничить наказаніе.

Михаилъ Юрьевичъ въ крѣпость посаженъ не былъ; но ему пришлось испытать еще одну и можетъ быть, самую непріятную напасть. Графъ Бенкендорфъ, недовольный слишкомъ легкимъ наказаніемъ «дезертера изъ подъ ареста», потребовалъ отъ Михаила Юрьевича, чтобы онъ написалъ письмо къ де-Баранту, въ которомъ бы просилъ его извиненія въ томъ, что несправедливо показалъ въ судѣ, что выстрѣлилъ на воздухъ. Такое письмо, конечно, навсегда уронило бы поэта въ мнѣніи общества и сдѣлало бы его положеніе въ немъ невозможнымъ. Графъ Бенкендорфъ отлично понималъ, что наказаніе, коему подвергли Лермонтова, только увеличитъ общее сочувствіе къ участи молодого поэта. Требуемое же письмо къ де Баранту вѣрнѣе всего поразитъ и честь его и симпатію къ нему и сброситъ «дерзкаго мальчишку» съ высоты имъ завоеваннаго положенія. Поэтъ былъ призванъ къ графу Бенкендорфу, который въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ настаивалъ на исполненіи своего требованія.

Тогда Лермонтовъ рѣшился опять обратиться къ защитѣ Великаго Князя Михаила Павловича и написалъ ему письмо, въ коемъ, объяснивъ требованіе къ нему шефа жандармовъ, говоритъ, что исполнить его не можетъ, потому что оно не совмѣстимо съ истиною и что исполнивъ его, онъ, Лермонтовъ, «невинно и невозвратно теряетъ имя благороднаго человѣка» [1].

Великій Князь вполнѣ согласился съ необходимостью защитить «честь русскаго офицера», и поэтъ на этотъ разъ вновь избѣгнулъ великой опасности утратить свое доброе имя вслѣдствіе недостойной интриги. Повѣсть « Большой свѣтъ » гр.

[1] Письмо находится при дѣлѣ въ Лерм. музеѣ. Ср. т. V, стр. 427.

Соллогуба не могла, конечно, нанести имени поэта такой ударъ, какъ проэктируемое гр. Бенкендорфомъ письмо.

Друзья и пріятели собрались въ квартирѣ Карамзиныхъ проститься съ юнымъ другомъ своимъ и тутъ, растроганный вниманіемъ къ себѣ и непритворною любовью избраннаго кружка, поэтъ, стоя въ окнѣ и глядя на тучи, которыя ползли надъ Лѣтнимъ садомъ и Невою, написалъ стихотвореніе:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную..... [т. I, стр. 304].

Софья Карамзина и нѣсколько человѣкъ гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотвореніе. Онъ оглянулъ всѣхъ грустнымъ взглядомъ выразительныхъ глазъ своихъ и прочелъ его. Когда онъ кончилъ, глаза были влажные отъ слезъ... [1]. Поэтъ двинулся въ путь прямо отъ Карамзиныхъ. Тройка, увозившая его, подъѣхала къ подъѣзду ихъ дома.

Пьеской «Тучи» поэтъ заключилъ и первое изданіе своихъ стихотвореній, вышедшихъ въ концѣ 1840 года.

---

[1] Гр. Сологубъ въ 1877 г. разсказывалъ мнѣ объ этомъ вечерѣ немного иначе, чѣмъ сообщаетъ о немъ въ Историч. Вѣстникѣ въ своихъ воспоминаніяхъ. Тамъ онъ, очевидно, путаетъ. Вмѣсто «Тучки небесныя» приводитъ слова Демона въ знаменитой поэмѣ: «На воздушномъ океанѣ». Они были писаны въ 1838 году, а «Тучи» въ 1840. Самый вечеръ у Карамзиныхъ онъ описываетъ, какъ бы состоявшимся въ 1841 г., въ послѣдній пріѣздъ Лермонтова, что не вѣрно. Мнѣ онъ говорилъ: «Я хорошо помню Михаила Юрьевича, стоявшаго въ амбразурѣ окна и глядѣвшаго вдаль. Лицо его было блѣдно и выражало необычайную грусть — я въ первый разъ тогда замѣтилъ на немъ это выраженіе и, признаюсь, не вѣрилъ въ его искренность».—Люди судятъ другихъ по себѣ и Сологубъ не допускалъ серьезности въ нашемъ славномъ поэтѣ.—Впрочемъ, въ послѣдней редакціи своихъ воспоминаній гр. Сологубъ, какъ ужъ замѣчено, старается дать своимъ сужденіямъ о поэтѣ иной характеръ, выходитъ что графъ въ немъ тогда же призналъ талантъ выше Пушкинскаго!—Карамзины жили у «Солянаго городка» противъ Лѣтняго сада, въ д. Кушниковой. Изъ окна можно было видѣть и часть Невы.

ГЛАВА XVII.

Экспедиціи противъ чеченцовъ въ 1840 году. — Отрядъ генерала Галафѣева. — Конный отрядъ охотниковъ подъ командою Дорохова и Лермонтова. — Забавы во время похода. — Бой подъ «Валерикомъ». — Отзывы о Лермонтовѣ Галафѣева и Граббе. — Встрѣча съ французскою писательницею Гоммеръ-де-Гелль. — Сборы въ Петербургъ.

Переведенный высочайшимъ приказомъ отъ 13-го апрѣля 1840 года изъ Л.-гв. Гусарскаго полка тѣмъ же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, поручикъ Лермонтовъ, по пріѣздѣ въ Ставрополь, не поѣхалъ въ Анапу, гдѣ былъ расположенъ штабъ полка, а отправился на лѣвый флангъ кавказской линіи въ Чечню, для участія въ экспедиціи [1].

Смѣлыя дѣйствія Шамиля на рѣкѣ Сунжѣ, доставившія ему нѣкоторый успѣхъ, и зимнее движеніе генералъ-майора Пулло для сбора податей [1839], да преждевременная попытка обезоружить чеченцевъ взволновали населеніе. Малая и большая Чечня, ичкеринцы, качалыковцы, галашевцы и карабулаки постепенно поднимали оружіе и приставали къ пар-

[1] Статья М. Ф. Федорова въ III томѣ Кавказскаго Сборника стр. 193. — Пребываніе Михаила Юрьевича въ дѣйствующемъ отрядѣ описано мною въ январской книжкѣ Русской Старины за 1881 г., а затѣмъ подъ названіемъ «Рѣчка Смерти» въ Истор. Вѣстникѣ 1885 г. т. XIX. Теперь исправляю и добавляю сказанное тамъ нѣкоторыми новыми данными. — Противъ статей моихъ выступилъ г. Зиссерманъ въ первой книжкѣ Русскаго Архива за 1885 годъ стр. 75; опроверженіе мое помѣщено въ Истор. Вѣстникѣ 1885 года, іюнь, стр. 712. — По другимъ свѣдѣніямъ штабъ полка былъ расположенъ въ станицѣ Ивановкѣ Кубанской линіи, и поэтъ прибылъ туда 13 іюня 1840 г. Бѣлевичъ: нѣсколько картинъ изъ Кавказской войны. Спб. 1891 года, стр. 126: Кое-что о службѣ и смерти на Кавказѣ Марлинскаго и Лермонтова. — Г-жа Шанъ-Гирей, справедливо указывая на недостовѣрность сообщеній г. Филиппова [Русская Мысль, декабрь, 1890 г.], говоритъ въ Сѣверѣ [№ 12-й 1891 года], что боевую жизнь Лермонтова вѣрно описываетъ г. Бѣлевичъ. Но книга послѣдняго не содержитъ ничего новаго — послужной списокъ Лермонтова переданъ имъ ошибочно. Такъ битва подъ Валерикомъ означена 30 октябремъ, тогда какъ она была 11-го іюля и проч. Всѣ болѣе вѣрныя данныя собраны въ Лермонтовскомъ Музеѣ г. Буковскимъ. — Книга Бѣлевича изобличаетъ искренность составителя, по отсутствіе критики и маломальской литературной снаровки.

тіи Шамиля. Въ 1840 году рѣшено было приступить къ исполненію еще прежде предположеннаго перенесенія Кубанской линіи на рѣку Лабу и заселенію пространства между Кубанью и Лабою станицами казачьяго линейнаго войска [1]. Исполненіе этого предпріятія положено было раздѣлить на періоды съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе перваго года возвести на Лабѣ, въ опаснѣйшихъ пунктахъ, укрѣпленія, дабы потомъ, подъ ихъ прикрытіемъ, водворить казачьи станицы. Вслѣдствіе этихъ предположеній на линіи составлено было два отряда. На правомъ флангѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Засса—*Лабинскій отрядъ;* на лѣвомъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Галафѣева, *Чеченскій отрядъ*. Общее наблюденіе поручено было генералъ-адъютанту Граббе.

Лермонтовъ былъ назначенъ состоять при генералѣ Галафѣевѣ. Проживалъ онъ преимущественно кажется въ Ставрополѣ. Здѣсь собралось довольно интересное общество, сходившееся большею частью у барона Ипп. Ал. Вревскаго, тогда капитана генеральнаго штаба. Мы назовемъ кромѣ Лермонтова и Монго-Столыпина, гр. Карла Ламберта, Сергѣя Трубецкаго [брата Воронцовой-Дашковой], Льва Серг. Пушкина, Р. Н. Дорохова, Д. С. Бибикова, барона Россильёна, доктора Майера и нѣсколькихъ декабристовъ, изъ числа которыхъ Мих. Александр. Назимовъ являлся особенно излюбленною личностью. Къ Вревскому и Назимову Лермонтовъ относился съ уваженіемъ и «съ ними никогда не позволялъ себѣ тона легкой насмѣшки», которая зачастую отмѣчала его отношенія къ другимъ лицамъ. «Со мною, какъ съ младшимъ въ избранной средѣ упомянутыхъ лицъ, Лермонтовъ школьничалъ до предѣловъ возможнаго»—разсказываетъ г. Есаковъ [2]—«а когда замѣчалъ что теряю терпѣніе, онъ, бывало, ласковымъ словомъ или добрымъ взглядомъ тотчасъ уйметъ мой пылъ».

---

[1] Очеркъ положенія военныхъ дѣлъ на Кавказѣ въ началѣ 1838 года до конца 1842 года—Кавказскій сборникъ т. II 1877 года.

[2] Замѣтка Александра Есакова въ «Русской Старинѣ» 1885 г. т. XLV стр. 474.—Только тутъ говорится о зимѣ 1840—1841 года, что не вѣрно. Авторъ, должно быть, запамятовалъ. Лермонтовъ въ концѣ октября 1840 года уже уѣзжаетъ съ Кавказа и возвращается только въ маѣ 1841

Въ половинѣ іюня Лермонтовъ отправился на лѣвый флангъ въ отрядъ генерала Галафѣева [1]. Крѣпость Грозная была главнымъ пунктомъ операцій. Отсюда производились экспедиціи отдѣльными отрядами, и сюда же вновь возвращались по совершеніи перехода. Во время роздыховъ Лермонтовъ изъ Грозной ѣздилъ черезъ крѣпость Георгіевскую, лежавшую на дорогѣ къ Ставрополю, въ любимый имъ Пятигорскъ.

Между тѣмъ ловкія дѣйствія Шамиля, являвшагося съ чрезвычайною быстротою всюду, откуда уходили войска наши, и съ успѣхомъ увлекавшаго за собою толпы плохо замиренныхъ горцевъ, убѣдили генерала Галафѣева внести истребленіе внутрь возмутившагося края. Въ первыхъ числахъ іюля въ лагерѣ подъ Грозной царствовало большое оживленіе: сновали донскіе казаки съ длинными пиками; пѣхота передъ составленными въ козла ружьями дѣлала приготовленія къ выступленію; палатки складывались на повозки, егеря готовились занять пикеты; Моздокскіе линейные казаки возвращались съ рекогносцировокъ; два горныхъ орудія стояли на возвышеніи впереди отряда. Неподалеку отъ нихъ, между спутанными конями, пестрою группою лежали люди въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: изодранныя черкески порою едва прикрывали наготу членовъ, дорогіе шемаханскіе шелки рядомъ съ рубищами доказывали полное презрѣніе владѣльцевъ къ внѣшнему своему виду. На многихъ замѣчалось богатое и отлично держанное оружіе. Оправы шашекъ и кинжаловъ блестѣли на яркомъ утреннемъ солнцѣ, заливавшемъ мѣстность. Роса еще не высохла, и капли ея сверкали на кустахъ кизиля, увитаго дикимъ виноградникомъ. Лица, загорѣлыя и смуглыя, выражали безшабашную удаль и, при разнообразіи типовъ, носили общій отпечатокъ тревожной боевой жизни и ея закала [2]. Тутъ

года. Слѣдовательно, г. Есаковъ могъ встрѣчаться въ Ставрополѣ съ Лермонтовымъ или весною 1840 года, или осенью того же года, въ промежутки между военными дѣйствіями.

[1] Такъ по крайней мѣрѣ пишетъ самъ поэтъ въ письмѣ къ пріятелю А. А. Лопухину отъ 17-го Іюня 1840 г. [т. V стр. 428].

[2] Изъ разсказовъ барона Дм. Петр. Палена, состоявшаго прикомандированнымъ къ Генеральному штабу въ отрядѣ генерала Галафѣева. Паленъ въ альбомѣ своемъ изобразилъ множество мѣстностей изъ лѣтней экспе-

были татары-магометане, кабардинцы, казаки—люди всѣхъ племенъ и вѣрованій, встрѣчающихся на Кавказѣ, были и такіе, что и сами забыли, откуда родомъ. Принадлежали они къ конной командѣ охотниковъ, которою завѣдывалъ храбрецъ Дороховъ. Безшабашный командиръ сформировалъ эту ватагу преданныхъ ему людей. Всѣ они сдѣлали войну ремесломъ своимъ. Опасность, удальство, лишенія и разгулъ стали ихъ лозунгомъ. Огнестрѣльное оружіе они презирали и рѣзались шашками и кинжалами, въ удалыхъ схваткахъ съ грудью грудь. Даровитый Дороховъ, за отчаянныя выходки и шалости не разъ разжалованный въ солдаты, вновь и вновь выслуживался, благодаря своей дерзкой отвагѣ.

Раненный во время экспедиціи, Дороховъ поручилъ отрядъ свой Лермонтову, который вполнѣ оцѣнилъ его и умѣлъ привязать къ себѣ людей, совершенно входя въ ихъ образъ жизни. Онъ спалъ на голой землѣ, ѣлъ съ ними изъ одного котла и раздѣлялъ всѣ трудности похода. Въ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ Михаилъ Юрьевичъ разсказывалъ объ этой своей командѣ А. А. Краевскому и подарилъ ему кинжалъ, служившій поэту при столкновеніяхъ и стычкахъ съ врагами[1].

диціи 1840 г., хорошій рисовальщикъ, его рисунки были выполнены на стали въ «памятныхъ книжкахъ» Военнаго вѣдомства въ 50-хъ годахъ.— Альбомъ былъ въ рукахъ Императора Николая I. Тамъ кромѣ портретовъ кавказскихъ дѣятелей сняты: Мятлинская переправа, лагерь подъ Грозной, дѣло подъ Герзель-Ауломъ и проч. Ср. «Истор. Вѣстникъ» 1885 г., т. XIX, примѣчаніе къ статьѣ моей.

[1] Кинжалъ этотъ переданъ Краевскимъ въ Лермонтовскій музей. По словамъ Краевскаго, Лермонтовъ отбивался имъ отъ трехъ горцевъ, преслѣдовавшихъ его около озера между Пятигорскомъ и Георгіевскимъ укрѣпленіемъ. Благодаря превосходству своего коня поэтъ ускакалъ отъ нихъ. Только одинъ его нагонялъ, но до кровопролитія не дошло.—Михаилу Юрьевичу доставляло удовольствіе скакать съ врагами на перегонку, увертываться отъ нихъ, избѣгать перерѣзывающихъ ему путь.—Достоевскій видѣлъ большое сходство между характерами Лермонтова и декабриста Лунина. «И тотъ и другой, «говорилъ мнѣ Ѳедоръ Михайловичъ», были страстные любители сильныхъ ощущеній, и подвергать себя опасности было для нихъ необходимостью. Ужъ таковы были эти люди, и такова тогдашняя безцвѣтная жизнь, что натуры сильныя и подвижныя не выносили ея сѣренькой обыденности. Я увѣренъ притомъ, что никто изъ нихъ и

Въ офиціальныхъ донесеніяхъ о лѣтнемъ и осеннемъ походѣ нашихъ войскъ, при представленіи Лермонтова къ наградѣ, говорится: *Ему была поручена конная команда изъ казаковъ охотниковъ, которая, находясь всегда впереди отряда, первая встрѣчала непріятеля и, выдерживая его натиски, весьма часто обращала въ бѣгство сильныя партіи.*

Боевой и весьма умный и почтенный генералъ Павелъ Христофоровичъ Граббе высоко цѣнилъ Лермонтова, какъ человѣка талантливаго, дѣльнаго и храбраго офицера. Конечно, сужденія были различны. И баронъ Л. В. Россильёнъ, бывшій въ отрядѣ Галафѣева старшимъ офицеромъ генеральнаго штаба, сообщалъ мнѣ по поводу Лермонтова слѣдующее:

—«Лермонтовъ былъ непріятный, насмѣшливый человѣкъ и *хотѣлъ казаться* чѣмъ-то особеннымъ. Онъ хвасталъ своею храбростью, какъ будто на Кавказѣ, гдѣ всѣ были храбры, можно было кого-либо удивить ею!

«Лермонтовъ собралъ какую-то шайку грязныхъ головорѣзовъ. Они не признавали огнестрѣльнаго оружія, врѣзывались въ непріятельскіе аулы, вели партизанскую войну и именовались громкимъ именемъ *Лермонтовскаго отряда*. Длилось это не долго впрочемъ, потому что Лермонтовъ нигдѣ не могъ усидѣть, вѣчно рвался куда-то и ничего не доводилъ до конца. Когда я его видѣлъ на Сулакѣ, онъ былъ мнѣ противенъ необычайною своею неопрятностью. Онъ носилъ красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядѣла почернѣвшею изъ-подъ вѣчно растегнутаго сюртука поэта, который носилъ онъ безъ эполетъ, что впро-

---

не думалъ красоваться». Въ письмѣ къ Лопухину [т. V, стр. 431] поэтъ говорилъ объ отрядѣ своемъ:

«Я получилъ отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изъ ста казаковъ—разный сбродъ, волонтеры, татары и пр.»...

Въ «Войнѣ и Мирѣ» графъ Л. Н. Толстой въ лицѣ Долохова выставилъ, если не ошибаемся, кавказца Дорохова. Оба лица одного характера. Дороховъ въ чинѣ хорунжаго изрубленъ былъ въ 1852 году вмѣстѣ съ наказнымъ атаманомъ кавказскаго линейнаго войска генералъ-майор. Кружовскимъ на берегахъ Гойты. [Кавказскій Сборникъ, т. V, стр. 71].

чемъ было на Кавказѣ въ обычаѣ. Гарцовалъ Лермонтовъ на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ, на которомъ, молодецки заломивъ бѣлую холщевую шапку, бросался на чеченскіе завалы. Чистое молодечество!—ибо кто же кидался на завалы верхомъ?! Мы надъ нимъ за это смѣялись»[1].

Не себя ли описывалъ Лермонтовъ, когда въ стихотвореніи «Валерикъ» говоритъ:

„Верхомъ помчался на завалы
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...."

То, что во время похода и начальствуя надъ командою «дороховскихъ молодцовъ» Лермонтовъ казался нечистоплотнымъ, вѣроятно, зависѣло, отъ того, что онъ раздѣлялъ жизнь своихъ подчиненныхъ и, желая служить имъ примѣромъ, не хотѣлъ дозволять себѣ излишнихъ удобствъ и комфорта. Баронъ Россильёнъ ставилъ Лермонтову въ вину, что онъ ѣлъ съ командою изъ одного котла, спалъ на голой землѣ и видѣлъ въ этомъ эксцентричность и желаніе пооригинальничать или порисоваться. Между прочимъ баронъ возмущался и тѣмъ, что Лермонтовъ ходилъ тогда небритымъ. На профильномъ портретѣ, въ фуражкѣ, сдѣланномъ въ это время барономъ Паленомъ, дѣйствительно видно, что поэтъ въ походѣ опустилъ себѣ баки и далъ волю волосамъ рости и на подбородкѣ. Это было противъ правилъ формы, но растительность у Лермон-

[1] Россильенъ скончался въ концѣ 1883 года въ Дерптѣ.—Сестра его, тоже скончавшаяся въ Дерптѣ, была замужемъ за Гельмерсеномъ, начальникомъ Лермонтова по школѣ гвардейскихъ юнкеровъ [см. выше стр. 137 и 174].—Грязь, которую г. Россильенъ описываетъ на Лермонтовѣ, трудно согласить съ описаніемъ Боденштедта, встрѣтившагося съ поэтомъ въ Москвѣ немного позднѣе... «Онъ одѣтъ былъ очевидно не въ выходномъ своемъ платьѣ: на шеѣ небрежно повязанъ былъ черный платокъ, изъ-подъ котораго сквозь не вполнѣ застегнутый мундиръ глядѣла ослѣпительной бѣлизны рубашка»... Г. Россильенъ сильно недолюбливалъ Лермонтова, который, кажется, платилъ ему тѣмъ же.—Г. Есаковъ [въ Русск. Стар. 1885 года, т. XLV, стр. 474] говоритъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ: «Помню, какъ одинъ въ отсутствіи другаго нелестно отзывался объ отсутствующемъ,—какъ Россильенъ называлъ Лермонтова фатомъ, рисующимся и черезъ-чуръ много о себѣ думающимъ, и какъ Михаилъ Юрьевичъ въ свою очередь говорилъ о Россильенѣ: «не то нѣмецъ, не то полякъ,—а пожалуй и жидъ».

това на лицѣ была такъ бѣдна, что не могла возбудить серіознаго вниманія строгихъ блюстителей уставовъ. Впрочемъ, на Кавказѣ можно было дозволять себѣ отступленія. На другомъ портретѣ, писанномъ самимъ поэтомъ тоже на Кавказѣ [въ концѣ 1837 г.], видно, что и волосы на головѣ носилъ онъ длинные, не зачесывая ихъ на вискахъ, какъ по уставу полагалось[1].

На разсвѣтѣ 6-го іюля отрядъ генерала Галафѣева, состоя изъ шести съ половиною баталіоновъ, 14 орудій и 1500 казаковъ, двинулся изъ лагеря подъ крѣпостью Грозной. Съ разсвѣтомъ переправился онъ за рѣку Сунжу и взялъ направленіе черезъ ущелье Ханъ-Калу на деревню Большой-Чеченъ. Непріятель сталъ показываться на пути шествія, но, ограничиваясь лишь легкою перестрѣлкою, исчезалъ, не вступая въ серіозный бой. — Войдя въ Малую Чечню, отрядъ генерала Галафѣева прошелъ черезъ Чахъ-Кери къ Гойтинскому лѣсу и Урусъ-Мартану, выжигая аулы, уничтожая хлѣба и болѣе или менѣе успѣшно перестрѣливаясь съ горцами въ незначительныхъ стычкахъ. Поклонники пророка дѣлали затрудненія на каждомъ шагу: то засядутъ за вѣковыми деревьями, и оттуда встрѣтивъ гостей мѣткими выстрѣлами, скроются въ лѣсной чащѣ, не вступая въ рукопашный бой; то старались недопускать русскихъ до воды, если берега представляли маломальски удобныя условія для прикрытія. Солдатамъ не разъ приходилось запасаться водой подъ непріятельскими выстрѣ-

1 Оба портрета читатель найдетъ приложенными къ изданію. Первый былъ изданъ мною при Русской Старинѣ [янв. 1884 г., стр. 239]. Послѣ сраженія при «Валерикѣ» у Мятлинской переправы около 23 іюля, въ палаткѣ барона Россильена, Паленъ нарисовалъ цѣлый рядъ портретовъ участниковъ экспедиціи. Всѣ портреты сдѣланы были карандашемъ, многіе въ профиль. Въ альбомѣ г. Россильена сохранились портреты М. Ю. Лермонтова, кн. Сергѣя Долгорукова [убитаго позднѣе на дуэли кн. Яшвилемъ], Индреніуса, Сергѣева, Фрейтага, Евреинова, доктора Нота и др. Профильный портретъ чрезвычайно важенъ для скульптора, такъ какъ безъ него при несуществованіи маски едва ли мыслима лѣпка хорошаго бюста.—Г. Опекушинъ пользовался имъ при лѣпкѣ памятника поэту, поставленнаго въ Пятигорскѣ; [ср. замѣтку г. Опекушина въ Нов. Времени 1883 г., № 305 — 11 го марта. Второй портретъ издается при изданіи впервые.

лами. Случалось тоже что во время приваловъ и стоянокъ какой-нибудь отважный мюридъ вызывалъ русскихъ на бой. Этотъ родъ рыцарскихъ поединковъ практиковался, не смотря на офиціальное его запрещеніе Чеченцы на запретъ необращали конечно вниманія, а изъ русскихъ находились охотники принимать вызовы.

Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ — говоритъ Лермонтовъ,

Забавы много, толку мало:
Прохладнымъ вечеромъ бывало,
Мы любовалися на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ.... [т. I. стр. 308].

Въ такихъ «*забавахъ*» прошло нѣсколько дней, въ теченіе коихъ выбыло изъ строя болѣе 20 человѣкъ. Лермонтову боевая жизнь пришлась по нраву. Онъ давно мечталъ опять окунуться въ нее и теперь отдался ей со всею пылкостью натуры. Ему доставляло какъ будто особенное удовольствіе вызывать судьбу. Опасность или возможность смерти дѣлали его остроумнымъ, разговорчивымъ, веселымъ. Однажды вечеромъ, во время стоянки Михаилъ Юрьевичъ предложилъ нѣкоторымъ лицамъ въ отрядѣ: Льву Пушкину, Глѣбову, Палену, Сергѣю Долгорукову, декабристу Пущину, Баумгартену и другимъ, пойти поужинать за черту лагеря. Это было не безопасно и собственно запрещалось. Непріятель охотно выслѣживалъ неосторожно удалявшихся отъ лагеря и либо убивалъ, либо увлекалъ въ плѣнъ. —Компанія взяла съ собою нѣсколькихъ деньщиковъ, несшихъ запасы, и расположилась въ ложбинкѣ за холмомъ. Лермонтовъ, руководившій всѣмъ, увѣрялъ, что, напередъ избравъ мѣсто, выставилъ для предосторожности часовыхъ и указывалъ на одного казака, фигура коего виднѣлась сквозь вечерній туманъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Съ предосторожностями былъ разведенъ огонь, при чемъ особенно старались сдѣлать его незамѣтнымъ со стороны лагеря. Небольшая группа людей пила и ѣла, бесѣдуя о происшествіяхъ послѣднихъ дней и возможности нападенія со стороны горцевъ. Левъ Пушкинъ и Лермонтовъ сыпали остротами и комическими разсказами, при чемъ не обошлось и безъ рѣз-

жихъ осужденій или скорѣе осмѣянія разныхъ всѣмъ присутствующимъ извѣстныхъ лицъ. Особенно веселъ и въ ударѣ былъ Лермонтовъ. Отъ выходокъ его катались со смѣху, забывая всякую осторожность. На этотъ разъ все обошлось благополучно. Подъ утро, возвращаясь въ лагерь, Лермонтовъ признался, что виднѣвшійся часовой былъ не что иное, какъ поставленное имъ, на скоро сдѣланное, чучело, прикрытое тонкою и старой буркой [1].

Іюля 10-го подошли къ деревнѣ Гехи — близъ Гехинскаго лѣса, и предавъ огню поля, стали лагеремъ. Непріятель пытался было подкрасться къ нему ночью, но былъ открытъ секретами и ретировался. На зарѣ 11-го іюля отрядъ выступилъ, имѣя въ авангардѣ три баталіона Куринскаго егерскаго полка, двѣ роты саперъ, одну сотню донскихъ и всѣхъ линейныхъ казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ. Впереди еще было 8 сотенъ донскихъ казаковъ съ двумя казачьими орудіями. Въ главной колоннѣ слѣдовалъ обозъ подъ сильнымъ прикрытіемъ—до него горцы были особенно лакомы. Длинную линію, въ лѣсистой мѣстности, по неволѣ растянувшагося отряда, замыкалъ арьергардъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты съ двумя орудіями и сотнею казаковъ. Непріятель нигдѣ не показывался и авангардъ вступилъ въ густой Гехинскій лѣсъ и пошелъ по узкой лѣсной дорогѣ. Нѣсколько выстрѣловъ въ боковой цѣпи только указывали, что непріятель не дремлетъ. Опасность ждала впереди... Приходилось пройти большую, окаймленную со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, поляну. Впереди виднѣлся «Валерикъ» т. е. «рѣчка смерти», названная такъ *стариннымъ людьми* въ память кровопролитной стычки на ней. «Валерикъ» протекалъ по самой опушкѣ лѣса, въ глубокихъ, совершенно отвѣсныхъ берегахъ. Воды въ рѣчкѣ, пересѣкавшей дорогу подъ прямымъ угломъ, было много. Пра-

---

[1] Разсказывавшій мнѣ этотъ случай баронъ Паленъ утверждалъ, что ночь была темная, и что случилось это уже въ августѣ или сентябрѣ. Но онъ запамятовалъ, потому что въ этомъ пикникѣ участвовалъ Глѣбовъ.—Паленъ это хорошо помнилъ—Глѣбовъ же былъ тяжело раненъ подъ Валерикомъ 11-го іюля, слѣдовательно происшествіе должно было имѣть мѣсто въ началѣ іюля.

вый берегъ ея, обращенный къ отряду, былъ совершенно открытъ, по лѣвому тянулся лѣсъ, вырубленный около дороги на небольшой ружейный выстрѣлъ. Тутъ было удобное мѣсто для устройства непріятельскихъ заваловъ. Они и были, какъ оказалось, имъ устроены изъ толстыхъ срубленныхъ деревьевъ. Какъ за брустверомъ крѣпости, стоялъ врагъ, защищаемый глубокимъ водянымъ рвомъ, образуемымъ рѣчкою. Подойдя къ мѣсту на картечный выстрѣлъ, артиллерія открыла огонь.

Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись... Молчатъ!

Ни одного отвѣтнаго выстрѣла; ни малѣйшаго движенія не было замѣтно. Мѣстность казалась вымершею. Обозъ тоже выѣхалъ на поляну. Весь отрядъ двинулся еще впередъ и подошелъ къ лѣсу на ружейный или пистолетный выстрѣлъ, было рѣшено сдѣлать привалъ; пѣхота же должна была проникнуть въ лѣсъ и обезпечить переправу. Но едва артиллерія начала сниматься съ передковъ, какъ чеченцы внезапно со всѣхъ сторонъ открыли убійственный огонь.

Въ одно мгновеніе войска были двинуты впередъ съ обѣихъ сторонъ дороги. Добѣжавъ до лѣсу, они неожиданно остановлены были отвѣсными берегами рѣчки и срубами изъ бревенъ, приготовленными непріятелемъ за трое сутокъ впередъ. Отсюда-то онъ и производилъ убійственный огонь. — Били на выборъ офицеровъ и солдатъ, двигавшихся по открытой мѣстности. Войска поняли, что стрѣлять въ людей прикрытыхъ деревьями, имѣвшими по аршину въ поперечникѣ — дѣло напрасное....

..... полки,
Народъ испытанный..... Въ штыки!»

кинулись впередъ черезъ рѣчку, помогая другъ другу по грудь въ водѣ. Все спасеніе было въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе перебраться къ непріятелю. Начался упорный рукопашный бой, частью въ лѣсу, частью въ водахъ быстро текущаго «Валерика». Рѣзались нѣсколько часовъ. Кинжалъ и шашка уступили, наконецъ, штыку. Но долго еще въ лѣсу слышались выстрѣлы.... Дѣло было не большое, но кровопролитное.

«Вообрази себѣ», пишетъ Лермонтовъ А. А. Лопухину,— «что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью». Въ томъ же письмѣ поэтъ говоритъ, что въ русскомъ

«отрядѣ убыло 30 офицеровъ и 300 рядовыхъ. Чеченцовъ осталось на мѣстѣ 600 труповъ».

Послѣднее извѣстіе конечно преувеличено. Вѣроятно такъ говорили въ лагерѣ. Чеченцы находились за прикрытіями и потери ихъ должны были быть меньше нашихъ. Дѣйствительно въ офиціальномъ донесеніи Галафѣева говорится, что непріятель на мѣстѣ оставилъ 150 тѣлъ [1]. Въ стихотвореніи «Валерикъ» Лермонтовъ, на спросъ свой у стараго мирнаго чеченца о числѣ павшихъ, получаетъ уклончивый отвѣтъ, но отвѣтъ этотъ все же ясно показываетъ, что потери горцевъ были не велики, дралось же ихъ болѣе 6000 человѣкъ:

— „А много горцы потеряли?“
„Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?“
— „Да, будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый!“
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ....

Хотя Лермонтовъ ни въ стихотвореніяхъ, ни въ письмахъ не упоминаетъ о роли, какую игралъ онъ лично въ бояхъ, но что онъ принималъ въ нихъ участіе активное и былъ не изъ послѣднихъ удальцевъ, видно изъ донесенія генерала Галафѣева генералъ-адъютанту Граббе отъ 8 октября 1840 г. Тамъ говорится такъ:

«Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавша-

---

[1] Свѣдѣнія взяты мною изъ журнала военныхъ дѣйствій 1840 года. Выписку получилъ я въ 1881 году въ Тифлисѣ изъ архива кавказскаго округа. Дѣло штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса по генеральному штабу. 2-й отдѣлъ, по описи № 15—1840 года. На стр. 257 упоминается о Лермонтовѣ: «онъ переносилъ всѣ мои [генерала Галафѣева] приказанія войскамъ въ самомъ пылу сраженія, въ лѣсистомъ мѣстѣ, что заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо каждый кустъ, каждое дерево угрожали всякому внезапной смертью.

тося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы.» [1]

За дѣло подъ Валерикомъ для Лермонтова испрашивался орденъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, что въ тѣ времена для столь молодого человѣка являлось высокою наградою.

Экспедиція, длившаяся девять дней, окончилась, и 14 іюля отрядъ генерала Галафѣева вернулся въ Грозную. Отдыхъ продолжался однако не долго. Недобрыя вѣсти о дѣйствіяхъ Шамиля принуждаютъ отрядъ снова выйти въ походъ. Онъ двинулся черезъ крѣпость Внезапную къ Мятелинской переправѣ и, простоявъ здѣсь лагеремъ, направился къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Серіозныхъ столкновеній не было. Горцы разсѣялись съ приближеніемъ нашихъ войскъ и Галафѣевъ, окончивъ работы по укрѣпленію Герзель-аула, вернулся къ основному пункту своихъ дѣйствій, къ крѣпости Грозной 9 августа.

Лермонтовъ въ это время получаетъ разрѣшеніе побывать въ Пятигорскѣ. Мы его встрѣчаемъ тамъ 14-го августа въ компаніи съ французской писательницей Адель Гоммеръ-де Гелль, [2] весьма красивой и умной женщиной. Легкомысленная француженка вполнѣ оцѣнила умъ и талантъ поэта, а Лермонтовъ, поклонникъ и тонкій знатокъ женской красоты, конечно не упустилъ случая показаться во всемъ блескѣ своего ума и поэтическаго дарованія, такъ что M-me Adèle пришла отъ него въ восторгъ и стала ревновать къ поэту дѣвицу Реброву, за которою въ прежніе свои пріѣзды сильно ухаживалъ Михаилъ Юрьевичъ. Говорили даже, что онъ на ней женится. Изъ Пя-

---

[1] Изъ реляціи генералъ-лейтенанта Галафѣева.—Эту реляцію командующій войсками на Кавказской линіи ген. адютантъ Граббе при рапортѣ отъ 8 окт. 1840 г. за № 166 представилъ командиру Кавказскаго корпуса ген. отъ инфантеріи Головину I. Все заимствовано изъ дѣла штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса 1840 г. № 171, ч. I.

[2] Автора: «Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie meridionale par m-me Hommaire de Helle. 1860. Здѣсь на стр. 378—381 переданы два эпизода встрѣчи названной писательницы съ Лермонтовымъ. Переведены они и снабжены поясненіями княземъ П. П. Вяземскимъ въ Русскомъ Архивѣ 1887 г., стр. 129. Вызвано это инте-

тигорска вся веселая компанія переѣзжаетъ въ Кисловодскъ. Г-жа Гоммеръ въ своемъ дневникѣ отъ 26 августа говоритъ. «Мы ѣдемъ на балъ, который даетъ общество въ честь моего пріѣзда... Мы очень весело провели время. Лермонтовъ былъ блистателенъ, Реброва очень оживлена. Петербургская франтиха [одна изъ дамъ «водянаго» общества] старалась аффишировать Лермонтова, но это ей не удалось. Въ часъ мы пошли домой. Лермонтовъ заявилъ Ребровой, что онъ ея не любитъ и никогда не любилъ. Я ее бѣдную уложила спать, и она скоро заснула... Было около двухъ часовъ ночи. Я только что вошла въ мою спальню. Вдругъ тукъ-тукъ въ окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня просилъ позволенія скрыться отъ преслѣдующихъ его непріятелей. Я, разумѣется, открыла дверь и впустила моего героя. Онъ у меня всю ночь остался до утра. Бѣдная Реброва лежала при смерти. Я около нея ухаживала. — Я принимаю только одного Лермонтова. Сплетнямъ не было конца. Онъ оставилъ въ ту же ночь свою военную фуражку съ краснымъ околышкомъ у Петербургской дамы. Всѣ говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ ту же ночь rendez-vous съ Ребровой. Петербургская франтиха проѣзжала верхомъ мимо моихъ оконъ въ фуражкѣ Лермонтова, и Лермонтовъ ей сопутствовалъ. Меня это совершенно взорвало, и я его болѣе не принимала подъ предлогомъ моихъ заботъ о несчастной дѣвушкѣ. На пятый день мой мужъ пріѣхалъ изъ Пятигорска, и я съ нимъ поѣду въ Одессу, совершенно больная».

Если сопоставить этотъ разсказъ съ нѣкоторыми моментами изъ повѣсти «Княжна Мери», то невольно приходится думать, что Лермонтовъ, любившій «на дѣлѣ собирать матеріалы для своихъ твореній», воспользовался эпизодами изъ тогдашней жизни своей на водахъ и встрѣчи съ прекрасной

ресное сообщеніе напечатанными мною [въ Русской Старинѣ 1887 г., майская кн. стр. 405] французскими стихами Лермонтова, которые находились въ альбомѣ предсмертныхъ стихотвореній его [т. I стр. 341 и 378] и которыхъ редакторъ Глазуновскихъ изданій сочиненій Лермонтова не съумѣлъ разобрать.—На замѣчанія кн. Вяземскаго отвѣтилъ я въ Русской старинѣ 1887 года, декабрь, стр. 734.

француженкой для рисовки нѣкоторыхъ *внѣшнихъ* сторонъ въ своей повѣсти[1].

Хотя прекрасная француженка и пишетъ, что такъ разсердилась на Лермонтова, что больше его не принимаетъ, но уже черезъ четыре дня—30 августа—она сообщаетъ, что видѣлась съ поэтомъ и такъ и не добилась отъ него правды и объясненія его выходкамъ. «Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ»! негодуя замѣчаетъ она. «Такая его система. Всѣ знакомые, имѣвшіе съ нимъ сношенія, говоря съ его словъ, разсказывали все разное. Обо мнѣ онъ ни полслова не говорилъ. Я была тронута и ему написала очень любезное письмо» и т. д. Позднѣе та же особа говоритъ о Лермонтовѣ: «Я на него вовсе не сердилась и очень хорошо понимала его характеръ: онъ свои фарсы дѣлалъ безъ злобы».

Впрочемъ мы не безъ опасенія высказываемъ свои соображенія по поводу отраженія эпизодовъ съ француженкой въ «Героѣ нашего времени», прибавляя такимъ образомъ еще новую кандидатку къ цѣлому сонму лицъ, на коихъ указывали или которыя сами утверждали, будто Лермонтовъ былъ влюбленъ въ нихъ и это онѣ послужили прототипомъ для княжны Мери. Такъ утверждали, что въ ней поэтъ выставилъ сестру Мартынова, что будто и было настоящею причиною несчастной дуэли. Видѣли прототипъ княгини и княжны Лиговскихъ въ г-жѣ Киньяковой съ дочерью изъ Симбирска, лѣчившихся въ Пятигорскѣ, въ г-жѣ Ивановой изъ Елисаветграда, въ г-жѣ Прянишниковой и племянницѣ ея, г-жѣ Быховецъ, съ которыми, впрочемъ, Лермонтовъ познакомился передъ послѣднею своею дуэлью.—Въ 1881 году по Пятигорскому бульвару и

---

[1] Стоитъ сравнить разсказъ г-жи Гоммеръ-де-Гелль съ тѣмъ, что сказано въ «кн. Мери» [т. V, стр. 303—305]; напр. сцена ночного нападенія, отъ котораго Печоринъ успѣваетъ скрыться въ домѣ, гдѣ жила Вѣра, т. е. въ домѣ и нынѣ въ Кисловодскѣ именуемымъ домомъ Ребровой.—Стр. 300 и 327 сцены, когда Печоринъ говоритъ княжнѣ Мери, что не любитъ ея.—Стр. 294—гдѣ Вѣра ревнуетъ Печорина къ Мери, когда дошелъ до нея слухъ, что онъ женится на этой дѣвушкѣ. Даже ботинки «couleur puce» на стр. 253, обувавшіе изящную ногу Мери, именно того цвѣта, коимъ щеголяла маленькая ножка француженки въ изящномъ башмачкѣ.

у источниковъ ходила г жа В. въ длинныхъ сѣдыхъ локонахъ со слѣдами стройной красоты. Ее всѣ называли «Княжной Мери», и она принимала это названіе съ видимымъ удовольствіемъ. Но самое куріозное, это упорное увѣреніе разныхъ собирателей вѣстей о Лермонтовѣ, что поэтъ списывалъ главную героиню своего романа съ Э. А. Шанъ-Гирей. Тщетно почтенная и уважаемая Эмилія Александровна болѣе 10 лѣтъ въ цѣломъ рядѣ замѣтокъ, въ различныхъ журналахъ, сообщаетъ, что она познакомилась съ Михаиломъ Юрьевичемъ въ маѣ 1841 года, тогда какъ «Герой нашего времени» былъ написанъ съ 1838 по 1840 годъ. Послѣдній разсказъ «Княжна Мери», оконченный въ октябрѣ или ноябрѣ, былъ напечатанъ раньше послѣдняго выѣзда поэта на Кавказъ.—Ея сообщеніямъ не внемлятъ. Ужъ видно такъ созданы люди, что имъ непремѣнно вѣрится въ то, во что имъ почему-либо хочется вѣрить, а не въ то, что есть на самомъ дѣлѣ. Даже въ Лермонтовскомъ музеѣ, гдѣ находятся всѣ статьи г-жи Шанъ-Гирей, и куда она спеціально писала, препровождая портретъ свой, о присылкѣ коего ее просили,—даже тамъ не могли воздержаться отъ того, чтобы не подписать подъ портретомъ: «Княжна Мери»[1].

Г-жа Гомеръ-де-Гелль ненашутку полюбила поэта, встрѣтясь съ нимъ еще разъ черезъ два мѣсяца въ Ялтѣ. Она увѣрилась, что была бы счастлива съ нимъ. «Мы оба поэты»!—восклицаетъ она—«Между нами все чисто». Подъ обаяніемъ увлеченія и поэтической обстановки они обмѣнялись стихо-

[1] Не могу не указать на одно показаніе г-жи Шанъ-Гирей, кажущееся мнѣ противорѣчивымъ. Въ Нов. Врем. 5-го сент. 1881 г. въ Ист. Вѣсти. того же года, т. VI, стр. 449 и въ другихъ статьяхъ, Эмилія Александровна утверждаетъ, что Лермонтовъ познакомился съ нею въ маѣ 1841 года, а въ Русскомъ Арх. 1887 г., № 11, стр. 437, защищая г-жу Реброву отъ разсказа г-жи Гоммеръ-де-Гелль, утверждаетъ, что помнитъ балъ въ Кисловодскѣ данный 22 авг. 1840 г., и какъ Лермонтовъ стоялъ въ окнѣ съ другими офицерами. Если въ 40 году Эмилія Алекс. знала Лермонтова по виду, то почему же онъ не могъ ее знать и выставить въ своемъ романѣ? Или же Эмилія Александровна увлеклась защитой г-жи Ребровой отъ въ сущности невинныхъ собщеній о ней г-жи де Гелль?

твореніями. Лермонтовъ написалъ ей лирическую пьеску на французскомъ языкѣ, описывая случай, когда оба сговорились итти гулять изъ Мисхора въ Симеисъ и М-me де-Гелль нашла поэта на мѣстѣ назначеннаго свиданія, спящимъ подъ березою[1]. Михаилъ Юрьевичъ страшно дурачился съ интересною иностранкою, весьма легко относившеюся къ жизни, но все же понимавшею значеніе нашего поэта лучше многихъ изъ его соотечественниковъ[2]. Она называла Михаила Юрьевича «Бульбуль», что по-татарски означаетъ соловей, и въ письмахъ во Францію высказывала, что «это новое свѣтило, которое возвысится и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи». Г-жа де-Гелль посвятила нашему поэту стихотвореніе подъ заглавіемъ «Соловей Лермонтову» и помѣстила его тогда же въ «Одесскомъ журналѣ»[3].

Пробывъ на минеральныхъ водахъ, Лермонтовъ поѣхалъ въ Ставрополь узнать о своемъ отпускѣ для свиданія съ бабушкою въ Петербургѣ, о коемъ старушка Арсеньева неустанно хлопотала. Въ штабѣ командовавшаго войсками генерала-адъютанта Граббе, расположенномъ въ Ставрополѣ, поэтъ хотѣлъ справиться, что отвѣчали на запросъ о немъ военнаго министра. Старшимъ адъютантомъ при штабѣ оказался товарищъ Михаила Юрьевича по Московскому университетскому пансіону, который и показалъ поэту отвѣтную бумагу. Обыкновенно по нѣкоторымъ бумагамъ, не требовавшимъ какой-либо «особенной отписки», писаря сами составляли черновые отпуски, и въ такую-то категорію бумагъ попалъ и запросъ министра о Лер-

---

1 Стихотвореніе помѣщено въ нашемъ изданіи т. I, стр. 341.

2 Мнѣ жаль Лермонтова [пишетъ она въ октябрѣ 1840 года], онъ дурно кончитъ. Онъ не для Россіи рожденъ [!!]. А Лермонтовъ великій поэтъ...

3 «Journal d'Odessa» № 104, 31 декабря [12 января] 1840 года. Оно заканчивалась четырехстишіемъ:

Oh, merci, mon poëte! A toi tout ce que l'âme
Dans ses secrets replis peut renfermer de flamme.
A toi l'attrait si doux des lointains souvenirs:
Et les rêves de gloire où tendent mes désirs!

монтовѣ. Въ «отпускѣ» было сказано, что такой-то поручикъ Лермонтовъ *служитъ исправно, ведетъ жизнь трезвую и добропорядочную и ни въ кикихъ злокачественныхъ поступкахъ не замѣченъ*. Лермонтовъ сильно хохоталъ надъ такой для него «аттестаціей» и увѣрялъ, что ничего не можетъ быть для него болѣе лестнымъ [1].

Отъ 27 сентября и до 18 октября Лермонтовъ опять находится въ экспедиціи въ Большую Чечню. Въ это время, кажется, онъ сталъ предводительствовать конною командою охотниковъ, о которой мы говорили выше, и опять отличился. П. Х. Граббе въ своемъ представленіи говоритъ по поводу Михаила Юрьевича: «Во всѣхъ дѣлахъ поручикъ Лермонтовъ оказалъ примѣрное мужество и распорядительность». Его представили къ золотой саблѣ [2]. Кажется во время этой экспеди-

---

[1] Воспоминанія Я. И. Костенецкаго [Русск. Стар. 1875 года т. XIV, стр. 60]. Воспоминанія не только малосодержательны, какъ тамъ же справедливо замѣтилъ г. Ефремовъ, но сбивчивы и основаны лишь на слухахъ. Самъ Костенецкій говоритъ, что въ Пятигорскѣ передъ смертью поэта съ нимъ не могъ сойтись и обмѣнялся при встрѣчѣ лишь нѣсколькими незначащими фразами.

[2] Н. Н. Буковскій въ письмѣ ко мнѣ отъ 18-го ноября 1889 г. указываетъ на то, что въ журналѣ военныхъ дѣйствій отъ 4-го октября упоминается еще Дороховъ съ его командою и что слѣдовательно Лермонтовъ принялъ команду эту въ послѣдніе дни экспедиціи уже подъ начальствомъ самого Граббе, отъ 27-го октября и до 18-го ноября, и что это согласуется и съ письмомъ Лермонтова, носящимъ почтовый штемпель 4-го ноября [т. V, стран. 431, гдѣ въ концѣ письма въ примѣчаніи вмѣсто 4-го ноября поставлено 3-го — что есть опечатка] гдѣ онъ говоритъ: «я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ». Я опредѣлилъ письмо какъ писанное 4-го ноября, введенный въ заблужденіе почтовымъ штемпелемъ на оборотѣ. Въ началѣ письма только стоитъ: «крѣпость Грозная». Теперь я убѣдился, что это опредѣленіе не вѣрное. Лермонтовъ не принималъ участія въ экспедиціи отъ 27-го октября до 18-го ноября. Изъ дневника г-жи Гомеръ-де-Гелль видно, что поэтъ былъ съ нею въ Ялтѣ 29-го октября. Октября 28-го онъ въ Мисхорѣ написалъ ей французскіе стихи свои. Въ началѣ ноября поэтъ все еще съ нею. Пояснить почтовый штемпель (4 ноября) можно развѣ такъ, что письмо писано раньше, и по забывчивости или какой случайности, можетъ быть, по винѣ третьяго лица, коему было поручено отправить письмо, попало на почту гораздо позднѣе. Къ тому же Лермонтовъ въ письмѣ замѣчаетъ, что «экспедицій описывать не велятъ». Слѣ-

ціи возлѣ Лермонтова былъ убитъ декабристъ Лихаревъ. «Сраженіе приходило къ концу; оба пріятеля шли рука объ руку, и часто въ жару спора, неосторожно останавливались. Но горская пуля мѣтка, и винтовка рѣдко даетъ промахи. Въ одну изъ такихъ остановокъ вражеская пуля поразила Лихарева» [1]...

Какимъ образомъ вскорѣ послѣ экспедиціи, уже въ концѣ октября, Лермонтовъ оказался въ Ялтѣ съ г-жею Гомеръ-де-Гелль, непонятно. Намъ не удалось опредѣлить когда и на сколько времени былъ ему данъ отпускъ и вообще былъ ли даваемъ таковой. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ въ началѣ февраля 1841 г. Трудно предположить чтобы, получивъ разрѣшеніе въ концѣ октября, поэтъ ноябрь, декабрь и январь, т. е. три мѣсяца ѣхалъ изъ Крыма до Петербурга. Г-жа Гомеръ-де-Гелль говоритъ о томъ, что «Лермонтовъ торопится въ Петербургъ, и ужасно боится, *чтобы не узнали тамъ*, *что онъ заѣзжалъ въ Ялту*. Его карьера можетъ пострадать. Графиня В[оронцова] ему обѣщала объ этомъ въ Петербургъ не писать ни полслова». Трудно предположить, чтобы поэтъ увлекся такъ, что поѣхалъ въ Крымъ *безъ разрѣшенія* и затѣмъ возвратился въ Ставрополь ожидать полученія отпуска. Въ такомъ случаѣ показанія г. Есакова (см. выше стр. 340) вѣрны и Лермонтовъ точно провелъ часть зимы 1840 и 1841 года въ Ставрополѣ. Господинъ Меринскій въ воспоминаніяхъ своихъ говоритъ, что Михаилъ Юрьевичъ въ концѣ 1840 года получилъ отпускъ въ Петербургъ «*на нѣсколько мѣсяцевъ*» [2].

довательно, можетъ-быть, письмо нарочно было опущено позднѣе. Къ тому же въ томъ же письмѣ говоритъ, что отрядъ возвратился въ Грозную только что, послѣ 20 дневной экспедиціи. Экспедиція отъ 27 сентября до 18 октября составитъ 20 дней. И такъ письмо писано около 18 октября.

[1] Изъ записокъ Ларера [Русск. арх. 1874 г. кн. вторая. стр. 681].

[2] Атеней 1858 г. № 48, стр. 304.—Изъ разговоровъ П. Хр. Граббе съ отцомъ моимъ въ Ревелѣ въ годы Крымской компаніи, у меня осталось въ памяти, что Павелъ Христофоровичъ не стѣснялъ Лермонтова и давалъ ему больше свободы—не замѣчая нѣкотораго его своеволія, слѣдствіе независимаго характера поэта.

ГЛАВА XVIII.

Первое изданіе стихотвореній и «Героя нашего времени».—Сужденіе.—Религіозное направленіе.—Послѣднее пребываніе въ Петербургѣ.—Мечты объ отставкѣ и исключительно литературной дѣятельности.—Лермонтовъ въ кругу друзей.—Нерасположеніе къ поэту гр. Бенкендорфа.—Внезапная высылка изъ Петербурга.

Въ то время, какъ Лермонтовъ на Кавказѣ велъ жизнь приключеній, въ Петербургѣ собирались издавать его сочиненія. Въ небольшую книжку были собраны стихотворенія поэта, всего 28 лирическихъ пьесъ, и выпущены въ свѣтъ небольшимъ томикомъ [1]. Но еще раньше выхода ихъ въ печати по-

[1] Читатель найдетъ въ алфавитномъ указателѣ при редактируемомъ нами собраніи сочиненій Лермонтова особенно отмѣченными 39 сочиненій, напечатанныхъ при жизни поэта. Изъ числа ихъ не вошли въ первое изданіе стихотвореній десять. Оно содержитъ: Пѣснь о Калашниковѣ, Бородино, Узникъ, Молитва [Я Матерь Божія], Дума, Русалка, Вѣтка Палестины, Не вѣрь себѣ... Еврейская мелодія, Въ альбомъ [Какъ одинокая гробница]. Три пальмы, Молитва [Въ минуту жизни трудную], Дары Терека, Памяти Одоевскаго, 1-е января, Казачья колыбельная пѣсня, Журналистъ, читатель и писатель, Воздушный корабль, И скучно и грустно, Ребенку, Отчего, Благодарность, Изъ Гёте, Мцыри, Когда волнуется желтѣющая нива, Сосѣдъ, Разстались мы, но твой портретъ, Тучи.—Послѣднее стихотвореніе, писанное въ апрѣлѣ 1840 года у Карамзиныхъ въ день отъѣзда, является какъ бы эпилогомъ къ небольшому сборнику стиховъ, составленному самимъ поэтомъ. Я слышалъ, но не помню отъ кого и потому не выдаю за вѣрное [кажется отъ гр. Сологуба], что тетрадка стихотвореній была оставлена Лермонтовымъ у Карамзиныхъ. Тамъ долго толковали, напечатать ли стихи опальнаго поэта. Помнили, какъ послѣ первой ссылки не рѣшались печатать «пѣсню о Калашниковѣ» и наконецъ разрѣшили печатать, но безъ подписи поэта. Наконецъ тетрадь была представлена въ цензуру 13-го августа. Затѣмъ просили взять на себя хлопоты по изданію И. И. Кувшинникова.—Карамзины жили въ домѣ Кувшинниковой.—Книга была напечатана въ типографіи Ильи Глазунова, но фамилія издателя Кувшинникова не выставлена. Изданіе состояло изъ 168 стр.—Отзывъ былъ сдѣланъ Бѣлинскимъ въ От. Зап. 1840 г. т. XIII № 11. Онъ пророчилъ Лермонтову какъ поэту «колоссально-великое» будущее.—Бѣлинскій же по поводу изданія 1842 [см. соч. Бѣл. т. VII] говоритъ, что «первое изданіе стихотвореній печаталось подъ надзоромъ самого поэта». Это не совсѣмъ такъ. Въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ Лермонтовъ готовилъ изданіе, но, принужденный уѣхать, работу не окончилъ. Туда вошло бы еще многое изъ стихотвореній, напр. Умирающій Гладіаторъ

явился романъ: «Герой нашего времени» въ 2-хъ частяхъ. Кромѣ «Бэлы», «Фаталиста» и «Тамани», прежде уже напечатанныхъ въ «Отечественныхъ запискахъ», читатели встрѣтили здѣсь впервые «Максима Максимовича» и «Княжну Мери». Послѣдній разсказъ Лермонтовъ выслалъ съ Кавказа незадолго до своего пріѣзда. Онъ засталъ изданіе почти законченнымъ и принялъ предложенное Краевскимъ измѣненіе заголовка: «Одинъ изъ героевъ нашего вѣка» на «Герой нашего времени» [1]. Несмотря на хорошіе отзывы Бѣлинскаго въ Отечественныхъ запискахъ, изданіе не расходилось. Тогда издатель г. Глазуновъ, боясь понести убытки на своемъ предпріятіи, обратился къ редактору Сѣверной Пчелы, Ѳад. Вен. Булгарину, и просилъ напечатать въ газетѣ его одобрительный отзывъ о сочиненіи молодаго писателя. Какъ только въ «Сѣверной Пчелѣ» появилась одобрительная статья, изданіе раскупили на расхватъ [2].

[т. I стр. 250 — примѣчаніе], Послѣднее новоселье. Парусъ, Сосна, и друг. Первое изданіе вышло въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и печаталось со списка, составленнаго самимъ поэтомъ за годъ, именно потому, что поэтъ неуспѣлъ сдѣлать новую переборку своимъ твореніямъ, а прежняя тетрадь уже была одобрена цензурою, рѣшили напечатать ее, а ужъ затѣмъ приступить ко второму изданію.

1 По сообщенію Краевскаго, точно также было рѣшено измѣнить заголовокъ: «Изъ записокъ офицера» на «Максимъ Максимовичъ». [ср. статью мою Русская Старина 1878 года т. XXIII стр. 361]. Второе изданіе 1841 г., тоже напечатанное у Глазунова, собственно, кажется, афера книгопродавческая, ибо первое и второе изданіе совершенно тождественны — буква въ букву; тоже число страницъ и строкъ. Разницу составляетъ предисловіе Лермонтова ко второму изданію. Возможно, что начавшаяся сильная распродажа романа послѣ рецензіи въ «Сѣверной пчелѣ», о чемъ ниже, побудила издателя объявить второе изданіе его, въ сущности же перемѣнить лишь заглавный листъ перваго и прибавить предисловіе автора, вызванное толками о его романѣ, да критикой Сенковскаго и особенно Бурачка въ «Маякѣ». [т. V стр. 188].

2 Такъ разсказывается въ краткомъ обзорѣ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ 1782—1882 г. [стр. 71.]. — Позднѣе фирма эта обогатилась изданіями сочиненій Лермонтова, изданіями весьма неполными и небрежно редактировавшимися. Фирма Глазунова претендовала на принадлежащее ей право на изданія сочиненій Лермонтова. Оно не оспаривалось на судѣ потому, что у Лермонтова не оставалось прямыхъ наслѣдниковъ и никто въ правахъ наслѣдства утверждаемъ не былъ. — На вызовъ наслѣдниковъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ

Самъ г. Булгаринъ въ своемъ достопамятномъ органѣ разсказываетъ дѣло иначе: къ нему приходилъ-де человѣкъ положительный «какъ червонецъ» и просилъ написать статью о готовящейся къ печати книгѣ молодаго писателя. Въ этомъ было ему отказано. Только когда Булгаринъ прочелъ въ Маякѣ невозможную критику Бурачка, онъ рѣшился прочесть «Героя нашего времени» и утверждаетъ, что «въ теченіи 20 лѣтъ впервые прочелъ русскій романъ дважды сряду» [Сѣверная Пчела 1840 г. № 246].

Допустимъ что дѣйствительно восторженная рецензія Булгарина помогла г. Глазунову распродать свое изданіе, а слѣдовательно послужила къ распространенію славы Лермонтова. Въ длинномъ перечнѣ прегрѣшеній Ѳаддея Венедиктовича пусть мерцаетъ эта «заслуга» его свѣтлою точкою [1]. Удивительно

отозвался одинъ А. П. Шанъ-Гирей, разрѣшившій Императорской Публичной библіотекѣ принять въ даръ рукописи поэта отъ г-на Хохрякова. Подробности относительно вопроса о правахъ г-на Глазунова находятся въ полемикѣ моей съ гг. Глазуновымъ и Ефремовымъ: *Кому принадлежитъ право на изданіе сочиненій Лермонтова?* Новости 1887 года № 77 и 82.—Отвѣтъ г. Глазунова и г. Ефремова въ Нов. Врем. 1887 г. № 3988.—Кто собственникъ сочиненій Лермонтова? статья прис. пов. Соколовскаго въ Новостяхъ № 99. Въ № 101 моя статья [1887 г.].— Въ 1889 году въ Нов. Вр. статья Глазунова и тамъ же въ № 4742 мое письмо, конецъ коего редакція не помѣстила. Онъ заключался дословно въ слѣдующихъ строкахъ: «Не могу не выразить въ заключеніе сожалѣнія, что такое чистое, и каждому образованному человѣку дорогое дѣло, какъ изданіе сочиненій писателя, составляющаго славу народа, наталкивается не на посильную взаимную помощь, а на разныя затрудненія, клевету и искаженія, которыхъ я испыталъ не мало. Исторія собиранія матеріаловъ для біографіи и изданія сочиненій Лермонтова представляетъ не мало любопытныхъ иллюстрацій къ характеристикѣ нравовъ нашего литературнаго мірка».

[1] Впрочемъ Бѣлинскій въ статьѣ по поводу стихотвореній Лермонтова изд. 1840 года говоритъ по адресу г. Булгарина, что уже явились ложные друзья, которые спекулируютъ на имя Лермонтова, чтобы мнимымъ безпристрастіемъ [похожимъ на *купленное* пристрастіе] исправить въ глазахъ толпы свою незавидную репутацію и т. д. [соч. Бѣл. т. IV].— Рецензія Бурачка [Маякъ 1840 г. ч. IV стр. 210—219] начинается со словъ: «Появленіе героя нашего времени, такой [теплый] пріемъ ему всего разительнѣе доказываетъ упадокъ нашей литературы и вкуса читателей» и т. д.

только, что мало по малу ясный взглядъ Бѣлинскаго и сужденія его о произведеніяхъ Лермонтова забылись или по нимъ скользили весьма поверхностно. Много десятковъ лѣтъ журнальная наша критика относилась недружелюбно къ типу Печорина, отождествляя его съ Лермонтовымъ, котораго признали человѣкомъ, исполненнымъ всевозможныхъ непріятныхъ свойствъ и даже пороковъ.

Если на стр. 309 мы упоминали о мнѣніи, что Лермонтовъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ отрицанія[1], то это могло казаться лишь тѣмъ людямъ, которые не хотѣли, или не могли глубже приглядѣться къ нему и его поэзіи. Оттого-то они въ то же время обыкновенно замѣчали, что многое въ этомъ человѣкѣ не разъяснено, что біографы не выяснили различныхъ явленій его характера, что онъ глядѣлъ злобно на окружающее, что онъ охотно драпировался въ мантію байронизма и т. п.

Наши критики и философы сами были слишкомъ тѣсно связаны съ тѣми явленіями жизни, которыя бичевалъ Лермонтовъ; вотъ почему, неумѣя отличить вѣчнаго отъ временнаго, они судили о поэтѣ односторонне и блѣдно, взирая на него и міръ сквозь бѣдное запыленное свое окошечко, сквозь призму предвзятости и партійности, въ то время, какъ стоящее внѣ ихъ лицо — Боденштедтъ — одинъ изъ представителей общечеловѣческаго пониманія и развитія, чрезъ десять лѣтъ по смерти поэта, съумѣлъ уже произнести о немъ въ общемъ вполнѣ вѣрное сужденіе; а Боденштедтъ не зналъ къ тому еще и русской жизни, не имѣлъ біографическихъ свѣдѣній о великомъ нашемъ поэтѣ, явившихся позднѣе[2].

---

[1] Аполлонъ Григорьевъ: Лермонтовъ и его направленіе—крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда. Время 1862 г. кн. X.

[2] Само собою разумѣется, что, говоря о русскихъ критикахъ, мы исключаемъ Бѣлинскаго, который первый по появленіи сочин. Лермонтова написалъ о немъ критику, и теперь еще неутратившую своего значенія.— Краткій обзоръ критическихъ мнѣній, начиная съ Добролюбова, пріобщившаго Печорина къ типу Обломовыхъ, находится въ статьѣ г-на W.: Литературные типы русской интеллигенціи. — Печоринъ. — Новое Время 1889 г. 26 Іюля № 4815.—О статьѣ Бѣлинскаго по поводу «Героя нашего времени» писалъ и г. Скабичевскій. [От. зап. 1871 г. октябрь стр. 450—454].

Лермонтовъ вовсе не доходилъ до крайнихъ предѣловъ отрицанія. Онъ отнесся отрицательно лишь къ явленіямъ современной ему жизни и выразилъ это ясно прежде всего, какъ видѣли мы, въ «Думѣ» своей. Но въ жизни нашей, кромѣ интересовъ времени, теплится и вѣчное т. е. то что живётъ рядомъ, а порою и на перекоръ случайному, современному. И вотъ въ этомъ Лермонтовъ не былъ скептикъ. Уже рано поэтъ начинаетъ сомнѣваться въ справедливости, даже въ уважительности тѣхъ формъ существованія и сужденія, которыя приняла при немъ русская общественность. Иностранную онъ зналъ мало и о ней, какъ умный человѣкъ, не поющій съ чужаго голоса, не судилъ. Ударившись молодымъ человѣкомъ въ Петербургѣ въ общественную жизнь, онъ скоро сталъ сознавать всю мелочность и тщету ея и выражать это въ своихъ произведеніяхъ. Самъ онъ съ современниками жилъ только короткое время этой пустой жизнью. Онъ собралъ матеріалъ на опытѣ для уразумѣнія явленій, или по крайней мѣрѣ для изображенія ихъ. Поэтому, бичуя современниковъ, онъ бичевалъ и себя такого, какимъ былъ онъ, когда шелъ съ ними одною дорогой. Поэтъ доходилъ до того развитія, когда появляется возможность оглядѣться на самого себя. Анализируя современныхъ людей, онъ анализировалъ и самого себя, поскольку на немъ отразилось современное, [1] и вотъ степень сходства Печорина

Удивительно, какъ рано стали непріязненно относиться къ Лермонтову даже люди повидимому встрѣтившіе талантъ его одобрительно! Въ годовщину смерти Михаила Юрьевича—15 іюля 1845 года, Плетневъ пишетъ Коптеву [Русск. Арх. 1877 г. № 12 стр. 365]: «О Лермонтовѣ я не хочу говорить потому, что и безъ меня говорятъ о немъ гораздо болѣе, нежели онъ того стоитъ. Это былъ послѣ Байрона и Пушкина фокусникъ, который гримасами своими умѣлъ толпѣ напомнить своихъ предшественниковъ. Въ толпѣ стоялъ К[раевскій]. Онъ раскричался въ Отеч. Зап., что вотъ что-то новѣе и слѣдовательно лучше Байрона и Пушкина. Толпа и пошла за нимъ взвизгивать тоже. Не буду же я пока противорѣчить этой ватагѣ, ни вторить ей. Придетъ время, и о Лермонтовѣ забудутъ, какъ забыли о Полежаевѣ».

[1] Когда вышелъ романъ въ первомъ изданіи, Лермонтовъ подарилъ ближайшимъ своимъ друзьямъ по экземпляру. Женѣ извѣстнаго писателя кн. Вл. Өеодор. Одоевскаго, княгинѣ Ольгѣ Степановнѣ, рожденной Ланской, поэтъ переслалъ романъ. На заглавномъ листѣ этого экземпляра,

съ Лермонтовымъ;—Печорина, зарождающагося въ неоконченной повѣсти «Княгиня Лиговская», и Печорина изъ «Героя нашего времени»—этого безсмертнаго творенія и по поэтическому достоинству своему и по живописанію характеровъ, и по рисовкѣ современнаго типа.

Все это глубоко сознавалъ самъ писатель, и вотъ почему въ 1841 году, готовя второе изданіе своего романа, онъ могъ высказаться въ предисловіи къ нему:

... „Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она неугадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи....Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое и тѣмъ не менѣе смертельное, которое подъ одеждою лести наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ“.....

„Герой нашего времени“, милостивые государи мои,—говоритъ поэтъ далѣе въ томъ же предисловіи—точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи“.... (соч. т. V стр. 187).

На значеніе Печорина, какъ изображенія героя времени, затронутаго поэтомъ уже въ «Думѣ», указывалъ и Бѣлинскій: «*Герой нашего времени*—это грустная дума о нашемъ времени, какъ и та, которою такъ благородно, такъ энергически возобновилъ поэтъ свое поэтическое поприще». Критикъ намекаетъ на «Думу», которую поэтъ написалъ по возвращеніи изъ первой ссылки своей [см. выше стр. 310].

Удачно или неудачно изобразилъ поэтъ, что хотѣлъ изоб-

послѣ печатныхъ словъ «Герой нашего времени», Лермонтовъ поставилъ запятую и прибавилъ: «упадаетъ къ стопамъ ея прелестнаго сіятельства, умоляя позволить ему не обѣдать». Было бы наивно серьезно увѣрять, что шутка эта свидѣтельствуетъ о томъ, что Лермонтовъ отождествлялъ себя съ Печоринымъ, но мы такое мнѣніе слышали! [Русск. Стар. 1878 г. т. XXIII стр. 362].

1 От. Зап. 1840 г. т. X и XI [Сочин. Бѣл. изд. 1859 г. Т. III въ концѣ статьи, стр. 647]. Боденштедтъ говоритъ: «Лермонтовъ имѣетъ то общее съ великими писателями всѣхъ временъ, что творенія его вѣрно отражаютъ время со всѣми его дурными и хорошими особенностями, со всею его мудростью и глупостью, и что они имѣли въ виду бороться съ этими дурными особенностями и съ этою глупостью.»

разить; талантливо или неталантливо написано это произведеніе, мы говорить не станемъ—пусть споритъ о томъ пожалуй и теперь еще кто желаетъ, но только одно не подлежитъ сомнѣнію—это бѣдность пониманія нашихъ критиковъ и писателей по сей день почти. Яркимъ примѣромъ непониманія можетъ служить сужденіе о Печоринѣ Авдѣева, написавшаго цѣлый романъ *Тамаринъ*, долженствовавшій развѣнчать этотъ типъ... Господи! развѣ можно винить писателя за то, что пломыслящіе люди приписываютъ ему жалкій кругозоръ бѣднаго своего пониманія. Развѣ можно винить Лермонтова за то, что люди его поколѣнія, а пожалуй, и слѣдовавшаго за нимъ поколѣнія, приняли сатиру его за идеалъ и спѣшили на перерывъ представлять изъ себя Печориныхъ. Точно такъ же могли бы мы винить Шиллера за то, что люди принимались за разбойничье ремесло, увѣряя себя и другихъ, что воплощаютъ собою Карла Мора. Виноватъ ли Ричардсонъ въ томъ, что, выставляя въ знаменитомъ своемъ романѣ «Кларисса» героемъ «Ловеласа», списаннаго имъ частью съ лорда-лейтенанта Ирландіи, Вартона, не достигъ цѣли своей. Ричардсонъ въ *Ловеласѣ*, пустомъ и пошловатомъ характерѣ внутри и представителѣ порядочности во внѣшнихъ проявленіяхъ, думалъ изобразить героя своего времени, который, какъ сатира на современниковъ, долженъ былъ вызвать ихъ негодованіе и послужить къ отрезвленію и оздоровленію. Но Ричардсонъ ошибся. Любезность, смѣлость и недюжинность характера Ловеласа увлекла читателей, особенно же читательницъ, и романъ вызвалъ совершенно противуположное впечатлѣніе тому, какое желалъ вызвать авторъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ Ричардсонъ жалуется на то, что Ловеласъ, не смотря на порочность свою, нравится, благодаря нѣкоторымъ симпатичнымъ чертамъ характера. Благодаря низкому нравственному уровню тогдашняго общества—прибавимъ мы. Романъ «Кларисса» появился въ 1768 году. Долго Ловеласъ стоялъ идеаломъ героя. Но время взяло свое. И кто же теперь, изъ мало-мальски развитыхъ людей, да и давно уже, захочетъ еще надѣвать на себя нарядъ этого героя, драпироваться въ него—слыть за Ловеласа?!

Не Ричардсонъ виною, что современники не поняли значенія его героя! Виною то, что современники сами были не выше Ловеласа и потому возвели его въ идеалъ. Болѣе развитое потомство дало ему оцѣнку, какую придавалъ авторъ и тѣмъ оправдало Ричардсона. Точно такъ же не вина Лермонтова, что современники не поняли Печорина, не придали ему настоящаго значенія, а судили по себѣ и понимали такъ, какъ понимать были въ состояніи по своему развитію, понятіямъ и интересамъ. Къ тому же упорно утверждали, что въ Печоринѣ Лермонтовъ изобразилъ самого себя [1], и мало по малу такъ въ этомъ убѣдились, что спутали поэта съ выставленнымъ имъ героемъ. Изрѣченія послѣдняго выдаются за мнѣнія самого поэта, безъ всякаго критическаго анализа. Мѣста, описанныя въ романѣ, гдѣ проводилъ время Печоринъ, или гдѣ происходило что-либо съ нимъ, связываются съ именемъ самого поэта. Такъ гротъ, въ коемъ поэтъ описываетъ встрѣчу Печорина съ Вѣрой, такъ и именуется «*гротомъ Лермонтова*». Въ Пятигорскѣ даже создалась цѣлая легенда о томъ, что въ этомъ гротѣ Михаилъ Юрьевичъ писалъ свой романъ и сочинялъ свои чудныя лирическія стихотворенія. Въ гротѣ этомъ непризванные піиты старались увѣковѣчить память свою на мраморныхъ доскахъ, сплетая золотыми буквами свои имена съ именемъ великаго писателя. Посѣтители Пятигорска собирали подписки, выписывали бюсты Лермонтова—имѣющіе при томъ сходство скорѣе съ любымъ лакеемъ, а не съ поэтомъ—носили вѣнки и другія приношенія. Гротъ же этотъ во времена Лермонтова, находясь въ дикомъ состояніи, бывалъ прибѣжищемъ въ разныхъ случаяхъ жизни водяного общества, и сидѣть въ немъ, писать или задумывать сочиненія было несовсѣмъ удобно.

Но что же дѣлать! Вѣрили же туристы, когда проводники французы и лодочники итальянцы показывали имъ островъ

---

[1] Въ томъ же предисловіи ко второму изданію «Героя» [т. V, стр. 188]. Лермонтовъ говоритъ... «Другіе [читатели] очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портретъ своихъ знакомыхъ... старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужъ сотворена, что въ ней все обновляется, кромѣ нелѣпостей».

и гротъ на немъ, въ коемъ Монтекристо, герой извѣстнаго романа Дюма, хранилъ свои сокровища.

Если правда, что Печорина Лермонтовъ частью списалъ съ самого себя, то лишь на столько, на сколько *Онѣгина* списалъ съ себя Пушкинъ, а *Чацкаго* съ себя Грибоѣдовъ.— Гёте изобразилъ самого себя въ Фаустѣ, друга же своего Марка въ Мефистофелѣ. Но развѣ можно смѣшивать созданіе искусства съ лицомъ, черты коего помогали художнику облекать идею въ кровь и плоть! Впрочемъ мы знали человѣка изъ «образованнаго общества», который говорилъ, что созданный Антокольскимъ Іоаннъ Грозный, не Іоаннъ Грозный, а просто натурщикъ, котораго онъ *самъ* видѣлъ въ мастерской скульптора. Лицо Іоанна Крестителя, на геніальной картинѣ Иванова, списано съ несчастной вдовы, и не мало Мадоннъ кисти Рафаеля сняты имъ съ итальянокъ, въ свое время многимъ извѣстныхъ. Разсказываютъ, что крестьяне одной деревни требовали удаленія изъ церкви святого изображенія, потому что знали личность служившую моделью для художника [1].

[1] Чтобы ужъ кончить съ вопросомъ, кто служилъ для поэта моделями при внѣшней рисовкѣ фигуръ въ «Героѣ нашего времени» [о кн. Мери мы говорили на стр. 289 и 352], упомянемъ г. Колюбякина, изображеннаго, по словамъ Шанъ-Гирея и другихъ, въ Грушницкомъ. Онъ былъ въ одно время съ Лермонтовымъ на водахъ и отличался нѣкоторою фатоватостью. Столкновеній и дуэли между нимъ и поэтомъ не было. Мать Колюбякина была полька, рожденная Пулавская, родная сестра извѣстнаго мятежника, который въ 1771 году вздумалъ захватить короля Станислава. Отъ матери Колюбякинъ наслѣдовалъ задоръ, который особенно ярко выказывался въ молодые годы. Лермонтовъ, изображая Колюбякина въ Грушницкомъ, говорилъ по поводу его задора, вѣроятно намекая на польское его происхожденіе: «Это что-то не русская храбрость».—Колюбякинъ былъ личнымъ адъютантомъ Анрепа и при генералѣ своемъ имѣлъ «le droit d'insolence». Онъ даже былъ какъ-то разжалованъ въ солдаты за дерзость, сказанную во время ученія полковому командиру. Позднѣе этотъ задоръ утихъ, и наружу вышли славянское добродушіе и хлѣбосольство. Колюбякинъ, будучи военнымъ губернаторомъ Кутаиса, пользовался общею любовью. [Русск. Архивъ 1884 г., кн. III, стр. 448].—Слухъ, что Лермонтовъ изобразилъ въ Грушницкомъ Мартынова, совсѣмъ не вѣренъ и является вымысломъ людей, желавшихъ этимъ пояснить причину ненависти Мартынова къ поэту.—Драгунскій капитанъ списанъ съ армейскаго гусара Саланина.—Въ полковникѣ Н., въ разсказѣ «Максимъ Максимовичъ», изображенъ полковникъ Нестеровъ [тоже по словамъ Шанъ-Гирея].—Бэла была татарка у Хастатова [сравни, что

Отрицательно относясь къ явленіямъ своего времени и «печально глядя на современное ему поколѣніе», поэтъ далеко не негативно относился къ вѣчнымъ вопросамъ и задачамъ жизни. Чѣмъ болѣе зрѣлъ онъ, чѣмъ болѣе проникалъ въ смыслъ жизни народа своего и человѣчества, тѣмъ сильнѣе звучали въ поэзіи его струны положительнаго, а не отрицательнаго направленія. Не злоба говоритъ въ немъ, когда онъ обращается къ Матери Божіей въ своей дивной молитвѣ. Дышетъ она любовью и вѣрою, дышетъ чувствомъ полнаго отреченія отъ своего «я», дышетъ альтруистическимъ отношеніемъ къ ближнему:

...„Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго". [т. I, стр. 264].

или:

„Когда въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твердитъ онъ наизусть. [стр. 278].

«Когда волнуется желтѣющая нива», когда среди явленій природы онъ одинъ съ нею и далеко отлетаетъ все современное, ему столь чуждое, когда смиряются души его тревоги, онъ видитъ въ небесахъ Бога и морщины сглаживаются на челѣ его [стр. 265]. Сколько вѣры, сколько любви душевной сказывается тогда въ поэтѣ нашемъ, заклейменномъ невѣрующимъ отрицателемъ.

...«Мнѣ отрадно было видѣть—пишетъ Бѣлинскій о Лермонтовѣ послѣ свиданія съ нимъ и интимной бесѣды одинъ на одинъ — въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей *сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого*. Я это сказалъ ему,— онъ улыбнулся и сказалъ: Дай Богъ!..»[1].

говоритъ Лонгиновъ. Русск. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 391].—Хастатовъ же, сынъ Екатерины Алексѣевны, сестры бабушки Арсеньевой, выведенъ въ Фаталистѣ. Мѣсто дѣйствія—Червленая станица. Хастатовъ и есть офицеръ, бросившійся въ окно на убійцу.

[1] Выраженіе Спасовича, т. II, стр. 404.

Въ Лермонтовѣ, который «никогда не переставалъ вѣрить въ личнаго Бога» [1], *свѣтило упованіе Вѣчнаго*, и потому «скучныя пѣсни земли» не могли «замѣнить ему звуковъ небесъ». Эти «пѣсни земли» въ его время, пѣтыя печальнымъ поколѣніемъ, томили его, онъ задыхался отъ нихъ. Одинокимъ выходилъ онъ на дорогу, прислушиваясь къ языку звѣздъ [стр. 343], а порою и онѣ «слушали его, лучами радостно играя»!.. Даже въ шумѣ битвы поэтъ чувствовалъ себя одинокимъ, а мысли уносились къ «престолу предвѣчнаго Аллы» или были заняты болью о попранномъ достоинствѣ человѣка. Послѣ горячаго дѣла подъ «Валерикомъ», среди окровавленныхъ раненыхъ и остывающихъ труповъ стоитъ онъ, «тоской томимый»:

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу... Кровь текла
Струею дымной по каменьямъ:
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ;
А тамъ вдали,— грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы — и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?.. [т. I, стр. 312].

Любопытны и религіозныя бесѣды, которыя Лермонтовъ еще въ началѣ 1841 года имѣлъ съ кн. Одоевскимъ и которыя побудили послѣдняго записать въ альбомъ поэта изреченія изъ дѣяній Апостольскихъ. Они напечатаны въ концѣ перваго тома нашего изданія, стр. 347.

---

[1] Пыпинъ: жизнь Бѣлинскаго, т. II, стр. 38. Ср. тоже очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ, статья г. Герасимова въ журналѣ: Вопросы философіи и психологіи подъ редакціей Н. Я. Грота 1890 г., книга 2-я.

«И міръ преходитъ и похоть его; а творяй волю Божію пребываетъ во вѣки».

Въ началѣ февраля, на масляной, Михаилъ Юрьевичъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Бабушка, усиленно хлопотавшая о прощеніи внука, не успѣла въ своемъ предпріятіи и добилась только того, что поэту разрѣшили отпускъ для свиданія съ нею[1]. Кругъ друзей и теперь встрѣтилъ его весьма радушно. Въ немъ замѣтили перемѣну. Періодъ броженія пришелъ къ концу. Поэтическій талантъ крѣпъ и сознательность сужденій сказывалась все яснѣе. Онъ нашелъ свой жизненный путь, понялъ назначеніе свое и зачѣмъ призванъ въ свѣтъ. Ему хотѣлось болѣе чѣмъ когда-либо выйти въ отставку и совершенно предаться литературной дѣятельности. Онъ мечталъ объ основаніи журнала и часто говорилъ о немъ съ Краевскимъ, не одобряя направленія Отечественныхъ Записокъ. — «Мы должны жить своею самостоятельною жизнью и внести свое самобытное въ общечеловѣческое. Зачѣмъ намъ все тянуться за Европою и за французскимъ. Я многому научился у азіатовъ, и мнѣ бы хотѣлось проникнуть въ таинства азіатскаго міросозерцанія, зачатки котораго и для самихъ азіатовъ и для насъ еще мало понятны. Но, повѣрь мнѣ, — обращался онъ къ Краевскому — тамъ на Востокѣ тайникъ богатыхъ откровеній»[2]. Хотя Лермонтовъ въ это время часто видался съ Жуковскимъ, но литературное направленіе и идеалы его не удовлетворяли юнаго поэта. «Мы въ своемъ журналѣ, говорилъ онъ, не будемъ предлагать об-

---

1 Письмо къ Бибикову, томъ V, стр. 432.

2 Изъ сообщеній А. А. Краевскаго. — Приводя слова Лермонтова, мы воспроизводимъ суть того, что передавалъ Краевскій. Графъ Сологубъ тоже не разъ сообщалъ намъ о планахъ Лермонтова относительно основанія журнала. Онъ даже проектировалъ подробную програму его. Въ чемъ она состояла, Сологубъ пояснить не могъ, утверждая, что не придавалъ «этимъ фантазіямъ» серьезнаго значенія! На спросъ мой объ этихъ програмахъ у Краевскаго, Андрей Александровичъ отозвался: «Можетъ-быть! Лермонтовъ часто и много объ этомъ говорилъ, но чтобы онъ подробно и обстоятельно на бумагѣ составлялъ свои проекты—этого не думаю».

ществу ничего переводнаго, а свое собственное. Я берусь къ каждой книжкѣ доставлять что-либо оригинальное, не такъ, какъ Жуковскій, который все кормитъ переводами, да еще не говоритъ, откуда беретъ ихъ»[1]. Признаки этого настроенія сохранились въ стихотвореніи Лермонтова «Родина» [т. I, стр. 327]. О литературной его дѣятельности того времени Гоголь говоритъ: «Никто еще не писалъ у насъ такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою. Тутъ видно больше углубленія въ дѣйствительность жизни—готовился будущій великій живописецъ русскаго быта»[2].

Творчество Лермонтова дѣйствительно вступало въ новый фазисъ развитія. Элементы объективной рисовки берутъ верхъ надъ субъективными; поэтъ черпаетъ мотивы своихъ созданій не только изъ личныхъ ощущеній, но главнымъ образомъ изъ широкихъ народныхъ вѣрованій и мотивовъ. Зачатки такого процесса сказались уже при созданіи имъ «Пѣсни про Ивана Грознаго и купца Калашникова». Теперь, любезнѣйшая и вѣрнѣйшая для біографа поэма «Демонъ», которая носитъ

---

[1] Авдотья Петровна Елагина, по первому мужу Кирѣевская — мать извѣстныхъ славянофиловъ, близкій другъ и родственница Жуковскаго, встрѣчалась съ Лермонтовымъ въ Москвѣ въ 1841 году. Она мало могла сообщить о поэтѣ, но говорила, что онъ не былъ ей симпатиченъ особенно за несочувствіе къ поэзіи Жуковскаго. Какъ-то въ разговорѣ со мною она замѣтила: «Жаль, что Лермонтову не пришлось ближе познакомиться съ сыномъ моимъ Петромъ—у нихъ нѣкоторые взгляды были общіе». А. П. Елагина скончалась въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Дерптѣ.

[2] Гоголь въ статьѣ: «Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность»... Спасовичъ [т. II, стр. 369] говоритъ: «По врожденной сильной наклонности къ національному, по сильной любви къ родинѣ своей, по нерасположенію своему къ европеизму и глубокому религіозному чувству, вдохновляющему «Вѣтку Палестины» и множеству прекраснѣйшихъ мотивовъ, Лермонтовъ былъ снабженъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлаться великимъ художникомъ того литературнаго направленія, теоретиками коего были Хомяковъ и Аксаковы, художникомъ народническимъ, какого именно недоставало этой школѣ». Знаменательно и замѣчаніе уже не разъ цитированнаго нами Боденштедта. «Чтобы точнѣе опредѣлить значеніе Лермонтова въ русской и во всемірной литературѣ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что онъ выше всего тамъ, гдѣ становится наиболѣе народнымъ; и что высшее проявленіе этой народности не требуетъ ни малѣйшаго комментарія, чтобы быть понятнымъ для всѣхъ». [Рѣчь идетъ главнымъ образомъ о «Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича»].

на себѣ всѣ фазисы развитія таланта и душевнаго состоянія поэта, изъ области личнаго чувства переходитъ въ область эпическаго созданія. Въ ней главнымъ образомъ отражается уже не личная жизнь, а вѣрованія и природа цѣлой страны, въ которой поэтъ нашелъ вторую свою родину. Послѣдняя переработка поэмы относится именно къ 1841 году[1]. Такъ какъ мы о ней подробно говоримъ въ III томѣ, посвящая тамъ ей цѣлую пояснительную статью, то здѣсь, конечно, говорить о ней не станемъ, а только констатируемъ фактъ начавшейся перемѣны направленія творчества въ зрѣющемъ поэтѣ и человѣкѣ.

Жизненности въ Лермонтовѣ не уменьшалось, но все существо его стало спокойнѣе. *Тоска безпредметная*—признакъ молодыхъ неуравновѣсившихся натуръ—рѣже его посѣщала. Онъ давалъ людямъ и обстоятельствамъ болѣе прочную оцѣнку и не искалъ удовлетворенія тамъ, гдѣ искать его было тщетно. Общество вокругъ его не измѣнилось, но уже его не тѣшили такъ, какъ прежде, кипучія выходки молодечества, не томили пошлость и ничтожество встрѣчаемаго. Онъ выросъ внутренно и поднялся и надъ обществомъ, и надъ своимъ собственнымъ «я», коренившемся въ этомъ обществѣ.—Одинъ изъ близкихъ очевидцевъ отношеній поэта въ окружающей его средѣ говоритъ: «Недурны были зачатки въ этомъ поколѣніи, изъ котораго вышелъ Лермонтовъ, но ужасна была среда, въ которой ему суждено было прозябать и которая губила въ напрасной и безплодной борьбѣ съ самимъ собою и съ окружавшею обстановкой лучшихъ его представителей»[2]. Что поэту опостылѣлъ даже тотъ кругъ людей, въ коемъ онъ еще въ 38 и 39 году, во время служенія въ лейбъ-гусарахъ, убивалъ время и прожигалъ молодость, видно и изъ отзывовъ князя П. П. Вяземскаго о томъ, какъ держалъ себя въ 1841 году Михаилъ Юрьевичъ въ товарищеской компаніи въ Петербургѣ:

1 Въ найденной мною рукописи послѣдняя цифра стерта и можно прочесть только 184[?] г. Слѣдовательно она можетъ относиться или къ 1840 или къ 1841 году. Я склоненъ думать, что рукопись относится къ 1841 г.

2 Лонгиновъ въ «Современной Лѣтописи» 1863 г., № 16, стр. 15. Статья писана по поводу изданій соч. Лермонтова въ 1863 г.

«Въ послѣдній пріѣздъ Лермонтова я не узнавалъ его. Я былъ съ нимъ очень друженъ въ 1839 году. Теперь Лермонтовъ былъ какъ будто чѣмъ-то занятъ и со мною холоденъ. Я это приписывалъ Монго Столыпину, у котораго мы видались. Лермонтовъ что-то имѣлъ со Столыпинымъ и *вообще чувствовалъ себя неловко въ родственной компаніи* [1]. Не помню, жилъ ли онъ у братьевъ Столыпиныхъ или нѣтъ, но мы тамъ еженочно видались. У меня осталось въ памяти, какъ однажды онъ сказалъ мнѣ: «Скучно здѣсь, поѣдемъ освѣжиться къ Карамзинымъ». У Карамзиныхъ большею частью собирался тотъ же кружокъ развитыхъ интеллигентныхъ людей и блестящихъ свѣтскихъ барынь, среди коихъ мы видѣли Лермонтова еще въ 1840 году. Здѣсь въ дружескомъ кругу Лермонтовъ болѣе могъ быть самимъ собою и отдыхать въ бесѣдѣ, то серьезной, то игривой и непринужденной. Онъ былъ особенно друженъ съ Софьей Николаевной Карамзиной, тогда какъ братья ея, Андрей и Владиміръ Николаевичи, были близки: первый съ графиней Ростопчиной, второй съ А. О. Смирновой. Всѣмъ имъ поэтъ посвятилъ стихотворенія, обезсмертившія имена ихъ. Три мѣсяца, проведенныхъ тогда поэтомъ въ столицѣ, были, какъ полагаетъ графиня Ростопчина, «самые счастливые и самые блестящіе въ его жизни... Онъ утромъ сочинялъ какіе-нибудь прелестные стихи и приходилъ къ намъ читать ихъ вечеромъ. Веселое расположеніе духа проснулось въ немъ опять, въ этой дружеской обстановкѣ, онъ придумывалъ какую нибудь шутку или шалость и мы проводили цѣлые часы въ веселомъ смѣхѣ».

Люблю я разговоры ваши,
И „ха-ха-ха“! и „хи-хи-хи“! [т. I, стр. 303].

[1] Великосвѣтскіе сплетники дѣйствительно старались не разъ распространять слухи о недружелюбныхъ отношеніяхъ Столыпина къ поэту. Говорили, что Лермонтовъ надоѣдаетъ ему своею навязчивостью, что онъ надоѣлъ Столыпину вѣчнымъ преслѣдованіемъ его: «онъ прицѣпился ко льву гостиныхъ и на хвостѣ его проникаетъ въ высшій кругъ»—словомъ то, что выразилъ гр. Сологубъ въ своей повѣсти «Большой свѣтъ».—Вѣроятно юный тогда князь Вяземскій былъ введенъ въ заблужденіе этими толками. Рѣшительно ничто не даетъ права думать, чтобы что-либо нарушило безукоризненно дружескія отношенія Монго Столыпина къ поэту.

повторялъ самъ Лермонтовъ. Однажды онъ объявилъ, что прочитаетъ новый романъ, подъ заглавіемъ «Штосъ», причемъ увѣрялъ, что ему для прочтенія его понадобится по крайней мѣрѣ четыре часа. Онъ потребовалъ, чтобы собрались вечеромъ рано и никого изъ постороннихъ не пускали. Всѣ его желанія были исполнены и избранники сошлись числомъ около тридцати. Наконецъ Лермонтовъ входитъ съ огромной тетрадью. Принесли лампу, двери заперли, началось чтеніе. Спустя четверть часа все было кончено. Оказалось, что написано было нѣсколько страницъ и остальное въ тетради—бѣлая бумага. [т. V, стр. 349]. Сюда же Михаилъ Юрьевичъ принесъ однажды стихотвореніе свое: *Волшебные звуки:*

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно...

Онъ пересказывалъ, какъ годъ назадъ привезъ первый набросокъ къ Краевскому и какъ тотъ уличилъ его въ незнаніи грамматики:

Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово,

вмѣсто *пламени*. «Я тогда, замѣтилъ Лермонтовъ, никакъ не могъ измѣнить стиха. Думалъ, думалъ, да и бросилъ, даже изорвать собирался, а Краевскій напечаталъ, и напрасно: никогда торопиться печатаніемъ не слѣдуетъ. Вотъ теперь я дѣло исправилъ». Поднялся споръ: кто былъ за первую, кто за вторую редакцію [1].

На Святой недѣлѣ Лермонтовъ написалъ «Послѣднее новоселье», тоже читавшееся у Карамзиныхъ.

Графиня Ростопчина въ стихотвореніи, посвященномъ памяти Лермонтова, такъ рисуетъ его отношеніе къ кружку:

...Но лишь для насъ, лишь въ тѣсномъ кругѣ нашемъ
Самимъ-собой, веселымъ, остроумнымъ,

---

[1] Ср. относительно этого стихотворенія т. I, стр. 324 и, кромѣ указанной тамъ моей замѣтки, воспоминанія Панаева, стр. 176. О чтеніи въ кругу Карамзиныхъ говорилъ мнѣ гр. Сологубъ, но онъ не помнилъ, о какомъ именно стихотвореніи шла рѣчь. Стихотвореніе извѣстно въ двухъ редакціяхъ.—Я полагаю, что это могло касаться только этого стихотворенія, ибо ни къ какому другому напечатанному въ 1840 году относиться не можетъ.

Мечтательнымъ и искреннимъ онъ былъ,
Лишь намъ однимъ онъ рѣчью, чувства полной,
Передавалъ всю бѣшеную повѣсть
Младыхъ годовъ, рядъ пестрыхъ приключеній
Бывалыхъ дней, и зрѣющія думы
Текущія поры... Но лишь межъ насъ,—
На ужинахъ завѣтныхъ, при зарѣ,
[Въ пріютѣ томъ, гдѣ лишь немногимъ радъ
Разборчиво-привѣтливый хозяинъ]—
Онъ отдыхалъ въ бесѣдѣ непритворной,
Онъ находилъ свободу и просторъ,
И кровъ какъ будто свой, и бытъ семейный...
[Ноябрь, 1841 года].

Любовь, которую поэтъ встрѣчалъ въ тѣсномъ кругу избранныхъ людей, къ нему совсѣмъ не питали уже извѣстныя намъ офиціальныя сферы, и надежды его на полученіе отставки не осуществлялись. Бабушка наконецъ кажется согласилась на то, чтобы Мишель бросилъ службу, но гр. Бенкендорфъ не желалъ выпускать молодого человѣка изъ службы. Онъ былъ опальный, онъ несъ наказаніе, да къ тому же съ 1840 г. графъ ненавидѣлъ поэта, такъ что хлопоты о послѣднемъ отпускѣ въ столицу на свиданіе съ бабушкою [собственно хлопоты были о выходѣ въ отставку] шли не черезъ Бенкендорфа, прежняго ходатая за молодого человѣка, а черезъ военнаго министра и дежурнаго генерала Клейнмихеля. Еще 28 іюля 1840 года Лермонтовъ писалъ бабушкѣ:

„То, что вы мнѣ пишете о словахъ гр. К[лейнмихеля], я полагаю, еще не значитъ, что мнѣ откажутъ отставку, если я подамъ; онъ только просто не совѣтуетъ; а чего мнѣ здѣсь еще ждать? Вы бы хорошенько спросили,—только выпустятъ ли, если я подамъ?

Теперь поэту быстро пришлось убѣдиться, что на выходъ въ отставку надежды мало, что къ нему въ правящихъ сферахъ чрезвычайно нерасположены. Изъ представленія къ наградѣ за боевую службу во время экспедиціи 1840 года ничего не вышло. «Изъ Валерикскаго представленія меня здѣсь вычеркнули»! пишетъ поэтъ въ концѣ февраля. Напрасно генералъ-адъютантъ Граббе [отъ 5 марта 1841 года] еще разъ настойчиво ходатайствуетъ о награжденіи Лермонтова, на этотъ разъ, золотою саблей.—Къ довершенію всего, Михаилъ Юрье-

вичъ тотчасъ по прiѣздѣ въ Петербургъ имѣлъ несчастiе раздражить противъ себя. На масляной, на другой же день послѣ прибытiя въ столицу, поэтъ участвовалъ на балу, данномъ гр. Воронцовой-Дашковой [1]. Его армейскiй мундиръ съ короткими фалдами сильно выдѣлялъ его изъ толпы гвардейскихъ мундировъ. Графъ Сологубъ хорошо помнилъ недовольный взглядъ Великаго Князя Михаила Павловича, пристально устремленный на молодого поэта, который крутился въ вихрѣ бала съ прекрасною хозяйкою вечера. «Великiй Князь очевидно нѣсколько разъ пытался подойти къ Лермонтову, но тотъ несся съ кѣмъ либо изъ дамъ по залѣ, словно избѣгая грознаго объясненiя. Наконецъ графинѣ указали на недовольный видъ высокаго гостя, и она увела Лермонтова во внутреннiе покои, а оттуда заднимъ ходомъ его препроводила изъ дому. Въ этотъ вечеръ поэтъ не подвергся замѣчанiю. Хозяйка энергично заступалась за него передъ Великимъ Княземъ, принимала всю отвѣтственность на себя, говорила, что она зазвала поэта, что тотъ не зналъ ничего о балѣ и, наконецъ, аппелировала къ правамъ хозяйки, стоящей на стражѣ неприкосновенности гостей своихъ». Не легко было затѣмъ выпросить у Великаго Князя забвенiе этому проступку Лермонтова.

Считалось въ высшей степени дерзкимъ и неприличнымъ, что офицеръ опальный — отбывающiй наказанiе, смѣлъ явиться на балъ, на которомъ были члены Императорской фамилiи. Къ тому же, кажется только наканунѣ прiѣхавшiй, поэтъ не успѣлъ явиться «по начальству», всѣмъ, кому слѣдовало. На этотъ разъ вознегодовалъ на Михаила Юрьевича и

---

1 Ей еще въ 1840 г. Лермонтовъ посвятилъ стихотворенiе: «Портретъ свѣтской женщины» [т. I, стр. 300]. Портретъ дѣйствительно мастерски набросанный. Она скончалась въ 1856 году въ Парижѣ, уже не молодою, выйдя замужъ за француза доктора, обобравшаго ее, бросившаго въ самомъ бѣдственномъ положенiи. Исторiя надѣлала много шуму. Некрасовъ изобразилъ событiе въ стихотворенiи «Княгиня» [изд. 1879 г., т I, стр. 186 и примѣчанiе къ нему].

....И одна осталась
Память: что съ отличнымъ вкусомъ одѣвалась!..
Да въ строфахъ небрежныхъ русскаго поэта,
Вдохновенныхъ ею чудныхъ два куплета....».

графъ Клейнмихель и все военное начальство, можетъ-быть, не безъ участія въ дѣлѣ и гр. Бенкендорфа. Но такъ какъ Великій Князь, строгій во всѣхъ дѣлахъ нарушенія уставовъ, молчалъ, то было неудобно привлечь Лермонтова къ отвѣтственности за посѣщеніе бала въ частномъ домѣ. Тѣмъ не менѣе этотъ промахъ былъ ему поставленъ на счетъ и повлекъ за собою распоряженіе начальства о скорѣйшемъ возвращеніи Михаила Юрьевича на мѣсто службы. Надежда получить разрѣшеніе покинуть службу оборвалась. «Марта 9-го—пишетъ Лермонтовъ Бибикову—уѣзжаю отсюда заслуживать себѣ отставку на Кавказѣ».

Друзья да бабушка опять принялись хлопотать о поэтѣ. Не безъ большихъ усилій уговорили Великаго Князя положить гнѣвъ на милость и замолвить за провинившагося доброе слово [1]. Лермонтовъ получилъ разрѣшеніе оставаться въ Петербургѣ еще нѣкоторое время. Затѣмъ отсрочка была возобновлена.

Поэтъ сталъ уже льстить себя надеждою, что продленный отпускъ можно будетъ обратить и въ совершенное увольненіе отъ службы; какъ вдругъ дѣло приняло совершенно неожиданный оборотъ.

«Какъ-то вечеромъ—разсказывалъ А. А. Краевскій—Лермонтовъ сидѣлъ у меня и полный увѣренности, что его наконецъ выпустятъ въ отставку, дѣлалъ планы своихъ будущихъ сочиненій. Мы разстались въ самомъ веселомъ и мирномъ настроеніи. На другое утро часу въ десятомъ вбѣгаетъ ко мнѣ

---

1 «Мы всѣ, и особенно я—разсказывала мнѣ А. О. Смирнова—наперерывъ приставали къ В. Кн. Михаилу Павловичу, прося за Лермонтова, и онъ при большомъ расположеніи своемъ къ Арсеньевой сдался. Я ему все говорила, что хорошій сынъ матери не можетъ быть дурнымъ сыномъ отечества, а Лермонтовъ для бабушки больше, чѣмъ сынъ».—Гр. Ростопчина [Русск. Стар. 1882 г. № 9] говоритъ: «стали просить объ отсрочкахъ [отпуска Лермонтова], въ которыхъ было сначало отказано, а потомъ взяты штурмомъ высокимъ покровительственнымъ вліяніемъ».—Адъютантомъ Великаго Князя былъ Ал. Ил. Философофъ, женатый на А. Столыпиной—другъ дѣтства Михаила Юрьевича. Онъ сохранилъ къ поэту пріязненное чувство во всю жизнь свою. Имъ въ Карлсруэ издано въ 1857 г. «Ангелъ смерти» и «Демонъ». Т. III, стр. 112.

Лермонтовъ, напѣвая какую-то невозможную пѣсню, бросается на диванъ. Онъ въ буквальномъ смыслѣ слова катался по немъ въ сильномъ возбужденіи. Я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и работалъ.—Что съ тобою?—спрашиваю Лермонтова. Онъ не отвѣчаетъ и продолжаетъ пѣть свою пѣсню, потомъ вскочилъ и выбѣжалъ. Я только пожалъ плечами. У него таки бывали странныя выходки—любилъ школьничать! Разъ онъ меня потащилъ въ маскарадъ, въ дворянское собраніе; взялъ у кн. Одоевской ея маску и домино и накинулъ его сверхъ гусарскаго мундира; спустилъ капишонъ, нахлобучилъ шляпу и помчался. На всѣ мои представленія Лермонтовъ отвѣчаетъ хохотомъ. Пріѣзжаемъ; онъ сбрасываетъ шинель, одѣваетъ маску и идетъ въ залы. Шалость эта ему прошла безнаказанно.— Зная за нимъ совершенно необъяснимыя шалости, я и на этотъ разъ принялъ его поведеніе за чудачество. Черезъ полчаса Лермонтовъ снова вбѣгаетъ. Онъ рветъ и мечетъ, снуетъ по комнатѣ, разбрасываетъ бумаги и вновь убѣгаетъ. По прошествіи извѣстнаго времени онъ опять тутъ. Опять та же пѣсня и катаніе по широкому моему дивану. Я былъ занятъ; меня досада взяла:—Да скажи ты ради Бога, что съ тобою, отвяжись, дай поработать!.. Михаилъ Юрьевичъ вскочилъ, подбѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ за борты сюртука, потрясъ такъ, что чуть не свалилъ меня со стула. «Понимаешь ли ты! мнѣ велятъ выѣхать въ 48 часовъ изъ Петербурга». Оказалось, что его разбудили рано утромъ. Клейнмихель приказывалъ покинуть столицу въ дважды двадцать четыре часа и ѣхать въ полкъ въ Шуру. Дѣло это вышло по настоянію гр. Бенкендорфа, которому не нравились хлопоты о прощеніи Лермонтова и выпускѣ его въ отставку».[1]

---

[1] Этотъ разсказъ, записанный мною со словъ А. А. Краевскаго 16 августа 1878 года, находитъ себѣ подтвержденіе въ послѣдующихъ событіяхъ и рисуетъ въ совершенно иномъ видѣ анекдотъ о «гусарской выходкѣ» поэта, разсказанной Панаевымъ не безъ юмористическаго оттѣнка по адресу Краевскаго. Говоря о томъ, что Лермонтовъ разбрасывалъ корректуры и бумаги по полу и производилъ страшную кутерьму на столѣ въ комнатѣ, Панаевъ разсказываетъ, что поэтъ «даже опрокинулъ ученаго редактора со стула и заставилъ его барахтаться на полу въ корректурахъ». [Воспоминанія, стр. 175].

Надо полагать, что Бенкендорфу не нравились и литературные замыслы поэта, особенно желаніе основать журналъ. Онъ вообще не желалъ имѣть въ столицѣ «безпокойнаго» молодого человѣка, становившагося любимцемъ публики. Это непріязненное отношеніе къ поэту еще болѣе выясняется изъ предписанія отъ 30-го іюня 1841 г., посланнаго въ догонку за Лермонтовымъ на Кавказъ и подписаннаго дежурнымъ генераломъ гр. Клейнмихелемъ. Въ предписаніи говорилось, чтобы поручика Лермонтова *ни подъ какимъ видомъ* не удалять изъ фронта полка, т. е. не прикомандировывать ни къ какимъ отрядамъ, назначаемымъ въ экспедицію противъ горцевъ.—Такимъ образомъ поэтъ и не подозрѣвалъ, что ему отрѣзывается всякій путь къ выслугѣ, а онъ именно надѣялся «выслужить себѣ на Кавказѣ отставку». О предписаніи этомъ Лермонтовъ, вѣроятно, такъ и не узналъ, потому что покуда оно пошло по инстанціямъ и прибыло на мѣсто назначенія, т. е. къ кавказскому начальству Михаила Юрьевича, его уже не было въ живыхъ.

Надо полагать, что гр. Бенкендорфъ успѣлъ убѣдить Военнаго Министра издать указанное секретное предписаніе относительно поручика Лермонтова, вслѣдствіе сообщеній о томъ, что названный поручикъ не разъ позволялъ себѣ самовольно оставлять мѣсто служенія и появлялся то на водахъ, то въ Ялтѣ безъ надлежащаго разрѣшенія[1]. У Бенкердорфа были свои соглядатаи, сообщавшіе ему обо всемъ, что происходило даже и на отдаленномъ Кавказѣ. «Помните, господа,—говорилъ генералъ Вельяминовъ высланнымъ на Кавказъ — что здѣсь есть много людей въ черныхъ и красныхъ воротникахъ, которые слѣдятъ за вами и за нами»[2].

Нечего было дѣлать, надо было готовиться къ отъѣзду. Въ квартирѣ Карамзиныхъ еще разъ собрались друзья, какъ за годъ передъ симъ, проститься съ Михаиломъ Юрьевичемъ. По

---

[1] См. выше стр. 356.

[2] Русск. Архивъ 1874 года книга I, стр. 410.—Возможно, что настойчивыя представленія Граббе о наградѣ Лермонтову тоже возымѣли свое дѣйствіе и вызвали распоряженіе о недопущеніи поэта принимать участіе въ экспедиціяхъ

свидѣтельству многихъ очевидцевъ, Лермонтовъ во время прощальнаго ужина былъ чрезвычайно грустенъ и говорилъ о близкой, ожидавшей его смерти. За нѣсколько дней передъ этимъ Лермонтовъ съ кѣмъ-то изъ товарищей посѣтилъ извѣстную тогда въ Петербургѣ ворожею, жившую у «пяти угловъ», и предсказавшую смерть Пушкина отъ «бѣлаго человѣка»; звали ее Александра Филипповна, почему она и носила прозвище «Александра Македонскаго», послѣ чьей-то неудачной остроты, сопоставившей ее съ Александромъ, сыномъ Филиппа Македонскаго. Лермонтовъ, выслушавъ, что гадальщица сказала его товарищу, съ своей стороны спросилъ: будетъ ли онъ выпущенъ въ отставку и останется ли въ Петербургѣ? Въ отвѣтъ онъ услышалъ, что въ Петербургѣ ему вообще больше не бывать, не бывать и отставки отъ службы, а что ожидаетъ его другая отставка, «послѣ коей ужъ ни о чемъ просить не станешь». Лермонтовъ очень этому смѣялся, тѣмъ болѣе, что вечеромъ того же дня получилъ отсрочку отпуска и опять возмечталъ о вѣроятіи отставки. «Ужъ если даютъ отсрочку за отсрочкой, то и совсѣмъ выпустятъ»—говорилъ онъ. Но когда нежданно пришелъ приказъ поэту ѣхать, онъ былъ сильно пораженъ [1]. Припомнилось ему предсказаніе. Грустное настроеніе стало еще замѣтнѣе, когда, послѣ прощальнаго ужина, Лермонтовъ уронилъ кольцо, взятое у Соф. Ник. Карамзиной и, несмотря на поиски всего общества, изъ котораго многія лица слышали, какъ оно катилось по паркету, его найти не удалось.

Въ концѣ апрѣля или началѣ мая Лермонтовъ тронулся въ путь. Въ почтамтъ, откуда отправлялся маль-постъ въ Москву, Лермонтовъ, не терпѣвшій проводовъ, прибылъ съ Шанъ-Гиреемъ, который и принялъ отъ уѣзжающаго поэта послѣднее прости бабушкѣ и петербургскимъ друзьямъ. Отъѣзжающій Михаилъ Юрьевичъ наружно былъ веселъ и шутилъ [2].

---

[1] О предсказаніи ворожеи сообщала мнѣ Апол. Мих. Веневитинова, рожденная Віельгорская. Къ ней пріѣхалъ Лермонтовъ отъ названной Александры Филипповны въ самомъ веселомъ настроеніи. О ворожеѣ этой говорится въ Вѣстникѣ Европы, 1883 г. февраль, стр. 552.

[2] Шанъ-Гирей говоритъ положительно, что отъѣздъ поэта состоялся 2-го

Было ли весело у него на душѣ—другой вопросъ. Своему неудовольствію на преслѣдовавшаго его гр. Бенкендорфа поэтъ далъ волю, написавъ по его адресу восемь стиховъ, въ которыхъ выражаетъ надежду, что «за хребтомъ Кавказа укроется отъ Россійскихъ пашей, отъ ихъ всевидящаго глаза, отъ ихъ всеслышащихъ ушей» [т. I, стр. 331].

За Лермонтовымъ водилась повадка переступать установленія служебныхъ правилъ. Его самостоятельная натура не терпѣла путъ и опредѣленныхъ строгихъ рамокъ существованія, налагаемыхъ военною дисциплиною. Онъ часто позволялъ себя отступленія, которыя сходили ему съ рукъ, благодаря вниманію къ нему друзей и нѣкоторыхъ понимавшихъ его положеніе начальниковъ. Таковыми были Галафѣевъ и въ особенности Граббе.—Не такъ ли Инзовъ относился къ подчиненному ему Пушкину?—Но, конечно, далеко не всѣ глядѣли на Лермонтова снисходительно. Теперь опасность строгаго наказанія за отступленія и своевольныя поѣздки и отлучки росла. Рѣшено было, что съ поэтомъ на Кавказъ поѣдетъ Монго Столыпинъ. Ему поручалось друзьями и родными оберегать поэта отъ опасныхъ выходокъ.

ГЛАВА XIX.

Послѣднее путешествіе на Кавказъ.—Встрѣча съ Боденштедтомъ.—Изъ Ставрополя въ Пятигорскъ.—Затрудненія со стороны начальства относительно пребыванія поэта въ Пятигорскѣ.—Домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ.—Жизнь въ Пятигорскѣ.—Семья Верзилиныхъ.—Антагонизмъ между пріѣзжимъ и мѣстнымъ обществомъ.—Кружокъ молодежи.—Нелюбовь къ Лермонтову представителей пріѣзжаго столичнаго общества.—Отношеніе къ нимъ Лермонтова.—Н. С. Мартыновъ.—Выходки Лермонтова: альбомъ карикатуръ, шалости.

Нашъ поэтъ держалъ путь свой на Москву. Кругъ друзей въ любимомъ имъ городѣ принялъ его сердечно, и путникъ

мая.—Стихотвореніе гр. Ростопчиной: «На дорогу», посвященное уѣзжающему поэту, писано 27-го марта, т. е. передъ концомъ первой данной ему отсрочки.

нашъ чувствовалъ себя хорошо. «Я отъ здѣшняго воздуха потолстѣлъ въ два дня»—пишетъ онъ бабушкѣ [т. V, стр. 433] —«рѣшительно Петербургъ мнѣ вреденъ». Михаилъ Юрьевичъ проводилъ время у Розена, Анненковыхъ, у Мамоновой, Лопухиныхъ, видѣлся со Столыпиными. Въ кругу молодежи въ ресторанѣ встрѣтилъ его тогда и нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ. Прислушаемся къ его разсказу:

...«Мы были уже за шампанскимъ. Снѣжная пѣна лилась черезъ край стакановъ, и черезъ край лились изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты.

—«А! Михаилъ Юрьевичъ!» вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ при видѣ только-что вошедшаго молодого офицера.

Онъ привѣтствовалъ ихъ короткимъ «здравствуйте», слегка потрепалъ Олсуфьева по плечу и обратился къ князю [1] со словами:

—«Ну, какъ поживаешь, умникъ?»

У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гибкость движеній. Вынимая при входѣ носовой платокъ, чтобы обтереть мокрые усы, онъ выронилъ на полъ бумажникъ или сигарочницу и, при этомъ, нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки.

Гладкіе, бѣлокурые [2], слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы оставляли совершенно открытымъ необыкновенно высокій лобъ. Большіе, полные мысли глаза, вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игравшей на красиво очерченныхъ губахъ молодого человѣка.

«Одѣтъ онъ былъ не въ парадную форму: на шеѣ небрежно повязанъ черный платокъ; военный сюртукъ не новъ и не

---

1 Боденштедтъ пояснилъ мнѣ, что называемый имъ среди пирующей молодежи князь, былъ князь А. И. Васильчиковъ, позднѣе секундантъ на дуэли поэта.

2 Уже было пояснено, что у Лермонтова посреди темени былъ клокъ болѣе свѣтлыхъ волосъ, почему нѣкоторые считали его блондиномъ. Вообще же волосы его были темнокаштановые, почти черные—почему другіе описывали его брюнетомъ.

до верху застегнутъ, и изъ подъ него виднѣлось ослѣпительной свѣжести бѣлье. Эполетъ на немъ не было.

Мы говорили до тѣхъ поръ по французски, и Олсуфьевъ представилъ меня на томъ же діалектѣ вошедшему. Обмѣнявшись со мною нѣсколькими бѣглыми фразами, офицеръ сѣлъ съ нами обѣдать. При выборѣ кушаньевъ и въ обращеніи къ прислугѣ, онъ употреблялъ выраженія, которыя въ большомъ ходу у многихъ — чтобъ не сказать у всѣхъ — русскихъ, но которыя въ устахъ новаго гостя непріятно поражали меня. Поражали потому, что гость этотъ былъ — Михаилъ Лермонтовъ.

Во время обѣда я замѣтилъ, что Лермонтовъ не пряталъ подъ столъ своихъ нѣжныхъ, выхоленныхъ рукъ. Отвѣдавъ нѣсколькихъ кушаньевъ и осушивъ два стакана вина, онъ сдѣлался очень разговорчивъ и, надо полагать, много острилъ, такъ какъ слова его были нѣсколько разъ прерываемы громкимъ хохотомъ. Къ сожалѣнію, для меня его остроты оставались непонятными, такъ какъ онъ нарочно говорилъ по-русски и къ тому же чрезвычайно скоро, а я въ то время недостаточно хорошо понималъ русскій языкъ, чтобы слѣдить за разговоромъ. Я замѣтилъ только, что остроты его часто переходили въ личности; но, получивъ раза два мѣткій отпоръ отъ Олсуфьева, онъ разсчелъ за лучшее упражняться только надъ молодымъ княземъ.

Нѣкоторое время тотъ добродушно переносилъ шпильки Лермонтова; но наконецъ и ему уже стало не въ мочь, и онъ съ достоинствомъ умѣрилъ его пылъ, показавъ, что при всей ограниченности ума, сердце у него тамъ же, гдѣ и у другихъ людей.

Казалось, Лермонтова искренно огорчило, что онъ обидѣлъ князя, своего товарища, и онъ всѣми силами старался помириться съ нимъ, въ чемъ скоро и успѣлъ.

Я уже зналъ и любилъ тогда Лермонтова по собранію его стихотвореній, вышедшему въ 1840 г., но въ этотъ вечеръ онъ произвелъ на меня столь невыгодное впечатлѣніе, что у меня пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ, съ самаго его прихода, звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скребъ по стеклу.

Я никогда не могъ, можетъ-быть ко вреду моему, сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ задорнымъ человѣкомъ, какое бы онъ ни занималъ мѣсто въ обществѣ; никогда не могъ извинить шалостей знаменитыхъ и геніальныхъ людей, только во имя ихъ знаменитости и геніальности. Я часто убѣждался, что можно быть основательнымъ ученымъ, поэтомъ или писателемъ и, въ то же время, невыносимымъ человѣкомъ въ обществѣ. У меня правило основывать свое мнѣніе о людяхъ на первомъ впечатлѣніи; но въ отношеніи Лермонтова мое первое, непріятное впечатлѣніе вскорѣ совершенно изгладилось пріятнымъ.

Не далѣе, какъ на слѣдующій же вечеръ, встрѣтивъ снова Лермонтова въ салонѣ г-жи М., я увидѣлъ его въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Лермонтовъ вполнѣ умѣлъ быть милымъ.

Отдаваясь кому нибудь, онъ отдавался отъ всего сердца; только едва ли съ нимъ это часто случалось. Въ самыхъ близкихъ и прочныхъ дружественныхъ отношеніяхъ находился онъ съ умною графинею Ростопчиною, которой было бы поэтому легче, нежели кому-либо дать вѣрное понятіе объ его характерѣ.

Людей же, недостаточно знавшихъ его, чтобы извинять его недостатки за его высокія, обаятельныя качества, онъ скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ, давая слишкомъ много воли своему нѣсколько колкому остроумію. Впрочемъ, онъ могъ быть, въ то же время, кротокъ и нѣженъ, какъ ребенокъ, и вообще въ характерѣ его преобладало задумчивое, часто грустное настроеніе.

Серіозная мысль была главною чертою его благороднаго лица, какъ и всѣхъ значительнѣйшихъ его твореній, къ которымъ его легкія, шутливыя произведенія относятся, какъ его насмѣшливый, тонко-очерченный ротъ къ его большимъ, полнымъ думы глазамъ.

Многіе изъ соотечественниковъ Лермонтова раздѣлили съ нимъ его прометеевскую участь, но ни у одного изъ нихъ страданія не вызвали такихъ драгоцѣнныхъ слезъ, которыя служили ему облегченіемъ при жизни и дали ему неувядаемый вѣнокъ по смерти.»

Выѣхалъ Лермонтовъ изъ Москвы вмѣстѣ съ Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ. Ѣхали они до Ставрополя очень долго, дорога была прескверная[1]. Въ Ставрополѣ видѣлъ ихъ ремонтеръ Борисоглѣбскаго уланскаго полка Магденко[2]:

«Покуда человѣкъ мой хлопоталъ о лошадяхъ, я пошелъ наверхъ и, въ ожиданіи обѣда, сталъ бродить по комнатамъ гостиницы. Помѣщеніе ея было довольно комфортабельно: комнаты высокія, мебель прекрасная. Большія растворенныя окна дышали свѣжимъ, живительнымъ воздухомъ. Было обѣденное время, и я съ любопытствомъ озирался на совершенно новую для меня картину. Всюду военныя лица, костюмы —ни одного штатскаго, и все почти раненые: кто безъ руки, кто безъ ноги, на костыляхъ, на лицахъ рубцы и шрамы, немало съ черными широкими перевязками на головѣ и рукахъ. Эта картина сбора раненыхъ героевъ глубоко запала мнѣ въ душу. Незадолго передъ тѣмъ было взято Дарго. Многіе изъ присутствующихъ участвовали въ славныхъ штурмахъ этого укрѣпленнаго аула.

Зашелъ я и въ бильярдную. По стѣнамъ ея тянулись кожаные диваны, на которыхъ возсѣдали штабъ и оберъ-офицеры, тоже большею частью раненые. Два офицера въ сюртукахъ безъ эполетъ, одного и того же полка, играли на бильярдѣ. Одинъ изъ нихъ, по ту сторону бильярда, съ лѣвой моей руки, первый обратилъ на себя мое вниманіе».

Это былъ Лермонтовъ. Извѣстность его тогда уже распространилась и партнеръ по бильярду съ гордостью объяснилъ Магденкѣ, съ кѣмъ онъ игралъ.—Лермонтовъ въ Ставрополѣ представлялся командующему войсками генералу Граббе, который, выѣхавъ въ отрядъ, по просьбѣ поэта дозволилъ ему

---

[1] Письмо къ бабушкѣ, т. V, стр. 434.

[2] Воспоминанія Магденки напечатаны мною въ мартовской книжкѣ Русской Старины за 1879 годъ, стр. 525.—Въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1880 г., томъ I, стр. 879. г. Мартьяновъ не совсѣмъ основательно нападалъ на мое примѣчаніе къ статьѣ. Магденко въ довершеніе исправляетъ и послѣдняго, замѣчая, что Лермонтовъ не могъ пріѣхать въ Ставрополь «лѣтомъ», а былъ тамъ уже во второй половинѣ мая. Дѣйствительно, въ рукописи Магденки стоитъ «весною». Не знаю, почему редакція Русск. Стар. измѣнила весну на лѣто?

оставаться нѣсколько дней въ Ставрополѣ, а затѣмъ догонять отрядъ за Лабой.

«Отобѣдавъ, разсказываетъ далѣе г. Магденко, я продолжалъ путь свой въ Пятигорскъ и Тифлисъ. Чудное время года, молодость и дивныя, никогда и не снившіяся картины величественнаго Кавказа, который смутно чудился мнѣ изъ описаній, наполняли душу волшебнымъ упоеніемъ. Во всю прыть неслися кони, погоняемые молодымъ осетиномъ. Онъ вгонялъ ихъ на кручу и, когда кони, обезсилѣвъ, останавливались, быстро соскакивалъ, подкладывалъ подъ заднія колеса экипажа камни, давалъ имъ передохнуть, и опять гналъ и гналъ во всю прыть. И вотъ, съ горы, на которую мы взобрались, увидалъ я знаменитую гряду Кавказскихъ горъ, а надъ ними двухъ великановъ: вершины Эльбруса и Казбека, въ неподвижномъ величіи, казалось, внимали одному Аллаху. Стали мы спускаться съ крутизны—что-то на дорогѣ въ долинѣ чернѣется. Приблизились мы, и вижу я сломавшуюся телѣгу, тройку лошадей, ямщика и двухъ пассажировъ, одѣтыхъ по-кавказски, съ шашками и кинжалами. Придержали мы лошадей, спрашиваемъ: чьи люди? Люди въ папахахъ и черкескахъ верблюжьяго сукна отвѣчали просьбою сказать на станціи господамъ ихъ, что съ ними случилось несчастіе—ось сломалась. Кто господа ваши? «Лермонтовъ и Столыпинъ»,— отвѣчали они разомъ.

Пріѣхавъ на станцію, я вошелъ въ комнату для проѣзжающихъ и увидалъ уже знакомую мнѣ личность Лермонтова, въ офицерской шинели съ отогнутымъ воротникомъ—послѣ я замѣтилъ, что онъ и на сюртукѣ своемъ имѣлъ обыкновеніе отгибать воротникъ—и другого офицера чрезвычайно представительной наружности, высокаго роста, хорошо сложеннаго, съ низкоостриженною прекрасною головой и выразительнымъ лицомъ. Это былъ капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка — Столыпинъ. Я передалъ имъ о положеніи слугъ ихъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ, только что прискакавшій, фельдъегерь съ кожаною сумой на груди. Едва переступилъ онъ за порогъ двери, какъ Лермонтовъ съ кликомъ: «а, фельдъегерь, фельдъегерь!» подскочилъ къ нему и

началъ снимать съ него суму. Фельдъегерь сначала было заупрямился. Столыпинъ сталъ говорить, что они ѣдутъ въ дѣйствующій отрядъ, и что, можетъ-быть, къ нимъ есть письма изъ Петербурга. Фельдъегерь утверждалъ, что онъ посланъ «въ армію къ начальникамъ»; но Лермонтовъ сунулъ ему что-то въ руку, выхватилъ суму и выложилъ хранившееся въ ней на столъ. Она, впрочемъ, не была ни запечатана, ни заперта. Оказались только запечатанные казенные пакеты; писемъ не было.

Солнце уже закатилось, когда я пріѣхалъ въ городъ или, вѣрнѣе, только крѣпость Георгіевскую. Смотритель сказалъ мнѣ, что ночью ѣхать дальше не совсѣмъ безопасно. Я только что принялся пить чай, какъ въ комнату вошли Лермонтовъ и Столыпинъ. Они поздоровались со мною, какъ со старымъ знакомымъ, и приняли приглашеніе выпить чаю. Вошедшій смотритель, на приказаніе Лермонтова запрягать лошадей, отвѣчалъ предостереженіемъ въ опасности ночного пути. Лермонтовъ отвѣтилъ, что онъ старый Кавказецъ, бывалъ въ экспедиціяхъ и его не запугаешь. Рѣшеніе продолжать путь не измѣнилось и отъ смотрительскаго разсказа, что позавчера въ семи верстахъ отъ крѣпости зарѣзанъ былъ черкесами проѣзжій унтеръ-офицеръ. Я, съ своей стороны, тоже сталъ уговаривать лучше подождать завтрашняго дня, утверждая, что-то въ родѣ того, что лучше же приберечь храбрость на время какой-либо экспедиціи, чѣмъ рисковать жизнью въ борьбѣ съ ночными разбойниками. Къ тому же разразился страшный дождь, и онъ-то, кажется, сильнѣе доводовъ нашихъ подѣйствовалъ на Лермонтова, который рѣшился таки заночевать. Принесли, что у кого было съѣстного, явилось на столъ кахетинское вино, и мы разговорились. Они распрашивали меня о цѣли моей поѣздки, объяснили, что сами ѣдутъ въ отрядъ за Лабу, чтобы участвовать въ «экспедиціяхъ противъ горцевъ». Я утверждалъ, что не понимаю ихъ влеченія къ трудностямъ боевой жизни, и противопоставлялъ ей удовольствія, которыя ожидаю отъ кратковременнаго пребыванія въ Пятигорскѣ, въ хорошей квартирѣ, съ удобствами жизни и разными затѣями, которыя имъ въ отрядѣ, конечно, доступны не будутъ...

На другое утро, Лермонтовъ, входя въ комнату, въ которой я со Столыпинымъ сидѣли уже за самоваромъ, обратясь къ послѣднему, сказалъ: «Послушай, Столыпинъ, а вѣдь теперь въ Пятигорскѣ хорошо [онъ назвалъ нѣсколько именъ], поѣдемъ въ Пятигорскъ». Столыпинъ отвѣчалъ, что это невозможно. «Почему?—быстро спросилъ Лермонтовъ—тамъ комендантъ старый Ильяшенко и являться къ нему нечего, ничто намъ не мѣшаетъ. Рѣшайся, Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ!» Съ этими словами Лермонтовъ вышелъ изъ комнаты. На дворѣ лилъ проливной дождь. Надо замѣтить, что Пятигорскъ стоитъ отъ Георгіевскаго на разстояніи 40 верстъ, по тогдашнему—одинъ перегонъ.

Столыпинъ сидѣлъ задумавшись. Ну что,—спросилъ я его—рѣшаетесь, капитанъ? «Помилуйте, какъ намъ ѣхать въ Пятигорскъ, вѣдь мнѣ поручено везти его въ отрядъ. Вонъ,—говорилъ онъ, указывая на столъ,—наша подорожная, а тамъ инструкція—посмотрите». Я поглядѣлъ на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцію посовѣстился и, признаться, очень о томъ сожалѣю.

Дверь отворилась, быстро вошелъ Лермонтовъ, сѣлъ къ столу и, обратясь къ Столыпину, произнесъ повелительнымъ тономъ:

— «Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ!» Съ этими словами вынулъ онъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами, взялъ изъ него монету и сказалъ: «вотъ, послушай, бросаю полтинникъ, если упадетъ кверху орломъ—ѣдемъ въ отрядъ; если рѣшоткой—ѣдемъ въ Пятигорскъ. Согласенъ?»

Столыпинъ молча кивнулъ головой. Полтинникъ былъ брошенъ, и къ нашимъ ногамъ упалъ рѣшоткою вверхъ. Лермонтовъ вскочилъ и радостно закричалъ: «въ Пятигорскъ, въ Пятигорскъ! позвать людей, намъ уже запрягли!» Люди, два дюжихъ татарина [грузина?], узнавъ въ чемъ дѣло, упали передъ господами и благодарили ихъ, выражая непритворную радость. Вѣрно,—думалъ я—нелегка пришлась бы имъ жизнь въ отрядѣ [1].

[1] Замѣчаніе мое, что внезапное рѣшеніе Лермонтова было самовольнымъ

Лошади были поданы. Я пригласилъ спутниковъ въ свою коляску. Лермонтовъ и я сидѣли на задней скамьѣ. Столыпинъ на передней. Насъ обдавало цѣлымъ потокомъ дождя. Лермонтову хотѣлось закурить трубку,—оно оказалось немыслимымъ. Дорогой и Столыпинъ и я молчали, Лермонтовъ говорилъ почти безъ умолку и все время былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Между прочимъ онъ указывалъ намъ на озеро, кругомъ котораго онъ джигитовалъ, а трое черкесовъ гонялись за нимъ, но онъ ускользнулъ отъ нихъ на лихомъ своемъ карабахскомъ конѣ.

Говорилъ Лермонтовъ и о вопросахъ, касавшихся общаго положенія дѣлъ въ Россіи. Объ одномъ высокопоставленномъ лицѣ я услыхалъ отъ него тогда въ первый разъ въ жизни моей такое жестокое мнѣніе, что оно и теперь еще кажется мнѣ преувеличеннымъ.

Промокшіе до костей, пріѣхали мы въ Пятигорскъ и вмѣстѣ остановились на бульварѣ въ гостиницѣ, которую содержалъ армянинъ Найтаки [1]. Минутъ черезъ 20 въ мой номеръ явились Столыпинъ и Лермонтовъ, уже переодѣтыми, въ бѣломъ какъ снѣгъ бѣльѣ и халатахъ. Лермонтовъ былъ въ шелковомъ темно-зеленомъ съ узорами халатѣ, опоясанный толстымъ снуркомъ съ золотыми жолудями на концахъ. Потирая руки отъ удовольствія, Лермонтовъ сказалъ Столыпину:

— «Вѣдь и Мартышка, Мартышка здѣсь! Я сказалъ Найтаки, чтобы послали за нимъ».

поступкомъ и что Граббе на это очень сердился, вызвало со стороны г-на Мартьянова опроверженіе, впрочемъ, совершенно бездоказательное. Что поэтъ потомъ, изъ Пятигорска, просилъ позволеніе оставаться тамъ по болѣзни у начальника штаба Траскина, не противорѣчитъ сказанному мною. Г-нъ Мартьяновъ не зналъ о непріятностяхъ, которыя имѣлъ Граббе изъ-за Лермонтова; какъ на двукратное представленіе его къ наградѣ былъ полученъ отказъ, а затѣмъ даже предписаніе никуда не выпускать Лермонтова изъ полка. Это предписаніе явилось, правда, уже послѣ смерти Лермонтова, или около того времени [см. выше стр. 377], но для Граббе, любившаго поэта, было ясно, что на него въ Петербургѣ ополчились власть имѣющіе люди. Онъ берегъ Михаила Юрьевича. Опасенія Граббе были вѣрны, о чемъ свидѣтельствуетъ секретное предписаніе гр. Клейнмихеля отъ 30 іюня.

[1] Найтаки былъ содержателемъ «казенной гостиницы».

Именемъ этимъ Лермонтовъ пріятельски называлъ стариннаго своего хорошаго знакомаго Николая Соломоновича Мартынова».

Тотчасъ по пріѣздѣ Лермонтовъ сталъ изыскивать средства получить разрѣшеніе остаться въ Пятигорскѣ. Онъ обратился къ услужливому и «на всѣ руки ловкому» Найтаки, и тотъ привелъ къ нему писаря изъ Пятигорскаго комендантскаго управленія Карпова, который завѣдывалъ полицейскою частью [въ управленіи тогда сосредоточивались полицейскія дѣла] и списками вновь прибывающихъ въ Пятигорскъ путешественниковъ и больныхъ [1]. Офицеры охотно пользовались каждымъ

---

[1] Въ послѣднее время появились статьи о послѣднихъ дняхъ Лермонтова, основанныя на разсказахъ майора Карпова. [Статья Филиппова: «Лермонтовъ на кавказскихъ водахъ. Разсказъ современника».—Русская Мысль, декабрь 1890 г. и его же въ Русск. Вѣдомостяхъ 6-го янв. 1891 г.: Еще о Лермонтовѣ. Неожиданныя дополненія]. Г-нъ Карповъ запамятовалъ, что въ 1881 году онъ мнѣ сообщалъ о Лермонтовѣ свѣдѣнія въ нѣсколько иномъ видѣ. Въ 1888 году я опять былъ на минеральныхъ водахъ и въ Желѣзноводскѣ. Г. Карповъ вновь сообщилъ о Лермонтовѣ свѣдѣнія уже въ дополненной редакціи. Въ 81 году, когда я участвовалъ въ комиссіи по опредѣленію мѣста дуэли, выяснилось, что г. Карповъ въ показаніяхъ своихъ путается. [Протоколъ коммиссіи 12 сент. 1881 года]. Почтенный старожилъ Желѣзноводска смѣшивалъ истину съ баснями и слухами, коихъ множество ходитъ по тѣмъ мѣстамъ. О неточности его разсказовъ уже говорила Эмил. Александровна Шанъ-Гирей [Сѣверъ 1891 г. № 12]. Еще раньше, по поводу подобнаго же сообщенія г-жи Желиховской, со словъ Николая Павл. Раевскаго [не смѣшивать съ Свят. Аѳ. Раевскимъ, другомъ поэта] въ Нивѣ 1885 г. № 7 и 8 и сообщеній г-на Кондратенки, во Всемірной Иллюстраціи 1885 г. отъ 8-го іюня, г-жа Шанъ-Гирей [Русскій Архивъ, 1889 г. № 12] говоритъ въ заключеніе: «Полвѣка почти прошло со дня кончины Лермонтова, а ярые поклонники и поклонницы его поэтическаго генія, чтобы заинтересовать читающую публику, но большею частью изъ желанія видѣть свое имя въ печати, публикуютъ во всеобщее свѣдѣніе самомалѣйшія мелочи его частной жизни. Выказывая, гдѣ только возможно, всякія вздорныя, а иногда и небывалыя подробности, касающіяся до него, прибавляя часто къ этому и свои предположенія и догадки, они только затемняютъ личность человѣка, который, помимо своего поэтическаго дара, обладалъ и достоинствами и недостатками всякаго молодого человѣка... Если всѣ біографіи пишутся такъ, то пожалѣешь собирателей историческихъ данныхъ, которые впадаютъ въ грубыя ошибки, выслушивая разсказчиковъ, Богъ знаетъ, для чего городящихъ чепуху».—А между тѣмъ—прибавимъ мы—даже спеціалисты-литераторы попадаются на удочку такихъ сообщеній. Такъ въ од-

удобнымъ случаемъ, чтобы оставаться подольше въ веселомъ Пятигорскѣ. Когда комендантъ, добродушный Ильяшенко, высылалъ на мѣсто служенія, обращались къ доктору Реброву, который не отказывался давать свидѣтельства о болѣзни. Положатъ такого паціента дня на два въ госпиталь, а потомъ, подъ предлогомъ недостатка мѣста, отпустятъ долѣчиваться на квартиру. Даже начальство, примѣтивъ слишкомъ большое скопленіе «нездоровыхъ» офицеровъ въ Пятигорскѣ, распорядилось, чтобы тѣхъ, кому не надо было пользоваться минеральными водами, отправлять въ Георгіевскій военный госпиталь.—Лермонтовъ не разъ обращался къ доктору Реброву, когда желалъ оставаться въ Пятигорскѣ, но на этотъ разъ онъ къ нему обратиться не рѣшился, вслѣдствіе какой-то размолвки [не изъ-за исторіи ли съ его дочерью, о коей говорено выше стр. 351]? Вотъ ему и пришлось обратиться за помощью г. Карпова. Онъ составилъ рапортъ на имя Пятигорскаго коменданта, въ которомъ Лермонтовъ сказывался больнымъ. Комендантъ Ильяшенко распорядился объ освидѣтельствованіи Михаила Юрьевича къ комиссіи врачей при Пятигорскомъ госпиталѣ. «Я уже раньше, разсказывалъ намъ г.

потомномъ изданіи сочиненій Лермонтова г. Глазунова, вышедшемъ недавно, въ біографическомъ очеркѣ мы видимъ, что составитель его пренаивно пользовался статьями г-на Филиппова, вѣрившаго всему, что сообщалъ ему г. «майоръ» Карповъ.

Болѣе внимательно отнеслась къ сообщеніямъ на мѣстѣ событій г-жа Некрасова въ Русской Старинѣ май 1888 г. Она же на стр. 476 приводитъ слова г-жи Шанъ-Гирей: «въ разсказѣ г. Раевскаго въ Нивѣ все съ начала до конца голая выдумка». Не позволяя себѣ столь рѣзкаго сужденія, я скажу однако, что не вѣрнаго много. Г-жа Желиховская, разсказывая со словъ Раевскаго, то называетъ его драгунскимъ капитаномъ, то докторомъ—очевидно она искажаетъ этотъ разсказъ—конечно невольно, по незнанію обстоятельствъ. Такъ говорится, что Мартыновъ и Лермонтовъ жили «по годамъ со своими слугами на хлѣбахъ у Верзилиныхъ».!! Все описаніе дома, въ коемъ жилъ будто Лермонтовъ въ одномъ коридорѣ съ Мартыновымъ, неправда. Говорится, что князя Сергѣя Трубецкаго не было въ Пятигорскѣ во время дуэли, тогда какъ онъ былъ на ней секундантомъ. Ужъ такой-то крупный фактъ нельзя запамятовать. Какъ же послѣ того вѣрить всему разсказу о дуэли? Я по выходѣ этой статьи послалъ разборъ и опроверженіе ея въ «Ниву», но тогдашній редакторъ не помѣстилъ моей статьи, говоря: «довольно уже печаталось о Лермонтовѣ»!

Карповъ, обдѣлалъ дѣльце съ главнымъ нашимъ лѣкаремъ, титулярнымъ совѣтникомъ Барклай-де-Толли.» Лермонтовъ и Столыпинъ были признаны больными и подлежащими лѣченію минеральными ваннами, о чемъ 24 мая за №№ 805 и 806 комендантъ Ильяшенко донесъ въ штабъ войскъ Кавказской линіи и Черноморіи въ Ставрополь. Къ рапорту было приложено и медицинское свидѣтельство о болѣзни обоихъ офицеровъ [1].

Чтобы покончить съ этою формальною частью вопроса о томъ, своевольно ли, или съ разрѣшенія начальства, Лермонтовъ оставался въ Пятигорскѣ, скажемъ, что, въ отвѣтъ на рапортъ коменданта Ильяшенки, флигель-адъютантъ полковникъ Траскинъ отъ 8-го іюня писалъ ему, что не видя изъ приложенныхъ къ рапорту свидѣтельствъ о болѣзни, чтобы капитану Столыпину и поручику Лермонтову было необходимо пользоваться минеральными водами, а усматривая, напротивъ, что болѣзнь ихъ можетъ быть излѣчена и другими средствами, проситъ немедленно выслать ихъ въ Георгіевскій военный госпиталь. «Всѣмъ же прибывшимъ изъ отряда офицерамъ, кромѣ раненыхъ, объявить, что командующій войсками къ 15 числу [іюня] прибудетъ въ Червленую, и наблюсти, чтобы они къ тому времени выѣхали изъ Пятигорска, кромѣ майора Пушкина, о которомъ послѣдуетъ особое распоряженіе».

Комендантъ предписалъ Лермонтову и Столыпину отправиться или въ отрядъ, или въ Георгіевскій госпиталь, и препроводилъ имъ подорожную. Лермонтовъ отвѣчалъ на это рапортомъ отъ 18-го іюня [за № 132]: «Выше высокоблагородіе предписать мнѣ за № 1000 изволили отправиться къ мѣсту моего назначенія или, если болѣзнь моя того не позволитъ, въ Георгіевскъ, чтобы быть зачисленному въ тамошній госпиталь. На это честь имѣю почтительнѣйше донести, что

---

[1] Точныя свѣдѣнія изъ офиціальныхъ бумагъ заимствую я изъ вышеуказанныхъ статей г-на Мартьянова, который въ концѣ 60-хъ годовъ имѣлъ въ рукахъ дѣла Пятигорскаго комендантскаго управленія. Въ 1881 году я искалъ эти дѣла, но ихъ въ архивахъ не оказалось. Тщетно искала ихъ и комиссія по опредѣленію мѣста дуэли и Лермонтовскій музей.

получивъ отъ вашего высокоблагородія позволеніе остаться здѣсь до излѣченія, и также получивъ отъ начальника штаба полковника Траскина предписаніе, въ коемъ онъ также дозволилъ мнѣ остаться здѣсь, предписавъ о томъ донести полковому командиру, полковнику Хлюпину, и отрядному дежурству и такъ какъ я уже началъ пользованіе минеральными водами и принялъ 23 сѣрныхъ ваннъ, то, прервавъ курсъ, подвергаюсь совершенному разстройству здоровья и не только не излѣчусь отъ своей болѣзни, но могу получить новыя, для удостовѣренія въ чемъ имѣю честь приложить свидѣтельство меня пользующаго медика. Осмѣливаюсь при томъ покорнѣйше просить исходатайствовать мнѣ у г. начальника штаба позволеніе остаться здѣсь до совершеннаго излѣченія и окончанія курса водъ.» [Такого же содержанія рапортъ подалъ и Столыпинъ].

Ильяшенко отъ 23 іюня [за № 1118] сообщалъ объ этомъ полковнику Траскину, но отвѣта отъ него не послѣдовало. Кромѣ этого, есть свѣдѣнія о томъ, что Лермонтовъ писалъ тоже письмо къ генералу Граббе [1] и, быть можетъ, послѣдній, благоволя къ поэту, посмотрѣлъ сквозь пальцы на все дѣло, или же распоряженіе его не успѣло дойти до поэта еще при жизни. Надо полагать, что было рѣшено вообще принять мѣры болѣе дѣйствительныя для удаленія изъ Пятигорска укрывавшихся тамъ офицеровъ; это видно изъ того, что на другой день смерти Лермонтова въ Пятигорскъ пріѣзжаетъ Траскинъ, и имъ принимаются мѣры, чтобы офицеры тотчасъ разъѣхались по своимъ частямъ. Пріѣхать въ Пятигорскъ изъ Ставрополя по случаю смерти Михаила Юрьевича Траскинъ, конечно, не могъ, потому что въ то время событія сообщались не по телеграфу. Во всякомъ случаѣ, Лермонтовъ, выказалъ ма-

[1] Мнѣ разсказывалъ объ этомъ г. Карповъ, говоря, что хорошо не помнитъ, писано ли было письмо къ Граббе, или къ начальнику кавказскихъ войскъ Головину. Г. Филипповъ въ статьѣ своей говоритъ, что письмо было писано послѣднему, г. Карповъ его переписывалъ и увѣряетъ, что черновикъ долго хранилъ у себя, такъ оно его поразило изумительною ясностью и сжатостью слога. Утратилъ онъ письмо въ походѣ въ 1843, переплывая на каикѣ бѣшеную рѣченку въ Абхазіи. Каикъ перевернулся, и люди едва спаслись уже безъ вещей.

лую ретивость ѣхать въ дѣйствующій отрядъ. Боевая жизнь была ему достаточно извѣстна и уже не тянула къ себѣ.

Написавъ первый рапортъ свой Ильяшенкѣ, друзья пошли осматривать рекомендованную имъ квартиру въ домѣ Вас. Ив. Чеusername, лежавшемъ на краю города, на верхней площадкѣ, недалеко отъ подошвы Машука[1]. Обойдя комнаты, поэтъ остановился на балкончикѣ, выходившемъ въ садикъ на противоположной сторонѣ дома. Деревья, тогда еще молодыя, цѣлы до сей поры и теперь отѣняютъ весь домикъ, но крытый балкончикъ, давно обветшалый, былъ сломанъ еще въ 50-хъ годахъ. Пока Столыпинъ дѣлалъ разныя замѣчанія и освѣдомлялся о цѣнѣ квартиры, Михаилъ Юрьевичъ стоялъ задумавшись. Сговорившись съ хозяиномъ, Алексѣй Аркадьевичъ спросилъ своего друга: «Ну что, Лермонтовъ, хорошо ли?» Поэтъ словно очнулся и небрежно отвѣтилъ: «Ничего... здѣсь будетъ удобно... дай задатокъ». Столыпинъ вынулъ бумажникъ и заплатилъ всѣ деньги за квартиру[2].

[1] Не слѣдуетъ думать, чтобы Лермонтовъ въ этомъ домѣ писалъ княжну Мери. Квартира Печорина по положенію своему дѣйствительно напоминаетъ домъ Челяева, но изъ оконъ квартиры дома Челяева не видна цѣпь кавказскихъ горъ. Лермонтовъ въ 1837 и 1840 году жилъ въ Пятигорскѣ въ другомъ мѣстѣ, но гдѣ, съ достовѣрностью узнать мнѣ не удалось.

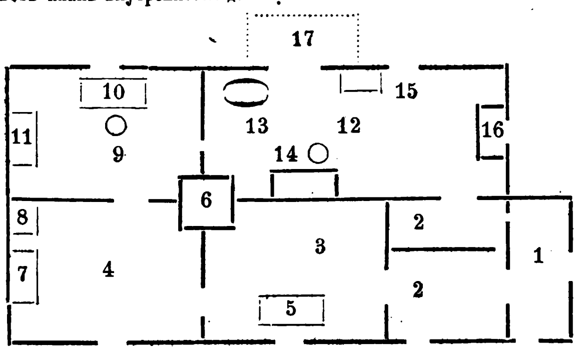
[2] Сообщеніе г. Мартьянова со словъ Челяева. Въ домовой книгѣ послѣдняго за 1841 годъ г. Мартьяновъ видѣлъ записаннымъ: Съ капитана А. А. Столыпина и поручика М. Ю. Лермонтова изъ С.-Петербурга, получено за весь средній домъ 100 руб. сер.—Самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о домѣ даетъ г. Мартьяновъ. Въ 1881 году я вмѣстѣ съ Э. А. и Ак. Павл. Шанъ-Гиреями, въ присутствіи хозяина, еще разъ подробно осматривалъ и распрашивалъ обо всемъ. Домъ уже былъ измѣненъ, мебели старой не было. Крытъ онъ былъ желѣзомъ [при Лермонтовѣ тростникомъ или соломой, въ 50-хъ годахъ досками], теперь онъ совсѣмъ передѣланъ и обложенъ кирпичемъ. Планъ комнатъ и разстановки мебели, когда жилъ тамъ Лермонтовъ, я составилъ по указаніямъ Эмиліи Александровны. Кажется, первое изображеніе дома Челяева было сдѣлано г. Симаковымъ въ журналѣ «Орелъ» за 1859 г., № 2. Но здѣсь всѣ свѣдѣнія не вѣрны. Г. Симаковъ даже не потрудился хорошенько узнать, гдѣ жилъ поэтъ, и принялъ за его жилище домъ, выходящій на улицу, въ коемъ жилъ кн. Васильчиковъ. Домъ же во дворѣ, гдѣ жилъ поэтъ, онъ набросалъ наскоро и совершенно неправильно, очевидно не придавая ему значенія.—Кн. Васильчикову я тоже показывалъ планъ дома и онъ, подтвердивъ мнѣ расположеніе мебели, между прочимъ сказалъ:

Наружность домика, или, вѣрнѣе, хаты, была самая незатѣйливая и совершенно походила на казацкіе домики въ слободкахъ Пятигорска, Кисловодска и другихъ городкахъ и станицахъ. Онъ, очевидно, воздвигался помаленьку. Къ нему пристраивали то новый входъ и сѣни, то замѣняли дверь окномъ и обратно. Окна всѣ были разныхъ величинъ. Внѣшній видъ дома, какимъ онъ былъ во времена Лермонтова, изображенъ на рисункѣ, приложенномъ къ біографіи. Стѣны его снаружи были вымазаны глиной и выбѣлены. Крыша тростниковая съ одной трубой.

Домикъ внутри раздѣленъ былъ накрестъ стѣнами, которыя образовывали четыре комнаты. Изъ пристроенныхъ очевидно позднѣе сѣней вели двѣ двери: налѣво въ перегороженную прихожую; отсюда одна въ двѣ комнаты, выходившія окнами на дворъ—ихъ занялъ Столыпинъ, другая въ двѣ комнаты съ окнами въ садъ—ихъ занялъ Лермонтовъ. Впрочемъ, квартира у нихъ была общая и соединялась дверью между двумя крайними комнатами [1].

«Лермонтовъ, любя чистый воздухъ, работалъ обыкновенно у открытаго окна; онъ въ большой комнатѣ, выходившей въ садъ и служившей столовою, переставилъ обѣденный столъ отъ стѣны, гдѣ буфетъ, къ дверямъ балкончика. Въ этой столовой мы часто сходились за чаемъ и ужиномъ или для бесѣды.»

[1] Вотъ планъ внутренности дома.



1) Сѣни. 2) Прихожая. 3 и 4) Комнаты Столыпина. 5) Столъ. 6) Голландская печь. 7) Постель Столыпина. 8) Платяной шкафъ. 9) Спальня и

Видъ квартира имѣла болѣе чѣмъ скромный. Низкія приземистыя комнаты, съ выбѣленными досчатыми потолками и крашенными разноцвѣтною краскою стѣнами, были обставлены сборною мебелью разной обивки и дерева, по большей части окрашеннаго темной масляной краской. Всѣ условія жизни въ Пятигорскѣ были тогда весьма просты. Самъ городъ имѣлъ характеръ, который теперь сохранили слободки его. Каменныхъ домовъ почти не было. Лѣстницы, ведущей съ бульвара къ Елисаветинскому источнику тоже. Къ нему поднимались горными тропинками, обсаженными виноградниками, которыхъ теперь и слѣдъ простылъ. За Елисаветинской галлереей, тамъ, гдѣ нынѣ находятся Калмыцкія ванны, былъ одинъ общій бассейнъ, въ которомъ купались прежде безъ разбора лѣтъ и пола, а затѣмъ, соблюдая очередь мужскихъ и дамскихъ часовъ. Бульваръ, не доходя до Елисаветинскаго источника, оканчивался полукругомъ, и только по обѣимъ сторонамъ его стояли болѣе «элегантные» дома. Посѣтители были большею частью помѣщики нашихъ степныхъ губерній, немного изъ обѣихъ столицъ, а всего болѣе было офицеровъ Кавказскаго корпуса. Самая пестрая, разноязычная толпа въ военныхъ, гражданскихъ и народныхъ азіатскихъ костюмахъ расхаживала по бульвару, особенно во время вечерней музыки около Николаевскихъ ваннъ [1].

Жизнь въ Пятигорскѣ была веселая, полная провинціальной простоты, и только пріѣзжіе изъ столицъ вносили «чопорность», по выраженію мѣстныхъ жителей. Послѣдніе коротали время безъ затѣй. Захочется потанцовать—сложатся, пригласятъ музыку съ бульвара въ гостиницу Найтаки—и приглашаетъ каждый своихъ знакомыхъ на танцы, прямо съ прогулки, въ простыхъ туалетахъ. Танцовали знакомые съ

кабинетъ Лермонтова. 10) Письменный столъ и стулъ. 11) Кровать Лермонтова. 12) Комната, въ которой обѣдали и пили чай. 13) Обѣденный складной столъ. 14) Клеенчатый диванъ со столикомъ. 15) Ломберный столикъ и надъ нимъ зеркальце. 16) Буфетный шкафъ съ полками. 17) Балконъ въ садъ.—Нѣсколько стульевъ довершали меблировку.

[1] Пятигорскъ отъ 1837—41 года описанъ барономъ Розеномъ [Записки Декабриста, глава XV] и другими.

незнакомыми, какъ члены одной семьи. Однако, уже въ то время этотъ обычай сталъ выводиться, уступая новымъ порядкамъ, вводимымъ столичными гостями. На вечерахъ «офиціальныхъ», когда гостиница Найтаки обращалась въ благородное собраніе, дамы появлялись въ бальныхъ туалетахъ, а военные въ мундирахъ. Мѣстное общество, особенно дамы, не сходилось со «столичными гостями». Выѣзды и пикники тѣхъ и другихъ носили различный характеръ. Кавалькады мѣстнаго или «смѣшаннаго общества» [société melée], какъ называли его противники, отличались пестротою и шумливостью. Ѣздили или въ колонію Каррасъ [1], верстахъ въ семи отъ Пятигорска, или на Перкальскую скалу, мѣсто на склонѣ лѣсистаго Машука, гдѣ стояла сторожка и жилъ сторожъ Перкальскій, безстрашный и умный старикъ, умѣвшій жить въ мирѣ съ чеченцами, а для пріѣзжаго воднаго общества предлагавшій нѣкоторыя примитивныя удобства при прогулкахъ и пикникахъ. Ѣздили и къ «провалу», воронкообразной пропасти на скатѣ Машука, глубиною саженъ въ 15-ть, на днѣ которой находится глубокій бассейнъ сѣрной воды, до дна котораго, разсказываютъ, «никто доискаться не могъ». Теперь къ нему прорытъ туннель и доступъ удобенъ; въ 40-хъ годахъ только смѣльчаки спускались туда сверху на веревкахъ. Случалось, что затѣйники покрывали «провалъ» досками и на нихъ давались импровизованные балы. Это называлось танцовать надъ «пропастью» или надъ «адскою бездной». Молодые люди чувствовали себя свободнѣе среди мѣстнаго общества, но многимъ было лестно попасть въ «аристократическій кругъ» пріѣзжихъ и хоть на водахъ сблизиться съ лицами, которыя въ Петербургѣ были имъ мало доступны. Мѣстное общество, впрочемъ, тоже имѣло свое подраздѣленіе на *болѣе* и *менѣе* аристократическое. Болѣе аристократическое было въ антагонизмѣ съ *пріѣзжею аристократіею*, оберегало права свои и ревниво не уступало своихъ кавалеровъ. Между мѣстными жителями пользовался особеннымъ уваже-

[1] Или «Шотландка», именуемая такъ потому, что основаніе ей положили еще въ 1802 году шотландскіе миссіонеры. Позднѣе туда переселились нѣмецкія семьи изъ Сарепты.

ніемъ домъ бывшаго наказнаго атамана всѣхъ кавказскихъ казаковъ [собственно кавказской казачьей бригады] генералъ-лейтенанта Петра Семеновича Верзилина, сослуживца Ермолова. Имѣя дочь отъ перваго брака [1] Аграфену Петровну, Верзилинъ женился на вдовѣ полковника Маріи Ивановнѣ Клингенбергъ, имѣвшей дочь Эмилію Александровну. Отъ этого брака родилась еще дочь, Надежда Петровна. Кромѣ этихъ барышенъ наѣзжала и пріемная дочь—Карякина, бывшая за купцомъ.—Хлѣбосольный хозяинъ, радушная хозяйка и три красивыя, веселыя дочери привлекали въ домъ молодыхъ людей. Веселье, смѣхъ, музыка и танцы часто слышались сквозь открытыя окна гостепріимнаго дома. Садъ его соприкасался съ домомъ Челяева, а рядомъ съ этимъ домомъ по другую сторону находился опять другой еще домъ Верзилиныхъ [2], въ которомъ жили: корнетъ Михаилъ Глѣбовъ и Николай Соломоновичъ Мартыновъ. Передній домъ Челяева занималъ состоявшій при ревизующемъ сенаторѣ Ганѣ тит. сов. князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ. Такимъ образомъ, нанявъ квартиру въ дворовомъ домикѣ Челяева, Столыпинъ и Лермонтовъ находились въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ хорошими знакомыми и товарищами по школѣ [3] гвардейскихъ юнкеровъ. Черезъ Глѣбова и Мартынова познакомились они и съ семьей Верзилиныхъ. Менѣе часто бывалъ тамъ князь Васильчиковъ, еще рѣже Столыпинъ. Изъ прочихъ постоянныхъ посѣтителей назовемъ Льва Серг. Пушкина, брата поэта; весьма

---

1 Съ Марьей Владиміровной Золотницкой.

2 Читатель на рисункѣ, изображающемъ домъ Челяева, увидитъ съ правой стороны такія же ворота, какъ и въ оградѣ челяевскаго дома.—Тутъ сейчасъ же и стоялъ другой домъ Верзилиныхъ, тоже еще существующій, но отнесенный дальше вправо.

3 Н. С. Мартыновъ вышелъ изъ школы гвардейскихъ юнкеровъ въ 1835 году въ кавалергардскій Ея Велич. полкъ. Скончался въ Москвѣ 25 дек. 1875 года.—Михаилъ Глѣбовъ вышелъ изъ школы гвардейскихъ юнкеровъ въ 1838 году въ л. гв. конный полкъ. Убитъ 28 іюля 1847 года, командуя цѣпью застрѣльщиковъ при взятіи аула Салты.—Кн. Васильчиковъ родился въ 1818 году, воспитывался въ С.-Пб. университетѣ, оттуда вышелъ въ 1839 г. и умеръ въ 1881 году 2-го октября въ селѣ Трубетчинѣ Липецкаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

юнаго, еще недавно произведеннаго въ офицеры Лисаневича, сына храбраго генерала Лисаневича, измѣннически убитаго Кумыками въ Герзель-Аулѣ [1], полковника Зельмицъ [жившаго съ дочерьми своими тоже въ домѣ Верзилиныхъ], поручика Н. П. Раевскаго [впрочемъ, рѣдко бывавшаго у Верзилиныхъ], юнкера Бенкендорфа, князя Сергѣя Трубецкаго [2] и другихъ.

Понятно, что молодежь ухаживала за барышнями въ домѣ Верзилиныхъ, въ особенности за Эмиліей Александровной, носившей названіе «Розы Кавказа», и младшей изъ сестеръ Надеждой Петровной, главными поклонниками коей были Мартыновъ и Лисаневичъ. Старшая Аграфена Петровна была «просватана за приставомъ Трухменскихъ народовъ Диковымъ»— ее и называли Трухменской царицей.—Лермонтовъ написалъ шуточное шестистишіе, въ которомъ изображаетъ трехъ дѣвушекъ и ухаживавшую за ними молодежь:

Предъ дѣвицей Emilie
Молодежь *лежитъ въ пыли*,
У дѣвицы же Nadine
Былъ *поклонникъ* не одинъ;
А у Груши цѣлый вѣкъ
Былъ лишь дикій человѣкъ [3].

Предводителемъ всей этой молодежи былъ Михаилъ Юрьевичъ. Иногда его веселость и болтливость доходила до шалости. Времяпрепровожденіе бывало полно дѣтской незатѣйливости. «Бѣгали въ горѣлки, играли въ кошку-мышку, въ серсо»—разсказываетъ Эмилія Александровна—потомъ все это изображалось въ карикатурахъ, что насъ смѣшило. Однажды сестра [Надя] просила его написать что-нибудь ей въ альбомъ. Какъ ни отговаривался Лермонтовъ, его не слушали, окружили толпой, положили передъ нимъ альбомъ, дали перо въ руки и говорятъ: пишите Лермонтовъ посмотрѣлъ на Надежду

---

1 Вмѣстѣ съ генер. Грековымъ. См. Потто: Кавказская война, выпускъ I, стр. 161.

2 Умеръ въ имѣніи сельцѣ Сапунъ, Владим. губерніи, Муромскаго уѣзда, въ 1859 году, 19-го апрѣля.

3 Это стихотвореніе ходило по рукамъ и въ другомъ видѣ.

Петровну.... Въ этотъ день она была причесана небрежно, а на поясѣ у нея былъ небольшой кинжальчикъ. На это-то и намекалъ поэтъ, когда набросалъ ей экспромптомъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежный
Надъ шейкою нѣжной,
На поясѣ ножъ —
C'est un vers qui cloche... [т. I, стр. 348][1].

Эта веселая жизнь «Лермонтовской банды», какъ называли молодежь, которою онъ руководилъ, возбуждала зависть въ однихъ, непріязнь въ другихъ. Вновь пріѣзжіе, мало знакомые съ Кавказомъ, особенно Петербуржцы, поражались отсутствіемъ сдержанности въ мѣстномъ обществѣ. Они были вѣжливы, но держались вдалекѣ отъ Кавказцевъ; удивлялись тѣмъ изъ своихъ товарищей, которые могли вести съ ними постоянное общеніе и въ интимномъ кругу называли это «s'encanailler». Они находили, что въ экспедиціяхъ, на службѣ можно и должно поддерживать товарищескія отношенія, но въ обществѣ слѣдуетъ строго держаться тѣхъ границъ, которыя налагаются положеніемъ. Конечно, «на водахъ» можно себѣ дозволить нѣкоторыя вольности, но надо умѣть полагать имъ предѣлъ. Дѣйствительно, на Кавказѣ были весьма неприглядныя личности, подобныя драгунскому капитану, выведенному Лермонтовымъ въ «Героѣ нашего времени», но были и «Мак-

---

[1] Г-нъ Карповъ, равно какъ и Раевскій [г-жа Желиховская] передаютъ стихи совершенно искаженными, какъ и всѣ ими сообщаемыя свѣдѣнія. Первыя три строки тѣ же, но затѣмъ у г. Карпова:

И букли назадъ?
На шейкѣ лежитъ
Платочекъ неровно,
На поясѣ ножъ....

У Раевскаго:

И букли назадъ?
Платочекъ небрежно
Подъ шейкою нѣжной
Завязанъ узломъ....
Пропалъ мой Монго потомъ!

симы Максимовичи». Для вновь прибывавшихъ гвардейцевъ и вообще членовъ петербургскаго общества эта разница ускользала. Люди, какъ конногвардеецъ Глѣбовъ, ее вполнѣ сознавали, но новички въ кавказской жизни въ ней разобраться не могли и приносили съ собою, особенно на первыхъ порахъ, привычки, интересы, и предразсудки столичныхъ гостиныхъ и категорій. Этимъ людямъ Лермонтовъ былъ непріятенъ, даже ненавистенъ, ужъ и въ Петербургѣ. Онъ, какъ пишетъ Сологубъ, «по рожденію не принадлежалъ къ высшему кругу».

Поэтъ завоевалъ себѣ тамъ положеніе, держался нѣкоторыми изъ ряду выходившими людьми, какъ семьи князя Одоевскаго и Карамзиныхъ, да прекрасными женщинами, «царицами салоновъ», но про него, какъ про Пушкина, говорили, что сѣлъ онъ не въ свои сани, и видѣли въ немъ дерзкаго выскочку, который, несмотря на небольшой чинъ и опальное свое положеніе, тщится играть роль, которую играть ему не подобаетъ. Его ненавидѣли тамъ за рѣзкость и остроту языка, за его антимолчалинскія свойства, за самобытность и самостоятельность сужденій, за возрастающую славу и репутацію таланта, выходившаго изъ предѣловъ обыденности. И вотъ этотъ-то человѣкъ, опальный и въ послѣднее время выброшенный изъ Петербурга за «неумѣніе вести себя», и тутъ опять играетъ роль, первенствуетъ, острить, глумится, бьетъ въ лицо петербургскимъ традиціямъ. «Тутъ выказались—говорили они—вся его армейская натура, показалось ослиное ушко изъ-за накинутой львиной шкуры».

Лермонтовъ съ своей стороны платилъ имъ презрѣніемъ, сердилъ, острилъ надъ ними, выставлялъ ихъ въ смѣшномъ видѣ. Онъ съ особеннымъ наслажденіемъ, доходя до молодечества, задѣвалъ ихъ своими выходками, являясь, то безшабашно заносчивымъ, то отмѣнно вѣжливымъ, но всегда съ оттѣнкомъ презрѣнія. Лермонтовъ сильно ненавидѣлъ людей, занятыхъ собою, самолюбіе коихъ значительно превышало умственныя ихъ способности, и которые принимали за оригинальность и превосходство ума своего обыдѣнность общественной морали и общепринятыя сужденія, коими прониклись. Къ людямъ недалекимъ, но простымъ и искреннимъ, по-

этъ относится дружественно и тепло. «*Ты просто глупъ и слава Богу!*»—говорилъ онъ о нихъ [1]. Особенно не терпѣлъ Михаилъ Юрьевичъ тѣхъ изъ посѣтителей Кавказскихъ водъ, которые напускали на себя аристократическій видъ и, поддѣлываясь подъ тонъ присутствующихъ членовъ «высшаго общества» и всячески угождая имъ, полагали, что хоть временно могутъ заставить вѣрить простаковъ въ принадлежность ихъ къ «высшему кругу». Про этихъ-то людей Лермонтовъ въ повѣсти своей выразился: «Они исповѣдуютъ глубокое презрѣніе къ провинціальному обществу и вздыхаютъ о столичныхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ не пускаютъ» [2].

Многіе, очень молодые или несамостоятельные люди, не знали, куда примкнуть. У Верзилиныхъ было весело да и семья была съ положеніемъ, но тамъ бываютъ и «армейскіе кавказцы.» Не хотѣлось имъ принадлежать къ *Лермонтовской бандѣ*, хотѣлось имъ считаться въ обществѣ *серьезномъ*, аристократическомъ. Въ одномъ кругу веселье и непринужденность, въ другомъ для нихъ скука, но за то возможность бро-

---

[1] Изъ сообщеній А. П. Шанъ-Гирея.—Краевскій и другіе близкіе ему люди подтверждали то же.

[2] Т. V, стр. 256.—Г. Костенецкій въ своихъ воспоминаніяхъ тоже замѣчаетъ... «Въ то время на Кавказѣ былъ особенный извѣстный родъ изящныхъ людей, людей свѣтскихъ, считавшихъ себя выше другихъ по своимъ аристократическимъ манерамъ и свѣтскому образованію, постоянно говорящихъ по-французски, развязныхъ въ обществѣ, ловкихъ и смѣлыхъ съ женщинами и высокомѣрно презирающихъ весь остальной людъ, которые, съ высоты своего величія, гордо смотрѣли на нашего брата армейскаго офицера и сходились съ нами развѣ только въ экспедиціяхъ, гдѣ мы въ свою очередь съ презрѣніемъ на нихъ смотрѣли и издѣвались надъ ихъ аристократизмомъ. Къ этой категоріи принадлежала большая часть гвардейскихъ офицеровъ и къ этой же категоріи принадлежалъ «Лермонтовъ».... Впрочемъ, г. Костенецкій тутъ же сознается, что не былъ близокъ съ Лермонтовымъ и что знакомство его съ нимъ ограничивалось «только нѣсколькими словами.» Очевидно также, что какъ вновь пріѣзжіе «гвардейцы» не могли разобраться въ типахъ «кавказцевъ» и признать разницу между «драгунскимъ капитаномъ» и «Максимомъ Максимовичемъ», такъ и люди въ родѣ г. Костенецкаго, принадлежавшіе, по выраженію Лермонтова, къ «Armée Russe,» не видѣли разницы между Михаиломъ Юрьевичемъ и гвардейцами, признававшими все достоинство человѣка въ безукоризненности манеръ.

сить пыль въ глаза: «глядите-де, съ кѣмъ я знакомъ»! Къ тому же члены петербургскаго общества, косясь на кругъ Лермонтова, охотно отрывали оттуда членовъ и привлекали къ себѣ особенно тѣхъ, кто по рожденію и положенію считался принадлежащимъ къ аристократическому слою. Князь Васильчиковъ, тогда еще 22 лѣтній юноша, испыталъ на себѣ затруднительность положенія. Онъ рѣдко бывалъ у Верзилиныхъ, болѣе примыкая къ противоположному лагерю, но, какъ хорошій и чистый человѣкъ, не чуждался личныхъ отношеній съ Лермонтовымъ и пріятелями его, тѣмъ болѣе, что безукоризненный левъ столичныхъ гостиныхъ, Столыпинъ, былъ ближайшимъ другомъ Михаила Юрьевича [1]. Не зналъ, какъ собственно держать себя и Николай Соломоновичъ Мартыновъ; по товарищескимъ традиціямъ примыкалъ онъ къ кружку Лермонтова, онъ и жилъ съ Глѣбовымъ и до извѣстной степени подчинялся ему. Въ сущности добродушный человѣкъ, онъ, при огромномъ самолюбіи, особенно, когда оно было уязвлено, могъ доходить до величайшаго озлобленія. Уязвить же самолюбіе его было очень не трудно. Онъ пріѣхалъ на Кавказъ, будучи офицеромъ Кавалергардскаго полка, и былъ увѣренъ, что всѣхъ удивитъ своею храбростью, что сдѣлаетъ блестящую карьеру. Онъ только и думалъ о блестящихъ наградахъ. На пути къ Кавказу, въ Ставрополѣ, у генералъ-адъютанта Граббе, за обѣденнымъ столомъ, много и долго съ увѣренностью говорилъ Мартыновъ о блестящей будущности, которая его ожидаетъ, такъ что Павелъ Христофоровичъ долженъ былъ охладить пылкаго офицера и пояснить ему, что на Кавказѣ храбростью не удивишь, а потому и награды не такъ-то легко даются. Да и говорить съ пренебреженіемъ о кавказскихъ воинахъ не годится [2]. «Къ намъ [въ 1839 г.] на квар-

---

[1] «Я былъ очень молодъ еще,» говорилъ мнѣ кн. Ал. Ил. Васильчиковъ: «je ne savais sur quel pied danser и придавать ли такое большое значеніе вольностямъ и выходкамъ Лермонтова, какъ это дѣлали нѣкоторые. На сужденія мои имѣлъ большое вліяніе М. А. Назимовъ. Онъ научилъ меня относиться съ уваженіемъ къ уму и таланту Лермонтова.»

[2] Изъ сообщеній Ник. Павл. Граббе, хорошо помнившаго Лермонтова и Мартынова, равно какъ и отзывы о нихъ отца своего.

тиру—разсказываетъ г. Костенецкій, состоявшій въ то время при штабѣ въ Ставрополѣ—почти каждый день приходилъ Н. С. Мартыновъ. Это былъ очень красивый молодой гвардейскій офицеръ, блондинъ, со вздернутымъ немного носомъ и высокаго роста. Онъ былъ всегда очень любезенъ, веселъ, порядочно пѣлъ подъ фортепіано романсы и полонъ надеждъ на свою будущность: онъ все мечталъ о чинахъ и орденахъ и думалъ не иначе, какъ дослужиться на Кавказѣ до генеральскаго чина. Послѣ онъ уѣхалъ въ Гребенской казачій полкъ, куда онъ былъ прикомандированъ, и въ 1841 году я увидѣлъ его въ Пятигорскѣ. Но въ какомъ положеніи! Вмѣсто генеральскаго чина онъ былъ уже въ отставкѣ всего майоромъ, не имѣлъ никакого ордена и изъ веселаго и свѣтскаго изящнаго молодого человѣка сдѣлался какимъ-то дикаремъ: отростилъ огромныя бакенбарды, въ простомъ черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ кинжаломъ, въ нахлобученной бѣлой папахѣ, мрачный и молчаливый» [1]. Мартыновъ въ общемъ носилъ форму Гребенскаго казачьяго полка, но какъ находившійся въ отставкѣ, дѣлалъ разныя вольныя къ ней добавленія, мѣняя цвѣта и прилаживая ихъ согласно погодѣ, случаю или вкусу своему. По большей части онъ носилъ бѣлую черкеску и черный бархатный или шелковый бешметъ или наоборотъ: черную черкеску и бѣлый бешметъ. Въ послѣднемъ случаѣ—это бывало въ дождливую погоду—онъ надѣвалъ черную папаху вмѣсто бѣлой, въ которой являлся на гуляньѣ. Рукава черкески онъ обыкновенно засучивалъ, что придавало всей его фигурѣ смѣлый и вызывающій видъ. Онъ былъ фатоватъ и, сознавая свою красоту, высокій ростъ и прекрасное сложеніе, любилъ щеголять передъ нѣжнымъ поломъ и производить эффектъ своимъ появленіемъ [2]. Охотно напускалъ онъ также

---

[1] Русскій Архивъ 1887 г. № 1, стр. 114. Нарочно привожу мнѣніе Костенецкаго, потому что онъ въ дѣлѣ дуэли больше всѣхъ стоитъ на сторонѣ Мартынова и приводитъ самыя для Лермонтова невыгодныя свѣдѣнія, правда по слухамъ.—Вѣроятно, въ тогдашнемъ Мартыновѣ было точно что-то напоминавшее дикаря, почему Лермонтовъ и называлъ его: «Le sauvage».

[2] Въ Лермонтовскомъ музеѣ можно видѣть рисунокъ, сдѣланный товарищемъ Лермонтова Поливановымъ въ 1832 или 33 году, представляющій нѣ-

на себя мрачный видъ, щеголяя «моднымъ байронизмомъ». Не удивительно, что Лермонтовъ, невыносившій фальши и заносчивости, при всемъ дружественномъ расположеніи къ Мартынову, нещадно преслѣдовалъ его своими насмѣшками.

Такъ какъ Лермонтовъ съ легкостью рисовалъ, то онъ часто и много дѣлалъ вкладовъ въ альбомъ, который составлялся молодежью. Въ него вписывали или рисовали разныя событія и случайности изъ жизни водяного общества, во время прогулокъ, пикниковъ, танцевъ; хранился же онъ у Глѣбова [1]. Въ Лермонтовскихъ карикатурныхъ набросках Мартыновъ игралъ главную роль. Князь Васильчиковъ помнилъ, напримѣръ, сцену, гдѣ Мартыновъ верхомъ въѣзжаетъ въ Пятигорскъ. Кругомъ восхищенныя и пораженныя его красотою дамы. И въѣзжающій герой и многія дамы были замѣчательно похожи. Подъ рисункомъ была подпись: «Monsieur le poignard faisant son entrée à Piatigorsk» [2]. Въ альбомѣ же можно было видѣть Мартынова, огромнаго роста съ громаднымъ кинжаломъ отъ пояса до земли — объясняющагося съ миніатюрной Надеждой Петровной Верзилиной, на поясѣ которой рисовался маленькій кинжальчикъ. Комическую подпись князь Васильчиковъ не помнилъ. Изображался Мартыновъ часто на конѣ. Онъ ѣздилъ плохо, но съ претензіей, неестественно изгибаясь. Былъ рисунокъ, на которомъ Мартыновъ, въ стычкѣ съ горцами, что-то кричитъ, махая кинжаломъ, сидя въ полуоборотъ на лошади, поворачивающей вспять. Михаилъ Юрьевичъ говорилъ: «Мартыновъ положительно храбрецъ, но только плохой ѣздокъ, и лошадь его боится выстрѣловъ. — Онъ въ этомъ не виноватъ, что она ихъ не выноситъ и ска-

---

сколькихъ юнкеровъ, пирующихъ въ палаткѣ. Всѣ въ болѣе или менѣе незатѣйливыхъ костюмахъ, безъ претензіи. Одинъ юнкеръ кавалергардскаго полка Мартыновъ, стоитъ «на красѣ», въ молодцоватой позѣ. Очевидно уже тогда товарищи, подмѣтивъ слабую струнку Мартынова, подразнивали его.

[1] Альбомъ этотъ со многими листами стихотвореній и писемъ Лермонтова, о коихъ говоритъ и Боденштедтъ, кажется, погибъ вмѣстѣ съ вещами Глѣбова во время экспедиціи. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ А. П. Шанъ-Гирей.—По смерти поэта Глѣбовъ его оставилъ у себя, и въ опись вещамъ поэта онъ не вошелъ.

[2] «Кинжалъ», въѣзжающій въ Пятигорскъ.

четъ отъ нихъ». «Помню—разсказывалъ Васильчиковъ—и себя, изображеннаго Лермонтовымъ, длиннымъ и худымъ посреди бравыхъ кавказцевъ. Поэтъ изобразилъ тоже самого себя маленькимъ, сутуловатымъ, какъ кошка вцѣпившимся въ огромнаго коня, длинноногаго Монго Столыпина, серьезно сидѣвшаго на лошади, а впереди всѣхъ красовавшагося Мартынова, въ черкескѣ, съ длиннымъ кинжаломъ. Все это гарцовало передъ открытымъ окномъ, вѣроятно, дома Верзилиныхъ. Въ окнѣ были видны три женскія головки. Лермонтовъ, дававшій всѣмъ мѣткія прозвища, называлъ Мартынова: «le sauvage au grand poignard» или «Montagnard au grand poignard», или просто: «Monsieur le poignard». Онъ довелъ этотъ типъ до такой простоты, что просто рисовалъ характерную кривую линію, да длинный кинжалъ, и каждый тотчасъ узнавалъ, кого онъ изображаетъ» [1].

Обыкновенно наброски разсматривались въ интимномъ кружкѣ, и такъ какъ тутъ не щадили сами составители ни себя ни друзей, то было неудобно сердиться, и Мартыновъ затаивалъ свое недовольство. Однако бывали и такія карикатуры, которыя не показывались. Это болѣе всего бѣсило Мартынова. Однажды онъ вошелъ къ себѣ, когда Лермонтовъ съ Глѣбовымъ съ хохотомъ что-то разсматривали или чертили въ альбомѣ. На требованіе вошедшаго показать, въ чемъ дѣло, Лермонтовъ захлопнулъ альбомъ, а когда Мартыновъ, настаивая, хотѣлъ его выхватить, то Глѣбовъ здоровою рукою отстранилъ его, а Михаилъ Юрьевичъ, вырвавъ листокъ и спрятавъ его въ карманъ, выбѣжалъ. Мартыновъ чуть не поссорился съ Глѣбовымъ, который тщетно увѣрялъ его, что карикатура совсѣмъ къ нему не относилась.

Въ душѣ Лермонтовъ не былъ золъ, онъ просто шалилъ и ради остраго слова не щадилъ ни себя ни другихъ; но если замѣчалъ, что заходитъ слишкомъ далеко и предметъ его нападокъ оскорблялся, онъ первый спѣшилъ его успокоить и

---

[1] Изъ разсказовъ кн. Васильчикова. Впрочемъ, объ альбомѣ карикатуръ упоминаютъ всѣ писавшіе о столкновеніи Лермонтова съ Мартыновымъ.

всѣми средствами старался изгладить произведенное имъ дурное впечатлѣніе, нарушавшее общее мирное настроеніе [1].

Однажды онъ неосторожнымъ прозвищемъ обидѣлъ жену одного изъ мѣстныхъ служащихъ. Дама не нашутку огорчилась. Лермонтову стало жаль ее, и онъ употребилъ всѣ усилія получить прощеніе ея. Бѣгалъ къ ней, извинялся передъ мужемъ, такъ что обиженная чета не только ему простила, но почувствовала къ Михаилу Юрьевичу самую сильную любовь и пріязнь[2].

Лермонтовъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины, между серіозными занятіями и чтеніемъ и такими шалостями, какія могутъ притти въ голову развѣ только 15-ти лѣтнему мальчику, напримѣръ, когда къ обѣду подавали блюдо, то онъ съ громкимъ смѣхомъ бросался на него, вонзалъ свою вилку въ лучшіе куски, опустошалъ все кушанье и часто оставлялъ всѣхъ насъ безъ обѣда [3]. Въ Пятигорскъ явился помѣщикъ съ тетрадкою стиховъ. Онъ всѣмъ надоѣдалъ ими и добивался, чтобы его выслушалъ и Лермонтовъ; тотъ подъ разными предлогами увиливалъ, но узнавъ, что помѣщикъ привезъ съ собою небольшой боченочекъ свѣжепросольныхъ огурцовъ, рѣдкость на Кавказѣ и до которыхъ Михаилъ Юрьевичъ былъ большой охотникъ, послѣдній вызвался притти на квартиру къ стихотворцу съ условіемъ, чтобы онъ угостилъ его огурцами. Помѣщикъ пришелъ въ восторгъ, приготовилъ тетрадь стиховъ и угощеніе, среди коего на первомъ мѣстѣ стоялъ боченочекъ съ огурчиками. Началось чтеніе. Пока авторъ все болѣе увлекался декламаціей своихъ виршей, Лермонтовъ принялся за огурцы и, въ отвѣтъ на вопро-

---

[1] Это показываютъ кн. Васильчиковъ, Ак. П. Шанъ-Гирей, Есаковъ, Раевскій и другіе.

[2] Г. Карповъ, разсказывая этотъ случай г. Филиппову, входитъ въ такія подробности, какихъ я отъ него не слышалъ, когда въ первый разъ записывалъ сообщенія г. Карпова. Теперь выходитъ, что Лермонтовъ чуть не испугался мужа, который готовъ былъ заступиться за обиду жены!!

[3] Разсказъ кн. Васильчикова. Слѣдующее, записанное мною со словъ князя, почти дословно можно прочесть и въ статьѣ его въ Русскомъ Архивѣ, за 1872 г.

сительные междомѣтія и восклицанія чтеца, только выражалъ свое одобреніе. Чтеніе приходило къ концу; Лермонтовъ, успѣвъ съѣсть часть огурчиковъ, другою набилъ себѣ карманы и сталъ прощаться. Туть только объяснилось, что похвалы Михаила Юрьевича относились къ огурцамъ, а не къ стихамъ. Помѣщикъ пришелъ въ негодованіе и всюду разсказывалъ о безстыдствѣ Лермонтова, съѣвшаго всѣ огурцы, припасенные для подарка кому-то. «И какъ только онъ успѣлъ съѣсть ихъ всѣ?!» говорилъ недоумѣвавшій піита.

Друзья обыкновенно обѣдали въ Пятигорской гостиницѣ, и однажды Лермонтовъ, потѣхи ради, повторилъ, что дѣлалось шалунами въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ. Замѣтивъ на столѣ цѣлую башню наставленныхъ другъ на друга тарелокъ, онъ стукомъ по своей головѣ слегка надломилъ одну и на нее, еще державшуюся, поставилъ прочія. Когда лакей схватилъ всю массу тарелокъ, то, не успѣвъ донести по назначенію, къ полному своему недоумѣнію и ужасу почувствовалъ, какъ нижняя тарелка разъѣхалась и вся ихъ масса разлетѣлась на полу въ дребезги. Присутствующіе частью испугались отъ неожиданнаго шума, частью хохотали надъ глупымъ выраженіемъ растерявшагося служителя. Хозяинъ осерчалъ, и только щедрое вознагражденіе со стороны Лермонтова успокоило его и изумленнаго слугу.

Михаилъ Юрьевичъ работалъ большею частью утромъ въ своей комнатѣ, при открытомъ окнѣ, или же въ большей комнатѣ, для чего онъ и переставилъ обѣденный столъ съ противоположнаго конца къ дверямъ, выходившимъ на балконъ. Онъ любилъ свѣжій воздухъ и въ закупоренныхъ помѣщеніяхъ задыхался. Въ окно его спальни глядѣли изъ садика вѣтки вишневаго дерева, и, работая, поэтъ протягивалъ руку къ спѣлымъ вишнямъ и лакомился ими... Чѣмъ больше и серіознѣе онъ работалъ, тѣмъ, казалось, чувствовалъ большую необходимость дурачиться и выкидывать разныя чудачества. Объ этихъ шалостяхъ много говорилось, обыкновенно съ негодованіемъ, какъ о чертѣ недостойной серіознаго человѣка, ихъ охотно именовали «гусарскими выходками», и мы только что, да и въ прежнихъ главахъ приводили нѣкоторыя изъ этихъ

выходокъ. Но намъ и въ голову не приходитъ строго судить за нихъ поэта. Льюисъ въ извѣстной *біографіи Гете* разсказываетъ, какъ великій поэтъ, уже извѣстный Германіи, написавшій Вертера и частью Фауста, въ избыткѣ жизненныхъ силъ, выдѣлывалъ разныя шалости: послѣ усиленныхъ занятій валялся по полу, или вмѣстѣ съ веймарскимъ герцогомъ выходили вооруженные бичами на городскую площадь и щелкали ими въ продолженіе цѣлыхъ часовъ на перегонку. Гете было въ то время лѣтъ 26. Для обыденныхъ натуръ, судившихъ его только съ точки зрѣнія этихъ выходокъ, онъ тоже въ то время никакъ не могъ быть признанъ необыкновеннымъ человѣкомъ.

Такъ какъ ужъ мы заговорили о шалостяхъ и выходкахъ поэта, то нельзя не вспомнить о случаѣ, бывшемъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ въ имѣніи товарища его А. Л. Потапова. Потаповъ пригласилъ къ себѣ въ имѣніе, въ Воронежской [?] губерніи, двухъ товарищей лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Реми и Лермонтова. Дорогой товарищи узнали, что у Потапова гоститъ дядя его, свирѣпый по службѣ генералъ. Слава его была такая, что Лермонтовъ ни за что не хотѣлъ ѣхать къ Потапову, утверждая, что все удовольствіе деревенскаго пребыванія будетъ нарушено. Реми съ трудомъ уговорилъ Лермонтова продолжать путь. За обѣдомъ генералъ любезно обошелся съ молодыми офицерами, такъ что Лермонтовъ развернулся и сыпалъ остротами. Отношенія Лермонтова и генерала приняли складку товарищескую. Оба послѣ обѣда отправились въ садъ, а когда Потаповъ и Реми черезъ полчаса прибыли туда, то увидали къ крайнему своему удивленію, что Лермонтовъ сидитъ на шеѣ у генерала. Оказалось, что новые знакомые играли въ чехарду. Когда затѣмъ объяснили генералу, какъ Лермонтовъ его боялся и не хотѣлъ продолжать пути, генералъ сказалъ назидательно: «Изъ этого случая вы можете видѣть, какая разница между службою и частною жизнью... На службѣ никого не щажу, всѣхъ поѣмъ, а въ частной жизни я такой же человѣкъ, какъ и всѣ» [1].

---

[1] Древняя и Новая Россія 1877 г., т. I, № 3, стр. 315. Перепечатка

ГЛАВА XX.

(Дуэль).

Настроеніе противъ Лермонтова.—Интрига.—Балъ, данный молодежью Пятигорскимъ дамамъ 8-го Іюля.—Недовольство баломъ представителей столичнаго общества.—Празднество, задуманное кн. Голицынымъ.—Вечеръ 13 Іюля у Верзилиныхъ, и столкновеніе на немъ между Лермонтовымъ и Мартыновымъ.—Вызовъ.—Мѣры, принятыя для предупрежденія дуэли и легкомысленное отношеніе къ ней друзей поэта.—Послѣднее творчество Лермонтова.—Настоящая причина дуэли кроется въ тогдашнихъ условіяхъ общественной и офиціальной жизни.—Послѣднее пребываніе поэта въ колоніи близъ Пятигорска.—Мѣсто дуэли.—Свидѣтели ея.—Поединокъ и смерть

Нѣкоторыя изъ вліятельныхъ личностей изъ пріѣзжающаго въ Пятигорскъ общества, желая наказать *несноснаго выскочку и задиру*, ожидали случая, когда кто нибудь, выведенный имъ изъ терпѣнія, *проучитъ ядовитую гадину* [1].

изъ Донской газеты.—Въ семидесятыхъ годахъ генералъ-адъютантъ Потаповъ, разсказывая о своихъ отношеніяхъ къ Лермонтову, говорилъ, что Лермонтовъ въ 1840 [?] году гостилъ у него въ имѣніи «Семидубровномъ.» Тамъ поэтъ самъ переложилъ на музыку свою Казачью колыбельную пѣсню. Онъ утверждалъ, что ноты у него въ имѣніи и по просьбѣ моей писалъ управляющему, но ноты розысканы не были. [Объ отношеніяхъ Потапова и Лермонтова см. т. I, стр. 265 и примѣчанія].—Пѣсня эта, по разсказамъ казака Кулебякина въ Терскихъ вѣдомостяхъ [см. Новости, 1886 г., № 64], писана поэтомъ въ Червленой, но графиня Берольдингенъ, дочь г-жи Гюгель, въ письмѣ ко мнѣ отъ 15 іюня 1884 г., говоритъ, что Лермонтовъ написалъ это стихотвореніе на столѣ при полученіи извѣстія о рожденіи сына у ея матери [Гюгель].

[1] Выраженіе, которымъ клеймили поэта многіе. Нѣкоторые изъ современниковъ и даже лицъ, бывшихъ тогда на водахъ, говоря о немъ, употребляли эти выраженія въ бесѣдѣ со мною. Назову нѣкоторыхъ изъ бывшихъ въ то время въ Пятигорскѣ членовъ Петербургскихъ салоновъ, но отнюдь не хочу этимъ бросить тѣнь спеціально на кого-нибудь изъ нихъ. Я просто сгруппировываю имена, упомянутыя въ разныхъ воспоминаніяхъ о томъ времени и мною еще не приведенныя. На водахъ находились: кн. Влад. Серг. Голицынъ, гр. Ламбертъ, полковникъ Серг. Дм. Безобразовъ, командиръ Нижегородскаго драгунскаго, а позднѣе кавалергардскаго Ея Величества полка, лейбъ-гусаръ Тиранъ, А. И. Арнольди, товарищъ Лермонтова по Гродненскому полку и позднѣе находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. П. Шанъ-Гиреемъ; назову еще изъ временныхъ гостей декабриста Лорера и пріѣхавшаго изъ Тифлиса вице-губернатора Кавказской области Дмитревскаго. Далѣе князь Валер. Голицынъ [декабристъ], Терещенко-Орѣховъ, командиръ волгскаго казачьяго полка Мезенцовъ и др.

Какъ въ подобныхъ случаяхъ это бывало не разъ, искали какое либо подставное лицо, которое, само того не подозрѣвая, явилось бы исполнителемъ задуманной интриги. Такъ, узнавъ о выходкахъ и полныхъ юмора продѣлкахъ Лермонтова надъ молодымъ Лисаневичемъ, однимъ изъ поклонниковъ Надежды Петровны Верзилиной, ему черезъ нѣкоторыхъ услужливыхъ лицъ было сказано, что терпѣть насмѣшки Михаила Юрьевича не согласуется съ честью офицера. Лисаневичъ указывалъ на то, что Лермонтовъ расположенъ къ нему дружественно и, въ случаяхъ, когда увлекался и заходилъ въ шуткахъ слишкомъ далеко, самъ первый извинялся передъ нимъ и старался исправить свою неловкость. Къ Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль—проучить. «Что вы, возражалъ Лисаневичъ, чтобы у меня поднялась рука на такого человѣка»! [1]

Есть полная возможность полагать, что тѣ же лица, которымъ не удалось подстрекнуть на недоброе дѣло Лисаневича, обратились къ другому поклоннику Надежды Петровны Н.С.Мартынову. Здѣсь они конечно должны были встрѣтить почву болѣе удобную для брошеннаго ими сѣмени. Мартыновъ мелко самолюбивый и тщеславный человѣкъ, коего умственное и нравственное пониманіе не выходило за предѣлы общепринятыхъ понятій, давно уже раздражался противъ Лермонтова, котораго онъ въ душѣ считалъ ниже себя и по «карьерѣ» и по талантамъ «салоннымъ». О его поэтическомъ геніи Мартыновъ, какъ и многіе современники, судилъ свысока, а можетъ-быть въ критической оцѣнкѣ своей не заходилъ далѣе того полковаго командира Михаила Юрьевича, который послѣ невзгоды послѣдняго, постигшей его за стихи на смерть Пушкина, выговаривалъ ему: «ну ваше ли дѣло писать стихи?! Предоставьте это поэтамъ и займитесь хорошенько командованіемъ своего взвода». Гдѣ было Мартынову задумываться надъ Лермонтовымъ, какъ великимъ поэтомъ, когда люди, какъ товарищъ

---

1 Сообщилъ мнѣ объ этомъ гр. Н. П. Граббе, и подтвердила сообщеніе и Эм. Ал. Шанъ-Гирей. Любопытно сравнить [выше, стр. 243] что говорилъ самъ Лермонтовъ по поводу вызова на дуэль Пушкина.

поэта Арнольди, еще въ 1884 году говорили, что всѣ они въ то время писали стихи не хуже Лермонтова [1].

Мартыновъ, находясь въ Пятигорскѣ въ общемъ товарищескомъ кругу съ Лермонтовымъ, да живя съ Глѣбовымъ, стѣснялся, конечно, рѣзко высказывать внутреннее негодованіе на Михаила Юрьевича, но онъ не разъ просилъ поэта оставить его въ покоѣ своими издѣвательствами «особенно въ присутствіи дамъ».

Между тѣмъ антагонизмъ «смѣшаннаго общества» съ представителями «столичнаго» шелъ своимъ чередомъ. Іюля 8-го молодежь задумала дать балъ въ честь знакомыхъ пятигорскихъ дамъ. Деньги собрали по подпискѣ. Лермонтовъ былъ главнымъ иниціаторомъ, ему дружно помогали другіе. Мѣстомъ торжества избрали гротъ Діаны возлѣ Николаевскихъ ваннъ [2]. Площадку для танцевъ устроили такъ, что она далеко выходила за предѣлы грота. Сводъ грота убрали разноцвѣтными шалями, соединивъ ихъ въ центрѣ въ красивый узелъ и прикрывъ круглымъ зеркаломъ; стѣны обтянули персидскими тканями; повѣсили искусно импровизированныя люстры, красиво обвитыя живыми цвѣтами и зеленью; на деревьяхъ аллей, прилегающихъ къ площадкѣ, горѣло болѣе 2,000 разноцвѣтныхъ фонарей. Музыка помѣщенная и скрытая надъ гротомъ, производила необыкновенное впечатлѣніе, особенно въ антрактахъ между танцами, когда играли избранные музыканты или солисты. Во время одного антракта кто-то игралъ тихую мелодію на струнномъ инструментѣ, и Лермонтовъ увѣрялъ, что онъ приказалъ перенести, нарочно для этого вечера, Эолову арфу съ «бельведера» выше Елисаветинскаго источника. Отъ грота лентой извивалось красное сукно до изящно убранной палатки—дамской уборной. По другую сторону велъ устлан-

---

[1] Русская Старина, 1885 г., февр., стр. 476.

[2] Показанія декабриста Лорера [Русск. Арх. 1874 г.]. Э. А. Шанъ-Гирей въ томъ же журналѣ 1889 г., № 6. Въ этомъ гротѣ Лермонтовъ вообще любилъ угощать друзей и знакомыхъ и Эмилія Александровна говоритъ, что если уже какой либо гротъ называть именемъ поэта, такъ этотъ. Тотъ что именуется Лермонтовскимъ гротомъ— это гротъ Печорина. Поэтъ въ немъ никогда не сидѣлъ и не писалъ [Нов. Вр. 1881 г. 5-го сент.].

ный коврами путь къ буфету. Небо было бирюзовое съ легкими небольшими янтарными облачками, между которыми мерцали звѣзды. Была полная тишина—ни одинъ листокъ не шевелился. Густая пестрая толпа зрителей обступала импровизованный танцовальный залъ. Свѣтъ фантастически ударялъ по костюмамъ и лицамъ, озаряя листву деревъ изумруднымъ свѣтомъ. Общество было весело настроено, и Лермонтовъ танцовалъ необыкновенно много.

Послѣ одного бѣшенаго тура-вальса, разсказываетъ Лореръ, Лермонтовъ, весь запыхавшійся отъ усталости, подошелъ ко мнѣ и тихо спросилъ: «Видите ли вы даму Дмитревскаго? Это его *каріе глаза*!. неправда ли, какъ она хороша?!» Дмитревскій былъ поэтъ, и въ то время влюбленъ былъ и пѣлъ прекрасными стихами о какихъ-то карихъ глазахъ. Лермонтовъ восхищался этими стихами и говаривалъ: «послѣ твоихъ стиховъ разлюбишь по неволѣ черные и голубые глаза и полюбишь карія очи».... Въ самомъ дѣлѣ она была красавицей. Густые каштановые волосы ея были гладко причесаны и только изъ-подъ ушей спускались на плечи красивыми локонами.... Большіе каріе глаза, осѣненные длинными ресницами и темными, хорошо очерченными бровями, поразили бы всякаго..... Балъ продолжался до поздней ночи, или вѣрнѣе до утра. Семейство Арнольди удалилось раньше, а скоро и всѣ стали расходиться; говорю расходиться потому, что экипажей въ Пятигорскѣ не было. Съ вершины грота я видѣлъ, какъ усталыя группы спускались на бульваръ. Разошлась и молодежь.... А я все еще сидѣлъ погруженный въ мечты!...»

Балъ этотъ, въ высшей степени оживленный, не понравился лицамъ, нерасположеннымъ къ Лермонтову и его «бандѣ». Они не принимали участія въ подпискѣ, а потому и не пошли на него. Еще до бала они всячески старались убѣдить многихъ изъ бывшихъ согласными участвовать въ немъ, отстать отъ предпріятія и создать свой «вполнѣ приличный, а не такой, гдѣ убранство домашнее, дурного вкуса» [de mauvais goût] и дамъ заставляютъ «танцовать по песку». Подъ вліяніемъ этихъ толковъ и князь Влад. Серг. Голицынъ, знакомый со многими изъ «смѣшаннаго общества», сталъ говорить о

томъ, что неприлично угощать женщинъ хорошаго общества танцами съ кѣмъ ни попало, на открытомъ воздухѣ. Говорятъ, что съ этими представленіями князь Голицынъ обратился къ Лермонтову, или высказывалъ ихъ въ присутствіи послѣдняго и что Лермонтовъ возразилъ ему, что здѣсь не Петербургъ, что то, что неприлично въ столицѣ, совершенно прилично наводахъ съ разношерстнымъ обществомъ. Тогда князь поднялъ опять старый вопросъ о приличномъ и неприличномъ обществѣ и сообщилъ о желаніи устроить балъ, какъ слѣдуетъ, въ казенномъ саду, воздвигнувъ тамъ павильонъ съ дощатой настилкой—съ приличнымъ для танцевъ поломъ; допускать же участниковъ лишь по билетамъ.

Лермонтовъ замѣтилъ, что не всѣмъ это удобно, что казенный садъ далекъ отъ центра города, [1] и что затруднительно будетъ препроводить усталыхъ, послѣ танцевъ, дамъ по квартирамъ, наемныхъ же экипажей въ городѣ всего 3 или 4. Князь стоялъ на своемъ, утверждалъ, что мѣстныхъ дикарей надо учить, надо показывать имъ примѣръ, какъ устраивать празднества.

Мы видѣли, что молодежь съ княземъ Голицынымъ не согласилась и устроила свой праздникъ. Тогда князь съ своей стороны рѣшился устроить балъ въ названномъ казенномъ саду на 15 іюля, въ день своихъ имянинъ и ,строптивую молодежь не приглашать [2].

---

[1] Красивый и тѣнистый садъ расположенъ въ $1/2$ верстѣ отъ города на берегу Подкумка. Въ настоящее время городъ растянулся до него, но и прежде сюда доходили слободы Пятигорска. Все сообщеніе г. Филиппова, со словъ г. Карпова [Русск. Вѣд. 1891 г. № 5], о томъ, что горцы готовились въ вечеръ назначенный для бала перехватить и увезти къ себѣ дамъ, совершивъ набѣгъ—не болѣе, какъ прикраса послѣднихъ лѣтъ. Не трудно бы справиться, когда былъ сдѣланъ горцами послѣдній набѣгъ на Пятигорскъ? Уже Лермонтовъ въ «Героѣ нашего времени» подсмѣивался надъ легковѣрными дамами на водахъ, вѣрящими въ возможность нападенія горцевъ. Если и бывали похищенія и нападенія разбойниковъ на отдѣльныхъ лицъ, то отъ этого до того, чтобы во время бала «броситься къ экипажамъ и, пользуясь замѣшательствомъ, выхватить наиболѣе красивыхъ женщинъ и увезти ихъ въ жены за Кубань»—еще далеко. Такой планъ похищенія сабинянокъ ужъ очень смѣлая фантазія.

[2] Изъ разсказовъ Эмиліи Алекс. Шанъ-Гирей. Въ Русск. Арх. 1889 г.

У Верзилиныхъ, кромѣ случайныхъ сборовъ, молодежь и знакомые сходились по воскреснымъ днямъ, и тогда бывали въ ихъ салонѣ танцы. Іюля 13-го, въ воскресенье, стали собираться обыкновенные посѣтители, потолковали итти ли въ казенную гостиницу на танцовальный вечеръ, и рѣшили провести вечеръ въ своемъ кругу. Народу было немного: полковникъ Зельмицъ съ дочерьми, Лермонтовъ, Мартыновъ, Трубецкой, Глѣбовъ, Васильчиковъ, Левъ Пушкинъ и еще нѣкоторые. Въ этотъ вечеръ Мартыновъ былъ мраченъ. Дѣйствительно ли былъ онъ въ дурномъ расположеніи духа или драпировался въ мантію байронизма? Можетъ-быть, его сердило, что на *аристократическій вечеръ*, приготовлявшійся кн. Голицынымъ съ большими затѣями, онъ приглашенъ не былъ. Танцовалъ Мартыновъ въ этотъ вечеръ мало. Лермонтовъ, на котораго сердилась Эмилія Львовна за постоянное поддразниваніе, приставалъ къ ней, прося «сдѣлать съ нимъ хоть одинъ туръ». Только подъ конецъ вечера, когда онъ усилилъ свои настойчивыя требованія и, измѣнивъ тонъ насмѣшки, сказалъ: «M-elle Emilie, je vous prie, un tour de valse seulement, pour la dernière fois de ma vie» [1] она съ нимъ провальсировала. Затѣмъ Михаилъ Юрьевичъ усадилъ Эмилію Львовну около ломбернаго стола и самъ помѣстился возлѣ. Съ другой стороны занялъ мѣсто Левъ Пушкинъ. «Оба они, разсказывала Эмилія Александровна, отличались злоязычіемъ и принялись à qui mieux mieux [въ запуски] острить. Собственно обидно злого въ томъ, что они говорили, ничего не было, но я очень смѣялась неожиданнымъ оборотамъ и анекдотическимъ разсказамъ, въ которые вмѣшали и знакомыхъ намъ людей. Конечно, доставалось больше всего водяному обществу, къ намъ мало расположенному, затронуты были и нѣкоторые пріятели наши. При этомъ Лермонтовъ, приподнимая одной рукой крышку ломбернаго стола, другою чертилъ мѣломъ иллюстраціи къ своимъ разсказамъ». Въ это время танцы прекратились, и об-

---

№ 6, стр. 317, она же сообщаетъ: «никто изъ нихъ [молодежи] приглашенъ не былъ.» «Сѣверъ» 1891 г. № 12, стр. 748.

[1] M-lle Эмили, прошу васъ на одинъ только туръ вальса, въ послѣдній разъ въ жизни.

щество разбрелось группами по комнатамъ и угламъ залы. Князь Трубецкой сидѣлъ за роялемъ, и игралъ что-то очень шумное. По другую сторону Надежда Петровна разговаривала съ Мартыновымъ, который стоялъ въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ — онъ и во время танцевъ не снялъ длиннаго своего кинжала — и часто перемѣнялъ позы, изъ которыхъ одна была изысканнѣе другой. Лермонтовъ это замѣтилъ и, обративъ наше вниманіе, сталъ что-то говорить по адресу Мартынова, а затѣмъ мѣломъ, двумя—тремя штрихами, иллюстрировалъ позу Мартынова съ большимъ его кинжаломъ на поясѣ. Но и Мартыновъ, поймавъ два-три обращенные на него взгляда, подозрительно и сердито посмотрѣлъ на сидѣвшихъ съ Лермонтовымъ. «Перестаньте, Михаилъ Юрьевичъ! Вы видите—Мартыновъ сердится», сказала Эмилія Александровна. Подъ шумные звуки фортепіана говорили не совсѣмъ тихо, а скорѣе сдержаннымъ только голосомъ. На замѣчаніе Эмиліи Александровны Лермонтовъ что-то отвѣчалъ улыбаясь, но въ это время, какъ нарочно, Трубецкой, взявъ сильный аккордъ, оборвалъ свою игру. Слово poignard отчетливо раздалось въ устахъ Лермонтова. Мартыновъ поблѣднѣлъ, глаза сверкнули, губы задрожали и, выпрямившись, онъ быстрыми шагами подошелъ къ Михаилу Юрьевичу и, гнѣвно сказавъ: «сколько разъ я просилъ *васъ* оставить свои шутки, особенно въ присутствіи дамъ!» отошелъ на прежнее мѣсто. «Это совершилось такъ быстро—замѣтила Эмилія Александровна—что Лермонтовъ могъ только опустить крышку ломбернаго стола, но отвѣтить не успѣлъ. Меня поразилъ тонъ Мартынова и то, что онъ, бывшій *на ты* съ Лермонтовымъ, произнесъ слово *вы* съ особеннымъ удареніемъ. «Языкъ мой, врагъ мой!» сказала я Михаилу Юрьевичу. «Ce n'est rien; demain nous serons bons amis!» [1] — отвѣчалъ онъ спокойно.

[1] Это ничего, завтра мы опять будемъ добрыми друзьями.— Эмилія Александровна еще при жизни мужа ея Акима Павловича Шанъ-Гирея съ полною точностью указывала мнѣ на расположеніе мебели комнатъ, гдѣ она сидѣла съ Лермонтовымъ и Л. Пушкинымъ, гдѣ стоялъ рояль, и облокотившись на него, Мартыновъ. Планъ комнатъ, равно какъ и домъ Верзилиныхъ, крыльцо и ворота, срисованныя мною, я подарилъ въ Лермонтовскій музей.

Танцы продолжались—никто изъ присутствовавшихъ не замѣтилъ ничего изъ краткаго объясненія. Даже Левъ Пушкинъ не придалъ ему значенія. Скоро стали расходиться и никого не поразило, когда, выходя изъ воротъ дома Верзилиныхъ, Мартыновъ остановилъ за рукавъ Лермонтова и, оставшись позади товарищей, сказалъ сдержаннымъ голосомъ по-французски то же, что было имъ сказано въ залѣ: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень долго выносилъ ваши шутки, продолжающіяся, несмотря на неоднократное мое требованіе, чтобы вы ихъ прекратили» [1].

— Что же, ты обидѣлся? спросилъ Лермонтовъ, продолжая итти во слѣдъ за опередившими товарищами.

— Да, конечно, обидѣлся.

— Не хочешь ли требовать удовлетворенія?

— Почему-жъ нѣтъ?!

Тутъ Лермонтовъ перебилъ его словами: «Меня изумляютъ и твоя выходка и твой тонъ... Впрочемъ, ты знаешь, вызо-

---

[1] Это, равно какъ и все слѣдующее, разсказывается различно, но въ сути сообщенія сходятся. Точныя слова никто не слышалъ. Только сказанное въ салонѣ сильно врѣзалось въ память г-жи Шанъ-Гирей. — Все, что объ этомъ писано въ военно-судномъ дѣлѣ о дуэли — [напеч. въ Любовскомъ Русск. угол. проц. 1867 г., т. II и матеріалъ въ Лерм. музеѣ]— должно быть принято съ крайнею осторожностью, такъ какъ въ такихъ дѣлахъ обыкновенно стараются выгородить живого, и показываютъ въ его пользу. Достаточно указать на то, что въ дѣлѣ не показаны Верзилины, упоминаются лишь двое секундантовъ, когда ихъ было четыре, и проч. Близко къ этимъ офиціальнымъ сообщеніямъ подходитъ то, что разсказываетъ г. Мартьяновъ во «Всемірномъ Трудѣ». Это происходитъ отъ того, что онъ пользовался еще дѣломъ въ Пятигорскомъ комендантскомъ управленіи, изъ коего оно потомъ пропало. Но надо отдать справедливость г. Мартьянову, что онъ старался провѣрить на мѣстѣ данныя, хотя мы все же встрѣчаемъ много промаховъ. Такъ онъ разсказываетъ что Лермонтовъ ѣхалъ на поединокъ мимо оконъ Верзилиныхъ, тогда какъ онъ ѣхалъ изъ Желѣзноводска, что обѣдали у себя, когда обѣдали въ колоніи и проч. Что касается нѣкоторыхъ недомолвокъ со стороны кн. Васильчикова въ статьѣ его въ «Русск. Архивѣ» 1872 года, то это обусловливалось вниманіемъ къ бывшему еще въ живыхъ Мартынову, защищать котораго приходилось князю во время слѣдствія по дѣлу. Сообщенія, сдѣланныя княземъ мнѣ уже позднѣе и послѣ смерти Мартынова, разнствуютъ съ прежними показаніями. Но объ этомъ ниже. Относительно другихъ сообщеній оцѣнка или уже сдѣлана, или же читатель найдетъ ее впереди.

вомъ меня испугать нельзя... хочешь драться—будемъ драться».

— «Конечно, хочу», отвѣчалъ Мартыновъ, «и потому разговоръ этотъ можетъ считаться вызовомъ».

Подойдя къ домамъ своимъ, они молча раскланялись [1] и вошли въ свои квартиры. Какъ Лермонтовъ передалъ Столыпину о происшедшемъ мы не знаемъ. Вообще нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошло ничего письменнаго о поэтѣ со стороны Глѣбова и особенно Столыпина, который въ тѣ дни былъ ближе всѣхъ къ Михаилу Юрьевичу.

Мартыновъ, вернувшись, разсказалъ дѣло своему сожителю Глѣбову и просилъ его быть секундантомъ. Глѣбовъ тщетно старался успокоить Мартынова и склонить его на примиреніе. Особенное участіе въ дѣлѣ принимали, конечно, ближайшіе къ сторонамъ молодые люди: Столыпинъ, кн. Васильчиковъ и уже поименованный Глѣбовъ. Такъ какъ Мартыновъ никакихъ представленій не принималъ, то рѣшили просить Лермонтова, не придававшаго никакого серіознаго значенія дѣлу, временно удалиться и дать Мартынову успокоиться. Лермонтовъ согласился уѣхать на двое сутокъ въ Желѣзноводскъ, въ которомъ вообще онъ проводилъ добрую часть своего времени. Въ отсутствіи его друзья думали дѣло уладить.

---

[1] Такъ пишетъ г. Мартьяновъ, прибавляя, что послѣдними словами Лермонтова было: «Ты думаешь торжествовать надо мною у барьера. Но это вѣдь не у ногъ красавицы». Когда я, прочитавъ это мѣсто князю Васильчикову, спросилъ его: такъ ли это было? князь отвѣчалъ: «Можетъ-быть, кто же это знаетъ! Суть вѣрна! Въ этомъ родѣ оба они передавали разговоръ свой, но послѣдняя фраза не могла быть сказана Лермонтовымъ. Мартыновъ, если и торжествовалъ надъ нимъ у ногъ красавицъ, то развѣ у ногъ такихъ, которыми Лермонтовъ не могъ серіозно интересоваться. Лермонтовъ шаля пріударялъ за разными женщинами, но заинтересовывался только личностями, выходившими изъ ряда обыденности. Къ тому же онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ и видя, что пріятель имъ не на шутку обиженъ, старался смягчить, а не усиливать обиду. Мартыновъ же давно злился на Лермонтова. Удерживала его вспыльчивость наша общая дружеская компанія. Впрочемъ, мы не разъ говорили Лермонтову, чтобы онъ былъ осторожнѣе относительно Мартынова. Но Михаилъ Юрьевичъ мало обращалъ вниманія на наши предостереженія. Онъ былъ слишкомъ живъ и кипучъ, чтобы сдерживать свою шаловливость».

Какъ прожилъ поэтъ въ одиночествѣ своемъ въ Желѣзноводскѣ послѣднія сутки — кто это знаетъ! Въ обществѣ онъ бывалъ, какъ мы видѣли, всегда почти веселъ и шаловливъ, на одинокихъ прогулкахъ и при работѣ—погруженнымъ въ себя и до меланхоліи грустенъ. Комментаріями и лучшими истолкователями тогдашняго душевнаго состоянія поэта, конечно, могутъ служить двѣнадцать его послѣднихъ стихотвореній [т. I, стр. 323]. Предчувствіемъ томимый, видитъ онъ себя въ долинѣ Дагестана съ свинцомъ въ груди недвижнымъ, одинокимъ:

Глубокая въ груди чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей.

Одинъ изъ тогдашнихъ посѣтителей минеральныхъ водъ, товарищъ поэта по школѣ г. Гвоздевъ поздно вечеромъ встрѣтилъ Михаила Юрьевича на одинокой прогулкѣ. Онъ былъ мраченъ и говорилъ о близкой смерти... [1]

Одинокимъ вышелъ поэтъ на дорогу жизни [т. I, стр. 343] и нигдѣ не могъ найти настоящаго пріюта. То сравниваетъ онъ себя съ дубовымъ листомъ, который еще свѣжимъ и зеленымъ оторвался отъ вѣтки родимой [стр. 341],

И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый,
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.
У Чернаго моря чинара стоитъ молодая....

Но и она не принимаетъ его: не пàра онъ ея свѣжимъ листамъ!

То чувствуетъ себя поэтъ сильнымъ и твердымъ, какъ утесъ, но сиротой въ «пространствѣ міра»:

Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко,
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ....

Наконецъ, обдумывая вопросы жизни и бытія, одинъ съ своими мыслями онъ чувствуетъ, что и долженъ быть одинокимъ, если хочетъ «провозглашать любви и правды чистыя ученья». Занималась заря иного дня. *Зрѣющій поэтъ и че-*

---

[1] Сообщенія Меринскаго.—Эта встрѣча произошла 8-го іюля, слѣдовательно послѣ вечера въ гротѣ Діаны [см. выше, стр. 411].

ловѣкъ вступалъ въ новый фазисъ жизни. Онъ сознавалъ себя и жаждалъ нераздѣльной всецѣлой отдачи себя творчеству и идеалу. Что въ него ближайшіе еще бѣшенѣе будутъ бросать каменья — это онъ понималъ. Но ужъ это его не смущало. [Т. I, стр. 345].

Разсчеты друзей, уговорившихъ Михаила Юрьевича удалиться въ Желѣзноводскъ, оказались не вѣрными. Мартыновъ ко всякимъ представленіямъ оставался глухъ и больше хранилъ мрачное молчаніе. Между тѣмъ все дѣло держалось не въ особенномъ секретѣ. О немъ узнали многіе, знали и власти, если не всѣ, то добрая часть ихъ, и, конечно, мѣры могли бы быть приняты энергическія. Можно было арестовать молодыхъ людей, выслать ихъ изъ города къ мѣсту службы, но всего этого сдѣлано не было. Напротивъ, въ дѣло вмѣшались и посторонніе люди, какъ напримѣръ Дороховъ, участвовавшій на 14 поединкахъ. Для людей подобныхъ ему, а тогда въ кавказскомъ офицерствѣ ихъ было много, дуэль представляла пріятное препровожденіе времени, щекотавшее нервы и нарушавшее единообразіе жизни и пополнявшее отсутствіе интересовъ [1]. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Мартынова подстрекали со стороны лица, давно желавшія вызвать столкновеніе между поэтомъ и кѣмъ-либо изъ невмѣру щекотливыхъ или малоразвитыхъ личностей. Полагали, что «обузданіе» тѣмъ или другимъ способомъ «неудобнаго» юноши-писателя, будетъ принято не безъ тайнаго удовольствія нѣкоторыми вліятельными сферами въ Петербургѣ. Мы находимъ много общаго между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кро-

---

[1] Не безъ интересу прочелъ я только что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» [1891 года 2-го мая № 119] статью г. Каченовскаго, сообщающаго кое-что объ офицерскихъ нравахъ на Кавказѣ, особенно относительно дуэлей, подтверждающихъ сказанное мною. Г. Каченовскій служилъ въ Нижегородскомъ полку въ 1846 году, слѣдовательно въ эпоху близкую къ жизни на Кавказѣ Лермонтова. Нравы и обстановка были тѣ же, поэтому сообщенія автора статьи, не давая никакихъ новыхъ данныхъ о самой дуэли Лермонтова, о коей онъ лишь слышалъ разсказы, являются все же интересною иллюстраціею дуэлей того времени. Въ $1^1/_2$ года пребыванія Каченовскаго на Кавказѣ онъ называетъ болѣе семи дуэлей, изъ коихъ три со смертельнымъ исходомъ. А сколько дуэлей оставались ему неизвѣстны?!

вавой кончины Лермонтова. Хотя обѣ интриги никогда разъяснены не будутъ, потому что велись потаенными средствами, но ихъ главная пружина кроется въ условіяхъ жизни и дѣятеляхъ характера графа Бенкендорфа, о чемъ говорено выше и что констатировано столькими описаніями того времени.

Итакъ попытка, удаливъ Лермонтова, дать успокоиться Мартынову, неудалась. Подстрекаемый ли другими, или упорствуя тѣмъ больше, чѣмъ настойчивѣе хотѣли отклонить его отъ дуэли,—Мартыновъ не уступалъ. Его тѣшила роль *непреклоннаго*, которую онъ принялъ на себя. Онъ даже повеселѣлъ и не разъ подсмѣивался надъ «путешествующимъ противникомъ» своимъ. Пришлось принять рѣшеніе дать дуэли осуществиться. Но все же изъ друзей Лермонтова никто не вѣрилъ въ ея серіозность. Всѣ были убѣждены, что противники обмѣняются выстрѣлами, подадутъ другъ другу руки и все закончится веселой пирушкой. Даже все было приготовлено къ тому, чтобы отпраздновать въ веселой компаніи счастливый исходъ. Самъ Лермонтовъ говорилъ, что у него рука не поднимется на Мартынова и что онъ выстрѣлитъ на воздухъ. Это было сообщено и самому Мартынову, и никто не вѣрилъ въ серіозность его напускной торжественности.

Іюля 15-ое было назначено днемъ для поединка. Дали знать Лермонтову въ Желѣзноводскъ. Ему приходилось ѣхать черезъ нѣмецкую колонію Каррасъ. Тамъ должны были встрѣтить его товарищи. Мѣстомъ же для дуэли было назначено подножіе Машука на половинѣ дороги между колоніей и Пятигорскомъ [1]. Ближайшіе къ поэту люди такъ мало вѣри-

---

[1] Съ точностью опредѣлить мѣсто дуэли невозможно. Въ 1881 году въ Пятигорскѣ ко мнѣ обратился вицегубернаторъ Тверской Области Г. Хр. Якобсонъ, предсѣдатель комиссіи по опредѣленію мѣста дуэли Лермонтова. Съ нимъ и другими членами комиссіи отправился я опредѣлять мѣста на основаніи точныхъ собранныхъ мною сообщеній, особенно кн. Васильчикова. Ак. Павл. Шанъ-Гирей еще былъ въ живыхъ, но онъ отказался ѣхать и искать мѣсто дуэли, говоря, что это невозможно. Однако помогъ мнѣ указаніями, гдѣ проходила въ 1841 году «старая дорога въ Желѣзноводскъ и пр.» Все взвѣсивъ и осмотрѣвъ, я опредѣлилъ мѣсто. Затѣмъ мое опредѣленіе свѣрили съ показаніями старожиловъ: Чухнина [брата увозившаго тѣло поэта съ мѣста поединка], часто сопровождавшаго посѣтителей къ роковымъ кустамъ, и Чалова, державшаго лошадей, бывшихъ на поединкѣ. Оказалось, что

ли въ возможность серіозной развязки, что рѣшили пообѣдать въ колоніи Каррасъ и послѣ обѣда ѣхать на поединокъ. Думали даже попытаться примирить обоихъ противниковъ въ колоніи у нѣмки Рошке, содержавшей гостиницу. Почему-то въ кругу молодежи господствовало убѣжденіе, что все это шутка, — убѣжденіе, поддерживавшееся шаловливымъ настроеніемъ Михаила Юрьевича. Ѣхали скорѣе, какъ на пикникъ, а не на смертельный бой. Даже есть *полное* вѣроятіе, что кромѣ четырехъ секундантовъ: князя Васильчикова, Столыпина, Глѣбова и кн. Трубецкаго, на мѣстѣ поединка было еще нѣсколько лицъ въ качествѣ зрителей, спрятавшихся за кустами—между ними и Дороховъ [1].

мы разошлись въ 50 шагахъ. [См. «Листокъ для посѣтителей К. Мин. водъ. 1881 года № 16, и протоколъ коммиссіи, котор. отпечатанъ между проч. и въ «Порядкѣ» 1881 г. 16 декабря].

Вся мѣстность покрыта стереотипнымъ кустарникомъ, и послѣ 40 лѣтъ, конечно, все настолько измѣнилось, что лишь приблизительно можно сказать гдѣ происходило печальное событіе. Контрагентъ кавказскихъ минеральныхъ водъ А. М. Байковъ думалъ поставить тамъ крестъ; я набросалъ проектъ, но предположеніе осталось предположеніемъ. Изображеніе поляны на которой происходила дуэль, срисована была съ натуры товарищемъ Лермонтова Арнольди акварелью. Рисунокъ подаренъ имъ въ Лермонтовскій музей.

[1] Этотъ слухъ доходилъ и до Лонгинова [Русск. Стар. 1873 г., т. I, стр. 389], былъ сообщенъ мнѣ и В. А. Елагинымъ со словъ г. Тимирязева, бывшаго тогда въ Пятигорскѣ. Кто были эти господа, конечно, останется недознаннымъ. Неподлежитъ сомнѣнію, что на мѣстѣ поединка былъ Дороховъ въ послѣдней статьѣ своей въ «Сѣверѣ» говоритъ объ этомъ и Эмилія Александровна Шанъ-Гирей и мнѣ она сказала, когда я спрашивалъ и ее и покойнаго мужа: были ли посторонніе при дуэли? что она того нѐ знаетъ, «Мало ли какіе ходили слухи! а участвовалъ Дороховъ, но это было скрыто на слѣдствіи, какъ и участіе Столыпина и Трубецкаго, пріѣхавшаго на воды изъ экспедиціи безъ разрѣшенія.—Когда я указывалъ кн. Васильчикову на слухъ, сообщаемый и Лонгиновымъ, онъ сказалъ, что этого не вѣдаетъ, но когда утвердительно заговорилъ о присутствіи Дорохова, князь склонивъ голову и задумавшись замѣтилъ: «можетъ-быть, и были. Я былъ такъ молодъ, мы всѣ такъ молоды и такъ не серіозно глядѣли на дѣло, что много было допущено упущеній.» — А были ли подстрекатели у Мартынова?— «Можетъ-быть, и были, мнѣ было 22 года, и всѣ мы тогда не сознавали, что такое Лермонтовъ. Для всѣхъ насъ онъ былъ офицеръ-товарищъ, умный и добрый, писавшій прекрасные стихи и рисовавшій удачныя карикатуры. Иное дѣло глядѣть ретроспективно!» —Ну а Столыпинъ? спросилъ я.—Вѣдь этотъ человѣкъ былъ, и постарше, и поопытнѣе и зналъ правила дуэли? «Сто-

Въ колоніи Каррасъ Лермонтовъ, пріѣзжая изъ Желѣзноводска, нашелъ M-elle Быховецъ, прозванную la belle noire, съ теткой ея Пряничниковою, ѣхавшихъ въ Желѣзноводскъ. Сюда пріѣхали и товарищи поэта, кто именно—остается невыясненнымъ, навѣрное Столыпинъ. Есть свѣдѣніе, что въ числѣ еще другихъ лицъ прибылъ и Мартыновъ. Продолжая вѣрить въ несеріозность поединка, молодые люди еще утромъ 15 іюля заходили къ Верзилинымъ, сговариваясь, такъ какъ никто изъ нихъ не былъ приглашенъ на праздникъ князя Голицына, притти инкогнито на горку въ саду, или близъ сада, чтобы посмотрѣть на фейерверкъ. Туда къ нимъ должны были явиться и Верзилины. Молодежь, какъ видѣли мы, думала по счастливомъ окончаніи дуэли поужинать вмѣстѣ въ товарищескомъ кругу. Нѣкоторые надѣялись, что быть можетъ и въ Каррасѣ какъ-нибудь удасться примирить противниковъ. Вотъ почему Лермонтовъ долженъ былъ тамъ пообѣдать. Хотѣли привести и Мартынова [1]. Говорятъ, Мартыновъ пріѣхалъ туда на бѣговыхъ дрожкахъ съ кн. Васильчиковымъ [2]. Лермонтовъ

лыпинъ!? На каждаго мудреца довольно простоты! При каждомъ несчастномъ событіи недоумѣваешь, потомъ и думаешь, какъ было упущено то или другое, какъ не досмотрѣлъ, какъ допустилъ и т. д. Впрочемъ, Столыпинъ серіознѣе всѣхъ глядѣлъ на дѣло и предупреждалъ Лермонтова; но онъ по большей части былъ подъ вліяніемъ Михаила Юрьевича и при нѣсколько индолентномъ характерѣ вполнѣ поддавался его вліянію». Доказательствомъ того, что *говорили* утвердительно о присутствіи постороннихъ лицъ, служитъ показаніе Мартынова на официальномъ дознаніи: «*при дуэли кромѣ секундантовъ никто не присутствовалъ*».

[1] Провѣрить точно ли Мартыновъ видѣлся еще разъ въ Каррасѣ съ Лермонтовымъ, какъ разсказываютъ [въ томъ числѣ и г. Карповъ], я не могъ. Спросить объ этомъ кн. Васильчикова не пришло въ голову, но что это было такъ—видно и изъ показаній Чалова. [Протоколъ комиссіи для опредѣленія мѣста дуэли]. «Въ день дуэли», разсказывалъ Чаловъ, «два офицера наняли у меня лошадей»—Чаловъ поѣхалъ сопровождать ихъ. Въ колоніи Каррасъ офицеры эти встрѣтили Лермонтова и еще одного или двухъ офицеровъ, и послѣ нѣкотораго пребыванія въ домѣ Рошке всѣ вмѣстѣ поѣхали изъ колоніи по дорогѣ въ Пятигорскъ» и т. д. Надо полагать, что раньше выѣхали Васильчиковъ и Мартыновъ. Чаловъ говоритъ лишь объ офицерахъ. Васильчиковъ былъ штатскій.

[2] Другіе говорятъ—съ Дороховымъ, что сомнительно, потому что въ Пятигорскѣ старожилы говорили, что Дороховъ 15-го іюля подъ вечеръ много раз-

былъ на лицо. Противники раскланялись, но вмѣсто словъ примиренія Мартыновъ напомнилъ о томъ, что пора бы дать ему удовлетвореніе, на что Лермонтовъ выразилъ всегдашнюю свою готовность. Вѣрно только то, что кн. Васильчиковъ съ Мартыновымъ на бѣговыхъ дрожкахъ, съ ящикомъ принадлежавшихъ Столыпину кухенрейторскихъ пистолетовъ [1], выѣхали отыскивать удобное мѣсто у подошвы Машука, на дорогѣ между колоніей Каррасъ и Пятигорскомъ. Обѣдая съ M-elle Быховецъ и ея теткой, Михаилъ Юрьевичъ шутилъ и наконецъ, взявъ у первой изъ дамъ золотой ободокъ, который тогда носили на головѣ, сталъ обoрачивать имъ красивыя пальцы своихъ холеныхъ рукъ. M-elle Быховецъ просила ей возвратить фіоритурку, но поэтъ отказался, сказавъ, что самъ привезетъ, если будетъ живъ, и съ этими словами всталъ и, весело раскланявшись, вышелъ. На слова эти, какъ на шутку, дамы вниманія не обратили.

Молодые люди сѣли на коней и помчались по дорогѣ къ Пятигорску. День былъ знойный, удушливый, въ воздухѣ чувствовалась гроза. На горизонтѣ бѣлая тучка росла и темнѣла. Недоѣзжая $2\frac{1}{2}$ верстъ, приблизительно, до города, повернули налѣво въ гору, по слѣдамъ, оставленнымъ дрожками кн. Васильчикова и Мартынова. Подошва Машука, поросшая кустарникомъ и травой, и нынѣ сохраняетъ тотъ же видъ. Кудрявая вершина знаменитой горы высилась надъ всею мѣстностью, какъ и теперь. Становясь къ ней спиной передъ глазами извивалась лентою желѣзноводская дорога [2]. Далѣе поднимается, пятиглавый Бештау, а налѣво величаво и безмолвно глядитъ Шатъ-гора [Эльбрусъ], сіяя бѣлизною своей снѣговой вершины. Около 6 часовъ прибыли на мѣсто. Оставивъ лошадей у про-

---

ѣзжалъ верхомъ на конѣ и что знавшихъ этого человѣка его суетня поразила: «Что нибудь да замышляется недоброе, если Дороховъ такъ суетится!» Ср. разсказъ г-жи А[лександров]ской [«Нива» 1885 г. № 20]. Мнѣ же она и въ 1888 году говорила вышеозначенную фразу.

[1] Пистолеты эти въ 1881 году видѣлъ я въ Москвѣ надъ кроватью Дмитр. Арк. Столыпина.

[2] Старая. Уже въ 1881 году она была заросши и съ трудомъ разыскана мною при помощи старожилъ.

водника своего Евграфа Чалова [1], молодые люди пошли вверхъ къ полянкѣ между двумя кустами, гдѣ ожидали ихъ Мартыновъ и Васильчиковъ [2], или же князь Трубецкой, что тоже остается невыясненнымъ. Докторовъ не было, не потому, чтобы, какъ это сообщается нѣкоторыми, никто не хотѣлъ ѣхать, а потому опять, что какъ-то дуэли не придавали серіоз-

---

[1] При слѣдствіи показали, что лошадей своихъ привязывали къ кустамъ.

[2] Когда я спросилъ кн. Васильчикова, кто собственно былъ секундантами Лермонтова? онъ отвѣтилъ, что собственно не было опредѣлено кто чей секундантъ. Прежде всего Мартыновъ просилъ Глѣбова, съ коимъ жилъ, быть его секундантомъ, а потомъ какъ-то случилось, что Глѣбовъ былъ какъ бы со стороны Лермонтова. Собственно секундантами были: Столыпинъ, Глѣбовъ, Трубецкой и я. На слѣдствіи же показали: Глѣбовъ себя секундантомъ Мартынова—я Лермонтова. Другихъ мы скрыли. Трубецкой пріѣхалъ безъ отпуска и могъ поплатиться серьезнѣе. Столыпинъ уже разъ былъ замѣшанъ въ дуэль Лермонтова, слѣдовательно ему могло достаться серьезнѣе».— Весь остальной разсказъ о дуэли я сообщаю со словъ кн. Васильчикова, какъ очевидца. Всѣ прочія лица драмы уже не были въ живыхъ, когда я началъ собирать матеріалы для біографіи Михаила Юрьевича. Что сообщенія эти не совсѣмъ сходятся съ тѣмъ, что помѣщено было княземъ въ Русск. Арх. за 1872 годъ, поясняется тѣмъ, что, вынужденный письмомъ Н. С. Мартынова къ М. Ив. Семевскому отъ 30 ноября 1869 г. [помѣщено въ приложеніи къ запискамъ Хвостовой Спб. 1870 г. на стр. 257] «прервать 30 лѣтнее молчаніе свое», князь все же не хотѣлъ возстановить факты до мельчайшихъ подробностей, какъ онъ говорилъ, по двумъ причинамъ:

1) «Мы дали тогда другъ другу слово молчать и не говорить никому ничего другого кромѣ того что будетъ нами показано на формальномъ слѣдствіи. Поэтому я молчалъ бы и теперь, если бы самъ Мартыновъ не вынудилъ меня говорить и своимъ вызовомъ въ печати и тѣмъ что я имѣю полное основаніе думать, что онъ самъ нѣкоторымъ лицамъ сообщалъ подробности не согласно съ дѣйствительностью или, по крайней мѣрѣ, оттѣняя дѣло въ свою пользу;

2) «Высказать все печатно, пока Мартыновъ печатно своихъ сообщеній не дѣлалъ, я не считалъ себя въ правѣ. Теперь Мартыновъ скончался. Въ печать проскочило кое-что изъ свѣдѣній не въ пользу Лермонтова, по винѣ покойнаго Мартынова, и я уже не вижу себя обязаннымъ молчать. Мартыновъ всегда хотѣлъ, чтобы мы его обѣлили. Это было замѣтно во время слѣдствія надъ нами, когда Мартыновъ все боялся что мы недостаточно защитимъ его, такъ что мы съ Глѣбовымъ написали письмо, которое было ему передано, когда онъ сидѣлъ подъ арестомъ, и объявили, что ничего лишняго кромѣ того что нужно для смягченія его участи не скажемъ». Не есть ли письмо, о коемъ говорилъ Князь Васильчиковъ, то самое, которое помѣщено въ Русск. Арх. за 1885, г. № 3 стр. 461, о чемъ говорю ниже.

наго значенія, и потому даже не было приготовлено экипажа на случай, что кто-нибудь будетъ раненъ [1].

Мартыновъ стоялъ мрачный со злымъ выраженіемъ лица. Столыпинъ обратилъ на это вниманіе Лермонтова, который только пожалъ плечами. На губахъ его показалась презрительная усмѣшка. Кто-то изъ секундантовъ воткнулъ въ землю шашку, сказавъ: «вотъ барьеръ». Глѣбовъ бросилъ фуражку въ десяти шагахъ отъ шашки, но длинноногій Столыпинъ, дѣлая большіе шаги, увеличилъ пространство. «Я помню, говорилъ князь Васильчиковъ, какъ онъ ногою отбросилъ шапку, и она откатилась еще на нѣкоторое разстояніе. Отъ крайнихъ пунктовъ барьера Столыпинъ отмѣрилъ еще по 10 шаговъ, и противниковъ развели по краямъ. Заряженные въ это время пистолеты были вручены имъ [Глѣбовымъ?]. Они должны были сходиться по командѣ: «сходись!» Особеннаго права на первый выстрѣлъ по условію никому не было дано. Каждый могъ стрѣлять, стоя на мѣстѣ, или подойдя къ барьеру, или на ходу, но непремѣнно между командою: *два* и *три*. Противниковъ поставили на скатѣ, около двухъ кустовъ: Лермонтова лицомъ къ Бештау, слѣдовательно выше; Мартынова ниже, лицомъ къ Машуку. Это опять была неправильность. Лермонтову приходилось цѣлить внизъ, Мартынову вверхъ, что давало послѣднему нѣкоторое преимущество. Командовалъ Глѣбовъ... «Сходись!»—крикнулъ онъ. Мартыновъ пошелъ быстрыми шагами къ барьеру, тщательно наводя пистолетъ. Лермонтовъ остался неподвиженъ. Взведя курокъ, онъ поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ и, помня наставленія Столыпина, заслонился рукой и локтемъ, «по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста». «Въ эту минуту, пишетъ князь Васильчиковъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ уже направленнаго на него пистолета». Вѣроятно, видъ торопливо шедшаго и цѣлившаго въ него Мартынова вызвалъ въ поэтѣ новое ощущеніе. Лицо приняло пре-

---

[1] А. И. Арнольди [Матер. Дудышкина, стр. XX] говоритъ: «*Секунданты* не предвидѣли такого конца» [смертельнаго исхода]!!

зрительное выраженіе, и онъ, все не трогаясь съ мѣста, вытянулъ руку къ верху, по прежнему къ верху же направляя дуло пистолета [1]. «Разъ».... «Два».... «Три!» командовалъ между тѣмъ Глѣбовъ. Мартыновъ уже стоялъ у барьера. «Я отлично помню, разсказывалъ далѣе князь Васильчиковъ, какъ Мартыновъ повернулъ пистолетъ, куркомъ въ сторону, что онъ называлъ стрѣлять по-французски! Въ это время Столыпинъ крикнулъ: «стрѣляйте! или я разведу васъ!»... Выстрѣлъ раздался, и Лермонтовъ упалъ, какъ подкошенный, не успѣвъ даже схватиться за больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ ушибленные или раненые».

«Мы подбѣжали.... Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ сочилась кровь.... Неразряженный пистолетъ оставался въ рукѣ...

«Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пѣли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу»....

---

[1] Разсказъ князя Васильчикова. Когда я его спросилъ отчего же онъ не печаталъ о вытянутой рукѣ, свидѣтельствующее, что Лермонтовъ показывалъ явное не желаніе стрѣлять, князь утверждалъ, что онъ не хотѣлъ подчеркивать этого обстоятельства, но поведеніе Мартынова снимаетъ съ него необходимость щадить его.

ЭПИЛОГЪ.

Трупъ поэта на мѣстѣ поединка.—Перевозъ тѣла въ Пятигорскъ.—Затрудненія при похоронахъ.—Могила.—Слѣдственное дѣло.—Степень виновности Мартынова и другихъ.—Слухи о причинахъ, побудившихъ Мартынова драться съ Лермонтовымъ.—Преслѣдователи и защитники Михаила Юрьевича.—высочайшее повелѣніе относительно лицъ причастныхъ къ дуэли.—Перенесеніе тѣла Михаила Юрьевича въ Тарханы.

Неожиданный строгій исходъ дуэли, даже для Мартынова былъ потрясающимъ. Въ чаду борьбы чувствъ, уязвленнаго самолюбія, ложныхъ понятій о чести, интригъ и удалого молодечества, Мартыновъ, какъ и всѣ товарищи, былъ далекъ отъ полнаго сознанія того, что творится. Пораженный исходомъ, бросился онъ къ упавшему. «Миша, прости мнѣ!» вырвался у него крикъ испуга и сожалѣнія...

Въ смерть не вѣрилось. Какъ растерянные стояли вокругъ павшаго, на устахъ котораго продолжала играть улыбка презрѣнія. Глѣбовъ сѣлъ на землю и положилъ голову поэта къ себѣ на колѣни. Тѣло быстро холодѣло... Васильчиковъ поѣхалъ за докторомъ; Мартыновъ—доложить коменданту о случившемся и отдать себя въ руки правосудія... Мы ничего не знаемъ о другихъ!... Что дѣлалъ многолѣтній вѣрный другъ поэта Монго-Столыпинъ? Онъ ли закрылъ глаза любимаго имъ и любившаго его человѣка?.. Князь Васильчиковъ упорно молчалъ относительно *другихъ лицъ, свидѣтелей дуэли*. Онъ и о Дороховѣ почему-то говорить не хотѣлъ. Надо предполагать, что они разсыпались по окрестностямъ или ускакали въ Пятигорскъ. Наскоро рѣшено было на неизбѣжномъ слѣдствіи показать, что секундантами и свидѣтелями всего случивша-

гося были только Глѣбовъ и кн. Васильчиковъ. Они менѣе всего рисковали. Глѣбовъ, плѣнъ котораго у горцевъ надѣлалъ много шуму, былъ на счету офицера не только безукоризненнаго, но и много обѣщавшаго—о немъ знали въ Петербургѣ. Отецъ Васильчикова былъ любимъ государемъ и имѣлъ значительный постъ. Наконецъ, оба они проживали на водахъ съ разрѣшенія, не такъ, какъ кн. Трубецкой, и не были, какъ Столыпинъ и Дороховъ, замѣшаны въ дуэляхъ и не навлекли еще на себя недовольство правительственныхъ лицъ.

Между тѣмъ въ Пятигорскѣ трудно было достать экипажъ для перевозки Лермонтова. Васильчиковъ, покинувшій Михаила Юрьевича еще до яснаго опредѣленія его смерти, старался привезти доктора, но никого не могъ уговорить ѣхать къ сраженному. Медики отвѣчали, что на мѣсто поединка при такой адской погодѣ они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненаго. Дѣйствительно, дождь лилъ, какъ изъ ведра, и совершенно померкнувшая окрестность освѣщалась только блистаніемъ непрерывной молніи при страшныхъ раскатахъ грома. Дороги размокли. Съ большимъ усиліемъ и за большія деньги, кажется, не безъ участія полиціи, удалось наконецъ выслать за тѣломъ дроги [въ родѣ линейки] [1]. Было 10 часовъ вечера. Досталъ эти дроги уже Столыпинъ. Кн. Васильчиковъ, ни до чего не добившись, пріѣхалъ на мѣсто поединка безъ доктора и экипажа.

Тѣло Лермонтова все время лежало подъ проливнымъ дождемъ, накрытое шинелью Глѣбова, покоясь головою на его колѣняхъ. Когда Глѣбовъ хотѣлъ осторожно спустить ее, чтобы поправиться—онъ промокъ до костей—изъ раскрытыхъ устъ Михаила Юрьевича вырвался ни то вздохъ, ни то стонъ; и Глѣбовъ остался недвижимъ, мучимый мыслью, что быть можетъ въ похолодѣломъ тѣлѣ еще кроется жизнь [2].

---

[1] Онѣ были наняты у помѣщика Мурлыкина, содержавшаго въ Пятигорскѣ «биржевыхъ лошадей и экипажи». Послали кучера Кузьму Чухнина. [Протоколъ комиссіи по опред. мѣста дуэли]. Г-нъ Карповъ разсказываетъ дѣло не вѣрно и называетъ мѣщанина Пантелѣева.

Это была лишняя тревога: изъ груди вырвался не стонъ, а спертый воздухъ. Въ Русск. Арх. 1872 г. кн. Васильчиковъ сообщаетъ: «Столыпинъ

Такъ лежалъ, неперевязанный, медленно истекавшій кровью, великій юноша-поэтъ... Гроза прошла. Стало совсѣмъ тихо. Полный мѣсяцъ яркимъ сіяніемъ освѣтилъ окрестность и вершины горъ, спавшихъ во тьмѣ ночной.

Наконецъ появился долгоожидаемый экипажъ въ сопровожденіи полковника Зельмица и слугъ. Поэта подняли и положили на дроги. Поѣздъ, сопровождаемый товарищами и людьми Столыпина, тронулся.

Въ Пятигорскѣ между тѣмъ происходило слѣдующее. Въ 7-омъ часу было назначено открытіе празднества, которое готовилъ князь Голицынъ въ «казенномъ саду» и коимъ собирался удивить «Пятигорскихъ дикарей». Ничего подобнаго еще не бывало... Обширный павиліонъ, сооружавшійся въ продолженіе нѣсколькихъ дней, весь состоялъ изъ зеркалъ, спрятанныхъ въ цвѣтахъ и зелени. Съ утра толпились любопытные, которыхъ къ назначенному часу рѣшено было выпроводить изъ сада. Но вотъ разразилась гроза. Даже сторожилы не могли припомнить подобной. Улицы обратились въ потоки; нечего было и думать добраться до сада. Сестры Верзилины, принарядившись, готовились отправиться на балъ кн. Голицына, но ливень не унимался. Къ нимъ пришелъ Дмитревскій и, видя барышень въ бальныхъ туалетахъ и опечаленными, вызвался привести обычныхъ посѣтителей изъ молодежи и устроить свой танцовальный вечеръ. «Не успѣлъ онъ высказаться, разсказываетъ Эмилія Александровна Шанъ-Гирей, какъ вбѣгаетъ полковникъ Антонъ Карловичъ Зельмицъ съ растрепанными длинными, сѣдыми волосами, съ испуганнымъ лицомъ, размахиваетъ руками и кричитъ: *«одинъ наповалъ, другой подъ арестомъ!»* Мы бросились къ нему:—что такое, кто наповалъ, гдѣ?—«Лермонтовъ убитъ!» раздались роковыя слова... Внезапное извѣстіе до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалась истерика... Уже потомъ, отъ Дмитревскаго, узнали мы подробности о случившемся»...

и Глѣбовъ уѣхали въ Пятигорскъ, чтобы распорядиться перевозкою тѣла, а меня съ Трубецкимъ оставили при убитомъ». Мнѣ онъ пояснилъ, что это было уже по возвращеніи его изъ Пятигорска, гдѣ онъ тщетно искалъ докторовъ и экипажа.

«Мальчишки, мальчишки, что вы со мною сдѣлали!» плакался, бѣгая по комнатѣ и схватившись за голову добрякъ Ильяшенко, когда ему сообщили о катастрофѣ. Мартыновъ тотчасъ былъ арестованъ [1]. Самъ комендантъ не нашутку испугался и растерялся. Онъ, еще не зная убитъ, или раненъ Лермонтовъ, приказалъ, чтобы, какъ только привезутъ, его помѣстили на гауптвахту. Той порой тѣло прибыло въ Пятигорскъ. Разумѣется, на гауптвахту его сдать нельзя было и, постоявъ передъ нею нѣсколько минутъ, пока выяснилось, что поручикъ Тенгинскаго полка Лермонтовъ мертвъ, его повезли дальше. Кто-то именемъ коменданта опять таки остановилъ поѣздъ передъ церковью, сообщивъ, что домой его вести нельзя. Опять замедленіе [2]. Наконецъ смоченный кровью и омытый дождемъ трупъ былъ привезенъ на квартиру и положенъ на диванъ въ столовую, гдѣ еще недавно, у открытаго окна, по утрамъ, работалъ поэтъ, слагая или исправляя свои чудныя пѣсни. Глѣбовъ раньше, потомъ Васильчиковъ были арестованы и подъ конвоемъ проведены къ мѣсту заключенія. Было заполночь, когда прибыла наконецъ давно ненужная медицинская помощь [3].

Блѣдный, истекшій кровью, съ улыбкой презрѣнія на устахъ, въ «исторической» канаусовой рубашкѣ, смоченной кровью, лежалъ Михаилъ Юрьевичъ. Вокругъ ходила молодежь, растерявшаяся и пораженная. Вмѣсто веселаго ужина, приготов-

---

[1] Разсказъ г-жи Шанъ-Гирей, со словъ Мартынова, будто онъ провелъ въ тюрьмѣ, куда его посадили какъ отставного, ужасныхъ три ночи въ сообществѣ двухъ арестантовъ, изъ которыхъ одинъ все читалъ псалтырь, а другой произносилъ страшныя ругательства,—фантазія Мартынова, или г-жа Шанъ-Гирей запамятовала нѣкоторыя подробности.

[2] Изъ разсказовъ кн. Васильчикова.—Вотъ эти-то замедленія и послужили поводомъ къ позднѣйшимъ разсказамъ, что поэтъ умеръ на дорогѣ, когда его возили: сначала къ его дому, потомъ на гауптвахту [Мартьяновъ, стр. 594]. Затѣмъ положили на церковной паперти, гдѣ онъ и скончался [тамъ же стр. 596] и т. п.

[3] Меня уже отвели, а врачи все еще не приходили, сообщалъ кн. Васильчиковъ.—Эмилія Александровна помнитъ, какъ около 9 часовъ мимо ихъ оконъ провели подъ карауломъ Глѣбова. Показаніе Карпова, что Глѣбовъ явился къ коменданту только на другой день 16-го іюля и объявилъ ему о смерти Лермонтова,—положительно невѣрно.

леннаго для встрѣчи счастливо возвратившагося и примиреннаго съ товарищемъ поэта, приходилось хлопотать о приведеніи въ порядокъ его смертныхъ останковъ. Вѣсть быстро разнеслась по городу, и еще вечеромъ приходили пріятели и знакомые подъ кровъ сраженнаго пѣвца. Никто изъ друзей не спалъ... Спали ли тѣ, что съ такою настойчивостью и искусствомъ вели интригу и добились желаннаго?!

На другое утро тѣло было обмыто. Окостенѣлымъ членамъ трудно было дать обычное для мертвеца положеніе; сведенныхъ рукъ не удалось расправить, и онѣ были накрыты простыней. Вѣки все открывались, и глаза, полные думъ, смотрѣли чуждыми земного міра. Въ чистой бѣлой рубашкѣ лежалъ онъ на постели въ своей небольшой комнатѣ, куда перенесли его. Художникъ Шведе снималъ съ него портретъ масляными красками[1]. Съ утра домъ и дворъ, гдѣ жилъ поэтъ, были переполнены народомъ. Многіе плакали. Общественное мнѣніе, конечно, раздѣлилось. Говорили, что *поэтъ былъ несносенъ: ни Мартыновъ* такъ другой непремѣнно бы убилъ его. Большинство видѣло во всемъ происшествіи «ссору двухъ офицеровъ изъ-за барышни». Называли Эмилію Александровну Клингенбергъ, другіе сестру ея Надежду Петровну Верзилину. Толковали и о г-жѣ Быховецъ. Взятый у нея наканунѣ поэтомъ золотой ободокъ нашли поврежденнымъ и облитымъ кровью въ боковомъ карманѣ его. Можетъ-быть, кто-нибудь вспоминалъ и предсказаніе цыганки, высказанное юному поэту или его бабушкѣ: «убьютъ его изъ-за спорной женки». Михаилъ Юрьевичъ разсказывалъ объ этомъ, говоря, что быть убиту въ сраженіи ему на роду не писано. Но чего не припоминаютъ въ подобныхъ случаяхъ!...

Столыпинъ и друзья, распорядившись относительно панихидъ, стали хлопотать о погребеніи останковъ поэта. Ординарный врачъ Пятигорскаго военнаго госпиталя Барклай-де-Толли выдалъ свидѣтельство, въ коемъ говорилось, что «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ М. Ю. Лермонтовъ застрѣ-

---

[1] Портретъ этотъ отъ Монго Столыпина достался брату его Дмитрію Аркадьевичу и висѣлъ вмѣстѣ съ пистолетами надъ постелью, а теперь подаренъ Лермонтовскому музею. Убитъ поэтъ изъ пистолета № 2-й.

ленъ на полѣ, близъ горы Машука, 15 числа сего мѣсяца, и по освидѣтельствованіи имъ, тѣло можетъ быть предано землѣ по христіанскому обряду». Но протоіерей Павелъ Александровскій не рѣшался этого сдѣлать. «Нѣсколько вліятельныхъ личностей, которыя не любили Лермонтова за его не щадившій никого юморъ, старались повліять и на коменданта и на отца протоіерея въ смыслѣ отказа, какъ въ отданіи послѣднихъ почестей, такъ и въ христіанскомъ погребеніи праху *ядовитаго покойника*, какъ одинъ изъ нихъ выразился объ умершемъ. Они говорили, что убитый на дуэли—тотъ же самоубійца и что на похороны самоубійцы по обряду христіанскому едва ли взглянетъ начальство снисходительно»[1].

Противъ этихъ интригъ стали дѣйствовать друзья поэта. Они уговаривали протоіерея, представляли ему значительность связей бабки покойнаго и друзей его, обѣщали богатое вознагражденіе. Но онъ колебался. Напрасно говорили ему, что князь Васильчиковъ честью ручается, что отецъ Павелъ за исполненіе обряда отвѣчать не будетъ. Тщетно обращались къ содѣйствію жены его, стараясь задобрить и ее. Напуганная, она говорила батюшкѣ: «не забывай, что у тебя семейство»[2].

Ильяшенко, на котораго напирали съ двухъ противоположныхъ сторонъ, самъ не зналъ, какъ поступить и не рѣшался категорически разрѣшить протоіерею, предать землѣ убитаго, по обряду церковному. На формальный запросъ протоіерея Александровскаго, онъ прямо не отвѣчалъ, а, желая отъ себя отстранить всякую отвѣтственность, увѣдомилъ плацъ-майора, подполковника Унтилова 16-го же іюля, подъ № 60-мъ, чтобы тотъ сообщилъ духовенству, возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду тѣла поручика Лермонтова[3]. Что сдѣлалъ Унтиловъ и что ему отвѣчалъ протоіерей Александровскій, неизвѣстно; но надо полагать, что дѣло о погребеніи рѣшено не было, потому что пришлось вмѣшаться въ него начальнику штаба.

---

[1] Мартьяновъ, Всемірный трудъ 1870, № 10, стр. 596.

[2] Ср. разсказъ Раевскаго и письмо самой г-жи Александровской изъ Пятигорска въ Нивѣ 1885 г., № 20.

[3] Мартьяновъ, стр. 595.

Старикъ, добрый и недалекій, Ильяшенко не даромъ перепугался. Очевидно, ему шепнули, что въ Петербургѣ не очень долюбливали Лермонтова, можетъ-быть, до него дошла также и вѣсть о секретной бумагѣ отъ 20 іюня, подписанной дежурнымъ генераломъ Клейнмихелемъ, о томъ, чтобы Лермонтова держать при полку и ни подъ какимъ видомъ не выпускать, ни въ экспедиціи, ни въ отпускъ. Вообще произошли усиленный надзоръ и дѣятельность со стороны начальства. Прежде въ Пятигорскѣ не было ни одного жандармскаго офицера: теперь, Богъ знаетъ откуда, ихъ появилось множество, и на каждой скамейкѣ отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру — разсказываетъ очевидецъ[1]. Было послано донесеніе гр. Бенкендорфу[2]. Трупъ былъ вскрытъ и оказалось, что поэтъ былъ убитъ на мѣстѣ[3].

---

1 Русск. Арх. 1874 г. II, стр. 688.

2 По сообщенію Карпова [Русск. Мысль, стр. 77].—Туда же отправлены и найденныя у поэта бумаги.—Но тутъ не ошибается ли г. Карповъ? Г. Мартьяновъ [стр. 598] говоритъ: «Опись имуществу, оставшемуся послѣ поэта, составлена въ присутствіи подполковника Монашко, пятигорскаго плацъ-адъютанта, подпоручика Сидерскаго, квартальнаго надзирателя Марушевскаго, протоіерея Александровскаго, пятигорскаго городскаго головы Рыжкова и словеснаго судьи Тупикова.—Изъ этой описи, находившейся въ комендантскомъ управленіи въ дѣлѣ № 96, видно, что по смерти Лермонтова между прочимъ осталось: «собственно сочиненій покойнаго на разныхъ лоскуткахъ бумаги кусковъ 7; писемъ разныхъ лицъ и отъ родныхъ 17; книга на черновыя сочиненія, подаренная кн. Одоевскимъ [см. изд. соч. Л. т. I, стр. 346], въ кожанномъ переплетѣ—1 и карманная книжка маленькая—1». Какія это сочиненія, остается неизвѣстнымъ. Все имущество поэта было передано капитану Столыпину и, надо полагать, не только вещи, но и бумаги, потому, что книга подарена кн. Одоевскимъ была ему возвращена Столыпинымъ.—Находившійся въ пятигорскомъ госпиталѣ за болѣзнію минскаго пѣхотнаго полка поручикъ Пожогинъ-Отрашкевичъ, сынъ родной тетки поэта Авдотьи Петровны, рожденной Лермонтовой [см. выше стр. 10 и 23], рапортомъ на имя коменданта заявилъ претензію на имущества покойника, утверждая, что онъ «ближайшій наслѣдникъ поэта». На это послѣдовалъ отвѣтъ Столыпина, что вещи отправлены къ бабкѣ покойнаго Е. А. Арсеньевой. Интересно, что мать этого поручика Пожогина и есть мнимая «ближайшая наслѣдница» поэта, которая по увѣренію гг. Глазуновыхъ продала имъ право на изданіе сочиненій Михаила Юрьевича въ 1859 году [см. выше стр. 358 прим. 2]. Въ описи означено еще: денегъ 2610 р., два крѣпостныхъ человѣка, двѣ лошади и проч.

3 Свидѣтельство [№ 35-й]. Вслѣдствіе предписанія конторы Пятигорскаго

Тѣмъ временемъ въ Пятигорскъ прибылъ начальникъ штаба, полковникъ, флигель-адъютантъ Траскинъ. Ему сообщили о затрудненіяхъ относительно похоронъ поэта, и что духовенство упорствуетъ, утверждая, что человѣкъ убитый на поединкѣ тотъ же самоубійца. Полковникъ Траскинъ, авторитетомъ своимъ подѣйствовалъ на протоіерея[1]. Похороны поэта состоялись въ тотъ же день—17-го іюля, около 6 часовъ ве-

военнаго госпиталя отъ 16 іюля за № 504, основаннаго на отношеніи Пятигорскаго Окружнаго Начальника Господина Полковника Ильяшенкова отъ того же числа за № 1352-мъ свидѣтельствовалъ я въ присутствіи изслѣдователей a] Пятигорскаго Плацъ-Майора Г. Подполковника Унтилова, b] Пятигорскаго Земскаго Суда Засѣдателя Черепанова, c] Исправляющаго должность Пятигорскаго Стряпчаго Ольшанскаго 2-го и находящагося за Депутата Корпуса Жандармовъ Господина Подполковника Кушинникова, тѣло убитаго на дуэли Тенгинскаго Пѣхотнаго полка Поручика Лермонтова. При осмотрѣ оказалось, что пистолетная пуля, попавъ въ правый бокъ ниже послѣдняго ребра, при срастеніи ребра съ хрящемъ, пробила правое и лѣвое легкое, поднимаясь вверхъ, вышла между пятымъ и шестымъ ребромъ лѣвой стороны и при выходѣ прорѣзала мягкія части лѣваго плеча, отъ которой раны Поручикъ Лермонтовъ мгновенно на мѣстѣ поединка померъ. Въ удостовѣреніе чего общимъ подписомъ и приложеніемъ герба моего печати свидѣтельствуемъ. Городъ Пятигорскъ іюля 17-го дня 1841 года.

Пятигорскаго военнаго Госпиталя ординаторъ-лѣкарь
Титулярный Совѣтникъ Барклай де-Толли.

[Наход. при дѣлѣ въ Лерм. музеѣ].

[1] Г-нъ Карповъ [статья г. Филиппова] разсказываетъ такъ:—«Является ко мнѣ одинъ ординарецъ отъ Траскина и передаетъ требованіе, чтобы я сейчасъ явился къ полковнику. Едва лишь я отворилъ, придя къ нему на квартиру, дверь его кабинета, какъ онъ своимъ сильнымъ металлическимъ голосомъ отчеканилъ: «Сходить къ отцу протоіерею, поклониться отъ меня и передать ему мою просьбу похоронить Лермонтова. Если же онъ будетъ отговариваться, сказать ему еще то, что въ этомъ нѣтъ никакого нарушенія закона, такъ какъ подобною же смертью умеръ извѣстный Пушкинъ, котораго похоронили со святостью, и провожалъ его тѣло на кладбище почти весь Петербургъ...». Я отправился къ о. Павлу Александровскому и передалъ буквально слова полковника. Отецъ Павелъ подумалъ—подумалъ и, наконецъ, сказалъ: «успокойте полковника, все будетъ исполнено по его желанію».— Въ 1881 году г. Карповъ разсказывалъ мнѣ это нѣсколько иначе. Все, что полковникъ Траскинъ говорилъ о Пушкинѣ, онъ тогда влагалъ въ уста друзей поэта, въ 1888 года въ уста Столыпину. Невѣроятно, чтобы флигель-адъютантъ, начальникъ штаба прибѣгалъ къ такимъ комментаріямъ, да еще разсказывалъ, какъ весь Петербургъ провожалъ тѣло Пушкина на кладбище. Г. Карповъ, видно, имѣетъ о похоронахъ Пушкина смутное понятіе.

чера. Друзья, желая придать болѣе торжественности похоронамъ, хлопотали о воинскихъ почестяхъ. Но это разрѣшено не было[1]. На плечахъ товарищей гробъ былъ донесенъ до Пятигорскаго кладбища и похороненъ по всѣмъ правиламъ православной религіи[2]. Понятно, что почти весь Пятигорскъ участвовалъ на похоронахъ. Были и представители всѣхъ полковъ, въ коихъ волею или неволею служилъ Лермонтовъ. Полковникъ Безобразовъ представителемъ Нижегородскаго драгунскаго полка, А. И. Арнольди—Гродненскаго Гусарскаго, Тиранъ—Лейбъ-гусарскаго. Мартыновъ просилъ позволенія проститься съ покойнымъ, но ему, вѣроятно въ виду раздраженія противъ него, этого не позволили[3]. Плацъ-майору Унти-

---

[1] Разсказы о томъ, что протоіерей Александровскій, придя во дворъ, увидѣлъ музыку и тотчасъ потребовалъ ея удаленія, или же самъ уйдетъ и что тогда музыкантовъ убрали—позднѣйшія прикрасы [Раевскій въ Нивѣ 1885], которымъ подалась и Э. А. Шанъ-Гирей [Русскій Арх. 1889]. Ни мнѣ ни въ прежнихъ статьяхъ она этого не разсказывала. Еслибы былъ назначенъ нарядъ изъ войсковыхъ частей при музыкѣ, то конечно о. Павелъ не могъ бы распорядиться его удаленіемъ, а чтобы для похоронъ поэта друзья покойнаго наняли бальный или бульварный оркестръ, что то ужъ очень курьезно. Къ прикрасамъ принадлежатъ и разсказы [Раевскій], о томъ, что когда отецъ Павелъ и другіе отказывались служить панихиду, отслужилъ ее католическій ксендзъ, а за нимъ и лютеранскій пасторъ. Впрочемъ въ указанныхъ сообщеніяхъ со словъ Раевскаго много курьезовъ. Выходитъ, что и Шведе дѣлалъ портетъ поэта не для Столыпина, а для коменданта Ильяшенки!! и что на памятникъ было собрано присутствующими 1500 рубл. и пр.

[2] Несправедливо и сообщеніе, что священникъ не позволилъ внести тѣло въ кладбищенскую церковь. Тогда ея и не было. Она выстроена позднѣе.

[3] По разсказу г-на Карпова [Русск. Вѣд. 1891 г. № 5]. За часъ до выноса тѣла онъ, Карповъ, былъ вытребованъ комендантомъ, который только что получилъ отъ Мартынова наскоро писанное письмо. Мартыновъ писалъ изъ-подъ ареста на гауптвахтѣ [не изъ острога]: «для облегченія моей преступной скорбящей души, позвольте мнѣ проститься съ тѣломъ моего лучшаго друга и товарища». Комендантъ нѣсколько разъ перечиталъ записку и вмѣсто отвѣта поставилъ сбоку на полѣ бумаги вопросительный знакъ и подписалъ свою фамилію. Вмѣстѣ съ этимъ онъ приказалъ мнѣ немедленно отправиться къ начальнику штаба и доложить ему просьбу Мартынова, передавъ и самое письмо. Полковникъ Траскинъ, прочитавъ записку и ни слова не говоря, написалъ ниже подписи коменданта «!!! нельзя. Траскинъ».—Передавая здѣсь это добавочное сообщеніе г. Карпова, сообщеніе характерное, не могу не выразить удивленія, что, при двукратной [въ 81 и 88 годахъ] бесѣдѣ съ нимъ и обстоятельныхъ вопросахъ, онъ мнѣ ни словомъ не упомянулъ объ этомъ.

лову приходилось еще наканунѣ нѣсколько разъ выходить изъ квартиры Лермонтова къ собравшимся на дворѣ и на улицѣ, успокаивать и говорить, что *это не убійство*, а честный поединокъ. Были горячія головы, которыя выражали желаніе мстить за убійство и вызвать Мартынова. Возбужденіе вызвало затѣмъ и усиленную высылку молодежи изъ Пятигорска, по распоряженію начальника штаба Траскина.

Во время шествія и похоронъ погода стояла ясная, и все также спокойно и безучастно глядѣли вершины ближнихъ и дальнихъ горъ, когда, при молитвѣ и торжественномъ пѣніи, опускали въ землю прахъ великаго русскаго поэта.....

Мѣсто могилы, въ которую былъ опущенъ прахъ, неизвѣстно[1]. Продолговатый камень съ именемъ усопшаго исчезъ. Когда прахъ перевезли въ Тарханы, онъ долго оставался возлѣ раскопанной могилы на Пятигорскомъ кладбищѣ. Постоянныя посѣщенія ея пріѣзжими на воды кого-то смутили. Могила была засыпана, и камень въ нее сброшенъ. Часть его еще долго торчала изъ-подъ земли. Затѣмъ онъ исчезъ. Весьма возможно, что онъ былъ употребленъ при кладкѣ фундамента для кладбищенской церкви[2].

Начались слѣдствіе и судъ[3]. Признавшіе себя офиціально

Въ то время въ его разсказахъ отсутствовала симпатія къ Мартынову, и онъ отрицалъ въ немъ какое-либо раскаяніе, говоря все, что на «дѣло въ то время глядѣли иначе—мало ли между офицерами бывало дуэлей!»

[1] Другъ и пріятель Лермонтова А. П. Шанъ-Гирей въ 1881 году рѣшительно отказывался опредѣлить мѣсто могилы, и я тщетно и тогда и позднѣе пытался разыскать его. По увозу тѣла въ Тарханы могила была забыта и по всѣмъ вѣроятіямъ отошла подъ ограду.—Мартьяновъ [стр. 603] тоже тщетно старался найти ее. Бѣлевичъ [Нѣсколько картинъ изъ Кавказской войны, стр. 140], со словъ священника Горячеводской станицы, отца Василія Мадритова, говоритъ, что если стать у первой ступени церковной паперти, лицомъ къ западу, прямо къ Ессентукамъ, и отмѣрить въ этомъ направленіи 17 шаговъ, то тутъ и будетъ временная могила поэта—по лѣвую руку къ сторонѣ города въ оградѣ.—Какая была на камнѣ надпись, я тоже узнать не могъ; кто говоритъ, что были прописаны чинъ, имя и отчество поэта, сказано когда родился и умеръ; кто что на камнѣ было высѣчено только слово «Михаилъ».

[2] Догадка Шанъ-Гирея и другихъ сторожилъ Пятигорска.

[3] Военно-судное дѣло находится теперь въ Лермонтовскомъ музеѣ. Напе-

единственными свидѣтелями дуэли кн. Васильчиковъ и Глѣбовъ дѣлали все, чтобы выгородить всѣхъ прочихъ участниковъ. Не былъ упомянутъ даже служитель Чаловъ, державшій лошадей, а заявлено, что лошади были привязаны къ кустамъ. Выгородили и Верзилиныхъ, хотя съ послѣднихъ было снято показаніе[1]. Арестованные имѣли полную возможность сообщаться и заранѣе сговариваться или списываться относительно того, что показывать. Сохранилось знаменательное письмо, писанное рукою Глѣбова отъ лица своего и Васильчикова къ Мартынову, во время слѣдствія.

«Посылаемъ тебѣ брульонъ 8-ой статьи. Ты къ нему можешь прибавить по своему уразумѣнію; но это сущность нашего отвѣта. Прочіе отвѣты твои совершенно согласуются съ нашими, исключая того, что Васильчиковъ поѣхалъ верхомъ на своей лошади, а не на дрожкахъ бѣговыхъ со мной. Ты такъ и скажи. Лермонтовъ же поѣхалъ на моей лошади: такъ и пишемъ. Сегодня Траскинъ еще разъ говорилъ, чтобы мы писали, что до насъ относится четверыхъ, двухъ секундантовъ и двухъ дуэлистовъ. *Признаться тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно.* Я и Васильчиковъ не только по обязанности защищаемъ тебя вездѣ и всѣмъ, но потому, что не видимъ ничего дурного съ твоей стороны въ дѣлѣ Лермонтова, и приписываемъ этотъ выстрѣлъ несчастному случаю [всѣ это знаютъ]: судьба такъ хотѣла, тѣмъ болѣе, что ты въ третій разъ въ жизни своей стрѣлялъ изъ пистолета [два раза, когда у тебя пистолеты рвало въ рукѣ и этотъ третій], а совсѣмъ не потому, чтобы ты хотѣлъ пролить кровь, въ доказательство чего приводимъ то, что ты самъ не походилъ на себя, бросился къ Лермонтову въ ту секунду,

---

чатано оно въ «Русск. угол. проц.» изд. Любавскаго 1867 г. т. II и перепечатано въ приложеніяхъ къ запискамъ г-жи Хвостовой.

[1] Раевскій [въ «Нивѣ»] говоритъ: «пріѣхавшій для допроса слѣдователь самъ своими совѣтами помогъ намъ выгородить Марью Ивановну [Верзилину] и ея дочерей». Хотя показанія Раевскаго мало заслуживаютъ довѣрія, но это его показаніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что говорится о совѣтахъ Траскина въ нижеупоминаемомъ письмѣ Васильчикова и Глѣбова къ Мартынову. Въ совѣтахъ этихъ, впрочемъ, нѣтъ и ничего предосудительнаго.

какъ онъ упалъ, и простился съ нимъ. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи къ Т[рубецкому] и С[толыпину], которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ. Надѣемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всѣми средствами уговаривали. Придя на барьеръ, напиши, что ждалъ выстрѣла Лермонтова»[1].

Письмо это доказываетъ, какъ мало можно полагаться на официальное слѣдствіе по дѣлу о смерти Лермонтова. Мартыновъ самъ себя да и другіе его выгораживали. Такъ утверждали, что Мартыновъ не умѣлъ стрѣлять изъ пистолета: намъ извѣстенъ случай еще одной дуэли Мартынова въ Вильнѣ, гдѣ онъ тоже стрѣлялъ, какъ на дуэли съ Лермонтовымъ. Быстро подойдя къ барьеру, онъ, прицѣлясь, повернулъ пистолетъ и выстрѣлилъ, что называлъ «стрѣлять по-французски» [выше стр. 425] и тоже попалъ въ своего противника.

Военный судъ приговорилъ всѣхъ трехъ подсудимыхъ лишить чиновъ и правъ состоянія. Командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, признавая подсудимыхъ виновными: майора

---

[1] Русскій Архивъ 1885 г. 3, стр. 459.—Это письмо въ копіи, сдѣланной Н. С. Мартыновымъ, было доставлено редактору послѣ статьи Васильчикова: «Дуэль и кончина Лермонтова», напечатанной въ 1872 году въ томъ же журналѣ.— Слова въ немъ: «Признаться тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно,» заставляютъ думать, что это и есть письмо, о коемъ говорилъ мнѣ Васильчиковъ, когда объяснялъ, что Мартыновъ «все боялся, что мы его недостаточно обѣляемъ. Онъ даже написалъ намъ письмо, которое насъ разсердило, и мы, отвѣчая ему и сообщая, что отвѣчать, высказали, что не нужной лжи показывать не будемъ. Одно время мы съ Глѣбовымъ вовсе не хотѣли больше продолжать съ нимъ переписку, и думали сказать всю правду; но надо было выгораживать другихъ, особенно Столыпина и Трубецкаго, которымъ сильно могло достаться». Я очень сожалѣю, что когда говорилъ съ Васильчиковымъ, не зналъ о существованіи письма, переданнаго Мартыновымъ въ редакцію «Русск. Арх.» Мнѣ продиктовалъ его редакторъ г. Бартеневъ въ 1881 году послѣ свиданія моего съ кн. Васильчиковымъ, и я все надѣялся еще разъ увидаться съ княземъ, но не успѣлъ этого за его смертью.—Самъ Мартыновъ напечаталъ письмо это, очевидно желая подкрѣпить невиновность свою показаніями Глѣбова и Васильчикова въ частномъ письмѣ, сознавая, что офиціальный актъ суда въ данномъ случаѣ не гарантируетъ его отъ отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ. Но онъ не сообразилъ, что письмо это въ то же время бросаетъ на него и на все дѣло невыгодную тѣнь.

Мартынова въ произведенiи съ поручикомъ Лермонтовымъ поединка, на которомъ убилъ его, а корнета Глѣбова и тит. сов. кн. Васильчикова въ принятiи на себя посредничества въ этой дуэли, полагалъ: майора Мартынова въ уваженiе прежней его безпорочной службы, начатой въ гвардiи, отличiя, оказаннаго въ экспедицiи противъ горцевъ въ 1837 году, за что онъ удостоенъ ордена св. Анны 3 степени съ бантомъ, и того, что Мартыновъ вынужденъ былъ къ произведенiю дуэли съ Лермонтовымъ безпрестанными его обидами, на которыя долгое время отвѣтствовалъ увѣщанiемъ и терпѣнiемъ— лишивъ чиновъ и ордена, выписать въ солдаты до выслуги, а корнета Глѣбова и кн. Васильчикова, хотя слѣдовало бы подвергнуть одинаковому наказанiю съ майоромъ Мартыновымъ, но принимая во вниманiе молодость ихъ, хорошую службу, бытность перваго изъ нихъ въ экспедицiи противъ горцевъ въ 1840 г. и полученную имъ тогда тяжелую рану,—вмѣнивъ въ наказанiе содержанiе подъ арестомъ до преданiя суду, выдержать еще въ крѣпости на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ и Глѣбова перевести изъ гвардiи въ армiю тѣмъ же чиномъ. Все дѣло и приговоръ были внесены на разсмотрѣнiе Государя Императора.

Тѣмъ временемъ Васильчикову и Глѣбову замѣнили содержанiе на гауптвахтѣ домашнимъ арестомъ. Мартынову разрѣшили выходить вечеромъ, въ сопровожденiи караульнаго солдата, подышать чистымъ воздухомъ. Однажды его встрѣтили Верзилины. «Его бѣлая черкеска, черный бархатный бешметъ съ малиновой подкладкой, произвели на насъ непрiятное впечатлѣнiе» — пишетъ Эмилiя Александровна Шанъ-Гирей,—«Я не скоро могла заговорить съ нимъ, а сестра Надя [которой было 16 лѣтъ], не могла преодолѣть своего страха [1].

Но напрасно Эмилiя Александровна теперь какъ бы возмущается равнодушiемъ Мартынова. Глядя ретроспективно, люди иначе относятся къ прошлому, и самой Эмилiи Александровнѣ

---

[1] Эм. Ал. и сестра ея. Аграѳена Петровна Дикова живы до сихъ поръ; Надежда Петровна, тоже вышедшая за Шанъ-Гирея, давно скончалась.

не избѣжать укора въ равнодушіи къ судьбѣ поэта, такъ какъ она, по собственному признанію, 18-го іюля, на другой день послѣ похоронъ Михаила Юрьевича, участвовала на балу, данномъ княземъ Голицинымъ въ казенномъ саду [1]. Эти факты только подтверждаютъ, что уже сказано нами, т. е. что большинство видѣло въ Лермонтовѣ не великаго поэта, а молодого офицера, о коемъ судили и рядили такъ же, какъ о любомъ изъ товарищей, съ которыми его встрѣчали. Поэтому винить Мартынова больше другихъ *непосредственныхъ* участниковъ въ дѣлѣ несчастной дуэли—несправедливо. Онъ виноватъ не болѣе какъ Дантесъ въ смерти Пушкина. Оба были орудіями, если не злой, то мелкой интриги дрянныхъ людей. Сами они мало понимали, что творили. И въ характерѣ ихъ есть нѣкоторое сходство. Оба нравились женщинамъ и кичились своими побѣдами, даже и служили они въ одномъ и томъ же кавалергардскомъ полку. Оба не знали, «на кого поднимали руку». Разница только въ томъ, что Дантесъ былъ иностранецъ,

На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенный къ намъ по волѣ рока,

а Мартыновъ, былъ русскій, тоже занимавшійся ловлею счастья и чиновъ, но только не заброшенный къ намъ, а выросшій на нашей почвѣ. Право, не рѣшаемся обвинить его и невольно удивляемся попыткамъ уличить г. Мартынова въ убійствѣ Лермонтова, какъ и попыткамъ защитить его и всю отвѣтственность взвалить на славнаго нашего поэта. Стараясь разъяснить причину дуэли, писатели постоянно кружили около второстепенныхъ фактовъ, смѣшивая, какъ это часто бываетъ, причину съ поводомъ. Поэтому мы встрѣчаемся съ разсказами и догадками разнаго, чисто личнаго свойства, тогда какъ причина здѣсь, какъ и въ Пушкинской дуэли, лежала въ условіяхъ

---

[1] Статья Э. А. Шанъ-Гирей въ № 12 «Сѣвера» за 1891 годъ, стр. 748. Нѣкоторое равнодушіе къ судьбѣ поэта доказывается и тѣмъ, что Эм. Ал. запамятовала, гдѣ собственно была могила поэта въ Пятигорскѣ, гдѣ была дуэль, что у нея, какъ сама она признавалась мнѣ, были изорваны дѣтьми родственниковъ рисунки и наброски Лермонтова. «Если бъ тогда, говорила она, мы смотрѣли на Мих. Юрьевича, какъ теперь, то этого бы не было. Онъ для насъ былъ молодымъ человѣкомъ, какъ всѣ.»

тогдашней соціальной жизни нашей, неизбѣжно долженствовавшей давить такія избранныя натуры, какими были Пушкинъ и Лермонтовъ. Они задыхались въ этой атмосферѣ и въ безвыходной борьбѣ должны были разбиться или заглохнуть. Да, дѣйствительно, не Мартыновъ, такъ другой явился бы орудіемъ неизбѣжно долженствовавшаго случиться.

Здѣсь къ концу нашего труда да позволитъ намъ читатель указать ему на стихотвореніе Лермонтова, писанное имъ въ самомъ началѣ его поэтической дѣятельности, вполнѣ могущее служить иллюстраціей только что сказаннаго:

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!...
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ. (Т. I, стр. 21).

Пятнадцатилѣтній юноша высказалъ ясно и вѣрно положеніе выходящихъ изъ ряда индивидуальностей среди современнаго міра.

Не станемъ подвергать критическому анализу всякія соображенія и разсказы о причинахъ, побудившихъ Мартынова вызвать Лермонтова на поединокъ. Мы попытались прослѣдить истину. Теперь скажу только еще по поводу одного навѣта, который вышелъ главнымъ образомъ отъ людей, расположенныхъ къ Мартынову.

Говорили, что Мартыновъ заступился за честь сестры, будто бы выставленной поэтомъ въ княжнѣ Мери, такъ же, какъ въ Грушницкомъ былъ выставленъ самъ Мартыновъ. Это нелѣпая догадка падаетъ сама собою послѣ всего, что было сказано нами относительно «Героя нашего времени».

Другіе утверждали,что вступился Мартыновъ за честь своей сестры вслѣдствіе непозволительной продѣлки со стороны Лермантова. Она будто состояла въ томъ, что отецъ Мартынова далъ Лермонтову,уѣзжавшему на Кавказъ,пакетъ для своего сына. Пакетъ былъ запечатанъ, и въ немъ находилось письмо сестры Мартынова, которое она посылала брату. Влюбленный въ Мартынову [?],Лермонтовъ ужасно желалъ узнать, какого о немъ мнѣнія красавица. Онъ не удержался, и удовлетворилъ своему любопытству. Про него говорили дурно. Отдать вскрытое письмо по назначенію, стало неудобнымъ, и Лермонтовъ рѣшилъ сказать Мартынову, что онъ въ дорогѣ потерялъ пакетъ. Но въ пакетѣ были деньги. Задержать ихъ Лермонтовъ, конечно, не могъ, и передалъ ихъ Мартынову сполна. Когда Мартыновъ написалъ объ утратѣ домой, его извѣстили, что Лермонтову не было сказано, что въ пакетѣ 500 рублей. Какъ же могъ онъ это узнать? Очевидно, онъ вскрылъ письмо.Мартыновъ вознегодовалъ на товарища,а Лермонтовъ, чувствуя себя виновнымъ, всячески придирался къ Мартынову и, наконецъ, довелъ до дуэли [1]. Вся несообразность и дѣ-

---

1 Такъ передаетъ дѣло г. Костенецкій [Русскій Архивъ 1887 г. № 1, стр. 115]. Любопытно, что г-нъ Бартеневъ, какъ самъ замѣчаетъ «со словъ Н. С. Мартынова», переиначиваетъ разсказъ Костенецкаго. Такъ онъ говоритъ, что письмо было писано не изъ Петербурга, а изъ Пятигорска, гдѣ находилась семья Мартыновыхъ, и дано Лермонтову, уѣзжавшему изъ Пятигорска въ экспедицію, для передачи Мартынову. Но ни Лермонтовъ, ни Мартыновъ въ 1841 году въ экспедиціи не были. Г-нъ Бартеневъ, не зная подробностей біографіи, является весьма неловкимъ адвокатомъ—защитникомъ интересовъ своего пріятеля. Эта защита становится еще болѣе характерною, когда мы узнаемъ, что г. Костенецкій напечаталъ свои воспоминанія въ 1885 году въ «Русской Старинѣ» [сентябрьская книжка, стр. 64], гдѣ помѣщено слово въ слово то же, но безъ примѣчаній редактора. У меня находится сообщеніе г. Герцвига, присланное имъ редактору «Русскаго Архива» изъ Мурома еще въ сент. 1875 года, слѣдовательно до кончины Мартынова. Оно исправлено и переиначено рукою П. Ив. Бартенева въ духѣ исправленія статьи г-на Костенцкаго. Въ 1881 году г. Бартеневъ отдалъ статейку мнѣ, говоря, что ее помѣщать не стоитъ, такъ какъ она въ сущности содержитъ то же, что сообщаетъ г. Костенецкій. Дѣйствительно, по этому сообщенію письмо, данное Лермонтову, было не отъ отца, а отъ сестры Н. С. Мартынова, которому она тайно отъ родителей посылала деньги.—Въ такомъ же родѣ разсказъ д-ра Пирожкова [«Нива» 1885 г., № 20], сообщаемый со словъ Н. С. Мар-

ланность ясна. Если даже допустить [?], что любопытство могло побудить Михаила Юрьевича распечатать чужое письмо, то немыслимо, чтобы онъ—умный человѣкъ—могъ подумать, что дѣло останется неразъясненнымъ? Не проще ли было ужъ и не отдавать денегъ, пока не выяснилось бы, что таковые были въ пакетѣ и тогда возвратить ихъ. Не говоримъ уже о томъ, что весь разсказъ о письмѣ противорѣчитъ прямому и честному характеру поэта. Его и недруги не представляли человѣкомъ нечестнымъ, а только ядовитымъ и задирой.

тынова, который будто заключилъ повѣствованіе свое словами: «Вотъ собственно причина, которая поставила насъ на барьеръ, и она даетъ мнѣ право считать себя вовсе не такъ виновнымъ, какъ представляютъ меня вообще.» Тутъ идетъ рѣчь уже о дневникѣ сестры Мартынова и о 300, а не 500 рубляхъ. Въ томъ же № «Нивы» г. Бетлингъ изъ Ардатова сообщаетъ, тоже со словъ Мартынова, что виною поединка были пріятели, которые раздули ссору. Изъ разсказа выходитъ, что секунданты виноваты, что они даже приходили къ г. Мартынову на гауптвахту и «просили показать на слѣдствіи, что они принимали всѣ мѣры къ нашему примиренію. Я [Мартыновъ] отвѣтилъ имъ, что для суда я покажу это, но для частныхъ лицъ буду говорить какъ было на самомъ дѣлѣ», и т. д. Не эти ли сообщенія г. Мартынова возмутили кн. Васильчикова и побудили его говорить о томъ, что изъ источниковъ, близкихъ къ Мартынову, исходятъ разсказы, несогласные съ дѣйствительностью [см. выше стр. 423]. Странно одно, что, разсказывая о причинѣ столкновенія съ Лермонтовымъ, Н. С. никогда не рѣшался напечатать ихъ, несмотря на просьбы, которыя часто къ нему адресовали. На приглашеніе М. И. Семевскаго онъ, 30 ноября 1869 года, отвѣчаетъ, что этого сдѣлать не можетъ, потому что «считаетъ себя не въ правѣ вымолвить хоть единое слово въ осужденіе Лермонтова и набросить малѣйшую тѣнь на его память», Но дѣлать сообщенія другимъ лицамъ, напр. господину Бартеневу, не въ пользу Лермонтова онъ не стѣснялся. Или г. Мартыновъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ исключеніе, вполнѣ разсчитывая на скромную молчаливость г. редактора «Русскаго Архива»?!—Въ «Новостяхъ» было извѣстіе [перепечатанное въ «Россійской библіографіи» 1882 г., № 10, стр. 55], что «наслѣдники Мартынова, въ виду смерти послѣдняго секунданта этой несчастной дуэли, кн. Васильчикова, и отсутствія другихъ лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ печальномъ событіи, намѣрены издать всю переписку по этому дѣлу.» Но переписка напечатана не была. Въ 1881 году я былъ въ Москвѣ у Мартыновыхъ, прося сообщить мнѣ, какъ біографу Лермонтова, все, что можно, для того, чтобы я могъ безпристрастно обсудить дѣло со всѣхъ точекъ зрѣнія. Я получилъ весьма нелюбезный отвѣтъ отъ брата Н. С. Мартынова, и бесѣда съ нимъ произвела на меня самое тяжелое впечатлѣніе.

Даже за гробомъ преслѣдовала Михаила Юрьевича клевета и злоба. Цензура не пропускала слишкомъ сочувственныхъ о немъ отзывовъ, не терпѣла выраженій высокаго уваженія къ поэту; она вычёркивала слова: *славный*, знаменитый, и проч. У А. А. Краевскаго видѣли мы процензурованный листъ стихотвореній Лермонтова изъ «Отечественныхъ Записокъ» 1848 г. № 1. Помѣщая стихотворенія, редакторъ предпосылаетъ имъ замѣтку свою: «Не входя въ разсмотрѣніе литературнаго достоинства стиховъ 15 лѣтняго поэта, мы желаемъ сохранить ихъ на страницахъ нашего журнала, въ которомъ онъ почти началъ свое кратковременное, но *славное* поприще» [1].

Цензура зачеркнула слово *славное*. Краевскій разсказывалъ и о другихъ подобныхъ случаяхъ. Не то же ли происходило по отношенію къ памяти А. С. Пушкина [см. выше, стр. 238].

Вообще, очевидно старались по возможности сдержать симпатію къ молодому поэту, а память его зачернить и распространить въ обществѣ, какъ и прежде, о немъ дурное мнѣніе [см. выше, стр. 337]. Былъ пущенъ слухъ, какъ бы въ подтвержденіе того, что въ самыхъ высшихъ сферахъ Лермонтова очень не любили, и что по полученіи извѣстія о смерти Лермонтова Государь сказалъ: «Собакѣ—собачья смерть!» [2] Это положительно неправда! Извѣстіе пришло въ присутствіи дежурнаго флигель-адъютанта Ал. Ил. Философова, родственника Михаила Юрьевича, и Государь рѣшительно ничего подобнаго не говорилъ [3]. И Государь, и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, какъ мы видѣли выше [стр. 336 и 337], являлись защитниками Михаила Юрьевича ,отъ слишкомъ ревностныхъ преслѣдователей его личности и таланта. Надо предполагать, что распространеніе такихъ вѣстей было на руку гр. Бенкендорфу.

---

[1] Листъ этотъ долженъ находиться въ Лермонт. музеѣ.

[2] Русскій Архивъ 1887 г. № 9, стр. 142 со словъ полковника Лужина, позднѣе Московскаго Оберъ-Полиціймейстера. Сообщеніе кн. П. П. Вяземскаго.

[3] Заявленіе А. П. Шанъ-Гирея. Къ нему прямо отъ Государя пріѣхалъ г. Философовъ съ извѣстіемъ о смерти Лермонтова и сообщалъ подробности.

Лучшіе люди, съ сердцемъ и умомъ, относились къ памяти поэта съ уваженіемъ и негодуя выражались о виновникахъ его гибели.

На сообщеніе полковника Траскина объ обстоятельствахъ дуэли и смерти Лермонтова, гр. Пав. Христоф. Граббе отвѣчалъ ему:... «Несчастная судьба насъ, русскихъ. Только явится между нами человѣкъ съ талантомъ — десять пошляковъ преслѣдуютъ его до смерти. Что касается до его убійцы, пусть на мѣсто всякой кары онъ продолжаетъ носить свой шутовской костюмъ» [1].

А. П. Ермоловъ по поводу ранней смерти Лермонтова говорилъ: «Ужъ я бы не спустилъ этому Мартынову. Если бы я былъ на Кавказѣ, я бы спровадилъ его; тамъ есть такія дѣла, что можно послать, да вынувши часы считать, черезъ сколько времени посланнаго не будетъ въ живыхъ. И было бы законнымъ порядкомъ. Ужъ у меня бы онъ не отдѣлался. Можно позволить убить всякаго другого человѣка, будь онъ вельможа и знатный: такихъ завтра будетъ много, а этихъ людей не скоро дождешься!» И все это серебровласый герой Кавказа говорилъ, по своему слегка притопывая ногою [2].

Князь П. А. Вяземскій, извѣстный поэтъ нашъ, замѣчаетъ по поводу извѣстія о смерти Михаила Юрьевича.... «въ нашу поэзію стрѣляютъ удачнѣе, чѣмъ въ Луи Филиппа. Вотъ второй разъ, что не даютъ промаха. По случаю дуэли Лермонтова кн. А. Н. Голицынъ разсказывалъ мнѣ, что при Екатеринѣ была дуэль между кн. Голицынымъ и Шепелевымъ. Голицынъ былъ убитъ и не совсѣмъ правильно, по крайней мѣрѣ такъ въ городѣ говорили, и обвиняли Шепелева. Говорили

---

[1] Quel est donc ce malheureux sort de nous autres russe qu'aussitôt qu' un homme de talent parait parmi nous dix imbeciles le poursuivent jusqu'a ce que mort s'en suive. Quant à son meurtrier que fons toute permission on lui laisse son ridicule costume».—Мѣсто изъ письма, сообщенное мнѣ кн. Васильчиковымъ.

[2] Изъ записокъ М. П. Погодина о Ермоловѣ «Русск. Вѣстн.» 1864 г. Кн. 8, стр. 229. [Семевскій, Матеріалы].

также, что Потемкинъ не любилъ Голицына и принималъ какое-то участіе въ этомъ дѣлѣ [1].

Въ январѣ 1842 года состоялось по дѣлу о смертельной дуэли Лермонтова высочайшее повелѣніе [отъ 3-го января]: «Майора Мартынова посадить въ Кіевскую крѣпость на гауптвахту на три мѣсяца, и предать церковному покаянію. Титулярнаго совѣтника кн. Васильчикова и корнета Глѣбова простить, перваго во вниманіе къ заслугамъ отца, а втораго по уваженію полученной тяжкой раны».

Въ январѣ же послѣдовало высочайшее соизволеніе на перевозъ тѣла поэта изъ Пятигорска въ пензенское имѣніе Арсеньевой село Тарханы для погребенія на фамильномъ кладбищѣ.

Бабушкѣ Арсеньевой долго не рѣшались сообщить о смерти внука. Узнавъ о томъ, она, не смотря на всѣ предосторожности и приготовленія, вынесла апоплектическій ударъ, отъ котораго медленно оправилась. Вѣки глазъ ея впрочемъ уже не поднимались. Отъ слезъ они закрылись. Всѣ вещи, всѣ сочиненія внука, тетради, платья, игрушки—все что старушка берегла—все она роздала, не будучи въ состояніи терпѣть около себя что-либо, до чего касался поэтъ. Слишкомъ велика была боль! Потому-то такъ трудно приходилось собирать повсюду разсѣянный матеріалъ для полнаго собранія сочиненій Лермонтова и біографіи его.

Скончалась Арсеньева въ 1845 г. Мартыновъ отбывалъ церковное покаяніе въ Кіевѣ съ полнымъ комфортомъ. Богатый человѣкъ, онъ занималъ отличную квартиру въ одномъ изъ флигелей Лавры. Кіевскія дамы были очень имъ заинтересованы. Онъ являлся изысканно одѣтымъ на публичныхъ гуляньяхъ и подыскивалъ себѣ дамъ замѣчательной красоты, желая поражать гуляющихъ, и своимъ появленіемъ, и появленіемъ прекрасной спутницы. Всѣ разсказы о его тоскѣ и молитвахъ, о «ежегодномъ» навѣщаніи могилы поэта въ Тарханахъ—изобрѣтенія пріятелей и защитниковъ. Въ Тарханахъ,

---

1 Соч. кн. Вяземскаго. Изд. графа Шереметева, т. IX, стр. 200.

на могилѣ Лермонтова, Мартыновъ былъ всего одинъ разъ проѣздомъ.

Тѣло Михаила Юрьевича было вырыто изъ кавказской земли и привезено въ Тарханы 21 апрѣля 1842 года. Черезъ два дня оно было положено въ землю родимаго села рядомъ съ прахомъ матери [1].

Лермонтовъ скончался, а надъ его могилою громче прежняго поднялись крики о его легкомысліи, ничтожности, подражательности, необразованіи, пошлой шаловливости —невыносимости характера. Кричали много и громко, заглушая голоса пѣвшіе ему хвалу.

— Бычачій ревъ всегда превозможетъ соловьиное пѣнье.— Но время беретъ свое; потому уже, что оно, то медленно тащится, то несется, но всегда идетъ навстрѣчу истинѣ, т. е. прогрессу и совершенствованію всего человѣческаго и идеальнаго.

Юноша Лермонтовъ, зрѣющій еще только человѣкъ и поэтъ, скошенный при самомъ началѣ своего могучаго созрѣванія, являлся съ дѣтства уже вполнѣ опредѣленною индивидуальностью. Въ эпоху всеобщей нивелировки личностей онъ проходилъ жизненный путь нравственно одинокимъ, съ глубокою думою на молодомъ челѣ. Юныя силы, характеръ, темпераментъ, не могли развиваться, итти въ уровень съ быстро совершенствующейся, самобытной мысли въ немъ. Между ними былъ разладъ, какъ между полными думы глазами —этимъ зеркаломъ мысли—и дѣтскимъ выраженіемъ губъ—рефлекторомъ чувствъ и ощущеній человѣка.

Съ годами этотъ разладъ долженъ былъ исчезнуть совсѣмъ;

---

1 За тѣломъ ѣздили изъ Тарханъ въ Пятигорскъ дворецкій Арсеньевой, бывшій дядька Лермонтова Андрей Ивановъ Соколовъ и кучеръ Ив. Никол. Вертюковъ. Послѣдній былъ въ Пятигорскѣ во время дуэли Лермонтова. Они умерли въ Тарханахъ и въ 1881 году я не засталъ ихъ въ живыхъ, Въ приложеніи VII въ концѣ біографіи читатель найдетъ выписки изъ дѣла о перевозѣ останковъ поэта выписанныя г. Хохряковымъ изъ Пензенскаго Архива.

онъ уже начиналъ исчезать, но гармонія силъ пока еще не установилась. Существующій внутри самаго человѣка разладъ, и разладъ человѣка съ окружающимъ обществомъ, ничтожнымъ и шаблоннымъ, долженъ былъ выразиться въ тяжкомъ нравственномъ страданіи, тѣмъ болѣе тяжкомъ, что любящая душа, бичуемая далеко опередившею мыслью, искала прибѣжища въ гордости духа, упорно отказывавшаго людямъ заглянуть въ тайникъ думъ и мукъ своихъ. Избытокъ молодыхъ силъ требовалъ однако выхода и участія въ жизни.

Михаилъ Юрьевичъ не достигъ еще тѣхъ лѣтъ, той гармоніи и совершенства, когда, весь поднимаясь въ область мысли, геніальный человѣкъ рѣетъ, какъ горный орелъ надъ землею, все видя, все замѣчая своимъ проницательнымъ окомъ. Для него не наступила еще та пора, когда творчество, охвативъ всесущество, уноситъ человѣка надъ обыденной жизнью. Юноша еще долженъ былъ знакомиться съ этою жизнью для уразумѣнія, для совершенствованія самого себя и обогащенія въ себѣ творческаго матеріала.

Онъ много читалъ, учился, мысленно бесѣдовалъ съ умами великихъ людей въ ихъ сочиненіяхъ. Между трудомъ ознакомленія съ ними и съ жизнью окружающею проходитъ его досугъ. Отрываясь отъ міра идей, и входя въ жизнь общества, или товарищей, онъ не находилъ между ними ничего общаго. Разница между жизнью идей и дѣйствительностью была такъ велика, что не могла не вызывать въ немъ горькой насмѣшки, и съ разочарованныхъ устъ его невольно срывались слова, задѣвавшія ничтожное самолюбіе людей вполнѣ собою довольныхъ.

Чѣмъ моложе и слѣдовательно не сдержаннѣе былъ Лермонтовъ, тѣмъ больше ощущалась рознь между имъ и большинствомъ современниковъ, тѣмъ болѣе ненавидѣли его съ нимъ сталкивающіеся шаблонные люди. Съ годами это сгладилось бы на столько, на сколько поэтъ, пришедшій въ гармонію съ собою, рѣже бы спускался съ высотъ своей идейной жизни, менѣе сталкивался бы съ ними. Глядя на него издалека, сквозь призму произведеній его геніальной фантазіи и жизненнаго пониманія, не сталкиваясь съ нимъ близко, все мелкое и зауряд-

ное отнеслось бы къ нему безъ чувства личной досады и уязвленнаго самолюбія.

Лермонтовъ начиналъ это понимать, онъ начиналъ сознавать, что ему надо жить исключительно для того, на что онъ былъ призванъ, что ему не слѣдовало болѣе вращаться въ сферахъ обыденной, имъ уже познанной жизни; но съ одной стороны его не выпускали изъ нея, его злобно и насильно приковывали къ средѣ, въ которую его забросила судьба, съ другой самъ онъ, повторяю, не успѣлъ еще установить вполнѣ гармонію своего внутренняго существа.

Роковое совершилась!... Онъ палъ подъ гнетомъ обыденной силы ополчившейся на него, палъ отъ руки обыденнаго человѣка, воплощавшаго собою ничтожество времени, со всѣми его блѣдными качествами и жалкими недостатками. Тлѣнное истлѣло, но высоко и все выше поднимается нетлѣнное имъ созданное, и русская нація, и націи иноземныя воздаютъ справедливость хоть юному еще, но безсмертному генію.

КОНЕЦЪ.

Юрьевъ Лифляндскій.
Май 1891.

Послѣсловіе.

Желая дать по возможности полную біографію М. Ю. Лермонтова, я собиралъ матеріалъ для нея начиная съ 1879 года. Я могъ однако заниматься только урывками. Тщательно слѣдя за малѣйшимъ извѣщеніемъ или намекомъ о какихъ либо письменныхъ матеріалахъ или лицахъ, могущихъ дать свѣдѣнія о поэтѣ, я нетолько вступилъ въ обширную переписку, но и совершилъ множество поѣздокъ. Матеріалъ оказался разсѣяннымъ отъ береговъ Волги до западной Европы, отъ Петербурга до Кавказа. Иногда поиски были безплодны, иногда увѣнчивались неожиданнымъ успѣхомъ. Исторія розыскиванія матеріаловъ этихъ представляетъ много любопытнаго и поучительнаго, и я предполагаю со временемъ описать испытанное мною. Случалось, что клочекъ рукописи, найденной мною въ Штутгартѣ, пополнялъ и объяснялъ, что случайно уцѣлѣло въ предѣлахъ Россіи.

Труда своего я не пожалѣлъ; о достоинствѣ біографіи судить читателю. Я постарался прослѣдить жизнь поэта шагъ за шагомъ, касасаясь творчества его въ связи съ нею.

Необходимо было бы написать еще и подробное *критико-литературное* изысканіе о немъ. Тогда образъ Лермонтова, какъ человѣка и писателя, еще яснѣе вырѣзался бы изъ тумана различныхъ мнѣній и сужденій русскихъ и европейскихъ критиковъ. Каждый великій поэтъ и писатель является продуктомъ не только жизни, но и литературныхъ токовъ, родныхъ и чужеземныхъ. Касаться токовъ этихъ въ своей книгѣ я могъ лишь слегка и намеками; это требуетъ особаго изученія и особаго труда.

Что касается внѣшней стороны изданія, то трудность редактированія его значительно увеличивалась тѣмъ, что печатаніе происходило въ Москвѣ. Корректура и объясненія письменнымъ путемъ весьма затруднительны и подаютъ поводъ къ недоразумѣніямъ, отражающимся на изданіи. Къ довершенію бѣдъ въ началѣ іюня пожаръ въ типографіи истребилъ часть уже отпечатанныхъ томовъ [рукописи сгорѣло не много]. Пришлось нѣкоторыя части и отдѣльные листы набирать снова. Спѣшность работы повлекла за собою нѣкоторые недосмотры, которые приходится исправлять только въ главныхъ чертахъ, прилагая къ изданію перечень важнѣйшихъ опечатокъ.

Пав. Висковатый.

29 іюня 1891 года.

КОНЕЦЪ.

Факсимиле подписей М. Ю. Лермонтова.

Подпись на нѣкоторыхъ письмахъ на французскомъ языкѣ, послѣ 1835 года она встрѣчается съ перемѣною **a** на **o**.



1831—1832.

1835.

1838.

1840—1841.

Портреты Лермонтова.

Портреты бабушки, матери поэта и самого его въ дѣтствѣ сдѣланы съ фотографій, снятыхъ съ оригиналовъ, писанныхъ масляной краской художникомъ изъ крѣпостныхъ людей. Они доставлены мнѣ черезъ посредство г. Журавлева, управляющаго Тарханами. Оригиналы находятся въ самарскомъ имѣніи Столыпиныхъ между родовыми портретами. Въ Лермонтовскомъ музеѣ хранятся точные снимки. Самые портреты, о коихъ идетъ рѣчь, были мною впервые помѣщены въ «Живописномъ Обозрѣніи» 1884 г., № 39, при статьѣ моей *Ребенокъ Лермонтовъ и бабушка его Арсеньева.* — Тѣмъ же путемъ получилъ я портретъ Михаила Юрьевича студентомъ, т. е. около 1832 года. Далѣе прилагается нами портретъ весьма любопытный, сдѣланный на Кавказѣ въ 1837 году самимъ поэтомъ акварелью [см. Біографію, гл. XIV, стр. 290]. Этотъ портретъ очень схожъ, но поражалъ знавшихъ Лермонтова лично необыкновенной прической и длинными волосами. А. А. Краевскому я показывалъ его во время посѣщенія съ нимъ Лермонтовскаго музея. «Похожъ! — сказалъ онъ — но волосъ Лермонтовъ такъ не носилъ, и въ то время офицеры такъ носить волосъ не смѣли; впрочемъ, на Кавказѣ они себѣ позволяли отступленія отъ формы, и Михаилъ Юрьевичъ ходилъ тамъ охотно въ разстегнутомъ сюртукѣ безъ эполетъ и съ отогнутымъ воротникомъ. Онъ имѣлъ короткую шею, и стоячій воротникъ былъ ему непріятенъ. Въ этомъ отношеніи портретъ Горбунова, прилагавшійся къ прежнимъ изданіямъ, гдѣ поэтъ въ сюртукѣ безъ эполетъ и съ отогнутымъ воротникомъ, да съ шашкой черезъ плечо, очень характерный. Онъ

даже былъ похожъ, но его у меня взяли, испортили, и затѣмъ лицо было реставрировано, послѣ чего глаза и лобъ остались схожими, а носъ сталъ какимъ-то армянскимъ, какого у Лермонтова не было. Этотъ портретъ, одно время самый распространенный, не передаетъ чертъ Михаила Юрьевича. Онъ очень походилъ на мать свою, и если—сказалъ Краевскій, указывая на ея портретъ,—«вы къ этому лицу придѣлаете усы, измѣните прическу, да накините гусарскій ментикъ—такъ вотъ вамъ Лермонтовъ».

Желая приложить къ изданію портретъ поэта, рисованный самимъ имъ—замѣтимъ, что имъ пользовался и г. Опекушинъ при моделировкѣ памятника для Пятигорска—въ возможно хорошемъ выполненіи, оригиналъ былъ отправленъ въ Лейпцигъ къ извѣстному Брокгаузу, гдѣ и гравированъ на стали. Издатель не пожалѣлъ средствъ, но, какъ каждый можетъ убѣдиться, портретъ хоть и хорошо выполненъ, но не похожъ и, по моему мнѣнію, выраженіе лица *нѣмецкое*. Это нѣмецъ-офицеръ въ буркѣ пушистой и расчесанной, какихъ на Кавказѣ я не видалъ. Поэтому рѣшено было обратиться въ Москвѣ къ Д. Н. Рыжову, который вырѣзалъ портретъ этотъ, какъ и прочіе, на деревѣ. Я признаю эту работу и сходство въ особенности вполнѣ удовлетворительными. Впрочемъ, читатель можетъ убѣдиться въ этомъ самъ изъ сравненія.—Далѣе прилагается портретъ поэта изъ коллекціи князя Меньшикова, работы *Клиндера*. Это тотъ портретъ, что приложенъ ко всѣмъ изданіямъ г. Глазунова. Его относятъ къ 1838 году—не вѣрнѣе ли отнести къ концу 1839 года?—Затѣмъ, профильный портретъ 1840 года [см. біографію, гл. XVII, стр. 345] съ рисунка барона Палена, сдѣланнаго на Кавказѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I[1].

а) О принятіи въ студенты Михайла Лермантова.

(Дѣло за № 43-мъ, 1830 года, на 6 листахъ)

Стр. 1.

б) № 323-й 21 августа 1830 года.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

Отъ пансіонера Университетскаго Благороднаго Пансіона Михаила Лермантова.

ПРОШЕНІЕ.

Родомъ я изъ дворянъ, сынъ капитана Юрія Петровича Лермантова; имѣю отъ роду 16 лѣтъ; обучался въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ разнымъ языкамъ и наукамъ въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса; нынѣ же желаю продолжать ученіе мое въ императорскомъ университетѣ, почему Правленіе онаго покорнѣйше прошу, включивъ меня въ число своекоштныхъ студентовъ Нравственно-Политическаго Отдѣленія, допустить къ слушанію профессорскихъ лекцій. Свидѣтельства о родѣ и ученіи моемъ при семъ прилагаю. *Къ сему прошенію Михаилъ Лермантовъ руку приложилъ.*

Слуш. 21 августа
1830 года.

---

[1] Баронъ Бюлеръ на основаніи справки, сдѣланной тогдашнимъ ректоромъ университета, С. М. Соловьевымъ, сообщилъ редакціи *Русской Старины* (1876 года т. XV, стр. 221), что въ университетскомъ архивѣ нѣтъ ничего кромѣ прошенія Лермонтова объ увольненіи изъ университета, для перемѣщенія въ Петербургскій. Дѣйствительно, въ бумагахъ 1832 года за № 48 нѣтъ ничего кромѣ упомянутой просьбы и затѣмъ черноваго свидѣтельства объ увольненіи; за то въ бумагахъ 1830 года за № 43 находятся бумаги, касающіяся пребыванія Лермонтова въ пансіонѣ и потомъ поступленія его въ университетъ.

Стр. 2.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 221. изъ Благороднаго Пансіона императорскаго Московскаго Университета пансіонеру Михаилу Лермантову въ томъ, что онъ въ 1828 году бывъ принятъ въ Пансіонъ, обучался въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса разнымъ языкамъ, искусствамъ и преподаваемымъ въ ономъ нравственнымъ, математическимъ и словеснымъ наукамъ, съ *отличнымъ* прилежаніемъ, съ *похвальнымъ* поведеніемъ и съ *весьма хорошими* успѣхами; нынѣ же по прошенію его отъ Пансіона съ симъ уволенъ.

Дано въ Москвѣ за подписаніемъ директора онаго Пансіона, статскаго совѣтника и кавалера, съ приложеніемъ пансіонской печати.

Апрѣля 16 дня
1830 года.

Петръ Курбатовъ.

Печать Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона.

Стр. 3 и 4.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

№ 6503. изъ Московской Духовной Консисторіи вдовѣ гвардіи поручицѣ Елизаветѣ Алексѣевой Арсеньевой въ томъ, что вы, Арсеньева, просили дать вамъ свидѣтельство о рожденіи и крещеніи внука вашего роднаго, капитана Юрія Петровича Лермантова сына Михаила, прижитаго имъ отъ законнаго брака, для отдачи его къ наукамъ и воспитанію въ казенныя заведенія, а потомъ и въ службу, гдѣ принять быть можетъ, объявя, что родился онъ въ Москвѣ, въ приходѣ церкви Трехъ Святителей, что у Красныхъ воротъ, 1814 года октября 2 дня. По справкѣ въ Консисторіи оказалось, въ метрическихъ упоминаемой Трехъ-Святительской, что у Красныхъ воротъ, церкви тысяча восемьсотъ четырнадцатаго года книгахъ написано такъ: «Октября 2-го въ домѣ господина покойнаго генералъ-маіора и кавалера Ѳедора Николаевича Толя у живущаго капитана Юрія Петровича Лермантова родился сынъ Михаилъ. Молитвовалъ протоіерей Николай Петровъ, съ дьячкомъ Яковымъ Ѳедоровымъ, крещенъ того же октября 11 дня, воспреемникомъ былъ господинъ колежскій асессоръ Васильевъ-Хотяинцовъ, воспреемницею была вдовствующая госпожа гвардіи поручица Елизавета Алексѣевна Арсеньева, оное крещеніе исправляли протоіерей Николай Петровъ, дьяконъ Петръ Ѳедоровъ, дьячекъ Яковъ Ѳедоровъ, пономарь Алексѣй Никифоровъ. Почему Московскою Духовною Консисторіею опредѣлено вамъ вдовѣ гвардіи поручицѣ Арсеньевой съ прописаніемъ явствующей справки дать [и дано] сіе свидѣтельство для прописанной надобности: октября 25 дня 1827 года.

На подлинномъ подписали: Николо-Лѣсновскій протоіерей Іоаннъ Іоанновъ, секретарь Савва Смиреновъ, повытчикъ Александръ Лисицынъ. Съ подлиннымъ вѣрно: колежскій регистраторъ *Борисовъ.*

Подлинное свидѣтельство получилъ обратно студентъ Михаилъ Лермантовъ.

У сего свидѣтельства Его Императорскаго Величества Московской Духовной Консисторіи печать.

Стр. 5.

1 сентября 1830 г.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

Отъ ординарныхъ профессоровъ Снегирева, Ивашковскаго, экстра-ординарнаго Побѣдоносцева, адъюнктовъ: Погодина, Кацаурова, лекторовъ: Кистера и Декампа.

ДОНЕСЕНІЕ.

№ 3579. По назначенію господина ректора Университета, мы испытывали Михаила Лермантова, сына капитана Юрія Лермантова, въ языкахъ и наукахъ, требуемыхъ отъ вступающаго въ университетъ въ званіе студента, и нашли его способнымъ къ слушанію профессорскихъ лекцій въ семъ званіи. О чемъ и имѣемъ честь донести правленію Университета.

Семенъ Ивашковскій.
Иванъ Снегиревъ.
Петръ Побѣдоносцевъ.
Михаилъ Погодинъ.
Николай Кацауровъ.
Ѳедоръ Кистеръ.
Amédée Decampe.

Августа „ “ дня
1830 года.

Журналъ подъ № 46.

Слуш. 1 сентября.

Стр. 5.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

Отъ своекоштнаго студента Михаила Лермантова.

ПРОШЕНІЕ.

№ 1370. Въ прошломъ 1830 году, при вступленіи моемъ въ Университетъ, представлено было мною свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, въ коемъ я нынѣ имѣю нужду; почему и покорнѣйше прошу Правленіе Университета оное свидѣтельство мнѣ возвратить. *Императорскаго Московскаго Университета своекоштный студентъ Михаилъ Лермантовъ.*

Апрѣля „ “ дня
1832 года.

(Порѣшено было свидѣтельство о рожденіи выдать снявъ съ него копію).

Слуш. апрѣля 22.

Объ увольненіи изъ университета Михаила Лермантова.

№ 48-й 2 іюня 1832 года.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

От своекоштнаго студента Михаила Лермантова.

ПРОШЕНІЕ.

Прошлаго 1830 года, въ августѣ мѣсяцѣ принять я былъ въ сей
№ 1916. Университетъ по экзамену студентовъ и слушалъ лекціи по словесному отдѣленію. Нынѣ же по домашнимъ обстоятельствамъ болѣе продолжать ученія въ здѣшнемъ Университетѣ не могу и потому правленіе Императорскаго Московскаго Университета покорнѣйше прошу, уволивъ меня изъ онаго, снабдить надлежащимъ свидѣтельствомъ, для перевода въ Императорскій Санктпетербургской Университетъ.

Къ сему прошенію Михаилъ Лермантовъ руку приложилъ [1].
Іюня 1-го дня 1832 года.

(На оборотной сторонѣ помѣчено):
Приказали означеннаго студента Лермантова, уволивъ изъ Университета, снабдить надлежащимъ о ученіи его свидѣтельствомъ.
Вѣрно: Тит. Сов. *Щегловъ.*

Слуш. іюня 6.

СВИДѢТЕЛЬСТВО [2].

По указу его императорскаго величества, изъ Правленія Императорскаго Московскаго Университета своекоштному студенту Михаилу Лермантову, сыну капитана Юрія Лермантова, въ томъ, что онъ, въ прошломъ 1828 году быъ впринятъ въ бывшій Университетскій Благородный Пансіонъ, обучался въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса разнымъ языкамъ, искусствамъ и преподаваемымъ въ ономъ нравственнымъ, математическимъ и словеснымъ наукамъ съ отличнымъ прилежаніемъ, съ похвальнымъ поведеніемъ и съ весьма хорошими успѣхами, а
№ 2480. 1830 года, сентября 1-го дня, принятъ въ сей Университетъ по экзамену студентомъ и слушалъ лекціи по словесному отдѣленію, нынѣ же по прошенію его отъ Университета симъ уволенъ; и какъ онъ Лермантовъ полнаго курса ученія не окончилъ, то и не распространяется на него сила Указа 1809 года, августа 6-го дня и 26-го сентября предварительныхъ правилъ Народнаго Просвѣщенія. Дано въ Москвѣ іюня 18-го дня 1832 года. Подлинное подписано: Ректоръ Двигубскій, непремѣнный засѣдатель Иванъ Давыдовъ, деканъ Михаилъ Каченовскій, секретарь Щегловъ (?).

(Тутъ же рукой Лермонтова написано):

Подлинный аттестатъ получилъ своекоштный студентъ Михайло Лермантовъ.

У сего свидѣтельства его императорскаго величества Московскаго Университета печать.

---

[1] Прошеніе писано чужою рукой. Почеркъ Лермонтова означенъ курсивомъ.
[2] На верху страницы помѣтка: Смотрѣно. *Каченовскій.*

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Письма Е. А. Арсеньевой къ внуку ея М. Ю. Лермонтову (осенью 1835 г.)

(Къ стр. 192).

«Милый любезный другъ Мишенька,—пишетъ она,—конечно, мнѣ грустно, что долго тебя не вижу, но, видя изъ письма твоего привязанность твою ко мнѣ, я плакала отъ благодарности къ Богу. Послѣ двадцати пяти лѣтъ страданія любовію своею и хорошимъ поведеніемъ ты заживляешь раны моего сердца. Что дѣлать, Богу такъ угодно, но Богъ смилосердится надо мною, и тебя отпустятъ. Меня безпокоитъ, что ты безъ денегъ. Я съ десятаго сентября всякій часъ тебя ждала, а 12 октября получила письмо твое, что тебя не отпускаютъ. Цѣлую недѣлю надо было почты ждать. Посылаю теперь тебѣ, мой милый другъ, тысячу четыреста рублей ассигнаціями, да писала къ Аѳанасію [1] чтобъ онъ тебѣ послалъ двѣ тысячи рублей. Надѣюсь на милость Божію, что нынѣшній годъ порядочный доходъ получимъ, но теперь еще никакихъ цѣнъ на хлѣбъ нѣтъ и задаромъ жалко продавать. Невѣстка Марья Александровна была у меня и сама предложила написать къ Аѳанасію и ты вѣрно черезъ недѣлю получишь отъ него 2 тысячи; еще теперь мы не устроились. Я въ Москвѣ была нездорова, оттого долго такъ и прожила, долго ѣхала, слаба еще была и домой пріѣхала 25 іюля, а тебя моего друга ждала въ сентябрѣ и, до смерти мнѣ грустно, что ты нуждаешься въ деньгахъ; буду посылать всякіе три мѣсяца по 2,500 рублей, а всякій мѣсяцъ уже слишкомъ помалу, а, можетъ, иной мѣсяцъ мундиръ надо сшить. Я долго тебѣ не писала, мой другъ, всякій часъ ждала тебя, но не безпокойся обо мнѣ: я здорова. Береги свое здоровье, мой милый. Ты здоровъ, веселъ и хорошо себя ведешь. Я счастлива истинно, мой другъ, забываю всѣ горести и со слезами благодарю Бога, что онъ на старости послалъ въ тебѣ мнѣ утѣшеніе. Лошадей тройку тебѣ купила и, говорятъ какъ птицы летятъ; онѣ одной породы съ буланой и цвѣтъ одинаковъ, только черный ремень на спинѣ и черныя гривы; забыла, какъ ихъ называютъ. Домашнихъ лошадей всѣхъ шесть, выбирай любыхъ: пара темногнѣдыхъ, пара свѣтлогнѣдыхъ и пара сѣрыхъ, но здѣсь никто не умѣетъ выѣзжать лошадей; у Матюшки силы нѣтъ, Никанорка объѣзжаетъ купленныхъ лошадей, но боюсь,

[1] Аѳанасій Алексѣевичъ Столыпинъ.

что нехорошо ихъ пріѣздить. Лучше, думаю, тебѣ Митьку кучера взять можно до Москвы въ седейки [?], его отправить дня за четыре до твоего отъѣзда. Ежели ты своихъ вятскихъ продашь—и сундучекъ съ мундирами, и съ бѣльемъ съ нимъ можно отправить; впрочемъ, какъ ты самъ лучше придумаешь: тебѣ уже 21 годъ. Катерина Аркадьевна переѣзжаетъ въ Москву, то въ Средниково тебѣ не нужно заѣзжать, да ты послѣ тѣхъ ни разу не писалъ къ Аѳанасію Алексѣевичу; чрезъ письма родство и дружба сохраняются; онъ другъ былъ твоей матери и любилъ тебя, какъ родного племянника, да къ Марьѣ Акимовнѣ и Павлу Петровичу [1]] хоть бы въ моемъ письмѣ приписалъ два слова. Стихи твои, мой другъ, читала, безподобны, а всего лучше меня утѣшило, что тутъ нѣтъ нынѣшней модной неистовой любви. И невѣстка сказывала, что Аѳанасію очень понравились стихи твои, и очень ихъ хвалилъ, да какъ ты не пишешь какую ты пьесу сочинилъ комедію или трагедію[2]] ? Все [ко всему], что до тебя касается, я неравнодушна; увѣдомь обо всемъ [?], коли можно, и пришли черезъ почту. Стихи твои я больше десяти разъ читала. Скажи Андрею[3]], что онъ такъ давно къ женѣ не писалъ; она съ ума сходитъ, все плачетъ, думаетъ, что онъ болѣнъ. Achetez quelque chose pour Дарья[4]], elle me sert avec beaucoup d'attachement. Очень благодарна Екатеринѣ Александровнѣ, что она обо мнѣ помнитъ, но мое присутствіе здѣсь необходимо. Степанъ очень прилежно смотритъ, но все какъ я прикажу—то выходитъ лучше. Дѣвки, молодыя вдовы замужъ не шли—безпутничали. Я кого уговариваю, кого на работу посылаю и отъ 16 большихъ дѣвокъ 4 только осталось, и вдовы всѣ вышли, иную подкупили, и все пришло въ прежній порядокъ. Какъ Богъ дастъ милость свою и тебя отпустятъ, то хотя Тарханы и Пензенской губерніи, но на Пензу ѣхать слишкомъ 200 верстъ крюку. Изъ Москвы нужно ѣхать на Рязань, Козловъ и на Тамбовъ, а изъ Тамбова на Кирсановъ въ Чембаръ. У Екатерины Аркадьевны на дворѣ тебя ожидаетъ долгуша, точно коляска, перина и собачье одѣяло; можетъ, еще зимняго пути не будетъ. Здѣсь у насъ о всю пору совершенная весна среди дня, ночью морозы только велики.

[Идутъ разныя незначущія порученія].

«Прощай мой другъ, Христосъ съ тобою, будь надъ тобою милость Божія. Вѣрный другъ твой Елизавета Арсеньева. 1835 года 18 октября... Все-то мнѣ кажется, мой другъ, что тебѣ денегъ мало, еще сто посылаю тебѣ, всего 1,500 рублей».

---

[1] Шанъ-Гирей.

[2] Стихи, понравившіеся бабушкѣ, вѣроятно, напечатаны въ Библ. для чтенія: Хаджи Абрекъ. Комедія, это—Маскарадъ, оконченная въ 1835 г.

[3] Лакей, отправленный къ Лермонтову изъ Тарханъ.

[4] Ключница въ Тарханахъ, имѣвшая большое вліяніе на Арсеньеву и выставленная въ „Menschen und Leidenschaften“, соч. т. IV, стр. 117.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

(къ стр. 213.).

Письма Верещагиной (старшей сестры) къ М. Ю. Лермонтову.

Le 12 Octobre. Moskou. (1832).

Votre lettre, datée du *trois* de ce mois vient de me parvenir; je ne savais pas, que ce jour là fut celui de vôtre naissance, je vous en félicite, mon cher, quoique un peu tard. Je ne saurais vous exprimer le chagrin que m'a causée la mauvaise nouvelle que vous me donnez. Comment, après tant de peines et de travail se voir entièrement frustré de l'espérance d'en recueillir les fruits, et se voir obligé de recommencer tout un nouveau genre de vie? ceci est véritablement désagréable. Je ne sais, mais je crois toujours que vous avez agi avec trop de précipitation, et si je ne me trompe, ce parti a dû vous être sugéré par M-r Alexis Stolipine n'est ce pas?

Je conçois aisement, combien vous devez être dérouté par ce changement, car vous n'avez jamais été habitué au servise militaire; mais à présent, comme toujours, l'homme propose et Dieu dispose, et soyez fortement persuadé que ce qu'il propose, dans sa sagesse infinie, est certainement pour notre bien. Dans la carrière militaire vous avez tout aussi bien les moyens de vous distinguer; avec de l'esprit et de la capacité on sait se rendre heureux partout; d'ailleurs combien de fois ne m'avez-vous pas dit, que si la guerre s'allumait, vous ne voudriez pas rester oisif, eh bien! Vous voilà pour ainsi dire jeté par le sort dans le chemin qui vous offre les moyens de vous distinguer et de devenir un jour un guerrier célèbre. Ceci ne peut pas empêcher que vous vous occupiez de poêsie; pourquoi donc? l'un n'empêche pas l'autre, au contraire, vous ne ferez qu'un plus aimable militaire.

Voici, mon cher, maintenant le moment le plus critique pour vous, pour Dieu, rapellez vous autant que possible la promesse que vous m'avez faite avant de partir. Prenez garde de vous lier

trop tôt avec vos camarades, connaissez les bien avant de le faire. Vous êtes d'un bon caractère, et avec votre coeur aimant vous serez pris tout d'abord; surtout évitez cette jeunesse qui se fait merveilles de toutes sortes de bravades, et une espèce de mérite de sottes fanfaronnades. Un homme d'esprit doit être au dessus de toutes ces petitesses; ce n'est pas là du mérite, tout au contraire, ce n'est bon que pour les petits esprits; laissez leur cela, et suivez votre chemin.

Pardon, mon cher ami, si je m'avise de vous donner, de ces conseils; mais ils me sont dictés par l'amitié la plus pure, et l'attachement que je vous porte fait, que je vous désire tout le bien possible; j'espère que vous ne vous facherez pas contre dame-prèchemorale, et que tout au contraire vous lui en saurez gré, je vous connais trop pour en douter.

Vous ferez bien de m'envoyer comme vous le dites, tout ce que vous avez écrit jusqu'à prèsent; vous êtes bien sûr, que je garderai fidèlement ce dépôt, que vous serez enchanté de retrouver un jour. Si vous continuez d'écrire, ne le faites jamais à l'école, et n'en faites rien voir à vos compagnons, car quelque fois la chose la plus innocente occasione notre perte. Je ne comprends pas, pourquoi vous recevez si rarement de mes lettres? Je vous assure que je ne fais pas la paresseuse, et que je vous écris souvent et longuement. Votre service ne m'empêchera pas de vous écrire comme à l'ordinaire, et j'adresserai toujours mes lettres à leur ancienne adresse; dites-moi, ne faudrait-il pas que je les mette au nom de grand-maman?

J'espère, que parce que vous serez à l'école, ce ne sera pas un empêchement pour que vous m'écriviez de vôtre coté; si vous n'aurez pas le temps de le faire chaque semaine, eh bien! dans deux semaines une fois; mais je vous en prie, n'allez pas me priver de cette consolation. Courage, mon cher, courage! ne vous laissez pas abattre par un mécompte, ne désespérez pas, croyez moi, que tout ira bien. Ce ne sont pas des phrases de consolation que je vous offre là, non, pas du tout; mais il y a un je ne sais quoi, qui me dit que tout ira bien. Il est vrai que maintenant nous ne nous verrons pas avant deux ans; j'en suis vraiment désolée pour moi, mais... pas pour vous, cela vous fera du bien, peutêtre. Dans deux ans on a le temps de guérir et de devenir tout-à-fait raisonable.

Croyez-moi, je n'ai pas perdu l'habitude de vous deviner, mais que voulez-vous que je vous dise? Elle se porte bien, paraît assez gaie, du reste sa vie est tellement uniforme, qu'on n'a pas beaucoup à dire sur son compte; c'est aujourd'hui comme hier. Je crois que vous n'êtes pas tout-à-fait fâché de savoir, qu'elle mène ce genre de vie, car elle est à l'abri de toute épreuve; mais pour mon compte, je lui voudrais un peu de distraction, car, qu'est-ce

que s'est que cette jeune personne dandinant d'une chambre à l'autre, à quoi une vie comme celle-là mènera-t-elle? à devenir un être nul, et voilà tout. Eh bien! Vous ai-je deviné? est-ce là le plaisir que vous attendiez de moi?

. . . .

. . . .

. . . .

Il ne me reste tout juste de place, que pour dire adieu à mon gentil hussard. Comme j'aurais voulu vous voir avec vôtre uniforme et vos moustaches. Adieu, mes soeurs et mon frère vous saluènt. Mes respects à grand-maman.

Письмо А. Верещагиной къ Лермонтову.

Къ стр. 213.

Fedorovo, 18 d'Août (1835).

Mon cher cousin.

C'est après avoir lu pour la troisième fois vôtre lettre, et après m'être bien assurée, que je ne suis pas sous l'influence d'un rêve, que je prends la plume pour vous écrire. Ce n'est pas que j'aie peine à vous croire capable d'une grande et belle action, mais écrire trois fois, sans avoir au moins trois réponses—savez-vous, que c'est un prodige de générosité, un trait sublime, un trait à faire pâlir d'émotion?—Mon cher Michel, je ne suis plus inquiette de votre avenir—un jour vous serez un grand homme.

Je voulais m'armer de toutes mes forces, desir et volonté, pour me fâcher sérieusement contre vous. Je ne voulais plus vous écrire, et vous prouver par là, que mes lettres peuvent se passer de cadre et de verre, pourvu qu'on trouve du plaisir à les recevoir.—Mais trève là dessus; vous êtes repentant—je jette bas mes armes et consens à tout oublier.

Vous êtes officier, recevez mes compliments. C'est une joie pour moi d'autant plus grande, qu'elle était inattendue. Car (je vous le dis à vous seul) je m'attendais plus tôt à vous savoir soldat. Vous conviendrez vous-même que j'avais raison de craindre et si même vous êtes deux fois plus raisonnable que vous ne l'étiez avant, vous n'êtes pas encore sorti du rang des polissons... Mais c'est toujours un pas, et vous ne marcherez pas à reculon, je l'espère.

Je m'imagine la joie de grande-maman; je n'ai pas besoin de vous dire que je la partage de tout mon coeur. Je ne compare

pas mon amitié à un puits sans fond, vous ne m'en croirez que mieux. Je ne suis pas forte en comparaisons, et n'aime pas à tourner les choses sacrées en ridicule, je laisse cela à d'autres.— Quand viendrez-vous à Moscou?

. . . .

. . . .

. . . .

Quand au nombre de mes adorateurs, je vous le laisse à deviner, et comme vos suppositions sont toujours impertinantes, je vous entends dire, que je n'en ai pas du tout . . . . .

. . . .

A propos de votre idéal. Vous ne me dites rien de vos compositions. J'espère que vous écrivez toujours, je pense que vous avez des amis qui les lisent et qui savent en juger mieux, mais je vous garantis d'en trouver, qui les liront avec plus de plaisir. Je m'attends qu' après cette sérieuse exhorde, vous me composerez un quatrain pour ma nouvelle année.

Pour votre dessin, on dit que vous faites des progrès etonnants, et je le crois bien. De grâce, Michel, n'abandonnez pas ce talent, le tableau que vous avez envoyé à Alexis et charmant. Et votre musique? Jouez-vous toujours l'ouverture de la muette de Portici, chantez-vous le duo de Semiramis de fameuse mémoire, le chantez-vous comme avant, à tue tête, et à perdre le respiration? . . . .

. . . . . . Nous déménageons pour les 15 Semtembre, vous m'adresserez vos lettres dans la maison Guédéonoff, près du jardin du Kremlin.—De grâce ecrivez moi plus vite, maintenant vous avez plus de temps, si vous ne l'employez pas à vous regarder dans une glace; ne le faites pas, car votre uniforme d'officier finira par vous ennuyer, comme tout ce que vous voyez trop souvent, c'est dans votre caractère.

Si je n'avais pas envie de dormir, je vous aurais parlé de tout cela—mais impossible. Mes respects, je vous prie à grand-maman. Je vous embrasse de tout mon coeur.

Alexandrine W.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV

[къ стр. 247].

Объясненіе Губернскаго секретаря Раевскаго о связи его съ Лермонтовымъ и о происхожденіи стиховъ на смерть Пушкина.

Бабка моя, Кирѣева, во младенчествѣ воспитывалась въ домѣ Столыпиныхъ, съ дѣвицею Е. А. Столыпиною, впослѣдствіи по мужѣ Арсеньевою [дамою 64-хъ лѣтъ, *родною бабушкою корнета Лермонтова*, автора стиховъ на смерть Пушкина].

Эта связь сохранилась и впослѣдствіи между домами нашими, Арсеньева крестила меня въ г. Пензѣ въ 1809 году, и постоянно оказывала мнѣ родственное расположеніе, по которому—и потому что я, видя отличныя способности въ молодомъ Лермонтовѣ, коротко съ нимъ сошелся—предложены были въ домѣ ихъ столъ и квартира.

Лермонтовъ имѣетъ особую склонность къ музыкѣ, живописи и поэзіи, почему свободные у обоихъ насъ отъ службы часы проходили въ сихъ занятіяхъ, въ особенности послѣдніе 3 мѣсяца, когда Лермонтовъ по болѣзни не выѣзжалъ.

Въ Генварѣ Пушкинъ умеръ. Когда 29 или 30 дня эта новость была сообщена Лермонтову съ городскими толками о безыменныхъ письмахъ, возбуждавшихъ ревность Пушкина, и мѣшавшихъ ему заниматься сочиненіями въ октябрѣ и ноябрѣ [мѣсяцы, въ которые, по слухамъ, Пушкинъ исключительно сочинялъ]—то въ тотъ же вечеръ Лермонтовъ написалъ элегическіе стихи, которые оканчивались словами:

«И на устахъ его печать».

Среди ихъ слова: *не вы ли гнали* его свободный чудный даръ—означаютъ безыменныя письма—что совершенно доказывается вторыми двумя стихами:

«И для потѣхи возбуждали
«Чуть затаившійся пожаръ».

Стихи эти появились прежде многихъ и были лучше всѣхъ, что я узналъ изъ отзыва журналиста Краевскаго, который сообщилъ ихъ В. А. Жуковскому, князьямъ Вяземскому, Одоевскому и проч. Знакомые Лермонтова безпрестанно говорили ему привѣтствія и пронеслась даже молва, что В. А. Жуковскій читалъ ихъ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику и что Онъ изъявилъ высокое Свое одобреніе.

Успѣхъ этотъ радовалъ меня, по любви къ Лермонтову, а Лермонтову вскружилъ, такъ сказать, голову—изъ желанія славы. Экземпляры стиховъ раздавались всѣмъ желающимъ, даже съ прибавленіемъ 12[16] стиховъ содержащихъ въ себѣ выходку противу лицъ не подлежащихъ Русскому суду—

дипломатовъ и иностранцевъ, а происхожденіе ихъ есть, какъ я убѣжденъ, слѣдующее:

Къ Лермонтову пріѣхалъ братъ его камеръ-юнкеръ Столыпинъ. Онъ отзывался о Пушкинѣ невыгодно, говорилъ, что онъ себя неприлично велъ среди людей большого свѣта, что Дантесъ обязанъ былъ поступить такъ, какъ поступилъ. Лермонтовъ будучи, такъ сказать, обязанъ Пушкину извѣстностью—невольно сдѣлался его партизаномъ и по врожденной пылкости повелъ разговоръ горячо. Онъ и половину гостей доказывали, между прочимъ, что даже иностранцы должны щадить людей замѣчательныхъ въ государствѣ, что Пушкина, не смотря на его дерзости щадили два Государя, и даже осыпали милостями, и что затѣмъ объ его строптивости—мы не должны уже судить.

Разговоръ шелъ жарче. молодой камеръ-юнкеръ Столыпинъ сообщалъ мнѣнія, рождавшія новые споры—и въ особенности настаивалъ, что иностранцамъ дѣла нѣтъ до поэзіи Пушкина, что дипломаты свободны отъ вліянія законовъ, что Дантесъ и Гекернъ, будучи знатные иностранцы, не подлежатъ ни законамъ, ни суду русскому.

Разговоръ принялъ было юридическое направленіе, но Лермонтовъ прервалъ его словами, которыя послѣ почти вполнѣ помѣстилъ въ стихахъ: «если надъ ними нѣтъ закона и суда земнаго, если они палачи генія, такъ есть Божій судъ».

Разговоръ прекратился, а вечеромъ, возвратясь изъ гостей, я нашелъ у Лермонтова и извѣстное прибавленіе, въ которомъ явно выражался весь споръ. Нѣсколько времени это прибавленіе лежало безъ движенія, потомъ, по неосторожности объявлено объ его существованіи и дано для переписыванія. Чѣмъ болѣе говорили Лермонтову и мнѣ про него, что у него большой талантъ, тѣмъ охотнѣе давалъ я переписывать экземпляры.

Разъ пришло было намъ на мысль, что стихи темны, что за нихъ можно пострадать, ибо ихъ можно перетолковать по желанію, но сообразивъ, что фамилія Лермонтова подъ ними подписывалась вполнѣ, что высшая цензура давно бы остановила ихъ, еслибъ считала это нужнымъ и что Государь Императоръ осыпалъ семейство Пушкина милостями, слѣд. дорожилъ имъ—положили что стало быть можно было бранить враговъ Пушкина—оставили было идти дѣло такъ, какъ оно шло, но вскорѣ вовсе прекратили раздачу экземпляровъ съ прибавленіями потому, что бабку его Арсеньеву, и незнавшую ничего о прибавленіи, начали безпокоить общіе вопросы объ ея внукѣ, и что она этого пожелала.

Вотъ все, что по совѣсти обязанъ я сказать объ этомъ дѣлѣ.

Обязанный дружбою и одолженіями Лермонтову и видя, что радость его очень велика отъ соображенія, что онъ въ 22 года отъ роду сдѣлался всѣмъ извѣстнымъ, я съ удовольствіемъ слушалъ всѣ привѣтствія, которыми осыпали его за экземпляры.

Политическихъ мыслей, а тѣмъ болѣе противныхъ порядку установленному вѣковыми законами, у насъ не было и быть не могло. Лермонтову, по его состоянію, образованію и общей любви ничего не остается желать—развѣ кромѣ славы. Я трудами и небольшимъ имѣніемъ могу также жить не хуже

моихъ родителей. Сверхъ того оба мы русскіе душою и еще болѣе вѣрноподданные: вотъ еще доказательство, что Лермонтовъ неравнодушенъ къ славѣ и чести своего Государя.

Услышавъ, что въ какомъ-то французскомъ журналѣ напечатаны клеветы на Государя Императора, Лермонтовъ въ прекрасныхъ стихахъ обнаружилъ русское негодованіе противу французской безнравственности, ихъ палатъ и т.п., сравнивая Государя Императора съ благороднѣйшими героями древними, а журналистовъ съ наемными клеветниками, оканчиваетъ словами:

Такъ въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда съ тріумфомъ шелъ Фабрицій
И раздавался по столицѣ
Народа благодарный кликъ,—
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ *наемный* клеветникъ.

Начала стиховъ не помню,—они писаны кажется въ 1835 году—и тогда я всѣмъ моимъ знакомымъ раздавалъ ихъ по экземпляру съ особеннымъ удовольствіемъ.

Губернскій секретарь Раевскій.

21 февраля 1837.

Дѣло по Секретной части Министерства Военнаго.

Департаментъ военныхъ поселеній канцеляріи № 22. По запискѣ генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа о непозволительныхъ стихахъ написанныхъ корнетомъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка Лермонтовымъ и распространеніи оныхъ Губерн. секр. Раевскимъ.

Началось 23 февр. 1837 года.

Кончилось 17 іюня 1838 года [на 44 лит.]

1] 23 февраля 1837 года гр. Бенкендорфъ пишетъ секретно графу Петру Андр. Клейнмихелю, посылая объясненіе корнета л.-г. Гусарскаго полка Лермонтова для сличенія съ таковымъ же объясненіемъ чиновника Раевскаго, а также и пакетъ съ бумагами Раевскаго. Причемъ сообщалъ, что «Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ о преданіи чиновника Раевскаго суду, пріостановить—и о послѣдствіяхъ, какія отъ Его Величества послѣдуютъ по сему предмету, графъ Бенкендорфъ лично сообщитъ Его Превосходительству Петру Андреевичу.

2] Объясненіе Губ. секрет. [Святополка Аѳанасьевича] Раевскаго о связи его съ Лермонтовымъ [собственнор. записка Раевскаго].

3] Письмо Раевскаго съ черновымъ объясненіемъ къ Андрею Иванову.

4] Объясненіе корнета лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лермонтова.

7] Записка о службѣ Раевскаго.

Изъ дворянъ Саратовской губерніи. Окончилъ курсъ въ Московскомъ унив., въ 1828 году. Началъ службу въ министерствѣ финансовъ, а въ 1836 году переведенъ въ департаментъ военныхъ поселеній.

8] Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее въ 25-й день февраля 1837 г., по коему лейбъ-гвардіи гусарскаго полка корнетъ Лермонтовъ переводится тѣмъ же чиномъ въ нижегородскій драгунскій полкъ [на Кавказъ], а губернскаго секретаря Раевскаго, по выдержаніи на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ, отправить въ Олонецкую губернію на службу по усмотрѣнію тамошняго губернатора.

Подписано: генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ [1].

10] Затѣмъ, секретно, 26-го февраля 1837 года, за № 99, было предписаніе Клейнмихеля къ Мартынову, петербургскому коменданту, о томъ, чтобы продержать Раевскаго одинъ мѣсяцъ подъ арестомъ; «по минованіи же срока ареста покорнѣйше прошу г-на Раевскаго возвратить ко мнѣ».

17] 26-го марта, генералъ Мартыновъ при бумагѣ отправилъ Раевскаго къ Клейнмихелю.

19] 2-го апрѣля, Раевскому были отпущены протоны на три лошади [83 р. 88 к.], и онъ, 5-го, отправился на службу въ Олонецкую губ.

26] Раевскій былъ при губернаторѣ Андр. Дашковѣ чиновн. особ. поруч.; 29-го мая 1838 года, ему дается отпускъ въ Петербургъ и къ водамъ морскимъ въ Эстляндіи.

7-го декабря 1838 года, Раевскій былъ прощенъ и дозволено ему продолжать службу на общихъ основаніяхъ.

Опись перенумерованнымъ бумагамъ чиновника 12-го класса Раевскаго.

1 Записка журналиста Краевскаго, отъ 17-го сего февраля, слѣдующаго содержанія: «скажи мнѣ, что сталось съ Л—р—вымъ? правда ли, что онъ жилъ или живетъ еще теперь не дома? Неужели еще жертва, закалаемая въ память усопшему? Господи, когда всё это кончится!...»—въ заключеніи увѣдомляетъ, что его Пятницы замѣнилися Вторниками и что онъ перемѣнилъ квартиру.

2 Записка Алексѣя Попова, отъ 18-го октября, коею извѣщаетъ Раевскаго о своемъ дежурствѣ въ библіотекѣ, приглашая его туда.

3 Записка Орлова, отъ 4-го сего февраля, коею извиняется въ невозвращеніи въ срокъ стиховъ, которые препровождая проситъ прилагаемую съ оныхъ копію по исправленіи ошибокъ, при перепискѣ вкравшихся, ему возвратить.

4 Замѣчаніе Раевскимъ написанное на книгѣ: Сказаніе Русскаго народа, о семейной жизни.

5 Записка Унковскаго о приглашеніи Раевскаго на вечеръ для игры въ шахматы.

6 Записка Раевскаго карандашемъ не извѣстно къ кому написанная о присылкѣ книги Гумбольдта.—

20 февр. 1837 г.

[1] Это и есть то Высочайшее повелѣніе, которое приводитъ г. Ефремовъ („Русск. Стар.“ 1880 г., т. 28, стр. 535), о которомъ сообщаетъ графъ Чернышевъ графу Бенкендорфу и на которомъ послѣдній сдѣлалъ замѣтку: „убрать“.

Опись письмамъ и бумагамъ л.-г. гусарскаго полка корнета Лермонтова.

Лит. А. Письмо бабки Лермонтова г-жи Арсеньевой, равно какъ матери его. Въ нихъ все дышетъ благоразуміемъ и самою теплою родительскою привязанностію,—обѣ дамы непремѣнно снабжаютъ молодаго человѣка сего полезными совѣтами.—

Лит. В. Письмо родныхъ и двоюродныхъ сестеръ Лермонтова, равно какъ нѣкоторыхъ знакомыхъ ему дѣвицъ. Главный характеръ: онѣ его считаютъ поэтомъ и питаютъ большую къ нему привязанность. Безпрерывныя просьбы воздерживаться отъ шалостей, быть осторожнымъ доказываютъ, что ему не довѣряли. Стихотворную способность Лермонтова выхваляютъ и просятъ его пересылать стихи свои въ Москву. Изъ нихъ особенно замѣчательны три письма:

№ 1. Въ письмѣ семъ отъ одной дѣвицы изъ Москвы—ясно говорится, что переходъ Лермонтова въ военную службу есть слѣдствіе непріятности, которую онъ имѣлъ въ университетѣ, при чемъ обвиняется нѣкто Алексѣй Столыпинъ.

№ 2. Отъ дѣвицы Верещагиной къ Лермонтову,—въ немъ упоминается о какомъ-то романѣ соч. сего послѣдняго, но онъ кажется несостоялся, Лермонтовъ повидимому уничтожилъ его прежде окончанія.

№ 3. Отъ дѣвицы Верещагиной къ Лермонтову—она разсказываетъ о приготовленіяхъ въ Москвѣ къ пріѣзду Государя Императора.—

Остальныя кромѣ семейныхъ обстоятельствъ ничего въ себѣ не заключаютъ.

Лит. С. Письма писанныя Лермонтову нѣкоимъ Лопухинымъ. Главныя черты: Лопухинъ студентъ и находится съ Лермонтовымъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Изъ нихъ болѣе другихъ примѣчательны.

№ 1. Въ немъ Лопухинъ говоритъ, что основываясь на живомъ характерѣ Лермонтова, онъ не очень огорченъ переходомъ его въ военную службу;—на счетъ же стихотворнаго таланта говоритъ Лопухинъ—«тебѣ нечего безпокоиться, потому что кто что любитъ на то всегда найдетъ время», и въ доказательство приводитъ Давыдова.

№ 2. Лопухинъ извѣщаетъ Лермонтова, что его бранятъ въ Москвѣ за переходъ въ военную службу. Въ остальныхъ соприкосновеннаго ничего не заключается.

Лит. D. Письмо извѣстнаго Раевскаго къ Лермонтову, въ которомъ первый поздравляетъ его съ счастливымъ успѣхомъ написанной пьесы и приглашаетъ его къ Кирѣеву, который предполагалъ представить Лермонтова Г. Гедеонову.

Лит. Е. Письма Юрьева къ Лермонтову изъ Новгорода въ существѣ незначительны,—въ одномъ, подъ № 1, Юрьевъ говоритъ о талантѣ Лермонтова и упоминаетъ, что нѣкоторые изъ его однополчанъ желаютъ съ Лермонтовымъ познакомиться.

конецъ два донесенія отъ управителя, ничтожные стихи за подписью кина и письмо за подписью Евреинова.—

пись перенумерованнымъ бумагамъ корнета Лермонтова.

Письмо Андрея Муравьева, писанное въ четвертомъ, коимъ увѣдомляетъ, чтобы Лермонтовъ былъ покоенъ на счетъ его стиховъ, присовокупляя, что онъ говорилъ объ нихъ Мордвинову, который нашелъ ихъ прекрасными, прибавивъ только, чтобы ихъ не публиковать, причемъ приглашаетъ его къ себѣ утромъ или вечеромъ.

Письмо его же Муравьева, безъ числа, коимъ благодаритъ Лермонтова за стихи, присовокупляя, что они до безконечности нравились всѣмъ, кому онъ ихъ показывалъ, приглашая его съ тѣмъ вмѣстѣ къ себѣ.

Планъ составленный Лермонтовымъ для драмы заимствованный изъ семейнаго быта сельскихъ дворянъ,—написана ли по сему плану драма не извѣстно.

Стихи карандашемъ написанные, съ изображеніемъ предъ друзьями сердца человѣка бывшаго влюбленнымъ и потомъ охладѣвшаго.

Книга на французскомъ языкѣ о лѣчебной силѣ паровъ напечатанная въ 1836 году въ типографіи Плюшара.

Письмо поручика л.-г. московскаго полка Уяковскаго, съ приглашеніемъ бывать у него вмѣстѣ съ Раевскимъ и съ прочими его знакомыми въ понедѣльники по вечерамъ.

Письмо родственника Пожогина, о присылкѣ 25 рублей денегъ.

Письмо Энгельгардта, съ посылкою билета въ Благородное Собраніе и съ приглашеніемъ къ себѣ.

Отрывокъ письма сестры о семейныхъ дѣлахъ.

Письмо Аркадія Столыпина, о семейныхъ же дѣлахъ.

Письмо бабки Лермонтова, Арсеньевой, о прибытіи ея въ Москву.

Письмо ея же, о семейныхъ дѣлахъ.

Письмо ея же, съ приложеніемъ записки отъ г-жи Симановой, о семейныхъ дѣлахъ.

Письмо ея же, о семейныхъ же дѣлахъ.

Письмо ея же, съ увѣдомленіемъ о хозяйствѣ.

Письмо ея же, съ приложеніемъ 2 т. руб. и письма дѣда его Столыпина съ наставленіемъ заниматься поэзіею, и не мечтать, что всѣхъ умнѣе.

Письмо родственника Пожогина, съ увѣдомленіемъ о переходѣ на службу изъ Финляндіи въ Россію.

Письмо прикащика Лермонтова, о хозяйствѣ.

20 февраля 1837-го.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

(Къ стр. 320).

1840 года марта 16 дня, въ присутствіи Военнаго Суда, учрежденнаго при Кавалергардскомъ Ея Величества полку, подсудимый Л.-Гв. Гусарскаго полка Поручикъ Лермонтовъ допрошенъ и показалъ

ВОПРОСЫ.	ОТВѢТЫ.
1. Какъ васъ зовутъ? Сколько отъ роду лѣтъ, какой вѣры, и ежели христіанской, то на исповѣди и у Святаго причастія бывали-ль ежегодно? Сіи вопросы	Зовутъ меня Михаилъ Юрьевъ, сынъ Лермонтовъ, отъ роду имѣю 25 лѣтъ, вѣры грекороссійской, на исповѣди и у Святаго причастія ежегодно бывалъ. Сіи отвѣты
2. Въ службу Его Императорскаго Величества вступили вы котораго года, мѣсяца и откуда уроженецъ? имѣете-ль за собою недвижимое имѣніе и гдѣ оно состоитъ? сочинилъ	Время вступленія моего въ службу Его Императорскаго Величества видно изъ формулярнаго списка. Происхожу изъ дворянскаго званія, уроженецъ Московскій. Недвижимаго имѣнія за мною нѣтъ. писалъ
3. Во время службы какими чинами и гдѣ происходили, на предь сего не бывали-ль вы за что подъ судомъ и по оному, равно и безъ суда въ какихъ штрафахъ и наказаніяхъ?	Службу началъ съ юнкерскаго чина л.-гв. въ Гусарскомъ полку, произведенъ въ корнеты въ семъ же полку, изъ онаго былъ переведенъ въ Нижегородскій Драгунскій полкъ, потомъ л.-гв. Гродненскій и, наконецъ, снова поступилъ л.-гв. въ Гусарскій полкъ, въ коемъ состою нынѣ Поручикомъ. Подъ судомъ не былъ, а безъ суда подвергался штрафу, который значится въ формулярномъ моемъ спискѣ. и къ онымъ

4.

Въ письмѣ вашемъ къ г. Полковому командиру Генералъ-маіору Плаутину о произведенной вами съ г. Барантомъ дуэли, все ли вы справедливо объяснили и утверждаете ли то письмо въ полной силѣ, нынѣ въ присутствіи коммиссіи Военнаго Суда?

Аудиторъ

5.

Въ дополненіе вышесказаннаго письма вы должны объяснить присутствію Военно-Судной Коммиссіи: съ чьего позволенія находились вы въ С.-Петербургѣ 18 числа прошедшаго февраля; кто именно тотъ г. Барантъ, который требовалъ отъ васъ на балѣ у графини Лаваль объясненія, по какому обстоятельству и какого рода объясненія требовалъ отъ васъ г. Барантъ; когда же вы ему въ томъ отказали, то въ какихъ словахъ произнесъ онъ вамъ свой колкій отвѣтъ, а также въ какомъ смыслѣ заключалась и та колкость, которую вы ему возразили; слышалъ ли кто либо изъ бывшихъ на сказанномъ балу лицъ о таковомъ вашемъ разговорѣ съ г. Барантомъ, равно о вызовѣ его и о томъ условіи, по коему вы съ нимъ произвели помянутую дуэль; былъ ли съ вашей стороны при этомъ поединкѣ секундантъ и почему вы тогда же не донесли о семъ происшествіи начальству?

13 класса

Въ письмѣ моемъ о дуэли я все изъяснилъ справедливо, содержаніе коего утверждаю въ полной силѣ въ присутствіи военно-судной коммиссіи.

руку приложилъ

Находился я въ Санктъ-Петербургѣ 18 числа февраля съ позволенія Полковаго командира; г. Эрнстъ Барантъ сынъ французскаго посланника при Дворѣ Его Императорскаго Величества. Обстоятельство по которому онъ требовалъ у меня объясненія состояло въ томъ: правда ли что я будто говорилъ на его счетъ невыгодныя вещи извѣстной ему особѣ, которой онъ мнѣ не назвалъ. Колкости же его и мои, въ нашемъ разговорѣ, заключились въ слѣдующемъ смыслѣ: Когда я на помянутый вопросъ Г-на Баранта сказалъ, что никому неговорилъ о немъ предосудительнаго, то его отвѣтъ выражалъ недовѣрчивость, ибо онъ прибавилъ, что всетаки, если переданныя ему сплетни справедливы, то я поступилъ весьма дурно; на что я отвѣчалъ, что выговоровъ и совѣтовъ непринимаю, и нахожу его поведеніе весьма смѣшнымъ и дерзкимъ.—О нашемъ разговорѣ и о вызовѣ Г-на Баранта, никто изъ бывшихъ на балѣ неслыхалъ сколько мнѣ извѣстно, равно и объ условіяхъ нашихъ; а далѣе происходило то самое, что я показалъ въ вышеупомянутомъ письмѣ. Секундантомъ при нашемъ поединкѣ съ моей стороны былъ отставной по-

ручикъ Л.-гв. Гусарскаго полка Столыпинъ; а не донесъ я о семъ произшествіи начальству единственно по тому, что дуэль неимѣла никакого пагубнаго послѣдствія.

Поручикъ

6.

Въ вышеозначенныхъ отвѣтныхъ пунктахъ самую ли истинную правду вы показали?

Лазаревъ.

Въ вышеозначенныхъ отвѣтныхъ пунктахъ я показалъ самую истинную правду.

Лермонтовъ.

Подпись членовъ комиссіи.

1840 года Марта 29 дня въ присутствіи комиссіи Военнаго Суда, учрежденной при Кавалергардскомъ Ея Величества полку, подсудимый Поручикъ Лермонтовъ, въ послѣдствіе объясненія его 25 числа, сего мѣсяца, прецровожденнаго по командѣ отъ Его Императорскаго Высочества командира корпуса отъ 27 марта за № 149, допрошенъ и показалъ. [Къ стр. 334].

ВОПРОСЫ.	ОТВѢТЫ.
1. Изъ вышеупомянутаго вашего объясненія, Военно-судная коммисія между прочимъ усматриваетъ что вы 22 числа сего мѣсяца содержавшись на Арсенальной Гауптвахтѣ, приглашали къ себѣ чрезъ неслужащаго Дворянина Графа Браницкаго 2-го, Барона Эрнеста де-Баранта, для личныхъ объясненій въ новыхъ неудовольствіяхъ, съ коимъ и видѣлись въ 8 часовъ вечера въ коридорѣ караульнаго дома, куда вышли вы будто за нуждою неспрашивая караульнаго офицера и безъ конвоя, какъ всегда дѣлали до сего; но какъ вамъ должно быть извѣстно правило: что безъ разрѣшенія коменданта и безъ вѣдома караульнаго офицера, никто къ арестованнымъ офицерамъ и вообще къ арестантамъ, недолженъ быть допущенъ,	Пригласилъ я Г-на Баранта ибо слышалъ, что онъ оскорбляется моимъ показаніемъ. Выходилъ я за нуждою безъ конвою съ тѣхъ поръ какъ находился подъ арестомъ, безъ вѣдома караульныхъ офицеровъ полагая что они мнѣ въ томъ откажутъ, и выбирая время когда караульный офицеръ находился на платформѣ. Узналъ я о томъ, что Г-нъ Барантъ говорилъ въ городѣ будто недоволенъ моимъ показаніемъ — отъ родныхъ кои были допущены ко мнѣ съ позволенія коменданта, въ разныя времена. Сносился я съ графомъ Браницкимъ 2-мъ письменно чрезъ своего крѣпостнаго человѣка Андрея Иванова, а живетъ оный на Сергіевской улицѣ въ домѣ Графини Хв[illegible] на квартирѣ родственни[illegible]

о по сему обстоятельству коиссія спрашиваетъ васъ: по какому поводу, вопреки сказаннаго апрещенія, вы рѣшились пригласить г-на Баранта на свиданіе съ имъ въ коридорѣ караульнаго дола? съ котораго времени и по какому уваженію вы могли выходить за нуждою и въ коридоръ езъ конвоя?

Чрезъ кого именно вы узнали, то Баронъ де-Барантъ говоритъ ъ городѣ о несправедливомъ будо вашемъ показаніи, касательно роисходившей, между вами съ имъ дуэли?—Когда и какимъ поредствомъ вы могли письменно носиться съ Графомъ Браницкимъ 2-мъ и просить его, чтобы онъ казалъ г-ну Баранту о вашемъ келаніи съ нимъ видѣться лично, где имѣетъ жительство помянуый Графъ? Наконецъ кто былъ огда караульный офицеръ, безъ ѣдома коего вы имѣли свиданіе ъ Барантомъ? видѣлъ ли кто лио изъ караульныхъ воинскихъ иновъ таковое ваше съ нимъ свиданіе, а если того имъ нельзя было видѣть, то почему именно?

Вопросы сіи.

Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, Графъ Браницкій 2 имѣетъ жительство на Невскомъ проспектѣ въ собственномъ домѣ.

Караульный офицеръ того числа былъ гвардейскаго Экипажа, кто именно не помню.

Видѣлъ ли кто мое свиданіе съ г-мъ Барантомъ сего я незнаю, ибо незамѣтилъ присутствовалъ ли кто нибудь вблизи насъ. Къ симъ отвѣтамъ моимъ подписуюсь Лейбъ гвардіи Гусарскаго полка

2.

Все вышеписанное по истинной ли правдѣ вы показали, а также справидливо ли описано Вами помянутое объясненіе 25 Марта, по чьему требоавнію вы его писали и утверждаете ли оное въ полной силѣ въ присутствіи Военно-Судной комиссіи?

Сочинялъ Аудиторъ

Лазаревъ.

все вышеписанное показалъ по истинной правдѣ; также справедливо мною написано объясненіе 25 Марта, которое отбиралъ отъ меня С.-Петербургскій Плацъ-Маіоръ флигель адъютантъ баронъ Зальцъ; и утверждаю оное въ присудствіи военно-судной комиссіи. Поручикъ Лермонтовъ.

Подпись членовъ комиссіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

Письмо С. А. Раевскаго отъ 8 мая 1860 года къ Ак. Павл. Шанъ-Гирею по поводу отношеній его къ Лермонтову.

(См. біографію стр. 251, примѣчаніе.).

«Соглашаясь на напечатаніе избранныхъ тобою его бумагъ, которыя я берегу, какъ лучшія мои воспоминанія, я считаю необходимымъ къ избранному тобою письму его, писанному ко мнѣ въ Петрозаводскъ, присовокупить мои объясненія. Въ этомъ письмѣ Мишель, между прочимъ, написалъ, что я пострадалъ черезъ него.

«Я всегда былъ убѣжденъ, что Мишель напрасно исключительно себѣ приписываетъ маленькую мою катастрофу въ Петербургѣ въ 1837 году. Объясненія, которыя Михаилъ Юрьевичъ былъ вынужденъ дать своимъ судьямъ, допрашивавшимъ о мнимыхъ соучастникахъ въ появленіи стиховъ на смерть Пушкина,—составлены имъ вовсе не въ томъ тонѣ, чтобы сложить на меня какую нибудь отвѣтственность и во всякое другое время не отозвались бы рѣзко на ходѣ моей службы; но,къ несчастію моему и Мишеля,я былъ тогда въ странныхъ отношеніяхъ къ одному изъ служащихъ лицъ. Понятія юриста, студента Московскаго университета часто вовлекали меня въ несогласія съ окружавшими меня служаками, и я, зная свою полезность, не разъ смѣло просилъ отставки. Мнѣ уступали и я оставался на службѣ при своихъ убѣжденіяхъ; но когда Лермонтовъ произнесъ предъ судомъ мое имя, служаки этимъ воспользовались, аттестовали меня непокорнымъ и ходатайствовали объ отдачѣ меня подъ военный судъ, разсчитывая,вѣроятно, что во время суда я буду усерденъ и покоренъ, а покуда они пріищутъ другаго способнаго человѣка. Къ счастію, ходатайство это не было уважено, а я просто безъ суда переведенъ на службу въ губернію; записываю это для отнятія права упрекать память благороднаго Мишеля. Самые же стихи его были отраженіемъ мнѣній не одного лица, но весьма многихъ, и вотъ какъ они составились. Убійство А. С. Пушкина, такъ глубоко потрясло грамотные слои общества, что почти повсюду аз-

сматривали вопросъ, какъ будетъ наказанъ Дантесъ? И тогда, какъ иные желали, чтобъ иностранецъ, убившій въ поэтѣ часть славы Русскаго народа, былъ, какъ лицо, состоящее на русской службѣ, наказанъ по русскимъ законамъ; другіе предсказывали, что Дантесъ, какъ иностранецъ и аристократъ, остается не наказаннымъ, несмотря на наши законы. Большая половина извѣстной элегіи, въ которой Мишель, послѣ горячаго спора въ нашей квартирѣ, высказалъ свой образъ мыслей, написана имъ была безъ поправокъ, въ нѣсколько минутъ [Мишель почти всегда писалъ безъ поправокъ] и какъ сочиненіе было современно, то и разнеслось очень быстро. Повторяю, мнѣ не въ чемъ обвинять Мишеля. Прощай, желаю поскорѣе видѣть въ печати твой трудъ.

«Всегда преданный

Раевскій».

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

Выписки изъ дѣла о перевозѣ трупа М. Ю. Лермонтова изъ Пятигорска въ Тарханы. (Архивъ Пензенскаго Губернскаго Правленія).

По предписанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ о дозволеніи перевести тѣло умершаго г. Лермонтова изъ Пятигорска въ Чембарскій уѣздъ для погребенія на фамильномъ кладбищѣ.

5 февраля, 1842.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ
КАНЦЕЛЯРІЯ
ОТДѢЛЕНІЕ I.
СТОЛЪ I.
21 января 1842 г.
№ 481.
ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

1) Господину Пензенскому Гражданскому Губернатору.

Государь Императоръ, снисходя на просьбу Помѣщицы Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на перевозъ изъ Пятигорска, тѣла умершаго тамъ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, внука ея Михаила Лермонтова, Пензенской губерніи Чембарскаго уѣзда въ принадлежащее ей село Тарханы, для погребенія на фамильномъ кладбищѣ, съ тѣмъ чтобы помянутое тѣло закупорено было въ свинцовомъ и засмоленномъ гробѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, употребляемыхъ на сей предметъ.

Сдѣлавъ во исполненіе таковой Высочайшей воли надлежащія распоряженія и препровождая къ Вашему Превосходительству конвертъ, для доставленія г. Арсеньевой, я предоставляю Вамъ сдѣлать зависящія отъ васъ по означеному предмету распоряженія во ввѣренной Вамъ Губерніи. Подлинное подписалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Перовскій.

2) Распоряженіе Губернатора Чембарскимъ Городничему и Земскому Исправнику. 9 февраля 1842 г.

3) Рапортъ Чембарскаго Земскаго Исправника съ роспиской вдовы Гвардіи Поручицы Е. А. Арсеньевой.

4) Рапортъ. Чембарскаго Земскаго Исправника, отъ апрѣля 1842 г., «что помѣщицы Ел. Ал. Арсеньевой внука Михаила Лермонтова тѣло изъ Пятигорска привезено въ г. Чембаръ 21 апрѣля и того-жъ числа привезено въ село Тарханы, гдѣ тѣло погребено 23-го числа апрѣля на фамильномъ кладбищѣ въ свинцовомъ ящикѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ употребляемыхъ на сей предметъ предосторожностей».

5) Донесеніе Губернатора (въ дополненіе) г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, 5 мая 1842 г., о томъ же.

6) Донесеніе Губернатора г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, 21 февраля 1842 г., о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго соизволенія.

7) Отношеніе Губернатора къ Пензенскому Архіерею, 9 февраля 1842 г., «для учиненія надлежащихъ распоряженій».

8) Отвѣтъ Архіерея, февраля 1842 г., «что я вчера, вслѣдствіе отношенія г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора по сему же предмету, велѣлъ Консисторіи сдѣлать надлежащее предписаніе Тарханскимъ Священникамъ».

9) Отношеніе Исправляющаго должность Кавказскаго Гражданскаго Губернатора, 10 февраля 1842 г., Пензенскому Гражданскому Губернатору, «чтобы въ провозѣ означеннаго тѣла по ввѣренной Вамъ губерніи до села Тарханы и въ самомъ погребеніи его не было препятствія.

Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что объ учиненіи надлежащаго въ семъ случаѣ по части Духовной распоряженія, г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отнесся къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Сунода».

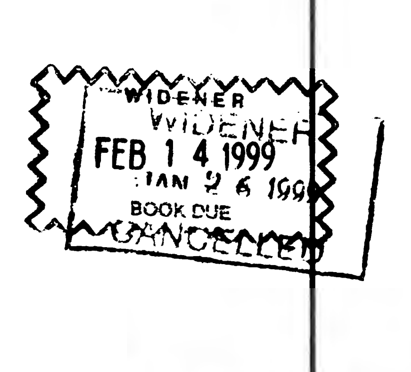
10) Росписка Е. Ав. Арсен. о полученіи конверта за № 483.

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ.

Страница:	строка:	напечатано:	читай:
37	9 снизу	Александръ	Алексѣй
57	16 »	натыкаемся	наталкиваемся
63	17 сверху	улакомали	уломали
179	14 снизу	неба	моря
187	1 »	выше	ниже
262	9 сверху	размѣчалъ	раздавалъ
347	8 »	тонкою	шапкою
352	19 снизу	это	
356	6 »	Лареръ	Лореръ
360	8 сверху	309	307


3 2044 009 672 619

is incur ed


WIDENER
WIDENER
FEB 1 4 1999
BOOK DUE
CANCELLED